РУССКІЙ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

Герберскій—Гогенлоэ.

Изданіе ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Историческаго Общества.

МОСКВА.
Типографія Г. Лисснера и Д. Совко.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. 9.
1916.

Изданъ подъ редакціей Н. П. Чулкова.

Госуд. ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА
36285-46.

1935. К. 1531.

2004126986

Г.

Герберскій, *Викентій (Владиславъ) Даниловичъ* (Wincenty Herburt z Fulsztyna Herberski), надворный совѣтникъ, докторъ медицины, ординарный профессоръ Виленскаго университета, членъ многихъ ученыхъ обществъ, родился въ 1785 (1784) году, умеръ 29 ноября 1826 г. Первоначальное образованіе получилъ въ Слонимской школѣ, а среднее и высшее въ Виленскихъ гимназіи и университетѣ. 5 апрѣля 1804 г. посланъ Виленскимъ университетомъ въ англійскую колонію въ окрестностяхъ Петербурга для изученія практически сельскаго хозяйства и въ Петербургскій Педагогическій институтъ для слушанія лекцій по физикѣ, химіи и сельскому хозяйству. Въ 1806 г. возвратился въ Вильну и сталъ изучать медицину; въ 1808 г. удостоенъ Виленскимъ университетомъ степени кандидата философіи, въ 1811 г. — магистра медицины и въ 1812 г. — доктора медицины за сочиненіе: «Dissertatio inauguralis medicopract. de hydrope specus vertebralis etc.» (Vilnae 1812). Г. съ 1813 по 1824 г. былъ адъюнктомъ медицинской клиники и помощникомъ профессора Франка, въ 1817 г. стараніями Франка былъ отправленъ за границу для изученія офталмологіи; пробывъ за границей 6 лѣтъ и возвратившись въ Вильну въ 1823 г., Г. сталъ преподавать частную терапію и клинику. Въ январѣ 1824 г. назначенъ экстраординарнымъ, а въ ноябрѣ ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ частной терапіи и патологіи на мѣсто Франка и директоромъ клиники по внутреннимъ болѣзнямъ. Кромѣ того Г. лѣчилъ и глазныя болѣзни. На публичныхъ собраніяхъ университета онъ читалъ: 1) «О гошпиталяхъ», 2) «Наука о глазныхъ болѣзняхъ»; эти сочиненія остались въ рукописи. Г. имѣлъ орденъ св. Владиміра 4-й ст.

Змѣевъ, «Словарь русскихъ врачей».—«Kurier Lit.» 1826 г., № 151.—«Wielka Encyklopedya powszechna illustrowana», t. XXVII—XXVIII, 795.

Н. Чулковъ.

Герберштейнъ (Herberstein), баронъ *Сигизмундъ*, писатель о Россіи, родился 23 августа 1486 г. въ Крайнѣ, въ замкѣ Виппахѣ. Отецъ его Леонгардъ Г. былъ потомкомъ извѣстной съ XIV в. дворянской фамиліи, а мать Варвара — дочерью бургграфа Николая Люгера. Еще въ дѣтскомъ возрастѣ мальчикъ сталъ обучаться кромѣ нѣмецкаго и славянскому языку. Когда ему исполнилось семь лѣтъ, мать отдала его на воспитаніе священнику В. Вельцеру при соборной церкви въ Гуркѣ (Каринтія), который, судя по автобіографіи Г., оказалъ на него немалое вліяніе. Спустя два года (1497 г.), Г. уже находился въ Вѣнѣ, въ городской школѣ, и учился подъ руководствомъ Г. Ратценбергера, а въ 1499 г. онъ перешелъ въ Вѣнскій университетъ, который въ царствованіе Максимиліана I пріобрѣлъ европейскую извѣстность. Пробывъ въ университетѣ три года, шестнадцатилѣтній Г. вышелъ оттуда со степенью баккалавра (1502 г.). Служебная дѣятельность Г. началась съ 1506 года, когда онъ участвовалъ въ походѣ противъ венгровъ. Затѣмъ, по заключеніи мира съ венграми, Г. принималъ участіе въ походѣ противъ Венеціи и своими распоряженіями обратилъ на себя вниманіе герцога Эрика Брауншвейгскаго. Но въ это время (1511 г.) умеръ отецъ Сигизмунда, и онъ принужденъ былъ, вернувшись на родину, около двухъ лѣтъ заниматься хозяйственными дѣлами. Съ 1514 года

началась новая эра въ жизни Г. За исполненіе приказанія императора о снабженіи провіантомъ осажденнаго венеціанцами гарнизона крѣпости Марано въ Фріулѣ, Г. былъ посвященъ въ рыцари и съ этого времени состоялъ на службѣ при дворѣ, гдѣ возлагались на него порученія дипломатическаго характера. Спустя два года, Герберштейнъ былъ отправленъ посломъ къ датскому королю Христіану II. Между прочимъ на долю Г. выпала миссія весьма щекотливаго характера: отъ имени императора онъ долженъ былъ передать королю, чтобы онъ, расторгнувъ связь съ Дивеке (дочь содержательницы питейнаго дома), не оскорблялъ чести своей супруги, королевы Изабеллы, внучки императора. Однако молодой дипломатъ сумѣлъ вести переговоры по поводу этого вопроса такъ ловко и умѣло, что своенравный Христіанъ II даже остался доволенъ посломъ. Вслѣдъ за тѣмъ на Г. возложенъ былъ рядъ другихъ дипломатическихъ порученій: въ 1516 г. онъ посѣтилъ Швейцарію, въ 1519—1520 гг. — Францію и Испанію, въ 1521—1522 гг.—Италію, въ 1518 и 1526 гг. онъ дважды посѣтилъ Венгрію; Польшу же и Германію приходилось ему посѣщать очень часто. Наконецъ, два раза Г. пришлось побывать въ Россіи: въ 1517 г. и въ 1526 г. Первое свое путешествіе въ Россію онъ совершилъ при Максимиліанѣ I въ 1517 г., въ то время, когда московскій великій князь велъ войну съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ I. Постоянно преслѣдуя мысль объ образованіи союза противъ турокъ и желая содѣйствовать примиренію великаго князя Московскаго съ польскимъ королемъ, Максимиліанъ I, не смотря на неудачу бывшихъ до этого времени переговоровъ по этому поводу, рѣшилъ отправить новое торжественное посольство. Въ виду медлительности посла, епископа Лайбахскаго Христофора Раубера и просьбъ секретаря польскаго короля о скорѣйшемъ отправленіи посольства, взамѣнъ епископа главнымъ посломъ былъ назначенъ Г. Цѣль этого посольства не ограничивалась переговорами съ великимъ княземъ: оно должно было присутствовать при заключеніи брачнаго договора между польскимъ королемъ и дочерью герцога Миланскаго.

Въ концѣ декабря 1516 г. Г. выѣхалъ изъ Аугсбурга въ сопровожденіи лицъ свиты, среди которыхъ находился московскій гонецъ Григорій Загряжскій (а не Закревскій, какъ ошибочно называетъ его Г.). Въ Вильнѣ Г. былъ встрѣченъ съ большимъ почетомъ и представленъ королю. Здѣсь же онъ посѣтилъ двухъ, взятыхъ въ плѣнъ въ сраженіи при Оршѣ, русскихъ воеводъ и затѣмъ направился въ Москву по среднему, какъ онъ называетъ, пути (черезъ Полоцкъ). Послѣ преодолѣнія большихъ трудностей, 4 апрѣля 1517 г. Г. прибылъ въ Новгородъ. Между прочимъ здѣсь Г. былъ приглашенъ новгородскимъ намѣстникомъ кн. Александромъ Ростовскимъ на пиръ, а новгородскіе купцы получили на память ту самую повозку, на которой онъ пріѣхалъ, и поставили ее въ нѣмецкой церкви. Окрестностей Москвы Г. достигъ 17 апрѣля. Великій князь навстрѣчу посольству послалъ въ подарокъ двухъ иноходцевъ, для самого Г. и его племянника, ѣхавшаго съ нимъ. Въ тотъ же день назначили «15 дѣтей боярскихъ и 30 конюховъ ѣздить къ послу». Навстрѣчу высланъ былъ Хлуденевъ. Послѣдній строго слѣдилъ, дабы не умалить значенія русскаго государя и произвести встрѣчу «по чину». Отговариваясь усталостью, Г. убѣждалъ Хлуденева произвести церемоніалъ, сидя на лошадяхъ, но Хлуденевъ отвѣтилъ, что «государевыхъ словъ нельзя ни произносить, ни слушать иначе, какъ стоя». Тутъ же произошелъ рядъ недоразумѣній въ родѣ того, кому первому слѣзать съ лошади. Въ самую Москву Г. въѣхалъ 18-го апрѣля и помѣстился въ домѣ кн. Петра Ряполовскаго. За нимъ учредили строгій надзоръ, какой вообще учреждался за послами въ Московской Руси. 21 апрѣля было назначено представленіе великому князю. Герберштейна ввели въ *избу*, въ которой на тронѣ сидѣлъ великій князь съ двумя своими братьями по бокамъ. Г. произнесъ рѣчь, въ которой прославлялъ своего государя и въ заключеніе указалъ цѣль, ради которой онъ присланъ въ Москву: «напомнить вашей наиясности, что миръ будетъ служить прежде всего къ чести Вседержителя Бога и Его непорочной Матери, къ пользамъ всего христіанства; напомнить,

сколько выгодъ земля и люди твои получатъ отъ мира, сколько зла отъ войны, напомнить, какъ сомнительны *бранные случаи*». Послѣ этой рѣчи великій князь пригласилъ Г. къ обѣду. 22 апрѣля начались переговоры между посломъ и боярами. Кромѣ бояръ Михаила Юрьева и Григорія Ѳедоровича, назначенныхъ для большей торжественности собранія, великій князь повелѣлъ принять участіе въ совѣщаніи казначею Юрію Малому, тверскому дворецкому Поджогину и дьякамъ: Путятину, Трифону Ильину и Телешову. Прежде всего бояре должны были дать отвѣтъ на рѣчь Г. и выразить готовность великаго князя заключить миръ съ польскимъ королемъ, если онъ пришлетъ своихъословъ. Г. заявилъ, что императоръ ему далъ наказъ уговорить великаго князя и короля къ отправленіюословъ на пограничный съѣздъ. Но Василій III не согласился на подобныя условія, несмотря на всевозможныя старанія Г. «Прежнихъ намъ своихъ обычаевъ не рушити», отвѣчали ему. Чтобы убѣдить короля прислатьословъ въ Москву, Г. дважды посылалъ своего племянника Ганса фонъ-Турна въ Польшу. При вторичной поѣздкѣ Турна король согласился отправитьословъ въ Москву, но одновременно открылъ военныя дѣйствія противъ русскихъ. Поэтому Василій Іоанновичъ принялъ польскихъ словъ только въ концѣ октября, когда получилъ извѣстіе о пораженіи литовскихъ войскъ. Переговоры съ послами польскаго короля начались 1-го ноября, но ни къ чему не привели. 19-го ноября Г. былъ отпущенъ, при чемъ награжденъ подарками. 22-го онъ выѣхалъ изъ Москвы. По свидѣтельству самого Г. путешествіе его въ Москву послужило къ его славѣ: появились, напр., стихи, въ которыхъ онъ упоминался какъ знаменитый путешественникъ, его же разсказами о Россіи заинтересовались какъ самъ императоръ, такъ и извѣстный Ульрихъ фонъ-Гуттенъ.

Послѣ смерти Максимиліана I представители австрійскихъ провинцій, собравшіеся на сеймъ въ Брюкѣ, рѣшили отправить посольство къ внуку его, королю испанскому Карлу, чтобы изложить ему свои нужды; въ числѣ депутатовъ былъ и Г., какъ представитель Штиріи. Когда же Карлъ V короновался, Г. былъ призванъ въ Вормсъ, и ему было поручено заняться дѣломъ о промѣнѣ нѣкоторыхъ императорскихъ и частныхъ земель въ Австріи. Въ это же время Г. былъ назначенъ членомъ высшаго государственнаго суда и ландратомъ Штиріи. За услуги, оказанныя отечеству какъ самимъ Г., такъ и его братьями, по повелѣнію Карла V къ фамильному гербу Герберштейновъ были прибавлены нѣкоторые знаки и среди нихъ изображеніе великаго князя Московскаго. Въ 1525 г. Карлъ V, вмѣстѣ со своимъ братомъ эрцгерцогомъ Фердинандомъ, отправилъ посольство въ Москву. Въ этомъ посольствѣ представителемъ императора былъ назначенъ графъ Нугарола, а представителемъ эрцгерцога—Герберштейнъ. Цѣль этого второго посольства была та же: содѣйствовать заключенію мира между великимъ княземъ и польскимъ королемъ. Съѣздивъ предварительно къ венгерскому королю съ цѣлью просить его содѣйствія въ переговорахъ съ польскимъ королемъ, Г. выѣхалъ изъ Вѣны 12-го января 1526 г. 2-го февраля послы прибыли въ Краковъ, но на этотъ разъ имъ не было оказано прежнихъ почестей, такъ какъ императоръ не предупредилъ короля о намѣреніи способствовать заключенію мира съ московскимъ великимъ княземъ. На заявленіе словъ о необходимости уступить Москвѣ Смоленскъ, король отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ. Тѣмъ не менѣе онъ не отвергъ ихъ посредничества, и 14-го февраля Г. выѣхалъ изъ Кракова въ Москву, куда и прибылъ 26-го апрѣля. По представленіи великому князю (1-го мая), на первомъ собраніи положено было, чтобы послы цезаря отправили людей къ польскому королю съ просьбой прислать словъ для совѣщанія о мирѣ. Не дождавшись польскихъ словъ, великій князь поѣхалъ въ концѣ сентября на охоту за зайцами въ Можайскъ, на которую пригласилъ и австрійское посольство. Г. подробно описалъ эту охоту въ своихъ «Запискахъ». Польскіе послы пріѣхали только во второй половинѣ октября. Въ общемъ переговоры, несмотря на неуступчивость сторонъ, не были совершенно безплодными. Принято было рѣшеніе продол-

жить перемиріе на 6 лѣтъ (5 ноября). 11 ноября Г. былъ отпущенъ, какъ и въ первый разъ, съ подарками: онъ получилъ кафтанъ съ большимъ соболь-имъ воротникомъ, подбитый соболемъ съ голубыми разводами, бѣлую шапку, окаймленную краснымъ сукномъ и мѣхомъ, и сапоги. Кромѣ того великій князь пожаловалъ посламъ 42 собольихъ мѣха, 300 горностаевыхъ и 1500 бѣличьихъ. За время второго посольства Г. пополнилъ собранные имъ раньше матеріалы касательно Россіи, согласно полученной отъ Фердинанда особой инструкціи по изученію вопроса о религіи русскихъ и обрядовой ея сторонѣ. 13-го февраля 1527 г. Г. прибылъ въ Прагу, гдѣ находился Фердинандъ, который, выслушавъ донесеніе о переговорахъ, благодарилъ Г. за все, что имъ сдѣлано.

Съ 1527 г. по 1556 г. Герберштейнъ часто ѣздилъ и въ Венгрію и въ Польшу, исполняя важныя дипломатическія порученія Фердинанда во время его борьбы за Венгрію. Отъ его имени, между прочимъ, Г. нѣсколько разъ велъ переговоры о мирѣ съ уполномоченными Іоанна Заполіи. Затѣмъ во время переговоровъ Фердинанда съ Солиманомъ, Г., подвергаясь большимъ опасностямъ для жизни, отправился въ турецкій лагерь. Результатомъ этихъ переговоровъ было перемиріе. Онъ же сопровождалъ въ Польшу двухъ дочерей Фердинанда, Елизавету и Екатерину, на которыхъ послѣдовательно былъ женатъ король Сигизмундъ-Августъ. Государственная дѣятельность Г. не ограничивалась дипломатическими дѣлами. Еще въ 1527 г. онъ былъ назначенъ членомъ Нижнеавстрійской камеры, затѣмъ въ 1537 г. — членомъ военнаго совѣта, въ 1539 г. — президентомъ Нижнеавстрійской камеры. Въ 1531 г. Г. получилъ баронское достоинство, подтвержденное въ 1537 г. Въ 1556 г. онъ получилъ званіе наслѣдственнаго камергера (Erbkämmerer) Австріи и наслѣдственнаго маршала (Erbdruchsess) Каринтіи. Кромѣ того, состоялъ начальникомъ австрійскаго государственнаго казначейства. Умеръ Г. въ Вѣнѣ 28 марта 1566 г., 80 лѣтъ отъ роду. На надгробномъ памятникѣ, поставленномъ надъ его могилой у церкви св. Михаила, была вырѣзана по приказанію эрцгерцога Карла Штирійскаго слѣдующая надпись въ стихахъ: «Здѣсь покоится прахъ барона Сигизмунда фонъ-Герберштейна, котораго слава навсегда пребудетъ незабвенною въ памяти монарховъ и всѣхъ подданныхъ. Онъ былъ вѣрнымъ слугой и совѣтникомъ четырехъ государей, оказавъ доблестныя услуги отечеству, отчего получилъ много почета и милостей». Г. былъ женатъ (съ 1522 г.) на Еленѣ фонъ Заурау, умершей въ 1575 г.; бракъ этотъ былъ бездѣтенъ.

Одаренный живымъ, проницательнымъ умомъ, большою памятью, наблюдательностью и впечатлительностью, Г. хорошо зналъ людей и умѣлъ примѣняться къ понятіямъ и требованіямъ того общества, среди котораго ему приходилось вращаться. Кромѣ того, онъ отличался спокойствіемъ и проницательностью. Кромѣ нѣмецкаго языка Г. зналъ латинскій и понималъ славянскую рѣчь. Онъ хорошо былъ знакомъ съ современной ему литературой и состояніемъ тѣхъ государствъ, съ которыми находился въ дѣловыхъ сношеніяхъ. По его «Запискамъ» можно судить о его обширномъ для того времени, знакомствѣ съ естественными науками. А способность быстро собирать нужныя свѣдѣнія и обращать главное вниманіе на существенное дала возможность знаменитому дипломату занять почетное мѣсто среди образованныхъ путешественниковъ. Будучи человѣкомъ глубоко религіознымъ, Г. чуждъ былъ, однако, религіозной нетерпимости. Не имѣлъ также онъ узкаго національнаго пристрастія.

Всѣ литературные труды Герберштейна можно разбить на слѣдующіе отдѣлы: 1) Записки о Московіи, 2) автобіографія, 3) сочиненія, въ которыхъ говорится о нѣкоторыхъ событіяхъ и лицахъ, современныхъ автору, 4) письма и донесенія, 5) родословная таблица австрійскихъ, польскихъ и московскихъ государей и 6) сочиненія, посвященныя обозрѣнію служебной дѣятельности родственниковъ Г. Для насъ имѣютъ значеніе «Записки о Московіи» (Rerum Moscoviticarum Commentarii).

Большая часть фактическихъ данныхъ въ «Запискахъ» Герберштейна добыта авторомъ вполнѣ самостоятельно. Также результатомъ его личныхъ наблюденій являются замѣчанія о состоя-

ніи Московскаго государства и о характерѣ русскаго народа, хотя нельзя отрицать, что другіе иностранные писатели о Россіи оказывали вліяніе на него, хотя бы при сопоставленіи разнорѣчивыхъ данныхъ. Для составленія «Записокъ» Г. не только пользовался бесѣдами съ опытными и знающими людьми, но и самъ предпринималъ поиски, иногда сопровождавшіеся большими затрудненіями. Какъ человѣкъ, задавшійся серьезной научной цѣлью, Г. не ограничивался только собираніемъ свѣдѣній о состояніи Московской Руси, онъ основательно изучилъ ея исторію по письменнымъ памятникамъ. Очеркъ Руси съ древнѣйшихъ временъ былъ имъ составленъ по лѣтописямъ, и отсюда же извлекъ онъ любопытныя извѣстія о татарахъ и представилъ въ переводѣ нѣсколько замѣчательныхъ памятниковъ русской письменности, для изученія которыхъ его трудъ имѣетъ важное значеніе, такъ какъ въ его переводѣ встрѣчаются замѣчательныя объясненія словъ (хотя, правда, и не всегда точныя) и выраженій древне-русскаго языка, а также и потому, что съ содержаніемъ нѣкоторыхъ памятниковъ, не дошедшихъ до насъ ни въ подлинникахъ, ни въ спискахъ, мы знакомы только по тѣмъ выпискамъ, которыя имѣются у Г. Кромѣ того, переводъ на латинскій и нѣмецкій языки древнихъ русскихъ памятниковъ какъ литературныхъ, такъ и юридическихъ, составляетъ одну изъ характеристическихъ особенностей произведенія Г. въ ряду иностранныхъ сочиненій о Россіи XVI и XVII вѣковъ. Въ своемъ переводѣ древнихъ русскихъ памятниковъ Г., главнымъ образомъ, руководствовался ихъ историческимъ значеніемъ. Такъ напр. чинъ вѣнчанія на царство Дмитрія, внука Іоанна III, имъ переведенъ какъ явленіе новаго порядка вещей, какъ выраженіе новой идеи о верховной власти московскаго государя. Затѣмъ посланіе митрополита Іоанна II къ папѣ Клименту III (XI вѣка) было отмѣчено Г. какъ явленіе любопытное въ эпоху борьбы Генриха IV съ Григоріемъ VII, а «Дорожникъ» (оригиналъ его не дошелъ до насъ), переведенный Г., заключалъ въ себѣ совершенно новыя географическія свѣдѣнія о странахъ, до тѣхъ поръ неизвѣстныхъ Западной Европѣ. Оригиналъ переведеннаго имъ судебника Іоанна III найденъ былъ только въ 1817 г. Но несмотря на то, что Г., «недовольствуясь свидѣтельствомъ одного или двухъ лицъ, полагался на мнѣніе многихъ», какъ это самъ онъ говоритъ, и что нерѣдко извѣстія сомнительнаго достоинства приводились имъ почти всегда вмѣстѣ съ указаніемъ источниковъ, откуда они почерпнуты, не всегда онъ оставался вѣренъ своимъ критическимъ пріемамъ, и въ его сочиненіяхъ встрѣчаются и неточности, и ошибки, и даже такія извѣстія, которыя въ немъ самомъ, повидимому, должны были бы возбудить сомнѣнія. Затѣмъ взглядъ Г. на отношеніе русскаго народа къ государю и на самый русскій народъ слишкомъ односторонень, подъ вліяніемъ чего и нѣкоторыя частныя явленія русской жизни объяснены имъ невѣрно. Но этотъ недостатокъ автора «Записокъ» надо отнести на счетъ эпохи, когда въ пріемы изученія не вкладывали твердыхъ научныхъ основаній. Вообще же по богатству географическихъ, этнографическихъ и историческихъ данныхъ и ихъ достовѣрности, по мѣткимъ замѣчаніямъ объ особенностяхъ русскаго населенія въ различныхъ областяхъ Московскаго государства и инородческихъ племенъ, вошедшихъ въ составъ его, трудъ Г., какъ источникъ для русской исторіи, безспорно занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ между иностранными сочиненіями о Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ. Профессоръ Замысловскій, говоря о значеніи «Записокъ о Московіи», приходитъ къ выводу, что «съ ними не можетъ выдержать сравненія ни одно изъ иностранныхъ сочиненій о Московской Руси, такъ какъ эти записки являются первымъ полнымъ сводомъ обстоятельныхъ и болѣе или менѣе достовѣрныхъ извѣстій о Восточной Европѣ, собранныхъ человѣкомъ, изучавшимъ не только географію и исторію Россіи, но и судьбу племенъ, имѣвшихъ ближайшее къ ней отношеніе». Для составленія географическаго обозрѣнія Московской Руси и странъ, съ ней соприкасающихся, Герберштейнъ пользовался не тольк освидѣтельствами и разсказами русскихъ купцовъ и отдѣльныхъ лицъ, какъ напр. толмача

Григорія Истомы и др., но и письменными источниками. Но цѣня по достоинству получаемыя географическія извѣстія отъ русскихъ людей, онъ по возможности старался провѣрять ихъ, что, конечно, не застраховывало его, несмотря на тщательность и осторожность въ собираніи матеріаловъ, отъ невѣрныхъ, а иногда и совершенно невѣроятныхъ сообщеній. Въ заслугу Г. нужно поставить то, что онъ первый изъ иностранныхъ писателей о Россіи понялъ необходимость употребленія русскихъ словъ для названія мѣстностей, рѣкъ и т. п. Не меньшая, конечно, заслуга Г. заключалась въ извлеченіи наиболѣе важныхъ географическихъ данныхъ изъ той массы извѣстій, переданныхъ ему русскими людьми и почерпнутыхъ имъ изъ различныхъ историческихъ памятниковъ, и въ составленіи такого географическаго описанія Московскаго государства и прилегающихъ областей, въ которомъ было помѣщено все наиболѣе существенное, насколько это возможно было сдѣлать одному лицу въ такомъ серьезномъ и отвѣтственномъ трудѣ. «Записки» Г. имѣютъ большое значеніе и съ точки зрѣнія историко-зоологической; особенной извѣстностью пользуются данныя Г. описанія зубра и буйвола. Что же касается описанія Г. прямо-таки невѣроятныхъ событій и мѣстностей, то, по мнѣнію Карамзина, который составилъ 4-ю главу VII тома своей «Исторіи» почти на основаніи однихъ извѣстій Г., сами московскіе жители распространяли тогда такія невѣроятности, которыя Г., не будучи въ состояніи ихъ провѣрить, принималъ иногда за чистую монету.

Краткое содержаніе «Записокъ» Герберштейна слѣдующее: послѣ посвященія Фердинанду и обращенія къ читателю, авторъ описываетъ исторію Россіи со времени призванія князей и здѣсь, между прочимъ, упоминаетъ Гостомысла. Затѣмъ приводитъ описаніе обряда вѣнчанія князя на царство и родословныя литовскихъ князей и польскихъ королей. Наиболѣе же замѣчательны извѣстія его о княженіи Іоанна III и Василія III. Здѣсь авторъ подробно перечисляетъ не только политическія событія этой эпохи, но и много различныхъ случаевъ изъ домашней жизни русскихъ князей. Довольно обширно изложены также послѣднія событія у Казанскихъ, Нагайскихъ, Заволжскихъ и Астраханскихъ татаръ. Отъ исторіи Г. переходитъ къ внутренней жизни Московіи. Въ этомъ отдѣлѣ авторъ довольно подробно говоритъ о религіи славянъ, о бракѣ и положеніи русской женщины, о старинныхъ одеждахъ, объ обычаяхъ при пріемѣ гостей, затѣмъ о войскѣ, торговлѣ и монетѣ, о законахъ и пр. Но наибольшая часть «Записокъ» Г. пала на «хорографію» Московскаго государства. Отдѣлъ этотъ представляетъ весьма обстоятельное географическое описаніе и заключаетъ въ себѣ замѣчательныя свѣдѣнія о русскихъ городахъ, между прочимъ и самое обстоятельное изъ сдѣланныхъ иностранцами описаніе Москвы. Въ концѣ авторъ разсказываетъ о пріемѣ и обхожденіи съ послами и приводитъ перечень всѣхъ населенныхъ мѣстъ, черезъ которыя онъ проѣзжалъ.

Къ «Запискамъ» Г. приложены древнѣйшій изъ извѣстныхъ плановъ г. Москвы, не соотвѣтствующій однако дѣйствительности по архитектурѣ изображенныхъ на немъ зданій и расположенію ихъ, и карты Московскаго государства. Еще въ 1546 г., до выхода въ свѣтъ «Записокъ», Г. издалъ карту Московіи, гравированную на мѣди въ форматѣ большого листа граверомъ А. Гиршфогелемъ, выгравировавшимъ въ 1547 г. также портретъ Василія Іоанновича. Извѣстны только два оттиска этой карты — въ Вѣнской Придворной библіотекѣ и Британскомъ музеѣ. Въ 1548 г. Гиршфогелемъ выгравирована копія съ этой карты, съ изображеніями великаго князя Василія Іоанновича и другихъ европейскихъ государей. Для перваго изданія «Записокъ» онъ выгравировалъ на мѣди по картѣ 1546 г. другую карту Московіи, въ 4 раза меньшаго формата. Она приложена и къ другимъ изданіямъ «Записокъ», болѣе или менѣе видоизмѣненная. Къ базельскому латинскому изданію 1556 г. приложена еще другая карта Московіи, собственно копія первой карты, но вся въ лѣсахъ, съ рамой изъ разныхъ изображеній. Копіи съ нея приложены и къ нѣкоторымъ другимъ изданіямъ «Записокъ».

Трудъ Герберштейна возбудилъ необыкновенный интересъ въ Западной Европѣ въ XVI вѣкѣ и выдержалъ въ это время 13 изданій: шесть на латинскомъ языкѣ (4—въ Базелѣ, и по одному въ Вѣнѣ и Антверпенѣ), пять на нѣмецкомъ языкѣ (по два во Франкфуртѣ и Базелѣ и одно въ Вѣнѣ) и два на итальянскомъ языкѣ (въ Венеціи). Первое латинское изданіе вышло въ Вѣнѣ въ 1549 г. (къ нему приложены два рисунка съ изображеніемъ московскихъ одеждъ), второе — въ Базелѣ, въ 1551 г., съ приложеніемъ портрета Василія Іоанновича, и третье — тамъ же въ 1556 г. (всѣ три in-folio), четвертое — въ Антверпенѣ въ 1557 г. (8°). Роскошный экземпляръ перваго изданія съ раскрашенными рисунками и картой хранится въ Вѣнской библіотекѣ. Къ лучшимъ и наиболѣе полнымъ нужно отнести базельское изданіе на латинскомъ языкѣ 1556 г. (къ нему приложены карта лѣсовъ Россіи, планъ Москвы и изображеніе буйвола и зубра) и на нѣмецкомъ въ Вѣнѣ, въ 1567 г. Въ базельскомъ изданіи на латинскомъ языкѣ 1571 г. къ «Запискамъ» приложены еще: сочиненіе о греческой вѣрѣ и извѣстія о войнахъ Россіи съ сосѣдними народами: поляками, литовцами, шведами, лифляндцами и др. Записки Г. въ этомъ изданіи озаглавлены такъ: «Rerum Moscoviticarum Commentarii Sigismundi Liberi Baronis in Herberstain, Neyperg et Guettenhag: Russiae, et quae nunc eius metropolis est, Moscoviae, brevissima descriptio. Chorographia denique totius imperii Moscici, et vicinorum quorundam mentio. De religione quoque varia inserta sunt, et quae nostra cum religione non conveniunt. Quis denique modus excipiendi et tractandi Oratores disseritur. Itineraria quoque duo in Moscoviam sunt adiuncta. Ad haec non solum novae aliquot Tabulae, sed multa etiam alia nunc demum ab ipso autore adiecta sunt: quae si sui cum prima editione conferre libeat, facile deprehendet». Первый нѣмецкій переводъ былъ сдѣланъ самимъ авторомъ «для нѣмцевъ, которые не знаютъ по-латыни, но желаютъ основательно ознакомиться съ этимъ предметомъ» и напечатанъ въ Вѣнѣ въ 1557 г. Это, по словамъ А. І. Малеина, собственно не переводъ латинскаго текста, а вольный пересказъ его, причемъ авторъ значительно расширилъ нѣкоторыя бытовыя подробности преимущественно изъ родной исторіи и жизни, опустивъ многія дипломатическія и политическія детали, менѣе интересныя для обыкновеннаго читателя. Онъ написанъ древнимъ австрійскимъ нарѣчіемъ. Экземпляръ этого изданія имѣется въ Румянцовской библіотекѣ; онъ принадлежалъ нѣкогда семейству Герберштейновъ. Въ немъ имѣется портретъ Г. 61 года отъ роду и 6 изображеній автора въ различныхъ торжественныхъ одѣяніяхъ. Точный нѣмецкій переводъ Генриха Панталеона былъ напечатанъ въ Базелѣ 1563 г. Онъ нѣсколько разъ переиздавался. Этотъ переводъ (по изданію 1567 г.) по приказанію Екатерины II былъ перепечатанъ въ Петербургѣ въ 1795 г., но карты и рисунки были готовы только въ 1804 г. Въ общемъ всѣхъ изданій «Записокъ» насчитываютъ около 35. Большимъ собраніемъ латинскихъ (въ томъ числѣ и первымъ) и нѣмецкихъ изданій «Записокъ» Г., а также другихъ его сочиненій, обладаетъ Императорская Публичная Библіотека.

На русскій языкъ впервые «Записки» Г. были переведены старшимъ переводчикомъ Академіи Наукъ Киріякомъ Кондратовичемъ въ 1748 г. Между прочимъ, въ своемъ донесеніи Академіи, онъ просилъ эту книгу хранить въ сокровенномъ мѣстѣ «ради многихъ содержащихся въ оной секретовъ». Переводъ этотъ находится въ Академіи въ рукописи. Изъ другихъ переводовъ «Записокъ» на русскій языкъ — одинъ начатъ былъ Рѣдкинымъ (предназначался къ печатанію въ изданіи Общ. Ист. и Др. Росс.), другой опубликованъ С. В. Руссовымъ въ «Воспоминаніяхъ на 1832 г.» (кн. 2—12); потомъ слѣдуетъ переводъ въ «Библіотекѣ иностранныхъ писателей о Россіи», т. II, отд. I, 1847 г. (помѣщено только начало); въ «Сборникѣ, издаваемомъ студентами С.-Пб. ун-та», вып. I (С.-Пб. 1857 г.), вып. II (С.-Пб. 1860 г.) и вып. III (С.-Пб. 1866 г., не былъ дозволенъ къ выходу), напечатанъ неполный переводъ Анонимова, подъ заглавіемъ: «Записки о московскомъ бытѣ» (сводный по нѣсколькимъ изданіямъ, съ латинскимъ текстомъ); наконецъ, переводъ И. Н. Анонимова,

съ базельскаго изд. 1556 г., начатый въ «Сборникѣ», вышелъ въ Петербургѣ въ 1866 г. Отрывки «Записокъ» были напечатаны въ «Вѣстникѣ Европы» 1813 г., «Благонамѣренномъ» 1824 г., «Сынѣ Отечества» 1832 г. и «Рязанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1844 г. Полный перечень и подробное описаніе всѣхъ замѣчательныхъ изданій сдѣланы А. Тихменевымъ въ первомъ выпускѣ Сборника, изд. студ. С.-Пб. ун-та. Послѣднее, самое полное и лучшее, изданіе «Записокъ» (А. С. Суворина), въ переводѣ А. І. Малеина, вышло въ Петербургѣ въ 1908 г. Переводъ этотъ сдѣланъ по базельскому изданію 1556 г.; въ приложеніи переводчикъ даетъ: 1) дополненіе къ разсказу Г., имѣющееся въ нѣмецкихъ переводахъ Панталеона, по базельскимъ изданіямъ 1563 и 1567 гг., и 2) сличеніе латинскаго текста «Записокъ» Г. съ его собственнымъ нѣмецкимъ переводомъ, вышедшимъ въ Вѣнѣ въ 1557 г. Отрывки изъ сочиненія Г. о Россіи были переведены въ XVI и XVII столѣтіяхъ на чешскій и голландскій языки, и оно было извѣстно многимъ иностраннымъ писателямъ, начиная со второй половины XVI столѣтія. Вообще «Записки о Московіи» служили важнымъ источникомъ для послѣдующихъ трудовъ о Россіи. Такъ напр. описаніе Россіи въ космографіи, относящейся, какъ полагаютъ, къ концу XVI или началу XVII ст. и извѣстное по русскимъ лѣтописямъ XVII вѣка, исключительно составлено по «Запискамъ» Герберштейна.

Очень обстоятельный и подробный разборъ «Записокъ» Герберштейна съ точки зрѣнія географіи, сдѣланъ профессоромъ Замысловскимъ въ его трудѣ: «Г. и его историко-географическія извѣстія о Россіи», С.-Пб. 1884 г. Менѣе цѣненъ трудъ А. Ерюхина: «Историко-географическія извѣстія о Сѣверѣ Московскаго государства въ XVI столѣтіи, заключающіяся въ Запискахъ о Московіи Герберштейна» («Труды Архангельскаго губ. статистич. комитета» за 1890 г.). Въ трудѣ В. Кордта: «Матеріалы по исторіи русской картографіи» (вып. 1, Кіевъ 1899), находится обстоятельный разборъ картъ, приложенныхъ къ «Запискамъ» Герберштейна. Описаніе портретовъ великаго князя Василія Іоанновича и самого Герберштейна, а также другихъ изображеній, относящихся къ Россіи, въ «Запискахъ», даетъ Н. П. Собко въ трудѣ «Древнія изображенія русскихъ царей и ихъ посольствъ за границу, въ старыхъ и новыхъ гравюрахъ» («Сборникъ Археологическаго Института», т. V, С.-Пб. 1881). Въ примѣчаніяхъ Собко дѣлаетъ обзоръ картъ Московіи и плана Москвы, приложенныхъ къ различнымъ изданіямъ «Записокъ», и даетъ біографическія свѣдѣнія о самомъ Герберштейнѣ.

«Fontes rerum Austriacarum», т. I (автобіографія Г.); «Das Familienbuch Sigismunds v. H.» («Archiv f. oester. Geschichte», т. 39); «Siegmund Freiherr von Herberstein mit besonderer Rucksicht auf seine Reisen geschildert von Friedrich Adelung», S.-Pbg. 1818; Лобойко, «О важнѣйшихъ изданіяхъ Г. съ критическ. обозр. ихъ содерж.», С.-Пб. 1818; F. Adelung, «Kritisch-literarische Uebersicht der Reisenden in Russland», S.-Pbg. und Leipzig. 1846; Г. Н. Геннади, «Дополненіе къ обзору иностранныхъ путешественниковъ по Россіи Аделунга. I. Записки Герберштейна на русскомъ» («Временникъ Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс.», 1855 г., кн. 23); «Сборн., изд. студ. С.-Пб. ун-та», 1857, вып. 1. (И. И. Корелкинъ, Григоровичъ и И. Новиковъ, «Сигизмундъ баронъ Г., его жизнь и значеніе какъ писателя о Россіи»; А. Тихменевъ, «Записки о Московскомъ бытѣ. Соч. Сигизмунда барона Г.»); «Сборникъ 2-го отдѣл. Акад. Наукъ», т. I, прот. XXXI—XXXII; Dr. F. Krones, «Sigism. v. H.» («Mittheilungen d. histor. Vereins f. Steiermark», 1871, тетр. 19); Замысловскій, «Г. и его сочиненіе о Россіи» («Др. и Нов. Рос.» 1875, № 9, 10, 12); Его же, «Географ. извѣстія Г. о Моск. Руси» (ib. 1876, № 10—12); Замысловскій, «Г. и его историко-географическія извѣстія о Россіи». С.-Пб. 1884; Карамзинъ, «Истор. гос. Рос.», изд. 1844 г., т. I, пр., 4, 73, 91, 105, 274, 278, 302, 458, 463, 506, т. II, пр., 221, 415, т. III, пр. 128, т. IV, пр. 4, 250, 323, 359, 363, т. V, пр. 125, 135, 176, 256, 373, т. VI, пр., 14, 131, 172, 447, 448, 463, 464, 483, 490, 545, 547, г. VII, стр. 52, 55, 56, 87, 110, 120, 121, 123, пр. 1, 3, 6, 10, 12, 26, 114, 116, 119—122, 219—221, 228, 250—254, 267—269, 384—393, 395—399, 412—414, т. VIII, пр. 4, 12, 68, 70, т. IX, пр. 440, 561, 634, 803, т. X пр 347, т. XI, пр. 116; В. Иконниковъ, «Опытъ русск. исторіографіи», т. II, К. 1908; «Пам. диплом. сношен. древн. Рос. съ держ. иностр.», изд. Имп. Русск. Ист. общ., 1882 г., т. I; Барсуковъ, «Жизнь и труды Погодина», т. II, стр. 404, т. V, стр. 392; «Зап. И. Акад. Наукъ», 1863 т. IV, кн. I, стр. 98—100; «Ист. Вѣст.» 1882, т. VII, стр. 723, 724, 1884 т. XV, стр. 617, 1885, т. XIX, стр. 184—190, 1887, ноябрь, прил., стр. 17, 1898 г., т. LXXI, стр. 268, 1899, т. LXXV, стр. 298, 686, т. LXXVI, стр. 692; «Р. Старина» 1887, т. 54, стр. 26, 29, 30—34; «Полн. собр. русск. лѣтописей», т. VI, стр. 258—260, т. VIII, стр. 260—261, 263,

271; «Акты Историческіе», т. I, стр. 149—150.; С. Р. Минцловъ, «Обзоръ записокъ... к путешествій, относящихся къ Исторіи Россіи», вып. 1; «Bibliothèque Impériale Publique de St.-Pétersbourg. Catalogue de la section des Russica», t. I, S.-Pbg. 1873; «Древнерусская картографія», вып. 1. Москва 1898; В. Кордтъ, «Матеріалы по исторіи русской картографіи», вып. 1. Кіевъ 1899; «Сборникъ Археологическаго Института», т. V. С.-Пб. 1881 (Н. П. Собко, «Древнія изображенія русскихъ царей и ихъ посольствъ за границу», стр. 254—269, 280—282, 305—316, 336—353, 376—397).

А. Е. Ельницкій.

Герберъ (Gärber), *Іоаннъ Густавъ*, родомъ изъ Бранденбурга, поступилъ на русскую службу 1 янв. 1710 г. артиллеріи поручикомъ, 8 марта 1715 г. произведенъ въ капитаны, а 11 октября 1721 г. въ маіоры; проявилъ свои знанія въ Шведскую войну. Петръ Великій, чтобы обезопасить границы Россіи со стороны Персіи, приказалъ перевести часть артиллеріи изъ Москвы въ Астрахань водой, что было поручено Герберу, который отправился туда весной 1722 г., а затѣмъ остался тамъ при арміи (до 1729 г.). Въ 1727 г. онъ былъ въ Грузіи въ числѣ комиссаровъ, которые заключили пограничный договоръ съ Турціей. По возвращеніи въ 1729 г. въ Москву, Г. былъ произведенъ 23 декабря въ полковники и назначенъ членомъ Главной Артиллерійской канцеляріи въ С.-Петербургѣ, гдѣ былъ до 1731 г. Въ маѣ того же года былъ назначенъ главнымъ начальникомъ тайной экспедиціи въ Хиву и Бухару для открытія съ ними торговли. Г. долженъ былъ ѣхать подъ видомъ купца во главѣ большого каравана, а при случаѣ выдавать себя за посланника. Но предпріятіе это окончилось полной неудачей: на рѣкѣ Эмбѣ на караванъ напали тамошніе кочевые разбойники и все разграбили. Г. едва спасся. По возвращеніи его въ Петербургъ, вслѣдствіе приготовленій къ турецкому походу, Г. было поручено препроводить осадную артиллерію для взятія Азова, которая подъ его командою была довезена только до города Павловска на Дону (Воронежской губ.), гдѣ Г. тяжко заболѣлъ и скончался 5 октября 1734 г. Всѣ сочиненія Г. при жизни его оставались въ рукописяхъ, а послѣ его смерти претерпѣли не мало мытарствъ, прежде чѣмъ были напечатаны. Хорошо изучивъ земли, прилегающія къ Каспійскому морю, Г. въ 1728 г. составилъ точную ландкарту этихъ земель и описаніе ихъ подъ названіемъ: «Maris Caspii littori occidentali inter fluviorum Wolgae et Kur ostia adiacentium terrarum, locorum eorumque incolarum descriptio, simulac in provinciis Schirvan et Lesgistan inter Russos et Turcas terrarum divisionis linea anno 1727 determinata». Карта была въ 1733 г. отдана въ печать и была готова въ 1736 г. Въ 1730 г. Г. передалъ свое сочиненіе историку Миллеру, который думалъ напечатать его въ своей «Sammlung russischer Geschichten», но, назначенный въ Камчатскую экспедицію, оставилъ записки Гербера въ Академіи. Академикъ Байеръ, взявшій на себя дальнѣйшее изданіе книги Миллера, ограничился только тѣмъ, что напечаталъ въ 1736 г. въ «Sammlung» (т. II, ч. 1) краткую выписку о деревнѣ Кубешѣ со своими примѣчаніями, въ силу того, что Академіей Наукъ была издана въ означенномъ году вышеупомянутая ландкарта. Миллеръ, вернувшись изъ Сибири, также не успѣлъ еще издать сочиненія Гербера, какъ въ 1756 г. онъ узналъ, что Берлинская Королевская Академія напечатала въ своихъ «Запискахъ» французскій переводъ сочиненія Гербера, приписавъ его своему члену Фокероту, долго бывшему въ Россіи секретаремъ при Прусскомъ посольствѣ, можетъ быть потому, что по смерти его, между его бумагами была найдена копія съ сочиненія Гербера, возможно, что переписанная рукой самого Фокерота. Это обстоятельство заставило Миллера въ 1760 г. помѣстить въ «Сочиненіяхъ и переводахъ къ пользѣ и увеселенію служащихъ» (іюль — октябрь) полностью все сочиненіе Гербера «Извѣстіе о находящихся съ Западной стороны Каспійскаго моря между Астраханью и рѣкой Куромъ народахъ и земляхъ и о ихъ состояніи въ 1728 г.» и неоспоримо доказать въ своемъ предисловіи къ этому сочиненію, что авторскія права Гербера не подлежатъ никакому сомнѣнію. Что касается самого сочиненія, то оно содержитъ довольно подробныя и для того времени совершенно новыя свѣдѣнія о всѣхъ почти народахъ, обитающихъ по запад-

нымъ берегамъ Каспійскаго моря — о казакахъ, татарахъ, черкесахъ, дагестанцахъ, хайтакахъ, карахайтакахъ, ширванцахъ, лезгинахъ, тавлинцахъ, аварцахъ, кахетинцахъ и о поселившихся между ними армянахъ, евреяхъ и аравитянахъ. Г. разсказываетъ исторію каждаго изъ этихъ народовъ, описываетъ земли, ими занимаемыя, разсматриваетъ общественный ихъ бытъ, обычаи и нравы. Такъ какъ сочиненіе это было написано еще въ 1728 г., то Миллеръ счелъ нужнымъ приложить къ нему свои примѣчанія, въ которыхъ указалъ на всѣ новыя свѣдѣнія объ этихъ странахъ и народахъ, встрѣчающіяся въ сочиненіяхъ иностранныхъ путешественниковъ, вышедшихъ послѣ 1728 г. Второе сочиненіе Гербера было написано по слѣдующему поводу: въ 1729 г. академикъ Байеръ написалъ на латинскомъ языкѣ диссертацію, помѣщенную впослѣдствіи въ IX томѣ «Академическихъ Комментаріевъ» — «О географіи Россіи и странъ окрестныхъ около 948 г. — по Константину Багрянородному»; когда Г. возвратился изъ Персіи въ Петербургъ, Байеръ обратился къ нему, какъ къ человѣку, вполнѣ знакомому съ странами, лежащими между Чернымъ и Каспійскимъ морями, съ просьбой прочесть это сочиненіе и дать о немъ свое мнѣніе. Г. исполнилъ просьбу и написалъ свои примѣчанія, изъ которыхъ нѣкоторыя были включены Байеромъ въ его диссертацію. Всѣ же примѣчанія Гербера, сообщенныя Байеру, издалъ Миллеръ на русскомъ языкѣ въ «Сочиненіяхъ и переводахъ къ пользѣ и увеселенію служащихъ» за октябрь 1760 г. подъ заглавіемъ: «Господина полковника Гербера примѣчанія къ географіи Россійской X вѣка, господиномъ профессоромъ Байеромъ сочиненной». Оба сочиненія Гербера Миллеръ издалъ на нѣмецкомъ языкѣ въ 1760 г. въ своей «Sammlung russ. Geschichten» (т. IV).

Словари писателей митр. Евгенія, Геннади и Снегирева; Словарь Брокгаузъ-Ефронъ, XV; «Современникъ» 1851 г., т. XXV, стр. 166—176; «Сочиненія и переводы къ пользѣ и увеселенію служащія», 1760 г., т. II, стр. 3—10; 1761 г., т. II, стр. 496. *Е. К. Александровичъ.*

Герберъ, *Трауготтъ*, докторъ медицины, директоръ Московскаго Аптекарскаго сада, родился въ Лаузицѣ, учился въ Лейпцигскомъ университетѣ, тамъ же въ 1735 г. защитилъ диссертацію подъ заглавіемъ: «De thoracibus». Принятъ на русскую службу смотрителемъ Московскаго Аптекарскаго сада 10 сентября 1735 г. по контракту на 4 года; въ 1738 г. контрактъ съ нимъ возобновленъ еще на три года. Съ разрѣшенія правительства предпринималъ ученое путешествіе на Волгу, въ окрестности Самары, Симбирска, Царицына, къ берегамъ Дона, къ Черному морю и къ границамъ Китая для изученія растущихъ тамъ пригодныхъ въ медицинѣ травъ. Во время турецкой войны, когда въ Украйнѣ появилась моровая язва, изъ Москвы были посланы всѣ врачи, какъ служившіе, такъ и отставные, «лишь бы могли держаться на ногахъ», въ числѣ другихъ уѣхали и штадтъ-физикъ Шрейберъ и старшій докторъ госпиталя Детейльсъ. Исполненіе ихъ обязанностей было поручено Герберу; кромѣ того, въ виду отсутствія преподавателей въ госпитальной школѣ, архіятеръ Фишеръ, вспомнивъ, что лейпцигскій профессоръ Вальтеръ отзывался о познаніяхъ Гербера, что «онъ въ анатоміи доброе искусство имѣетъ», поручилъ ему преподаваніе анатоміи госпитальнымъ ученикамъ и должность оператора (іюнь 1738 г.). Герберъ согласился и десять мѣсяцевъ исполнялъ эту должность. 21 февраля 1742 г. за упраздненіемъ должности директора Аптекарскаго сада Герберъ уволенъ отъ службы.

Труды его: 1) «Flora Mosquensis et quae exoticae in horto coluntur», отослано рукописью въ 1742 г. къ Галлеру, который и упоминаетъ объ этомъ трудѣ; 2) «Flora Tanaiensis seu conspectus plantarum in desertis Voronicensibus, Tavroviensibus et aliis collectarum et siccatarum», рукопись 1741 г.; 3) «Flora Volgensis seu plantae ad fluvium Volgam, in desertis circa Simbirsk, Samara, Saratov, Zarizyn et interdui per tractum Tanaiensium Cosacorum et deserta Tamboviensia observatae», рукопись 1769 г.

Митр. Евгеній, «Словарь свѣтскихъ писателей»; Березинъ, «Энциклопедическій словарь»; Брокгаузъ-Ефронъ, «Энцикл. словарь», XV; Рихтеръ, «Исторія медицины въ Россіи»; Чистовичъ, «Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи». *М. А. Ціонъ.*

Гервасій *Корда*, архимандритъ Московскаго Симонова монастыря, изъ намѣстниковъ Троицкаго Александро-Невскаго монастыря 4 октября 1737 г. былъ назначенъ настоятелемъ Симонова монастыря и возведенъ въ санъ архимандрита. Онъ умеръ 9 марта 1745 г. и былъ погребенъ въ Симоновѣ монастырѣ «на входной паперти».

Тромонинъ, «Краткое Описаніе Москов. Ставропиг. Общежит. Симонова Монастыря», 28; «Московскій Некрополь», I, 264.

В. Шереметевскій.

Гервасій (въ мірѣ Григорій) *Линцевскій I*, епископъ Переяславскій, сынъ священника с. Жилянъ (подъ Кіевомъ), родился въ 1700 или 1701 г. (въ вѣдомости о духовенствѣ за 1737 г. ему показано 36 лѣтъ). По окончаніи въ 1727 г. курса въ Кіевской Академіи онъ въ санѣ іеромонаха былъ преподавателемъ въ классахъ синтаксимы, а съ сентября 1734 г. піитики. 16 января 1735 г. онъ былъ назначенъ намѣстникомъ Кіевскаго Михайловскаго Златоверхаго монастыря. Въ вѣдомости 1737 г. сказано, что онъ «нынѣ по трудахъ профессорскихъ намѣстническое правленіе содержащій, при добромъ, трезвенномъ и не подозрительномъ обхожденіи имѣется». Когда въ 1742 г. возникъ вопросъ о посылкѣ въ Китай русской духовной миссіи на смѣну миссіи, лишившейся въ это время своего начальника архимандрита Иларіона Труса, Кіевскій архіепископъ Рафаилъ послѣ отказа архимандрита Платона Левицкаго остановилъ свой выборъ на Гервасіи. 25 сентября 1742 г. Гервасій былъ возведенъ въ санъ архимандрита, и 24 января 1743 г. Синодъ указалъ отправить Гервасія въ Пекинъ срокомъ на семь лѣтъ, не считая времени, нужнаго для проѣзда туда и обратно. Миссія состояла изъ 10 человѣкъ (2 іеромонаховъ, церковниковъ и служителей); къ ней были прикомандированы и ученики. Иностранная коллегія между прочими инструкціями запретила Гервасію именоваться архимандритомъ, «дабы китайцы не причли такой чинъ въ противность трактату» и не выслали Гервасія изъ Китая. Выѣхавъ изъ Москвы 23 февраля 1743 г., миссія прибыла въ Иркутскъ 12 октября того же года, но должна была (въ Иркутскѣ и потомъ въ Кяхтѣ) дожидаться до 25 августа 1745 г. «казеннаго каравана», безъ котораго китайцы не пропускали миссіонеровъ въ свои владѣнія. Съ этимъ караваномъ миссія прибыла въ Пекинъ 27 ноября 1745 г. Положеніе Гервасія въ Китаѣ было незавидное: Срѣтенская посольская церковь отличалась крайнимъ неблаголѣпіемъ; помѣщеніе для духовенства было тѣсное, холодное зимой и угарное; на «шестисотное рублевое» жалованье, положенное Гервасію «для безнужнаго въ такой дальности содержанія», по свидѣтельству свѣдущихъ людей, можно было только жить, «если вести себя мѣрно», но отнюдь не такъ, какъ въ Россіи архимандриты «по чину своему обхожденіе и довольствіе имѣютъ». Много непріятностей пришлось Гервасію вытерпѣть въ Китаѣ отъ соотечественниковъ. Директоръ каравана Лебратовскій еще на пути въ Китай «невѣдомо съ какой злобы зачалъ употреблять способы къ его безчестью» и снабдилъ его такими служителями, что архимандриту приходилось самому «верблюдовъ запрягать». Въ Пекинѣ, по словамъ Гервасія, Лебратовскій дѣлалъ ему всевозможныя «продерзости, насильства и безчинства», не далъ ему явиться въ китайскій «трибуналъ» для представленія «кредитовъ», и наконецъ караванные служители по приказу директора избили Гервасія и преданнаго ему іеродіакона Никона такъ, что архимандритъ «долго послѣ того болѣлъ». Не говоря уже о «безчестіи Церкви Святой», Гервасій опасался, что мѣстные «каѳолики, къ новостямъ охотники», узнавъ объ этой «комедіи», про нее «и въ заморскія страны газетами пустятъ». Между начальникомъ миссіи и ея членами установились самыя дурныя отношенія. Повидимому, члены миссіи, засланные на край свѣта почти насильно, «безъ всякаго ко удержанію ихъ отрицанія», старались извлечь хоть что-либо пріятное изъ пребыванія въ «идолаторской» странѣ, не признавали власти архимандрита, хотѣли ему «гордость стерти» и вести «свободное и безстрашное житіе», разгуливая по Пекину въ китайскомъ платьѣ. Іеродіаконъ Іоасафъ, рекомендованный Гервасію Синодомъ въ совѣтники «по давней тамъ бытности

и дорогому житію», оказался главнымъ зачинщикомъ всѣхъ «продервостей» и былъ уличенъ въ хожденіи по кабакамъ, плясаніи и дракахъ. Лебратовскій, «обольщая подарками», вооружилъ противъ Гервасія ученыхъ кіевлянъ-іеромонаховъ Іоиля Врублевскаго и Ѳеодосія Сморжевскаго, а единственнаго преданнаго Гервасію іеродіакона Никона выслалъ въ Россію. Гервасій и его подчиненные не давали Синоду отдыха своими жалобами другъ на друга. Члены миссіи особенно старались убѣдить духовное начальство въ томъ, что Гервасій «отлучилъ» ихъ отъ себя «непристойными и противными христіанскому Восточной Церкви закону поступками»; они обвиняли его въ томъ, что онъ «радѣнія о новокрещенныхъ не имѣлъ» и членамъ миссіи не даетъ указаній «о способахъ и начаткахъ проповѣди», при церковномъ служеніи «иное прибавляетъ, иное убавляетъ», крестится и благославляетъ «цѣлою рукою»; находили, между прочимъ, неприличнымъ что «Его Преподобіе гласомъ въ церкви различнымъ пѣть изволили». Гервасій, не имѣя съ кѣмъ слово сказать, естественно сблизился съ жившими въ Пекинѣ іезуитами. Члены миссіи подмѣтили, что Гервасій не только въ костелѣ «сталъ съ метаніями креститься предъ алтаремъ», но и велъ съ іезуитами откровенные разговоры о тождествѣ «по субстанціи» латинской и греческой литургій и о необходимости исправить юліанскій календарь; изъ этого они выводили заключеніе, что «отъ тѣхъ разговоровъ онъ, архимандритъ, уніатъ мерзкій». Миссія Гервасія осталась безрезультатной, если не считать лингвистическихъ успѣховъ учениковъ. Даже жившіе въ Пекинѣ Албазинскіе казаки враждебно относились къ миссіи и не давали ей ключей отъ своей Николаевской церкви. «Новокрещенныхъ же, хотя и есть немало, писалъ Гервасій, но токмо отъ нихъ прямыхъ христіанъ двое, которые въ церковь и ко мнѣ ходятъ и по-русскому говорятъ, я же ихъ и Закону Божію обучаю, а другіе крещенные ни въ церковь, ни ко мнѣ не являются». Съ этимъ согласенъ и отзывъ хорошо знавшаго Китай директора каравана 1753 года Владыкина, хотя и оспариваемый историкомъ Китайской миссіи епископомъ Николаемъ. «Архимандритъ Гервасій, сказалъ въ Синодѣ Владыкинъ, состоянія добраго, точію устарѣлъ и въ здравіи своемъ слабъ. Онъ и прочіе при немъ священнослужители китайскаго языка не знаютъ, да и знать имъ не можно, ибо это не малотрудно и не малолѣтняго пребыванія и обученія требуетъ, и потому за незнаніемъ сего языка китайцамъ проповѣдь чинить и въ православную вѣру крещеніе ихъ производить неудобно и невозможно, и для того отъ тѣхъ духовныхъ персонъ мало и почти никакого въ томъ успѣха нѣтъ, а, хотя иногда и то рѣдко кто изъ подлости и крестится, но токмо пріемлютъ крещеніе ради одного полученія одежды, за то даемой, и по продажѣ одежды въ прежнемъ своемъ заблужденіи остаются». Уже давно прошло «уреченное время», на которое Гервасій былъ присланъ въ Китай, но только 4 іюня 1755 г. Гервасію удалось выѣхать изъ Пекина. 5 сентября 1755 г. онъ прибылъ въ Кяхту, а въ январѣ 1756 г. въ Москву. 18 февраля 1757 г. онъ былъ назначенъ настоятелемъ Елецкаго Черниговскаго монастыря, хотя и продолжалъ писаться «Хинскимъ архимандритомъ», но прежде выѣзда его въ Черниговъ онъ 20 апрѣля 1757 г. «за труды свои и добропорядочную жизнь» былъ назначенъ епископомъ Переяславскимъ и Бориспольскимъ. 23 іюля 1757 г. онъ былъ нареченъ, а 27 іюля посвященъ во епископа въ С.-Петербургскомъ Петропавловскомъ соборѣ. Двумя своими окружными посланіями 1758 и 1760 гг. Гервасій обнародовалъ свою программу, содержаніе которой вкратцѣ выражается тремя словами «благочиніе, благолѣпіе, благоговѣніе». Онъ имѣлъ высокое представленіе о санѣ и обязанностяхъ священника, этого «Божія села эконома». «Всякій, какой ни будь, священникъ, внушалъ Гервасій, долженъ есть санъ свой великій, отъ благодати Божіей на него положенный, чувствовати и прилежно честь онаго поберегати». Гервасій прежде всего хотѣлъ имѣть духовенство образованное: онъ очень заботился о Переяславской семинаріи и ея бурсѣ, несмотря на то, что учителя «на произвожденіе денежного жалованья и на всей пищѣ катедральной

содержались», и содержаніе ихъ ложилось нелегкимъ бременемъ на небогатую Переяславскую каѳедру. Къ полученію священства дозволено было «представлять тѣхъ только, которые реторики обучени». Священникъ долженъ былъ обучать своихъ прихожанъ главнѣйшимъ молитвамъ и началамъ катихизиса. Священнику вмѣнялось въ обязанность «все намѣреніе на тое обратити, чтобы церковь Божію въ красоту привести», чтобы все, начиная съ «божественнаго алтаря» и кончая «цвинтаремъ» или погостомъ, было «пристойно, честно и пригоже, а не гнюсно». Гервасій ополчался противъ «икономазовъ» и кузнецовъ, являвшихся тогда главными украсителями украинскихъ храмовъ, и предписывалъ «вѣжливыхъ майстеровъ взисковати». «Всякую отправу церковную» священникъ долженъ былъ «дѣйствовать благоговѣйно»; особенно предписывалось совершать погребеніе «благоговѣйно, умильно и учтиво»; здѣсь, какъ и вездѣ, священнику запрещалось всякое «ласкательство» къ «знатнымъ» прихожанамъ и предписывалось «жертву приносить не токмо за тѣхъ умершихъ, которые могутъ наградить даяніемъ». Всякія «издирства», «взятки» и «волокита» при требоисправленіяхъ были строго запрещены, и была введена умѣренная одна и та же для всѣхъ плата за «обвѣнчаніе». Сознаніе «великолѣпія» священнаго сана должно было выражаться какъ въ «благославныхъ, благоповажныхъ, долгопошитыхъ, черныхъ или темно-цвѣтныхъ одеждахъ», такъ и во всемъ поведеніи священниковъ и ихъ женъ. Гервасій учредилъ строгій контроль за поведеніемъ духовенства и придумалъ цѣлую систему наказаній, налагаемыхъ духовными правленіями, до «смиренія» тюрьмою и «удрученіемъ цѣпою» включительно. Не полагаясь вполнѣ на сидѣвшихъ въ правленіяхъ протопоповъ, Гервасій въ 1758 г. учредилъ особую должность «суперъ-интенданта», поставленнаго выше духовныхъ правленій въ дѣлѣ надзора за поведеніемъ духовенства. Къ епархіи Гервасія принадлежала и юговосточная часть нынѣшней Кіевской губерніи, находившаяся въ то время въ предѣлахъ Польши. Гервасій обратилъ особое вниманіе на свою зарубежную паству, на поддержаніе и распространеніе православія въ польскихъ владѣніяхъ. Въ дѣлѣ «исторгненія изъ зубовъ унѣятскихъ невинныхъ душъ православнаго народа» онъ нашелъ энергичнаго помощника въ лицѣ архимандрита Матронинскаго монастыря Мельхиседека Значко-Яворскаго. Въ августѣ 1765 г. Гервасій лично посѣтилъ зарубежную часть своей епархіи. «Изъ Переяслава за Днѣпръ летѣли грамоты и посланія, призывающія стоять за вѣру и бороться съ уніей, говоритъ В. А. Пархоменко, въ Переяславъ спѣшили изъ-за Днѣпра священники и депутаты отъ населенія, чтобы утвердиться въ православіи». Противоуніатское движеніе среди украинцевъ вызвало жестокія гоненія со стороны поляковъ. Гервасій дѣлалъ все для облегченія участи своей зарубежной паствы. Пробовалъ онъ дѣлать запросы польскимъ мѣстнымъ «комендирамъ» о «напрасныхъ и безправныхъ къ правовѣрнымъ простирающихся злоключеніяхъ», но, конечно, безъ результата; «не единожды» просилъ онъ защиты для православныхъ и у Кіевскаго генералъ-губернатора Воейкова и у командовавшаго войскомъ въ Польшѣ ген. Кречетникова; но Воейковъ считалъ это «принадлежащимъ до разсмотрѣнія высшихъ правительствъ» и рекомендовалъ «адресоваться по командѣ въ Св. Прав. Синодъ или въ Государственную Коллегію Иностранныхъ дѣлъ», а Кречетниковъ считалъ это «принадлежащее до попеченія министерскаго» и совѣтовалъ обратиться къ русскому «министру» въ Варшавѣ кн. Репнину. Много разъ и безъ совѣта Воейкова Гервасій доносилъ Синоду о «напрасныхъ и безправныхъ мучительствахъ», претерпѣваемыхъ «единовѣрными греческими исповѣдниками за единую ревность и храненіе своего благочестія» и просилъ «милостиво призрѣть» на ихъ «вопль и риданіе», но Синодъ только сообщалъ доношенія Гервасія Иностранной Коллегіи, которая вмѣстѣ съ кн. Репнинымъ ни во что ставила интересы православія въ Польшѣ сравнительно съ политическими выгодами Россіи. Подавалъ онъ и челобитную на Высочайшее имя «съ прошеніемъ матернія милости и защиты»; «но Богъ вѣсть», не безъ скептицизма

закончилъ Гервасій свой разсказъ Георгію Конискому объ этомъ челобитьѣ. Гервасію оставалось въ окружныхъ посланіяхъ призывать свою зарубежную паству къ мужеству и терпѣнію. Вопреки инсинуаціямъ на Россію «отчаянцевъ унѣятовъ» Гервасій убѣждалъ украинцевъ въ томъ, что «по Бозѣ православная Россія, какъ всѣхъ своихъ единовѣрныхъ, такъ и ихъ, не оставляетъ и не оставитъ». Напоминая о «богатирствахъ» древнихъ мучениковъ, Гервасій обѣщалъ страдальцамъ, «апостольскимъ узамъ послѣдующимъ», сочувствіе всего свѣта и «славу на небеси». «Всячески лучше есть, писалъ онъ, въ вѣрѣ православной и о вѣрѣ за Господа умерти, какъ въ погибельномъ невѣріи пожити, единаче же погибнути». Торжественное погребеніе Гервасіемъ въ Переяславлѣ головы замученнаго и сожженнаго поляками Даніила Кушнира было во всякомъ случаѣ вполнѣ естественной противопольской демонстраціей. Въ польской Украйнѣ, наконецъ, вспыхнулъ страшный гайдамацкій бунтъ противъ поляковъ и евреевъ, извѣстный подъ именемъ «Коліивщины». Этотъ бунтъ былъ необходимымъ слѣдствіемъ угнетенія православныхъ польскими властями и уніатами, и, по мнѣнію о. Крамаренка, «надо удивляться, что православные украинцы могли такъ долго терпѣть безчеловѣчныя увѣчія и убійства». Польское правительство всецѣло приписало мятежъ «интригамъ» Гервасія и Мельхиседека. Кн. Репнинъ, заботившійся исключительно о спокойствіи въ Польшѣ, «позволилъ убѣдить себя въ томъ», что Гервасій «конечно входитъ въ сей бунтъ», и высказывалъ мнѣніе, что «время сему архіерею хвостъ присѣчь». Настроенная въ этомъ духѣ кн. Репнинымъ, Екатерина вознегодовала на то, что Гервасій «мѣшался въ заграничныя дѣла безъ повелѣнія». Но у Гервасія нашлись заступники: завѣдывавшій иностранными дѣлами гр. Н. И. Панинъ счелъ своимъ долгомъ «благовременно и благонамѣренно остеречь» Гервасія; правитель Малороссіи гр. П. А. Румянцевъ писалъ въ защиту Переяславскаго епископа, что Гервасій «кажется черноризцемъ, который въ глубокой своей уже старости посвящаетъ себя строгому благоговѣнію и совсѣмъ не является удобнымъ къ сплетенію той интриги, въ которой его обвиняютъ». 29 сентября 1768 г. Екатерина указала Гервасію ѣхать немедленно въ Кіевъ и жить тамъ «до указу синодскаго» на Переяславскомъ «катедральномъ подворьѣ». Гервасій и изъ Кіева продолжалъ управлять Переяславской епархіей, но переселеніемъ его было «достигнуто ослабленіе дѣятельныхъ сношеній его съ заграничной паствой». Одни утверждаютъ, что Гервасій «ни словомъ, ни дѣломъ не былъ виновнымъ въ возмущеніи»; другіе, напротивъ, того мнѣнія, что онъ проповѣдывалъ «крестовый походъ» противъ поляковъ и благословилъ «оружіе отмщенія». Болѣе осторожнымъ является мнѣніе, что «скудость опубликованныхъ доселѣ матеріаловъ не даетъ права вполнѣ категорически высказаться о роли Гервасія и Мельхиседека въ гайдамацкомъ возстаніи 1768 г.». «Вліяніе Гервасія на возникновеніе возстанія 1768 г., говоритъ г. Вл. П. (В. А. Пархоменко), врядъ ли можетъ подлежать сомнѣнію. Гервасій не хотѣлъ кроваваго дѣла, но своею ревностью въ борьбѣ съ уніею онъ косвенно не мало содѣйствовалъ возбужденію среди украинцевъ политическаго движенія. Гервасій съ Мельхиседекомъ всколыхнули народную массу, вызвали въ ней броженіе, пробудили сознаніе ненормальнаго положенія,... вызвали движеніе религіозное, но отсюда былъ одинъ только шагъ до политическаго бунта, до правовой помсты угнетателямъ». Гервасій недолго прожилъ въ Кіевѣ; онъ умеръ послѣ непродолжительной болѣзни 22 декабря 1769 г. въ 8 часовъ утра и былъ погребенъ въ Переяславскомъ каѳедральномъ Вознесенскомъ соборѣ.

Аскоченскій, «Кіевъ», I, 301; Вишневскій Д., «Кіевская Академія въ первой половинѣ XVIII вѣка», 137; «Истор.-Стат. Описаніе Черниговской Епархіи», III, 26; Грановскій, «Полтавская Епархія въ ея прошломъ и настоящемъ», 72—73; Пархоменко В., «Очерки Исторіи Переяславско-Бориспольской епархіи», 32—41; «Странникъ» 1872 г., № 8, 90—120 (окружное посланіе Гервасія 1758 г.), № 9, 165—189 (статья свящ. Крамаренка); «Правосл. Собесѣдникъ» 1887, № 8, 310—340 («Правосл. Миссія въ Китаѣ», іеромонаха, потомъ епископа, Николая Адоратскаго); Соловьевъ, «Исторія Россіи» (изд. стереотипное), VI,

529, 530, 540; «Труды Полтав. Архивн. Комиссіи», IV, 232—233; «Кіевская Старина» 1904 г., № 12, 408—443 (на стр. 414—433 «Окружное посланіе» Гервасія 1760 г.); «Оп. Докум. Архива Св. Синода», XV, стр. 931, XXVI, № 341, XXXI, № 7; «Архивъ Юго-Западной Россіи», часть I, т. III, 55—58, 64—67, 247—251, 437—443, 618—620, 683—684, 728—735; Филаретъ, «Обзоръ», т. II; Геннади, «Словарь»; С. Иваницкій, «Переяславскій епископъ Г-ій А-ій и начало возсоединенія уніатовъ въ западной или польской Украинѣ». Каменецъ-Подольскъ, 1904.

В. Щереметевскій.

Гервасій *Линцевскій II*, епископъ Ѳеодосійскій, сынъ священника с. Иванкова (Иванюкова) Кіевскаго полка, родился въ 1720 г. По окончаніи курса въ Кіевской Академіи онъ былъ учителемъ въ Переяславской «коллегіи» и въ 1746 г. былъ постриженъ. 7 ноября 1758 г. онъ былъ назначенъ настоятелемъ Николаевскаго Бѣлгородскаго монастыря съ возведеніемъ въ санъ архимандрита. Въ 1764 г. онъ былъ переведенъ въ Воронежскій Акатовъ Алексѣевскій монастырь, въ 1768 г. — въ Андроницкій Троицкій Черниговской епархіи, въ 1773 г. — въ Великолуцкій Троицкій Сергіевъ, въ 1775 г. — въ Старорусскій Спасскій; черезъ полгода 13 мая 1776 г. онъ былъ назначенъ настоятелемъ Пыскорскаго Преображенскаго монастыря въ Перми, но тогда же по болѣзни былъ перемѣщенъ въ Можайскій Лужецкій монастырь. 17 іюля 1777 г. Гервасій былъ назначенъ настоятелемъ Суздальскаго Спасо-Евѳиміева монастыря, а 22 января епископъ Суздальскій Тихонъ Якубовскій поручилъ ему исполнять обязанности ректора Суздальской семинаріи съ окладомъ въ 100 рублей въ годъ, «дабы онъ за учащимися охотнее смотрѣніе имѣлъ». Впрочемъ, префектъ іеромонахъ Антоній Великосельскій, уже ранѣе въ теченіе трехъ лѣтъ завѣдывавшій Суздальской семинаріей, какъ предполагаетъ историкъ этой семинаріи Н. В. Малицкій, «оставался ближайшимъ и непосредственнымъ начальникомъ семинаріи»; онъ же преподавалъ и богословіе, предметъ, поручавшійся обычно ректору; Гервасію, повидимому, не нравилось значеніе Антонія, и въ 1783 г. ректоръ доложилъ епископу Тихону, что «наблюдательство надъ учениками семинаріи не можетъ имѣть надлежащей ферулы» за разнообразной и сложной дѣятельностью префекта. Но богословіе было оставлено за Антоніемъ, и только въ помощь префекту былъ назначенъ вице-префектъ. На обязанности же Гервасія оставалось «за всѣми учителями смотрѣть обще съ префектомъ, чтобы они свои должности исправляли какъ наирачительнѣйше, для познанія же ихъ рачительности обще съ префектомъ и вице-префектомъ дважды въ недѣлю классы обойти и объ успѣхахъ спросить, а въ случаѣ оплошности доложить сначала словесно, а потомъ и письменно» Преосвященному. Гервасій, впрочемъ, желалъ приносить семинаріи возможную пользу, и по выходѣ изъ семинаріи Антонія онъ за неимѣніемъ учителя богословія по собственному почину прочиталъ полтора курса по богословію. Но вообще управленіе семинаріей тяготило Гервасія, который къ тому же имѣлъ «труднѣйшее положенное въ силу Высочайшаго именного повелѣнія по Тайной Экспедиціи послушаніе», по должности «коменданта» духовно-политической тюрьмы Спасо-Евѳиміева монастыря. Не мало непріятностей было у него и съ личнымъ составомъ учащихъ: одни, какъ іеродіаконъ Іоасафъ, не оправдывали довѣрія ректора, предаваясь пьянству и разнымъ «шалостямъ»; другіе, подобно учителю Пигмееву, были враждебны ректору. «По заобыклой его необузданности языка, доносилъ Гервасій архіерею въ отвѣтъ на предписаніе проэкзаменовать Пигмеева, не мало я стороною наругательства понесъ. Да и лучшіи по скоморошеству его посмѣиваемы бывали. Потому и приступить къ узнанію его остроты я не въ состояніи и прошу Вашего Преосвященства иному сію коммиссію препоручить. Однако признаю, что одни худые его нравы по Регламенту не могутъ сдѣлать добрымъ и честнымъ учителемъ». По вступленіи въ 1788 г. на Суздальскую каѳедру епископа Виктора Онисимова Гервасій подалъ прошеніе объ увольненіи отъ ректорства. 12 октября 1788 г. онъ былъ уволенъ отъ этой должности, а 27 октября назначенъ настоятелемъ Бизюкова Крестовоздвиженскаго Дорогобужскаго монастыря. 6 мая 1795 г. онъ былъ назначенъ настоятелемъ Новгородскаго Юрьева монастыря, а 13 мая 1796 г. ему было по-

велѣно быть епископомъ Ѳеодосійскимъ, викаріемъ Екатеринославской епархіи. 29 мая 1796 г. Гервасій былъ хиротонисанъ, но пробылъ архіереемъ не долго и умеръ 8 января 1798 г.

«Списки Архіереевъ», №173; «Труды Владим. Архивн. Ком.», VII («Исторія Суздальской духовной семинаріи», Н. В. Малицкаго), 23, 63—66, 74, 75, 84, 88, 89.

В. Шереметевскій.

Гервасій *Мачаваріани*, епископъ Горійскій, 30 іюня 1811 г. былъ посвященъ во епископа Цылконскаго, 30 августа 1817 г. былъ переведенъ на каѳедру епископа Горійскаго, викарія Грузинскаго экзарха, умеръ 5 февраля 1817 г.

Списки Архіереевъ, № 204; Н. Д., «Девятисотлѣтіе Русской Іерархіи», 83.

В. Шереметевскій.

Гердъ, *Александръ Яковлевичъ*, извѣстный педагогъ, родился 5 апрѣля 1841 г. на Васильевскомъ островѣ, въ 12 линіи въ домѣ Бачмановой, гдѣ и прожилъ болѣе 20 лѣтъ. Онъ былъ четвертымъ сыномъ англичанина Якова Ивановича Герда, хорошо тогда извѣстнаго въ педагогическомъ мірѣ (см. ниже). Послѣ домашней подготовки А. Я., десяти лѣтъ отъ роду, поступилъ въ Ларинскую гимназію. Занимаясь въ гимназіи, А. Я. вмѣстѣ со своими братьями дома практически изучалъ англійскій, французскій и нѣмецкій языки. Въ томъ же домѣ жило еще нѣсколько семействъ, у которыхъ дѣти были однолѣтки съ А. Я., но особенно близкими были Острогорскіе и Варгасовы. Любимою ихъ игрою была игра въ школу, какъ бы предсказаніе, что они всѣ изберутъ впослѣдствіи педагогическую дѣятельность. Яковъ Ивановичъ заботился также о физическомъ воспитаніи своихъ дѣтей: дѣти учились грести и управлять парусами, плавать и верховой ѣздѣ, играли лѣтомъ въ большой мячъ и лапту, а зимою катались на конькахъ. Когда они нѣсколько подросли, то устраивали домашніе спектакли, при чемъ режиссеромъ всегда избирался Викторъ Острогорскій.

Окончивъ въ 1858 году гимназію съ отличіемъ, А. Я. поступилъ въ С.-Пб. университетъ на физико-математическій факультетъ. Здѣсь вокругъ него образовалась небольшая группа серьезно относящихся къ занятіямъ. Будучи студентомъ, А. Я. давалъ частные уроки, подготовляя дѣтей къ учебнымъ заведеніямъ. Окончивъ курсъ въ университетѣ въ 1863 году со степенью кандидата, А. Я. съ кружкомъ лучшихъ молодыхъ педагоговъ того времени учредилъ безплатную Васильеостровскую школу. Здѣсь дѣло было поставлено очень серьезно. Учителя усердно готовились къ каждому уроку, зная, что урокъ будетъ затѣмъ строго разбираться въ педагогическомъ совѣтѣ, такъ что эта школа была школою не только для учащихся, но и для молодыхъ педагоговъ, которые прямо говорили: «воспитуя и обучая другихъ, мы воспитуемся и обучаемся сами». Инспекторомъ этой школы былъ избранъ Ѳ. Ѳ. Резенеръ, прекрасный педагогъ-теоретикъ. Къ сожалѣнію, эта школа просуществовала недолго и вслѣдъ за воскресными школами была закрыта въ 1865 году.

А. Я. сталъ посѣщать педагогическіе курсы, устроенные при 2-й военной гимназіи, а въ 1865 году, когда корпуса были преобразованы въ военныя гимназіи, поступилъ въ 1-ю военную гимназію воспитателемъ и преподавателемъ естественной исторіи. Здѣсь онъ, какъ и всегда, весь отдался своему дѣлу. Зачастую въ свободное отъ занятій время его воспитанники, запросто, приходили къ нему на квартиру, играли, занимались и бесѣдовали съ нимъ. Онъ разсказывалъ имъ, читалъ, нерѣдко иллюстрировалъ прочитанное соотвѣтствующими рисунками, клеилъ съ ними картонажи, принималъ участіе въ ихъ играхъ, показывалъ имъ имѣвшихся у него на квартирѣ въ большомъ количествѣ птицъ, морскихъ свинокъ и другихъ животныхъ и объяснялъ имъ все, что возбуждало любознательность въ дѣтяхъ. Нерѣдко предпринималъ съ дѣтьми образовательныя экскурсіи. Онъ успѣлъ на столько сблизиться съ дѣтьми, что, что бы ни случилось у дѣтей въ классѣ или дома у родителей, они прибѣгали къ нему, дѣлились съ нимъ и совѣтовались. Уроки его всегда отличались наглядностью и интересомъ, такъ что ученики ждали ихъ съ нетерпѣніемъ. Въ это же время онъ сталъ помѣщать статьи въ журналѣ «Учитель».

Въ апрѣлѣ 1866 г. онъ женился на Антонинѣ Михайловнѣ Латкиной.

Въ гимназіи Г. пробылъ съ небольшимъ три года и вышелъ въ отставку вслѣдствіе того, что не могъ согласиться съ постановленіемъ педагогическаго комитета, назначившаго слишкомъ суровое наказаніе одному изъ его воспитанниковъ. Какъ воспитанники, такъ и сослуживцы и особенно директоръ гимназіи ген. Баумгартенъ, очень сожалѣли объ его уходѣ. По просьбѣ послѣдняго онъ оставилъ за собою уроки по естественной исторіи и взялъ таковые же въ Пажескомъ корпусѣ. Въ это время онъ усиленно работалъ въ журналѣ «Учитель» и нѣкоторое время неоффиціально редактировалъ этотъ журналъ вмѣстѣ съ Ѳ. Ѳ. Резенеромъ. Журналъ давалъ такъ много живыхъ, серьезныхъ педагогическихъ статей, что число подписчиковъ увеличилось настолько, что редакція нашла возможнымъ отказаться отъ правительственной субсидіи. Въ то же время А. Я. былъ дѣятельнымъ членомъ, закрытаго въ 70-хъ годахъ, С.-Пб. Педагогическаго общества, помѣщавшагося при 2-й гимназіи, въ которомъ тогда участвовали всѣ лучшія педагогическія силы. Въ 1869 году А. Я. былъ командированъ Военнымъ Министерствомъ на съѣздъ учителей въ Берлинъ.

Въ 1870 году въ Петербургѣ образовалось Общество колоній и ремесленныхъ пріютовъ для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, которое предложило А. Я. и Ѳ. Ѳ. Резенеру учредить первую исправительную колонію около Петербурга и занять должность директоровъ, А. Я.— земледѣльческаго отдѣленія, а Ѳ. Ѳ. Резенеру — ремесленнаго. Вступая на новое поприще, А. Я. чувствовалъ, что для новой дѣятельности ему нужно подкрѣпиться новыми знаніями и познакомиться съ тѣмъ, что сдѣлано по этому предмету на западѣ. Комитетъ Общества, вполнѣ соглашаясь съ этимъ, командировалъ ихъ обоихъ заграницу на шесть мѣсяцевъ. А. Я. познакомился съ нѣмецкими исправительными заведеніями, затѣмъ былъ въ Бельгіи, Голландіи, Англіи и Швейцаріи. Особенно онъ остановился на Бехтеленской колоніи, близъ Берна. Его привлекала здѣсь прекрасно организованная и лучше, чѣмъ въ другихъ государствахъ, поставленная школа; простой, далекій казарменности, духъ жизни; предусмотрительно выстроенныя, расчитанныя на цѣлесообразность и экономію зданія; образцовое веденіе сельскаго хозяйства; прекрасная организація трудовой жизни питомцевъ и, вообще, благотворные результаты дѣятельности этого заведенія, съ которыми А. Я. ознакомился изъ историческаго обозрѣнія колоніи за 25-лѣтній періодъ. А. Я. не довольствовался поверхностнымъ осмотромъ заведенія, а жилъ съ воспитанниками общею жизнью, ѣлъ съ ними, работалъ, косилъ и жалъ, изучая жизнь заведенія на дѣлѣ. Такимъ образомъ онъ высмотрѣлъ все, что могло быть примѣнимо у насъ, отбрасывая все ненужное. Обществу была отведена правительствомъ въ собственность колоніи лѣсная дача въ 261 дес. (потомъ она была увеличена до 500 дес.), въ 8 верстахъ отъ берега Невы, за Пороховыми заводами. Вся хозяйственная часть легла на А. Я. Нужно было позаботиться о постройкѣ помѣщеній для воспитанниковъ, службъ, мастерскихъ и проч. Прежде всего построили небольшой домикъ въ два этажа. И вотъ 10 октября 1871 г. въ этомъ домикѣ поселились, наверху съ 11 питомцами Ѳ. Ѳ. Резенеръ, а внизу съ тремя А. Я. Положеніе было очень трудное. Ограниченное содержаніе, неудобства помѣщенія, отсутствіе людей, дикая природа, лѣсъ и болото, сплошная сырость и грязь и при этомъ усиленная работа. А. Я. ѣлъ и пилъ на общей кухнѣ съ мальчиками, вмѣстѣ съ ними работалъ въ лѣсу, училъ ихъ грамотѣ, наставлялъ на путь добра и при этомъ наблюдалъ за производствомъ дальнѣйшихъ работъ, совмѣщая въ себѣ: администратора, педагога, экономa, кассира, бухгалтера, строителя и руководителя земледѣльческихъ работъ. Въ $5^1/_2$ часовъ утра А. Я. уже будилъ своихъ питомцевъ, цѣлый день работалъ съ ними, а во время отдыха осматривалъ работы по постройкамъ и очищенію мѣста изъ-подъ лѣса, и только вечеромъ, когда всѣ въ колоніи спали, онъ садился за веденіе отчетности. Увеличеніе числа питомцевъ онъ рѣшилъ производить медленно, постепенно, чтобы прежде

принятые служили ядромъ и примѣромъ для вновь поступающихъ. Понемногу возводились всѣ необходимыя строенія, и наконецъ былъ построенъ небольшой домикъ, куда А. Я. могъ привезти свою семью.

Очень трудный контигентъ составляли первые присланные воспитанники. Между ними было много взрослыхъ, они успѣли уже воспитаться въ воровствѣ и бродяжничествѣ и представлялись закоренѣлыми нравственно, освоившимися со всѣми условіями тюремной жизни. Это были люди, уже выбившіеся изъ нормальной жизненной колеи, отвыкшіе отъ труда, побывавшіе уже нѣсколько разъ въ тюрьмахъ и тяготившіеся новою обстановкою жизни. Привлекательнымъ имъ казалось только то, что здѣсь они не видѣли ни тюремныхъ рѣшетокъ, ни сторожей-тюремщиковъ и встрѣчали всегда довѣрчивое, внимательное отношеніе со стороны всѣхъ служащихъ. Имъ тяжелъ былъ всякій трудъ, а въ особенности они роптали, когда имъ пришлось, по колѣно въ снѣгу, пилить въ лѣсу дрова, затѣмъ рано весною подготовлять гряды, корчевать лѣсъ, прорывать кругомъ и поперекъ плаца канавы. При такихъ условіяхъ задача А. Я. представлялась крайне сложною, но А. Я. не унывалъ и говорилъ: «Нужно только дружно работать и подавать питомцамъ личный примѣръ въ этой суровой жизни, нужно итти впереди ихъ». Вотъ наступила весна, и дѣло измѣнилось къ лучшему. Вліяніе А. Я. все усиливалось и вызвало заглохнувшія нравственныя силы, дѣтскіе порывы, стремленія. Питомцы теперь смотрѣли уже довѣрчиво на А. Я., полюбили его уроки, примирились съ трудомъ, увидѣвъ плоды его, уже не избѣгали А. Я., а искали общенія съ нимъ, охотно ходили съ нимъ въ лѣсъ, собирали разные цвѣты и растенія, копались въ своемъ садикѣ и огородѣ около дома, играли въ мячъ и городки. Самая трудная задача была въ пріисканіи подходящихъ воспитателей, которые за ничтожное вознагражденіе взяли бы на себя такой тяжелый предстоящій имъ трудъ. Наконецъ въ февралѣ 1872 г. онъ нашелъ двухъ такихъ воспитателей. Въ своемъ выборѣ онъ не ошибся. Какъ эти молодые люди тепло относились къ дѣлу и къ А. Я., видно изъ словъ одного изъ нихъ, который пишетъ: «При встрѣчѣ съ А. Я. я въ первый разъ въ своей жизни увидѣлъ то, что могло быть идеаломъ человѣка, то, что въ состояніи вызвать душу отъ сна; я увидѣлъ того, кто меня нравственно обогрѣлъ и кто потомъ руководилъ мною и въ смыслѣ педагогической дѣятельности въ колоніи и въ моей будничной практической жизни, и могу сказать, что это былъ истинный педагогъ, незамѣнимый руководитель-наставникъ и воспитатель, что онъ былъ по дѣлу и душѣ другъ и воспитателей и несчастныхъ дѣтей, составлявшихъ населеніе колоніи. Его доброе отношеніе, любовь къ дѣлу, теплота, съ которою онъ относился къ своимъ новымъ помощникамъ, дѣлали его личность обаятельною. Съ нимъ было какъ-то особенно тепло, все, что онъ говорилъ, ложилось на сердце, и мы шли за нимъ, не тяготясь непосильнымъ подчасъ трудомъ».

Всѣ мальчики раздѣлялись на группы, изъ которыхъ каждая носила названіе семьи. Въ семьѣ полагалось до 15 питомцевъ при одномъ воспитателѣ. При открытіи новой семьи, выдѣлялись изъ одной или нѣсколькихъ старыхъ, болѣе или менѣе сложившихся семей, четыре или пять лучшихъ по поведенію дѣтей и помѣщались въ ней какъ основаніе ея. Семья жила въ отдѣльномъ домикѣ, гдѣ въ нижнемъ этажѣ была мастерская, а во второмъ спальня съ комнатою для воспитателя, отгороженной отъ спальни досчатою перегородкою. Кровати въ спальнѣ были откидныя и днемъ прикрѣплялись къ стѣнѣ, спальня же превращалась въ классъ, гдѣ воспитатели обучали дѣтей грамотѣ и счету. Съ грамотными занимался обыкновенно самъ А. Я. На классныя занятія удѣлялось по четыре часа въ день. Кромѣ элементарнаго образованія дѣти занимались земледѣльческимъ трудомъ и практическимъ изученіемъ разныхъ производствъ въ сферѣ сельскаго хозяйства. При какомъ-нибудь проступкѣ А. Я. бесѣдовалъ съ дѣтьми, при чемъ, изучивъ ребенка, онъ такъ ловко подходилъ къ его душѣ, такъ умѣло затрогивалъ и расшевеливалъ то или другое чувство въ немъ, что ребенокъ обливался не-

поддѣльными слезами раскаянія, да и самъ А. Я. часто уходилъ совсѣмъ разстроенный, страдая вмѣстѣ съ нимъ, жалѣя его. А. Я. говорилъ воспитателямъ: «Никогда не предпринимайте ничего подъ первымъ впечатлѣніемъ; наказать проступокъ всегда успѣете; достаточно разъ несправедливо поступить, чтобы вы утратили часть уваженія и довѣрія въ глазахъ своихъ питомцевъ. Помните, что строгія мѣры ни къ чему не ведутъ; всякое наказаніе должно представлять изъ себя результатъ извѣстнаго проступка мальчика. Не умѣетъ онъ играть съ товарищами, отстраните его отъ игръ и займите его чѣмъ-нибудь одного; плохо работаетъ, попробуйте сначала заинтересовать его трудомъ, помогайте ему въ этомъ; не поддается и въ этомъ отношеніи, лишите его труда, пусть онъ сидитъ дома и соскучится по работѣ; не умѣетъ онъ пользоваться свободою, лишите его довѣрія». Воспитанникъ, лишенный довѣрія, отдавался обыкновенно подъ присмотръ кого-нибудь изъ его товарищей. Лишеннаго довѣрія товарищи обыкновенно чуждались и не говорили съ нимъ. Но самою сильною мѣрою было удаленіе провинившагося въ «Отдѣленный домъ», куда назначался особый воспитатель. Духъ въ заведеніи водворился такой, что мальчики смотрѣли на свой домикъ, какъ на нѣчто близкое, принадлежащее имъ; заботились о чистотѣ и порядкѣ и оберегали честь семьи, удерживая другъ друга отъ провинностей. Когда приближалось время перваго выпуска, А. Я. просилъ Комитетъ Общества позаботиться о выпущенныхъ питомцахъ колоніи, чтобы они не были предоставлены себѣ безъ всякой поддержки, но Комитетъ въ этомъ ему отказалъ, указывая на то, что это не входитъ въ уставъ Общества, такъ что и эта забота пала на него. И только въ 1879 году учредилось особое «Общество пособія несовершеннолѣтнимъ, освобожденнымъ изъ мѣстъ заключенія».

Между тѣмъ Ѳ. Ѳ. Резенеръ, недовольный своею дѣятельностью, какъ директоръ ремесленнаго пріюта, ушелъ изъ колоніи, и пріютъ былъ присоединенъ къ колоніи и порученъ тому же А. Я. Онъ же считалъ, что ремесленный пріютъ не можетъ достигать тѣхъ результатовъ, какъ сельскохозяйственная колонія, такъ какъ питомцы по окончаніи поступаютъ въ ремесленныя заведенія, живутъ въ городѣ, подвергаются всѣмъ соблазнамъ и легко попадаютъ въ прежнюю порочную среду и становятся рецидивистами. Поэтому ему очень не хотѣлось брать на себя руководство этимъ пріютомъ, тѣмъ болѣе, что и безъ того у него было больше дѣла, чѣмъ слѣдовало. Онъ просилъ Комитетъ назначить ему помощника, но и въ этомъ ему было отказано. Между тѣмъ А. Я., усиленно работая почти по 16 часовъ ежедневно, при постоянномъ нервномъ возбужденіи, утомился до того, что 15 декабря 1874 г. отказался отъ дѣла, имъ созданнаго.

По приглашенію Педагогическаго музея А. Я. прочелъ десять публичныхъ лекцій о силахъ природы. Эти лекціи постоянно сопровождались опытами и вслѣдствіе своей содержательности и интереса привлекали такую массу слушателей, что громадная аудиторія Соляного городка не могла вмѣстить всѣхъ желающихъ поучиться у А. Я. Каждая лекція заканчивалась дружными аплодисментами, переходившими иногда даже въ шумную овацію. По прочтеніи обѣщанныхъ 10 лекцій слушатели просили его продолжать свой курсъ, но за недостаткомъ времени А. Я. долженъ былъ имъ отказать и только въ 1882 г. съ такимъ же успѣхомъ прочелъ новый рядъ лекцій о небесныхъ тѣлахъ. Весною 1876 г. А. Я. былъ командированъ Военнымъ Министерствомъ въ Англію на всемірную педагогическую выставку въ Кенсингтонѣ.

Періодъ жизни А. Я., начавшійся съ его уходомъ изъ колоніи и окончившійся его преждевременною смертью, можетъ быть названъ періодомъ служенія женскому образованію и составленія цѣлаго ряда учебниковъ. Какъ нельзя полнѣе и сильнѣе понялъ А. Я. громадную силу женскаго образованія, все его значеніе для государства и общества, усматривая великіе результаты его въ семьѣ и въ общественной жизни и всѣмъ своимъ существомъ отдался этому дѣлу, и мы видимъ его одинаково дѣятельнымъ, съ одинаковою серьезностью работающимъ отъ низшей до высшей школы. Въ 1877 г. А. Я. принялъ въ

свое завѣдываніе перворазрядное женское учебное заведеніе (впослѣдствіи гимназія) княгини Оболенской. Здѣсь онъ проявилъ себя какъ рѣдкій учитель и директоръ. Будучи преподавателемъ по призванію и любви, отлично понимая дѣтскую и юношескую натуру, не менѣе ясно понимая, что значитъ и чѣмъ должно быть образованіе въ истинномъ смыслѣ этого слова, А. Я. училъ такъ, что, съ одной стороны, слушательницы искренно любили его уроки, а такая любовь уже сама по себѣ является однимъ изъ прочныхъ задатковъ успѣха, съ другой, преподаваніе имъ велось такъ, что развитіе и сообщеніе свѣдѣній шли въ гармоническомъ соединеніи. При этомъ всѣ его уроки отличались простою, ясною и изящною формою. Благіе результаты оказывались почти тутъ же и часто совсѣмъ наглядным, осязательнымъ образомъ. Такъ было съ дѣтьми, такъ было и со взрослыми слушательницами. Г-жа Трачевская говоритъ: «Классъ, впиваясь глазами въ А. Я., слушалъ его ясное, всегда наглядное преподаваніе и, почти не заглядывая въ книгу, отвѣчалъ отлично уроки, глубоко и навсегда западавшіе въ умъ и сердце ученицъ. У этого учителя-отца никто не получалъ дурной отмѣтки. Какой бы онъ ни преподавалъ предметъ — физіологію ли, космографію ли, географію, зоологію, ботанику — этотъ предметъ былъ всегда самымъ легкимъ и самымъ интереснымъ для ученицъ»... Точно такъ же и въ заведеніи съ высшимъ образовательнымъ цензомъ — на женскихъ педагогическихъ курсахъ его ясное, увлекательное, простое и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко содержательное чтеніе привлекало столько слушательницъ, что онѣ переполняли аудиторію, хотя предметъ былъ необязательный.

Что касается до воспитательной его дѣятельности какъ директора женской гимназіи, то мы уже раньше видѣли ея отличительныя свойства, и такъ какъ А. Я. представлялъ одну изъ тѣхъ цѣльныхъ натуръ, которыя складываются сразу, имѣя подъ собою уже отъ природы прочный, непоколебимый фундаментъ, и потомъ уже не мѣняются, несмотря ни на какія препятствія, ни на какую борьбу, то и въ новомъ періодѣ дѣятельности А. Я. мы находимъ его такимъ же, какимъ видѣли до сихъ поръ: врагомъ всякой механической дрессировки, энергичнымъ противникомъ всякихъ наказаній, кромѣ чисто нравственныхъ, олицетвореніемъ строгой справедливости, что отдаетъ ему всѣ эти молодыя сердца, столь чуткія на распознаніе всего хорошаго, и доставляетъ ему и здѣсь тотъ авторитетъ, то повиновеніе ему со стороны руководимой имъ молодежи, въ основаніи котораго нѣтъ и рѣчи о чемъ-нибудь похожемъ на страхъ и которые создаются только вынесеннымъ изъ неоднократнаго опыта сознаніемъ, что этотъ человѣкъ не можетъ сдѣлать ничего нехорошаго, ничего несправедливаго. При такомъ руководителѣ, какъ А. Я., работавшемъ въ гимназіи кн. Оболенской до самой своей смерти, не мудрено, что эта гимназія заняла выдающееся мѣсто.

Въ 1880 г. А. Я. былъ приглашенъ С.-Пб. городскою думою экспертомъ по учебной части при городской училищной комиссіи и такимъ образомъ явился руководителемъ городскихъ школъ. Одна изъ учительницъ пишетъ: «Я со страхомъ ожидала пріѣзда А. Я. въ школу, такъ какъ знала, что по неопытности должна сдѣлать не мало промаховъ. Пріѣхавъ, онъ внимательно выслушалъ мой урокъ, затѣмъ подробно разспросилъ о всѣхъ деталяхъ веденія дѣла и просилъ побывать у него въ воскресенье. Каждое воскресенье и праздничные дни А. Я., свободный отъ занятій въ гимназіи, удѣлялъ утро на бесѣды съ учителями и учительницами. Своими деликатными и мѣткими замѣчаніями, своимъ теплымъ, добрымъ отношеніемъ къ намъ онъ чрезвычайно умѣло заставлялъ высказать ему о всѣхъ нашихъ затрудненіяхъ и разрѣшалъ ихъ съ такою легкостью, что мы бодро шли на дальнѣйшую работу. Эти поучительныя бесѣды остались у насъ въ памяти на всю жизнь и принесли много пользы живому дѣлу». Съ самаго основанія Общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ (Бестужевскимъ) курсамъ, А. Я. былъ членомъ его Комитета, а въ послѣднія шесть лѣтъ своей жизни состоялъ предсѣдателемъ этого Комитета. Здѣсь дѣятельность его выразилась не только въ

заботахъ объ устраненіи финансовыхъ затрудненій, но и въ трудахъ по правильной постановкѣ учебной части.

Съ 1878 г. до послѣдняго дня своей жизни А. Я. состоялъ преподавателемъ дѣтей Наслѣдника Цесаревича (потомъ Императора Александра III) Великихъ Князей Николая, Георгія и Михаила Александровичей и Великой Княжны Ксеніи Александровны.

Нравственная высота личности А. Я. дѣйствовала обаятельно на всѣхъ, кто приходилъ съ нимъ въ соприкосновеніе, между прочимъ и на В. М. Гаршина, который не разъ говорилъ, что въ дѣлѣ нравственнаго и умственнаго развитія онъ обязанъ былъ А. Я. болѣе, нежели кому-либо другому. Письма его къ А. Я. дышатъ самою теплою привязанностью. Съ годами дружба между ними все крѣпла, и послѣднее время они видались чуть не каждый день. Смерть Гаршина необычайно подѣйствовала на Александра Яковлевича: человѣкъ, всегда замѣчательно умѣвшій владѣть собою, въ теченіе долгаго времени потерялъ способность серьезно заниматься чѣмъ бы то ни было; онъ какъ бы осиротѣлъ, потерявъ своего юнаго друга, для котораго онъ такъ много сдѣлалъ при его жизни.

Много поработалъ А. Я. также надъ переводами и составленіемъ учебниковъ. Такъ имъ были переведены съ нѣмецкаго языка: Шраубе, «Ученіе о здоровьи» (1865), Гегенбауръ, «Основанія сравнительной анатоміи», съ англійскаго: Дарвинъ, «Происхожденіе видовъ, ботаническая часть» (1867—1868), Оливеръ, «Краткая ботаника» (1868), «Уроки элементарной ботаники» (1869), Спенсеръ, «Основанія біологіи» (1870), Гексли и Мартинъ, «Элементарный практическій курсъ біологіи. Практическія работы по ботаникѣ и зоологіи» (1877) и Гейки, »Учебникъ физической географіи» (1878). Составлены имъ: «Опредѣлитель растеній», 2 части (1868—1869), «Первые уроки минералогіи» (1869, 6 изд. 1888), «Опредѣлитель минераловъ» (1870, 2 изд. 1876), «Повторительный курсъ неорганической химіи», «Учебникъ минералогіи для городскихъ училищъ», 3 вып. (1875—1877, 5 изд. 1888), «Руководство минералогіи для реальныхъ училищъ» (2 изд. 1880, 7 изд. 1895), «Учебникъ зоологіи для среднеучебныхъ заведеній и самообразованія» (1877, 7 изд. 1883), «Краткій курсъ естествовѣдѣнія», 3 части (1878, 14 изд. 1908), «Опредѣлитель птицъ Европейской Россіи по Кейзерлингу и Блазіусу» (1880), «Міръ Божій», кн. 1-я (земля, воздухъ и вода), для учащихся въ начальной школѣ (1883, 11 изд. 1912), «Учебникъ зоологіи для среднихъ учебныхъ заведеній и самообразованія, ч. II. Позвоночныя» (1883), «Предметные уроки въ начальной школѣ. Подробныя указанія, какъ учить дѣтей по книжкѣ «Міръ Божій» (1883, 5 изд. 1914), «Учебникъ географіи», I общій обзоръ земного шара (1887), II Азія (1887), III Австралія, Полинезія, Африка и Америка (1888), IV Европа (1889), «Краткій курсъ всеобщей географіи, свѣдѣнія изъ математической и физической географіи съ краткимъ обзоромъ земного шара» (1889). Говорить о достоинствѣ этихъ книгъ незачѣмъ, такъ какъ онѣ слишкомъ извѣстны, сыграли большую роль въ школьномъ естествознаніи и надолго опредѣлили его характеръ и до сихъ поръ, обновляемыя съ дополненіями его сыномъ Владиміромъ Александровичемъ, находятся въ употребленіи во многихъ учебныхъ заведеніяхъ.

12 декабря 1888 г. А. Я. поѣхалъ утромъ на урокъ къ Августѣйшимъ дѣтямъ въ Гатчину и вернулся веселый, бодрый. Вечеромъ заявилъ собравшимся у него писателямъ и художникамъ, составлявшимъ «Сборникъ памяти В. М. Гаршина», что цензурныя препятствія всѣ преодолѣны и сборникъ можетъ быть выпущенъ въ свѣтъ. Гости просидѣли у него до поздняго вечера, и послѣднимъ ушелъ художникъ Ярошенко во второмъ часу. Расположившись спать, А. Я. вдругъ вскрикнулъ и сталъ жаловаться на страшную боль въ головѣ. Немедленно послали за докторами, и первый пришедшій, жившій въ томъ же домѣ, заявилъ, что надежды на спасеніе нѣтъ, такъ какъ по всей вѣроятности произошла закупорка кровеносныхъ сосудовъ. Къ шести часамъ утра 13 декабря Александра Яковлевича не стало. Умеръ онъ на 48 году своей жизни, полный силъ.

Преждевременная его смерть всюду встрѣчена съ чувствомъ искренней го-

рести и сожалѣнія. На панихидахъ перебывало очень много друзей, знакомыхъ, учениць и почитателей покойнаго. На похороны собралась тысячная толпа, запрудившая не только всю квартиру, но лѣстницу и дворъ. Гробъ и катафалкъ были буквально покрыты массою цвѣтовъ и зелени, среди которыхъ особенно выдѣлялся по своему изяществу вѣнокъ изъ живыхъ сирени, бѣлыхъ розъ и ландышей, присланный Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, а также серебряные вѣнки отъ Высшихъ женскихъ курсовъ и Педагогическаго Музея. Всю дорогу отъ Литейной до Англиканской церкви гробъ несли на рукахъ мужчины и женщины. Похороненъ А. Я. на Смоленскомъ нѣмецкомъ кладбищѣ. Рѣчи, сказанныя на могилѣ его друзьями и почитателями, отличались глубокою задушевностью и скорбью. Д. Д. Семеновъ, отдавая послѣдній долгъ и обрисовывая личность А. Я., какъ образцоваго семьянина и педагога, сказалъ: «Это былъ народолюбецъ и дѣтолюбецъ въ лучшемъ значеніи этихъ словъ! Оплакивая его смерть, мы найдемъ одно утѣшеніе — онъ воспиталъ цѣлый рядъ поколѣній въ чувствахъ любви и справедливости, въ сознаніи необходимости труда и просвѣщенія!» Во всѣхъ ежедневныхъ и еженедѣльныхъ столичныхъ изданіяхъ появился рядъ статей, посвященныхъ его памяти. Во многихъ обществахъ въ Петербургѣ и Москвѣ были отведены особые вечера памяти Александра Яковлевича. Въ дер. Мураевкѣ, Кромскаго уѣзда, Орловской губерніи учреждена школа въ память А. Я., на Высшихъ женскихъ курсахъ — стипендія его имени, а при Академіи Наукъ — премія за лучшее сочиненіе по естествовѣдѣнію.

Н. Ермолинъ, «Очеркъ жизни А. Я. Герда». Съ портр. С.-Пб. 1889 г.; П. Вейнбергъ, «Памяти А. Я. Герда» (докладъ въ засѣданіи Комитета Грамотности въ Вольно-Экономическомъ обществѣ 17 января 1889 г. и статья въ «Женскомъ Обозрѣніи» 1889 г. № 1); Дрентельнъ, «Нѣсколько воспоминаній объ А. Я. Г.» (докладъ въ собраніи Общаго Педагогическаго Отдѣла въ Педагогическомъ Музеѣ 16 янв. 1889); Письма и личныя воспоминанія; Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. VIII; «Петербургскій Некрополь», т. I.

И. Я. Гердъ.

Гердъ, *Яковъ Ивановичъ* (James Arthur Heard), педагогъ. О первыхъ годахъ и юности Я. И. сохранилось очень мало данныхъ. Отецъ его родился въ городѣ Коркѣ на южномъ берегу Ирландіи. Былъ онъ морякъ и умеръ, когда Я. И. было всего восемь лѣтъ. Старшій братъ Вильямъ командовалъ англійскимъ фрегатомъ «Alert» и былъ убитъ въ 1812 году, во время войны съ Соединенными Штатами, въ сраженіи близъ Филадельфіи. Второй братъ Джонъ отправился въ Индію, а затѣмъ въ Австралію, занялся китоловствомъ въ Южномъ океанѣ, гдѣ открылъ островъ, названный въ его честь островомъ Heard'a; дальнѣйшая его участь неизвѣстна. Я. И. родился въ Гринвичѣ 30 ноября 1799 или 1800 года (по надгробію — 12 декабря 1799 г.). Съ малолѣтства онъ мечталъ также сдѣлаться морякомъ, на что его мать, потерявшая мужа и двухъ сыновей, ни за что не соглашалась. Въ 1815 году многіе заинтересовались новымъ методомъ первоначальнаго обученія, который разработалъ квакеръ Ланкастеръ. Онъ открылъ школу въ той части Лондона, которая была населена самымъ бѣднымъ людомъ. Тамъ дѣти по цѣлымъ днямъ копошились на улицѣ и, за неимѣніемъ средствъ, вырастали при полномъ невѣжествѣ. Его школа быстро наполнилась, и сотни еще ждали вакансій. Извѣстный филантропъ Вильямъ Алленъ далъ средства на устройство зала на 300 мальчиковъ. Ланкастеръ сталъ обдумывать, какъ, не тратясь на наемъ помощниковъ, успѣшно обучать одновременно такую массу дѣтей. Эту задачу онъ рѣшилъ чрезвычайно успѣшно. Всѣхъ дѣтей онъ раздѣлилъ на группы, при чемъ каждою группой завѣдывалъ одинъ изъ наиболѣе успѣшныхъ первыхъ его учениковъ. Выработавъ особенный систематическій курсъ, онъ ввелъ такимъ образомъ взаимное обученіе, давшее прекрасные результаты, хотя, правда, при этомъ, для соблюденія полнаго порядка, не прибѣгая ни къ какимъ взысканіямъ, пришлось ввести нѣкоторыя формальности и особые пріемы. Подобныя же школы были учреждены въ разныхъ частяхъ Англіи и требованія на учителей, знакомыхъ съ ланкастер-

скимъ методомъ обученія, стали поступать изъ разныхъ странъ въ образовавшееся въ Лондонѣ общество подъ названіемъ «British and Foreign School Society». Я. И., тогда еще 16-лѣтній юноша, сильно заинтересовался новымъ методомъ обученія и сталъ посѣщать Лондонскую школу Ланкастера. Изучивъ основательно методъ обученія, онъ 6 іюня 1817 г. получилъ особое свидѣтельство на право преподавать и учреждать школы по Ланкастерскому методу взаимнаго обученія.

Нѣсколько раньше онъ случайно познакомился съ первымъ секретаремъ Русскаго посольства Штрандманомъ, который предложилъ ему сдѣлать выписки изъ документовъ, касающихся Россіи, хранящихся въ Британскомъ Музеѣ. Работая тамъ, Я. И. познакомился съ нѣкоторыми историческими данными о Россіи, что его заинтересовало такъ, что когда въ Англію были присланы четверо молодыхъ людей, окончившихъ курсъ въ С.-Пб. Педагогическомъ институтѣ, — Буссе, Свенске, Ободовскій и Тимаевъ, онъ предложилъ имъ заниматься англійскимъ языкомъ, взамѣнъ получая отъ нихъ уроки русскаго языка, изученіе котораго было въ то время чрезвычайно трудно за отсутствіемъ какихъ бы то ни было пособій.

Вѣсть объ успѣшности ланкастерскихъ школъ дошла и до графа Румянцева, который выразилъ желаніе устроить подобную школу въ своемъ имѣніи Гомель и написалъ о томъ въ Англію. По рекомендаціи Штрандмана Яковъ Ивановичъ былъ приглашенъ для устройства этой первой ланкастерской школы въ Россіи. 6 іюля 1817 г. онъ выѣхалъ въ Петербургъ, куда и прибылъ 29 іюля. Графъ Румянцевъ въ то время былъ въ Гомелѣ, но, уѣзжая изъ Петербурга, сдѣлалъ распоряженіе объ отправкѣ туда же Я. И. Послѣ 22-дневнаго очень утомительнаго путешествія Я. И. прибылъ въ Гомель, гдѣ ему временно была отведена комната въ квартирѣ архитектора англичанина г. Клерка. На слѣдующій день Клеркъ представилъ Я. И. графу, который принялъ его очень любезно и пригласилъ къ обѣду. Кромѣ г. Клерка въ Гомелѣ жило еще нѣсколько англичанъ. Главноуправляющимъ же состоялъ отставной генералъ Дерябинъ, бывшій директоръ Горнаго корпуса, хорошо владѣвшій англійскимъ языкомъ. Я. И. принялся чрезвычайно усердно за изученіе русскаго языка. Тогда еще не было русско-англійскаго словаря, и онъ пользовался русско-французскимъ, такъ какъ французскій языкъ онъ зналъ основательно. Черезъ три недѣли послѣ пріѣзда Я. И. въ Гомель, графъ Румянцевъ выѣхалъ въ Петербургъ. Вообще Гомель онъ посѣщалъ преимущественно лѣтомъ и на короткое время. Къ этому времени былъ приготовленъ небольшой домикъ въ двѣ комнаты съ кухнею для Я. И. и въ услуженіе дали ему крестьянскаго мальчика. Зажилъ онъ своимъ хозяйствомъ, по временамъ посѣщая дружественную семью г. Клерка, а по воскресеньямъ обѣдая у ген. Дерябина.

Но вотъ прошло болѣе года, а еще ничего не было сдѣлано для открытія училища. При объясненіи съ ген. Дерябинымъ, тотъ высказалъ, что Гомель населенъ исключительно евреями, а графъ хотѣлъ устроить училище для своихъ крестьянъ; собрать же 200 крестьянскихъ мальчиковъ изъ близлежащихъ графскихъ помѣстій было невозможно. Тогда Я. И. указалъ на то, что изъ 6000 душъ, принадлежащихъ графу, навѣрно найдется 200 сиротъ, для которыхъ можно устроить интернатъ въ Гомелѣ. Въ этомъ смыслѣ имъ была составлена записка, которую графъ вполнѣ одобрилъ и приказалъ сейчасъ же приступить къ возведенію необходимаго зданія. Планъ этого зданія былъ выработанъ архитекторомъ совмѣстно съ Я. И. Между тѣмъ было собрано 45 мальчиковъ сиротъ. Они были помѣщены въ пустовавшемъ флигелѣ главнаго графскаго дома, гдѣ была отведена и квартира Я. И., а залъ въ нижнемъ этажѣ превращенъ въ классъ. Я. И., владѣвшій въ это время уже порядочно русскимъ языкомъ, сталъ готовить этихъ первыхъ учениковъ въ мониторы для будущаго училища взаимнаго обученія. Послѣ молебна, совершеннаго въ присутствіи 45 учениковъ, ген. Дерябина и нѣсколькихъ мѣстныхъ властей, было открыто первое ядро ланкастерскихъ училищъ въ Россіи. Ученики приступили съ явною боязнью различныхъ наказа-

ній, но вскорѣ убѣдились въ самомъ гуманномъ отношеніи къ нимъ и въ безусловномъ отсутствіи всякихъ наказаній. Успѣхи ихъ были поразительны, и они быстро усвоили всѣ тѣ эволюціи, которыя требовались этою новою системою. Черезъ три мѣсяца послѣ открытія школу посѣтилъ князь Голицынъ, который былъ пораженъ тѣмъ, что ученики писали уже правильно односложныя и двусложныя слова подъ диктовку.

Въ началѣ ноября зданіе для школы было окончено; въ присутствіи графа и другихъ лицъ, послѣ молебна, 200 учениковъ сѣли на свои мѣста, и начался первый урокъ въ этой школѣ. Графъ остался очень доволенъ всѣмъ видѣннымъ и тутъ же вручилъ Я. И. денежную награду. Кромѣ чтенія и письма, ученики обучались ариѳметикѣ и каждый какому-нибудь ремеслу. Одна группа занималась переплетнымъ, другая швальнымъ, третья столярнымъ, а нѣкоторые ходили на ферму знакомиться со скотоводствомъ и молочнымъ хозяйствомъ. Съ такъ называемыми мониторами Я. И. занимался особо, старался пріохотить ихъ къ чтенію, много бесѣдовалъ съ ними, старался развить ихъ, подготовивъ такимъ образомъ изъ лучшихъ мониторовъ нѣсколькихъ учителей, хорошо ознакомившихся съ ланкастерскимъ методомъ взаимнаго обученія. Вѣсть объ этой образцовой школѣ распространялась все шире и шире, и она часто посѣщалась пріѣзжими лицами. Полковникъ Белингаузенъ, начальникъ близъ стоявшей батареи, прислалъ 15 молодыхъ солдатъ для обученія грамотѣ, и черезъ три мѣсяца они вернулись въ свою часть, умѣя читать и порядочно писать. Виленскій университетъ командировалъ приватъ-доцента Кадовича въ Гомель для ознакомленія съ ланкастерскимъ методомъ.

Исполнивъ принятыя на себя обязанности, Я. И. порѣшилъ возвратиться въ Англію. Въ это время онъ получилъ очень любезное письмо отъ князя Барятинскаго, который, предлагая ему прекрасныя условія, приглашалъ его устроить подобное же училище на 300 мальчиковъ въ его имѣніи въ Курской губерніи, но Я. И., по настоянію своей матери, отказался отъ этого заманчиваго предложенія и отправился въ Англію. Въ Петербургѣ онъ простился съ графомъ Румянцевымъ, который снабдилъ его письмами въ Лондонскій училищный совѣтъ и къ филантропу Аллену. Поблагодаривъ Я. И. за добросовѣстное исполненіе принятыхъ на себя обязанностей, графъ вынулъ изъ своего галстука золотую булавку съ изумрудомъ и подарилъ ее ему на память.

По возвращеніи въ Англію Я. И. былъ назначенъ инспекторомъ школъ въ двухъ графствахъ: Surrey и Sussex, но онъ и года не прожилъ тамъ, какъ скончалась его мать. Между тѣмъ онъ получилъ нѣсколько приглашеній вернуться въ Россію. Не долго думая, онъ вторично отправился въ Россію и по предложенію правительства учредилъ въ разныхъ городахъ нѣсколько ланкастерскихъ училищъ и въ 1822 году два въ С. Петербургѣ, одно для бѣдныхъ русскихъ мальчиковъ, другое для дѣтей иностранцевъ. Затѣмъ онъ былъ утвержденъ въ званіи управляющаго ланкастерскими училищами, а графъ Вьельгорскій попечителемъ этихъ училищъ. Руководя училищами, Я. И. въ то же время давалъ частные уроки, а въ 1842 году поступилъ еще въ канцелярію комитета строительной комиссіи С.-Петербургско-Московской желѣзной дороги, затѣмъ преобразованную въ департаментъ желѣзныхъ дорогъ. Въ 1843 г. (18 іюня) онъ былъ командированъ въ Англію, для собиранія нѣкоторыхъ свѣдѣній, относящихся до желѣзныхъ дорогъ. Постройкѣ Николаевской жел. дороги Я. И. много содѣйствовалъ какъ своими техническими знаніями, такъ и знаніемъ языковъ. Онъ явился самымъ энергичнымъ и упорнымъ противникомъ заключенія разорительнаго для насъ контракта съ американцемъ Уайненсомъ по ремонту и содержанію подвижного состава этой дороги, за что и не мало пострадалъ, и въ 1855 г. отказался отъ занятій въ департаментѣ желѣзныхъ дорогъ. Въ 1845 году онъ со всѣмъ своимъ семействомъ принялъ присягу на подданство Россіи.

При устройствѣ ланкастерскихъ училищъ чувствовался большой недостатокъ въ подходящихъ учебникахъ. Гречъ взялся составить русскій букварь, а Буссе ариѳметическій задачникъ, но оба исполнили эту задачу неудовле-

творительно, такъ что Я. И. самъ выпустилъ русскій букварь, снабдивъ его хорошими рисунками, баснями и небольшими разсказами изъ жизни животныхъ, а также ариѳметическій задачникъ, въ который вошли простенькія задачи, приноровленныя къ ученикамъ. Въ 1858 г. Министерство Народнаго Просвѣщенія, находя ланкастерскій методъ устарѣлымъ, закрыло училища взаимнаго обученія.

Яковъ Ивановичъ, самъ испытавъ, какъ трудно иностранцамъ изучить русскій языкъ за отсутствіемъ пособій, составилъ: «A practical grammar of the Russian language» (1827), «Exercices sur les principales règles de la langue Russe», «Beispielsammlung zur russichen Grammatick», «Фразеологія англійскаго языка», «Англійскій этимологическій букварь», такой же французскій, «Учебная книга французскаго языка», «Упражненія въ переводѣ съ французскаго на русскій», «Новый и легчайшій способъ узнать родъ всѣхъ именъ существительныхъ во французскомъ языкѣ». «Собраніе грамматическихъ примѣровъ» (1827), «Ключъ къ упражненіямъ или собраніе изрѣченій для перевода съ русскаго языка на французскій» (1841), «Этимологическій Россійскій букварь, содержащій въ себѣ всѣ первообразныя слова русскаго языка, молитвы, басни, уроки для чтенія въ прозѣ и стихахъ» (1843, 12⁰), вызвавшій суровые критическіе отзывы въ «Отечественныхъ Запискахъ» и «Современникѣ» (рецензія П. А. Плетнева), «Учебный французскій словарь, содержащій въ себѣ первобытныя слова и главные идіотисмы французскаго языка, съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ примѣровъ, объясняющихъ значеніе придаточныхъ частицъ, и алфавитный списокъ окончаній, по которому можно легко запомнить родъ всѣхъ именъ существительныхъ» (1845), «Собраніе идіотизмовъ и первообразныхъ словъ французскаго языка съ присовокупленіемъ алфавитнаго списка окончаній» (1867), «Руководство къ познанію англійскаго языка» (1867). Сверхъ того онъ перевелъ на русскій языкъ классическое сочиненіе Гольдсмита «Векфильдскій священникъ», и его переводъ считается лучшимъ и до настоящаго времени. Путешествуя по Швейцаріи, Я. И. въ одномъ домѣ случайно нашелъ письмо кн. Наталіи Борисовны Долгорукой и два черновыхъ отвѣтныхъ письма ея бывшей гувернантки, съ которыхъ онъ тогда же снялъ копіи. Участь кн. Н. Б. Долгорукой такъ заинтересовала Я. И., что онъ сталъ собирать историческія свѣдѣнія, касающіяся ея, и выпустилъ на англійскомъ языкѣ историческій романъ: «The life and times of Nathalia Borisovna Princess Dolgorookov» (1857). Романъ этотъ безспорно отличается интересомъ, правдивостью и художественностью.

Отличаясь обширными познаніями, необыкновенной энергіей и непоколебимой честностью, самъ воспитанный въ суровой англійской школѣ, онъ первый изъ педагоговъ возвысилъ свой голосъ противъ всякихъ взысканій и на опытѣ надъ тысячами учениковъ показалъ примѣнимость своей системы воспитанія. Не только какъ практикъ, но и какъ теоретикъ, Я. И. занималъ высокое мѣсто среди европейскихъ педагоговъ сороковыхъ годовъ. Къ нему очень многіе обращались за совѣтомъ. Такъ, Вышнеградскій обсуждалъ здѣсь свой проектъ устройства въ Россіи женскихъ гимназій, профессоръ Люгебиль читалъ свою записку объ устройствѣ перваго дѣтскаго сада на Васильевскомъ островѣ. У Якова Ивановича можно было встрѣтить Жуковскаго, Греча, академика Свенске, Грота, архитектора Тона, художника Голике, молодыхъ профессоровъ: Стасюлевича, Сѣченова и многихъ другихъ выдающихся дѣятелей. Подъ конецъ своей жизни Я. И., сохранивъ свои умственныя способности, сталъ плохо слышать и видѣть, что его сильно тяготило. Онъ скончался въ ночь на 16 сентября 1875 г. въ Петербургѣ. Погребенъ на Смоленскомъ евангелическомъ кладбищѣ.

Дневникъ Я. И. Г., его письма, формулярный списокъ и аттестатъ деп-та желѣзныхъ дорогъ и Министерства Народнаго Просвѣщенія; Некрологъ Я. И., составленный академикомъ Гротомъ («Голосъ», 1875 г., № 258); «Heard's Lancastrian School in Russia» («Anglo-Russian Literary Society», 1893 г.); И. Г., «Первая въ Россіи Ланкастерская школа» («Историческій Вѣстникъ», 1887 г. № 9); Венгеровъ, «Источники словаря русскихъ писателей», т. I; Личныя воспоминанія; «Петербургскій Некрополь», т. I.

И. Я. Гердъ.

Герздорфъ *(Герсдорфъ, Герцдорфъ)*, баронъ *Карлъ Максимовичъ*, генералъ-маіоръ, родился въ 1761 г. (по формуляру въ 1813 г. ему было 52 года), происходилъ изъ датскихъ дворянъ г. Рейбурга. Началъ службу въ Датской арміи, откуда принятъ 5 іюля 1788 г. изъ капитановъ тѣмъ же чиномъ на русскую службу въ Астраханскій гренадерскій полкъ. Въ томъ же году Г. принялъ участіе въ Турецкой войнѣ и за отличіе при штурмѣ Очакова 6 декабря произведенъ въ секундъ-маіоры. При расформированіи Астраханскаго полка переведенъ съ батальономъ 19 мая 1790 г. въ Днѣпровскій гренадерскій полкъ. Въ томъ же году Г. прошелъ на гребномъ флотѣ по Черному морю отъ Очакова до Дуная, былъ въ десантѣ при взятіи Сунтанской батареи и, будучи посланъ съ авангардомъ впереди колонны, вошелъ подъ пушечными выстрѣлами на батарею и обратилъ непріятеля въ бѣгство, за что произведенъ въ премьеръ-маіоры (29 января 1791 г.); при покореніи Тульчи Г. преслѣдовалъ непріятеля, а при осадѣ и взятіи штурмомъ Измаила съ дивизіономъ занялъ батарею, прогналъ съ нея непріятеля и истребилъ орудія, за что 31 марта 1792 г. награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст.. 24 іюня 1792 г. Г. переведенъ въ Сѣвскій мушкетерскій полкъ. 28 сентября 1797 г. онъ произведенъ въ подполковники, а 2 ноября 1798 г. въ полковники. Въ 1799 г. участвовалъ въ Швейцарскомъ походѣ и при Цюрихѣ былъ контуженъ въ голову. 20 февр. 1800 г. произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ шефомъ Углицкаго пѣхотнаго полка. Въ 1807 г. Г. участвовалъ въ войнѣ съ Наполеономъ, командуя бригадой 14-ой дивизіи. 20 февраля въ ночной экспедиціи при д. Цехернъ былъ контуженъ въ ногу; 24 мая при д. Шарникъ взялъ много плѣнныхъ, за что награжденъ орденомъ св. Анны 1 ст.; 25 мая участвовалъ въ преслѣдованіи отступающаго непріятеля до р. Пасарги; съ 29-го по 31 мая былъ въ дѣлахъ подъ г. Гейльсбергомъ, гдѣ былъ контуженъ въ ногу и награжденъ золотою шпагою съ надписью «За храбрость» и съ алмазами. Въ 1812 г. Г. былъ начальникомъ 5-й пѣхотной дивизіи. Въ концѣ этого года на Герздорфа возложено было формированіе въ Орлѣ легіоновъ изъ плѣнныхъ французовъ, итальянцевъ и голландцевъ. Г. прибылъ въ Орелъ въ началѣ января 1813 г. и къ 1 іюля сформировалъ три роты. Онѣ выступили изъ Орла въ Витебскъ въ концѣ сентября, но Г. въ это время уже скончался: 22 сентября 1813 г. онъ Высочайшимъ приказомъ исключенъ изъ списковъ Углицкаго пѣхотнаго полка умершимъ по болѣзни.

Формул. списокъ 1813 г. (Моск. отдѣл. Архива Главн. Штаба, кн. форм. сп. за 1816 г.); «Военная галлерея 1812 года»; В. К. Судравскій, «Георгіевскіе кавалеры за 140 лѣтъ» («Воен. Сборн.» 1910 г., № 5, стр. 266); «Труды Орловскаго Отдѣла Импер. Русскаго Военно-Историч. Общества», вып. I. М. 1913; В. К. Судравскій, «Военная Галлерея Зимняго Дворца» («Воен. Сборн.», 1910 г., № 11, стр. 175).

Н. К. Александровичъ.

Герике, *Іоганнъ* (Johann Valentin Gericke), докторъ медицины, по экзамену получилъ право практики въ Россіи 28 октября 1787 г. и былъ назначенъ въ Пермское намѣстничество, но туда ѣхать не пожелалъ, а просилъ назначенія въ армію; 2 декабря 1787 г. опредѣленъ въ Георгіевскій госпиталь, а оттуда (16 мая 1793 г.) переведенъ въ Украинскую дивизію.

Чистовичъ, «Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи».

Герике (Gericke, первоначально Gercke), *Іоганнъ-Христоферъ*, пасторъ, писатель, родился въ 1696 г. (по другимъ извѣстіямъ въ 1699 г.) въ Норденбергѣ въ Пруссіи, скончался 25 февраля 1759 г. въ Ригѣ. Получилъ образованіе въ Кенигсбергскомъ университетѣ и въ 1726 г. пріѣхалъ въ Ригу, а затѣмъ получилъ мѣсто пастора въ Пернигелѣ въ Лифляндіи, гдѣ оставался до 1743 г., когда занялъ мѣсто діакона при Рижской Домской церкви (Domkirche). Въ 1744 г. назначенъ архидіакономъ въ церковь св. Петра въ Ригѣ, въ 1746 г. — проповѣдникомъ тамъ же, а въ 1755 г. — главнымъ проповѣдникомъ. Одновременно онъ сдѣлался ассесоромъ городской консисторіи. Перу его принадлежатъ слѣдующія сочиненія: 1) «Dissertatio de dispositione ex lumine naturae ad supernaturalia ad cognoscendos

Angelos ex spectrorum apparitionibus» (Regimonti, 1720); 2) «Kurzgefasste Reformationsgeschichte der Hauptstadt Riga in der Provinz Livland» и 3) «Nachrichten von den Herrnhutischen Auftritten in Livland», — оба послѣдніе труда напечатаны въ «Acta historiae ecclesiasticae», т. XX.

Recke und Napiersky, «Allgemeines Schriftsteller und Gelehrten-Lexicon der Provinzen Livland, Estland und Curland». Mitau 1829.— Рукописные матеріалы въ Рижской городской библіотекѣ.

А. Р. Жукова.

Герингъ, *Іоаннъ Христофоръ Эргардъ Николаевичъ* (Johann Christoph Erhard Göring), лекторъ нѣмецкаго языка и словесности въ Московскомъ университетѣ, коллежскій совѣтникъ, сынъ извѣстнаго въ свое время, какъ писателя, пастора Геринга († 1815 г.), родился 19 декабря 1796 г. въ Пильграмсрейтѣ въ Баваріи. Первоначальное образованіе получилъ дома, потомъ въ гимназіи въ Гофѣ, а по закрытіи ея, въ академической гимназіи въ Байрейтѣ. Въ 1815 г. поступилъ въ Эрлангенскій университетъ съ аттестаціей «очень достойный» (sehr würdig) и здѣсь два года занимался философскими и юридическими науками. Въ 1817 г. по приглашенію брата своего Фридриха (см. ниже), пастора при церкви св. Петра и Павла въ Москвѣ, поѣхалъ въ Россію, но, будучи въ Эльбингенѣ обокраденъ своимъ спутникомъ, принужденъ былъ остановиться въ Кенигсбергѣ. Въ теченіе зимняго семестра 1817—18 г. ему удалось прослушать курсъ наукъ въ Кенигсбергскомъ университетѣ благодаря покровительству проректора Авг. Фр. Швейггера, родомъ баварца, а чтобы добыть средства къ жизни, онъ принялъ мѣсто домашняго учителя. Проживъ затѣмъ 2 года въ Бочкиникелахъ въ Царствѣ Польскомъ у фонъ-Пуша, которому его рекомендовалъ богословъ и лингвистъ І. С. Фатеръ, Г. въ ноябрѣ 1820 г. уѣхалъ въ Москву, и 4 мѣсяца занимался изученіемъ русскаго языка. Въ мартѣ 1821 г. онъ вернулся въ Кенигсбергъ и посвятилъ себя изученію богословія. Въ сентябрѣ 1822 г. получилъ степень кандидата богословія и вернулся въ Москву, гдѣ сталъ подъ руководствомъ брата говорить проповѣди, но скоро убѣдился, что не имѣетъ склонности къ духовному званію. Въ 1823 г. поступилъ учителемъ латинскаго языка въ училище доктора Кистера и преподавателемъ нѣмецкаго языка въ Московское училище Ордена Св. Екатерины. Въ 1830 г. опредѣленъ вторымъ лекторомъ нѣмецкаго языка въ Московскій университетъ, а въ 1832 г. — учителемъ нѣмецкаго языка въ Александровскій Сиротскій институтъ, гдѣ преподавалъ до 1840 г. Въ октябрѣ 1834 г. назначенъ первымъ лекторомъ въ Московскій университетъ. Въ 1839 г. принялъ присягу на подданство Россіи. Въ 1847 г. назначенъ учителемъ нѣмецкаго языка для пепиньерокъ Училища Ордена Св. Екатерины. Кромѣ того Г. преподавалъ въ Воспитательномъ домѣ, Лазаревскомъ институтѣ и другихъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ маѣ 1858 года, по свидѣтельству Бодянскаго, возникъ въ университетѣ вопросъ объ увольненіи Г. отъ должности лектора, разрѣшившійся въ его пользу. Онъ оставался лекторомъ до 1862 года. Въ продолженіе своей службы Герингъ былъ награжденъ разными царскими подарками, въ числѣ которыхъ была драгоцѣнная табакерка съ живописью за переводъ «Юрія Милославскаго», поднесенный Государынѣ Императрицѣ. Въ 1836 г. Г. ѣздилъ въ Германію. Отъ 1827 г. до 1834 г. онъ былъ сотрудникомъ журнала «Wiener Zeitschrift für Kunst, Literatur, Theater und Mode». Перевелъ романы Загоскина «Юрій Милославскій» (Кенигсбергъ 1830) и «Рославлевъ» (Лейпцигъ 1832). Въ 1833 г. издалъ первую тетрадь своихъ «Metrische Uebersetzungen», которая между прочимъ содержитъ переводъ первыхъ двухъ пѣсенъ «Руслана и Людмилы» Пушкина. Кромѣ того издалъ переведенные имъ «Историческіе афоризмы» Погодина (Лейпцигъ 1836), его же вступительную лекцію по всеобщей исторіи, читанную въ 1833 г., и нѣсколько главъ «Геологическаго путешествія по Алтаю» профессора Щуровскаго (въ нѣмецкомъ журналѣ). Въ 1834 г., по порученію университета, издалъ «Нѣмецкую Хрестоматію» («Neue deutsche

Chrestomathie oder systematisch geordnete Auswahl lehrreicher und anziehender Stücke aus Prosaisten und Dichtern zum Gebrauch beim Uebersetzen aus dem Deutschen in's Russische. Mit einem vollständigen Wörterverzeichnisse. 1—2 Th. Moskau in der Universitäts-Buchdruckerei. 1834, in-8). Второе исправленное изданіе ея вышло въ 1842 г. Кромѣ того онъ составилъ «Сравнительный синтаксисъ» и «Историческій обзоръ нѣмецкой литературы».

«Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Импер. Московск. Университета», 1855 г., т. I, 193—197, т. II, 244, 245; «Русскій Архивъ», 1892 г., III, 439—440 (Изъ дневника О. М. Бодянскаго); Адресъ-Календари 1862 и 1863 гг. *М. А. Ціонъ.*

Герингъ, *Фридрихъ-Христоферъ-Юстусъ*, пасторъ лютеранской церкви св. Петра и Павла въ Москвѣ, сынъ пастора, братъ лектора Московскаго университета (см. выше), родился 13 мая нов. ст. 1780 г. въ Grosszöbern въ Саксоніи, получилъ среднее образованіе въ гимназіи въ Гофѣ, а высшее въ университетѣ въ Галле, гдѣ въ 1797—1800 гг. изучалъ филологію, богословіе и педагогику и за разсужденіе на богословскую тему получилъ медаль. По окончаніи образованія былъ преподавателемъ въ сиротскомъ институтѣ Франке въ Галле. Въ Россію прибылъ въ 1806 г. въ качествѣ домашняго учителя въ семьѣ барона Клейста. Въ 1807 г. посвященъ былъ въ пасторы въ Митавѣ. Получивъ мѣсто проповѣдника Оренбургской линіи (въ Екатеринбургѣ), онъ заѣхалъ въ Москву и остался здѣсь, принявъ, по предложенію пастора Гейдеке, должность ректора школы при Петропавловской церкви и помощника пастора. По смерти Гейдеке въ 1811 г. Г. занялъ его мѣсто по выбору прихожанъ. Въ 1812 г. онъ не покинулъ своей паствы, а потомъ много потрудился для возстановленія сгорѣвшей церкви. 13 декабря 1814 г. была освящена устроенная имъ часовня, 15 іюня 1818 г. заложена въ присутствіи прусскаго короля церковь св. Петра и Павла на новомъ мѣстѣ въ переулкѣ близъ Маросейки и 30 августа 1819 г. освящена. Въ память постройки церкви прихожане поднесли Г. бронзовый крестъ 1812 года. 30 декабря 1837 г. Г. былъ назначенъ духовнымъ засѣдателемъ Московской Евангелическо-лютеранской консисторіи и 30 декабря 1838 г. — совѣтникомъ консисторіи. 8 февраля 1842 г. вышелъ въ отставку. Въ 1835—1840 гг. Г. былъ членомъ комитета Московскаго Библейскаго общества. Умеръ 24 января 1847 г. и погребенъ на иновѣрческомъ кладбищѣ на Введенскихъ горахъ. За нѣсколько дней до смерти онъ уничтожилъ свои бумаги и дневникъ, который онъ велъ въ теченіе многихъ лѣтъ.

Изъ напечатанныхъ проповѣдей Геринга извѣстны слѣдующія: 1) Predigt zur Einweihung des Bethauses der Ev.-Luth. neuen Gemeinde zu Moskwa, gehalten den 13 Dec. 1814, am dritten Sonntage des Advents. St. Pbg. 1815; 2) Rede bey Legung des Grundsteines zur neuen evangelischen Petri-Pauli Kirche zu Moskwa etc. M. 1818; 3) Predigt gehalten am Namensfeste Sr. Majestät, des Kaisers Alexander des Ersten, den 30 Aug. 1824 bei der Aufstellung der von Sr. Majestät, dem Könige von Preussen, Friedrich Wilhelm dem Dritten, der evangelischen St. Petri-Pauli -Kirche zu Moskau geschenkten Altargemälde. M. 1824; 4) Rede gehalten zur religiösen Einweihung der wieder eingerichteten Schule bei der evangelischen St. Petri-Pauli-Kirche zu Moskau den 31 Aug. 1824 im Schulhause. M. 1824; 5) Predigt zur Gedächtnissfeier S. Majestät des hochseligen Kaisers Alexander des Ersten. M. 1826.

A. W. Fechner, «Chronik der Evangelischen Gemeinden in Moskau», B. II; «Московскій Городской Листокъ» 1847 г., № 26; «Московскій Некрополь», т. I. *Н. Чулковъ.*

Герке, *Августъ*, скрипачъ, дирижеръ и композиторъ, родился около 1790 г. въ Польшѣ. Отецъ и дѣдъ его, дворяне, также были музыканты, по свидѣтельству внука Августа Г., извѣстнаго петербургскаго музыкальнаго дѣятеля, сенатора А. А. Герке. Г. часто давалъ въ Кіевѣ, во время контрактовой ярмарки, концерты и пользовался извѣстностью, какъ скрипачъ и педагогъ, не только въ кіевской округѣ, но и въ Польшѣ и за границей. Одно время Г. состоялъ дирижеромъ у графа Ганскаго, его оркестръ состоялъ изъ 40 молодыхъ деревенскихъ парней графа

и съ хорошимъ ансамблемъ исполнялъ вещи классическаго и серьезнаго репертуара. Въ 1822 г. онъ жилъ въ Бременѣ, въ 1823 г. въ Кіевѣ, въ 1824 г. служилъ у Гессенскаго герцога въ Дессау, откуда снова вернулся въ Россію. Въ 1835 г. Г. былъ назначенъ директоромъ музыки въ Касселѣ, а въ 1848 г. жилъ въ Детмольдѣ. Произведенія Г. изданы въ Лейпцигѣ и Гамбургѣ, въ томъ числѣ 2 увертюры, польскій для оркестра, камерные тріо и дуэты, вальсы и др. пьесы для фортепіано въ 2 и 4 руки. Годъ смерти Г. неизвѣстенъ. Изъ четырехъ дѣтей Г. — двое, *Антонъ* и *Отто*, посвятили себя музыкальной дѣятельности. Второй изъ нихъ (род. 1807 г., въ Готѣ), скрипачъ и композиторъ, жилъ и работалъ исключительно заграницей.

Fétis, «Biogr. univ.», III, 458.—Sowinski, «Les musiciens polonais et slaves», 208—209.—«Русская Старина», 1880 г., авг., стр. 802.

Н. Финдейзенъ.

Герке, *Антонъ Августовичъ*, сынъ предыдущаго, извѣстный піанистъ и профессоръ С.-Пб. консерваторіи. Родился 9 августа 1812 г. въ м. Пулинахъ Волынской губ. Первоначальнымъ музыкальнымъ развитіемъ обязанъ отцу, въ оркестровомъ исполненіи котораго (1818 г.) Г. уже въ дѣтствѣ познакомился съ музыкальной литературой. Отецъ повезъ его въ 1820 г. въ Москву, гдѣ Г. сдѣлался ученикомъ Фильда, затѣмъ совершенствовалъ себя за границей — у Калькбреннера въ Парижѣ, Мошелеса въ Лондонѣ и Риса въ Гамбургѣ. Общимъ образованіемъ Г. обязанъ главнымъ образомъ самому себѣ; переѣхавъ, въ концѣ 1820-хъ годовъ, въ Кіевскую губ., онъ былъ вынужденъ поступить библіотекаремъ къ графу Михаловскому, библіотека котораго насчитывала около 5000 томовъ и возбудила у молодого музыканта страсть къ чтенію. Въ 1832 г. Г. пріѣхалъ и поселился въ Петербургѣ. Его концерты обратили на него вниманіе: черезъ годъ онъ получилъ званіе піаниста Его Величества и мѣсто въ Императорскихъ театрахъ. Г. былъ однимъ изъ основателей Симфоническаго общества въ Петербургѣ (1840) и принималъ дѣятельное участіе въ концертахъ этого общества, а также болѣе позднихъ — въ университетѣ, подъ управленіемъ К. Шуберта. Со дня основанія С.-Пб. консерваторіи (1862 г.) Г. былъ приглашенъ туда профессоромъ по классу игры на фортепіано и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выступалъ въ симфоническихъ и камерныхъ собраніяхъ Музыкальнаго Общества. Кромѣ того, Г. былъ однимъ изъ популярнѣйшихъ педагоговъ въ Петербургѣ; по свидѣтельству его сына, Г. далъ болѣе 2000 учениковъ (между ними слѣдуетъ назвать Мусоргскаго), преподавая въ училищѣ правовѣдѣнія и др. учебныхъ заведеніяхъ. Г. умеръ 5 августа 1870 г. въ благопріобрѣтенномъ имѣніи своемъ, сельцѣ Крельѣ, Валдайскаго уѣзда, Новгородской губ., и похороненъ недалеко отъ него — на кладбищѣ села Едрова.

«Русская Стар.», 1880, VIII, 802—805.—Рубецъ, «Словарь», 18—20.—Риманъ, «Муз. Слов.», 338.—Перепелицынъ, «Ист. муз.», 178, 232.—Стасовъ, «Собр. соч.», III, 740, 744, 745, 748, 1670, 1671, 1678.— Сѣровъ, «Крит. статьи», I, 42; III, 1273.—Финдейзенъ, «Оч. дѣят. И. Р. М. О.», 31, 73, 117.—М.Чайковскій, «Жизнь П. Чайковскаго», I, 153, 165, 166.

Н. Финдейзенъ.

Германъ, преподобный Валаамскій, «начальникъ», т.-е. основатель (вмѣстѣ съ преподобнымъ Сергіемъ) Преображенскаго монастыря на островѣ Валаамѣ, на Ладожскомъ озерѣ. Первоначальная исторія Валаама и біографія его основателей очень темны и сбивчивы, и авный источникъ для біографіи преп. Германа представляетъ написанная въ честь Сергія и Германа церковная «служба». Преданіе утверждаетъ, что Сергій и Германъ пришли на Валаамъ «съ Востока», а сложенный въ честь ихъ акаѳистъ прямо называетъ ихъ «греческаго кедра отраслями избранными». Издавна держалось мнѣніе, что Сергій и Германъ поселились на Валаамѣ «еще во время владычествовавшаго въ Россіи идолопоклонства», между 973—980 годами, отличались высокими духовными совершенствами, «прорицаху настоящая и будущая» и проповѣдовали евангеліе мѣстнымъ жителямъ. «Свѣтомъ вѣры и подвигъ вашихъ страну Карельскую просвѣтили есте, говорится въ ака-

ѳистѣ, учаще приходящыя къ вамъ люди суевѣрія и бѣсовскія обычаи отложити и единаго точію Бога боятися». По преданію, Германъ былъ священникомъ и послѣ Сергія управлялъ Валаамскою обителью. Позднѣйшая критика отодвинула время жизни Сергія и Германа къ XII и съ большей вѣроятностью къ XIV вѣку, и оффиціальное синодальное изданіе «Минеи Четьи на русскомъ языкѣ» говоритъ о Сергіи и Германѣ, какъ о «скончавшихся около 1353 г.». Валаамскій монастырь былъ не одинъ разъ опустошаемъ шведами, и мощи Сергія и Германа были переносимы въ Новгородъ, а въ періодъ съ 1610 до 1721 г. (годъ возвращенія ихъ на Валаамъ) находились въ Староладожскомъ монастырѣ. Сергій и Германъ издавна почитались, какъ святые, въ Валаамскомъ монастырѣ, но общее ихъ почитаніе началось только въ недавнее время при митрополитахъ С.-Петербургскихъ Гавріилѣ (1770—1799 гг.), имѣвшемъ особое усердіе къ Валаамской обители, и Амвросіи (1799—1818 гг.), возбудившемъ ходатайство о внесеніи имени Сергія и Германа въ богослужебныя книги. Въ настоящее время мощи Сергія и Германа, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, до начала XVIII вѣка бывшія «на вскрытіи», почиваютъ подъ спудомъ въ соборномъ Спасо-Преображенскомъ храмѣ Валаамскаго монастыря; надъ мощами находится серебряное надгробіе въ формѣ раки. Память ихъ 28-го іюня и 11-го сентября (день пренесенія мощей «изъ Новаграда обратно во обитель ихъ»).

Толстой, «Книга, глаголемая Описаніе о Россійскихъ Святыхъ», № 131; Голубинскій, «Исторія Канонизаціи», 147, 556; Ратшинъ, 472—473; «Валаамскій Монастырь и его подвижники», изд. иждивеніемъ Валаамскаго монастыря въ 1889 г., 19—21; Кондратьевъ И. К., «Святыни Валаамскаго монастыря», 8—10; «Минеи Четьи на рус. языкѣ», X, 632. Служба и Акаѳистъ Сергію и Герману изданы въ 1907 г. въ С.-Петербургѣ (стр. I—III). Апокрифическая «Бесѣда» Сергія и Германа напечатана въ X выпускѣ «Лѣтописи Занятій» Археографич. Комиссіи. *В. Шереметевскій.*

Германъ, преподобный Соловецкій былъ родомъ изъ города Тотьмы. Не научившись даже грамотѣ, онъ въ юности постригся неизвѣстно гдѣ, удалился на берегъ Бѣлаго моря и тамъ поселился на устьѣ р. Выга «при молитвенномъ храмѣ». Съ рыбаками онъ ѣздилъ на островъ Соловецкій, но не рѣшился жить на немъ въ полномъ одиночествѣ. Около 1430 г. къ Герману пришелъ Валаамскій инокъ Савватій. Забравъ съ собою «еже на потребу тѣлесную и орудія къ подобающему дѣланію», Германъ и Савватій переплыли на Соловецкій островъ, водрузили на немъ крестъ, поставили келью и начали обычную жизнь пустынниковъ: «руками непрестанно дѣлаша, устами же славословиша Господа, отъ пота лица своего постническую себѣ стяжевающе пищу». «По нѣкоторыхъ же лѣтѣхъ» Германъ отправился съ острова на р. Онегу, какъ можно думать, «за припасами»; вслѣдъ за нимъ приплылъ на материкъ и Савватій и здѣсь скончался 27 сентября 1435 г. на р. Выгѣ. На слѣдующій годъ къ Герману пришелъ новый искатель пустыннаго житія — Зосима. Узнавши отъ Германа, что Соловецкій островъ «угоденъ на селеніе инокомъ», Зосима упросилъ Германа, «да доведетъ его до острова того и на житіе пустынное наставитъ». Оба инока приплыли на островъ; на берегу прѣсноводнаго озера они поселились сначала въ полуверстѣ другъ отъ друга, потомъ поставили «кельи и дворъ» и стали жить, «землю воздѣлывающе мотыками и сѣмена сѣюще». «Потребы ради», т.-е. по хозяйственнымъ надобностямъ, Германъ поѣхалъ на материкъ, при чемъ Зосима цѣлую зиму оставался одинъ на островѣ. Германъ весною возвратился на островъ и привезъ «довольную пищу на долгое время и мрежи къ ловитвѣ рыбъ», а также рыбака Марка. Этотъ Маркъ постригся, а вслѣдъ за нимъ и «прочіи мнози спасенія себѣ желающіи начаша къ нимъ приходити и сожительствовати, зиждуще себѣ келіи». Такъ возникъ Соловецкій монастырь и скоро процвѣлъ подъ игуменствомъ Зосимы. Болѣе 40 лѣтъ Германъ на островѣ жилъ «постнически во всякихъ богоугодныхъ дѣлахъ и трудахъ безмолвно». Онъ является лучшимъ представителемъ некнижныхъ, безхитростныхъ, но въ то же время практичныхъ и трудолюбивыхъ иноковъ, создавшихъ величіе и богатство Соловецкаго монастыря. Онъ былъ не только сподвижникомъ пре-

подобнаго Зосимы «въ молитвахъ и въ трудѣхъ и въ пощеніихъ», но и неутомимымъ помощникомъ въ управленіи и хозяйствѣ, душею Соловецкаго братства и живой хроникой Соловецкой исторіи. «Отче, потребно терпѣніе и молитва», говорилъ простецъ Германъ Зосимѣ въ трудныхъ обстоятельствахъ, и эта простая рѣчь поднимала духъ игумена и братіи. Послѣ смерти преподобнаго Зосимы, Германъ былъ «живымъ носителемъ его завѣтовъ». Заботясь объ увѣковѣченіи подвиговъ Савватія и Зосимы, Германъ продиктовалъ «клирикамъ» все, что зналъ о Соловецкихъ первоначальникахъ, и тѣмъ далъ матеріалъ для составителя ихъ перваго житія — Досиѳея. По монастырскимъ дѣламъ Германъ, не смотря на старость, не одинъ разъ ѣздилъ въ Новгородъ къ владыкѣ, и на этомъ «послушаніи» его застала смерть 30 іюля 1478 г. Онъ былъ временно погребенъ въ Антоніевѣ монастырѣ. «Сослужебники» по зимнему пути повезли его тѣло въ монастырь, но, «веснѣ наступивши и пути разрушшуся», погребли его при часовнѣ въ дер. Хавроньинѣ на берегу р. Свири. Черезъ пять лѣтъ Соловецкіе монахи вынули изъ могилы гробъ Германа, при чемъ его мощи оказались «цѣлы и нерушимы», и погребли въ монастырѣ «на восточной сторонѣ, одесную храма святого Николы Чудотворца близъ святого алтаря». Въ началѣ XVII вѣка послѣ огласившихся чудесъ отъ гроба Германа были написаны тропарь ему и его икона. Въ 1690 г. по челобитью Соловецкихъ архимандрита и братіи архіепископъ Холмогорскій Аѳанасій разрѣшилъ «преподобнаго Германа за его многолѣтніе постническіе труды имѣти и почитати, яко угодника Божія», а въ 1692 г. патріархъ установилъ ему церковное празднованіе 30-го іюля. Въ настоящее время мощи преподобнаго Германа, обрѣтенныя въ 1623 г., почиваютъ подъ спудомъ (подъ бронзовымъ кенотафіемъ) въ церкви его имени подъ Троицкимъ соборомъ Соловецкаго монастыря.

Голубинскій, «Исторія Канонизаціи», 132—133, 428, 552; Ключевскій, «Житія Святыхъ, какъ историческій источникъ», 325—327; Толстой гр., М. В., «Книга, глаголемая Описаніе о Россійскихъ Святыхъ», № 327; «Житія и Чудотворенія Преподобныхъ Зосимы и Савватія, Соловецкихъ чудотворцовъ, и сотрудника ихъ Германа», изд. 7-е, М., 1881 г.; «Соловецкій Патерикъ», 34—36; Никодимъ, Іеромонахъ, «Вѣрное и Краткое Изъчисленіе Преподобныхъ Отецъ Соловецкихъ», 32—35; его же, «Архангельскій Патерикъ», 16—18; Дестунисъ, «Житія Святыхъ», іюль, 232 (тропарь Герману); Ставровскій А., Протоіерей, «Сборникъ Молитвъ», 195—196 (другой тропарь и молитва Герману).

В. Шереметевскій.

Германъ, святой, архіепископъ Казанскій, родился въ г. Старицѣ Тверской губ., въ началѣ XVI ст., въ первые годы правленія вел. кн. Василія Ивановича. Святитель Германъ, въ міру Григорій Ѳедоровъ сынъ Садыревъ Полевъ, вопреки мнѣнію арх. Филарета, не былъ сыномъ, показаннаго бездѣтнымъ въ родословныхъ, Ѳедора Аѳанасьевича Полева, изъ рода Полевыхъ, происходившихъ отъ Смоленскихъ князей, но, какъ устанавливается вкладною книгою Іосифова Волоколамскаго монастыря и рядомъ грамотъ изъ собранія Коллегіи Экономіи, былъ сынъ рузскаго и волоколамскаго вотчинника Ѳедора Садыря Ивановича Гаврилова-Полева, во иноцѣхъ (съ 1531 г.) Филоѳея, старца и казначея Іосифова Волоколамскаго монастыря († послѣ 1556 г.), связь коего съ вышеупомянутымъ родомъ Полевыхъ документально доказана быть не можетъ. Однако на основаніи той же вкладной книги и грамотъ Коллегіи Экономіи можно отожествить отца святителя Германа съ волоколамскимъ вотчинникомъ Ѳедоромъ Ивановичемъ Гавриловымъ-Марининымъ, древнѣйшее же извѣстіе о родѣ Марининыхъ, относящееся къ 1401 г. и сообщающее о походѣ московской рати на Торжокъ подъ начальствомъ воеводъ *Александра Поле*, родоначальника Полевыхъ, Ивана Толбузина и *Ивана Маринина* или Марина, изъ коихъ первые два не только сосѣди по вотчинамъ въ Рузѣ и на Волокѣ Ламскомъ, гдѣ владѣли вотчинами и Маринины, но и родичи по происхожденію отъ родныхъ братьевъ — князей Ѳедора и Константина Юрьевичей Ѳоминскихъ, даетъ нѣкоторыя основанія предполагать существованіе родства или свойства между всѣми тремя участниками похода. Отъ природы тихій и кроткій, Григорій не находилъ удовольствія въ играхъ и забавахъ съ одно-

лѣтками и предпочиталъ общество своихъ родителей, которые служили ему живымъ примѣромъ истинно-благочестивой христіанской жизни. Когда онъ достигъ юношескаго возраста, родители хотѣли пріучить его къ занятію хозяйствомъ, но міръ со своими заботами и суетой не привлекалъ его. Онъ проводилъ время въ созерцательной молитвѣ и изученіи твореній святыхъ отцовъ церкви и такъ строго постился, что родители, опасаясь за его здоровье, умоляли его не изнурять себя. Стремленіе къ уединенію побудило Григорія въ концѣ 30-хъ годовъ XVI ст. удалиться, съ благословенія родителей, въ Іосифову Волоколамскую обитель. Въ это время въ числѣ братіи находился Гурій (впослѣдствіи Казанскій первосвятитель), сдѣлавшійся вскорѣ игуменомъ Волоколамскаго монастыря. Когда Григорій принялъ постригъ съ именемъ Германа, руководителемъ его въ дальнѣйшемъ изученіи писаній св. отцовъ церкви сталъ Максимъ Грекъ, жившій въ Іосифо-Волоколамскомъ монастырѣ въ ссылкѣ за исправленіе книгъ. Германъ усердно исполнялъ всѣ возлагаемыя на него послушанія и особенно потрудился, согласно указанію игумена Гурія, надъ переписываньемъ книгъ священнаго писанія, книгъ богослужебныхъ и твореній св. отцовъ.

Германъ заслужилъ всеобщее уваженіе братіи Волоколамскаго монастыря своимъ подвижничествомъ и познаніями въ священномъ писаніи. Съ теченіемъ времени слава о немъ достигла до его родного города Старицы, и въ 1551 г. въ Волоколамскъ прибыли уполномоченные отъ братіи Старицкаго Успенскаго монастыря, желая имѣть Германа настоятелемъ. Долго отказывался Германъ, но въ концѣ концовъ долженъ былъ уступить ихъ просьбамъ и отправиться въ Тверь къ архіепископу Акакію для посвященія. Возведенный имъ въ санъ архимандрита, Германъ вступилъ въ управленіе Успенскимъ монастыремъ въ Старицѣ и ввелъ тамъ строгій уставъ Волоколамской обители, подавая братіи примѣръ ревностнаго исполненія иноческихъ обѣтовъ. Черезъ два съ половиной года Германъ поставилъ вмѣсто себя настоятелемъ Іова (бывшаго впослѣдствіи патріархомъ Московскимъ и всея Руси) и возвратился въ Волоколамскую обитель, гдѣ въ то время въ числѣ братіи былъ его отецъ — инокъ Филоѳей и прежній его руководитель, игуменъ Гурій, по слабости здоровья отказавшійся отъ управленія обителью. Въ 1554 г. Германъ былъ вызванъ въ Москву на соборъ для увѣщанія еретика Матвѣя Башкина, котораго соборъ и предалъ ему для наставленія и вразумленія.

Въ 1555 г. въ Казань на только что открытую епископскую каѳедру былъ назначенъ Гурій, а Герману, согласно его указанію, поручено основать обитель въ городѣ Свіяжскѣ. Несмотря на трудность найти рабочихъ, черезъ полтора года была построена Никольская церковь и при ней братская трапеза, затѣмъ колокольня, а черезъ пять лѣтъ существующій и понынѣ величественный храмъ во имя Успенія Божіей Матери. По мысли святителя Гурія и царя Іоанна Грознаго, Свіяжскій монастырь долженъ былъ служить дѣлу распространенія христіанства, какъ между магометанами, такъ и среди черемисъ и чувашъ, жившихъ на правомъ берегу Волги. Слухъ о святой жизни Германа сталъ привлекать въ Свіяжскую обитель не только христіанъ. Видя, что онъ относится ко всѣмъ одинаково внимательно, магометане и язычники тоже шли къ нему, кто за совѣтомъ, кто за милостыней, а затѣмъ, мало-помалу, научились истинамъ христіанской вѣры и принимали крещеніе. Святитель Гурій оказывалъ Герману особое довѣріе; онъ освободилъ Свіяжскій монастырь отъ своего суда и поручилъ суду Германа все духовенство Свіяжскаго уѣзда.

Послѣ кончины святителя Гурія († съ 4-го на 5-е декабря 1564 г. по сентябрьскому лѣтосчисленію) Германъ былъ вызванъ въ Москву, такъ какъ Іоаннъ Грозный и митрополитъ Аѳанасій находили его желательнымъ преемникомъ скончавшагося Казанскаго первосвятителя. Германъ считалъ себя недостойнымъ епископскаго сана и усиленно отклонялъ отъ себя эту честь, но все-таки долженъ былъ подчиниться рѣшенію царя и митрополита. 12 марта 1564 г. Германъ былъ рукоположенъ въ архіепископа Казанскаго и Свіяжскаго и

возвратившись въ Казань, вступилъ въ управленіе Казанской епархіей.

Для обученія инородцевъ, только что принявшихъ христіанство, были устроены при Казанскихъ монастыряхъ школы. Святитель Германъ учредилъ въ Зилантовомъ монастырѣ общежитіе, вслѣдствіе чего увеличилось число, какъ иноковъ, такъ и учениковъ-инородцевъ въ монастырской школѣ. Онъ построилъ на собственныя средства Ивановскій монастырь въ Казани, церковь котораго существовала до половины 80-хъ годовъ XIX ст., а затѣмъ была сломана; вмѣсто нея воздвигнутъ новый храмъ, бо́льшаго размѣра, но съ нарушеніемъ прежняго стиля.

Въ маѣ 1566 г. Московскій митрополитъ Аѳанасій отпросился, по болѣзни, на покой, и царь Іоаннъ Васильевичъ пожелалъ видѣть его преемникомъ святителя Германа, который и былъ вызванъ въ Москву. Царь приказалъ Герману поселиться въ митрополичьемъ домѣ, несмотря на то, что онъ просилъ избавить его отъ занятія митрополичьей каѳедры. Пробывъ два дня во дворѣ митрополичьемъ, Германъ увидалъ царя, опять умолялъ избавить его отъ высокаго сана и напомнилъ при этомъ «тихими и кроткими словесы его наказующе; воспоминающе ему оный страшный судъ Божій и изтязаніе не лицеприятное каждаго человѣка о дѣлѣхъ, такъ Царей, яко и простыхъ». Узнавъ объ этой бесѣдѣ отъ самого царя, опричники постарались возстановить его противъ человѣка, который, по ихъ мнѣнію, могъ получить власть еще бо́льшую, чѣмъ та, какою въ былые годы пользовались Сильвестръ и Адашевъ. Іоаннъ приказалъ немедленно изгнать святителя изъ митрополичьяго дома со словами: «Еще и на митрополію не возведенъ еси, а уже мя неволею обвязуешь». Послѣ этого святитель прожилъ въ Москвѣ около двухъ лѣтъ, находясь подъ опалою, но продолжая считаться архіепископомъ Казанскимъ. Въ митрополиты Московскіе былъ поставленъ Филиппъ. Разгнѣванный впослѣдствіи обличеніями Филиппа, царь лишилъ его сана митрополита, но чтобы снять съ себя отвѣтственность, созвалъ архіереевъ для суда надъ нимъ. Одинъ только святитель Германъ рѣшился высказаться въ его защиту. Заступничество это не принесло пользы Филиппу, такъ какъ онъ былъ осужденъ и сосланъ, а самъ Германъ поплатился жизнью: два дня спустя послѣ суда, 6 ноября 1568 г., онъ былъ найденъ въ своей кельѣ мертвымъ. Опасаясь царскаго гнѣва, никто изъ бывшихъ тогда въ Москвѣ архіереевъ не осмѣлился принять участіе въ его погребеніи. Похоронилъ его въ церкви св. Николая находившійся при немъ архимандритъ Свіяжскаго монастыря Иродіонъ. Въ народѣ распространили слухъ, что Германъ скончался отъ свирѣпствовавшей тогда въ Москвѣ моровой язвы, но въ дѣйствительности онъ погибъ отъ руки кого-нибудь изъ опричниковъ, который двумя ударами отрубилъ ему голову.

Въ 1592 г., когда мощи его были открыты нетлѣнными и стали совершаться многія знаменія и чудеса, — жители г. Свіяжска и иноки Свіяжскаго Успенскаго монастыря обратились къ царю Ѳеодору Іоанновичу и патріарху Іову съ просьбой о разрѣшеніи перенести мощи въ Свіяжскій монастырь. Послѣдовало согласіе. 25 сентября 1592 г. мощи святителя Германа были торжественно встрѣчены въ Свіяжскѣ Казанскимъ архіепископомъ Гермогеномъ, впослѣдствіи патріархомъ, при громадномъ стеченіи народа, и положены въ Успенскомъ соборѣ около стѣны съ правой стороны при входѣ въ алтарь. Въ 1704 г. мощи были перенесены изъ алтаря и поставлены на то мѣсто, гдѣ находятся и доселѣ.

Въ заключеніе приведемъ отзывъ кн. Курбскаго о святителѣ Германѣ: «и бѣ онъ яко тѣла великаго мужъ, такъ и разума многаго, и мужъ чистаго и воистину святаго жительства, и священныхъ писаній послѣдователь, и ревнитель по Бозѣ, и въ трудѣхъ духовныхъ многъ; къ тому и Максима Философа (Максима Грека) мало нѣчто отчасти ученія причастенъ былъ; аще же и отъ Осифлянскихъ мниховъ четы произыде, но отнюдь обычая лукаваго и обыкновеннаго ихъ лицемѣрія непричастенъ былъ: но человѣкъ простый, истинный и непоколебимъ въ разумѣ, и великій помощникъ былъ въ напастехъ и въ бѣдахъ объятымъ, такожъ и къ убогимъ милостивъ зѣло».

Житіе св. Германа и надгробное слово составлены, сто лѣтъ спустя послѣ его кончины, по порученію казанскаго митрополита Лаврентія (1657—1673 гг.), монахомъ Свіяжскаго Успенскаго монастыря Іоанномъ, который заявляетъ, что вслѣдствіе отсутствія современныхъ записокъ о св. Германѣ «облако забвенія покрываетъ память его». Какъ житіе, такъ и надгробное слово, написанныя, по выраженію самого автора, «широкими словесами», скудны извѣстіями.

«Сказанія кн. Курбскаго». Изд. 3-е. Н. Г. Устрялова. С.-Пб. 1868 г.—В. О. Ключевскій, «Древне-русскія житія святыхъ какъ историческій источникъ». М. 1871 г.—Н. П. Барсуковъ, «Источники русской агіографіи». С.-Пб. 1882 г.—М. С. Рыбушкинъ, «Исторія Казани», 1847 г.—Плюшаръ, «Энциклопедическій Лексиконъ», т. 14.—З. Г. Елисѣевъ, «Жизнеописанія св. Гурія, Германа и Варсонофія, Каз. и Свіяж. чудотворцевъ». Казань. 1847 г.—«Святитель Христовъ Германъ. Изд. Высокопр. Арсенія, архіеп. Каз. и Свіяж.» Казань, 1900 г. in 16⁰ (Отд. от. изъ Извѣстій по Каз. еп. за 1900 г.). — Докладъ Н. В. Мятлева: «Архіепископъ Германъ Казанскій и родъ Полевыхъ», читанный въ засѣданіи Историко-Родословнаго Общества въ Москвѣ 19 ноября 1913 г. и представляющій одну изъ главъ подготовляемаго къ печати его изслѣдованія о «Родѣ Полевыхъ». *В. Корсакова.*

Германъ, святой, епископъ Новгородскій, по свидѣтельству епископа Симона въ посланіи къ Поликарпу, былъ постриженъ въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ. Онъ считается основателемъ Спасскаго, такъ называемаго «Германеча», монастыря въ Берестовѣ подъ Кіевомъ, и къ нему относятъ извѣстіе лѣтописи объ участіи въ перенесеніи мощей Бориса и Глѣба въ 1072 г. «Герьмана Святаго Спаса игумена». Въ 1078 г. онъ былъ поставленъ въ епископы Новгородскіе митрополитомъ Ефремомъ. «Лѣтописи, говоритъ протоіерей П. И. Тихомировъ, ничего не говорятъ о его дѣяніяхъ, но тѣмъ не менѣе добрая о немъ память, которая осталась въ народѣ и прошла рядъ вѣковъ, можетъ служить вѣрнымъ отголоскомъ добрыхъ его дѣлъ». По преданію, онъ основалъ Петропавловскій женскій монастырь на Синичьей горѣ въ Новгородѣ. Германъ скончался въ 1096 (1095) г. въ Кіевѣ. Есть мнѣніе, не основанное, впрочемъ, ни на Кіевскомъ Патерикѣ, ни на спискѣ святыхъ, почивающихъ въ Кіевскихъ пещерахъ, что Германъ почиваетъ въ Антоніевой пещерѣ; но большинство согласно съ прот. Тихомировымъ, утверждающимъ, что «любившая Германа паства не захотѣла разстаться съ драгоцѣнными останками своего архипастыря и потому тѣло Германа было привезено въ Новгородъ». Мѣстомъ его погребенія считается Мартиріева паперть Софійскаго собора. Память его совершается вмѣстѣ съ соборомъ другихъ Новгородскихъ угодниковъ 10-го февраля.

Голубинскій, «Исторія Канонизаціи», 157; Толстой гр. М. В. «Книга, глаголемая Описаніе о Россійскихъ Святыхъ», № 25; Тихомировъ П. И., Протоіерей, «Каѳедра Новгородскихъ Святителей», I, 33—35; Здравомысловъ, «ІерархіНовгородской епархіи», 8; «Сборникъ Новгородскаго Общества Любителей Древности», I, 54 (статья М. В. Муравьева о Св. Софіи). *В. Шереметевскій.*

Германъ *Барутовичъ*, архимандритъ, воспитанникъ Кіевской академіи, «изъ Кіевскихъ іеромонаховъ» въ 1730 г. былъ назначенъ архимандритомъ Благовѣщенскаго Нѣжинскаго монастыря, именуемаго Назаретомъ. Въ апрѣлѣ 1732 г. въ Казань былъ поставленъ архіепископомъ ученый малороссіянинъ Иларіонъ Рогалевскій, который въ томъ же году вызвалъ Германа въ Казань, гдѣ этотъ послѣдній получилъ архимандрію въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ. Въ этомъ монастырѣ построилъ каменныя братскія келліи; въ соборѣ «раздѣлалъ большія окна и построилъ лѣпоукрашенный иконостасъ». Какъ кіевлянинъ, онъ особенно старался о распространеніи въ Казани почитанія св. Варвары: надъ вратами вмѣсто ветхой церкви Положенія Ризы Богородицы онъ построилъ церковь св. Варвары и выписалъ изъ Кіева часть мощей великомученицы. Но главной задачей Иларіона было расширеніе устроенной въ 1723 г. Казанской «славяно-россійской» школы, гдѣ происходило обученіе только «славянской грамматикѣ и букварямъ». Архіепископъ выписалъ изъ Кіева учителей для обученія школьниковъ и «латинскаго діалекта», и школа такимъ образомъ обратилась уже въ «славяно-латинскую». Тогда же начата была постройка зданія семинаріи, въ которую постепенно должна была быть преобразована Казанская школа. Для упра-

вленія семинаріей была учреждена «особливая контора», и Германъ былъ опредѣленъ Иларіономъ «къ новозачатой семинаріи Казанской для строенія и произвожденія славяно - латинскихъ наукъ» съ титуломъ «управителя». Пользуясь широкими полномочіями отъ архіерея, Германъ дѣйствовалъ самостоятельно и энергично: онъ «со всякимъ искушеніемъ экзаменовалъ» воспитанниковъ и «достойныхъ къ высочайшимъ школамъ промовалъ (отъ лат. promovere)»; своею властью, онъ назначилъ учителемъ инфимы и фары Соколовскаго и опредѣлилъ ему такое же жалованье, какъ учителямъ высшихъ школъ. Стараніями Германа съ осени 1735 г. въ школѣ былъ открытъ классъ піитики. Вообще, стремясь устроить въ Казани семинарію съ полнымъ курсомъ и съ «многособраннымъ числомъ учениковъ», Германъ не стѣснялся средствами и особенно не щадилъ доходовъ архіерейскаго дома, такъ что, по выраженію проф. Покровскаго, «готовъ былъ всѣ домовые доходы считать семинарскими». Въ этомъ съ нимъ былъ согласенъ и архіепископъ Иларіонъ, который, кромѣ того, отписалъ на семинарію нѣкоторыя монастырскія вотчины и обложилъ двойнымъ взносомъ на семинарію церкви и крестьянъ духовныхъ вотчинъ. Одновременно съ возведеніемъ зданія семинаріи Германъ, по признанію Синода, свой Спасскій монастырь, «обветшавшій отъ несмотрѣнія прежнихъ властей, возобновилъ и устроилъ». Въ мартѣ 1735 г. архіепископъ Иларіонъ былъ переведенъ въ Черниговъ, и Германъ вмѣстѣ съ архимандритомъ Раиѳской пустыни Мисаиломъ въ продолжавшееся до сентября междуархіерейство вѣдалъ Казанскую епархію. Враги Германа впослѣдствіи утверждали, что онъ «престолъ Казанскаго архіерейства всякими образы желалъ воспріять, о чемъ и заручныя собиралъ», опираясь на партію среди духовенства со своимъ кумомъ Благовѣщенскимъ соборнымъ протопопомъ Михаиломъ Ивановымъ во главѣ. Переведенный въ сентябрѣ 1735 г. въ Казань изъ Суздаля архіепископъ Гавріилъ, человѣкъ неученый, прибылъ (2 октября 1735 г.) въ Казань съ предубѣжденіемъ, какъ вообще противъ насажденной Иларіономъ семинарской науки, такъ въ особенности противъ семинарскаго «управителя», въ которомъ видѣлъ своего соперника. Нашлись, конечно, люди, недовольные Германомъ, начавшіе разжигать раздраженіе владыки противъ Спасскаго архимандрита. Въ декабрѣ 1735 г. бывшій архіерейскій казначей іеродіаконъ Іосифъ и нѣкоторые другіе домовые люди подали архіерею 6 доношеній на Германа въ «забраніи» разнаго архіерейскаго имущества, начиная строительными матеріалами и кончая мелочами въ родѣ «конфеточныхъ» подносовъ и «финифтяныхъ» чашекъ. Тотчасъ по пріѣздѣ Гавріилъ Германа «отъ училища отставилъ», уволилъ «словесно» Соколовскаго и распустилъ учениковъ фары и инфимы. Положеніе Германа сдѣлалось невыносимымъ послѣ почета и вліянія при Иларіонѣ, и Гавріилъ съ нѣкоторой долей правдоподобія доносилъ Синоду, что взволнованный архимандритъ «приходилъ къ нему съ немалымъ невѣжествомъ и при этомъ яростно употреблялъ, что онъ ему не подчиненъ, его не слушаетъ». Въ своей распрѣ съ Гавріиломъ Германъ искалъ поддержки у вліятельныхъ ученыхъ земляковъ—архіепископа Ѳеофана Прокоповича и Вологодскаго епископа Амвросія Юшкевича; къ нимъ онъ послалъ «приватныя письма» о защитѣ его отъ «безвинно злобствующаго на него» архіепископа и объ освобожденіи «изъ того Египта». 5 февраля 1736 г. Синодъ имѣлъ разсужденіе о Казанскомъ дѣлѣ, нашелъ въ распоряженіяхъ Гавріила «противные Ея Величества указомъ поступки» и потребовалъ отъ него «обстоятельнаго извѣстія». Въ то же время Синодъ постановилъ вызвать Германа въ С.-Петербургъ, «дабы ему по онымъ нападеніямъ и утѣсненію не нанеслось какого крайняго озлобленія». Прибывшему въ Петербургъ Герману въ іюнѣ 1736 г. было поручено временно исправлять чреду священнослуженія. Гавріилъ утверждалъ, что онъ распустилъ учениковъ «по силѣ Духовнаго Регламента», предписывающаго содержать лишь столько учениковъ, «по сколько человѣкъ собираемаго съ монастырей и церквей хлѣба къ пропитанію и нуждамъ станетъ». Это формальное объясненіе во всякомъ

случаѣ не показываетъ въ Гавріилѣ той любви къ просвѣщенію, какую имѣлъ его преемникъ епископъ Лука Конашевичъ, при тѣхъ же средствахъ «своимъ раченіемъ и щедротою» обратившій въ полную семинарію запустошенную Гавріиломъ славяно-латинскую школу. Проф. Покровскій, признающій до нѣкоторой степени формальную законность мѣропріятій Гавріила по отношенію къ школѣ, замѣчаетъ однако, что Гавріилъ «строго держался правила: денегъ нѣтъ, и дѣла нѣтъ». Совсѣмъ уже безъ всякаго основанія Гавріилъ утверждалъ, что онъ «никакого злобства къ архимандриту не имѣлъ» и что онъ «несвѣдомъ» былъ о назначеніи Германа «для строенія семинаріи». При этомъ Гавріилъ пытался критиковать и педагогическую систему Германа въ той ея части, которая была доступна пониманію знавшаго лишь славянскую грамоту владыки. Гавріилъ особенно подчеркивалъ, что изъ «свидѣтельствованныхъ» имъ фаристовъ и инфимистовъ «многіе явились славяно-россійскихъ книгъ Часослова и Псалтыри необученные» и по этому самому были отданы родственникамъ «для изученія показанныхъ россійскихъ книгъ въ твердость, дабы за необученіемъ первѣе оныхъ книгъ чтеніемъ прочихъ книгъ и въ слѣдующемъ другихъ наукъ познаніи неудобопонятными быть не могли». Почти цѣлый годъ тянулось слѣдствіе по Казанскому семинарскому дѣлу. Лишь въ декабрѣ 1736 г. Синодъ постановилъ рѣшеніе съ видимымъ желаніемъ во всемъ оправдать страдавшаго за любовь къ просвѣщенію Германа. Нѣкоторыя забранныя вещи ему было велѣно «возвратить безъ удержанія», но иное было ему поставлено на томъ основаніи, что «оное въ расходъ употребилъ не туне, понеже онъ въ то время былъ въ архіерейскомъ домѣ въ правленіи домовыхъ и епаршескихъ дѣлъ»; «запущенные» якобы Германомъ подряды были поставлены въ вину не архимандриту, а подрядчикамъ; относительно нѣкоторыхъ обвиненій было прямо сказано, что это «протестовано отъ единой точію ненависти на архимандрита Барутовича»; даже не поставлено было ему въ вину съ большимъ коварствомъ указанное его обвинителями несвоевременное принесеніе имъ присяги на томъ основаніи, что онъ «учинилъ оную доброжелательно, какъ только освѣдомился, что ему у присяги быть надлежитъ». Синодъ поставилъ въ вину Герману только употребленіе имъ въ своей просьбѣ къ Амвросію Юшкевичу «непристойной и дерзкой рѣчи о своемъ пастырѣ, чтобы де отъ того Египта ему освободиться, якобы онъ, архимандритъ, отъ Его Преосвященства порабощенъ былъ, какъ людъ Израильскій отъ фараона». Но и за это Германъ былъ наказанъ лишь «отрѣшеніемъ отъ Казанской епархіи», котораго онъ самъ желалъ, да и это опредѣленіе Синода потеряло всякое значеніе послѣ того, какъ 23 декабря того же года Германъ былъ назначенъ настоятелемъ Московскаго Спасо-Андроникова монастыря. Для довершенія торжества Германа 3 января 1737 г. указомъ Кабинета ему была отдана въ вѣдѣніе та же Казанская школа съ подчиненіемъ его исключительно Св. Синоду. Германъ занялъ въ Казани независимое положеніе, опираясь на губернатора кн. Голицына, которому было поручено слѣдствіе про произвольныя дѣйствія Гавріила. Въ январѣ 1738 г. уже были возстановлены фара и инфима; Германъ строилъ семинарію и хлопоталъ даже о площади, «приличной для размноженія сада и сажденія всякихъ огородныхъ овощей для студентовъ и ихъ рекреацій». Гавріилъ въ безсильной злобѣ пробовалъ досадить Герману хотя бы мелочами и жаловался Синоду на самовольное совершеніе архимандритомъ священнодѣйствій въ Казани. Но 9 марта 1738 г. Синодъ дозволилъ Герману «невозбранно отправлять священнослуженіе, когда восхощетъ», и въ тотъ же день перевелъ Гавріила въ Великій Устюгъ. Германъ оставался «у надсмотрѣнія» школъ до 23 октября 1738 г., когда Синодъ передалъ школы епископу Казанскому Лукѣ, а Германа постановилъ за его «трудополненіе» перевести «на высшую степень» въ Свіяжскій Богородицкій монастырь съ порученіемъ ему «исправлять и новокрещенскія дѣла», но въ декабрѣ того же года новокрещенскія дѣла со Свіяжской архимандріей были переданы Димитрію Сѣченову, а Германъ остался архимандри-

томъ Андроникова монастыря и былъ назначенъ членомъ Московской Духовной Дикастеріи. 24 октября 1743 г. онъ «для нѣкоторыхъ Св. Прав. Синоду извѣстныхъ благословныхъ резоновъ» былъ переведенъ въ Гамалѣевскій монастырь Черниговской епархіи. Поводъ къ этому подало употребленіе Германомъ «невѣдомо въ какой расходъ» иконныхъ «привѣсовъ» и въ Казанскомъ и въ Андроніевѣ монастыряхъ. 15 марта 1744 г. въ Гамалѣевскомъ монастырѣ былъ оставленъ прежній настоятель, а Германъ временно былъ помѣщенъ въ Троицкій Густынскій монастырь на «честную и нескудную порцію противъ трехъ братовъ». Когда оказалось праздное архимандричье мѣсто въ Нѣжинскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ, на это мѣсто 2 марта 1746 г. былъ назначенъ Германъ. По его «представленіямъ» въ 1746—1749 гг. Кіевскіе митрополиты ходатайствовали о возвращеніи Нѣжинскому монастырю завѣщанныхъ ему Стефаномъ Яворскимъ денегъ и книгъ «для репараціи» монастырскихъ церквей.

Строевъ, «Списки Іерарховъ», 522; Аскоченскій, «Кіевъ», I, 293; Григорій Архим., «Списокъ настоятелей Спасо-Андроникова монастыря», 35; Благовѣщенскій А., «Исторія Казанской Духовной Семинаріи», 25—35; Покровскій И., «Казанскій Архіерейскій Домъ, его средства и штаты, преимущественно до 1764 года», 234, 237—241; «Описаніе Докум. Архива Св. Синода», XIV, № 430, XV, №№ 180, 261, 329, 430, XVI, №№ 35, 66, 431, XXIII, № 421, XXVI, № 358; «Собр. Постан. по Вѣдомству Правосл. Исповѣданія», X, №№ 3202, 3303; Розановъ, Н., «Исторія Моск. Епарх. Управленія», I, ч. 1, 36; «Сборн. Древн. Каз. Епархіи», 48.

В. Шереметевскій.

Германъ (въ мірѣ Димитрій) *Гогола-швили*, епископъ, бывшій Имеретинскій, по происхожденію дворянинъ, родился въ Кутаисской губерніи. Съ 1810 по 1817 г. онъ проживалъ и «учился» въ Мингрельской Саирмской пустыни. 15 апрѣля 1819 г. онъ былъ постриженъ и 3 іюня посвященъ въ іеродіаконы, а 13 декабря 1820 г. въ іеромонахи. 2 мая 1823 г. Германъ былъ назначенъ учителемъ Рачинскаго приходскаго училища, 7 марта 1824 г. опредѣленъ къ Кутаисскому собору, 10 октября 1827 г. командированъ въ крѣпость Редутъ-Кале, а 24 января 1829 г. въ крѣпость Александрополь, 17 декабря 1831 г. переведенъ на должность инспектора Кутаисскаго духовнаго училища. Возведенный 27 октября 1835 г. въ санъ игумена, Германъ съ 1839 г. «управлялъ церковными имѣніями», а 2 декабря 1845 г. назначенъ былъ миссіонеромъ въ Абхазію, гдѣ 1 сентября 1847 г. былъ награжденъ саномъ архимандрита. Германъ заслужилъ «довѣріе и расположеніе» владѣтеля Абхазіи кн. Михаила Шервашидзе, который избралъ его себѣ въ духовники. Когда въ 1849 г. кн. Шервашидзе возбудилъ ходатайство объ учрежденіи въ Абхазіи архіерейской каѳедры, онъ указалъ на Германа, какъ на желательнаго кандидата въ Абхазскіе епископы. И экзархъ Грузіи архіепископъ Исидоръ и намѣстникъ Кавказскій кн. М. С. Воронцовъ одобрили кандидатуру Германа, какъ человѣка «благонамѣреннаго и совершенно преданнаго какъ Россійскому престолу, такъ и святой нашей вѣрѣ». «Какое бы ни было его (т.-е. Германа) вліяніе въ качествѣ духовника на владѣтеля,— писалъ кн. Воронцовъ кн. Чернышеву,— а потомъ и вліяніе владѣтеля надъ нимъ, какъ его домашнимъ духовникомъ, я вижу только то, и совершенно въ томъ увѣренъ, что оба эти вліянія будутъ въ случаѣ утвержденія его архіереемъ дѣйствовать совершенно въ нашу пользу для усиленія христіанской вѣры, между тѣмъ какъ оба сіи вліянія, при назначеніи другого архіерея, въ противность желанія и надеждъ владѣтеля и его духовника, не только будутъ болѣе или менѣе дѣйствовать иногда противъ насъ, но противъ великаго и святого предмета всего этого дѣла». 15 апрѣля 1851 г. Императоръ Николай I утвердилъ журналъ Кавказскаго Комитета о назначеніи Германа Абхазскимъ епископомъ съ оговоркою, чтобы «впредь въ эту обязанность не назначать лицо, бывшее прежде духовникомъ владѣтеля». 8 сентября 1851 г. Германъ былъ хиротонисанъ. Мѣстопребываніе ему было назначено въ Пицундской крѣпости при древнемъ Юстиніановскомъ соборѣ; онъ былъ поставленъ въ зависимость отъ экзарха Грузіи и получалъ ежегодное пособіе отъ казны въ 6000 руб. 2 сентября 1856 г.

Германъ былъ назначенъ епископомъ Имеретинскимъ. 2 іюля 1860 г. онъ былъ уволенъ на покой сначала въ Гаэнатскій, а потомъ въ Хопскій монастырь, въ которомъ онъ умеръ 11 августа 1868 г.

«Списки Архіереевъ», № 329; «Списки Архіереевъ», изд. Юріемъ Толстымъ, № 329; «Сборникъ Ист. О-ва», CXIII, ч. I, 344—349.

В. Шереметевскій.

Германъ *Конашевичъ*, игуменъ, бывшій настоятель Гамалѣевскаго монастыря, въ санѣ іеродіакона былъ вызванъ изъ Кіево-Софійскаго монастыря въ Москву и съ 1 сентября 1728 г. по 15 іюля 1729 г. состоялъ учителемъ инфимы, а съ 1 сентября 1729 г. по 15 іюля 1730 г. учителемъ грамматики въ Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи. По его желанію, «за скорбію» онъ былъ уволенъ въ Кіевъ и занялъ мѣсто члена Кіевской Консисторіи и «экзаминатора катедры» Кіевской. 28 сентября 1733 г. онъ былъ возведенъ митрополитомъ Рафаиломъ въ санъ игумена и назначенъ настоятелемъ Гамалѣевскаго Хараламиіевскаго монастыря (въ 30 верстахъ отъ Глухова), только что преобразованнаго изъ женскаго въ мужескій. Хотя митрополитъ рекомендовалъ Германа, какъ человѣка «честнаго и учительнаго», но новый игуменъ не ужился съ ктиторами монастыря — Скоропадскими и Маркевичами. «Ихъ благородія», какъ выразился митрополитъ, «потребовали» отъ него «на мѣсто» Германа «другого обходительнѣйшаго устроить», и въ декабрѣ 1734 г. Германъ выѣхалъ на жительство въ Кіевъ.

Смирновъ С., «Исторія Сл.-Гр.-Лат. Академіи», 218; «Оп. Архива Св. Синода», X, № 329; «Описаніе Черниговской Епархіи», IV, 44-47.

В. Шереметевскій.

Германъ *Кононовичъ*, архимандритъ Черниговскаго Троицкаго Ильинскаго монастыря, послѣдовательно занималъ должность учителя Черниговскаго коллегіума, экзаминатора и намѣстника каѳедры. 27 апрѣля 1711 г. онъ былъ возведенъ въ санъ игумена и назначенъ настоятелемъ Николаевскаго Макошинскаго монастыря (въ Сосницкомъ уѣздѣ). Въ 1714 г. онъ былъ переведенъ въ Черниговскій Троицкій Ильинскій монастырь и получилъ санъ архимандрита. Въ качествѣ настоятеля этого монастыря Германъ былъ начальникомъ и существовавшей при монастырѣ типографіи. «Тщаніемъ», а иногда и «иждивеніемъ» (какъ говорится въ заглавіи «Правила къ причащенію») Германа были напечатаны «Молитвословъ Повседневный» (1714 г.), «Октоихъ» (1715 г.), «Псалтирь» (1716 г.), «Новый Завѣтъ» (1717 г.), «Правило къ Божественному Причащенію», «Псалтирь» (1720 г.). Книги эти Германъ снабжалъ предисловіями. Къ «Новому» же «Завѣту» Германъ приложилъ 1) «на краехъ», т.-е. на поляхъ, «нѣкая словеса изъяснительныя въ подкрѣпленіе немощнаго человѣческаго разума и памяти», заимствованныя имъ изъ «книгъ церковныхъ учителей и богодухновенныхъ Святого Писанія изъяснителей», и 2) «оглавленіе коемуждо евангелистѣ». Предисловія Германа витіеваты и наполнены восхваленіями гетмана Скоропадскаго, бывшаго не только ктиторомъ Троицкаго Ильинскаго монастыря, но и личнымъ «патрономъ и добродѣемъ» архимандрита. По признанію самого Германа, онъ получилъ архимандрію не только «по Божію изволенію», но и по «реиментарскому (т.-е. гетманскому) милостивому благоволенію». Образцомъ литературныхъ пріемовъ и стиля Германа можетъ служить предисловіе къ изданной имъ въ 1720 г. «Псалтири». «Елико бо земля отъ небесъ,—говоритъ Германъ въ дедикаціи книги гетману,—толико святая обитель наша отъ Ясневельможности Вашей, любовію къ Живоначальной Троицѣ и къ чудодѣйствующей Преблагословенной Дѣвѣ..., воспріемлемъ благодѣяній. Даждь убо мѣсто, даждь благохотное угощеніе, ясневельможный пане, патроне и добродѣю нашъ изряднѣйшій, въ душевнимъ своемъ небѣ грядущему отъ дому Святыя Живоначальныя Троицы въ домъ Вашъ благородный скипетроносному Псалмопѣвцу, приносящему въ даръ Псалтиръ свой красенъ, аще и въ маломъ типографскомъ составленіи, но въ истину достоинъ небеснаго объятія, достоинъ въ небеси подобномъ сердцѣ Ясневельможности Вашей пространно помѣщатися, въ немъ же мы

вси, недостойныи богомолци и вся убогая обитель наша изъ начала не тѣсно любовію возмѣщается». По своей «богомольчиной должности» Германъ обращался къ Скоропадскому съ витіеватыми поздравленіями во «всякихъ благополучныхъ высоцеповажнаго реиментерскаго дому случаяхъ». Въ 1724 году Германъ былъ оштрафованъ на 1000 руб. за бездѣйствіе съ 1720 года типографіи и за тайное изданіе книгъ «со многою противностію Восточной Церкви по желанію старообрядскому»; благодаря заступничеству Черниговскаго епископа Иродіона Жураковскаго, указавшаго Синоду на то, что типографія бездѣйствовала «недостачества ради матеріаловъ и обветшалости инструментовъ», штрафъ былъ пониженъ до 100 руб. «за нерепортованіе» Синоду о состояніи типографіи. 28 сентября 1731 года въ монастырѣ былъ сильный пожаръ, повредившій соборную церковь. Описывая въ письмѣ къ Скоропадскому «не атраментомъ, но слезами» это несчастіе, Германъ выражалъ надежду, что «Преблагословенная Дѣва Богородица подвигнетъ на милость сердца христолюбивыхъ благодѣтелевъ», между которыми «первійшимъ и всенадежнійшимъ» онъ считалъ «ясневельможнаго патрона и благодителя». Послѣдніе годы Германа были омрачены процессомъ съ полковникомъ Яковомъ Лизогубомъ. Германъ ослѣпъ за три года до своей смерти, послѣдовавшей въ 1737 году.

«Истор.-стат. описаніе Черниговской Епархіи», II, 98—102 (здѣсь помѣщены его письма къ Скоропадскому), 129, IV, 149; Пекарскій, «Наука и Литература при Петрѣ Великомъ», II, 318—319, 341, 354, 356—357, 377—380, 474—476, 672—673; «Оп. Док. Арх. Св. Синода», VI, XXXIV. *В. Шереметевскій.*

Германъ (въ мірѣ Григорій) *Копцевичъ*, архіепископъ Архангелогородскій и Холмогорскій, происходилъ изъ шляхетства и родился въ 1685 году въ Польскихъ владѣніяхъ, «въ Польши отъ вѣрныхъ родитель въ міръ произведенъ», какъ гласитъ его эпитафія. О Кіевопечерской Лаврѣ онъ отзывался, какъ о мѣстѣ, «идѣже онъ и братія его воспитаны». Первоначально онъ обучался въ Кіевской Академіи, а потомъ слушалъ философію и богословіе во Львовѣ. На 30-мъ году отъ роду онъ былъ постриженъ въ Кіевопечерской Лаврѣ. Въ Кіевѣ онъ выступалъ въ качествѣ проповѣдника и былъ «опредѣленъ для управленія Кіевопечерской типографіей». Въ 1721 г. ректоръ Московской Академіи Ѳеофилактъ Лопатинскій ходатайствовалъ передъ Синодомъ о присылкѣ Копцевича въ числѣ другихъ Кіевскихъ ученыхъ монаховъ для занятія учительскихъ должностей въ Московской Академіи. Кіевопечерскій архимандритъ Іоанникій указывалъ на то, что Копцевичъ «зѣло боленъ горячкою и глазами мало что видитъ», и просилъ для него полугодовой отсрочки. Когда въ іюнѣ 1722 г. Копцевичъ пріѣхалъ въ Москву, оказалось, что Кіевопечерскій архимандритъ не преувеличилъ его болѣзненнаго состоянія. Ректоръ Гедеонъ Вишневскій нашелъ Германа «немоществующимъ главною и очною болѣзнью» и просилъ опредѣлить его «къ господину доктору Николаю Ламбертовичу Быдлу или къ иному, на очной болѣзни добрѣ знающемуся..., чтобъ и впредь могъ угоденъ быть къ трудамъ школьнымъ». Послѣ лѣченія въ Московскомъ госпиталѣ Германъ приступилъ къ преподаванію въ Московской Академіи: въ 1726 г. онъ за болѣзнью префекта Платона Малиновскаго преподавалъ философію, а съ сентября 1727 г. богословіе. Въ августѣ 1728 г. Германъ былъ назначенъ ректоромъ Академіи и архимандритомъ Заиконоспасскаго монастыря. Германъ нашелъ Академію не съ полнымъ комплектомъ учащихся вслѣдствіе уклоненія отъ ученія дѣтей священно-церковнослужительскихъ и запрещенія въ 1728 г. пріема въ Академію солдатскихъ и крестьянскихъ дѣтей, и въ 1730 г. счелъ своимъ долгомъ донести Синоду, что «число учениковъ во всей Академіи зѣло умалилось и ученія распространеніе пресѣкается», и просилъ «о милостивомъ призрѣніи ко оной Академіи, дабы преподаяніе ученія во оной Академіи за умаленіемъ числа учениковъ не пресѣкалося и ему въ молчаніе и нерадѣніе не причлось». Помимо исполненія ректорскихъ обязанностей Герману приходилось тратить время на разныхъ инославцевъ, которые присы-

лались къ нему «для достодолжнаго и совершеннаго въ познаніи православной вѣры наставленія» и крещенія, при чемъ онъ иногда имѣлъ дѣло съ особенно неподдававшимися обученію татарами, башкирцами и даже персіянами. Не легкимъ бременемъ для него было и хозяйство небогатаго Заиконоспасскаго монастыря, причинявшее настоятелю много хлопотъ и непріятностей. Братія и вкладчики Московскаго Покровскаго монастыря, приписаннаго къ Заиконоспасскому, подали на Германа прошеніе въ «обидахъ» и поборахъ деньгами, скотомъ, овощами и разными мелочами, въ родѣ какого-то «котла мѣднаго», въ томъ, что «съ отдаточной монастырской земли и съ часовенъ бралъ себѣ рублевъ по 200 и больше» и, между прочимъ, «взялъ въ Спасскій монастырь яблонныхъ прививныхъ деревъ сто съ два и больше». Германъ утверждалъ, что беретъ съ Покровскаго монастыря только капусту и свеклу «и то безъ обиды», и сами покровскіе монахи, несмотря на противоположное мнѣніе іеродіакона Александра и вкладчиковъ, признали, что имъ «никакой обиды не чинится, но и паче ихъ монастырь отъ Спасскаго въ защищеніи и оберегательствѣ соблюдается». Несмотря на это, въ концѣ концовъ Покровскій монастырь былъ отписанъ отъ Заиконоспасскаго. Въ 1729 г. по доносу ученика Академіи и повара было возбуждено противъ Германа грязное дѣло, но доносчики, какъ клеветники, были наказаны плетьми, и постановлено было Синодомъ «дѣло запечатать, чтобы ни отъ кого напрасно ругательства не происходило». 13 апрѣля 1731 г. Высочайшимъ указомъ повелѣно было Германа «посвятить въ архіереи въ Холмогоры». 2 мая 1731 г. Германъ былъ хиротонисанъ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ и 16-го іюня при отпускѣ его на епархію получилъ санъ архіепископа и титулъ Архангелогородского и Холмогорскаго вмѣсто прежняго титула Холмогорскаго и Важскаго. По пріѣздѣ въ епархію Германъ прежде всего озаботился ремонтомъ каѳедральнаго собора и архіерейскаго дома и исходатайствовалъ сумму на поправку ветхостей, доходившихъ до того, что во время дождя въ домѣ «никуда нельзя было укрыться», а въ соборѣ «крыша давала течь и служить было невозможно». Особенно заботился Германъ о развитіи и процвѣтаніи основанной въ 1727 г. епископомъ Варнавою семинаріи. Германъ пробылъ въ Холмогорской епархіи всего 4 года. По свидѣтельству его эпитафіи, онъ, будучи архіереемъ,

«Носилъ въ душѣ своей апостольску ревность,
И завсегда при случаѣ являлъ Божью дерзость,
Уча и размножая непрестанно школы,
Весьма былъ бдителенъ, истребляя противныхъ расколы,
Тѣмъ просвѣщая Поморскую страну,
Истиннымъ свѣтомъ бывая своему стаду,
Дѣломъ, словомъ, ученіемъ медоточнымъ,
И братолюбіемъ и жительствомъ своимъ непорочнымъ».

30 іюля 1735 г. Германъ былъ вызванъ на чреду въ С.-Петербургъ, но прежде, чѣмъ состоялся этотъ указъ, онъ скончался 25 іюля (по донесенію архіерейскаго казначея, 24-го) въ 6 часовъ по полуночи и былъ погребенъ «при гробахъ прежнихъ преставльшихся Архангелогородскихъ архіереевъ» въ Холмогорскомъ Преображенскомъ каѳедральномъ соборѣ. По завѣщанію, составленному 8 іюля 1735 г., у Германа оказалось денегъ тысяча рублей; лучшія рясы онъ завѣщалъ Ѳеофану Прокоповичу и его ближайшимъ клевретамъ Леониду Крутицкому и Питириму Нижегородскому, что указываетъ на его хорошія отношенія къ вліятельнѣйшимъ членамъ Синода. «Помилуй мя, грѣшнаго и недостойнаго раба Твоего Германа архіепископа, молитвенно обращался къ Богу Германъ въ своемъ завѣщаніи, ими же вѣси судьбами спаси убогую душу мою нынѣ наипаче въ часъ разлученія ея отъ тѣла, Тебѣ бо приверженъ быхъ отъ чрева матери моея; упокой, мой премилостивый Владыко, со святыми Твоими душу мою».

Аскоченскій, «Кіевъ», II, 58; Смирновъ, «Исторія Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи», 196—197; «Богословская Энциклопедія» Лопухина, I, 1089; «Описаніе Архива Св. Синода», I, № 627; II, ч. I, № 669; VI, № 185; VIII, № 661; IX, № 552; X, №№ 92, 142, 164, 277, 329, 378; XV, № 276, и приложеніе XVIII (завѣщаніе Германа).

В. Шереметевскій.

Германъ, архимандритъ Воскресенскаго на Истрѣ, Новый Іерусалимъ именуемаго, монастыря, воспитывался при патріархѣ Никонѣ, «былъ изъ младенчества Святѣйшаго келейникъ» и «присный ученикъ» его. Потомъ онъ былъ при Никонѣ иподіакономъ; на извѣстной сохранившейся въ Новомъ Іерусалимѣ картинѣ - портретѣ Никона съ Воскресенской братіей Германъ изображенъ держащимъ передъ патріархомъ разгнутую книгу. Въ достопамятный день 29 ноября 1666 года, въ который въ Новый Іерусалимъ пріѣхали архіепископъ Псковскій Арсеній съ товарищи, чтобы взять Никона въ Москву, Германъ получилъ отъ Никона порученіе выслать изъ церкви назойливаго Спасо-Ярославскаго архимандрита Сергія. «По преселеніи» Никона изъ Новаго Іерусалима Германъ былъ въ этомъ монастырѣ уставщикомъ, а въ 1678 году былъ уже «строителемъ», т.-е. первымъ послѣ архимандрита монастырскимъ должностнымъ лицомъ. Въ 1678 году онъ по приказанію посѣтившаго монастырь царя Ѳедора Алексѣевича вмѣстѣ съ другими старожилами Новаго Іерусалима написалъ «весь уставъ церковный и чинъ монастырской по чину, какъ было при Святѣйшемъ». Послѣ смерти архимандрита Варсонофія Германъ 2 декабря 1680 года въ качествѣ начальника монастыря принималъ царя съ царицей и царевнами, а въ мартѣ 1681 года Германъ былъ уже архимандритомъ. Въ виду того, что царь самъ предложилъ возвратитьвъ Новый Іерусалимъ съ Бѣлаозера Никона, Германъ съ братіей подали царю витіеватую челобитную, въ которой просили «Благочестивѣйшаго Государя Царя богоподобное благоутробіе» «подать Церкви исполненіе, привести кораблю кормчія, послать пастыря стаду, приставить главу тѣлу», возвратить имъ «Христоподражательнаго ихъ наставника Святѣйшаго Никона, проведшаго ихъ черезъ море міра, яко Моисей». 26 августа 1681 г. Германъ принималъ участіе въ продолжавшемся 10 часовъ погребеніи привезеннаго въ Новый Іерусалимъ тѣла Никона, умершаго на пути съ Бѣлаозера. При отъѣздѣ изъ монастыря съ похоронъ Никона царь пожаловалъ на братію 150 руб., а Герману лично еще «своей, Государевой, конюшни иноходца бура»; и въ томъ и въ другомъ случаѣ Германъ «Великому Государю кланялся въ землю». Германъ былъ заботливымъ хозяиномъ монастыря: онъ энергично оберегалъ монастырскія вотчины отъ посягательствъ на нихъ воеводъ и сосѣдей, хлопоталъ о приписке къ Новому Іерусалиму монастырей съ ихъ доходами, отстраивалъ Московское подворье монастыря и особенно заботился о «навершеніи» начатой Никономъ постройки «великой» монастырской церкви. При помощи царя, «возжелѣвшаго отъ всея души своея совершити великую церковь», и давней почитательницы Никона царевны Татіаны Михаиловны дѣло шло успѣшно, но Германъ не дожилъ до освященія этой церкви. 11 сентября 1682 года онъ еще торжественно встрѣтилъ царевнъ Татіану Михаиловну и Софію Алексѣевну, а 11 декабря того же года его не стало. Онъ былъ погребенъ въ придѣлѣ Всѣхъ Святыхъ и на его гробницѣ была помѣщена стихотворная витіеватая эпитафія. Эта эпитафія называетъ Германа «рачителемъ писанія хитроученымъ» и говоритъ, что онъ «изрядная сочини псалмопѣнія, разумностію то и расположенія». Образцомъ творчества Германа служитъ «сложнописаніе», возложенное имъ на гробъ патріарха Никона. Эта эпитафія, прославляя Никона, «отца святѣйша, всѣмъ концамъ знаменита, невѣрнымъ всѣмъ страшна, слоговъ правыя вѣры и дѣлъ снискателя ясна», превозноситъ похвалами «царя благосерда Ѳеодора и ко всей Церкви милосерда Алексѣевича... чадо благо, отчу цѣля язву (т.-е. исправляющаго прегрѣшеніе царя Алексѣя), Самодержца великихъ царствъ того преславна, Всея Россіи владыку ясна и преизрядна».

Леонидъ, Архимандритъ, «Ист. Опис. Ставропиг. Воскр., Новый Іерусалимъ именуемаго, монастыря» («Чт. О. И. Др. Рос.» 1874 г., III и IV), 20, 22, 34, 35, 39, 41, 45, 50-54, 61, 63, 98-99 (эпитафія Никона), 101 (эпитафія Германа), 127. *В. Шереметевскій.*

Германъ, архимандритъ Святогорской пустыни Харьковской епархіи, сынъ греческаго купца, родился въ Нѣжинѣ и получилъ «нѣкоторое

Госуд. ретвенная ордена Ленина Библиотека

образованіе» въ Московскомъ Коммерческомъ училищѣ. 19 лѣтъ отъ роду въ 1835 г. онъ поступилъ послушникомъ въ извѣстную въ то время строгостью устава Глинскую пустынь и достигъ тамъ сана іеродіакона. Въ 1844 г. по просьбѣ и на средства извѣстной Татьяны Борисовны Потемкиной была возстановлена упраздненная въ 1787 г. Святогорская Успенская пустынь на лежащихъ при рѣкѣ Донцѣ мѣловыхъ горахъ въ Изюмскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи. Первыми насельниками и устроителями этой обители явились присланные сюда изъ Глинской пустыни іеромонахъ (впослѣдствіи архимандритъ) Арсеній съ 8 иноками, въ числѣ которыхъ былъ и Германъ. Этотъ послѣдній былъ правою рукою Арсенія въ дѣлѣ устроенія монастыря, скоро приведеннаго въ цвѣтущее состояніе. По смерти архимандрита Арсенія въ 1859 г. Германъ былъ назначенъ настоятелемъ пустыни и въ 1861 г. возведенъ въ санъ архимандрита. При Германѣ Святогорская пустынь сдѣлалась хорошо обстроеннымъ, богатымъ и почитаемымъ монастыремъ. Онъ достроилъ и въ 1868 г. освятилъ заложенный въ 1850 г. обширнѣйшій (15×20 саженъ) Успенскій соборъ; соорудилъ церкви Преображенскую (1864 г.), трапезную Богородице-Рождественскую (1869 г.) и пещерную Алексія Человѣка Божія; устроилъ скиты во имя Арсенія Великаго и больничный съ церковью во имя Ахтырской Иконы Богоматери; въ 1879 г. пріобрѣлъ для монастыря хуторъ Горжевку (въ 50 верстахъ отъ пустыни) съ землею и мельницею и воздвигъ на хуторѣ церковь во имя Неопалимой Купины. Число монаховъ вмѣстѣ съ «проживающими на испытаніи» доходило при Германѣ до 400 человѣкъ; въ монастырскіе праздники число богомольцевъ-причастниковъ доходило до 5000; земли за пустынью числилось до 2000 десятинъ. Для прославленія монастырскихъ святынь «по мысли и просьбѣ» архимандрита извѣстный «пѣснотворецъ» А. Ѳ. Ковалевскій написалъ акаѳистъ Неопалимой Купинѣ и «службу» Ахтырской Иконѣ Богоматери. Въ 1884 г. монастырь былъ опустошенъ пожаромъ. Послѣ пожара Германъ заболѣлъ, но, едва оправившись, началъ «подвизаться попрежнему, хлопотать и трудиться» и скоро исправилъ вредъ, причиненный пожаромъ. Послѣ катастрофы съ Императорскимъ поѣздомъ близъ станціи Борки 17 октября 1888 г. по мысли Германа на мѣстѣ крушенія въ память спасенія Августѣйшей семьи былъ основанъ Спасовъ скитъ. Послѣдній годъ своей жизни Германъ дѣятельно занимался устройствомъ этой обѣтной обители. 8 іюня 1889 г. была заложена деревянная церковь во имя Нерукотвореннаго Образа Спасова, а 20-го августа освящена. Германъ пользовался любовью и уваженіемъ послѣдовательно управлявшихъ Харьковской епархіей архіереевъ, которые цѣнили въ немъ не только «добрыя иноческія качества и молитвенное настроеніе», но и способности дѣльнаго монастырскаго администратора. Какъ практическій, трезво настроенный человѣкъ, Германъ неблагосклонно относился къ проявленіямъ крайняго аскетизма. По свидѣтельству А. Ѳ. Ковалевскаго, Германъ былъ «не чуждъ нѣкотораго искушенія» въ отношеніи почитаемаго въ монастырѣ затворника іеросхимонаха Іоанна, «не долюбливалъ его при жизни»; онъ порядочно запустилъ и могилу этого затворника, что вызвало противъ него негодованіе благочестивцевъ «Домашней Бесѣды». Заслуги Германа были признаны Государемъ, и въ день Пасхи 1 апрѣля 1890 г. онъ за «ревностное и полезное служеніе» былъ награжденъ орденомъ Св. Анны 1-й степени. Въ тотъ же день, отслуживъ пасхальную службу, Германъ слегъ и 13 апрѣля умеръ. «Потеря, достойная обильныхъ слезъ, — писалъ по этому поводу Харьковскій протоіерей Иларіоновъ архіеп. Саввѣ, — человѣкъ незамѣнимый, неустанный дѣятель, умный и истинно подвижникъ, молящійся и въ высшей степени честный и высоко нравственный». В. И. Немировичъ-Данченко въ своихъ очеркахъ «Святыя Горы» далъ нѣсколько карикатурную характеристику совершенно незнакомаго ему Германа, выпущенную, впрочемъ, во второмъ изданіи книги.

Кульжинскій Григорій, «Святогорская Успенская пустынь», 88—165; Денисовъ Леонидъ, «Православные монастыри», 891—895; Савва, архіепископъ Тверскій, «Хроника моей жизни»,

V, 172, 178, 216—217, VI, 276, VII, 59, 221, 385, VIII, 739; «Новое Время» 1890 г., № 5078.
В. Шереметевскій.

Германъ, лишенный сана архимандритъ Іосифова Волоколамскаго монастыря, былъ назначенъ настоятелемъ этого монастыря 1 октября 1702 г. Послѣ почти 20-лѣтняго управленія монастыремъ Германъ, очевидно, съ цѣлью поднять престижъ и доходы своей обители «вынялъ» изъ земли «неизвѣстнаго мертвеца» кости и «назвалъ ихъ мощами преподобнаго Іосифа Волоцкаго», почивавшаго до того времени подъ спудомъ подъ деревяннымъ рѣзнымъ надгробіемъ. Этотъ «Іосифовъ подлинный гробъ» Германъ «называлъ ложно будто нѣкоего ученика его», а для открытыхъ имъ «невѣдомыхъ костей построилъ раку мѣдную новую и подписалъ на имя Чудотворца Іосифа». Новооткрытымъ мощамъ Германъ «приписывалъ ложныя чудеса и, поставивъ въ церкви, пѣлъ молебны и тѣмъ многихъ соблазнилъ». Время выхода въ свѣтъ «Духовнаго Регламента» было неблагопріятно для оглашенія чудесъ, и Синодъ въ 1722 г. потребовалъ Германа къ отвѣту. Хотя Іосифовскій архимандритъ и «принесъ Св. Синоду повиновеніе», но былъ лишенъ сана архимандрита и сосланъ во Флорищеву пустынь. Прославленные имъ останки по указу Синода были «погребены на томъ мѣстѣ, гдѣ были».

«Оп. Арх. Св. Синода», VII, стр. XXXII—XXXIII; «Полн. Собр. Постановл. по Вѣдомству Прав. Исповѣданія», V, № 1495.
В. Шереметевскій.

Германъ, монахъ, Алеутскій миссіонеръ, по происхожденію изъ купцовъ г. Серпухова, 16 лѣтъ отъ роду поступилъ послушникомъ въ Сергіеву пустынь близъ С.-Петербурга, а черезъ 6 лѣтъ перешелъ на Валаамъ, гдѣ поселился въ глухомъ лѣсу въ $1^1/_2$ вер. отъ монастыря. Въ 1794 г. Германъ отправился въ Сѣверную Америку въ числѣ членовъ миссіи, посланной для проповѣди евангелія на Алеутскіе острова. Германъ поселился на островѣ Еловомъ, въ 2 верстахъ отъ Кадьяка, сначала въ пещерѣ, а потомъ въ келліи, построенной для него Американской Компаніей. Германъ велъ самую суровую жизнь: исполнялъ тяжелыя работы, ходилъ въ рубищѣ, соблюдалъ строгій постъ, спалъ на узкой скамьѣ съ изголовьемъ изъ кирпичей и съ доскою вмѣсто одѣяла, носилъ 15-фунтовыя вериги. Онъ посвятилъ себя всецѣло заботамъ о духовномъ и матеріальномъ благополучіи алеутовъ, былъ, по его выраженію, ихъ «нянькою». Онъ наставлялъ алеутовъ въ вѣрѣ, совершалъ для нихъ богослуженіе въ часовнѣ, утѣшалъ ихъ во время постигшей островъ повальной болѣзни, устроилъ пріютъ для сиротъ и училъ ихъ Закону Божію и церковному пѣнію. Онъ ходатайствовалъ за алеутовъ передъ властями и смѣло обличалъ начальниковъ «въ недостойномъ поведеніи и притѣсненіи алеутовъ». Островитяне любили своего «апу» (дѣда) Германа, обращались къ нему за рѣшеніемъ ихъ споровъ; онъ разбиралъ дѣла, мирилъ ссорившихся, одѣлялъ дѣтей сухариками и крендельками, которыя самъ пекъ для нихъ. «Всеконечно краснорѣчія не знавшій», Германъ умѣлъ говорить и съ образованными, и они часто оказывались передъ нимъ «безотвѣтными дураками». Ему удавалось обращать къ вѣрѣ вольнодумцевъ и въ православіе иновѣрцевъ. Германъ не тяготился своимъ уединеніемъ на краю свѣта. «Я не одинъ, говорилъ онъ, тамъ есть Богъ, тамъ есть ангелы святые; и можно ли съ ними соскучиться?» По своему смиренію Германъ отказался отъ священнаго сана и остался простымъ монахомъ. Германъ умеръ 13 декабря 1837 г., на 81 году отъ рожденія. Цѣлый мѣсяцъ ждали священника для погребенія Германа; тѣло миссіонера оставалось непогребеннымъ, но не подверглось тлѣнію. Наконецъ Германа похоронили безъ священника, по его завѣщанію на доскѣ, прикрывъ его «одѣяломъ» — доскою. Герману при жизни его приписывали сверхъестественныя дарованія и между прочими даръ пророчества. Вѣрующіе прибѣгали къ нему и послѣ его смерти. Въ 1842 г. епископъ Камчатскій Иннокентій приписалъ ему свое спасеніе отъ бури. «Если ты, о Германъ, угодилъ Богу, сказалъ архіепископъ, застигнутый бурею, то пусть перемѣнится вѣтеръ», и вѣтеръ вскорѣ перемѣнился.

«Странникъ» 1868 г., I, 51—72; Е. Поселянинъ, «Русскіе Подвижники XIX-го вѣка», изд. 2-е, 219—136.
В. Шереметевскій.

Германъ, саратовскій монахъ, плодовитый апологетъ *поморской* общины. Родился въ 1710 г., умеръ въ 1778 г. Подробныхъ біографическихъ свѣдѣній о немъ мы не имѣемъ. Съ увѣренностью можно утверждать только то, что почти вся жизнь его прошла въ предѣлахъ Саратовскаго края. Германъ пользовался большимъ авторитетомъ у поморцевъ какъ человѣкъ вообще, такъ еще болѣе какъ писатель. Павелъ Любопытный говоритъ о немъ, что онъ былъ мужъ «благой души, исполненный незлобія, чистоты сердечной, кротости и простодушія». Въ этомъ отзывѣ есть несомнѣнное преувеличеніе, такъ какъ трудно допустить незлобіе и кротость въ человѣкѣ, который главной своей цѣлью ставилъ борьбу съ «Никоновыми лжемудріями». Тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что его нравственныя качества были извѣстны далеко за предѣлами Саратовскаго края; о немъ хорошо знали въ Москвѣ и въ другихъ центрахъ поморства. — Герману пришлось жить и дѣйствовать въ то время, когда въ старообрядческихъ толкахъ оживленно дебатировался вопросъ о моленіи за царя. Вотъ почему его литературная дѣятельность была тѣсно связана именно съ этимъ вопросомъ. Въ защиту поморской точки зрѣнія по этому вопросу Германомъ написаны слѣдующія сочиненія: 1) Показаніе о богомоліи за внѣшнихъ владыкъ міра о ихъ благоденствіи и побѣдѣ враговъ, писанное противъ заблужденія Ѳеодосіанцевъ и Филипповыхъ; 2) Апологія, основанная на чудесахъ, что по долгу христіанства и началамъ разума должно непремѣнно молить Бога за внѣшнихъ владыкъ міра, о ихъ благоденствіи и всякомъ ихъ благѣ; 3) Вторая апологія, собранная имъ буквально изъ откровенія и церковныхъ исторій, что именовать внѣшнихъ свойственными именами православныхъ не есть противно Богу и духу Христовой церкви, употребленныхъ тамъ по разнымъ причинамъ. Предметы міра именуются не по бытію какой-либо части, въ составъ того по случаю входящей, но по свойству предмета, всегда существующему и неизмѣняющемуся въ цѣломъ или недѣлимомъ; 4) Показаніе, что владыкамъ міра, не разбирая ихъ вѣры, по гласу Христову и его церкви, непремѣнно должно воздавать имъ законную дань и достойную честь каждому званію оныхъ; 5) Десять посланій въ разныя мѣста пастырямъ душъ, благочестивымъ мужамъ о назиданіи церкви, ея благоустройствѣ и защитѣ отъ міра. — Будучи проповѣдникомъ высокихъ нравственныхъ началъ, онъ естественно интересовался вопросами и этой области. Отъ него осталось сочиненіе, подъ названіемъ «Краткое и ясное наставленіе своей паствѣ о нравственности, выбранное отъ святыхъ отецъ». Германъ написалъ еще нѣсколько небольшихъ сочиненій, но «невѣжество ихъ утратило», какъ выражается Павелъ Любопытный. — Германъ окончилъ свою жизнь въ Соловкахъ, куда онъ былъ сосланъ за пропаганду раскола; здѣсь онъ умеръ, примирившись съ православной церковью.

Дружининъ В. Г., «Писанія русскихъ старообрядцевъ». С.-Пб. 1912, стр. 83—84; «Историческій словарь и каталогъ или библіотека старовѣрческой церкви», Павла Любопытнаго, см. «Сборникъ для исторіи старообрядчества», Н. Попова, т. II, приложенія, стр. 97.

Н. Высоцкій.

Германъ, строитель основанной имъ Ниловой Столобенской пустыни, былъ сначала инокомъ находившагося близъ озера Селигера Николаевскаго Рожковскаго монастыря, въ которомъ сохранялась и чтилась память пустынникаНила († 1554 г.), подвизавшагося на Столобномъ островѣ озера Селигера и погребеннаго на этомъ островѣ въ уединенной часовнѣ. Германъ вмѣстѣ съ другими поклонниками посѣщалъ этотъ островъ, возобновилъ часовню и гробницу пустынника и наконецъ въ 1591—1594 гг. построилъ на островѣ «при помощи боголюбивыхъ христіанъ» церковь Богоявленія Господня съ придѣломъ во имя новоявленнаго тогда угодника Василія Блаженнаго. При церкви былъ открытъ общежительный монастырь, и Германъ сталъ управлять имъ съ титуломъ «строителя». Германъ очень заботился о прославленіи патрона острова — преп. Нила: въ 1595 г. по его приказанію былъ написанъ образъ Нила и возложенъ на гробницу Преподобнаго; онъ собиралъ и записывалъ свѣдѣнія о жизни Нила. Считая себя

«недовольнымъ писанія», Германъ передалъ эти записки иноку Болдина монастыря Филоѳею Пирогову, который и составилъ житіе преп. Нила, стихиры и канонъ ему. Впрочемъ, по замѣчанію В. О. Ключевскаго, «сохранившаяся записка Германа о составленіи житія показываетъ, что онъ не хуже Филоѳея владѣлъ книжнымъ языкомъ». Въ послѣднее время управленія Германа Ниловой пустынью этотъ монастырь много потерпѣлъ отъ набѣга литвы. Германъ умеръ 22 февраля 1614 г. и за три дня до смерти «цѣлымъ умомъ и разумомъ» составилъ «духовную память», въ которой съ рѣдкой въ умирающемъ хозяйственной заботливостью перечислилъ имущество монастыря.

Успенскій Вл., Протоіерей, «Историческое Опис. Ниловой Пустыни», 11—17, 135—138 (здѣсь напечатана «духовная память» Германа); Ключевскій, «Житія Святыхъ, какъ историч. источникъ», 313—314.

В. Шереметевскій.

Германъ (Germann), *Готфридъ-Альбертъ*, ординарный профессоръ естественной исторіи въ Дерптскомъ университетѣ, сынъ субректора Домской школы въ Ригѣ, родился въ Ригѣ 8 дек. 1773 г., среднее образованіе получилъ въ Домской школѣ (1782—1792), а затѣмъ слушалъ лекціи въ Іенскомъ университетѣ. Былъ однимъ изъ учредителей Іенскаго общества естествоиспытателей, въ «Трудахъ» котораго напечаталъ статью: «Ueber den Unterschied», des Klima's von Livland und Thüringen, но черезъ 2 года вышелъ изъ этого общества вслѣдствіе непріятностей. Въ 1795 г. слушалъ лекціи въ Вюрцбургѣ, въ 1796 г.—въ Берлинѣ и Килѣ, гдѣ изучалъ полгода ботанику и получилъ степень доктора медицины и хирургіи за диссертацію: «De influxu aëris frigidi et callidi in morbos et sanitatem hominum» (Kiliae, 1796). Вернувшись на родину, занимался медицинской практикой въ деревнѣ въ Лифляндіи, въ Петербургѣ и 2 года въ Вольмарѣ. 24 февраля 1802 г. былъ приглашенъ въ Дерптскій университетъ; ему было поручено преподаваніе естественной исторіи вообще и особенно ботаники, кромѣ того, онъ занималъ должность директора ботаническаго сада, устройству котораго и посвящалъ главнымъ образомъ свои заботы. Съ 1803 г. по 1805 г. Г. приводилъ въ порядокъ прежній ботаническій садъ, а съ 1806 г., когда университетъ получилъ новое мѣсто для сада, онъ ревностно принялся за устройство его на новомъ мѣстѣ, но былъ очень стѣсненъ недостаткомъ средствъ. Въ 1804 г. Г. съ 6 студентами совершилъ путешествіе по Финляндіи; кромѣ того часто совершалъ небольшія экскурсіи по Прибалтійскому краю, на которыя съ разрѣшенія попечителя ему выдавались субсидіи. Умеръ въ Дерптѣ 16 ноября 1809 г. Изъ трудовъ его, кромѣ вышеупомянутыхъ, можно отмѣтить: 1) «Reise durch Ehstland, vorzüglich botanischen Inhalts, im Sommer 1803 unternommen» (Hoppe's Neues botanisch. Taschenb. auf das Jahr 1805); 2) «Beschreibung einer neuen Art der Gattung Valeriana» («Regensb. Botan. Zeit.», 1805 № 23); 3) «Verzeichniss der Pflanzen des botanischen Gartens der Kaiserlichen Universität zu Dorpat, im Jahre 1807». Dorpat, 1807, 8°.

«Біограф. словарь профессоровъ и преподавателей Дерптскаго университета»; Recke und Napierski, «Allgemeines Schriftsteller und Gelehrten-Lexicon der Provinzen Livland, Ehstland und Curland». Mitau, 1829.

М. Ціонъ.

Германъ, *Иванъ Ивановичъ*, генералъ отъ инфантеріи, былъ родомъ саксонецъ, по другимъ же свѣдѣніямъ происходилъ изъ лифляндскихъ дворянъ. Бантышъ-Каменскій называетъ его барономъ Германомъ фонъ-Ферзенъ, а Гельбигъ разсказываетъ о немъ слѣдующее: онъ былъ сынъ саксонскаго деревенскаго кузнеца, изучилъ на родинѣ богословіе и затѣмъ отправился съ рекомендаціями въ Лифляндію; здѣсь получилъ мѣсто дворецкаго; баринъ его, которому онъ заявилъ о своей страсти къ военной службѣ, одобрилъ его намѣреніе стать солдатомъ и добылъ ему первый военный чинъ. Сообщеніе Гельбига однако слѣдуетъ признать мало правдоподобнымъ, такъ какъ есть извѣстіе, что Г. получилъ прекрасное образованіе въ германскихъ университетахъ, а въ формулярѣ его значится, что онъ умѣетъ говорить на языкахъ русскомъ, нѣмецкомъ, латинскомъ, французскомъ, англійскомъ, знаетъ математику, инженерныя науки, философію, исторію, на-

туральныя права и политику. Онъ вступилъ на русскую военную службу «націи саксонской изъ статскихъ чиновъ» кондукторомъ 2-го класса въ инженерный корпусъ 18 января 1770 г. (по другому послужному списку прапорщикомъ въ 1769 г.), а затѣмъ переведенъ въ генеральный штабъ колонновожатымъ офицеромъ — дивизіонъ-квартермистромъ поручичьяго чина (24 ноября 1770 г.). Вскорѣ Г. обратилъ на себя вниманіе своими многосторонними познаніями: онъ былъ отличный и боевой офицеръ, и инженеръ, и топографъ. Г. участвовалъ въ первой турецкой войнѣ, состоя при Боурѣ, и былъ въ сраженіяхъ при Ларгѣ и Кагулѣ; во время рекогносцировки на Дунаѣ былъ контуженъ. Въ это же время ему было поручено составленіе карты Молдавіи и описанія Валахіи, а по окончаніи этой работы онъ былъ въ 1772 г. назначенъ старшимъ квартирмейстеромъ при корпусѣ графа Эльмпта въ Польшѣ. Въ 1773 г. состоялъ при обсерваціонномъ корпусѣ на шведской границѣ и составилъ карту Финляндіи, а затѣмъ былъ назначенъ старшимъ квартирмейстеромъ къ генералъ-аншефу Бибикову въ Оренбургскій край. Въ 1774 г. во время усмиренія Пугачевскаго бунта онъ, состоя въ отрядѣ кн. П. М. Голицына и командуя его авангардомъ, былъ въ дѣлахъ при Татищевской крѣпости, у Сакмарскаго городка и др., за что произведенъ въ оберъ-квартирмейстеры маіорскаго чина (7 мая). Въ это же время имъ составлена карта всего Оренбургскаго похода. Въ 1775 г. Г. получилъ отъ Екатерины II порученіе составить планъ Царицынскаго загороднаго дворца близъ Москвы; въ томъ же году посланъ секретнымъ курьеромъ въ Астрахань и Кизляръ для обозрѣнія края и персидской границы, составилъ карту мѣстности между рр. Терекомъ, Кубанью, Дономъ и Волгой и написалъ журналъ своего путешествія. Въ 1776 г. ему было поручено опредѣленіе границъ земли войска Донского; въ слѣдующемъ году онъ исполнилъ порученіе и составилъ карту этой земли; произведенный 24 мая 1777 г. въ подполковники, Г. выбылъ изъ генеральнаго штаба и въ 1778—1782 гг. состоялъ въ Кабардинскомъ пѣхотномъ полку. Получивъ затѣмъ порученіе закрыть отъ набѣговъ кавказскихъ народовъ Волгу и Донъ, онъ заложилъ 9 крѣпостей и тѣмъ положилъ основаніе Кавказской линіи. Въ 1778 г. составилъ проектъ Херсонской крѣпости, постройка которой была поручена ему же. Она продолжалась до 1782 г.; въ этомъ же году онъ былъ произведенъ въ полковники (1 января). Въ 1783 г. награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст. и назначенъ командиромъ Владимірскаго пѣхотнаго полка, находившагося на Кавказской линіи. Командуя полкомъ, Г. постоянно участвовалъ въ экспедиціяхъ противъ горцевъ и въ 1784 г. построилъ на Кубани крѣпости Преградный Станъ и Прочный Окопъ. Въ 1787 г. получилъ въ командованіе одинъ изъ отрядовъ, входившихъ въ составъ Кавказскаго корпуса, и исправлялъ должность генералъ-квартирмейстера. Онъ принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ горцевъ и турокъ и отличился въ дѣлахъ съ горцами у р. Лабы, Черныхъ горъ и у р. Мамы и съ турками при Анапѣ (1788). Тогда же составилъ карту Кавказа. 21 апрѣля 1789 г. произведенъ въ бригадиры, 5 февраля 1790 г. получилъ чинъ генералъ-маіора и назначенъ командиромъ бригады, состоявшей изъ Кабардинскаго, Владимірскаго и Казанскаго полковъ. Получивъ извѣстіе, что турки подъ начальствомъ сераскира Баталъ-паши слѣдуютъ отъ р. Лабы къ Кубани, чтобы вторгнуться въ предѣлы Россіи, Г. поспѣшилъ къ нимъ навстрѣчу и 30 сентября 1790 г. разбилъ турокъ и горцевъ на верховьяхъ Кубани, у рѣкъ Тохтамыши (Абазинки) и Подбаклеи, и обратилъ ихъ въ бѣгство; овладѣвъ лагеремъ непріятеля, онъ захватилъ всю артиллерію (30 орудій) и взялъ въ плѣнъ сераскира. Императрица наградила Г. за эту побѣду орденомъ св. Георгія 2-й ст. (21 января 1791 г.) и 500 душъ крестьянъ въ Полоцкой губ. Оставивъ въ 1791 г. Кавказъ, Г. нѣкоторое время находился на Балтійскомъ гребномъ флотѣ и строилъ портъ и крѣпость въ Роченсальмѣ, а въ 1792 г. назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ въ армію генералъ-аншефа Кречетникова въ Литвѣ и

составилъ тогда карту Литвы и Подлясхіи. Въ 1793 г. командовалъ корпусомъ праваго крыла этой арміи и награжденъ орденомъ св. Анны, а въ 1794 г. командовалъ въ Польшѣ въ арміи кн. Репнина особымъ корпусомъ. При взятіи Вильны онъ велъ атаку на ретраншементъ и Острую браму (ворота). За польскую кампанію награжденъ орденомъ св. Владиміра 2-й ст. Планъ кампаніи, составленный Германомъ во время этой войны и увѣнчавшійся успѣхомъ, еще болѣе укрѣпилъ за нимъ репутацію хорошаго стратега. Въ 1795 г. Г. состоялъ въ должности генералъ-квартирмейстера при главной квартирѣ князя Репнина. Въ 1796 г. составилъ проектъ соединенія Днѣпра съ Западной Двиной посредствомъ канала. Г. повидимому въ началѣ царствованія Павла I былъ въ отставкѣ, потому что 19 декабря 1796 г. онъ принятъ по прежнему въ службу и назначенъ шефомъ Шлиссельбургскаго мушкетерскаго полка (въ приказѣ названъ барономъ Германомъ фонъ Ферзенъ). 27 декабря 1797 г. онъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, въ 1798 г. назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ всей арміи и награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго. Съ назначеніемъ на должность генералъ-квартирмейстера Г. обратилъ вниманіе на съемки пограничныхъ областей и разсылалъ офицеровъ въ разныя мѣстности для снятія плановъ. Онъ самъ ѣздилъ лѣтомъ 1798 г. въ Южную Россію, чтобы принять мѣры къ укрѣпленію Севастополя и береговъ Чернаго моря. Производившіяся подъ его руководствомъ картографическія работы обратили на него вниманіе императора Павла I, который сталъ видѣть въ немъ человѣка основательнаго и полезнаго для службы. Въ 1799 г. Г. награжденъ былъ орденомъ св. Іоанна Іерусалимскаго и получилъ въ командованіе одинъ изъ корпусовъ, предназначенныхъ для посылки въ Италію противъ французовъ. Государь поручилъ ему по соединеніи съ корпусомъ Розенберга помогать послѣднему своими совѣтами, а въ случаѣ нужды принять и главное начальство надъ обоими корпусами. Павелъ I былъ такого высокаго мнѣнія о дарованіяхъ Г., что даже величайшаго русскаго полководца хотѣлъ поставить подъ его контроль, и, когда рѣшено было послать Суворова главнокомандующимъ въ Италію, поручилъ Г. «имѣть наблюденіе за его, Суворова, предпріятіями, которыя могли быѣ повести ко вреду войскъ и общаго д ла, когда будетъ онъ слишкомъ увлекаться своимъ воображеніемъ, заставляющимъ его иногда забывать все на свѣтѣ». «Хотя онъ, писалъ Государь Г-ну, по своей старости уже и не годится въ Телемаки, тѣмъ не менѣе, однако же, вы будете ментором, коего совѣты и мнѣнія должны умѣрять порывы и отвагу воина, посѣдѣвшаго подъ лаврами». Отвѣтъ Г-на Павлу I является выраженіемъ его profession de foi по части военнаго искусства. «Въ бою онъ (Суворовъ), писалъ Г., любитъ глубокій строй, и я также предпочитаю это построеніе съ тѣмъ однако же различіемъ, что по моему мнѣнію оно должно быть приспособлено къ параллельному боевому порядку, для уменьшенія вреда, наносимаго непріятельскою артиллеріею». Изъ этихъ словъ Д. А. Милютинъ дѣлаетъ выводъ, что Г. принадлежалъ къ числу ученыхъ тактиковъ того времени, которые ставили всю сущность военнаго искусства въ одномъ механизмѣ построеній, а по мнѣнію А. Ѳ. Петрушевскаго Г. въ этомъ отвѣтѣ проявилъ себя «цеховымъ тактикомъ», смотрящимъ на военное дѣло какъ на «графическое искусство». Въ Суворовѣ Г. видѣлъ лишь «старыя лѣта, блескъ побѣдъ и счастье, постоянно сопровождавшее всѣ его предпріятія». Г. не пришлось однако сдѣлаться ментором Суворова: вмѣсто корпуса, посылаемаго въ Италію, онъ получилъ въ командованіе другой корпусъ, предназначенный для совокупныхъ дѣйствій съ англійскимъ войскомъ противъ французовъ въ Голландіи. Г. съ одной дивизіей приплылъ къ берегамъ Голландіи 31 августа 1799 г., но вслѣдствіе дурной погоды могъ высадиться только 2-го сентября. Русскіе, не привыкшіе къ морскому путешествію, были очень утомлены, но въ тотъ же день должны были сдѣлать усиленный переходъ по сыпучему песку. Къ 7 сентября собрался весь отрядъ Г., и на 8-е герцогъ Іоркскій, главнокомандующій союзной арміей, назначилъ бой съ французами. Г., повидимому, не нашелъ

нужнымъ отсрочить столкновеніе съ непріятелемъ изъ-за усталости русскихъ войскъ. Получивъ въ командованіе первое отдѣленіе союзной арміи, онъ рано утромъ, еще въ темнотѣ, двинулся впередъ, безъ проводниковъ и безъ матеріаловъ для устройства переходовъ черезъ рѣки и каналы. Англичане выступили гораздо позднѣе и двигались медленно и съ большою осторожностью, поэтому они не могли оказать Г. поддержки во-время. Несмотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, первоначально перевѣсъ былъ на сторонѣ русскихъ: они выбили французовъ изъ трехъ ретраншементовъ, взяли нѣсколько батарей, завладѣли тремя укрѣпленными деревнями и захватили въ плѣнъ 1000 французовъ и 14 пушекъ, но затѣмъ французы воспользовались промедленіемъ англичанъ, чтобы всѣми силами ударить на русскихъ, утвердившихся въ г. Бергенѣ. Германъ дважды отразилъ непріятеля, но, не видя болѣе возможности удержаться въ Бергенѣ, онъ ужъ началъ выступать оттуда, какъ въ это время былъ атакованъ кавалеріей и пѣхотой. Русскіе ударили въ штыки, но не могли осилить превосходившаго ихъ численностью врага. Г. вмѣстѣ со всѣмъ штабомъ былъ взятъ въ плѣнъ. Русскіе потеряли въ этомъ сраженіи убитыми, ранеными и взятыми въ плѣнъ до 3000 человѣкъ. Еще до полученія извѣстія о пораженіи Германа, онъ былъ 24 сентября 1799 г. произведенъ въ генералы отъ инфантеріи. Когда же печальная вѣсть достигла Петербурга, императоръ Павелъ I крайне разгнѣвался и исключилъ Германа 27 сентября изъ службы «за дурной поступокъ». Герцогъ Іоркскій и самъ король англійскій выступили защитниками Г. предъ Павломъ I. Герцогъ объяснялъ неудачу русскихъ болѣе всего ихъ излишнимъ порывомъ рвенія и воинскаго жара. «Главное несчастье для насъ, писалъ онъ, заключалось въ потерѣ храбраго Г., который пользовался уваженіемъ и довѣріемъ войскъ. Останься онъ цѣлъ, онъ далъ бы иной оборотъ сраженію». Французы также оправдывали Г., приписывая его неудачу только тому, что англичане не поддержали его своевременно.

Плѣнный Г. былъ отправленъ въ крѣпость Лилль. Французы готовы были обмѣнить его на всѣхъ французскихъ генераловъ, взятыхъ въ плѣнъ въ Италіи, но Павелъ I не согласился на это, и Г. пробылъ въ плѣну до заключенія мира. По возвращеніи изъ плѣна Г. представилъ объясненіе своихъ дѣйствій и 6 ноября 1800 г. былъ снова принятъ на службу, но уже не получилъ никакого назначенія. Несчастныя событія повліяли на его здоровье, и 9 іюня 1801 г. онъ скончался въ Петербургѣ, имѣя болѣе 60-ти лѣтъ отъ роду. Г. былъ женатъ на Шарлоттѣ Ивановнѣ Герардъ, дочери извѣстнаго гидравлика, и оставилъ 4 дѣтей.

Германъ отличался честностью, усердіемъ, храбростью, умомъ и добротой, но былъ вспыльчивъ и слишкомъ самонадѣянъ. Когда, послѣ высадки въ Голландіи и выступленія въ походъ, младшіе генералы спросили его, гдѣ имъ остановиться, онъ отвѣтилъ: на плечахъ французовъ.

Въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1825 г. напечатанъ составленный Г. «Журналъ кампаніи на Кавказской линіи 1790 г.»

Словарь Казадаева (рукопись); Бантышъ-Каменскій, «Словарь достопамятныхъ людей земли русской», т. I; «Словарь» Брокгаузъ-Ефронъ, XV; «Большая Энциклопедія», VI; Милютинъ, «Исторія войны 1799 г.», т. I и II; «Хронолог. указатель военныхъ дѣйствій русской арміи и флота», т. I; Н. П. Глиноецкій, «Исторія генеральнаго штаба», I, 148—150; «Русская Старина» 1884 г., т. XLIV, 629, 1889 г., т. LXIII, 219; «Военная Энциклопедія», изд. Сытина, т. VII; дѣла Московскаго Отдѣл. Общаго Архива Главнаго Штаба: 1) книга формул. списковъ генераловъ 1773—1784 гг., 2) послужной списокъ генер. отъ инф. Германа 1800 г., 3) книга опредѣленій и журналовъ Военной коллегіи 1801 г. № 1384, лл. 419, 420. *Н. К. Александровичъ.*

Германъ, *Иванъ Филипповичъ* (Benedict-Franz-Johann von Herrmann), статскій совѣтникъ, оберъ-бергъ-гауптманнъ, членъ Бергъ-коллегіи, профессоръ технологіи Имп. Академіи Наукъ, начальникъ Екатеринбургскихъ желѣзныхъ заводовъ и монетнаго двора, родился 14 (15) марта н. с. 1755 г. въ Маріенгофѣ, въ Штиріи. Первоначальное образованіе Г. получилъ въ городской школѣ въ Мурау, откуда перешелъ въ монастырскую (доминиканскую) въ Фризахѣ. По окончаніи курса былъ

посланъ для ознакомленія съ соляной промышленностью въ Аусзее. Затѣмъ Г. поступилъ на службу въ Мурау (въ Rentamt), а потомъ въ управленіе княжества Шварценбергскаго въ Грацѣ; здѣсь онъ посѣщалъ университетъ и занялся изученіемъ языковъ. Вернувшись снова на службу въ Мурау, онъ посѣщалъ окрестные желѣзные и сталелитейные заводы и тѣмъ положилъ начало своимъ познаніямъ. Въ 1777 г. Г. былъ переведенъ въ Вѣну въ главное управленіе кн. Шварценберга и въ теченіе 2-хъ лѣтъ завѣдывалъ главной кассой; въ Вѣнѣ онъ съ еще большимъ рвеніемъ предался изученію минералогіи, горнаго дѣла и химіи, которую слушалъ у Jacquin. Въ 1781 г. Г. съ цѣлью дальнѣйшаго образованія предпринялъ путешествіе по Германіи, Венгріи и Италіи, которое еще болѣе расширило его свѣдѣнія по промышленности и технологіи. По возвращеніи въ Вѣну онъ предполагалъ было занять еще несуществовавшую каѳедру технологіи при Вѣнскомъ университетѣ; это ему не удалось, однако въ томъ же году онъ получилъ разрѣшеніе читать лекціи по технологіи; чтобы зарекомендовать себя и привлечь слушателей, онъ написалъ сочиненіе: «Ueber die Einführung des Studiums der Technologie» (Wien 1781). Лекціи шли не особенно удачно, хотя Г. уже пріобрѣлъ извѣстность своей работой о мергелѣ. Въ томъ же 1781 г. Г. въ описаніи своихъ путешествій по Австріи («Reisen durch Oesterreich, Steiermark, Kärnthen u. s. w.», 3 томика, 1780—1783) собирался дать описаніе сталелитейнаго дѣла Шварценберговъ въ Штиріи; но сообщеніе этого намѣренія навлекло на Г. столько непріятностей, что онъ для избѣжанія ихъ уѣхалъ снова путешествовать, сначала для осмотра соляныхъ рудниковъ близъ Кракова, оттуда въ Варшаву и наконецъ въ Петербургъ, гдѣ 14 января 1782 г. былъ принятъ членомъ-корреспондентомъ Имп. Академіи Наукъ и назначенъ на мѣсто незадолго до того умершаго минералога Мосенкова. Въ 1783 г. онъ по приказанію императрицы Екатерины былъ посланъ на Уралъ для устройства тамъ сталелитейныхъ заводовъ. Произведя предварительныя изысканія и работы на Уралѣ, Г. въ 1784 г. вернулся въ С.-Петербургъ, чтобы предложить свой проектъ на утвержденіе. Проектъ былъ принятъ, и Г. получилъ чинъ надворнаго совѣтника и званіе директора долженствовавшаго открыться около Екатеринбурга Пышминскаго сталелитейнаго завода; тогда же ему была назначена кн. Дашковой пенсія въ размѣрѣ 200 руб. въ годъ. Въ это же время онъ получилъ предложеніе занять мѣсто Domänen-Administrationsadjunct'a въ Лембергѣ, но отклонилъ его. Съ 1785 г. Г. ревностно отдался лежавшей на немъ задачѣ. Онъ объѣхалъ и изучилъ сибирскіе, особенно Колыванскіе рудники и опубликовалъ собранные матеріалы. 18 сентября 1786 г. Г. былъ избранъ почетнымъ членомъ Академіи, а 11 февраля 1790 г. ординарнымъ академикомъ по каѳедрѣ минералогіи. Въ первый разъ онъ присутствовалъ на засѣданіи Академіи 25 августа 1794 г., потомъ уѣхалъ въ Сибирь и возвратился въ 1796 г. (присутствовалъ на засѣданіи 10 марта). Въ 1798 г. Г. былъ назначенъ дѣйствительнымъ членомъ Бергъ-коллегіи, а въ 1799 г. назначенъ инспекторомъ Горнаго училища и получилъ чинъ коллежскаго совѣтника. Въ 1800 г. Г. было дано порученіе осмотрѣть заводы для литья пушекъ въ Олонецкой губ.; 2 декабря 1801 г. онъ назначенъ начальникомъ Екатеринбургскаго горнаго правленія съ производствомъ въ оберъ-бергъ-гауптманы 4-го класса, вслѣдствіе чего въ концѣ года снова отправился въ Сибирь. Его трудами въ Екатеринбургѣ устроены были желѣзные заводы и монетный дворъ, а въ 1803 г. имъ же устроена тамъ типографія. Въ 1806 г. Г. назначенъ членомъ Бергъ-коллегіи при Министерствѣ финансовъ. Въ 1811 г. онъ предпринялъ свое пятое и послѣднее путешествіе въ Сибирь. Умеръ Г. въ С.-Петербургѣ 31 января 1815 г.

Многочисленные труды Г. напечатаны частью въ академическихъ изданіяхъ, частью же вышли отдѣльными изданіями въ Россіи или за границей.

Въ академическомъ изданіи «Nova acta» напечатаны: 1) «Mémoire sur la manière dont on fait l'acier des mines de fer de la Sibérie» (v. VI); 2) «Notice sur le Schoerl rouge de Sarapoulskoï en Sibérie» (v. VII); 3) «Expériences sur le produit en

fer de fonte d'un haut-fourneau en Sibérie» (v. VIII); 4) «Observations minéralogiques dans un voyage fait pour connaître les roches dont la chaîne Ouralienne est composée en la traversant de l'Ouest vers l'Est» (v. X); 5) «Description de la mine d'argent de Salaïrsk aux monts d'Altaï en Sibérie» (v. XI); 6) «Notice sur les charbons de terre dans les environs de Kousnetzk en Sibérie» (v. XI); 7) «Mémoire sur l'exploitation des mines de l'Empire de Russie» (v. XI); 8) «Extrait des observations météorologiques faites à Pyschminsk, près de Caterinebourg, aux monts Oural en Sibérie, en l'année 1791 suivant le nouveau style» (v. XI); 9) «Expériences sur l'acier damassé» (v. XII); 10) «Description de la topaze de Sibérie» (v. XII); 11) «Mémoire sur la terre de poix ou Pissite de Sibérie» (v. XII); 12) «Description de la célèbre mine d'argent de Zméof aux monts d'Altaï en Sibérie» (v. XII); 13) «Description d'une nouvelle mine de cuivre, nommée Achirite» (v. XIII); 14) «Remarques sur les différentes méthodes de rendre le fer maléable» (v. XIV); 15) «Notice sur les roches des monts Altaï en Sibérie» (v. XIV); 16) «Notice sur un grouppe remarquable de spath de plomb de la Sibérie» (v. XIV). Въ академическихъ изданіяхъ напечатаны также его труды по статистикѣ: «Mémoire sur les naissances, mariages et morts dans quelques provinces et villes de la Russie» (Nova acta, v. IV, Suppl.) и «О народонаселеніи. О составленіи и употребленіи народныхъ таблицъ» («Статистическій журналъ» 1806 г.).

Кромѣ вышеупомянутыхъ, Германомъ написаны еще слѣдующія сочиненія: 1) «Beschreibung des Silberschmelzprocesses zu Neusohl in Ungarn (Wien 1781); 2) «Beschreibung der Manipulation, vermittelst welcher der Brescianer Stahl verfertiget wird» (Wien 1781); 3) «Höfer's Nachricht von dem in Toscana entdeckten natürlichen Sedativsalz, aus dem Italienischen übersetzt» (Wien 1782); 4) «Abriss der physikalischen Beschaffenheit der österreichischen Staaten» (St.-Pbg und Leipzig 1783); 5) «Buffon's Geist oder Kern seiner Naturgeschichte, aus dem Französischen» (St.-Pbg. und Leipzig 1783); 6) «Von Horneek's Bemerkungen über die österreichische Staatsökonomie. Ganz umgearbeitet und mit Anmerkungen versehen» (Berlin u. Stettin 1784); 7) «Demest's Briefe über die Chemie, Probierkunst, Chrystallographie u. s. v. aus dem Französischen» (St.-Pbg. u. Leipzig 1784); 8) «Ueber die beste Methode Eisen zu schmelzen» (С.-Пб. 1784); 9) «Topographische Beschreibung der Tobolskischen Statthalterschaft». Краткое описаніе Тобольскаго намѣстничества («Ист.-Геогр. календ.» на 1786 и 1787 гг., «Собр. соч., выбр. изъ Мѣсяцесловцовъ», ч. VI); 10) «Beyträge zur Physik, Oekonomie, Mineralogie, Chemie, Technologie und zur Statistik, besonders der russischen und angränzenden Länder», 3 B. (Berlin u. Stettin. 1786 — 1788. Id. 2 B. Danzig 1791); 11) «Ueber die Frage: Wie sind die verschiedenen Arte von Mergel oder Schlier am sichersten zu erkennen? Eine von der oekonomischen Societät in Wien 1781 gekrönte Preisschrift» (Wien 1787); 12) «Versuch einer mineralogischen Beschreibung der Uralischen Erzgebirge», 2 B. (Berlin u. Stettin 1789); 13) «Описаніе Пермскихъ соляныхъ заводовъ съ приложеніемъ совѣтовъ къ ихъ исправленію», съ нѣм. рукописи перев. академикъ Миллеръ (Нов. ежемѣс. соч., ч. XXXVIII, августъ 1789, ч. XXXIX, сентябрь 1789); 14) «Statistische Schilderung von Russland, in Rücksicht auf Bevölkerung, Landesbeschaffenheit... und Handel» (St.-Pbg. u. Leipzig 1790); 15) «Naturgeschichte des Kupfers, oder Anleitung zu dessen Kenntniss, Bearbeitung und Gebrauch. I Th., welcher die allgemeinen Eigenschaften des Kupfers, die Kenntniss seiner Erze und die Anleitung zu deren Bearbeitung und Ausschmelzung enthält» (С.-Пб., 1790. 8°), «Естественная исторія мѣди или руководство къ познанію, обрабатыванію и употребленію оныя. Съ нѣм. подлинн. перев. студ. И. Гавриловъ; ч. I, содержащая всеобщія свойства мѣди, познаніе ея рудъ и руководство къ обрабатыванію и употребленію оныя». 1791. 8°. Посв. княг. Дашковой; 16) «Ueber die Entstehung der Gebirge und ihre gegenwärtige Beschaffenheit» (Leipzig 1797. 8°); 17) «Сочиненія о Сибирскихъ рудникахъ и заводахъ, собранныя И. Г.», 3 ч. (С.-Пб. 1797—1801. 8°); 18) «Mineralogische Reisen in Sibirien von 1783 bis 1796», 3. B. (Wien 1798—1801. 8°, St.-Pbg. 2 B. 4°); 19) «Опи-

саніе Петрозаводскаго и Кончезерскаго заводовъ и производимаго при оныхъ литья пушекъ и снарядовъ» (С.-Пб. 1803); 20) «О новооткрытомъ золотомъ рудникѣ въ Сибири» (Техн. Журн., т. I, ч. 3. 1804); 21) «Выписка изъ метеорологическихъ наблюденій, въ Екатеринбургѣ 1804 года учиненныхъ и въ Академію Наукъ представленныхъ почетнымъ оныя членомъ Германомъ» (Техн. Журн., т. II, ч. 2, 1805); 22) «Описаніе заводовъ, подъ вѣдомствомъ Екатеринбургскаго горнаго начальства состоящихъ» (Техн. Журн., т. II—IX. 1805—1812, отд. изд. Екатеринбургъ, 1803 г. съ виньет.); 23) «Описаніе собранія каменныхъ породъ изъ Уральскихъ рудныхъ горъ» (Техн. Журн., т. III, ч. 4. 1806); 24) «О чрезвычайной стужѣ, примѣченной въ Екатеринбургѣ съ 24 по 27 декабря 1802 г.» (Приб. къ Техн. Журн., ч. II, 1806); 25) «О составленіи народныхъ таблицъ» (Екатеринбургъ, 1808); 26) «Die Wichtigkeit des russischen Bergbaues» (St.-Pbg. 1810. 8°), съ портретомъ и спискомъ его сочиненій; 27) «Историческое начертаніе горнаго производства въ Россійской имперіи, часть I, содержащая въ себѣ о первомъ началѣ горнаго дѣла въ Россіи, съ картою Уральскаго хребта» (Екатеринбургъ, 1810, in-f.); 28) «Ueber Russland's Bevölkerung» (Wien. 1811. 8°); 29) «О признакахъ употребленія рухляка или мергеля» (Тр. В. Эк. Общ. ч. XXXV); 30) «О жженіи суковъ» (тамъ же, ч. XLII); 31) «Извѣстіе о Пышминской стальной фабрикѣ» (тамъ же, ч. XLVIII); 32) «О лучшемъ способѣ выплавки магнитныхъ желѣзныхъ рудъ и о выковкѣ изъ нихъ лучшей доброты желѣза» (тамъ же, ч. LIII); 33) «Nachricht von der Eisen- und Stahlmanipulation in Kärnten» (Schr. der Berl. Ges. naturf. Freunde, 2 Bd.). Кромѣ того статьи Г. помѣщались въ «Krell's Chemische Annalen», «Schr. d. Berlin. Gesellsch. naturf. Freunde» (B. XI), «Scherer's Nord. Blätter», «Pallas' Nordischen Beiträgen» (B. III), «Physikalische Arbeiten der naturforsch. Freunde in Wien» (2 Jahrg. 1788), «Zimmermann's geogr. u. stat. Annalen» (Bd. IX), «Bergmänn. Journ.» 1791, «Schrift. d. Böhm. Societät d. Wiss.» 1799. Перечень статей, напечатанныхъ Германомъ въ этихъ изданіяхъ, находится въ трудѣ Ф. Сартори «Oesterreichs Tibur oder Natur- und Kunstgemälde aus dem österreichischen Kaiserthume» (Wien 1819, стран. 351—372). Одна изъ этихъ статей («Ueber den Unterschied zwischen Roh- und Frischeisen») увѣнчана въ 1799 г. Чешскимъ научнымъ обществомъ, а другая («Ueber die beste Schmelzmethode der magnetischen, oft schwefelichten Eisenerze») увѣнчана въ 1801 г. Петербургскимъ Вольно-экономическимъ обществомъ. Г. былъ членомъ ученыхъ обществъ Геттингенскаго и Пражскаго, Берлинскаго естествоиспытателей, Вѣнскаго и Петербургскаго экономическихъ и Іенскаго минералогическаго. Г. былъ женатъ съ 1787 г. на дочери тайнаго совѣтника Елизаветѣ Гавриловнѣ Качка и имѣлъ 7 дѣтей, изъ коихъ его пережили сыновья Фридрихъ (Ѳедоръ), Францъ и Бернгардъ и дочь Марія-Шарлотта.

Митр. Евгеній, «Словарь»; Снегиревъ, «Словарь»; Березинъ, «Энц. Словарь»; «Энц. Лексиконъ», т. XIV; Геннади, «Словарь»; Ровинскій, «Словарь»; Poggendorf, «Handwörterbuch»; Проток. засѣд. конфер. Имп. Акад. Наукъ; Неустроевъ, «Изысканія»; Брокгаузъ и Ефронъ, «Энцкл. Слов.», XVI; «Allgemeine Deutsche Biographie», Bd. XIII; «Tableau général méthodique et alphabétique des matières contenues dans les publications de l'Académie Imp. des sciences de St. Pétersbourg. I. Publications en langues étrangères»; «Систематическій указатель статей въ изданіяхъ Академіи Наукъ»; Wurzbach, «Biographisches Lexikon des Kaiserthums Oesterreich», VIII, 381—383; Б. Л. Модзалевскій, «Списокъ членовъ Имп. Академіи Наукъ 1725—1907».

М. А. Ціонъ.

Германъ, *Карлъ Ѳедоровичъ* (Carl Theodor Hermann), ординарный профессоръ статистики, академикъ Имп. Академіи Наукъ, дѣйств. статскій совѣтникъ, родился въ Данцигѣ 5 сентября 1767 года. Отецъ его первоначально не хотѣлъ давать ему образованія, но Г. выказалъ такія блестящія способности и такое желаніе учиться, что однажды едва не убѣжалъ изъ дому, чтобы поступить въ школу. Послѣ этого отецъ пересталъ противиться его призванію; высшее образованіе Г. получилъ въ Геттингенскомъ университетѣ, гдѣ занимался преимущественно исторіей, статистикой и камеральными науками. Въ 1795 году онъ былъ приглашенъ въ Россію графомъ Гурьевымъ для

воспитанія его дѣтей и тогда же поступилъ учителемъ исторіи, географіи и статистики въ Морской и 1-й Кадетскій корпуса. Благодаря своимъ выдающимся дарованіямъ, Г. быстро пріобрѣлъ извѣстность и уже въ 1798 г. назначенъ ректоромъ академической гимназіи. 27 марта 1805 г. Г. выбранъ адъюнктомъ Академіи Наукъ по разряду политической экономіи и статистики; въ 1806 (1807) году онъ былъ назначенъ профессоромъ по тому же предмету въ Педагогическій институтъ. 17 января 1810 г. Г. избранъ экстраординарнымъ академикомъ, а съ 1811 года состоялъ при Министерствѣ полиціи начальникомъ статистическаго отдѣленія, учрежденію котораго онъ не мало способствовалъ. Въ 1819 году при преобразованіи Педагогическаго института въ университетъ, Г. былъ оставленъ въ немъ ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ статистики и выбранъ деканомъ историко-филологическаго факультета; въ томъ же году по просьбѣ частныхъ лицъ открылъ приватный курсъ лекцій по статистикѣ и политической экономіи. Въ 1820 г. Г. былъ назначенъ инспекторомъ классовъ въ Воспитательное Общество Благородныхъ Дѣвицъ (Смольный институтъ) и Училище ордена св. Екатерины, гдѣ оставался до самой смерти. Въ 1821 г. исправляющій должность попечителя Петербургскаго учебнаго округа Руничъ донесъ главному правленію училищъ, что лекціи, читаемыя нѣкоторыми профессорами, составлены «въ духѣ, противномъ христіанству и государственному порядку». Лекціи ихъ были немедленно прекращены, и имъ было предложено отвѣтить на обвиненіе, основанное на выпискахъ изъ тетрадей студентовъ, составлявшихъ лекціи. Въ числѣ этихъ профессоровъ былъ и Г.; ему, какъ и другимъ, были представлены вопросные пункты, но отвѣты Г. были признаны неудовлетворительными. Главное правленіе училищъ постановило удалить Г. изъ университета, запретивъ ему преподаваніе по Министерству народнаго просвѣщенія, а книги его: 1) «Краткое руководство ко всеобщей теоріи статистики», 2) «Всеобщая теорія статистики» и 3) «Историческое обозрѣніе литературы статистики, въ особенности Россійскаго Государства» — запретить не только въ преподаваніи, но и вообще въ употребленіи. Такъ какъ профессора просили дать имъ возможность оправдаться, то имъ предложили было обратиться къ суду уголовному, но противъ этого возсталъ Магницкій, ссылаясь на то, что и подсудные и общество назовутъ людей, подвергающихъ бездоказательно обвиненныхъ уголовной отвѣтственности, не судьями, а палачами, и предлагалъ вмѣсто этого выслать Г. за-границу и предостеречь отъ него союзныя державы. Дѣло поступило въ Комитетъ министровъ при заключеніи министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, полагавшаго выслать Г. изъ Россіи, давши ему нѣкоторую сумму для выѣзда за-границу изъ личной по человѣчеству пощады, но напечатать въ иностранныхъ газетахъ причины высылки и книги его запретить къ употребленію. Комитетъ министровъ, признавая ученіе обвиненныхъ профессоровъ вреднымъ, нашелъ все-таки, что судъ надъ ними былъ произведенъ незаконно и потому рѣшилъ: дозволить профессорамъ представить въ свое оправданіе все, что они найдутъ нужнымъ, не стѣсняя ихъ ни малѣйшимъ образомъ, и составить комиссію для разбора дѣла. Но вторичнаго суда такъ и не было, а въ февралѣ 1827 года Высочайше повелѣно считать дѣло о профессорахъ оконченнымъ. 11 декабря 1835 г. Г. получилъ званіе ординарнаго академика. Онъ имѣлъ ордена: св. Анны 2-й ст. съ алмазами, Владиміра 3-й ст. и Станислава 2-й ст. Г. умеръ въ ночь на 19 декабря 1838 г. и погребенъ на Волковомъ лютеранскомъ кладбищѣ.

Въ «Nova acta» Академіи Наукъ (т. XV) Г. напечаталъ: «Réflexions sur l'état de la statistique en Russie et sur la nature de statistique en général, servans d'introduction à la description statistique des salines de la Russie et à l'histoire de l'administration du commerce des sels (Présenté à la Conférence le 8 janvier 1806)», а въ «Mémoires» Академіи слѣдующія статьи: 1) Description statistique des lacs salés de la Russie, avec un discours préliminaire sur le commerce de sel dans cet Empire (Présenté

le 7 mai 1806, V sér., t. I); 2) Sur l'état actuel de l'agriculture en Russie (Présenté 13 mai 1807, ib.); 3) Description statistique des sels de roche et des salines de la Russie, avec des observations sur la position des premiers magasins (Présenté à la Conférence le 24 avril 1808, t. II); 4) Sur le nombre des habitans de la Russie et sur les progrès de sa population, d'après les états faits par ordre du gouvernement (Présenté à la Conférence le 24 mai 1809, t. III); 5) Sur la répartition du nombre total des habitans de la Russie (Présenté à la Conf. le 3 oct. 1810, ib.); II partie. Répartition selon les religions, selon les états et selon les droits particuliers (Lu le 12 août 1812, t. IV); 6) Description statistique des pêcheries en Russie (Pr. à la Conf. le 22 mai 1811, t. IV); 7) Résultats tirés des tableaux mêtriques depuis 1796 jusqu'en 1809, relevés sur ceux qui confessent la religion grecque en Russie (Pr. à la Conf. le 17 févr. 1813, t. V); 8) Données statistiques sur la chasse en Russie (Pr. à la Conf. le 29 sept. 1813, ib.); 9) Données statistiques sur le commerce de l'intérieur de la Russie, qui s'est fait par eau en 1813 (Pr. à la Conf. le 13 avr. 1814, t. V); 10) Tableau général qui indique la part que chaque branche de l'industrie nationale a eu dans le commerce qui s'est fait par eau en 1813 (Pr. à la Conf. le 4 mai 1814, t. V); 11) Données statistiques sur les principales foires de la Russie (Pr. à la Conf. le 2 nov. 1814, t. VI); 12) Résultats statistiques sur l'étendue de la surface et sur la population de l'Empire de Russie, depuis 1803 jusqu'en 1811 inclusivement (Pr. à la Conf. le 5 avr. 1815, t. VI); 13) Tableaux statistiques sur le commerce étranger de l'Empire de Russie pendant les années 1802 et 1807, et depuis 1812 jusqu'en 1815 (Pr. à la Conf. le 24 sept. 1817, ib.); 14) Sur l'état actuel de l'arpentage en Russie (Pr. à la Conf. le 10 mars 1819, t. VII); 15) Recherches statistiques sur la septième revision (Pr. à la Conf. le 6 oct. 1819, ib); 16) Des progrès de la population en Russie par Gouvernemens, d'après la 4-me, 5-me et 6-me revision; I-re partie (Pr. à la Conf. le 8 mai 1816, t. VIII), 2-de partie (Pr. à la Conf. le 12 juin 1806, ib); 17) Nouvelles recherches statistiques sur le rapport de la population à l'étendue du terrain en Russie (Pr. à la Conf. le 23 sept. 1818, ib.); 18) Données statistiques sur l'état de l'agriculture en Russie en 1814 (Pr. à la Conf. le 1 avr. 1818, ib.); 19) Coup d'oeil sur l'état des manufactures en Russie et sur les principes de sa législation manufacturière depuis le seizième siècle jusqu'en 1814, 1-re partie (Pr. à la Conf. le 5 avr. 1820, ib.), 2-de partie — Vues sur l'état des manufactures en Russie depuis 1803 jusqu'en 1814 (Pr. à la Conf. le 11 oct. 1820, ib.); 20) Tableau comparatif des différentes données sur l'étendue des Gouvernemens de l'Empire de Russie (Pr. à la Conf. le 21 mars 1821, t. IX); 21) Données statistiques sur l'état du committé de surveillance générale et de tutèle en 1811 et 1812, 1-re partie (Pr. à la Conf. le 7 nov. 1821, ib.), 2-de partie (Pr. à la Conf. le 15 mai 1822, ib.), 3-e partie (Pr. à la Conf. le 18 déc. 1822, ib.); 22) Recherches sur le nombre des suicides et des homicides commis en Russie pendant les années 1819 et 1820, 1-re partie (Lu à l'Académie le 17 déc. 1823), 2-e partie (Lu à l'Académie le 30 juin 1824, VI sér. Sc. polit., hist., phil., t. I); 23) De l'état actuel de la population tartare en Tauride (Lu à l'Académie le 12 oct. 1825, ib.); 24) Calculs statistiques sur la mortalité en Russie parmi la population mâle de religion grecque depuis 1804 jusqu'en 1814, 1-re partie: Age des enfans (Lu le 21 oct. 1829, ib.), на русскомъ языкѣ: «Статистическіе выводы о смертности въ народонаселеніи мужескаго пола Греко-Россійскаго исповѣданія съ 1804 до 1814 г. (Читано 21 окт. 1829 г.)» въ «Чтеніяхъ Имп. Академіи Наукъ» за 1829 и 1830 гг., кн. 1; Données statistiques sur les décès arrivés en Russie dans la population mâle de religion grecque, depuis l'an 1798 jusqu'en 1826 inclusivement, 2-de partie; Age des hommes de 15 à 60 ans (Lu le 23 juin 1830, ib.); 25) Recherches statistiques sur les mariages, les naissances et les décès des habitans de St.-Pétersbourg depuis 1808 jusqu'en 1832 (Lu le 21 févr. 1834, t. III); 26) Recherches sur le nombre des suicides et des homicides commis en Russie pendant les année 1821 et 1822; Plateau de l'Oka. 1-e partie:

Faits historiques (Lu le 4 juillet 1832), 2-e partie. Détails remarquables (Lu le 10 mai 1833), 3-e partie: Résultats (Lu le 24 mai 1833, t. II); 27) Recherches sur le nombre des suicides et des homicides commis en Russie pendant les années 1821 à 1824 (Lu le 4 sept. 1835, t. III). Кромѣ того послѣ него остались слѣдующіе труды: 1) «Anfangsgründe der deutschen Sprache». St.-Pbg. 1803; 2) Geschichte und gegenwärtiger Zustand des Forstwesens in Russland; 3) Geschichte und statistische Beschreibung der russischen Seemacht; 4) Beitrag zur Characteristik der französischen, österreichischen und russischen Heeren; 5) Статьи о крестьянскихъ жилищахъ въ Лифляндіи и о Суворовѣ (всѣ эти статьи съ № 2-го по 5-й были помѣщены въ повременномъ изданіи Storch'a; «Russland unter Alexander dem Ersten»; 6) «Географическое и статистическое описаніе Грузіи и Кавказа, заимствованное изъ путешествія академика Гильденштедта; изд. по распоряженію Академіи Наукъ», С.-Пб. 1809. 8°; 7) «Всеобщая теорія статистики», С.-Пб. 1809; изд. Главн. Правл. Училищъ; 8) «Историческое обозрѣніе литературы статистики, въ особенности Россійскаго государства», С.-Пб. 1817; 9) «Статистическія изслѣдованія относительно Россійской Имперіи». Ч. I. «О народонаселеніи». С.-Пб. 1819. 8°. Въ 1806—1808 гг. Г. редактировалъ издававшійся Академіей Наукъ «Статистическій Журналъ» и напечаталъ здѣсь слѣдующіе свои труды: 1) Теорія статистики (1806 г.); 2) Матеріалы для Россійской статистики (1806 г.); 3) Описаніе Таврической губерніи (1806 и 1807 гг.); 4) Матеріалы для Россійской статистики. Статистическое описаніе Ярославской губерніи (1808 г.). Кромѣ того статьи его печатались въ «Сынѣ Отечества».

Геннади, «Словарь» и «Анонимы»; Толль, «Дополненія къ Словарю»; Григорьевъ, «50-лѣтіе С.-Пб. университета»; Старчевскій, «Справочный Энцикл. Словарь»; Брокгаузъ-Ефронъ, «Энц. Словарь»; «Сынъ Отечества» 1838 г., т. VI; «С.-Пб. Вѣдомости» 1839 г., №№ 216 и 217; «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщ.» 1839 г., № 4; «Чтенія въ Общ. Исторіи и древност. россійск.» 1866 г., кн. III; «Русскій Архивъ» 1865 г., №№ 10 и 11; Сухомлиновъ, «Изслѣдованія»; Пыпинъ, «Очерки обществ. движенія»; Богдановичъ, «Исторія Имп. Александра I»; «Петербургскій Некрополь», I, 582; «Tableau général méthodique des matières contenues dans les publications de l'Académie Imp. des sciences de St.-Pétersbourg, I, Publications en langues étrangères»; «Систематическій и алфавитный указатель статей, помѣщенныхъ въ періодич. изданіяхъ и сборникахъ Имп. Академіи Наукъ», ч. II; «Записка о производствѣ дѣла по обвиненію профессоровъ Германа, Раупаха, Галича и адъюнктъ-профессора Арсеньева въ преподаваніи ученія на правилахъ разрушительныхъ, въ университетскихъ собраніяхъ, въ 1821 г. подъ предсѣдательствомъ и. д. попечителя С-Пб. учебнаго округа Д. П. Рунича», напечатана въ «Чтеніяхъ въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ» 1862 г., кн. III.

М. А. Ціонъ.

Германъ, *Лука Лукичъ*, инженеръ-полковникъ, преподаватель математики, родился 14 мая 1799 г., получилъ образованіе во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, въ 5-й ротѣ, изъ которой выпускались кондуктора для Инженерной службы, въ 1822 году назначенъ преподавателемъ математики въ Инженерное училище и занималъ эту должность въ теченіе 39 лѣтъ. Преподавалъ также математику въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ. Умеръ 27 февраля 1861 г. Погребенъ въ Петербургѣ на Смоленскомъ евангелическомъ кладбищѣ.

I. Кори, «Инженерный Журналъ» 1861 г., № 2, отд. IV, стр. 58—59; «Русскій Инвалидъ», № 100; Г. Геннади, «Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ», т. I, стр. 210; Брокгаузъ-Ефронъ, «Энциклопедическій Словарь», т. VIII, стр. 532; С. А. Венгеровъ, «Источники словаря русскихъ писателей», т. I, стр. 740; В. Г. фонъ-Бооль, «Воспоминанія педагога» («Рус. Стар.» 1904 г., т. 119, стр. 218—220, характеристика Германа, какъ преподавателя); «Петербургскій Некрополь», I, 582.

В. В. Бобынинъ.

Германъ, *Мартинъ Ивановичъ (Мартинъ-Готфридъ)*, профессоръ латинскаго языка, литературы и древностей въ Казанскомъ университетѣ, родился въ гор. Киндельбрюкѣ (Тюрингенъ) въ 1755 г. Образованіе получилъ въ г. Нордгаузенѣ, затѣмъ поступилъ въ Геттингенскій университетъ, гдѣ посвятилъ себя преимущественно изученію классической филологіи подъ руководствомъ извѣстнаго профессора Христіана Гейне. Получивъ въ Геттингенѣ же степень доктора философіи, Г. не былъ оставленъ при университетѣ, хотя имя его было уже извѣстно между германскими учеными, а поступилъ сначала преподавателемъ

въ торговую академію гор. Гамбурга, а затѣмъ въ кадетскій корпусъ въ Берлинѣ, откуда и пріѣхалъ въ Петербургъ. Вскорѣ по своемъ пріѣздѣ Г. своими познаніями по римской философіи и латинскому языку, а также общимъ литературнымъ и философскимъ образованіемъ обратилъ на себя вниманіе попечителя Казанскаго учебнаго округа Румовскаго, и 26 апрѣля 1805 г. былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ латинскаго языка и древностей въ Казанскомъ университетѣ, предварительно однако Румовскій, желая удостовѣриться въ знаніи имъ латинскаго языка, далъ ему тему для сочиненія: «M. Porcii Catonis Uticensis ingenium». Румовскій предполагалъ назначить Г. на должность инспектора гимназіи, но директоръ ея, Яковкинъ, не согласился на это въ виду незнанія Германомъ русскаго языка. Въ Казань Г. прибылъ 31-го іюля, и ему тотчасъ же пришлось принять участіе въ борьбѣ двухъ партій, бывшихъ въ Казанскомъ университетѣ; въ это время подъ вліяніемъ Наполеоновскихъ побѣдъ русскіе недружелюбно относились ко всѣмъ вообще иностранцамъ, такъ что нѣмцамъ - профессорамъ университетовъ приходилось держаться обособленно, но зато болѣе сплоченно. Съ другой стороны, привыкнувъ въ Германіи къ самостоятельности профессорскихъ корпорацій и общему признанію ихъ правъ, нѣмецкіе профессора съ трудомъ подчинялись требованіямъ администраціи и всячески отстаивали свою самостоятельность. Пріѣхавъ въ Казанскій университетъ, Г. сразу примкнулъ къ оппозиціонной партіи, отстаивавшей самостоятельность профессоровъ отъ тогдашняго главы университета, Яковкина, которому званіе директора гимназіи давало право предсѣдательствовать въ совѣтѣ профессоровъ. Въ концѣ 1806 г. совѣтъ былъ побѣжденъ Яковкинымъ, и Г. 14-го ноября устраненъ отъ участія въ засѣданіяхъ коллегіи; впрочемъ, онъ снова былъ допущенъ 4 марта 1807 г. Въ своей ученой и преподавательской дѣятельности Г. былъ прежде всего послѣдователемъ своего учителя Гейне; подобно ему онъ придавалъ аллегорическое значеніе миѳамъ, старался знакомить своихъ слушателей съ духомъ древней культуры и классической литературы, но это плохо удавалось ему, такъ какъ онъ русскаго языка не зналъ, слушатели же его не были достаточно знакомы ни съ латинскимъ, ни съ французскимъ, ни съ нѣмецкимъ языками. Въ виду этого Г. стремился поднять уровень классическаго образованія въ гимназіяхъ, обращая больше вниманія на духъ языка, а не на механическое заучиваніе грамматики, а также предлагалъ учредить при университетѣ филологическую семинарію, но ни одно изъ его предложеній успѣха не имѣло. Въ 1807 г. Г. кромѣ своего предмета преподавалъ еще логику и психологію; въ 1811 г. онъ просилъ гр. Разумовскаго назначить его профессоромъ латинскаго языка въ Александровскій лицей, но получилъ отказъ. Въ 1812 г. Г. принялъ русское подданство, а 5 августа 1819 г. былъ уволенъ Магницкимъ отъ службы «по старости лѣтъ» съ половинной пенсіей. Въ 1813 и 1819 гг. Г. состоялъ деканомъ словеснаго отдѣленія, а въ 1817—1819 гг. директоромъ Педагогическаго института. Съ отставкой Г. его матеріальное положеніе, бывшее и все время плохимъ, ухудшилось еще больше; нѣкоторое время онъ прожилъ въ Петербургѣ въ нуждѣ, а въ январѣ 1821 г. опредѣленъ пасторомъ въ колонію Ягодная Поляна, по вѣдомству Саратовской евангелической консисторіи, при чемъ по Высочайшему повелѣнію переименованъ изъ статскаго совѣтника въ консисторіальнаго. Умеръ Г. въ колоніи же 16 декабря 1822 г. Германомъ написаны слѣдующіе труды: 1) Handbuch der Mythologie aus Homer u. Hesiod. Mit Anmerkungen v. Hofr. Heine. 3 B. mit einer Sternkarte, Berlin 1787—95. 8⁰ (двѣ передѣлки въ видѣ краткаго руководства къ миѳологіи для высшихъ и низшихъ классовъ гимназіи); 2) Die Feste von Hellas, historisch-philosophisch bearbeitet. 2 Thle Berl. 1803. 8⁰; 3) Commentatio de usu ac praestantia litterarum graecarum latinarumque, praelecta a M. G. Hermann. Casani 1806; 4) Oratio de litterarum graecarum romanarumque usu ac praestantia. Casani 1817. Оба первыхъ труда Германа повторяютъ взгляды

Гейне на аллегорическое происхожденіе миѳовъ. Кромѣ того онъ перевелъ: «Путешествіе Лаперуза кругомъ свѣта», Дюмурье «О настоящемъ положеніи Европы», 1799 г., съ англ. Симе «Путешествіе изъ Индіи въ Тибетъ» и «Путешествіе Ванкувера». Въ рукописи осталось «Собраніе разсужденій, до древности касающихся».

Буличъ, «Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго Университета»; Брокгаузъ-Ефронъ, «Энц. словарь», XVI; «Біограф. словарь проф. и препод. Казанскаго Университета»; Селезневъ, «Истор. очеркъ Александровскаго Лицея».

М. А. Ціонъ.

Германъ (Hans Rudolph Hermann), *Рудольфъ (Іосифъ Рудольфовичъ)*, химикъ, по происхожденію саксонецъ, сынъ совѣтника апелляціоннаго суда, родился 30 апрѣля 1805 г. въ Дрезденѣ. Въ юномъ возрастѣ онъ поступилъ на службу въ лабораторію минеральныхъ водъ Струве и въ 1828 г. посланъ былъ въ Москву, гдѣ ему было поручено устроить заведеніе искусственныхъ минеральныхъ водъ, а затѣмъ и завѣдывать технической частью заведенія. Во главѣ этого заведенія Г. находился 51 годъ. Въ 1833 г. онъ устроилъ такое же заведеніе въ Петербургѣ. 29 декабря 1831 г. Г. былъ выбранъ въ члены-корреспонденты Академіи Наукъ по разряду химіи. Онъ совершилъ путешествія съ докторомъ Енихеномъ на Кавказъ для изслѣдованія цѣлебныхъ ключей и съ Ауэрбахомъ на Уралъ для ознакомленія съ минеральными богатствами. Заведеніе минеральныхъ водъ давало значительный доходъ, прекратившійся съ окончаніемъ привилегіи, поэтому въ послѣдніе годы своей жизни Г. испытывалъ матеріальныя затрудненія. Онъ умеръ отъ воспаленія кишекъ 22 августа 1879 г. Погребенъ въ Москвѣ на Введенскихъ горахъ.

Главнымъ предметомъ занятій Г. была минеральная и теоретическая химія. Первая его научная работа «Ueber die Proportionen, in welchen sich die Elemente zu einfachen vegetabilischen Verbindungen vereinigen» произведена была имъ на 24 году и представляетъ первый опытъ классификаціи органическихъ соединеній. У него вообще было природное влеченіе приводить все въ порядокъ и вводить систему во все кажущееся неправильнымъ; результатомъ этой склонности была его гетеромерная минеральная система; ею онъ пытался объяснить существованіе минераловъ, которые имѣютъ измѣняющійся составъ, но вопреки примѣсямъ, кажущимся случайными, сохраняютъ одинаковую кристаллическую форму. Г. объяснилъ это явленіе тѣмъ, что въ такихъ минералахъ химическія соединенія, различно образованныя, могутъ взаимно замѣщаться, и сгруппировалъ эти минералы («Гетеромерическая кристаллическая система» 1856 г., 2 изд. 1860 г.) Имъ открыты минералы пирофиллитъ, хіолитъ, фелькнеритъ, талькъ-апатитъ, тагилитъ, фишеритъ. Особенно занимали его рѣдкіе минералы Ильменскихъ горъ (отрогъ Урала), представляющіе соединенія кислотъ ніобія и тантала съ дидимомъ, лантаномъ, торіемъ и церіемъ. Изслѣдованіе ихъ привело его къ открытію новаго элемента ильменія, а при изученіи раддомскаго гранита онъ открылъ нептуній. Въ 1866—7 гг. у него возникла изъ-за ильменія полемика съ Мариньякомъ, отрицавшимъ существованіе такого элемента. Г. много занимался практическими вопросами по своей спеціальности (онъ изслѣдовалъ черноземъ, черноземныя кислоты, московскій доломитъ, асфальтъ, воду Москвы-рѣки), а также органической химіей. Въ 1830 г. онъ, завѣдуя холернымъ госпиталемъ, производилъ надъ выдѣленіями больныхъ опыты, доказавшіе условность заразительности холеры. Кромѣ того, онъ изслѣдовалъ содержаніе сахара въ свекловицѣ, болотныя вещества, гніющія деревья. Къ числу болѣе замѣчательныхъ его работъ принадлежитъ статья «Ueber die Proportionen, in den sich die Wärme mit den gemischten Elementen und ihren Verbindungen vereinigt, und über die Mischungs-Gewichte, als Quotienten der specifischen Gewichte der Körper durch ihre Wärme Capacität betrachtet» («Nouveaux Mémoires de la société Imp. des naturalistes de Moscou» 1834 г., IX), гдѣ онъ описалъ новый способъ опредѣленія удѣльной теплоты тѣлъ, для котораго воспользовался измѣненіемъ въ объемѣ льда при таяніи; имъ былъ построенъ и соотвѣтствующій снарядъ, не замѣченный однако въ наукѣ, какъ и большинство остальныхъ работъ Г. Кеннготъ и Ше-

пардъ дали двумъ минераламъ названія въ честь его — германнитъ и германнолитъ. Многочисленные труды свои Г. печаталъ въ изданіяхъ Московскаго Общества испытателей природы, С.-Пб. Минералогическаго Общества, въ «Journal für praktische Chemie von Linné, Erdmann und Gustav Werther» и въ «Poggendorf's Annalen».

Траутшольдъ Г., «Рудольфъ Германъ. Некрологъ». С.-Пб., 1880 г.; «Московскій Некрополь», т. I; Б. Л. Модзалевскій, «Списокъ членовъ Имп. Академіи Наукъ». *Н. Чулковъ.*

Германъ (Hermann), *Яковъ*, профессоръ высшей математики и дѣйствительный, а потомъ и почетный членъ С.-Петербургской Академіи Наукъ. Родился 16 іюля 1678 г. въ Базелѣ. Изучивъ здѣсь же богословіе и пріобрѣтя степень магистра этой науки, онъ вступилъ въ 1701 г. въ духовное сословіе. Увлеченіе занятіями математикою, которымъ онъ предавался подъ руководствомъ знаменитаго Якова Бернулли, очень отвлекало его отъ выбраннаго рода дѣятельности и наконецъ заставило его совсѣмъ ее оставить, для чего, конечно, онъ долженъ былъ выйти изъ духовнаго сословія. Къ этому же времени относится и его первое посвященное математикѣ сочиненіе: «Responsio ad cl. Nieuwentyt considerationes secundas circa calculi differentialis principia» (Basileae 1700), предметомъ котораго было возраженіе на принадлежавшую голландскому математику Ньёвентійту критику основаній дифференціальнаго исчисленія. Лейбницъ, противъ котораго, какъ творца дифференціальнаго исчисленія, критика Ньёвентійта была направлена, выразилъ Герману свою благодарность за его сочиненіе тѣмъ, что внесъ предложеніе, вслѣдствіе котораго Германъ былъ избранъ въ 1701 г. въ члены только что основанной тогда Берлинской академіи наукъ.

Ближайшими по времени появленія въ свѣтъ къ указанному первому труду Германа были слѣдующія его сочиненія: «Methodus inveniendi radios osculi in curvis ex focis descriptis» («Acta eruditorum», Lipsiae 1702); «Demonstratio geminae formulae a Joh. Bernoulli pro multi sectione anguli, vel arcus circularis sine demonstratione exhibitae» (тамъ же, 1703); «Animadversiones circa novissimam regulam ducendi perpendiculares ad curvas ex focis descriptas etc». (Nov. Lit. Helvet. 1703); «Méthode géométrique et générale de déterminer le diamètre de l'arc-en-ciel» («Nouvelles de la république des Lettres», 1704); «Disquisitio dioptrica de curvatura radiorum visiorum, atmosphaeram trajicientium etc.» («Acta erudit.», 1706).

Въ 1707 г. опять по рекомендаціи Лейбница, все еще продолжавшаго покровительствовать Герману, послѣдній былъ приглашенъ правительствомъ Венеціанской республики занять каѳедру математики въ Падуанскомъ университетѣ. Здѣсь онъ пріобрѣлъ очень большое уваженіе, которое вскорѣ затѣмъ стало обнаруживаться и въ другихъ мѣстахъ Италіи. Онъ былъ, напр., избранъ Болонскою академіею въ число ея членовъ. Едва ли не главною причиною извѣстности Германа въ Италіи и пріобрѣтеннаго имъ здѣсь уваженія было его участіе въ развитіи итальянской ученой литературы, выразившееся въ помѣщеніи имъ въ учено-литературномъ періодическомъ изданіи «Giorn. de Letterati d'Italia» слѣдующихъ статей: «Metodo d'investigare l'orbita de planeti etc.» (T. II); «Soluzione generale del problema inverso delle forze centrali etc.» (T. V—VII); «Methodus facilis determinandi leges vis centralis» (T. XIII). Внѣ Италіи Германъ во время своего пребыванія въ ней напечаталъ только два слѣдующія сочиненія: «De nova accelerationis lege qua gravia versus terram feruntur, suppositis motu diurno terrae et vi gravitatis constanti» («Acta Eruditorum» 1709) и «Dissertatio qua explicatur methodus generalis puncta stationum in orbitis planetariis determinandi» (Miscell. Berolin. I, 1710).

Германъ оставался въ Италіи до 1713 г., когда онъ, желая, повидимому, жить въ средѣ соплеменниковъ, принялъ сдѣланное ему опять-таки по рекомендаціи Лейбница предложеніе занять профессорскую каѳедру по предметамъ, составляющимъ его спеціальность, во Франкфуртѣ-на-Одерѣ. Оставленіе имъ Италіи вызвало въ ней въ ученыхъ кругахъ всеобщее сожалѣніе. Въ новомъ мѣстѣ своей ученой и преподавательской дѣятельности Германъ окончилъ и издалъ въ свѣтъ главнѣйшее

изъ своихъ сочиненій о силахъ и движеніи, именно свою «Phoronomia seu de viribus et motibus corporum solidorum et fluidorum» (4°, Amstelod. 1716). Сочиненіе это пользовалось большою извѣстностью между современниками, хотя уже скоро послѣ его выхода въ свѣтъ, критика указала въ немъ нѣкоторыя неправильности. Другими сочиненіями Германа, также вышедшими въ свѣтъ во время его пребыванія во Франкфуртѣ - на - Одерѣ, за исключеніемъ помѣщенныхъ въ качествѣ менѣе важныхъ въ «Exercit. Francofurt.», были слѣдующія: «De vibrationibus chordarum tensarum» («Acta Eruditorum», 1716); «Solutio problematis de trajectoriis curvarum inveniendi» (тамъ же, 1717—19); «Method. nov. solvendi problemata, quae circa figuras isoperimetras aliasque proponi possunt» (тамъ же, 1718); «Solutio duorum problematum, quorum alterum integrale ex data quadam formula differentiali per areas circulares et hyperbolicas exhibendum postulat, alterum vero curvam projectorum in medio resistenti construendam proponit» (тамъ же, 1719); «Dissertatio qua explicatur methodus generalis puncta stationum in orbitis planetariis determinandi» (Miscell. Berolin, II, 1723). Что касается статей, помѣщенныхъ въ «Exercit. Francofurt.», то примѣромъ ихъ можетъ служить слѣдующая: «De motu chordarum, quibus instrumenta musica instrui solent, ac stabili sonorum mensura».

Когда Блюментростъ, лейбъ-медикъ Петра Великаго, приступилъ по его приказанію въ началѣ 1724 г. къ подготовительнымъ дѣйствіямъ по организаціи С.-Петербургской Академіи Наукъ, онъ обратился къ знаменитому тогда германскому философу Вольфу съ предложеніемъ какъ самому вступить въ ея члены, такъ и указать другихъ ученыхъ, къ которымъ можно было бы обратиться съ такимъ же предложеніемъ. Изъ математиковъ Вольфъ указалъ на Германа, къ которому Блюментростъ и обратился, но неудачно, такъ какъ тотъ въ письмѣ отъ 25 февраля того же года отказался отъ предложенія по слабости здоровья. Это однако же не остановило Блюментроста. И собственными письмами и содѣйствіемъ русскаго посла въ Берлинѣ графа Головкина онъ добился, наконецъ, того, что въ письмѣ отъ 30 октября 1724 г. Германъ согласился принять сдѣланное ему предложеніе и 8 января 1725 г. подписалъ вмѣстѣ съ графомъ Головкинымъ, какъ представителемъ русскаго правительства, контрактъ, главная часть котораго состояла въ слѣдующемъ: «вступаетъ помянутый господинъ профессоръ Германъ при Императорской Академіи Наукъ въ члены высшей математики, на пять лѣтъ, и обѣщается въ оное время о приращеніи академіи генерально стараніе имѣть, особливо же части высшей математики въ совершенство приводить, о томъ систему написать и ежедневно по оной, выключая праздники, въ пользу учащагося юношества по одному часу читать и въ своей наукѣ одного или двухъ студентовъ въ совершенство привесть. Напротивъ того, обѣщаетъ именемъ Е. И. В., помянутый господинъ графъ Головкинъ сему господину профессору Герману, черезъ два первые года на каждый — по тысячѣ по пятисотъ рублевъ, а чрезъ три послѣдніе и прочіе годы — по двѣ тысячи рублевъ на каждый годоваго жалованья, такожде свободную квартиру, дрова и свѣчи, которыя ему изъ академической суммы по четвертямъ или по третямъ года сполна выдаваны быть имѣютъ, и съ начала его прибытія въ Санктпетербургъ сія дача произведена будетъ. Сверхъ сего, дадутъ ему 300 рублевъ на проѣздъ».

Какъ и къ Вольфу, къ Герману обращались не только съ приглашеніемъ, лично къ нему относящимся, но также и съ просьбою рекомендовать въ члены новой Академіи ученыхъ другихъ спеціальностей. Въ исполненіе этой просьбы онъ указалъ изъ спеціалистовъ по механикѣ Лейтмана, который и дѣйствительно сдѣлался членомъ Академіи, изъ историковъ Вальдкирха и Вестермана.

Такъ какъ изъ ученыхъ, приглашенныхъ въ члены Петербургской Академіи Наукъ, Германъ былъ первымъ, принявшимъ это званіе, то его называли въ Петербургѣ professor primarius et Matheseos sublimioris. Также ранѣе другихъ академиковъ, именно

31 іюля 1725 г., прибылъ онъ вмѣстѣ съ Бюльфингеромъ и въ Петербургъ, гдѣ, по словамъ Блюментроста въ его письмѣ къ Вольфу отъ 14-го августа, ихъ «столь давно и тоскливо ожидали». 15-го августа они были представлены президентомъ Академіи императрицѣ Екатеринѣ I, при чемъ Германъ произнесъ ей привѣтственное слово на французскомъ языкѣ, произведшее на всѣхъ присутствующихъ очень хорошее впечатлѣніе. Оно было затѣмъ напечатано въ «Acta eruditorum» (1725).

Первое ученое засѣданіе С.-Петербургской Академіи Наукъ, происходившее 13-го ноября 1725 г., было открыто Германомъ, прочитавшимъ свою статью «De figura telluris sphaeroide cujus axis minor sita intra polos a Newtono in Principiis philosophiae mathematicis synthetice demonstrata analytica methodo deduxit». Оппонентомъ, закончившимъ засѣданіе своими возраженіями, былъ Бюльфингеръ. Это первое сообщеніе Германа въ С.-Петербургской Академіи не было напечатано въ ея изданіяхъ, такъ же какъ и слѣдующія: «De construenda aequatione $dy = ax^m dx + by^q x^p dx$» (доложено Академіи 22 января 1726 г.); «Disquisitio circa solutionem difficillimi problematis de longitudine invenienda» (долож. Академіи 27 декабря 1725 г.); «Рѣшеніе проблемы куріозной, въ дѣяніяхъ ученыхъ (Acta eruditorum) 1719 г. предложенной, о продѣланіи оконъ въ сводѣ полукружномъ, которыхъ окружности да будутъ таковы, чтобъ можно обрѣсти, сколь долги въ прямой линіи были бы?» (долож. Академіи на латинскомъ языкѣ ранѣе 27 августа 1727 г.); «Methodus generalis pro constructione omnium locorum geometricorum. Novum aliquod problema trigonometricum» (долож. Академіи 30 мая 1729 г.); «De projectione curvarum» — Разсужденіе о совершенствѣ кривыхъ линій (долож. Академіи 17 іюня 1729 г. на латинскомъ языкѣ).

Напечатанными въ изданіяхъ С.-Петербургской Академіи Наукъ были слѣдующія статьи Германа, доложенныя ранѣе въ ея засѣданіяхъ: «De mensura virium corporum» (Commentarii Academiae Imperialis Scientiarum Petropolitanae. Tomus I. Petropoli 1728. P. 1—42. Представлено Академіи въ сентябрѣ 1725 г.); «Geminus modus directus dividendi semicirculum in data ratione: quibus Keplerianum problema de inveniendis planetarum locis ad datum quodvis tempus, solutum exhibetur» (Тамъ же, P. 142—148. Представл. Академіи 22 февраля 1726 г.); «De calculo integrali» (Тамъ же, P. 149—167. Представл. Академіи 18 іюня 1726 г.); «De epicycloidibus in superficie sphaerica descriptis» (Тамъ же, P. 210—217. Представл. Академіи 29 октября 1726 г.); «De constructione aequationis differentialis primi gradus A, in qua a, b, c, e, f, g, sunt coefficientes cum suis signis+vel —, ut libet dati $A - adx + bdy + cxdx + fxdy + eydx + gydy = 0$ (Тамъ же, Tom. II, 1729, P. 1—12. Представл. Академіи 14 февраля 1727 г.); «Theoria generalis motuum qui nascuntur a potentiis quibusvis in corpora indesinenter agentibus, sine haec corpora in vacuo ferantur sine in medio resistenti» (Тамъ же, P. 139—173. Предст. Академіи въ іюнѣ 1727 г.); «De constructione aequationum differentialium primi gradus per viam separationis indeterminatarum» (Тамъ же, P. 188—199. Предст. Академіи въ августѣ 1726 г.); «Nova ratio deducendi regulam jam passim traditam pro centro oscillationis penduli cujusque compositi petita ex theoria motus gravium in arcubus circularibus» (Тамъ же, Tom. III, 1732, P. 1—12. Представл. Академіи 6 февраля 1728 г.); «De locis solidis ad mentem Cartesii concinne construendis» (Тамъ же, Tom. IV, 1735, P. 15—25. Представл. Академіи въ февралѣ 1729 г.); «Consideratio curvarum in punctum positione datum projectarum et de affectionibus earum independentibus» (Тамъ же, P. 37—46. Представл. Академіи въ 1729 г.); «De ellipsi conica, cujus axis alteruter datus est, angulo positione et magnitudine dato ita inscribenda, ut centrum ejus intra datum angulum sit etiam positione datum» (Тамъ же, P. 46—49. Предст. Академіи 22 августа 1729 г.); «Problema ex observatis tribus altitudinibus alicujus stellae immutabilem habentis declinationem, et intervallis temporis inter primam et secundam

observationem, et inter secundam et tertiam, invenire altitudinem poli et declinationem stellae» (Тамъ же, P. 94—97. Предст. Академіи въ ноябрѣ 1729 г.) Сдѣланные Василіемъ Адодуровымъ переводы на русскій языкъ второй и третьей изъ перечисленныхъ статей Германа были напечатаны въ изданномъ Академіею «Краткомъ описаніи комментаріевъ Академіи наукъ, часть первая на 1726 годъ» (С.-Пб. 1728. 4°) соотвѣтственно подъ заглавіями: «О кеплеріановомъ предложеніи» (стран. 41—48) и «О щетѣ інтегралномъ» (стран. 28—40). Кромѣ этихъ переводовъ, въ томъ же изданіи въ «Классѣ первомъ обдержащемъ Математическая» была помѣщена и еще одна статья подъ заглавіемъ «О первыхъ ученія фісическаго фундаментахъ», составленная «изъ сочиненій Іакова Германа, Георгія Бернгарда Булфингера, Іоанна, Николая и Даніила Бернулліевыхъ, Христіана Голдбаха и Христіана Вольфіа» съ таблицей рисунковъ (стран. 1—27).

Во второмъ торжественномъ засѣданіи Академіи Наукъ, происходившемъ 1 августа 1726 г., Германомъ была произнесена рѣчь «De ortu et progressu Geometriae», которая и была напечатана въ сборникѣ, изданномъ подъ заглавіемъ «Sermones in secunda solenni Academiae scientiarum imperialis conventu die I Augusti Anni MDCCXXVI publice recitati» (Petropoli 1728). На рѣчь Германа отвѣчалъ въ краткихъ выраженіяхъ академикъ Гольдбахъ. Въ публичномъ засѣданіи Академіи Наукъ 28 іюня 1729 г. Германъ отвѣчалъ отъ имени Академіи на сообщенное въ этомъ же засѣданіи разсужденіе Даніила Бернулли «О изобрѣтеніи высоты полуса на морѣ изряднѣйшимъ способомъ, какъ чрезъ наблюденія астрономическая, такъ и чрезъ потребная къ тому орудія, что ученымъ мужемъ отъ Академіи наукъ парижскія къ рѣшенію предложено есть». Въ своемъ отвѣтѣ Германъ выразилъ какъ собственное мнѣніе о предложеніи Бернулли, такъ и мнѣнія «протчихъ академиковъ». Въ печати этотъ отвѣтъ не появился.

Въ теченіе всего времени своего пребыванія въ Россіи Германъ напечаталъ внѣ ея предѣловъ, повидимому, всего только одинъ мемуаръ, именно «Observatio in schediasma Rollii de constructione aequationum» (Miscell. Berolin. III, 1727).

Къ чтенію публичныхъ лекцій, условленному контрактами, подобными заключенному съ Германомъ, академики и въ числѣ ихъ Германъ приступили 24-го января 1726 г. Въ объявленіи объ открытіи этихъ лекцій, обращенномъ ко всѣмъ желающимъ ихъ слушать, о Германѣ и его лекціяхъ сообщались слѣдующія свѣдѣнія: «Яковъ Германъ, Императорской академіи наукъ и королевскихъ соціететовъ лонденской и берлинской членъ, а на сей академіи высокихъ математическихъ наукъ первый профессоръ, начало чтенія своего учнетъ въ ученіи анализи общія и алгебры, да о потребѣ ихъ къ рѣшенію всякихъ проблематъ. А потомъ поступать будетъ до анализи инфиниторумъ, и ея употребленіе разными образцами изъяснять будетъ».

Въ отчетѣ Академіи отъ 27 августа 1727 г. о дѣятельности ея профессоровъ о состоявшихся уже въ 1726 г. лекціяхъ Германа сообщаются слѣдующія свѣдѣнія: «Въ прошедшемъ году, въ лекціяхъ своихъ, предавъ правила простыя анализи и показавъ образъ употребленія ихъ въ рѣшеніи проблемъ, теперь счисленіе инфинимезимальное новѣйшихъ производитъ; свойства же сего, и правила, и употребленіе ясно толкуетъ, по предводительству анализіи безконечно-малыхъ сіятельнаго маршала Госпиталіа». Такъ какъ во время чтенія публичныхъ лекцій Германомъ и другими профессорами студентовъ было всего только 12 человѣкъ, то главную часть посѣтителей этихъ лекцій должны были составлять лица, постороннія Академіи. Что же касается приватныхъ занятій Германа со студентами, то о нихъ ничего не извѣстно. Не выяснены даже имена и число этихъ студентовъ. Съ нѣкоторою увѣренностью можно думать только, что однимъ изъ нихъ былъ упомянутый уже выше Василій Адодуровъ, какъ сдѣлавшійся позднѣе адъюнктомъ чистой математики.

Учебная дѣятельность Германа нашла себѣ примѣненіе, впрочемъ, и внѣ

Академіи. По приказанію барона Остермана онъ составилъ для Императора Петра II краткіе учебники ариѳметики, геометріи и архитектуры гражданской и военной. Эти учебники были напечатаны въ 1728 г. подъ заглавіемъ: «Abrégé des Mathématiques pour l'usage de sa Majesté Impériale de toutes les Russies. Tome I, contenant l'arithmétique, la Géométrie et la Trigonométrie. Tome III, contenant la Fortification et l'Architecture civile». Одновременно вышелъ въ свѣтъ также и русскій переводъ этого сочиненія, сдѣланный переводчикомъ Академіи Наукъ Иваномъ Горлецкимъ, подъ заглавіемъ «Сокращеніе математическое, ко употребленію его величества Імператора всея россіи. Часть первая. Содержащая Аріѳметику, Геометрію и Тригонометрію (8°, 138 стран.). Часть третія, содержащая фортификацію (209 стран.)». Что касается второй части этихъ изданій, то она, какъ посвященная астрономіи и географіи, была составлена профессоромъ астрономіи Іосифомъ-Николаемъ Делилемъ.

Германъ имѣлъ внушающую почтеніе представительную и пріятную наружность, хотя и казался старѣе своихъ лѣтъ. Въ соотвѣтствіи съ наружностью Германъ отличался добротою и покойнымъ миролюбивымъ характеромъ. По словамъ исторіографа Мюллера, близко знавшаго Германа, этотъ послѣдній «былъ важенъ; говорилъ мало; когда былъ одинъ, то никогда не покидалъ ученыхъ занятій и охотно предоставлялъ веденіе хозяйства другимъ, почему очень радовался, когда это принялъ на себя Бильфингеръ». Въ виду сказаннаго становится понятнымъ общее уваженіе, которымъ пользовался Германъ въ средѣ лицъ, его окружавшихъ, то-есть академическаго начальства и сослуживцевъ-академиковъ, которые даже предлагали въ 1729 г. назначить его директоромъ Академіи.

Миролюбивый характеръ Германа и общее уваженіе, которымъ онъ пользовался, не оказались однако въ состояніи предохранить его отъ непріятныхъ столкновеній съ Даніиломъ и Николаемъ Бернулли, вызванныхъ ихъ возраженіями въ засѣданіяхъ Академіи противъ нѣкоторыхъ изъ его ученыхъ работъ. Едва ли не болѣе крупною непріятностью, постигшею Германа во время его пребыванія въ Петербургѣ, была кража изъ занимаемой имъ квартиры 2 апрѣля 1727 г. шкатулки съ нѣсколькими медалями и деньгами въ количествѣ «29 червонныхъ, 35 рублевиковъ, 60 полъ-ловидоровъ, 10 ефимковъ».

Вопреки указаннымъ качествамъ своего характера Германъ подъ вліяніемъ Бюльфингера, съ которымъ вмѣстѣ жилъ, вмѣшался въ столкновенія академиковъ съ правившимъ Академіею вслѣдствіе отсутствія ея президента Шумахеромъ. Этотъ послѣдній въ своемъ письмѣ къ президенту отъ 29 августа 1728 г. говорилъ: «ничто меня такъ не сердитъ, какъ положеніе добраго старика (Германа), котораго этотъ господинъ (Бюльфингеръ), такъ сказать, проводитъ. Прежде онъ убѣдилъ его, что жить въ сараѣ гораздо спокойнѣе, чѣмъ въ домѣ; а въ эту минуту принуждаетъ его вѣрить, что 200 флориновъ въ Базелѣ стоятъ столько же, сколько 2000 рублей въ Россіи». Это свидѣтельство Шумахера находитъ подтвержденіе также и въ словахъ Мюллера, по которымъ «если бы не было послѣдняго (Бюльфингера), то быть можетъ онъ (Германъ) не вмѣшивался бы, по своему миролюбивому характеру, ни въ какіе академическіе споры».

По истеченіи условленнаго въ контрактѣ 5-лѣтняго срока службы Германъ, согласно его ходатайству, былъ уволенъ въ сентябрѣ 1730 г. въ отставку съ возведеніемъ его въ званіе почетнаго члена Академіи и съ назначеніемъ ему положенной по этому званію пенсіи въ 200 рублей въ годъ. Окончательное выполненіе всѣхъ формальностей, требуемыхъ для безпрепятственнаго выѣзда Германа изъ Россіи, послѣдовало со стороны администраціи, однако, не ранѣе второй половины ноября. Затѣмъ въ засѣданіи Академіи 22-го декабря Германъ простился съ академиками, произнеся по этому поводу сильную и краткую рѣчь на латинскомъ языкѣ, и 14 января 1731 г. вмѣстѣ съ Бюльфингеромъ выѣхалъ изъ Петербурга. По поводу этого событія Шумахеръ въ своемъ письмѣ къ президенту Академіи Блюмен-

тросту сообщалъ: «господа Германъ и Бюльфингеръ завтра непремѣнно уѣзжаютъ: да будетъ восхваленъ и благословенъ Господь».

Принимая званіе почетнаго члена С.-Петербургской Академіи Наукъ съ присвоеннымъ ему вознагражденіемъ, Германъ 12 января 1731 г. подписалъ договоръ, по которому обязывался вести съ Академіею откровенную переписку по предметамъ, относящимся къ наукѣ, сообщать возможно болѣе разсужденій и наблюденій для помѣщенія въ академическихъ комментаріяхъ и, наконецъ, имѣть надзоръ и попеченіе о русскихъ молодыхъ людяхъ, которые могутъ прибыть въ Базель для ученія или для упражненій въ мѣстномъ университетѣ. Въ исполненіе второй изъ этихъ обязанностей Германъ доставилъ изъ Базеля слѣдующія свои разсужденія: «De superficiebus ad aequationes locales revocatis variisque earum affectionibus» (Comment., T. VI. 1738. P. 36—67); «De quadratura curvarum algebraicarum, quarum aequationes locales coordinatas sibi invicem permixtas involvunt» (Тамъ же, P. 189—200); «Supplementum ad schedam in mense augusto Actorum eruditor. MDCCXIX circa problema a Tauloro mathematicis non anglis propositum, editam» (Тамъ же, P. 200—216. Предст. Академіи 9 марта 1733 г.)

Ближайшею цѣлью выѣзда Германа изъ Россіи было возвращеніе на родину въ Базель, куда его призывали для занятія въ мѣстномъ университетѣ каѳедры нравственной философіи, профессоромъ которой онъ оставался затѣмъ до самой своей смерти, послѣдовавшей 11 іюля 1733 г. Петербургская Академія узнала объ этомъ печальномъ событіи изъ сообщенія Эйлера.

Послѣ смерти Германа въ С.-Петербургской Академіи Наукъ поднимался вопросъ о пріобрѣтеніи отъ его брата библіотеки покойнаго и оставшихся послѣ него рукописей, между которыми особенное значеніе придавалось неоконченному труду «De calculo integrali», представлявшему, повидимому, ту «систему», написать которую обязывалъ Германа заключенный съ нимъ русскимъ правительствомъ контрактъ. Далѣе пожеланій и оставшихся невыполненными предложеній, изложенныхъ въ оставшемся неотправленномъ письмѣ Эйлера къ брату Германа, дѣло не пошло.

Elogium Jacobi Hermanni philosophi et mathematici excellentis (Acta eruditorum 1735, p. 380—384).—Пекарскій, «Исторія Императорской Академіи Наукъ», т. I, стр. 65—73.—«Матеріалы для исторіи Императорской Академіи Наукъ», томы I, II и VI.—«Протоколы засѣданій конференціи Императорской Академіи Наукъ съ 1725 по 1803 года», т. I.—J. C. Poggendorff, «Biographisch-literarisches Handwörterbuch», I, S. 1077—1078.—Геннади, «Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ», т. I, стр. 209.—В. В. Бобынинъ, «Русская физико-математическая библіографія», т. I, вып. 3-й, стр. 137—138.—Брокгаузъ-Ефронъ, «Энциклопедическій Словарь», VIII, стр. 533—534.—Б. Л. Модзалевскій, «Списокъ членовъ Имп. Академіи Наукъ», С.-Пб. 1908 (здѣсь указано, что Г. выбылъ 18 ноября 1730 г., а въ званіе почетнаго члена возведенъ 1 января 1731 г.). *В. В. Бобынинъ.*

Германъ, *Ѳедоръ (Фридрихъ) Ивановичъ*, полковникъ, состоявшій при Министерствѣ Финансовъ, сынъ оберъ-бергъ-гауптмана Ивана Филипповича (см. выше), родился въ 1789 г. на Барнаульскомъ заводѣ Томской губ., воспитывался въ Горномъ корпусѣ, служилъ при отцѣ, по смерти котораго ушелъ изъ горнаго вѣдомства. Въ 1817 г. П. К. Эссенъ, назначенный Оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ и командиромъ отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса, взялъ Германа въ адъютанты, при чемъ Г. былъ зачисленъ въ гвардію. Эссенъ поручилъ ему пограничную часть своей канцеляріи. Въ 1823 г., по доносу въ главный штабъ, Г. былъ переведенъ тѣмъ же чиномъ въ армію. Причиной удаленія выставлено было сильное вліяніе его на Эссена. По словамъ Вигеля Г. отличался необыкновеннымъ умомъ и удивительными способностями, а по свидѣтельству декабриста Штейнгеля — и благородствомъ характера. Г. печаталъ статьи по горной части въ «Горномъ Журналѣ». Скончался онъ въ С.-Петербургѣ 3 іюля 1852 г. послѣ продолжительной тяжкой болѣзни.

«Сѣверная Пчела», 1852 г., № 151, стр. 602; Геннади, «Справочный словарь о русскихъ писателяхъ», т. I; «Русская Старина», 1881 г., т. XXXII, 786; Ф. Ф. Вигель, «Записки», М. 1891 г., II, 201. *Н. Чулковъ.*

Германъ, *Ѳедоръ (Фридрихъ) Ѳедоровичъ*, тайный совѣтникъ, докторъ медицины, главный докторъ Обуховской больницы въ Петербургѣ, родился 22 марта 1811 г. Отецъ его былъ родомъ изъ Дрездена, мать — эльзасска. Въ 1818 г. онъ поступилъ въ Петропавловскую школу въ Петербургѣ, которую окончилъ въ 1825 г., послѣ чего по 1829 г. пробылъ ученикомъ въ аптекѣ Гедикъ. Сдавъ экзаменъ на аптекарскаго помощника, Германъ поступилъ въ Медико-Хирургическую академію, которую окончилъ лѣкаремъ съ серебряною медалью въ 1833 г. Тогда же (9-го сентября) онъ занялъ мѣсто сверхштатнаго врача въ Обуховской больницѣ и оставался въ ней около 60 лѣтъ. Въ 1840 г. Ѳ. Ѳ. получилъ званіе штабъ-лѣкаря, въ 1850 г. принялъ русское подданство; въ 1853 г. назначенъ главнымъ врачомъ женскаго отдѣленія Обуховской больницы, въ 1862 г. — главнымъ врачомъ мужского отдѣленія. Въ 1865 г. Германъ получилъ заграничную командировку съ научной цѣлью, поводомъ для которой послужилъ его ученый трудъ о «Спинномозговомъ менингитѣ», напечатанный въ «С.-Пб. Медицинскомъ Обозрѣніи». Въ то же время онъ былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Въ 1878 г. Г. назначенъ членомъ Медицинскаго Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ; въ 1879 г. за заслуги по подготовкѣ сестеръ милосердія былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 2-й ст.; въ 1883 г. произведенъ въ тайные совѣтники и въ томъ же году (9-го сентября) въ день 50-лѣтія своей службы пожалованъ кавалеромъ ордена Бѣлаго Орла; 1 апрѣля 1890 г. вышелъ въ отставку. Послѣдніе годы онъ почти уже не занимался врачебной практикой. Г. состоялъ врачомъ Импер. Человѣколюбиваго общества (съ 1862 г.), дѣтскаго пріюта Вел. Кн. Ольги Николаевны (съ 1865 г.). Онъ былъ членомъ разныхъ учено-врачебныхъ обществъ и пользовался заслуженною извѣстностью опытнаго и искуснаго врача. Съ 1857 г. былъ членомъ нѣмецкаго врачебнаго общества въ Петербургѣ, а съ 1874 г. — предсѣдателемъ того же общества. Въ литературѣ Г. извѣстенъ рядомъ статей (около 30), касавшихся преимущественно практической медицины (изслѣдованія о возвратной горячкѣ, о кишечныхъ язвахъ, о цынгѣ) и этіологіи инфекціонныхъ болѣзней въ столицѣ. Послѣднимъ обширнымъ его трудомъ является «Историческій очеркъ Обуховской больницы за 100 лѣтъ» (С.-Пб., 1884 г.); этотъ трудъ даетъ богатѣйшій матеріалъ для статистики главнѣйшихъ заболѣваній народонаселенія Петербурга по наблюденіямъ Обуховской больницы. Скончался Г. въ Петербургѣ 15 ноября 1892 г. и похороненъ на Волковомъ лютеранскомъ кладбищѣ.

«Правит. Вѣстн.» 1892 г., № 252.—«Всемірн. Иллюстр.» 1892 г. № 1246, стр. 451 (съ портретомъ). — «Новое Время» 1892 г., № 6009.—Брокгаузъ-Ефронъ, «Энцикл. Словарь».—«Петербургскій Некрополь», I, 582. — Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ», XII, 57—58.

Н. Александровичъ.

Гермесъ, *Богданъ Андреевичъ*, сенаторъ, дѣйств. тайный совѣтникъ, родился въ 1758 (1759) г. въ Вильнѣ и происходилъ изъ прусскихъ дворянъ. Въ 1771 г. вступилъ кадетомъ въ Артиллерійскій и Инженерный кадетскій корпусъ, откуда въ 1774 г. выпущенъ артиллеріи штыкъ-юнкеромъ; въ 1779 г. произведенъ въ подпоручики. Въ 1782 г. участвовалъ въ походѣ въ Крымъ; въ 1786 г. произведенъ въ поручики въ Бомбардирскій полкъ; съ 16 августа по 6 декабря 1788 г. находился на батареяхъ при осадѣ Очакова и 6-го декабря участвовалъ въ штурмѣ, за отличіе въ которомъ получилъ золотой крестъ; въ 1789 г. назначенъ флигель-адъютантомъ чина арміи капитана къ генералъ-аншефу бар. Меллеру-Закомельскому; въ 1790 г. участвовалъ въ Шведской войнѣ и былъ въ сраженіяхъ со шведами на Балтійскомъ морѣ и при взятіи острова Корьесари, за что пожалованъ золотою шпагою. Въ 1791 г. произведенъ въ маіоры съ назначеніемъ командиромъ бомбардирскаго баталіона и посланъ на канонерскихъ лодкахъ въ Роченсальмъ для заложенія крѣпости. Въ 1794 г. произведенъ въ подполковники, въ 1796 г. — въ полковники и въ 1798 г. — въ генералъ-маіоры и въ томъ же году командированъ въ Херсонъ и Кіевъ для обученія тамъ артиллерійскихъ баталіоновъ и осмотра крѣ-

постей, а въ 1799 г. — въ замокъ Лоде. 27 января 1800 г. отставленъ отъ службы и 15-го октября того же года вновь принятъ на службу съ переименованіемъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и назначеніемъ Новороссійскимъ вице-губернаторомъ. Въ 1801 г. назначенъ Тобольскимъ губернаторомъ, въ 1806 г.— Пермскимъ. Въ 1811 г. произведенъ въ тайные совѣтники. 26 мая 1817 г. назначенъ сенаторомъ (по 8-му департаменту). Въ 1817 г. былъ командированъ въ Пермскую губернію по случаю неурожая; въ 1818 г. ревизовалъ Кавказскую и Астраханскую губерніи и 14 декабря 1820 г. командированъ въ Черниговскую губернію для продовольствія казенныхъ поселянъ, казаковъ и помѣщичьихъ крестьянъ хлѣбомъ. 31 января 1823 г. назначенъ главнымъ директоромъ Межевой канцеляріи, 9 апрѣля 1832 г. произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и 4 ноября 1833 г., согласно прошенію, уволенъ отъ должности главнаго директора. Былъ кавалеромъ орденовъ: св. Владиміра 2-й ст. (1816 г.), св. Анны 1-й ст. (1810 г.), св. Георгія 4-й ст., которымъ награжденъ 15 декабря 1802 г. за мужество, оказанное при взятіи г. Очакова. Скончался 2 мая 1839 г. и погребенъ въ Москвѣ на Введенскихъ горахъ. По отзыву Ф. Ф. Вигеля Гермеса въ Сибири любили и уважали за его безкорыстіе, доброту и строгость только въ случаѣ надобности.

Формулярный списокъ; «Записки» Вигеля, II, 195; «Московскій Некрополь», т. I; «Исторія Сената», т. V (списокъ сенаторовъ); «Остафьевскій Архивъ», II, 457, 458.

Н. Александровичъ.

Гермогенъ *(Ермогенъ)*, святой, патріархъ Московскій. Когда и гдѣ родился Г., кто онъ былъ по своему происхожденію, какъ вообще прошла первая половина его жизни — точно и опредѣленно неизвѣстно. Можно предполагать, что онъ родился не позднѣе 1530 г., такъ какъ въ 1610 г. поляки называли его *осмидесятилѣтнимъ* старцемъ. Родиной его были, вѣроятно, мѣста приволожскія или придонскія. Въ Казани и до сихъ поръ существуетъ преданіе о происхожденіи Г. именно изъ этого города. Но съ другой стороны, польскіе источники даютъ основанія думать, что въ молодости Г. былъ донскимъ казакомъ. Мірское имя Г. было, вѣроятно, Ермолай. Въ 1610 г. на патріаршихъ земляхъ въ Москвѣ имъ была воздвигнута церковь во имя св. Ермолая, какъ предполагаютъ, въ честь святого, имя котораго онъ носилъ въ міру. Къ какому сословію принадлежалъ патріархъ Г. по своему происхожденію, — на это изслѣдователи отвѣчаютъ различно. Одни думаютъ, что онъ происходилъ изъ рода Шуйскихъ (Рюриковичей) или Голицыныхъ (Гедиминовичей), другіе причисляютъ его къ посадскому, торговому классу, третьи склонны считать его казакомъ, и, наконецъ, четвертые настойчиво стараются причислять его къ духовному сословію. Какое изъ этихъ предположеній наиболѣе приближается къ истинѣ— въ настоящее время съ опредѣленною точностью сказать невозможно. Достовѣрные факты исторической дѣятельности патріарха Г. и въ особенности его литературныя произведенія даютъ твердое основаніе полагать, что Г. отъ природы имѣлъ выдающіяся способности, которыя онъ развилъ школьнымъ и затѣмъ самостоятельнымъ образованіемъ. Изслѣдователи полагаютъ, что учителемъ Г. былъ архіепископъ Казанскій Германъ, человѣкъ книжный, любившій просвѣщеніе и заботившійся объ его распространеніи. Эту любовь къ книгѣ Германъ передалъ и своему ученику: книжныя занятія для Г. были пріятнымъ и любимымъ дѣломъ. Впослѣдствіи, когда ему приходилось бывать по дѣламъ службы въ Москвѣ, Г. въ свободное отъ занятій время работалъ въ библіотекѣ Чудова монастыря, съ составомъ которой онъ былъ хорошо знакомъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что на поприще церковно-общественной дѣятельности Г. выступилъ очень образованнымъ и просвѣщеннымъ по тому времени человѣкомъ. Когда началась эта дѣятельность Г. — точно сказать также трудно. Первое достовѣрное извѣстіе о служебномъ положеніи Г. относится къ 1579 г., когда произошло явленіе чудотворной иконы Казанской Божіей Матери. Въ это время Г. было уже 50 лѣтъ и онъ занималъ должность приходскаго священника Гостиннодворской церкви въ

Казани. Слѣдовательно, несомнѣнно, что начало общественной дѣятельности его слѣдуетъ относить къ болѣе раннему времени. Положеніе приходскаго священника въ такой церкви, какъ церковь св. Николая въ Гостиномъ Дворѣ, дѣлало Г. очень замѣтнымъ лицомъ въ Казани. Но съ тѣхъ поръ, какъ совершилось явленіе чудотворнаго образа Казанской Божіей Матери, популярность гостиннодворскаго іерея достигла широкихъ размѣровъ и немало способствовала его дальнѣйшему служебному повышенію. Г. принималъ весьма дѣятельное участіе въ обрѣтеніи чудотворной иконы. Онъ первый удостоился чести взять икону съ древца, которое было утверждено на томъ мѣстѣ, гдѣ икона была вырыта изъ земли, показалъ ее собравшемуся народу и торжественно перенесъ ее отсюда въ церковь св. Николая Тульскаго. Ему же было поручено Казанскимъ архіепископомъ Іереміею слѣдить за торжествами въ честь обрѣтенія чудотворнаго образа; онъ видѣлъ чудесныя знаменія отъ иконы и имъ же, вѣроятно, было составлено Краткое Сказаніе о явленіи чудотворной иконы и о чудесахъ отъ нея, отосланное вскорѣ царю Іоанну Грозному. Впослѣдствіи, спустя 15 лѣтъ послѣ чудеснаго событія, именно — въ 1594 г., имъ было составлено подробное «Сказаніе о явленіи Чудотворной Иконы Пресвятыя Богородицы во градѣ Казани». Въ 1587 г., какъ думаютъ, послѣ смерти своей жены, Г. принимаетъ монашество и въ этомъ званіи всецѣло посвящаетъ себя служенію церкви. Иноческое постриженіе онъ принялъ, по всей вѣроятности, въ Чудовомъ монастырѣ въ Москвѣ, такъ какъ эта обитель называется его «обѣщаніемъ», т.-е. мѣстомъ, гдѣ онъ давалъ обѣты монашескаго послушанія. Вскорѣ послѣ пострига Г. получаетъ санъ игумена, а затѣмъ и архимандрита, и назначается настоятелемъ Казанскаго Спасо-Преображенскаго монастыря. Въ этой должности Г. пробылъ не болѣе трехъ лѣтъ, работая надъ благоустройствомъ монастыря и занимаясь миссіонерской дѣятельностью, такъ какъ этотъ монастырь имѣлъ по преимуществу миссіонерское назначеніе. 13 мая 1589 г. Преображенскій архимандритъ возводится въ санъ епископа Казанскаго съ предоставленіемъ ему митрополичьяго титула и съ правомъ именоваться вторымъ послѣ патріарха и первымъ послѣ Новгородскаго владыки. Предъ первымъ Казанскимъ митрополитомъ открывалось очень широкое поле дѣятельности. Ему предстояло продолжать работу своихъ предшественниковъ по христіанизаціи и утвержденіи русской гражданственности въ обширномъ Казанскомъ краѣ. 17 лѣтъ работалъ въ этомъ направленіи митрополитъ Г., и несмотря на неблагопріятныя условія, его дѣятельность не была безплодной. Первой и главной заботой митрополита Г. было просвѣщеніе инородцевъ Казанскаго края свѣтомъ христіанскаго ученія. Въ этой просвѣтительной дѣятельности Г. стремился не столько къ количественному увеличенію числа новообращенныхъ, сколько главнымъ образомъ къ внутреннему усвоенію ими началъ христіанской жизни. Случалось нерѣдко, что новообращенные инородцы только по имени были христіанами, а въ своей жизни оставались тѣми же язычниками съ ихъ нравами и укладомъ жизни. Г. боролся противъ этого прежде всего мѣрами нравственнаго воздѣйствія, словомъ убѣжденія. Не довольствуясь внушеніями въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, Г. 12 февраля 1591 г. созываетъ всѣхъ новокрещенцевъ въ Казань и здѣсь въ Соборной церкви поучаетъ ихъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней истинамъ Слова Божія и наставляетъ ихъ въ правилахъ христіанской жизни. Но проповѣдь не всегда оказывалась дѣйственной. Въ такихъ случаяхъ митрополитъ Г. обращался за содѣйствіемъ къ центральной власти, власти царя и патріарха. Мѣры этой послѣдней были круты и суровы. Но Г. прибѣгалъ къ нимъ, объясняя это заботой о спасеніи новообращенныхъ, скорбью о душахъ ихъ. Такъ, по его просьбѣ, Казанскимъ воеводамъ былъ данъ приказъ переписать всѣхъ новокрещенцевъ съ ихъ женами, дѣтьми и слугами, собрать ихъ въ Казань и объявить, чтобы они къ своей прежней мусульманской вѣрѣ не обращались, по объявленіи же имъ этого, повелѣвалось всѣхъ новокрещенцевъ собрать въ одну слободу, устроить ее, гдѣ удобно бу-

детъ, въ острогѣ или за острогомъ, но только непремѣнно среди русскихъ людей и чтобы татаръ близко не было; каждый новокрещенецъ обязанъ былъ затѣмъ самъ выстроить себѣ одинъ или болѣе дворовъ, а того, кто не захочетъ имѣть свой домъ, отдавать на поруки, а иныхъ предписывалось даже и въ тюрьму сажать. Въ устроенной такимъ образомъ слободѣ должна была быть построена церковь съ особымъ при ней причтомъ. Слободу долженъ былъ имѣть въ своемъ наблюденіи добрый боярскій сынъ, которому вмѣнялось въ обязанность зорко слѣдить за поведеніемъ новокрещенцевъ. Тѣхъ, которые оказались бы неисправными, онъ долженъ былъ «смирять»: сажать въ тюрьму, въ желѣзо, въ цѣпи, и бить, нѣкоторыхъ же отсылать для эпитиміи къ митрополиту. Татарскія мечети, возникшія вопреки царскимъ указамъ, по небрежности воеводъ, надлежало упразднить и новыхъ не дозволять строить. Всѣхъ православныхъ, жившихъ у татаръ и нѣмцевъ, которымъ въ такихъ случаяхъ нерѣдко угрожала опасность потерять вѣру отцовъ, приказано было отбирать и поселять среди православныхъ христіанъ, а татарамъ и нѣмцамъ запрещалось брать русскихъ въ услуженіе. — Въ цѣляхъ болѣе прочнаго христіанскаго воздѣйствія на казанское населеніе митрополитъ Г. старался представить величіе христіанства и во внѣшнихъ формахъ; онъ стремился подѣйствовать на воображеніе казанскихъ инородцевъ благолѣпіемъ православныхъ храмовъ. Заботы объ устроеніи храмовъ и украшеніи православныхъ святынь составляли не менѣе существенную сторону дѣятельности казанскаго митрополита. Такъ, по ходатайству Г. въ монастырѣ, гдѣ находилась чудотворная икона Казанской Божіей Матери, былъ устроенъ каменный храмъ Богоматери съ двумя придѣлами: Успенія Пр. Богородицы и Св. Александра Невскаго. Храмъ былъ богато украшенъ, а чудотворный образъ Казанской святыни осыпанъ изъ царскихъ сокровищъ «златомъ и каменіемъ драгимъ и жемчугомъ великимъ». Благодаря содѣйствію Г., былъ сооруженъ великолѣпный храмъ во имя Преображенія Господня въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ. Имъ же была построена церковь во имя Михаила Архангела въ селѣ Архангельскомъ, (что нынѣ Казанская пригородная слобода), а также воздвигнутъ храмъ во имя Димитрія Селунскаго въ Ягодной слободѣ. При Г. была устроена церковь въ селѣ Борисоглѣбскомъ. При немъ же Соборный храмъ Казани былъ богато украшенъ иконами, а на колокольнѣ былъ повѣшенъ колоколъ. Къ Гермогеновскому времени относится учрежденіе Казанскаго Ѳедоровскаго монастыря и устроеніе въ Свіяжскѣ каменнаго Сергіевскаго храма при женскомъ Іоанно-Предтеченскомъ монастырѣ. — Заботясь объ устроеніи Казанской церкви, Г. особенное вниманіе удѣлилъ вопросу о чествованіи русскихъ воиновъ, «на костяхъ которыхъ встала христіанская и русская Казань». До него имена русскихъ героевъ, павшихъ при покореніи Казани, не были вписаны въ общіе помянники. Г. рѣшилъ устранить это дѣйствительно ненормальное явленіе. Онъ сначала сталъ тщательно собирать свѣдѣнія о павшихъ въ бою подъ Казанью, а затѣмъ уже обратился къ патріарху съ ходатайствомъ установить годичный поминовенный день для нихъ. Вмѣстѣ съ этимъ Г. просилъ патріарха разрѣшить ежегодное особое поминовеніе мучениковъ казанскихъ, пострадавшихъ отъ невѣрныхъ татаръ за имя Христово: Іоанна Новаго, Стефана и Петра. Патріархъ Іовъ немедленно отправилъ отвѣтную грамоту митрополиту Г., въ которой разрѣшалъ ежегодно поминать казанскихъ героевъ на обѣднѣ въ первую субботу послѣ Покрова Пр. Богородицы, и затѣмъ приказывалъ имена героевъ и мучениковъ занести въ общій синодикъ для поминовенія въ Недѣлю Православія, а особое поминовеніе казанскихъ мучениковъ установить по усмотрѣнію его, митрополита. Г. такимъ днемъ опредѣлилъ быть 24 января. Вмѣстѣ съ этимъ Г. возстановилъ память своего учителя архіепископа Германа, умершаго въ Москвѣ при Грозномъ, гнѣвъ котораго онъ навлекъ на себя. При содѣйствіи Г. мощи Германа были перенесены въ Свіяжскъ, жители котораго были живыми свидѣтелями высокой жизни Германа. Нѣсколько

позднѣе были открыты Г. мощи св. Гурія и Варсонофія, святителей Казанскихъ. Имъ же были найдены останки иноковъ Іоны и Нектарія, бояръ изъ фамиліи Застолбскихъ, преданныхъ ученіковъ св. Гурія. — Дѣятельность Г., митрополита Казанскаго, не ограничивалась предѣлами только Казанскаго края. Г. знали, и притомъ хорошо знали, и высоко цѣнили въ Москвѣ и въ другихъ городахъ, куда онъ ѣздилъ по разнымъ дѣламъ. Въ 1587 г. онъ былъ здѣсь по случаю своего постриженія въ монашество, въ 1589 г. онъ принялъ здѣсь хиротонію во епископа. Былъ онъ здѣсь по случаю избранія на царство Бориса Годунова; участвовалъ во всенародномъ моленіи при Борисѣ подъ Новодѣвичьимъ монастыремъ. Въ 1595 г. онъ ѣздилъ въ Угличъ для открытія мощей удѣльнаго Угличскаго князя Романа Владиміровича. Съ воцареніемъ Лжедмитрія I, Г. получилъ званіе сенатора, а вмѣстѣ съ тѣмъ и право засѣдать въ Сенатѣ, преобразованномъ изъ Боярской Думы. Это новое положеніе побуждало его теперь чаще ѣздить въ Москву, гдѣ ему независимо отъ его воли все чаще и чаще приходилось выступать въ качествѣ виднаго политическаго дѣятеля. Въ Москвѣ онъ опредѣленно сталъ на сторону противниковъ Лжедмитрія, такъ какъ не могъ допустить подчиненія русской церкви римскому папѣ. Особенно ярко высказалось оппозиціонное настроеніе Г. на томъ соборѣ іерарховъ, на которомъ обсуждался вопросъ, можетъ ли православный царь жениться на католичкѣ Маринѣ Мнишекъ. Казанскій митрополитъ вмѣстѣ съ Коломенскимъ епископомъ Іосифомъ и нѣкоторыми протопопами открыто возсталъ противъ намѣреній Самозванца, за что и подвергся опалѣ: Лжедмитрій «повелѣ митрополита сослати въ Казань, и тамо святительскій санъ съ него сняти, и въ монастырь заключити». Къ счастью, Самозванецъ былъ вскорѣ низложенъ и Г. сохранилъ свое прежнее положеніе.

На русскій престолъ вступилъ Василій Ивановичъ Шуйскій. Патріархъ Игнатій былъ низложенъ и его мѣсто занялъ митрополитъ Г. Выдающаяся дѣятельность Г., какъ Казанскаго архипастыря, его образованность, нравственная чистота, опредѣленныя политическія убѣжденія и непоколебимая стойкость въ отстаиваніи своихъ воззрѣній — вотъ главнѣйшія причины, побудившія соборъ русскихъ іерарховъ остановиться на немъ, какъ на преемникѣ вѣроломнаго Игнатія. 3 іюля 1606 г. въ Успенскомъ Соборѣ состоялось посвященіе Г. въ санъ патріарха Московскаго и всея Руси. Съ этого момента Г. становится крупной исторической личностью и его дѣятельность пріобрѣтаетъ особенное значеніе. Патріархъ Г. выступаетъ не столько въ качествѣ церковнаго дѣятеля, сколько въ роли политическаго борца.

Чисто церковная дѣятельность новаго патріарха была далеко незаурядной; она выражалась, между прочимъ, въ построеніи патріархомъ новыхъ церквей (церковь Ермолая въ Москвѣ), въ возстановленіи древнихъ службъ (службы ап. Андрея Первозваннаго), въ составленіи литературныхъ произведеній агіологическаго характера (Слово объ обрѣтеніи мощей Алексія, митрополита Кіевскаго), въ продолженіи дѣла исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ, при чемъ онъ не ограничивался благословеніемъ на печатаніе книгъ, а самъ свидѣтельствовалъ печатные переводы, и старался объ улучшеніи внѣшнихъ условій печатнаго дѣла (какъ, напримѣръ, по его ходатайству царь В. И. Шуйскій устроилъ новую штамбу для печатанія книгъ и новый превеликій домъ для типографіи, сгорѣвшій въ 1611 г.). Какъ строгій ревнитель церковнаго благочинія, Г., конечно, внимательно слѣдилъ за тщательнымъ исполненіемъ подвѣдомственнымъ ему духовенствомъ церковно-богослужебныхъ требованій. Въ этомъ отношеніи должны быть отмѣчены его особенныя заботы объ искорененіи непорядковъ въ области церковнаго пѣнія. Нѣкоторые изъ мірянъ «писаніемъ» обращали вниманіе патріарха на эти непорядки, и Г. въ отвѣтъ имъ издалъ «Посланіе наказательно ко всѣмъ людямъ, паче же священникомъ и діакономъ о исправленіи церковнаго пѣнія». Это посланіе впослѣдствіи, когда вопросъ о многогласіи получилъ особенную остроту, сдѣлалось особенно важнымъ; на него ссылались русскіе іерархи на соборѣ 1651 г. въ доказа-

тельство того, что многогласіе — давній порокъ, съ которымъ надлежало бороться всѣми рѣшительными мѣрами. Немало занимала патріарха и борьба съ латинствомъ. Съ этимъ зломъ онъ боролся и литературнымъ путемъ, и главнымъ образомъ путемъ миссіонерскихъ собесѣдованій съ латинами. Борьба Г. съ латинствомъ носила характеръ довольно бурный, что дало поводъ полякамъ-католикамъ впослѣдствіи упрекать Г. въ томъ, что онъ разжигалъ ненависть къ нимъ москвитянъ. Но особенное вниманіе Г. обращалъ на укрѣпленіе въ духовенствѣ чувствъ законности и порядка. Политическія неурядицы захватили, конечно, и духовное сословіе; нѣкоторые изъ духовныхъ «ко врагомъ причастницы быша». Конечно, это было нетерпимо, и Г. боролся съ этимъ явленіемъ всѣми имѣвшимися въ его распоряженіи средствами: однихъ онъ увѣщевалъ, другихъ умолялъ соблюдать данную ими клятву, третьихъ запрещалъ въ священнослуженіи, и четвертыхъ предавалъ проклятію. Надзоръ за политическимъ настроеніемъ духовенства былъ установленъ Г. самый тщательный и строгій. Самъ Г. очень хорошо зналъ настроеніе даже отдѣльныхъ духовныхъ лицъ. Такъ, въ посланіи къ Ефрему, митрополиту Казанскому, онъ рекомендуетъ особенно слѣдить за Софійскимъ, Покровскимъ и Ирининскимъ попами, чтобы въ нихъ воровства не было.

Церковная дѣятельность Г. хотя и была разносторонней и по тому времени выдающейся, но все же она блѣднѣетъ предъ политическимъ подвигомъ патріарха. Съ 1606 г. по 1610 г. политическая дѣятельность Г. тѣсно связана съ личностью царя В. И. Шуйскаго. Хотя послѣдній и не былъ тѣмъ, чѣмъ желало бы видѣть его большинство московскихъ людей и самъ патріархъ, тѣмъ не менѣе Г. все время стоялъ за него, какъ за законнаго избранника народа, какъ за правомочнаго носителя власти. Въ такомъ взглядѣ Г. на царя коренится источникъ всѣхъ политическихъ выступленій патріарха въ царствованіе В. И. Шуйскаго. Ко времени появленія въ Москвѣ Г. въ санѣ патріарха политическое положеніе страны было уже довольно печальнымъ. Въ самой Москвѣ волновалась чернь, въ Сѣверской Украйнѣ поднялось возстаніе, въ областяхъ Тульской и Рязанской, а также въ Поволжьи и въ земляхъ Вятскихъ и Пермскихъ вспыхнули смуты. Во имя новыхъ самозванцевъ возставали села и города, отдѣльныя лица и цѣлые общественные классы. Борьба съ этой разрухой требовала сильную личность, которая натиску народныхъ страстей могла бы противопоставить авторитетъ власти. В. И. Шуйскій для этой роли былъ совершенно неподходящимъ человѣкомъ, и его замѣнилъ патріархъ Г. Въ Москвѣ Г. не разъ приглашалъ въ Соборную церковь народъ и увѣщевалъ его стоять за царя В. И. Шуйскаго, какъ за законнаго представителя власти. Къ мятежникамъ въ Сѣверную Украйну онъ послалъ митрополита Крутицкаго Пафнутія съ архимандритами и игуменами, поставивъ имъ задачей уговорить измѣнниковъ отстать отъ мятежа во имя той же идеи. Когда шайки Болотникова, соединившись съ дружинами рязанскими и тульскими, подошли къ Москвѣ и расположились у с. Коломенскаго, Г. лично ободрялъ павшее духомъ населеніе, установилъ постъ и благословилъ пѣть просительные молебны. На выручку Москвы на этотъ разъ явились по ярославской дорогѣ 200 стрѣлковъ изъ Смоленска, съ Двины, изъ Холмогоръ, и воры Болотникова были прогнаны. Когда непосредственная опасность миновала, Г. начинаетъ разсылать грамоты въ города, доказывая ту же мысль о необходимости подчиненія В. И. Шуйскому, какъ законному царю и представителю порядка. Эта мысль, ясно и сильно выраженная, несомнѣнно не могла не оказывать извѣстнаго вліянія на массу. Не безъ основанія полагаютъ, что можетъ быть эти именно грамоты внесли разложеніе въ ополченіе Болотникова, отколовши отъ него тульскія и рязанскія дружины, чѣмъ и воспользовался В. И. Шуйскій и совсѣмъ прогналъ Болотникова отъ Москвы. На ряду съ грамотами и посланіями Г. употреблялъ и другія средства къ укрѣпленію въ народныхъ массахъ чувства уваженія къ законности и порядку. Мятежъ былъ силенъ призракомъ живого царевича Димитрія.

Жилъ же этотъ призракъ въ народномъ воображеніи потому, что не вѣрили Шуйскому, который являлся въ глазахъ народа клятвопреступникомъ, цѣловавшимъ крестъ Лжедмитрію, тогда какъ ему хорошо должно было быть извѣстно, что царевичъ былъ убитъ въ Угличѣ. Шуйскій былъ дѣйствительно клятвопреступникомъ, и чтобы избавить его отъ этого грѣха, а вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдовательно, и разсѣять призракъ живого царевича Димитрія, патріархъ Г. устроилъ *актъ церковнаго очищенія*, при чемъ это очищеніе совершилъ тотъ, кто связалъ русскихъ людей клятвой Самозванцу, именно патріархъ Іовъ, проживавшій тогда въ Старицкомъ монастырѣ. Но этотъ исключительный актъ въ общемъ не улучшилъ дѣла; положеніе В. И. Шуйскаго продолжало быть шаткимъ. Болотниковъ не переставалъ тревожить Москвы. Онъ только отошелъ къ Тулѣ и здѣсь засѣлъ съ своими шайками. Шуйскій рѣшилъ лично выступить противъ мятежниковъ. Патріархъ разослалъ грамоты съ призывомъ молиться за царя, который вооружился на защиту вѣры и церкви отъ разорителей; а самого Болотникова предалъ проклятію. На рѣкѣ Восми Шуйскій разбилъ Болотникова и разорилъ его гнѣздо, послѣ чего съ торжествомъ возвратился въ Москву. Какъ сообщаютъ наиболѣе достовѣрные источники, патріархъ остался недоволенъ возвращеніемъ Шуйскаго. По мнѣнію патріарха, ему надлежало бы итти на второго Самозванца или на Тушинскаго вора, чтобы истребить зло въ самомъ его началѣ. Но Шуйскій отправилъ противъ новаго врага своего брата Дм. Шуйскаго, а самъ явился въ Москву, чтобы вступить въ бракъ съ княжной Марьей Петровной Буйносовой-Ростовской. Послѣдующія событія показали, что патріархъ былъ правъ, когда настаивалъ, чтобы В. И. Шуйскій послѣ пораженія Болотникова шелъ на Тушинскаго вора. Дм. Шуйскій не смогъ задержать второго самозванца и послѣдній почти безпрепятственно подошелъ къ Москвѣ. Началось двуцарствіе и междоусобная борьба *боярскаго* царя В. И. Шуйскаго съ *крестьянскимъ* государемъ, засѣвшимъ въ Тушинѣ. Патріархъ напрягъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы внести успокоеніе въ народную массу. Когда въ Москвѣ обнаружился недостатокъ хлѣба, вслѣдствіе отсутствія подвоза, и купцы значительно повысили цѣну на хлѣбъ, Г. созвалъ вельможъ и купцовъ въ Успенскій соборъ и увѣщевалъ послѣднихъ быть сострадательными къ народу, и когда это не подѣйствовало, распорядился открыть для продажи троицкіе амбары, находившіеся при Богоявленскомъ монастырѣ у Троицкихъ воротъ. Сама Троицкая Обитель испытывала въ это время ужасное состояніе отъ войскъ Лисовскаго и Сапѣги, и Г. настойчиво указывалъ Шуйскому на необходимость оказать поддержку знаменитой обители, говоря, что «если взята будетъ обитель Преподобнаго, то и весь предѣлъ русскій погибнетъ до моря океана». Въ то же время Г. продолжалъ дѣйствовать въ пользу Шуйскаго путемъ разсылки грамотъ и посланій, которыя несомнѣнно оказывали свое благотворное дѣйствіе, хотя, правда, и не такое значительное, на которое они были расчитаны. Успокаивая непокорную, вышедшую изъ повиновенія народную массу, Г. не разъ подвергался личнымъ оскорбленіямъ, какъ это было 25 февраля 1609 г. Но это не останавливало патріарха и онъ продолжалъ итти по разъ намѣченному пути. Благодаря такой энергичной дѣятельности Г. въ этотъ историческій моментъ, агитація Тушинскаго вора была парализована. Одинъ за однимъ тушинцы стали возвращаться въ Москву, какъ, напр., возвратился князь Гагаринъ, который принималъ такое дѣятельное участіе въ мятежѣ 25 февраля. Но все это не могло спасти В. И. Шуйскаго, онъ продолжалъ падать по наклонной плоскости. Участь его собственно была уже предрѣшена. Въ народѣ стали ходить слухи, опредѣленно указывающіе день предполагаемаго убійства царя (Николинъ день, Троицу). Настроеніе народа съ каждымъ днемъ становилось подавленнѣй и мрачнѣй. Но патріархъ не складывалъ своего оружія, онъ продолжалъ борьбу за Шуйскаго. Онъ не разъ выходилъ лично увѣщевать буйную толпу, при чемъ его рѣчи сопровождались слезами, которыя текли на бороду и одежды. Вся надежда

В. И. Шуйскаго была на кн. М. В. Скопина-Шуйскаго, который шелъ на выручку Москвы отъ тушинцевъ изъ Новгорода съ нѣмецкими людьми, нанятыми въ Швеціи. Натискъ Скопина-Шуйскаго освободилъ Москву отъ тушинцевъ. Но вскорѣ этотъ народный герой умеръ, войска, отправленныя подъ начальствомъ Дм. Шуйскаго противъ Сигизмунда были разбиты Жолкѣвскимъ, подступившимъ послѣ этого къ Москвѣ, куда съ юга подошелъ также и Тушинскій воръ. В. И. Шуйскій держаться болѣе на престолѣ не могъ: 17 іюля 1610 г. онъ былъ низложенъ съ престола и постриженъ въ монахи. На этотъ разъ ничего не смогъ сдѣлать для Шуйскаго даже и патріархъ Г. Но онъ не измѣнился въ своихъ отношеніяхъ къ нему: патріархъ продолжалъ считать его законнымъ царемъ и впослѣдствіи, основываясь на томъ, что обѣтъ отреченія отъ міра вмѣсто Шуйскаго давалъ кн. Тюфякинъ, онъ признавалъ монахомъ не Шуйскаго, а этого послѣдняго.

По низложеніи В. И. Шуйскаго, начинается, какъ справедливо выражаются нѣкоторые изслѣдователи, *исключительное* служеніе Г. родинѣ и церкви. Послѣ іюньскаго переворота государственная власть перешла къ *семи боярамъ*, во главѣ которыхъ стоялъ князь Мстиславскій. Предъ Семибоярщиной прежде всего и главнымъ образомъ вставалъ вопросъ объ избраніи новаго царя, каковой вопросъ и былъ поставленъ на созванномъ ею Земскомъ соборѣ. Въ рѣшеніи этого вопроса сразу же намѣтилось два теченія: партія бояръ выставляла кандидатомъ на русскій престолъ польскаго королевича Владислава, партія же съ патріархомъ во главѣ настаивала на возвращеніи престола В. И. Шуйскому, или, если уже это невозможно, то на избраніи царемъ православно-русскаго боярина, какъ, напр., кн. В. Голицына или 15-лѣтняго сына митрополита Филарета юнаго Михаила Ѳеодоровича Романова. Первое теченіе на этотъ разъ взяло верхъ. Правительственная боярская партія вошла въ переговоры съ гетманомъ Жолкѣвскимъ, стоявшимъ подъ Москвою, и рѣшила заключить съ нимъ, какъ съ представителемъ польскаго короля, договоръ, по которому русскій престолъ долженъ былъ перейти къ польскому королевичу Владиславу при условіи выполненія имъ нѣкоторыхъ требованій въ пользу боярскаго класса. Патріархъ оказался безсильнымъ помѣшать намѣренію правящихъ бояръ. Но, подчинившись имъ въ вопросѣ о предоставленіи престола королевичу Владиславу, патріархъ Г. потребовалъ, чтобы непремѣннымъ условіемъ избранія Владислава было принятіе имъ православной вѣры. Партія Г. настаивала, чтобы Владиславъ крестился до прибытія въ Москву, чтобы онъ женился на православной русской, чтобы онъ не сносился съ папой по дѣламъ вѣры, не принималъ отъ него благословеній и не допускалъ на Русь учителей латинской вѣры, чтобы Владиславъ смертію казнилъ того изъ русскихъ, кто вздумалъ бы оставить православную вѣру и перейти въ католичество, чтобы не было на Руси ни костеловъ, ни молельныхъ домовъ другихъ инославныхъ исповѣданій, чтобы православіе по прежнему было господствующимъ исповѣданіемъ, имѣло бы свою красоту и цѣлость въ полной неприкосновенности. Жолкѣвскій отвѣчалъ на эти требованія, что насиловать совѣсти королевича нельзя, что если королевичъ будетъ царемъ, и по совѣсти будетъ имѣть желаніе, и польза государства того потребуетъ, то онъ можетъ тогда перемѣнить вѣру. Бояре были уже готовы уступить Жолкѣвскому и соглашались заключить договоръ безъ требованія объ обязательности принятія имъ православной вѣры. Но когда доложили объ этомъ Гермогену, онъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ сталъ настойчиво протестовать противъ такой уступчивости бояръ. За эту настойчивость патріарха обругали, а его поповъ чуть было не прибили. Но тѣмъ не менѣе этотъ протестъ Г. былъ принятъ во вниманіе, и хотя Жолкѣвскій не хотѣлъ и слышать о томъ, чтобы вопросъ о вѣроисповѣданіи королевича былъ рѣшенъ въ духѣ требованій патріарха Г., тѣмъ не менѣе онъ сталъ уступчивѣй. Обѣ стороны сошлись, наконецъ, на томъ, чтобы новый царь обязался вѣнчаться отъ Г., чтобы онъ почиталъ иконы и мощи святыхъ, охра-

нялъ и украшалъ храмы, не отнималъ церковныхъ имуществъ, не измѣнялъ положенія духовенства православной церкви, не вмѣшивался въ духовныя дѣла, не ставилъ римскихъ костеловъ и запретилъ пропаганду латинства. Но долженъ ли онъ принимать православіе или нѣтъ — вопросъ объ этомъ опредѣленно не былъ выясненъ въ договорѣ. Въ немъ только выражалось пожеланіе бояръ, чтобы Владиславу «креститься въ ихъ православную вѣру хрестьянскую греческаго закона». Такимъ образомъ, партіи Г. удалось добиться официальнаго «обѣщанія охраны православія, но не утвержденія главы царства въ православной вѣрѣ». Народу же было прямо объявлено, что Владиславъ непремѣнно приметъ православіе. Послѣ этого творцы договора: М. Салтыковъ и кн. В. Масальскій явились къ патріарху за благословеніемъ на дальнѣйшее веденіе начатаго дѣла. Послѣ нѣкотораго колебанія патріархъ благословилъ этихъ двухъ бояръ, сказавъ имъ: «Если въ вашемъ намѣреніи нѣтъ лести и въ вашихъ замыслахъ не будетъ нарушенія православной вѣрѣ и разоренія московскому государству, то пусть на васъ будетъ отъ вселенской церкви, всего собора православной вѣры, четырехъ патріарховъ и отъ нашего смиренія благословеніе; въ противномъ случаѣ пусть ляжетъ на васъ клятва отъ вселенской церкви и отъ нашего смиренія, и вы будете лишены милости Бога и Пресвятой Богородицы и пріимите месть отъ него, наравнѣ съ еретиками и богоотступниками». Когда же къ благословенію подошелъ Михаилъ Молчановъ, убійца Ѳеодора Борисовича и приверженецъ двухъ самозванцевъ, патріархъ не могъ удержаться отъ гнѣва и велѣлъ съ безчестіемъ выгнать его вонъ изъ собора. Послѣ этого было снаряжено посольство къ Сигизмунду, подъ Смоленскъ, для окончательнаго рѣшенія дѣла о королевичѣ Владиславѣ. Посольство представляло собой часть Земскаго Собора и возглавлялось двумя лицами: ростовскимъ митрополитомъ Филаретомъ и княземъ Василіемъ Голицынымъ. Посламъ былъ данъ опредѣленный наказъ, по которому они должны были настойчиво требовать, чтобы Владиславъ явился въ Москву православнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ патріархъ давалъ особыя наставленія Филарету и его свитѣ, какъ они должны были вести себя предъ Сигизмундомъ. Кромѣ того, онъ вручилъ ростовскому митрополиту «писаніе, избравъ отъ правилъ св. апостолъ и св. отецъ, на укрѣпленіе всѣмъ посламъ, и противъ еретиковъ различныхъ многихъ еретическихъ вѣръ отвѣтъ, чесо ради крестити ихъ». Съ послами Г. отправилъ особыя грамоты королю Сигизмунду и королевичу Владиславу, въ которыхъ убѣждалъ не противиться желанію народа видѣть на русскомъ престолѣ царя православнаго. Напутствуемое благословеніями, посольство направилось подъ Смоленскъ хлопотать за русское дѣло. Въ Москвѣ же всталъ новый вопросъ, потребовавшій отъ патріарха новой борьбы и новыхъ усилій. Бояре, опасаясь Тушинскаго вора, подъ вліяніемъ Жолкѣвскаго, рѣшили впустить въ городъ польское войско, яко бы для большей защиты Москвы отъ самозванца. Но патріархъ рѣшительно воспротивился этому намѣренію бояръ. Онъ многократно умолялъ бояръ не предпринимать этого рискованнаго шага. Но на этотъ разъ протестъ патріарха не привелъ ни къ чему. Патріарху было сказано, что его дѣло смотрѣть за церковнымъ строеніемъ, а въ мірскія дѣла ему не слѣдуетъ вмѣшиваться. Причиной неудачи патріаршаго протеста являлось то, что, повидимому, слишкомъ основательны были доводы бояръ, желавшихъ впустить поляковъ въ Москву. Одинъ изъ бояръ, именно И. Н. Романовъ такъ объяснялъ необходимость предпринимаемой мѣры: «видишь ты и самъ, говорилъ онъ Г., какова въ людяхъ на Москвѣ смута; намъ надо свои головы отъ вора оберегать и воинскихъ людей польскихъ и литовскихъ для береженья въ столицу впустить. Если на это не согласишься, то знай: сдѣлается въ столицѣ какое дурно отъ вора, то въ этомъ мы не будемъ виноваты, наши души будутъ чисты и передъ Богомъ и предъ государствомъ. Если гетманъ (Жолкѣвскій) прочь пойдетъ отъ столицы, то и мы съ нимъ, а своихъ головъ не желаемъ отдавать вору». На эту рѣчь боярина патріархъ не могъ воз-

разить ни слова. Боярская партія осталась побѣдительницей. Жолкѣвскій ввелъ свои войска въ Москву. Но самъ онъ лично не долго оставался здѣсь. Изъ-подъ Смоленска имъ были получены извѣстія, что Сигизмундъ не склоненъ выполнять тѣхъ обѣщаній, какія даны были имъ, Жолкѣвскимъ, московскимъ боярамъ. Это обстоятельство въ глазахъ москвичей могло поставить Жолкѣвскаго въ некрасивую роль прямого обманщика. Тогда этотъ гетманъ рѣшилъ уѣхать изъ Москвы подъ Смоленскъ. Войско въ Москвѣ было оставлено подъ начальствомъ Гонсѣвскаго. Послѣдній точно такъ же, какъ и Жолкѣвскій старался обуздывать своеволіе польскихъ солдатъ, дабы такимъ образомъ заручиться расположеніемъ московскихъ жителей и снискать благорасположеніе патріарха. Бывали случаи, когда Гонсѣвскій въ своемъ заигрываніи съ московскими духовными властями заходилъ слишкомъ далеко: не разъ онъ подвергалъ провинившихся чрезмѣрнымъ наказаніямъ, такъ что уже патріархъ считалъ своею обязанностью заступаться за нихъ. Но несмотря, однако, на это, патріархъ продолжалъ оставаться противникомъ поляковъ вообще и ихъ домогательствъ. Это хорошо сознавали сами поляки и не безъ причины считали Г. «бунтовщикомъ» противъ Владислава, которому уже присягнули русскіе люди. — Но что же дѣлалось подъ Смоленскомъ? Тамъ прежде всего произошло измѣненіе въ вопросѣ о томъ, кто долженъ быть на русскомъ престолѣ. Если раньше говорили о Владиславѣ, какъ единственномъ претендентѣ на русскій престолъ, то теперь русскимъ царемъ захотѣлъ быть и самъ Сигизмундъ. Королевичъ слишкомъ молодъ, говорили всѣ приближенные Сигизмунда, а для устроенія обширнаго русскаго государства нужно болѣе опытности и знанія. Отдать королевича народу вѣроломному, грубому, упрямому и развратному, у котораго рабство стало природою — значило, по мнѣнію поляковъ, испортить молодую жизнь его, лишить его воспитанія и подвергнуть опасности самую жизнь его. Если москвичи избираютъ Владислава своимъ царемъ, то почему имъ не хотѣть управляться его отцомъ? Такая перемѣна въ рѣшеніи вопроса о русскомъ царѣ произошла ранѣе того момента, когда русское посольство успѣло прибыть подъ Смоленскъ. Жолкѣвскій, будучи еще въ Москвѣ, получилъ приказаніе склонять москвичей къ присягѣ не королевичу, а самому королю. Когда русскіе послы прибыли подъ Смоленскъ, то ихъ стали открыто убѣждать въ необходимости признать русскимъ царемъ Сигизмунда и уступить ему Смоленскъ. Но Филаретъ и Голицынъ крѣпко держались даннаго имъ наказа и въ своихъ переговорахъ стремились имѣть въ виду лишь тѣ пункты, которые содержались въ заключенномъ уже договорѣ. На всѣ эти требованія договора поляки отвѣчали полнѣйшимъ отказомъ и только настойчиво предлагали сдать Сигизмунду Смоленскъ, который въ то время мужественно отбивался отъ поляковъ, благодаря Шеину и архіепископу Сергію. Русскіе послы, не уполномоченные рѣшать такіе вопросы, какъ вопросъ о сдачѣ Смоленска, просили, чтобы имъ разрѣшили отправить въ Москву гонца за инструкціями на этотъ счетъ. Поляки медлили. Неблагопріятное теченіе переговоровъ внесло и въ среду пословъ уныніе и даже расколъ: нѣкоторые изъ нихъ уѣхали изъ-подъ Смоленска; оставшіеся же подверглись значительнымъ притѣсненіямъ. И только послѣ значительнаго промедленія Сигизмундъ разрѣшилъ русскимъ посламъ отправить гонца въ Москву. Цѣль этой проволочки была слишкомъ ясна: русскихъ пословъ хотѣли взять измором. Когда гонецъ прибылъ въ Москву, мысль о томъ, что Сигизмундъ самъ хочетъ занять московскій престолъ, была уже распространена здѣсь довольно широко. Поэтому при обсужденіи тѣхъ требованій Сигизмунда, какія были переданы гонцомъ, среди правящаго класса нашлось немало сторонниковъ польскаго короля. Одинъ только патріархъ попрежнему оставался рьянымъ противникомъ польскихъ притязаній. Рѣшать такіе важные вопросы безъ патріарха бояре, конечно, не могли; поэтому ихъ усилія были направлены къ тому, чтобы убѣдить его въ необходимости уступить Сигизмунду, согласиться на всѣ его требованія и вообще предаться волѣ короля. Въ

первый разъ говорили объ этомъ патріарху сторонники Сигизмунда: Салтыковъ и Андроновъ. Они, явившись къ Г., доказывали, что необходимо отправить грамоту къ Сигизмунду съ новой просьбой о Владиславѣ, а затѣмъ уже заявить, что русскіе люди готовы вообще подчиниться волѣ короля. Въ этомъ же смыслѣ нужно-де послать инструкціи и Филарету. Патріархъ былъ непреклоненъ. На другой день бояре снова явились къ Г., теперь уже во главѣ съ самимъ Мстиславскимъ. На этотъ разъ бояре не только просили о томъ, о чемъ наканунѣ заявляли Салтыковъ и Андроновъ, но и предлагали Г. подписать составленную уже въ этомъ смыслѣ грамоту. Патріархъ не только рѣшительно самъ отказался подписывать грамоту, но запретилъ дѣлать это и боярамъ; кромѣ того, еще сталъ угрожать разрѣшеніемъ клятвы русскихъ людей королевичу Владиславу и призывомъ русскихъ людей къ открытой защитѣ вѣры и государственности. Рѣшительность патріарха, соединенная съ угрозой, вызвала гнѣвъ негодованія у бояръ. Одинъ изъ нихъ, именно — Салтыковъ въ припадкѣ гнѣва замахнулся даже ножомъ на патріарха. Но послѣдній не испугался и тутъ же проклялъ боярина. Такимъ же проклятіемъ онъ угрожалъ и Мстиславскому. Немного спустя, Салтыковъ раскаялся и получилъ прощеніе отъ патріарха. Но его раскаяніе было, конечно, притворнымъ, и онъ сталъ личнымъ врагомъ Г., «аки скорпія» ища, какъ бы погубить его. Г. же послѣ этого сдѣлался еще болѣе рѣшительнымъ. На другой день онъ собралъ народъ въ Соборную церковь и здѣсь убѣждалъ его не давать клятвы Сигизмунду, а встать на защиту вѣры и отечества. Поляки приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы эти крамольныя рѣчи не получили широкаго распространенія. Но несмотря, однако, на это, пламенный призывъ патріарха нашелъ живой откликъ въ народѣ: московскіе люди рѣшили, что королю они присягать не будутъ. Тогда бояре рѣшили отправить посламъ подъ Смоленскъ грамоту съ выраженіемъ готовности признать волю короля, хотя въ ней и не было подписи Г. Это было уже прямымъ подлогомъ народной воли; но бояре не остановились предъ такимъ грубымъ актомъ. Впрочемъ, русскіе послы поняли подлогъ и наотрѣзъ отказались признать ее. На совѣщаніяхъ съ польскими панами Голицынъ, а затѣмъ и Филаретъ категорически заявили, что безъ согласія патріарха не можетъ быть и рѣчи о какихъ бы то ни было уступкахъ. При этомъ ими былъ высказанъ общій взглядъ на отношенія гражданской и духовной власти на Руси, — взглядъ, бывшій основой внутренней политики въ Московскомъ государствѣ. «У насъ, — говорилъ Голицынъ, — издавна такъ велось при прежнихъ государяхъ. Когда какое-либо государственное или земское дѣло начиналось, то всѣ государи наши призывали на совѣтъ патріарха и митрополитовъ и архіепископовъ, и безъ ихъ совѣта ничего не приговаривали; наши государи почитали патріарха великою честью, и встрѣчали, и провожали; и мѣсто ему учинено съ великимъ государемъ на ряду. Нынѣ по грѣхамъ нашимъ мы стали безъ государя, а патріархъ у насъ человѣкъ начальный, и безъ патріарха нынѣ о такомъ дѣлѣ совѣтывать непригоже». Польскіе паны за такіе взгляды и рѣчи называли пословъ «ворами», прекратили съ ними переговоры и отправили ихъ плѣнниками въ Польшу. Такая рѣзкая перемѣна поляковъ въ отношеніи къ русскимъ посламъ переполнила чашу терпѣнія московскихъ людей. Народъ опредѣленно сталъ высказываться противъ поляковъ, настроеніе его становилось явно враждебнымъ къ польской партіи. Этимъ ясно выраженнымъ протестомъ и воспользовался Г., ставшій теперь открытымъ вождемъ народнаго движенія, направленнаго имъ на защиту православной вѣры и отечества. Обстоятельства благопріятствовали такому выступленію патріарха. Тушинскій воръ былъ вскорѣ убитъ. Его приверженцы, оставшись безъ вождя, стояли на распутьи, не зная куда имъ итти. Вскорѣ ихъ нерѣшительность, подъ вліяніемъ воздѣйствія патріарха Г., исчезла и значительная часть ихъ перешла на сторону Москвы. Такимъ образомъ одинъ врагъ сошелъ со сцены; оставалась одна Польша. Бороться съ однимъ врагомъ было уже легче. Правда, по-

ляки понимали, какую роль въ начавшемся народномъ движеніи играетъ патріархъ Г., и поэтому всячески старались порвать непосредственныя сношенія его съ народомъ. Послѣ выступленія Г. въ Успенскомъ Соборѣ, поляки окружили его стражею «на святительскомъ дворѣ» и перестали допускать къ нему даже его дворовыхъ людей. Но эти мѣры не могли парализовать дѣятельности патріарха, главы народнаго возстанія. Г. и подъ стражей находилъ способы вліять на народъ. Главнымъ средствомъ для этого были его знаменитыя грамоты по городамъ. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о подлинности этихъ грамотъ, мы должны указать на тотъ неподлежащій никакому сомнѣнію фактъ, что благодаря имъ народное движеніе получило широкій характеръ, что по зову патріарха встала дѣйствительно «вся земля». «Мятежническая» дѣятельность патріарха Г. заставляла поляковъ принимать противъ него болѣе суровыя мѣры. Но все это не помогало. Тогда они рѣшились воспользоваться имъ для того, чтобы при его же помощи остановить народное движеніе. Когда ополченіе двигалось уже къ Москвѣ, поляки стали уговаривать патріарха писать къ начальнымъ людямъ ополченія, чтобы они распустили его. Къ патріарху явился Салтыковъ и говорилъ ему: «ты писалъ къ нимъ, чтобы они шли подъ Москву, теперь пиши, чтобы они вернулись». Съ такими же рѣчами приходилъ къ Г. и панъ Гонсѣвскій. Г. же, конечно, съ негодованіемъ отвергалъ эти просьбы, за что и подвергался еще большимъ лишеніямъ. Народъ зорко слѣдилъ за положеніемъ своего вождя и открыто реагировалъ на притѣсненія, чинимыя ему поляками, вступая съ ними даже въ кровавыя стычки. Такъ, напр., во вторникъ на Страстной недѣлѣ произошла въ Москвѣ страшная рѣзня поляковъ, продолжавшаяся два дня. Обезумѣвшіе польскіе люди зажгли Москву, а сами спрятались въ Кремлѣ и Китаѣ-городѣ. Во время пожара поляки низложили Г., и снявъ съ него святительскія одежды, заключили его въ подворьи Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, приставивъ къ нему стражу изъ 50 стрѣльцовъ. На его же мѣсто поставили низложеннаго Игнатія.

Въ заключеніи патріархъ Г. испытывалъ страшныя стѣсненія. Ему запрещено было разговаривать съ частными лицами; онъ лишенъ былъ возможности переступить порогъ своей комнаты; въ пищѣ и питіи онъ былъ «опечаленъ»; обращались съ нимъ крайне неуважительно. Доступъ къ нему былъ чрезвычайно затрудненъ. Безпрепятственно его посѣщали только тѣ, кто еще не потерялъ надежды убѣдить патріарха въ необходимости выступить ему противъ ополченія Ляпунова, которое стояло уже подъ Москвою. Такъ, къ нему приходили: полковникъ Казановскій съ товарищами, да князь Лыковъ съ Глѣбовымъ и дьякомъ Яновымъ, а также Салтыковъ и Гонсѣвскій. Послѣдніе, не добившись у патріарха положительныхъ результатовъ, угрожали уморить его злою смертью. Но патріархъ былъ непоколебимъ. Заточеніе патріарха Г. лишило его возможности широкаго общенія съ народомъ. Но то дѣло, которому онъ служилъ, не погибло; напротивъ, оно продолжало развиваться и крѣпнуть. Вмѣсто Г. во главѣ народнаго движенія становятся троицкія власти: арх. Діонисій и келарь Палицынъ. Своими грамотами они поддерживаютъ патріотизмъ въ народѣ и зажигаютъ новые очаги народныхъ ополченій. Впрочемъ, и самъ Г. не складываетъ еще оружія. Изъ своего заточенія онъ находитъ возможнымъ написать грамоту нижегородцамъ, въ которой онъ проситъ ихъ сообщить Ефрему, митрополиту Казанскому, дабы онъ отправилъ въ полки и въ казацкое войско посланія съ требованіемъ не присягать сыну Марины Мнишекъ, унять грабежи, которымъ предавались казаки, уничтожить корчму, и пр. Сами же нижегородцы должны были писать обо всемъ этомъ вологжанамъ, рязанцамъ и «во всѣ города», чтобы тѣ въ свою очередь писали въ полки, къ боярамъ съ требованіемъ не присягать сыну Марины. Нижегородское ополченіе, собранное Мининымъ и предводительствуемое Пожарскимъ, завершило дѣло, которое поднялъ патріархъ Г. Но ему не суждено было видѣть плоды своихъ трудовъ и заботъ. Когда поляки узнали о дви-

женіи нижегородскаго ополченія къ Москвѣ, они опять стали требовать отъ Г., чтобы онъ остановилъ его. Но патріархъ отвѣчалъ: «да будутъ благословенны борцы за родину, а измѣнники да будутъ прокляты». Послѣ этого поляки начали морить его голодомъ: «Меташа страдальцу Христову не человѣчески пищу, на недѣлю снопъ овса и мало воды». 17 февраля 1612 г. патріархъ Г. скончался мученическою смертью. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его смерти, Москва была очищена отъ поляковъ, а черезъ годъ было осуществлено и другое душевное желаніе патріарха: 21 февраля 1613 г. былъ избранъ на царство предуказанный имъ юный Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ.— Г. былъ погребенъ первоначально въ Чудовомъ монастырѣ. Но впослѣдствіи царь Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ гробъ патріарха перенести въ Успенскій соборъ; при чемъ тогда еще оказалось, что тѣло Г. не подверглось тлѣнію. Поэтому оно не было опущено въ землю, а было оставлено въ особой гробницѣ сверхъ соборнаго помоста. Въ 1812 г. французы кощунственно выбросили останки патріарха вонъ изъ гроба, но послѣ изгнанія непріятеля эти останки были найдены цѣлыми на полу и опять положены въ прежнюю гробницу. При Александрѣ III, во время производства работъ въ Успенскомъ соборѣ, упавшій со стѣны камень пробилъ каменное надгробіе, но тѣло святителя повреждено не было. — Въ народной памяти патріархъ Г. всегда считался святымъ, мученикомъ и страдальцемъ. Это обстоятельство въ связи съ чудесными явленіями, происходившими отъ мощей святителя, и послужило основаніемъ для сопричисленія его къ лику святыхъ русской православной церкви. 12 мая 1913 г. происходило торжественное прославленіе святителя, а 12 мая 1914 г. состоялось торжественное открытіе мощей его.

Отъ патріарха Г. до насъ дошелъ цѣлый рядъ твореній. Всѣ творенія Г. собраны воедино и изданы въ послѣднее время Московской Церковной Комиссіей по чествованію юбилейныхъ событій 1612, 1613 и 1812 гг. отдѣльнымъ сборникомъ. Одни изъ этихъ твореній принадлежатъ Гермогену непосредственно, а другія приписываются ему по стольку, по скольку въ составленіи ихъ онъ принималъ болѣе или менѣе близкое участіе. Творенія Г. носятъ на себѣ полное отображеніе той борьбы, которую велъ всю свою жизнь этотъ святитель. Вотъ перечень ихъ: Повѣсть и чудеса Пречистыя Богородицы, честнаго и славнаго ея явленія образа, иже въ Казани. Житіе и жизнь иже во святыхъ отецъ нашихъ Гурія, перваго архіепископа новопросвѣщеннаго града Казани, и Варсонофія, епископа Тверского, Казанскихъ чудотворцевъ. Обрѣтеніе честныхъ и многоцѣлебныхъ мощей иже во святыхъ отца нашего Алексія, митрополита Кіевскаго и всеа Руси чудотворца. Посланіе наказательное Г., патріарха Московскаго и всея Руси, ко всѣмъ людямъ, паче же къ священникамъ и діаконамъ о исправленіи церковнаго пѣнія. Грамота Г., митрополита Казанскаго и Астраханскаго, святѣйшему Іову, патріарху всея Руси, о дозволеніи совершать въ предѣлахъ Казанской митрополіи память о христіанскихъ воинахъ, погибшихъ въ борьбѣ съ татарами, и о казанскихъ мученикахъ, пострадавшихъ за вѣру: Іоаннѣ Новомъ, Стефанѣ и Петрѣ. Богомольная грамота патріарха Г. митрополиту Ростовскому и Ярославскому Филарету о молебствіи во всѣхъ церквахъ по случаю войны царя Василія Ивановича съ приверженцами второго Самозванца, укрѣпившимися въ селѣ Коломенскомъ. Богомольная грамота патріарха Г. митрополиту Ростовскому и Ярославскому Филарету о мятежѣ въ сѣверскихъ и рязанскихъ городахъ, объ усердіи къ престолу тверитянъ и смолянъ, о пользѣ служилыхъ людей къ Москвѣ, о раскаяніи Сумбулова и Ляпунова, о пораженіи Коломенскихъ мятежниковъ и о молебствіи во всѣхъ церквахъ. Грамота патріарха Г. митрополиту Казанскому и Свіяжскому Ефрему о помилованіи Государемъ жителей города Свіяжска, раскаявшихся въ измѣнѣ, и о бдительномъ надзорѣ въ Казани, съ похвалою за благоразумныя мѣры его къ укрощенію мятежа. Посланіе патріарха Г. къ прежде бывшему патріарху Іову о пришествіи его въ Москву. Памяти патріарха Г. о созывѣ Московскихъ людей въ Соборную

церковь Святыя Богородицы. Благословенная грамота патріарха Г. на построеніе храма въ селѣ Чернышевѣ. Богомольная грамота патріарха Г. Филарету, митрополиту Ростовскому и Ярославскому, о молебствіи по случаю царскаго похода на приверженцевъ Самозванца. Богомольная грамота патріарха Г. митрополиту Ростовскому и Ярославскому Филарету о молебствіи по случаю побѣды царскаго боярина князя Голицына надъ приверженцами второго Самозванца при рѣкѣ Восмѣ. Рѣчь патріарха Г. царю В. И. Шуйскому, побуждавшая его итти на Тушинскаго вора. Два воззванія патріарха Г. ко всему русскому народу о беззаконномъ сведеніи съ престола царя Шуйскаго. Грамота патріарха Г. къ Владиславу, королевичу польскому, отправленная съ русскимъ къ нему посольствомъ. Грамота патріарха Г. къ Жигимонту (Сигизмунду). Грамота патріарха Г. въ Нижній Новгородъ съ повелѣніемъ написать въ Казань и другіе города, чтобы отнюдь не упрочивали царства сыну Марины Мнишекъ.

Карамзинъ, Н. М., «Исторія Государства Россійскаго», т. XII; Соловьевъ, С. М., «Исторія Россіи», т. VIII; Костомаровъ, Н. И., «Смутное время Московскаго государства»; Платоновъ, С. Ѳ., «Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ»; его же, «Статьи по Русской исторіи»; Макарій, «Исторія Церкви», т. X; Васенко, П. Г., «Патріархъ Гермогенъ»; Рублевскій, П., «Гермогенъ, патріархъ Всероссійскій» («Странникъ», 1864 г., т. II); статья неизвѣстнаго автора въ «Прав. Соб.» подъ заглавіемъ: «Служеніе Ермогена, патріарха Московскаго, бѣдствующему отечеству»; Ивановъ, Ѳ., свящ., «Церковь въ эпоху смутнаго времени на Руси»; Глаголевъ, Д. М., «Святѣйшій патріархъ Ермогенъ» («Рус. Арх».., 1902 г., кн. 10); Успенскій, Д., «Страдальцы за Русскую землю — патріархъ Гермогенъ и Троицкій архимандритъ Діонисій»; Покровскій, И. М., «Гермогенъ — митрополитъ Казанскій и Астраханскій» («Прав. Соб.», 1907 г., мартъ); Кедровъ, С., «Жизнеописаніе святѣйшаго Гермогена, патріарха Московскаго и всея Россіи»; «Русскій Архивъ» 1901 г., кн. 9 (Глаголевъ Д. М., «Краткая замѣтка на мнѣніе С. Ѳ. Платонова о происхожденіи патр. Г.»), 1902 г., кн. 8 (Глаголевъ Д. М., «Родъ великаго господина святѣйшаго Ермогена»); «Лѣтопись Историко-Родословнаго Общества въ Москвѣ», 1905 г., вып. 2 (Мятлевъ, Н. В., «Патріархъ Г. и князья Шаховскіе»), 1909 г., вып. 1 (Мятлевъ, Н. В., «Замѣтка»).

Н. Г. Высоцкій.

Гермогенъ (въ мірѣ Константинъ Петровичъ) *Добронравинъ*, епископъ Псковскій, сынъ священника слободы Московской Славянки Царскосельскаго уѣзда, родился 21 февраля 1820 г. и обучался въ Александро-Невскомъ духовномъ училищѣ и С.-Петербургскихъ семинаріи и Духовной Академіи. По окончаніи академическаго курса третьимъ магистромъ въ 1845 г. Добронравинъ былъ назначенъ учителемъ философіи и латинскаго языка въ Московскую семинарію, но въ слѣдующемъ году былъ рукоположенъ во священника къ церкви С.-Петербургскаго Волкова кладбища. Въ 1854 г. онъ былъ переведенъ въ законоучители и настоятели церкви С.-Петербургской 3-й гимназіи; будучи законоучителемъ, онъ состоялъ членомъ конференціи С.-Петербургской Духовной Академіи, Академическаго Комитета для изданія духовно-нравственныхъ книгъ и Комитета Духовной Цензуры. Возведенный въ 1864 г. въ санъ протоіерея, Добронравинъ въ 1869 г. былъ назначенъ смотрителемъ Александро-Невскаго духовнаго училища. Вдовѣвшій съ 1854 г., протоіерей Добронравинъ, устроивъ судьбу единственной дочери, 1 сентября 1873 г. принялъ монашество съ именемъ Гермогена; 8 сентября онъ былъ возведенъ въ санъ архимандрита, 28 сентября назначенъ епископомъ Выборгскимъ, викаріемъ С.-Петербургской митрополіи, и 21 октября хиротонисанъ. Переименованный 9 сентября 1876 г. во епископа Ладожскаго, Гермогенъ 24 апрѣля 1882 г. получилъ самостоятельную Таврическую епархію, а 9 марта 1885 г. былъ переведенъ во Псковъ. Вызванный въ 1893 г. въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Св. Синодѣ, Гермогенъ заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ и скончался въ 4 часа утра 17 августа на Синодальномъ Благовѣщенскомъ подворьѣ. Онъ былъ погребенъ въ Исидоровской церкви Александро-Невской лавры возлѣ праваго клироса.

Получивъ въ духовной школѣ свою фамилію за кротость, доброту и привѣтливость, Гермогенъ на всю жизнь сохранилъ эти качества. На всѣхъ поприщахъ онъ отличался неуклоннымъ исполненіемъ своихъ обязанностей. Въ Московской семинаріи онъ имѣлъ самое благотворное вліяніе на своихъ учениковъ. Въ гимназіи онъ пріобрѣлъ

репутацію «умнаго, добраго и вліятельнаго наставника». Чуждый всякихъ новшествъ въ преподаваніи, онъ требовалъ отъ учениковъ твердаго знанія устарѣлаго въ глазахъ иныхъ законоучителей Филаретова Катихизиса, но знанія отчетливаго съ яснымъ пониманіемъ всѣхъ текстовъ, заучивавшихся непремѣнно на славянскомъ языкѣ; каждый текстъ читалъ онъ по книгѣ и объяснялъ буквальное значеніе каждаго слова; старыя слова въ Катихизисѣ замѣнялъ новыми, измѣнялъ старую разстановку словъ; все это переправлялъ карандашомъ въ своей книгѣ и велѣлъ то же самое дѣлать дѣтямъ въ ихъ книгахъ. Въ духовномъ училищѣ его уроки по «церковному уставу» были «содержательны и интересны», и у него «учились всѣ не потому, что приходилось имѣть дѣло со смотрителемъ, а потому, что знакомство съ предметомъ происходило подъ руководствомъ опытнаго и искуснаго учителя»; онъ на всѣхъ урокахъ замѣнялъ отсутствовавшихъ учителей, и въ 1872—73 учебномъ году прекрасно подготовилъ учениковъ къ экзамену по русскому языку, «ходилъ неустанно на каждый урокъ, просто и вразумительно сообщалъ и разъяснялъ правила русской грамматики». На епископское служеніе Гермогенъ смотрѣлъ, какъ на подвигъ. «Иду, говорилъ онъ при нареченіи во епископа, съ твердымъ намѣреніемъ всецѣло отдать свои силы на служеніе Богу, неустанно и неусыпно стоять на стражѣ вѣры и Церкви, мужественно бороться съ ея врагами и даже быть готовымъ и пострадать за истину Христову». Особенно ревностно онъ относился къ обязанностямъ наблюдателя за преподаваніемъ Закона Божія въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. На экзаменахъ въ немъ сказывался старый, опытный и преданный дѣлу законоучитель, и «для законоучителей, по-признанію одного изъ нихъ, экзаминаціонныя бесѣды архипастыря съ дѣтьми служили прекрасными образцовыми уроками». Въ епархіяхъ онъ заботился о просвѣщеніи паствы при помощи духовно-просвѣтительныхъ обществъ и внѣбогослужебныхъ бесѣдъ, о призрѣніи вдовъ и сиротъ духовенства и о воспитаніи его дѣтей. «Это дѣтище мое», говорилъ онъ о Псковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ.

Гермогенъ оставилъ послѣ себя много учено-литературныхъ трудовъ, которыхъ часть осталась не напечатанной. Онъ издалъ рядъ руководствъ по церковной исторіи и литургикѣ: «Краткая Исторія Русской Церкви», «Очеркъ Исторіи Славянскихъ Церквей», «Очеркъ Исторіи Христіанской Церкви», «Литургика или Ученіе о богослуженіи Православной Церкви», выдержавшее 6 изданій, «О Таинствахъ Православной Церкви», «Очеркъ ученія и богослуженія Армянской Церкви» (его магистерская диссертація) и издалъ въ 1887 г. историко-статистическое описаніе Таврической епархіи подъ заглавіемъ «Таврическая Епархія»; онъ собиралъ матеріалы для такого же описанія Псковской епархіи. Онъ обладалъ и даромъ церковнаго пѣснописца и въ 1886 г. составилъ «Службу» почивающему въ Псковскомъ соборѣ князю Довмонту-Тимоѳею. Много статей историческаго, агіологическаго и нравоучительнаго содержанія онъ помѣщалъ въ духовныхъ журналахъ. Большая часть этихъ статей вошла въ изданный Гермогеномъ двухтомный сборникъ подъ заглавіемъ «Минуты Пастырскаго Досуга». Онъ описалъ юность трехъ вселенскихъ святителей и жизнь Николая Мирликійскаго, Пахомія Великаго, преп. Ксенофонта, Іоанна Дамаскина, Стефана Пермскаго и Димитрія Ростовскаго и составилъ общее разсужденіе «О важности изученія жизни св. угодниковъ Божіихъ»; имъ напечатаны воспоминанія о Филаретѣ Московскомъ, Антоніи Воронежскомъ, Іонѣ, экзархѣ Грузіи, и Аѳанасіи Казанскомъ; онъ интересовался и аскетизмомъ и писалъ не только о Серафимѣ Саровскомъ, но и о Задонскомъ затворникѣ Георгіи и о какомъ-то неизвѣстномъ Малоархангельскомъ юродивомъ Терентіи; онъ далъ популярныя статьи «о пѣніи при богослуженіи и церковной музыкѣ» и о «святыхъ мѣстахъ». Гермогенъ старался придавать своимъ сочиненіямъ популярную, хотя иногда какъ бы старомодную, эпистолярную или діалогическую, форму: у него есть и «Бесѣды священника съ прихожанами о неосужденіи ближняго и о исповѣди»,

и «Вечернія бесѣды отца съ дѣтьми» о церковномъ пѣніи и о святыхъ мѣстахъ, и «Разговоръ между двумя крестьянами Боголюбомъ и Міролюбомъ о томъ, какъ надо проводить воскресные и праздничные дни», и «Бесѣда старика съ молодыми о томъ, вѣрить ли снамъ». Видавшій вѣщіе сны, въ молодости потерявшій жену, соединенную съ нимъ «крѣпкою любовью», и въ качествѣ кладбищенскаго священника наглядѣвшійся на скорбь живыхъ при разлукѣ съ умершими, Гермогенъ особенно часто задумывался надъ вопросами о смерти, будущей жизни и общеніи между умершими и живыми. По поводу смерти жены имъ написано «Утѣшеніе въ смерти близкихъ сердцу», выдержавшее болѣе 10 изданій. Гермогенъ смотрѣлъ на жизнь, какъ на странствіе, поле брани, «грозное и шумное море, воздвизаемое напастей бурею, на которомъ на утлой ладьѣ нашей душѣ непрестанно угрожаютъ опасности». «Самое опасеніе, писалъ онъ, чтобъ современемъ не измѣнилась счастливая обстановка, не есть ли уже для сердца червь кровожадный? А страхъ смерти, которая рано или поздно, а непремѣнно пресѣчетъ земное счастіе?... Здѣсь нѣтъ радости безъ скорби, нѣтъ счастія безъ бѣдъ». Но Гермогенъ былъ чуждъ мрачнаго отчаянія. «Кормило вѣры и якорь надежды» спасали его среди треволненій житейскаго моря. «Что со мной ни случится, писалъ онъ, у меня всегда готово слово, согрѣтое вѣрою и надеждою». Для Гермогена «жизнь и смерть и радость и горе все во власти Божіей». «Все Его святая воля, онъ премудрый нашъ Отецъ», говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній. Смерть для него «начало новой, несравненно лучшей жизни, начало безсмертія», а безтѣлесное состояніе усопшихъ, по его убѣжденію, «отнюдь не препятствуетъ ихъ общенію» съ живыми. Гермогенъ не запрещаетъ плакать объ умершихъ, онъ даже одобряетъ эти слезы, съ которыми «точно капля по каплѣ вытекаетъ вся жгучесть душевной скорби, весь ядъ сердечной болѣзни», но слезы, по его мнѣнію, не должны быть слезами отчаянія:

Пусть мольба въ слезѣ сіяетъ,
Пусть любовь ее струитъ,
Пусть на небо проникаетъ,
Пусть надежда въ ней блеститъ.

Такимъ же христіанскимъ упованіемъ на Бога проникнуто и извѣстное стихотвореніе Гермогена «Житейское Море», положенное на ноты и получившее характеръ духовнаго канта. Въ заключительныхъ строкахъ духовный поэтъ говоритъ:

Что плакать, товарищъ! Ты слезы отри,
На небо святое еще посмотри.
Ты видишь, какъ на небѣ солнце горитъ
И всѣмъ оно свѣтитъ, добро всѣмъ творитъ
И этимъ деревьямъ, и этой землѣ,
И этой былинкѣ, растущей въ скалѣ.
И въ морѣ житейскомъ, и въ жизни земной,
Какъ солнце на небѣ, Творецъ Всеблагой!
Онъ всѣмъ управляетъ; Онъ каждаго зритъ
И всѣмъ за ихъ слезы блаженство даритъ.

Родосскій, «Біографич. словарь студентовъ С.-Петербургской Духовной Академіи, 103—105; «Списки Архіереевъ», № 431; «Церковныя Вѣдомости, изд. при Св. Синодѣ», 1893 г., 1247, 1274—1276 (здѣсь стихотвореніе «Житейское море»), 1283—1286, 1323—1325, 1513—1514; «Минуты Пастырскаго Досуга», I—II, С.-Пб. 1882 г.; «Русск. Паломникъ» 1893 г. № 36 (съ портретомъ Гермогена); «Новое Время» 1893 г. № 6275; «Новости», 18 августа 1893 г.; Василевъ И. И., «Св. Благовѣрный Князь Домантъ-Тимоѳей Псковскій», 29.

В. Шереметевскій.

Гермогенъ (въ мірѣ Георгій Прокопьевичъ) *Сперанскій* (въ семинаріи называвшійся также *Успенскимъ* и *Ѳедоровскимъ*), архимандритъ Московскаго Спасо-Андроникова монастыря, сынъ причетника (впослѣдствіи священника) с. Ѳедоровскаго Коломенскаго уѣзда, родился 26 ноября 1778 г. и обучался въ Коломенской семинаріи, а съ 1799 г. въ Московской Академіи, которую онъ окончилъ въ 1804 г. вторымъ студентомъ. Во время ученія онъ терпѣлъ крайнюю нужду, заставлявшую его вмѣсто писчей бумаги употреблять березовую кору. Съ 1804 г. по 1814 г. Сперанскій преподавалъ въ Академіи французскій языкъ, въ которомъ онъ настолько усовершенствовался, что на немъ «говорить и сочинять могъ свободно». Событія 1812 г. возбудили въ Сперанскомъ мысль о «неотложной нуждѣ покаянія и презрѣнія тлѣнныхъ скорогибнущихъ благъ міра сего». 10 августа 1813 г. онъ былъ постриженъ съ именемъ Гермогена, 15 августа рукоположенъ во іеродіакона, 8 сентября въ іеромонаха и 16 марта 1814 г. получилъ званіе соборнаго іеро-

монаха Донского монастыря. При преобразованіи въ 1814 г. Московской Академіи Гермогенъ былъ назначенъ бакалавромъ по каѳедрѣ обличительнаго богословія, но до 1816 г. исполнялъ только обязанности библіотекаря «единственно для сохраненія и приведенія въ порядокъ разстроенной во время набѣга французскаго» академической библіотеки, будучи въ то же время и членомъ Духовноцензурнаго Комитета. Ревизовавшій въ 1815 г. Московскую Академію архимандритъ Филаретъ (впослѣдствіи митрополитъ Московскій) далъ о Гермогенѣ хорошій отзывъ въ томъ смыслѣ, что онъ «довольно способенъ и неутомимо прилеженъ и назидателенъ для сотрудниковъ и воспитанниковъ примѣромъ благочестивой и строгой жизни». 16 февраля 1816 г. Гермогенъ былъ назначенъ инспекторомъ Академіи, а 22 апрѣля настоятелемъ Серпуховского Высоцкаго монастыря и 9 мая возведенъ въ санъ архимандрита. 3 марта 1817 г. Гермогенъ былъ переведенъ въ Коломенскій Ново-Голутвинъ монастырь. Четыредесятницу 1818 г. Гермогенъ задумалъ провести «въ строжайшемъ постѣ», но черезъ 12 дней такого поста его еле живого извлекли изъ кельи, взломавъ дверь. Съ этого времени Гермогенъ потерялъ голосъ и пріобрѣлъ на всю жизнь трясеніе головы. Религіозная экзальтація Гермогена сдѣлала его неудобнымъ на мѣстѣ инспектора. Въ 1818 г. тотъ же Филаретъ, въ то время уже епископъ Ревельскій, далъ о Гермогенѣ отзывъ, лестный для него, какъ монаха, и невыгодный для него, какъ инспектора. «При основательно добромъ расположеніи духа и образа жизни, доносилъ Филаретъ Комиссіи Духовныхъ Училищъ, полезенъ Академіи болѣе примѣромъ, нежели наставленіемъ и управленіемъ, частію по слабости здоровья, которое препятствуетъ ему въ напряженіи мысленныхъ силъ, частію по такой склонности къ отвлеченной жизни, которая иногда неблаговременно увлекаетъ его вниманіе отъ предметовъ внѣшнихъ его обязанностей по званію наставника и блюстителя нравственности юношей». На основаніи этого отзыва Комиссія 29 іюля 1818 г. постановила уволить Гермогена отъ училищной службы «впредь до усмотрѣнія по слабости здоровья, препятствующей ему проходить сіе званіе съ должнымъ напряженіемъ силъ», и представила его на вакансію настоятеля Московскаго Спасо-Андроникова монастыря, куда онъ и былъ назначенъ 19 августа 1818 г. Съ исполненіемъ обязанностей настоятеля Гермогенъ соединялъ исполненіе обязанностей члена консисторіи и надзирателя Единовѣрческой типографіи. Въ 1832 г. онъ былъ назначенъ членомъ комиссіи, свидѣтельствовавшей мощи Св. Митрофана Воронежскаго, и при открытіи мощей былъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 3-й ст. Въ Андрониковѣ монастырѣ благодаря пожертвованіямъ разныхъ благотворителей Гермогенъ отдѣлалъ заново церкви и устроилъ новые придѣлы: Спасскій соборъ былъ расписанъ внутри и снаружи; въ немъ былъ устроенъ новый иконостасъ и серебряная одежда на престолъ; Архангельская церковь была также расписана, снабжена новымъ иконостасомъ и при ней были устроены придѣлы Іоанна Предтечи и Александра Комановскаго; въ колокольнѣ была возстановлена церковь Симеона, Сродника Господня; былъ слитъ и колоколъ въ 400 пудовъ; при монастырѣ была учреждена въ 1826 г. въ небольшихъ, правда, размѣрахъ Ѳеодоровская больница для «заштатныхъ дряхлыхъ старцевъ». Гермогенъ былъ не изъ послѣднихъ проповѣдниковъ своего времени, но напечатано лишь одно его надгробное слово статской совѣтницѣ Смольянской (1821 г.), въ которомъ находится «изображеніе торжественнаго вшествія подвигами вѣры украшеннаго христіанина во врата горняго Іерусалима». «Не херувимъ съ пламенникомъ въ рукахъ воспящаетъ путь ему, говорилъ проповѣдникъ, но тьмы ангеловъ переносятъ его къ вечери, Агнцемъ, прежде міръ не бысть закланнымъ, уготованной. Не Богъ раздраженный, не судія правосудный, мечемъ устъ своихъ поразить готовый, срѣтаетъ его; но кроткій, чадолюбивый, милосердый Отецъ пріемлетъ его на отчее лоно Свое. Не цѣпь злодѣяній, на распутіяхъ міра содѣваемыхъ, влечется за нимъ, но рядъ добродѣтелей, рясны златыми одѣявшихъ душу его, сопровождаетъ его. Нищета

духовная, чистота сердечная, кротость благопокорливая, братолюбіе безпритворное, самоотверженіе кровавое, облекшія его во одежду бѣлу заслуги Искупителя послѣдствуютъ за нимъ». Строгій аскетъ, Гермогенъ отличался кротостью, снисходительностью и молчаливостью. Онъ не пропускалъ ни одной церковной службы; часто уединялся для молитвъ въ запущенный монастырскій садъ, гдѣ оставался иногда по нѣскольку сутокъ безъ пищи. Обстановка его была самая простая: «Подавай ему одной травы, будетъ съ удовольствіемъ кушать и ничего не скажетъ», говорилъ о Гермогенѣ его келейникъ. Къ роднымъ Гермогенъ «горѣлъ» любовью и всячески помогалъ имъ; но былъ безсребренникомъ въ полномъ смыслѣ слова и деньги считалъ не рублями, а числомъ ассигнацій, которыя келейники безбожно подмѣняли ему мелкими. «Ангелъ, а не человѣкъ» былъ общій отзывъ о Гермогенѣ. Здоровье Гермогена было слабое, и долгіе годы онъ страдалъ «нервною болѣзнью, соединенной съ постояннымъ мокротнымъ кашлемъ». Гермогенъ умеръ 19 іюня 1845 г. и былъ погребенъ близъ алтаря Спасскаго собора; но по пристройкѣ къ собору Успенскаго придѣла могила Гермогена подошла подъ придѣльный алтарь.

А(рхимандритъ) Г(ригорі)й, «Архимандритъ Гермогенъ, настоятель Московскаго Спасо-Андроникова монастыря» («Душепол. Чтеніе» 1866 г., I, 208—239); Сергій, Архим., «Историческое Описаніе Моск. Спасо-Андроникова монастыря», 82—84, 87—88; Смирновъ С., «Ист. Моск. Дух. Акад.», 2, 12, 27, 97, 208, 364, 381; Филаретъ, «Собраніе Мнѣній», I, 298, 442, 448; «Опись Дѣлъ Комиссіи Духовныхъ Училищъ», №№ 1649, 1694, 1892; Геннади, «Словарь», 210.

В. Шереметевскій.

Гернетъ *(фонъ-)*, *Карлъ(-Августъ) Густавовичъ*, естествоиспытатель и энтомологъ, тайный совѣтникъ, изъ дворянъ Эстляндской губ., родился въ г. Ревелѣ 18 апрѣля 1819 г. Послѣ домашняго образованія подъ руководствомъ гувернера, кандидата богословія, учился въ Эстляндскомъ дворянскомъ училищѣ (Ritter und Domchule), а въ 1833 г. поступилъ въ Царскосельскій лицей, который окончилъ въ 1838 г. Поступивъ затѣмъ на службу въ канцелярію Военнаго Министерства, въ 1842 г. былъ прикомандированъ въ Закавказскій край къ статсъ-секретарю Позену, которому была поручена ревизія гражданскаго устройства этого края. По возвращеніи въ томъ же году съ Кавказа, Г. былъ опредѣленъ младшимъ чиновникомъ во временное отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Съ упраздненіемъ этого отдѣленія въ 1845 г., онъ перешелъ на службу въ почтовое вѣдомство, въ 1848—1853 гг. былъ цензоромъ Петербургскаго почтамта и состоялъ вмѣстѣ съ тѣмъ съ 1852 г. по 1856 г. на службѣ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ чиновникомъ особыхъ порученій 8 кл. при канцлерѣ (1853) и 6 кл. при Особой канцеляріи (1854—1856) и драгоманомъ 6 кл. (1856). Въ 1856 г. Г. перешелъ на службу въ Департаментъ Удѣловъ и былъ неоднократно назначаемъ представителемъ отъ Удѣльнаго вѣдомства въ различные комиссіи и комитеты и командированъ за границу. 23 апрѣля 1861 г. произведенъ въ дѣйств. стат. совѣтники. Состоя съ 1865 г. чиновникомъ для особыхъ порученій при министрѣ Императорскаго Двора и Удѣловъ, Г. 17 апрѣля 1875 г. былъ произведенъ въ тайные совѣтники, а въ 1881 г., согласно прошенію, по болѣзни, уволенъ въ отставку съ мундиромъ и пенсіей. Награжденъ былъ высшими орденами св. Станислава 1 ст. (1865), св. Анны 1 ст. (1867, съ Имп. кор. 1872) и св. Владиміра 3 ст. (1863). Умеръ 25 января 1892 г. и погребенъ на Гатчинскомъ лютеранскомъ кладбищѣ. Стремленіе Г., съ раннихъ лѣтъ, всецѣло посвятить себя изученію органическаго міра, не могло осуществиться, такъ какъ занятію естественными науками онъ могъ отдавать только свободное отъ служебныхъ обязанностей время. Ревностно предаваясь изслѣдованію Петербургской и Эстляндской флоры и мѣстной колеоптерологической фауны, Г. принималъ также дѣятельное участіе въ занятіяхъ кружка микроскопистовъ, собиравшихся въ исходѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ поочередно на квартирахъ участвующихъ. Кромѣ того, былъ членомъ основанныхъ въ 50-хъ годахъ обществъ Русскаго садоводства и Русскаго Энтомологиче-

скаго и принималъ участіе въ трудахъ, издаваемыхъ этими обществами. Также былъ членомъ обществъ: Московскаго испытателей природы, Вольно-Экономическаго Вѣнскаго Зоологико-ботаническаго, С.-Петербургскаго естествоиспытателей и др. Въ энтомологіи Г. преимущественно занимался изслѣдованіемъ первичныхъ состояній жесткокрылыхъ и отношеній насѣкомыхъ къ человѣку. Работы Г., по этому вопросу, напечатаны въ «Трудахъ Русскаго Энтомологическаго Общества», въ «Bulletin de la Societé Impériale des Naturalistes de Moscou» и въ издававшемся Михайловымъ въ 1864—1867 гг. журналѣ «Натуралистъ». Въ «Трудахъ Русскаго Энтомологическаго Общества» напечатаны слѣдующія его статьи: 1) «Экономическое значеніе насѣкомыхъ» (т. IV), 2) «О портящей сосну личинкѣ Cecidomyia brachyntera» (т. IV), 3) «О личинковомъ состояніи жесткокрылыхъ» (т. IV), 4) «Къ вопросу о вредныхъ для виноградныхъ лозъ насѣкомыхъ» (т. VI), 5) «Два сказанія о муравьяхъ» (т. VIII) и въ «Horae» того же общества: 1) «Eine Nachricht über Heuschrecken aus dem 16-ten Jahrhunderte» (т. V), 2) «Beiträge zur Käferlarven» (т. V и VI). Изъ области ботаники Г. главнымъ образомъ интересовался анатоміей растеній, въ особенности строеніемъ стебля двухдольныхъ. Сочиненія его по этому предмету опубликованы въ вышеупомянутыхъ «Бюллетенѣ Императорскаго Московскаго Общества испытателей природы» и «Натуралистѣ».

Богдановъ, «Матеріалы для исторіи русской воологіи», т. III; «Петербургскій Некрополь», т. I; «Списокъ статей, помѣщенныхъ въ изданіяхъ Русскаго Энтомологическаго Общества»; Адресъ-Календари.

Е. Александровичъ.

Гернъ, *Карлъ Ивановичъ*, генералъ-маіоръ, происходилъ изъ дворянъ Витебской губ., лютеранскаго исповѣданія, родился около 1816 г., получилъ образованіе въ Главномъ инженерномъ училищѣ (съ 1829 г.), въ которомъ произведенъ 19 декабря 1832 г., 16 лѣтъ, въ полевые инженеръ-прапорщики. По Глиноецкому выпущенъ подпоручикомъ въ Кавказскій саперный баталіонъ. Въ январѣ 1835 г. онъ былъ зачисленъ на службу въ Петербургскую инженерную команду, но уже черезъ нѣсколько дней командированъ въ Оренбургскую инженерную команду. 27 августа 1836 г. Г. былъ прикомандированъ къ генеральному штабу и назначенъ состоять при отдѣльномъ Оренбургскомъ корпусѣ. Въ чинѣ подпоручика (съ 16 іюля 1840 г.), онъ въ ноябрѣ 1840 г. поступилъ въ Военную академію. Причисленный по окончаніи ея 9 декабря 1842 г. къ генеральному штабу, Г. вернулся на службу въ Оренбургъ (съ 7 января 1843 г.). Ему поручено было составленіе картъ Оренбургскаго края. 9 марта 1844 г. онъ былъ произведенъ въ поручики съ переводомъ въ генеральный штабъ, а 30 марта назначенъ и. д. дивизіоннаго квартирмейстера 22-й пѣхотной дивизіи (утвержденъ съ производствомъ въ штабсъ-капитаны 7 апрѣля 1846 г.). Съ мая по сентябрь того же 1844 г. Г. участвовалъ въ экспедиціи противъ мятежнаго киргизскаго султана Кенисары-Касимова, во время которой подъ его руководствомъ произведена была съемка степи на пространствѣ 9000 квадратныхъ верстъ. Весною слѣдующаго года онъ командированъ былъ съ отрядомъ въ аулы того же султана для собиранія свѣдѣній о состояніи его скопищъ. Въ 1847 г. Г. сопровождалъ, въ качествѣ офицера генеральнаго штаба, корпуснаго командира Обручева въ поѣздкѣ для осмотра Оренбургскаго и Уральскаго укрѣпленій и возведенія новаго укрѣпленія при урочищѣ Раимѣ на р. Сыръ-Дарьѣ, за что 21 января 1848 г. награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. Лѣтомъ 1848 г. ему поручено было возведеніе форта на р. Карабутакѣ; за исполненіе этого порученія онъ получилъ орденъ св. Анны 2 ст. (24 декабря). Лѣтомъ 1849 г. онъ состоялъ при генералъ-маіорѣ Федяевѣ, инспектировавшемъ Оренбургское, Уральское и Раимское укрѣпленія. 23 апрѣля 1850 г. Г. произведенъ въ капитаны, 31 января 1851 г. — въ маіоры съ зачисленіемъ по кавалеріи и назначеніемъ для особыхъ порученій къ командиру Оренбургскаго корпуса, 19 апрѣля 1853 г. — въ подполковники и 4 февраля 1858 г. — въ полковники. 26 августа 1856 г. онъ награжденъ орденомъ св. Станислава 2 ст. съ Императорской Короной. Въ

1863—1866 гг. Г. состоялъ по армейской кавалеріи и кандидатомъ въ мировые посредники. По выходѣ въ отставку съ производствомъ въ генералъ-маіоры, онъ былъ назначенъ мировымъ посредникомъ 4-го участка Оренбургскаго уѣзда.

Гернъ принималъ участіе въ составленіи «Военно-статистическаго обозрѣнія Оренбургской губ.» (С.-Пб. 1848 г.). Въ «Русскомъ Архивѣ» 1898 г. (т. III, стран. 550—555) напечатано его письмо къ М. М. Лазаревскому (перепечатано въ «Кіевской Старинѣ» 1899 г., № 2) со свѣдѣніями о пребываніи въ ссылкѣ въ Оренбургскомъ краѣ поэта Шевченка, бывшаго въ хорошихъ отношеніяхъ съ Герномъ и въ 1850 г. жившаго нѣкоторое время въ его квартирѣ.

Формулярный списокъ 1858 г. (Моск. отд. Арх. Гл. Штаба, кн. форм. списковъ № 2373 г.); «Списки полковникамъ» 1863—1866 гг.; «Адресъ-календарь» 1870 г.; Н. П. Глиноецкій, «Историч. очеркъ Никол. Академіи Генер. Штаба», 51; «Русскій Архивъ» 1899 г., I, 646; «Истор. Вѣстн.» 1884 г., т. XXIII, 165—167 (Е. М. Гаршинъ, «Шевченко въ ссылкѣ); «Кіев. Старина» 1899 г., № 2 (Изъ воспоминаній Ѳ. М. Лазаревскаго о Шевченкѣ).

Н. Чулковъ.

Гернъ, *Оттомаръ (Константинъ-Петръ) Борисовичъ*, военный инженеръ, генералъ-лейтенантъ, уроженецъ Витебской губерніи, родился 16 ноября 1827 г. (по формуляру въ 1824 г.), въ 1841 г. поступилъ кондукторомъ въ Главное инженерное училище и, произведенный 10 августа 1844 г. въ прапорщики, перешелъ въ офицерскіе классы, а 23 сентября 1845 г. произведенъ по экзамену въ подпоручики. 3 сентября 1846 г. выпущенъ на службу въ Инженерный корпусъ съ переводомъ въ гвардію (прапорщикомъ въ л.-гв. Саперный баталіонъ) и прикомандированіемъ къ Главному инженерному училищу (впослѣдствіи переименовано въ Николаевское инженерное училище) въ качествѣ репетитора фортификаціи. Преподавательской дѣятельностью занимался до 60-хъ годовъ. 25 августа 1847 г. назначенъ преподавателемъ фортификаціи въ то же училище. 15 іюля 1848 г. произведенъ въ подпоручики и 6 декабря 1850 г. — въ поручики. Лѣтомъ 1851 г. обозрѣвалъ строительныя и практическія саперныя работы въ крѣпостяхъ Динабургѣ, Варшавѣ, Ивангородѣ, Брестѣ, Кіевѣ и Бобруйскѣ, а лѣтомъ 1853 г. командированъ былъ въ крѣпости Бобруйскъ, Кіевъ, Брестъ, Ивангородъ, Варшаву и Новогеоргіевскъ для содѣйствія начальнику Николаевскаго инженернаго училища въ исполненіи возложеннаго на него порученія. Съ 9 іюня по 9 ноября 1854 г. былъ въ командировкѣ въ крѣпости Ревель, приведенной въ оборонительное положеніе, и 6 декабря того же года произведенъ въ штабсъ-капитаны. Въ чинѣ капитана (съ 17 апрѣля 1855 г.) утвержденъ 14 ноября 1858 г. адъюнктъ-профессоромъ фортификаціи. 3 апрѣля 1860 г. произведенъ въ полковники съ переводомъ въ военные инженеры. Кромѣ Инженерныхъ училища и академіи преподавалъ фортификацію и въ Николаевской академіи генеральнаго штаба (съ 25 августа 1856 г. по 17 октября 1860 г.). До 1869 г. состоялъ совѣщательнымъ членомъ артиллерійскаго комитета, учрежденнаго для изысканія техническихъ средствъ къ приготовленію новыхъ потребностей вооруженія артиллеріи и флота. По производствѣ 1 января 1869 г. въ генералъ-маіоры назначенъ членомъ Техническаго комитета Главнаго инженернаго управленія, переименованнаго вскорѣ въ Инженерный комитетъ, и состоялъ въ этой должности до кончины. Въ 1870 г. во время франко-прусской войны былъ командированъ на театръ военныхъ дѣйствій, по окончаніи которыхъ представилъ обширный докладъ о всѣхъ фортификаціонныхъ операціяхъ воевавшихъ сторонъ. Король прусскій наградилъ его орденомъ Краснаго Орла 2-й ст. со звѣздой и мечами. 19 февраля 1871 г. Г. зачисленъ въ свиту Его Величества. Въ 1878 г. русско-турецкая война доставила ему орденъ св. Владиміра 2-й ст. съ мечами. 30 августа 1879 г. онъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Кромѣ вышеупомянутыхъ орденовъ, Г. былъ награжденъ русскими высшими орденами: св. Станислава 1-й ст. (1873), св. Анны 1-й ст. (1876) и св. Владиміра 3-й ст. (1871) и нѣсколькими иностранными. Умеръ 9 ноября 1882 г. въ Ментонѣ. Послѣ отпѣванія въ Петербургѣ въ лютеранской церкви св. Петра и Павла

погребенъ въ Москвѣ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Формулярный списокъ 1861 года (Моск. отдѣл. Арх. Гл. Штаба, книга форм. списк. Никол. инжен. учил. за 1860 г., № 3480); «Списки полковникамъ» 1863 и 1866 гг.; «Списки генераламъ» 1869, 1873 и 1881 гг.; «Московскій Некрополь», т. I; «Новое Время» 1882 г., № 246 (некрологъ); Н. П. Глиноецкій, «Историческій очеркъ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба».

Н. Чулковъ.

Герольдовъ, *Тихонъ Ивановичъ*, писатель, родился въ 1849 г., образованіе получилъ въ Саратовской духовной семинаріи, по выходѣ изъ которой служилъ на желѣзной дорогѣ. Его обличительныя газетныя корреспонденціи о желѣзнодорожныхъ порядкахъ повлекли за собой его удаленіе со службы, послѣ чего онъ вернулся въ Саратовъ и жилъ частью литературной работой, участвуя въ «Саратовскомъ Справочномъ Листкѣ» и «Саратовскомъ Дневникѣ» (подъ сокращенной фамиліей Г—овъ) и въ «Развлеченіи» (подъ псевдонимомъ Фру-Фру), частью физическимъ трудомъ. Его очерки изъ быта мѣстныхъ чернорабочихъ обратили на него вниманіе столичной печати. Личная жизнь Г. сложилась неудачно, и онъ умеръ въ крайней нищетѣ въ Саратовѣ на постояломъ дворѣ 12 сентября 1883 г. Въ «Саратовскомъ Справочномъ Листкѣ» Г. напечаталъ: 1) Село Донгузъ Вольскаго уѣзда (1874 г., № 263); 2) Прекрасная Амми изъ Маріенталя и «Киргизъ-Михэль» (1875 г., №№ 266 и 267); въ «Саратовскомъ Дневникѣ» онъ помѣстилъ слѣдующія произведенія: въ 1881 г.: 1) На черной работѣ. Изъ записокъ пролетарія (№ 217); 2) Картинки изъ жизни чернорабочихъ (№ 243); 3) Въ ночлежномъ пріютѣ (№№ 244 и 245); въ 1882 г.: 1) На масленкѣ. Изъ записокъ пролетарія (№№ 4 и 5); 2) Нечистый завелъ. Разсказъ купца (№ 8); 3) Долго ли до грѣха. Разсказъ торговца (№ 16); 4) Картинки изъ жизни прозябающихъ на счетъ благотворительности (№ 23); 5) Сеансы «аблакатовъ». Съ натуры (№ 33); 6) Червякъ. Сценка съ натуры (№ 132); 7) Куленосы. Картинки изъ жизни чернорабочихъ (№ 193); въ 1883 г.: 1) Средство противъ клоповъ. Жанровая картинка (№ 97); 2) Въ больницѣ. Страница изъ дневника (№ 106); 3) Ремешники. Съ натуры (№ 116); 4) Соловьи поютъ. Съ натуры (№ 131); 5) Мазурики. Съ натуры (№ 140); 6) Неразмѣнный рубль. (У мазуриковъ) (№ 173); 7) Изъ быта чернорабочаго люда. Посмертный разсказъ (№ 221).

«Труды Саратовской Ученой Архивной Комиссіи», вып. 30. 1913 г. С. Д. Соколовъ, «Саратовцы писатели и ученые (матеріалы для біо-библіографическаго словаря)», стран. 331, 332.

Геронтій, преподобный Печерскій, вмѣстѣ съ другимъ преподобнымъ — Леонтіемъ былъ канонархомъ въ Великой Печерской церкви. О нихъ сохранилось только преданіе, что они постриглись «въ младыхъ лѣтѣхъ» и жили, «угождаючи Господу Богу въ постахъ и молитвахъ, подобячися совершеннымъ святымъ отцамъ въ подвигахъ и послушаніяхъ». Мощи Геронтія почиваютъ въ Дальней Ѳеодосіевой Пещерѣ. Память его вмѣстѣ съ прочими угодниками Дальней Пещеры 28 августа и особо 1 апрѣля (на память его патрона — мученика Геронтія).

Голубинскій, Е. Е., «Исторія Канонизаціи», 205, 206; Модестъ, іеромонахъ (впосл. архіепископъ), «Краткія сказанія о жизни и подвигахъ св. Отцевъ Дальней Пещеры Кіево-Печерской Лавры», 15, 54—55 (здѣсь напечатанъ тропарь и кондакъ преп. Геронтію и Леонтію).

В. Шереметевскій.

Геронтій, митрополитъ всея Руси, изъ архимандритовъ Московскаго Симонова монастыря, «неизвѣстно когда до 1455 года» (по Голубинскому) былъ поставленъ въ епископы Коломенскіе. Послѣ смерти митрополита Филиппа избранный соборомъ на митрополію, Геронтій 4 іюня 1471 г. былъ возведенъ на митрополичій дворъ, а 29 іюня поставленъ въ митрополиты. Время правленія Геронтія было ознаменовано усиленнымъ церковнымъ и домовымъ строительствомъ. Послѣ пожара, истребившаго въ апрѣлѣ 1471 г. митрополичій домъ, Геронтій отстроилъ свое жилище съ большимъ по тому времени великолѣпіемъ: были выстроены кирпичныя ворота и «палата кирпична на четырехъ подклѣтѣхъ каменныхъ», въ которую Геронтій перешелъ на житье 13 ноября 1474 г. Въ 1484 г. Геронтій

заложилъ у своего двора каменную церковь «Пречистыя Ризы Положеніе» и освятилъ ее 21 августа 1486 г. Геронтію пришлось достраивать Успенскій соборъ, но 20 мая 1474 года благодаря неумѣлости московскихъ мастеровъ обрушились своды, столпы, сѣверная стѣна и часть западной. 12 мая 1476 г. Геронтій совершилъ закладку новаго собора, сооруженіе котораго было поручено италіанскому архитектору Аристотелю Фіораванти. 12 августа 1479 г. Успенскій соборъ былъ освященъ Геронтіемъ съ большою торжественностью. Геронтій не показалъ себя ни искуснымъ политикомъ, ни хорошимъ администраторомъ. Онъ не сумѣлъ поставить себя въ подобающее его сану положеніе въ отношеніи къ великому князю и его придворнымъ архіереямъ и архимандритамъ. Онъ не имѣлъ силъ поставить свой авторитетъ выше посягательствъ на него свѣтской власти и ея клевретовъ; но въ то же время иногда самъ задиралъ своихъ противниковъ, а потомъ малодушно отступалъ, создавая для себя унизительное и возбуждавшее среди паствы соблазнъ положеніе. Въ 1478 г. Геронтій завелъ «брань» съ духовникомъ великаго князя Ростовскимъ архіепископомъ Вассіаномъ, изъялъ изъ-подъ его власти Кирилловъ-Бѣлоезерскій монастырь и далъ «грамоту свою, что князю Михаилу (удѣльному Бѣлозерскому) вѣдать Кирилловъ монастырь во всемъ, а Ростовскому архіепископу въ него не вступаться». Великій князь отстаивалъ права своего духовника, но Геронтій не слушалъ его. Но, когда Иванъ Васильевичъ созвалъ соборъ, Геронтій, «убояся сборнаго суда», упросилъ великаго князя помирить его съ Вассіаномъ, и кончилось тѣмъ, что «грамоту митрополичью изодраша». Но враги Геронтія, называемые въ лѣтописи «прелестниками», успѣли «воздвигнуть» на митрополита «гнѣвъ» великаго князя. Они воспользовались тѣмъ, что при освященіи Успенскаго собора «не по солнечному восходу (т.-е. съ запада на востокъ, а не съ востока на западъ, не «посолонь») ходилъ митрополитъ со кресты около церкви», и успѣли смутить и раздражить великаго князя, составившаго себѣ убѣжденіе, что благодаря такому нарушенію церковныхъ постановленій «гнѣвъ Божій приходитъ». Эта «распря» продолжалась съ перерывомъ, вызваннымъ нашествіемъ хана Ахмата, болѣе двухъ лѣтъ. Великаго князя поддерживали тотъ же Вассіанъ (и послѣ смерти его преемникъ его архіепископъ Іоасафъ изъ князей Оболенскихъ) и вліятельный при Дворѣ Чудовской архимандритъ Геннадій. Геронтій уѣхалъ въ Симоновъ монастырь, дѣлая видъ, что «хочетъ до конца оставити санъ митрополской и въ кельѣ жити», оставилъ въ соборѣ свой посохъ; но ризницу увезъ съ собою. Видя сочувствіе къ митрополиту «священниковъ, и книжниковъ, и иноковъ, и мірянъ» Иванъ Васильевичъ счелъ нужнымъ уступить, самъ поѣхалъ въ Симоновъ звать Геронтія на митрополію и обѣщалъ его «слушати и въ хожденіи въ волѣ митрополиту дать». Торжество Геронтія было далеко не полное: соглашеніе съ великимъ княземъ состоялось на словахъ, «устава же не учиниша», т.-е., какъ полагаетъ Е. Е. Голубинскій, великій князь «отъ своего мнѣнія не отказался, а поэтому и воспрепятствовалъ положить для будущаго времени формальный уставъ». Геронтій воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ для того, чтобы отмстить архимандриту Геннадію. Въ 1483 г. въ крещенскій сочельникъ, пришедшійся на воскресенье, Геннадій разрѣшилъ Чудовской братіи «воду богоявленскую ѣдши пити». Митрополитъ поднялъ шумное дѣло. Утверждая, что Геннадій этимъ «такую священную воду обезчестилъ», Геронтій добился того, что великій князь выдалъ ему Геннадія, котораго митрополитъ тотчасъ же сковалъ и посадилъ «подъ палатою въ ледникъ». Великій князь и бояре «выпечаловали» Геннадія у митрополита, но Иванъ Васильевичъ затаилъ неудовольствіе и ждалъ удобнаго случая, чтобы отдѣлаться отъ Геронтія. 1 ноября 1483 г. Геронтій, будучи боленъ, съѣхалъ опять въ Симоновъ монастырь; въ лѣтописи сказано, что онъ «хотѣлъ оставить митрополію», но на этотъ разъ онъ захватилъ съ собою не только ризницу, но и посохъ, символъ митрополичьей власти. Выздоровѣвъ, Геронтій пожелалъ возвратиться на свой престолъ, но Иванъ

Васильевичъ «не восхотѣ его», и произошла соблазнительная борьба между митрополитомъ и великимъ княземъ: Геронтій «многажды убѣгалъ изъ монастыря, и имаша его», а затѣмъ снова водворяли въ Симоновъ. Только 1 ноября 1484 г. великій князь согласился возвратить Геронтія, «тужившаго много по митрополіи», на его престолъ, главнымъ образомъ, кажется, потому, что отказался отъ митрополіи великокняжескій любимецъ бывшій Троицкій игуменъ Паисій Ярославовъ. Геронтій возвратился, но въ видѣ неособенно пріятной для него компенсаціи великому князю въ декабрѣ долженъ былъ поставить ненавистнаго Геннадія въ архіепископы Новгородскіе. Вражда между Геронтіемъ и Геннадіемъ вредно отзывалась на ходѣ церковныхъ дѣлъ. Когда благодаря энергіи и проницательности архіепископа Геннадія была разоблачена ересь жидовствующихъ, долгіе годы таившаяся въ Новгородѣ, Геронтій «не показалъ о дѣлѣ ни малаго попеченья»; Геннадію пришлось опираться болѣе на «грозу государскую» (т.-е. свѣтскую силу), чѣмъ на содѣйствіе митрополита; соборъ въ Москвѣ осудилъ лишь трехъ новгородскихъ поповъ, ругавшихся иконамъ, но Геронтій не осудилъ жидовствующихъ, «положи то дѣло ни за что». Геронтій, кажется, не всегда удачно выбиралъ епископовъ. По крайней мѣрѣ, одна лѣтопись по поводу поставленія трехъ епископовъ въ 1481 г. жалуется на то, что «погибе благовѣрный отъ земли... оскудѣ преподобный», какъ бы давая понять, что «въ епископы были поставлены люди недостойные или они достигли епископства путями недостойными». Геронтій нѣсколько разъ выступалъ въ качествѣ учителя своей паствы. Въ 1480 г. онъ съ соборомъ духовенства отправилъ посланіе къ великому князю, стоявшему на Угрѣ противъ хана Ахмата. Это посланіе, по выраженію Е. Е. Голубинскаго «краткое и оффиціально блѣдное», наполнено молитвенными пожеланіями «пособленія и укрѣпленія благороднаго ополченія», перечисляетъ святыхъ, на которыхъ должно уповать православному воинству, и обѣщаетъ «вѣчныхъ благъ воспріятіе» тѣмъ, которые падутъ въ бою. Извѣстны двѣ увѣщательныя грамоты Геронтія къ жителямъ Вятской земли, но, по замѣчанію Е. Е. Голубинскаго, онѣ показываютъ, что Геронтій «ни самъ не обладалъ способностью писать грамоты и не имѣлъ у себя хорошаго дьяка», такъ какъ его грамоты «почти буквально сходны» съ грамотами, посланными въ ту же Вятку митрополитомъ Іоною. Геронтій умеръ 27 мая 1489 г., наканунѣ Вознесеньева дня, и былъ погребенъ въ Успенскомъ соборѣ. Въ XVII вѣкѣ въ Успенскомъ соборѣ находилась «икона» митрополита Геронтія, и въ «подлинникахъ» указывалось, какъ писать его наравнѣ съ Кипріаномъ, Фотіемъ и другими. Е. Е. Голубинскій предполагаетъ, что «эта икона-портретъ была написана вскорѣ послѣ смерти митрополита», и что «первое нѣкоторое время послѣ смерти онъ былъ дѣйствительно почитаемымъ въ соборѣ усопшимъ».

«Полн. Собр. Лѣт.», IV, 151, 155; VI, 33, 34, 221, 222, 233, 239; Макарій, «Ист. Рус. Церкви», VI, 63—79; Голубинскій, «Ист. Рус. Церкви», II, ч. I,, 549 566; Голубинскій, «Исторія Канонизаціи», 351; «Акты Истор.», I, № 90 (посланіе на Угру), № 97 и № 98 (посланія на Вятку).

В. Шереметевскій.

Геронтій (въ мірѣ Герасимъ Исаевъ *Колпаковъ*), безпоповщинскій архимандритъ Бѣлокриницкаго монастыря, одинъ изъ главныхъ дѣятелей по учрежденію раскольнической Бѣлокриницкой іерархіи. Геронтій — крестьянинъ села Ермолова, Московской губ., Серпуховского уѣзда. Родился въ 1803 г. Когда ему исполнилось 19 лѣтъ, онъ ушелъ въ Бессарабію въ уединенный Серковскій монастырь. Черезъ три года онъ былъ постриженъ въ иноки этого монастыря. Новопостриженный монахъ сразу же пріобрѣлъ большое довѣріе настоятеля монастыря и всего монастырскаго братства. По порученію начальства, онъ неоднократно ѣздилъ во внутреннія губерніи и за сборомъ пожертвованій на Серковскій монастырь. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ въ 1830 г., онъ познакомился съ извѣстнымъ старообрядческимъ начетчикомъ Петромъ Васильевымъ, съ которымъ съ этого времени у него установились самыя дружескія отношенія.

Когда Петръ Васильевъ предпринялъ труды по отысканію для старообрядцевъ архіерея, Г. явился дѣятельнымъ сотрудникомъ его. Исканія старообрядцами архіерейства имѣетъ свою продолжительную исторію, которая полно и обстоятельно изложена въ книгѣ Н. И. Субботина: «Исторія Бѣлокриницкой іерархіи». Въ этихъ исканіяхъ одна изъ виднѣйшихъ ролей принадлежитъ именно Геронтію. Въ іюлѣ 1841 г. Геронтій, послѣ бурной исторіи съ липованами, былъ избранъ въ настоятели Бѣлокриницкаго монастыря. 3 ноября 1846 г. онъ былъ посвященъ первымъ старообрядческимъ митрополитомъ Амвросіемъ въ санъ діакона, 8 ноября онъ былъ поставленъ въ священники, а 6 декабря возведенъ въ санъ архимандрита. Въ началѣ 1847 г. Геронтій отправился въ Москву для подробнаго ознакомленія столичныхъ поповцевъ съ новой Бѣлокриницкой іерархіей и для пріобрѣтенія необходимыхъ для митрополіи церковныхъ и иныхъ принадлежностей. Въ Москвѣ Геронтій пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ и въ концѣ мая того же года онъ выѣхалъ обратно въ Бѣлую-Криницу. Но на границѣ Московской и Тульской губерніи былъ арестованъ, и въ сопровожденіи жандармовъ, согласно Высочайшему повелѣнію, былъ отправленъ въ Петербургъ для производства надъ нимъ слѣдствія. Слѣдствіе закончилось заключеніемъ Геронтія въ Алексѣевскій равелинъ Петропавловской крѣпости. Отсюда онъ былъ переведенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ послѣ продолжительнаго пребыванія въ одиночномъ заключеніи изъявилъ желаніе присоединиться къ православной церкви на правѣ единовѣрія. Желаніе Геронтія было исполнено: въ октябрѣ 1867 г. онъ былъ присоединенъ къ православной церкви съ прежнимъ именемъ Герасима, полученнымъ при крещеніи. Вскорѣ послѣ своего обращенія въ лоно православной церкви Герасимъ былъ отправленъ въ Гуслицкій Спасо-Преображенскій монастырь подъ «кроткій» надзоръ настоятеля, для прочнаго утвержденія въ православіи и для предохраненія отъ всякаго вліянія на него раскольниковъ. Въ Гуслицы онъ прибылъ 24 апрѣля 1868 г. и здѣсь оставался до самой своей кончины, послѣдовавшей 18 іюля того же года, въ банѣ, когда онъ, вымывшись, легъ на полокъ.

Субботинъ, Н. И., «Исторія Бѣлокриницкаго священства», тт. 1 и 2; Липранди, И. П., «Геронтій Леоновъ, Бѣлокриницкій раскольническій архимандритъ» въ «Чт. Об-ва Ист. и Древ. Росс.» 1871 г., кн. IV; Марковъ, С., свящ., «Послѣдніе дни Геронтія», въ «Братскомъ Словѣ» за 1896 г., т. 2.

Н. Г. Высоцкій.

Герсдорфъ, баронъ *Карлъ Максимовичъ*, см. **Герздорфъ.**

Герсевановъ, *Николай Борисовичъ*, генералъ-маіоръ, участникъ защиты Севастополя, публицистъ, потомокъ грузинскаго рода, вышедшаго при Екатеринѣ II въ Азовскую губернію, сынъ Екатеринославскаго губернскаго предводителя дворянства, родился въ 1809 г., начальное образованіе получилъ въ Ришельевскомъ лицеѣ, куда поступилъ въ 1818 г. Въ 1825 г. вступилъ въ военную службу юнкеромъ въ Новороссійскій драгунскій полкъ, въ ноябрѣ 1826 г. переведенъ въ Бѣлгородскій уланскій полкъ, 8 октября 1829 г. произведенъ въ корнеты въ Псковскій кирасирскій полкъ, въ ноябрѣ 1831 г. переведенъ въ Стародубовскій кирасирскій полкъ, 5 іюня 1834 г. произведенъ въ поручики, въ 1834 г. поступилъ въ Военную Академію, которую окончилъ, въ чинѣ штабсъ-ротмистра (произведенъ 23 апрѣля 1836 г.), въ декабрѣ 1836 г., послѣ чего причисленъ къ департаменту генеральнаго штаба, 27 апрѣля 1837 г. произведенъ въ ротмистры, а въ октябрѣ того же года переведенъ штабсъ-капитаномъ въ генеральный штабъ и назначенъ состоять при 6-мъ пѣхотномъ корпусѣ. 9 сентября 1840 г. переведенъ въ департаментъ генеральнаго штаба, а по производствѣ въ капитаны (30 марта 1841 г.) назначенъ на службу въ 5-й пѣхотный корпусъ 20 сентября 1842 г. и съ 29 августа 1844 г. исправлялъ должность старшаго адъютанта 1-го отдѣленія штаба этого корпуса, квартировавшаго въ Одессѣ. Въ 1844 г. участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ горцевъ на Кавказѣ и за отличіе произведенъ въ подполковники (12 сентября), послѣ чего совершилъ поѣздку за границу для поправленія здоровья. По возвращеніи изъ отпуска

24 октября 1848 г. назначенъ дивизіоннымъ квартирмейстеромъ 13-й пѣхотной дивизіи и по порученію Военнаго министерства составилъ «Военно-статистическое обозрѣніе Таврической губерніи» (С.-Пб. 1849); книга эта была напечатана при генеральномъ штабѣ, какъ секретная. Г. здѣсь вѣрно указалъ слабыя стороны укрѣпленій Севастополя, какъ военнаго порта, и предугадалъ удобное мѣсто стоянки непріятельскаго флота въ Камышевой бухтѣ. Съ 11 октября 1848 г. по 11 іюня 1849 г. временно управлялъ частью генеральнаго штаба при войскахъ 5-го корпуса. Участіе въ Венгерской кампаніи (онъ исправлялъ должность оберъ-квартирмейстера отряда, дѣйствовавшаго въ Трансильваніи) дало ему чинъ полковника (18 октября 1849 г.) и ордена св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ (12 ноября 1849 г.) и австрійскій св. Леопольда. 30 августа 1850 г. Г. отчисленъ отъ должности оберъ-квартирмейстера 13-й пѣхотной дивизіи и назначенъ состоять при штабѣ 5-го пѣхотнаго корпуса. 30 іюня 1852 г. онъ назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ того же корпуса (эту должность дважды исправлялъ и раньше). 6 декабря 1852 г. награжденъ орденомъ св. Анны 2-й ст. Въ мартѣ 1854 г. назначенъ состоять при штабѣ 3, 4 и 5 пѣхотныхъ корпусовъ и участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ турокъ на Дунаѣ, при чемъ завѣдывалъ осадными работами подъ Силистріей (за отличіе получилъ 10 ноября орденъ св. Владиміра 3-й ст.), а 13 сентября того же года командированъ въ распоряженіе главнокомандующаго сухопутными и морскими силами въ Крыму кн. Меншикова и исправлялъ затѣмъ должности начальника штаба (съ 23 октября) и генералъ-квартирмейстера (съ 6 декабря). Онъ участвовалъ въ сраженіяхъ 13 октября при Балаклавѣ, 24 октября подъ Инкерманомъ, за что награжденъ золотой саблей съ надписью «за храбрость», 30 мая 1855 г. въ стычкѣ съ французской кавалеріей въ Байдарской долинѣ, гдѣ онъ командовалъ летучимъ отрядомъ, 4 августа въ сраженіи на Черной рѣчкѣ и въ защитѣ Севастополя. 29 октября 1855 г. произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ командиромъ 2-й бригады 14-й пѣхотной дивизіи и въ томъ же году награжденъ брилліантовымъ перстнемъ съ вензелевымъ изображеніемъ Высочайшаго имени «за отличное исполненіе важныхъ и многотрудныхъ обязанностей» (за дѣла въ Байдарской долинѣ) и орденомъ св. Георгія 4-й ст. за 25 лѣтъ службы (26 ноября). 28 марта 1857 г. назначенъ помощникомъ командующаго 14-й пѣхотной дивизіи. Въ 1858 г. получилъ орденъ св. Станислава 1-й ст. и перечислился въ запасныя войска. 12 марта 1860 г. вышелъ въ отставку по домашнимъ обстоятельствамъ, послѣ чего поселился въ своемъ имѣніи Николаевкѣ, Новомосковскаго уѣзда, Екатеринославской губ. и служилъ по выборамъ Новомосковскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства (1860—1866) и почетнымъ членомъ Екатеринославской губернской земской управы.

Еще состоя на службѣ, Г. все свободное время посвящалъ чтенію и литературнымъ занятіямъ. Писалъ онъ по самымъ разнообразнымъ вопросамъ, изъ коихъ нѣкоторые до сихъ поръ не потеряли своей остроты (вопросы еврейскій, о пьянствѣ). Г. печаталъ свои труды въ «Сынѣ Отечества», «Отечественныхъ Запискахъ», «Одесскомъ Вѣстникѣ», «Русскомъ Инвалидѣ», «Сѣверной Пчелѣ», «Вѣсти» и др. Въ «Сынѣ Отечества» напечатаны имъ статьи: «Петербургъ и Москва» и «О водяныхъ и сухопутныхъ сообщеніяхъ въ Россіи» (обѣ въ 1839 г., № 9), въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» статьи о Кавказѣ (1845 г.) и многія другія (см. ниже), въ «Отечественныхъ Запискахъ»: «Замѣчанія о торговыхъ отношеніяхъ Сибири и Россіи» (1841 г., т. XIV), «Мысли о постройкѣ Исакіевскаго моста частною компаніею» (1842 г., т. XX), «О пьянствѣ въ Россіи» (1842 г., т. XXV), «О живыхъ изгородяхъ» (1843 г., т. XXVII), «Римъ. Отрывокъ изъ путевыхъ впечатлѣній туриста» (1846 г., т. XLV и XLVI), «Путевыя впечатлѣнія туриста въ 1845 году. Неаполь» (1846 г., т. XLVIII и XLIX), «Изъ путевыхъ впечатлѣній туриста. Кельнскій соборъ« (1847 г., т. LV); «Переѣздъ черезъ Симплонъ» (1848 г., т. LVIII). Статья его «О пьянствѣ въ Россіи» была издана и отдѣльной брошюрой; въ ней онъ предлагалъ средства къ уничтоженію пьян-

ства, между прочимъ замѣну водки пивомъ. Въ 1857 и 1859 гг. Г. напечаталъ въ «Сѣверной Пчелѣ» двѣ статьи о безвозвратности издержекъ русскихъ помѣщиковъ за границей. Освобожденіе крестьянъ нашло въ Герсеановѣ противника: онъ считалъ эту реформу вредной для частнаго хозяйства. Въ октябрѣ 1859 г. онъ послалъ шефу жандармовъ кн. В. А. Долгорукову записку подъ заглавіемъ: «Замѣчанія на журналы комиссіи по крестьянскому вопросу №№ 17—32», въ которой доказывалъ, что дѣйствія комиссіи клонятся къ ущербу правъ самодержавной власти и будутъ имѣть слѣдствіемъ всеобщую Пугачевщину. Такія же записки посланы были имъ Я. И. Ростовцеву (въ сокращеніи) и Новороссійскому генералъ-губернатору графу А. Г. Строганову. 6 декабря того же года онъ послалъ графу Строганову новыя замѣчанія на журналы редакціонной комиссіи №№ 32—52, въ которыхъ упрекаетъ комиссію въ томъ, что она беретъ въ основаніе важныхъ государственныхъ реформъ соціализмъ, и во избѣжаніе бѣдъ совѣтуетъ ей для успокоенія умовъ сжечь почти всѣ свои труды и издать тотчасъ же манифестъ, дозволяющій крестьянамъ откупаться лично съ тѣмъ, чтобы дворянскія губернскія собранія назначили сами maximum и minimum выкупной суммы въ губерніи. Въ 1860 г. Г. напечаталъ въ Берлинѣ книжку: «О соціализмѣ редакціонныхъ комиссій. Письмо къ предсѣдателю ихъ, генералу Ростовцеву, помѣщика Екатеринославской губерніи». Г. интересовался и еврейскимъ вопросомъ, по которому имъ напечатаны: въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1858 г. (№ 81) возраженіе на статью Н. И. Пирогова о Талмудъ-торѣ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» № 26, въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» двѣ статьи, въ «Сѣверной Пчелѣ» 1860 г. (№№ 63 и 64) статья «О народномъ характерѣ евреевъ», изданная имъ также отдѣльной брошюрой въ Одессѣ и, наконецъ, въ «Вѣсти» 1863 г. (№ 3) «Замѣтка о еврейско-польскомъ вопросѣ». Статьи его въ «Сѣверной Пчелѣ» вызвали полемику между прочимъ съ Пассовeромъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (1860 г., №№ 90 и 219). Въ 1861 г. Г. издалъ въ Одессѣ брошюру: «Гоголь предъ судомъ обличительной литературы», надѣлавшую въ то время много шума. Эти произведенія его пера возбудили къ нему вражду сторонниковъ освобожденія крестьянъ, защитниковъ евреевъ и почитателей Гоголя. Еще вскорѣ послѣ Крымской кампаніи Г. подъ вліяніемъ слышанныхъ имъ укоровъ князю А. С. Меншикову помѣстилъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» статью, въ которой указалъ на нѣкоторые недостатки малочисленной арміи, защищавшей Севастополь, а въ 1867 г., добывъ нѣсколько секретныхъ документовъ, напечаталъ ихъ въ Парижѣ въ книгѣ: «Нѣсколько словъ о дѣйствіяхъ русскихъ войскъ въ Крыму въ 1854 и 1855 гг.», къ которой присоединилъ свою статью: «О причинахъ тактическаго превосходства французовъ въ кампанію 1854 и 1855 гг., составлено въ 1856 г.», напечатанную раньше въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1858 г., №№ 86 и 87 (были и отдѣльные оттиски). Книга вызвала нѣсколько статей въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» 1867 г., на которыя Г. отвѣчалъ тамъ же (1868 г., № 98). Въ 1870 г. имъ напечатанъ въ Одессѣ по поводу этой же книги «Отвѣтъ генералу Бутурлину». Въ 60-хъ годахъ разница во взглядахъ съ большинствомъ земскихъ дѣятелей заставляла его часто прибѣгать къ газетной полемикѣ. Въ это время имъ напечатаны въ «Вѣсти» статьи «О неудовлетворительности правилъ о наймѣ сельскихъ рабочихъ» (1864 г., №№ 41 и 50). Кромѣ вышеуказанныхъ статей и брошюръ Герсеванова можно указать еще слѣдующія: 1) «О вліяніи неурожаевъ на увеличеніе смертности въ Новороссійскомъ краѣ въ 1849—1850 гг.» («Статистическій Сборникъ», изд. Имп. географ. общества, т. II, 1854 г.); 2) «Какія желѣзныя дороги выгоднѣе для Россіи: конныя или паровыя»? (Одесса, 1856 г.); 3) «О каменноугольной промышленности въ Новороссійскомъ краѣ и о средствахъ къ ея развитію» («Одесскій Вѣстникъ» 1857 г., №№ 61 и 62); 4) «О водопроводахъ въ Одессѣ и Марсели» (тамъ же, № 82); 5) «Нѣсколько словъ о нашей кавалеріи» («Русскій Инвалидъ» 1858 г., № 156); 6) «Походы древнихъ полководцевъ въ Средней Азіи» (тамъ же,

№252); 7) «О литературной дѣятельности Сенковскаго» («Сѣверная Пчела» 1858 г., №№ 190 и 196); 8) «Нужна ли въ Россіи большая армія» («Сѣверная Пчела» 1859 г., №№ 132 и 133); 9) «О примѣненіи маневровъ на охотѣ или о военной охотѣ» («Военный Сборникъ» 1860 г., № 1); 10) «О жалованьи предводителямъ дворянства» («Современная Лѣтопись» 1860 г., сентябрь, № 1); 11) «Поѣздка въ Грушевку» («Одесскій Вѣстникъ» 1864 г., № 34); 12) «О трехлѣтней дѣятельности мировыхъ посредниковъ Новомосковскаго уѣзда» («Одесскій Вѣстникъ» 1864 г., № 201, и «Вѣсть» 1864 г., № 37).

Герсевановъ состоялъ членомъ Одесскаго общества исторіи и древностей (съ 30 октября 1856 г.) и Общества сельскихъ хозяевъ Южной Россіи. Онъ первый въ «Запискахъ» послѣдняго общества и въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» заявилъ о вредѣ, приносимомъ земледѣлію сусликами. Г. нѣсколько разъ путешествовалъ по Западной Европѣ и Востоку. Г. былъ женатъ на дочери дѣйств. ст. совѣтника Пелагеѣ Зубковой, но дѣтей не имѣлъ. Скончался онъ въ одиночествѣ (семейная жизнь сложилась для него неблагопріятно) 4 іюля 1871 г. въ своемъ имѣніи. Погребенъ въ Екатеринославѣ на городскомъ кладбищѣ.

«Записки Одесскаго общества исторіи и древностей», т. VIII, стран. 359—362 (некрологъ, составленный Н. Н. Мурзакевичемъ); Геннади, «Справочный словарь русскихъ писателей»; Ламбинъ, «Русская историческая библіографія»; «Русская Старина» 1905 г., т. I, стран. 148—152 (Н. Лернеръ, «Къ исторіи освобожденія крестьянъ»); Н. П. Глиноецкій, «Историческій очеркъ Никол. Академіи Генер. Штаба»; Адресъ-Календари; Венгеровъ, «Источники словаря русскихъ писателей» т. I; Указатель къ «Отечественнымъ Запискамъ»; Моск. отд. Общ. Арх. Гл. Штаба, книги форм. списковъ 1855 г. № 17538, 1856 г. № 27 и 1857 г. № 869.

Н. Чулковъ.

Герсонъ, *Александръ Максимовичъ*, журналистъ и переводчикъ, родился въ 1851 г., сотрудничалъ въ «Московскомъ Листкѣ», «Петербургскомъ Листкѣ», «Нижегородской Почтѣ», «Будильникѣ», «Осколкахъ» и др. журналахъ, гдѣ писалъ по большей части подъ различными псевдонимами: Альмаге, Максимовъ, Песковскій, Картузъ, Москвичевъ, Аристархъ Будильниковъ (въ «Будильникѣ») и мн. др. Герсонъ не внесъ въ нашу литературу чего-либо цѣннаго, хотя и обладалъ несомнѣннымъ талантомъ. Его небольшія пьески, сценки, разсказы, полные жизни и остроумнаго юмора, были хорошо извѣстны современникамъ, но борьба за существованіе побуждала Г. размѣниваться на мелочи, и при наличности дарованія заставляла его ограничиваться очень небольшими разсказами, набросками и вообще газетной работой. Какъ на образчикъ произведеній Герсона слѣдуетъ указать на слѣдующія послѣднія его статейки и сценки, помѣщенныя въ 1888 г. въ «Московскомъ Листкѣ»: «Что значитъ образованіе», сценка (№ 253); «Налетѣли злые коршуны» (№ 257); «Мѣха выбираютъ» (№ 270); «На Черномъ морѣ», изъ путевыхъ замѣтокъ (№ 291); «Писатель завелся» (№ 304); «Экономія» (№ 309). Вообще въ вышеупомянутыхъ изданіяхъ разбросано очень много, подъ разными псевдонимами, его произведеній. Герсонъ, знавшій хорошо языки, пробовалъ свои силы и въ переводѣ иностранныхъ авторовъ. Такъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до его смерти была разрѣшена къ постановкѣ переведенная имъ пьеса испанскаго писателя Хозе Эчегарай — «Галеотто, или мелочи жизни». Небезызвѣстенъ Г. былъ также и въ артистическомъ мірѣ: онъ провелъ нѣсколько лѣтъ на провинціальныхъ подмосткахъ, между прочимъ въ Харьковѣ у Дюкова, занимая амплуа «простака». Какъ талантливый и интеллигентный актеръ, Г. давалъ опредѣленные цѣльные образы и пользовался успѣхомъ у публики, а извѣстный актеръ С. Шумскій, въ театральной поѣздкѣ котораго Г. участвовалъ, предсказывалъ ему даже выдающуюся артистическую карьеру. Но недолго А. М. пробылъ на театральныхъ подмосткахъ. Низкій уровень развитія провинціальныхъ артистовъ того времени далеко не согласовался съ тѣмъ, чего искалъ Г. Это, конечно, не мѣшало ему особенно сердечно относиться къ своимъ товарищамъ и въ особенности къ «маленькимъ» актерамъ, которыхъ, между прочимъ, онъ въ шутку называлъ «униженные и оскорбленные». Оставивъ артистическую дѣятельность, Г. въ послѣдніе годы жизни, занимаясь литературнымъ трудомъ, со-

знавалъ мелочность своей работы и неоднократно жаловался своимъ товарищамъ по перу на невозможность написать что-либо «болѣе крупное», могущее дать удовлетвореніе. Постоянная погоня за кускомъ хлѣба и низкая расцѣнка вообще литературнаго труда зачастую лишала Г. необходимаго отдыха, что не могло не отразиться и на его здоровьѣ. Больной чахоткой и отосланный врачами на югъ, Г. въ ночь на 22 октября 1888 г. скончался въ Гурзуфѣ, въ буквальномъ смыслѣ слова съ перомъ въ рукѣ. Тѣло его было перевезено въ Москву 31 октября. Въ этотъ день памяти Г. было посвящено нѣсколько воспоминаній и стихотвореній его друзей и товарищей.

Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ рус. писателей», вып. 8, стр. 33; «Московскій Листокъ» 1888 г., №№ 296, 297, 305; «Новое Время» 1888 г., № 4553; «Истор. Вѣстникъ» 1889 г., № 1, стр. 259; Венгеровъ, «Источники словаря русскихъ писателей»; Венгеровъ, «Критико-біограф. словарь», VI, 270.

А. Е. Ельницкій.

Герстенбергъ, *Іоганнъ Даніэль*, учредитель и владѣлецъ первой, правильно организованной музыкально-издательской фирмы въ Петербургѣ, родился въ Готѣ; образованіе получилъ въ Лейпцигѣ. Въ 1787—88 гг. въ Лейпцигѣ были изданы композиціи Г. (3 сонаты и 12 пѣсенъ). Около 1790 г. Г. поселился въ Петербургѣ, гдѣ открылъ сначала книжный магазинъ, а въ 1792 г. — музыкальный. Въ 1793 г. Г. ѣздилъ за границу, гдѣ завязалъ болѣе прочныя торговыя сношенія. Въ 1794—96 гг. его фирма публиковалась «И. Д. Герстенбергъ съ товарищи» (также—«и К°»), въ 1796—99 гг.— «Герстенбергъ и Дитмаръ», а въ концѣ 1799 или началѣ 1800 г. перешла къ одному Дитмару. Г. въ это время уѣхалъ изъ Россіи и вскорѣ открылъ въ Готѣ музыкальную торговлю. Г. явился первымъ предпріимчивымъ музыкальнымъ издателемъ въ Россіи. Онъ завязалъ сношенія даже съ Москвой и принималъ заказы на нотопечатаніе изъ провинціи (см. его объявленіе въ «Моск. Вѣд.» 1797 г.). Фирма издала не мало произведеній Гесслера, Козловскаго, Хандошкина и др.; ей принадлежитъ и 1-е русское изданіе съ текстомъ «Волшебной флейты» Моцарта. Помимо отдѣльныхъ нотныхъ изданій, фирмой Г. были предприняты слѣдующіе журналы: 1) «Санктпетербургскія Врачебныя Вѣдомости» (1792—94); 2) «Санктпетербургскій магазинъ для клавикордовъ или піанофорте, посвященный любителямъ сего инструмента» (1794); 3) «Магазинъ для распространенія общеполезныхъ знаній и изобрѣтеній, съ присовокупленіемъ моднаго журнала... и музык. нотъ» (1795); 4) «Музыкальный журналъ Италіанскаго Санктпетербургскаго театра» (1795), затѣмъ перешедшій въ 5) «Journal d'Airs et Duos Favoris des Opéras François et Italiens» (1798). Кромѣ того фирма Г. издала первый русскій музыкальный календарь-альманахъ: «Карманная книга для любителей музыки» — на 1795 и 1796 г.

«С.-Пб. Вѣд.» 1792 г., № 90; 1793 г., №№ 38, 44, 94; 1794 г., №№ 4, 17, 42, 49, 57, 61, 75, 81, 83, 91, 102; 1795 г., №№ 3, 12, 18, 23, 28, 35, 45, 71, 79, 88, 100, 102; 1796 г., №№ 14, 18, 23, 28, 34, 41, 46, 60, 68, 73; 1797 г., №№ 19, 55; 1798 г., №№ 25, 52, 86; 1799 г., №№ 1, 6, 18, 29, 37.— «Моск. Вѣд.» 1797 г., № 92.—Лисовскій, «Музык. альманахъ XVIII ст.».— Риманъ, «Муз. Слов.», 343. — Eitner, «Biogr.-bibl. Lex.», IV, 211.

Н. Финдейзенъ.

Герстнеръ, *Францъ-Антонъ* (Ritter von Gerstner), строитель первой желѣзной дороги въ Россіи, сынъ Франца-Іосифа фонъ-Г. (р. 1756 г., † 1832 г.), пражскаго профессора, извѣстнаго въ области прикладной механики, основавшаго въ 1806 г. Чешскій политехническій институтъ въ Прагѣ, который былъ прототипомъ всѣхъ техническихъ училищъ въ Германіи, родился въ Прагѣ въ 1795 (1793) году, умеръ въ Филадельфіи 12 апрѣля 1840 г. По окончаніи образованія въ основанномъ его отцомъ Пражскомъ институтѣ сдѣлался въ 1818 г. профессоромъ геометріи и землемѣрнаго искусства въ Вѣнскомъ политехникумѣ и въ 1819 г. выпустилъ въ свѣтъ свой трудъ: «Lehrgegenstände der praktischen Geometrie» (Wien). Стремясь къ осуществленію проекта своего отца о постройкѣ желѣзной дороги для соединенія рѣки Молдавы съ Дунаемъ, онъ въ 1822 г. предпринялъ путешествіе въ Англію для изученія желѣзнодорожнаго дѣла. По возвращеніи оттуда

Г. отказался отъ профессуры и принялъ участіе въ постройкѣ первой австрійской желѣзной дороги между Будвейсомъ и Линцомъ. Дорога была доведена только до половины, какъ капиталъ, собранный акціонернымъ обществомъ, былъ исчерпанъ, и акціонеры рѣшили продолжать постройку на болѣе дешевыхъ началахъ. Не согласившись съ этимъ рѣшеніемъ, Г. покинулъ предпріятіе. Результатомъ его участія въ постройкѣ первой австрійской желѣзной дороги были его печатные труды: «Ueber die Vortheile der Anlage einer Eisenbahn zwischen der Moldau und Donau» (Wien, 1825), «Sammlung der Actenstücke in Betreff der Ausführung der ersten österr. Eisenbahn zwischen der Moldau und Donau» (Wien, 1827), «Ueber die Vortheile der Unternehmung einer Eisenbahn zwischen der Moldau und Donau. Im Februar 1829» (Wien, 1829, 4º). Въ 1826 и 1829 гг. онъ ѣздилъ опять въ Англію, гдѣ въ то время паровозъ уже вытѣснилъ лошадиную тягу на желѣзныхъ дорогахъ, и между прочимъ безуспѣшно старался составить акціонерное общество для использованія силы шлюзовъ на каналѣ между Миланомъ и Павіей. Въ 1832 и 1833 гг. Г. выпустилъ въ свѣтъ увеличенное изданіе труда своего отца: «Handbuch der Mechanik, mit Beiträgen von neuen englischen Constructionen» (Leipzig) въ трехъ томахъ, и здѣсь изложилъ результаты своихъ наблюденій надъ постройкой Ливерпуль-Манчестерской желѣзной дороги. Въ 1834 г. онъ по приглашенію начальника штаба корпуса горныхъ инженеровъ К. В. Чевкина прибылъ въ Россію для обозрѣнія Уральскихъ горныхъ заводовъ и задумалъ приступить и здѣсь къ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ. Объѣхавъ много губерній, Г. составилъ планъ сооруженія сѣти желѣзныхъ дорогъ отъ Петербурга до Москвы и отъ Москвы до Нижняго-Новгорода и Казани и произвелъ нивеллировку Московскаго шоссе. 6 января 1835 г. онъ представилъ императору Николаю I докладную записку, въ которой, указывая на пользу сооруженія желѣзныхъ дорогъ въ странѣ, столь обширной и богатой естественными силами, какъ Россія, ходатайствовалъ о предоставленіи ему 20-лѣтней привилегіи на право постройки въ Россіи такихъ дорогъ. Проектъ Г. встрѣтилъ сильную оппозицію со стороны главноуправляющаго путями сообщенія графа Толя и министра финансовъ графа Канкрина. Записка разсматривалась сначала въ особой комиссіи при главномъ управленіи путей сообщенія, а потомъ въ комитетѣ объ устройствѣ желѣзныхъ дорогъ, учрежденномъ 17 февраля, подъ предсѣдательствомъ Государя, и въ сообомъ комитетѣ изъ трехъ лицъ. Устройство желѣзныхъ дорогъ въ Россіи признано было полезнымъ, но высказаны были сомнѣнія въ финансовомъ отношеніи. Непріемлемымъ показалось также требованіе Г., чтобы всякая желѣзная дорога, устроенная въ Россіи въ теченіе 20 лѣтъ безъ дозволенія его, обращалась въ его собственность, какъ лица, получившаго привилегію. Чтобы на опытѣ доказать примѣнимость и выгодность для Россіи рельсовыхъ путей, Г. 9 марта 1835 г. сдѣлалъ предложеніе о постройкѣ Царскосельской желѣзной дороги; 20 апрѣля онъ представилъ записку: «Mémoire sur l'avantage de l'introduction des chemins de fer en Russie» и въ декабрѣ получилъ дозволеніе составить акціонерную компанію для сооруженія желѣзной дороги изъ Петербурга въ Царское Село и Павловскъ. Г. лично произвелъ изысканія и нивеллировку, въ мартѣ 1836 г. совершилъ поѣздку въ Германію, Бельгію, Францію и Англію для осмотра тамъ желѣзныхъ дорогъ и заказа всѣхъ необходимыхъ принадлежностей для желѣзной дороги, ѣздилъ въ качествѣ машиниста на первыхъ пробныхъ поѣздахъ, при чемъ получилъ сильный ударъ въ грудь однимъ изъ приспособленій для управленія паровозомъ, и установилъ весь порядокъ движенія на желѣзной дорогѣ. Положеніе объ акціонерной компаніи было утверждено 21 марта 1836 г., къ производству работъ приступлено 1 мая того же года, а торжественное открытіе дороги состоялось 30 октября 1837 г. Въ связи съ постройкой желѣзной дороги Герстнеромъ напечатаны брошюры: «О выгодахъ построенія желѣзной дороги изъ С.-Петербурга въ Царское Село и Павловскъ, Высочайше привилегированною Его Императорскимъ Величествомъ компаніею» (С.-Пб.,

1836) и на нѣмецкомъ языкѣ: «Ueber die Vortheile der Anlage einer Eisenbahn von St.-Petersburg nach Zarskoe Selo und Pawlowsk» (St.-Pbg. 1836, 4⁰), «Bericht über die Fortschritte der Unternehmung der Eisenbahn von St.-Petersburg nach Zarskoe Selo und Pawlowsk», 1—3 (St.-Pbg. 1836—1837, 4⁰), «Bericht über den Stand der Unternehmung der Eisenbahn von St.-Petersburg nach Zarskoe Selo und Pawlowsk» (Leipzig 1838, б. 4⁰). Первый отчетъ о постройкѣ Царскосельской желѣзной дороги былъ изданъ въ 1836 г. въ Петербургѣ также по-французски и по англійски. По мысли Г. устроенъ былъ въ конечномъ пунктѣ дороги — Павловскѣ музыкальный вокзалъ, въ которомъ столичная публика могла бы получить нужный ей пріятный отдыхъ и разумныя развлеченія на лонѣ природы. Еще до окончанія постройки Царскосельской дороги, Г. думалъ о постройкѣ и другихъ дорогъ: въ 1836 г. онъ сдѣлалъ публикацію о подпискѣ на акціи общества Ораніенбаумской желѣзной дороги, но дальнѣйшее движеніе этого дѣла было прекращено, такъ какъ Г. было объявлено, что всѣ другія предположенія его о постройкѣ у насъ желѣзныхъ дорогъ оставлены безъ разсмотрѣнія до выясненія на практикѣ результатовъ постройки Царскосельской дороги. Въ томъ же году Г. намѣревался произвести изысканія для желѣзной дороги изъ Москвы въ Коломну. Ему разрѣшено было 30 октября произвести за собственный счетъ нивеллировку и съемку мѣстности отъ Москвы до Коломны съ тѣмъ, чтобы онъ не имѣлъ права просить никакого вознагражденія, если устройство дороги будетъ признано правительствомъ неудобнымъ. Вѣроятно, Г. не приступалъ къ этому дѣлу, уѣхавъ вскорѣ совсѣмъ изъ Россіи. Въ 1838 г. онъ отправился въ Америку для изученія тамошнихъ желѣзныхъ дорогъ и черезъ 2 года скончался. Наблюденія свои въ Америкѣ онъ изложилъ въ книгѣ: «Berichte aus den Vereinigten Staaten von Nordamerika über Eisenbahnen, Dampfschiffahrt etc.» (1839) и въ своихъ запискахъ, изданныхъ уже послѣ его смерти вдовой его Кларой Г., урожденной Эпплень-Гертенштейнъ, подъ заглавіемъ: «Beschreibung einer Reise durch die Vereinigten Staaten von Nordamerika in den J. 1839 und 1840» (Leipzig, 1842) и обработанныхъ Л. Клейномъ съ спеціально-технической точки зрѣнія въ книгѣ: «Die inneren Communicationen der Vereinigten Staaten von Nordamerika» (Wien, 1842—1843, б. 4⁰), въ 2 томахъ.

«Biographisches Lexikon des Kaiserthums Oesterreich» von Dr. C. v. Wurzbach, V, 160—161; Брокгаузъ-Ефронъ, «Энциклопедическій Словарь», XVI, 555, 556; «Остафьевскій архивъ», III, 674, 675; В. В. Саловъ, «Начало желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи» («Вѣстникъ Европы» 1899 г. № 3, стр. 223—246); «Историческій очеркъ развитія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи», вып. 1-й. С.-Пб. 1898 г., стр. 25—42; «Bibliothèque Imp. Publ. de St.-Pbg. Catalogue de la section des Russica», I, 446; Н. Ф. Финдейзенъ, «Павловскій музыкальный вокзалъ», С.-Пб. 1912.

Н. Чулковъ.

Герстфельдъ, *Эдуардъ Ивановичъ*, инженеръ-генералъ, сенаторъ, членъ Государственнаго Совѣта, сынъ арендатора казенныхъ имѣній въ Лифляндіи, родился 7 декабря 1798 г., умеръ 24 ноября 1878 г. Начавъ службу въ 1814 г., 16 лѣтъ отъ роду, кондукторомъ въ Перновской инженерной командѣ, онъ въ 1817 г. поступилъ въ Главное инженерное училище, гдѣ въ 1818 г. произведенъ въ прапорщики инженернаго корпуса. Въ 1819 г. Г. произведенъ въ подпоручики и черезъ годъ командированъ въ Ревельскую инженерную команду; въ 1821 г. произведенъ въ поручики и командированъ для осмотра прусскихъ крѣпостей на Рейнѣ. По возвращеніи оттуда командированъ въ Замостье, гдѣ принималъ участіе въ постройкѣ и возведеніи крѣпости. Въ 1825 г. Г. назначенъ въ Ревельскую инженерную команду. Произведенный въ 1827 г. въ штабсъ-капитаны и капитаны, въ 1832 г. онъ переведенъ въ Варшавскую инженерную команду и въ томъ же году назначенъ помощникомъ командира Западнаго инженернаго округа; въ 1833 г. произведенъ въ подполковники и въ 1835 г. — въ полковники. Въ 1837 г. Г. назначенъ къ начальнику инженеровъ дѣйствующей арміи для особыхъ порученій, въ 1838 г. награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й ст. Весной 1841 г. онъ былъ командированъ въ Германію и Бельгію для изученія желѣзныхъ до-

рогъ и по возвращеніи принялъ участіе въ постройкѣ Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги, будучи назначенъ въ 1842 г. членомъ Комитета по постройкѣ ея, а въ 1843 г. — ея строителемъ; въ 1845 г., по открытіи движенія по Варшавско-Вѣнской желѣзной дорогѣ, назначенъ директоромъ ея. За труды по постройкѣ дороги награжденъ орденомъ св. Станислава 1-й ст. (23 апрѣля 1850 г.). Въ 1849 г., во время Венгерской кампаніи, Г. завѣдывалъ сначала перевозкой войскъ по прусскимъ и австрійскимъ желѣзнымъ дорогамъ, а потомъ инженерною частью дѣйствующей арміи и участвовалъ 5 іюля въ сраженіи при Войцелѣ, 14 іюля — въ переправѣ отряда князя Горчакова черезъ Тиссу подъ непріятельскими выстрѣлами, за что награжденъ золотой шпагой, украшенной алмазами и съ надписью «за храбрость», и 21 іюля — въ сраженіи при Дебречинѣ. За участіе въ войнѣ онъ былъ награжденъ австрійскими орденами: командорскимъ крестомъ Леопольда и Желѣзной короной 1 ст. По окончаніи войны Г. назначенъ состоять при начальникѣ инженеровъ дѣйствующей арміи, съ оставленіемъ въ должности по завѣдыванію желѣзной дорогой, и 30 іюля 1850 г. перемѣщенъ на постъ товарища главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями. Въ 1851 г. Г. поручено управленіе работами на С.-Петербургско-Варшавской желѣзной дорогѣ; 27 марта 1855 г. онъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, съ оставленіемъ въ должности и назначеніемъ сенаторомъ. Въ Сенатѣ онъ присутствовалъ въ общемъ собраніи 4-го, 5-го и межевого департаментовъ, а съ 1870 г. былъ неприсутствующимъ сенаторомъ. Въ 1855 году назначенъ предсѣдательствующимъ въ аудиторіатѣ Главнаго управленія путей сообщенія и предсѣдателемъ Комитета для составленія положенія о сооруженіи желѣзныхъ дорогъ частными компаніями, а въ 1858 г.—членомъ Комитета желѣзныхъ дорогъ. Въ 1863 г. Г. былъ командированъ въ Варшаву и предсѣдательствовалъ здѣсь въ Комитетѣ, разсматривавшемъ различные вопросы по устройству наблюденія за находящимися въ Царствѣ Польскомъ желѣзными дорогами. Въ 1865 г. при преобразованіи Главнаго управленія путей сообщенія въ Министерство назначенъ товарищемъ министра. 4 іюня 1868 г. Г. назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, съ оставленіемъ въ званіи сенатора, 13 іюня — членомъ Совѣта Министерства путей сообщенія; лѣтомъ этого же года съ 14 іюня по 22 сентября управлялъ временно Министерствомъ путей сообщенія; 24 декабря того же года произведенъ въ инженеръ-генералы. 11 ноября 1869 г. Г. избранъ въ почетные члены Николаевской инженерной академіи. Въ 1869 и 1875 гг. засѣдалъ въ особыхъ комиссіяхъ, разсматривавшихъ отчеты министра путей сообщенія за 1862—1869 гг. и 1869—1872 гг., а въ 1872—1876 гг. и 1878 г. присутствовалъ въ департаментѣ государственной экономіи въ теченіе вакантнаго времени. Г. былъ, кромѣ вышеупомянутыхъ, награжденъ орденами: св. Александра Невскаго (4 апрѣля 1865 г.) и алмазами къ нему (1 января 1876 г.), Бѣлаго Орла (12 апрѣля 1859 г.), св. Георгія 4-й ст. за 25 лѣтъ (26 ноября 1850 г.), св. Владиміра 2-й ст. (26 августа 1856 г.) и св. Анны 1-й ст. (19 апрѣля 1853 г.). Погребенъ въ Петербургѣ на Смоленскомъ евангелическомъ кладбищѣ.

Формулярный списокъ; «Голосъ» 1878 г., № 331 (некрологъ); «Исторія Сената», т. V (списокъ сенаторовъ); «Петербургскій Некрополь», I, 585.

Е. К. Александровичъ.

Гертнеръ (Gaertner, Gärtner), *Іосифъ*, ботаникъ, докторъ медицины, членъ Академіи Наукъ, сынъ лейбъ-медика герцога Виртембергскаго, родился 12 (11) марта нов. ст. 1732 г. въ Кальвѣ (Виртембергъ), умеръ тамъ же 14 (13) іюня нов. ст. 1791 г. Потерявъ очень рано своихъ родителей, онъ воспитывался въ домѣ дяди, который хотѣлъ сдѣлать изъ него пастора. Среднее образованіе Г. получилъ въ Штутгартѣ и уже здѣсь проявилъ склонность къ математикѣ и естественнымъ наукамъ. Въ 1750 г. онъ поступилъ въ Тюбингенскій университетъ для изученія права, которое скоро смѣнилъ на медицину. Пробывъ въ Тюбингенѣ 3 семестра, переѣхалъ въ Геттингенъ и пробылъ здѣсь до 1753 г., изучая анатомію, физіологію и ботанику. По защитѣ

диссертаціи: «De viis urinae ordinariis et extraordinariis» получилъ степень доктора медицины, послѣ чего отправился путешествовать по Италіи, Франціи (полгода пробылъ въ Монпелье и столько же въ Парижѣ) и Англіи, гдѣ прожилъ почти годъ. Въ 1756 г. онъ черезъ Парижъ возвратился на родину и принялся за медицинскую практику, продолжая однако и научныя занятія, между прочимъ оптикой съ механикой, причемъ собственноручно сдѣлалъ подзорную трубу и микроскопъ. Съ мая по сентябрь 1759 г. Г. прожилъ въ Голландіи, слушая въ Лейденѣ лекціи знаменитаго ботаника фонъ-Ройена, а оттуда вторично отправился въ Англію и продолжалъ тамъ начатое раньше изученіе морскихъ животныхъ и растеній; свои наблюденія надъ молюсками онъ напечаталъ въ «Philosophical Transactions», а надъ зоофитами — въ «Spicilegia zoologica» Палласа, статья же его «Die Fructification der Algen und Farren» осталась въ рукописи. Проживъ въ Англіи полтора года, Г. вернулся черезъ Амстердамъ въ Тюбингенъ и въ 1761 г. получилъ въ мѣстномъ университетѣ каѳедру анатоміи. Въ 1768 г. онъ былъ приглашенъ въ Петербургскую Академію Наукъ профессоромъ ботаники и членомъ Академіи; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ назначенъ директоромъ ботаническаго сада и естественно-историческаго кабинета. Прибывъ въ Россію въ іюнѣ 1768 г., Г. въ слѣдующемъ году принялъ участіе въ путешествіи президента Академіи графа Орлова въ Украйну и изучилъ тамъ множество растеній, описаніе которыхъ осталось въ рукописи. Единственная академическая статья Г. касалась двухъ новыхъ родовъ растеній: Agrorurum и Lagotis, изъ которыхъ послѣдняя была позже описана Палласомъ подъ названіемъ Gymnandra. Есть указаніе, что онъ завѣдывалъ печатаніемъ двухъ послѣднихъ томовъ «Flora Sibirica» Гмелина. Въ «Novi Commentarii» Академіи т. XIV напечатаны его «Observationes et descriptiones botanicae (exhibit. die 12 april. 1770)». Недовольный тѣмъ, что служба оставляетъ мало времени для научныхъ занятій, Г. въ 1770 г. отказался отъ занимаемыхъ имъ должностей и вернулся на родину, гдѣ женился и занялся всецѣло наукой и воспитаніемъ единственнаго сына. Въ 1773 (1770) г. избранъ въ почетные члены Академіи Наукъ. Еще въ Петербургѣ онъ задумалъ обширный трудъ: «De fructibus et seminibus plantarum». Въ 1778 г. ѣздилъ въ Англію и Голландію для собиранія матеріаловъ. Въ свободное отъ занятій главнымъ трудомъ время Г. устроилъ астрономическіе часы и написалъ монографію о compositа. Въ 1788 г. вышелъ въ Штутгартѣ первый томъ труда Г. о плодахъ и сѣменахъ растеній, а въ апрѣлѣ 1791 г. былъ уже готовъ къ печати и второй томъ, который вышелъ въ свѣтъ въ Тюбингенѣ въ томъ же году, но уже послѣ смерти автора. Г. умеръ, работая надъ третьимъ, дополнительнымъ, томомъ. Своимъ трудомъ онъ положилъ основаніе морфологіи плода и сѣмени. Сынъ его Карлъ Фридрихъ Г. (1772—1850) издалъ продолженіе труда отца, подъ заглавіемъ: «Supplementum carpologiae seu continuatio operis Jos. Gaertneri» (Lipsiae, 1805). Въ честь Гертнера соотечественникъ его Шреберъ далъ одному растенію изъ семейства «Malpighiaceae» названіе Gaertneria.

«Allgemeine Deutsche Biographie», VIII, 377—380; Ф. Рупрехтъ, «Записки для исторіи Академіи Наукъ по части ботаники», стр. 13 (Приложеніе къ «Запискамъ Академіи Наукъ», т. VII, С.-Пб. 1865); «Энциклопед. Лексиконъ», изд. Плюшара, т. XIV; Б. Л. Модзалевскій, «Списокъ членовъ Имп. Академіи Наукъ».

Н. Чулковъ.

Гертруда, княгиня, супруга князя Романа Даніиловича Галицкаго, дочь герцога Генриха Австрійскаго изъ Бабенбергскаго дома отъ брака съ Агнесой Тюрингенской, родилась между 1226 и 1228 гг., въ апрѣлѣ 1246 г. вступила въ первый бракъ съ Владиславомъ Моравскимъ, наслѣдникомъ чешскимъ, но уже 7 января 1247 г. овдовѣла. Между тѣмъ 12 іюля 1246 г. былъ убитъ въ сраженіи съ венгерскимъ королемъ Белой IV дядя Гертруды, герцогъ Фридрихъ II Воинственный, съ которымъ угасъ Бабенбергскій домъ. Императоръ Фридрихъ II объявилъ послѣ смерти герцога его владѣнія — Австрію и Штирію, какъ выморочный ленъ, императорскимъ достояніемъ и послалъ въ Вѣну своего намѣстника. Этому воспро-

тивились римскій папа, не желавшій усиленія своего врага-императора, и венгерскій король Бела IV, хотѣвшій самъ добыть себѣ Австрію, но не имѣвшій для завоеванія ея достаточно силъ. На наслѣдіе Фридриха Воинственнаго предъявили притязанія его ближайшія родственницы: сестра его Маргарита, вдова римскаго короля Генриха VII, и племянница Гертруда, въ 1248 г. (до 14 сентября) вышедшая вторично замужъ за маркграфа Германа V (VI) Баденскаго. Маркграфъ, поддерживаемый папой и сильной партіей въ Австріи, овладѣлъ во второй половинѣ 1249 г. Вѣной и другими австрійскими городами, но 4 октября 1250 г. скончался, оставивъ годовалаго сына Фридриха (обезглавленъ въ Неаполѣ въ 1268 г. съ Конрадиномъ Швабскимъ). Австрійскіе чины избрали послѣ этого въ герцоги Австріи и Штиріи чешскаго королевича, будущаго чешскаго короля Оттокара II, который для укрѣпленія своихъ правъ женился въ 1252 г. на Маргаритѣ Австрійской. Но у него явился соперникъ въ лицѣ Белы IV, который обратился за помощью къ князю Даніилу Романовичу Галицкому. Бела и Даніилъ заключили договоръ, согласно которому Даніилъ долженъ былъ оказать помощь венгерскому королю, а сынъ его Романъ получалъ руку Гертруды и въ приданое за ней Австрію при помощи Белы. Согласно договору Романъ вступилъ въ бракъ съ Гертрудой весною 1252 г. въ замкѣ Impirg, т.-е. Himberg (Инеперкъ нашей лѣтописи), подъ Вѣной, а Даніилъ пошелъ въ Чехію въ 1253 г., гдѣ онъ въ союзѣ съ поляками опустошилъ Опавскую землю (Троппау), Бела же не исполнилъ условій договора. Оттокаръ осадилъ Нейбургъ (по Карамзину Юденбургъ), гдѣ находились Романъ и Гертруда, но, не будучи въ состояніи его взять, предложилъ Роману раздѣлить Австрію пополамъ. Романъ, не желая измѣнить своему союзнику, сообщилъ Белѣ о предложеніи Оттокара и просилъ прислать помощь противъ него; Бела, втайнѣ желавшій взять всю Австрію себѣ, ограничился вновь обѣщаніемъ дать Роману города въ Венгріи взамѣнъ тѣхъ австрійскихъ замковъ, которые держали сторону Гертруды, а помощи не прислалъ. Осажденные въ Нейбургѣ между тѣмъ терпѣли большую нужду въ съѣстныхъ припасахъ и голодали. Роману и Гертрудѣ приносила тайно пищу изъ Вѣны одна женщина, пробираясь черезъ войско Оттокара. Гертруда, по словамъ Ипатской лѣтописи, уговорила мужа ѣхать къ отцу, и Романъ, тайно выбравшись изъ города, уѣхалъ на родину. Грушевскій высказываетъ предположеніе, что Гертруда, давая такой совѣтъ мужу, надѣялась на помощь свекра, но король Даніилъ не помогъ сыну. Неизвѣстно, возвратился ли Романъ къ женѣ, вѣроятнѣе, что нѣтъ. Австрійскія хроники упрекаютъ его за то, что онъ бросилъ свою жену. Бракъ, повидимому, былъ расторгнутъ, потому что Романъ впослѣдствіи женился вторично. Вскорѣ послѣ его отъѣзда Гертруда родила дочь Марію, которая впослѣдствіи вышла замужъ за сына загребскаго бана Стефана IV. Бела IV и Оттокаръ II около этого времени примирились и раздѣлили между собою наслѣдіе Бабенберговъ. Гертрудѣ достались значительныя имѣнія въ Штиріи, гдѣ она и поселилась. По другимъ источникамъ, которыхъ придерживался Н. А. Баумгартенъ въ составленной имъ родословной князей Галицкихъ, Гертруда нашла убѣжище у своей тетки Констанціи Мейссенской. Она окончила жизнь монахиней 24 апрѣля, вѣроятно, 1289 г.

Н. А. Баумгартенъ, «Вторая вѣтвь князей Галицкихъ» («Лѣтопись Истор.-Родословн. Общества въ Москвѣ» 1909 г., вып. 1, стр. 20, 21); «Ипатская лѣтопись», С.-Пб. 1871, стр. 544, 545; Соловьевъ, «Исторія Россіи» (изд. Обществ. Пользы), I, 872, 873; Карамзинъ, «Исторія государства Россійскаго», изд. 4, С.-Пб. 1833, стр. 77, 78; Брокгаузъ-Ефронъ, «Энцикл. Слов.», I, 108, 109; М. Грушевський, «Історія Украіни-Руси», III, 74—76, 518; Д. И. Иловайскій, «Исторія Россіи», I, 627—636.

Н. Чулковъ.

Геруа, *Александръ Клавдіевичъ*, инженеръ-генералъ, генералъ-адъютантъ, членъ Военнаго Совѣта, родился въ 1784 г. Отецъ его, по происхожденію французъ, Клодъ Г. (Claude Gueroi или Негоу), былъ академикомъ архитектуры при Екатеринѣ II. Получивъ воспитаніе во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, Г. 27 октября 1800 г. былъ выпущенъ подпоручикомъ въ Піонерный полкъ, а при расформированіи

его (въ 1803 г.) въ 1-й и 2-й піонерные полки, назначенъ во 2-й піонерный полкъ. Въ 1812 г. Г. произведенъ въ капитаны и переведенъ въ 1-й піонерный полкъ, съ которымъ и участвовалъ въ Отечественной войнѣ; онъ находился въ сраженіяхъ при дер. Якубовѣ, Клястицахъ и Головчицѣ (награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ) и при Полоцкѣ; при Клястицахъ и Полоцкѣ онъ принималъ участіе въ постройкѣ мостовъ подъ непріятельскими выстрѣлами. Въ 1813 г. Г., вмѣстѣ съ командуемой имъ ротою, переведенъ въ новоформировавшійся тогда Саперный полкъ. Въ томъ же году онъ участвовалъ въ сраженіи подъ Люценомъ; за возведеніе укрѣпленій подъ Бауценомъ произведенъ въ подполковники; за бой подъ Лейпцигомъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-й ст. Въ 1814 г. былъ въ сраженіяхъ при г. Ножанъ-на-Сенѣ и при Труа и дошелъ до Парижа. Въ 1815 г. Г. принималъ участіе во второмъ походѣ во Францію. За участіе въ войнѣ 1813—1814 гг. награжденъ прусскимъ королемъ орденомъ за заслуги (Pour le mérite). Въ началѣ 1816 г., при расформированіи саперныхъ полковъ, Г., съ командуемой имъ ротою, переведенъ въ 3-й піонерный баталіонъ, квартировавшій въ Москвѣ и употреблявшійся для различныхъ земляныхъ работъ въ отстраивавшейся послѣ пожара столицѣ. Въ концѣ 1816 г. назначенъ командиромъ 3-го баталіона, переименованнаго въ началѣ 1817 г. въ 5-й піонерный баталіонъ. Своимъ внимательнымъ отношеніемъ къ разнообразнымъ условіямъ саперной службы, знаніемъ фронтового строя и занятіями инженерными и военными науками, Г. въ началѣ 1818 г. обратилъ на себя вниманіе Великаго Князя Николая Павловича, генералъ-инспектора по инженерной части, и въ апрѣлѣ 1819 г. былъ переведенъ въ л.-гв. Саперный баталіонъ, а 9 августа того же года назначенъ адъютантомъ къ Великому Князю. Въ ноябрѣ 1819 г. Г. награжденъ орденомъ св. Анны 2 ст. съ алмазами. Въ 1820 г. назначенъ командиромъ л.-гв. Сапернаго баталіона, съ оставленіемъ въ званіи адъютанта Его Высочества. Гвардейскій саперный баталіонъ, сформированный лишь 7 лѣтъ назадъ, требовалъ примѣненія цѣлаго ряда усовершенствованій и нововведеній, и здѣсь проявилась энергія Г. Въ октябрѣ 1821 г. онъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3 ст., а 30 августа 1825 г. назначенъ флигель-адъютантомъ. 14 дек. 1825 г. Г., вызвавъ свой баталіонъ въ Зимній дворецъ, занялъ всѣ дворцовые выходы. 1 янв. 1826 г. онъ произведенъ въ генералъ-маіоры; въ мартѣ того же года, сдавъ порученное ему временное командованіе л.-гв. Московскимъ полкомъ, назначенъ начальникомъ штаба Московскаго отряда гвардейскаго корпуса, предназначеннаго для участія въ коронаціи; въ день коронаціи (22 августа) Г. пожалованъ въ генералъ-адъютанты, а въ октябрѣ назначенъ начальникомъ штаба генералъ-инспектора по инженерной части. Въ этомъ новомъ званіи онъ еще продолжалъ два года командовать л.-гв. Саперным баталіономъ. Въ началѣ 1828 г. Г. принялъ участіе въ войнѣ съ Турціей, отправился съ войсками 2-й арміи, перешелъ съ ними р. Прутъ въ с. Водолуй-Исаки по переправѣ, устроенной подъ его надзоромъ, и вслѣдъ за тѣмъ былъ назначенъ завѣдывать инженерными работами при осадѣ кр. Браилова. Находясь въ продолженіе всей осады въ траншеяхъ, Г. своими быстрыми распоряженіями много содѣйствовалъ успѣху осады, за что былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1 ст. Послѣ занятія Браилова ему поручено осмотрѣть кр. Кюстенджи и составить проектъ укрѣпленія высотъ, ее окружающихъ. 21 іюня 1833 г. Г. назначенъ членомъ Комитета о раненыхъ; въ 1836 г. ему поручены ближайшій надзоръ и завѣдываніе Главнымъ инженернымъ училищемъ; 26 ноября 1837 г. ввѣрено управленіе инженернымъ департаментомъ и инспекторскою частью инженернаго корпуса, сверхъ занимаемой имъ должности начальника штаба генералъ-инспектора по инженерной части. Г. пользовался расположеніемъ своего начальника, генералъ-инспектора по инженерной части Великаго Князя Михаила Павловича, завѣщавшаго ему свои аксельбанты и эполеты л.-гв. Сапернаго баталіона. Служба Г. была награждена орденами св. Владиміра 2 ст. (21 апр. 1835 г.), Бѣлаго Орла

(28 янв. 1840) и св. Александра Невскаго (28 янв. 1842, алмазы къ нему 28 янв. 1846). 18 сент. 1849 г. онъ назначенъ членомъ Военнаго Совѣта. 27 окт. 1850 г., въ день 50-лѣтія его службы, ему была пожалована табакерка съ портретомъ Государя Императора и брилліантовыми украшеніями. Г. скончался 12 февраля 1852 г. 67 лѣтъ. Погребенъ на Волковомъ иновѣрческомъ кладбищѣ.

«Русскій Инвалидъ» 1852 г., №№ 157 и 158 (статья А. Волькенштейнъ); «Петербургскій Некрополь», т. I, стр. 586; «Столѣтіе Военнаго министерства. Государева свита» (по указателю); «Труды Моск. Отдѣла Военно-Историч. Общества», т. IV, ч. 1. Боевой календарь-ежедневникъ (по указателю).

Н. К. Александровичъ.

Герценъ, *Александръ Ивановичъ*, родился 25-го марта 1812 г.въ Москвѣ. Онъ былъ внѣбрачнымъ сыномъ родовитаго московскаго помѣщика Ивана Алексѣевича Яковлева. Послѣдній принадлежалъ къ тому поколѣнію, которое Г. впослѣдствіи называлъ «иностранцами дома, иностранцами въ чужихъ краяхъ, праздными зрителями, испорченными для Россіи западными предразсудками, для Запада русскими привычками: они представляли какую-то умственную ненужность и терялись въ искусственной жизни, въ чувственныхъ наслажденіяхъ и нестерпимомъ эгоизмѣ». Яковлевъ, послѣ недолгой военной службы, въ началѣ девятнадцатаго столѣтія выѣхалъ заграницу, странствовалъ тамъ, а въ 1811 году вернулся въ Россію, вывезя съ собой изъ Штутгарта Генріэту-Вильгельмину-Луизу Гаагъ, мать Г. Поселившись въ Москвѣ, Яковлевъ велъ странную отчужденную жизнь. Онъ съ презрѣніемъ относился ко всѣмъ, подавлялъ домашнихъ холодной ироніей и донималъ требованіями соблюденія приличій, безпощадно гоня всякое проявленіе чувствъ сердца. Положеніе матери Г. въ его домѣ, само по себѣ ложное, было временами очень тяжело. Сыну онъ далъ фамилію Герцена — отъ нѣмецкаго слова Herz, то-есть «дитяти сердца», но оффиціально и постороннимъ всю жизнь называлъ его не иначе, какъ своимъ воспитанникомъ или пріемышемъ. Захватъ Москвы французами засталъ семью врасплохъ, и одно время она скиталась по городу, не зная, куда преклонить голову и чѣмъ накормить ребенка. Послѣ 12-го года раннее дѣтство Г. прошло въ атмосферѣ исключительнаго вниманія къ нему со стороны отца и всего дома; при малѣйшемъ насморкѣ начинались хлопоты и тревога; ребенку не препятствовалось кричать, шумѣть, шалить цѣлые дни, и онъ безъ удержу отдавался природной рѣзвости, только трещали дорогія игрушки. Съ годами отецъ, однако, совершенно перемѣнилъ обращеніе съ мальчикомъ, и послѣдній находитъ себѣ друзей на половинѣ матери и въ средѣ дворни, влекомый къ послѣдней отсутствіемъ товарищества. «Темно и однообразно шло для меня время въ странномъ аббатствѣ родительскаго дома. Не было мнѣ ни поощреній, ни разсѣяній, отецъ мой былъ почти всегда мной недоволенъ, онъ баловалъ меня только лѣтъ до десяти; товарищей не было, учителя приходили и уходили, и я украдкой убѣгалъ, провожая ихъ на дворъ, поиграть съ дворовыми мальчиками, что было строго воспрещено. Остальное время я скитался по большимъ почернѣлымъ комнатамъ съ закрытыми окнами днемъ, едва освѣщенными вечеромъ, ничего не дѣлая или читая всякую всячину». Отъ бездѣлья мальчикъ вошелъ во всѣ интересы и тайны передней и дворни, повелъ «маленькую войну съ отцомъ, соединяясь съ слугами и служанками». Положеніе послѣднихъ въ домѣ было сравнительно сносно, но цѣлый рядъ отталкивающихъ впечатлѣній, связанныхъ съ крѣпостнымъ правомъ, ложился на сердце мальчика. Онъ видѣлъ, какъ сдавали дворовыхъ въ солдаты, какъ сборщики оброка съ мужиковъ били недоимщиковъ. На глазахъ его отравился крѣпостной врачъ Толочановъ. Здѣсь, по собственному признанію Г., онъ почерпнулъ впервые «непреодолимую ненависть ко всякому рабству и ко всякому произволу». Столь же рано онъ чутьемъ схватилъ ложное свое положеніе въ качествѣ незаконнорожденнаго, почувствовалъ не менѣе ложное положеніе матери, и въ немъ рано зародилось враждебное отчужденіе отъ того аристократическаго

круга, куда всегда мечталъ ввести сына Иванъ Алексѣевичъ. Въ раннемъ дѣтствѣ Г. увлеченъ безконечными разсказами о двѣнадцатомъ годѣ, о героической военной и народной борьбѣ съ нашествіемъ враговъ, и самъ дѣтски мечтаетъ короткое время о военной карьерѣ. Ее отецъ и прочилъ мальчику, какъ средство выхода изъ «ложнаго положенія», и не стѣснялся разговорами о томъ въ его присутствіи, и мальчикъ, разбирая вопросъ въ одиночествѣ, увидя, что этотъ путь ему навязываютъ, вдругъ охладѣваетъ къ эполетамъ, лампасамъ и аксельбантамъ. На этомъ кончается пора ребячества Г. — Живой темпераментъ и острый умъ ребенка, перенявшаго или унаслѣдовавшаго отъ отца вѣчную шпильку и остроту; сочувствіе къ судьбѣ добросердечной, всѣми въ домѣ любимой, матери; не дѣтское пониманіе отношеній барина и крѣпостныхъ и вообще зависимыхъ, — все это приводитъ къ ряду столкновеній и тягостныхъ сценъ между отцомъ и подросткомъ, горячо заступающимся за мать. Въ годы школьничества Г. вошелъ внѣшне избалованный и независимый, но не безъ тайнаго надлома и горечи въ сердцѣ. Образованіе его шло съ преобладающимъ вліяніемъ французскаго элемента. Въ домѣ Яковлева была богатая французская библіотека писателей XVIII вѣка, въ которой Г. рылся безо всякаго запрета или контроля. Зачитываясь всѣмъ, что попадало подъ руку, Вольтеромъ и Бомарше, Гёте и Коцебу, Г. рано усвоилъ вольномысленный скептицизмъ, какого держался и Иванъ Алексѣевичъ, впрочемъ относившій религію къ числу необходимыхъ convenances и требовавшій отъ домашнихъ исполненія обряда говѣнія и т. п. Но Евангеліе осталось одной изъ дорогихъ сердцу Г-а книгъ: «Я читалъ безъ всякаго руководства, не все понималъ, но чувствовалъ широкое и глубокое уваженіе къ читаемому. Въ первой молодости моей я часто увлекался вольтеріанизмомъ, любилъ иронію и насмѣшку, но не помню, чтобы когда-нибудь я взялъ въ руки Евангеліе съ холоднымъ чувствомъ; это меня проводило чрезъ всю жизнь»... Уже въ отроческіе годы, Г-а, съ силой религіознаго увлеченія, охватываетъ стремленіе къ политической освободительной дѣятельности. Толчкомъ послужили впечатлѣнія, связанныя съ декабрьскими событіями 1825 г. Пылкое воображеніе Г-а поразили разсказы старшихъ и дворни о 14 декабря, жуткіе разговоры объ арестованныхъ, увезенныхъ и смѣсь страха и уваженія предъ заговорщиками: «мало понимая или очень смутно — въ чемъ дѣло, я чувствовалъ, что я не съ той стороны, съ которой картечь и побѣды». Когда Москва 22 августа 1826 г. праздновала коронацію, Г. на Кремлевской площади, потерянный въ толпѣ, «обрекалъ себя на борьбу». Это настроеніе стали невольно питать и нѣкоторые изъ учителей Г. Въ лицѣ учителя-француза Бушо предъ Г. была живая легенда великой французской революціи: суровый старикъ-эмигрантъ, замѣтивъ въ мальчикѣ интересъ къ якобинскимъ идеямъ, иногда разсказывалъ эпизоды 1793 года и какъ онъ уѣхалъ изъ Франціи, когда «развратные и плуты» взяли верхъ. Въ учителѣ русскаго языка, Иванѣ Евдокимовичѣ Протопоповѣ, Г. нашелъ человѣка, который указалъ ему на освободительное движеніе въ русской литературѣ. Долго Протопоповъ встрѣчалъ въ своемъ ученикѣ упорную лѣнь и разсѣянность, пока не догадался замѣнить сухое заучиваніе уроковъ по учебникамъ живымъ разсказомъ историческихъ эпизодовъ и знакомствомъ съ новыми явленіями русской литературы. Преподаваніе это самъ Г. характеризовалъ, какъ «отрицательное»: добросовѣстно толкуя о метафорахъ, хріяхъ, учитель объявлялъ реторику пустѣйшею вѣтвью изъ всѣхъ вѣтвей и сучковъ дерева познанія добра и зла, рекомендовалъ «образцовыя сочиненія» (обширная хрестоматія ложноклассической школы) и прибавилъ въ видѣ поощренія, что десять строкъ «Кавказскаго плѣнника» лучше всѣхъ образцовыхъ сочиненій. Этому угловатому бурсаку, чувствовавшему, однако, въ чемъ билось сердце русской литературы, Г. открылся съ своими политическими злоумышленіями, и тронутый учитель сталъ носить ему тетрадки съ запретными стихами Пушкина и Рылѣева, которыя Г. переписывалъ, училъ наизусть и страстно деклами-

ровалъ. Такъ же Г. познакомился и съ другими корифеями новѣйшей литературы, съ Грибоѣдовымъ, Жуковскимъ и такъ далѣе, особенно раздѣливъ со своими сверстниками увлеченіе Пушкинымъ. Послѣдній былъ для нихъ, по выраженію Тургенева, «чѣмъ-то въ родѣ полубога: мы дѣйствительно ему поклонялись». Поглощая разнообразныя произведенія новѣйшей литературы, Г. былъ тогда жаркимъ романтикомъ школы Полевого и его «Московскаго Телеграфа». Онъ поклонникъ Шиллера и надолго «уведенъ ватагою Карла Моора въ богемскіе лѣса романтизма». Когда Бушо былъ замѣненъ нѣкіимъ Маршалемъ, Г. своеобразно выразилъ свой протестъ противъ классицизма: перевелъ на французскій языкъ свои упражненія на русскомъ языкѣ, весьма одобренныя Протопоповымъ, разрушавшія классицизмъ, и поднесъ ихъ учителю. Такъ Г. готовился къ поступленію въ университетъ. На порогѣ университета Г-а сильно поразилъ и заставилъ много и серьезно думать еще одинъ человѣкъ, такъ называемый «Химикъ» записокъ Герцена «Былое и Думы», двоюродный братъ его, Алексѣй Александровичъ Яковлевъ, значительно старшій годами, жившій отшельникомъ и страстно занятый исключительно естествознаніемъ. Онъ враждебно относился ко всякому, не основанному на опытѣ и точномъ наблюденіи, философическому обобщенію. Замѣтивъ въ Г. серьезные духовные запросы, «Химикъ» горячо старался привлечь его къ естествознанію, какъ къ единственному надежному источнику познанія, и въ спорахъ, которые вызывалъ самъ Г., высказывалъ свое непреклонное матеріалистическое міропониманіе: «онъ находилъ, что на человѣкѣ такъ же мало лежитъ отвѣтственности за добро и зло, какъ на звѣрѣ; что все — дѣло организаціи, обстоятельствъ и вообще нервной системы... онъ даже нехотя отвѣчалъ на мои романтическія и философскія возраженія»... Подъ вліяніемъ «Химика», Г. привыкъ смотрѣть на естествознаніе, какъ на основу образованія и науки, и вскорѣ поступилъ на естественно-историческій факультетъ. Можетъ быть этому отрезвляющему вліянію надо приписать и тотъ привычный скептицизмъ, съ какимъ впослѣдствіи собесѣдникъ «Химика» встрѣчалъ на вѣру принятыя, апріорныя теоріи, построенія и ученія. «Изъ сказаннаго уже видно, что все ученіе было безсистемно, наука зато для меня не была мертвой буквой, а живою частью моего бытія», — говоритъ Г., но міръ книжный не удовлетворялъ живой души. Въ келейное отрочество Г. теплымъ элементомъ вошла тогда дружба съ молоденькой Татьяной Петровной Кучиной (Пассекъ), въ качествѣ родственницы изрѣдка гостившей въ домѣ Яковлева. Г., моложе ея пятью годами, подтрунивалъ надъ ней за усвоенный ею превыспренній сентиментальный тонъ, но, по собственному признанію, отъ нея научился «быть внимательнымъ, заботиться о другѣ, любить; я научился говорить о чувствѣ. Она поддержала во мнѣ мои политическія стремленія, пророчила мнѣ необыкновенную будущность, славу». Но собственно политическія мечты, конечно, не слишкомъ занимали дѣвушку, и скоро Г. начинаетъ дѣлить ихъ съ новымъ другомъ, съ Николаемъ Платоновичемъ Огаревымъ, братскій союзъ съ которымъ проводилъ Г-а чрезъ всю жизнь до могилы. Чуть ли не въ первый день знакомства они рѣшились вмѣстѣ дѣйствовать въ пользу Константина, а чрезъ мѣсяцъ не могли провести двухъ дней одинъ безъ другого. «Мы были... à la lettre влюбленные, и влюблялись съ каждымъ днемъ больше и больше». Впервые Г. нашелъ человѣка, съ которымъ могъ дѣлиться не только мыслями о прочитанномъ и надуманномъ, но домашними тяжелыми переживаніями (см. «Старый домъ», стих. Огарева). Но всякія дрязги выжигала молодая приподнятость духовныхъ интересовъ. «Дружба, прозябнувшая подъ благословеніемъ Шиллера, подъ его благословеніемъ расцвѣтала! Мы усваивали себѣ характеръ всѣхъ его героевъ. Не могу выразить всей восторженности того времени». Высшимъ ея проявленіемъ была клятва ихъ другъ другу на Воробьевыхъ горахъ, въ виду Москвы, пожертвовать жизнью на избранную ими борьбу. Въ одномъ изъ раннихъ писемъ Г-а къ Огареву дано

полное опредѣленіе ихъ дружбы, достойной стать рядомъ съ знаменитой связью Гёте и Шиллера. «Дивна моя симпатія съ тобою, мы разны, очень разны. Въ тебѣ скрытая, неразвитая глубокая поэзія — involuta. У меня есть поэзія нѣкоторымъ образомъ глубокая, но живая, яркая, поэзія экспансивная, — evoluta... Твое бытіе болѣе созерцательное, мое — болѣе пропаганда. Я дѣятеленъ, ты — лѣнтяй, но твоя лѣнь — дѣятельность для души... Глубокое познаніе другъ друга, взаимное дополненіе — вотъ начала этой дружбы, сильной выше всякихъ обстоятельствъ». Впослѣдствіи Г. не разъ улавливалъ въ смутныхъ настроеніяхъ и проблескахъ мысли Огарева идеи и мысли, получавшія у него полное, ясное огненное выраженіе: онъ вдохновлялся настроеніями друга, какъ поэтъ любимой женщиной. И дружба, дѣйствительно, оказалась выше всякихъ испытаній до конца жизни Г. Онъ окружилъ О-а какимъ-то культомъ его сердечной натуры, прощая ему все за неизмѣнную широту и глубину сочувствія, за «женски-тихій кроткій нравъ» (стихъ Огарева о себѣ), за преданность, наконецъ, раба, готоваго всѣмъ пожертвовать другу, разъ только будетъ надобность. — Изъ впечатлѣній этой же поры необходимо наконецъ указать на сознательно воспринятыя теперь впечатлѣнія деревенской жизни въ полнотѣ ихъ, какія давались подростку при лѣтнихъ наѣздахъ его въ родовое имѣніе Яковлевыхъ Васильевское. Не изъ одного же крѣпостного рабства слагалась помѣстная жизнь, и въ душу Г., по собственному его признанію, уже въ дѣтскіе и ранніе юношескіе годы вошло чувство живой непосредственной связи съ роднымъ бытомъ; это чувство опредѣляло впослѣдствіи, какъ глубокій фонъ, «русскую» и даже «руссофильскую» окраску нѣкоторыхъ его воззрѣній и настроеній.

10 декабря 1820 г. И. А. Яковлевъ, чтобы облегчить сыну прохожденіе чиновъ, зачислилъ его въ вѣдомство «экспедиціи кремлевскаго строенія», показавъ ему 14 лѣтъ вмѣсто 8. Своимъ порядкомъ Г. получалъ чины (кол. регистратора, губерн. секретаря, коллежскаго секретаря) и по желанію отца долженъ былъ держать при университетѣ экзаменъ на чинъ асессора. Но юноша настоялъ на поступленіи въ университетъ (съ осени 1829 г.), избравъ физико-математическое отдѣленіе философскаго факультета. Университетъ далеко не стоялъ тогда на должной высотѣ, и Г. не безъ основанія вспоминалъ впослѣдствіи съ благодарностью изъ всѣхъ профессоровъ только лектора физики и сельскаго хозяйства М. Г. Павлова; Павловъ читалъ на своихъ лекціяхъ также введеніе въ философію и излагалъ Шеллинга и Окена. Болѣе, нежели профессурѣ, Г. считалъ себя въ университетѣ обязаннымъ общенію съ товариществомъ. Яковлевъ всячески старался ввести своего «воспитанника» въ аристократическій міръ, но Г. остался чуждъ золотой молодежи, всецѣло отдавшись демократическому студенчеству. Около Г. и Огарева (годомъ позже поступившаго въ университетъ) образовался цѣлый кружокъ, въ который входили Н. И. Сазоновъ (1813—1863), Н. М. Сатинъ (1814—1873), Вадимъ Пассекъ, Н. Х. Кетчеръ, А. Н. Савичъ и др. Одновременно въ университетѣ сложился другой кружокъ, центрами котораго были Н. В. Станкевичъ, В. Г. Бѣлинскій, К. С. Аксаковъ и др., отдававшійся, въ противоположность кружку Герцена, не общественно-политическимъ и соціальнымъ вопросамъ, а философскимъ, эстетическимъ и чисто литературнымъ интересамъ. «Имъ не нравилось наше исключительное политическое направленіе, намъ не нравилось ихъ почти исключительно умозрительное, они насъ считали фрондерами и французами, мы ихъ — сентименталистами и нѣмцами». «Что мы собственно проповѣдывали, трудно сказать. Идеи были смутны — говоритъ Г., — мы проповѣдывали французскую революцію, потомъ проповѣдывали сенсимонизмъ и ту же революцію, мы проповѣдывали конституцію и республику, чтеніе политическихъ книгъ и сосредоточеніе силъ въ одномъ обществѣ. Но пуще всего проповѣдывали ненависть ко всякому насилію, ко всякому произволу». Сенсимонизмъ въ особенности поразилъ воображеніе Г—а и его

кружка. «Новый міръ толкался въ дверь, наши души, наши сердца растворялись ему. Сенсимонизмъ легъ въ основу нашихъ убѣжденій и неизмѣнно остался въ существенномъ» — говоритъ Г. въ «Быломъ и Думахъ», выдвигая въ особенности такіе элементы сенсимонизма, какъ освобожденіе женщины, реабилитація плоти. Но увлекали, конечно, и болѣе существенныя черты этой соціальной системы, ея критика существующихъ отношеній, принципы ассоціаціи, требованіе обновленія христіанства, высокая роль, отводимая въ благодѣяніяхъ будущаго, богатству и просвѣщенію, наконецъ, увлекала общая мечтательно-героическая настроенность ученія, воспринятаго, какъ нѣчто въ родѣ новой религіи.

Въ началѣ лѣта 1833 г. Г. сдалъ экзамены и 6 іюля въ торжественномъ засѣданіи университета объявленъ удостоеннымъ степени кандидата и серебряной медали за сочиненіе «Историческое развитіе Коперниковой системы».

Изъ университета Г. вынесъ жажду и живую потребность серьезнаго самообразованія. Онъ погружается въ чтеніе по исторіи, праву, философіи, политической экономіи, тяготѣя попрежнему къ соціалистическимъ вѣяніямъ. Еще на студенческой скамьѣ Г. сблизился съ московской литературной средою, между прочимъ съ издателемъ «Московскаго Телеграфа» Н. Полевымъ. Но не удовлетворяясь этимъ журналомъ и другими немногими тогда существовавшими, Г. и друзья въ началѣ 1834 г. выработали программу новаго энциклопедическаго журнала, съ цѣлію «слѣдить за человѣчествомъ въ главнѣйшихъ фазахъ его развитія, для сего возвращаться иногда къ былому, объяснить нѣкоторыя мгновенія дивной біографіи рода человѣческаго и изъ нея вывести свое собственное положеніе, обратить вниманіе на свои надежды». Журналъ долженъ былъ охватить науки историческія (литературу и соціальные вопросы) и естествознаніе, объединяя отдѣлы единствомъ воззрѣній, какимъ, конечно, былъ бы сенсимонизмъ. Это предпріятіе, однако, не могло осуществиться. — Къ этому моменту относится первое сердечное увлеченіе Г-а — сестрою В. Пассека Людмилою (Гаэтаною, какъ звалъ ее Г. по имени героини одного романа, возлюбленной политическаго мученика), но это увлеченіе скоро смѣнилось болѣе серьезнымъ и глубокимъ чувствомъ, окрѣпшимъ въ томъ самомъ политическомъ гоненіи, какое предчувствовалъ Г.

9 іюля 1834 г. былъ арестованъ Огаревъ, прикосновенный къ кружку молодежи, въ которомъ при кутежахъ пѣлись, между прочимъ, пѣсни Соколовскаго, «наполненныя гнусными и злоумышленными выраженіями противъ вѣрноподданической присяги». Затѣмъ, въ ночь съ 20 на 21 іюля былъ арестованъ послѣ обыска въ домѣ Яковлева и Г., посаженный сначала въ Пречистенскую часть, потомъ въ Крутицкій монастырь, превращенный въ тюрьму. Разслѣдованіе дѣла было поручено комиссіи подъ предсѣдательствомъ попечителя университета кн. С. М. Голицына, и эта комиссія, въ предварительной своей запискѣ, нашла, что Г. — «молодой человѣкъ пылкаго ума, и хотя въ пѣніи пѣсенъ не обнаруживается, но изъ переписки его съ Огаревымъ видно, что онъ смѣлый вольнодумецъ, весьма опасный для общества». Впослѣдствіи Огаревъ и Г., а также присоединенные къ нимъ позднѣе Сатинъ и Лахтинъ, составили въ дѣлѣ особый разрядъ «обращающихъ на себя вниманіе образомъ мыслей своихъ». 31 марта 1835 г. всѣмъ привлеченнымъ по дѣлу былъ объявленъ приговоръ, которымъ Г. ссылался на житье и службу въ Пермскую губернію. Молодой и крѣпкій здоровьемъ, Г. легко перенесъ тюремное одиночное заключеніе, поддерживаемый мыслію о несправедливости гоненія, и въ ближайшее время вспоминаетъ о немъ не безъ тайной гордости, какъ о времени своего духовнаго роста и укрѣпленія. Занятіями его въ тюрьмѣ были писаніе, изученіе итальянскаго языка, чтеніе Четьи-Минеи. Въ тюрьмѣ начинается полоса мистическихъ настроеній, поддержанныхъ въ особенности глубокою любовью къ Наталіи Александровнѣ Захарьиной. Родная младшая сестра Яковлева-«Химика», воспитанница княгини Хованской, сестры И. А. Яковлева, восторженно-религіозно настроенная дѣвушка, въ мрачномъ старческомъ домѣ своей воспитательницы, незамѣтно для

увлеченнаго товариществомъ и отвлеченными интересами Г., полюбила его и сосредоточила на немъ всѣ мысли, мечты и интересы. Только случайная встрѣча и разговоръ съ Н. А. у кладбища приходской церкви объ арестованномъ Огаревѣ, наканунѣ ареста самого Г., заставили молодого человѣка почувствовать обаяніе ея. Изъ тюрьмы Г. начинаетъ съ нею переписываться и передаетъ ей даже одно изъ первыхъ своихъ литературныхъ произведеній, легенду о св. Ѳеодорѣ. Въ тюрьмѣ же имъ набросанъ «Германскій путешественникъ», разсказъ о мнимой встрѣчѣ съ Гёте; это — отраженіе другой полосы настроеній Г., его художественнаго призванія и взгляда на общественный долгъ, лежащій на великомъ, такъ же какъ на маломъ человѣкѣ. Послѣ объявленія резолюціи по дѣлу Г. не былъ освобожденъ изъ тюремнаго заключенія до самаго выѣзда изъ Москвы. Наканунѣ выѣзда, 9 апрѣля, онъ увидѣлся съ Наташей на нѣсколько минутъ въ тюрьмѣ, и хотя слова любовь не было сказано, но предчувствіе ея жило въ обоихъ. 28 апрѣля Г. прибылъ въ Пермь, но вскорѣ былъ переведенъ въ Вятку, куда пріѣхалъ 19 мая 1835 г. 1 іюня онъ назначенъ переводчикомъ губернскаго правленія. Служба была въ сущности обязательной праздностью, но была тягостна и безсодержательностью и зависимостью отъ губернатора Тюфяева, крайне грубаго и ограниченнаго служаки. Учрежденіе статистическаго комитета въ губерніи открыло Г. возможность болѣе осмысленной работы, и сдѣланные Г. въ вятскомъ обществѣ успѣхи, въ качествѣ состоятельнаго и образованнаго молодого человѣка изъ столицы, сглаживали принудительную службу: онъ вездѣ принятъ, бываетъ даже у архіерея, съ которымъ бесѣдуетъ о православіи и католицизмѣ, появляется въ числѣ почетныхъ гостей на экзаменѣ въ училищѣ, блещетъ въ гостиныхъ и пр. Но скоро около Г. образуется тѣсный кругъ молодежи, оцѣнившей его не за успѣхи въ гостиныхъ, а за горѣвшій въ немъ энтузіазмъ къ міру мысли и чувства, и въ свою очередь онъ находитъ, въ лицѣ ссыльнаго архитектора-художника А. Л. Витберга, человѣка, предъ авторитетомъ сердца и возвышеннымъ идеализмомъ котораго самъ преклоняется. Въ Витбергѣ Г. нашелъ «опору твердую, крѣпкую» своей мистической настроенности, особенно развившейся подъ чарующимъ вліяніемъ переписки съ Наташей. Въ этой перепискѣ данъ рядъ интимнѣйшихъ сердечныхъ изліяній, раскрытъ необычайно трогательный экстазъ религіознаго и личнаго чувства. Это чувство со стороны дѣвушки граничитъ съ визіонерствомъ, и она вѣрно сказала, «когда перейдемъ въ вѣчность, эти письма будутъ громче и полезнѣе всякаго памятника». Въ Наташѣ, послѣ кратковременнаго романа съ нѣкоей Медвѣдевой (г-жа Р. «Былого и Думъ»), Г. нашелъ теперь свою Беатриче, непогрѣшимую руководительницу на пути нравственнаго самосовершенствованія для небесной обители. Онъ отказывается отъ прежнихъ самолюбивыхъ мечтаній о славѣ, дѣятельности и поприщѣ, мечтаетъ лишь о союзѣ съ нею, но въ то же время онъ сознаетъ: «во мнѣ съ ребячества поселилась огненная дѣятельность, дѣятельность внѣ себя. Отвлеченной мыслью я не достигну высоты, я это чувствую, но могу представить себѣ возможность большаго круга дѣятельности, которому бы я могъ сообщить огонь души». Но родомъ дѣятельности представлялась тогда лишь служба, и на альтернативу — служить ли ему или писать, Наташа рѣшительно говорила: «писать!» и Г. писалъ довольно много. Большая часть этихъ писаній не сохранилась. Въ Вяткѣ Г. закончилъ статью о Гофманѣ, напечатанную въ № 10 «Телескопа» за 1836 г., переработалъ «Германскаго путешественника» и легенду о св. Ѳеодорѣ, написалъ «Вторую встрѣчу» или «Человѣкъ въ венгеркѣ». Не дошли до насъ: мистическая повѣсть «Тамъ», «Третья встрѣча» или «Шведъ» (о Витбергѣ), «I Maestri», гдѣ фигурировали Дмитріевъ, Витбергъ и Жуковскій, и различные наброски. Въ однихъ наброскахъ молодости Г. мы видимъ выраженія крайней мистической настроенности, другіе — вполнѣ реалистичны и проникнуты живымъ юморомъ и бодрымъ вниманіемъ къ окружающему міру, среди котораго борцу надо занять свое мѣсто. Когда съ 1838 г.

въ Вяткѣ завелись, какъ въ остальныхъ губерніяхъ, «Губернскія Вѣдомости», Г. естественно явился ихъ редакторомъ и организаторомъ. Имъ помѣщено здѣсь начало монографіи о вятскихъ инородцахъ и нѣкоторые другіе этнографическіе матеріалы. Ему же пришлось принять участіе въ устройствѣ въ Вяткѣ публичной библіотеки и даже сказать рѣчь при ея открытіи. Это было уже наканунѣ отъѣзда изъ Вятки. Избавленіе явилось неожиданно. Во время путешествія въ 1837 г. наслѣдника престола, впослѣдствіи Императора Александра II, Г. по порученію Тюфяева составилъ выставку мѣстнаго края, съ которымъ познакомился въ служебныхъ поѣздкахъ, и достигъ хорошихъ результатовъ. 18 мая Наслѣдникъ осматривалъ выставку, остался очень доволенъ, и по настоянію сопровождавшихъ высокаго гостя Жуковскаго и К. И. Арсеньева, объ отличіи молодого устроителя выставки было сообщено министру внутреннихъ дѣлъ, а Жуковскій и лично оказалъ много вниманія Г. Положеніе Г. вслѣдствіе этого существенно измѣнилось, тѣмъ болѣе что на мѣсто Тюфяева, обнаружившаго во время проѣзда Наслѣдника много неудобныхъ для администратора качествъ, былъ назначенъ Корниловъ, товарищъ Пушкина по Лицею, цѣнитель литературы, очень привѣтливо и на равной ногѣ относившійся къ Г. 15 ноября того же года, по представленію шефа жандармовъ о переводѣ Г. въ Москву, «для сближенія съ его родственниками», послѣдовала Высочайшая резолюція о переводѣ во Владиміръ на Клязьмѣ. Жизнь Г-а здѣсь (съ начала 1838 г.) была продолженіемъ жизни въ Вяткѣ. Г. завѣдывалъ редакціей «Губернскихъ Вѣдомостей», велъ оживленную переписку съ Наташей, которую наконецъ и увезъ тайно изъ Москвы и обвѣнчался съ нею 10 мая 1838 г., о чемъ подробно разсказано въ «Быломъ и Думахъ». За самовольную женитьбу отецъ наказалъ его тѣмъ, что не прибавилъ къ прежнему окладу ни копейки, но, впрочемъ, позднѣе перемѣнилъ гнѣвъ на милость. Письма Г. этого періода полны выраженій совершеннаго гармоническаго счастья. 15 марта 1839 г. во Владиміръ пріѣхалъ съ женою Огаревъ, и тогдашняя настроенность друзей выразилась тѣмъ, что они всѣ четверо повергнись предъ Распятіемъ. «Это былъ періодъ романтизма въ моей жизни, — резюмируетъ позднѣе Г. вятско-владимірскій періодъ: — мистическій идеализмъ, полный поэзіи, любовь, всепоглощающее и все направляющее чувство». Недавній сенсимонизмъ Г. теперь окрасился мистически, и свое общественное міровоззрѣніе той поры Г. сравниваетъ съ мистически соціальными мечтаніями Пьера Леру. 16 іюля 1839 г. съ Г. былъ снятъ полицейскій надзоръ. Осенью онъ бываетъ въ Москвѣ и знакомится съ большинствомъ людей, вскорѣ слитыхъ въ знаменитомъ кругѣ западниковъ сороковыхъ годовъ. Въ концѣ 1839 г. Г. въ Петербургѣ, гдѣ хлопочетъ о производствѣ въ чинъ, дававшій права дворянства, о чемъ очень заботился И. А. Яковлевъ для своего «воспитанника» и что совершенно удалось. 29 февраля 1840 г. Г. причисленъ съ чиномъ коллежскаго асессора къ канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ и этимъ самымъ получаетъ право повсемѣстнаго жительства. Въ половинѣ марта онъ съ женою и сыномъ-первенцемъ (извѣстный впослѣдствіи за границей профессоръ физіологіи Александръ Александровичъ Герценъ) навсегда оставилъ Владиміръ. Жизнь Г. за 1834—40 гг. въ провинціи не прошла безслѣдно даже для убогихъ Вятки и Владиміра, въ которыхъ онъ давалъ примѣръ, правда — очень скромной, но все же нужной, особенно въ то время, культурной работы. Съ своей стороны Г. воспринялъ громадный запасъ непосредственныхъ, жизненныхъ впечатлѣній и наблюденій провинціальной общественной и народной среды, впослѣдствіи переработанныхъ для литературной дѣятельности, и, наконецъ, просто жилъ молодою, но обаятельно прекрасной жизнью, поскольку она была обвѣяна высокими духовными интересами, проникнута жаркими чувствами братства и просвѣтлена чистою любовью.

Въ половинѣ мая 1840 г. Г. прибылъ на службу въ Петербургъ, но былъ ею занятъ мало, а больше—наблюденіями, чтеніемъ и литературной работой. Вятско-владимірскій періодъ розоваго, ро-

мантическаго оптимизма, полный, несмотря на испытанія, свѣтлыхъ надеждъ, уступаетъ мѣсто тяжелому кризису, который закончился только года чрезъ два и поставилъ Г. въ центрѣ движенія общественной мысли, рядомъ съ Бѣлинскимъ и Грановскимъ. Исторія этой мысли подробно говоритъ объ извѣстномъ увлеченіи философіею Гегеля, воспринятой на порогѣ сороковыхъ годовъ М. Бакунинымъ и Бѣлинскимъ, какъ консервативно-фаталистическое міропониманіе. Живая натура Г. до глубины души возмущалась этой окраской увлеченія молодыхъ философовъ, и средь междоусобицы противорѣчивыхъ мнѣній онъ почувствовалъ необходимость самому изучить Гегеля. Онъ приходитъ къ заключенію, что «философія Гегеля — алгебра революціи, она необыкновенно освобождаетъ человѣка и не оставляетъ камня на камнѣ отъ міра христіанскаго, отъ міра преданій, пережившихъ себя. Но она, можетъ съ намѣреніемъ, дурно формулирована». Г. примыкаетъ теперь тѣснѣе къ кружку Бѣлинскаго, съ 1839 г. переѣхавшаго въ Петербургъ и работавшаго въ «Отеч. Зап.». Этому предшествовало объясненіе съ Бѣлинскимъ, отрекшимся отъ недавнихъ консервативныхъ статей о Бородинской годовщинѣ, формулировавшихъ понятіе царскаго самодержавія, какъ основное начало русской жизни, «въ отношеніи къ которому «отечество» есть понятіе подчиненное, слѣдствіе причины». Въ «Отечеств. Запискахъ» въ это время напечатана небольшая статья Г-а, предисловіе къ переводу «Меровинговъ» Тьерри, и «Записки одного молодого человѣка» — воспоминанія Г. о дѣтствѣ и юности и Вяткѣ, прототипъ будущихъ «Былого и Думъ», показывающій, что литературный талантъ Г. уже быстро зрѣетъ. Въ это время онъ занятъ также чтеніемъ о петровской реформѣ, какъ важномъ моментѣ поворота Россіи на общеевропейскій путь. Неожиданно на него обрушивается въ началѣ декабря 1840 г. новая бѣда. Въ письмѣ къ отцу Г. сообщалъ о случаѣ, взволновавшемъ тогда столичное общество: будочникъ убилъ прохожаго. Письмо попало въ III отдѣленіе, озабоченное прекращеніемъ толковъ о возмутительномъ происшествіи, Г-а вызвали для внушенія и пригрозили немедленно высылкой обратно въ Вятку. Однако, ему удалось добиться отсрочки высылки и позволенія выбрать между Тверью и Новгородомъ, а министръ внутр. дѣлъ гр. Строгановъ назначилъ его въ Новгородъ совѣтникомъ губернскаго правленія, что было служебнымъ повышеніемъ. Новую ссылку, хотя и смягченную даже обѣщаніемъ въ будущемъ вице-губернаторства, Г. принялъ далеко не такъ, какъ первую: «разъѣдающая злоба кипѣла въ моемъ сердцѣ» — говоритъ онъ. Вдобавокъ, появленіе полиціи и жандармовъ въ квартирѣ Г. напугало его жену, она преждевременно родила ребенка, умершаго черезъ день, и здоровье ея было подорвано въ корнѣ. Убѣждая Огарева ѣхать пока можно за границу, Г. условливался встрѣтиться съ нимъ въ Женевѣ 1-го января 1845 г. и находилъ своего рода пользу въ «контузіи № 2»: «я было затерялся (по примѣру XIX вѣка) въ сферѣ мышленія, а теперь снова сталъ дѣйствующимъ и живымъ до ногтей». — Г. дождался въ Петербургѣ Огарева, проводилъ его за море и 1 іюля 1841 г. явился въ Новгородъ. На новомъ мѣстѣ службы, его поразили мрачные разсказы о временахъ аракчеевщины, объ укрощеніи бунта военныхъ поселянъ, и нравы города, какъ уродливая пародія на столицу. Служба подъ начальствомъ военнаго губернатора Зурова также была весьма тягостна, какъ общимъ характеромъ тогдашней провинціальной службы, такъ и особенностями положенія Г. Второе отдѣленіе губернскаго правленія, которымъ завѣдывалъ Г., вело дѣла о злоупотребленіяхъ помѣщичьей власти, о раскольникахъ, фальшивыхъ монетчикахъ и людяхъ, находящихся подъ полицейскимъ надзоромъ (и какъ совѣтникъ, Г. каждые три мѣсяца свидѣтельствовалъ рапортъ полиціймейстера о собственномъ своемъ поведеніи). Занимаясь службой настолько, чтобъ не получить замѣчанія и не попасть въ бѣду, Г. обратилъ вниманіе на дѣла о раскольникахъ, которыя совсѣмъ отложилъ въ сторону, и на дѣла о помѣщикахъ, устранивъ въ этой части нѣсколько вопіющихъ злоупотребленій. Но принудительная служба невыносимо то-

мила его. Въ декабрѣ 1841 г. Г. пишетъ письма о прощеніи Дубельту, начальнику III Отдѣленія, и Бенкендорфу, шефу жандармовъ, но послѣдовала резолюція Государя: «онъ два раза уже наказанъ и не заслуживаетъ сего снисхожденія». Наконецъ, въ началѣ 1842 г., Г. однажды увидѣлъ, какъ въ ногахъ губернатора тщетно валяется крестьянка, которую помѣщикъ, пользуясь жестокимъ закономъ, ссылалъ на поселеніе, оставляя у себя ея сына. Безсильный помочь, Г. ушелъ изъ губернскаго правленія, въ тотъ же день подалъ рапортъ о болѣзни и 2 апрѣля 1842 г. — прошеніе объ отставкѣ «за болѣзнію». Отставку съ чиномъ надворнаго совѣтника Г. получилъ, но былъ оставленъ на житье въ Новгородѣ. Какъ послѣднее ни было тягостно, но Г. почувствовалъ себя окрыленнымъ: «изъ двухъ чудовищъ, стоящихъ подлѣ меня, съ вѣчно поднятою дубиною (другое чудовище — постоянный страхъ за здоровье жены), одно исчезло. И какъ будто съ выходомъ въ отставку я обязанъ работать, ибо досугъ мой, время мое. И я буду работать!». Занятія по исторіи, съ мыслью о которыхъ Г. поселился въ Новгородѣ, не осуществились, уже потому, что въ Новгородѣ съ трудомъ можно было находить необходимыя книги, но тѣмъ внимательнѣе и настойчивѣе Г. продолжалъ изучать «Гегеля и нѣмцевъ», связывая съ этимъ изученіемъ рѣшеніе всѣхъ занимавшихъ его вопросовъ личнаго существованія и мірового смысла жизни. Длинная и крѣпкая цѣпь тяжелыхъ жизненныхъ впечатлѣній и переживаній (въ томъ числѣ страданія и смерть дѣтей, рождавшихся, чтобъ вскорѣ умереть) приводитъ Г. къ полному разрыву съ традиціонными религіозными представленіями и мистическими упованіями на загробный міръ. Въ одномъ письмѣ этого времени (3 февраля 1842 г.) онъ такъ формулируетъ новое свое настроеніе и представленіе о первенствующемъ значеніи въ мірѣ живой человѣческой личности, отрѣшенной отъ узъ традиціи: «Скажите Бѣлинскому, что я прочиталъ и *хорошо* Феноменологію (Гегеля), чтобъ онъ ругалъ однихъ послѣдователей..., а великую тѣнь не трогалъ бы. Къ концу книги точно въѣзжаешь въ море: глубина, прозрачность, вѣяніе духа несетъ — lasciate ogni speranza — берега исчезаютъ, одно спасеніе внутри груди, но тутъ-то и раздается: «Quid timeas? Caesarem vehis!» — страхъ разсѣевается, берегъ вотъ, прекрасные листки фантазіи ощипаны, сочные плоды дѣйствительности тутъ. Исчезли ундины, но полногрудая дѣва ждетъ». Эти метафоры вошли въ одну изъ статей Г. этого времени о «Дилетантизмѣ въ наукѣ». Статьи начаты немедленно послѣ подачи въ отставку, въ качествѣ «пропедевтическаго слова желающимъ приняться за философію, но сбивающимся въ цѣли, правѣ, средствѣ науки». Кратко смыслъ этихъ образовъ сводится къ признанію высшимъ критеріемъ, мѣриломъ познанія — правъ, запросовъ и пониманія человѣческой личности. «Оставьте надежду навсегда», нуждающіеся въ опорахъ на внѣшній внѣміровой авторитетъ, строящіе міровоззрѣніе свое на представленіи о выше человѣка стоящихъ сознательныхъ силахъ. Единственный руководитель человѣку въ міровой пустынѣ — онъ самъ, его сознаніе, единственный, безстрашный, достойный возвеличенія Цезарь — самъ духъ человѣческій. Отъ несуществующаго въ реальности міра сущностей, отъ логическихъ фантазій — скорѣе въ міръ живой дѣйствительности. Окончательную окраску этимъ новымъ взглядамъ Г. дала книга Фейербаха, «Сущность христіанства», привезенная въ началѣ іюня 1842 г. въ Новгородъ Огаревымъ. Другъ привезъ также и другую сенсаціонную новинку — «Мертвыя души». Книга Гоголя навѣяла на Г. тяжелое раздумье о судьбахъ и нравахъ родины, но онъ увидѣлъ въ ней хотя и горькій упрекъ современной Россіи, но «не безнадежный». Съ этимъ новымъ настроеніемъ, свободнымъ мыслителемъ, созрѣвшимъ для самостоятельнаго вліянія на умы, Г. рвался изъ Новгорода. Здѣсь глохла всякая душевная энергія, а онъ все болѣе чувствовалъ себя борцомъ: «моя натура по превосходству соціабельная, — записываетъ онъ въ дневникѣ. — Я назначенъ собственно для трибуны, форума, такъ, какъ рыба для воды». Однимъ изъ пріобрѣтеній времени новгородской ссылки было большее, чѣмъ прежде, вниманіе Г. къ крѣ-

постному вопросу, съ которымъ онъ имѣлъ дѣло и по службѣ, а также вообще укрѣпленіе симпатій къ крестьянству, къ народу. Расширеніе кругозора Г. дѣлало новгородскую жизнь невыносимо тѣсной. Вдобавокъ, и въ семейныхъ отношеніяхъ было не все благополучно. Болѣзненная Наталія Александровна таитъ разочарованіе въ мечтахъ о романтическомъ вѣчномъ сліяніи души своей съ душою мужа. Онъ рвется отъ тѣснаго семейнаго круга въ міръ общечеловѣческихъ интересовъ и дѣятельности, а главное — оказался способенъ къ весьма прозаической, хотя и мимолетной, измѣнѣ, и она скорбно перебираетъ въ душѣ горькія мысли о томъ, что они будто бы не пара, и жестоко терзаетъ его и себя своими жалобами и сомнѣніями. Г. пускаетъ въ ходъ всѣ усилія и связи. Въ хлопотахъ предъ Императрицей отъ имени Наталіи Александровны, какъ нуждающейся въ спеціальной врачебной помощи, приняли особое участіе авторъ «Тарантаса» графъ Соллогубъ и его родственникъ, извѣстный графъ Віельгорскій. 9 іюля 1842 г., наконецъ, пришло Г-у разрѣшеніе переѣхать въ Москву, но безъ права въѣзда въ Петербургъ.

Возвращеніемъ въ Москву, въ августѣ 1842 г., начинается новый пятилѣтній періодъ жизни Г., богатый разнообразнымъ участіемъ его въ возбужденной умственной жизни столицы и обильный литературными трудами. Г. вошелъ въ бывшій кружокъ Н. В. Станкевича, почти цѣликомъ примкнувшій къ профессору всеобщей исторіи московскаго университета Т. Н. Грановскому. Образовался новый тѣсный кружокъ, получившій кличку западниковъ, болѣе тѣсное ядро котораго составляли, кромѣ Грановскаго и Г., В. П. Боткинъ, Н. Х. Кетчеръ, Е. Ѳ. Коршъ, молодые профессора университета; нѣсколько позднѣе Кавелинъ, Тургеневъ и др. Изъ Петербурга наѣзжали Бѣлинскій, П. В. Анненковъ, И. И. Панаевъ и др. Въ сторонѣ стоялъ производившій не малое впечатлѣніе на Г-а П. Я. Чаадаевъ. Ближайшимъ человѣкомъ для Г. въ эти годы становится на нѣсколько времени Грановскій, замѣнившій для него собою Огарева. И въ воспоминаніяхъ, и въ современныхъ записяхъ дневника, Г. съ умиленіемъ и радостью сердца отмѣчаетъ свѣтлыя поэтическія стороны этой тѣсной товарищеской жизни кружка, гдѣ роились и зрѣли мысли, ставшія потомъ мыслью и настроеніемъ цѣлыхъ поколѣній русскихъ людей. Но въ дневникѣ отмѣченъ и внутренній глубокій трагизмъ этого отданія міру идей и дружескаго общенія среди глубоко равнодушнаго общества, при враждѣ и подозрѣніи со стороны властей и полномъ отрѣшеніи отъ жизни глубокихъ народныхъ слоевъ. Страстная натура Г. энергично протестовала противъ вынужденнаго бездѣйствія зрѣлыхъ для общественнаго творчества людей, и дневникъ его мѣстами полонъ несказанной, наполнявшей его душу, горечи. Отсюда характерныя для людей сороковыхъ годовъ неумѣренныя самообвиненія и жалобы на безволіе и безсиліе. Но внутреннія сомнѣнія, создавшія «лишнихъ людей», въ Г-ѣ не могутъ взять верхъ надъ сознаніемъ собственной силы и быстро завоеваннаго значенія. Успѣхъ статей о «дилетантизмѣ и романтизмѣ въ наукѣ» окрыляетъ его. «Жребій брошенъ, я не могу жить иначе, нѣчто похожее на призваніе заставляетъ меня подымать голосъ, а *они* (т.-е. власти) не могутъ вынести человѣческаго голоса. Вліяніе, которое дѣлаетъ мой голосъ, убѣждаетъ всѣмъ жертвовать, ибо кромѣ его я ни къ чему не призванъ» (28 февраля 1843 г.). Упорно и систематически работая для своихъ статей, для которыхъ имъ перерабатывалась громадная масса философской литературы, Г. столь же внимательно слѣдитъ и за новѣйшими теченіями въ политической экономіи. Ученикъ въ молодости Сенъ-Симона, онъ изучаетъ теперь всю новѣйшую соціалистическую литературу Франціи — Фурье, Консидерана, Прудона, Луи Блана и т. д. Это была пора великихъ упованій, и въ свою очередь и на Г. возлагались исключительныя надежды, рядомъ съ ненавистью къ нему за его вольномысленныя убѣжденія. Въ немъ всѣ видѣли блестящаго остроумца и собесѣдника. Людей поражалъ неистощимый потокъ его рѣчи, предъ которымъ бѣжала претензія, напыщенность и педантическая важность, и въ шедшей тогда полемической борьбѣ мнѣній западничества и славяно-

фильства онъ выступилъ въ качествѣ виднѣйшей силы западниковъ. Онъ велъ въ салонахъ Чаадаева, Свербеева, Елагиной нескончаемые споры, въ особенности съ Хомяковымъ, видя въ немъ равнаго по силѣ діалектики бойца и доводя до послѣдней остроты и крайности логическую мысль, не пугаясь «свирѣпой имманенціи», т.-е. атеизма. Но замѣчательно, что Г. ранѣе другихъ западниковъ оцѣнилъ демократическую сторону стараго славянофильства, и въ рѣчахъ и долею фантастическихъ построеніяхъ противниковъ уловилъ, какъ интимно близкое себѣ настроеніе, ихъ тяготѣніе къ чему-то родному въ жизни массъ крестьянства, живой источникъ искренняго національнаго чувства. Это — та струя, которая, живо пробиваясь во всѣхъ писаніяхъ и переживаніяхъ Г., впослѣдствіи легла въ основу его соціалистическаго русскаго народничества. Дневникъ его изобилуетъ записями, въ которыхъ бьется чувство глубокой симпатіи къ народной массѣ, сознаніе какой-то темной непосредственно ощущаемой связи съ нею и отвращеніе къ безправному положенію народа и къ виновникамъ такого положенія. Г. приходитъ къ замѣчательной мысли, что западники, если хотятъ сохранить за собою прочно вліяніе на общественное мнѣніе, должны овладѣть темами славянофиловъ. Онъ даетъ въ своемъ кругу уроки болѣе серьезнаго отношенія къ идеямъ славянофильства, прислушивается къ указаніямъ посѣтившаго Москву барона Гакстгаузена, заинтересованнаго русскою общиною, и т. д., и приходитъ къ заключенію, что противоположенія западнаго и русскаго односторонни и потому потеряли смыслъ. Однако, споры съ «друзьями-врагами» оканчивались нерѣдко и тяжелыми личными размолвками. Вслѣдствіе этого личныя отношенія прерывались, хотя напр. съ Константиномъ Аксаковымъ Г. разстался обнявшись и поцѣловавшись, въ трогательномъ проявленіи взаимнаго личнаго уваженія. Впослѣдствіе Г. въ статьѣ 1861 г. далъ извѣстную глубоко прочувствованную характеристику западниковъ и славянофиловъ, какъ людей *одной*, но *неодинаковой* любви, которые «какъ Янусъ, или какъ двуглавый орелъ, смотрѣли въ разныя стороны, въ то время, какъ сердце билось одно». — Гораздо больше, нежели устной полемикѣ съ славянофилами, Г. отдалъ въ Москвѣ разнообразной и напряженной литературной работѣ, доставившей въ короткое время его постоянному псевдониму *Искандеръ* необыкновенную популярность, не меньшую, можетъ быть, чѣмъ извѣстность Бѣлинскаго. Г. писалъ сначала преимущественно въ «Отечественныхъ Запискахъ», а съ 1847 г., когда Бѣлинскій перешелъ въ «Современникъ», въ этомъ послѣднемъ журналѣ. Весьма многочисленны мелкія статьи Г., посвященныя выпадамъ противъ славянофиловъ и ихъ союзниковъ. Кое-что изъ этихъ мелочей блещетъ зрѣлой отточенной мыслью и искрится всегдашнимъ юморомъ, въ особенности заслуживаютъ упоминанія, какъ предчувствіе будущихъ политическихъ статей Г. замѣтки «Москва и Петербургъ» и «Новгородъ Великій и Владиміръ на Клязьмѣ».

Всѣ произведенія Г. сороковыхъ годовъ распредѣляются затѣмъ на три группы. На первомъ мѣстѣ стоятъ чисто философскія, преимущественно теоретическія, статьи — подъ общимъ заглавіемъ «Дилетантизмъ въ наукѣ» (начатыя въ Новгородѣ) и очерки по исторіи философіи «Письма объ изученіи природы» (1844—1846 гг.). Для современнаго читателя философскія статьи Г., насквозь проникнутыя пріемами и терминами гегеліанской школы, представляютъ не мало трудностей, и даже въ сороковые годы Г. не совсѣмъ несправедливо упрекали за эти статьи въ темнотѣ, «искандеризмахъ», даже въ «птичьемъ языкѣ». Темнота часто была намѣренной, такъ какъ иначе невозможно было провести чрезъ цензуру многія мысли, и напр. Г. долженъ былъ совершенно отказаться отъ изложенія системы Спинозы: «такой, право, былъ жидъ, хоть брось», — комически жаловался Г. въ письмѣ, восхищаясь прямотою и силою мысли великаго философа, абсолютно не укладывавшейся въ русскія цензурныя рамки. Въ основу міропониманія, излагаемаго Г. въ его статьяхъ, легли гегеліанство и въ особенности Фейербахъ, книгу котораго Г. называлъ «книгою Истины и

Любви». Собственно теорія познанія, съ которой нынѣ начинаетъ всякая философская система, у Фейербаха мало разработана, за нимъ и Герценъ ею не занимается, на первомъ планѣ религіозная проблема и этика. Г. не могъ въ печати распространяться о первой изъ нихъ съ необходимой ясностью, и самое ученіе Фейербаха о человѣческомъ родѣ въ цѣломъ, какъ носителѣ полнаго міропознанія и создающемъ Бога по своему образу и подобію, осталось въ сторонѣ. Все свое вниманіе Г. сосредоточилъ на проповѣди представленія о живой человѣческой личности, какъ о единомъ, что остается прочнымъ и достовѣрнымъ, и на одушевленной защитѣ правъ человѣческаго разума, все постигающаго и указующаго новые дерзновенные пути личности. «Хвала дерзкому языку, которымъ съ нѣкотораго времени заговорила наука нашего времени — восклицаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ: — это кончитъ поскорѣе всѣ недоразумѣнія (подъ наукой по преимуществу здѣсь разумѣется философія, какъ вѣнецъ всѣхъ отдѣльныхъ дисциплинъ). Ей не нужно скрываться, у нея совѣсть чиста; пора говорить просто, ясно; пора все говорить, насколько это возможно». Съ новой своей точки зрѣнія Г. критикуетъ мнимыхъ друзей науки, которыхъ называетъ дилетантами науки, буддистами ея и цеховыми учеными. Дилетанты, это — платоническіе поклонники философіи, недовольные ею, когда она подрываетъ ихъ предубѣжденія и самодовольный покой мнимаго знанія; буддисты — успокоившіеся на отвлеченномъ разсудочномъ пониманіи и не претворяющіе новаго знанія въ жизнь; наконецъ, цеховые ученые — это формалисты, затерявшіеся въ частностяхъ спеціальныхъ наукъ. Въ противность этимъ мнимымъ друзьямъ науки, Г. требуетъ совершеннаго отданія мысли велѣніямъ и указаніямъ разума, какія бы дорогія предубѣжденія и традиціи ни разрушались при этомъ, и въ итогѣ разрушенія разумомъ всякихъ ложныхъ построекъ вырисовывается автономная свободная человѣческая личность, которой мало спокойнаго созерцанія и видѣнія, но нужно и дѣйствованіе, «ибо одно дѣйствованіе можетъ вполнѣ удовлетворить человѣка. Дѣйствованіе сама личность». «Изъ вратъ храма науки — вѣритъ Г. — человѣчество выйдетъ съ гордымъ и поднятымъ челомъ, вдохновенное сознаніемъ: omnia sua secum portans — на творческое созданіе веси Божіей»... Возвышенный и благородный лиризмъ этихъ страстно проповѣдуемыхъ вѣрованій далъ поводъ Боткину назвать одну изъ этихъ статей «героической симфоніей». Молодое, бодрое, боевое настроеніе и эта вѣра во всемогущество науки — всеохватывающей руководительницы жизни — не могли не привлекать тогда молодые умы. «Письма объ изученіи природы» имѣли то же значеніе. Въ изложеніи Г. смѣна философскихъ міропониманій во многихъ мѣстахъ вставлена въ рамки культурнаго развитія человѣчества и является одною изъ формъ борьбы его за свободу мысли и знанія. Въ «письмахъ» кромѣ того настойчиво проводилась новая для того времени идея первенствующаго значенія естествознанія, какъ основного матеріала для выработки научнаго міровоззрѣнія. Г. упредилъ здѣсь позднѣйшее широкое увлеченіе всего русскаго общества естествознаніемъ, какъ основою философіи. Ни въ литературѣ, ни въ оффиціальной наукѣ той поры не выступало никого, кто могъ бы сравняться тогда съ Г. въ этой области философскихъ вопросовъ, по широтѣ кругозора, прямотѣ и безстрашію выводовъ, и Г. въ своихъ философскихъ статьяхъ былъ первымъ теоретикомъ міровоззрѣнія, нынѣ первенствующаго въ обширныхъ кругахъ.

Къ философскимъ статьямъ Г. примыкаютъ его многочисленныя статьи этическаго характера, касающіяся самыхъ разнообразныхъ сторонъ человѣческой жизни вообще и русской въ частности. Здѣсь безпокойный анализъ Г. направленъ на явленія обыденной жизни, и онъ настаиваетъ, что «дѣйствительно трудное для пониманія не за тридевять земель, а возлѣ насъ, такъ близко, что мы и не замѣчаемъ его: частная жизнь наша, наши практическія отношенія къ другимъ лицамъ, наши столкновенія съ ними». Въ этомъ анализѣ обыденнаго и грубыхъ нарушеній справедливости, составляющихъ повседневный бытъ всѣхъ и каждаго, Г. безспорно предвосхитилъ настроенія Льва Толстого.

Чуждый духа аскетизма, теоретическія основы своей этики Г. полагаетъ въ эвдемонистическомъ принципѣ, и въ немъ Г. видитъ исходъ изъ бездны нелѣпицы и несчастій. Среди нея бьются люди, принимая готовыя формы жизни и личнаго поведенія, тогда какъ только нужно выходить изъ этихъ формъ, чтобы открыть вокругъ себя цѣлый міръ новыхъ радостныхъ отношеній и связей съ людьми. Въ статьѣ «По поводу одной драмы» Г. указываетъ, какъ страшенъ можетъ быть міръ исключительной семейной привязанности, страшенъ полной необезпеченностью этой готовой формы отношеній отъ всякаго рода случайностей, ломающихъ жизнь и безнадежно губящихъ человѣка, если кромѣ семьи у него ничего нѣтъ. Въ своихъ статьяхъ этого рода, которымъ очень идетъ названіе одной изъ нихъ «Капризы и раздумье», Г. нѣсколько разъ наталкивается на парадоксъ о повальномъ безуміи рода человѣческаго, не умѣющаго доселѣ разумно устроить свою жизнь, и этотъ парадоксъ онъ блестяще, въ художественной формѣ, развиваетъ въ «Отрывкѣ изъ сочиненія доктора Крупова о душевныхъ болѣзняхъ вообще и объ эпидемическомъ развитіи оныхъ въ особенности». Вездѣ, какую область человѣческихъ отношеній ни взять, д-ръ Круповъ находитъ блестящія доказательства повальнаго помѣшательства людей. Но замѣчательно, что въ этомъ, самомъ по себѣ мрачномъ, построеніи Г-на, напоминающемъ измышленія Свифта, нѣтъ и тѣни того человѣконенавистничества, которое отличаетъ безнадежную сатиру автора «путешествій Гулливера», выше человѣка поставившаго лошадей. Сатира Г. скорѣе добродушна, чѣмъ зла, всюду вѣетъ «чаяніемъ будущаго вѣка», и исторія для Крупова не только «связный разсказъ родового, хроническаго безумія», но и его «медленнаго излѣченія». Бѣлинскій и Грановскій равно считали д-ра Крупова лучшимъ созданіемъ Г., вещью, наиболѣе полно и задушевно отразившею всю личность Г. Грановскій сравнилъ ее съ шутками Вольтера.

Капризное сочетаніе неподдѣльнаго искренняго лиризма свѣтлой и доброй души, горячаго порыва къ свободѣ и свѣту, ироніи, острой разлагающей мысли, иногда разъѣдающей скептической грусти и рядомъ легкаго жизнерадостнаго остроумія — это сочетаніе отличаетъ и другія беллетристическія вещи Г-а. Собственно художественный талантъ Г. не получилъ должнаго развитія, или точнѣе — отлился своеобразно, какъ все, имъ созданное. Романическая часть, построеніе повѣсти и развитіе содержанія въ дѣйствіи и діалогѣ у него довольно слабы. Повѣсти Г. и его главный романъ «Кто виноватъ?» были вскорѣ заслонены блестящимъ развитіемъ романа у Тургенева, Гончарова, Толстого и пр. Однако, это — важная страница исторіи литературы, не потерявшая значенія и для современнаго читателя. Лучшее опредѣленіе художественнаго таланта Г. дано Бѣлинскимъ въ письмѣ Г-у 6 апрѣля 1846 г. «Ты не поэтъ! объ этомъ смѣшно и толковать; но вѣдь и Вольтеръ не былъ поэтъ... У тебя, какъ у натуры, по преимуществу мыслящей и сознательной, талантъ и фантазія ушли въ умъ, оживленный и согрѣтый, такъ сказать осердеченный гуманистическимъ направленіемъ, не привитымъ и не вычитаннымъ, а присущимъ твоей натурѣ. У тебя страшно много ума, такъ много, что я и не знаю, зачѣмъ его столько одному человѣку... Если ты лѣтъ въ десять напишешь три-четыре томика, поплотнѣе и порядочнаго размѣра, ты — большое имя въ литературѣ, и попадешь не только въ исторію русской литературы, но и въ исторію Карамзина» — удивительное предсказаніе, какъ никогда оправданное. Какъ «художникъ-гуманистъ», Г. естественно примыкаетъ къ гоголевской школѣ съ ея созерцаніемъ міра сквозь видимый смѣхъ и невидимыя слезы. Его повѣсть «Сорока-воровка» и романъ «Кто виноватъ?» стояли въ ряду съ другими произведеніями сороковыхъ годовъ, разоблачавшими пошлость русской общественности и касавшимися болѣе или менѣе открыто крѣпостного быта. Г-омъ излюблены типы людей, въ царствѣ крѣпостного произвола отстаивающихъ человѣческое достоинство свое. Таковы — крѣпостная актриса («Сорока-воровка»), крѣпостная гувернантка, незаконнорожденная Любонька, таящая въ душѣ

молчаливый, но страстный протестъ противъ порядка вещей, сдѣлавшаго ее съ матерью игрушкой въ помѣщичьемъ домѣ. Яркія и живыя картины обыденнаго помѣщичьяго быта у Г-на доселѣ живутъ, какъ художественная правда. Г. ставитъ также, примыкая къ роману увлекшей тогда русскую литературу Жоржъ Зандъ, вопросъ о семейныхъ отношеніяхъ и свободѣ женскаго чувства. Наконецъ, огромный интересъ въ свое время представляла главная фигура романа «Кто виноватъ?» Важная разновидность «лишняго человѣка» той поры, Бельтовъ, по нѣкоторымъ чертамъ, двойникъ самого Герцена, съ его огромными запросами и жаждой жизни и дѣятельности, но безъ его огромнаго литературнаго таланта, безъ тѣсной связи съ передовыми дѣятелями тогдашней общественно-литературной жизни и безъ способности къ упорному систематическому труду. Современники, напр. Иванъ Аксаковъ и гр. Алексѣй Толстой, чрезвычайно высоко ставили «Кто виноватъ?», а позднѣйшая критика признавала, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ человѣкъ сороковыхъ годовъ представленъ герценовскимъ Бельтовымъ полнѣе и лучше, чѣмъ даже прославленными типами Тургенева, что отчасти и справедливо (К. Головинъ).

Въ общемъ литературная дѣятельность Г-а за сороковые годы представляется нѣсколько блѣдной въ сравненіи съ прямою, мужественною и зрѣлою его мыслью и рѣчью въ заграничный періодъ его жизни. Но уже и въ русской своей полосѣ Г., можно сказать, вполнѣ опредѣлился. Стоя впереди другихъ товарищей-западниковъ по широтѣ и глубинѣ воспринятыхъ отъ Запада идейныхъ возбужденій, онъ тѣмъ не менѣе былъ глубоко правъ, когда сказалъ о себѣ: «господствующая ось, около которой шла наша жизнь — это наше отношеніе къ русскому народу, вѣра въ него, любовь къ нему... и желаніе дѣятельно участвовать въ его судьбахъ». Но въ тогдашней Россіи онъ не могъ не чувствовать себя тѣсно и нудно, и онъ, неудовлетворяемый тѣмъ, что могла дать литературная дѣятельность при тогдашней цензурѣ, подъ постояннымъ страхомъ новыхъ и новыхъ незаслуженныхъ и оскорбительныхъ гоненій, продолжалъ тяготѣть и рваться къ свободѣ, прежде всего къ личной, а ее найти можно было только заграницей. Увлекаемый примѣромъ Бакунина, побуждаемый письмами Огарева, Г. серьезно задумывался объ эмиграціи, но — пишетъ онъ въ дневникѣ: «не для того, чтобъ жить тамъ праздному и проживать все свое состояніе пошло» (3 окт. 1845 г.). Тѣсно и скучно становится Г. даже съ близкими друзьями, и напр. съ Грановскимъ у него происходитъ нѣчто въ родѣ размолвки изъ-за споровъ о безсмертіи души, что, кстати сказать, служитъ показателемъ, какъ серьезно и къ сердцу принимались друзьями столь общіе и вѣчные вопросы. Значительное разстояніе между Г. и его московскимъ кружкомъ оказалось и во взглядахъ на очередной великій вопросъ времени—соціальный. Г. жадно изучалъ соціалистическую литературу и, не пугаясь воинствующихъ манифестовъ тогдашняго соціализма, вопреки Грановскому, скептически къ нему настроенному, ждалъ скораго общаго конфликта. Онъ мечталъ быть свидѣтелемъ, а можетъ быть и участникомъ соціальной катастрофы въ Европѣ, какъ предшественницы обновленія и родины. Въ этотъ моментъ, во всякомъ случаѣ навсегда отлились взгляды Г. на соціальный вопросъ, какъ на единственно важный вопросъ новѣйшей исторіи и общественности, чѣмъ закончилось возвращеніе его къ предчувствіямъ Сенъ-Симона и образованіе его взглядовъ, какъ перваго русскаго соціалиста.

Въ это время, 6 мая 1846 года умеръ И. А. Яковлевъ, и Г. сталъ наслѣдникомъ довольно значительнаго состоянія. Принимая наслѣдство, Г. освободилъ всѣхъ дворовыхъ людей Яковлева, нѣсколько десятковъ семей. Состояніе давало средства ѣхать заграницу. Послѣ долгихъ хлопотъ Г. добился снятія полицейскаго надзора и слѣд. возможности получить заграничный паспортъ. Послѣдній выданъ 9 дек. 1846 года и давалъ Г. съ женою и троими дѣтьми отпускъ изъ Россіи на 6 мѣсяцевъ въ Италію и Германію для лѣченія жены. О Парижѣ, куда собственно и собирался Г., въ паспортѣ не упоминалось.

19 января 1847 г. Г. съ семьею, матерью и двумя подругами жены,

М. Ѳ. Коршъ и М. К. Эрнъ, тронулись въ дальній путь, провожаемые московскими друзьями, объятіями и рыданіями даже мужчинъ, смутно предчувствовавшихъ, что для непосредственнаго вліянія на умы сородичей можетъ потеряться сила громаднаго размѣра и исключительной оригинальности. 31 января Г. переѣхалъ въ Таурогенѣ границу, и его жизнь съ этого момента переломилась. Въ Европѣ ему грезилось пока смутно участіе въ творческой зиждущей работѣ освобожденнаго человѣчества для созданія «веси Божіей», золотого вѣка сенсимонистовъ, что само по себѣ представлялось высшимъ счастіемъ свободы, такъ обаятельно прекрасной послѣ потемокъ русской тюрьмы и ссылки. Но довольно скоро началось разочарованіе. Въ Германіи Г. пробылъ очень недолго, привлекаемый Парижемъ. «Въ *Парижѣ* — едва ли въ этомъ словѣ звучало для меня меньше, чѣмъ въ словѣ «Москва» — говоритъ онъ. Г. быстро сбросилъ съ себя отпечатокъ москвича, съ одушевленіемъ отдался волнѣ тогдашняго соціально-политическаго броженія и вскорѣ чрезъ Бакунина и Сазонова вошелъ въ интересы крайнихъ демократическихъ кружковъ, ставъ здѣсь своимъ человѣкомъ. Блестящее образованіе, полное пониманіе вопросовъ, занимавшихъ французскую и международную демократію, въ средѣ которой тогда пробивалось сознаніе солидарности труда въ разныхъ странахъ, личныя дарованія, — все это поставило Г. въ уровень талантливѣйшихъ передовыхъ людей Запада, и съ теченіемъ времени онъ завоевываетъ здѣсь симпатіи множества даровитѣйшихъ людей. Самодержавная николаевская Россія казалась для международной демократіи постоянной угрозою, и каждый русскій, чтобы быть принятымъ въ демократіи на равной ногѣ, долженъ былъ прежде всего заставить забыть, что онъ русскій, слѣд. варваръ. Не могъ отъ гнета этихъ предубѣжденій уйти и Герценъ, и если вѣрить одному полицейскому донесенію, онъ даже малодушно выдавалъ себя за пруссака. Но очень скоро Г. находитъ себя и позднѣе онъ всегда и систематически подчеркиваетъ, что онъ русскій и что выступаетъ не въ качествѣ исключенія, но какъ представитель, хотя и случайный, Россіи будущаго, Россіи свободной. Мало-по-малу домъ Г. въ Парижѣ, по выраженію Анненкова, сдѣлался «подобіемъ Діонисіева уха, гдѣ ясно отражался весь шумъ Парижа, малѣйшія движенія и волненія, пробѣгавшія на поверхности его уличной и интеллектуальной жизни». Г. началъ было для русскихъ изданій повѣсть изъ временъ великой французской революціи съ русскимъ героемъ въ центрѣ, но повѣсть, конечно, не могла появиться. За то произвели у насъ большое впечатлѣніе его «Письма изъ Avenue Marigny», появившіяся въ «Современникѣ» и позднѣе составившія начало «Писемъ изъ Франціи и Италіи». Въ самыхъ первыхъ изъ этихъ писемъ мы находимъ еще оттѣнокъ восхищенія французскою культурой. Однако, склонность Г. углубляться въ міръ обыденныхъ, всѣхъ равно захватывающихъ, отношеній приводитъ его къ подкладкѣ и оборотной сторонѣ блестящей внѣшности, и онъ въ видѣ основного фона парижской жизни рисуетъ уже вовсе не широкій размахъ духовныхъ и соціальныхъ интересовъ, а опошливающее господство самой мелкой «буржуазности», царство мѣщанства, господство вкусовъ мелкаго эгоистическаго пошиба. Эти письма, съ ихъ блестящей остроумной формой и глубокой временами мыслью, явили собою въ русской публицистикѣ едва ли не первый примѣръ освѣщенія западноевропейской жизни не со стороны только сопоставленій съ русскою, но и со стороны подлинной ея соціально-политической сущности. Эта сущность, господство мѣщанства, «смерть въ литературѣ, смерть въ театрѣ, смерть на трибунѣ, ходячій мертвецъ Гизо, съ одной стороны, и дѣтскій лепетъ сѣдой оппозиціи, съ другой» — такіе итоги парижской жизни погнали Г-а въ половинѣ октября 1847 г. изъ Парижа. Онъ ѣдетъ въ Италію, уже бурно стремившуюся тогда къ политическому освобожденію, объединенію и національной независимости. Это вѣяніе духа свободы властно увлекло Г., и онъ считалъ, что Италіи «обязанъ обновленіемъ вѣры въ свои силы и въ силы другихъ». Особенно сильныя впе-

чатлѣнія были пережиты Г. въ Римѣ и Неаполѣ, гдѣ онъ сошелся съ дѣятелями итальянскаго освобожденія и въ дни манифестацій жилъ на площадяхъ; напр., въ мартѣ 1848 года въ Римѣ Г. оказался въ центрѣ демонстраціи по поводу начала борьбы съ Австріей, будучи, вмѣстѣ съ женой и ея подругами, увлеченъ пылкими демонстрантами на почетныя мѣста въ качествѣ гостей итальянскаго свободнаго народа. Вѣсти о революціи во Франціи, о республикѣ, о движеніи Европы не давали остыть энтузіазму, и характерно, что въ Италіи впервые мысль Г. все чаще и чаще обращается къ Россіи, вплоть до лирическаго отступленія въ одномъ изъ писемъ изъ Италіи въ честь русскаго села («да здравствуетъ, господа, русское село — будущность его велика!»). Въ разгаръ радостнаго одушевленія страны, еще недавно составлявшей только «географическое понятіе», но возставшей изъ мертвыхъ, невольно грезилось о такомъ же возстаніи изъ мертвыхъ для другой страны. Съ этими впечатлѣніями итальянскаго возрожденія у Г. связалась и особливая симпатія изо всѣхъ людей Запада именно къ дѣятелямъ итальянскаго освобожденія, его восторженное отношеніе къ Маццини, Гарибальди, Саффи и др. Но Г-у казалось немыслимо не быть въ Парижѣ, когда тамъ снова республика, воскрешающая память дѣтскихъ увлеченій. 5 мая 1848 г. Г. снова въ Парижѣ, гдѣ предъ нимъ развернулась бурная политическая арена. Онъ жадно разбирается во всемъ происходящемъ, и если нѣсколько времени еще и обольщается надеждами и планами бланкистовъ на поворотъ революціи въ сторону глубокихъ соціальныхъ реформъ, то скоро убѣждается, что правѣе онъ былъ въ своихъ сомнѣніяхъ, чѣмъ въ надеждахъ. Полный разгромъ въ ужасные, кровавые дни 23—26 іюня соціалъ-революціонныхъ силъ, смутно и безцѣльно поднявшихъ безнадежное возстаніе, вызвалъ въ Г. настоящее отчаяніе въ способности людей Запада найти выходъ изъ путаницы соціальной вражды. Іюньскіе дни, въ страшномъ томленіи и тоскѣ бездѣйствія, онъ провелъ съ Тургеневымъ и немногими русскими въ волнующемся Парижѣ, причемъ раза два попадалъ въ крайне рискованное положеніе: былъ арестованъ на улицѣ національными гвардейцами, а дома подвергся обыску, въ качествѣ иностранца, со стороны котораго подозрѣвалась возможность участія въ заговорѣ. На время Г. теряетъ всякую вѣру въ возможность для человѣчества когда бы ни было вырваться изъ-подъ ига звѣриныхъ чувствъ, такъ разыгравшихся въ это кровавое время. Онъ подвергаетъ отнынѣ скептическому пересмотру все, чѣмъ жили окружавшіе его дѣятели: «сомнѣніе заносило свою тяжелую ногу на послѣднія достоянія, оно перетряхивало не церковную ризницу, не докторскія мантіи, а революціонныя знамена». Осенью Тургеневъ и другіе возвращались въ Россію, а Г. рѣшилъ уже, что остается за границей. Около него собиралась теперь пестрая богема изъ эмигрантовъ разныхъ странъ, съ ихъ обманчивыми надеждами на возобновленіе въ ближайшее время революціоннаго подъема и съ крайней нуждою въ средствахъ жизни, которыя въ немалыхъ размѣрахъ они получали отъ Г. Слѣдя за разложеніемъ республики во Франціи и за реакціею въ Европѣ, Г. вперемежку съ письмами изъ Франціи и Италіи писалъ статьи, составившія книгу «Съ того берега». Первымъ марта 1849 г. помѣчено, вошедшее въ эту книгу, глубоко трогательное, задушевное прощаніе съ родиной, исповѣдь и программа будущей дѣятельности во имя свободы родины: «остаюсь затѣмъ, что борьба *здѣсь*, что, несмотря на кровь и слезы, здѣсь разрѣшаются общественные вопросы, что здѣсь страданія болѣзненны, жгучи, но *гласны*... Мѣсяцы цѣлые взвѣшивалъ я, колебался, и, наконецъ, принесъ все на жертву: *человѣческому достоинству, свободной рѣчи*»... «Я здѣсь полезнѣе, — говоритъ онъ русскимъ друзьямъ, — я здѣсь — безцензурная рѣчь ваша, вашъ свободный органъ, вашъ случайный представитель». И онъ указываетъ еще и другое дѣло для русской эмиграціи: «Пора дѣйствительно знакомить Европу съ Русью, Европа насъ не знаетъ! она знаетъ наше правительство, нашъ фасадъ и больше ничего... Пусть она

узнаетъ ближе народъ... который какъ-то чудно умѣлъ сохранить себя подъ игомъ монгольскихъ ордъ и нѣмецкихъ бюрократовъ, подъ капральской палкой казарменной дисциплины и подъ позорнымъ кнутомъ татарскимъ; который сохранилъ величавыя черты, живой умъ и широкій разгулъ богатой натуры подъ гнетомъ крѣпостного состоянія, и въ отвѣтъ на царской призывъ образоваться — отвѣтилъ чрезъ сто лѣтъ громаднымъ явленіемъ Пушкина»...

Этотъ рѣшительный шагъ Г. ставилъ его совершенно одиноко, и до осуществленія въ какой-либо мѣрѣ всей программы было еще далеко. 13 іюня 1849 г. Г. принялъ участіе въ манифестаціи въ Парижѣ противъ римской экспедиціи, посланной французскимъ правительствомъ на защиту папы отъ итальянской революціи. Послѣ разгона демонстраціи и попытки возстанія въ Ліонѣ, въ Парижѣ начались аресты, и Г., съ паспортомъ какого-то румына, скрылся въ Женеву. Здѣсь, по его словамъ, онъ началъ понимать, что «революція не только побѣждена, но что она должна была быть побѣждена». Къ этому моменту относится участіе Г. въ газетѣ Прудона (Voix du peuple), для которой Г. внесъ залогъ въ 24 тысячи франковъ. Въ газетѣ за подписью «Русскій» Г. напечаталъ обширную статью о Россіи, первоначальный очеркъ своихъ руссофильскихъ идей, первое обращеніе его къ людямъ Запада въ исполненіе программы «Прощанія», а также статью «Донозо Кортесъ», вошедшую въ книгу «Съ того берега». Въ 1850 г. газета, имѣвшая хорошій успѣхъ, прекратилась, такъ какъ залогъ Г. былъ поглощенъ штрафами. Въ этомъ же году русское правительство наложило запрещеніе на костромское имѣніе Г. и потребовало немедленнаго возвращенія Г., на что онъ письмомъ отъ 23 сентября на имя шефа жандармовъ отвѣтилъ категорическимъ отказомъ, мотивировавъ послѣдній неизбѣжнымъ, безъ суда, преслѣдованіемъ, какого ожидаетъ въ случаѣ возвращенія. Въ августѣ 1851 г. состоялось опредѣленіе сената: «сего подсудимаго, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, считать изгнанникомъ навсегда изъ предѣловъ государства; имѣніе, какое у него окажется, отдать законнымъ по немъ наслѣдникамъ». Въ видѣ демонстраціи и во избѣжаніе недоразумѣній, какія бывали въ Женевѣ нерѣдко съ эмигрантами, Г. еще раньше, въ 1850 г., натурализовался во Фрибургскомъ кантонѣ, въ деревенькѣ Шатель близъ Мора (Муртенъ), записавшись со всею семьею въ число мѣстныхъ крестьянъ. Изъ Женевы Г. по дѣламъ ѣздилъ иногда въ Парижъ, гдѣ у него былъ купленъ домъ. Но весною 1850 г. онъ былъ высланъ изъ предѣловъ Франціи.

Г. перебрался, наконецъ, въ Ниццу (въ то время еще итальянскую), уходя съ шумной сцены безплодной агитаціи и мнимой борьбы. Маццини предлагалъ ему въ это время вступить въ возникавшій въ Лондонѣ международный революціонный комитетъ, въ качествѣ представителя революціонной Россіи. Г. категорически отклонилъ это предложеніе, не находя возможности примкнуть къ присяжной мнимой революціи, и писалъ, что предпочитаетъ дѣйствовать на свой страхъ съ перомъ въ рукахъ. Въ Ниццѣ Г. закончилъ «Письма изъ Франціи и Италіи» и издалъ на нѣмецкомъ языкѣ «Съ того берега». Тамъ же написаны письмо къ Мишле «Русскій народъ и соціализмъ» — горячее возраженіе на распространенныя понятія о Россіи, какъ о странѣ только варварской, и книга «Du développement des idées révolutionnaires en Russie». Всѣ эти произведенія доставили Г-у видную литературную извѣстность во Франціи и Германіи. Его связи съ выдающимися людьми Запада растутъ и крѣпнутъ, но мысль его и сердце всецѣло обращены къ Россіи. «Возвращеніе къ народу» — таково новое основное настроеніе Г.: «вѣра въ Россію спасла меня на краю нравственной гибели» — говоритъ онъ. Эта вѣра была для него источникомъ успокоенія и въ тяжелыхъ личныхъ испытаніяхъ. Въ Ниццу за Г. послѣдовалъ и нѣмецкій поэтъ Георгъ Гервегъ, котораго Г. въ Парижѣ ввелъ самъ въ свой домъ, считалъ другомъ, посвящалъ ему свои статьи. Съ нимъ Наталія Александровна уѣхала изъ Ниццы, покинувши мужа и дѣтей. «Ея сердцемъ, какъ болѣзнь, завладѣла несчастная

страсть» (слова Г. въ письмѣ къ Жоржъ Зандъ). Исторія этого загадочнаго романа разсказана Г. въ неопубликованной до сихъ поръ части «Былого и Думъ», которая, по отзыву Тургенева, «горитъ и жжетъ». 8 іюля 1851 г. Н. А. уже вернулась къ мужу, и на время въ ихъ жизни прошла снова свѣтлая полоса, озаренная счастливыми воспоминаніями молодости. Но въ ту же осень, 16 ноября 1851 года, мать Г. и сынъ Коля, глухонѣмой мальчикъ — болѣзненная привязанность Нат. А., потонули въ морѣ при крушеніи парохода, и Н. А. уже не оправилась отъ этого потрясенія и умерла 2 мая 1852 г. Г. съ трудомъ справился съ отчаяніемъ. Онъ призывалъ Гервега къ суду международной демократіи, для его нравственнаго уничтоженія, какъ убійцу, и казался умственно поврежденнымъ. Послѣ ряда безцѣльныхъ скитаній, онъ, наконецъ, 25 августа 1852 года пріѣхалъ по приглашенію Маццини въ Лондонъ, и здѣсь началась новая полоса его жизни и дѣятельности.

Взгляды Г-на на судьбы новаго западно-европейскаго развитія слагались подъ живымъ впечатлѣніемъ грандіозныхъ европейскихъ событій. «Письма изъ Франціи и Италіи» и «Съ того берега», это — итогъ его раздумья надъ Европой. Первая изъ этихъ книгъ живо отражаетъ внутреннюю жизнь Г. отъ первыхъ впечатлѣній заграницы и до конца 1851 года, когда переворотъ 2 декабря вызвалъ изъ его груди отчаянный крикъ «Vive la mort!». Но письма имѣютъ и свою самостоятельную объективную цѣнность. Она — въ живыхъ и яркихъ картинахъ общественнаго движенія, въ огнѣ одушевляющей ихъ страсти и вдумчивомъ анализѣ событій, лицъ и явленій. Съ этой стороны ихъ справедливо сопоставляютъ съ классическими въ германской литературѣ общественно-политическими письмами Берне и Гейне. Съ рѣдкой проницательностью Г. разсмотрѣлъ внутреннюю слабость европейскаго движенія, поверхностность пониманія вещей со стороны демократовъ и неизбѣжность жестокихъ разочарованій; Г., напр., предсказалъ неминуемое возвышеніе Наполеона, предсказалъ въ то время, какъ его считали совершенной безцвѣтностью. Разочарованный теперь въ національномъ характерѣ французовъ, Г. огульно отрицательно относился къ нимъ, оставаясь близкимъ развѣ къ Прудону, столь же рѣзко относившемуся къ радикаламъ. Онъ предвидитъ также мрачныя катастрофы: «Вся Европа выйдетъ изъ фугъ своихъ, будетъ втянута въ общій разгромъ; предѣлы странъ измѣнятся, народы соединятся другими группами, національности будутъ сломлены и оскорблены... Современный государственный бытъ со своей цивилизаціей погибнутъ, будутъ, какъ учтиво выражается Прудонъ, ликвидированы». Г. оказался на этотъ разъ плохимъ пророкомъ, но эти мрачныя ожиданія глубочайшихъ соціальныхъ потрясеній окрасили собою и «Съ того берега». Эта книга представляетъ единственное въ своемъ родѣ собраніе лирическихъ импровизацій, исповѣди, сатиры, это безпощадная «переоцѣнка цѣнностей», какими жили и живутъ не только массы, но и значительная часть людей, считающихъ себя передовыми, далеко ушедшими отъ косной безсознательности массъ. Ни въ одномъ произведеніи Г. такъ полно не отразились неумолчная тревога его души, умъ, одушевленный тоскою сердца по соціальной и вѣчной справедливости, и сердце, просвѣтленное огромнымъ скептическимъ умомъ. Изумительное богатство яркихъ образовъ, обиліе сталью отточенныхъ афоризмовъ и парадоксовъ насыщаютъ эту небольшую по объему книгу и брызжутъ огнемъ и жаромъ. Г. самъ считалъ ее лучшимъ своимъ созданіемъ. Все здѣсь порывисто и страстно, безграничный пессимизмъ доходитъ до полнѣйшаго нигилизма, до той грани, за которой казалось бы ничего уже нѣтъ, кромѣ мрака самоубійства, и въ то же время самая сила живучей страстности говоритъ, что для *такого* отчаянія ничего еще не потеряно. Признавъ давно уже міръ явленій за единственно существующій и доступный человѣку міръ, мѣрою вещей Г. призналъ только живую человѣческую индивидуальность. Онъ отдаетъ полную дань послѣдовательности и великому смыслу религіозно-мистическаго — не принимаемаго его логическимъ умомъ построенія, которое

соединило волю Божію съ полною отвѣтственностью человѣка, фатализмъ и свободу воли. Но онъ рѣшительно смѣется надъ доктринерскими построеніями объ цѣляхъ исторіи, прогресса, родовомъ безсмертіи человѣчества и пр. И онъ, какъ бы питаясь горечью и ядомъ скептицизма, повторяетъ и варіируетъ трагически свою излюбленную мысль объ одиночествѣ индивидуальности въ міровой пустынѣ. Цѣль природы и исторіи, въ чемъ бы ее ни видѣть, вовсе не цѣль, а результатъ и слѣдствіе стихійнаго процесса. «Цѣль для каждаго поколѣнія — оно само... исторія можетъ продолжаться милліоны лѣтъ. Съ другой стороны, я ничего не имѣю противъ окончанія исторіи завтра. Мало ли что можетъ быть. Энкіева комета зацѣпитъ земной шаръ, геологическій катаклизмъ пройдетъ по поверхности, ставя все вверхъ дномъ, какое-нибудь газообразное испареніе сдѣлаетъ на полчаса невозможнымъ дыханіе, — вотъ вамъ и финалъ исторіи». Г. принимаетъ это, какъ суровый и неизбѣжный выводъ сознанія, который должно принять «со смиреніемъ», какъ любилъ онъ выражаться. Но рядомъ съ этими вѣчными вопросами и сильнѣе ихъ Г. занимаютъ вопросы этическіе и единый всеохватывающій вопросъ соціальный. Онъ безпощадно клеймитъ и преслѣдуетъ то мѣщанство, которое побуждаетъ людей всѣми способами глушить въ себѣ совѣсть и сознаніе, чтобы скрыть отъ самихъ себя противорѣчія требованій разума и совѣсти всему строю нашей повседневной жизни. Нужно не одно внѣшнее политическое освобожденіе, но и гораздо болѣе глубокое, внутреннее, отъ осѣвшихъ въ нашемъ сознаніи готовыхъ формъ людскихъ отношеній. «Наша цивилизація— цивилизація меньшинства, она только возможна при большинствѣ чернорабочихъ», и все построено на болѣе или менѣе неявной антропофагіи. «Въ идеѣ теперь уже окончена эксплоатація человѣка человѣкомъ, окончена потому, что никто не считаетъ это отношеніе справедливымъ... Какъ же этотъ міръ устоитъ противъ соціальнаго переворота?» Взглянемъ же безстрашно въ глаза этой неминуемой правдѣ, — вотъ основное настроеніе «Съ того берега», и соціальный вопросъ освѣщается въ ней, какъ всеохватывающее грядущее преобразованіе не только узко экономическихъ отношеній, но и безусловно всѣхъ сторонъ людскихъ отношеній и понятій. Отвергая, безплодные по своей незначительности, внѣшніе политическіе перевороты, становясь «по ту сторону ихъ», Г. съ неподражаемымъ жаромъ говоритъ о томъ возрожденіи и свободѣ личности, какое должно человѣчество обрѣсти «на томъ берегу». Но страстное стремленіе къ свободѣ переплетается съ разъѣдающей скептической мыслью, что «свободный человѣкъ, можетъ быть, вовсе не нужный человѣкъ», и эта горечь сомнѣнія проникаетъ, какъ особый привкусъ, всю книгу. Самый переворотъ, ожидаемый Г., представлялся ему иногда, какъ уже близкій величайшій катаклизмъ. Но онъ настолько проникнутъ историчностью взгляда, что не рискуетъ сказать, чтобы всемірный кризисъ долженъ былъ непремѣнно привести къ торжеству соціализма и обновленію человѣчества на основахъ общественной свободы и свободы индивидуальной: все можетъ кончиться погруженіемъ народовъ въ первобытное варварство. Но возможно и торжество мѣщанства въ еще болѣе отвратительной формѣ постепеннаго измельчанія чувствъ, интересовъ и духовной жизни, пока выродившуюся Европу не завоюютъ новые варвары: «вѣчная игра жизни, безжалостная какъ смерть, неотразимая, какъ рожденіе, corsi e ricorsi исторіи, perpetuum mobile маятника». Естественно, что съ такими взглядами Г. не могъ примкнуть ни къ какой опредѣленной доктринѣ соціализма. Его объемлетъ скорбь одиночества, и онъ не разъ сравниваетъ свое положеніе созерцателя соціальныхъ крушеній съ судьбою тѣхъ философовъ императорскаго Рима, которые умѣли умирать «хладнокровно и безучастно къ себѣ: они умѣли, пощаженные смертью, завертываться въ свою тогу и молча досматривать, что станется съ міромъ, людьми. Одно благо, достававшееся этимъ иностранцамъ своего времени, была спокойная совѣсть, утѣшительное сознаніе, что они не испугались истины, что они, понявъ ее, нашли довольно

силы, чтобы вынести ее, чтобы остаться вѣрными ей». Такъ и Герценъ отошелъ, — конечно, на время — отъ умиравшаго, казалось ему минутами, міра. Но это отчужденіе могло быть, конечно, только временнымъ. Да и въ самой его книгѣ «Съ того берега» можно найти порывы и призывы къ дѣятельному участію въ судьбахъ человѣчества хотя бы въ формѣ проповѣди о близкомъ концѣ стараго міра и предстоящемъ искупленіи.

Надежду на это искупленіе — чѣмъ дальше, тѣмъ опредѣленнѣе и рѣзче, изгнанникъ Россіи начинаетъ возлагать на родной свой народъ и залегающія въ немъ инстинктивныя силы и стремленія, соотвѣтствующія самымъ дорогимъ и высокимъ стремленіямъ соціальной справедливости, выработаннымъ кровью и потомъ западно-европейской исторіи. Конечно, Г. сначала вѣрилъ въ Россію и потомъ только сталъ возводить цѣлыя стройныя логическія постройки въ оправданіе и объясненіе этой вѣры. Цѣлью его упомянутой брошюры «о развитіи революціонныхъ идей въ Россіи» было объяснить залоги духовной мощи Россіи въ области мысли, литературы и общественности. Въ рядѣ другихъ брошюръ, изданныхъ частью на континентѣ, частью уже въ Лондонѣ, Г. доказываетъ возможность плодотворнаго общественнаго развитія въ русскомъ народѣ, притомъ развитія, совпадающаго въ концѣ съ требованіями соціалистической мысли Запада, которая дастъ опредѣленность мутнымъ задаткамъ и зародышамъ, стихійно дремлющимъ въ народѣ. Россія противопоставляется имъ не всей Европѣ въ цѣломъ, какъ то дѣлали славянофилы, съ ужасомъ относившіеся къ соціализму, и какъ понимали дѣло на Западѣ, а лишь къ мѣщанской полосѣ Европы. «Порою кажется, что оно (враждебное, грозное Европѣ, царство Востока) идетъ, какъ лавина, на Европу, что оно, какъ нетерпѣливый наслѣдникъ, готово ускорить ея медленную смерть» (письмо къ Мишле). «Ежели соціализмъ не въ состояніи будетъ пересоздать распадающееся общество и довершить его судьбы, — Россія довершитъ ихъ... Царизмъ идетъ впередъ, движимый чувствомъ самосохраненія, и на пути своемъ ему невозможно не прійти въ столкновеніе съ Европой» (письмо къ Линтону). Своимъ девизомъ эта воинствующая Россія объявляла самодержавіе, православіе и народность. Г. остроумно и убѣдительно доказывалъ, что въ дѣйствительности, въ особенности чертами николаевскаго періода, самодержавіе не народно, потому что консервативно, опирается лишь на силу и проникнуто чуждымъ народу прусско-австрійскимъ бюрократическимъ духомъ. За этимъ извѣстнымъ Европѣ и пугающимъ ее фасадомъ Г. рисуетъ народную Русь, какъ юную націю, полную могучей отваги, способную къ могучимъ порывамъ и матеріальнымъ, и духовнымъ. Залогомъ развитія этой новой народной Россіи Г-у представляется мощь ея въ пѣснѣ, поэзіи, литературѣ. Великою хранительною силою самого русскаго народа Г. признаетъ общинное начало. «Слово соціализмъ неизвѣстно нашему народу, но смыслъ его близокъ душѣ русскаго человѣка, отживающаго вѣкъ въ сельской общинѣ и въ работнической артели» («Юрьевъ день»). Основною ячейкой, которая послужитъ началомъ будущаго развитія въ духѣ соціализма, Г. представляется крестьянская община, какъ бы нѣкій палладіумъ въ прошломъ и настоящемъ народа. «Народъ русскій все вынесъ, но спасъ общину, община спасла народъ русскій; уничтожая ее, вы отдаете его, связаннаго по рукамъ и ногамъ, помѣщику и полиціи» («Крещеная собственность»). Общинное владѣніе землею съ экономической стороны представлялось Г. громоотводомъ соціальныхъ потрясеній и развитія пролетаріата. Основными чертами русской общины онъ считаетъ принадлежность земли всей общинѣ, равное «братское» право на нее всѣхъ ея членовъ, но право лишь трудового пользованія, равный голосъ въ дѣлахъ общины и независимость ея во внутренней жизни отъ администраціи и помѣщика, собственное мірское управленіе. Въ подобномъ же отвлеченномъ видѣ и артель казалась явленіемъ столь же высокаго типа, даже казачество, въ которомъ такъ привлекателенъ казался буйный размахъ воли. Реальныя воспоминанія

Г. объ общинѣ были, видимо, довольно слабы, и въ ней занимаетъ его не столько экономическое содержаніе, сколько общій соціальный смыслъ. Задатки общиннаго духа въ народѣ, это — та творческая сторона жизни, которой нехватаетъ Западной Европѣ, и потому, если чрезъ образованные классы Россіи пройдетъ въ народъ и упрочится духъ личной независимости и свободы, развитый уже Западомъ, Россіи, можетъ быть, удастся разрѣшить соціальную антиномію, т.-е. развить новый строй наиболѣе соотвѣтствующій обѣимъ сторонамъ человѣческой личности, строй разомъ — личной независимости и общественной солидарности, строй соціалистическій. Такова чисто мессіанистическая мечта Г., окрашивающая своеобразно его воззрѣнія, чуждая впрочемъ мистической непреклонности, и скорѣе трепетное предчувствіе, нежели логически вывѣренное убѣжденіе. Въ историческомъ развитіи нѣтъ мѣста однообразному повторенію однихъ и тѣхъ же схемъ и путей, и потому при благопріятныхъ условіяхъ возможно, что Россіи съ ея общиннымъ духомъ удастся миновать мѣщанство, т.-е. буржуазно-капиталистическое разслоеніе народа и разложеніе общинныхъ началъ. Но надъ Россіей тяготѣло еще крѣпостное право «язвой, пятномъ, тѣмъ безобразіемъ русскаго быта, которое смиряетъ насъ и заставляетъ краснѣя и съ поникнувшей головой признаться, что мы ниже всѣхъ народовъ въ Европѣ» («Крещеная собственность»). Поэтому Г. беретъ на себя защиту предъ Европой русскаго рабакрестьянина, и въ этой защитѣ высказываетъ извѣстный лозунгъ: «образованная Россія должна возвратиться къ народу» («Старый міръ и Россія»). Союзъ этой образованной Россіи, грядущей, преобразующей и зиждущей силы интеллигенціи («мыслящій русскій — самый независимый человѣкъ въ свѣтѣ»), съ народомъ и полное развитіе въ этомъ союзѣ безсознательно живущихъ въ народѣ коммунистическихъ склонностей и стремленій — вотъ тѣ знамя и программа, которыя въ концѣ концовъ ставитъ себѣ Г. Они также надолго стали знаменемъ и программой вліятельнаго теченія общественной мысли, извѣстнаго подъ названіемъ соціалистическаго народничества. — Это міровоззрѣніе, съ его упованіями, было развито Г. съ пятидесятыхъ годовъ, и ему удалось вполнѣ привлечь симпатіи многихъ людей Запада къ русской мысли и общественности и къ самому народу. Если въ 1863 г. Гарибальди писалъ Г. вслѣдъ за другими: «я вѣрю вамъ и знаю, что народъ русскій несчастенъ и имѣетъ высокія стремленія, какъ всѣ народы... знаю, что и на вашей родинѣ бродитъ духъ воли и будущаго», то въ распространеніи такого знанія Г. принадлежало одно изъ первыхъ мѣстъ послѣ книги Н. Тургенева о Россіи и другихъ немногихъ серьезныхъ освѣщеній русской жизни. И. С. Тургеневъ, привлекшій впервые такія широкія симпатіи къ Россіи и ея литературѣ, безъ сомнѣнія, нашелъ, благодаря дѣятельности Г., вполнѣ уже подготовленную почву.

Завоевывая симпатіи и интересъ къ Россіи, Г. дѣйствовалъ, кромѣ мѣста своего въ качествѣ признаннаго общеевропейскаго публициста, еще и всѣмъ обаяніемъ своей личности. Съ лондонскимъ періодомъ его жизни тѣсно переплетено множество видныхъ именъ людей, съ которыми онъ былъ въ близкихъ и дружескихъ отношеніяхъ: французы— Ледрю-Ролленъ и Луи Бланъ, итальянцы — Гарибальди, Маццини, Саффи и пр., венгерецъ — Кошутъ, нѣмцы — Кинкель и др., полякъ — графъ Станиславъ Ворцель, и иные. Въ пестрыхъ рядахъ эмиграціи, осѣвшей въ Лондонѣ, Г. занялъ одно изъ видныхъ мѣстъ, и когда въ 1854 г. американскій консулъ далъ довольно курьезный обѣдъ виднѣйшимъ изгнанникамъ всѣхъ странъ, на этотъ дипломатическій обѣдъ врагамъ европейскихъ правительствъ, въ качествѣ представителя Россіи, былъ приглашенъ Г. Но въ дѣла и затѣи этой эмиграціи Г. не входитъ, какъ не участвуетъ и въ англійской общественной жизни. Онъ наблюдаетъ и ту, и другую жизнь холоднымъ окомъ отшельника, хотя и высоко оцѣнилъ давшую ему спокойный пріютъ Англію и «вообще англосаксонскую расу — людей дѣла, практической поэзіи и трезвой свободы». Первые годы въ Англіи онъ живетъ погруженный въ думы о Россіи и въ свои воспоминанія. Такъ возникли здѣсь его знамени-

тые мемуары «Былое и Думы», классическая повѣсть его личной жизни, поэтическая искренняя исповѣдь, подернутая скорбнымъ флеромъ раздумья, автобіографія и въ то же время живая картина — хроника русской жизни тридцатыхъ-сороковыхъ годовъ, а также лѣтопись въ значительной части и европейской общественности, преломленная въ натурѣ исключительной оригинальности и дарованій. Это несомнѣнно геніальное произведеніе является историческимъ документомъ первостепеннаго значенія. Въ разсказѣ Г., въ датахъ и послѣдовательности деталей легко устанавливаются многія неточности, но общая перспектива и характеристики лицъ и явленій поражаютъ жизненностью, ослѣпляютъ блескомъ творческаго воспроизведенія жизни. Блескъ и свѣжесть красокъ, прелесть формы, конечно, теряются въ переводахъ, но «Былое и Думы» и на англійскомъ и другихъ языкахъ произвели огромное впечатлѣніе и упрочили европейскую извѣстность Г., въ то время какъ на родинѣ самое имя его было запретнымъ. Одни воспоминанія, конечно, не могли дать выхода стремленію Г-а къ живой захватывающей работѣ, его всегда отличавшему. Одно время его занялъ-было проектъ международнаго, на трехъ языкахъ, обозрѣнія, но это было не то. По его признанію, онъ начиналъ уже раскаиваться, что отрѣзалъ себѣ пути возвращенія въ Россію, въ которую его тянуло, «какъ омуты и глубокія воды тянутъ человѣка темной ночью въ неизвѣстную глубь» («Десятилѣтіе вольной русской типографіи»). Выходъ и позднѣе опору для дѣйствительнаго вліянія на умы земляковъ Г. нашелъ въ созданіи въ Лондонѣ русской типографіи, какъ постояннаго органа свободной русской рѣчи. Дѣятельное сочувствіе этой мысли Г. встрѣтилъ у Ворцеля и польскихъ демократовъ, которые предъ тѣмъ переиздали книгу Герцена «Du développement». — 21 февраля 1853 г. было выпущено объявленіе, подъ названіемъ «Братьямъ на Руси». Въ объявленіи Г. приглашаетъ земляковъ принять помощь польскихъ демократовъ, готовыхъ бороться «за ихъ и нашу вольность» и проситъ присылать въ Лондонъ все написанное въ духѣ свободы, отъ научныхъ и фактическихъ статей по части статистики и исторіи до беллетристики. Весною появились два первыхъ листка вольной русской типографіи: «Юрьевъ день», посвященный вопросу объ отмѣнѣ крѣпостного права, и «Поляки прощаютъ насъ», содержавшій заявленіе о правахъ польскаго народа на самостоятельность. Русская типографія сначала была соединена съ польскою, а сбытъ ея первыхъ листовъ шелъ чрезъ польскія организаціи; часть была также отправлена въ Россію, при помощи Кошута и Маццини, чрезъ Константинополь и Бѣлградъ. Первое впечатлѣніе въ Россіи было очень неопредѣленное и скорѣе равнодушное. Московскіе друзья Г-а высказывали лишь опасенія, что онъ будетъ только компрометировать людей своими воззваніями. Посѣтившій Г. въ Лондонѣ, обломокъ московской жизни сороковыхъ годовъ, актеръ Щепкинъ твердилъ ему о томъ же, и встрѣча старыхъ друзей была тяжела обоимъ. Возможную роль изданій вольной типографіи лучше всего оцѣнилъ тогда (правда, только въ своемъ дневникѣ) престарѣлый германскій публицистъ Варнгагенъ фонъ-Энзе, мѣтко сравнившій ее съ французскими типографіями, работавшими въ XVII и XVIII вѣкахъ въ Женевѣ и Гаагѣ. Осенью того же года, 29 ноября, Герценъ принялъ участіе въ большомъ митингѣ польской и международной эмиграціи въ годовщину польскаго возстанія 1830 г. Г. въ своей рѣчи говорилъ о единствѣ интересовъ демократическихъ Польши и Россіи и критику тогдашней политики русскаго правительства кончилъ лозунгомъ: «да здравствуетъ независимая Польша и свободная Россія». Между тѣмъ надвинулась восточная война. Русской типографіи въ сущности не было дѣла, такъ какъ и въ Польшѣ, и въ Россіи была безнадежная тишь. Немногіе листки герценовской типографіи, которую онъ предоставлялъ въ распоряженіе всѣмъ выраженіямъ общественнаго оппозиціоннаго времени, не могли имѣть вліянія, да нѣкоторые изъ нихъ поражали своей наивностью, какъ напр. «Видѣнія св. Кондратія» нѣкоего Энгельсона. Изданіе прокламацій въ родѣ — «Вольная русская община въ Лондонѣ Русскому

воинству въ Польшѣ», съ приглашеніемъ къ русскимъ въ случаѣ движенія въ Польшѣ не поднимать противъ поляковъ оружія, едва ли до русскихъ дошедшая, или рѣчь на митингѣ 26 февраля 1855 г. въ годовщину февральской революціи, — всѣ подобныя выступленія грозили Г-у погруженіемъ въ ту мнимо-дѣятельную жизнь эмигрантской революціи, надъ печальными слабостями которой такъ зло подшучивалъ онъ самъ. Но толчкомъ для новой, на этотъ разъ дѣйствительной дѣятельности послужила смерть Николая I, 18 февраля 1855 г.

Новый государь Александръ II встрѣченъ былъ исключительными надеждами на перемѣну правительственной внутренней политики, и уже 10 марта (н. с.) Г. пишетъ новому Государю открытое письмо, вскорѣ распространившееся и въ Россіи и производившее большое впечатлѣніе. Оно заключало призывъ, во имя любви къ народу русскому, дать свободу слову, освободить крестьянъ и уничтожить тѣлесныя наказанія. Въ то же время у Г. возникаетъ мысль, и онъ энергично принимается за ея исполненіе — издавать періодическіе сборники статей, посвященныхъ русскому освобожденію. Сборники получили названіе литературнаго альманаха декабристовъ — «Полярная Звѣзда» — и носили обложку съ виньеткой, изображавшей профили пяти казненныхъ декабристовъ. Эпиграфомъ былъ пушкинскій стихъ: «Да здравствуетъ разумъ». Первая книжка вышла 20 іюля (1 августа) 1855 г. и затѣмъ «Полярная Звѣзда» выходила по 1862 г. почти ежегодно. Въ 1869 г. вышла еще одна книжка. Во вступительной статьѣ Г. яркими чертами рисовалъ нравственный ужасъ минувшаго и призывалъ къ объединенію и труду для утвержденія освободительныхъ началъ. Подчеркивая, что онъ остается соціалистомъ, Г. тѣмъ не менѣе стремился создать возможно широкое поле для всѣхъ оттѣнковъ и направленій свободной русской мысли и приглашалъ къ сотрудничеству «европейцевъ и панславистовъ, умѣренныхъ и неумѣренныхъ, осторожныхъ и неосторожныхъ». Гвоздемъ «Полярной Звѣзды» были всегда статьи и замѣтки самого Г. (онъ началъ здѣсь печатаніе «Былого и Думъ»), очень много мѣста отводилось запретной литературѣ минувшаго царствованія (произведенія Пушкина, Лермонтова, Рылѣева, письма Бѣлинскаго и многое другое), матеріаламъ о декабристахъ и другихъ нецензурныхъ въ то время эпизодахъ русской исторіи. Огаревъ велъ отдѣлъ «Русскіе вопросы», подписываясь первое время буквами Р. Ч.—Г-а порадовало сочувствіе его изданію со стороны Гюго, Маццини, Мишле и Прудона; вскорѣ стали приходить извѣстія о восторгѣ, съ какимъ встрѣтили читатели «Полярную Звѣзду» и въ Россіи. Ранѣе Г. раздаривалъ свои изданія ящиками, лишь бы везли въ Россію. Въ маѣ мѣсяцѣ 1856 г. вся масса книгъ пошла въ продажу потокомъ, въ Россіи книжки «Пол. Зв.» перепродавались по 15—20 руб. Съ половины 1857 г. издержки вольной русской типографіи стали окупаться. Въ 1858 г. въ Лондонѣ открывается уже вторая русско-польская типографія Свентославскаго и въ то же время русскія типографіи появляются и въ Германіи. «Нашъ станокъ чувствовалъ себя *дѣдомъ*», — съ чувствомъ удовлетворенія вспоминалъ потомъ Г. Кромѣ успѣха изданій Г-а, о новомъ времени говорили ему все новыя и новыя лица, появлявшіяся въ Лондонѣ изъ Россіи. Съ удвоенной энергіей Г. принялся за работу и, оставивъ всякія утопическія надежды, неутомимо выставлялъ на видъ только немногія общественно-политическія требованія, какъ минимумъ, соотвѣтствующій уровню общественнаго сознанія и моменту: освобожденіе крестьянъ, свободу печати, преобразованіе суда и отмѣну тѣлесныхъ наказаній. Рядомъ съ «Полярной Звѣздой» Г. началъ въ сборникахъ подъ названіемъ «Голоса изъ Россіи» печатать болѣе интересные матеріалы и статьи, присылаемые изъ Россіи. Въ Лондонѣ имъ кромѣ того выпущены: русское изданіе книги «Съ того берега»; два тома «Историческаго сборника» (1859 и 1861 гг.); «14 декабря 1825 г. и Императоръ Николай» и брошюра «La conspiration russe de 1825, suivie d'une lettre sur l'émancipation des paysans en Russie» (1858 г.; заглавіе письма «Le premier pas vers l'émancipation des paysans-serfs en Russie»);

«Записки декабристовъ» (три выпуска 1862—3 гг.); записки Екатерины II; записки княгини Дашковой; записки И. В. Лопухина; книга: «М. Щербатовъ и А. Радищевъ» (1858), брошюра «La France ou l'Angleterre? — Variations russes sur thème de l'attentat du 14 janvier» (1858). Въ перечисленныхъ историческихъ книгахъ даны большею частью вступительныя статьи Г-а, блещущія обычными его достоинствами (одна изъ лучшихъ статья о кн. Дашковой).

Въ 1856 г. къ Г. присоединился, выѣхавшій теперь также навсегда изъ Россіи, Огаревъ, и по мысли его создается знаменитый «Колоколъ». Первый номеръ новаго изданія появился 1 іюля н. с. 1857 г. Оно выходило въ размѣрѣ 8 страницъ инкварто, сначала разъ въ мѣсяцъ, а съ 1859 г. 1 и 15 числа каждаго мѣсяца. Девизомъ газеты было «Vivos voco!»—начало эпиграфа къ «Колоколу» Шиллера. Программа изданія была таже, что и «Полярной Звѣзды». Съ первыхъ же номеровъ «Колоколъ» прямо и рѣзко заговорилъ объ освобожденіи крестьянъ, о высшемъ придворномъ кругѣ и противодѣйствіи его реформамъ, называя всѣхъ полностью, началъ свои обличенія злоупотребленій крѣпостнымъ правомъ, разоблаченія произвола, подкупности властей и правосудія и т. д. Походъ Г. противъ представителей николаевскаго царствованія, остававшихся еще частью у власти, нашелъ живой откликъ въ Россіи. Отъ русскихъ, ѣхавшихъ за границу, чрезъ письма, провозимыя съ оказіею, редакція «Колокола» получала массу цѣнныхъ и свѣжихъ свѣдѣній о закулисномъ мірѣ правительственныхъ отношеній. Сотрудниками «Колокола», первое лучшее его время, были такіе люди, какъ Тургеневы Иванъ С. и Н. И., Кавелинъ, Иванъ Аксаковъ, Юрій Самаринъ, Кошелевъ, Мельгуновъ, Боткинъ и многіе другіе. При «Колоколѣ» время отъ времени появлялся также листокъ «Подъ судъ» (съ 1 октября 1859 года по 1862 годъ — 13 номеровъ), съ разоблаченіями. Послѣднія имѣли иногда ощутительныя слѣдствія; такъ, послѣ статей «Колокола» былъ наряженъ по личному распоряженію Государя пересмотръ дѣла кн. Кочубея, въ запальчивости подстрѣлившаго своего управляющаго. Основной причиной успѣха «Колокола» были, конечно, блестящія статьи самого Герцена, лирическія импровизаціи на общественныя темы, разростающіяся иногда въ цѣлыя обширныя соціально-философскія письма; далѣе, рука Г. чувствуется въ газетѣ въ мелкихъ даже замѣткахъ, то въ саркастическомъ заголовкѣ замѣтки, то въ ѣдкомъ примѣчаніи, и наконецъ въ особенности вліяла общая, вполнѣ тактичная, постановка очередныхъ вопросовъ. Не требуя въ тотъ исключительный моментъ русской исторіи даже ограниченія самодержавія какими-либо представительными учрежденіями, Г., въ согласіи съ самыми широкими кругами общественнаго мнѣнія на родинѣ, готовъ былъ временно мириться на просвѣщенномъ абсолютизмѣ, прислушивающемся къ голосу народа и общества и идущемъ впереди общества въ назрѣвшихъ, всѣми принимаемыхъ преобразованіяхъ. Г. по истинѣ былъ тогда выразителемъ общенаціональныхъ стремленій, о чемъ краснорѣчиво говорятъ разнообразнѣйшія свидѣтельства объ успѣхѣ и значеніи «Колокола». Само правительство терпимо смотрѣло тогда на распространеніе «Колокола» въ Россіи: «оно справляется съ нимъ — писалъ Г-у Самаринъ: — какъ порядочный человѣкъ справляется со своею совѣстью». — «Колоколъ» — власть» — сказалъ Г-у Катковъ при посѣщеніи его въ Лондонѣ. «Выборный русской земли, единственный свободный Русскій», — называетъ Г-а одно частное письмо, характеризуя исключительное положеніе, завоеванное имъ благодаря газетѣ. Даже среди лицъ, служившихъ въ III отдѣленіи, находились поклонники Г., содѣйствовавшіе распространенію «Колокола», а берлинскіе книготорговцы брались открыто доставлять въ Россію сколько угодно герценовскихъ изданій. Вездѣсущіе корреспондентовъ Г. поражало даже людей, не заинтересованныхъ въ сокрытіи чего-либо. Съ другой стороны нѣтъ недостатка и въ свидѣтельствахъ о прямомъ вліяніи «Колокола» на ходъ дѣлъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ и тѣмъ болѣе на общественное мнѣніе. По удостовѣренію, напр., Унковскаго, «въ теченіе

2—3 лѣтъ у большинства дворянъ (въ Тверской губ.) совершенно перемѣнился весь образъ мыслей, подъ вліяніемъ «Колокола». Угловатыя и неловкія попытки властей противодѣйствовать успѣху «Колокола» были пока большею частью неудачны. Онѣ разоблачались въ «Колоколѣ» и содѣйствовали даже его популярности, какъ напр. книжка 1859 г. нѣкоего Елагина о Герценѣ, представлявшая наивное религіозно-православное опроверженіе идей Г. «Литературная диктатура» Г. вызвала небывалый наплывъ въ Лондонъ самой пестрой толпы русскихъ, являвшихся на поклонъ къ издателю «Колокола». Разсказы многихъ объ этой порѣ рисуютъ Г-а въ свѣтѣ обаятельнаго, жизнерадостнаго настроенія, живымъ собесѣдникомъ и неистощимо дѣятельнымъ. Тѣмъ не менѣе, въ самый свѣтлый періодъ успѣха и дѣйственнаго вліянія, основной фонъ настроеній Г., скрываемый отъ пестрой толпы постороннихъ всегда его окружающихъ, глубокая, неизбывная тоска по родинѣ, затаенная несбыточная мечта о возвращеніи въ Россію, гдѣ теперь рѣшался величайшій ея соціальный вопросъ. Заслуги Г. въ содѣйствіи къ движенію этого вопроса внѣ сомнѣній. Уже въ первой половинѣ 50-хъ годовъ у Г. сложилась опредѣленная программа освобожденія крестьянъ. Развязку крѣпостныхъ отношеній онъ считалъ возможной и полезной лишь при условіи надѣленія освобождаемыхъ землею въ томъ самомъ размѣрѣ, въ какомъ они ею пользуются, и съ сохраненіемъ общиннаго землевладѣнія; онъ указывалъ, что освобожденіе крестьянъ правительствомъ облегчается сильною задолженностью помѣщичьихъ имѣній въ кредитныхъ учрежденіяхъ; возможенъ и внутренній заемъ для выкупа крѣпостныхъ. «Полярная Звѣзда» и «Колоколъ» и другія изданія Г. и проводили эту программу. Собственно Г. писалъ мало о подробностяхъ освобожденія, предоставивъ просторъ по этой части своему сподвижнику Огареву, детально знакомому съ положеніемъ крестьянъ по собственной практикѣ управленія помѣстьями, но Г-у принадлежали огонь вдохновенія, создавшій успѣхъ «Колокола», и общее вліяніе на умы въ крестьянскомъ дѣлѣ. Громя препятствія, лежавшія на пути реформы, Г. вливалъ въ сердца вѣру въ будущее и надежду. Въ сравненіи съ «Колоколомъ» роль остальной русской печати въ отношеніи непосредственнаго вліянія на ходъ работъ была слаба, ибо одинъ «Колоколъ» появился для того достаточно рано и выражалъ мнѣнія людей, выступавшихъ въ губернскихъ комитетахъ (этихъ Самариныхъ, Унковскихъ, Кошелевыхъ, Черкасскихъ и пр.). Уже одна освѣдомительная сторона о ходѣ работъ правительства имѣла серьезное значеніе, такъ какъ реформа велась бюрократическимъ порядкомъ. На извѣстные рескрипты 20 ноября 1857 г. Г. откликнулся одною изъ наиболѣе прославленныхъ статей «Колокола»: «Черезъ три года», съ ея знаменитымъ началомъ — «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!» («Колоколъ» 1858 г., № 9). Этотъ первый рѣшительный шагъ русскаго правительства на путь къ освобожденію Г. поспѣшилъ освѣтить и для Европы въ вышеназванной статьѣ: «Le premier pas». «Колоколъ» зорко слѣдилъ за всѣми перипетіями крестьянскаго дѣла, при каждомъ случаѣ разоблачалъ происки враговъ реформы и подкрѣплялъ посильными аргументами, матеріалами, цифрами мнѣнія сторонниковъ болѣе льготнаго освобожденія. Особенно важное значеніе имѣла защита идеи выкупа. Проектъ выкупа, составленный инженеромъ Панаевымъ и напечатанный въ V книгѣ «Голосовъ изъ Россіи», былъ пересланъ въ редакціонныя комиссіи самимъ Государемъ. Изданіямъ Г., повидимому, было суждено оказать рѣшающее вліяніе на обращеніе Ростовцева въ горячаго сторонника освобожденія съ землею. Съ согласія Государя «Колоколъ» выписывался въ редакціонныя комиссіи, «для того, чтобы мы все знали, что объ насъ будутъ писать за границей» — объяснилъ членамъ комиссій самъ предсѣдатель Ростовцевъ, просившій членовъ, въ случаѣ надобности, дѣлать заимствованія и изъ «Колокола». Съ полнымъ сочувствіемъ относясь къ дѣятельности комиссій, «Колоколъ» не отказывался отъ своей точки зрѣнія на отдѣльные вопросы, напр. настойчиво подчеркивалъ ненужность и вредъ временно-обязаннаго положенія освобо-

ждаемыхъ крестьянъ, а когда значительная часть членовъ комиссій высказалась за сохраненіе въ волостныхъ судахъ розги, по весьма шаткимъ соображеніямъ о правосознаніи крестьянъ, и въ томъ числѣ Милютинъ, Самаринъ, Черкасскій, Г. не усумнился напечатать всѣ имена ихъ, карая въ этомъ ихъ голосованіи актъ гражданскаго слабодушія. Назначеніе по смерти Ростовцева предсѣдателемъ комиссій графа Панина вызвало со стороны Г. энергичный протестъ, указывавшій (№ 65—66 «К.») на уступку правительства крѣпостникамъ. Когда оказалось, что положенія, выработанныя было комиссіями, могутъ войти въ жизнь лишь съ болѣе или менѣе крупными урѣзками ко вреду крестьянъ, Г. отказался отъ надеждъ на радикальное разрѣшеніе крестьянскаго вопроса правительствомъ, и «Колоколъ» становится все болѣе органомъ революціоннаго настроенія. Глубокое душевное волненіе, смѣшанное чувство радости и облегченія и въ то же время тяжелое сознаніе, что сдѣланное далеко отъ совершенства; мучительная тревога за будущее — таковы тѣ чувства, которыя выразились въ статьяхъ Г. наканунѣ объявленія воли и въ дни его, въ статьяхъ особо задушевныхъ и полныхъ особенной теплоты и лирическаго раздумья. «Если бы можно было еще разъ сказать: «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!», какъ громко и отъ души сказали бы мы это («Наканунѣ», № 93). «Духу недостало!» иронически озаглавилъ Г. статью объ отсрочкѣ манифеста (№ 94): «Эта отсрочка, это ожиданіе — сверхъ силъ человѣческихъ: тоска, тоска и страхъ! Если бы было возможно, мы бы бросили все и поскакали въ Россію. Никогда не чувствовали мы прежде, до какой степени тяжела жертва отсутствія. Но выбора нѣтъ!». Наконецъ, манифестъ былъ объявленъ, заслонивъ собою на одинъ моментъ всѣ опасенія и сомнѣнія. Статья Г. въ № 95 «Колокола» была горячимъ привѣтомъ царю *Освободителю* и его сподвижникамъ и въ то же время призывомъ къ слѣдующему шагу, какъ къ гарантіи успѣшнаго проведенія реформы, къ освобожденію слова. 10 апрѣля н. с. Г. устроилъ въ своемъ домѣ торжественное международное, при участіи эмигрантовъ разныхъ странъ, празднованіе освобожденія. Извѣстіе о кровопролитіи во время демонстраціи въ Варшавѣ омрачило, однако, торжество. Въ ближайшихъ номерахъ «Колоколъ» уже обращается къ отрицательнымъ сторонамъ Положеній 19 февраля, принимаетъ все болѣе рѣзкій тонъ и становится органомъ прямой революціонной агитаціи, начатой въ ошибочномъ предположеніи, что недостатки Положенія должны неминуемо въ самомъ скоромъ времени привести къ всенародной революціи. Волненія въ народѣ при введеніи Положенія какъ будто давали основанія для такихъ ожиданій, но какъ извѣстно — по выразительному отзыву Тургенева въ письмѣ Г-у: «такъ ли, сякъ ли, вслѣдствіе ли усталости, отсутствія ли строгой логики, свойственнаго ли всякому народу желанія примириться на маломъ — если это малое все-таки до нѣкоторой степени выгодно, — но Земля приняла положеніе». Г. оказался теперь внѣ широкихъ круговъ общественнаго мнѣнія, въ значительной мѣрѣ уже удовлетворенныхъ реформой, соціальное значеніе которой должно было выявиться лишь значительно позднѣе.

Въ борьбѣ разнообразныхъ теченій общественной политической жизни, Г., съ его рѣзко личнымъ выраженіемъ освободительныхъ взглядовъ, не могъ занять достаточно ясной позиціи. При всемъ своемъ оппозиціонномъ правительственному режиму настроеніи онъ не сталъ центромъ какой-либо рѣзко очерченной революціонной группировки, хотя къ этому его усиленно толкали Огаревъ и въ особенности Бакунинъ, между тѣмъ возвратившійся за границу изъ сибирской ссылки. Г. разошелся съ Кавелинымъ и другими московскими друзьями, съ Тургеневымъ, но къ новому радикальному, разночинному умственному теченію не сталъ отъ того ближе. У него происходили довольно рѣзкія столкновенія съ редакціей «Современника» еще въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, а въ прокламаціи 1862 г. «Молодая Россія» говорилось, что журналъ Г. «окончательно упалъ въ глазахъ республиканской партіи». Изъ переписки Г. видно, что онъ неохотно, предостерегая друзей отъ увлеченій, уступалъ «Колоколъ» для революціонной агита-

ціи. Одной изъ сильно скомпрометировавшихъ Г. затѣй Огарева и Бакунина была необдуманная демагогическая попытка привлечь на свою сторону старообрядчество путемъ изданія листка при «Колоколѣ» «Общее вѣче» (съ 15 іюня 1862 г.) и агитаціи въ этой средѣ; это кончилось предостереженіемъ старообрядчеству со стороны бѣлокриницкаго митрополита Кирилла и совѣтомъ его «бѣгать треклятыхъ злокозненныхъ безбожниковъ», гнѣздящихся въ Лондонѣ, какъ «псовъ адовыхъ». Съ 1862 г. правительство взамѣнъ прежней терпимости къ «Колоколу» начинаетъ преслѣдовать уже за одни сношенія съ Г., какъ бы они ни были невинны, и по дѣлу «о лицахъ, обвиняемыхъ въ сношеніи съ лондонскими агитаторами» очень серьезно пострадалъ цѣлый рядъ лицъ (съ Серно-Соловьевичемъ во главѣ). Въ то же время, въ цѣляхъ противодѣйствія лондонскимъ изданіямъ, была допущена наконецъ, полемика противъ Г., чѣмъ въ особенности воспользовался въ «Русскомъ Вѣстникѣ» Катковъ. Подъ скромнымъ названіемъ «Замѣтка для издателя «Колокола» (Р. В. 1862, іюнь), онъ печатаетъ яростный памфлетъ, отказывавшій Г-у въ самой простой честности, истолковывавшій его дѣйствія, какъ порожденіе необузданнаго честолюбія, и винившій въ подстрекательствѣ молодежи. Пріемами обличеній Каткова были возмущены даже люди, признававшіе агитацію Г. явно вредною, тѣмъ не менѣе «Замѣтка» была знакомъ перемѣны къ Г. въ широкихъ кругахъ и опредѣлила отношеніе къ Г. со стороны многихъ колебавшихся представителей общественнаго мнѣнія. Клевета не замедлила присоединить имя Г. и къ извѣстнымъ загадочнымъ пожарамъ въ Петербургѣ 1862 г., такъ что онъ даже въ легальной печати протестовалъ противъ нелѣпыхъ плановъ смуты, ему приписываемыхъ. Но все же въ то время ему вѣрилось, что эта реакція недолговѣчна. Чтобы отмѣтить десятилѣтіе вольной русской типографіи, исполнившееся въ началѣ 1863 г., Г. издалъ книжку, въ которой помѣстилъ воспоминанія о возникновеніи типографіи и воспроизвелъ нѣсколько первыхъ изданій своего станка, а также выпустилъ въ честь этого событія медаль съ своимъ изображеніемъ.

Этотъ же 1863 годъ былъ, въ связи съ польскимъ возстаніемъ, годомъ окончательнаго перелома въ отношеніяхъ къ Г-у со стороны земляковъ. До 1859 г. Г. не выходилъ за предѣлы общаго выраженія симпатій къ польскому народу. Въ статьяхъ «Россія и Польша» (№№ 32—34 и 37 за 1859 и №№ 65—67 за 1860 г.) Г. пытается «давнишній старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою», перенести на почву новыхъ соціально-политическихъ отношеній. Сторонникъ федеральной связи, опредѣляемой самими народностями, Г. слишкомъ обще относился къ вопросу о русско-польскихъ отношеніяхъ и, не обладая запасомъ спеціальныхъ познаній по сложному вопросу въ его историческомъ и этнографическомъ происхожденіи, не ясно разбирался въ дѣлѣ. Поэтому, онъ съ крайними сомнѣніями и колебаніями шелъ на соглашенія съ польскими демократами, у которыхъ впереди были чисто политическія и національныя стремленія. Г. обѣщалъ нравственную поддержку польскому возстанію лишь при условіи, чтобы на знамени возстанія, въ успѣхъ котораго онъ не вѣрилъ, во всякомъ случаѣ было бы освобожденіе крестьянъ съ землею и воля провинціямъ (Литвѣ и Бѣлоруссіи). «Вы будете довольны» — отвѣчали делегаты, но Г. сомнѣвался и говорилъ: «мнѣ все кажется, что имъ въ сущности до крестьянской земли мало дѣла, а до провинцій слишкомъ много». Однако подъ давленіемъ Бакунина и Огарева и личныхъ симпатій къ польскимъ друзьямъ, поддерживавшимъ его, какъ Ворцель, въ самое тяжелое для него моральное время средины пятидесятыхъ годовъ, Г. вступилъ на наклонную плоскость польскихъ «историческихъ» претензій и призналъ принципіальную возможность содѣйствію возстанію противъ Россіи. Этимъ Г. запутался въ противорѣчіяхъ своего положенія и невольно подалъ руку чисто шляхетскимъ тенденціямъ, противорѣчившимъ послѣдовательному демократизму. И поляки, и вся масса русскихъ поняли присоединеніе Бакунина и «Колокола» къ возстанію, имѣвшему цѣлью не автономію этнографической Польши, а возстановленіе Поль-

ши исторической, въ границахъ 1772 г., (т.-е. со включеніемъ областей, населенныхъ вовсе не поляками), какъ признаніе русскими радикалами этой странной претензіи. Не вѣря въ успѣхъ возстанія, Г., скрѣпя сердце, съ половины 1862 г. печаталъ агитаціонныя статьи и воззванія, въ которыхъ дѣлу давался видъ, что русское правительство не въ состояніи будетъ опереться на свои войска, расположенныя къ Польшѣ, и т. д. Въ возстаніи погибли и лично извѣстные Г-у и очень имъ цѣнимые русскій офицеръ Потебня, Сѣраковскій и др. Первыя же неудачи вызвали на Г-а нареканія со стороны союзниковъ, будто это онъ завлекалъ ихъ въ неравную борьбу. Явный поворотъ общественнаго мнѣнія въ Россіи (сначала, даже въ лицѣ такихъ людей, какъ И. Аксаковъ, высказывавшійся за образованіе самостоятельной Польши въ ея этнографическихъ предѣлахъ); охлажденіе русскихъ читателей къ «Колоколу», обнаруженное пониженіемъ расхода газеты съ 2—$2^1/_2$ тысячъ до пяти сотъ; безплодное сочувствіе Западной Европы полякамъ, ничѣмъ реально не поддержанное, какъ Г. и предвидѣлъ, гибель друзей, — все это камнемъ легло на душу Г., почувствовавшаго, что сила его была въ сліяніи съ широкими кругами національнаго мнѣнія, нынѣ отхлынувшими.

Для Г. наступаетъ теперь снова черная пора раздумья о прошломъ съ его ошибками и горемъ. Новый 1864 г. встрѣченъ Г-омъ, какъ начало надвинувшейся старости. Весною, 17 апрѣля, во время пребыванія въ Англіи Гарибальди, онъ былъ гостемъ Г-на и на обѣдѣ у Г. въ честь престарѣлаго героя Италіи встрѣтились и торжественно примирились онъ и Маццини. Въ этотъ день домъ Г. въ Теддингтонѣ былъ центромъ вниманія всего Лондона. Пребываніе Гарибальди въ Лондонѣ подробно описано въ одной изъ лучшихъ статей Г.: «Camicia rossa». Прошло и это «сновидѣніе въ весеннюю ночь», а разрыва съ Россіею ничто не могло ни смягчить, ни сгладить, какъ постоянно сочащуюся рану. «Колоколъ» сдается не сразу, и Г. долго пытается вернуть прежнее обаяніе свое, найти новаго читателя въ «новой средѣ» растущей русской демократіи. Встрѣча Г. въ Лондонѣ, въ концѣ іюля 1864 г., съ Юріемъ Самаринымъ показала Г-у въявь, насколько разошелся онъ съ вліятельными людьми Россіи своего поколѣнія, недавно ему помогавшими и чувствовавшими заодно. «Письма къ противнику», появившіяся въ «Колоколѣ» послѣ этого свиданія, измучившаго Г., были отвѣтомъ на обвиненія, предъявленныя Г-у Самаринымъ, и состояли въ оправданіи своего права на свободную рѣчь къ молодежи и въ опроверженіи обвиненій въ проповѣди революціи для революціи. Съ противоположной стороны, связь съ молодымъ поколѣніемъ не вязалась, а грозилъ и вскорѣ разразился острый раздоръ. Молодая эмиграція, послѣ совершенно неудачныхъ и слабыхъ попытокъ революціоннаго движенія сосредочившаяся въ Женевѣ, стояла всецѣло на почвѣ стремленій къ подпольной революціонной работѣ. Но на эту почву Г. не хотѣлъ и не могъ вступить. Г. нѣсколько брезгливо разглядывалъ и въ этой эмиграціи тѣ же отрицательныя черты «христовъ революціи», вѣчныхъ жениховъ Пенелопы — революціи, какія отталкивали его отъ эмиграціи международной. Между тѣмъ къ Г. предъявлялись требованія, во имя «общаго дѣла», отдать «Колоколъ» въ распоряженіе коллегіальной редакціи и т. п. 1 апрѣля 1865 г. Г. выпустилъ въ Лондонѣ послѣдній 196 № «Колокола»; слѣдующій № выпущенъ уже въ Женевѣ, какъ мѣстѣ болѣе центральномъ и удобномъ для сношеній съ Россіей. Къ прежнему девизу «Колокола» — «Vivos voco» — теперь прибавленъ уже ранѣе заявленный въ «Колоколѣ» девизъ «Земля и воля». Со времени переѣзда въ Женеву начинаются безпрерывные разъѣзды Г-а, вызываемые преимущественно внутреннимъ безпокойствомъ, а иногда и семейнымъ неустройствомъ (Г. сошелся уже нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ съ Натальей Алексѣевной Огаревой). Красная нить переписки Г. съ Огаревымъ за эти годы — жажда не обрѣтаемаго покоя и горькое сознаніе, что, рядомъ съ потерей прежняго значенія, и личная жизнь сложилась какъ нельзя хуже, при томъ, что оба они сами въ томъ виноваты, что ничего уже нельзя измѣ-

нить и поправить. Осязательно слабость «Колокола» чувствуется теперь, напр., въ томъ, что въ противоположность успѣху писемъ на имя Государя, какія Г. напечаталъ въ 1855—59 гг., его новыя подобныя обращенія проходили въ Россіи совершенно незамѣченными; таковы письма по поводу кончины Наслѣдника (№ 197) и по поводу покушеній на Александра II Каракозова (№ 219) и Березовскаго (№ 243). Г. отнесся вполнѣ отрицательно къ политическому террору, что вызвало на него нареканія со стороны революціонеровъ, какъ на человѣка вполнѣ отсталаго. Вообще разногласія Г. съ этимъ кругомъ все обострялись, начиная съ того, что Г. скептически относился еще со времени появленія революціонной группы «Земля и воля» ко всякой непродуманной агитаціи и пропагандѣ и рѣзко осуждалъ такіе пріемы борьбы, какъ подложный манифестъ (отъ 31 марта 1863 года) и т. п. Много недоразумѣній вызвалъ и такъ называемый «общій фондъ», деньги, оставленныя въ 1858 г. Г-у нѣкіимъ Бахметевымъ, уѣхавшимъ на Маркизовы острова основывать соціалистическую колонію и пропавшимъ безъ вѣсти. На этотъ фондъ предъявляли требованія очень многіе, Г. отказывалъ, не вѣря серьезности и надобности предлагаемыхъ ему предпріятій, и отсюда множество на него нареканій. Послѣ статей въ «Колоколѣ» о покушеніи Каракозова, на Г. въ особенности обрушился въ брошюрѣ «Наши домашнія дѣла» эмигрантъ А. Серно-Соловьевичъ, не отступая и предъ упреками Г-у въ сытой жизни среди голодающихъ земляковъ, хотя въ дѣйствительности Г. на помощь эмигрантамъ былъ всегда щедръ. Съ своей стороны Г. сурово осуждалъ въ своихъ статьяхъ «Собакевичей и Ноздревыхъ нигилизма», и хотя высоко ставилъ типъ Базарова, но въ большинствѣ эмигрантовъ второй половины шестидесятыхъ годовъ не узнавалъ героическихъ чертъ тургеневскаго нигилиста. Герценъ совершенно отрицательно отнесся къ Нечаеву и къ его максималистской — по современной намъ терминологіи — программѣ, признававшей «истиннымъ и единственнымъ революціонеромъ въ Россіи» — «дикій разбойничій міръ». Письма Г-а этой поры полны выраженіями крайняго раздраженія противъ эмигрантской толпы, представители которой своимъ невѣжественнымъ самоувѣреннымъ тономъ и претензіями коробили его. Мѣру создавшагося около Г. одиночества можно взвѣсить по тому теплому чувству, съ какимъ онъ встрѣчаетъ теперь всякое выраженіе симпатіи, какъ то было напр. въ Эмсѣ при случайной встрѣчѣ съ Погодинымъ, или во Флоренціи при встрѣчахъ съ художникомъ Ге, написавшимъ его извѣстный портретъ. Въ десятилѣтнюю годовщину появленія «Колокола» въ № 244—245 отъ 1 іюля 1867 г. появилось заявленіе редакторовъ о пріостановкѣ изданія на полгода, чтобы «перевести духъ, отереть потъ, собрать свѣжія силы». «Колоколъ» — говорилось еще въ заявленіи — былъ и будетъ органомъ русскаго соціализма и его развитія, соціализма аграрнаго и артельнаго, сельскаго и городского, государственнаго и областного. Соціальному развитію Россіи для насъ подчинено все, форма и лица, колебанія и ошибки — но такъ какъ оно невозможно безъ свободнаго слова и свободнаго схода, безъ общаго обсужденія и совѣта, то мы звали и будемъ звать всѣми силами собраніе «Земскаго Собора». Русскій «Колоколъ» уже не возобновился. Черезъ полгода сталъ выходить журналъ Г-а уже на французскомъ языкѣ (съ русскими приложеніями), подъ названіемъ «Kolokol» (la Cloche), revue du développement social, politique et litteraire en Russie». Не слѣдуетъ смѣшивать этого изданія съ «La Cloche», журналомъ, выходившимъ въ 1862—4 гг. въ Брюсселѣ и представлявшемъ переводъ статей изъ русскаго «Колокола» съ извлеченіями изъ разныхъ сочиненій Г. «Kolokol» имѣлъ свои особыя задачи. Вглядываясь въ концѣ десятилѣтія реформъ въ новыя условія русской жизни, Г. сознавалъ, что она пошла не ожидаемымъ путемъ къ быстрому политическому и аграрно-соціальному перевороту, а сосредоточилась пока въ рядѣ практическихъ вопросовъ земской, судебной, литературной и пр. сферъ. При наступившемъ въ Россіи относительномъ просторѣ для обсужденія и рѣшенія этихъ вопросовъ, Г. «сталъ бѣднѣе той частью

идеала, которая перешла въ дѣйствительность», и онъ рѣшаетъ снова вернуться къ задачѣ, которую ставилъ себѣ двадцать лѣтъ назадъ при первомъ своемъ укрѣпленіи на западной почвѣ. Французскій «Kolokol» долженъ былъ знакомить иностранцевъ съ развивающеюся новою жизнью молодой обновленной Россіи, которую на Западѣ отожествляютъ попрежнему съ внѣшнею оффиціальною Россіею. Надежду Г-а на успѣхъ французскаго изданія «Колокола», съ измѣненною задачею, вѣроятно, поддерживали тѣ знаки вниманія, которые попрежнему выпадаютъ ему на долю со стороны и выдающихся, и рядовыхъ людей Запада. Такъ, въ Венеціи въ карнавалъ 1867 г. Г. нечаянно сталъ предметомъ восторженной овація пылкихъ итальянцевъ, впрочемъ привѣтствовавшихъ его въ качествѣ «poeta russo». Онъ попрежнему остается все тѣмъ же вѣрующимъ въ русскій народъ соціалистомъ, и даже больше, чѣмъ прежде, подчеркиваетъ, что онъ русскій. Напр. въ 1867 г. Г. уклоняется отъ всякаго участія въ международномъ соціалистическомъ женевскомъ конгрессѣ «мира и свободы», заподозривъ, что приглашенъ на него не въ качествѣ русскаго, а потому, что онъ «русскій въ наименьшей по возможности мѣрѣ». Французскій «Колоколъ» былъ встрѣченъ холодно. Тургеневъ въ это время писалъ ему: «дай Богъ тебѣ прожить сто лѣтъ, и ты умрешь послѣднимъ славянофиломъ, и будешь писать статьи умныя, забавныя, парадоксальныя, глубокія, которыхъ нельзя будетъ не дочитать до конца. Сожалѣю я только о томъ, что ты почелъ нужнымъ нарядиться въ платье, не совсѣмъ тебѣ подходящее. Вѣрь мнѣ или не вѣрь, но для такъ называемаго воздѣйствія на европейскую публику всѣ твои статьи безполезны». Скоро и самъ Г. долженъ былъ въ этомъ сознаться. «Caro mio! — намъ пора въ отставку и приняться за что-нибудь другое — за большія сочиненія или длинную старость» — пишетъ онъ Огареву 14 іюля 1868 года. Наконецъ, №14—15 «Kolokol» отъ 1 декабря вышелъ съ письмомъ Г. на имя Огарева; здѣсь говорилось, что существованіе журнала стало искусственнымъ и изданіе его теперь не нужно: «пойдемъ же нашею дорогою, рука объ руку, какъ начали. Отдыхъ не далекъ». Оглядываясь назадъ въ концѣ своей, этимъ и закончившейся, журнальной дѣятельности, Г. имѣлъ одно утѣшеніе въ чистотѣ своихъ намѣреній и съ полнымъ правомъ писалъ о себѣ: «Мы можемъ упрекать себя во многихъ ошибкахъ, многихъ заблужденіяхъ; но если мы неповинны въ какой-либо слабости эмиграцій — такъ это въ позированіи; мы не позировали ни въ качествѣ заговорщиковъ, ни въ качествѣ диктаторовъ, ни разоблачителей, посланниковъ или иныхъ чиновниковъ революціи. Мы говорили и повторяли, что мы лишь случайные представители подпольнаго движенія въ Россіи отъ дней Николая — его свободный голосъ, его крикъ негодованія, страданія, надежды, когда изъ тайнаго движеніе становится явнымъ» («Kolokol», № 7).

Въ связи съ толками о прекращеніи «Колокола» возникали и слухи о возвращеніи Г. въ Россію, и мысль объ этомъ такъ томила его, что онъ въ слѣдующемъ 1869 г. серьезно обсуждалъ, на какихъ условіяхъ могло бы это состояться. Сколько могъ, Г. продолжалъ вглядываться въ то, что дѣлается въ Россіи, слѣдилъ за журналами, за судомъ и земствомъ. Его тѣшила возможность напечатать нѣкоторыя статьи («Скуки ради») въ газетѣ «Недѣля» за подписью I. Ніонскій (отъ названія городка Ніонъ подъ Женевой), но тогдашнее бездѣятельное положеніе настраивало на безнадежныя мысли о цѣлыхъ поколѣніяхъ русскихъ людей. «Свободной Россіи мы не увидимъ. Весь нашъ трудъ въ ломкѣ препятствій и расчищеніи мѣста». Въ 1869 г. Г. издаетъ послѣднюю восьмую книжку «Полярной Звѣзды», чисто беллетристическаго содержанія. Кромѣ того набрасывались воспоминанія и написаны замѣчательныя письма «Къ старому товарищу» (М. Бакунину). Еще и раньше въ Г. была сильна жилка философа-созерцателя безконечнаго бѣга и суеты міра явленій. Теперь она замѣтна особенно сильно. Въ качествѣ «посторонняго» мелкой ежедневной борьбѣ общественныхъ силъ, онъ вдумывается въ «вѣчное», что развертывается въ

ней. Человѣчество и его темные пути занимаютъ его больше, чѣмъ личность, и смыслъ личнаго въ гармоническомъ сліяніи съ общимъ шагомъ людскимъ, въ который онъ въ эти послѣдніе свои годы и стремится глубже всмотрѣться. Прежнія мысли д-ра Крупова о повальномъ безуміи рода человѣческаго кажутся ему теперь слишкомъ оптимистическими, и въ продолженіе своей московской сатиры онъ пишетъ «Aphorismata» Тита Левіафанскаго. Этотъ мрачный прозекторъ-семинаръ, отъявленный нигилистъ, въ противность своему учителю Крупову, видитъ въ безуміи человѣчества не болѣзнь, отъ которой оно съ теченіемъ временп освобождается, но органическое его свойство, безъ котораго «родъ человѣческій, какъ Калигула, возжелаетъ имѣть едину главу и едину каротиду, чтобъ перерѣзать ее однимъ ударомъ бистурія»... Это безуміе отлилось, говоря серьезно — въ рабскую покорность человѣческихъ массъ готовымъ формамъ мысли и соціальныхъ отношеній. Попрежнему протестъ Г. противъ этой покорности обветшавшимъ формамъ звучитъ въ его рѣчи, привычно остроумной, но съ бо́льшимъ оттѣнкомъ горечи. Онъ не видитъ достаточно яснаго выхода и въ построеніяхъ тогдашняго соціализма, упрекая послѣдній въ особенности въ томъ, что онъ одною ногою стоитъ на почвѣ *вѣры*, а не науки. Наука — вотъ единственное, что можетъ составить противовѣсъ и опору при индивидуальной безпомощности людей и массовомъ ихъ безуміи, и въ одномъ письмѣ Г. характерно противопоставляетъ мучительному умиранію больного ребенка и звѣрству войны пруссаковъ съ Австріей — «величайшій фактъ: телеграфъ между Нью-Іоркомъ и Лондономъ конченъ». Въ «письмахъ къ старому товарищу», этомъ какъ бы соціально-политическомъ завѣщаніи Г., съ глубокимъ чувствомъ выражено все то же новое основное настроеніе его. Бакунинъ всецѣло погрузился въ это время въ пропаганду скорѣйшаго насильственнаго разрушенія стараго міра. Въ противность старому другу, Г. остался при мысли о пересозданіи мѣщанскаго, буржуазнаго государства въ государство народное. «Исключительному царству капитала и безусловному праву собственности такъ же пришелъ конецъ, какъ нѣкогда пришелъ конецъ царству феодальному и аристократическому». Но великая сила безсознательной пассивности народныхъ массъ — сила, съ которой приходится считаться, потому что «знанія и пониманія не возьмешь никакими coup d'état и никакими coup de tête». «Общее постановленіе задачи не даетъ ни путей, ни средствъ, ни даже достаточной среды. Насиліемъ ихъ не завоюешь. Подорванный порохомъ весь міръ буржуазный, когда уляжется дымъ и расчистятъ развалины, снова начнетъ съ разными измѣненіями какой-нибудь буржуазный міръ... потому, что онъ внутри не конченъ, и потому еще, что ни міръ построяющій, ни новая организація не настолько готовы, чтобы пополниться осуществляясь»... «Старый порядокъ вещей крѣпче *признаніемъ* его, чѣмъ матеріальною силою, его поддерживающею». Отсюда, по мысли Г., прежде всего обязательна терпимость къ темному пути, которымъ бредетъ, спотыкаясь и обливаясь кровью, человѣчество. «Винить, наказывать, отдавать на копье — все это становится ниже нашего пониманія». «Собственность, семья, церковь, государство были огромными воспитательными формами человѣческаго освобожденія и развитія, мы выходили изъ нихъ по миновеніи надобности. Обрушивать отвѣтственность за былое и современное на послѣднихъ представителей «прежней правды», дѣлающейся «настоящею неправдою», такъ же нелѣпо, какъ было нелѣпо и несправедливо казнить французскихъ маркизовъ за то, что они не якобинцы, и еще хуже, потому что мы за себя не имѣемъ якобинскаго оправданія: наивной вѣры въ свою правоту, въ свое право». Въ слѣдующемъ письмѣ Г. развиваетъ мысль, что новый строй долженъ вырасти на почвѣ сознательнаго пониманія массами всего сложнаго соціальнаго процесса, въ противоположность существующей безсознательности. Г. не боится назвать себя постепеновцемъ и высказаться противъ всякаго насажденія принциповъ и институтовъ, считаемыхъ высшими, насильственнымъ кровавымъ путемъ. «Ни ты, ни я,—

говоритъ Г., — мы не измѣнили нашихъ убѣжденій, но разно стали къ вопросу. Ты рвешься впередъ попрежнему со страстью разрушенія, которую принимаешь за творческую страсть... ломая препятствія и уважая исторію только въ будущемъ. Я не вѣрю въ прежніе революціонные пути и стараюсь понять шагъ людской въ быломъ и настоящемъ, для того, чтобы знать, какъ итти съ нимъ въ ногу, не отставая и не забѣгая въ такую даль, въ которую люди не пойдутъ за мною, не могутъ итти». Эти два первыхъ письма были написаны въ той Ниццѣ, съ которою было связано у Г.столько скорбныхъ воспоминаній, и здѣсь въ полномъ досугѣ и уединеніи вылились эти мысли вѣско и спокойно. Два слѣдующихъ письма къ Бакунину написаны уже позднѣе, осенью 1869 г. въ Брюсселѣ и Парижѣ, и касаются частностей бакунинскаго революціонизма, напр. Г. энергично опровергаетъ мысль, будто наука аристократична и непосредственная соціально-революціонная борьба должна первенствовать надъ наукою; письма содержатъ также протестъ противъ обращенія къ «дурнымъ страстямъ» въ качествѣ революціоннаго средства. «Нѣтъ, великіе перевороты не дѣлаются разнуздываніемъ дурныхъ страстей... Я не вѣрю въ серьезность людей, предпочитающихъ ломку и грубую силу развитію и сдѣлкамъ. Проповѣдь нужна людямъ, проповѣдь неустанная, ежели путная; проповѣдь, равно обращенная къ работнику и хозяину, къ земледѣльцу и мѣщанину. Апостолы намъ нужны прежде авангардныхъ офицеровъ, прежде саперовъ разрушенія». Установившееся эволюціонное міровоззрѣніе, не только въ естественно-научной, но и въ соціологической области, подготовило къ этому пониманію задачи общественнаго развитія, какъ задачи перевоспитанія массъ подъ знаменемъ науки и просвѣщенія, задачи, менѣе всего разрѣшимой экспериментами надъ человѣческими жизнями и кровью. Такъ, тяжелое раздумье послѣднихъ лѣтъ Г. все же просвѣтлено его вѣрою въ великую освобождающую и благую силу науки; «наука учитъ насъ смиренію. Она не можетъ ни на что глядѣть свысока, она не знаетъ, что такое свысока, она ничего не презираетъ, никогда не лжетъ для роли и ничего не скрываетъ изъ кокетства. Она останавливается предъ фактами какъ изслѣдователь, иногда какъ врачъ, никогда какъ палачъ, еще меньше съ враждебностью и ироніей. Наука — я, вѣдь, не обязанъ скрывать нѣсколько словъ въ тиши душевной, — наука — любовь, какъ сказалъ Спиноза о мысли и вѣдѣніи». Этою «интеллектуальною любовью къ Богу» Спинозы по истинѣ объяты послѣднія творческія настроенія мысли Г., они дышатъ выстраданнымъ чувствомъ терпимости къ людямъ и подымаютъ порою его образъ на высоту умудреннаго жизнью и размышленіемъ учителя жизни.

Однако, вся внѣшняя тревожная жизнь Г-а и переѣзды много мѣшали сосредоточенной работѣ. Осенью 1869 г. онъ поселился въ Парижѣ, съ коекакими новыми планами литературно-издательской дѣятельности. Г. зажилъ сначала въ Hôtel du Louvre, потомъ на Rue de Rivoli въ меблированномъ домѣ Pavillon de Rohan, съ частью своего семейства, не какъ знаменитый эмигрантъ, вокругъ котораго въ Парижѣ могъ бы сгруппироваться болѣе или менѣе видный политическій кругъ, а просто иностранцемъ, живо интересующимся парижскою жизнью. Попрежнему въ его письмахъ мелькаютъ ноты досады, что не налаживается и здѣсь спокойная жизнь: «Такая тоска по покою, по отсутствію тревоги, по recueillement, — пишетъ онъ Огареву,— что нельзя себѣ представить. Желаніе пожить одному мѣшаетъ мнѣ думать, смотрѣть, читать». Онъ мрачно настроенъ и французскою жизнью: ждетъ разгрома Франціи со стороны Пруссіи, что какъ извѣстно блистательно оправдалось, и предвидитъ во Франціи тяжелую внутреннюю смуту и взаимное уничтоженіе, разразившіяся во время коммуны. Между тѣмъ тяжелая хроническая болѣзнь, развившаяся уже года три назадъ, діабетъ, дѣлала свое разрушительное дѣло, хотя, несмотря на внѣшніе признаки болѣзни, постарѣніе, худобу и желтизну, Г. сохранялъ весь свой умственный блескъ и жаръ. Видѣвшій его за нѣсколько дней до

послѣдней болѣзни. П. Боборыкинъ «испыталъ самый сильный припадокъ горечи и обиды за то, что такой полный еще жизни, творчества и умственнаго блеска, такой великій возбудитель политическаго и соціальнаго самосознанія нашего отечества принужденъ былъ все-таки довольствоваться жизнью иностранца». Въ это время Парижъ, уже сбрасывавшій иго Наполеона III, глухо волновался изъ-за убійства принцемъ Пьеромъ Бонапартомъ журналиста Нуара. Происходили бурныя собранія протеста. На одномъ изъ нихъ Г. простудился, быстро развилось воспаленіе легкихъ, и 9 (21) января онъ скончался. Нѣжная любовь къ Огареву прорывалась до послѣднихъ сознательныхъ минутъ Г., и онъ умеръ съ вопросомъ о депешѣ отъ друга. Временно прахъ Г. былъ погребенъ на кладбищѣ Père-Lachaise, 23 января. Похороны были гражданскія, почтить усопшаго собралось человѣкъ 500, личные друзья и ближайшіе родственники и представители парижской и международной демократіи. На могилѣ была произнесена рѣчь на французскомъ языкѣ только близкимъ послѣднее время къ Г. эмигрантомъ Вырубовымъ. Онъ говорилъ о томъ памятникѣ, какой нѣкогда воздвигнетъ Г-у родина, съ надписью «великому гражданину, великому изгнаннику — Александру Герцену — благодарная Россія», къ которой съ полнымъ правомъ можно будетъ также добавить слова: «велики его заслуги предъ человѣчествомъ» (il a bien mérité de l'humanité). Въ Россіи смерть Г. была отмѣчена весьма сдержанно краткими некрологами. Столь же сдержанны были, если не сказать больше (одно радикальное изданіе рекомендовало спустить его сочиненія, кромѣ художественныхъ, вмѣстѣ со старой ветошью въ чуланъ) и отзывы русской зарубежной печати; впрочемъ, съ горячей симпатіей и правильной оцѣнкой исторической роли Г. выступила анонимная брошюра: «А. И. Герценъ. Нѣсколько словъ отъ русскаго къ русскимъ». Очень тепло отозвались и иностранныя большія газеты. Черезъ нѣкоторое время прахъ Г., согласно неоднократно имъ при жизни выраженному желанію, былъ перенесенъ въ Ниццу и погребенъ рядомъ съ тѣломъ Наталіи Александровны Герценъ. На могилѣ сооруженъ прекрасный памятникъ, работы Забѣлло, частью на средства семьи, частью на общественный сборъ между заграничными почитателями Г.

«Г. резюмировалъ въ себѣ нѣсколько десятилѣтій умственной жизни въ Россіи. Онъ представлялъ собою не какой-нибудь слой или классъ людей, а русское современное ему общество безъ всякаго различія сословій. Въ немъ былъ и народный духъ, и аристократическое чувство, и художественное чутье, и научное образованіе, въ него вошли, уравновѣшиваясь и сливаясь, всѣ элементы русской жизни, онъ былъ типомъ цѣльнымъ, на который нельзя смотрѣть съ какой-нибудь спеціальной точки зрѣнія» (Вырубовъ, предисловіе къ заграничному собранію соч. Г.). И не только въ русскую, но и западноевропейскую общественность и литературу вошелъ Г., и его біографъ-нѣмецъ Eckhardt, согласно съ рѣчью Вырубова на могилѣ Г., признаетъ, что своею дѣятельностью «Г. воздвигъ себѣ прочный памятникъ не только въ русской, но и міровой исторіи». Если историческая роль Г. внѣ сомнѣній, хотя и отходитъ въ прошлое, то онъ остается дѣйственнымъ, какъ писатель и публицистъ-художникъ, въ произведеніяхъ котораго живетъ его страстная душа, съ ея шиллеровскимъ лиризмомъ. Въ ней бился также неизсякаемый родникъ живого національнаго чувства, чуждаго какого-нибудь шовинизма. Въ этомъ была та физіологическая черта, которая роднила объевропеившагося москвича, совершеннаго «аѳея», съ «православно-вѣровавшими славянофилами» больше, чѣмъ съ многими радикальными людьми Запада. Разлитая въ каждой строкѣ Г. и каждой страницѣ его жизни музыка любви къ родинѣ, тоски по ней и вѣры въ родину, спасшей его на краю нравственной гибели, долго и долго будетъ захватывать, чаровать и заражать читателя великимъ и плодотворнымъ энтузіазмомъ. Столь же обаятельна многими чертами его личность и индивидуальная жизнь, вопреки такихъ слабостей, какъ нѣкоторое тщеславіе, податливость

чужому вліянію и т. п. Гармоническая по существу натура Г-а, сочетавшая зоркій трезвый громадный умъ съ пылкимъ сердцемъ, напоминаетъ здоровую натуру Пушкина, и въ итогѣ пережитыхъ имъ колебаній, сомнѣній и тревогъ всегда беретъ верхъ здоровое чувство плодотворнаго оптимизма и идеализма, который умѣетъ стоически принимать, что человѣкъ не внѣ законовъ природы и общественности, умѣетъ смириться предъ истиной, но истину видитъ и въ себѣ самомъ, въ собственныхъ чаяніяхъ «жизни будущаго вѣка», въ томъ, что «изъ вратъ храма науки человѣчество выйдетъ съ гордымъ и поднятымъ челомъ на творческое созданіе веси Божіей». «Осердеченный умъ», — выраженіе Бѣлинскаго, — Г. покоряетъ себѣ мощью и красотой своихъ исканій истины и соціальной справедливости. Жизнь его та же «героическая симфонія», съ которой сравнивали его произведенія, это — фаустовское исканіе истины и дѣла, подвига, которому онъ могъ бы отдаться, чтобы сказать мгновенію: «остановись, прекрасно ты!» И такими мгновеніями была богата его жизнь. Жизнь Г. «горитъ и жжетъ». По полнотѣ, яркости и красотѣ своихъ духовныхъ переживаній и ихъ отраженіемъ въ художественномъ словѣ, онъ достигъ высшихъ вершинъ, на какія только подымался русскій геній, и въ Г. наряду съ такими представителями духовнаго творчества и мысли, какъ Пушкинъ, Левъ Толстой, Достоевскій, Бѣлинскій и немногіе другіе, также залогъ и обѣтованіе не увядающей творческой мощи русскаго народа.

Литература о Герценѣ. Крупнѣйшій источникъ для біографіи Герцена составляютъ его сочиненія, особенно «Былое и Думы», письма и разнообразныя личныя заявленія и признанія во многихъ статьяхъ. Полнаго собранія сочиненій, однако, до сихъ поръ не существуетъ. Въ 1875—79 гг. вышло за границей десятитомное собраніе, дополненіемъ къ которому служатъ заграничные же—сборникъ посмертныхъ статей 1870 г. и сборникъ избранныхъ статей «Колокола», изд. въ Женевѣ въ 1887 г. Въ Россіи былъ въ 1870 г., безъ имени автора, напечатанъ сборникъ «Раздумье», заключающій нѣкоторыя произведенія Г., напечатанныя до отъѣзда его за границу, и съ 1847 г. нѣсколько разъ переизданъ романъ «Кто виноватъ?». Въ 1905 г., съ разрѣшенія предварительной цензуры, напечатаны въ изданіи Ф. Павленкова въ С.-Пб. «Сочиненія и переписка Г. съ Н. А. Захарьиной», въ семи томахъ, съ примѣчаніями, указателемъ и 8 снимками (7 портретовъ и 1 статуя). Это собраніе не только не полно, но вдобавокъ текстъ Г. во многихъ произведеніяхъ искаженъ цензурными исключеніями до неузнаваемости. Далѣе изданы Павленковымъ же нѣкоторыя произведенія Г. уже съ полнымъ текстомъ: въ 1906 г.: «Робертъ Оуэнъ», «Александръ I и В. Н. Каразинъ», «Княгиня Екатерина Романовна Дашкова», «Съ того берега», и др.; въ 1907 г.: «Статьи о Польшѣ изъ «Колокола» (книга была конфискована), «О развитіи революціонныхъ идей въ Россіи» (переводъ съ французскаго А. Тверитинова).

Переводы статей Герцена, появившіеся въ 1912 году въ журналахъ: «Пролегомены», «Завѣты», № 1 (не окончено); «Новая дата русской литературы», «Русское Богатство», №№ 3-4; «Въ редакцію «Польскаго Демократа», «Совр. Міръ», № 6.

Въ настоящее время въ С.-Пб. печатается и начнетъ выходить съ 1915 года первое собраніе сочиненій Г., подъ редакціею М. К. Лемке, которое будетъ приближаться, дѣйствительно, къ полному собранію. Сюда войдетъ и неизвѣстная часть «Былого и Думъ», и данъ будетъ обширный комментарій.

Библіографія, наиболѣе полная, сочиненій Г., а также литературы о Г., кончая 1907 г., дана А. Г. Фоминымъ въ книгѣ: Ч. Вѣтринскій. «Герценъ. Жизнь. Мысли. Дѣятельность». С.-Пб. 1908 г. Изд. «Библіотека Свѣточа подъ редакціей С. А. Венгерова». Стр. XVI+532. Приводимъ здѣсь изъ литературы о Г. лишь наиболѣе существенное.

Книги и брошюры, спеціально посвященныя Г.: Ч. Вѣтринскій. «Герценъ» (см. выше).—«Письма Тургенева и Г. къ А. А. Краевскому. Изъ собранія автографовъ Имп. Публ. Библіотеки». С.-Пб. 1893 (также прил. къ отчету Имп. Публ. Библ. за 1890 г.).—В. Д. Смирновъ. «А. И. Герценъ». С.-Пб. 1897—98.—Батуринскій В. «А. И. Герценъ, его друзья и знакомые». С.-Пб. 1904. Томъ I.—С. Н. Булгаковъ. «Душевная драма Г.». Кіевъ 1905.—Бѣлозерскій Н. «Герценъ, славянофилы и западники». С.-Пб. 1905.—Гершензонъ М. «Соціально-политическіе взгляды Герцена». М. 1906.—Діесперовъ. «А. И. Герценъ» (Современная библіотека, т-ва И. Сытина). М. 1906.—Овсянико-Куликовскій Д. Н. «Герценъ. Характеристика». С.-Пб. 1908.—Алексѣй Веселовскій. «Герценъ-писатель». Очеркъ. М. 1909 (первон. «Вѣстн. Европы», 1908).—«Матеріалы для біографіи Г. Отрывки изъ воспоминаній М. К. Рейхель (Эрнъ) и письма къ ней А. И. Герцена». Изд. Л. Э. Бухгеймъ. М. 1909.—Ч. Вѣтринскій. «Странички Герцена», Н.-Новгородъ, 1912. 16 стр. — В. Богучарскій. «А. И. Герценъ». Изданіе кружка имени Г — а. С.-Пб. 1912.

Книги и сборники, содержащія статьи и свѣдѣнія о Г. и его письма.—Энциклопедическіе словари и указатели: Брокгауза и Ефрона, «Просвѣщеніе», Геннади, Межова и др. — Барсуковъ. «Жизнь и Труды Погодина». — «Краткое обозрѣніе направленія періодическихъ изданій и газетъ и отзывовъ ихъ по важнѣйшимъ правительственнымъ и дру-

тимъ вопросамъ за 1862 г.» . С.-Пб. (конфиденціальная брошюра).—А. Станкевичъ. «Грановскій и его переписка». Москва. 1897 г.—Пыпинъ А. «Бѣлинскій, его жизнь и переписка». С.-Пб. 1907 (втор. изд.). — Анненковъ. «Воспоминанія и критическіе очерки». С.-Пб. 1877—1881. Т. III. — Его же. «Литерат. воспоминанія». С.-Пб. 1909. — «Анненковъ и его друзья». С.-Пб. 1892. — Т. П. Пассекъ. «Изъ дальнихъ лѣтъ». С.-Пб. 1905 (второе изд.). — Семевскій В. «Крестьянскій вопросъ въ царствованіе Николая I». С.-Пб. 1888.—С. Невѣдѣнскій. «Катковъ и его время». С.-Пб. 1888.—«Главные дѣятели освобожденія крестьянъ». Подъ ред. С. Венгерова. С.-Пб. 1903. — А. А. Корниловъ. «Крестьянская реформа». С.-Пб. 1905.—Его же. «Общественное движеніе при Императорѣ Александрѣ II». М. 1909.—Панаева-Головачева. «Русскіе писатели и артисты». С.-Пб. 1890.—Панаевъ И. «Литературныя воспоминанія». Соч. т. VI и отд. изд. С.-Пб. 1888 (изд. 3-е).—Скабичевскій. Сочиненія, т. I. 1890—1903. («Три человѣка сороковыхъ годовъ» и «Сорокъ лѣтъ русской критики»).—«Помощь голодающимъ». Сборн. М. 1892.—Шелгуновъ. Сочиненія. Изд. О. Н. Поповой, третье, т. II. («По поводу одной книги» (Раздумье) и «Изъ прошлаго и настоящаго»).—«Юбилейный сборникъ Литературнаго фонда». С.-Пб. 1909. (дополненія къ воспоминаніямъ Шелгунова). — «Починъ», сборники Общества любителей рос. словесности на 1895 и 1896 гг. (статьи Е. Некрасовой и разн. матер.) — Алексѣй Веселовскій. «Западное вліяніе въ новой русской литературѣ». М. 1906 (третье изд.).— Его же, «Этюды и характеристики». М. 1907 (3-е изд.). — Вѣтринскій Ч., «Т. Н. Грановскій и его время». С.-Пб. 1905 (изд. 2-е).—Его же, «Въ сороковыхъ годахъ». М. 1899.—«Исторія русской литературы XIX вѣка», подъ редакціей Овсянико-Куликовскаго, Грузинскаго и Сакулина, томъ II (статьи Ч. Вѣтринскаго: «Сороковые годы XIX вѣка» и «Герценъ до отъѣзда за границу») и т. III (ст. Плеханова, «Герценъ-эмигрантъ»).—Ѳ. Нелидовъ, «Западники сороковыхъ годовъ: Станкевичъ, Бѣлинскій, Герценъ, Грановскій и др.», «Историко-литературная библіотека, подъ редакціей А. Грузинскаго». Вып. II. М. 1910.—Головинъ К. «Русскій романъ и русское общество». С.-Пб. 1897.—Страховъ Н. «Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ». Томъ I. С.-Пб. 1897—8.—Бѣлоголовый Н. «Воспоминанія и другія статьи». С.-Пб. 1901. (4-е изд.). — Отчеты Румянцовскаго музея 1899, 1900, 1902, 1903, 1906 гг.—Волынскій. «Борьба за идеализмъ». С.-Пб. 1900.—Милюковъ П. «Изъ исторіи русской интеллигенціи». С.-Пб. 1902.—Морозовъ П. «Минувшій вѣкъ». Литературные очерки. С.-Пб. 1902.—Энгельгардтъ Н. «Исторія русской литературы XIX вѣка». С.-Пб. 1902.—Бородкинъ. «Славянофильство Тютчева и Герцена». С.-Пб. 1902.—«Литературный архивъ», изд. П. Картавовымъ. С.-Пб. 1902.—«Отч. Имп. Публ. Библ. за 1898 г.». С.-Пб. 1902 (письмо къ Луи Блану).—Огарева-Тучкова. «Воспоминанія». М. 1903.—Козминъ. «Очерки по исторіи русскаго романтизма». С.-Пб. 1903.—Стасовъ В. «Н. Н. Ге». М. 1904.—Бороздинъ А. «Литературныя характеристики XIX в.» т. II. вып. I». С.-Пб. 1904.—Богучарскій В. «Изъ прошлаго русскаго общества». С.-Пб. 1904.—Андреевичъ. «Опытъ философіи русской литературы». С.-Пб. 1905.—Соловьевъ Е., (Андреевичъ). «Очерки по исторіи русской литературы XIX вѣка». С.-Пб. 1907.—Драгомановъ. «Герценъ, Бакунинъ, Чернышевскій и польскій вопросъ». Казань, 1906 (частичное переизданіе книги «Историческая Польша и русская демократія», изд. заграницей).—Овсянико-Куликовскій. «Очерки изъ исторіи русской интеллигенціи». М. 1906—1907, т. I и II.—Ганжулевичъ. «Достоевскій и Герценъ въ исторіи русскаго самосознанія». С.-Пб. 1907.—Ивановъ-Разумникъ. «Исторія русской общественной мысли». Т. I. С.-Пб. 1907. — Писаревъ. Статья о Шедо-Ферроти въ «Дополнительномъ выпускѣ» къ «Сочиненіямъ Писарева». С.-Пб. 1907.—Глинскій Б. «Борьба за конституцію. Историческіе очерки». С.-Пб. 1908.—Гершензонъ М. «Чаадаевъ. Жизнь и мышленіе». С.-Пб. 1908.—Его же. «Исторія молодой Россіи». М. 1908.—Его же. «Жизнь В. С. Печерина». М. 1910.—Его же. «Образы прошлаго». М. 1913.—Лемке. «Николаевскіе жандармы и литература 1826—55 гг. С.-Пб. 1908.—Его же. «Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—65 гг.». С.-Пб. 1904.—Его же. «Очерки освободительнаго движенія шестидесятыхъ годовъ». С.-Пб. 1908. (Дѣло 32-хъ, дѣло П. А. Мартьянова).—П. Сергѣенко. «Толстой и его современники». М. 1911.—«Записки А. И. Кошелева». Изд. «Всем. Вѣстн.» 1907 г.—«Біографія А. И. Кошелева», т. II, М. 1892.—С. Ашевскій. «Бѣлинскій въ оцѣнкѣ современниковъ». С.-Пб. 1911.—П. Гутьяръ. «И. С. Тургеневъ». Юрьевъ, 1907.—П. Бирюковъ. «Біографія Л. Н. Толстого». Томъ I. М. 1911 г. (изд. второе). — Гусевъ. «Воспоминанія о Л. Н. Толстомъ». М. 1911.—«Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ гг.». Подъ ред. Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго). Изд. «Донской Рѣчи» (журн. «Рус. Истор. Библіотека», № 2).—Петръ Струве. «Patriotica. Политика, культура, религія, соціализмъ». С.-Пб. 1911. (Герценъ. Рѣчь, произнесенная въ кружкѣ имени А. И. Герцена. 9-го января 1908. Стр. 526—530). — «Великая реформа», сборникъ въ память 50-лѣтія освобожденія крестьянъ. М. 1911. Статья Ч. Вѣтринскаго: «Колоколъ» и крестьянская реформа». — Кромѣ того, имя Герцена многократно упомянуто въ разнообразныхъ сборникахъ и статьяхъ, посвященныхъ освобожденію крестьянъ и вышедшихъ въ свѣтъ около 19 февраля 1911 года.—Боборыкинъ П. «Столицы міра». М. 1912.—Амфитеатровъ А. «Сочиненія» въ изд. «Просвѣщенія», т. XIV, «Славные мертвецы».—Проф. И. И. Ивановъ. «И. С. Тургеневъ». Нѣжинъ, 1914 (объ этой книгѣ: Л. Козловскій, «Голосъ Мин.» 1913, № 11).—«Стасюлевичъ и его современники» (С.-Пб., съ 1911 г. вышло до половины 1914 г. 5 томовъ, см. по указателямъ къ каждому тому).

Журнальныя и газетныя статьи и замѣтки (подробности и мелочи въ библіографіи А. Г. Фомина; статьи, вошедшія въ вышеуказанныя книги, не повторяются): Д. П. «Новые подвиги нашихъ лондонскихъ агита-

торовъ». «Рус. Вѣстн.» 1862 г., № 9.—«Г. Герценъ и Г. Огаревъ». «Наше Время» 1862 г., №№ 166, 169, 189, 196, 248; 1863 г., №№ 8 и 11.—М. Катковъ, «Замѣтка для издателя «Колокола». «Русскій Вѣст.» 1862 г., № 7.—Д. П., «Партія Герцена и старообрядцы». «Русск. В.» 1867, № 3.—М. Погодинъ, «Дорожныя Записки». «Русскій», 1867 г., №№ 9 и 10.—«Голосъ» 1867, № 75 (отъ редакціи по поводу письма Г. въ № 58 газ. «Москва»).—«Бирж. Вѣд.» 1869 г., №№ 71, 73, 95.—«Голосъ», № 95 (письмо Г.). — Некрологи (1870 г.): «Недѣля», № 5; «Отеч. Зап.», № 2; «Бирж. Вѣд.», № 27; «Русск. Вѣдом.», № 8; «С.-Пб. Вѣд.», № 13; «Всеобщая Газ.», № 13; Нилъ Адмирари, «Голосъ» № 18; «Вѣсть», № 16; «Домаш. Бесѣда», № 12; «Вѣст. Евр.», № 2; М. Погодинъ. «А. И. Герценъ». «Заря», № 2; «Русская Лѣт.», № 3; «Совр. Извѣст.», № 10; Д. Н. Свербеевъ. «Воспоминанія объ Г.». «Русск. Арх.», № 3.—«О посмертныхъ сочиненіяхъ Г.» (1871 г.): «Рус. Вѣст.», № 2; П. Щ., «Лучше поздно, чѣмъ никогда, «Русск. Вѣст.», № 8; «Бесѣда», № 7. — «Письма Г. къ Витбергу». «Русская Старина», 1876 г., т. XVIII.—«Встрѣча съ Г.», «Рус. Мысль», 1882 г., № 12.—Письма Г. къ Д. П. Голохвастову, «Русск. Арх.» 1887г., № 8.—«Изъ переписки недавнихъ дѣятелей», «Рус. М.» 1888 г., №№ 7, 8, 10, 11; 1889, №№ 3, 9, 10; 1891, №№ 6-8; — В. Курута, «А. И. Герценъ» (изъ матеріаловъ для его біогр.), «Рус. М.» 1889, №№ 5 и 6.—Некрасова Е., «А. И. Герценъ». «Его замѣтки и наброски», «Рус. Стар.» 1889 г., № 1; письма Г. къ Кельсіеву, тамъ же. — А. М-скій. «Герценъ и его корреспонденты», «Рус. Вѣст.», 1889, №№ 4 и 5. — «Бѣлинскій въ письмахъ къ Г.», «Рус. М.» 1891, № 1. — А. Волынскій, «Литературныя замѣтки», «Сѣв. Вѣстникъ» 1892, № 6, 1893, № 10, 1894, № 4, 1895, № 5. — Д. А. Корсаковъ, «Изъ литературной переписки Кавелина», «Рус. М.» 1892, № 1. — Письма Полевого къ Герцену, «Рус. М.» 1892, № 7. — «Изъ новыхъ воспоминаній о Г.», «Вѣст. иностр. литературы», 1894, кн. XII. — Н. Ге, «Встрѣчи». «Сѣв. Вѣстн.», 1894, № 3. — Е. Некрасова, «Связка писемъ Г.». «Сѣв. Вѣст.» 1894, №№ 7 и 8. — «Отрывки изъ дневника». «Сѣв. Вѣст.» 1894. № 11. — Е. Некрасова, «Юношескіе литературные труды Г.», «Сѣв. Вѣст.» 1895, № 9. «Изъ интимной переписки Г.», «Сѣв. Вѣст.» 1895, № 12. «Изъ переписки Тургенева и Герцена», «Русск. Обозрѣніе» 1895, 1. — Н. М. Павловъ, «Полемика Каткова съ Г.», «Русское Обозрѣніе» 1895 г., май, іюнь и авг. — В. Цеэ, «Воспоминанія», «Русск. Стар.» 1897, № 11.—«Письма Витберга къ Г.», «Рус. Стар.» 1897, № 12. — Щепкинъ. «Воспоминанія», «Рус. Вѣд.», № 263. «Воспом. Саліаса», «Нов. Вр.» 1898, № 7906. «Письма Г. къ неизвѣстному», «Русское Обозрѣніе» 1898, № 5. — Бѣлозерскій Н., «Матеріалы для біогр. Г.», «Русск. Мысль», 1899 г., № 8. — «Изъ воспоминаній старой идеалистки о Г.», «Вѣст. Евр.» 1900, № 11. — Милюковъ, «Памяти Г.», «Міръ Божій», 1900, № 2.—Пятковскій А., «Двѣ встрѣчи съ Г.», «Наблюдатель», 1900, кн. 2—4.—М-ва Н., «Культурная дѣятельность Г. въ провинціи», «Русск. М.» 1900, № 2. — Л-ва С., «Новыя воспоминанія о Г.», «Р. М.» 1900, № 7. — Горнфельдъ, «Памяти Г.», «Русское Бог.» 1900, кн. 1, и др. замѣтки въ газетахъ и журналахъ начала 1900 г. по случаю 30-лѣтія смерти Г. — Бѣлозерскій, «Герценъ и молодое поколѣніе», «Вѣстн. всем. истор.» 1901, № 2. — «Два письма Г.», «Ежемѣсячныя соч.» 1901, № 6. — «За 16 лѣтъ. Письма Тургенева». Тамъ же, кн. 12. — Н. Козминъ, «Изъ исторіи русской литературы 30-хъ гг.», «Изв. Отд. р. яз. и слов. И. Ак. Наукъ» 1901, т. VI, кн. IV. — Бѣлозерскій. «Матер. для біогр. Г.» «Научное Обозр.» 1901, кн. 7. — В. Панаевъ, «Воспоминанія», «Русск. Старина», 1901, № 9, 1902, № 5, 1903, № 2. — «Изъ хроники моск. универс.», «Русск. Арх.» 1901, № 2. — В. Подарскій. «Наша текущая жизнь». «Рус. Бог.» 1901, № 12. — Вергунъ Д., «Г. и славянскій вопросъ», «Славянскій Вѣкъ», № 19. — «Русскіе писатели въ ихъ перепискѣ», «Рус. Мысль», 1902, №№ 11 и 12. — Батуринскій В., «Герценъ, его друзья и знакомые», «Всемірный Вѣстникъ» 1903, №№ 2—5; 1904, №№ 1, 4, 7-9, XI и XII; 1905, №№ 1—3, 5, 8 и 9. — Его же, «Въ началѣ сороковыхъ гг.», «Всем. Вѣстн.» 1903, № 4. — «Кавелинъ и Герценъ», «Всемірный Вѣст.» 1903, № 8. — Лозинскій Е. «Дѣтскіе годы и сем. воспитаніе Г.», «Вѣст. Воспитанія» 1903, № 8. — Романовичъ-Славатинскій, «Моя жизнь», «Вѣст. Евр.» № 3. — «Похороны Г.», «Міръ Божій» 1903, № 2. — Некрасова, «Интересный документъ о Г.» «Бакинскія извѣстія» 1903, № 7, и «Образованіе» 1903, № 2. — Ея же, «Изъ заграничной жизни Г.», «Рус. Вѣд.», № 119.—Воропоновъ Ѳ., «Сорокъ лѣтъ тому назадъ», «Вѣст. Евр.» 1904, № 7. — Н. Ашешовъ, «Новая книга о Г.» (Батуринскій), «Образованіе» 1904, № 1. — Некрасова, «Щепкинъ и Г.», «Рус. Мысль», 1904, кн. 1. — Ея же, «Г., его хлопоты о заграничномъ паспортѣ и послѣдняя поѣздка въ Петербургъ». Тамъ же, №№ 9 и 11. — Отзывы и статьи по поводу выхода сочиненій Г. въ изданіи Ф. Павленкова въ журналахъ и газетахъ 1905 г. и по поводу 35-лѣтія смерти. — Макшеева А., «Дѣтскіе и отроческіе годы Г.» «Всем. Вѣст.» 1905, №№ 10 и 11. — Ея же, «Студенческіе годы Г.». Тамъ же № 12. — Вѣтринскій, «Г. за границей». Статья Ф. Альтгауза, Р. М. 1905, № 11. — Рейнгардтъ, «Чернышевскій по воспоминаніямъ разныхъ лицъ», «Рус. Стар.» 1905, № 2. — Лемке М, «Очерки жизни и дѣятельности Г., Огарева и ихъ друзей», «Міръ Божій» 1906, №№ 1, 2, 4 и 7. — Его же, «Герценъ въ Европѣ», «Современный міръ» 1906, кн. 1 (октябрь). — С. Ашевскій, «Освобожденіе крестьянъ и «Колоколъ». «Совр. міръ» 1906, № 12. — «Письмо Г. къ Ю. Курута», «Русск. Вѣд.» 1906, № 62. — В. К., «Неизвѣстный трудъ Г.», «Русь» 1906, № 4. — М. Гершензонъ, «Западные друзья Г.» «Былое» 1907, №№ 4 и 5. — Его же, «Г. и Западъ», «Русск. Мысль» 1907, № 3. — «Пятидесятилѣтіе «Колокола» и письма Г. къ Мишле», «Былое» 1907, № 7. — М. К. Лемке, «Неизданная глава изъ «Был. и Д.». «Былое», № 5. — «Письма Г. къ М. Вовчку». «Былое», № 10. — «Влад. Энгельсонъ и его письма къ Г.», «Всем. Вѣстн.» 1907, № 1 (пере-

печатка брошюры, изд. въ Штутгартѣ «Освобожденіемъ»). — Г. П. Георгіевскій, «Изъ переписки Герцена и Огарева», «Вѣст. Евр.» 1907, № 6; 1908, № 1, 2, 3. — Вѣтринскій, Ч., «Къ біографіи Герцена и Бакунина», «Русск. Мысль» 1907, кн. 1. — Боборыкинъ П., «А. И. Герценъ», «Русск. Мысль» 1907, № 11. — С. Ашевскій, «Реформы Александра II и «Колоколъ», «Совр. Міръ» 1907, №№ 1-3. — «Замѣтки въ газетахъ по поводу пятидесятилѣтія «Колокола» (1907). — «Письма Г. къ Аксаковымъ» («Минувшіе годы», 1908, № 8). «Къ Марко-Вовчку» (тамъ же, № 3). — Русановъ Н., «Вліяніе европейскаго соціализма на декабристовъ и Г.», «Мин. годы» 1908, № 12 (см. также другія книжки журнала—по указателю). — Ивановскій, В., «Г. какъ соціалистъ», «Образованіе», 1907, №№ 2 и 3. — Діонео, «Г. въ Теддингтонѣ», «Русск. Вѣд.» 1906, № 163. — Кульманъ. «Политическія идеи Г.», «Свобода и Культура» 1906, № 4. — Вѣтринскій, Ч., «Памяти Г.» (неизданное посвященіе къ второй главѣ «Съ того берега» и рѣчь Вырубова на могилѣ Г.), «Часъ» 1908 г., № 88 отъ 8 янв. — Его же, «Г. и Стасовъ», «Русск. Вѣдом.» 1910, № 6.—Рядъ замѣтокъ въ газ. по случаю сорокалѣтія смерти Г. — В. Б-ій, «Память о Г. въ Болгаріи», «Рѣчь» 1910, № 68. — Каренинъ, В., «Г., Бакунинъ и Ж.-Зандъ», «Русск. Мысль», 1910, № 3. — Н. Русановъ, «Западный соціализмъ и русскій соціализмъ Г.», «Русск. Богат.» 1909, №№ 7 и 8.— Тарле, «Неизд. письма Г—а», «Совр. Міръ» 1908, № 9. — Н. Котляревскій, «Изъ общественнаго настроенія 60-хъ гг.», «Колоколъ» 1857 — 1861 гг. «Вѣстн. Евр.» 1911, №№ 6 и 7.

Журнальныя статьи 1912 года, появившіяся въ связи съ 100-лѣтнимъ юбилеемъ рожденія Г.: Д. Овсянико-Куликовскій, «Герценъ-художникъ», «В. Евр.», № 3.— Н. Кузьминъ, «Памяти Г.», «Міръ», № 1.— С. Кавось-Дехтерева, «Герценъ и Наташа», «Русск. Мысль», № 3. — Г. Плехановъ, «Философскіе взгляды Герцена», «Совр. Міръ», № 3—4. — Г. Черновъ, «Не во-время родившійся», «Завѣты», № 1. — В. Ленуаръ, «Великій образецъ самокритики», ibidem. — Н. Бродскій, «А. И. Герценъ въ Россіи», «Вѣстн. Воспитанія», 1912, № 3. — Л. Логвиновичъ, «Геній жизни», «Идеологія А. И. Герцена», «Жизнь для всѣхъ», № 3. — Н. Галафре, «Жизнь А. И. Герцена». Ibidem. — А. Корниловъ, «Къ столѣтію дня рожденія А. И. Герцена». — В. Я. Богучарскій, «Герценъ и первая изъ великихъ реформъ». — Л. В. Слонимскій, «А. И. Герценъ и К. Д. Кавелинъ». Всѣ три статьи въ «Запросы жизни», № 12. — И. Поповъ, «У могилы Герцена», «Путь», № 5. — Ю. Соболевъ, «Герценъ и его любовь». Ibidem. — Ивановъ-Разумникъ, «Драмы Герцена», «Русск. Богатство», № 3. — Его же. «Неизвѣстныя повѣсти Герцена», «Русск. Богат.», № 5. — П. Струве, «Герценъ», «Русск. Мысль», № 4. — Ивановъ-Разумникъ, «Три письма Герцена», «Современ.», № 4. — А. Луначарскій, «Памяти Герцена», «Новая Жизнь», № 4. — И. Горбуновъ-Посадовъ, «Столѣтіе со дня рожденія Г.», «Свободное воспитаніе», № 8, — май. — «Изъ мыслей Герцена». Ibidem. — А. Хатченко, «Герценъ и Украина.», «Украинская Жизнь», № 4, апрѣль». — Е. Аничковъ, «Обществ. взгляды Герцена», «Новый журналъ для всѣхъ», № 4. — Ю. Стекловъ, «Герценъ и Чернышевскій», «Современ.», 1912, № 7, іюль. — М. Ковалевскій, «Герценъ и освободительное движеніе на Западѣ», «Вѣстн. Евр.», № 6. — С. Дурылинъ, «Къ столѣтію рожденія Герцена», «Свободное воспитаніе», № 9. — В. Сѣрошевскій, «А. И. Герценъ въ «Польскомъ Демократѣ», «Соврем. Міръ», № 6.

Газеты посвятили безконечный рядъ юбилейныхъ статей Герцену; напечатаны около 25 марта 1912 г. См. «Русск. Вѣдомости», «Рус. Слово», «Рѣчь» и др. Журнальныя статьи 1913 г.: «Письма Г. къ Тургеневу». «Современникъ», №№ 6—9.—О нихъ Н. Бродскій, «Голосъ минувшаго», № 12.— Письма Г. къ Г. Н. Вырубову. 1866—69 гг. «Вѣстн. Евр.» № 1. Тамъ же: Вырубовъ, «Революціонныя воспоминанія». — М. Гершензонъ, «М. А. Бакунинъ». «Иностранцы о Г.». Изъ неизданнаго письма К. Фогта къ Г.». «Гол. минув.» № 1.—Его же. «Н. П. Огаревъ». «Гол. мин.» № 2.—К. Левинъ, «Два эпизода изъ жизни Г.», «Гол. мин.», № 4. — «Гр. В. Панинъ о Г.», «Гол. мин.», № 5.—М. Лемке, «Къ изданію полн. собр. соч. Г.», ibidem. — А. Кривинская, «М. .ф Мейзенбугъ — другъ семьи Г.». «Сѣв. Записки», № 4. — «Письма Г. Огареву», «Голосъ мин.» № 7.—Ч. Вѣтринскій, «Щепкинъ и Г.», ib., № 8.—Его же, «Статья Г.: Сигизмундъ Сѣраковскій», ib., № 11.

Въ 1914 г. напечатаны статьи: Ю. Каменевъ, «Самый остроумный противникъ Г.», «Вѣстн. Евр.», № 4, содержащая существенныя новыя указанія на заграничную иностранную литературу о Г., которыхъ далѣе не повторяемъ; Владиміръ Вагнеръ, «А. И. Г., какъ натуралистъ», рѣчь, сказанная въ засѣданіи литературно-общественнаго кружка имени А. И. Герцена 25 марта 1914 г., тамъ же, № 9; Д. Тальниковъ, «Роковая женщина» (Тучкова-Огарева), «Соврем. Міръ», сент.; Письма Г. къ К. Фохту и Т. П. Пассекъ, «Рус. Библіофилъ», №№ 4 и 6.

Неизданные матеріалы о Г. и Огаревѣ собраны въ «комнатѣ сороковыхъ годовъ» библіотеки Румянцевскаго музея въ Москвѣ: переписка Г. и Огарева, письма къ нимъ разныхъ лицъ, дневники и записныя книжки, рукописи Г., вырѣзки изъ иностранныхъ и русскихъ газетъ о Г., посвященныя ему изданія, и т. д.

Иностранные источники и книги и матеріалы на русскомъ языкѣ, появившіеся заграницей, довольно обильны, но до сихъ поръ плохо приведены въ извѣстность; почти вовсе не обслѣдована литература, созданная въ западно-европейскихъ періодическихъ изданіяхъ появленіемъ въ свое время произведеній Г. на иностранныхъ языкахъ или его дѣятельностью. Приводимъ съ нѣкоторыми дополненіями лишь болѣе существенное изъ того, что указано въ библіографіи А. Г. Фомина, отсылая также къ только что названной статьѣ Ю. Каменева:

«Deutsche Monatsschrift», 1851, Iuni 1 («Wer ist schuld?»). — О «Le peuple russe et le socialisme» Мишле, въ «Democratic Legends of the North» 1852, стр. 125. — По поводу начала дѣятельности типографіи Г. въ «Democratie Polskiem», отъ 3 іюня 1853 г.; о томъ же,

въ «La nation Belge» (статья Ворцеля).—A. Herzen, «Unsere Zeit», 1859, B. III, 128—140.—Adress to the russian armes. «Daily News». 1854, 21 apr. (переводъ брошюры «Вольн. русск. община въ Лонд. русскому воинству въ Польшѣ», съ введеніемъ редакціи). — Le roman contemporain en Russie. Alexandre Herzen, par. H. Delaveau. «Revue des deux Mondes», 15 іюля 1854. — Анонимное введеніе о Г. при «My Exile in Siberia», 1855. — Al. Herzen i Wolna Rossyiska drukarnja w Londynie. 1858.—Искандеръ-Герценъ. Берлинъ, 1859 (полемическій сборникъ Елагина).—«Записки Ивана Головина». Лейпцигъ, 1859 (6-й вып. «Русск. Библіотеки»). — H. Delaveau, «Avant-propos о Г.», при «Le Monde russe et la Révolution. Mémoires de A. Hertzen», 1860—62, т. III. — Шедо-Ферроти, «Etudes sur l'avenir de la Russie (Les serfs non encore libérés)». Berlin, 1861.—«The Rank and Talent of the Time». London. 1861 (автобіографія Г.).—Письмо Г. къ русскому послу въ Лондонѣ съ отвѣтомъ Д. К. Шедо-Ферроти. Берлинъ 1862 и позд. — Центральный народный польскій комитетъ въ Варшавѣ и издатели «Колокола». Лондонъ, 1862. — «Нынѣшнее состояніе Россіи и заграничные русскіе дѣятели». Berlin, 1862.—Edmond Charles, «Panthéon parisien», Album des célébrités contemporaines. Alexandre Herzen. Paris, 1863.—Account of visit paid by Garibaldi to M. Herzen. Standard, 20 апр. 1864. — О томъ же, статья Долгорукаго, «Листокъ», № 19.—«Nouvelle phase de la littérature russe, par A. Herzen». Bruxelles, 1864. «Literarisches Centralblatt, 1865, № 34. — О томъ же, «Magazin für die Literatur des Auslandes», 1865, № 19.—A. Herzen, par Ch. du Bouzet. «Revue moderne», 1866, 1 novembre. — Серно-Соловьевичъ, А., «Наши домашнія дѣла». Жен., 1867.—«Истина», журналъ старообрядцевъ въ Іоганнисбургѣ, 1867—68 гг. (Письма Огарева и объ Огаревѣ и Г. Ср. Субботинъ, «Русск. Вѣст.» 1868, № 8).—D. K. Schedo-Férroti, «Le nihilisme en Russie». Berlin et Bruxelles, 1867.—А. И. Герценъ, «Нѣсколько словъ отъ русскаго съ русскимъ», 1870. Paris, Leipzig. — Ральстонъ о Г. «Temple-Bar-Magazine, 1870, April. — «Zeitgenossen», Alex. Herzen. Leipzig, 1871. — Julius Eckhardt, «Jungrussisch und Altlivlaendisch. Politische und culturgeschichtliche Aufsaetze», 1871. Leipzig. (Статья «Alexander Herzen», стр. 124—197). — Biographische Skizzen von Alfred von Wurzbach, «A. Herzen». Wien 1871.—Emilio Castelar, «The Respublican movement in Europe». «Harper's New Monthly Magazine» 1872, №№ 9—11. — Friedrich Althaus, «Unsere Zeit», 1872, т. VIII, № 1, стр. 21—56. — Предисловіе (Вырубова) при 1-мъ томѣ «Сочиненій А. Г—а», 1875.— «А. И. Герценъ» (ст. Лаврова ?), «Впередъ» 1875, № 18, 19 и 22. — M. Meysenbug, «Aus den Memoiren einer Idealistin», 1876 и позд.—Arnaudo, «Il Nihilismo». Torino, 1879 (съ письмами И. С. Тургенева и А. А. Герцена (объ отцѣ). То же на франц. языкѣ: «Le nihilisme et les nihilistes». Paris, 1880.— Ivan Golowin, «Der russische Nihilismus. Meine Beziehungen zu Herzen und zu Bakunin». Leipzig, 1880. — М. Драгомановъ, «Историческая Польша и великорусская демократія». Женева, 1882 г. Изъ «Вольнаго Слова» 1881—1882 гг.). — Изъ бумагъ «Колокола» (письма къ Г. Самарина, Громеки и др.), «Вольное Слово» 1883, №№ 56—61. — Л. Тихоміровъ, Предисловіе къ книгѣ: «Колоколъ». Избр. статьи А. И. Герцева. Бібліотека соціальныхъ знаній». Женева, 1887.—Karl Oldenberg. Der russische Nihilismus von seinen Anfaengen bis zur Gegenwart». Leipzig, 1888.—Письма Кавелина и Тургенева къ А. И. Герцену, съ объяснительными примѣчаніями и вводной статьей о Г. М. Драгоманова. Женева, 1892.—W. I. Linton «European Republicans. Recollections of Mazzini and his friends». London, 1893. — Rosen, «Die socialpolitischen Ideen A. Herzens». Halle, 1893.— D-r Otto von Sperber, «Die socialpolitischen Ideen Alexander Herzens», Leipzig, 1894. — Victor Barrucaud, «A. Herzen», «Revue blanche», 1895. — Венюковъ М., «Изъ воспоминаній». 2-й т., Амстердамъ, 1896. — Письма Бакунина къ Г. и Огареву. Изд. Драгоманова. Женева, 1896 (имѣется переизданіе въ Россіи). — «За сто лѣтъ. 1801—1896 гг.», Сборникъ В. Бурцева, при участіи С. Кравчинскаго (Степняка). Лондонъ, 1897. — «А. И. Герценъ. Его отношенія къ Мадзини, Орсини, Гарибальди и Прудону». Женева, 1901. — «Герценъ и Огаревъ въ Швейцаріи. Ихъ послѣднія произведенія», Женева, 1901.—Л. Н. Толстой и А. Герценъ, «О насиліи» (письмо Л. Н. Толстого къ В. Г. Черткову о Герц.). Изд. Гуго Штейница. Собраніе лучшихъ русскихъ произведеній. № 38. Берлинъ, 1903. — Калина и Тодоровъ, «Двѣ лекціи объ А. И. Герценѣ по случаю 40-лѣтія со дня кончины» (на болгарск. яз.). Софія, 1911.— «Предисловіе къ нѣмецкимъ переводамъ», 1908 г. «Былого и Думъ» д-ра Отто Бука и «Переписки Герцена съ Н. Захарьиной», Анны Шапиръ-Нейратъ. — Emile Haumant, «La culture française en Russie» (1700—1900). Paris, 1910. — Lettres, citées par G. Monod. «Revue Blanche». 1908, №№ 9 и 10.

Собраніе портретовъ Г. и его близкихъ въ «комнатѣ сороковыхъ годовъ» Румянцевскаго Музея. Значит. часть этого матеріала воспроизведена въ книгѣ Ч. Вѣтринскаго «Герценъ».

Вас. Е. Чешихинъ (Ч. Вѣтринскій).

Герцикъ, *Григорій Павловичъ*, одинъ изъ видныхъ мазепинцевъ, сынъ Полтавскаго полковника, занимавшаго этотъ урядъ нѣсколько разъ въ промежуткахъ времени между 1675—1695 годами; около года учился въ Кіевѣ «наукѣ латинской»; въ 1705 г. Г. былъ Полтавскимъ наказнымъ полковникомъ, и это единственное свѣдѣніе о его службѣ. Г. былъ близокъ къ Мазепѣ и пошелъ вслѣдъ за нимъ съ двумя своими братьями послѣ Полтавскаго сраженія. Находясь съ Мазепой въ Бендерахъ, Г. присутствовалъ при кончинѣ гетмана и отвозилъ его тѣло въ Галацъ для погребенія. При выборѣ въ Бендерахъ гетманомъ Филиппа Орлика, женатаго на сестрѣ Г., послѣдній

получилъ званіе генеральнаго есаула и былъ посланъ, въ числѣ другихъ, сперва къ Запорожцамъ, а потомъ, въ декабрѣ 1711 года, въ Константинополь отъ новаго гетмана, желавшаго при помощи Турціи образовать независимую Украину. Посольство это имѣло нѣкоторый успѣхъ, но ощутительныхъ результатовъ не достигло. Затѣмъ, Г. жилъ съ 1715 г. въ Стокгольмѣ, откуда въ 1719 г., все еще нося званіе генеральнаго есаула, посланъ былъ Орликомъ съ разными порученіями въ Польшу и здѣсь, по распоряженію русскаго резидента въ Варшавѣ кн. Г. Ѳ. Долгорукаго, былъ арестованъ и отправленъ въ Петербургъ. Здѣсь Г. заключенъ былъ въ Петропавловскую крѣпость подъ строгій караулъ и въ мартѣ 1721 года подвергнутъ допросу, на которомъ сообщилъ весьма подробныя и любопытныя свѣдѣнія о жизни Орлика и его единомышленниковъ въ Бендерахъ и Стокгольмѣ. Въ 1724 г. его перевели подъ строгій же караулъ въ Адмиралтейство, при чемъ давали посуточно сперва по три, а потомъ по шесть копеекъ на прокормленіе. Въ концѣ 1727 года Г., по своему челобитью, былъ переведенъ въ Москву, гдѣ жили его жена и дѣти, и отданъ подъ строгій надзоръ капралу Быкову и солдату Лободину, которые должны были находиться въ его помѣщеніи неотлучно и смотрѣть, чтобъ ни онъ, ни семья его не съѣхали изъ Москвы. Живя здѣсь, Г. занимался врачебной практикой (1729) и въ 1732 г. овдовѣлъ; въ это время онъ находился въ такой нищетѣ, что не могъ похоронить жены на свой счетъ. Лишь въ 1735 г. Г. былъ освобожденъ изъ-подъ постояннаго караула и получилъ разрѣшеніе жить въ Москвѣ на свободѣ, но съ обязательствомъ не съѣзжать въ Малороссію; на прокормленіе ему стали выдавать съ этого момента по 25 коп. въ сутки. Въ Москвѣ же Г. и окончилъ, повидимому, свою жизнь. Потомство его, кажется, еще существуетъ.

Н. Костомаровъ, «Мазепа и мазепинцы», стр. 493, 582, 624, 640, 683—687; В. Модзалевскій, «Малороссійскій родословникъ», т. I; «Русскій Архивъ» 1875 г., № 4, статья А. М. Лазаревскаго, «Люди старой Малороссіи, 7. Герцики»; «Допросъ Григорія Герцыка объ участіи его въ измѣнѣ Мазепы» («Кіевская Старина» 1883 г., № 3, 595—610); Н. Маркевичъ. «Исторія Малороссіи», IV, стр. 350; Бантышъ-Каменскій, «Исторія Малой Россіи», III, стр. 55; «Описаніе документовъ и дѣлъ св. Синода», т. X, № 370. *В. Л. Модзалевскій.*

Герцогъ, *Павелъ Ѳедоровичъ*, докторъ медицины, психіатръ, родился въ Москвѣ 13 іюля (по надгробію 27 іюля) 1830 г. Образованіе получилъ въ Петербургской Ларинской гимназіи и въ Медико-Хирургической Академіи, По окончаніи курса въ академіи въ 1853 г. служилъ врачемъ въ больницѣ св. Маріи Магдалины и въ Максимиліановской лѣчебницѣ. Въ 1855 г. Г. опредѣленъ ординаторомъ въ больницу Всѣхъ Скорбящихъ; въ продолженіе своей 28-лѣтней службы на этомъ мѣстѣ онъ дважды получалъ заграничныя командировки (въ 1862 г. и въ 1867 г.) для осмотра колоній и фермъ для душевно-больныхъ. Отчеты объ этихъ командировкахъ не были разрѣшены къ печатанію его начальствомъ. Онъ много работалъ, но по скромности не позволялъ упоминать своего имени. Г. былъ однимъ изъ основателей С.-Пб. общества психіатровъ. Г. вышелъ въ отставку въ 1883 г. и умеръ 11 іюля того же года отъ катарральнаго воспаленія легкихъ. Погребенъ на Смоленскомъ православномъ кладбищѣ въ Петроградѣ.

«Вѣстникъ клинич. психіатріи» 1883 г., вып. II; «Петербургскій Некрополь», I, 387. *М. А. Ціонъ.*

Герцогъ, *Ѳедоръ Ивановичъ*, докторъ медицины и хирургіи, статскій совѣтникъ; посвятилъ себя психіатріи и устроилъ въ 1818 г. въ Москвѣ больницу для душевно-больныхъ, существовавшую до 1825 г. Въ 1826—1832 гг. исправлялъ должность присутствующаго въ Московской медицинской конторѣ. Будучи назначенъ въ 1832 г. старшимъ врачемъ въ больницу Всѣхъ Скорбящихъ въ Петербургѣ, онъ поставилъ ее на ряду съ образцовыми европейскими учрежденіями. Состоялъ также членомъ Медицинскаго совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Умеръ 27 февраля 1853 г., 68 лѣтъ. Напечаталъ «Опытъ изложенія законовъ о помѣшанныхъ» въ отчетѣ С.-Пб. больницы Всѣхъ Скорбящихъ за 1840—45 гг., «Изслѣдованіе о сумасшедшихъ» («Отеч.

Зап.» 1846 г., т. 49) и «Очерки психіатріи» (С.-Пб. 1853 г.).

Геннади, «Словарь»; Брокгаузъ-Ефронъ, «Энцикл. Словарь» XVI, LV, 772; «Вѣстникъ клинич. психіатріи», вып. II; «Сѣверная Пчела» 1853 г., № 70 (некрологъ); Адресъ-Календари.

М. Ціонъ.

Герцъ (Goertz), *Карлъ Карловичъ*, дѣйств. статскій совѣтникъ, заслуженный профессоръ Московскаго университета по каѳедрѣ исторіи искусства, родился 4 августа 1820 г. въ Москвѣ въ купеческой семьѣ, предки которой первоначально жили въ Швеціи, а затѣмъ переселились въ Восточную Пруссію. Отецъ его, уроженецъ Познани, сравнительно еще молодымъ человѣкомъ переѣхалъ въ Россію, мать же была дочь извѣстнаго московскаго архитектора Даніила Ѳедоровича Гіерта. Первоначальное образованіе Г. получилъ во французскомъ пансіонѣ Ораса Гэ, а среднее въ Московской практической академіи коммерческихъ наукъ, куда опредѣленъ былъ въ 1835 г. полупансіонеромъ. Онъ успѣшно окончилъ ее въ 1839 г. и на торжественномъ актѣ 4 ноября, какъ одинъ изъ лучшихъ питомцевъ, произнесъ рѣчь «Ueber den europäischen und insbesondere russischen Handel mit der Türkei und Persien». Подготовившись затѣмъ по древнимъ языкамъ у Э. Ѳ. Клина, лектора Московскаго университета, Г. въ 1840 г. поступилъ на первое отдѣленіе философскаго факультета Московскаго университета. Изъ профессоровъ наибольшее вліяніе на него оказали Грановскій и филологъ Д. Л. Крюковъ. Въ 1844 г. Г. окончилъ университетъ со степенью кандидата и опредѣлился учителемъ и воспитателемъ въ семью графа В. А. Мусина-Пушкина въ Гельсингфорсѣ, но пробылъ тамъ только годъ. Въ это время онъ познакомился съ профессоромъ Александровскаго университета Я. К. Гротомъ, а черезъ него и съ П. А. Плетневымъ, помѣстившимъ въ 1845 и 1846 гг. въ своемъ журналѣ «Современникъ» рядъ статей Г., большею частью переведенныхъ съ нѣмецкаго и представляющихъ или библіографическіе отзывы объ историческихъ трудахъ, или біографическіе очерки иностранныхъ дѣятелей разныхъ временъ. Въ 1847 г. Г. издалъ эти статьи, съ прибавленіемъ еще перевода статьи Штура «Славянская Миѳологія Ануша» (напечатанъ былъ первоначально въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1843 г., т. XXVII), въ одномъ томѣ, подъ названіемъ «Историческій Сборникъ» (посвященъ Грановскому). Сборникъ этотъ встрѣченъ былъ критикой довольно сурово. — Между тѣмъ, вскорѣ по возвращеніи въ Москву изъ Гельсингфорса, Г. по рекомендаціи попечителя Московскаго университета графа С. Г. Строганова получилъ мѣсто воспитателя племянника графа, свѣтлѣйшаго князя Н. И. Салтыкова, въ Петербургѣ, гдѣ и пробылъ до отъѣзда своего за границу въ іюнѣ 1851 г. Со своимъ воспитанникомъ онъ сохранилъ наилучшія отношенія. Ко времени пребыванія Г. въ домѣ кн. Салтыковой относится его неудачная попытка испробовать свои силы на беллетристическомъ поприщѣ. Онъ напечаталъ три произведенія: одно переводное съ французскаго языка (повѣсть «Гризелида» въ «Лучахъ» 1850 г., іюнь) и два оригинальныхъ («Красавица, разсказъ изъ ежедневной жизни» въ «Сынѣ Отечества» 1851 г., кн. 2, и разсказъ «Вильма» въ «Москвитянинѣ» 1851 г., № 17). Кромѣ того, въ бумагахъ его сохранились двѣ неизданныя повѣсти: одна переводная и одна оригинальная («Три признанія»).

Послѣ двухлѣтняго путешествія по Германіи, Италіи, Швейцаріи, Франціи (въ Парижѣ онъ прослушалъ курсъ Рауль-Рошетта по древней иконографіи) и Англіи (Лондонъ), Г. зимній семестръ 1853—1854 гг. и лѣтній семестръ 1854 г. прожилъ въ Берлинѣ, гдѣ подвергъ научной обработкѣ свѣдѣнія и впечатлѣнія, вынесенныя изъ путешествія по Италіи, и съ этою цѣлью прослушалъ въ университетѣ рядъ курсовъ (Ваагена, Гергарда, Лепсіуса). Онъ больше всего увлекался средневѣковьемъ и предметомъ изученія выбралъ памятники архитектуры и живописи (миніатюры рукописей), для чего и посѣтилъ рядъ городовъ Германіи и Бельгіи, которые ему могли быть полезны въ этомъ отношеніи. Заграничная поѣздка имѣла важное значеніе въ жизни Г., превративъ его изъ дилетанта въ ученаго спеціалиста.

Вернувшись на родину въ 1856 г. (по причинѣ болѣзни матери), Г. скоро

нашелъ примѣненіе своимъ познаніямъ. Начиная съ 1857 г., онъ помѣстилъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» рядъ статей подъ заглавіемъ «Археологія и современное искусство», а также сотрудничалъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», «Московскихъ Вѣдомостяхъ», «Атенеѣ» и «Московскомъ Обозрѣніи», гдѣ печаталъ статьи популярнаго характера, обыкновенно пересказъ иностранныхъ книгъ. Болѣе серьезная работа была имъ напечатана въ «Журналѣ Минист. Нар. Просвѣщенія» (1859 г., іюль) подъ заглавіемъ: «О состояніи живописи въ Сѣверной Европѣ отъ Карла Великаго до начала романской эпохи (IX и X столѣтія)». Въ концѣ 1856 г. Г. обратился къ попечителю Московскаго учебнаго округа съ прошеніемъ о допущеніи его къ чтенію въ университетѣ лекцій по исторіи и археологіи искусства. 24 апрѣля 1857 г. онъ, въ качествѣ пробной лекціи, представилъ историко-филологическому факультету вышеупомянутую свою работу «О состояніи живописи въ Сѣверной Европѣ» и 21 августа того же года опредѣленъ доцентомъ университета. Курсъ Г. предназначался только для желающихъ. — Въ концѣ 1858 г. Г. принялъ русское подданство.

Лѣтомъ 1859 г. Г. былъ командированъ Императорской Археологической Комиссіей на Таманскій полуостровъ для производства тамъ раскопокъ. Онъ пробылъ въ командировкѣ до 2 октября и сдѣлалъ много важныхъ находокъ. Дублеты предметовъ, уже имѣвшихся въ Эрмитажѣ, были переданы по его ходатайству въ университетскій Археологическо-нумизматическій кабинетъ, которымъ онъ завѣдывалъ. Въ 1861 г. Г. напечаталъ въ «Лѣтописяхъ русской литературы и древности» Н. С. Тихонравова небольшую статью «Миніатюры Остромірова Евангелія», первое изслѣдованіе объ этомъ важномъ памятникѣ русскаго древняго искусства, вызвавшее полемическую статью В. В. Стасова. Въ августѣ 1862 г. Г. за свои полезные труды для искусства получилъ званіе почетнаго вольнаго общника Академіи Художествъ. Въ 1863 г., съ введеніемъ новаго университетскаго устава, Г., какъ не имѣющій ученой степени, былъ перечисленъ изъ доцентовъ въ приватъ-доценты. 4 марта 1870 г. онъ защитилъ на степень магистра диссертацію «Археологическая топографія Таманскаго полуострова», содержавшую разборъ его археологическихъ находокъ на Таманскомъ полуостровѣ въ 1859 г. Диссертація имѣла значительный внѣшній успѣхъ. Императорское Русское Археологическое Общество, избравшее Г. 12 января 1870 г. въ число своихъ дѣйствительныхъ членовъ, присудило ему 20 февраля того же года за его диссертацію большую серебряную медаль. 16 мая 1870 г. Г. былъ избранъ доцентомъ по занимаемой имъ каѳедрѣ. Для соисканія степени доктора онъ перепечаталъ въ 1873 г. свою старую работу: «О состояніи живописи въ Сѣверной Европѣ отъ Карла Великаго до начала романской эпохи (IX и X столѣтія»), прочитанную имъ въ 1857 г. въ качествѣ пробной лекціи, но прибавилъ къ ней главу (первая глава), гдѣ разсмотрѣлъ миніатюрную живопись по памятникамъ IV вѣка. Защитивъ диссертацію 2 мая 1873 г., Г. былъ избранъ экстраординарнымъ профессоромъ. Черезъ 3 года онъ издалъ новый трудъ: «Историческій обзоръ археологическихъ изслѣдованій и открытій на Таманскомъ полуостровѣ съ конца XVIII столѣтія до 1859 г.» (М. 1876 г. 4⁰), работать надъ которымъ началъ задолго до 1870 г., когда вышла его магистерская диссертація. Русское Археологическое Общество 18 марта 1877 г. присудило ему за этотъ трудъ большую серебряную медаль. Въ 1881 г. Г. былъ избранъ ординарнымъ профессоромъ. Въ 1882 г. исполнилось 25-лѣтіе его преподавательской дѣятельности въ университетѣ. Г. ходатайствовалъ о баллотировкѣ его для продолженія службы на 5 лѣтъ и былъ забаллотированъ (23 голосами противъ 18). Это обстоятельство тяжело отразилось на душевномъ и физическомъ состояніи Г. Онъ былъ уволенъ отъ службы со званіемъ заслуженнаго профессора, а 29 декабря 1882 г. произведенъ за отличіе въ дѣйств. статскіе совѣтники.

Кромѣ университета, Г былъ тѣсно связанъ съ Румянцовскимъ музеемъ. Онъ одинъ изъ первыхъ доказывалъ необходимость основанія въ Москвѣ художественнаго музея (въ вступительной лекціи къ своему курсу по исторіи

искусства и въ статьѣ «Объ основаніи Художественнаго музея въ Москвѣ» 1858 г.). Поэтому, когда въ 1861 г. Румянцовскій музей былъ перевезенъ въ Москву, то Г. явился однимъ изъ самыхъ усердныхъ и дѣятельныхъ помощниковъ попечителя Н. В. Исакова, иниціатора перевода музея. Въ 1862 г. Г. былъ назначенъ хранителемъ отдѣленія изящныхъ искусствъ и древностей Румянцовскаго музея, а въ 1869 г., съ введеніемъ новаго устава музея, получилъ штатную должность хранителя отдѣленія изящныхъ искусствъ и классическихъ древностей. Онъ перевезъ картины, переданныя изъ Эрмитажа, размѣстилъ ихъ и составилъ каталогъ какъ эрмитажной коллеціи, такъ и другихъ частныхъ пожертвованій, въ 1863 г. разставилъ и описалъ слѣпки съ скульптуръ Британскаго музея, въ 1866 г. выпустилъ въ свѣтъ каталогъ гравюрнаго отдѣла, въ 1867 г. перевезъ изъ Петербурга коллекцію картинъ Прянишникова и размѣстилъ ихъ.

Параллельно съ университетомъ Г. занимался преподавательской дѣятельностью въ училищѣ живописи и ваянія (1861—1863), Консерваторіи (1866—1871) и Строгановскомъ училищѣ техническаго рисованія (1878—1879).

Дѣятельное участіе Г. принималъ въ московскихъ художественныхъ и ученыхъ обществахъ. Въ первый же годъ существованія Общества Любителей Художествъ (1860 г.) онъ былъ избранъ его секретаремъ и оставался въ этомъ званіи 4 года (до 1865 г.), но и послѣ этого продолжалъ трудиться на пользу Общества. Сблизившись съ предсѣдателемъ Общества Любителей Художествъ графомъ А. С. Уваровымъ, Г. сдѣлался его ближайшимъ сотрудникомъ и въ основанномъ графомъ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ. Еще въ началѣ 1864 г. Г. принималъ участіе въ кружкѣ археологовъ, ежемѣсячно собиравшихся въ квартирѣ графа Уварова. На предварительныхъ засѣданіяхъ Археологическаго Общества, еще до утвержденія устава, онъ исполнялъ обязанности временнаго секретаря, а по оффиціальномъ открытіи Общества избранъ былъ 27 октября 1864 г. секретаремъ и оставался въ этой должности до 14 марта 1872 г., когда былъ избранъ въ товарищи предсѣдателя. Онъ принималъ очень дѣятельное участіе въ ученой жизни общества и прочелъ на его засѣданіяхъ рядъ крупныхъ и мелкихъ сообщеній. Оба его крупныхъ труда: «Археологическая топографія Таманскаго полуострова» и «Историческій обзоръ археологическихъ изслѣдованій и открытій на Таманскомъ полуостровѣ» были напечатаны въ трудахъ Общества.

Кромѣ вышеупомянутыхъ обществъ, Г. состоялъ еще членомъ-корреспондентомъ Археологическаго Общества въ Берлинѣ (1858), Института Археологической Корреспонденціи въ Римѣ (1865) и международнаго конгресса исторической археологіи въ Копенгагенѣ (1869), дѣйствительнымъ членомъ обществъ: Любителей естествознанія при Московскомъ университетѣ (1864), древне-русскаго искусства при Московскомъ Публичномъ музеѣ (1866), Ученаго Эстонскаго при Дерптскомъ университетѣ (1869) и Одесскаго исторіи и древностей (1871), непремѣннымъ членомъ Общества Любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи (1868) и почетнымъ членомъ Общества отечественной исторіи въ Палермо (1869).

Разносторонняя и усиленная педагогическая, ученая и литературная дѣятельность Г. вредно отразилась на его здоровьѣ. Въ 1870 г. его постигъ легкій ударъ паралича, и для поправленія ему пришлось уѣхать за границу. Получивъ отъ университета и Румянцовскаго музея годовую командировку, онъ осенью 1871 г. уѣхалъ изъ Москвы, зиму и весну провелъ въ Италіи, лѣто 1872 г. въ австрійскомъ курортѣ Глейхенбергѣ и осенью 1872 г. вернулся въ Москву. Во время путешествія Г. посылалъ въ «Московскія Вѣдомости» корреспонденціи, которыя въ 1873 г. вышли отдѣльной книжкой подъ заглавіемъ: «Письма изъ Италіи и Сициліи». Во время пребыванія въ Римѣ онъ сдѣлалъ въ Нѣмецкомъ Археологическомъ Институтѣ на Капитоліи докладъ (на французскомъ языкѣ) «о новѣйшихъ изслѣдованіяхъ древне-греческихъ поселеній на Таманскомъ полуостровѣ». Лѣтомъ 1873 г. Г. ѣздилъ на всемірную выставку въ Вѣнѣ и написалъ оттуда въ «Московскія Вѣдомости»

рядъ корреспонденцій, также изданныхъ потомъ отдѣльной книгой подъ заглавіемъ: «Современное искусство на всемірной выставкѣ въ Вѣнѣ въ 1873 г.». Въ 1879 г. Г. поразилъ второй ударъ, послѣ котораго онъ до смерти держалъ голову наклоненной на бокъ. Въ 1880 и 1881 гг. ему пришлось ѣздить лѣчиться въ Маріенбадъ. Болѣзненное состояніе однако не мѣшало его ученой и литературной дѣятельности. Съ февраля 1874 г. до конца 1882 г. онъ велъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» археологическую и художественную хронику, писалъ статьи для журналовъ «Русскій Вѣстникъ», «Православное Обозрѣніе», «Критическое Обозрѣніе» и «Народная и Дѣтская Библіотека».

Вынужденное прекращеніе профессорской дѣятельности въ университетѣ въ 1882 г. окончательно подкосило здоровье Г., хотя научные интересы сохранились у него до послѣдней минуты. Скончался онъ въ ночь на 16 февраля 1883 г. Погребенъ на иновѣрческомъ кладбищѣ на Введенскихъ горахъ.

Наслѣдницей своей Г. назначилъ свою сестру Эрнестину Карловну Герцъ, къ которой такимъ образомъ перешла цѣнная его библіотека (6150 названій) съ собраніемъ гравюръ и фотографій. Э. К. Герцъ уступила библіотеку Историческому музею за 6000 руб. съ тѣмъ, чтобы книги были помѣщены въ особомъ отдѣленіи библіотечной залы музея съ указаніемъ имени проф. К. К. Герца. Ею составлены были рукописные «Матеріалы для жизнеописанія К. К. Герца». Въ 1895 г. она оставила Академіи Наукъ 7000 руб. съ тѣмъ, чтобы проценты съ этого капитала были употреблены на изданіе біографіи ея брата и его сочиненій, а затѣмъ на поощреніе ученыхъ трудовъ по классической археологіи и другимъ наукамъ, которыя были предметомъ его занятій. Изданіе сочиненій Герца закончено Академіей Наукъ въ 1901 г., а въ 1912 г. изданъ былъ его біографическій очеркъ, составленный проф. А. Малеинымъ. Къ очерку приложены нѣсколько мелкихъ статей Г., не вошедшихъ случайно въ собраніе его сочиненій, и списокъ печатныхъ трудовъ его.

Біографъ Герца, проф. Малеинъ, такъ опредѣляетъ значеніе его дѣятельности. Получивъ прекрасную научную подготовку, Г. съ первыхъ же шаговъ литературной дѣятельности ступилъ на путь популяризаціи избранной имъ отрасли знаній, что помѣшало ему вникнуть глубже въ какой-либо отдѣлъ излюбленной имъ науки и создать изслѣдованія, могущія подвинуть впередъ изученіе исторіи искусства. Гораздо болѣе важна практическая сторона его дѣятельности. Обладая колоссальнымъ трудолюбіемъ, Г. не щадилъ ни своего времени, ни силъ, чтобы принести пользу развитію въ Россіи науки теоріи и исторіи искусства, а популярныя статьи его и рецензіи, написанныя живымъ языкомъ, несомнѣнно содѣйствовали подъему художественныхъ интересовъ среди публики.

«Карлъ Карловичъ Герцъ (1820—1883). Біографическій очеркъ съ портретомъ и двумя приложеніями. Составилъ А. Малеинъ. Изданіе Императорской Академіи Наукъ на средства капитала имени профессора К. К. Герца. С.-Пб. 1912, стр. VIII+244»; И. Цвѣтаевъ, «Заслуженный ординарный профессоръ Карлъ Карловичъ Герцъ»; Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей», вып. III; Венгеровъ, «Источники словаря русскихъ писателей», т. I; «Историческая записка о дѣятельности Импер. Моск. Археологич. Общества за первыя 25 лѣтъ его существованія».

Н. Чулковъ.

Герцыкъ, *Антонъ Казимировичъ*, генералъ-маіоръ, военный инженеръ, участникъ Севастопольской обороны, родился 11 ноября 1809 г. Сынъ капитана, онъ происходилъ изъ древняго западно-русскаго дворянскаго рода, записаннаго въ родословныя книги Витебской губ. Первоначальное образованіе получилъ домашнее. Въ 1825 г. поступилъ въ Главное инженерное училище кондукторомъ; 6 декабря 1829 г. произведенъ въ полевые инженеръ-прапорщики, а 1 января 1831 г. въ подпоручики. По окончаніи училища зачисленъ сначала въ Петербургскую, а въ январѣ 1832 г. въ Кіевскую инженерную команду, но въ октябрѣ 1833 г. опять возвращенъ въ Петербургъ и въ іюнѣ 1834 г. прикомандированъ къ кондукторской ротѣ Главнаго инженернаго училища (переведенъ въ нее въ іюнѣ 1835 г.). Произведенъ въ поручики въ іюлѣ того же года, въ маѣ 1838 г. — въ полевые инженеры и въ іюлѣ того же года назначенъ въ Севастопольскую

инженерную команду. Въ іюнѣ 1839 г. произведенъ въ штабсъ-капитаны и въ іюнѣ 1843 г.—въ капитаны. 29 мая 1845 г. назначенъ командиромъ Бендерской инженерной команды. Въ апрѣлѣ 1850 г. произведенъ въ подполковники, а въ январѣ 1852 г. переведенъ командиромъ инженерной команды въ Севастополь, гдѣ занялся работами по укрѣпленію его. Съ начала осады Севастополя, независимо отъ производства другихъ работъ, возлагавшихся на него по званію командира, онъ завѣдывалъ инженерными работами 1-го отдѣленія оборонительной линіи. Подъ руководствомъ Тотлебена возводилъ и исправлялъ разрушенныя непріятелемъ укрѣпленія. За отличіе въ сраженіяхъ былъ произведенъ въ полковники въ 1855 г. и 26 ноября того же года награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст. за 25 лѣтъ службы въ офицерскихъ чинахъ. За наводку плавучаго моста черезъ Севастопольскую бухту подъ выстрѣлами непріятеля получилъ орденъ св. Анны 2 ст. съ Импер. короной и мечами. По выступленіи изъ Севастополя войскъ, оборонявшихъ городъ, завѣдывалъ работами въ приморскихъ батареяхъ Сѣверной стороны, также различными приспособленіями въ зданіяхъ для помѣщенія больныхъ и раненыхъ въ г. Симферополѣ; тамъ же устроилъ Инженерное Депо. По расформированіи Севастопольской инженерной команды, причисленъ къ Кіевской инженерной командѣ въ 1856 г., а въ ноябрѣ 1859 г. назначенъ помощникомъ командира Лифляндскаго инженернаго округа; въ апрѣлѣ 1861 г. назначенъ смотрителемъ Инженернаго замка въ Петербургѣ. 19 апрѣля 1864 г. награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст., а 6 декабря 1879 г. за 50-лѣтнюю службу въ офицерскихъ чинахъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ прикомандированіемъ къ Главному Инженерному Управленію, въ которомъ и оставался до самой смерти, хотя вышелъ въ запасъ въ 1883 г. Скончался 6 іюля 1891 г. въ Шуваловѣ и погребенъ въ Петербургѣ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Послужной списокъ 1883 г.; «Нов. Время» 9 іюля 1891 г. № 5516 (некрологъ); «Петербургскій Некрополь», I, 588.

А. Е. Тарасова.

Гершельманъ, *Романъ (Робертъ) Ивановичъ*, генералъ-лейтенантъ, изъ дворянъ, уроженецъ Петербургской губ., родился 28 ноября 1815 г., умеръ 10 мая 1887 г., погребенъ въ Петроградѣ на Смоленскомъ евангелическомъ кладбищѣ. Получилъ образованіе въ Главномъ инженерномъ училищѣ (1831—1838), откуда въ чинѣ инженеръ-прапорщика (съ 1 янв. 1836 г.) выпущенъ въ инженерный корпусъ. Переведенный черезъ мѣсяцъ въ корпусъ инженеровъ морской строительной части, служилъ сначала въ Петербургской инженерной командѣ, потомъ съ февраля 1843 г. въ Кронштадтской, гдѣ получилъ чины подпоручика (10 іюля 1843 г.), поручика (12 авг. 1848 г.), штабсъ-капитана (6 дек. 1851 г.) и капитана (15 апр. 1856 г.). 27 іюля 1851 г. по Высочайшему повелѣнію былъ командированъ за границу на фрегатѣ «Грозящій» для выполненія особо возложеннаго на него секретнаго порученія. Съ конца ноября 1857 г. по начало іюля 1858 г. временно исправлялъ должность командира команды. Затѣмъ занималъ должность командира Ревельской (съ 11 окт. 1858 г.) и Петербургской (съ 20 дек. 1859 г.) инженерныхъ командъ, начальника строительной части Петербургскаго порта (съ 4 апрѣля 1860 г.) и производителя работъ по сооруженію новыхъ доковъ въ Кронштадтѣ съ 30 іюня 1870 г. по 23 января 1882 г., когда былъ прикомандированъ къ строительному отдѣленію Морского техническаго комитета. За это время получилъ чины подполковника (8 сент. 1859 г.), полковника (19 апр. 1864 г.), генералъ-маіора (28 марта 1871 г.) и генералъ-лейтенанта (30 авг. 1881 г.) и высшіе ордена св. Анны 1 ст. (1885 г.), св. Станислава 1 ст. (1876 г.) и св. Владиміра 3 ст. (1873 г.), а также 4 ст. за 35 лѣтъ (1871 г.). 4 февраля 1885 г. уволенъ по болѣзни отъ службы. Женатъ былъ дважды: на Леопольдинѣ Ленцъ и на вдовѣ Елиз. Ив. Сталлопъ и имѣлъ дѣтей отъ перваго брака.

Указъ объ отставкѣ (Архивъ Московск. Дворян. Депутат. Собранія); «Петербургскій Некрополь», т. I; «Родословная книга дворянства Московской губ.», I, 341.

Н. Чулковъ.

Герштенцвейгъ, *Александръ Даниловичъ*, генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ, сынъ генерала отъ артиллеріи Даніила Александровича (см. ниже), родился въ 1818 (1819) г. По окончаніи образованія въ Пажескомъ корпусѣ выпущенъ 27 іюня 1837 г. изъ камеръ-пажей прапорщикомъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ. 3 января 1840 г. назначенъ адъютантомъ къ дежурному генералу Главнаго Штаба Его Величества генералъ-адъютанту графу Клейнмихелю. 16 апрѣля 1840 г. произведенъ въ подпоручики и 12 апрѣля 1842 г. — въ поручики. 31 августа 1842 г. назначенъ адъютантомъ къ графу Клейнмихелю, какъ главноуправляющему путями сообщеній. Въ качествѣ адъютанта онъ исполнялъ важныя его порученія: осматривалъ телеграфныя линіи, Московское шоссе, дороги Юго-Западнаго края, изслѣдовалъ причины, замедлявшія судоходство по Тихвинскому каналу и рѣкѣ Цнѣ, наблюдалъ за заготовкой продовольственныхъ продуктовъ въ провіантскихъ магазинахъ и за исполненіемъ подрядчиками земляныхъ работъ на Петербургско-Московской желѣзной дорогѣ (въ маѣ 1847 г.). 7 апрѣля 1846 г. Г. былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны, а 6 сентября 1847 г. отчисленъ отъ должности адъютанта во фронтъ въ свой полкъ. 11 апрѣля 1848 г. произведенъ въ капитаны. Въ полку онъ командовалъ ротой Его Величества и 3 апрѣля 1849 г. пожалованъ въ флигель-адъютанты. Въ новомъ званіи онъ сопровождалъ Государя въ Варшаву и затѣмъ принялъ участіе въ Венгерскомъ походѣ въ отрядѣ генерала Панютина, что доставило ему чинъ полковника (15 іюня) и ордена св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ (за сраженіе подъ Коморномъ) и австрійскій Леопольда 2 ст. 3 августа того же года Г. былъ посланъ графомъ Паскевичемъ изъ Гросвардейна къ Государю съ извѣстіемъ о сдачѣ Гергея подъ Вилагошемъ и затѣмъ ѣздилъ въ Петербургъ и Москву со знаменами, взятыми у непріятеля. Въ 1850 г. онъ состоялъ при императорѣ австрійскомъ, пріѣзжавшемъ въ Россію, а въ 1851 г. усмирялъ возмутившихся крестьянъ въ Валдайскомъ и Боровичскомъ уѣздахъ Новгородской губерніи, послѣ чего производилъ при 3-мъ отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи слѣдствіе надъ лицами, прикосновенными къ вышеупомянутому возмущенію. Кромѣ того онъ осматривалъ неоднократно части войскъ, расположенныя въ разныхъ мѣстностяхъ имперіи, сопровождалъ Государя на смотры въ Бѣлую Церковь и Луцкъ, наблюдалъ за дѣйствіями по рекрутскому набору въ Курской губ. Отправленный съ особымъ Высочайшимъ порученіемъ въ Крымъ, Г. съ 30 декабря 1854 г. по 19 января 1855 г. принималъ участіе въ оборонѣ Севастополя. По кончинѣ Императора Николая I онъ былъ командированъ въ Бердичевъ и въ Кишиневъ для объявленія о вступленіи на престолъ Александра II и приведенія къ присягѣ войскъ Кирасирскаго корпуса и Дунайской арміи. 17 апрѣля 1855 г. Г. произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ въ Свиту Его Величества. Посланный съ Высочайшимъ порученіемъ въ Финляндію, онъ принялъ участіе 29 іюля въ военныхъ дѣйствіяхъ во время бомбардировки непріятелемъ Свеаборга и Гельсингфорскихъ береговыхъ батарей. 20 августа того же года Г. назначенъ помощникомъ дежурнаго генерала Главнаго Штаба (т.-е. генералъ-адъютанта Катенина, бывшаго своего полкового командира). Въ 1856 г. былъ награжденъ орденами св. Владиміра 3 ст. (15 апрѣля) и св. Станислава 1 ст. (26 августа) и 8 сентября того же года назначенъ и. д. дежурнаго генерала. 30 августа 1857 г. награжденъ орденомъ св. Анны 1 ст., 17 апрѣля 1858 г. утвержденъ въ должности, 17 апрѣля 1859 г. пожалованъ въ генералъ-адъютанты и 23 апрѣля 1861 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Въ 1858 г. онъ былъ назначенъ членомъ комитета по преобразованію заведеній военныхъ кантонистовъ въ военныя школы и комиссіи, учрежденной для улучшеній по военной части, а въ 1860 г. — членомъ особыхъ комитетовъ по реорганизаціи Аудиторскаго училища и по устройству въ Павловскѣ спеціальной кавалерійской школы. Состоя въ должности дежурнаго генерала, Г. былъ ближайшимъ помощникомъ военнаго министра Сухозанета, на котораго онъ имѣлъ большое вліяніе, и

дважды удостоился Высочайшей благодарности за труды по составленію положеній о переформированіи пѣхоты гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ и реорганизаціи 6 пѣхотныхъ корпусовъ.

6 августа 1861 г. Герштенцвейгъ былъ назначенъ Варшавскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ и предсѣдательствующимъ въ Правительственной комиссіи внутреннихъ дѣлъ Царства Польскаго. Въ это время въ Царствѣ Польскомъ происходило броженіе умовъ, предшествовавшее вооруженному возстанію. Г. былъ сторонникъ строгихъ мѣръ для прекращенія волненій и въ этомъ отношеніи не сходился во взглядахъ съ намѣстникомъ Царства Польскаго графомъ Ламбертомъ. Послѣ манифестаціи во время похоронъ католическаго архіепископа Фіалковскаго и въ виду вновь ожидавшихся безпорядковъ было объявлено 2 октября въ Варшавѣ военное положеніе, и Г. предложилъ принять рѣшительныя мѣры противъ манифестацій, ожидавшихся 3 октября въ память Костюшки. Въ ночь на 4-ое агитаторы собрали много народа обоего пола въ костелы св. Іоанна, св. Креста и Бернардинскій. Герштенцвейгъ, окруживъ войсками костелъ св. Іоанна, послѣ безуспѣшныхъ требованій разойтись, арестовалъ, согласно приказанію намѣстника, въ присутствіи командированнаго въ Варшаву для устройства полиціи генералъ-адъютанта Потапова, 1684 человѣка. Арестованные были отведены сначала въ замокъ, а затѣмъ въ Александровскую цитадель. Однако намѣстникъ на слѣдующій день, подъ вліяніемъ телеграммы Государя о томъ, чтобы «принятыя мѣры не были круты», и просьбъ прелата Бялобржескаго, не сообщая ничего Г., предписалъ коменданту крѣпости генералъ-маіору Ермолову и полковнику Левшину выпустить тѣхъ заключенныхъ, которые по ихъ разслѣдованію окажутся невинными. Въ теченіе 2 часовъ освобождено было болѣе 1660 человѣкъ. Узнавъ объ этомъ, Г. явился къ намѣстнику для объясненій. Результатомъ этихъ объясненій генералъ-губернатора съ намѣстникомъ было самоубійство Герштенцвейга 5 октября 1861 г. въ 7 часовъ утра у себя на квартирѣ въ Брюлевскомъ дворцѣ. Предполагаютъ, что это была американская дуэль, при чемъ жребій застрѣлиться палъ на Г. Онъ сдѣлалъ въ себя два выстрѣла: первая пуля скользнула по черепу, вторая же пробила лобъ, произведя въ черепѣ 11 трещинъ, и остановилась въ затылкѣ. Страданія Г. продолжались 19 дней. Онъ скончался 24 октября 1861 г., на 43 году отъ рожденія, послѣ того какъ врачи сдѣлали попытку извлечь пулю. Погребенъ въ Сергіевой пустыни близъ Петрограда. На его могилѣ воздвигнутъ памятникъ его сослуживцами по Инспекторскому департаменту Военнаго Министерства.

Герштенцвейгъ былъ женатъ на дочери генералъ-маіора Елизаветѣ Степановнѣ Андреевской (р. 26 апрѣля 1828 г. † 25 мая 1880 г.) и имѣлъ сына Александра (штабсъ-ротмистръ л.-гв. Коннаго полка † 22 февраля 1873 г., 26 лѣтъ) и 2 дочерей.

Характеристику Герштенцвейга даютъ Н. В. Бергъ въ «Запискахъ о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ», авторъ статьи о послѣдней польской смутѣ въ «Русской Старинѣ» 1874 г., «Старый преображенецъ» («Рус. Старина» 1893 г., II, 21—22), В. А. Инсарскій («Рус. Старина» 1894 г., IV, 47), баронъ А. И. Дельвигъ («Воспоминанія», т. II), причемъ они расходятся въ оцѣнкѣ его личности; во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что Г. былъ человѣкъ незаурядный и съ сильной волей.

Послужной списокъ; «Русскій Инвалидъ» 1861 г., № 236; «Сѣверная Пчела» 1861 г., № 242; «Русская Старина» 1874 г., т. XI, 339—350 и 704—720 (Очевидецъ, «Послѣдняя польская смута»), 544—549 (Мих. Золотаревъ, «Д. А. и А. Д. Герштенцвейги. Замѣтки по поводу разсказовъ о польской смутѣ»), 1890 г., т. LV, 226; Н. В. Бергъ, «Записки о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ», Москва, 1873 г., стр. 334, 335, 337, 378; «Русскій Архивъ» 1885 г., т. I (Н. В. Бергъ, «Эпизоды изъ событій 1861—1864 гг.»), 1887 г., т. II, 528—534 (Теобальдъ, «Еще нѣсколько словъ о загадочной смерти А. Д. Г.» — опроверженіе разсказовъ Берга и Борщова); «Историческій Вѣстникъ» 1887 г., т. I, стр. 61—67 (С. М. Борщовъ, «Самоубійство генерала Г.»); Фрейманъ, «Пажи»; «Военная Энциклопедія», изд. Сытина, VII; «Петербургскій Некрополь», т. I. — Некрологи его были напечатаны въ 1861 г. въ «Сѣверной Пчелѣ» № 242, «Русскомъ Инвалидѣ» № 236 и «Военномъ Сборникѣ» № 11.

Н. Чулковъ.

Герштенцвейгъ, *Даніилъ Александровичъ*, генералъ отъ артиллеріи, сынъ офицера польской арміи, происходилъ изъ польскаго дворянскаго рода нѣмецкаго происхожденія (Герштенцвейгъ-Енчминскіе) и родился въ 1790 г.; въ 1805 г. поступилъ юнкеромъ въ гвардейскій артиллерійскій баталіонъ и принялъ участіе въ первомъ походѣ противъ Наполеона. Произведенный въ 1807 г. въ подпоручики въ Московскую (съ 1811 г. 3-я) резервную артиллерійскую бригаду, онъ участвовалъ въ походѣ противъ Австріи 1809 года и въ Отечественной войнѣ. За отличіе въ сраженіяхъ при Смоленскѣ, Бородинѣ и Малоярославцѣ (здѣсь онъ былъ раненъ и контуженъ, но остался въ строю) Г. былъ награжденъ орденами св. Анны 3 ст. и Владиміра 4 ст. съ бантомъ и чиномъ поручика. Въ маѣ 1813 г. онъ былъ переведенъ въ гвардейскую конную артиллерію и съ 1-й батареей участвовалъ въ войнѣ за освобожденіе Европы, при чемъ былъ въ 7 сраженіяхъ и особенно отличился при Фершампенуазѣ, за что получилъ золотую саблю и прусскій орденъ «pour le mérite». Въ 1814 г. Г. былъ назначенъ командиромъ полубатареи гвардейской конной артиллеріи, которая входила въ составъ войскъ, бывшихъ въ Варшавѣ подъ начальствомъ Цесаревича Константина Павловича. Г-у вмѣнено было въ обязанность всемѣрно заботиться о томъ, чтобы его полубатарея, составленная «изъ отличнѣйшихъ гг. офицеровъ, нижнихъ чиновъ и лошадей», была «образцовой» и служила примѣромъ какъ для русскихъ, такъ и для формируемыхъ польскихъ войскъ. Въ декабрѣ 1816 г. онъ былъ произведенъ въ полковники и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ назначенъ командиромъ батареи гвардейской конной артиллеріи, а въ мартѣ 1818 г. — командиромъ гвардейской легкой батареи № 3 и гвардейской пѣшей батарейной роты № 5. Конная батарея Г. выдѣлялась «правильными и быстрыми движеніями», «искусствомъ въ ученіи» и поставленной въ совершенствѣ стрѣльбой. Въ 1821 г. онъ былъ назначенъ бригаднымъ командиромъ гвардейской и гренадерской артиллеріи Литовскаго корпуса, а въ 1823 г. — начальникомъ гвардейской артиллеріи резервнаго корпуса войскъ, состоявшихъ подъ начальствомъ Цесаревича. Произведенный въ 1826 г. въ генералъ-маіоры, Г. 19 декабря 1829 г. получилъ орденъ св. Георгія 4 ст. за 25 лѣтъ и въ 1830 г. назначенъ дежурнымъ генераломъ главнаго штаба Цесаревича. Когда вспыхнуло возстаніе и Цесаревичъ оставилъ Варшаву, Г. 30 ноября привелъ къ нему 6 орудій изъ м. Гуры и уговаривалъ его, какъ разсказываетъ Мохнацкій въ своихъ «Запискахъ», употребить артиллерію для усмиренія города. Относясь къ Г. съ большимъ довѣріемъ, Цесаревичъ согласился было съ нимъ, но затѣмъ взяло верхъ мнѣніе адъютанта Цесаревича, графа Владислава Замойскаго, доказывавшаго, что удобный моментъ уже пропущенъ и картечь не въ состояніи задержать хода революціи. Въ 1831 г. Г. участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ польскихъ мятежниковъ и былъ награжденъ орденами: св. Георгія 3 ст. (22 марта) за Гроховское сраженіе, гдѣ онъ командовалъ артиллеріей, св. Анны 1 ст. — за сраженіе при дер. Игане и св. Владиміра 2 ст. — за дѣло при м. Раціонжъ, гдѣ былъ контуженъ въ шею. Ему въ теченіе польской войны было поручено устройство переправы для арміи у дер. Тырчинъ и обезпеченіе ея, укрѣпленіе Ломжи, прикрытіе отрядомъ праваго фланга арміи, открытіе сообщеній съ отрядомъ генерала Ридигера и форсированное преслѣдованіе непріятеля, устройство моста въ раіонѣ Кальваріи и др.; за отличное исполненіе этихъ порученій онъ былъ произведенъ 10 іюня въ генералъ-лейтенанты. По окончаніи войны Г. былъ назначенъ начальникомъ артиллеріи отдѣльнаго гвардейскаго корпуса, а въ 1835 г. — командиромъ сводnаго кавалерійскаго корпуса. Состоя въ этой должности, онъ управлялъ новороссійскими военными поселеніями, которыя обязаны ему удачными опытами устройства садовъ и разведенія лѣсовъ. Въ 1845 г. Г. получилъ чинъ генерала отъ артиллеріи и въ 1847 г. — орденъ св. Владиміра 1 ст. Въ 1848 г. ему было поручено командованіе войсками, которыя по соглашенію съ турецкимъ правительствомъ должны были подавить возник-

шіе въ Молдавіи безпорядки. Вскорѣ сильное разстройство здоровья отразилось на его душевномъ состояніи: ошибка въ исполненіи Высочайшаго повелѣнія относительно перехода войскъ черезъ Прутъ привела Г. въ такое отчаяніе, что онъ просилъ объ увольненіи отъ командованія. Получивъ отпускъ, онъ отправился въ Россію и на пути, въ м. Леовѣ, въ Бессарабіи, находясь въ карантинной обсерваціи по случаю холеры, подъ вліяніемъ тяжелаго нравственнаго состоянія, застрѣлился 14 августа 1848 г.

Современники оставили о Герштенцвейгѣ, какъ о человѣкѣ, самыя противорѣчивыя воспоминанія: по словамъ бывшаго его адъютанта М. Золотарева, онъ принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ боевыхъ генераловъ своего времени, старался объ уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній въ арміи и не занимался мелочными служебными требованіями, авторъ же статьи въ «Русской Старинѣ» о послѣдней польской смутѣ, наоборотъ, рисуетъ его аракчеевцемъ въ полномъ значеніи слова, ярымъ поборникомъ прежней системы обращенія съ солдатами. Г. былъ женатъ на дочери польскаго генерала Мадалинскаго, сподвижника Костюшки. О сынѣ его Александрѣ см. выше.

«Русская Старина» 1874 г., т. XI, стр. 348—349 (Очевидецъ, «Послѣдняя польская смута»), 544—549 (М. Золотаревъ, «Д. А. и А. Д. Герштенцвейги»), 724—726 (Очевидецъ, «Генералы Герштенцвейги»), 1876 г., т. XVI, стр. 203 (П. Трофимовскій, «Самоубійство Герштенцвейга-отца»), 1885 г., т. LV, стр. 686 (Записки Мохнацкаго); Адресъ-Календарь 1830 г., стр. 238; Лееръ, «Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ», т. II; «Военная Энциклопедія», изд. Сытина, т. VII; Boniecki, «Herbarz polski», IX, 66 (Ięczmienski de Gerstenzweig); Брокгаузъ-Ефронъ, «Энцикл. Словарь», XVI, 574; В. С. Степановъ и Н. И. Григоровичъ, «Въ память столѣтняго юбилея ордена св. Георгія». *Н. Чулковъ.*

Гессе, *Иванъ Крестьяновичъ (Христіановичъ)*, генералъ-лейтенантъ, комендантъ г. Москвы, сынъ оберъ-офицера, родился въ 1757 году. 9 марта 1788 г. принятъ изъ саксонской артиллеріи на русскую службу въ Гатчинскую артиллерійскую команду сержантомъ, и вскорѣ былъ командированъ въ Выборгъ, но въ сраженіяхъ со шведами не былъ и въ сентябрѣ того же года возвратился обратно. Г. былъ первымъ инструкторомъ Гатчинской артиллерійской команды. Цесаревичъ Павелъ Петровичъ поставилъ ему задачей достигнуть возможно большей быстроты стрѣльбы. Гатчинскій цейхгаузъ хранилъ памятники различныхъ ухищреній Г., чтобы достигнуть этой задачи, между прочимъ рядъ лафетовъ, устроенныхъ по его проектамъ, но на практикѣ оказавшихся одинъ другого неудобнѣе. 13 сентября 1792 г. Г. произведенъ въ подпоручики, 25 іюня 1793 г. — въ поручики, въ 1795 г. — въ капитанъ-лейтенанты и 26 октября 1796 г. — въ капитаны 3-го ранга. Въ 1796 г. онъ командовалъ ротой своего имени въ Гатчинскомъ артиллерійскомъ полку. Павелъ I, вступивъ на престолъ, перевелъ его 9 ноября 1796 г. въ л.-гв. Артиллерійскій баталіонъ и назначилъ 15 ноября Московскимъ плацъ-маіоромъ, а 15 мая 1797 г. — Московскимъ комендантомъ. Быстро пройдя чины маіора, подполковника и полковника, онъ 14 августа 1799 г. произведенъ въ генералъ-маіоры, а 12 декабря 1809 г. въ генералъ-лейтенанты. Служба его была награждена орденомъ св. Анны 1 ст. 9 мая 1816 г. онъ скончался на 60 году и похороненъ на иновѣрческомъ кладбищѣ на Введенскихъ горахъ. Г. способствовалъ, по словамъ современника, уменьшенію грабежей въ Москвѣ строгимъ надзоромъ за караулами и патрулями. Человѣкъ добросердечный, онъ пріобрѣлъ уваженіе москвичей. По отзыву графа Ростопчина, Г., «нѣмецъ темнаго происхожденія», былъ «человѣкъ прекраснѣйшій, честный, безпристрастный и заботившійся главнымъ образомъ о соблюденіи внѣшнихъ формъ, но онъ былъ годенъ для дѣлъ лишь до 6 ч. вечера, послѣ чего всецѣло поглощался трубкою и пуншемъ». Этотъ отзывъ почти совпадаетъ съ тѣмъ, что говоритъ о Гессе А. М. Тургеневъ въ своихъ «Запискахъ». В. В. Селивановъ называетъ Г. нѣмцемъ-служакой, но добродушнымъ и слабымъ до невозможности.

Формулярный списокъ (Моск. отдѣлъ Архива Гл. Штаба, книга формул. списковъ л.-гв. Артиллерійской бригады за 1815 г. № 250); «Русская Старина» 1887 г., т. LIV, 657 (Записки графа Ѳ. В. Ростопчина о 1812 г.), 1885 г., т. XLVII, 57 (Записки А. М. Тургенева), «Русскій Архивъ» 1869 г., стр. 173 («Изъ

давнихъ воспом.» В. В. Селиванова), 1902 г., I, 267; Ратчъ, «Свѣдѣнія объ Аракчеевѣ», Спб. 1864, стр. 78—166.

Е. Александровичъ.

Гессе 2-й, *Карлъ Ѳедоровичъ*, генералъ-лейтенантъ, изъ штабъ-офицерскихъ дѣтей Лифляндской губерніи (отецъ его, полковникъ Ѳедоръ Ивановичъ Г., былъ до 1800 г. Выборгскимъ комендантомъ), католическаго вѣроисповѣданія, родился въ 1788 г. Записанный въ дѣтствѣ (1793 г.) на службу подпрапорщикомъ въ Выборгскій гарнизонъ, въ 1803 г. онъ произведенъ въ портупей-прапорщики и въ февралѣ 1804 г. переведенъ въ Рязанскій пѣхотный полкъ, гдѣ 7 іюля произведенъ въ прапорщики. Въ 1805 г. участвовалъ во время первой войны съ Наполеономъ въ морской эспедиціи въ Померанію. Во время второй войны (1807 г.) Г. въ чинѣ подпоручика былъ въ сраженіяхъ при Прейсишъ-Эйлау (награжденъ золотымъ знакомъ), Гутштадтѣ, Гейльсбергѣ и Фридландѣ; за Гутштадтъ онъ получилъ орденъ св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ, а за Фридландъ — св. Анны 4 ст. Въ декабрѣ того же года произведенъ въ поручики. Въ 1808—1809 гг., состоя адъютантомъ при князѣ Горчаковѣ и графѣ Каменскомъ, принималъ участіе въ шведской войнѣ и за отличіе получилъ чинъ штабсъ-капитана (12 декабря 1808 г.) и золотую шпагу (въ 1809 г. за дѣло при Сефарѣ). Продолжая состоять адъютантомъ при графѣ Каменскомъ, назначенномъ главнокомандующимъ арміи, дѣйствовавшей противъ турокъ, Г. въ 1810 г. участвовалъ въ блокадѣ Силистріи, сраженіи при Шумлѣ, штурмѣ Рущука, Батинской битвѣ и взятіи Никополя и былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2 ст. (за Шумлу) и чиномъ капитана (2 декабря). По смерти графа Каменскаго онъ 28 іюля 1811 г. былъ переведенъ въ Шлиссельбургскій пѣхотный полкъ. Во время Отечественной войны Г. участвовалъ въ сраженіи при Борисовѣ и послѣдовавшемъ затѣмъ преслѣдованіи французовъ и 4 декабря получилъ чинъ маіора. Въ 1813 г. онъ не принималъ участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, но съ резервными войсками дошелъ до Франкфурта на Майнѣ. Переведенный въ ноябрѣ 1814 г. въ Архангелогородскій полкъ, Г. въ іюлѣ 1815 г. участвовалъ въ блокадѣ крѣпости Мецъ. 27 декабря того же года онъ былъ произведенъ въ подполковники съ переводомъ въ л.-гв. Павловскій полкъ и 28 марта слѣдующаго года назначенъ баталіоннымъ командиромъ. Произведенный 25 декабря 1817 г. въ полковники, Г. 3 марта 1820 г. назначенъ командиромъ 38-го егерскаго полка. Въ 1824 г. ему были пожалованы 3000 десятинъ земли (7 января) и орденъ св. Георгія 4 ст. за 25 лѣтъ (12 декабря). 6 декабря 1826 г. онъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ состоять при начальникѣ 19-й пѣхотной дивизіи. 3 апрѣля 1827 г. Г. назначенъ командиромъ 3-й бригады 22-й пѣхотной дивизіи; одновременно ему было поручено управленіе Имеретіей, Гуріей и Мингреліей, а впослѣдствіи къ этимъ областямъ была присоединена и Абхазія. За труды свои по управленію краемъ во время персидской войны онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3 ст. (8 февраля 1829 г.). Въ турецкой войнѣ ему пришлось принять непосредственное участіе: онъ осаждалъ со своимъ отрядомъ крѣпость Поти съ 28 іюня 1828 г. и 15 іюля взялъ ее, 29 сентября вступилъ въ Гурію, 5 марта 1829 г., имѣя 2530 человѣкъ и 6 легкихъ орудій, одержалъ побѣду надъ 8000-мъ турецкимъ корпусомъ подъ начальствомъ трапезунтскаго паши Кея-Оглы при Лимани, близъ Николаевской крѣпости, на берегу Чернаго моря, и овладѣлъ непріятельскимъ укрѣпленнымъ лагеремъ, 6 августа находился при овладѣніи укрѣпленнымъ лагеремъ при Муха-Эстатѣ и пораженіи турецкаго отряда Тучи-Оглы и 9 августа занялъ крѣпость Кинтримы, а 15—17 сентября участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ при крѣпости Цихисъ-Дзири; имъ же была въ короткое время собрана въ порученныхъ его управленію областяхъ милиція. Наградою за его дѣйствія были орденъ св. Анны 1 ст. (за Поти) и золотая шпага, украшенная брилліантами (17 февраля 1829 г.). 1 іюля 1830 г. Г. былъ назначенъ командиромъ Кавказской резервной гренадерской бригады, но вступилъ въ командованіе

ею только 24 сент. 1831 г. Съ 1 іюля по 1 августа 1830 г. онъ стоялъ во главѣ экспедиціи противъ абхазцевъ. 19 апрѣля 1835 г. получилъ орденъ св. Анны 1 ст. съ Импер. короною и 6 декабря произведенъ въ генералъ-лейтенанты, съ назначеніемъ состоять по арміи при отдѣльномъ Кавказскомъ корпусѣ, но по Высочайшему повелѣнію (12 апрѣля 1836 г.) продолжалъ командовать бригадой. Назначенъ состоять по арміи 11 октября 1837 г. Уволенъ отъ службы 7 декабря 1838 г. Умеръ 4 декабря 1842 г. Г. былъ женатъ на Екатеринѣ Васильевнѣ Балкашиной и имѣлъ сына Александра и дочерей Софію и Александру.

Формулярный списокъ (Моск. Отд. Общ. Арх. Гл. Штаба, кн. форм. сп. 1836 г. № 2533); «Архивъ Раевскихъ», т. I; В. С. Степановъ и Н. И. Григоровичъ, «Въ память столѣтняго юбилея ордена св. Георгія»; Дѣло о дворянствѣ рода Гессе (Архивъ Москов. Дворян. Депутат. Собранія); «Родословная книга дворянства Московской губ.», I, 342.

Н. Александровичъ.

Гессе, *Николай Павловичъ*, гофмейстеръ, тайный совѣтникъ, родился 9 марта 1829 г. и происходилъ изъ потомственныхъ дворянъ Тульской губ. Отецъ его, Павелъ Ивановичъ, былъ Черниговскимъ, а затѣмъ Кіевскимъ губернаторомъ (см. ниже). По окончаніи курса въ Черниговской гимназіи, Г. поступилъ на юридическій факультетъ университета св. Владиміра, но пробылъ тамъ одинъ годъ и перешелъ въ Нѣжинскій лицей князя Безбородко, который окончилъ въ 1849 г. съ чиномъ XII кл. Въ томъ же году (28 іюля) назначенъ чиновникомъ канцеляріи Черниговскаго губернатора, а въ слѣдующемъ году переведенъ въ штатъ канцеляріи Харьковскаго генералъ-губернатора. Въ 1852 году назначенъ и. д. столоначальника секретнаго стола той же канцеляріи, а черезъ 2 года — секретаремъ II-го отдѣленія. Въ 1856 г. перемѣщенъ на должность чиновника особыхъ порученій при Кіевскомъ генералъ-губернаторѣ князѣ Васильчиковѣ. Состоя въ этой должности, онъ неоднократно получалъ серьезныя и отвѣтственныя порученія: въ іюлѣ 1856 г. былъ назначенъ членомъ комиссіи для выясненія злоупотребленій опекунскаго управленія Бердичевскимъ имѣніемъ; въ мартѣ 1857 г. ему поручено выяснить причину пожаровъ, систематически повторявшихся въ Бердичевѣ; въ сентябрѣ того же года производилъ формальное разслѣдованіе относительно вымысла о смерти дворянина Виктора Московскаго, съ цѣлью устраненія его отъ доставшагося наслѣдства; въ октябрѣ 1858 г. командированъ въ Житомиръ для разслѣдованія причинъ замедленія дѣла объ арестантахъ Житомирской тюрьмы. Въ 1859 г. получилъ званіе камеръ-юнкера. Въ апрѣлѣ 1860 г. Г. былъ назначенъ и. д. Волынскаго вице-губернатора, а въ мартѣ слѣдующаго года утвержденъ въ этой должности, которую занималъ до іюня 1866 г. Служба его на Волыни совпала съ эпохой польскаго возстанія и введенія крестьянской реформы. Въ 1866 г. получилъ званіе камергера и переведенъ на должность Кіевскаго вице-губернатора; 9 января 1869 г. произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники; 12 марта 1871 г. назначенъ Кіевскимъ губернаторомъ и занималъ эту должность до 18 ноября 1881 г., когда въ чинѣ тайнаго совѣтника (съ 30 августа 1879 г.) и въ званіи гофмейстера (съ 1879 г.) уволенъ по прошенію въ отставку, но остался директоромъ Кіевскаго попечительнаго о тюрьмахъ комитета и почетнымъ мировымъ судьей Кіевскаго, Звенигородскаго и Васильковскаго съѣздовъ мировыхъ судей, какъ мѣстный землевладѣлецъ. Г. былъ предсѣдателемъ правленія 2-го общества пароходства по Днѣпру. По его иниціативѣ возникло нѣсколько благотворительныхъ обществъ. Г. имѣлъ высшіе ордена св. Станислава (1870), св. Анны ((1873), св. Владиміра 2 ст. (1877) и Бѣлаго Орла. Скончался онъ 3 апрѣля 1893 г. въ Кіевѣ на 63 году отъ рожденія и погребенъ на Аскольдовой могилѣ. Женатъ былъ на Екатеринѣ Михайловнѣ Судіенко.

«Кіевлянинъ» 1893 г., № 94; «Новое Время» 1893 г., № 6144 (некрологъ); Адресъ-Календари; «Гимназія высшихъ наукъ и лицей кн. Безбородка», 2 изд. 1881 г., стран. CLII; «Дворянское сословіе Тульской губ. Родословецъ», ч. III; Формулярный списокъ отца (Моск. отд. Арх. Гл. Штаба, кн. форм. сп. № 3563); «Списки чинамъ первыхъ четырехъ классовъ».

Е. Александровичъ.

Гессе, *Павелъ Ивановичъ*, генералъ-лейтенантъ, Кіевскій губернаторъ, сынъ Ивана Христіановича (см. выше), родился въ 1801 г., образованіе получилъ въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ, откуда поступилъ въ Московскій университетъ, но, не кончивъ курса, вступилъ 17 февраля 1817 г. на военную службу подпрапорщикомъ въ л.-гв. Измайловскій полкъ. Произведенъ изъ портупей-прапорщиковъ въ прапорщики 29 января 1820 г., въ подпоручики — 1 января 1821 г. и въ поручики — 6 января 1823 г. Въ 1825—1826 гг. состоялъ бригаднымъ адъютантомъ. Въ 1826 г. награжденъ чиномъ штабсъ-капитана (19 марта) и орденомъ св. Анны 3 ст. (22 августа) и назначенъ адъютантомъ къ петербургскому коменданту ген.-адъют. Башуцкому (2 ноября). 15 января 1829 г. вышелъ въ отставку по домашнимъ обстоятельствамъ капитаномъ. Въ 1831 г. Гессе во время холерной эпидеміи состоялъ попечителемъ по Веневскому уѣзду Тульской губ. 6 іюля 1838 г. поступилъ на гражданскую службу съ переименованіемъ въ надворные совѣтники и назначенъ Полтавскимъ вице-губернаторомъ. За отличіе по службѣ онъ получилъ чины коллежскаго совѣтника (5 декабря 1839 г.) и статскаго совѣтника (6 декабря 1840 г.). 11 января 1841 г. Г. назначенъ и. д. Черниговскаго гражданскаго губернатора (утвержденъ 30 марта 1846 г.). Въ 1845 г. онъ былъ награжденъ чиномъ дѣйств. стат. совѣтника (19 января) и орденомъ св. Владиміра 3 ст. (17 октября). 19 октября 1852 г. переименованъ въ генералъ-маіоры съ зачисленіемъ по арміи, назначеніемъ военнымъ губернаторомъ г. Чернигова и съ оставленіемъ въ прежней должности. 11 марта 1855 г. назначенъ Кіевскимъ гражданскимъ губернаторомъ. 27 іюля того же года утвержденъ въ званіи вице-президента Кіевскаго тюремнаго комитета. 26 августа 1856 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Будучи губернаторомъ, награжденъ былъ орденами: св. Станислава 1 ст. (6 декабря 1848 г.), св. Анны 1 ст. (8 апрѣля 1851 г., Импер. кор. 11 янв. 1855 г.), св. Владиміра 2 ст. и Бѣлаго Орла (17 апрѣля 1860 г.). Должность губернатора Г. оставилъ 8 января 1864 г., будучи зачисленъ по армейской пѣхотѣ. Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» 1863 г. (№ 39, стр. 4—8) напечатано его письмо къ редактору объ «истинномъ ходѣ» событій во время польскаго возстанія въ Юго-западномъ краѣ и о мѣрахъ, которыя оградили бы навсегда русское населеніе края отъ польскаго вліянія и дали бы просторъ русской народности. Г. владѣлъ имѣніями въ Ярославской, Рязанской и Кіевской губерніяхъ (около 4500 десятинъ). Онъ умеръ въ 1880 г. во Флоренціи, гдѣ и погребенъ. Женатъ онъ былъ съ 22 апрѣля 1822 г. на Дарьѣ Алексѣевнѣ Марковой и имѣлъ 5 сыновей; изъ нихъ старшій, Николай, былъ тоже Кіевскимъ губернаторомъ (см. выше), а младшій Петръ (1846—1905) — дворцовымъ комендантомъ и генералъ-адъютантомъ.

Формулярные списки 1855 и 1860 гг. (Моск. отд. Арх. Гл. Штаба, кн. форм. сп. №№ 17869 и 3563); «Списки генераламъ»; «Дворянское сословіе Тульской губ. Родословецъ», ч. III; «Сѣверная Почта» 1864 г., № 9; сообщенія родныхъ. *Н. Чулковъ.*

Гессенъ-Гомбургская, принцесса *Анастасія Ивановна*, дочь фельдмаршала князя Ивана Юрьевича Трубецкого (р. 1667 г. † 1750 г.) отъ второго брака съ Ириной Григорьевной Нарышкиной (р. 1671 г. † 1749 г.), родилась 4 октября 1700 г. Черезъ мѣсяцъ послѣ ея рожденія отецъ ея былъ взятъ въ плѣнъ шведами при Нарвѣ и увезенъ въ Швецію, гдѣ пробылъ до 1718 г. Туда за нимъ послѣдовала и жена съ новорожденною дочерью. Въ Швеціи княжна А. И. провела дѣтство и юные годы приблизительно до 17 лѣтъ. Она получила чисто европейское образованіе, научилась говорить по-нѣмецки и по-шведски и, бывая при дворѣ, вполнѣ усвоила свѣтскіе обычаи; уже тогда обращала она на себя вниманіе своей красотой. Вернувшись въ отечество, княжна заняла видное мѣсто среди придворныхъ красавицъ того времени. Петръ I сосваталъ ее за бывшаго молдавскаго господаря, лишившагося своихъ владѣній послѣ Прутскаго договора, кн. Дмитрія Константиновича Кантемира. Князь, родившійся въ 1663 (1673) г., былъ уже немолодъ и на 27 (17) лѣтъ старше своей

невѣсты. Свадьба была торжественно отпразднована 14 января 1720 г. (а по другимъ извѣстіямъ въ 1717 г.). Домъ Кантемировъ сдѣлался однимъ изъ первыхъ въ Петербургѣ и привлекалъ высшій свѣтъ и знатныхъ иностранцевъ. Камеръ-юнкеръ герцога Голштинскаго Берхгольцъ даетъ такой отзывъ о княгинѣ въ своемъ дневникѣ (17 іюля 1721 г.): «я былъ пораженъ красотою ея стана и лица: она, безспорно, одна изъ прекраснѣйшихъ женщинъ во всемъ Петербургѣ. Хотя я и прежде имѣлъ счастье видѣть ее въ Швеціи... при бракосочетаніи нынѣшней королевы и кромѣ того не разъ, и она тогда уже слыла за красавицу, однако жъ теперь нашелъ ее еще красивѣе и пріятнѣе. Она блондинка, высока ростомъ и имѣетъ прекрасныя руки и чудный цвѣтъ лица. На вѣкѣ лѣваго глаза у нея маленькое черное пятно, издали похожее на мушку, но оно нисколько не вредитъ красотѣ и живости ея глазъ, напротивъ дѣлаетъ ихъ еще болѣе выразительными». Въ 1722 г. Кантемиръ съ женой и дочерью отъ перваго брака послѣдовалъ за Петромъ I въ Персидскій походъ, а оттуда отправился въ свое село Дмитровское (теперь г. Дмитровскъ Орловской губ.), гдѣ и скончался въ августѣ 1723 г. Плодомъ непродолжительнаго брака Кантемира съ А. И. были два сына Петръ и Иванъ, умершіе въ младенчествѣ, и дочь Смарагда-Екатерина (р. 1720 г. † 1761 г.), впослѣдствіи жена кн. Дм. Мих. Голицына. Молодая вдова вела продолжительную тяжбу о наслѣдствѣ со своими пасынками (въ числѣ ихъ былъ знаменитый сатирикъ кн. Антіохъ Кантемиръ), но проиграла ее. 21 января 1738 г. (въ нѣкоторыхъ источникахъ днемъ свадьбы указывается ошибочно 3 февраля) княгиня вступила во второй бракъ съ членомъ одного изъ германскихъ владѣтельныхъ домовъ, состоявшимъ на русской службѣ въ должности генералъ-фельдцейхмейстера, принцемъ Людвигомъ-Вильгельмомъ-Груно Гессенъ-Гомбургскимъ (р. 1705 г.). По своимъ нравственнымъ свойствамъ онъ совершенно не подходилъ къ ней, но бракъ съ принцемъ крови льстилъ ея самолюбію. Еще въ 1732 г. принцъ мечталъ о бракѣ съ вдовой Кантемира, которая прекрасно образована, хороша собой, богата и сумѣетъ быть настоящей солдатской женой (eine echte Soldatenfrau), какъ писалъ онъ отцу. Свадьба была торжественно отпразднована въ присутствіи императрицы, цесаревны Елизаветы Петровны и принцессы Анны Леопольдовны съ супругомъ. Въ мартѣ 1739 г. принцъ повезъ жену за границу знакомить съ своими родственниками. Путешествовали они incognito и въ концѣ декабря возвратились въ Россію, едва не погибнувъ въ Помераніи отъ снѣжной метели. Въ 1741 г. принцъ получилъ командованіе надъ войсками въ Финляндіи, и принцесса послѣдовала за нимъ туда, оправдавъ такимъ образомъ надежду мужа. Принцесса была очень дружна съ цесаревной Елизаветой Петровной, которой приходилась родственницей по Нарышкинымъ, и принимала большое участіе въ переворотѣ, возведшемъ цесаревну въ ночь на 25 ноября 1741 года на престолъ. Въ первый же день своего царствованія Елизавета Петровна пожаловала А. И. въ статсъ-дамы и собственноручно возложила на нее снятую съ себя ленту ордена св Екатерины (по Карабанову А. И. получила орденъ св. Екатерины 1 кл. только 18 декабря), а также подарила золотой вѣеръ, соболью шубу и массивную эмалированную чашу съ драгоцѣнными камнями, принадлежавшую великому моголу. По мужу своему принцесса однако имѣла первенство передъ всѣми статсъ-дамами, не исключая и оберъгофмейстерины, и не носила обыкновенно статсъ-дамскаго портрета. Въ февралѣ 1742 г. А. И. сопровождала императрицу въ Москву на коронацію и принимала участіе въ торжествахъ. Государыня пожаловала ей домъ въ Нѣмецкой слободѣ, а 4 октября, въ день ея рожденія, неожиданно пріѣхала къ ней и подарила брилліантовый перстень и часы въ богатой оправѣ. Принцъ Гомбургскій въ день коронаціи былъ пожалованъ въ фельдмаршалы. Въ 1745 г. его болѣзнь заставила супруговъ уѣхать за границу, и 23 октября того же года онъ скончался въ Берлинѣ. Послѣ смерти второго мужа А. И. долго жила у своей дочери кн. Голицыной въ Парижѣ, гдѣ блистала на придворныхъ балахъ королевы Маріи Лещинской.

По возвращеніи въ Россію, она тихо провела послѣдніе годы своей жизни, отдавшись дѣламъ благотворительности. А. И. скончалась 27 ноября 1755 г. (по новому стилю день смерти указывается въ источникахъ — 7 декабря) и погребена въ Александро-Невской лаврѣ въ церкви Благовѣщенія. Побочный ея братъ, извѣстный И. И. Бецкой, съ которымъ ее соединяла нѣжная дружба (по выраженію одного изъ его біографовъ она была «геніемъ-покровителемъ» брата), поставилъ надъ ея могилой мраморную доску съ латинской и русской надписями и выбилъ въ память ея двѣ медали съ ея изображеніемъ и датами рожденія и смерти. Дочь А. И. отъ 2-го брака (род. 1739 г.) умерла въ дѣтствѣ.

«Сказанія о родѣ кн. Трубецкихъ», М. 1891, стр. 178—188; «Сборникъ біографій кавалергардовъ», т. I (біографія принца Гессенъ-Гомбургскаго); «Русскіе портреты», изд. Вел. Кн. Николая Михаиловича, т. IV, № 26 (воспроизведенъ портретъ работы Рослена, находящійся въ Академіи Художествъ); «Статсъ-дамы и фрейлины русскаго двора въ XVIII ст.» («Русск. Стар.» 1870 г., т. II, 487); П. М. Майковъ, «Ив. Ив. Бецкой»; Pr. P. Dolgoroucow, «Mémoires», 68, 69; «Петербургскій Некрополь», I, 590; A. Chiusole, «La Genealogia moderna», 1746 г., стр. 50; Cohn, «Stammtafeln», 124.

Н. Чулковъ.

Гессенъ-Гомбургскій, принцъ *Людвигъ-Груно-Вильгельмъ*, генералъ-фельдмаршалъ, генералъ-фельдцейхмейстеръ, сынъ ландграфа Гессенъ-Гомбургскаго Фридриха-Іакова отъ 1-го брака съ Элизой-Доротеей, принцессой Гессенъ-Дармштадтской, родился 4/15 янв. 1705 г. По словамъ Манштейна онъ не получилъ воспитанія, соотвѣтствующаго его высокому происхожденію. Съ апрѣля 1722 г. по январь 1723 г. принцъ слушалъ лекціи въ Гиссенскомъ университетѣ, но не проявилъ любви къ наукамъ. Отецъ его еще въ 1717 г. выразилъ желаніе поступить на русскую службу генераломъ надъ всей кавалеріей и хотѣлъ сдѣлаться наслѣдникомъ своего бездѣтнаго родственника, герцога Курляндскаго Фердинанда, но ни то, ни другое ему не удалось. Черезъ 6 лѣтъ ландграфъ согласился на предложеніе Ягужинскаго, посѣтившаго Гомбургъ, и отпустилъ сыновей своихъ Людвига и Карла (р. 1706 г. † 1728 г.) на русскую службу. 9 ноября 1723 г. принцъ Людвигъ опредѣленъ былъ полковникомъ въ Нарвскій полкъ и въ январѣ 1724 г. явился на службу въ Ревель. Ходили слухи, что ему предназначается рука великой княжны Елизаветы Петровны. Послѣ кончины Петра I положеніе принцевъ Гомбургскихъ было довольно тяжелое вслѣдствіе недоброжелательнаго отношенія къ нимъ Меншикова. Оно улучшилось со смертью послѣдняго. Принцъ Людвигъ въ апрѣлѣ 1727 г. перешелъ со своимъ полкомъ въ Ригу и 1 декабря произведенъ въ генералъ-маіоры. Живя здѣсь, онъ подобно отцу безуспѣшно хлопоталъ, чтобы двоюродный дѣдъ, послѣдній герцогъ Курляндскій изъ дома Кетлеровъ Фердинандъ, назначилъ его своимъ наслѣдникомъ, но зато познакомился со вдовствующей герцогиней Анной Іоанновной, съ восшествіемъ которой на русскій престолъ положеніе его еще болѣе улучшилось. Осенью 1730 г. онъ былъ вызванъ въ Москву, произведенъ въ генералъ-лейтенанты и премьеръ-маіоры Преображенскаго полка и назначенъ совѣтникомъ Военной коллегіи; уплачены были всѣ его долги. 2 мая 1732 г. принцъ назначенъ былъ командующимъ полевыми войсками въ Петербургѣ и его окрестностяхъ, а 28 августа того же года ему было поручено командованіе отрядомъ войскъ въ Прикаспійскихъ владѣніяхъ Россіи. Этого назначенія онъ добился, написавъ императрицѣ письмо, въ которомъ указалъ на старость и слабость предназначеннаго для командованія отрядомъ генералъ-лейтенанта Лефорта. 22 апрѣля 1733 г. принцъ принялъ начальство надъ войсками на Кавказѣ вмѣсто временно-командовавшаго генерала Левашева и сталъ титуловаться главнокомандующимъ. Главнымъ мѣстопребываніемъ его было укрѣпленіе св. Креста. Въ іюнѣ ему пришлось вступить въ бой съ крымскимъ ханомъ Терти-Гиреемъ, стремившимся пробраться на помощь осажденному персіянами Багдаду. 11 іюня принцу удалось одержать побѣду надъ татарами при Горанчи (Горечаѣ, Горячей), но при этомъ онъ, будучи окруженъ врагами, спасся отъ смерти только благодаря быстротѣ своего коня.

Вернувшись въ укрѣпленіе св. Креста, принцъ почти безвыѣздно жилъ тамъ; его бездѣйствіемъ воспользовался сынъ крымскаго хана Фети-Гирей, и пробился съ 50000 татаръ сквозь русскіе отряды. 16 сентября (5 октября) принцъ со своимъ отрядомъ перешелъ въ Дербентъ, а 21-го сентября (октября) дѣйствовавшій съ нимъ генералъ Еропкинъ взялъ Багили, мѣстопребываніе враждебнаго русскимъ хана Усмея. Въ общемъ принцъ не проявилъ способностей полководца и вскорѣ былъ отозванъ. Въ серединѣ ноября онъ вернулся въ укрѣпленіе св. Креста и 8 декабря отбылъ въ Москву, гдѣ за свои успѣшныя военныя дѣйствія былъ награжденъ 10 февраля 1734 г. орденами св. Андрея Первозваннаго и Александра Невскаго. Въ этомъ же году принцъ принялъ участіе въ польской войнѣ въ защиту русскаго кандидата на польскій престолъ—Августа III Саксонскаго, и успѣшно осаждалъ крѣпости Збаражъ и Броды, которые сдались ему въ іюлѣ. Весною 1735 г. ему было поручено успокоеніе Подольскаго воеводства. 3 августа за исполненіе этого порученія онъ получилъ отъ короля орденъ Бѣлаго Орла. Въ августѣ же принцъ вступилъ вмѣсто Миниха въ командованіе дѣйствовавшимъ въ Польшѣ корпусомъ, который онъ долженъ былъ вывести въ Украйну. Въ 1736 г. принцъ, командуя одной изъ колоннъ войска, участвовалъ подъ начальствомъ Миниха въ Крымскомъ походѣ и былъ при взятіи Перекопа, Козлова, Бахчисарая и Ахмечети. Отношенія его съ Минихомъ испортились еще до этого похода, а теперь стали еще болѣе натянутыми. Принцъ, недовольный движеніемъ Миниха вглубь Крыма и возмущенный суровымъ отношеніемъ его къ солдатамъ, убѣдилъ нѣсколькихъ генераловъ подписать протестъ противъ дѣйствій главнокомандующаго, и по словамъ Манштейна намѣревался даже арестовать Миниха, если онъ не исполнитъ требованій генераловъ. Протестъ не имѣлъ никакихъ результатовъ, и тогда принцъ написалъ письмо къ Бирону съ жалобой на Миниха; Биронъ переслалъ доносъ Миниху, что, конечно, не могло улучшить отношеній между главнокомандующимъ и его ближайшимъ помощникомъ. Тѣмъ не менѣе въ 1737 г. принцъ снова подъ начальствомъ Миниха участвовалъ въ Очаковскомъ походѣ. Въ штурмѣ Очакова онъ не принималъ непосредственнаго участія, завѣдуя циркумваллаціонной линіей, имѣвшей назначеніемъ предохранять осаждающій отрядъ отъ нечаяннаго нападенія со стороны Бендеръ; по словамъ же Манштейна принцъ «занемогъ въ то самое время, когда русскіе готовились итти на приступъ и выздоровѣлъ въ день взятія Очакова». Возвратясь въ Петербургъ по окончаніи похода, онъ 21 января 1738 г. вступилъ въ бракъ съ вдовой бывшаго молдавскаго господаря, княгиней Анастасіей Ивановной Кантемиръ, урожденной княжной Трубецкой, на которой онъ еще въ 1732 г. мечталъ жениться.

28 марта 1735 г. принцъ Гомбургскій былъ назначенъ генералъ-фельдцейхмейстеромъ, но до іюля 1736 г. ему пришлось раздѣлять власть со своимъ предшественникомъ Минихомъ, сохранившимъ за собой должность оберъ-директора надъ фортификаціями и инженерами. Управленіе артиллерійскимъ и инженернымъ корпусами сосредоточивалось въ одномъ и томъ же учрежденіи — Канцеляріи Главной артиллеріи и фортификаціи, которая такимъ образомъ получила двухъ начальниковъ. Принцъ нѣсколько разъ указывалъ на неудобство такого двоевластія въ одномъ и томъ же учрежденіи. Наконецъ, указомъ 25 февраля 1736 г. послѣдовало раздѣленіе функцій Канцеляріи Главной артиллеріи и фортификаціи путемъ учрежденія особой Фортификаціонной конторы. Однако до 1738 г. принцъ, находившійся при дѣйствующей арміи, лишенъ былъ фактически возможности непосредственно руководить центральнымъ органомъ своего вѣдомства, которымъ за него управлялъ Де-Геннинъ. Между генералъ-фельдцейхмейстеромъ, не пользовавшимся авторитетомъ у своихъ подчиненныхъ, и его замѣстителемъ происходили нерѣдко недоразумѣнія. 18 февраля 1738 г. послѣдовалъ указъ Императрицы, въ которомъ она, указавъ на «превеликіе безпорядки и неисправности» въ Главной артиллерійской канцеляріи, предписывала принцу «артиллерійскій департаментъ и принадлежащее къ оному

правленіе въ лучшій порядокъ и исправность привести». Въ 1739 г. принцъ отправился, впервые послѣ своего переѣзда въ Россію, за границу и представилъ роднымъ жену. Указомъ 10 марта 1740 г. Миниху повелѣно было подъ своимъ предсѣдательствомъ и въ составѣ членовъ принца Гомбургскаго и барона Левендаля образовать особую комиссію «о разсмотрѣніи артиллеріи и о поправленіи въ имѣющихся при оной недостаткахъ и о лучшемъ и порядочномъ впредь оной содержаніи». Комиссія собиралась только 3 раза. Дѣятельность ея возобновилась при Аннѣ Леопольдовнѣ 23 января 1741 г. подъ предсѣдательствомъ принца, и уже 10 февраля 1742 г. представленъ былъ Сенату проектъ инструкціи Канцеляріи Главной артиллеріи и штатовъ ея, но не получилъ утвержденія. Въ іюнѣ 1741 г. принцу по случаю войны съ Швеціей ввѣрено было командованіе войсками, назначенными оборонять побережье Финскаго залива; онъ оставался при нихъ до наступленія зимы, но до военныхъ столкновеній со шведами дѣло не доходило. Принцъ былъ ревностнымъ сторонникомъ цесаревны Елизаветы Петровны, и 25 ноября 1741 г. въ день переворота, возведшаго ее на престолъ, она поручила ему вѣдать военныя силы Петербурга и охранять съ ними порядокъ. Въ награду за участіе въ переворотѣ принцъ пожалованъ былъ въ капитанъ-поручики Лейбъ-компаніи и 11 декабря 1741 г. получилъ въ свою «дирекцію» Шляхетный кадетскій корпусъ; кромѣ того Государыня пожаловала ему перстень съ брилліантами, золотую шпагу со своимъ вензелемъ и бриллiантами и дворъ въ Москвѣ въ Нѣмецкой слободѣ (5 апрѣля 1742 г.). Въ день коронаціи (25 апрѣля 1742 г.) онъ былъ произведенъ въ генералъ-фельдмаршалы и полковники Измайловскаго полка. 15 февраля 1742 г. Артиллерійская канцелярія была вновь соединена съ Фортификаціонной конторой подъ главнымъ начальствомъ принца Гомбургскаго. 27 іюля того же года, за отъѣздомъ Императрицы въ Кіевъ, принцу были поручены въ управленіе петербургскіе дворцы, оставшаяся въ столицѣ гвардія, а также полевые и гарнизонные полки. Въ 1744 г. по случаю заключенія мира со Швеціей ему были пожалованы земли въ Лифляндіи. Осенью этого года принцъ тяжко заболѣлъ и 18 августа 1745 г. по совѣту врачей уѣхалъ за границу. Доѣхавъ до Берлина, онъ вслѣдствіе усилившейся болѣзни принужденъ былъ здѣсь остановиться и 12/23 октября скончался.

Принцъ Гессенъ-Гомбургскій оставилъ по себѣ въ Россіи печальную память. Интриганъ и шпіонъ, съ безпокойнымъ, сварливымъ характеромъ, онъ ссорился и съ Меншиковымъ, и съ Минихомъ, и съ Бестужевымъ-Рюминымъ, и никѣмъ не былъ любимъ; его доносъ на князя Вас. Влад. Долгорукова вызвалъ ссылку послѣдняго. Стоя во главѣ артиллеріи, онъ лично ничѣмъ не способствовалъ ея процвѣтанію.

«Сборникъ біографій кавалергардовъ», т. I, 220—227 (біографія принца Г.-Г., составленная А. Половцевымъ); Бантышъ-Каменскій, «Біографіи россійскихъ генералиссимусовъ и фельдмаршаловъ»; Д. П. Струковъ, «Столѣтіе Военнаго Министерства 1802—1902. Главное артиллерійское управленіе»; П. И. Барановъ, «Опись Высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ, хранящимся въ С.-Пб. Сенатскомъ Архивѣ», т. III; «Русская Старина» 1873 г., т. VIII, стр. 5; «Хронологическій указатель военныхъ дѣйствій русской арміи и флота», т. I; Соловьевъ, «Исторія Россіи» (изд. «Обществ. Пользы»), т. IV и V; Behr, «Genealogie der... Fürstenhäuser», 84; Cohn, «Stammtafeln», 124.— Біографія принца на нѣмецкомъ языкѣ составлена Эрнстомъ Шульце (Ernst Schulze, «Lebensbeschreibung des Prinzen Ludwig Gruno von Hessen-Homburg», 1882 г.). *Н. Чулковъ.*

Гессенъ-Дармштадтскій, принцъ *Фридрихъ*, младшій сынъ ландграфа Людвига VI Гессенъ-Дармштадтскаго (1630—1678) отъ 2-го брака его съ принцессой Елизаветой-Доротеей Саксенъ-Готской, родился 18/28 сентября 1677 г., въ 1697 г. въ Римѣ принялъ католичество и былъ наименованъ каноникомъ кельнскимъ и бреславльскимъ. Оставивъ духовное званіе, поступилъ на русскую службу съ чиномъ генералъ-лейтенанта. 28 сентября 1708 г. въ битвѣ при Лѣсной былъ тяжело раненъ въ лѣвую руку, переведенъ въ Чаусы, гдѣ его посѣтилъ Петръ I, и здѣсь 2/13 октября умеръ. Погребенъ со всѣми почестями, подобающими его сану, въ Смоленскѣ. Отъ брака съ баронессой Петронеллой ф.-Штокмансъ-Даттингъ (1678—1751),

имѣлъ дочь Марію-Фридерику (1704—1788), за графомъ Джіаннини.

Голиковъ, «Дѣянія Петра Великаго», III, 27, 29; «Дополн. къ дѣян. Петра Великаго», VIII, 123; Oettinger, «Moniteur des dates», t. II, 120, t. V, 90; Cohn, «Stammtafeln», 123; Behr, «Genealogie», 82. *Н. Чулковъ.*

Гессенъ - Филиппсталь - Бархфельдскій, принцъ *Эрнстъ*, генералъ-отъ-кавалеріи, сынъ ландграфа Адольфа (1742—1803) отъ брака съ Луизой, принцессой Саксенъ-Мейнингенской († 1805 г.), родился 28 января н. с. 1789 г. въ Сковсборгѣ близъ Копенгагена; принятъ 29 мая 1808 г. на русскую службу изъ подполковниковъ гессенъ-филиппстальской службы тѣмъ же чиномъ въ 6-й егерскій полкъ съ назначеніемъ состоять при фельдмаршалѣ князѣ Прозоровскомъ. 23 октября 1811 г. уволенъ отъ службы за болѣзнью и вновь принятъ 23 іюня 1812 г. съ производствомъ въ полковники и съ назначеніемъ состоять по кавалеріи. Принималъ участіе въ войнахъ Отечественной и за освобожденіе Европы. Состоя при Платовѣ, онъ былъ тяжело раненъ 29 августа при Крымскомъ (Татаркѣ): у него ядромъ была оторвана нога. 15 іюля 1813 г. за отличіе противъ непріятеля произведенъ въ генералъ-маіоры, а 3 августа 1814 г. награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст. 5 ноября того же года повелѣно производить ему изъ Кабинета ежегодный пенсіонъ въ 600 червонныхъ. 17 января 1820 г. назначенъ состоять по гвардейскому корпусу по легкой кавалеріи. 22 августа 1826 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты. 9 сентября 1836 г. согласно прошенію уволенъ отъ службы съ чиномъ генерала отъ кавалеріи и съ мундиромъ; кромѣ того въ знакъ особаго благоволенія Государя пожалованъ за отличную службу орденомъ св. Александра Невскаго. Умеръ 20 апрѣля н. с. 1850 г. въ Герлесгаузенѣ (Herleshausen).

«Военная галлерея 1812 года», С.-Пб. 1912 г., стр. 253; «Труды Моск. отд. Импер. Русск. Военно-Историч. Общества», т. IV, ч. I. Боевой календарь-ежедневникъ; «Русскій Архивъ» 1875 г., III, 180, 181; «Сборникъ Архива Собств. Е. И. В. канцеляріи», т. IV; Судравскій, «Военная галлерея Зимняго дворца» («Военный Сборникъ» 1910 г., № 11, стр. 176); Pierer's Lexikon, VIII, 340; «Almanach de Gotha»; В. С. Степановъ и Н. И. Григоровичъ, «Въ память столѣтняго юбилея ордена св. Георгія», С.-Пб. 1869 г. *Н. Чулковъ.*

Гесслеръ (Hässler), *Іоганнъ Вильгельмъ*, очень даровитый композиторъ и московскій музыкальный дѣятель. Родился 29 марта 1747 г. въ Эрфуртѣ. Сынъ шапочнаго мастера, Г. рано проявилъ свое музыкальное дарованіе, но, даже пріобрѣвъ извѣстность въ качествѣ артиста, продолжалъ нѣкоторое время заниматься ремесломъ отца. Г. племянникъ и ученикъ извѣстнаго органиста Киттеля, настолько подготовившаго даровитаго юношу, что Г. 14 лѣтъ поступилъ органистомъ въ одну изъ церквей г. Эрфурта, гдѣ онъ въ 1780 г. основалъ концертное учрежденіе и музыкальную торговлю. До того онъ не мало концертировалъ во время своего странствованія по Германіи. Всюду его сопровождалъ выдающійся успѣхъ и въ качествѣ виртуоза и какъ композитора. Въ 1790 г. Г. отправился въ Англію, а оттуда въ 1792 г. въ Петербургъ, предоставивъ женѣ своей вести свое концертно-торговое предпріятіе въ Эрфуртѣ. Предположеніе, будто Г. въ Петербургѣ занялъ должность капельмейстера Императорскихъ театровъ — не подтверждается, тѣмъ болѣе, что уже въ 1794 г. онъ переселился въ Москву. Но 2 года, проведенные Г. въ Петербургѣ, ознаменовались участіемъ его въ рядѣ концертовъ, выступленій на вечерахъ Музыкальнаго Общества и композиторской дѣятельностью, принявшей теперь иное направленіе: Г. сталъ сочинять «русскія пѣсни», написалъ кантату на день бракосочетанія вел. кн. Александра Павловича (1794 г.) и др. Въ то же время онъ занимался и преподаваніемъ музыки. Въ 1794 г. Г. переселился въ Москву и остался въ ней до самой смерти (29 марта 1822 г.), завоевавъ здѣсь прочное и почетное мѣсто въ качествѣ виртуоза, композитора и педагога (къ ученикамъ его принадлежитъ, между прочимъ, І. І. Гениште). Здѣсь же были изданы и всѣ позднѣйшія произведенія Г. — прелюдіи, сонаты, камерныя вещи и т. д.

«С.-Пб. Вѣд.» 1793 г., №№ 19, 20, 28, 38, 41, 44, 80; 1794, №№ 17, 91. — «Моск. Вѣд». 1795 г., №№ 40, 79; 1796 г., № 27, 1798 г., № 104; 1799 г., №№ 6, 84; 1800 г., №№ 13, 21, 1801 г., № 13, 1802 г., № 36; 1803 г., № 22. — Риманъ, «Музык. слов.», 346. — «Рус. Муз. Газ.» 1901 г., №№ 29—30. — Eitner, «Biogr. bibl. Q. Lex.» IV, 467. — Fétis, «Biogr. Univ.», IV, 196. — «Allgem. Mus. Ztg.», 1865 г., біогр. Г. — Мейнардуса. *Н. Финдейзенъ.*

Гессъ, *Германъ (-Генрихъ) Ивановичъ*, ординарный академикъ, докторъ медицины, статскій совѣтникъ, химикъ, основатель термохиміи, родился въ Женевѣ 26 іюля/7 августа 1802 г. Отецъ его, довольно талантливый живописецъ, вскорѣ послѣ рожденія сына, переѣхалъ на жительство въ Петербургъ, гдѣ пріобрѣлъ вниманіе и благоволеніе Императорскаго Двора. Въ 1805 г. въ Петербургъ пріѣхала и мать Гесса. Образованіе вначалѣ онъ получилъ домашнее, а послѣ смерти отца, по выбору матери, поступилъ въ Дерптскій университетъ въ 1822 г. Не обладавшій средствами, молодой женевецъ избралъ себѣ карьеру врача, какъ наиболѣе вѣрно обезпечивающую будущность. Выборъ медицинскаго факультета далъ ему также возможность слушать лекціи и воспитываться на казенный счетъ. Но неопредѣленность медицинскихъ наукъ и безпрерывно вновь рождающіеся методы не соотвѣтствовали положительному строенію его ума. Несмотря на это, онъ продолжалъ съ рвеніемъ изучать выбранныя науки, но въ то же время особенно увлекся геогнозіей и химіей. Въ 1825 г., когда онъ для полученія степени доктора долженъ былъ написать диссертацію, то избралъ предметомъ ея химическій составъ и цѣлебныя свойства минеральныхъ водъ Россіи («Nonnulla de fontibus medicatis, praesertim in Ruthenia obviis». Dorpati 1825), и эта диссертація заслужила всеобщее одобреніе. Получивъ степень доктора, Г. прежде чѣмъ поступить на дѣйствительную службу, отправился въ 1826 г. въ Стокгольмъ для усовершенствованія въ аналитической химіи у извѣстнаго Берцеліуса, а затѣмъ сопровождалъ профессора геогнозіи Энгельгардта въ его научномъ путешествіи по Уралу. Съ окончаніемъ этой экспедиціи Г. поѣхалъ на мѣсто своего служенія — въ Иркутскъ. Эпидемическая глазная болѣзнь, появившаяся во многихъ уѣздахъ губерніи, доставила возможность Г. впервые выказать свои познанія и искусство. Благодаря быстро принятымъ разумнымъ мѣрамъ, эпидемія прекратилась. Послѣ этого Г. получалъ многія важныя порученія, особенно относительно охраненія общественнаго здоровья. Между этими порученіями заслуживаетъ упоминанія изслѣдованіе добывавшейся въ Иркутской губерніи поваренной соли, произведенное съ цѣлью выясненія причинъ порчи и значительной утраты ея при храненіи въ казенныхъ магазинахъ и малопригодности къ практическому примѣненію. Посредствомъ различныхъ разложеній и наблюденій Г. открылъ, что почти вся добывавшаяся тамъ соль содержала въ своемъ составѣ большое количество постороннихъ солей, подверженныхъ по своему свойству расплыванію. Эти-то соединенія (хлористый кальцій, магній, глиній и пр.), подвергаясь утечкѣ, естественно, производили уменьшеніе въ вѣсѣ и служили, при большомъ количествѣ ихъ въ составѣ соли, причиной различныхъ болѣзней, которымъ подвергались туземцы. Результатомъ этой работы въ 1829 г. явился, представленный имъ въ Академію Наукъ, трудъ: «Sur les sels communs du gouvernement d'Ircoutsk». Произведенное же Г. изслѣдованіе находящихся близъ Байкала Туркинскихъ горячихъ минеральныхъ водъ заслужило особенное одобреніе Имп. Академіи Наукъ, которая удостоила его званіемъ адъюнкта (29 октября 1828 г.). Кромѣ того Г. изслѣдовалъ причины порчи соленой рыбы въ Охотскѣ и составилъ геогностическое описаніе Забайкальскаго края (напечатано въ «Горномъ Журналѣ» 1828 г. и въ академическомъ изданіи 1829 г.). Пріѣздъ въ столицу и причисленіе къ Академіи дали Г. возможность цѣликомъ отдаться любимой наукѣ. 11 августа 1830 г. Г. избранъ въ экстраординарные академики.

Въ 1830 г. Гессъ участвовалъ въ совѣщаніяхъ комиссіи для начертанія плана преподаванія курса практической и теоретической химіи для вновь основывающагося технологическаго института, въ которомъ потомъ занялъ каѳедру химіи. Онъ былъ главнымъ организаторомъ системы преподаванія въ институтѣ. Въ январѣ 1832 г. Гессъ былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ химіи и технологіи въ Главный педагогическій институтъ, только что тогда открывшійся, и въ ноябрѣ этого ж года занялъ каѳедру химіи въ Горномъ институтѣ. Въ Педагогическомъ институтѣ онъ завелъ лабораторію, а въ Гор-

номъ произвелъ цѣлый переворотъ въ преподаваніи своего предмета: ввелъ систематическія занятія по аналитической химіи, на которую въ институтѣ почти не обращали вниманія, и вскорѣ добился того, что химія сдѣлалась однимъ изъ главныхъ предметовъ преподаванія. Въ 1835 г. Г. былъ членомъ комиссіи по разсмотрѣнію различныхъ смѣтъ и проектовъ по части устройства снабженія столицы невской водой при помощиводопроводныхъ трубъ. Въ 1838 г. Г. былъ приглашенъ преподавать химію въ Артиллерійскомъ училищѣ. Это назначеніе его какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало тѣмъ новымъ требованіямъ, какія были здѣсь предъявлены къ преподаванію химіи. Пользуясь репутаціей лучшаго и при томъ, такъ сказать, лабораторнаго химика, Г. повелъ занятія почти только практически, и уже въ 1839 году открылъ новый офицерскій классъ для практическихъ работъ по аналитической химіи. Нужно еще отмѣтить, что со времени утвержденія въ званіи ординарнаго академика (избранъ 14 мая 1834 г.), онъ былъ назначенъ инспекторомъ петербургскихъ частныхъ школъ и пансіоновъ и что въ сороковыхъ годахъ преподавалъ химію наслѣднику Александру Николаевичу. Какъ профессоръ, Г. отличался большой способностью заинтересовать слушателя яснымъ и простымъ изложеніемъ мысли, умѣлымъ веденіемъ практическихъ работъ и, вообще, занятій. Въ 1849 г. Г. ѣздилъ на югъ Россіи для осмотра только что основанныхъ сахарныхъ заводовъ. Состоя членомъ многихъ ученыхъ обществъ, членомъ ученаго комитета корпуса горныхъ инженеровъ и преподавателемъ въ вышеозначенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, Г. не переставалъ усиленно работать надъ многими неразрѣшенными вопросами химіи; такая неутомимая его дѣятельность вскорѣ окончательно подорвала его здоровье, и въ 1848 г. онъ вынужденъ былъ оставить занятія въ Главномъ педагогическомъ институтѣ, а въ 1849 г. и въ Артиллерійскомъ училищѣ и Горномъ институтѣ. 30 ноября 1850 г. Гессъ скончался въ Петербургѣ на 49 году. Погребенъ на Смоленскомъ евангелическомъ кладбищѣ. Почти за три года до смерти (1847 г.) онъ принялъ русское подданство.

Минералогія обязана Гессу открытіемъ четырехъ минераловъ: вертита (1830), уваровита (1832), гидроборацита (1833) и фольбортита, которые были имъ весьма точно описаны въ отношеніи химическаго состава ихъ, какъ равно и другіе, малоизслѣдованные: діаспоръ, діоктазъ, идокразъ и лава Везувія (1838). Работая же надъ окисями кобальта, онъ доказалъ, что то тѣло, которое химики принимали за перекись этого металла, есть не что иное, какъ двойное соединеніе закиси съ окисью кобальта (1832); затѣмъ указалъ способъ извлеченія теллура изъ колыванскаго теллуристаго серебра (1833) и подтвердилъ опытами интересный во многихъ отношеніяхъ фактъ, ускользавшій до него отъ вниманія химиковъ, хотя и замѣченный Гмелинымъ, что при окончательной перегонкѣ водной сѣрной кислоты образуется безводная сѣрная кислота (1832). Замѣчательное свойство губчатой платины способствовать соединенію водорода съ кислородомъ побудило Г. произвести цѣлый рядъ наблюденій надъ количествомъ водорода, сгущаемаго губчатой платиной, вслѣдствіе которыхъ онъ убѣдился, что количество это различно и зависитъ отъ степени раздѣленія металла, и что газы: амміакъ, углекислый, азотъ, хлористоводородный и углеродистый водородъ нисколько не сгущаются даже платиновою чернью, тогда какъ водородъ сгущается ею въ значительномъ количествѣ. Одновременно изслѣдуя плотность губчатой платины, получаемой черезъ прокаливаніе нашатырной платины, онъ нашелъ, что послѣдняя имѣетъ большій удѣльный вѣсъ. По этому поводу въ 1831 г. Г. издалъ свой трудъ «О свойствѣ платиновой черни способствовать соединенію водорода съ кислородомъ и объ удѣльномъ вѣсѣ платины». Имъ также былъ изслѣдованъ, въ теоретическомъ отношеніи, вопросъ о пользѣ употребленія нагрѣтаго воздуха при топкѣ заводскихъ печей (1836 г.). Затѣмъ онъ провѣрилъ и повторилъ опыты М. Кемпа надъ свойствами пламени, что повело его къ открытію цвѣта (зеленый) пламени кислорода, сжигаемаго въ атмосферѣ водорода (1838). Въ 30-хъ годахъ Гессъ произвелъ анализъ воды невской (1830 г.) и р. Са-

гиса (въ Закаспійскомъ краѣ) и газа священныхъ огней въ Баку (1836). Изъ числа трудовъ и работъ Гесса въ области органической химіи наиболѣе извѣстны: испытаніе дѣйствія ѣдкаго кали на алкоголь (1830) и тщательныя изслѣдованія образованія, химическихъ свойствъ и состава летучихъ маселъ, получаемыхъ при сухой перегонкѣ. Во время этихъ работъ онъ съ точностью ознакомилъ насъ съ составомъ нефти (1836 г.) и доказалъ существованіе полимерныхъ и исомерныхъ веществъ, имѣющихъ совершенно одинаковый составъ съ нефтью, но различныя точку кипѣнія и дѣйствіе на нихъ сгущенной сѣрной кислоты; эти дѣйствія повели Г. къ открытію двухъ родовъ жидкихъ двууглеродистыхъ водородныхъ составовъ, не измѣняющихся отъ дѣйствія сгущенной сѣрной кислоты и соединяющихся съ нею. Не менѣе важны его изслѣдованія различныхъ смолъ (1838), опредѣленіе состава бетулина (березовая камфора $C_{36}\ H_{60}\ O_3$), повѣрка опытовъ Генриха Розе надъ составомъ смолы элеми (1839). Вообще работы со смолами привели его къ заключенію, что всѣ онѣ имѣютъ одинаковое органическое начало, лишь въ различныхъ пропорціяхъ соединенное съ кислородомъ. Вслѣдствіе разложенія воска и работъ вообще надъ нимъ, Гессъ исправилъ невѣрную формулу этого тѣла и въ то же время доказалъ, что по составу своему онъ — вещество однородное, а не смѣсь двухъ органическихъ веществъ, какъ предполагали другіе химики (1838). Приготовленіе кочующими народами изъ молока охмѣляющаго напитка дало поводъ Гессу, несмотря на существовавшее мнѣніе о неспособности приходить въ броженіе заключающагося въ молокѣ сахара, изслѣдовать этотъ вопросъ и найти, что молоко дѣйствительно подвергается спиртовому броженію и что это броженіе — результатъ присутствія въ немъ сахара. Кислота неопредѣленнаго состава, остающаяся при дѣйствіи азотной кислоты на сахаръ и крахмалъ, обратила на себя особенное вниманіе Г. Дальнѣйшими своими изысканіями онъ доказалъ, что это не яблочная кислота, какъ предполагала большая часть химиковъ, и не винная, какъ это утверждалъ М. Эрдманъ, но кислота совершенно новая съ особенными свойствами, которую Г. и назвалъ *сахарной кислотой*, съ точностью опредѣливъ ея составъ и химическую формулу (1837). Этотъ вопросъ о сахарной кислотѣ вызвалъ горячую полемику съ ученикомъ знаменитаго Либиха — Тауловымъ, работавшимъ въ гиссенской лабораторіи, но работы другого германскаго химика, Гейнца, блестящимъ образомъ подтвердили открытіе Г. Наконецъ нельзя не упомянуть объ изобрѣтеніи Г. прибора для разложенія органическихъ тѣлъ (1838), уничтожающаго, въ опредѣленіи водорода, ошибки, замѣчавшіяся въ приборѣ Либиха. Послѣднія десять съ лишкомъ лѣтъ своей жизни (съ 1839 г.) Г. употребилъ на термохимическія изслѣдованія, благодаря которымъ сдѣлался основателемъ современной термохиміи. Онъ первый открылъ, что водная сѣрная кислота при постепенномъ соединеніи съ разными эквивалентами воды освобождаетъ различныя количества теплоты, и притомъ — въ возрастающихъ пропорціяхъ. Опредѣляя количество теплоты, освобождающееся при соединеніи различныхъ основаній съ кислотами, онъ замѣтилъ, что всѣ основанія при соединеніи съ одною и тою же кислотой отдѣляютъ всегда одно и то же количество ея. Затѣмъ Г. изслѣдовалъ вопросы о термонейтральности, о конституціи (группировкѣ элементовъ) сѣрно-кислыхъ солей вообще и сѣрно-кислаго кали въ особенности. Не менѣе извѣстны его работы о термохимической конституціи сѣрнокислаго цинка и о растореніи цинка въ кислотахъ. Какъ и при сѣрной кислотѣ, имъ было также опредѣлено количество теплоты, отдѣляющейся при соединеніи азотной кислоты съ разными эквивалентами воды. Получивъ сходные результаты, онъ старался опредѣлить цифру эквивалента теплоты, различныя количества котораго должны каждый разъ умножаться въ пропорціи, соотвѣтственной эквивалентамъ тѣлъ, употребляемыхъ для опыта. Вообще еще за два года до обнародованія работъ Джоуля и Майера (1842 г.), Г. въ своей статьѣ (въ 50 т. «Поггендорфовыхъ Анналъ»), высказалъ основное положеніе термохиміи, которое явилось не чѣмъ инымъ, какъ приложеніемъ за-

кона сохраненія энергіи къ разнымъ химическимъ явленіямъ. Такъ, въ своемъ трудѣ Г. писалъ, что «количество тепла, развивающагося при какомъ-либо химическомъ процессѣ, всегда одно и то же, протекаетъ ли данное химическое превращеніе сразу, или постепенно, черезъ нѣсколько стадій», другими словами, тепловой эффектъ всякаго химическаго процесса зависитъ только отъ начальнаго и конечнаго состоянія системы взаимодѣйствующихъ тѣлъ. При помощи такого основного принципа Гессъ далъ возможность вычислить тепловой эффектъ химическихъ явленій, недоступныхъ непосредственному измѣренію. Что же касается теплоты горѣнія сложныхъ тѣлъ, то Г. доказалъ, что она всегда меньше суммы теплотъ горѣнія его составныхъ частей и какъ разъ на то количество ея, которое было ранѣе выдѣлено при образованіи даннаго сложнаго тѣла. Въ 1841 г. онъ установилъ законъ термонейтральности, т.-е. отсутствія выдѣленія тепла при реакціяхъ соляного обмѣна. Онъ первый сталъ измѣрять *количество* тепла, а не одно лишь повышеніе температуры. Г. издалъ учебникъ «Основанія чистой химіи». Первая часть этого учебника появилась въ 1831 г., вторая съ чертежами — въ 1832 и 1833 гг. При жизни автора вышло 7 изданій книги. Сознавая недостаточность химическихъ теорій, Гессъ, въ своемъ учебникѣ, слѣдовалъ синтетическому способу, по которому непремѣнно должно вести ученика въ этой наукѣ. Какъ учебникъ, это была лучшая книга для того времени, тѣмъ болѣе что раньше имѣлись только рукописныя тетради, зачастую переписывающіяся съ ошибками и пр. Какъ ходъ изложенія, такъ и строгій порядокъ способствовали лучшему пониманію и усвоенію химическихъ законовъ. Къ числу научныхъ работъ Г. нужно отнести еще устройство спиртомѣра, примѣненнаго для хлѣбнаго спирта; этотъ приборъ по вѣрности указаній и удобству былъ утвержденъ правительствомъ для повсемѣстнаго употребленія при питейныхъ откупахъ.

Труды свои Гессъ печаталъ въ академическихъ изданіяхъ (Mémoires, Bulletin scientifique, Recueil des actes), Poggendorf's Annalen der Physik и др. Въ изданіяхъ Академіи Наукъ напечатаны слѣдующіе труды Гесса: а) по химіи: Sur la décomposition de l'alcool par la potasse. Lu le 25 août 1830 («Mém.», VI Sér., sc. math., phys. et nat., t. I, p. 469—473); Sur la propriété que possède le platine très divisé d'opérer la combinaison de l'oxygène avec l'hydrogène et sur la densité du platine. Lu le 23 mars 1831 (ib., p. 587—600); Découverte du brome dans les eaux-mères des salines de Staraia-Roussa (ib., «Bul. sc.», p. IV, 1831); Sur l'existence d'un oxyde cobaltoso-cobaltique. Lu le 27 juin 1832 (ib., t. II, p. 393—400); Sur la décomposition de l'hydrate de l'acide sulfurique par la chaleur. Lu le 21 déc. 1831 (ib., «Bull. sc.», № 3, p. I—II); Mémoire sur quelques produits pyrogénés. Lu le 16 oct. 1835 (ib., t. I (III), p. 295—312); 2-e Mémoire sur quelques produits pyrogénés. Lu le 8 juillet 1836. (ib., p. 387—400); 3-e Mémoire. Lu le 23 déc. 1837 (ib., p. 527—535); Sur les travaux de Jérémie-Benjamin Richter (Recueil des Actes, 1840, p. 51—73); Mémoire sur quelques produits pyrogénés. Premiére partie: Du naphte (extrait). Lu le 16 oct. 1835 («Bull. sc.», t. I, p. 4); Note sur quelques produits pyrogénés. Lue le 11 mars 1836 (ib., p. 14—15); Note sur le sucre de lait. Lue le 24 mars 1837 (ib., t. II, p. 126—128); Ueber die Zusammensetzung der Zuckersäure (Extrait). Lu le 3 novembre 1837 (ib., t. III, p. 49—52); Sur la composition de la cire d'abeilles. Lu le 9 févr. 1838 (ib., t. III, p. 337—343); Recherches sur la composition de quelques résines. Lu le 12 oct. 1838 (ib., t. IV, p. 322—328); Appareil pour l'analyse des substances organiques. Lu le 12 oct. 1838 (ib., t. IV, p. 372—374); Recherches sur la constitution de l'acide saccharique. Lu le 1 févr. 1839 (ib., t. V, p. 294—302); Note sur le dégagement du calorique en proportions multiples. Lue le 1 mars 1839 (ib., t. V, p. 302—303); Notice sur la composition de la résine d'Elemi. Lue le 29 nov. 1839 (ib., t. VI, p. 297—298); Recherches thermochimiques. Lu le 27 mars 1840 (ib., t. III, p. 257—272); Suite. Lue le 16 oct. 1840 (ib., t. VIII, p. 81—96); Suite. Lue le 30 avril 1841 (ib., t. IX, p. 13—

33); Suite. Lue le 21 janv. 1842 (ib., t. X, p. 161—181); Suite. Réponse aux observations de M. Graham sur la constitution des sulfates. Lue le 21 oct. 1842 («Bull. phys.-math.», t. I, p. 148—160); Méthode pour la détermination des quantités de chaleur dégagée, par voie humide. Lu le 13 déc. 1844 (ib., t. IV, p. 34—38); Note sur le traitement du minéral de platine. Lue le 22 janv. 1847 (ib., t. VI, p. 80); Гессъ, Бэръ, Ленцъ и Бонгардъ. Разборъ сочиненія г. проф. Гебеля: «Reise in die Steppen des südlichen Russlands», на нѣм. яз. (VII прис. Дем. нагр. 1838 г., стран. 89—111); Гессъ и Якоби. Note sur la préparation et l'emploi du gaz oxygène et hydrogène. Lue le 22 févr. 1839 («Bull. sc.», t. V, p. 193—194); Гессъ и Ю. Фритцше. Разборъ сочиненія г. проф. Клауса подъ заглавіемъ: «Химическое изслѣдованіе остатковъ платиновой руды и металла рутенія» (Казань, 1845), на нѣм. яз. (XV прис. Демид. нагр., стр. 85—92); б) по минералогіи, геологіи и геогностикѣ: Mémoire sur les sels communs du Gouvernement d'Irkoutsk. Lu à l'Acad. le 6 mai 1829 («Mém.», VI sér. Sc. math. phys. et nat., t. I, p. 11—24); Analyse de l'eau de la Néva. Lu le 27 janv. 1830 (ib., t. I, p. 195—199); L'Ouvarovite, nouveau minéral. Lu le 29 févr. 1832 (ib., t. II, «Bull. sc.», № 3, p. II et III); Sur le traitement métallurgique de l'argent tellure de Kolyvan. Lu le 24 mai 1833 (ib., t. II, «Bull. sc.», № 6, p. I—III); L'hydroboracite, nouvelle espèce minérale. Lu le 14 juin 1833 (ib., t. II, p. 673—676); Composition du gaz des feux (sacrés) de Bacou. Lu le 28 oct. 1836 («Bull. sc.», t. I, p. 166—167); Note sur la composition de la Vésuvienne. Lue le 23 févr. 1838 (ib., t. III, p. 372—373); Note sur le traitement du minéral de platine. Lue le 22 janv. 1847 («Bull. phys.-math.», t. VI, p. 80); Aperçu géognostique des contrées situées au-delà du lac Baïkal (Recueil des Actes 1829, p. 9—16); Analyse de la Vörthite, nouvelle espèce minérale (ib., 1830, p. 57—64); в) по физикѣ: Note sur la nature de la flamme. Lue le 23 févr. 1838 («Bull. sc.», t. III, p. 373—374); Rapport sur une découverte récente de M. Nervander concernant la météorologie. Lu le 5 avr. 1844, совмѣстно съ Е. Ленцемъ («Bull. phys.-math.», t. III, p. 30—32); Note sur la chaleur de fusion de la glace, et sa capicité pour la chaleur. Lue le 14 janv. 1848, présentée pour la seconde fois, le 20 sept. 1850 («Bull. phys.-math.», t. IX, p. 81—85; — «Mél. phys. et chim.», t. I, p. 220—225); г) по технологіи: Note sur l'emploi de l'air chaud pour alimenter les hauts-fournaux. Lue le 15 avril 1836 («Bull. sc.», t. I, p. 35—37).

Въ «Горномъ Журналѣ» напечатаны статьи: «Геогностическія наблюденія, произведенныя во время путешествія изъ Иркутска чрезъ Нерчинскъ въ Кяхту» (1828 г., III); «О возгонѣ кремнезема» (1831 г., I); «О нефти» (1836 г., II); «О плавкѣ въ Алтайскихъ заводахъ» (1838 г., I).

Отдѣльно изданы, кромѣ вышеупомянутыхъ трудовъ: Краткое описаніе способовъ освѣщенія газомъ. С.-Пб. 1835; Правила употребленія спиртомѣровъ по системѣ Траллеса. С.-Пб. 1843; Учетъ спиртовъ, изданный по порученію м-ва финансовъ. С.-Пб. 1847.

А. Лоранскій, «Историч. очеркъ Горн. Инст.», С.-Пб. 1873 г., стр. 92—93; Ал. Платоновъ и Л. Кирпичевъ, «Историч. очеркъ образов. и разв. Артил. Училища», С.-Пб. 1870 г., гл. 5; «Отчетъ И. Ак. Наукъ по I и II отд. за 1850 г.»; «Горный Журналъ» 1851 г., ч. 1 и 2, № 2, стр. 228—240; «Recueil des Actes de l'Académie» 1829 г., p. 3; 1830 г., p. 19, 1834 г., p. 9; «Innland» 1850 г., стр. 816; «Другъ Здравія», 1851 г., №№ 26 и 27; Менделѣевъ, «Основы химіи». С.-Пб. 1902 г., стр. 123; «Tableau Général des matières contenues dans les publications de l'Académie impériale des sciences». С.-Пб. 1872 г., ч. I, стр. 163—164 и 182; «Сынъ Отечества» 1831 г., т. CXLVI, № 51, отд. IV, стр. 433, 1832 г., CXLVIII, № 9, отд. 3, стр. 98—114, и ч. CL, № 25, отд. IV, стр. 306—311; «Сѣв. Пчела», 1831 г., № 286, 1833 г., № 115; «Отечеств. Записки» 1840 г., № 8, т. XI, отд. VI, стр. 50; «Педагогич. Журн.» 1833 г., ч. I, отд. III, стр. 306—309; Брокгаузъ-Ефронъ, «Энциклопед. Словарь», XVI (ст. В. Яковлева), LV, 756, 780; «Compte rendu de l'Acad. des sciences», 1850, p. 13—24 (біографія Г.). Геннади, «Справочный словарь русскихъ писателей»; «Журн. Мин. Нар. Пр.», ч. 70 (біографія Г.), «Рус. Старина» 1904 г., іюнь, 571, 582; «Петербургскій Некрополь», I, 591; Указатель къ «Горному Журналу».

А. Ельницкій.

Гессъ, *Павелъ Семеновичъ*, профессоръ архитектуры въ Казанскомъ университетѣ, родился въ 1817 г. По окончаніи курса въ Академіи Художествъ,

назначенъ 3 декабря 1840 г. архитекторомъ Нижегородской казенной палаты. 10 декабря 1845 г. перемѣщенъ на должность архитектора Казанскаго учебнаго округа, 27 апрѣля 1846 г. назначенъ членомъ строительнаго комитета при Казанскомъ университетѣ, а 26 іюня 1852 г. ему поручено было кромѣ того преподаваніе въ университетѣ архитектуры и отправленіе обязанностей университетскаго архитектора. 7 сентября 1853 г. онъ утвержденъ и. д. экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ архитектуры (упразднена въ 1863 году). Умеръ 9 марта 1863 г. Погребенъ на Арскомъ кладбищѣ въ Казани.

Н. П. Загоскинъ, «Біограф. словарь профессоровъ и преподавателей Имп. Казанскаго университета», стр. 299; Н. Агафоновъ, «Казань и казанцы», вып. 1 («Казанскій некрополь», 66).

Гессъ де Кальве (Hess de Calve), *Густавъ (-Адольфъ) Густавовичъ*, музыкантъ и минералогъ, по происхожденію иностранецъ изъ Австро-Венгріи, католикъ, родился въ 1784 г. въ Пештѣ, но уже въ 1788 г. родители его переселились въ Прагу, такъ какъ отецъ его получилъ мѣсто главноуправляющаго имѣніями эрцгерцога Фердинанда, великаго герцога Вюрцбургскаго. Получивъ предварительное образованіе въ низшей школѣ и гимназіи, онъ въ 1798 г. поступилъ въ Пражскій университетъ, гдѣ слушалъ лекціи по логикѣ, математикѣ, естественной исторіи, всеобщей исторіи, филологіи и теоретической физикѣ. Въ 1799 г. по случаю войны съ Франціей Г. де К. попалъ въ ополченіе и участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, командуя отрядомъ студентовъ Пражскаго университета. Въ 1801—1803 гг. онъ слушалъ въ томъ же университетѣ метафизику, этику, прикладную математику и юриспруденцію. Когда дядя его Людовикъ Гессъ де Кальве получилъ служебное порученіе въ Венеціи, Г. поѣхалъ съ нимъ, посѣщалъ лекціи по медицинѣ въ Павійскомъ университетѣ и путешествовалъ по Италіи. Въ 1805 г. онъ поступилъ на военную службу офицеромъ въ гусарскій полкъ и участвовалъ въ Аустерлицскомъ сраженіи, а по заключеніи мира въ теченіе 2 лѣтъ былъ домашнимъ учителемъ въ домѣ Сечени въ Венгріи. Затѣмъ ѣздилъ въ качествѣ музыканта по Венгріи, Моравіи, Саксоніи и Польшѣ и давалъ концерты въ Пештѣ, Львовѣ, Краковѣ, Варшавѣ. Когда снова началась война съ Франціей, Г. вернулся въ ряды арміи и въ одномъ изъ сраженій былъ раненъ, а по окончаніи ея перешелъ изъ австрійской арміи въ русскую и находился въ Молдавіи до 1810 г. Женившись на Серафимѣ Ильиничнѣ Мечниковой, онъ короткое время жилъ въ Херсонской губ., а потомъ въ Купянскомъ уѣздѣ Харьковской губ., въ своемъ имѣніи, и въ Харьковѣ. Въ 1812 г. Г. выдержалъ на этико-политическомъ факультетѣ Харьковскаго университета экзаменъ на степень доктора философіи, прочелъ три пробныя лекціи на латинскомъ языкѣ и защитилъ диссертацію: «Dissertatio inauguralis de genuino philosophiae charactere» (Charcoviae, 1812). Въ этой диссертаціи онъ между прочимъ выставилъ слѣдующія философскія положенія: Кантовская дедукція категорій ошибочна, теоретическій и практическій разумъ самъ по себѣ одинъ и тотъ же, существованіе Бога не только составляетъ постулатъ практическаго разума, но можетъ быть съ очевидностью доказано и теоретическимъ разумомъ, свобода человѣческаго разума достовѣрна, также достовѣрно и безсмертіе души; высшая цѣль гражданскаго общества—гармонія права и силы. Въ теченіе полутора года по защитѣ диссертаціи Г. не получалъ докторскаго диплома за непредставленіемъ документовъ о происхожденіи, но тѣмъ не менѣе сшилъ себѣ мундиръ 8-го класса и выступилъ въ немъ въ качествѣ капельмейстера на благотворительномъ концертѣ. Объ этомъ было доведено до свѣдѣнія министра, и послѣдовало запрещеніе ему носить мундиръ и именоваться докторомъ философіи. Только по представленіи имъ свидѣтельства отъ сосѣдей по имѣнію о честной и благородной жизни его, въ апрѣлѣ 1815 г. министръ разрѣшилъ выдать ему дипломъ. 17 октября 1815 г. онъ былъ выбранъ въ члены Филотехническаго общества. Въ 1816 г. Г. обратился къ попечителю Харьковскаго учебнаго округа съ просьбой объ опредѣле-

ніи его въ университетъ профессоромъ латинскаго языка. Совѣтъ университета не счелъ возможнымъ удовлетворить его желаніе, такъ какъ Г. де К. держалъ экзаменъ по латинскому языку въ качествѣ вспомогательнаго предмета, плохо читалъ пробныя лекціи и на плохой латыни написалъ свое прошеніе. Потерпѣвъ неудачу съ университетомъ, онъ поступилъ на службу по департаменту горныхъ и соляныхъ дѣлъ, директоромъ котораго былъ его свойственникъ Евграфъ Ильичъ Мечниковъ, и сначала въ званіи оберъ-гитенфервальтера 8 кл. занималъ должность старшаго члена правленія Луганскаго литейнаго завода (1817—1822), а затѣмъ въ званіи оберъ-бергмейстера 7 кл.—должность горнаго начальника того же завода (1822—1827). Съ 1824 г. Г. де К. имѣлъ орденъ св. Владиміра 4 ст. Въ 1828 г. онъ уже больше не числится на службѣ на Луганскомъ заводѣ. Годъ смерти его неизвѣстенъ. Въ 1818 г. Г. де К. издалъ въ Харьковѣ книгу, написанную имъ на нѣмецкомъ языкѣ и переведенную на русскій языкъ Разумникомъ Гонорскимъ, въ 2 частяхъ, подъ заглавіемъ: «Теорія музыки, или разсужденіе о семъ искусствѣ, заключающее въ себѣ исторію, цѣль, дѣйствіе музыки, генералъ-басъ, правила сочиненія (композиціи), описаніе инструментовъ, разные роды музыки и все, что относится къ ней въ подробности. Сочинено въ Россіи и для русскихъ». Сочиненіе это посвящено Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, которой еще раньше былъ поднесенъ манускриптъ. Въ немъ заслуживаютъ вниманія указанія автора на помѣщичьи оркестры того времени и на современныхъ ему музыкантовъ въ Россіи. Въ общемъ трудъ Г. де К. представляетъ первую попытку въ Россіи написать сочиненіе по данному предмету; оно, по мнѣнію проф. Д. И. Багалѣя, можетъ быть не особенно самостоятельно, но содержательно и для своего времени было полезно. Отрывки изъ него были напечатаны въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» 1816 г. (№№ 1 и 2) и 1817 г. (№ 8). Извѣстны еще слѣдующія статьи Г. де К.: въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» о шуточномъ и смѣшномъ, о Г. С. Сковородѣ (1817 г. № 4) и «О чиханіи, или о причинахъ желанія при семъ здоровья», отрывокъ изъ его неизданнаго сочиненія: «О суевѣріи» (1818 г. №№ 8 и 12), въ журналѣ «Соревнователь. Труды Вольнаго общества любителей россійской словесности» (1820 г., ч. X): «Опытъ историческаго изслѣдованія объ образованіи человѣческихъ способностей, въ особенности по части минералогіи», въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1825 г., ч. 22): «Нѣсколько словъ о древнихъ рудникахъ въ Сибири» и «Объ открытіи новыхъ минеральныхъ источниковъ на Кавказѣ». Изъ музыкальныхъ произведеній его извѣстенъ концертъ для 2 фортепіано съ оркестромъ, исполнявшійся при его участіи въ 1812 г. на благотворительномъ концертѣ.

Д. И. Багалѣй, «Опытъ исторіи Харьковскаго университета», т. I и II; Риманъ, «Музыкальный Словарь»; Брокгаузъ-Ефронъ, «Новый Энциклопед. Словарь», т. XIII; Адресъ-Календари 1818—1828 гг.; «Сборникъ Архива Собств. Е. И. В. канцеляріи», т. II; «Отечеств. Записки» 1830 г., ч. 41, стр. 177, 178.

Н. Чулковъ.

Гести *(Гесте)*, *Василій Ивановичъ* (William Hastie), архитекторъ-инженеръ, родился около 1763 г., прибылъ въ Россію около 1782—1783 гг. изъ Шотландіи и первое время служилъ въ южной полосѣ Россіи, гдѣ построилъ нѣсколько церквей и значительное число каменныхъ зданій. Онъ занималъ мѣсто Таврическаго губернскаго архитектора, и въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной библіотеки хранятся планы и фасады бывшаго ханскаго дворца 1798 г., составленные имъ въ виду ходатайства губернатора о ремонтѣ дворца; онъ составилъ также чертежи многихъ построекъ крымскихъ городовъ. Около 1801 г. познакомился съ К. К. Гаскойномъ и отъ него пріобрѣлъ познанія въ литейномъ дѣлѣ. Съ 1802 г. до половины 1805 г. строилъ Ижорскій заводъ, а въ концѣ 1808 г. находился при графѣ Н. П. Румянцовѣ. Въ это время у него созрѣла мысль о сооруженіи постоянныхъ мостовъ изъ чугунныхъ ящиковъ. По сдѣланной имъ модели, Александръ I поручилъ ему построить первый такой мостъ черезъ Мойку на Невскомъ проспектѣ, называемый Полицейскимъ или Зеле-

нымъ. По той же системѣ построены были затѣмъ мосты Красный и Поцѣлуевъ черезъ Мойку и мосты черезъ Введенскій каналъ у Обуховской больницы и у Старой Московской заставы. Въ 1817—1818 гг. отлитъ былъ въ Петрозаводскѣ по той же системѣ, но съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, Синій мостъ и сложенъ подъ наблюденіемъ Г. По его же чертежамъ сооружены были еще 2 моста: Конюшенный у Мошкова переулка и Трехколѣнный у Круглаго Рынка. Послѣдніе годы своей жизни Г. служилъ городовымъ архитекторомъ въ Царскомъ Селѣ. Между прочимъ здѣсь онъ построилъ домъ полицейскаго управленія. Ему было поручено составленіе и изданіе фасадовъ строеній для губернскихъ и уѣздныхъ городовъ. Умеръ 4 іюня 1832 г. 69 лѣтъ, погребенъ на Казанскомъ иновѣрческомъ кладбищѣ въ Царскомъ Селѣ.

«Справочный Энциклопедическій Словарь», подъ ред. Старчевскаго, т. III; «Петербургскій Некрополь», т. I; «Старые годы» 1908 г., № 9, стр. 569, 1912 г., № 4, стр. 20, 24, 32 (В. Гернгроссъ, «Ханскій дворецъ въ Бахчисараѣ)».

Н. Чулковъ.

Геттунъ, *Василій Никифоровичъ*, дѣйств. стат. совѣтникъ, родился въ Малороссіи, въ с. Лобкахъ Погарскаго повѣта 29 декабря 1771 г. Отецъ его, Никифоръ Ивановичъ († 1800 г.), чиновникъ XIV кл., имѣлъ 12 душъ крестьянъ и небольшое хозяйство. Мать его Васса Степановна была урожденная Копасева. На шестомъ году мальчика отдали мѣстному церковному дьячку учиться русской грамотѣ, а затѣмъ дьячку церкви с. Суходолья. Въ 1781 г. онъ былъ отданъ въ мѣстный пансіонъ Барлуя. Въ это время представилась возможность отдать его въ Петербургскій кадетскій корпусъ, но этому воспротивились мать и бабка, и онъ былъ записанъ отцомъ по гражданской части, сперва въ Погарскій нижній земскій судъ, а затѣмъ въ 1788 г. въ мѣстный уѣздный судъ. Въ 1789 г. Г. произведенъ въ губернскіе регистраторы и вскорѣ занялъ должность штатнаго подканцеляриста въ Новгородъ-Сѣверскомъ губернскомъ правленіи. Въ 1792 г. онъ перешелъ на службу въ канцелярію прокурорскихъ дѣлъ на открывшуюся тамъ вакансію съ бо́льшимъ окладомъ. По настоянію Г. отецъ его, пользуясь расположеніемъ къ себѣ губернатора графа Я. В. Завадовскаго, просилъ о назначеніи сына въ Погарскій уѣздный судъ секретаремъ, на что и былъ полученъ указъ Сената въ 1793 г. Здѣсь пришлось Г. познакомиться съ чиновничьими дрязгами, такъ какъ не прошло и трехъ лѣтъ, какъ онъ вернулся начальникомъ надъ тѣми, у кого самъ былъ въ подчиненіи. И только послѣ выхода нѣкоторыхъ чиновниковъ въ отставку или перевода ихъ въ другія учрежденія, Г. сформировалъ канцелярію по своему усмотрѣнію, ибо судьи не мѣшались въ эту часть и безусловно ему довѣряли. Со вступленіемъ на престолъ Павла I Погарскій уѣздъ былъ упраздненъ, и Г. остался безъ мѣста. 10 іюня 1797 г. Г. отправился въ Петербургъ и, прибывъ туда 3 іюля, сначала принялся за веденіе частныхъ дѣлъ, а потомъ, заручившись рекомендательнымъ письмомъ отъ гр. Г. Г. Кушелева къ гр. Палену, бывшему въ то время С.-Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, поступилъ въ 1800 г. къ нему въ канцелярію на вакантную должность адъютанта отъ полиціи и въ томъ же году былъ произведенъ изъ городовыхъ секретарей въ титулярные совѣтники. Въ 1801 г. онъ былъ назначенъ секретаремъ канцеляріи по гражданской части. Пользуясь репутаціей хорошаго и дѣльнаго чиновника, Г. по болѣзни правителя канцеляріи замѣщалъ его должность. Въ 1802 г. онъ въ качествѣ секретаря военнаго губернатора былъ командированъ управлять канцеляріей гр. Комаровскаго, помощника военнаго губернатора, а затѣмъ переведенъ на службу къ оберъ-полицеймейстеру генералъ-маіору Ѳ. Ѳ. Эртелю въ качествѣ правителя канцеляріи, потомъ служилъ подъ начальствомъ военныхъ губернаторовъ фельдмаршала гр. Каменскаго, барона Будберга, гр. Толстого, Вязмитинова и кн. Лобанова-Ростовскаго и быстро дослужился до чина коллежскаго совѣтника, но, не ужившись съ кн. Лобановымъ, подалъ прошеніе объ отставкѣ.

Въ 1808 г. Г. занялъ мѣсто секретаря по общему присутствію департамента

удѣловъ, а оттуда черезъ годъ перешелъ на службу директоромъ канцеляріи принца Георга Ольденбургскаго въ Тверь. При опредѣленіи на мѣсто принцъ представилъ его къ производству въ статскіе совѣтники, но въ это время вышелъ указъ объ экзаменахъ и вмѣсто чина Г. получилъ орденъ св. Анны 2 кл. Изъ Твери Г. снова вернулся въ С.-Петербургъ, занявъ мѣсто начальника канцеляріи при министрѣ полиціи Балашовѣ и спустя 2—3 мѣсяца сталъ завѣдывать секретными дѣлами, затѣмъ былъ назначенъ начальникомъ отдѣленія. Въ это время онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. Весной 1815 г. Г. былъ командированъ, по личной его просьбѣ, въ Орловскую и Курскую губерніи разслѣдовать дѣла объ отравленіи крестьянами помѣщика Милюкова сына его и объ убійствѣ дворянки Алтуховой, по возвращеніи откуда, благодаря протекціи вел. кн. Екатерины Павловны, былъ представленъ къ наградѣ и по Высочайшему повелѣнію былъ зачисленъ первымъ кандидатомъ на должность оберъ-прокурора въ Сенатъ, но по неизвѣстнымъ причинамъ не получилъ этой должности и былъ назначенъ въ 1816 г. вице-директоромъ Провіантскаго департамента Военнаго Министерства. Въ 1818 г. Г. былъ произведенъ въ дѣйств. стат. совѣтники и занялъ мѣсто правителя канцеляріи при С.-Петербургскомъ военномъ губернаторѣ Милорадовичѣ, по ходатайству котораго былъ награжденъ въ 1821 году орденомъ св. Владиміра 3-й ст. По свидѣтельству Ѳ. Н. Глинки, служившаго тоже при Милорадовичѣ, Г. былъ въ полной довѣренности у послѣдняго и злоупотреблялъ его именемъ; городской голова Жуковъ позволялъ себѣ различныя злоупотребленія и оставался безнаказаннымъ, такъ какъ платилъ Г. ежегодно 25000 р.

За неправильное производство разслѣдованія по дѣлу объ убійствѣ Алтуховой, порученное Г. еще въ 1815 г. (онъ проявилъ здѣсь свое корыстолюбіе и оказывалъ покровительство убійцѣ Ширкову), Г. былъ въ 1822 г. отрѣшенъ отъ должности безъ права поступленія куда-либо, съ запрещеніемъ жить въ обѣихъ столицахъ. Въ 1833 г. онъ жилъ въ деревнѣ Волынкиной близъ Петербурга и оттягивалъ свой отъѣздъ то по болѣзни, то по дѣламъ. Графъ Бенкендорфъ подалъ о немъ всеподданнѣйшій докладъ, по коему послѣдовало Высочайшее повелѣніе, что Г. «можетъ остаться въ деревнѣ Волынкиной, но пріѣзда ему въ Петербургъ не позволять». Умеръ онъ въ 1848 г. загадочной смертью: живя въ Волынкиной деревнѣ, Г. однажды утромъ отправился пѣшкомъ въ Петербургъ, что дѣлалъ почти ежедневно, но болѣе уже не возвращался домой; никакіе розыски родныхъ и полиціи ни къ чему не привели. Г. оставилъ «Записки, собственно для моихъ дѣтей», которыя не только интересны какъ изображеніе чиновнаго міра, со всѣми дрязгами и сплетнями, но и занимательны по многимъ подробностямъ, которыя характеризуютъ такихъ видныхъ дѣятелей того времени, какъ гр. Каменскій, гр. Толстой, гр. Паленъ. Записки обрываются на 1815 годѣ; еще при жизни автора пожаръ истребилъ всѣ его бумаги. Онѣ были напечатаны въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1880 г. (№№ 1—3) при посредствѣ проф. К. Н Бестужева-Рюмина, получившаго ихъ отъ сына автора, инженеръ-подполковника Ѳ. В. Геттуна.

«Историч. Вѣстн.» 1880 г., т. I; «Рус. Арх.» 1899 г., т. I, стр. 97; Сенатскій указъ I отд. 5 Департ. 12 сент. 1827 г., № 1869; «Рус. Стар. 1888 г., т. III, 414, 1892 г., т. IV, 451, 452, 1899 г., т. II, 66, 490, 1904 г., мартъ, 512.

А. Ельницкій.

Геттэ (Guettée) *Рене-Франсуа*, въ православіи *Владиміръ*, докторъ богословія, сначала католическій, а потомъ православный священникъ, родился въ Блуа 1 декабря н. с. 1816 г., умеръ въ Люксембургѣ 8/20 марта 1892 г., погребенъ въ Парижѣ на Батиньольскомъ кладбищѣ. Лишившись матери, отданъ былъ на воспитаніе къ о. Леону Гарапену, у котораго пробылъ 2 года, затѣмъ 4 года учился въ малой семинаріи и 3 года въ большой, гдѣ изучалъ философію и богословскія науки. Своимъ развитіемъ и любовью къ серьезнымъ занятіямъ обязанъ былъ исключительно себѣ. Передъ окончаніемъ курса едва не былъ увлеченъ въ орденъ іезуитовъ. Окончивъ семинарію въ 1839 г., былъ посвященъ въ священники и нѣсколько лѣтъ священство-

валъ въ бѣдныхъ приходахъ Блуаской епархіи: Сентъ-Эньянъ-сюръ-Шеръ, Монришаръ и Сенъ-Дени-сюръ-Луаръ. Подъ вліяніемъ своего покровителя викарія, позднѣе епископа, Фабра, началъ въ 1847 г. изданіе своего многотомнаго труда «Histoire de l'Eglise de France» (1847—1857). Послѣ революціи 1848 г. нѣкоторое время состоялъ редакторомъ мѣстнаго республиканскаго органа «Républicain de Loire et Cher», а затѣмъ перешелъ въ Парижъ, гдѣ въ теченіе перваго года занимался преподаваніемъ классическихъ языковъ въ одной изъ школъ. Завѣтнымъ его желаніемъ было стать профессоромъ. Однако черезъ годъ онъ былъ назначенъ капелланомъ въ одинъ изъ госпиталей, а потомъ былъ переведенъ въ другой. Архіепископъ парижскій Сибуръ сначала покровительствовалъ Г., но затѣмъ подъ давленіемъ изъ Рима перемѣнилъ свое отношеніе къ нему. Декретомъ 22 января 1852 г. седьмой томъ его «Исторіи французской церкви» былъ осужденъ и внесенъ въ Индексъ запрещенныхъ книгъ. Его обвиняли въ янсенизмѣ и приверженности къ галликанству. Въ 1857 году архіепископъ запретилъ Г. совершать богослуженіе въ Парижской епархіи подъ предлогомъ, что онъ принадлежитъ къ епархіи Блуаской. Впослѣдствіи, когда Сибуръ былъ убитъ, враги Г. пытались замѣшать его въ дѣло объ убійствѣ архіепископа. Подъ вліяніемъ осужденія, постигшаго его трудъ, и возникшей по поводу его полемики Г. сталъ еще усиленнѣе заниматься изученіемъ церковно-историческихъ вопросовъ и пришелъ къ убѣжденію, что всѣ тексты, цитируемые въ пользу папской власти, ложны или извращены. Въ своемъ журналѣ «Observateur catholique» онъ доказывалъ, что институтъ папской власти возникъ только въ IX вѣкѣ и не имѣетъ никакого божественнаго основанія. Одновременно Г. убѣждался въ истинности православія. Впослѣдствіи онъ утверждалъ, что «римскому католику, чтобы сдѣлаться православнымъ, предлежитъ лишь отвергнуть главенство папы и прившедшіе черезъ то ложные догматы». Черезъ посредство С. П. Сушкова Г. познакомился съ протоіереемъ І. Васильевымъ, который, по словамъ Г., нашелъ всѣ сужденія его настолько православными, какъ будто онъ учился въ Московской духовной академіи. Г. подалъ пріѣхавшему въ Парижъ на освященіе русской церкви епископу Леонтію прошеніе о присоединеніи къ православію и въ 1862 г. былъ присоединенъ съ оставленіемъ въ санѣ священника. Вмѣстѣ съ прот. Васильевымъ онъ сталъ издавать православный журналъ «Union chrétienne», и изданіе это продолжалъ до самой своей смерти. Здѣсь онъ въ продолженіе 30 лѣтъ велъ полемику съ католическими богословами. Въ своихъ «Воспоминаніяхъ» Г. называетъ «L'Union chrétienne» своимъ трудомъ и говоритъ, что статьи издателя журнала о. Васильева, даже его извѣстныя письма къ нантскому епископу Жакмэ, только подписаны Васильевымъ, а въ дѣйствительности написаны имъ. Противъ такого утвержденія Г. возсталъ третій главный дѣятель журнала, С. П. Сушковъ, хотя онъ и не отрицаетъ, что изящество и легкость языка статей «L'Union chrétienne», по крайней мѣрѣ въ первые годы извѣстности журнала, должны быть поставлены въ заслугу Г., правившаго всѣ статьи журнала и сообщавшаго имъ литературность изложенія. Въ 1875 г. Г. принялъ русское подданство и передъ смертью завѣщалъ свои останки похоронить въ Россіи.

Кромѣ вышеупомянутой многотомной исторіи французской церкви можно отмѣтить еще слѣдующіе труды Г.: 1) Essai bibliographique sur les Bossuétines de M. Poujoulat (1854); 2) Jansénisme et jésuitisme (Paris 1857); 3) Histoire des jésuites (ib. 1858—1859), 3 тома; 4) La Papauté temporelle, condamnée par le pape Saint-Grégoire le Grand (1861); 5) La Papauté schismatique ou Rome dans ses rapports avec l'Eglise orientale (ib. 1863); за это и др. сочиненія получилъ отъ Московской духовной академіи почетную степень доктора богословія; 6) Lettres au Père Gagarin touchant l'église catholique orthodoxe et l'église Romaine (Ib. 1863); 7) Réfutation de la prétendue Vie de Jésus de M. Renan (1863—1864), переведено на русскій языкъ (С.-Пб. 1864 и Москва 1889); 8) De l'encyclique du 8 décembre 1864 (1865, безъ имени автора); 9) Expo-

sition de la doctrine de l'Église orthodoxe et des autres Eglises chrétiennes (1868), имѣвшее цѣлью дать краткое и точное руководство по вопросамъ вѣры для лицъ, не спеціалистовъ въ богословіи, и посвященное императрицѣ Маріи Александровнѣ, переведено на языки всѣхъ православныхъ церквей и на англійскій; на русскомъ языкѣ два перевода (Казань 1869 и С.-Пб. 1869); 10) Histoire de l'Église depuis la naissance de J. Ch. jusqu'à nos jours (Paris 1870—1892), трудъ, не доведенный до конца; въ немъ авторъ имѣлъ въ виду изложить исторію христіанства по первоначальнымъ источникамъ и показать, что римскій католицизмъ построенъ на заблужденіяхъ и на ложныхъ основаніяхъ и что истина сохранилась только въ православіи; начало его переведено на русскій языкъ: «Исторія христ. церкви отъ Р. Хр. до нашихъ дней» (С.-Пб. 1872—75), 3 тома; 11) La Papauté hérétique (Paris 1874); 12) Souvenirs d'un prêtre romain devenu prêtre orthodoxe (ib. 1889), русскій переводъ напечатанъ въ журналѣ «Вѣра и Разумъ» за 1890—92 гг. Въ томъ же журналѣ за 1887 г. (№№ 11 и 15) напечатана его полемика съ католическими журналами по поводу приписываемыхъ В. С. Соловьеву вопросовъ о взаимныхъ отношеніяхъ церквей восточной и западной.

«Богослов. Энциклопедія», IV, 357—359.—Брокгаузъ-Ефронъ, «Энцикл. Словарь», XVI, и «Нов. Энцикл. Словарь», XIII.—Larousse, «Grand dictionnaire», t. VIII.—«Wielka Encyklopedya powszechna illustrowana», XXV.—Венгеровъ, «Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ», т. IV, 160—«Новости» 1892 г., № 84.—«Русскій Некрополь въ чужихъ краяхъ», вып. 1 (день смерти—10 марта).

Н. Чулковъ.

Гецель, *Вильгельмъ-Фридрихъ* (Johann Wilhelm Friedrich Hezel), докторъ философіи, профессоръ экзегетики и восточныхъ языковъ въ Дерптскомъ университетѣ, родился въ Кенигсбергѣ 16 мая н. с. 1734 г. Сынъ кенигсбергскаго пастора, онъ 18 лѣтъ поступилъ въ Іенскій университетъ, гдѣ посвятилъ себя изученію богословія и восточныхъ языковъ. Выдающіяся лингвистическія способности Г. скоро обратили на него вниманіе, и въ 1775 г. онъ уже получилъ, безъ экзамена, степень доктора философіи, послѣ чего пробылъ три года приватъ-доцентомъ въ Іенѣ. За это время герцогъ Саксенъ-Гильдбургаузенскій пожаловалъ ему званіе придворнаго саксенъ-герцогскаго совѣтника. Въ 1778 г. Г. женился и поселился въ Ильменау, откуда была родомъ его жена, съ тѣмъ, чтобы посвятить себя литературнымъ занятіямъ. Къ свадьбѣ князь Шварцбургъ-Рудольштадтскій пожаловалъ ему званіе императорскаго гофъ- и пфальцграфа. Въ 1786 г. Г. получилъ приглашеніе занять каѳедру восточной и библейской литературы въ Гиссенѣ. Въ 1788 г. Г. былъ пожалованъ званіемъ тайнаго государственнаго совѣтника, а въ 1793 г. назначенъ дефиниторомъ при Гиссенской консисторіи. Въ 1801 г., когда былъ основанъ Дерптскій университетъ Г. былъ приглашенъ туда профессоромъ экзегетики и восточныхъ языковъ; на должности этой Г. оставался въ теченіе 11 лѣтъ; послѣднія же семь лѣтъ своего пребыванія въ Дерптскомъ университетѣ онъ занималъ только каѳедру восточныхъ языковъ, такъ какъ въ сдѣланномъ имъ переводѣ Новаго Завѣта съ примѣчаніями кн. А. Н. Голицынъ отмѣтилъ, что «произвольно перемѣнены нѣкоторыя мѣста... и даже нѣкоторые догматы вѣры отвергнуты». Министерство Народнаго Просвѣщенія въ виду этого ограничило его дѣятельность преподаваніемъ восточныхъ языковъ (12 декабря 1813 г.). Въ концѣ 1819 г. Г. подалъ прошеніе объ отставкѣ и получилъ ее въ январѣ 1820 г. Умеръ Г. 12 іюня 1824 г. въ Дерптѣ въ собственномъ домѣ на Домбергѣ, на углу его именемъ названной улицы. Отличаясь большими техническими способностями, Г. изобрѣлъ въ Дерптѣ машину для утрамбовки земли; модель ея онъ поднесъ Александру I и былъ награжденъ брилліантовымъ перстнемъ. Г. явился благодаря этой машинѣ иниціаторомъ глинобитныхъ построекъ. Вопросы техники и сельскаго хозяйства затронуты также и въ нѣкоторыхъ изъ его сочиненій. Г. былъ почетнымъ членомъ Латинскаго общества въ Іенѣ, Литературнаго общества въ Майнцѣ, Академіи полезныхъ наукъ въ Эрфуртѣ и Нѣмецкаго лингвистическаго общества въ Берлинѣ. Въ богословіи Г. принадлежалъ къ раціоналистическому

направленію. Спеціальностью его была грамматика. Грамматическіе труды его представляютъ компиляціи, за исключеніемъ еврейской грамматики, въ которой онъ пытался примѣнить принципъ голландской школы. Полный списокъ сочиненій Г. находится въ «Біографическомъ словарѣ профессоровъ Юрьевскаго университета», здѣсь же приводятся только главный трудъ его и напечатанныя въ Россіи произведенія:

Die Bibel Alten und Neuen Testaments mit vollständigen erklärenden Anmerkungen. 1. Th. (die 5 Bücher Moses). Lemgo 1780. 2. Aufl. verb. das 1786. — 2. Theil (B. Josua bis B. d. Kön.) das. 1781. 2. Aufl. verb. das. 1788. 8°.—3 Th. (B. der Chronik bis B. Hiob) das. 1782. 2. Aufl. verb. (nebst einer neuen Uebersetzung des Buch Hiob) das. 1790. 8°.— 4 Th. (die Psalmen) das. 1783. — 5. Th. (die Sprüche, der Prediger und das hohe Lied Salomonis und der Prophet Jesaias) das. 1784. 2. Aufl. verb. das. 1791. 8°.— 6. Th. (neue Uebers. des Propheten Jesaias und die Erläuter der 3 übrigen grossen Propheten, des Jeremias und dessen Klaglied., Ezech. und Daniel) das. 1785. 8°.—7. Th. (die 12 kleinen Propheten) das 1786. 8°.—8. Th. (die 4 Evangelisten) das. 1787. 8°.—9. Th. (Apost. Gesch. Br. Pauli a. d. Römer; die beiden Briefe Pauli an die Korinth.) das. 1790. 8°.—10. und letzter Theil (Brief Pauli a. d. Gal. bis zur Offenb. St. Joh.) das. 1791. 8°.—Programm zu der Tabula recitationum oder dem ersten lateinischen Praelectionscatalog der Universität Dorpat. Den 1. August 1802.— Nachricht für Aeltern u. Erzieher in den Russisch-Kaiserlichen Staaten. Nebst dem Plane des neuen Lehr-Erziehungs-Instituts in Dorpat. N. 1 u. 2. Dorpat 1802. 22 S. 8°.— Nachricht von dem Hezelischen Lehr- u. Erziehungsinstitute in Dorpat. 1803. 8 S. 4°.—Pädagogische Tabellen nach Niemeyers Grundsätzen. Dorpat. 1803. 8 S. 4°.— Kleines französisches Uebungsbuch. Riga 1803. 62 S. 8°.— Neue exegetische Untersuchung über die schwierigen Stellen in Pauli Briefen an die Galater. Cap. 6. 11—14; in dessen Br. a. d. Ephes. 1. 11—14 und 5. 1—4. —Neue hebräische Sprachlehre. Dorpat. 1804.— Einleitung in die allgemeine Spra hlehre. Dorpat und Riga. 1805.— Erläuterungen einiger Oden des Pindars. Riga. 1805.—Programm. Einige Worte über die Notwendigkeit, die Veranstaltung und Einführung einer neuen Kirchlichen Uebersetzung der Bibel nicht länger zu verschieben. Dorpat. 1 Febr. 1805. 15 S. 8°.— Programm. Probe eines für eine neue kirchliche Bibelübersetzung anzulegenden Magazins. Dorpat den 1. Aug. 1805. 22 S. 8°.— Zuruf an Russlands Völker zur Einführung nicht nur schönerer u. wärmerer, sondern auch dauerhafterer, feuersicherer und doch sehr wohlfeiler Häuser. Dorpat. 1805. 37 S. 8°. — Beiträge zur Vervollkommung der Bauart mit gestampfer Erde. 1. u. II. Theil. Riga 1806. 8°. — Kurze Beschreibung der IV und besten Hezelischen Erdstampfmaschine. Dorpat. 1805. 15 S. 8°. — Der russische Volksfreund, ein Blatt zur Beförderung des Gewerbefleisses, des Wohlstandes und der häuslichen Glückseligkeit der Völker des Russischen Reiches. Erstes bis achtes Stück. Dorpat. 1807. 128 S. 8°. — Neue unversiegbare Quelle des Wohlstandes der Völker des Russischen Reiches oder die Wichtigkeit der Mayskultur. Dorpat. 1807. 78 S. 8°.— Die Bergrede und das Gebet Jesu, als Probe einer neuen Uebersetzung der ganzen Bibel. Dorpat. 1808. 32 S. 8°. — Die Bibel des Neuen Testam. Uebersetzt u. mit Anmerkungen herausgegeben. Dorpat u. Leipzig. 1809. 8°. — Programm. Diatribe de monetae arabicae incunabulis a Macrizio Arabe mente conceptis. 1809. 15 S. Fol.—Nachricht für diejenigen, welche schnell, feuerfest, schön und doch sehr wohlfeil zu bauen wünschen. Dorpat. 1809. 1. Bl. 4°.— Einige Proben alter Latinität aus dem Jugendalter der Sprache mit Erläuterungen. Dorpat. 1817. 7 S. 8°.— Biblia hebraica parva, exhibentia dicta classica. S. Librorum. V. T. Hebraice scholarum in Ruthenia florentium usibus inservitura. Dorpat. 1818.— Paläographische Fragmente über die Schrift der Hebräer u. Griechen. 1816. — D. Bibel des N. T. oder d. ehrwürdige Urkunde d. christlichen Religion. Dorpat. u. Leipzig. Kummer. 1809. 8°. Статьи свои Г. печаталъ въ журналахъ: «Journal von und für Teutschland», «Allg. teutsch Orakel», «Neues ökonomisches Repertorium für Livland», «Morgensterns dörptsche Beiträge», «Dörptsche Zeitung» (о строеніяхъ

изъ битой глины). Многія его сочиненія остались въ рукописи. Автобіографія Г. напечатана въ «Strieders Hessisch. Gelehrt. Lexicon». Гецель былъ женатъ на дочери пастора въ Ильменау, *Шарлоттѣ-Генріеттѣ Швабе* (род. 8 января 1775 г., †3 апрѣля 1817 г. въ Дерптѣ), издававшей въ 1779 г. журналъ «Wochenblatt fürs schöne Geschlecht». Сынъ ихъ *Вильгельмъ* (род. 9 августа 1786 г. въ Гиссенѣ) получилъ высшее образованіе (1802—1806) и степень доктора филологіи въ Дерптскомъ университетѣ, въ 1812—1819 гг. былъ въ томъ же университетѣ синдикомъ, а затѣмъ занимался адвокатурой. Онъ написалъ нѣсколько юридическихъ статей.

«Біограф. словарь проф. и препод. Юрьевск. Унив.», т. I, 81—86; Recke и Napiersky, «Lexicon», т. II, 280—292; Meusel, «Das gelehrte Teutschland». *М. Діонъ.*

Гецъ *(Гетце)*, *Петръ Петровичъ* (Peter Otto von Goetze), тайный совѣтникъ, писатель, родился 17 октября 1793 г. въ Ревелѣ, умеръ 20 декабря 1880 г. въ Петербургѣ, погребенъ на Волковомъ лютеранскомъ кладбищѣ. Окончивъ курсъ наукъ въ Дерптскомъ университетѣ (здѣсь онъ изучалъ право въ 1810—1812 гг.) со степенью кандидата философіи, поступилъ на службу въ Дерптскій ландгерихтъ. Послѣ путешествія по Россіи въ 1817 г. перевелся на службу въ департаментъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій. Въ Петербургѣ онъ сблизился съ министромъ народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицынымъ, А. И. Тургеневымъ и др. выдающимися личностями и занялъ вскорѣ въ департаментѣ видное положеніе. Онъ завѣдывалъ протестантскимъ отдѣленіемъ департамента, не имѣя однако званія начальника, а съ 1821 г. онъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій при Голицынѣ. Въ 1820 г. Г. назначенъ правителемъ дѣлъ комиссіи, на которую возложено было составленіе положенія объ евангелическо-лютеранской консисторіи. Въ 1826 г. Г. перешелъ на службу въ Министерство Финансовъ и былъ опредѣленъ въ ученый комитетъ министерства чиновникомъ для чтенія публичныхъ бумагъ, а затѣмъ въ 1829 г. членомъ этого комитета (занималъ эту должность до 1854 г.). Онъ сдѣлался очень близкимъ лицомъ къ министру финансовъ гр. Канкрину. Въ 1829 г. Г. былъ назначенъ директоромъ государственной комиссіи погашенія долговъ, а въ 1848 г. — управляющимъ той же комиссіей. Съ 1837 г. Г. былъ дѣйств. стат. совѣтникомъ, а съ начала 1850 г. тайнымъ совѣтникомъ. Въ 1860 г. вышелъ въ отставку. Г. считался однимъ изъ лучшихъ финансистовъ, отличавшимся какъ теоретическими познаніями, такъ и практическимъ взглядомъ.

Литературная дѣятельность Г. началась рано: въ 1813 г. онъ перевелъ на нѣмецкій языкъ гимнъ Державина по случаю изгнанія французовъ изъ Россіи (Episch-lyrischer Hymnus auf die Vertreibung der Franzosen aus dem Vaterlande im J. 1812, von Derschawin. Dorpat 1814), затѣмъ послѣдовалъ рядъ стихотвореній и статей, напечатанныхъ во многихъ нѣмецкихъ журналахъ (Rigascher Abendblatt, Morgenblatt, Livonia 1815 г., Neujahrsangebinde für Damen 1817 г., Livonia's Blumenkranz 1818 г.), въ «Slowanské nàrodni pisně» 1822 г. Челяковскаго и др. Въ 1815 г. напечаталъ трудъ по вопросу о разводѣ: «Ueber Ehescheidungen, und ein in Vorschlag gebrachtes neues Ehegesetz» (Dorpat). Въ 20-хъ годахъ Г. издалъ сборники переводовъ народныхъ пѣсенъ сербскихъ — «Serbische Volkslieder ins Deutsche übertragen» (С.-Пб. 1827), и русскихъ — «Stimmen des Russischen Volks» (Stuttgart, 1828). Въ предисловіи къ послѣднему сборнику онъ далъ довольно подробную и вѣрную исторію и характеристику пѣсенъ русскаго народа. По-сербски онъ учился у знаменитаго Вука Караджича. 11 мая 1829 г. Гецъ былъ избранъ въ почетные члены Императорской Россійской Академіи, а въ 1840 г. получилъ отъ нея золотую медаль съ надписью: «Приносящій пользу русскому слову». Сочиненіе предсѣдателя Россійской Академіи А. С. Шишкова «Разсужденіе о россійскомъ языкѣ» было имъ переведено на нѣмецкій языкъ и издано («Untersuchungen über die Sprache», S.-Pbg. 1823). Г. занимался и исторіей своего роднаго Прибалтійскаго края; сюда относятся сочиненіе «Albert Suerbeer, Erzbischof von Livland und Ehstland», удостоенное Демидовской преміи, и

«Zwölf Urkunden zur ältesten livländischen Geschichte von 1225—1237» (въ «Mittheilungen aus der Livl. Geschichte», кн. VIII). За свои ученые труды Г. получилъ въ 1855 г. отъ Ростокскаго университета степень доктора философіи honoris causa. Въ 1863 г. Г. издалъ «Родословную таблицу владѣтельныхъ предковъ Россійскаго Императорскаго дома» (С.-Пб.); перепечатана съ исправленіями и дополненіями въ «Русской Старинѣ» 1875 г., т. I. Въ «Русской Старинѣ» напечатаны также его замѣтка: «Карлъ-Леопольдъ, герцогъ Мекленбургскій» (1875 г., т. II) и нѣсколько сообщенныхъ имъ документовъ. Въ 1882 г. уже послѣ смерти Г. были изданы Гельмерсеномъ мемуары его о кн. А. Н. Голицынѣ: «Fürst Alexander Nikolaiewitch Galitzin und seine Zeit. Aus den Erlebnissen des Geheimraths Peter von Goecze». Leipzig. Отрывки изъ нихъ были напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ» 1902 г. Въ бумагахъ Г. сохранился отрывокъ труда о финансовомъ управленіи Канкрина.

Брокгаузъ-Ефронъ, «Энциклопед. Словарь», XVI (ст. А. Браудо); «Русск. Архивъ» 1902 г., т. III, 66, 321; «Голосъ» 1880 г. № 360 (некрологъ); Recke und Napierski, «Allgemeines Schriftsteller und Gelehrten Lexicon»; «Петербургскій Некрополь», т. I; Б. Л. Модзалевскій, «Списокъ членовъ Имп. Академіи Наукъ».

Н. Чулковъ.

Гечанъ-Гечевичъ, *Викентій Ивановичъ*, тайный совѣтникъ, сенаторъ, родился 5 апрѣля 1770 г., умеръ 19 марта 1840 г., погребенъ въ Петербургѣ на Смоленскомъ евангелическомъ кладбищѣ. Происходилъ изъ литовскихъ дворянъ и первоначально былъ на польской службѣ, въ 1788 г. получилъ званіе крайчаго воеводства Виленскаго, въ 1791 году по выбору дворянства Виленскаго воеводства назначенъ членомъ гражданско-войсковой порядковой комиссіи, а въ 1792 г. — предсѣдателемъ отдѣленія этой комиссіи. Послѣ третьяго раздѣла Польши сдѣлался русскимъ подданнымъ и въ 1795 г. былъ избранъ дворянствомъ Минской губ. засѣдателемъ Верхняго земскаго суда. По упраздненіи Верхняго земскаго суда назначенъ въ 1798 г. въ 1-й департаментъ Минскаго главнаго суда засѣдателемъ; въ 1802 г. избранъ подкоморьемъ Виленскаго уѣзда и занималъ эту должность въ теченіе 2 трехлѣтій, при чемъ на его долю выпало разграниченіе Минской и Виленской губерній. Въ 1812 г. Гечевичъ назначенъ членомъ Виленскаго уѣзднаго присутствія для военныхъ повинностей, а въ 1813 и 1814 гг. былъ членомъ Минскаго губернскаго для военныхъ повинностей присутствія; въ 1814 г. избранъ Минскимъ дворянствомъ въ члены Виленскаго межевого нормальнаго суда. Служа по выборамъ, Г. въ то же время исполнялъ порученія генералъ-губернатора Тутолмина и его преемниковъ; такъ, онъ описалъ (на собственный счетъ) имѣнія греко-уніатскаго митрополита и базиліанскихъ монастырей и староство Радошкевичи. 25 окт. 1816 г. Г. назначенъ Минскимъ вице-губернаторомъ, а 31 дек. 1818 г. — Минскимъ губернаторомъ. Въ 1828 г. былъ командированъ по предложенію Цесаревича Константина Павловича въ Виленскую губ. для производства слѣдствія по дѣлу о покушеніи на отравленіе жены Виленскаго губернскаго прокурора Ботвинка. За время службы губернаторомъ Г. былъ награжденъ орденами: св. Анны 1-й ст. (1823 г., съ Импер. короной 1829 г.) и Владиміра 4-й ст. (1829 г.), чинами дѣйствительнаго статскаго совѣтника (6 дек. 1826 г.), и тайнаго совѣтника (26 февр. 1831 г.) и арендой войтовствъ Друцкаго и Перебродскаго (1823 г.) безъ платежа кварты на 12 лѣтъ (потомъ продолжена еще на 12 лѣтъ). Одновременно съ производствомъ въ тайные совѣтники онъ былъ назначенъ сенаторомъ. Присутствовалъ во 2-мъ отдѣленіи 5-го департамента, а въ послѣдній годъ жизни — въ 1-мъ отдѣленіи 5-го департамента. Женатъ былъ на дочери генералъ-адъютанта польскаго короля Елизаветѣ Осиповнѣ Прушинской и имѣлъ 2 сыновей: Ипполита (Виленскій предводитель дворянства) и Льва (см. ниже) и 5 дочерей: Елену, за предсѣдателемъ Минской гражданской палаты Прушинскимъ, Сусанну, за кам.-юнк. Слотвинскимъ, Розу, за Богдановичемъ, Ядвигу, за Оскерко, и Сабину, за Унеховскимъ.

Формулярный списокъ; «Исторія Сената», т. V (списокъ сенаторовъ); «Петербургскій Некрополь», т. I; «Остафьевскій Архивъ», т. I.

Е. К. Александровичъ.

Гечевичъ, *Левъ Викентьевичъ*, генералъ-лейтенантъ, сынъ сенатора Викентія Ивановича Гечанъ-Гечевича (см. выше), родился въ 1805 г., по окончаніи курса наукъ въ Минской гимназіи служилъ канцеляристомъ со 2 августа 1821 г. до 18 марта 1824 г. въ Минскомъ губернскомъ правленіи, а 14 сентября 1825 г. поступилъ унтеръ-офицеромъ въ л.-гв. Подольскій кирасирскій полкъ, 28 ноября 1825 г. переименованъ въ юнкеры и 3 іюня 1827 г. произведенъ въ корнеты. Въ 1831 г. во время Польскаго возстанія участвовалъ въ сраженіяхъ при Гроховѣ, Ново-Минскѣ, на Понарскихъ высотахъ подъ Вильной и при Калишѣ и за отличіе въ нихъ награжденъ въ 1832 г. орденами св. Анны 3-й ст. съ бантомъ и св. Станислава 4-й ст. и польскимъ знакомъ отличія за военныя достоинства 4-й ст. 10 дек. 1831 г. назначенъ адъютантомъ къ начальнику 2-й легкой гвард. кавалерійской дивизіи ген.-лейтенанту Кнорингу съ переводомъ въ л.-гв. Гусарскій полкъ. Въ чинѣ поручика (со 2 апрѣля 1833 г.) назначенъ старшимъ адъютантомъ сначала той же дивизіи (18 марта 1834 г.), а затѣмъ въ штабъ гвардейскаго резервнаго кавалерійскаго корпуса (7іюня 1836 г.). Въ 1836 г. составилъ книгу: «Выписка изъ узаконеній преимущественно къ управленію отдѣльнаго гвардейскаго корпуса относящихся», за которую получилъ награду въ 1000 руб. 20 марта 1837 г. назначенъ въ должность дежурнаго штабъ-офицера того же штаба съ переводомъ въ лейбъ-кирасирскій Наслѣдника Цесаревича полкъ ротмистромъ, а 6 февраля 1838 г. утвержденъ въ ней съ производствомъ въ маіоры и зачисленіемъ по армейской кавалеріи. 13 января 1839 г. назначенъ редакторомъ устава о кавалерійскомъ дѣлѣ и занималъ эту должность до производства въ генералы въ 1851 г. 14 апрѣля 1840 г. произведенъ въ подполковники. 23 декабря 1842 г. назначенъ правителемъ дѣлъ временнаго комитета подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Михаила Павловича, учрежденнаго для разсмотрѣнія и составленія проекта о введеніи въ гвардейской кавалеріи общаго ремонтированія. 17 сентября 1844 г. переведенъ въ л.-гв. Уланскій полкъ, 6 декабря того же года произведенъ въ полковники и 31 августа 1845 г. назначенъ адъютантомъ къ Великому Князю Михаилу Павловичу. По кончинѣ его назначенъ 19 сентября 1849 г. флигель-адъютантомъ и въ томъ же году командированъ въ Вятскую губернію для наблюденія за рекрутскимъ наборомъ. 6 декабря 1851 г. произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ въ Свиту Его Величества. Въ теченіе 1850—1853 гг. Г. ежегодно сопровождалъ Императора Николая I во время его поѣздокъ въ Варшаву для смотра войскъ, а также былъ съ нимъ въ 1850 г. въ Сувалкахъ, Чугуевѣ и Бѣлой Церкви, въ 1851 г. — въ Елизаветградѣ, въ 1852 г. — въ Чугуевѣ и Елизаветградѣ. Кромѣ того, неоднократно былъ посылаемъ для осмотра различныхъ кавалерійскихъ частей. Въ 1852 г. осматривалъ конскіе заводы въ Южной Россіи и въ 1853 г. — на Дону. Г. принималъ близкое участіе въ различныхъ преобразованіяхъ по военной части, особенно въ кавалеріи, состоя производителемъ дѣлъ комитета для составленія положенія о ремонтированіи лошадьми армейской кавалеріи (1851—1852) и комитета о ремонтированіи полевой артиллеріи (1852), членомъ и производителемъ дѣлъ комитета для составленія предположенія объ учрежденіи кавалерійской академіи (1854), членомъ комитетовъ для составленія устава о кавалерійской службѣ (1854) и для улучшеній по военной части (1855). Съ 8 марта по 12 апрѣля 1855 г. находился въ осажденномъ союзниками Севастополѣ въ распоряженіи князя М. Д. Горчакова, а осенью того же года сопровождалъ Государя въ поѣздкѣ въ Николаевъ. 22 ноября 1857 г. Г. назначенъ состоять при главнокомандующемъ 1-й арміей, и мѣстомъ службы его стала Варшава. Въ 50-хъ годахъ онъ былъ награжденъ орденами: св. Владиміра 3-й ст. (1851), Георгія 4-й ст. за 25 лѣтъ службы (1851), Станислава 1-й ст. (1854) и Анны 1-й ст. (1859). 1 марта 1861 г. онъ по его просьбѣ былъ вызванъ въ Петербургъ для дѣла государственной важности; по возвращеніи Г. въ Варшаву намѣстникъ князь Горчаковъ назначилъ его 14 марта членомъ комиссіи

внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ Царства Польскаго, на что въ тотъ же день послѣдовало Высочайшее соизволеніе. 23 апрѣля 1861 г. Г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Въ этомъ же году онъ былъ нѣкоторое время предсѣдателемъ комиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ, а затѣмъ былъ назначенъ и. д. предсѣдателя главной дирекціи земельныхъ кредитныхъ установленій Царства Польскаго. Г. умеръ 5 августа 1874 г.

Гечевичъ напечаталъ слѣдующія статьи: 1) «Объ отношеніяхъ покупки ремонтовъ къ современному состоянію нашего коннозаводства» («Военный Сборникъ» 1859 г., № 8); 2) «О направленіи настоящаго образованія армейской кавалеріи» (тамъ же, № 12); 3) «Поземельный кредитъ и земскіе банки» («Русскій Вѣстникъ» 1860 г., №№ 9—11, и 1861 г., № 5); 4) «О различныхъ системахъ податей» (тамъ же, 1862 г., №№ 8—12); 5) «Нѣсколько словъ по поводу статьи г. Безобразова «О денежномъ обращеніи въ Россіи» (тамъ же, 1864 г., № 4).

Въ «Русской Старинѣ» 1899 г. (т. 100, стран. 135—150) напечатаны письма Гечевича къ одной высокопоставленной особѣ, важныя для исторіи Царства Польскаго.

Г. былъ женатъ на Варварѣ (Памелѣ) Игнатьевнѣ Хоржинской и имѣлъ дочь Луизу и сына Леонтія.

Формулярный списокъ 1861 г. (Моск. отд. Арх. Гл. Штаба, кн. форм. сп. № 3327); «Русская Старина» 1882 г., т. 36, стр. 559—565; «Wielka Encyklopedya powszechna», t. XXIV, 987; Ламбинъ, «Русская историческая библіографія». *Н. Чулковъ.*

Гзель (Gsell, Gesell или Xsell), *Георгъ*, живописецъ, швейцарецъ изъ Сенъ-Галлена, ученикъ Schonjans въ Вѣнѣ, примыкалъ къ нѣмецкой школѣ. На русской службѣ состоялъ съ 1716 г. По разсказу Штелина онъ торговалъ старинными вещами въ Амстердамѣ и въ то же время былъ недурнымъ историческимъ и бытовымъ живописцемъ и замѣчательнымъ знатокомъ мастеровъ нидерландской школы. На одной публичной продажѣ съ нимъ познакомился Петръ I и взялъ къ себѣ на службу. Въ 1719 г. Гзелю поручено было расписать для царя искусственный гротъ. Когда учреждена была Академія Наукъ, Гзель и его жена, тоже художница, стали тамъ преподавать и образовали цѣлую школу. Согласно заключенному 1 января 1727 г. контракту, Г. обязывался преподавать рисованіе въ академической гимназіи и исполнять все, что ему поручитъ Академія, а также усовершенствовать въ своей профессіи трехъ или четырехъ учениковъ. За это ему съ женой давалось 600 рублей жалованья и 45 рублей на дрова и свѣчи; а за каждаго обученнаго мальчика полагалась награда 100 рублей. Впослѣдствіи жалованье было увеличено до 720 рублей (1734 г.). По порученію Академіи Наукъ Гзелю приходилось рисовать такіе предметы, какъ внутреннія части умершаго льва съ Звѣрового двора (1728), кита (1734), писалъ онъ также портреты: бородатой женщины (1739), А. П. Волынскаго, умершаго японца Демьяна Поморцева, бывшаго при Академіи (1739), великана Буржуа, котораго Петръ I женилъ на огромной чухонкѣ, чтобы отъ нихъ мѣть рослыхъ людей (портретъ этотъ находится въ Гатчинѣ). Изъ картинъ, исполненныхъ Гзелемъ, Штелинъ отмѣчаетъ мертвую голову съ потухшей, но еще дымящейся свѣчей и музыкальные инструменты. Въ январѣ 1729 г. Г. составилъ проектъ иллюминаціи въ Москвѣ въ день коронованія. 17 декабря 1730 г. Канцелярія отъ строеній заказала ему написать для Петропавловскаго собора пять картинъ: 1) Славный входъ Спасовъ въ Іерусалимъ на вольное страданіе, 2) Отверженіе Петрово отъ Христа во дворѣ архіереовѣ, 3) Удареніе въ ланиту Іисуса при архіереѣ отъ безчиннаго раба, 4) Изведеніе къ народу Христа отъ судища и рѣчь Пилатова: «Се человѣкъ», 5) Осужденіе на смерть Христа и изреченіе Пилатово: «Чистъ есмь отъ крове праведнаго сего»; 22 декабря ему было поручено написать еще четыре картины: 1) Возлежаніе Христово въ Виѳаніи въ дому Симона Прокаженнаго, въ которомъ жена грѣшница возливала на главу Спасителеву многоцѣнное миро, 2) На тайной Христовой вечери умовеніе ногъ, 3) Коронованіе Христово терновымъ вѣнцемъ, 4) Пришедшія женщины съ миромъ

помазати тѣло Христово и изреченіе ангеловъ къ нимъ: «Нѣсть здѣ, но воста». 16 іюля 1731 г. Г. за эти 9 картинъ получилъ по 40 рублей за каждую. Въ сентябрѣ того же года онъ съ другими живописцами принималъ участіе въ писаніи картинъ и эмблемъ для тріумфальныхъ воротъ, поставленныхъ «къ пришествію» императрицы Анны Іоанновны «на Адмиралтейскомъ острову на прешпехтивной дорогѣ», а 18 сентября получилъ заказъ написать за 700 рублей 71 картину для вторыхъ тріумфальныхъ воротъ, поставленныхъ по тому же случаю на Троицкой пристани. До 18 апрѣля 1732 г. Г. нѣкоторое время находился при Каравакѣ, а послѣ этого числа опредѣленъ былъ въ Петропавловскій соборъ «къ живописной работѣ и къ золоченію капителей и другихъ орнаментовъ». Въ 1733 г. онъ составилъ инструкцію для рисовальщиковъ при Камчатской экспедиціи. Къ 16 іюля 1735 г. Г. представилъ, для конкуренціи съ Григорьемъ Мусикійскимъ, въ Канцелярію отъ строеній «точныя копіи» картинъ, которыя предназначались для новаго сенатскаго зала: на подволочной вверху Премудрость, при ней — Правда, Милосердіе и Вѣрность, ниже ихъ — Пеніусы, держащіе щиты съ гербами первѣйшихъ четырехъ государствъ Всероссійской имперіи, а на прочихъ картинахъ — Совѣтъ, Благородіе, Резолюція, Любовь къ отечеству, Добродѣтель, Милость, Великодушіе. Для лютеранской церкви св. Петра въ Петербургѣ онъ написалъ евангелистовъ и апостоловъ. Г., по мнѣнію барона Н. Н. Врангеля, былъ недурнымъ рисовальщикомъ, но писалъ сухо и жестко. Умеръ онъ 22 ноября 1740 г. («Матер. для ист. Акад. Наукъ», IV, 496, 557, у Миллера въ его исторіи Академіи невѣрная дата — 27 ноября, также у Штелина — 1743 г.). Женатъ былъ Г. дважды. Первая жена была рожденная фонъ-Лоенъ. Дочь его отъ перваго брака Екатерина († 1773 г.) была замужемъ за знаменитымъ математикомъ Леонардомъ Эйлеромъ. Отъ второго брака съ вышеупомянутой художницей у Гзеля были два сына: Израиль Веніаминъ и Елеазаръ Георгъ. У него была еще дочь, замужемъ за Фермейленомъ (въ 1757 г. вдова).

Вторая жена Гзеля, *Марія Доротея Граффъ*, «малярица госпожа Гзельша», «живописнаго искусства мастерица», внука знаменитой нѣмецкой художницы Маріи Сибиллы Меріанъ (1647—1717), родилась около 1691 г. Отъ бабки научилась писать акварелью цвѣты, насѣкомыхъ, рыбъ, птицъ, звѣрей. По пріѣздѣ въ Россію преподавала рисованіе сначала въ школѣ, основанной Петромъ I при Петербургской типографіи, а позже въ фигурной палатѣ Академіи Наукъ, при которой она числилась на службѣ съ 1724 г. Въ 1723 г. она «кунстъ-камору по класирамъ водяными красками смалевываетъ», въ 1729 г. писала рѣдкихъ птицъ и т. п. Въ августѣ 1734 г. Г. ѣздила въ отпускъ въ Амстердамъ. Въ 1736 г. куплены у нея за 300 рублей въ Академію 34 фигуры разныхъ цвѣтовъ. Въ 1741 г. она значилась состоящей при библіотекѣ и кунсткамерѣ Академіи и писала травы и цвѣты. Въ 1742 г. получила 360 рублей жалованья. Умерла 5 мая 1743 г. («Матер. для ист. Акад. Наукъ», V, 660; у Миллера въ его исторіи Академіи невѣрная дата — 1744).

«Старые годы» 1911 г., № 7—9, стр. 36, 37, 80 (Бар. Н. Врангель, «Иностранцы въ Россіи»); Nagler, «Allgemeines Künstlerlexicon», t. V, 391; Пекарскій, «Наука и литература при Петрѣ I», I, 61; Пекарскій, «Исторія Академіи Наукъ»; А. И. Успенскій, «Словарь художниковъ, въ XVIII вѣкѣ писавшихъ въ Императорскихъ Дворцахъ» (М. 1913), стр. 53, 54; «Матеріалы для исторіи Академіи Наукъ», т. I, II, IV, VI; «Вѣстникъ изящныхъ искусствъ» 1883 г., стр. 649 (А. И. Сомовъ, «Женщины-художницы»).

Н. Чулковъ.

Гибнеръ (Hübner), *Леопольдъ Эрастовичъ*, астрономъ и геодезистъ. Родился 7 октября 1829 г. въ имѣніи отца своего близъ Симферополя. По окончаніи курса въ Симферопольской гимназіи поступилъ въ 1848 г. въ Петербургскій университетъ во II Отдѣленіе философскаго факультета по разряду математическихъ наукъ. Курсъ здѣсь окончилъ въ 1852 г. со степенью кандидата. Избравъ затѣмъ своею спеціальностью астрономію, онъ поступилъ на службу въ Пулковскую Обсерваторію помощникомъ астронома. Во время своего пребыванія въ ней онъ участвовалъ въ наблюденіяхъ надъ кометой Біэлы и въ опредѣленіи разности долготъ об-

серваторій Пулковской и Дерптской (1854) и вмѣстѣ съ астрономомъ той же обсерваторіи *В. К. Делленомъ* производилъ (сначала въ качествѣ помощника начальника экспедиціи, а потомъ начальника) въ 1855—1856 гг. измѣрительныя тригонометрическія работы на земляхъ казенныхъ уральскихъ горныхъ заводовъ, при чемъ ими обоими были опредѣлены географическія положенія 25 пунктовъ, изъ которыхъ Пермь и Екатеринбургъ вслѣдствіе точности ихъ опредѣленія были избраны исходными пунктами для опредѣленія разностей долготъ въ томъ же краѣ при производствѣ въ немъ военными геодезистами и топографами тригонометрическихъ работъ съ 1863 по 1866 годъ. Инструментами, употребленными *Делленомъ* и *Гибнеромъ* при своихъ опредѣленіяхъ были кругъ Репсольда и 12 хронометровъ; а при оріентированіи тригонометрической сѣти, произведенной ими на тѣхъ же горнозаводскихъ земляхъ, за основную точку былъ принятъ пунктъ Богословскъ, опредѣленіе положенія котораго было также ихъ дѣломъ. Въ 1857 году Г. былъ назначенъ директоромъ Кронштадтской морской обсерваторіи. Главнѣйшими изъ его работъ по этой должности были: изслѣдованіе хронометровъ для русскаго флота, повѣрка морскихъ угломѣрныхъ инструментовъ и телеграфное опредѣленіе вмѣстѣ съ Мякишевымъ въ 1868 г. долготъ Пулково-Кронштадтъ. Благодаря изслѣдованіямъ Г. надъ хронометрами представилась возможность снабжать хронометры при отпускѣ ихъ на суда, отправляющіяся въ плаваніе, аттестатомъ съ обозначеніемъ вліянія температуры и времени на правильность ихъ хода. Въ 1864 г. Г. участвовалъ въ Пулковскомъ съѣздѣ русскихъ и иностранныхъ астрономовъ, собравшемся главнымъ образомъ для принесенія Пулковской обсерваторіи поздравленій по случаю исполнившагося 7 августа перваго 25-лѣтія ея существованія. Послѣднее время своей службы Г. былъ занятъ проектомъ устройства аппарата для показыванія жителямъ Кронштадта момента средняго полдня посредствомъ выстрѣла изъ пушки. Въ 1871 г. Г. былъ переведенъ въ Николаевъ на должность астронома морской астрономіи, но, не доѣхавъ до мѣста своего новаго назначенія, умеръ 4 февраля 1872 г. въ Либавѣ. Незадолго до смерти онъ женился (11 декабря 1871 г.). Г. принималъ горячее участіе въ основанной въ 1860 г. Кронштадтской конфирмаціонной школѣ нѣмецко-латышскаго лютеранскаго прихода и въ теченіе 8 лѣтъ состоялъ членомъ совѣта этой школы. Онъ занимался также музыкой и даже выступалъ исполнителемъ на благотворительныхъ музыкальныхъ вечерахъ.

«Poggendorff's biographisch - literarisches Handwörterbuch»., III Band. (Leipzig 1898). S. 662—663 (Hübner); «Записки Военно-Топографическаго Отдѣла Главнаго штаба». Т. XXIX; «Кронштадтскій Вѣстникъ» 1872 г., № 26.

В. В. Бобынинъ.

Гибсъ, *Самойло Самойловичъ*, вице-адмиралъ, умеръ въ 1795 г., поступилъ кадетомъ въ морской корпусъ 22 февраля 1754 г. и 28 марта 1757 г. былъ произведенъ въ гардемарины. Въ періодъ времени отъ 1757 по 1762 г. Г. ежегодно находился въ кампаніяхъ въ Балтійскомъ морѣ и участвовалъ въ атакѣ и взятіи города Мемеля и въ Кольбергской экспедиціи. Затѣмъ сдѣлалъ переходъ изъ Кронштадта въ Архангельскъ и обратно. Въ этотъ же періодъ времени Г. былъ произведенъ въ мичманы (18 февраля 1760 г.). Съ 1762 г. по 1763 г. Г. находился въ Кронштадтѣ при конторѣ канала Петра Великаго, а слѣдующій годъ на фрегатѣ «Надежда Благополучія» плавалъ изъ Кронштадта въ Ливорно и обратно. 21 апрѣля 1766 г. Г. былъ произведенъ въ лейтенанты и получилъ командованіе галліотомъ «Кронштадтъ» въ плаваніи отъ Кронштадта до Любека и въ Ревель. Въ слѣдующемъ году онъ командовалъ брантвахтою въ Кронштадтѣ, а въ 1769 г. — кораблемъ «Св. Николай» при томъ же портѣ. Затѣмъ на кораблѣ «Европа» Г. въ эскадрѣ адмирала Спиридова прибылъ въ Портсмутъ, а въ 1770 г. на этомъ же кораблѣ плавалъ въ Архипелагѣ и участвовалъ въ морской экспедиціи и Чесменскомъ сраженіи. Въ слѣдующемъ году Гибсъ крейсировалъ въ Архипелагѣ и участвовалъ въ атакѣ крѣпости Метелино и сожженіи двухъ турецкихъ

кораблей и одной галеры. Въ этомъ же году, 28 декабря, онъ былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты. Съ 1772 по 1774 г. Гибсъ находился на кораблѣ «Ростиславъ»; плавалъ между портами Аузи и Ливорно и крейсировалъ въ Архипелагѣ. Въ 1775 г. на кораблѣ «Всеволодъ» Г. прибылъ изъ Ливорно въ Кронштадтъ и 26 ноября былъ награжденъ орденомъ св. Георгія, со старшинствомъ съ 26 іюня 1770 г., «за храбрые и мужественные подвиги, оказанные при атакѣ гор. Короны и за взятіе 4 пушекъ и одной мортиры». При Кронштадтскомъ портѣ Г. командовалъ сначала кораблемъ «Всеволодъ» (1776 г.), а затѣмъ фрегатомъ «Поспѣшный» (1777 г.) и былъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга. 27 апрѣля 1780 г. Г. былъ произведенъ въ капитаны полковничьяго ранга и назначенъ командиромъ корабля «Исидоръ». Спустя три года онъ командовалъ кораблемъ «Твердый», и 13 іюня былъ посланъ въ Херсонъ для командованія однимъ изъ кораблей. 24 ноября этого же года Г. былъ произведенъ въ капитаны бригадирскаго ранга, а въ 1786 г. былъ назначенъ командиромъ корабля «Владиславъ» и, имѣя брейдъ-вымпелъ на фрегатѣ «Брячиславъ», командовалъ эскадрой изъ трехъ фрегатовъ, плавая отъ Кронштадта до Готланда и по портамъ Финскаго залива, для практики гардемариновъ и кадетъ. 22 сентября 1787 г. Г. былъ произведенъ въ капитаны генералъ-маіорскаго ранга, а спустя два года, 14 апрѣля,—въ контръ-адмиралы и былъ отправленъ въ Ливорно для снаряженія каперской эскадры, предназначенной дѣйствовать въ Архипелагѣ. Наконецъ, спустя еще 5 лѣтъ, въ 1793 г., 9 февраля Г. былъ произведенъ въ вице-адмиралы. Скончался онъ 2 сентября 1795 г.

«Общій морской списокъ»; «Дѣла архива Морск. Мин-ва», изд. 1898, С.-Пб., т. 10, стр. 216, 226, 232, 252, 292—294, 300; Судравскій, «Георгіевскіе кавалеры за 140 лѣтъ» («Военный Сборникъ» 1910 г., № 4).

А. Ельницкій.

Гибшманъ, *Александръ Карловичъ*, инженеръ путей сообщенія, писатель, сынъ пастора, род. 11 авг. 1839 г. въ приходѣ Сикелпъ (Курляндія), въ 1860 г. окончилъ Петербургскій университетъ со степенью кандидата математическихъ наукъ и поступилъ въ Институтъ инженеровъ путей сообщенія. Выпущенный оттуда въ 1863 г. съ чиномъ поручика, служилъ въ Главномъ обществѣ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ до 1866 г. и въ Обществѣ Одесско-Балтской желѣзной дороги до 1873 г., занимая техническія должности по службѣ подвижного состава и тяги. Въ 1873 г. причисленъ къ Техническо-инспекторскому комитету желѣзныхъ дорогъ и командированъ на заводъ Русскаго общества механическихъ и горныхъ заводовъ для наблюденія за постройкой паровозовъ. Въ 1879 г. назначенъ центральнымъ инспекторомъ по надзору за изготовленіемъ подвижного состава на русскихъ заводахъ, а потомъ членомъ комиссіи по разсмотрѣнію эксплоатаціонныхъ смѣтъ желѣзнодорожныхъ обществъ, и въ 1883 г. членомъ Высочайше утвержденнаго совѣщанія Министерства путей сообщенія для обсужденія вопросовъ о правительственномъ надзорѣ за желѣзнодорожными тарифами и представителемъ отъ Министерства путей сообщенія въ комиссію, учрежденную при Министерствѣ финансовъ для обсужденія вопроса объ упорядоченіи на будущее время дѣятельности русскихъ заводовъ, изготовляющихъ желѣзнодорожныя принадлежности. Съ 1885 г. состоялъ членомъ техническихъ совѣщаній при департаментѣ желѣзныхъ дорогъ, и въ 1889—1890 гг. исполнялъ обязанности предсѣдателя III отдѣла совѣщаній по подвижному составу желѣзныхъ дорогъ. Въ 1885 г. назначенъ участковымъ инспекторомъ Балтійской, Царскосельской и Сестрорѣцкой желѣзныхъ дорогъ, въ 1887 г.—членомъ учебнаго отдѣла Министерства путей сообщеній, въ 1889 г.—инспекторомъ С.-Петербурго-Варшавской желѣзной дороги и въ 1892 г. по упраздненіи мѣстной инспекціи,—однимъ изъ 12 инспекторовъ центральной инспекціи. Въ 1893 г. произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Умеръ въ августѣ 1893 г. на 52 году.

Будучи членомъ Имп. Русскаго Техническаго общества, Г. принималъ участіе въ разработкѣ многихъ учебныхъ техническихъ вопросовъ, въ особенности по желѣзнодорожному отдѣлу, непремѣннымъ членомъ котораго былъ из-

бираемъ много лѣтъ подъ рядъ. Своими строгими требованіями по отношенію къ заводамъ, поставлявшимъ подвижной составъ, онъ способствовалъ постановкѣ дѣла на правильную почву и улучшенію производства паровозовъ и вагоновъ.

Въ «Журналѣ Министерства Путей Сообщенія» Г. напечаталъ слѣдующія статьи: въ 1872 г.—«Замѣтка о постройкѣ 600 вагоновъ въ мастерскихъ Одесской желѣзной дороги»; въ 1873 г.—«Сопротивленіе при движеніи поѣздовъ на желѣзныхъ дорогахъ», «О порчѣ паровозныхъ котловъ и испытаніи ихъ гидравлическимъ давленіемъ» и «Объ отопленіи паровозовъ антрацитомъ на Одесской желѣзной дорогѣ»; въ 1886 г.—«О службѣ стальныхъ рельсовъ на германскихъ желѣзныхъ дорогахъ. По поводу проектированныхъ сталерельсовымъ съѣздомъ техническихъ условій для рельсовъ», «Очеркъ постройки желѣзнодорожнаго подвижного состава въ Россіи и описаніе важнѣйшихъ типовъ, построенныхъ нашими заводами»; въ 1887 г.—«Описаніе важнѣйшихъ типовъ подвижного состава, построенныхъ нашими заводами» (награждена въ 1888 г. премію, присуждаемою конференціей Института инженеровъ путей сообщенія за наилучшія статьи въ «Журналѣ Министерства Путей Сообщенія»), «Общія правила движенія сѣверо-американскихъ желѣзныхъ дорогъ», «Правила для движенія поѣздовъ по телеграфному соглашенію въ Сѣверной Америкѣ» и «Сѣверо-американскій законъ для регулированія провозной платы желѣзныхъ дорогъ»; въ 1888 г.—«О расширеніи станцій на германскихъ желѣзныхъ дорогахъ»; въ 1889 г.—«О паровозахъ съ двухкратнымъ расширеніемъ пара (системы компаундъ) и работахъ инженеровъ юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ»; въ 1890 г.—«Новый швейцарскій законъ о времени обязательнаго отдыха служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ и въ другихъ перевозочныхъ предпріятіяхъ».

Житковъ, «Біогр. инж. пут. сообщ.», вып. 3; Венгеровъ, «Крит.-біогр. Словарь», 2 изд., т. I.

Гивартовскій, *Генрихъ Антоновичъ*, заслуженный профессоръ Московскаго университета, тайный совѣтникъ, родился 23 февраля/7 марта 1816 г. (по надгробію въ 1817 г.) въ Варшавѣ, умеръ 28 октября 1884 года въ Москвѣ (погребенъ на Введенскихъ горахъ). Сынъ агента польскаго банка, онъ получилъ первоначальное образованіе въ частномъ пансіонѣ, откуда въ 1825 г. поступилъ во 2-й классъ Варшавскаго лицея; по окончаніи курса въ отдѣленіи «практико-педагогической школы», въ 1833 г. пріѣхалъ въ Москву и былъ допущенъ приватно къ слушанію лекцій 1-го курса въ Московскомъ Отдѣленіи Медико-Хирургической академіи, а 1 сентября 1834 г. по экзамену зачисленъ студентомъ 2-го класса тамъ же. Въ 1837 г., будучи на 5-мъ курсѣ, по распоряженію конференціи репетировалъ химію со студентами 2-го курса. 28 іюля 1838 г., по окончаніи курса съ серебряной медалью, утвержденъ лѣкаремъ 1-го отдѣленія и оставленъ при академіи исправляющимъ должность репетитора химіи; 9 января 1839 г. былъ въ этой должности утвержденъ. Въ томъ же году, когда, по случаю увольненія профессора Геймана въ отпускъ, назначенъ былъ конкурсъ для временнаго замѣщенія каѳедры, онъ разрѣшилъ заданный вопросъ: «объ общихъ свойствахъ и дѣйствіи кислотъ, а въ особенности о кислотахъ фтористо-водородной и синеродисто-водородной», и по прочтеніи пробной лекціи сталъ читать химію подъ руководствомъ проф. Забіякина. Въ 1842 г. былъ уволенъ въ Германію для усовершенствованія въ наукахъ; тамъ онъ слушалъ лекціи по химіи лучшихъ профессоровъ химіи — Г. Розе, Мичерлиха и др., и технологіи — у Магнуса, посѣщалъ клиники въ Берлинѣ, осматривалъ техническія, мануфактурныя, промышленныя заведенія и рудники; въ Фрейбергѣ изучалъ металлургическое горное дѣло. По возвращеніи, выдержавъ экзаменъ и защитивъ диссертацію: De urolithiasi (M. 1843), утвержденъ докторомъ медицины 5 іюня 1843 г. Въ томъ же году, 27 сентября, по случаю соединенія академіи съ университетомъ, уволенъ отъ должности репетитора. Въ 1837 г. занялъ мѣсто химика и врача въ Московскомъ Товариществѣ для фабрикаціи стеариновыхъ Калетовскихъ свѣчей и въ этой должности оставался до 1840 г., когда назначенъ директоромъ завода и членомъ правленія;

за признанное на Московской мануфактурной выставкѣ 1843 г. успѣшное управленіе хозяйственною и техническою частями завода былъ удостоенъ Высочайшаго благоволенія. На этой выставкѣ онъ состоялъ экспертомъ химическаго отдѣла. Въ 1845 г. Гивартовскій публично защищалъ въ Московскомъ университетѣ диссертацію: «О мочѣ и ея составныхъ частяхъ» (М. 1845) и 17 января 1846 г. утвержденъ въ званіи доцента для преподаванія химіи студентамъ медицинскаго факультета. 21 декабря 1849 г. опредѣленъ исправляющимъ должность адъюнкта по каѳедрѣ химіи, при чемъ ему поручено, кромѣ преподаванія химіи на медицинскомъ факультетѣ, и чтеніе по частной органической химіи на физико-математическомъ факультетѣ. Въ 1855 г. ему было поручено преподаваніе фармаціи и медицинской химіи. 17 августа 1855 г. объявлено ему Высочайшее благоволеніе «за производство отличнаго качества стеариновыхъ свѣчей, добыванія глицерина при стеариновой фабрикаціи, отличное содержаніе рабочихъ и безвозмездное и чрезвычайно успѣшное пользованіе заболѣвшихъ рабочихъ». 15 ноября 1854 г. Г. назначенъ членомъ Московскаго отдѣленія Мануфактурнаго Совѣта. Въ 1859 г. произведенъ въ чинъ статскаго совѣтника; 6 ноября 1860 г. утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ медицинской химіи, фармаціи и фармакогнозіи. Въ 1861, 1864 и 1867 гг. былъ командированъ за границу съ ученою цѣлью. 24 августа 1864 г. утвержденъ ординарнымъ профессоромъ по занимаемой каѳедрѣ. Въ 1865 г. принималъ участіе въ устройствѣ въ Москвѣ мануфактурной выставки и за труды по выставкѣ 10 декабря произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Въ 1870 г. оставленъ на службѣ при университетѣ по избранію университетскаго Совѣта на пять лѣтъ. Въ 1871 г. былъ членомъ временнаго холернаго комитета въ Москвѣ. Въ 1872 г. утвержденъ въ званіи члена Московскаго отдѣленія Совѣта торговли и мануфактуръ. 1 января 1874 г. пожалованъ орденомъ св. Станислава 1 степени. Въ 1875 г. утвержденъ въ званіи заслуженнаго профессора и службу въ университетѣ оставилъ. Въ 1880—1882 г. былъ вице-президентомъ всероссійской художественно-промышленной выставки въ Москвѣ. Г. состоялъ членомъ обществъ: Московскаго Испытателей Природы, Физико-Медицинскаго, Акклиматизаціи животныхъ и растеній, Московскаго Сельскаго Хозяйства и многихъ благотворительныхъ, почетнымъ членомъ Московскаго и С.-Петербургскаго Фармацевтическихъ Обществъ. Онъ отличался безконечной добротой и всегдашнею готовностью на всякое доброе дѣло. Кромѣ вышеупомянутыхъ, имъ написаны слѣдующіе труды: 1) О холерѣ («Московск. Вѣдом.» 1847 г. № 130 (также отдѣльные оттиски); 2) Analyse de la Glaucolithe Fischer («Бюлл. Импер. Общ. испытателей природы» 1848 г.); 3) Observations faites à Moscou sur l'électricité pendant l'épidémie cholérique (тамъ же, 1849 г.). Наблюденіе надъ воздушнымъ электричествомъ («Московск. медиц. журналъ» 1850 г.); 4) О жидкости, уничтожающей зловоніе («Московск. врачебн. журналъ» 1851 г.); 5) О рыбномъ жирѣ, сантонинѣ и эластическомъ коллодіи («Московск. врачебн. журналъ» 1854 г.); 6) «О броженіи», актовая рѣчь (Отчетъ Московск. университ., Москва 1869 г., стр. 36—100).

Формулярный списокъ 1875 г.; «Біограф. Словарь профессоровъ Москов. Унив.»; Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. 4. С.-Пб. 1888 г.; «Новое Время» 1884 г., № 3118; «Московскій Некрополь», т. I; Estreicher, «Bibliografia polska», т. II.

М. Ціонъ.

Гивнеръ, *Юрій Михайловичъ* (George Hüfner). Въ 1649 г. выѣхалъ изъ Саксоніи искать счастья въ Польшѣ и поступилъ на военную службу подъ начальствомъ гетмана Гонсевскаго. Послѣ семилѣтней службы захваченъ былъ русскими войсками въ плѣнъ подъ Дубровной и привезенъ въ Смоленскъ. Видные члены Московской иноземной колоніи полковники Иванъ фанъ-Говенъ и Вилимъ Брюсъ, узнавъ, что Г. «человѣкъ ученой, умѣетъ латинской и нѣмецкой грамотѣ», выхлопотали ему разрѣшеніе ѣхать въ Москву и занять въ Нѣмецкой слободѣ должность учителя. Тутъ Г. женился на дочери одного изъ обитателей слободы, Андрея Ута, и обзавелся своимъ дворомъ. Когда па-

стору Грегори поручено было ставить во дворцѣ комедіи, то онъ привлекъ къ сотрудничеству Г., съ которымъ познакомился еще во время совмѣстнаго путешествія изъ Смоленска въ Москву и съ дѣятельностью котораго, какъ учителя, былъ, конечно, хорошо знакомъ, и Петра Энглиса, перспективныхъ дѣлъ мастера, свояка Г. Артисты, иноземческія дѣти, были, вѣроятно, ученики Г. и съ ними онъ проходилъ роли. Кромѣ того, Г. помогалъ Грегори и въ постановкѣ комедій, на что указываетъ роспись его въ пріемѣ комедійнаго платья и денегъ на приготовленіе буттафоріи. Вмѣстѣ съ пасторомъ и артистами Г. представлялся царю и получилъ награжденіе. Съ 1675 г. Г. замѣнилъ Грегори въ завѣдываніи придворнымъ театромъ и съ большой энергіей занялся новой постановкой комедій: Темиръ-Аксаковой, Іосифовой, Егорьевой и Адамовой и возобновленіемъ старыхъ: Есфирь и Юдифь. Труды Г. не сопровождались замѣтнымъ успѣхомъ, и получая незначительное мѣсячное жалованье (3 рубля денегъ, по 6 чети ржи и овса, пудъ соли), Г. не былъ удостоенъ никакой награды отъ царя. Въ 1676 г. завѣдываніе театральнымъ дѣломъ перешло въ руки Ст. Чижинскаго, а Г. вернулся къ прежней должности учителя латинскаго и нѣмецкаго языковъ. Въ 1679 г. въ участи Г. произошло крупное измѣненіе. Когда Андрей Виніусъ изъ переводчиковъ Посольскаго приказа былъ пожалованъ въ дьяки Аптекарскаго приказа, то на освободившуюся должность былъ приглашенъ, по рекомендаціи другихъ переводчиковъ, Г. Призванный въ приказъ, Г. подвергся экзамену и показалъ достаточныя познанія въ нѣмецкомъ, голландскомъ и латинскомъ языкахъ, а также умѣнье говорить и писать по-русски. Назначеніе состоялось 25 октября 1679 г., при чемъ назначенъ былъ окладъ годового жалованья въ 65 руб. и поденныхъ денегъ по 9 алтынъ, всего, по вычисленію приказа, 163 руб. 55 коп. въ годъ. Въ новой должности Г. также не имѣлъ успѣха. Въ 1683 г. онъ былъ посланъ съ стольникомъ П. Потемкинымъ во Францію и Испанію, но самовольно покинулъ посольство на дорогѣ и вернулся въ Москву. Онъ былъ за такой проступокъ временно лишенъ жалованья. Въ томъ же году онъ былъ отданъ на поруки вслѣдствіе жалобы иноземца полковника Олафа фанъ Грана въ оскорбленіи. Въ 1690 г. полугодичное жалованіе Г. снова было задержано за нетерпимость къ католической религіи: польскій резидентъ жаловался, что «онъ, Юрья, о высланныхъ езуитахъ бытія ихъ на Москвѣ лютеромъ и кальвиномъ въ поруганіи и въ посмѣяніи на нихъ, езуитовъ, роздалъ въ Новонѣмецкой слободѣ письма». Скончался въ 1691 г.

П. Морозовъ, «Исторія русскаго театра», С.-Пб., 1889; С. Богоявленскій, «Московскій театръ при царяхъ Алексѣѣ и Петрѣ», М. 1914; Дѣла Посольскаго приказа въ Московскомъ Главн. Архивѣ М-ва Иностранныхъ Дѣлъ.

С. Богоявленскій.

Гигановъ *Іосифъ*, священникъ Тобольскаго собора, учитель татарскаго языка въ Тобольскомъ главномъ народномъ училищѣ, составилъ: 1) Грамматика татарскаго языка, со словаремъ. С.-Пб. 1801, 4°; 2) Коренныя слова, нужнѣйшія къ свѣдѣнію для обученія татарскому языку, собранныя въ Тобольскѣ. С.-Пб. 1801, 4°; 3) Грамматика турецкаго и арабскаго языка, съ словаремъ. С.-Пб. 1801, 4°; 4) Букварь татарскаго и арабскаго письма, съ приложеніемъ словъ, со знаками, показывающими ихъ выговоръ (подъ его руководствомъ составлена бухарцемъ Антометевымъ). С.-Пб. 1802, 4°. 5) «Словарь россійско-татарскій» (сибирскаго нарѣчія), напечатанъ по Высочайшему повелѣнію въ Петербургѣ въ 1804 г. (in 4°).

Геннади, «Справочный словарь»; Филаретъ, «Обзоръ»; «Справочный Энциклопед. Словарь», т. III; «Энциклопед. Лексиконъ», изд. Плюшара, т. XIV; Сопиковъ, «Опытъ россійской библіографіи»; Межовъ, «Русская историч. библіографія», III, стр. 316, 317.

Гида, дочь англійскаго короля Гаральда, жена великаго князя Владиміра Мономаха. Отецъ Гиды Гаральдъ II, послѣдній англо-саксонскій король въ Англіи, палъ въ битвѣ съ Вильгельмомъ Завоевателемъ при Гастингсѣ 14 октября 1066 г. Послѣ смерти Гаральда дѣти его, два сына и дочь Гида, искали убѣжища при дворѣ Свенона II, короля Датскаго. Датскій историкъ Саксонъ Грамматикъ передаетъ, что король Све-

нонъ выдалъ Гиду Гаральдовну замужъ за русскаго князя Вальдемара. То же сообщаютъ и норвежскіе лѣтописцы, называя мужемъ Гиды конунга Вальдемара. Въ виду того, что сынъ Ярослава Владиміръ умеръ въ 1052 г., а Гида вышла замужъ, по извѣстію датскаго историка Саксона Грамматика, лишь около 1070 г. (не позднѣе 1075 г.), слѣдуетъ предположить, что мужемъ Гиды былъ не сынъ, какъ нѣкоторые утверждаютъ, а внукъ Ярослава, Владиміръ Мономахъ, который былъ женатъ три раза; Гида была его первой женой. Норвежскіе лѣтописцы говорятъ, что сынъ Гиды женился на Христинѣ, дочери шведскаго короля Инга Стенкильсона, но извѣстно, что на Христинѣ былъ женатъ старшій сынъ Мономаха, Мстиславъ (род. въ 1075 или 1076 году). Изъ другихъ дѣтей Гиды и Владиміра извѣстны сыновья Ярополкъ и Вячеславъ и дочь Ингебурга, которая была въ супружествѣ за Кнутомъ Лавардомъ, герцогомъ Шлезвигскимъ, отцомъ Вальдемара I, короля Датскаго; однако по другимъ свѣдѣніямъ Ингебурга была внучка Гиды, дочь ея сына Мстислава. Относительно года рожденія и смерти Гиды никакихъ извѣстій нѣтъ.

Карамзинъ, «Исторія государства Россійскаго», т. II, стр. 20, 99, пр. 45, 240, 241; А. Лербергъ, «Изслѣдованія, служащія для объясненія древней русской исторіи». 1819 г., стр. 218; М. Д. Хмыровъ, «Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ. Историко-біографич. очеркъ», С.-Пб. 1863 г.; «Родословная роспись потомковъ Рюрика», составлена Н. Головинымъ. М. 1851 г., стр. 6; «Лѣтопись Ист.-Родословн. Общ. въ Москвѣ» 1909 г., вып. 3, стр. 48. *А. Ельницкій.*

Гижицкій, *Варѳоломей Каетановичъ*, генералъ-маіоръ, потомъ дѣйств. стат. совѣтникъ, Волынскій губернаторъ, потомокъ стариннаго польскаго дворянскаго рода (герба Гоздава), сынъ хорунжаго Житомирскаго, а потомъ Кіевскаго, Каетана († 1785 г.), отъ брака съ Екатериной Раковской, родился въ 1775 г. (по формулярному списку онъ въ 1807 г. былъ 32 лѣтъ), образованіе получилъ въ варшавскомъ конвиктѣ піаровъ (по формуляру онъ «по-польски, россійски, французски, нѣмецки и латыни читать и писать, геометріи, математикѣ и инженерныхъ правилъ знаетъ»). По польскимъ источникамъ онъ въ чинѣ ротмистра народной кавалеріи участвовалъ въ 1792 г. подъ начальствомъ Іосифа Понятовскаго въ военныхъ дѣйствіяхъ въ защиту конституціи 3 мая и за отличіе произведенъ въ полковники, по присоединеніи же короля Станислава Августа къ Тарговицкой конфедераціи удалился въ свое имѣніе на Волынь. Здѣсь у него произошло столкновеніе съ приходскимъ священникомъ (авторъ одного позднѣйшаго памфлета говоритъ, что Г. извѣстенъ «по исторіи тиранскаго обхожденія» съ православными священниками, которыхъ запрягали въ плугъ и мучили разными способами); чтобы замять это дѣло, ему пришлось отправиться въ Петербургъ, а затѣмъ онъ поступилъ на русскую военную службу подполковникомъ (по формуляру онъ принятъ въ русскую службы изъ «прежде бывшихъ» польскихъ войскъ 28 іюня 1791 г.) въ Конногренадерскій полкъ. 21 ноября 1797 г. Г. произведенъ въ полковники и назначенъ командиромъ гусарскаго Боура (Павлоградскаго) полка, стоявшаго въ Грузіи; оттуда онъ вывелъ этотъ полкъ на Кавказскую линію. 9 сентября 1798 г. произведенъ въ генералъ-маіоры съ оставленіемъ въ должности. Въ 1799 г. Г. посланъ былъ по Высочайшему повелѣнію инспектировать кавалерійскіе полки, а послѣ командовалъ бригадой, но вскорѣ чѣмъ-то навлекъ на себя гнѣвъ Павла I и въ ноябрѣ того же года отставленъ отъ службы. Черезъ годъ, 8 декабря 1800 г., онъ снова принятъ на службу съ зачисленіемъ по арміи и 18 ноября 1804 г. назначенъ шефомъ Харьковскаго драгунскаго полка. Въ 1805 г. Г. со своимъ полкомъ принималъ участіе въ войнѣ съ Наполеономъ. При Аустерлицѣ онъ командовалъ бригадой и былъ раненъ. За отличіе въ этомъ сраженіи Г. былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3 ст. Во время обратнаго похода онъ командовалъ кавалерійской колонной. Въ 1806 г. Г., оставаясь шефомъ полка, получилъ въ командованіе бригаду изъ полковъ Харьковскаго и Черниговскаго драгунскихъ и Ахтырскаго гусарскаго. Когда началась вторая война съ Наполеономъ и манифестомъ отъ 30 ноября 1806 г. объявлено о сборѣ земскаго ополченія, Г. снарядилъ на свой счетъ

12 конныхъ милиціонеровъ, несмотря на то, что дѣйствіе манифеста не распространялось на Волынь, гдѣ находилось его имѣніе, и просилъ позволенія зачислить ихъ въ свой полкъ, на что послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе. Съ 30 декабря 1806 г. по 4 февраля 1807 г. Г. командовалъ передовыми отрядами корпуса ген.-лейт. Эссена 1-го; самымъ крупнымъ дѣломъ за это время было истребленіе его отрядомъ двухъ непріятельскихъ эскадроновъ въ ночь на 9 января при Шумовѣ. Вообще начальникъ дивизіи съ большой похвалой отзывался о дѣйствіяхъ Г. во время командованія имъ передовыми отрядами. Съ польскаго театра войны онъ былъ потомъ временно командированъ въ Молдавскую армію для командованія Кинбурнскимъ драгунскимъ полкомъ. 17 февраля 1808 г. Г. былъ уволенъ отъ службы съ мундиромъ. Въ теченіе четырехлѣтняго командованія полкомъ онъ довелъ его до отличнаго состоянія, и всѣ высшіе начальники послѣ смотровъ давали о немъ самые лестные отзывы. Къ офицерамъ относился Г. прекрасно и заботился о нихъ, но въ 1805 г. во время отступленія у него произошло столкновеніе съ адъютантомъ Джелелевымъ: очень вспыльчивый и горячій, онъ ударилъ адъютанта палашомъ и ранилъ. Произведенное по этому поводу слѣдствіе доказало неумышленность поступка Г.

18 января 1814 г. Г. былъ выбранъ Волынскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства (маршаломъ), а 30 августа того же года снова принятъ на службу съ зачисленіемъ по кавалеріи. На Волыни въ это время происходила сильная борьба польскихъ помѣщиковъ съ русской администраціей, во главѣ которой стоялъ управлявшій губерніей сенаторъ Комбурлей. Г. сталъ во главѣ польской партіи и добился сначала сенаторской ревизіи, результатомъ которой было увольненіе Комбурлея, но и къ самому Гижицкому былъ предъявленъ рядъ обвиненій, такъ что въ 1815 г. онъ былъ устраненъ отъ должности. Борьба дворянства съ администраціей изображена въ современномъ памфлетѣ — письмахъ, напечатанныхъ въ «Кіевской Старинѣ» 1883 г. Авторъ памфлета говоритъ про Г., что онъ былъ удаленъ за польскій образъ мыслей. Послѣ увольненія Комбурлея, 14 марта 1816 г. назначенъ былъ Волынскимъ гражданскимъ губернаторомъ самъ Г., съ переименованіемъ въ дѣйств. стат. совѣтники. Вскорѣ послѣ назначенія у него произошла дуэль съ будущимъ декабристомъ княземъ С. Г. Волконскимъ, потребовавшимъ отмѣны одного распоряженія губернатора (послѣдній приказалъ выселить изъ квартиры офицера и отвести ее одному изъ польскихъ помѣщиковъ, собравшихся въ Житомирѣ по случаю Высочайшаго пріѣзда). Противники обмѣнялись безрезультатно выстрѣлами. Г., стоявшій въ бытность предводителемъ во главѣ польскаго дворянства, самъ сталъ вести съ нимъ борьбу, сдѣлавшись губернаторомъ. У него начались столкновенія съ губернскимъ маршаломъ гр. Ледоховскимъ; между прочимъ губернаторъ выселилъ послѣдняго изъ его дома, отведеннаго подъ квартиру корпуснаго командира. Министръ внутреннихъ дѣлъ призналъ его дѣйствія несообразными съ постановленіями, а Комитетъ министровъ положилъ поступокъ губернатора предоставить разсмотрѣнію Сената въ 1822 г. Ссорился Г. и съ начальникомъ таможеннаго округа гр. Булгари. Назначены были одна за другой двѣ ревизіи: главнокомандующаго арміей и сенатора Баранова. 15 марта 1825 г. Г. былъ удаленъ отъ должности постановленіемъ Комитета министровъ за неспособность и бездѣйствіе власти. Во время службы въ Житомирѣ онъ содѣйствовалъ возведенію стѣнъ Бернардинскаго монастыря и устройству дома сестеръ милосердія. Г. скончался 25 апрѣля 1826 г. Онъ былъ женатъ на дочери сенатора графинѣ Людвикѣ Илинской, но потомства не оставилъ.

«Wielka Encyklopedya Powszechna illustrowana», XXV—XXVI, 88; Е. Альбовскій, «Исторія Харьковскаго драгунскаго полка», 213—233; «Записки С. Г. Волконскаго», 388—395; «Кіев. Старина» 1883 г., т. I, 125 («Волынская революція первой четверти XIX столѣтія»); формулярный списокъ 1807 г. (Моск. отд. Арх. Гл. Штаба, кн. форм. сп., № 485); С. М. Середонинъ, «Обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ». I, 286—288, 439—444; «Сборникъ Импер. Рус. Историч. Общества», т. 62; A. Boniecki, «Herbarz polski», VI, 65; Dunin-Borkowski, «Almanach błękitny», 368. *Н. Чулковъ.*

Гизе, *Фердинандъ (Ѳедоръ) Ивановичъ* (Iohann-Emanuel-Ferdinand Giese), профессоръ химіи Харьковскаго и Дерптскаго университетовъ, родился 2 января 1781 г. въ Шаумбургѣ близъ Кюстрина; умеръ 10 мая 1821 г. въ Митавѣ, по дорогѣ за границу для лѣченія. Фармацевтъ по образованію, Г. работалъ въ лабораторіи Шрадера въ Берлинѣ и на фабрикѣ д-ра Дишлера въ Аугсбургѣ. Въ 1802 г. онъ былъ помощникомъ при Императорской аптекѣ въ Вѣнѣ, а въ 1803 г. вызванъ попечителемъ Харьковскаго университета въ качествѣ адъюнктъ-профессора по каѳедрѣ химіи. Г. былъ выдающимся химикомъ, и имя его упоминается въ ученыхъ трактатахъ его современниковъ съ эпитетомъ «ревностнаго и основательнаго изслѣдователя» (проф. Д. И. Лагермаркъ). Работа его «Всеобщая химія для учащихъ и учащихся», переведенная съ нѣмецкой рукописи профессоромъ физики Харьковскаго университета В. Комлишинскимъ и изданная въ Харьковѣ въ 1813—1817 гг., была настолько замѣчательна, что на изданіе ея были ассигнованы средства отъ Министерства народнаго просвѣщенія. «Всеобщая химія», по отзыву проф. Лагермарка, въ свое время была образцовымъ руководствомъ по химіи, равной которой не могли представить другія страны. Единственное сочиненіе, съ которымъ можно сравнить ее, это—извѣстный трудъ Берцеліуса, вышедшій 10 лѣтъ спустя. Г. произвелъ нѣсколько изслѣдованій минеральныхъ водъ, открытыхъ на югѣ Россіи. 5 іюля 1809 г. онъ избранъ членомъ-корреспондентомъ Академіи Наукъ. 6 ноября 1814 г. Г. переведенъ въ качествѣ профессора химіи въ Дерптскій университетъ, которому и была посвящена вся остальная жизнь его.

Труды Гизе: 1) Von den chemischen Processen und den dabey sich darbietenden Erscheinungen nebst Darstellung der sie bewirkenden Mittel und Ursachen. Berlin 1804, 8°. 2) Lehrbuch der Pharmazie zum Gebrauche öffentlicher Vorlesungen und zur Selbstbelehrung nach den neuesten physikalisch-chemischen Lehrsätzen entworfen. I B. 1-ste Abth. Riga 1806; 2-te Abth. Riga 1807; 3-te Abth. Riga 1807; I B. 2-ter Theil. 4-te Abth. Riga 1808; III Theil 5-te Abth. Leipzig 1811; IV Theil, 6-te und letzte Abth. Leipzig 1811. 3) Физико-химическое и врачебное испытаніе минеральныхъ водъ и нѣкоторой глины, отысканной Полтавской губ. въ Константиноградскомъ повѣтѣ, близъ рѣки Орели. Харьковъ. 1806. 8°. 4) Hauptzüge von den Forschritten, welche die Naturforscher Russlands in der Kenntniss vaterländischer Naturerzeugnisse gethan haben und von denen welche noch zu thun übrig sind. Rede am Stiftungstage der Universität Charkow den 17 Jan. 1807. (Перепеч. въ «Mitausche Wöch. Unterh.» B. VI, S. 359—368. 1807). 5) Извѣстіе объ испытаніи минеральныхъ водъ, въ дачахъ ст. сов. Кочубея, находящихся Полтавской губ. Константиноградскаго уѣзда, при деревнѣ Дубовыя Гряды называемой. Харьковъ 1808. 6) Извѣстіе объ испытаніи минеральныхъ водъ, открытыхъ въ Изюмскомъ уѣздѣ, въ дачахъ г. Денисенкова. Харьковъ 1809. 7) Classification des substances végétales et animales selon leurs propriétés chimiques. Moscou 1810. 8°. 8) О выгоднѣйшемъ способѣ добывать и очищать селитру, основанномъ на химическихъ началахъ, перев. съ нѣм. Харьковъ 1811. 8°. 9) Извѣстія объ испытаніи сукно-валяльной глины, найденной на дачахъ г. Капниста, Екатеринославской губ., Харьковъ 1812. 8°. 10) Всеобщая химія для учащихъ и учащихся. Съ нѣмецкой рукописи переведена Василіемъ Комлишинскимъ, въ пяти томахъ. Харьковъ 1813—17. 8°. 11) Darstellung der allgemeinen Chemie zum Behuf seiner Vorlesungen. I B. 1-ste Abth., welche die Systemkunde enthält. Dorpat 1820. 8°.

Статьи его на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ печатались въ слѣдующихъ журналахъ: «Scherers Journal der Chemie»; «Allgemeine nordische Annalen der Chemie, herausg. v. Scherer»; «Scherers nord. Bull. für die Chemie»; «Tromsdorfs Journal der Pharmazie»; «Berliner Jahrbuch für die Pharmazie»; «Mémoires de la société des naturalistes de l'université impériale de Moscou»; «Grindels russ. Jahrbuch der Pharmazie»; «Grindels russische Jahrbücher für die Chemie und Pharmacie»; «Gilbert's Annalen der Physik»; «Gehlen's neues allgem. Journal der Chemie»; «Schweiger's und Meineke's

neues Journal für Chemie und Physik»; списокъ ихъ см. въ «Лексиконѣ» Рекке и Напіерскаго, т. II, 54—56. Въ 1809 г. издавалъ въ Ригѣ совмѣстно съ Д. І. Гринделемъ «Russisches Jahrbuch für die Chemie und Pharmacie» (8 томовъ).

«Біограф. словарь проф. и преп. Имп. Юрьевскаго Университета»; Багалѣй, Д., «Опытъ исторіи Харьковскаго Университета»; Геннади, Г., «Справочный словарь»; «Scherers allgemeine nordische Annalen der Chemie», B. I, 380; Recke und Napiersky, «Lexicon», B. II; «Bibliothèque Imp. Publ. de St.-Pbg. Catalogue de la section des Russica», I; 569; «Tableau général des matières contenues dans les publications de l'Académie Imp. des sciences de St. Pbg.», I, 455. *М. А. Ціонъ.*

Гизенъ, баронъ *Фридрихъ*, см. *Гюйсенъ*.

Гизетти, *Германъ Антоновичъ*, сенаторъ, тайный совѣтникъ; родился 10 февраля 1805 г. въ Москвѣ. Онъ былъ сынъ нарвскаго, а потомъ московскаго купца и московскаго биржевого маклера Антона Адамовича (р. 1763 г. † 1841 г.), потомка старинной венеціанской дворянской фамиліи Guizetti di Capoferri, отъ брака съ Елизаветой Андреевной Крюгеръ (р. 1783 г. † 1852 г.). Первоначальное образованіе Гизетти получилъ въ извѣстномъ петербургскомъ пансіонѣ пастора Муральта, гдѣ онъ пробылъ два года; возвратившись въ Москву, онъ поступилъ вольнослушателемъ въ Московскій университетъ, откуда вскорѣ перешелъ въ Дерптъ. По окончаніи курса наукъ на юридическомъ факультетѣ Дерптскаго университета въ 1826 г., Г. въ маѣ 1827 г. былъ опредѣленъ на службу въ особую канцелярію Министерства финансовъ по кредитной части, но петербургскій климатъ вредно отозвался на его здоровьѣ, и поэтому въ мартѣ 1830 г. онъ перешелъ на службу въ Московскую контору Государственнаго Коммерческаго банка помощникомъ бухгалтера и занималъ эту должность до февраля 1834 г. Въ 1832 г. имъ была напечатана диссертація («Specimen principiorum generalium juris Russiae de delictis et poenis». Regimontii. 1832, 8°), за которую Кенигсбергскій университетъ удостоилъ его степени доктора правъ. Между тѣмъ вновь назначенный въ Восточную Сибирь генералъ-губернаторомъ генералъ-лейтенантъ Сулима, отыскивая образованныхъ молодыхъ людей для службы въ Сибири, пригласилъ Г. ѣхать съ нимъ туда, и онъ принялъ предложеніе. Вскорѣ однако Сулима былъ переведенъ въ Западную Сибирь, а на его мѣсто назначенъ генералъ-маіоръ Броневскій. Послѣдній оцѣнилъ достоинства Г. и назначилъ его 16 августа 1834 г. чиновникомъ особыхъ порученій Соляного отдѣленія Иркутской казенной палаты съ исправленіемъ должности совѣтника Иркутскаго губернскаго правленія (въ послѣдней должности утвержденъ былъ 7 сентября); въ 1835 г. онъ былъ неоднократно командированъ для производства слѣдствій въ Забайкальской области, Кяхтѣ и другихъ мѣстностяхъ края. Въ 1836 г. Г. женился на дочери генералъ-губернатора Броневскаго, Варварѣ Семеновнѣ. Въ 1837 г. онъ переѣхалъ въ Петербургъ и былъ сначала причисленъ къ департаменту исполнительной полиціи, а затѣмъ, поступивъ по совѣту графа Сперанскаго въ 1838 г. на службу по Министерству юстиціи, былъ прикомандированъ къ комитету для провѣрки свода законовъ. По закрытіи этого комитета онъ въ іюлѣ 1839 г. былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій 6-го класса при Министерствѣ юстиціи. Въ августѣ того же года онъ получилъ мѣсто преподавателя практическаго уголовнаго судопроизводства въ Училищѣ правовѣдѣнія и читалъ здѣсь лекціи до февраля 1844 г. Въ январѣ 1840 г. онъ былъ утвержденъ въ должности начальника 1-го отдѣленія департамента Министерства юстиціи, которую исправлялъ съ іюля предыдущаго года, и занималъ ее до января 1841 г., когда былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій 5-го класса. Въ іюнѣ 1842 г. Г. перешелъ на службу въ канцелярію статсъ-секретаря у принятія прошеній производителемъ дѣлъ по экспедиціи разсмотрѣнія всеподданнѣйшихъ жалобъ на рѣшенія гражданскихъ судебныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената. 16 августа 1844 г. онъ былъ произведенъ въ статскіе совѣтники, а 23 апрѣля 1850 г. въ дѣйствительные статскіе совѣтники. 8 ноября 1856 г. Г. назначенъ юрисконсультомъ Коммерческаго банка

съ оставленіемъ въ должности чиновника особыхъ порученій, 5 января 1863 г. назначенъ членомъ консультаціи при Министерствѣ юстиціи, 17 апрѣля того же года произведенъ въ тайные совѣтники, а 13 іюня того же года ему повелѣно присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ. Онъ присутствовалъ въ департаментахъ: сначала въ Межевомъ (1863 г.), затѣмъ въ 4-мъ (1864—1871 гг.), съ 1871 г. по 1878 г. въ гражданскомъ кассаціонномъ, съ 1878 г. въ 1-мъ отдѣленіи 3-го департамента, наконецъ въ 1880—81 гг. въ общемъ собраніи 3-го, 4-го и Межевого департаментовъ. Со времени назначенія сенаторомъ Г. былъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4-й (1863 г.) и 2-й ст. (1870 г.) и св. Анны 1-й ст. (1866 г.). Г. былъ человѣкъ высоко и многосторонне образованный, много читалъ по разнымъ отраслямъ знаній и до послѣднихъ дней съ живымъ интересомъ слѣдилъ за всѣми событіями въ мірѣ ученомъ и государственномъ, но, будучи чрезвычайно скроменъ, не любилъ выдаваться впередъ и выставлять напоказъ передъ посторонними свои познанія. Онъ всегда велъ тихую жизнь, почти исключительно въ кругу семьи и друзей. Въ дѣлахъ служебныхъ онъ всегда ставилъ выше всего правду и справедливость. Доброта его невольно влекла всѣхъ къ нему. Тяжелыя занятія въ званіи сенатора гражданскаго кассаціоннаго департамента надломили здоровье Гизетти, что побудило его просить въ 1880 г. о переводѣ въ общее собраніе 3-го, 4-го и Межевого департаментовъ, гдѣ ему пришлось уже недолго присутствовать. 8 февраля 1881 г. онъ скончался. Погребенъ въ Петербургѣ въ Воскресенскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Г. оставилъ двухъ сыновей: Антона (служилъ по судебному вѣдомству, р. 1843 г. † 1890 г.) и Анатолія (р. 1846 г. † 1909 г., сенаторъ), и двухъ дочерей: Серафиму (р. 1838 г., за тайн. сов. И. К. Ренаромъ) и Евгенію (р. 1842 г., за Ридигеромъ).

Формулярный списокъ. — «Голосъ» 1881 г., № 46 (некрологъ). — «Матеріалы для исторіи Московскаго купечества», VII, 160. — «Catalogue de la section des Russica... de la Bibl. Imp. Publ. de St.-Pbg.», T. I.

Н. Александровичъ.

Гика, князь *Иванъ Карловичъ*, генералъ-лейтенантъ, Смоленскій военный губернаторъ, родился въ 1765 г. (по формулярному списку ему было въ 1801 г. 36 лѣтъ), образованіе получилъ въ греческой гимназіи, куда поступилъ 1 января 1776 г. Черезъ 5 лѣтъ, 1 янв. 1781 г., выпущенъ подпоручикомъ въ Козловскій мушкетерскій полкъ и 24 ноября того же года получилъ чинъ поручика. 1 января 1786 г. Г. произведенъ въ капитаны. Переведенный при производствѣ въ секундъ-маіоры въ Екатеринославскій гренадерскій полкъ (22 янв. 1788 г.), онъ принялъ участіе въ турецкой войнѣ и находился при осадѣ и штурмѣ Очакова (1788), гдѣ былъ контуженъ въ грудь, и при осадѣ и сдачѣ Килія (1790). 7 ноября 1791 г. произведенъ въ премьеръ-маіоры. Въ 1792 г. участвовалъ въ польской войнѣ. 29 мая того же года переведенъ капитанъ-поручикомъ въ Преображенскій полкъ, состоя въ которомъ получилъ затѣмъ чины капитана (1 янв. 1795 г.), полковника (15 ноября 1796 г.), генералъ-маіора (1 февр. 1798 г.) и генералъ-лейтенанта (5 янв. 1800 г.). Съ 1 февраля 1798 г. командовалъ гренадерскимъ баталіономъ Преображенскаго полка. Въ 1800 г. 16 апрѣля назначенъ Смоленскимъ комендантомъ и шефомъ Смоленскаго гарнизона, переформированнаго потомъ въ полкъ, и въ іюнѣ — Смоленскимъ военнымъ губернаторомъ. Состоялъ также инспекторомъ по инфантеріи Смоленской инспекціи. 23 іюня 1802 г. повелѣно ему состоять по арміи, а 20 декабря того же года онъ уволенъ отъ службы по болѣзни, вызванной контузіей, съ мундиромъ и пенсіономъ половиннаго жалованія.

Формулярный списокъ (Моск. отд. Арх. Гл. Штаба, кн. форм. сп. № 98, до № 170, лл. 362—363, по описи № 152); «Русская Старина», 1874 г., т. XII, 831; «Исторія л.-гв. Преображенскаго полка», т. IV, 64.

Н. Чулковъ.

Гиларовскій, *Петръ Ивановичъ*, преподаватель математики, физики и языковъ русскаго и древнихъ классическихъ — латинскаго и греческаго. Временемъ его дѣятельности были конецъ XVIII и начало XIX вѣковъ, а мѣстомъ — С.-Петербургъ. Въ учрежденномъ въ 1759 г. «Благород-

номъ Пажескомъ корпусѣ» онъ преподавалъ «Россійскій слогъ и латинскій языкъ», а въ основанномъ въ 1764 г. подъ названіемъ «Общества благородныхъ дѣвицъ» (нынѣшній Смольный институтъ) первомъ женскомъ училищѣ въ Россіи — физику. Но учебнымъ заведеніемъ, къ которому Г. наиболѣе тяготѣлъ въ своей преподавательской дѣятельности, а также и въ учебно-литературной, была учительская гимназія, назначенная для подготовленія учителей въ открываемыя вновь народныя училища. Учрежденная комиссіею объ установленіи училищъ, первымъ присутствующимъ въ которой, т.-е. предсѣдателемъ, былъ «благодѣтель» и «покровитель» Г. П. В. Завадовскій, она являлась первымъ открытымъ въ Россіи учрежденіемъ для приготовленія учителей средней и низшей школъ. Начавъ здѣсь свою дѣятельность съ преподаванія физики, Г. не могъ не обратить вниманія на несоотвѣтствіе цѣлямъ учительской гимназіи, какъ высшаго учебнаго заведенія, употребляемаго въ ней и составленнаго собственно для главныхъ народныхъ училищъ, т.-е. для средней школы, «Краткаго руководства къ физикѣ, для употребленія въ народныхъ училищахъ Россійской Имперіи, изданнаго по Высочайшему повелѣнію царствующія Императрицы Екатерины вторыя» (С.-Пб. 1785). Въ виду этого онъ занялся составленіемъ новаго учебника физики, назначеннаго уже для удовлетворенія требованіямъ высшаго преподаванія. По окончаніи своего труда Г. представилъ его въ комиссію объ установленіи народныхъ училищъ, которая нашла, что «сочиненіе сіе гораздо полнѣе руководства къ физикѣ, уже изданнаго ею для ученическаго употребленія народныхъ училищъ, и содержитъ въ себѣ разныя новѣйшія въ физикѣ открытія, такъ какъ и часть къ химіи принадлежащую, весьма въ общежитіи полезную, потому признала, что книга сія можетъ служить съ пользою не только для учительскаго, въ народныхъ школахъ, употребленія къ объясненію истинъ, въ самой краткости предложенныхъ въ маломъ, напечатанномъ для сихъ училищъ, руководствѣ, но что и оное же пріятно будетъ для всѣхъ вообще любителей наукъ, не имѣющихъ удобности почерпать о сихъ наукахъ свѣдѣнія изъ иностранныхъ книгъ». На основаніи этихъ заключеній комиссія постановила немедленно, т.-е. въ томъ же 1792 г., приступить къ печатанію труда Г., который затѣмъ и вышелъ въ свѣтъ въ слѣдующемъ 1793 г. подъ заглавіемъ: «Руководство къ физикѣ, сочиненное Петромъ Гиларовскимъ, учителемъ Математики и Физики въ учительской Гимназіи, Физики въ обществѣ благородныхъ дѣвицъ, Россійскаго слога и Латинскаго языка въ благородномъ Пажескомъ Корпусѣ» (8°. С.-Пб. 10 нен.+505+2 нен. стр. и VIII таблицъ чертежей). Въ посвященіи книги П. В. Завадовскому авторъ говоритъ, что «совершился уже одинъ Лустръ (пятилѣтіе), какъ я нахожусь подъ высокимъ вашимъ покровительствомъ». Изъ этихъ словъ слѣдуетъ, что вступленіе автора въ число преподавателей учительской гимназіи должно быть отнесено къ 1787 или къ 1788 г. Такъ какъ въ это время математика преподавалась здѣсь профессоромъ Головинымъ, то до смерти послѣдняго, послѣдовавшей 8 іюня 1790 г., Г. могъ преподавать въ учительской гимназіи только одну физику. Кромѣ отмѣченнаго приведеннымъ отзывомъ комиссіи стремленія Г. возвысить свое сочиненіе до уровня современнаго состоянія науки въ отношеніи изложенія новыхъ открытій, то же стремленіе и можетъ быть даже еще въ большей степени наблюдается въ отношеніи приложеній математики къ физикѣ. Имъ онъ посвящаетъ въ своей книгѣ обширное (стр. 426—493) «Прибавленіе математическихъ доказательствъ и изслѣдываній къ разнымъ параграфамъ».

По отсутствію въ русской учебной литературѣ сочиненій, посвященныхъ приспособленному къ цѣлямъ Г. изложенію элементовъ высшей математики, онъ оказался вынужденнымъ ограничиться въ упомянутомъ своемъ «Прибавленіи» только элементарною математикою. Это должно было вызвать въ немъ мысль о пользѣ и даже необходимости пополненія указаннаго пробѣла современной ему русской учеб-

ной литературы по математикѣ. За осуществленіе этой мысли онъ принялся, повидимому, или немедленно послѣ окончанія «Физики», или даже и ранѣе. Какъ бы то ни было, но пополняющее указанный пробѣлъ сочиненіе Г. въ 1796 г. уже вышло въ свѣтъ подъ заглавіемъ «Сокращеніе вышней математики, сочиненное Петромъ Гиларовскимъ, учителемъ Математики и Физики въ учительской Гимназіи, Физики въ обществѣ благородныхъ дѣвицъ, Россійскаго слога и Латинскаго языка въ благородномъ Пажескомъ Корпусѣ» (С.-Пб. 8°. 4 ненум.+138+6 ненум. стр. и 3 таблицы чертежей). Что происхожденіе разсматриваемаго сочиненія Г. было именно такимъ, какъ сейчасъ изложено, слѣдуетъ изъ заканчивающаго обзоръ «содержанія и порядка расположенія» сочиненія слѣдующаго замѣчанія автора: «поелику сіе сочиненіе служитъ дополненіемъ къ физикѣ Гиларовскаго; то приложены нѣкоторыя поправки въ разсужденіи фигуръ Физики». Содержаніе разсматриваемаго сочиненія Г. состоитъ въ краткомъ изложеніи началъ дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій и ихъ приложеній къ «Высшей Геометріи, или ученію о кривыхъ линеяхъ». Изъ двухъ частей, составляющихъ изложеніе приложеній, первая (стр. 21—97) посвящена коническимъ сѣченіямъ, а вторая (стр. 98—125) «Конхоидѣ, Циссоидѣ, Логариѳмикѣ, Спиралѣ, Циклоидѣ и Квадратриксѣ». Сочиненіе является такимъ образомъ принадлежащимъ къ типу прообразовъ тѣхъ учебниковъ анализа безконечно-малыхъ, которые составляются въ настоящее время для натуралистовъ. Оно было также первымъ напечатаннымъ на русскомъ языкѣ учебникомъ дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій и ихъ приложеній къ геометріи. Благодаря такому своему значенію въ русской математической литературѣ и обусловливаемому имъ положенію въ ней, разсматриваемое сочиненіе Г. вышло, по свидѣтельству Сопикова (см. «Опытъ россійской библіографіи», т. IV, № 11094), въ 1806 г. вторымъ изданіемъ, внѣ слѣдовательно всякой зависимости отъ «физики» того же автора, какъ оставшейся при одномъ первомъ изданіи. Въ настоящемъ случаѣ, какъ и въ аналогичныхъ другихъ, историкъ математики стоитъ передъ проявленіемъ факта, общаго для всѣхъ эпохъ перехода отъ до-научнаго періода развитія наукъ математическихъ къ научному періоду того же развитія. Этотъ фактъ состоитъ въ обращеніи дѣятелей науки этихъ эпохъ къ занятіямъ чистою математикою вслѣдствіе обнаруженія въ сознанномъ болѣе или менѣе ясно видѣ ея необходимости для знаній, имѣющихъ прикладное или, вообще говоря, практическое значеніе.

Учено-литературная дѣятельность Гиларовскаго не ограничилась областями математики и физики, но распространилась также и на другую его спеціальность, т.-е. на древніе языки, и именно на греческій. Давно уже чувствуемая всѣми учебными заведеніями, въ которыхъ преподавался этотъ языкъ, нужда въ новомъ его словарѣ распространилась съ 1787 г. и на учительскую гимназію вслѣдствіе состоявшагося въ этомъ году постановленія о введеніи въ ней преподаванія греческаго языка. Для удовлетворенія создавшейся такимъ образомъ и для учительской гимназіи нужды въ новомъ греческомъ словарѣ Гиларовскій принялся за его составленіе, не прерывая въ то же время своихъ работъ по математикѣ и физикѣ. Въ 1794 г. этотъ новый трудъ Гиларовскаго былъ оконченъ и представленъ въ комиссію объ установленіи училищъ. Въ журналѣ послѣдней отъ 15 ноября того же года находится по этому предмету слѣдующая запись: «статскій совѣтникъ и кавалеръ *Янковичъ* (членъ комиссіи) поднесъ комиссіи объ учрежденіи училищъ *краткій греческій лексиконъ древняго діалекта*, сочиненный семинаріи учительской учителемъ Гиларовскимъ, для употребленія той семинаріи и другихъ училищъ, гдѣ греческій языкъ преподается. Одобряя сей трудъ Гиларовскаго, комиссія объ учрежденіи училищъ, находя, что такового лексикона на россійскомъ языкѣ нѣтъ, кромѣ одного самаго стариннаго и давно уже разошедшагося, и что училища, гдѣ греческій языкъ преподается, конечно имѣютъ въ томъ нужду, опредѣлила, по засвидѣтельствованіи доброты его

отъ г. статскаго совѣтника Янковича и другихъ людей, сей языкъ знающихъ, коимъ оной лексиконъ отъ него, г. статскаго совѣтника, былъ также для разсмотрѣнія сообщаемъ, напечатать его въ числѣ тысячи экземпляровъ, и потомъ снабдить имъ семинарію учительскую и Пажескій двора Ея Императорскаго Величества корпусъ, пустя остальное въ продажу для охотниковъ, а особливо для семинарій духовныхъ, по коимъ языкъ сей преподается, и кои, какъ уповаетъ комиссія, возьмутъ онаго знатное число». По неизвѣстнымъ причинамъ печатаніе греческаго словаря Гиларовскаго однако же не состоялось, хотя еще въ 1801 г. онъ значился подъ именемъ «Греческаго словаря Гиларовскаго» въ «реестрѣ книгамъ, переведеннымъ и сочиненнымъ, но еще въ печать комиссіею не изданнымъ».

Не оставилъ Гиларовскій безъ своего участія также и близкое учительской гимназіи, а вмѣстѣ съ нею и самой комиссіи объ учрежденіи училищъ періодическое изданіе, выходившее въ 1785—87 гг. подъ названіемъ «Растущій виноградъ, ежемѣсячное сочиненіе, издаваемое отъ главнаго народнаго училища города Святаго Петра». Близкимъ къ учительской гимназіи это изданіе было не только по выпускавшему его въ свѣтъ учрежденію, но и по своимъ редакторамъ, которыми были профессора учительской гимназіи сначала *Сырейщиковъ*, а потомъ *Зуевъ*. Помѣщеннымъ въ этомъ изданіи въ годъ вступленія Гиларовскаго въ число преподавателей учительской гимназіи его трудомъ былъ переводъ съ греческаго языка «жизни Епименида» (книжка за мѣсяцъ мартъ 1787 г., стр. 74—83).

Словесности, на сколько теперь извѣстно, было посвящено только одно сочиненіе Гиларовскаго. Оно вышло въ свѣтъ въ 1799 г. подъ заглавіемъ «Истинное блаженство Россіи» (4°. С.-Пб.).

Обширныя для своего времени и своей страны свѣдѣнія Гиларовскаго въ математикѣ, астрономіи, физикѣ, химіи и въ языкахъ древнихъ, латинскомъ и греческомъ, и нѣсколькихъ новыхъ, которыми по меньшей мѣрѣ были языки русскій и французскій, заставляютъ смотрѣть на него, какъ на принадлежавшаго къ числу ученѣйшихъ между его русскими современниками.

Свѣдѣнія о Гиларовскомъ находятся въ слѣдующихъ изданіяхъ: Митрополитъ Евгеній, «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей», т. I, стр. 119, 7 строкъ; Геннади, «Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ», т. I, стр. 217, 12 строкъ; Графъ Д. А. Толстой, «Городскія училища въ царствованіе Императрицы Екатерины II» (Приложеніе къ LIV тому Записокъ Императорской Академіи Наукъ, № 1), С.-Пб. 1886, стр. 50—51.

В. В. Бобынинъ.

Гилленшмитъ (Gyllenschmidt), *Яковъ Яковлевичъ*, генералъ-отъ-артиллеріи, инспекторъ всей артиллеріи, изъ дворянъ Лифляндской губ., родился въ 1782 г., воспитывался въ частномъ училищѣ, въ службу вступилъ капенармусомъ 27 августа 1795 г. во 2-й канонирскій полкъ, въ январѣ 1797 г. переведенъ сначала въ 3-й бомбардирскій баталіонъ, а потомъ въ Выборгскій артиллерійскій гарнизонъ, съ переименованіемъ въ юнкера. Въ 1799 г. служилъ во 2-мъ артиллерійскомъ баталіонѣ генералъ-маіора Вильде, гдѣ 26 декабря 1799 г. произведенъ въ поручики, съ марта 1800 г.—въ 1-мъ артиллерійскомъ полку, съ августа 1801 г. — во 2-мъ баталіонѣ, въ іюнѣ 1803 г. вступившемъ въ составъ 9-го артиллерійскаго полка. 29 іюня 1805 г. произведенъ въ поручики и 1 сентября того же года переведенъ въ 10-й артиллерійскій полкъ, а въ августѣ 1806 г. по раздѣленіи полковъ на бригады поступилъ въ 16 артиллерійскую бригаду. 6 ноября 1806 г. произведенъ въ штабсъ-капитаны, съ переводомъ въ Кіевскую резервную артиллерійскую бригаду (переименована въ 1811 г. въ 7-ю резервную и въ 1814 г.—въ 16-ю), 1 ноября 1807 г.—въ капитаны. Въ 1809—1810 гг. во время турецкой войны участвовалъ въ осадѣ и взятіи кр. Браилова (награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ 27 іюля 1809 г.), Силистріи (награжденъ орденами св. Анны 3 ст. 7 августа 1810 г. и 2 ст. 19 сентября 1810 г.), Рущука и Журжи и бомбардировкѣ Шумлы. 8 января 1810 г. получилъ чинъ маіора, 9 февраля 1811 г.—подполковника и 1 іюля 1819 г.—полковника. 6 іюля 1821 г. назначенъ командиромъ 20-й артиллерійской бригады. 9 іюня 1825 г.

получилъ орденъ св. Георгія 4 ст. за 25 лѣтъ службы. 1 марта 1827 г. за отличіе по службѣ переведенъ въ л.-гв. 1 артиллерійскую бригаду съ оставленіемъ въ прежней должности. Въ 1827 г. участвовалъ во время персидской войны въ сраженіи при горѣ Алагезъ, осадѣ и взятіи Сардаръ-Аббата и Эривани и въ походѣ въ Тавризъ, награжденъ орденомъ св. Владиміра 3 ст. (6 апрѣля 1828 г.). Произведенный 15 марта 1828 г. въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ начальникомъ артиллеріи отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, онъ принялъ участіе въ турецкой войнѣ. Въ 1828 г. онъ участвовалъ въ осадѣ и взятіи приступомъ Карса, обложеніи и взятіи приступомъ Ахалкалакъ, пораженіи турецкаго корпуса Махметъ-Паши 9 августа у Ахалцыка и осадѣ и штурмѣ этой крѣпости, при чемъ 11 августа былъ контуженъ ядромъ въ лѣвое плечо, и въ 1829 г. — въ сраженіяхъ при р. Гункеръ-Су и Каинлы, взятіи приступомъ укрѣпленнаго лагеря при Мелидесѣ, занятіи Эрзерума и взятіи приступомъ Байбурта. За отличіе въ этой войнѣ награжденъ орденами: св. Владиміра 2 ст. — за Ахалцыкъ (21 апрѣля 1829 г.), св. Георгія 3 кл. — за Эрзерумъ (19 января 1830 г.), св. Анны 1 ст. (21 апрѣля 1830 г.) — за Ахалкалаки, той же степени съ Императорской короной за Байбуртъ (21 апрѣля 1830 г.) и золотой шпагой съ алмазами и надписью «за храбрость» за Карсъ (30 апрѣля 1829 г.). Въ 1830 г. онъ участвовалъ въ экспедиціяхъ: въ февралѣ—противъ лезгинъ и въ октябрѣ—противъ шапсуговъ и за успѣшныя дѣйствія произведенъ въ генералъ-лейтенанты (18 октября 1831 г.). Въ слѣдующемъ году съ Кавказа онъ былъ переведенъ на противоположную окраину имперіи — Царство Польское, гдѣ въ сентябрѣ принялъ участіе въ преслѣдованіи остатковъ польской арміи. 18 октября 1831 г. назначенъ и. д. начальника артиллеріи дѣйствующей арміи, утвержденъ въ этой должности 1 сентября 1834 г. Въ 1835 г. получилъ маіоратъ въ Царствѣ Польскомъ. 1 сентября 1843 г. произведенъ въ генералы-отъ-артиллеріи. Въ 1849 г. Г. участвовалъ въ Венгерскомъ походѣ и былъ въ сраженіяхъ при Вайценѣ и Дебречинѣ (награжденъ 15 августа орденомъ св. Владиміра 1 ст.). 12 сентября 1849 г. назначенъ инспекторомъ всей артиллеріи и 26 декабря того же года — шефомъ батарейной № 2 батареи л.-гв. 1 артиллерійской бригады, 6 декабря 1850 г. награжденъ вензелями Его Величества для ношенія на эполетахъ. Кромѣ того, награжденъ былъ орденами Бѣлаго Орла (6 декабря 1833 г.) и св. Александра Невскаго (17 іюля 1838 г., алмазами къ нему въ 1845 г.) и табакеркой съ брилліантами (1839 г.). Г. скончался 24 марта 1852 г. и похороненъ на Смоленскомъ евангелическомъ кладбищѣ въ Петербургѣ. По отзыву Н. Н. Муравьева-Карскаго Гилленшмитъ былъ «человѣкъ благородныхъ правилъ, офицеръ дѣятельный, знающій и смѣлый».

Формулярный списокъ (Моск. отд. Арх. Главн. Штаба, книга форм. списковъ № 13184); «Петербургскій Некрополь», т. I; «Русскій Архивъ», 1877 г., I, 322 (изъ записокъ Н. Н. Муравьева-Карскаго).

Е. Александровичъ.

Гиллеръ, *Агатонъ*, польскій революціонеръ, историкъ, изслѣдователь Сибири, родился въ 1831 г. въ Опатовкѣ подъ Калишемъ, среднее образованіе получилъ въ Калишѣ, Ломжѣ и Варшавѣ, а высшее въ Краковской академіи. Принялъ участіе въ революціонной дѣятельности и въ 1854 г. былъ сосланъ въ Сибирь (по словамъ Либровича это уже была вторая ссылка Г. въ Сибирь, первый же разъ онъ былъ сосланъ въ 1848 г.). Въ ссылкѣ, пользуясь снисхожденіемъ властей, Г. собиралъ свѣдѣнія о Сибири, особенно о Забайкальѣ: о природѣ страны, населеніи ея, торговлѣ и промыслахъ, а также о судьбѣ ссыльныхъ поляковъ, ихъ жизни и дѣятельности. Собранныя свѣдѣнія онъ впослѣдствіи издалъ въ своемъ трехтомномъ трудѣ: «Описаніе Забайкальскаго края» («Opisanie Zabajkalskiej krainy w Syberyi», Lipsk, 1867), представляющемъ цѣнный матеріалъ какъ для этнографіи Сибири, такъ и для исторіи польской ссылки, но отличающемся сильнымъ руссофобствомъ. Этимъ трудомъ воспользовался С. В. Максимовъ для своей «Сибири и каторги». Кромѣ того, результатомъ пребыванія Г. въ Сибири было его «Путешествіе

узника по этапу въ Сибири въ 1854 г.» («Podróż więźnia etapami do Syberyi w r. 1854», Lipsk, 1866) въ 2 томахъ и «Списокъ польскихъ ссыльныхъ до 1860 г.» (Познань, 1872). Возвратившись изъ Сибири послѣ амнистіи польскихъ ссыльныхъ въ началѣ царствованія Александра II, Г. принялъ на себя съ 1 октября 1862 г. редактированіе дешевой народной газеты «Czytelnia niedzielna», издававшейся на деньги жены дѣйств. ст. сов. Петровой, русской по крови, но польки по духу. Одновременно возобновилась и его революціонная дѣятельность. Въ началѣ 60-хъ годовъ онъ вмѣстѣ съ Хмеленскимъ, Домбровскимъ, Падлевскимъ и Авейде вступилъ въ общество Карла Маевскаго, или конспиративный академическій кружокъ, который послѣ этого сталъ проявлять усиленную дѣятельность и переименовался въ Варшавскій городской комитетъ. Въ іюлѣ 1862 г. Г. сдѣлался членомъ центральнаго народнаго комитета, взявшаго на себя организацію возстанія, и составилъ для него инструкцію; въ комитетѣ онъ представлялъ умѣренное направленіе. Въ концѣ сентября Г. составилъ отъ имени комитета письмо къ Герцену (напечатано въ «Колоколѣ» отъ 1 октября) и поѣхалъ съ Падлевскимъ въ Лондонъ, но вернулся оттуда разочарованный въ Герценѣ. Въ январѣ 1863 г. онъ сдѣлался членомъ временнаго народнаго правительства (народный ржондъ) перваго состава, а въ мартѣ вступилъ во временное правительство второго состава. Г. завѣдывалъ сначала дѣлами провинціи, а потомъ исключительно прессой, причемъ и самъ писалъ корреспонденціи въ краковскій Czas. Когда же образовалось правительство третьяго состава, болѣе крайняго направленія, онъ въ него уже не вошелъ и уѣхалъ вскорѣ въ Вѣну въ качествѣ секретаря дипломатическаго представителя ржонда. По окончаніи польскаго возстанія Г. поселился въ Парижѣ и принялся за составленіе исторіи минувшаго возстанія, которую и выпустилъ въ свѣтъ въ Парижѣ въ 1867—1871 гг. подъ заглавіемъ «Historya powstania narodu Polskiego w 1861—1864 roku» (4 тома). Этотъ трудъ является однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для исторіи польской смуты 60-хъ годовъ. Собранные имъ матеріалы очень цѣнны, но имъ вредитъ отсутствіе критики, въ нихъ проявляется крайне враждебное отношеніе къ русскому правительству. Съ 1878 г. Г. былъ въ теченіе нѣкотораго времени библіотекаремъ въ Рапперсвилѣ близъ Цюриха (польскій національный музей), а потомъ поселился въ Галиціи, гдѣ и умеръ въ 1887 г. (въ Станиславовѣ). По отзыву Кучинскаго онъ былъ аскетъ, яро возставшій противъ роскоши и разврата, и напоминалъ собою средневѣковаго монаха-фанатика. Кромѣ вышеупомянутыхъ главныхъ трудовъ Г. издалъ «Polska w walce. Zbiór wspomnień i pamiętników, z dziejów naszego wyjarzmiania» (Парижъ, 1868), «Z wygnania», 2 тома (Львовъ, 1870), біографіи маркиза Александра Велепольскаго (Львовъ, 1878), Томаша Олизаровскаго (Львовъ, 1879), Богдана Залѣсскаго (Познань, 1882), Ф. Духинскаго (Львовъ, 1885), воспоминанія Яна Дзялынскаго (Чикаго, 1880), описаніе своего путешествія по Словацкой землѣ (Львовъ, 1876) и др.; много статей напечаталъ онъ подъ псевдонимомъ Сулиты.

«Wielka Encyklopedya powszecha illustrowana», XXV—XXVI, 24—25; Сиг. Либровичъ, «Сибирь и поляки» («Извѣстія книжн. магазина Т-ва М. О. Вольфъ» 1914 г., № 5); Н. В. Бергъ, «Записки о послѣднемъ польскомъ возстаніи»; Брокгаузъ-Ефронъ, «Энциклопед. Словарь», XLVI, 421; «Историч. Вѣстникъ» 1895 г., III, 554, 1902 г., т. 88, стран. 188—205 (Кучинскій, «Исторія шести мѣсяцевъ»); Estreicher, «Bibliografia polska».

Н. Чулковъ.

Гильбихъ, *Елизавета Ѳедоровна*, писательница, помѣщала свои статьи, замѣтки, очерки и разсказы въ «Русскомъ Курьерѣ», «Новостяхъ дня», «Русскомъ Листкѣ», дѣтскихъ журналахъ и др. изданіяхъ, подписывая ихъ псевдонимами «Сестра», «Новая юмористка», «Елизавета», «Г.», «Е. Г.» и др. Скончалась въ Москвѣ 12 августа 1893 г., 28 лѣтъ.

«Всемірная Иллюстрація» 1893 г., т. I, стр. 277.

Гильдебрандъ (Hildebrand), *Германъ Христіанъ*, прибалтійскій историкъ, родился 8 іюля 1843 г. въ Гольдингенѣ Курляндской губ., гдѣ

его отецъ, Генрихъ-Юстусъ Г., происходившій изъ сѣверной Германіи, былъ школьнымъ инспекторомъ. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ мѣстномъ уѣздномъ училищѣ и въ то же время дома изучалъ языки древніе подъ руководствомъ отца и французскій. Съ раннихъ лѣтъ Г. обнаружилъ склонность къ занятіямъ исторіей. Въ январѣ 1858 г. Г. поступилъ въ Митавскую гимназію (въ классъ tertia) и окончилъ ее въ декабрѣ 1861 г. Въ апрѣлѣ 1862 г. онъ пріѣхалъ въ Геттингенъ для изученія исторіи и поселился здѣсь у своего дяди по отцу. Въ Геттингенскомъ университетѣ его привлекали, главнымъ образомъ, лекціи Георга Вайтца. Изъ товарищей по университету онъ больше всего сошелся съ Карломъ Коппманомъ (впослѣдствіи городской архиваріусъ въ Ростокѣ). Выдержавъ блестяще экзаменъ на доктора философіи, Г. на пасху 1865 г. отправился въ Берлинъ, чтобы послушать въ университетѣ лекціи Ранке, Дройзена и Jaffé. Еще въ Геттингенѣ темой для своей работы онъ избралъ перваго рижскаго епископа Альберта и, изучая источники первоначальной исторіи Прибалтійскаго края, главнымъ предметомъ своихъ занятій сдѣлалъ перваго мѣстнаго историка Генриха Латыша; по переѣздѣ въ Берлинъ Г. издалъ монографію о немъ («Die Chronik Heinrichs von Lettland. Ein Beitrag zu Livlands Historiographie und Geschichte». Berlin, 1865). Въ декабрѣ 1866 г. онъ возвратился на родину и въ іюнѣ 1867 г. сдалъ при Дерптскомъ университетѣ экзамены магистерскій и на званіе старшаго учителя, хотя и не имѣлъ собственно склонности къ педагогической дѣятельности: его влекла научная работа. Пріѣхавъ изъ Дерпта въ Курляндію, Г. занялся изученіемъ рукописей хроники Генриха Латыша. Желая получить мѣсто въ Петербургѣ, соотвѣтствующее его склонностямъ, онъ обратился къ академику Кунику и вскорѣ черезъ него получилъ отъ Академіи Наукъ порученіе разыскать въ рижскихъ архивахъ источники по русской и литовской исторіи. Поиски производились Г. съ іюля по ноябрь 1868 г. Найденные имъ документы касались, главнымъ образомъ, сношеній Лифляндіи и Ганзы съ Новгородомъ, Псковомъ и въ особенности съ Полоцкомъ. Отчетъ о командировкѣ представленъ былъ Г. въ академію 3 декабря 1868 г. («Bericht über die in Rigischen Archiven vornähmlich für litauische und westrussische Geschichte angestellten Forschungen», напечатанъ въ «Bull. de l'Acad. Imp. des sciences», t. XIII, и «Mélanges russes tirés du Bull. de l'Acad. Imp. des sciences», IV). Въ ноябрѣ того же года директоръ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ князь М. А. Оболенскій предложилъ Г. мѣсто въ этомъ архивѣ. Г. пріѣхалъ въ Москву, однако поступленіе на службу не состоялось и уже въ декабрѣ онъ былъ въ Петербургѣ. Академія Наукъ поручила ему описаніе рукописей своей библіотеки. Однако стѣсненное матеріальное положеніе заставило его взять на годъ мѣсто домашняго учителя въ одномъ семействѣ, съ которымъ онъ и отправился за границу. Въ Берлинѣ Г. свидѣлся со своими геттингенскими друзьями. Бывшій его профессоръ Вайтцъ предложилъ ему мѣсто перваго секретаря архива въ Карлсруэ, но Г. отказался отъ этого мѣста, не желая нарушать договора съ семействомъ, въ которомъ онъ былъ учителемъ. Своимъ пребываніемъ въ Парижѣ Г. воспользовался для занятій въ библіотекахъ и архивахъ и разыскалъ тамъ источники для русской исторіи. Послѣ поѣздки по Рейну Г. и его спутники жили нѣкоторое время въ Эмсѣ, а затѣмъ въ полтавскомъ имѣніи. Въ декабрѣ 1869 г. Г. окончилъ занятія со своимъ ученикомъ и возвратился въ Петербургъ. Лѣтомъ 1870 г. онъ началъ по порученію Академіи въ ревельскихъ архивахъ такіе же поиски, какіе онъ три года тому назадъ произвелъ въ Ригѣ. Для увеличенія своихъ денежныхъ средствъ Г. одновременно въ теченіе трехъ мѣсяцевъ завѣдывалъ иностраннымъ отдѣломъ и фельетономъ въ «Revalsche Zeitung», за что получалъ 50 руб. въ мѣсяцъ. Въ архивѣ Ревельской ратуши имъ найдены были цѣнные документы по исторіи сношеній Ганзы и Ливоніи съ Великимъ Новгородомъ въ XV и XVI вѣкахъ. Отчетъ о командировкѣ былъ представленъ Г. Академіи 12 октября 1871 г. («Bericht über die im

Reval'schen Rathsarchiv für die russisch-livländischen Wechselbeziehungen im 15. und 16. Jahrhundert ausgeführten Untersuchungen», напечатанъ въ «Bull. de l'Acad., t. XVII, № 3, и въ «Mélanges russes», t. IV, livr. 6). Въ маѣ 1871 г. онъ былъ назначенъ консерваторомъ Академической библіотеки. На основаніи найденныхъ имъ въ Ревелѣ документовъ написана была имъ статья: «Die hansischlivländische Gesandschaft des Jahres 1494 nach Moskau und die Schliessung des deutschen Hofes in Nowgorod» («Baltische Monatsschrift», 1871, Bd. 20), а на основаніи рижскихъ документовъ — «Die Deutsche Kontor zu Polozk» (ib. 1873, Bd. 22, русскій переводъ въ «Прибалтійскомъ Сборникѣ», т. II). Кромѣ того, на средства Академіи Наукъ онъ издалъ найденный имъ въ Ригѣ памятникъ, важный для исторіи культуры и торговли Прибалтійскаго края и русско-нѣмецкихъ торговыхъ сношеній XIII—XIV вѣковъ: «Das Rigische Schuldbuch (1286—1352). St.-Pbg., 1872». Въ 1872 г. Г. получилъ предложеніе продолжать начатое профессоромъ Бунге изданіе источниковъ по исторіи Прибалтійскаго края «Das Liv-, Est- und Kurländische Urkundenbuch». Онъ съ радостью принялъ его и лѣтомъ 1872 г. переѣхалъ на жительство изъ Петербурга въ Ригу. Порученное ему дѣло Г. продолжалъ до самой смерти. Въ поискахъ за матеріаломъ для изданія ему пришлось совершить путешествія въ Швецію, Данію, Германію и Италію, а также работать въ архивахъ Петербурга и Москвы. О своихъ находкахъ онъ своевременно оповѣстилъ ученыхъ въ отчетахъ о работахъ въ Петербургѣ и Москвѣ («Die Arbeiten für das Liv-, Est- und Kurländische Urkundenbuch im Jahre 1874—75», Riga, 1876, отдѣльный оттискъ изъ «Rigasche Zeitung») и Стокгольмѣ, Упсалѣ и Копенгагенѣ («Die Arbeiten für das Liv-, Est-und Kurländische Urkundenbuch im Jahre 1875—76», Riga, 1877). Попутно онъ опубликовывалъ и найденные источники: «Zehn Urkunden zur älteren livländischen Geschichte aus Petersburg und Stockholm. 1224—1348» («Mittheilungen aus der livl. Geschichte», 1876, № 12) и «Auszüge aus einem verlorenen rigischen Missivbuche von 1343—1387» (тамъ же, № 13). Съ октября 1885 г. до апрѣля 1886 г. Г. производилъ поиски въ Римѣ и въ 1887 г. издалъ результаты ихъ: «Livonica, vornähmlich aus dem XIII Jahrhundert, im Vaticanischen Archiv» (Riga). Всего онъ успѣлъ издать три тома «Urkundenbuch»: седьмой въ 1881г., восьмой въ 1884 г. и девятый въ 1890 г. Кромѣ вышеуказанныхъ трудовъ Г. можно отмѣтить еще слѣдующіе: «Verbesserungen zu K. E. Napierskys Russisch-Livländischen Urkunden» («Mittheilungen aus der livl. Geschichte», 1874, № 12), «Worauf beruht und welcher Art ist das Recht der Gilden an der rigischen Stadtwerde» (Riga, 1879), «Rollandssäule im mittelalterlichen Riga». Съ 1882 г. Г. занималъ должность рижскаго городского архиваріуса. Онъ былъ съ 1872 г. членомъ Курляндскаго общества литературы и искусствъ и Прибалтійскаго общества исторіи и древностей. Г. скончался 17 января 1890 г.

K. Koppmann, «Zum Gedächtniss an Herman Hildebrand» («Mittheilungen aus der livländischen Geschichte» 1890, Bd. XIV, 4 Heft). I. Girgensohn, «Hermann Hildebrand» («Baltische Monatsschrift», т. 37); Брокгаузъ-Ефронъ, «Энциклопед. Словарь», XVI.

Н. Чуляковъ.

Гильдебрандтъ, *Готлибъ (Боголюбимъ) Христіановичъ* (Gottlieb Hildebrandt), статскій совѣтникъ, на службу поступилъ въ 1754 г., въ 1782—1796 гг. былъ публичнымъ демонстраторомъ аптекарскаго искусства (химическихъ и фармацевтическихъ наукъ) при Московскомъ университетѣ: демонстрировалъ предъ студентами лѣкарства, составленныя «изъ трехъ царствъ природы, объяснялъ ихъ знаки и доброту», говорилъ также откуда то или другое лѣкарство привозится и за какую цѣну оно покупается и продается, показывалъ составъ сложныхъ лѣкарствъ, какія дѣлаются у него въ аптекѣ по принятымъ въ аптекахъ наставленіямъ и говорилъ о простыхъ лѣкарствахъ, каковыя прописывались тогдашними медиками. 27 ноября 1786 г. получилъ чинъ надворнаго совѣтника. При директорѣ И. П. Тургеневѣ, Гильдебрандтъ занялъ мѣсто вице-директора университета и въ этой должности прослужилъ до 1803 г., въ чинѣ колежскаго совѣтника. Оставилъ службу съ чиномъ статскаго

совѣтника. Умеръ въ Москвѣ въ 181. г. Въ 1798 г. былъ изданъ въ Петербургѣ его трудъ: «Полезное изобрѣтеніе о легкомъ и дешевомъ способѣ привести россійскія подошвенныя кожи въ лучшую противъ аглинскихъ прочность, къ непроходимости воды, ко укрѣпленію вервы и къ сохраненію оной отъ гнилости». Трудъ этотъ посвящается «Его Императорскому Величеству отцу и попечителю отечества великому государю императору Павлу I, самодержавцу всероссійскому». По разсмотрѣніи особой комиссіей, указываемый Г. способъ улучшенія россійской кожи найденъ полезнымъ и желательнымъ для употребленія въ войскахъ, флотѣ и пр. Небольшая брошюра эта дѣлится на двѣ части: въ первой авторъ касается своего способа вообще, а во второй даетъ наставленіе къ употребленію его.

Снегиревъ, «Словарь свѣтскихъ писателей»; Геннади, «Спр. словарь о рус. писат. и ученыхъ»; «Словарь профессоровъ Московскаго университета»; Моск. Арх. Мин. Юст., Списки чинамъ первыхъ 8 классовъ.

А. Ельницкій.

Гильдебрантъ, *Платонъ Ивановичъ*, генералъ-лейтенантъ, сынъ штабъ-лѣкаря Ивана Андреевича Г., родился 13 декабря 1817 г., умеръ въ маѣ 1886 г. По окончаніи воспитанія въ 1-мъ московскомъ кадетскомъ корпусѣ, 27 іюня 1837 г. произведенъ въ прапорщики въ конно-легкую № 18 батарею. Въ 1853 г. въ чинѣ капитана былъ назначенъ командующимъ резервною батареею 7 конно-артиллерійской бригады, а въ 1859 г., въ чинѣ подполковника, — командиромъ конно-легкой № 12 батареи. Въ 1867 г. въ чинѣ полковника назначенъ командиромъ 11-го драгунскаго Рижскаго полка, которымъ командовалъ до 27 іюля 1875 г., когда, вмѣстѣ съ производствомъ въ генералъ-маіоры, назначенъ командиромъ 1-й бригады 11-й кавалерійской дивизіи. Въ 1877—1878 гг. принялъ участіе въ войнѣ противъ турокъ въ составѣ войскъ Рущукскаго отряда. За отличіе въ бою подъ Чапркіоемъ 9 сентября 1877 г. награжденъ золотымъ оружіемъ съ надписью «за храбрость», а за отличіе въ дѣлахъ 13 ноября у с. Ковачица и Паломирцы — мечами къ ордену св. Владиміра 3 ст., а затѣмъ орденами св. Станислава 1 ст. (1879) и св. Анны 1 ст. съ мечами (1880). Въ концѣ войны съ турками назначенъ временно-командующимъ 11-й кавалерійской дивизіей. Въ 1884 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Г. скончался въ должности начальника 7-й бригады кавалерійскаго запаса.

«Русскій Инвалидъ», 1886 г., № 109 (перепечатано въ газетахъ «Новое Время» и «Новости», 22 мая 1886 г.); дѣло о дворянствѣ Г. (Арх. Моск. Двор. Депут. Собр.); «Списокъ генераламъ».

Гильденшольдъ, *Христіанъ Петровичъ*, дѣйств. статскій совѣтникъ, Кавказскій гражданскій губернаторъ, по происхожденію датчанинъ, 30 мая 1788 г. принятъ былъ изъ капитановъ датской гвардіи на русскую службу маіоромъ въ Малороссійскій гренадерскій полкъ, 22 февраля 1789 г. переведенъ въ Ростовскій мушкетерскій полкъ и 24 августа 1792 г. отставленъ отъ службы подполковникомъ. 20 сентября 1794 г. снова принятъ на службу тѣмъ же чиномъ въ Херсонскій гренадерскій полкъ. Произведенъ 1 февраля 1798 г. въ полковники, и 16 января 1799 г. — въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ командиромъ егерскаго полка. Участвовалъ въ нѣсколькихъ походахъ и былъ въ сраженіяхъ. 13 апрѣля 1801 г. исключенъ изъ службы «за употребленіе офицера по его недолжности», а 25 марта 1803 г. принятъ на гражданскую службу съ переименованіемъ въ дѣйств. статскіе совѣтники и назначеніемъ Кавказскимъ вице-губернаторомъ. 15 ноября 1804 г. назначенъ въ ту же губернію гражданскимъ губернаторомъ и занималъ эту должность до 1806 года.

Формулярный списокъ; «Сборникъ Импер. Русск. Историч. Общества», т. 60 и 62; Мѣсяцесловы съ росписью чиновныхъ особъ на 1806 и 1807 гг.; «Губернаторскіе списки».

Гильденштедтъ (Güldenstädt), *Антонъ Іоганнъ*, докторъ медицины, дѣйствительный членъ и профессоръ натуральной исторіи Императорской Академіи Наукъ, родился въ Ригѣ 26 апрѣля 1745 г. Отецъ его, бывшій сначала секретаремъ главной консисторіи, впослѣдствіи асессоромъ суда въ Ригѣ, самъ занимался первоначальнымъ образованіемъ Г. и подготовилъ его къ поступленію въ высшій

классъ рижскаго лицея; лишившись своихъ родителей, Г. въ іюлѣ 1763 г. пріѣхалъ въ Берлинъ и вскорѣ былъ принятъ въ число студентовъ Берлинской медицинской школы (Collegie). По прошествіи нѣкотораго времени онъ для усовершенствованія въ наукахъ переѣхалъ въ Франкфуртъ-на-Одерѣ и тамъ 31 декабря 1767 г. по защитѣ диссертаціи: De theoria virum corporis humani primitivarum. Francf. 1767, былъ удостоенъ степени доктора медицины. Еще до этого, 5 декабря того же года, онъ былъ избранъ членомъ Франкфуртскаго Общества испытателей природы. Именно въ это время Академія по повелѣнію Имп. Екатерины II организовала экспедиціи для изученія Россіи и, по рекомендаціи профессора Берлинской медицинской школы Гледича, пригласила Г. принять участіе въ этихъ экспедиціяхъ. Г. принялъ предложеніе Академіи и въ апрѣлѣ 1768 г. пріѣхалъ въ Петербургъ; первоначально онъ былъ назначенъ въ Астраханскую губ., но затѣмъ назначеніе это было измѣнено и Г. былъ посланъ на Кавказъ. Въ составъ отряда Г., ѣхавшаго въ качествѣ адъюнкта Академіи, входило нѣсколько студентовъ, рисовальщикъ, препараторъ и охотникъ; по данной ему инструкціи онъ долженъ былъ направить свои изслѣдованія преимущественно на изученіе почвы, водныхъ путей, сельскаго хозяйства, шелководства, различныхъ ремеслъ и т. п. Выѣхавъ изъ Петербурга около половины іюня (19) 1768 г., онъ по данному ему предписанію, направился черезъ Новгородъ, вдоль западнаго берега Ильменя, черезъ Порховъ, Старую Руссу, Торопецъ, Осташковъ, Ржевъ и Можайскъ на Москву, куда пріѣхалъ 11 сентября; по дорогѣ онъ осмотрѣлъ и описалъ Старорусскій соляной заводъ, рѣку Ловать, озеро Селигеръ и московскія окрестности. 8 марта 1769 г. Г. выѣхалъ изъ Москвы на Воронежъ, куда пріѣхалъ 27 марта; 6 мая выѣхалъ изъ Воронежа черезъ Новохоперскъ на Царицынъ, куда прибылъ 11 октября; здѣсь онъ оставался до 23 ноября, 4 декабря пріѣхалъ въ Астрахань и 13 января отправился далѣе въ Кизляръ, куда прибылъ 23 января 1770 г. Отсюда онъ объѣзжалъ мѣстности, лежащія по рѣкамъ Тереку, Кунбелею, Сунжѣ, Аксаю и Койсу въ сѣверо-восточной части Кавказскихъ горъ; здѣсь онъ изслѣдовалъ нефтяные и различные минеральные теплые источники. Въ февралѣ 1771 г. онъ съ русскимъ конвоемъ поѣхалъ въ Осетію, гдѣ, между прочимъ, занялся исторіей тамошнихъ народностей, составилъ словари миздшегетскаго и осетинскаго языковъ; при этомъ онъ открылъ слѣды христіанства. 17 марта онъ снова былъ въ Кизлярѣ. 8 апрѣля того же года онъ былъ избранъ профессоромъ натуральной исторіи Академіи Наукъ (дѣйствительный членъ Академіи съ 2 окт. 1769 г.). 18 мая онъ уѣхалъ изъ Кизляра, вновь посѣтилъ теплые источники на Терекѣ и къ химическимъ изслѣдованіямъ своимъ присоединилъ еще медицинскія наблюденія надъ дѣйствіемъ этихъ источниковъ на больныхъ. Въ іюлѣ и августѣ онъ подъ руководствомъ и въ сопровожденіи Тау-султана Арсланбега, кабардинскаго князя, и двоюроднаго брата его, Девлетука Келемета, ѣздилъ по Малой Кабардѣ и сѣверо-западной части Кавказа, населенной дугорами. Вернувшись въ Осетію, онъ снова выѣхалъ оттуда 11 сентября съ осетинами, принятыми на службу грузинскимъ царемъ Ираклiемъ, и 25 сентября благополучно достигъ гор. Душета. 9 октября онъ отправился отсюда въ Мцхетскій монастырь, гдѣ 15 октября былъ принятъ царемъ Ираклiемъ въ торжественной аудіенціи; царь принялъ Г. очень благосклонно и приказалъ оказывать ему всякое содѣйствіе; впослѣдствіи Г. пришлось оказывать медицинскую помощь въ семействѣ царя, и тѣмъ онъ еще болѣе расположилъ его къ себѣ. Г. слѣдовалъ съ царемъ въ его походѣ до городовъ Хейтіоса и Хортиса и вмѣстѣ съ нимъ 14 ноября вернулся въ столицу Грузіи, Тифлисъ; здѣсь онъ пробылъ до 15 февраля 1772 г., занимаясь преимущественно физическими изслѣдованіями; затѣмъ поѣхалъ съ царемъ Ираклiемъ въ Кахетію, гдѣ пробылъ весь мартъ. Въ маѣ Г. въ сопровожденіи одного изъ грузинскихъ князей, Давида Эристова, котораго онъ вылѣчилъ, объѣзжалъ туркоманскія или теркменскія области, на югѣ отъ Тифлиса. Въ іюнѣ Г. отпра-

вился въ Имеретію, куда прибылъ 7 іюля; царь имеретинскій Соломонъ, узнавъ о его прибытіи, выслалъ навстрѣчу ему сына своего, царевича Александра, съ которымъ Г. и съѣхался 14 іюля въ Цеси; самому же царю Г. представился въ Сехартали 18 іюля и былъ принятъ очень благосклонно. Пробывъ здѣсь нѣсколько времени, Г. двинулся далѣе, изъ Радшевскаго округа выѣхалъ 5 августа и 10 того же мѣсяца пріѣхалъ въ Кутаисъ, главный городъ Нижней Имеретіи; затѣмъ онъ объѣхалъ Мингрельскую и Гурійскую границу, восточную часть Имеретіи и среднюю Грузію, куда царь Соломонъ, у котораго онъ получилъ прощальную аудіенцію въ лагерѣ при Чераскаро, далъ ему конвой изъ 300 имеретинъ. На дальнѣйшемъ пути многіе изъ спутниковъ Г. заболѣли, и онъ принужденъ былъ остановиться, такъ что только въ первыхъ числахъ октября доѣхалъ до послѣдней грузинской деревни. Здѣсь ему пришлось пробыть цѣлый мѣсяцъ, такъ какъ онъ получилъ извѣстіе, что у Терека 300 осетинъ устроена засада, чтобы его ограбить. Генералъ Медемъ, тоже узнавшій объ этомъ, выслалъ отрядъ въ 600 человѣкъ съ 2 орудіями, при приближеніи котораго осетины тотчасъ же бѣжали. Тогда Г. отправился въ Моздокъ (7 ноября), а оттуда въ Кизляръ (18 ноября); здѣсь онъ остался на зиму, приводя въ порядокъ и пополняя собранныя имъ свѣдѣнія. Въ апрѣлѣ 1773 г. Г. отправился лѣчиться на воды, наз. Петерсбадъ; оттуда онъ 17 мая поѣхалъ въ Моздокъ, затѣмъ съ 12 іюня вверхъ по р. Малкѣ и въ сопровожденіи кабардинскаго князя Куріока Татарханова объѣхалъ Большую Кабарду, затѣмъ направился къ восточной Кумѣ и къ Бештаускимъ горамъ, составляющимъ переднюю часть Кавказскаго хребта; онъ изслѣдовалъ развалины Маджара вдоль р. Кумы, гдѣ и нашелъ памятники старины, повидимому мусульманскаго происхожденія. Въ іюлѣ онъ пріѣхалъ въ Черкасскъ на Дону, откуда направился на Азовъ, чтобы изслѣдовать устья Дона и берега Азовскаго моря, въ ноябрѣ онъ достигъ Кременчуга, столицы Новороссіи; тамъ онъ перезимовалъ и лѣтомъ 1774 г. предпринималъ поѣздки для изученія этого края; онъ уже ѣхалъ въ Крымъ, когда (20 іюля) получилъ изъ Академіи приказаніе вернуться, вслѣдствіе чего онъ черезъ Кременчугъ поѣхалъ по границѣ Украйны до Бѣлевской крѣпости; отсюда, отклонившись отъ своего пути, проѣхалъ на Бахмутъ и до рѣкъ Міусы и Луганчика; вернувшись въ Бѣлевскую крѣпость, онъ отбылъ оттуда 16 октября, поѣхалъ черезъ Полтаву, Кіевъ, Нѣжинъ, Орелъ, Тулу, и 20 декабря пріѣхалъ въ Москву; 2 марта 1775 г. Г. благополучно прибылъ въ Петербургъ.

По возвращеніи Г. въ Петербургъ, Императрица пожаловала ему золотую медаль и 600 руб. пенсіи; во время его путешествія, 3 марта 1770 г. Вольное Экономическое Общество избрало его своимъ членомъ, а въ 1780 г. президентомъ; 11 октября 1774 г. онъ былъ избранъ членомъ Берлинскаго Общества Испытателей Природы, 5 іюня 1779 г. членомъ Эрфуртской Академіи. Съ 13 декабря 1779 г. Г. было поручено завѣдываніе «Историч. и Географ. Мѣсяцесловомъ». Главнымъ занятіемъ Г. по возвращеніи было приведеніе въ порядокъ своихъ записокъ, а также и Журнала путешествія профессора С. Г. Гмелина, но изъ трудовъ его при его жизни было напечатано только нѣсколько отрывковъ; описаніе же путешествія его вышло уже послѣ его смерти, изданное профессоромъ Палласомъ. Кромѣ своихъ ученыхъ занятій, онъ посвящалъ еще много времени медицинской практикѣ; это обстоятельство стоило ему жизни, такъ какъ, лѣча больныхъ горячкою, онъ заразился самъ и умеръ 23 марта 1781 г.

Въ Петербургѣ онъ основалъ литературное общество и библіотеку для чтенія. Гильденштедтомъ напечатаны слѣдующіе труды:

1) Mus suslica. Nov. Comm. Acad. Petr., v. XIV, ps. I, p. 389; 2) Anas Nyroca. Ibid., p. 403; 3) Sphalax, novum Glirium genus, Ib., p. 409; 4) Pereghusna, nova Mustelae species, Ib., p. 441; 5) Salmo Leucychthys et Cyprinus chalcoides. Nov. Comm. Ac. Petr., vol. XVI, p. 531; 6) Krascheninnikovia (Krascheninnikovia Ceratoides), novum plantarum genus, Ib., p. 548; 7) Cyprinus

capoëta et Cyprinus mursa. Nov. Comm. Ac. Petr. vol. XVII, p. 507; 8) Acerina, piscis, ad Percae genus pertinens, descriptus. Nov. Comm. vol. XIX, p. 455; 9) Sex avium descriptiones: Loxia Rubicilla, Tanagra melanictera, Muscicapa melanoleuca, Motacilla erythrogastra, Scolopax subarcata, Scolopax cinerea. Nov. Comm., Vol. XIX, p. 463; 10) Schakalae historia. Nov. Comm., vol. XX, p. 449; 11) Chaus, animal Feli affine, descriptum. Ib., p. 483; 12) Antilope subgutturosa descripta. Acta Acad. 1778, ps. 1, p. 251; 13) Cyprinus barbus et Cyprinus capito descripti. Appendix observationum. Acta, 1778, ps. II, p. 139; 14) Mémoire sur les pròduits de Russie, propres pour soutenir la balance du commerce extérieur toujours favorable. Discours académique, prononcé le 29 déc. 1776... dans l'Assemblée publique de l'Académie Imp. des Sciences de St.-Pbg. à l'occasion de son jubilé demiséculaire. 1777. 4°. Русскій перев. напечатанъ въ «Акад. Изв.» 1780 г., ч. IV и V. Нѣмецк. перев. въ «St.-Petersburg. Journal», IV; отд. Betrachtungen über die natürlichen Produkten Russlands zur Unterhaltung eines beständigen Uebergewichts im auswärtigen Handel. Francf. und Leipzig. 1778; 15) Разсужденіе о гаваняхъ или пристаняхъ на Азовскомъ, Черномъ и Бѣломъ морѣ. «Истор. и Геогр. Мѣсяц.» на 1776. Нѣм. пер. «St.-Pet. Journal», v. I, Abhandlung von den Häfen am Azowischen, и т. д.; 16) О гаваняхъ, лежащихъ при Каспійскомъ морѣ. «Мѣсяц.» на 1777; нѣм. Von den Häfen и т. д. «St.-Petersb. Journ.», т. III; Собран. сочин., выбр. изъ «Мѣсяц.», ч. IV (1790); 17) Географическое, химическое и врачебное описаніе теплицъ (горячихъ цѣлительныхъ ключей) въ Астраханской губ., при рѣкѣ Терекѣ находящихся. «Мѣсяц.» на 1778 г.; «Акад. Изв.», ч. V, іюль 1780; Собр. соч., выбр. изъ «Мѣсяц.», ч. IV, 1790; нѣмецк. Geographische, chym. u. medicin. Beschreibung. «St.-Pet. Journal» 1782; 18) Географическое, историческое и статистическое извѣстіе о новой пограничной линіи Россійской Имперіи между р. Терекомъ и Азовскимъ моремъ. «Мѣсяц.» на 1779 г. Нѣм. «St.-Pet. Journal», т. 7; 19) Разсужденіе о торговлѣ, какая можетъ быть вновь открыта между Россіею и Германіею по Дунаю и Черному Морю, назначенныя для чтенія въ собраніи С.-Пб. Имп. Академіи Наукъ, во время посѣщенія оной графомъ Фалкенштейномъ. «Акад. Изв.» 1780, ч. V, іюль. Gedanken über eine zwischen Russland и т. д. «St.-Pet. Journal», т. X; 20) Примѣчанія, служащія къ познанію домостроительства и состоянія мѣстъ въ Воронежской, Тамбовской и Азовской губ. по р. Дону. «Акад. Изв.» 1780 г., ч. V, іюнь (трудъ Г., Гмелина младшаго и Георги); 21) Beschreibung des Desman oder der Bisamratze. Beschäftig. d. Gesellsch naturforsch. Freunde zu Berlin B. III. 1777. 22) Reisen durch Russland und im Kaucasischen Gebirge (съ жизнеописаніемъ автора), 2 v. Pet. 1787—91. 4°; 23) Описаніе нѣкоторыхъ въ Малой Россіи употребительныхъ плуговъ. «Технич. Журн.», т. I, ч. II, 1804; 24) Географическое и статистическое описаніе Грузіи и Кавказа, изъ путешествія академика Г. черезъ Россію и по кавказскимъ горамъ, въ 1770, 71, 72 и 73 годахъ; пер. К. Германъ. С.-Пб. 1809. 8°. 25) Reisen nach Georgien u. Imerethi. Aus seinen Papieren gänzlich umgearbeitet u. verbessert herausgegeben, u. mit erläuternden Anmerkungen begleitet, von I. von Klaproth. Berlin, 1815. 8°; 26) Beschreibung der kaukasischen Länder. Aus seinen Papieren... von I. Klaproth. Berlin. 1834. 8°. Въ трудахъ Берлинскаго общества испытателей природы (Gesellsch. naturforsch. Freunde) напечатана статья о путешествіи на Кавказъ и въ Грузію, написанная Г. на основаніи его писемъ (т. III, 1782 г.).

Acta Acad. Petr. 1781, I, 9—16 (Précis de la vie et des ouvrages de M. Jean Antoine Güldenstädt, suivi d'une liste de ses oeuvres); Евгеній, «Словарь свѣтскихъ писателей»; Казадаевъ, Неизд. слов.; «С.-Пб. Вѣд.» 1835, № 56; Güldenstädt, «Reisen d. Russland»; Pallas, «Biographie»; «Моск. Телегр.». 1825 г., ч. VI, № 21; Геннади, «Слов.»; Старчевскій, «Справ. энц. слов.»; Протоколы засѣд. конфер. И. А. Н.; Брокг.-Ефронъ, «Слов.»; Recke und Napiersky, «Lexicon», т. II; Gadebusch, «Livl. Biblioth.»; Nouvelle biogr. génér. de Hoeffer, XXII; «Neues St.-Pet. Journal», 1781, I; Dingelstädt, «Nord. Kasualbibl., II; Чистовичъ, «Медиц. школы» Неустроевъ, «Историческое разысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ»; Б. Л. Модзалевскій, «Списокъ членовъ Имп. Академіи Наукъ». *М. Ціонъ.*

Гильденштуббе, *Александръ Ивановичъ*, членъ Государственнаго Совѣта, генералъ-адъютантъ, генералъ отъ инфантеріи, родился въ 1800 г. и происходилъ изъ дворянскаго рода острова Эзеля. Получивъ образованіе въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, Г. 1 февраля 1819 г. былъ выпущенъ прапорщикомъ въ л.-гв. Волынскій полкъ. Состоя въ этомъ полку, онъ получилъ чины подпоручика (1819), поручика (1824) и штабсъ-капитана (1826). Въ 1831 г. принялъ участіе въ усмиреніи польскаго мятежа и былъ въ сраженіяхъ при Гроховѣ (14 мая) и на Понарскихъ высотахъ подъ Вильной, и за отличіе въ послѣднихъ былъ произведенъ изъ штабсъ-капитановъ въ капитаны (11 іюня 1831). 6 декабря 1832 г. Г. произведенъ въ полковники, 16 ноября 1834 г. вышелъ въ отставку, но вскорѣ, 18 января 1836 г., снова поступилъ на службу въ л.-гв. Егерскій полкъ, изъ котораго 1 января 1837 г. былъ переведенъ въ л.-гв. Финляндскій полкъ, гдѣ получилъ черезъ мѣсяцъ въ командованіе 1-й баталіонъ; произведенный 8 сентября 1843 г. въ генералъ-маіоры, Г. назначенъ 10 декабря состоять при штабѣ главнокомандующаго гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами, для ознакомленія съ ходомъ дѣлъ, чтобы занять впослѣдствіи мѣсто начальника штаба одного изъ корпусовъ. 11 іюня 1845 г. Г. назначенъ командиромъ 1-й бригады 1-й гренадерской дивизіи, 11 апрѣля 1848 г. — командиромъ л.-гв. Семеновскаго полка, и 18 января 1849 г.—командиромъ 1-й бригады 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, съ оставленіемъ командиромъ полка. 19 апрѣля 1852 г. Г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты, въ маѣ того же года ему разрѣшено носить мундиръ л.-гв. Семеновскаго полка, а 27 декабря онъ назначенъ командующимъ запасными батальонами гвардейской пѣхоты; 4 февраля 1854 г. назначенъ начальникомъ 1-й гренадерской дивизіи, съ которой онъ принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Финляндіи и за отличіе при оборонѣ Свеаборга награжденъ орд. св. Владиміра 2-й ст. съ мечами (31 августа 1855); 30 августа 1855 г. назначенъ начальникомъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи. 8 сентября 1859 г. Г. пожалованъ въ генералъ-адъютанты; въ 1862 г. ему поручено командовать отдѣльнымъ гренадерскимъ корпусомъ. 30 августа 1863 г. произведенъ въ генералы отъ инфантеріи; въ 1864 г. назначенъ командиромъ 3-го резервнаго корпуса, и въ томъ же году 10 августа — командующимъ войсками Московскаго военнаго округа; въ 1878 г. назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Онъ былъ кавалеромъ орд. св. Андрея Первозваннаго (1875 г.), св. Владиміра 1-й (1872 г.), 2-й, 3-й (1845) и 4-й (1837) ст., св. Александра Невскаго (1865 г., алмазные къ нему знаки 1869 г.), Бѣлаго Орла (1856 г.), св. Анны 1 ст. (1849 г. и Имп. Кор. 1852), Станислава 1-й ст. (1848) и св. Георгія 4 ст. за выслугу 25 лѣтъ (26 ноября 1847) и числился въ л.-гв. Семеновскомъ и Екатеринославскомъ грен. полкахъ. 15 мая 1883 г. Г. пожалованъ брилліантовыми знаками орд. св. Андрея Первозваннаго при Всемилостивѣйшемъ рескриптѣ. Скончался Г. 23 апрѣля 1884 г.

Формулярный списокъ 1860 г. (Моск. отд. Арх. Гл. Штаба, кн. формул. списковъ № 3510); «Списки генераламъ по старшинству»; «Всемірная Иллюстрація», 1884 г., томъ XXXI, № 21, стр. 407; «Русскій Инвалидъ» 1884 г., № 91; «Московскія Вѣдомости» 1870 г., № 74; «Энциклоп. слов.» Брокгауза и Ефрона, т. 2/д, стр. 569.

Н. Александровичъ.

Гильтебрандтъ, *Иванъ Дороѳеевичъ*, докторъ медицины, профессоръ анатоміи и физіологіи при медицинской школѣ въ Москвѣ, почетный членъ Медицинской коллегіи, родился въ Аренсбургѣ; первоначальное образованіе получилъ въ городскомъ приходскомъ училищѣ, потомъ поступилъ въ ученики къ ревельскому городовому лѣкарю Риттеру, у котораго пробылъ три года. По окончаніи этого времени Г. произведенъ Риттеромъ въ подлѣкари и отправился въ Петербургъ, гдѣ 6 сентября 1764 г. поступилъ на службу, сверхъ комплекта, въ должности подлѣкаря въ С.-Пб. генеральный сухопутный госпиталь, съ жалованіемъ по 10 коп. въ день. Черезъ три мѣсяца Г. подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ службы и изъ вѣдомства Медицинской коллегіи и, получивъ увольненіе 14 декабря 1764 г., поступилъ на частную службу. Въ

1784 г. онъ былъ штабъ-лѣкаремъ 2-й дивизіи подъ командою генералъ-фельдмаршала гр. П. А. Румянцева-Задунайскаго. Въ это время въ Московскомъ генеральномъ госпиталѣ освободилась вакансія оператора, и контора госпиталя немедленно пригласила Г. занять эту должность, извѣстивъ объ этомъ и Медицинскую коллегію, утвердившую это избраніе, но, по настоянію одного изъ своихъ членовъ, Тихорскаго, предложившую Г. приготовить какой-нибудь препаратъ и домонстрировать его въ присутствіи членовъ Московской медицинской конторы. Г. выбралъ для препарата «глазные нервы и мускулы» и 17 іюня 1785 г. демонстрировалъ ихъ «добропорядочно» по донесенію д-ра Тимковскаго. По штату 15 іюля 1786 г. преподавателямъ медицинскихъ училищъ было присвоено названіе «профессоровъ», и съ тѣхъ поръ Г. сталъ профессоромъ анатоміи и физіологіи. Но годъ спустя Г. пришлось отказаться отъ этого званія, такъ какъ въ училище профессоромъ анатоміи и физіологіи былъ назначенъ д-ръ Риндеръ, которому Г. сдалъ должность, оставаясь въ должности оператора. Но уже въ 1789 г. Риндеръ былъ принужденъ подать въ отставку, и на его мѣсто назначенъ опять Г. съ оставленіемъ въ должности оператора. Въ 1791 г. 5 августа Г. отказался отъ послѣдней должности, но съ сохраненіемъ жалованья. 13 февраля 1791 г. Г. по приказанію барона Фитингофа произведенъ въ «докторы медицины безъ экзамена по извѣстному отличному его знанію въ медицинѣ», а 22 октября 1797 г. Г. избранъ почетнымъ членомъ Медицинской коллегіи. Умеръ въ 1831 г. на 82 году жизни.

Чистовичъ, «Исторія медиц. школъ»; Чистовичъ, «Очерки изъ исторіи медиц. учрежд.»; «Словарь проф. Московск. университета».

М. Ціонъ.

Гильтебрандтъ, *Иванъ Ѳедоровичъ (Іоганнъ Конрадъ)*, дѣйствительный статскій совѣтникъ, профессоръ Московской медико-хирургической академіи, сынъ профессора Ѳедора Андреевича (см. ниже), родился 25 іюня 1806 г.; общее образованіе получилъ въ Петровской лютеранской школѣ, 4 ноября 1818 г. поступилъ въ Московскій университетъ; проведя 2 года на словесномъ отдѣленіи, онъ перешелъ на физико-математическій факультетъ и дважды былъ награжденъ медалями за сочиненія: 5 іюня 1821 г. — серебряной, а 4 іюля 1823 г. — золотою. Пробывъ еще пять лѣтъ на врачебномъ отдѣленіи, онъ окончилъ курсъ въ 1827 г. докторомъ. 13 марта 1829 г. по выдержаніи экзамена и защитѣ диссертаціи: De hydrocele. M. 1829, 8°, утвержденъ докторомъ медицины; 2 августа 1830 г. назначенъ помощникомъ профессора, завѣдующаго хирургическимъ институтомъ; съ 5 октября завѣдывалъ холерной больницей при Московскомъ университетѣ. Въ 1832 г. 14 мая для усовершенствованія въ хирургіи посланъ на годъ за границу, откуда вернулся 13 марта 1833 г. 20 сентября того же года опредѣленъ адъюнктомъ хирургической клиники Московскаго отдѣленія Медико-хирургической академіи; здѣсь въ обязанности его входило обученіе студентовъ производству операцій на трупахъ; за отсутствіемъ профессора Поля, Г. исправлялъ должность профессора, читалъ студентамъ 4-го курса оперативную хирургію по руководству Соломона и Рклицкаго. 3 сентября 1838 г. утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ въ академіи. Въ 1833 г., 12 ноября, Г. опредѣленъ адъюнктомъ въ Московскій университетъ; съ 1834—35 г. преподавалъ науку о кровавыхъ хирургическихъ операціяхъ и обучалъ студентовъ операціямъ на трупахъ. Съ введеніемъ новаго устава въ 1836 г. назначенъ адъюнктомъ по оперативной хирургіи, хирургической анатоміи и практическимъ упражненіямъ въ хирургической клиникѣ при профессорѣ Иноземцевѣ. Въ 1838/39 г., кромѣ клиническихъ занятій, читалъ общую акіургію, ученіе объ операціяхъ малой хирургіи, объ операціяхъ, аневризмѣ и объ ампутаціяхъ; въ 1839/40 г. исправлялъ должность профессора за отсутствіемъ Иноземцева, въ 1840/41 г. вернулся къ прежнимъ занятіямъ. 13 мая 1842 г. утвержденъ въ степени доктора медицины и хирургіи. 31 декабря 1843 г. произведенъ въ статскіе совѣтники. Въ 1844 г. за отсутствіемъ проф. Эвеніуса преподавалъ офталмологію и десмургію. Уволенъ отъ должности въ академіи по

случаю ея закрытія 1 августа 1845 г. 26 сентября 1846 г. уволенъ согласно прошенію отъ службы въ университетѣ, а 7 декабря того же года утвержденъ помощникомъ главнаго доктора Московскаго военнаго госпиталя. 11 апрѣля 1847 г. назначенъ инспекторомъ фельдшерской школы при Воспитательномъ домѣ. Въ 1854 г. прикомандированъ къ образцовому госпиталю и къ штабъ-доктору резервныхъ войскъ въ Москвѣ. Въ 1855 г. уволенъ отъ службы по вѣдомству Опекунскаго Совѣта; вышелъ въ отставку въ 1857 г. Умеръ 7 октября 1859 г. Погребенъ въ Москвѣ на Введенскихъ горахъ. Женатъ былъ на Еленѣ Ипполитовнѣ Лангъ.

Перевелъ: 1) Руководство къ изслѣдованію болѣзней глаза и діагностическія таблицы его воспаленій, Юнгкена, съ нѣмецкаго. М. 1836, 8° и 2) Ученіе о глазныхъ болѣзняхъ, Юнгкена, съ нѣмецкаго 2 ч. 1 изд. М. 1841, 8°; 2 изд. М. 1858. Напечаталъ свой трудъ: О распознаваніи и лѣченіи аневризмъ и объ операціи перевязыванія артеріи. М. 1842, 8° съ рис.

Брокгаузъ-Ефронъ, «Энциклопед. словарь»; Геннади, «Словарь»; «Словарь проф. Моск. универ.»; Змѣевъ, «Словарь врачей, получившихъ степ. д-ра мед. въ Москов. Универ.»; Змѣевъ, «Былое врачебной Россіи»; «Библ. Записки» 1861 г., т. III, № 4; «Московскій Некрополь», т. I; Формулярный списокъ 1853 г. (Архивъ Моск. Дворян. Депутат. Собранія); «Родословная книга дворянства Московской губ.», ч. 1, стр. 348.

М. Ціонъ.

Гильтебрандтъ, *Ѳеодоръ Андреевичъ* (Justus Friedrich Jacob), дѣйств. статскій совѣтникъ, докторъ медицины, заслуженный профессоръ Московскаго университета, родился 11/22 декабря 1773 г. въ г. Вормсѣ. Въ раннемъ дѣтствѣ лишившись отца, Г. остался на попеченіи своей матери; первоначальное образованіе онъ получилъ въ гимназіи родного города; на 16 году былъ вызванъ въ Москву дядей своимъ, Иваномъ Дороѳеевичемъ Гильтебрандтомъ, профессоромъ анатоміи и физіологіи при медицинской школѣ въ Москвѣ и поступилъ волонтеромъ въ Московскій генеральный военный госпиталь въ ноябрѣ 1789 г.; тутъ онъ прилежно занимался медициною и 11 марта 1792 г. произведенъ въ званіе лѣкаря. Во время своего пребыванія въ школѣ, онъ много занимался анатоміей, химіей и ботаникой. По окончаніи курса онъ поступилъ на службу лѣкаремъ при формировавшихся въ Москвѣ двухъ батальонахъ, но хотѣлъ посвятить себя ученой дѣятельности, почему дядя его, профессоръ Гильтебрандтъ, просилъ своего коллегу, профессора Фр. Стефана, взять его къ себѣ въ качествѣ адъюнкта. Профессоръ Стефанъ сообщилъ Медицинской коллегіи, что избралъ себѣ въ адъюнкты Г., и коллегія приказала назначить ему публичную лекцію. 10 ноября 1795 г. Г. читалъ двѣ пробныя лекціи на латинскомъ языкѣ въ Московскомъ госпиталѣ, одну — по ботаникѣ: «О устроеніи, сложеніи, питаніи, произрожденіи и раздѣленіи травъ и растеній», а другую — по химіи: «О воздухѣ», и рѣшеніемъ профессоровъ, сообщеннымъ коллегіи 19 ноября, признанъ достойнымъ званія адъюнкта. На основаніи этого отзыва Медицинская коллегія назначила Г. сначала исправляющимъ должность адъюнкта химіи и ботаники при проф. Стефанѣ, а 18 октября 1796 г. утвердила его въ этомъ званіи съ обязательствомъ исправлять должность врача въ Московскомъ госпиталѣ, но съ освобожденіемъ отъ дежурствъ; въ 1799 г. его завѣдыванію были поручены двѣ палаты, занимался онъ преимущественно операціями. Пробывъ около пяти лѣтъ въ должности адъюнкта химіи и ботаники, Г. пожелалъ посвятить себя спеціально занятію анатоміей и хирургіей; тогда его дядя просилъ Медицинскую коллегію перечислить Г. въ адъюнкты къ нему, «поелику въ сихъ наукахъ (анатоміи и физіологіи) гораздо лучшіе успѣхи, чѣмъ въ прежнихъ, оказалъ». Проф. Стефанъ выразилъ свое одобреніе этому предложенію, находя, что такое перемѣщеніе принесетъ пользу и академіи. Коллегія приказала назначить Г. пробную лекцію, чтобы узнать, владѣетъ ли онъ русскимъ языкомъ настолько, чтобы вести преподаваніе на немъ; но пробная лекція «О дыханіи и произведеніи животной теплоты» была читана по-латыни, а о знаніи Г. русскаго языка профессора дали отзывъ уклончивый: «уповательно», что Г. будетъ въ состояніи читать лекціи по-русски.

Коллегія, однако, не удовлетворилась такимъ отвѣтомъ и предписала конторѣ дать Г. еще одну лекцію по-русски: «О слуховомъ орудіи тѣла человѣческаго». По обсужденіи ея профессора сообщили коллегіи, что по ихъ мнѣнію Г. достаточно хорошо владѣетъ русскимъ языкомъ и способенъ на немъ преподавать; только тогда коллегія (8 мая, а по формуляру 12 іюля 1800 г.) утвердила Г. въ званіи адъюнкта анатоміи и физіологіи (слѣдуетъ замѣтить, что Г. такъ и не выучился русскому языку и лекціи читалъ на латинскомъ). Въ 1801 г. по выдержаніи экзамена и защитѣ диссертаціи: Draco cephali monographia (Mosquae 1801) удостоенъ званія доктора медицины и хирургіи (15 января). Съ 1802 по 1804 г. онъ преподавалъ въ костоправной школѣ при Московскомъ военномъ госпиталѣ науку о переломѣ и вывихахъ. За это время извѣстность его, какъ хирурга, все возрастала, и въ 1804 г. уже Медицинская коллегія поручила ему сдѣлать операцію катаракты штабъ-лѣкарю Швану; въ этомъ же году, при преобразованіи Московскаго университета, онъ былъ назначенъ туда экстраординарнымъ профессоромъ хирургіи (18 іюля). Въ 1807 г. онъ по волѣ Императрицы Маріи Ѳеодоровны назначенъ консультантомъ въ Маріинскую больницу. Въ 1808 г. 12 ноября назначенъ ординарнымъ профессоромъ университета, а 30 декабря опредѣленъ въ Медико-Хирургическую академію ординарнымъ профессоромъ хирургіи и клиники наружныхъ болѣзней. Въ 1812 г., когда лекціи были прекращены, Г. подавалъ помощь бывшимъ въ Москвѣ раненымъ и въ самый день вступленія французовъ въ Москву выѣхалъ изъ нея во Владиміръ, сопровождая транспортъ раненыхъ; во Владимірѣ онъ оставался до конца 1812 г. Когда Москва была очищена отъ непріятеля, Г. вернулся къ своимъ прежнимъ занятіямъ, которыя и продолжалъ до 1830 г. 10 ноября 1817 г. онъ произведенъ въ коллежскіе совѣтники, 30 мая 1822 г. въ статскіе совѣтники. 24 апрѣля 1819 г. утвержденъ въ званіи академика. Въ 1830 г. 29 марта Г. оставилъ службу въ университетѣ со званіемъ заслуженнаго профессора и почетнаго члена университета, продолжая преподаваніе теоретической и практической хирургіи въ Медико-хирургической академіи. 21 апрѣля 1832 г. произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. 14 марта 1834 г. утвержденъ заслуженнымъ профессоромъ Медико-хирургической академіи. 9 ноября 1839 г. онъ оставилъ службу въ академіи съ званіемъ почетнаго члена, сохранивъ за собою только службу въ Маріинской больницѣ; въ томъ же году, 12 декабря, въ уваженіе долговременной и отлично-усердной службы при академіи, и вообще ученыхъ трудовъ, Всемилостивѣйше награжденъ золотою, съ вензелемъ Его Императорскаго Величества Имени, брилліантами украшенною табакеркою. Еще раньше Г. получилъ ордена св. Владиміра 4 ст. (1810 г.) и 3 ст. (1825 г.), св. Анны 2 ст. (1816 г., алмазные знаки 1822 г.) и св. Станислава 2 ст. со звѣздой (1836 г.). 23 іюня 1844 г. пожалованъ орденомъ св. Станислава 1-й ст. Въ 1844 г. здоровье Г. уже начало слабѣть, и онъ по прошенію 12 октября уволенъ отъ званія консультанта при Маріинской больницѣ. Гильтебрандтъ пользовался большою извѣстностью, какъ хирургъ, преимущественно же прославился производствомъ литотоміи (онъ сдѣлалъ болѣе 3000 операцій этого рода) и снятіемъ катарактъ. Умеръ 15 сентября 1845 г. Г. состоялъ членомъ Обществъ: Физико-Медицинскаго и Испытателей природы въ Москвѣ (1804), корреспондентомъ Королевской Академіи Наукъ въ Геттингенѣ, Туринской академіи (1828), почетнымъ членомъ медицинскаго совѣта при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ (1837). Г. принадлежатъ слѣдующіе труды: 1) Начальныя основанія всеобщей паѳологіи, переводъ съ нѣм. М. 1800 г. 2) О средствахъ сберегать глаза и зрѣніе до самой глубокой старости; сочиненіе, изданное для народа. М. 1807 г. (у Сопикова: О сохраненіи зрѣнія. М. 1804), 2 изд. 1819 г. 8°. 3) О прививаніи коровьей оспы. М., по Сопикову 1802, по Геннади 1808. 8° (на рус. и нѣм. яз. 12°). 4) Oratio Academica: De Studii chirurgici praestantia, die 1 Iulii 1810 in conventu Universitatis Mosquensis habita, 4°. Переведена

на русскій языкъ Ад. Сидорацкимъ. 5) Institutiones Chirurgiae 1819. 8°. Mosquae; 6) Oratio de methodo, ad pleniorem et solidiorem Medicinae cognitionem, felicioremque exercitationem conducente, habita die 3 Iulii 1826 г. Переведено на русскій языкъ П. Л. Страховымъ. — Г. погребенъ на Введенскихъ горахъ.

«Слов. проф. и преп. Московск. Унив.» (здѣсь дана также характеристика Г. какъ человѣка); Чистовичъ, «Исторія перв. медиц. школъ»; Рихтеръ, «Истор. медиц. въ Россіи»; «Московск. Вѣд.» 1845 г., № 112; Геннади, «Слов.»; Брокг.-Ефронъ, «Энцикл. слов.»; «Русская Старина» 1885 г., № 1; «Московск. Некрополь»; Сопиковъ, «Опытъ россійской библіографіи», подъ ред. Рогожина; Формулярный списокъ 1839 г. (Архивъ Моск. Двор. Депутат. Собранія); «Родословная книга дворянства Московской губ.», I, 348.

М. Ціонъ.

Гильфердингъ, *Александръ Ѳедоровичъ*, славистъ, родился 2 іюля 1831 г. По указанію чешскаго Ригрова Научнаго Словника семья Г. переселилась изъ Германіи въ Москву въ началѣ XVIII в. Отецъ его Ѳ. И. Г. былъ директоромъ дипломатической канцеляріи при намѣстникѣ Царства Польскаго, а позднѣе управляющимъ архивомъ Министерства иностранныхъ дѣлъ въ Петербургѣ. Ѳ. И. Г. получилъ образованіе въ Московскомъ университетѣ. Самъ онъ былъ католическаго вѣроисповѣданія, а его сынъ былъ крещенъ по обряду православной церкви. Ѳ. И. далъ своему сыну прекрасное образованіе: онъ изучилъ древніе и новые языки и сверхъ того славянскія нарѣчія. Въ числѣ его учителей былъ славяновѣдъ И. И. Паплонскій. Отсюда объясняется, отчего такъ рано у Г. пробудился интересъ къ славянству. Между его бумагами оказалась тетрадка съ заглавіемъ «Краткій очеркъ исторіи славянскихъ народовъ въ IX и X столѣтіи». Въ этой юношеской работѣ идетъ рѣчь о разселеніи славянскихъ племенъ, объ основаніи первыхъ славянскихъ государствъ, проповѣди Кирилла и Меѳодія.

Въ 1848 г. А. Ѳ. Г. поступилъ въ Московскій университетъ на историко-филологическій факультетъ. Въ московскомъ обществѣ того времени господствовали представители двухъ направленій — западники и славянофилы. Большинство профессоровъ университета были западники, но даже и тѣ изъ нихъ, которые во многомъ сходились съ славянофилами, отдѣляли себя отъ нихъ. Близки къ славянофиламъ были только Шевыревъ и Бодянскій. Г. по связямъ своего отца примкнулъ къ славянофиламъ. Въ славянофильскомъ кружкѣ онъ сблизился съ А. С. Хомяковымъ, К. С. Аксаковымъ, Ю. Ѳ. Самаринымъ и братьями Кирѣевскими и подчинился вліянію славянофильскихъ идей. Что же касается университетскихъ профессоровъ, то изъ сохранившихся писемъ видно, что не смотря на кратковременное пребываніе въ Москвѣ Г. привлекло преподаваніе В. И. Григоровича. Въ 1852 г. Г. кончилъ курсъ въ университетѣ первымъ кандидатомъ, а въ 1853 г. получилъ степень магистра славянскихъ нарѣчій по защитѣ диссертаціи: «Объ отношеніи языка славянскаго къ языкамъ родственнымъ» (М. 1853 г.).

На службу А. Ѳ. Г. поступилъ въ 1852 г. въ Министерство иностранныхъ дѣлъ. Въ 1856 г. онъ былъ назначенъ консуломъ въ Боснію и Герцеговину. Послѣ неудачъ только что окончившейся войны положеніе нашей дипломатіи на востокѣ было не легкое. Г., интересовавшійся славянствомъ и въ 1854 г. выступившій въ печати съ Письмами по исторіи сербовъ и болгаръ, былъ достойнымъ кандидатомъ на это мѣсто и съ честью занималъ этотъ постъ три года, отстаивая интересы сербскаго населенія этихъ провинцій. Къ счастію у директора азіатскаго департамента Е. П. Ковалевскаго, который извѣстенъ своимъ путешествіемъ въ Черногорію, онъ встрѣчалъ полную поддержку въ своей консульской дѣятельности. Въ 1859 г. Г. былъ назначенъ столоначальникомъ азіатскаго департамента.

Въ 1861 г. Г. перешелъ на службу въ Государственную канцелярію и занималъ сначала должность экспедитора, а съ 27 февраля 1863 г. — помощника статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта. Въ то же время въ 60—70-хъ гг. онъ былъ цензоромъ въ Петербургскомъ почтамтѣ. 31 дек. 1865 г. Г. получилъ чинъ дѣйств. стат. совѣтника. Въ Государственной канцеляріи ему пришлось работать въ отдѣленіи

Государственной экономіи, которымъ управлялъ извѣстный финансистъ А. П. Заблоцкій-Десятовскій. И на этой службѣ А. Ѳ. Г. трудился съ выдающимся успѣхомъ, удивляя, по свидѣтельству М. И. Семевскаго, своихъ сослуживцевъ быстрой сообразительностію и рѣдкимъ умѣніемъ войти въ суть многосложной работы. Неудивительно поэтому, что во время польскаго возстанія 1863 г. Н. А. Милютинъ, на котораго была возложена задача преобразованій въ Царствѣ Польскомъ, въ числѣ другихъ сотрудниковъ пригласилъ и А. Ѳ. Г. Съ этого времени онъ началъ работать въ комитетѣ по дѣламъ Царства Польскаго, принимая въ то же время участіе и въ трудахъ главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго населенія, гдѣ онъ занималъ постъ помощника управляющаго дѣлами. Дѣятельность Г. за это время была кипучая. Онъ редактировалъ оффиціальныя бумаги, печаталъ въ газетахъ статьи о польскомъ вопросѣ, разъясняя его для русской публики: «За что борются русскіе съ поляками» въ «Русскомъ Инвалидѣ» въ апрѣлѣ 1863 г., «Въ чемъ искать разрѣшенія польскому вопросу», «Положеніе и задача Россіи въ Царствѣ Польскомъ», въ іюлѣ и декабрѣ того же года для славянъ въ письмѣ Ригру, для Европы въ англійской брошюрѣ «Polish Question». Г. высказывалъ взглядъ, что «польскій вопросъ можетъ быть упраздненъ, когда, съ одной стороны, польская народность утратитъ господство не только матеріальное, но и нравственное, надъ народностью русскою и литовскою въ нашемъ западномъ краѣ и когда, съ другой стороны, устойчивая сила крестьянскихъ общинъ въ Царствѣ Польскомъ переработаетъ своимъ вліяніемъ старыя идеи польскаго обывательства». Поэтому «въ Польшѣ наша обязанность доставить самостоятельность польскому крестьянству и употребить всѣ усилія для распространенія серьезнаго, научнаго образованія. Эти вопросы несравненно важнѣе всякихъ вопросовъ о политическомъ устройствѣ царства. Никакое политическое устройство, никакая система управленія не можетъ удовлетворить поляковъ; польскій вопросъ неразрѣшимъ никакими политическими мѣрами, польскій вопросъ можетъ быть только упраздненъ, и упразднить его могутъ только соціальныя средства». Во исполненіе этой мысли 19 февраля 1864 г. изданъ былъ рядъ законоположеній, распространявшихъ дѣйствіе положеній 19 февраля 1861 г. на крестьянъ Привислянскаго края. Что касается народнаго образованія, то были учреждены десять дирекцій для наблюденія надъ народными школами, которыя были освобождены изъ-подъ вѣдѣнія ксендзовъ и шляхты, а въ среднихъ школахъ введено было преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ на русскомъ языкѣ. Устройство учебныхъ заведеній завершилось открытіемъ Варшавскаго университета. По свидѣтельству Бестужева-Рюмина въ составленіи этихъ уставовъ самое большое значеніе имѣлъ Г., хотя ему и не пришлось осуществить ихъ. Онъ принималъ также участіе въ начертаніи мѣръ для сокращенія числа католическихъ монастырей, новаго административнаго раздѣленія Царства Польскаго и въ работахъ по устройству судебной части. Служебныя занятія не мѣшали А. Ѳ. Г. принимать самое живое участіе въ ученой и общественной жизни. Съ 1858 г., состоя дѣйствительнымъ членомъ Географическаго общества, онъ сотрудничалъ въ его изданіяхъ и другихъ его трудахъ. Въ 1870 г. онъ былъ избранъ предсѣдателемъ этнографическаго отдѣленія общества. Когда послѣ славянскаго съѣзда 1867 г. открылось въ Петербургѣ отдѣленіе Московскаго славянскаго благотворительнаго комитета, А. Ѳ. Г. скоро сдѣлался его предсѣдателемъ и внесъ необычное оживленіе въ дѣятельность общества. Онъ искусно руководилъ преніями, вдохновлялъ своими рѣчами, умѣлъ находить людей, направлять ихъ дѣятельность. По его почину устраивались публичныя чтенія, живыя картины. Его усиліями созданъ былъ въ Прагѣ православный храмъ.

Какъ этнографъ А. Ѳ. Г. завершилъ свою дѣятельность замѣчательнымъ трудомъ по собиранію русскихъ былинъ. Открытыя Рыбниковымъ сокровища народнаго эпоса на нашемъ

сѣверѣ возбуждали у нѣкоторыхъ ученыхъ сомнѣнія. Желая ихъ разсѣять, А. Ѳ. Г. рѣшилъ отправиться въ Олонецкую губернію въ апрѣлѣ 1871 г. Онъ вернулся изъ путешествія съ богатѣйшимъ и прекраснѣйшимъ былиннымъ матеріаломъ, который впослѣдствіи былъ изданъ: «Онежскія Былины». Онъ самъ записывалъ пѣтыя речитативомъ былины. «Короткость времени и масса собраннаго матеріала дѣлаютъ сборникъ Г. истинно необычайнымъ явленіемъ въ области этнографическихъ изслѣдованій: освѣщенный любопытной картиной мѣстнаго быта, записанный съ гораздо большею точностію, сборникъ Г. производилъ еще болѣе сильное впечатлѣніе, нежели книга Рыбникова», говоритъ А. Н. Пыпинъ въ «Исторіи русской этнографіи», т. II, стр. 221. Свое путешествіе Г. описалъ въ статьѣ: «Олонецкая губернія и ея народные рапсоды», помѣщенной въ 3-й книжкѣ «Вѣстника Европы» 1872 г. Въ ней мастерски изображенъ былъ этотъ интересный край и бытъ народа и охарактеризованы пріемы пѣвцовъ. Зимой 1871—1872 г. нѣкоторые изъ нихъ пріѣзжали въ Петербургъ, пѣли у Г., а одинъ изъ нихъ, Рябининъ, пѣлъ и въ Географическомъ обществѣ и въ Славянскомъ комитетѣ. По ходатайству Г. ему была пожалована медаль. Въ слѣдующемъ году лѣтомъ Г. поѣхалъ въ Олонецкую губернію вторично. Доѣхавъ до Вознесенья, пристани на Свири у береговъ Онежскаго озера, онъ пересѣлъ на трешкотъ, желая прислушаться къ говору простого народа. Въ Вытегрѣ онъ почувствовалъ себя дурно, но несмотря на то не хотѣлъ лѣчиться и продолжалъ путь. Прибывъ въ Каргополь, онъ слегъ и черезъ пять дней скончался отъ брюшного тифа 20 іюня 1872 г. на 41 году отъ рожденія. 4 іюля его тѣло было привезено въ Петербургъ и похоронено въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Такъ неожиданно и трагически пресѣклась драгоцѣнная жизнь выдающагося ученаго въ цвѣтѣ силъ, въ разгарѣ плодотворной ученой и общественной дѣятельности!

Первые ученые труды Г. посвящены были языку. Подъ вліяніемъ А. С. Хомякова онъ сталъ изучать санскритъ. Руководителемъ въ занятіяхъ былъ К. А. Коссовичъ, а товарищемъ Микуцкій. Г. ставилъ задачей доказать большую близость языка славянскаго и санскрита. Результатомъ было «Сравненіе языка славянскаго съ санскритскимъ», напечатанное въ издаваемыхъ нашей Академіей «Матеріалахъ для сравнительнаго и объяснительнаго словаря и грамматики», ч. I—III, С.-Пб., 1854. Недостатокъ этой работы, по отзыву проф. Ягича въ «Исторіи славянской филологіи», заключается въ томъ, что изслѣдователь стремился обнять весь санскритско-славянскій лексиконъ, но сравненіе отличалось поверхностностью: допускалось заключеніе по кажущемуся созвучію, или при близости значеній не принимаемы были точные звуковые признаки. Итоги этой работы, выводы изъ сравненія, составили магистерскую диссертацію «Объ отношеніи языка славянскаго къ языкамъ родственнымъ» (Москва, 1853). Г. приходилъ къ заключенію, что языки славянскіе и литовскій сходятся съ санскритомъ въ пяти звуковыхъ законахъ, которыми они отличаются отъ языковъ западной половины индоевропейскаго племени. Эту близость языковъ восточной группы къ санскриту Г. объяснялъ болѣе продолжительнымъ «доисторическимъ единствомъ и общеніемъ». Въ параллель этому приводилось преобладаніе личности надъ общиной. Развитіе видовъ славянскаго глагола составляетъ преимущество языковъ славянскихъ передъ языками санскритскимъ и литовскимъ. Въ восточной отрасли индоевропейскихъ языковъ Г. усматривалъ сохраненіе «первичныхъ образованій» въ противоположность «вторичнымъ нарѣчіямъ» Запада, а въ этой отрасли славянскій языкъ стоитъ выше санскритскаго и литовскаго. Проф. Ягичъ, отвергающій основательность этихъ выводовъ Г., тѣмъ не менѣе признаетъ въ его анализѣ склоненія и спряженія нѣсколько вѣрныхъ замѣчаній и высказываетъ сожалѣніе, что молодой ученый оставилъ занятія филологіей. Въ то же время онъ признаетъ вину за руководителемъ Гильфердинга Коссовичемъ, не удержавшимъ его отъ произвольныхъ сопоставленій. Но Г. не сразу

оставилъ чисто филологическіе вопросы. Въ 1856 г. онъ напечаталъ «Памятники нарѣчія залабскихъ древлянъ и глинянъ», а въ 1859—60 гг. въ «Академическихъ Извѣстіяхъ», т. VIII, «О нарѣчіи померанскихъ словинцевъ и кашубовъ». Занятія языкомъ сказывались и въ другихъ трудахъ Г. Въ первой главѣ «Древнѣйшаго періода исторіи славянъ» «Славяне на ряду другихъ племенъ арійскихъ» онъ прибѣгалъ, по словамъ Ягича, къ выводамъ сравнительнаго языкознанія, пользуясь ими довольно некритически, и однако, защищая вышеизложенную точку зрѣнія, полемизировалъ противъ теоріи Шлейхера о славяно-германскомъ языкѣ, отъ которой новѣйшая наука о языкѣ дѣйствительно отказалась. Въ своей книгѣ «Общеславянская азбука», С.-Пб., 1871, Г. опять таки даетъ свою классификацію славянскихъ языковъ, по поводу которой въ отдѣльности справедливыя возраженія предложены были И. А. Бодуэномъ-де-Куртене въ его статьѣ объ этой книгѣ въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1871 г., ч. 155. О самой же попыткѣ А. Ѳ. Г. дать опытъ единообразнаго славянскаго письма для всѣхъ славянскихъ языковъ И. А. Бодуэнъ-де-Куртене отзывается съ сочувствіемъ. Но только онъ справедливо указываетъ на трудность принятія предложеннаго Г. письма. Славяне, пишущіе латинскимъ письмомъ, не откажутся отъ него въ пользу кирилловскаго. А примѣненіе кириллицы къ передачѣ славянскихъ звуковъ, проведенное Г., менѣе удачно, чѣмъ то же самое сдѣлано для сербскаго языка В. С. Караджичемъ. Съ сожалѣніемъ можно признать, что желательное объединеніе неосуществимо потому, что славяне, пользующіеся двумя разными алфавитами, въ силу многовѣковой традиціи не въ состояніи отказаться отъ принятаго одними письма въ пользу принятаго другими. А потому нисколько неудивительно, что практическихъ результатовъ этотъ трудъ Г. имѣть не могъ, онъ только вызвалъ со стороны нѣкоторыхъ ученыхъ не совсѣмъ для насъ понятныя нареканія противъ составителя. Интересъ къ языку обнаруживался у Г. и при знакомствѣ съ памятниками юго-славянской письменности: имъ напр. были извлечены собственныя имена сербскія изъ найденнаго имъ въ Сопочанахъ синодика (рук. его собранія); въ историческихъ трудахъ онъ не опускалъ никогда изъ виду подобный матеріалъ: чрезвычайно напр. важны извлеченные имъ матеріалы изъ статистическихъ списковъ мѣстностей Эпира и Греческаго королевства въ особомъ приложеніи къ исторіи сербовъ и болгаръ «Старинныя поселенія славянъ на греческой землѣ». Интересна его попытка объясненія записи о первыхъ болгарскихъ князьяхъ изъ яз. мадьярскаго и сродныхъ ему[1]). Какъ извѣстно, и до сихъ поръ не прекращаются усилія ученыхъ объяснить заключающіяся въ этомъ памятникѣ важныя для опредѣленія народности болгаръ завоевателей данныя. И въ другихъ случаяхъ Г. не избѣгалъ филологическихъ объясненій въ своихъ историческихъ трудахъ.

Въ ближайшемъ отношеніи къ интересамъ филологическимъ стоятъ труды А. Ѳ. Г., посвященные судьбамъ славянской письменности и ея памятникамъ. Во время своей службы въ Министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, какъ русскій консулъ въ Босніи и Герцеговинѣ, онъ находился въ счастливыхъ условіяхъ для знакомства съ библіотеками этихъ областей, а также и Старой Сербіи, богатыхъ рѣдкими рукописями. Ему удалось во время путешествія благодаря личнымъ знакомствамъ собрать чрезвычайно цѣнное рукописное собраніе. Большая и наиболѣе важная часть этого собранія въ 1868 г. была принесена его владѣльцемъ въ даръ Публичной библіотекѣ и описана въ отчетѣ за этотъ годъ. Въ немъ 101 рукопись и между ними многія очень старыя, писанныя на пергаментѣ, очень многія съ годами и по содержанію рѣдкіе и драгоцѣнные образчики юго-славянскаго письма. Позднѣе въ 1873 г. поступило въ ту же библіотеку дополнительное собраніе ру-

---

[1]) Теперь отдается предпочтеніе тюркскому происхожденію болгаръ, но интересно, и Гильфердингъ уже признавалъ, что основная племенная стихія финно-уральская подверглась тюркскому вліянію. Ист. Серб. и Болг., стр. 109.

кописей греческихъ, церковно-славянскихъ и турецкихъ, пріобрѣтенное послѣ кончины А. Ѳ. Г.; эти рукописи описаны въ «Отчетѣ за 1873 г.», С.-Пб., 1875. И, наконецъ, третья часть его рукописей куплена была извѣстнымъ собирателемъ Хлудовымъ и теперь находится въ библіотекѣ Никольскаго единовѣрческаго монастыря. Такимъ образомъ все рукописное наслѣдіе покойнаго осталось у насъ въ Россіи. Обладая такимъ богатымъ рукописнымъ собраніемъ, А. Ѳ. Г. отчасти самъ имъ воспользовался и опубликовалъ нѣкоторые важные и новые тексты. Но, какъ видно изъ бумагъ, хранящихся въ Академіи Наукъ, А. Ѳ. Г. было приготовлено къ печати большое собраніе разныхъ памятниковъ, найденныхъ имъ во время путешествія по Македоніи въ 1868 г.[1]). Сюда вошли надписи въ церквахъ, записи и приписки въ рукописяхъ, грамоты и пр. Доставивъ часть этихъ матеріаловъ, Г. предполагалъ еще напечатать болгарскую лѣтопись какъ третью часть этого изданія, а описаніе его рукописей, составленное о. Амфилохіемъ, должно было составить вторую часть (письмо на имя Я. К. Грота, подписано 25 февраля 1871 г.). Но изъ слѣдующаго письма отъ 16 марта того же года видно, что это изданіе не осуществилось изъ-за несогласія А. Ѳ. Г. на условія печатанія редакціоннаго характера. Въ этомъ второмъ письмѣ онъ просилъ возвратить ему всѣ доставленныя имъ бумаги. Правда, этого не случилось, бумаги остались въ Академіи; но самое ихъ изданіе по изложенной программѣ не состоялось. Часть матеріаловъ позднѣе была напечатана разными лицами; но не мало есть и такого матеріала, который не приведенъ въ извѣстность. Исполнена работа съ заслуживающей вниманія тщательностью.

Таковы были чисто филологическіе труды А. Ѳ. Г. Но еще большую извѣстность доставили ему замѣчательные историческіе и публицистическіе труды по исторіи славянъ и славянскому вопросу. Въ тѣхъ и другихъ обнаружился его блестящій талантъ построенія исторіи того или другого народа при ясномъ, точномъ и привлекательномъ изложеніи. Огромное значеніе имѣло прежде всего то, что Г. прекрасно зналъ не только прошлое, но и современное положеніе всего славянскаго міра. Онъ былъ одушевленъ идеей національнаго единства всего славянства. Къ занятіямъ исторіей его подготовляло непосредственное знакомство съ славянскими землями, путешествіе по нимъ. Первыя его поѣздки были направлены въ крайнія сѣверо-западныя области славянства. Онъ при этомъ посѣтилъ сѣверо-западную Германію и кашубовъ въ восточной Помераніи. Помимо названныхъ выше работъ по языку это путешествіе облегчило ему изученіе исторіи Балтійскихъ славянъ, напечатанной въ 1855 г. первоначально въ «Москвитянинѣ», а позднѣе въ «Собраніи Сочиненій», IV, 1874. Въ этомъ трудѣ особый интересъ представляло изложеніе особенностей быта, отличавшагося большимъ разнообразіемъ при развитіи княжеской власти у однихъ племенъ, аристократіи у другихъ, демократіи у третьихъ и даже попыткахъ федеративнаго строя (Бестужевъ-Рюминъ). Особо изложена была «Борьба славянъ съ нѣмцами на Балтійскомъ поморьѣ въ средніе вѣка», С.-Пб., 1861. Съ сѣверо-запада славянскаго міра служба въ Министерствѣ иностранныхъ дѣлъ перенесла Г. на славянскій югъ въ Боснію и Герцеговину. Въ 1856 г. онъ отправился въ Сараево, а въ 1859 г. вышла въ «Запискахъ Импер. Географическаго общества» его замѣчательная и до сихъ поръ сохраняющая интересъ книга «Боснія, Герцеговина и Старая Сербія», переиздана съ небольшимъ дополненіемъ въ III томѣ «Собранія Сочиненій», С.-Пб., 1873. Въ этой книгѣ живые очерки посѣщенныхъ мѣстностей и положенія ихъ населенія, историческія

[1]) Какихъ-либо извѣстій объ этомъ путешествіи почему-то не сохранилось. Тѣмъ интереснѣе, что въ бумагахъ академика Куника оказалась визитная карточка А. Ѳ., полученная 13 ноября 1868 г., съ слѣдующей на ней припиской: «А. Ѳ. Г. шлетъ Аристу Аристовичу поклонъ съ берега Брегальницы и везетъ ему воды, изъ него почерпнутой. Штипъ 18 октября 1868 г.». Эта приписка была уже напечатана Э. А. Вольтеромъ въ журналѣ «Славянство» № 1.

воспоминанія, археологическія описанія храмовъ и другихъ уцѣлѣвшихъ древностей, литературныя замѣтки о рукописяхъ привлекаютъ неослабный интересъ читателя. Вполнѣ правъ А. Н. Пыпинъ, который это путешествіе Г. по его достоинствамъ ставитъ рядомъ съ путешествіемъ по Турціи В. И. Григоровича. Кто знаетъ, доживи Г. до того момента, когда послѣ русско-турецкой войны рѣшалась судьба Босніи и Герцеговины, первыми поднявшихъ возстаніе, быть можетъ ему и удалось бы отстоять въ Министерствѣ иностранныхъ дѣлъ независимость этихъ сербскихъ областей, принесенныхъ въ жертву Австріи нашими дипломатами. Такой исходъ ихъ судьбы наилучшимъ образомъ обезпечивалъ бы отношенія къ балканскимъ народностямъ европейскихъ державъ, отнимая всякій поводъ къ недовольству захватной политикой Австріи. Интересъ Г. къ южному славянству сказался еще раньше. Въ 1854—1855 гг. въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и «Русской Бесѣдѣ» за 1859 г. появились «Письма объ исторіи сербовъ и болгаръ» (письма эти были переведены на сербскій языкъ М. Миличевичемъ въ двухъ книгахъ 1857 и 1860 гг.). Значитъ отправлявшійся на Балканскій полуостровъ дипломатъ ѣхалъ прекрасно подготовленный для своей дѣятельности. Оттого и тотъ интересъ къ новому славянскому краю, въ который онъ попалъ, а прекраснымъ знакомствомъ съ южными славянами и Балканскимъ полуостровомъ на мѣстахъ объясняются и достоинства переработки «Писемъ» въ новомъ ихъ изданіи «Исторія Сербовъ и Болгаръ». Во многихъ мѣстахъ книги авторъ пользуется своими личными разысканіями: находка въ Бѣлградѣ особой редакціи житія Іоанна Рыльскаго (стр. 124), объясненія топографическихъ названій на основаніи показаній уроженцевъ Герцеговины (стр. 170). Значеніе этого труда А. Ѳ. Г. прекрасно оцѣнено проф. Бестужевымъ-Рюминымъ. Справедливо онъ смотритъ на эти труды какъ на положительную новость въ нашей исторической литературѣ. До того времени преобладаніе фантазіи отличало работы Венелина и Савельева-Ростиславича; переводъ слав. древностей Шафарика, мало доступный читателю по своему изложенію и, надо прибавить, очень тяжелый, обнималъ только древній языческій періодъ. Можно еще дополнить и то, что внутренняя жизнь славянъ не была изложена Шафарикомъ въ его «Древностяхъ»; только въ послѣднее время эта половина славянскихъ древностей излагается проф. Л. Нидерле. Бестужевъ-Рюминъ отмѣчаетъ высокія достоинства сочиненія Г.: «Это не только исторія событій и даже смѣны учрежденій и бытовыхъ особенностей; нѣтъ, это исторія понятій и воззрѣній». Трудъ русскаго ученаго, и до сихъ поръ сохраняющій интересъ и значеніе, въ свое время былъ выдающимся: ничего подобнаго не было въ ученой литературѣ. Помимо прекраснаго знакомства съ источниками и ихъ истолкованія замѣчательны мѣстами художественно набросанныя картины и характеристики, напр. Симеона, его сына Петра и др. Интересъ Г. должна была, конечно, привлечь и дѣятельность славянскихъ первоучителей Кирилла и Меѳодія и ихъ учениковъ. Когда въ 1862 г. должно было праздноваться тысячелѣтіе изобрѣтенія славянскихъ письменъ, Г. отозвался нѣсколькими статьями: 1. «Когда изобрѣтена славянская азбука?», 2. «Имѣлъ ли Кириллъ непосредственное вліяніе на русскихъ славянъ?», 3. «Кириллица ли изобрѣтена Кирилломъ?», 4. «Какъ относятся къ Кириллу и Меѳодію современные славяне?». Онъ отстаивалъ дату сказанія Храбра 855, допускалъ, что въ Хозаріи Кириллъ и Меѳодій имѣли дѣло и съ русскими славянами, алфавитомъ св. Кирилла считалъ Кириллицу, вопреки взгляду Шафарика, выступалъ противъ предвзятыхъ тенденцій Штульца и Гинцеля смотрѣть на Кирилла и Меѳодія какъ на людей, преданныхъ Риму. Всѣ эти статьи, независимо отъ того, могутъ ли быть приняты проводимыя въ нихъ мнѣнія, написаны съ присущимъ ихъ автору талантомъ и имѣли значеніе въ исторіи вопроса. Послѣдняя статья особенно интересна высказаннымъ въ ней взглядомъ, что между русскими большаго сочувствія къ памяти Кирилла и Меѳодія можно ожидать отъ малороссовъ, что они особенно призваны къ участію въ развитіи между нами славянской

идеи[1]). Но въ то же время чрезвычайно важно и заключеніе: «если малорусская земля и кажется намъ въ настоящее время ближе къ живому внѣшнему сознанію славянства, славянскаго единства и братства, то несомнѣнно также и то, что пока сознаніе это не усвоится землею великорусскою, пока не сдѣлается тутъ общественнымъ достояніемъ, общественнымъ двигателемъ всей Россіи, и самая идея славянская не достигнетъ полнаго осуществленія, и наше собственное народное самосознаніе останется недовершеннымъ». Какъ все это правдиво, глубоко и знаменательно! Въ 1868 г. въ «Вѣстникѣ Европы» Г. началъ печатать очеркъ славянскихъ древностей. Подъ заглавіемъ «Древнѣйшая исторія славянъ» вышли двѣ первыя главы: «Славяне на ряду другихъ племенъ арійскихъ» и «Венеты». Послѣ Шафарика это была первая попытка объясненія древнѣйшей эпохи исторіи славянъ при помощи выводовъ сравнительнаго языковѣдѣнія[2]). Съ этой стороны Котляревскій признавалъ опытъ Г. заслуживающимъ полнаго вниманія. Наибольшую важность имѣлъ разборъ извѣстій древнихъ писателей, которыя по свидѣтельству Бестужева-Рюмина Г. разыскивалъ съ большой любовью и увлеченіемъ; слабѣе этимологическія объясненія. Сравни выше отзывъ И. В. Ягича.

Исполненъ интереса и «краткій, но блистательный очеркъ исторіи Чехіи», по весьма удачному выраженію Бестужева-Рюмина. «Противоположеніе чешскаго элемента и нѣмецкаго, при перевѣсѣ послѣдняго грозило чехамъ большой опасностью. Гуситская религіозная идея, нашедши благопріятную почву въ живомъ преданіи Кирилло-меѳодіевской славянской церкви, и въ немъ черпала свою силу. Чехія при Юріи Подѣбрадѣ передовая представительница политическихъ идей, идеалъ современнаго государства на западѣ. Роковое значеніе имѣлъ для чеховъ переходъ подъ власть Габсбурговъ: господство аристократіи и католицизма, изгнаніе братьевъ и страшная катастрофа 1620 г. положили конецъ Чехіи какъ государству. Чешское государство умерло при полномъ господствѣ аристократіи, новая Чехія воскресаетъ изъ среды простого народа». Ходъ чешской исторіи изображенъ въ этомъ очеркѣ рельефными чертами, въ логической послѣдовательности. Вопросу объ отношеніи гуситства къ Кирилло-меѳодіевской церкви посвящено было Г. особое сочиненіе: «Гусъ, его отношеніе къ православной церкви», С.-Пб., 1871 г. (въ томъ же году появилось и въ чешскомъ переводѣ; второе русское изданіе съ дополненіями И. С. Пальмова, С.-Пб., 1893). Чехи, какъ извѣстно, отвергаютъ точку зрѣнія, проводимую Г.; намъ однако кажется, что у Г. этотъ взглядъ высказывается безъ крайностей, и цѣлый рядъ фактовъ свидѣтельствуетъ о сохранявшихся у чеховъ не-католическихъ обрядахъ, какъ-то: причащеніе подъ обоими видами, причащеніе младенцевъ, равнымъ образомъ живы были и воспоминанія о славянской церкви и славянскомъ богослуженіи у Далимила, сохранившіеся славяно-чешскіе богослужебные тексты, возстановленіе славянскаго богослуженія Карломъ IV, симпатіи къ православной церкви Іеронима пражскаго, сношенія гуситовъ съ Константинопольскою церковью. Все это даетъ основаніе признавать значеніе преданія о славянской Кирилло-меѳодіевской церкви, какъ одного изъ факторовъ гуситскаго церковнаго и народнаго движенія «внутренней связи между православнымъ крещеніемъ Чехіи и Гусомъ».

На ряду съ историческими очерками, въ которыхъ Г. знакомилъ русскихъ читателей съ исторіей славянъ, онъ выступалъ какъ публицистъ по вопросамъ современнаго славянства и его отношеній къ намъ, русскимъ.

Между этими статьями есть такія, которыя представляютъ чисто литературный интересъ. Такова напр. помѣщенная въ «Русской Бесѣдѣ» статья «Народное возрожденіе сербовъ Лужичанъ въ Саксоніи». Въ ней находимъ обзоръ лужицкой литературы, ея писателей, замѣчанія о лужицкомъ языкѣ и образцы сербо-лужицкой народной

[1]) Въ послѣднее время прекрасно выясняется славянскій характеръ Кирилло-Меѳодіевскаго общества и участіе въ немъ малороссовъ и между ними Шевченка.

[2]) Трудъ Крека, «Einleitung in die slavische Literaturgeschichte», явился позднѣе, въ 1874 г.

поэзіи. Подобнаго же рода статья «Гавличекъ», въ которой даны краткія свѣдѣнія о чешскомъ поэтѣ и напечатаны обычнымъ нашимъ письмомъ тирольскія элегіи съ русскимъ ихъ переводомъ. Близко къ этимъ двумъ стоитъ очеркъ, посвященный вопросу: «Развитіе народности у западныхъ славянъ». Сперва онъ вышелъ въ Парижѣ подъ заглавіемъ «Les Slaves Occidentaux» и затѣмъ по-русски въ «Русской Бесѣдѣ» 1858 г. Въ основу этой брошюры легли личныя наблюденія автора во время путешествій по славянскимъ землямъ 1855—1857 гг. Особеннаго вниманія заслуживаютъ указанія на обособленность Польши отъ остального славянскаго міра, рѣзкое осужденіе взгляда Мицкевича, направленнаго противъ русскихъ, сочувствіе направленію Мацѣіовскаго и др. Живо представленъ ходъ народнаго возрожденія чеховъ, моравянъ и словаковъ, хорватовъ, сербовъ и словинцевъ, выражено сожалѣніе о розни между чехами и словаками, сербами и хорватами. Изложены условія, при которыхъ славяне въ 1848 г. спасли Австрію, и печальное положеніе, въ какое они за эту услугу были поставлены австрійскимъ правительствомъ. Слабыя стороны славянства Г. видѣлъ въ забвеніи образованнымъ классомъ западныхъ славянъ органическихъ началъ своего племени. Эта брошюра, по отзыву А. Н. Пыпина, написанная съ большимъ талантомъ и знаніемъ, у славянъ вызвала неудовольствіе (по Ягичу), а на нашъ взглядъ исполнена справедливыхъ наблюденій и глубокого пониманія слабыхъ сторонъ въ положеніи австрійскаго славянства. Въ 1859 г. появилась и другая не менѣе важная статья «Венгрія и славяне». Въ ней прекрасно выяснено значеніе венгровъ въ исторіи Европы, въ ихъ отношеніи къ славянамъ. Изобличая пристрастное отношеніе француза Шалена, книгой котораго и была вызвана статья, и предостерегая венгровъ отъ союза съ поляками противъ остальныхъ славянъ, Г. призываетъ ихъ къ единенію съ славянами, съ которыми они связаны исторической судьбой. Къ сожалѣнію, этотъ призывъ не встрѣтилъ отклика, и политика мадьяръ остается и до сихъ поръ враждебной живущимъ въ ихъ половинѣ славянамъ, словакамъ, сербамъ и хорватамъ. Небольшая статейка «Славянскіе народы въ Австріи и Турціи», написанная популярно въ 1860 г., предназначена была для журнала «Народное Чтеніе».

Въ статьѣ «Историческое право хорватовъ» Г. касается спорныхъ вопросовъ между хорватами и сербами. Глубоко правдиво его отрицательное отношеніе къ историческимъ правамъ, лучше сказать притязаніямъ хорватовъ на Боснію и Герцеговину. Статья «Государственное право сербскаго народа въ Турціи» представляетъ краткій обзоръ сербской исторіи за время борьбы сербовъ съ турками. Церковнымъ вопросамъ посвящены статьи «Чѣмъ поддерживается православная вѣра у южныхъ славянъ?» и «Взглядъ Константинопольскаго грека на болгарскія и критскія дѣла». Сила православія у южныхъ славянъ въ томъ, что оно тѣсно слилось съ ихъ народностью. Вторая статья представляетъ защиту болгаръ отъ несправедливыхъ притязаній грековъ.

Цѣлый рядъ статей стоитъ въ тѣсной связи съ жгучимъ польскимъ вопросомъ. Сюда относятся: «Славянскія народности и польская партія въ Австріи», «Взглядъ западныхъ славянъ на Россію», далѣе уже указанныя выше «Письмо къ Ригеру въ Прагу о русско-польскихъ дѣлахъ» и «Польскій вопросъ». Во всѣхъ этихъ статьяхъ выясняются польско-русскія противорѣчія, зависящія отъ различій народнаго характера, вѣроисповѣданія, соціальныхъ идеаловъ, историческаго соперничества и борьбы за гегемонію. Условіемъ примиренія Г. ставилъ отказъ Польши отъ притязаній на земли этнографически русскія.

Въ связи съ этими статьями находятся статьи, посвященныя литовцамъ и нашимъ окраинамъ: «Литва и Жмудь», «Россія и ея инородческія окраины на западѣ». Г. стоялъ за освобожденіе литовцевъ отъ польскаго вліянія. Онъ призывалъ русскихъ къ изученію литовскаго языка, предлагалъ даже учрежденіе литовскихъ каѳедръ въ университетахъ, ссылался на отношеніе къ литовцамъ нѣмцевъ, настаивалъ на необходимости оказывать поддержку православнымъ литовцамъ, на предоставленіи литовцамъ преподаванія въ школахъ на

литовскомъ языкѣ. Г. привѣтствовалъ введеніе въ Финляндіи финскаго языка какъ первый шагъ къ освобожденію этого края отъ владычества шведскаго элемента.

Наконецъ, во второмъ томѣ «Собранія Сочиненій» находятся еще статьи: «Древній Новгородъ» и «Сельская Община». Первая направлена противъ взглядовъ Костомарова въ его сочиненіи «Сѣверно-русскія Народоправства во времена удѣльно-вѣчевого уклада». Г. оспариваетъ предположеніе о малороссійскомъ происхожденіи новгородцевъ и находитъ односторонность въ положеніяхъ Костомарова о федеративномъ строѣ древнерусской жизни и о характеристикѣ борьбы Новгорода съ Москвой какъ борьбы начала свободы съ московскимъ самовластіемъ. Статья представляетъ интересъ сопоставленіями съ аналогичными фактами изъ исторіи другихъ славянскихъ народовъ. Статья о сельской общинѣ написана въ ея защиту по поводу появлявшихся въ газетахъ мнѣній о необходимости уничтоженія сельской общины.

О заслугахъ А. Ѳ. Г. какъ этнографа сказано выше при изложеніи его біографіи. Собранныя имъ былины изданы вторымъ изданіемъ Академіей Наукъ въ томахъ 59, 60 и 61 «Сборника». Изданіе имѣло большой успѣхъ. Двухъ первыхъ томовъ уже нѣтъ въ продажѣ.

Обозрѣніе трудовъ А. Ѳ. Г. свидѣтельствуетъ, что въ его лицѣ русская наука имѣла выдающагося и блестящаго ученаго славяновѣда, филолога-этнографа, историка и политика. Глубина мысли, оригинальность взглядовъ, обширная эрудиція, ясность, логичность и изящество изложенія отличаютъ всѣ его труды. Вѣрность началамъ, которыхъ онъ держался, правдивость и искренность отличаютъ его какъ политическаго дѣятеля. Привлекательныя черты характера въ единодушныхъ отзывахъ близкихъ ему людей воскрешаютъ его образъ какъ человѣка.

Сочиненія А. Ѳ. Г. появились въ особомъ изданіи, за что слѣдуетъ быть признательнымъ убѣжденіямъ М. И. Семевскаго: «Собраніе Сочиненій» А. Г., т. I—IV, С.-Пб., 1868 г.

Въ это Собраніе не вошли труды А. Ѳ. Г., относящіеся къ языковѣдѣнію, Не вошли также изданія, каковы напр.: «Старинный сборникъ сербскихъ пословицъ» А. Гильфердинга. С.-Петербургъ. 1868, 112 стр. (здѣсь былъ изданъ кирилловскимъ шрифтомъ писанный латинницей сборникъ пословицъ по одной рукописи 1697 г., хранящейся въ библіотекѣ миноритовъ въ Дубровникѣ; неточности и ошибки изданія указаны Ю. Даничичемъ въ его статьѣ Književna obznana. Rad Jugos. Akad. XII); Неизданное свидѣтельство современника о Владимірѣ Святомъ и Болеславѣ Храбромъ «Рус. Бес», 1856. I; Греческая служба свв. первоучителямъ славянскимъ и житіе св. Наума болгарскаго. «Рус. Бес.», 1859, II; напечатанные въ Извѣстіяхъ II отд. Акад. Наукътруды и статьи Гильфердинга: Переводъ толкованій Іоанна Златоустаго. 8. 321—326. Приложенія къ протоколамъ. — Письмо къ редактору о С. Верковичѣ и о сербскомъ сборникѣ поученій и житій XV—XVI в. (приводится текстъ статьи Успеніе св. Кирилла философа). 6. 381—386. — Памятники нарѣчія залабскихъ древлянъ и глинянъ. 5. 433—480. Письмо къ редактору (о болгарской надписи 1230 г.) 7. 373—374. — Сравненіе яз. слав. съ санскритскимъ въ Матер. для словаря. — Сербскія имена, записанныя въ помянникѣ Сопочанскаго монастыря. 7. 325—330. — О нарѣчіи померанскихъ словинцевъ и кашубовъ. 8. 41—56. — Въ библіографическомъ обзорѣ «Къ исторіи изданія Извѣстій и ученыхъ Записокъ второго отдѣленія Имп. Акад. Наукъ 1852—1863» В. И. Срезневскаго указаны также и отзывы о сочиненіяхъ А. Ѳ. Г., помѣщенные въ Извѣстіяхъ. Не вошли въ изданіе, конечно, и отзывы самого А. Ѳ. Г., помѣщавшіеся въ разныхъ изданіяхъ, напр. въ «Русской Бесѣдѣ» 1857 г. I, о словарѣ славянскаго яз. въ 6 главныхъ нарѣчіяхъ (Шумавскаго) и др.

У И. В. Ягича есть указаніе, что Ив. Ив. Смоларь перевелъ на нѣм. яз. нѣкоторыя сочиненія А. Ѳ. Г. См. Исторія слав. филологіи, стр. 730. А. Ѳ. Г. находился въ перепискѣ со слав. учеными. Письма къ нему К. Я. Эрбена о славянской миѳологіи напечатаны въ «Рус. Бесѣдѣ» 1857, IV. Его переписка съ хорватскимъ писателемъ Ку-

кулевичемъ-Сакцинскимъ напечатана П. А. Кулаковскимъ въ «Живой Старинѣ» 1894, IV.

Остается еще коснуться одного эпизода въ жизни А. Ѳ. Гильфердинга, о которомъ упоминаетъ М. И. Семевскій, именно выборовъ въ адъюнкты Академіи Наукъ (съ 29 декабря 1856 г. онъ состоялъ ея членомъ-корреспондентомъ). 23 октября 1869 г. въ засѣданіи отдѣленія русскаго языка и словесности академикъ Срезневскій прочелъ составленную имъ, по порученію Отдѣленія, записку объ ученыхъ трудахъ дѣйств. стат. совѣтника А. Ѳ. Г., «котораго научная дѣятельность давно уже обращала на себя вниманіе членовъ Отдѣленія и побуждала его имѣть въ виду для усиленія состава Отдѣленія новымъ полезнымъ дѣятелемъ». Отдѣленіе единогласно опредѣлило представить Г. Общему Собранію на званіе адъюнкта по отдѣленію Русскаго языка и словесности. Общее Собраніе 9 ноября положило произвести выборы въ слѣдующемъ засѣданіи. 5 декабря произведена была баллотировка; Г. получилъ 15 избирательныхъ и 18 неизбирательныхъ голосовъ, и такимъ образомъ онъ былъ забаллотированъ.

Семевскій приписывалъ вину этого нѣмецкимъ сочленамъ Академіи и объяснялъ такое отношеніе тѣмъ, что они не могли простить Г. «служеніе его славянству и антинѣмецкимъ интересамъ». Такъ же точно смотрѣлъ на это дѣло и Ѳ. И. Тютчевъ, увѣковѣчившій заслуги Гильфердинга передъ славянствомъ прекраснымъ стихотвореніемъ, написаннымъ 17 дек. 1869 г. и напечатаннымъ въ «Голосѣ» (№ 357).

Спѣшу поздравить съ неудачей!
Она — блистательный успѣхъ,
Для васъ почетна наипаче
И назидательна для всѣхъ.
Что русскимъ словомъ столько лѣтъ
Вы славно служите Россіи —
Про это знаетъ цѣлый свѣтъ:
Не знаютъ Нѣмцы лишь родные...
Ахъ нѣтъ, то знаютъ и они;
И что въ славянскомъ вражьемъ мірѣ
Вы совершили — вы одни,
Все вѣдаютъ — et inde irae.
Во всемъ обширномъ этомъ краѣ
Они встрѣчали васъ не разъ...
Въ Балканахъ, Чехахъ, на Дунаѣ,
Вездѣ, вездѣ встрѣчали васъ.
И какъ же могъ бы безъ измѣны,
Высокодоблестный досель,
Въ Академическія стѣны,
Въ завѣтную ихъ цитадель
Казною русской содержимый
Для этихъ славныхъ оборонъ —
Васъ, васъ впустить — непобѣдимый
Нѣмецкій храбрый гарнизонъ?

Г. былъ дѣйствительнымъ членомъ Общества любителей россійской словесности (избранъ 27 января 1860 г. по предложенію К. С. Аксакова).

Съ 1858 г. онъ былъ женатъ на В. Ф. Ридель.

Списокъ относящейся къ А. Ѳ. Гильфердингу литературы данъ у С. А. Венгерова въ «Источникахъ словаря русскихъ писателей». Изъ посвященныхъ памяти А. Ѳ. Гильфердинга статей лучшія написаны проф. К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ: «Александръ Ѳеодоровичъ Гильфердингъ» (при изданіи Онежскихъ былинъ въ 59 т. «Сборника Акад. Наукъ») и издателемъ «Русской Старины» М. И. Семевскимъ: «А. Ѳ. Гильфердингъ» («Русск. Стар.», окт. 1872). Задушевныя воспоминанія объ А. Ѳ. Гильфердингѣ крестьянина Касьянова помѣщены въ декабрѣ того же изданія за 1872 г. Изъ критическихъ отзывовъ о дѣятельности покойнаго заслуживаетъ вниманія отзывъ И. В. Ягича въ «Исторіи славянской филологіи», въ которомъ дается главнымъ образомъ оцѣнка трудовъ Гильфердинга по языку. Съ полнымъ сочувствіемъ къ дѣятельности и личности А. Ѳ. Гильфердинга и съ цѣнными замѣчаніями о значеніи его трудовъ написанъ некрологъ Александра Ѳеодоровича Гильфердинга въ «Вѣстникѣ Европы» А. П(ыпинымъ). О выборахъ Г. въ адъюнкты Академіи см. протоколы засѣданій Общаго Собранія Императ. Академіи Наукъ 7 ноября и 5 декабря 1869 г. (№№ 105 и 118). Объ эпизодѣ съ выборами Г. въ Академіи см. также «Дневникъ» А. В. Никитенка, т. II. О Г., какъ членѣ Общества любителей россійской словесности, см. «Словарь» членовъ этого общества.

П. Лавровъ.

Гильфердингъ, *Иванъ Ѳедоровичъ*, преподаватель нѣмецкаго языка и переводчикъ, родился въ Москвѣ 28 марта 1771 г., умеръ 10 февраля 1836 г., и погребенъ въ Москвѣ на Введенскихъ горахъ. Происходилъ изъ венгерскихъ дворянъ, католическаго вѣроисповѣданія; въ Россію переселился еще его дѣдъ въ царствованіе Елизаветы Петровны. Учился въ Московскомъ университетѣ и въ 1790 г. произведенъ въ студенты. 1 апрѣля 1791 г. поступилъ на военную службу сержантомъ въ Азовскій мушкетерскій полкъ; въ 1794 г. во время польской войны участвовалъ въ сраженіяхъ при Крупчицахъ, Брестѣ и Кобылкѣ и въ штурмѣ Праги 24 октября; въ этотъ же день произведенъ въ прапорщики. 14 ноября

1795 г. назначенъ полковымъ адъютантомъ, а 5 декабря 1796 г. уволенъ по болѣзни отъ службы съ чиномъ подпоручика, соотвѣтствующимъ званію полкового адъютанта. 16 апрѣля 1797 г. опредѣленъ въ Московскій университетъ учителемъ нѣмецкаго языка съ переименованіемъ въ провинціальные секретари. Преподавалъ нѣмецкій языкъ также въ старшемъ классѣ Екатерининскаго института (1806—1816) и въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ (1815—10 мая 1824). Въ октябрѣ 1821 г. произведенъ въ коллежскіе совѣтники. Былъ женатъ на Викторіи Матвѣевнѣ Ге (Gay). Его сынъ — сенаторъ Ѳедоръ Ивановичъ Г. (см. ниже), отецъ извѣстнаго слависта (см. выше). Вѣроятно Ивану Ѳедоровичу принадлежитъ переводъ съ французскаго: «Истинныя начала французскаго языка, почерпнутыя изъ сочиненій знаменитѣйшихъ писателей аббатомъ Моазномъ» (Москва, 1804 г.); въ книгѣ переводчикъ названъ Иваномъ Г.

Дѣло о дворянствѣ рода Г. (Арх. Моск. Двор. Деп. Собр. «Родосл.; кн. двор. Моск. губ.», т. I; Геннади, «Справочный словарь».

Гильфердингъ (Hilferding), *Іосифъ* (?), балетмейстеръ, былъ придворнымъ балетмейстеромъ въ Вѣнѣ и въ 1759 г. присланъ, по желанію Императрицы Елизаветы Петровны, австрійскимъ дворомъ въ Петербургъ на нѣкоторое время для улучшенія русскаго балета и введенія въ немъ «новаго вкуса». Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхала балетная труппа, въ которую входили очень искусные солисты Сантина, супруги Мекуръ и Пріеръ, Парадизъ, а также композиторъ Старцеръ и машинистъ Бригонци. Труппа Г. показала впервые въ Россіи антраша изъ 4 ударовъ, введенные въ употребленіе знаменитой парижской танцовщицей Комарго, и пируэты. Русскіе танцовщики и танцовщицы дѣлали успѣхи благодаря стараніямъ и таланту Г. и очень скоро поняли «новый вкусъ» его балетовъ. Г. ввелъ въ моду «деревенскія веселости», т.-е. идиллическія пасторали, имѣвшія большой успѣхъ. Г. поставилъ слѣдующіе свои балеты (въ нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ и самъ принималъ участіе): въ 1759 г.—«Разрушеніе Трои» (19 февр.), «Деревенскія увеселенія въ 4 времени года» (30 апр.), прологъ «Новыя Лавры», сочиненный Сумароковымъ по случаю побѣды, одержанной надъ пруссаками при Франкфуртѣ 1 августа (19 авг.), «Сраженіе любви и разума» (19 авг.); въ 1760 г.—«Вокзалъ въ Лондонѣ», дивертисментъ (1 янв.), «Побѣда Флоры надъ Бореемъ» (29 февраля), «Паденіе гигантовъ» (20 сент.), «Пандуры» (31 дек.). 29 іюня 1761 г. онъ поставилъ балетъ «Артаксеркъ и Аманъ» въ Ораніенбаумѣ, во время пребыванія тамъ вел. кн. Петра Ѳедоровича, а 20 сентября въ Петербургѣ — «Ночное приключеніе». По переѣздѣ Двора въ Москву для коронаціи Екатерины II Г. поставилъ тамъ свои балеты: 16 окт. 1762 г.—«Аполлонъ и Дафна», 20 октября—«Амуръ и Психея», 3 янв. 1763 г. — «Островъ дураковъ», 15 января — «Сраженіе любви и разума», исполненный великосвѣтскими любителями, 21 апрѣля — «Московскія увеселенія о Святой недѣлѣ», комедія-балетъ. Въ томъ же году въ Петербургѣ были поставлены его танцы въ мелодрамѣ Княжнина «Орфей и Эвридика» (30 апр.) и балеты: «Радостное возвращеніе къ аркадскимъ пастухамъ и пастушкамъ богини весны» (великосвѣтскій спектакль въ Петергофѣ 28 іюня), «Пигмаліонъ» (26 сент.) и «Хромой рыцарь» (28 окт.). Великосвѣтскій же балетъ поставленъ былъ въ Петербургѣ въ 1764 г. — «Ацисъ и Галатея»; исполнителями были Петръ Бирон, графиня Сиверсъ и 10-лѣтній цесаревичъ Павелъ Петровичъ, разучившій роль Гименея подъ руководствомъ Г. Въ этомъ же году имъ былъ поставленъ балетъ къ операмъ Манфредини «Карлъ Великій», представленной итальянской труппой на новомъ театрѣ Зимняго дворца. Г. ставилъ танцы и въ другихъ операхъ. Лѣтомъ 1764 г. Г. взялъ отпускъ на нѣсколько мѣсяцевъ, уѣхалъ въ Вѣну и оттуда прислалъ прошеніе объ увольненіи.

Изданы слѣдующіе балеты, поставленные Г.: «Возвращеніе Аполлоново на Парнасъ» (С.-Пб., 1763), «Балетъ, называемый сраженіе любви и разума, представленной въ покояхъ Имп. Дворца нѣкоторыми Дамами и Кавалерами для увеселенія Имп. Екатерины Вторыя, въ Москвѣ, 1763 г., въ генварѣ» (М., 1763. 4°) и «Ацисъ и Галатея» (С.-Пб.,

1764. 4º). Въ «Россійскомъ Ѳеатрѣ» 1788 г. напечатаны его балеты съ текстомъ Сумарокова: «Новые лавры» и «Прибѣжище добродѣтели».

Stählin, «Nachrichten von der Tanzkunst und Balleten in Russland», 18—24; А. Плещеевъ, «Нашъ балетъ», 39—46; Сопиковъ, «Опытъ россійской библіографіи», подъ ред. Рогожина; Геннади, «Справочный словарь»; Брокгаузъ-Ефронъ, «Энциклопед. словарь», XVI; Араповъ, «Хроника русскаго театра», 80, 81; Неустроевъ, «Историч. розысканіе о русск. повремен. изданіяхъ», 440; «Сборн. Император. Русск. Истор. Общества», т. 60; Носовъ, «Хроника русскаго театра», 145—270. *Н. Чулковъ.*

Гильфердингъ, *Фридрихъ*, граверъ и живописецъ, по П. Н. Петрову пріѣхавшій въ Россію при Екатеринѣ II. Извѣстна только одна его гравюра: «Видъ села Коломенскаго». Онъ изобразилъ Коломенскій дворецъ, потомъ уничтоженный (въ 1767 г.), въ такомъ видѣ и состояніи, въ какомъ его нашелъ. По словамъ Тромонина онъ выгравировалъ этотъ видъ посредствомъ крѣпкой водки, не бывши собственно граверомъ, но любителемъ художествъ и ученымъ. Изъ картинъ Г. извѣстны «Красная площадь въ Москвѣ» (подписная) и «Видъ Москвы», находящіяся въ Музеѣ Александра III въ Петербургѣ. Г. вѣроятно одно лицо съ придворнымъ театральнымъ машинистомъ *Фридрихомъ (Ѳедоромъ) Г.*, упоминаемымъ въ качествѣ такового еще въ 1759 г.; въ январѣ 1764 г. онъ состоялъ при «итальянской кампаніи», и ему велѣно было исправлять декораціи для балета «Зефиръ и Флора».

Тромонинъ, «Очерки съ лучшихъ произведеній живописи», М. 1839 г., стр. 157; Ровинскій, «Подробн. словарь русскихъ граверовъ», 236; «Старые годы» 1911 г., № 7—9, стр. 86; Врангель, «Русскій музей Александра III», 144; «Архивъ дирекціи Импер. театр.», т. I и III; Носовъ, «Хроника русскаго театра», 158.

Гильфердингъ, *Ѳедоръ Ивановичъ*, сенаторъ, управляющій Государственнымъ Архивомъ Министерства иностранныхъ дѣлъ и членъ Совѣта этого Министерства, тайный совѣтникъ, родился 26 іюля 1798 г., умеръ 5 января 1864 г. По окончаніи курса въ Благородномъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ съ званіемъ студента въ 1815 г., Г. слушалъ лекціи въ томъ же университетѣ, но въ 1818 г. былъ по прошенію уволенъ. Спустя годъ поступилъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ актуаріусомъ и въ 1822 г. произведенъ въ переводчики. Въ 1824 г. причисленъ къ канцеляріи министра, а въ 1829 г., во время Турецкой кампаніи назначенъ секретаремъ конференціи при переговорахъ о мирѣ съ Оттоманской Портой въ Адріанополѣ, затѣмъ былъ прикомандированъ къ генералъ-фельдмаршалу графу Дибичу для особыхъ порученій и съ ноября 1829 г. по августъ 1830 г. управлялъ его канцеляріей. Въ декабрѣ 1830 г. снова командированъ къ графу Дибичу и въ 1831 г., во время польскаго возстанія, управлялъ дипломатической канцеляріей главнокомандующаго дѣйствующей арміи сначала Дибича, а потомъ Паскевича. Дипломатической канцеляріей послѣдняго онъ управлялъ и по окончаніи войны до 1836 г., когда былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій 5-го кл. при Паскевичѣ же, какъ главнокомандующемъ арміи. Въ 1839 г. Г. произведенъ въ статскіе совѣтники и 12 октября 1843 г. — въ дѣйствительные статскіе совѣтники. 22 мая 1846 г. пожалованъ кавалеромъ ордена св. Станислава 1 ст. Въ 1849 г., во время Венгерской кампаніи, Г. вновь назначенъ завѣдывать дипломатической канцеляріей дѣйствующей арміи и 1 сентября за особенные труды по исполненію обязанностей, лежавшихъ на немъ во время этой кампаніи, получилъ орденъ св. Анны 1 ст. Во время службы въ Варшавѣ Г. состоялъ членомъ главнаго попечительнаго совѣта благотворительныхъ учрежденій Царства Польскаго и предсѣдателемъ частнаго попечительнаго совѣта Варшавскаго Института св. Казимира. 8 ноября 1849 г. онъ получилъ мѣсто директора департамента внутреннихъ сношеній Министерства иностранныхъ дѣлъ, а 16 августа 1851 г. былъ назначенъ управляющимъ Государственнымъ Архивомъ Министерства иностранныхъ дѣлъ съ оставленіемъ въ должности директора департамента; 16 декабря 1852 г. произведенъ въ тайные совѣтники, 17 апрѣля 1855 г. награжденъ орденомъ св. Владиміра 2 ст. 17 октября 1858 г. Г. назначенъ сенаторомъ, съ оставленіемъ въ должности управляющаго Государственнымъ Архивомъ, а 25 октября

того же года повелѣно ему присутствовать въ Совѣтѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ съ оставленіемъ въ занимаемыхъ должностяхъ. Въ тотъ же день онъ получилъ орденъ Бѣлаго Орла. Въ сенатѣ присутствовалъ онъ сначала въ 5-мъ, а съ 1859 г. — въ 4-мъ департаментахъ. Въ сентябрѣ 1862 г. исправлялъ должность товарища министра иностранныхъ дѣлъ во время отпуска тайн. сов. Н. А. Муханова.

Г. былъ въ молодости близокъ съ поэтомъ Веневитиновымъ и А. С. Хомяковымъ. Впослѣдствіи онъ черезъ своего сына Александра Ѳедоровича сошелся съ кружкомъ славянофиловъ. И. С. Аксаковъ помянулъ Г. послѣ его смерти такими словами: «мы знали лично Ѳедора Ивановича, мы высоко цѣнили прекрасныя качества его души, его вѣрное чутье добра и правды, его радушную, искреннюю привѣтливость къ людямъ поколѣній младшихъ, живое участіе во всѣхъ современныхъ общественныхъ интересахъ; старость его не охладила и не уединила, молодежи было тепло и привольно въ его гостепріимномъ домѣ». По отзыву историка М. И. Семевскаго Г. былъ человѣкъ высокочестный, благородный и прямодушный; съ обширнымъ умомъ, обогащеннымъ образованіемъ, онъ соединялъ доброе сердце; обращеніе его съ людьми исполнено было добродушія и ласки; всѣ ученые, приходившіе въ архивъ для занятій, встрѣчали съ его стороны всегда содѣйствіе.

Г. погребенъ въ Петербургѣ на Выборгскомъ католическомъ кладбищѣ. Женатъ онъ былъ на Амаліи Яковлевнѣ де-Витте (съ 23 сент. 1830 г.). Рано лишившись жены, онъ нѣжно заботился о своемъ сынѣ Александрѣ, впослѣдствіи извѣстномъ славистѣ (см. выше), и далъ ему прекрасное воспитаніе и образованіе.

Формулярный списокъ; «День» 1864 г. № 2 (некрологъ, написанный Аксаковымъ); «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1864 г. (некрологъ, написанный Семевскимъ, перепечатанъ въ «Сѣверной Почтѣ», № 6, и «Русскомъ Инвалидѣ», № 6); «Русскій Архивъ» 1878 г., т. II, 381—383 (два письма А. С. Хомякова къ Г.); «Петербургскій Некрополь», т. I; Дѣло о дворянствѣ рода Г. (Архивъ Москов. Дворян. Депутат. Собранія); «Русская Старина» 1872 г., т. VI, 453.

Е. Александровичъ.

Гилью (Guillou), *Жозефъ*, французскій флейтистъ, композиторъ и граверъ. Род. въ Парижѣ въ 1784 г. умеръ въ Петербургѣ въ сентябрѣ 1853 г. Музыкальное образованіе получилъ въ Парижской консерваторіи, поступивъ туда 13 лѣтъ. Быстрые успѣхи на флейтѣ (у проф. Девіенна, затѣмъ у Гюго и Вундерлика) обратили на него вниманіе. Уже на второй годъ пребыванія въ консерваторіи онъ получилъ вторую премію, а черезъ нѣсколько лѣтъ и первую. По окончаніи консерваторіи онъ нѣсколько лѣтъ служилъ въ оркестрахъ крупнѣйшихъ парижскихъ театровъ, а въ 1815 г. получилъ мѣсто флейтиста въ королевской капеллѣ и профессуру въ консерваторіи, въ которой образовалъ рядъ выдающихся флейтистовъ. Разстроенныя обстоятельства заставили его уѣхать заграницу въ 1830 году. Онъ побывалъ сначала въ Бельгіи, затѣмъ искалъ соотвѣтствующаго заработка въ Берлинѣ, Гамбургѣ и Стокгольмѣ. Въ ноябрѣ 1831 г. Г. далъ концертъ въ Москвѣ. Въ это время онъ былъ уже извѣстенъ не только въ качествѣ флейтиста-виртуоза, но и композитора для своего инструмента. Два концерта для флейты, концертино, нѣсколько «thèmes variés» для флейты съ квартетомъ, фантазіи и дуэты — все это было издано имъ еще въ Парижѣ. Въ началѣ 1840-хъ гг. Г. переселяется въ Петербургъ и здѣсь оставляетъ, повидимому, свою спеціальность флейтиста. Въ Петербургѣ онъ сначала занимается профессіей красильщика-пятновыводчика, а потомъ посвящаетъ себя граверной, издательской и журнальной дѣятельности. Въ 1846 г. онъ представилъ въ Совѣтъ Академіи Художествъ гравюры, сдѣланныя имъ прямо на дагеротипной пластинкѣ съ картоновъ Шебуева; Совѣтъ положилъ выдать ему заимообразно изъ капитала на ободреніе гравированія 1000 рублей съ тѣмъ, чтобы онъ уплатилъ ихъ въ продолженіе 2 лѣтъ и бралъ для своихъ работъ русскихъ мастеровъ, и исходатайствовалъ ему право издавать, съ согласія художниковъ, этимъ способомъ, всѣ картины, назначенныя для Исаакіевскаго собора, публичные памятники и зданія Петербурга, и картинныя галлереи, принадлежащія правительству. Затѣмъ онъ исходатайствовалъ себѣ вторичное пособіе въ 500 рублей и дозволеніе прилагать исполненныя имъ гравюры къ издававшемуся имъ въ

1847—48 гг. въ Петербургѣ художественно-музыкальному журналу L'artiste russe (приложены были между прочимъ «Умовеніе ногъ» Бруни, «Успеніе» Басина, портреты Айвазовскаго, Басина, Егорова, Бруни, Шебуева).

Fétis, «Biographie Universelle», IV, 160—161; «Дамскій Журн.» 1831 г. № 50; «Матеріалы для исторіи Академіи Художествъ», т. III; Ровинскій, «Словарь русскихъ граверовъ»; «Большая Энциклопедія», VI. *Н. Финдейзенъ.*

Гиляровъ-Платоновъ, *Никита Петровичъ* (1824—1887 гг.), магистръ Московской духовной академіи (XVI выпуска, 1848 г.), блестящій ея профессоръ (1848—1855 гг.), либеральный московскій цензоръ (1856—1863 гг.), видный публицистъ славянофильскаго толка и популярный редакторъ-издатель демократической газетки «Современныя Извѣстія» (1867—1887).

Родился Н. П. 23 мая 1824 г. въ уѣздномъ городѣ Московской губерніи Коломнѣ, гдѣ отецъ его, Петръ Михайловичъ Никитскій, былъ приходскимъ священникомъ при церкви св. Никиты Мученика, по которой, очевидно, носилъ и свою фамилію. Обстоятельства своего ранняго дѣтства, бытъ и нравы той патріархальной среды, изъ которой онъ вышелъ, и годы своей училищной и семинарской жизни художественно-беллетристически изобразилъ самъ Н. П. въ формѣ автобіографическихъ воспоминаній, печатавшихся имъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», подъ общимъ заголовкомъ: «Изъ пережитаго» (съ 1883 г.), вышедшихъ затѣмъ и отдѣльно, въ двухъ частяхъ (Москва, 1886 г.). Отсюда мы, между прочимъ, узнаемъ, что и самую фамилію «Гиляровъ» Н. П. получилъ случайно, унаслѣдовавъ ее отъ старшаго брата Александра, который, въ свою очередь, изъ Никитскаго въ Гилярова былъ переименованъ смотрителемъ Коломенскаго училища за свой веселый нравъ (hilaris — веселый). Блестяще пройдя низшую и среднюю духовную школу (Коломенское училище и Московскую семинарію), Н. П. завершилъ свое образованіе въ Московской духовной академіи, курсъ которой онъ окончилъ въ 1848 г. вторымъ магистромъ, получивъ за выдающіеся успѣхи, какъ стипендіатъ имени митрополита Платона, вмѣстѣ съ тѣмъ и почетную надбавку къ своей фамиліи «Платоновъ».

Молодой, талантливый магистръ тотчасъ же по окончаніи Академіи занялъ при ней и вакантную каѳедру «баккалавра по классу библейской герменевтики и ученія о вѣроисповѣданіяхъ, ересяхъ и расколахъ»; а черезъ шесть лѣтъ, когда въ Академіи открылась особая каѳедра по расколу, онъ сдѣлался профессоромъ «Церковной археологіи и исторіи раскола въ Россіи». Академическая профессура Н. П. продолжалась недолго, всего лишь семь лѣтъ (1848—1855). Но, по признанію самого Н. П., она была лучшей порой его жизни; а по воспоминаніямъ его учениковъ и слушателей имѣла на нихъ огромное, воспитывающее вліяніе. «Въ нашемъ курсѣ, — читаемъ мы въ автобіографическихъ воспоминаніяхъ одного изъ лучшихъ его учениковъ, — имѣлъ рѣшительное вліяніе на студентовъ молодой баккалавръ Н. П. Гиляровъ-Платоновъ... Всѣ лекціи его по предмету «ученія о вѣроисповѣданіяхъ» наполнены были общими воззрѣніями, посвященными критикѣ понятій существующихъ и разъясненію началъ истинныхъ... На лекціяхъ раскрывалась идея свободы совѣсти и въ сознаніе слушателей вводилось начало вѣротерпимости. Лекціи сосредоточивались на исторіи русской полемической литературы. Бытовая сторона раскола, на которую совсѣмъ почти не обращали вниманія наши дѣятели, составляла жизненную стихію лекцій нашего наставника; исторія русской полемики, съ одной стороны, очень раздраженной, а съ другой — неумѣлой и курьезной, и то и другое по необходимости, вслѣдствіе того, что на одной сторонѣ преобладало убѣжденіе, а на другой оффиціальность, освѣщалась новымъ свѣтомъ, давала на каждомъ шагу свѣжіе матеріалы, увлекала слушателей». (Прот. *Г. П. Смирновъ-Платоновъ*, Curriculum vitae. Изъ области воспоминаній и мечтаній. Къ читателямъ и соотчичамъ. Изъ журн. «Дѣтская Помощь», 1885 г., стр. 39-я.)

Такъ плодотворно и такъ блестяще начатая профессура Н. П. вдругъ, неожиданно и внезапно оборвалась: лѣтомъ 1855 г. Н. П. принужденъ былъ подать въ отставку, подъ несомнѣннымъ давленіемъ сильнаго и властнаго митрополита Филарета. Причина вынужденной

отставки одного изъ лучшихъ тогдашнихъ академическихъ профессоровъ до сихъ была мало выяснена, почему мы и позволимъ себѣ на ней нѣсколько остановиться. Въ только что опубликованныхъ къ столѣтнему юбилею Московской академіи (1 окт. 1914 г.) воспоминаніяхъ прот. С. С. Модестова, — также бывшаго слушателемъ Н. П. и сохранившаго о немъ самую теплую, благодарную память,— ближайшей причиной неожиданной отставки Н. П. выставляется какая-то, якобы написанная имъ анонимная записка о расколѣ, шедшая въ разрѣзъ съ тогдашнимъ, непріязненнымъ къ старообрядцамъ, правительственнымъ курсомъ (изъ-за сочувствія раскольниковъ Добруджи туркамъ, въ эпоху крымской кампаніи 1854 г.). «Объ этой запискѣ заговорили, открыли ея автора, и его немедленно удалили изъ Академіи» («У Троицы въ Академіи» — юбил. сборникъ, стран. 125. М. 1914 г.). Съ такимъ упрощеннымъ объясненіемъ загадочной отставки Н. П. трудно, однако, согласиться, главнымъ образомъ потому, что до сихъ поръ не извѣстно никакой такой либеральной записки Н. П. о расколѣ, да еще относившейся, именно, къ этому времени. Притомъ, если бы вина была такъ очевидна и велика (въ особенности по тогдашнему масштабу), то и расправа съ Н. П. безъ сомнѣнія была бы гораздо круче и рѣзче, а не произошла бы такъ тихо, «келейно» и, вѣроятно, не оставила-бы мѣста для тѣхъ взаимно-благожелательныхъ и добрыхъ отношеній, въ какихъ продолжали состоять митрополитъ и опальный профессоръ до конца ихъ жизни. Поэтому ближе къ истинѣ, какъ намъ думается, стоитъ анонимный (ниже открытый) авторъ одной статьи, вызванной смертью Н. П. и спеціально посвященной выясненію «недоразумѣнія» между нимъ и митр. Филаретомъ. Здѣсь причиной увольненія Н. П. выставляется недовольство митрополита общимъ, научно-объективнымъ, а не полемическимъ (нужнымъ духовной школѣ) духомъ преподаванія Н. П., при чемъ, въ частности, на видъ профессору были поставлены его бытовыя иллюстраціи изъ жизни русскаго раскола, сколь заманчивыя, столь же и скользкія, и нѣкоторыя его «неосторожныя выраженія» («Московскія Вѣдомости», 1887, № 294. Статья NN, т.-е. И. Н. Корсунскаго, какъ раскрылъ это Субботинъ въ письмѣ къ Побѣдоносцеву, —«О недоразумѣніи между Гиляровымъ-Платоновымъ и митр. Филаретомъ»). Все это получаетъ тѣмъ большую правдоподобность, что вполнѣ согласуется съ тѣмъ эпиграфомъ, которымъ гораздо позднѣе сопроводилъ свою статью: «Логика раскола», (напечатанную въ аксаковской «Руси» въ 1885 г.), самъ Н. П. «Вы отдаете справедливость русскимъ раскольникамъ», тридцать лѣтъ тому назадъ (т.-е. какъ разъ въ 1855 г.) упрекнулъ его митр. Филаретъ и этимъ самымъ, по признанію Н. П., замѣчательно точно опредѣлилъ, какъ отношеніе Н. П. къ расколу, такъ и свое принципіальное расхожденіе съ нимъ по данному вопросу. «Митрополитъ стоялъ на полемической точкѣ зрѣнія, — комментируетъ свое недоразумѣніе съ нимъ самъ Н. П. — А я себѣ иначе опредѣлялъ задачу преподавателя въ высшемъ учебномъ заведеніи» («Сборникъ сочиненій», т. 2, стр. 193 и сл.), полагая ее, какъ видно изъ дальнѣйшаго, въ анализѣ исторической сущности русскаго раскола и его научно-объективномъ освѣщеніи. Къ этому идейному разногласію случайно присоединились и нѣкоторые болѣе мелкіе мотивы, которые едва ли не сыграли даже рѣшающую роль. Лѣтомъ 1855 г. умеръ оберъ-прокуроръ Св. Синода графъ Протасовъ. Въ преемники ему молва упорно прочила Андрея Николаевича Муравьева, лицо близкое и къ митр. Филарету. А. Н. Муравьевъ нерѣдко наѣзжалъ въ Посадъ и въ Академію и былъ достаточно знакомъ съ профессорами и съ ихъ лекціями. Между прочимъ, либерально-свѣтское направленіе молодого баккалавра Гилярова-Платонова сильно не нравилось Муравьеву, и онъ не упускалъ случая «наушничать» на него митр. Филарету. Но митрополитъ лично зналъ Н. П., цѣнилъ его, какъ крупную научную силу, и даже симпатизировалъ ему, какъ своему «земляку» по Коломнѣ, почему и не давалъ хода инсинуаціямъ Муравьева. Теперь же, когда Муравьевъ изъ неслужащаго дворянина грозилъ превратиться въ высшее

церковное начальство, Филаретъ, очевидно, смалодушествовалъ и поспѣшилъ заблаговременно устранить «неудобнаго» профессора. Но онъ, во всякомъ случаѣ, обставилъ все это довольно мягко и деликатно, распорядившись даже выдать изъ своихъ личныхъ средствъ «уволенному баккалавру жалованье за незаслуженное имъ время (около полугода) до конца года» («Московскія Вѣдомости», 1887, № 294). Антипатія же Н. П. къ А. Н. Муравьеву сказалась, между прочимъ, въ одной библіографической замѣткѣ, гдѣ онъ даетъ рѣзкій, но вполнѣ заслуженный урокъ Муравьеву за его пристрастіе къ доносительству («Библіографическая замѣтка». Сборникъ сочиненій, I, 471 и д.). Правда, проф. Субботинъ въ своемъ письмѣ къ Побѣдоносцеву критикуетъ эту версію и, выгораживая Муравьева, говоритъ, что доносъ на Н. П. шелъ черезъ другое лицо — студента изъ болгаръ Анѳима, жаловавшагося на «возмутительный» либерализмъ Н. П. лаврскому намѣстнику Антонію. Но это новое указаніе нисколько не уничтожаетъ перваго, а лишь дополняетъ его. (См. въ 252-й кн. «Чтеній» Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ изслѣдованіе *В. С. Маркова* «Переписка проф. Н. И. Субботина», стр. 488—489. Москва, 1914 г.).

Не задалась Н. П. и его дальнѣйшая служебная карьера. Въ маѣ 1856 г. онъ получилъ было мѣсто въ Московскомъ цензурномъ комитетѣ и очень быстро завоевалъ здѣсь себѣ имя образованнаго, справедливаго и даже либеральнаго цензора. Конечно, такая репутація Н. П. не замедлила вредно отразиться на его службѣ: начальство начало коситься на такого цензора и считать его неудобнымъ. Но, цѣня образованность, знанія и талантъ Н. П., думали было использовать его для другихъ цѣлей и давали ему трудныя и отвѣтственныя порученія. Такъ, въ 1857 г. Н. П. получилъ заграничную командировку, съ порученіемъ отъ министра просвѣщенія обслѣдовать постановку еврейскаго образованія въ Западной Европѣ, а также и собрать матеріалъ о литературной дѣятельности евреевъ. Въ два слѣдующихъ затѣмъ года Н. П. командируется въ комиссію Я. И. Ростовцева по крестьянскому вопросу и здѣсь принимаетъ самое видное участіе въ обработкѣ «свода печатныхъ мнѣній по крестьянскому вопросу». Въ тревожные 1860—61 гг., передъ самымъ освобожденіемъ крестьянъ, Н. П. снова возвращается къ цензурѣ и здѣсь совершаетъ рядъ непростительныхъ, съ точки зрѣнія начальства, промаховъ, вслѣдствіе чего шефомъ жандармовъ графомъ Шуваловымъ и аттестуется, какъ «неспособный къ занимаемой имъ должности». Лѣтомъ 1862 г. его увольняютъ изъ цензурнаго комитета. Но сначала позлащаютъ эту пилюлю, назначая его чиновникомъ особыхъ порученій V класса при Министерствѣ народнаго просвѣщенія. Въ качествѣ такового, Н. П. даже командируется министерствомъ въ комиссію кн. Оболенскаго, образованную для выработки законовъ о печати, опубликованныхъ 6 апр. 1865 г. Уволенный за неспособность цензоръ едва ли не больше всѣхъ другихъ потрудился надъ выработкой новыхъ законовъ о печати и немало содѣйствовалъ расширенію гласности и созданію судебныхъ гарантій для печати, взамѣнъ прежняго административнаго произвола. Однако, вѣроятно, это-то добросовѣстное усердіе Н. П. и повело къ тому, что вслѣдъ за ликвидаціей комиссіи, отчисленъ былъ отъ министерства и Н. П., подъ предлогомъ сокращенія штатовъ и упраздненія его должности.

Послѣднимъ служебнымъ положеніемъ Н. П. было мѣсто управляющаго Московской синодальной типографіей, полученное имъ въ 1863 г. при содѣйствіи митр. Филарета. Такое возвращеніе въ свое духовное вѣдомство и самостоятельная, наполовину даже ученая работа была особенно по душѣ Гилярову-Платонову, и онъ не хотѣлъ ея покидать, несмотря на лестныя предложенія профессуры отъ трехъ университетовъ, какъ заявляетъ объ этомъ онъ самъ (письмо Н. П. къ графинѣ Блудовой, отъ 18 февр. 1866 г. Сборникъ сочиненій, I, предисловіе, стр. XXXI). И за четыре года своего управленія типографіей Н. П. успѣлъ сдѣлать для нея, да и для богослужебно-печатнаго дѣла, вообще, очень много, такъ что недаромъ митр. Филаретъ обращалъ

вниманіе Св. Синода на его особыя заслуги, въ частности, на его научно-археологическія разысканія о болѣе правильной надписи на антиминсахъ (см. текстъ этого отзыва въ предисл. кн. Шаховского, стр. XXVIII, прим.). Но и здѣсь не замедлило послѣдовать роковое въ жизни Н. П. «но». Въ началѣ 1866 г. у синодальнаго оберъ-прокурора гр. Д. А. Толстого, поддержаннаго Московской городской думой (въ томъ числѣ проф. Погодинымъ), рождается мысль использовать землю и даже часть зданій синодальной типографіи въ коммерческихъ цѣляхъ. Н. П. горячо возстаетъ противъ такого недостойнаго употребленія важнаго памятника родной старины: онъ волнуется, хлопочетъ, подаетъ рапорты, пишетъ докладныя записки и, наконецъ, съ сильными статьями выступаетъ противъ проекта даже въ печати. Усилія Н. П. не остались безплодны: неприкосновенность синодальной типографіи онъ отстоялъ; но отстоялъ дорогой цѣной — цѣной своей собственной отставки отъ службы, послѣдовавшей лѣтомъ 1867 г. Ею навсегда покончилъ свои счеты съ казенной службой этотъ честный, но слишкомъ прямолинейный, а потому и слишкомъ «безпокойный и неудобный» чиновникъ.

Какъ ни показательна и ни характерна для Н. П. его оффиціальная, служебная карьера, однако все-же не она создала ему популярность и обезпечила за нимъ то, хотя и неслишкомъ показное, но достаточно видное мѣсто, какое онъ по праву занимаетъ въ исторіи развитія нашего общественнаго (въ особенности, національнаго) самосознанія. Это сдѣлала обширная и продолжительная его общественно-публицистическая работа. По характеру своего міровоззрѣнія Н. П. былъ типичнымъ философомъ-идеалистомъ 40-хъ годовъ. А происхожденіе изъ духовной среды и образованіе въ духовной школѣ сообщили его міровоззрѣнію еще и наклонъ въ сторону истиннаго православія и просвѣщенной церковности. Все это невольно роднило его съ кружкомъ старшихъ славянофиловъ, только что сорганизовывавшимся тогда (въ половинѣ XIX вѣка) въ Москвѣ и объединившимъ въ себѣ цвѣтъ русской интеллигенціи (Кирѣевскій, Хомяковъ, бр. Аксаковы, Самаринъ и др.). Особенно близокъ былъ Н. П. съ семьей Аксаковыхъ, познакомившись съ ними еще въ бытность профессоромъ академіи, благодаря сосѣдству съ Посадомъ любимаго имѣнія Аксаковыхъ (Абрамцева). Самъ старикъ Аксаковъ С. Т. крестилъ даже двухъ старшихъ сыновей Н. П. (одинъ изъ нихъ — А. Н. Гиляровъ теперь профессоръ философіи въ Кіевскомъ университетѣ). Вѣроятно, у Аксаковыхъ же и черезъ нихъ рано познакомился Н. П. и еще съ двумя крупнѣйшими представителями славянофильскаго кружка, его, такъ сказать, свѣтскими богословами — А. С. Хомяковымъ и Ю. Ѳ. Самаринымъ, съ которыми онъ сошелся особенно близко. Въ этой блестящей плеядѣ славныхъ вождей славянофильства Н. П. сразу же занялъ видное и почетное мѣсто, какъ человѣкъ съ широкимъ философскимъ кругозоромъ, какъ ученый богословъ-спеціалистъ и какъ знатокъ церковнаго быта. «Хомяковъ и Аксаковъ, — говоритъ въ одномъ изъ своихъ писемъ Н. П., — подвергали моей предварительной критикѣ свои сочиненія» (изъ письма Н. П. къ Романову, см. въ предисл. кн. Шаховского, VI, прим.). «Покойный Ю. Ѳ. Самаринъ, — пишетъ онъ въ другомъ письмѣ, — склонялся предо мною, по моему мнѣнію, даже сверхъ заслуженнаго; для Хомякова же я былъ даже *единственнымъ* человѣкомъ, съ которымъ онъ признавалъ полное свое согласіе» (изъ письма Н. П. къ Н. В. Шаховскому, тамъ же). Въ перепискѣ съ Н. П. Самаринъ разрабатывалъ планъ своего знаменитаго предисловія ко второму тому сочиненій Хомякова; да совмѣстно съ нимъ же, какъ извѣстно, онъ исполнилъ и самый переводъ этого тома съ французскаго на русскій языкъ. Можно даже говорить и объ еще большемъ — усматривать вліяніе Н. П. и на самого Хомякова. «Слѣды своего косвеннаго участія, — читаемъ мы въ отзывѣ Н. П. о «богословскихъ сочиненіяхъ Хомякова» (кстати сказать, самомъ лучшемъ и глубокомъ послѣ самаринскаго предисловія), — усматриваемъ до нѣкоторой степени даже въ содержаніи; опредѣленіе, которое даетъ

Хомяковъ нѣкоторымъ изъ таинствъ, и замѣтка объ условномъ значеніи термина *Логосъ* напоминаютъ намъ о нашихъ изустныхъ бесѣдахъ и преніяхъ. Затѣмъ, оцѣнка, которую даетъ Хомяковъ католичеству и протестантству (въ первыхъ своихъ брошюрахъ), сошлась съ собственной нашей, которая, независимо отъ того, раскрывалась на лекціяхъ въ духовной академіи, до поразительнаго, до буквальнаго тожества примѣровъ и сравненій» (Вопросы вѣры и церкви, т. II, 212). Отсюда видно, что Н. П. былъ какъ бы, своего рода, даже авторитетомъ въ кружкѣ старшихъ славянофиловъ, недаромъ его сотрудничество высоко цѣнилось во всѣхъ ихъ органахъ — «Русской Бесѣдѣ», «Днѣ», «Москвѣ» и въ аксаковской «Руси». Но самъ Н. П. былъ убѣжденъ, что его міровоззрѣніе идетъ изъ «болѣе широкихъ и болѣе глубокихъ началъ» (изъ письма Н. П-ча къ Романову, предисл. кн. Шаховского, VII), чѣмъ славянофильство, почему онъ не чуждался и другихъ теченій тогдашней мысли, не исключая даже и западническаго направленія, въ главномъ органѣ котораго — тогдашнемъ «Русскомъ Вѣстникѣ» — Н. П. былъ не только очень цѣннымъ сотрудникомъ, но и всегда желаннымъ совѣтчикомъ его редакторовъ — Каткова и Леонтьева (изъ письма Леонтьева къ Гилярову-Платонову, отъ 1 мая 1862 г., тамъ же, VII—VIII).

Одно время Н. П. чуть было не сдѣлался собственникомъ газеты «Русскія Вѣдомости». Это было въ половинѣ 60-хъ годовъ, по смерти основателя газеты Н. Ф. Павлова, оставившаго послѣ себя большіе долги на газетѣ, въ томъ числѣ и восемнадцатитысячный долгъ Министерству внутреннихъ дѣлъ. Въ качествѣ главнаго кредитора, министерство и предложило было газету Н.П., совсѣми ея правами и обязательствами. Но Н. П. не рискнулъ взять изданіе, обремененное долгами, и «Русскія Вѣдомости» остались за наслѣдниками Павлова, а уже отъ нихъ перешли къ Скворцову, впервые упрочившему ихъ положеніе.

Однако, мысль объ изданіи собственной, близкой народу и его нуждамъ газеты уже давно зрѣла въ головѣ Н. П. Еще въ 1859 г. онъ вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ Желтухинымъ собирался издавать газетку «Листокъ народныхъ нуждъ» и по этому поводу писалъ ему: «идея о листкѣ у меня не со вчерашняго дня. Изданіе у меня живо передъ глазами. Вся организація до мельчайшей подробности передумана предавно-давно тому назадъ. Словомъ, если бы только деньги да независимое положеніе, это была бы *сила*, да какая!» (изъ письма Н. П. къ Желтухину, тамъ же, XXXIV—XXV.) Денегъ Н. П. такъ и не имѣлъ никогда, до самой своей смерти; но «независимое положеніе» съ потерей послѣдней казенной службы онъ, какъ мы знаемъ, получилъ лѣтомъ 1867 г. А съ 1-го декабря того же года онъ уже и осуществилъ свою завѣтную мечту, сталъ редакторомъ-издателемъ дешевой демократической газеты «Современныя Извѣстія». Съ тѣхъ поръ въ теченіе цѣлыхъ 20 лѣтъ Н. П. самоотверженно несъ бремя издателя, редактора и главнаго сотрудника своего органа, который въ матеріальномъ отношеніи довелъ его буквально чуть не до нищеты; но зато въ моральномъ смыслѣ поставилъ его еще выше и создалъ ему ореолъ талантливаго, глубоко образованнаго публициста, человѣка съ открытой душой и русскимъ сердцемъ, неподкупно честнаго и убѣжденно-стойкаго. «Больше нѣтъ въ Москвѣ, а вмѣстѣ съ нею и въ Россіи, публициста, за которымъ бы единодушно и безъ возраженій признавалось оригинальное, смѣлое и независимое слово», — читаемъ мы въ одной изъ передовицъ на смерть Н. П. («Москов. Церковныя Вѣдомости», 1887 г., № 43. «Москва 25-го октября»). Разумѣется, такая честность и смѣлость его органа не дешево обошлась самому издателю: она стоила ему 20 цензурныхъ каръ, изъ которыхъ 7 падаютъ на предостереженія, а 13 относятся до воспрещенія розничной продажи. Особенно чувствительно ударило Н. П. воспрещеніе розницы въ 1877 г. (турецкая война), «въ самый сѣнокосный» (изъ письма Н. П. къ Романову, пред. Шаховского, LIV), какъ жаловался Н. П., годъ, когда онъ сразу потерпѣлъ убытку до 30 тысячъ. Если прибавить къ этому собственную жизненную непрактичность философа-идеалиста Н. П. (изъ-за этого онъ сильно пострадалъ съ покупкой бумажной

фабрики), его излишнюю довѣрчивость къ людямъ (благодаря чему его жестоко обокралъ завѣдующій его типографіей) и, наконецъ, конкуренцію народившихся новыхъ уличныхъ листковъ, льстившихъ вкусамъ толпы, то станетъ понятнымъ полное почти разореніе Н. П.: имущество его было описано за долги и пошло съ аукціона чуть не по пятачку за рубль. Самъ Н. П. принужденъ былъ послѣ этого переселиться въ дешевыя меблированныя комнаты (на Воздвиженкѣ) и занять грязный, тѣсненькій, почти неотапливавшійся номеръ. Здѣсь онъ проводилъ свои послѣдніе дни все въ той же лихорадочной издательской работѣ, сидя въ шубѣ на своей койкѣ и согрѣваясь убогимъ тепломъ керосиновой печки. Подъ конецъ жизни у него блеснула было надежда поправить свои дѣла полученіемъ доходной аренды «Московскихъ Вѣдомостей», освободившейся со смертью Каткова. Занявъ денегъ на дорогу у своихъ друзей, въ октябрѣ 1887 г. Г. поѣхалъ въ Петербургъ хлопотать. Но здѣсь его постигла полная неудача. «И этого послѣдняго удара потрясенный его организмъ не могъ перенести. Гиляровъ внезапно скончался 13 октября 1887 г., совершенно одинокій, въ гостиницѣ «Бельвю» и унесъ съ собой въ могилу тайну послѣднихъ минутъ своей жизни» (Предисл. кн. Шаховскаго, стр. LX). Похороненъ Н. П. въ Москвѣ, на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря, гдѣ долго священствовалъ его старшій, оказавшій большое вліяніе на его развитіе, братъ А. П. и гдѣ провелъ свои семинарскіе годы и самъ Н. П. Могила его находится въ сосѣдствѣ съ могилами двухъ извѣстныхъ московскихъ профессоровъ — М. П. Погодина и С. М. Соловьева — его единомышленниковъ и друзей.

Главный трагизмъ Н. П. состоялъ въ томъ, что онъ, въ силу тяжело для него сложившихся жизненныхъ условій, далеко не могъ въ полномъ блескѣ и силѣ развернуть своихъ богатыхъ способностей и талантовъ. Но и при такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ онъ все же оставилъ намъ большое и цѣнное духовное наслѣдство. Въ настоящее время, благодаря стараніямъ двухъ друзей и цѣнителей Н. П. — К. П. Побѣдоносцева и князя Н. В. Шаховского — бо́льшая и лучшая часть наслѣдства уже собрана и издана, въ видѣ четырехъ, довольно внушительныхъ томовъ: это — «Сборникъ сочиненій» въ 2-хъ томахъ, М. 1900 г., и «Вопросы вѣры и церкви» — также въ 2-хъ т. М. 1906 г. Изъ изслѣдованій и статей Н. П. легко убѣдиться, насколько это былъ широкій и вмѣстѣ глубокій, энциклопедически образованный умъ. Въ центрѣ его вниманія и интересовъ стояли вопросы: 1) политической экономіи, 2) соціальной философіи, 3) исторической критики и 4) церковной общественности.

О глубокой продуманности, широтѣ и даже оригинальности соціально-философскихъ и политическо-экономическихъ взглядовъ Н. П. достаточно говоритъ его статья: «Личное и общественное» (приведшая въ восхищеніе А. С. Хомякова) и его программные наброски «Основныхъ началъ экономіи». Послѣдніе изданы уже послѣ смерти автора и представляютъ не болѣе, какъ только черновой конспектъ подготовлявшагося труда. Но это не помѣшало проф. И. Т. Тарасову въ предисловіи къ ихъ отдѣльному изданію заявить, что «наброски эти мѣстами таятъ въ себѣ такую глубину мысли, свидѣтельствуютъ о такой широтѣ взглядовъ, являются результатомъ такого объективнаго и всесторонняго изученія предмета, что они не только стоятъ иного цѣлаго, но и превосходятъ многое изъ появившагося до сихъ поръ въ области самостоятельной русской экономической литературы» (Предисл. И. Т. Тарасова къ отдѣльн. изданію «Основныя начала экономіи» А. Гальперинъ, стр. III—IV. Москва, 1889. Сборникъ сочиненій, II, стр. 309, прим.).

Изъ чисто философскихъ работъ Н. П. отмѣтимъ двѣ: «Онтологія Гегеля» и «Раціоналистическое движеніе философіи новаго времени». Несмотря на то, что онѣ представляютъ собой двѣ половины одной еще студенческой работы Н. П. (его полукурсового сочиненія, написаннаго въ 1846 г.), онѣ отличаются характеромъ полной зрѣлости и чисто пророческой проницательности. Онъ едва ли не первый изъ русскихъ ученыхъ разоблачилъ мнимоидеалистическій характеръ германской

философіи XIX вѣка и подъ маской философіи вскрылъ торжество грубаго «инстинктуализма», т.-е. разгулъ чисто животныхъ инстинктовъ у нѣмцевъ, уже давно сбросившихъ съ себя сдерживающую узду высшихъ моральныхъ началъ. А въ одной изъ статей, написанной въ 70-хъ годахъ, въ эпоху такъ наз. «культуркампфа» Н. П. уже не просто говорилъ, а прямо кричалъ объ опасности «безбожнаго прусскаго милитаризма», заставляющаго «не только въ него вѣровать, но и ему поклоняться» («Вопросы вѣры и церкви», т. II, стр. 53—54).

Съ характеромъ историческихъ или, точнѣе, методологическо-историческихъ взглядовъ Н. П. всего лучше знакомятъ насъ двѣ его статьи, вызванныя появленіемъ трехъ первыхъ томовъ русской церковной исторіи митр. Макарія. Статьи эти: «Нѣсколько словъ о механическихъ способахъ въ изслѣдованіи исторіи» и «Исторія Русской церкви, Макарія, еп. Винницкаго». Здѣсь авторъ тонко различаетъ органическій и механическій методы исторіи и не менѣе остроумно противопоставляетъ отрицательный типъ «историка-ремесленника» положительному типу «историка-художника». Попутно онъ даетъ и свой собственный, примѣрный планъ исторіи русской церкви («Сборникъ сочиненій», т. I, 269 и сл.), къ слову сказать, настолько продуманный, связный и серьезный, что онъ и до сихъ поръ остается невыполненнымъ и непревзойденнымъ, несмотря на существованіе хорошихъ руководствъ — профессоровъ Знаменскаго и Доброклонскаго.

Но особенной обстоятельностью, широтой и глубиной, какъ это, конечно, и слѣдовало ожидать, отличаются церковно-общественные взгляды Н. П. Онъ откликался положительно на всѣ злободневные вопросы изъ данной области. А такъ какъ большинство этихъ вопросовъ еще не получило своего окончательнаго разрѣшенія и понынѣ, то, несмотря на то, что статьи Н. П. написаны въ 60—80-хъ годахъ, онѣ не утратили своего значенія и въ наши дни; а нѣкоторыя изъ нихъ, какъ справедливо отмѣтилъ издатель ихъ, кн. Шаховской, «полны животрепещущаго современнаго интереса» («Вопросы вѣры и церкви», т. I. Предисловіе кн. Шаховского, стр. II). Такова, напримѣръ, статья Н. П.: «Механизмъ въ духовныхъ семинаріяхъ», вскрывающая основной недугъ духовнаго воспитанія и образованія, это — его безжизненность, формализмъ и трафаретъ, превращающій высокія сами по себѣ богословскія положенія въ отвлеченные шаблоны, лишенные живого, конкретнаго смысла, «въ избитое мѣсто, въ стертый гривенникъ» («Вопросы вѣры и церкви», т. I, стр. 5—7). Таково же рѣзко-правдивое обличеніе имъ нашего духовенства за угашеніе въ немъ самаго духа пастырства и за подмѣну его другими, совершенно недостойными интересами: «довольно сказать, что современный священникъ съ бо́льшимъ утѣшеніемъ будетъ примѣривать скуфью, чѣмъ пойдетъ съ духовной бесѣдой къ изнывающему отъ горя бѣдняку» (тамъ же, стр. 515). Въ цѣломъ рядѣ статей Н. П. рѣзко бичуетъ господство «бюрократизма» въ церкви, при чемъ говоритъ, что ему одинаково противны «церковные сатрапы» какъ «въ рясахъ», такъ и «въ мундирахъ и виць-мундирахъ» (тамъ же, стр. 350). «Жизнь церкви, — говоритъ онъ, — есть выраженіе вѣры и любви, т.-е. свободы въ обоихъ ея примѣненіяхъ, умозрительномъ и дѣятельномъ. Вѣра есть свободное воспріятіе истины, любовь — свободное ея примѣненіе» (тамъ же, стр. 302). «Свобода и церковь — въ сущности то же» (тамъ же, стр. 54). «Изъ всѣхъ свободъ, въ которыхъ мы нуждаемся... первая и самонужнѣйшая есть свобода церкви съ свободою вѣры» («Вопросы вѣры и церкви», т. II, стр. 171). И ничто такъ не вредитъ насущнымъ интересамъ религіи и церкви, какъ отсутствіе религіозной свободы, какъ вредный, близоруко-охранительный консерватизмъ: «самое равнодушіе-то (къ духовнымъ интересамъ) воспиталось, между прочимъ, опять излишествомъ консерватизма, которое въ извѣстныхъ размѣрахъ способно душить личный замыселъ, самостоятельность, энергію, живость ума» (тамъ же, т. I, стр. 273). Нечего и говорить, конечно, что Н. П. всецѣло стоялъ за свободу совѣсти и, въ частности, за дарованіе самыхъ широкихъ

правъ нашему старообрядчеству: «если давать права, то давать безъ стѣсненія. Иначе это будетъ самообольщеніе, недоразумѣніе... создастся новое исповѣданіе, «казенный» расколъ, какъ есть казенная церковь» (томъ II, стр. 174). Н. П. протестовалъ противъ какихъ бы то ни было «гражданскихъ мѣръ» относительно раскола (II, 7), онъ былъ очень невысокаго мнѣнія о «публичныхъ диспутахъ» или собесѣдованіяхъ съ старообрядцами (I, 337) и единственный залогъ примиренія съ ними видѣлъ въ дарованіи полной свободы и въ успѣхахъ просвѣщенія (I, 119 и д.). Переходя ко внутреннимъ церковнымъ отношеніямъ, Н. П. много справедливаго и вѣскаго сказалъ объ «архіерейскомъ полновластіи и самовластіи», приравнивая его къ папской непогрѣшимости (I, 302). «Власть епископа, — говорилъ онъ, — не есть власть паши.. Вся бѣда, что вы архіереевъ представляете непремѣнно генералами и по табели о рангахъ подверстываете «епархіальнаго начальника» начальнику губерніи и викарнаго архіерея вице-губернатору» (II, 14). На самомъ же дѣлѣ «и епископскій чинъ есть не власть, а даръ и служеніе» (I, 307). По тому же самому Н. П. не сочувствуетъ и рѣчамъ о возстановленіи на Руси патріаршества, видя въ немъ не только историческій пережитокъ, но также поползновеніе къ папизму и отступленіе отъ соборнаго начала; а тѣ пышные титулы, которыми такъ любятъ величаться восточные патріархи, онъ признаетъ даже противорѣчащими духу христіанскаго смиренія и находитъ, что они являются продуктомъ скорѣе политической, чѣмъ подлинно христіанской исторіи (II, 175, 177, 194). Какъ истинный другъ христіанской церкви, Н. П. горячо ратуетъ за созывъ церковнаго собора (I, 147. II, 224) и за возрожденіе церковнаго прихода (II, 25, 112). Касаясь различныхъ, болѣе частныхъ недостатковъ нашей церковной жизни, Н. П. очень невысокаго, чтобы не сказать больше, мнѣнія о нашихъ современныхъ монастыряхъ: «кто же не знаетъ, что такое нынѣ монастыри и что такое иноки?.. Во всякомъ случаѣ, въ пріютѣ для малолѣтнихъ преступниковъ дѣтямъ лучше и они изъ него выйдутъ чище, чѣмъ вышли бы изъ монастырей, въ особенности столичныхъ» (I, 230). Часто, сильно и горячо откликается Н. П. на больной вопросъ для духовенства — о казенномъ для него жалованьѣ. Н. П. самый убѣжденный противникъ казеннаго обезпеченія духовенства, потому что оно свидѣтельствовало бы о полномъ моральномъ крахѣ духовенства и грозило бы окончательной гибелью для всего пастырскаго дѣла. «Обратите насъ въ чиновниковъ и дайте намъ жалованье — вотъ почти общее желаніе духовенства», говоритъ Н. П. (II, 64). «Насъ возмущаетъ, насъ страшитъ та опрометчивость, съ которой духовенство само спѣшитъ къ своему нравственному гробу». Да и нравственному ли только? Нѣтъ, и къ своему матеріальному упраздненію, ибо, — какъ доказываетъ Н. П. дальше, — съ превращеніемъ себя въ казенныхъ чиновниковъ, въ агентовъ духовной полиціи, въ квартальныхъ надзирателей по духовной части, пастыри окончательно растеряютъ свое стадо и утратятъ самый смыслъ своего существованія (I, 487).

Мы долго бы еще не кончили, если бы продолжили характеристику и другихъ замѣчательныхъ взглядовъ Н. П. на самые разнообразные церковно-общественные вопросы. Его одинаково интересовали какъ крупные, принципіальные вопросы, напр. о неканоничности нашего синода (II, 115) о церковномъ и гражданскомъ бракѣ (I, 443), о духовно-судебной реформѣ (I, 346, 352, 477), о новомъ академическомъ уставѣ (II, 438), о расширеніи программы съѣздовъ духовенства (II, 163); такъ и болѣе мелкіе, чисто практическіе вопросы, въ родѣ церковнаго пѣнія (I, 178), борьбы съ нищенствомъ (I, 122. II, 107, 114), наградъ духовенству (II, 260, 262, 483), назначенія благочинныхъ (II, 281), института раннихъ священниковъ (II, 431), повѣрки церковныхъ суммъ и учета старостъ (II, 70, 75), мѣръ противъ бродяжничества монаховъ (II, 333), употребленія монастырскихъ доходовъ (II, 341, 356), дѣла игуменьи Митрофаніи (II, 204, 210, 388, 466) и многихъ другихъ. И вездѣ у Н. П. замѣчается свѣжесть мысли и просвѣщенная ши-

рота взгляда, рядомъ съ глубокой религіозностью и истинной церковностью, а также и съ блестящимъ остроуміемъ, нерѣдко переходящимъ въ язвительную колкость, которой многіе, и не безъ основанія, побаивались.

Конечно, какъ всякій человѣкъ, Н. П. не былъ свободенъ отъ нѣкоторыхъ увлеченій. Такова, напримѣръ, его непріязнь къ евреямъ и довѣрчивое отношеніе къ слухамъ о «ритуальныхъ убійствахъ», совершаемыхъ ими, точнѣе, изувѣрными еврейскими сектантами (I, 47, 92, 269, 399, 418), или еще болѣе рѣзкая оцѣнка русскихъ «революціонеровъ» — Герцена и Лаврова («Сборникъ сочиненій», II, 444, 506). Таково же боязливо-недовѣрчивое отношеніе къ суду присяжныхъ (II, 82), къ классу сельскихъ учителей (II, 132), впослѣдствіи однако по отношенію къ сельскимъ учителямъ измѣнившееся: онъ былъ всегда искренъ и честенъ и никогда не стыдился публично отречься отъ своего мнѣнія, если его убѣждали или самъ онъ приходилъ къ противоположному взгляду. Это въ особенности ярко сказалось въ отношеніи Н. П. къ церковно-приходской школѣ. Онъ былъ крестнымъ отцомъ церковной школы, такъ какъ, именно, его записка о ней, напечатанная еще въ 1862 г., легла въ основу самаго положенія о церковно-приходскихъ школахъ, опубликованаго въ 1884 г. (см. объ этомъ письмо самого Н. П. къ Романову. «Сборникъ сочиненій», II, 127, примѣчаніе). И затѣмъ, онъ много разъ и съ большимъ жаромъ отстаивалъ не только право, но даже *обязанность* духовенства учить народъ, предпочтительно передъ всѣми сословіями и классами, въ особенности передъ «классомъ свѣтскихъ сельскихъ учителей («Сборникъ сочиненій», II, 127 и сл., «Вопросы вѣры и церкви», II, 415). Но послѣ того, какъ Н. П. неоднократно убѣждался, что духовенство тяготится народной школой, что оно не хочетъ даже Закону Божію учить даромъ («Вопросы вѣры и церкви», I, 457; II, 56), онъ имѣлъ мужество отречься отъ своей идеи и заявить: «опытъ достаточно показалъ, что надежды на духовенство тщетны; самые горячіе въ былое время защитники правъ его на народное обученіе давно махнули рукой» (I, 359—360), и тутъ же привѣтствуетъ образовательную работу земствъ и хлопочетъ о самомъ широкомъ доступѣ къ учительству всякому желающему.

Сколько-нибудь полной и достойной Гилярова-Платонова біографіи еще нѣтъ. Лучшая изъ имѣющихся принадлежитъ кн. Н. В. Шаховскому и помѣщена къ I т. «Сборника сочиненій», III—LX, Москва 1899. Главнымъ источникомъ являются его собственныя сочиненія, изданныя въ шести томахъ, а именно: два тома автобіографич. воспоминаній «Изъ пережитаго», изд. товар. Кувшинова, Москва 1886, два тома «Сборника сочиненій», изд. Побѣдоносцева, подъ ред. кн. Шаховского, М. 1899—1900 гг., и два же тома «Вопросы вѣры и церкви», того же изд. и редактора, Москва 1905—1906 гг. Недурна по своему объективному тону, хотя и слишкомъ сжата, біограф. статья *А. Завьялова* въ «Прав. Богосл. Энциклопедіи» † проф. Лопухина, т. IV, 374—381. С.-Пб. 1903 г. Затѣмъ, слѣдуютъ краткія газетныя и журнальныя статьи и отдѣльныя случайныя замѣтки, разсѣянныя въ сборникахъ: «Москов. Вѣд.», 1869 г. № 25; «Исторія Моск. Дух. Академіи», 1879 г., стр. 138, 289, 360, 388; «Чтенія въ Общ. Люб. дух. просвѣщ.», 1881 г., ч. III, 1; «Филаретъ. юбилейный сборникъ», М. 1883 г., I, 753; «Прибавл. къ твор. св. Отцовъ», 1884 г., XXXIV, 341; «Вѣстн. Европы», 1887 г. № 11; «Историч. Вѣстн.», 1887 г. № 12; «Москов. Вѣд.», 1887 г. №№ 285—286, 288—289 и 294; «Москов. Церк. Вѣд.», 1887 г. №№ 42—44; «Нов. Вр.», 1887 г. №№ 4176—4180, 4183, 85—86; «Правосл. Обозр.», 1887 г. № 10; «Рус. Арх.», 1887 г. № 12; «Соврем. Извѣстія», 1887 г. №№ 20—21; «Нива», 1887 г. № 45; «Новь», 1888 г. № 2; Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей». Вып. 7. М. 1892 г.; «Письма митр. Филарета къ Антонію», III, 336, и IV, М., 1884 г.; Прот. Г. П. Смирновъ-Платоновъ, Curriculum vitae. «Дѣтская помощь», 1885 г., стр. 39; «Неопознанный геній. Памяти Н. П. Гилярова-Платонова. Статьи, замѣтки, письма и выдержки, собранныя и проредактированныя С. Шараповымъ». М. 1903 г.; «У Троицы въ Академіи» — юбилейный сборникъ историч. матеріаловъ за сто лѣтъ, съ 1814—1914 гг. Здѣсь статья С. Кедрова, «Студенты-платоники въ Академіи» (въ частн. о Г.-П., стр. 221) и академич. воспоминанія прот. С. С. Модестова (о Н. П., 125 стр.). Обильный, хотя и невысокій по качеству, преимущественно, полемическій матеріалъ даетъ миссіонерскій охранительный журналъ проф. Субботина (преемника Н. П. по академич. каѳедрѣ) «Братское Слово» за 1883—1886 гг. Тѣмъ же духомъ проникнуты и другіе отзывы Субботина о Н. П., разсѣянные въ его только-что опубликованной перепискѣ съ К. П. Побѣдоносцевымъ. Но собственный отзывъ послѣдняго о Гиляровѣ-Платоновѣ былъ гораздо положительнѣй, объективнѣе и лучше. См. «Переписка проф. Н. И. Субботина», изд. В. С. Марковымъ, въ 252 кн. «Чтеній Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ», М., 1914 г., стр. 90, 91, 433—434, 489 и др.

А. Покровскій.

Гинденбургъ (Hindenburg), *Василій (Вильгельмъ) Даниловичъ*, врачъ, родился въ 1799 г. въ Минскѣ, умеръ 18 февраля 1877 г. тамъ же, медицинское образованіе получилъ въ Виленскомъ университетѣ, который окончилъ въ 1821 г., послѣ чего занимался врачебной практикой въ Минской губерніи. Въ 1825 г. назначенъ ельнинскимъ (Смоленской губ.) уѣзднымъ врачомъ (здѣсь онъ лѣчилъ М. И. Глинку, называющаго его въ своихъ «Запискахъ» «добрымъ нашимъ уѣзднымъ докторомъ»), а въ 1833 г. акушеромъ Минскаго врачебнаго правленія. Въ 1840 г. занялъ еще должность тюремнаго врача. Былъ членомъ Минскаго медицинскаго общества и нѣкоторое время исполнялъ обязанности предсѣдателя. Пользовался такою популярностью въ обществѣ, что въ 1871 г., когда исполнилось 50-лѣтіе его дѣятельности, учреждена была въ Минской мужской гимназіи стипендія его имени.

«Wielka encyklopedya powszechna illustrowana», XXVII—XXVIII, 995; Адресъ-Календари; «Записки» М. И. Глинки.

Гине, *Александръ Васильевичъ*, художникъ-пейзажистъ, академикъ, родился въ 1830 г., умеръ въ ночь на 4 іюня 1880 г. въ Петербургѣ, погребенъ на Малой Охтѣ. Получилъ художественное образованіе въ Академіи Художествъ, гдѣ былъ ученикомъ Воробьева. 23 декабря 1857 г. на третномъ экзаменѣ получилъ 2-ю серебряную медаль за ландшафтные рисунки; такую же медаль получилъ и въ 1858 г. Сюжетами для своихъ картинъ Г. избралъ берега Финскаго залива и Валаамъ на Ладожскомъ озерѣ. Въ 1858 г. имъ написанъ: «Видъ на Финскомъ заливѣ (м. Дубки)», въ 1859 г. — три вида изъ окрестностей Петербурга (этюды), «Берегъ Финскаго залива» (получилъ за эту картину 1-ю серебряную медаль) и «Видъ Финскаго залива, близъ Петербурга», въ 1860 г. — «Видъ берега Финскаго залива» и «Видъ на островѣ Валаамѣ», за послѣднюю получилъ 2-ю золотую медаль. Въ 1860 г. Г. и его товарищи И. Шишкинъ и Джогинъ обратились въ Совѣтъ Академіи съ просьбой о выдачѣ имъ денежнаго пособія на изданіе ихъ этюдовъ посредствомъ литографіи. Совѣтъ постановилъ «за принимаемые ими на себя труды по опытамъ литографіи выдать денежное вознагражденіе въ количествѣ 150 р. сер. на всѣхъ трехъ и объявить имъ признательность Совѣта, а г. проф. Воробьева благодарить за успѣхи тѣхъ его учениковъ». Г. воспроизвелъ путемъ литографіи свои картины «Видъ на Валаамѣ» («Русскій Художественный Альбомъ» 1861 г., тетр. 3) и «Видъ берега Финскаго залива». 28 октября 1861 г. Г. была присуждена 1-я золотая медаль. Въ 1865 г. онъ получилъ званіе класснаго художника 1-й степени по пейзажной живописи, а въ 1878 г. — званіе академика по живописи за картины «Буря на Валаамѣ» (собств. Я. М. Иконникова), бывшую на Парижской всемірной выставкѣ 1878 г., «Дождь» и «Ночь». Г. былъ талантливый живописецъ, но жизнь его сложилась неудачно и была непрерывнымъ рядомъ трудовъ и лишеній. Умеръ онъ въ крайней бѣдности. Изъ произведеній его картина «Въ окрестностяхъ Петербурга» и два вида «На островѣ Валаамѣ» находятся въ Третьяковской галлереѣ въ Москвѣ.

Петровъ, «Матеріалы для исторіи Академіи Художествъ», т. III; Ровинскій, «Словарь русскихъ граверовъ»; Е. Н. Тевяшовъ, «Описаніе нѣсколькихъ гравюръ и литографій»; «Голосъ» 1880 г., № 155 (некрологъ); Отчеты Академіи Художествъ за 1859—1880 гг.; «Каталогъ художественныхъ произведеній городской галлереи П. и С. Третьяковыхъ»; «Импер. С.-Пб. Академія Художествъ», т. II.

Н. Чулковъ.

Гине, *Яковъ Егоровичъ*, генералъ-маіоръ, родился въ 1769 г.; сынъ штабъ-офицера, онъ происходилъ изъ лифляндскихъ дворянъ. 16 ноября 1787 г. Г. выпущенъ изъ 1-го кадетскаго корпуса подпоручикомъ въ Бомбардирскій полкъ, съ которымъ участвовалъ во 2-й Турецкой войнѣ и былъ при осадѣ и взятіи Очакова, взятіи Каушанъ, осадѣ и взятіи штурмомъ Измаила, за что награжденъ золотымъ знакомъ и произведенъ въ поручики (11 дек. 1790 г.). Въ 1794 г. онъ былъ въ Польшѣ и принималъ участіе въ сраженіяхъ при Крупчицѣ и Брестѣ (награжденъ орд. св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ) и при взятіи Варшавы. 11 янв. 1797 г. Г. произведенъ въ штабсъ-капитаны, съ назначеніемъ въ 8 артиллерійскій баталіонъ, 4 декабря того же года — въ капитаны, 9 дек. 1799 г. — въ маіоры. 23 іюня

1803 г. онъ переведенъ въ 5 артиллерійскій полкъ. Въ 1805 г. Г. участвовалъ въ первой войнѣ съ Наполеономъ и за отличіе при Аустерлицѣ награжденъ золотою шпагою съ надписью «за храбрость». 23 авг. 1806 г. Г. переведенъ въ 9 артиллерійскую бригаду и, принявъ участіе въ Турецкой войнѣ, въ ноябрѣ находился при блокадѣ и взятіи крѣпости Хотина. Въ 1807 г. Г. сражался противъ французовъ въ предѣлахъ Пруссіи и участвовалъ, между прочимъ, въ дѣлахъ при Станиславовѣ и Наревѣ. 19 февраля 1807 г. произведенъ въ подполковники, а 21 декабря того же года — въ полковники, съ назначеніемъ командиромъ 2 артиллерійской бригады. 26 ноября 1810 г. получилъ орденъ св. Георгія 4 ст. за выслугу 25 лѣтъ. Въ 1812 г., будучи командиромъ 21 артиллерійской бригады, онъ отличился въ сраженіяхъ при м. Чашникахъ и мызѣ Смолянахъ, за что 27 мая 1813 г. произведенъ въ генералъ-маіоры. Въ 1813 г. участвовалъ въ войнѣ за освобожденіе Германіи и былъ убитъ въ сраженіи при Лейпцигѣ 6 октября 1813 года. Уже послѣ его смерти, 29 октября, ему былъ пожалованъ орденъ св. Георгія 3 ст. «въ воздаяніе отличныхъ подвиговъ мужества, храбрости и распорядительности, оказанныхъ въ сраженіи 9 мая при Бауценѣ».

Формулярный списокъ 1811 г. (Москов. отдѣленіе Архива Главнаго Штаба, книга форм. списковъ № 2292); «Военная Галлерея 1812 года»; Судравскій, «Военная галлерея Зимняго дворца» («Воен. Сборн.» 1910 г. № 11, стр. 176); Судравскій, «Георгіевскіе кавалеры за 140 л.» («Воен. Сборн.» 1909 г. № 10, стр. 252; Степановъ и Григоровичъ, «Въ память 100-лѣтняго юбилея Импер. воен. ордена св. Георгія».

Н. Александровичъ.

Гинкуловъ, *Яковъ Даниловичъ*, дѣйств. статскій совѣтникъ, профессоръ Петербургскаго университета, драгоманъ Азіатскаго департамента, первый русскій румыновѣдъ, румынъ по происхожденію, родился въ 1807 г., умеръ въ 1870 г. Первоначально былъ преподавателемъ Кишиневской духовной семинаріи и принималъ участіе въ устройствѣ Ланкастерскихъ школъ въ Бессарабіи. 30 іюня 1830 г. поступилъ на службу переводчикомъ въ Азіатскій департаментъ Министерства иностранныхъ дѣлъ, въ 1842 г. назначенъ вторымъ драгоманомъ, въ началѣ 50-хъ гг. былъ драгоманомъ VI класса, а съ 1853 г. — V класса. 11 апрѣля 1854 г. произведенъ въ дѣйств. статскіе совѣтники, въ 1856 г. награжденъ орденомъ св. Владиміра 3 ст. и въ 1863 г. — св. Станислава 1 ст. Прослуживъ 35 лѣтъ по Министерству иностранныхъ дѣлъ, вышелъ въ отставку. При учрежденіи въ 1839 г. въ Петербургскомъ университетѣ каѳедры валахо-молдавскаго языка (для желающихъ) былъ приглашенъ занять ее. Преподаваніе велъ по составленнымъ имъ самимъ учебникамъ. Сначала имѣлъ званіе адъюнкта, а съ 1855 г. экстраординарнаго профессора. Въ 1858 г. каѳедра румынскаго языка была упразднена. Имъ составлены: 1)«Молдавско-россійскій словарь», составленный Я. Г. Кишиневъ, 1829 г. декабря 2, два тома, рукопись (хранится въ Имп. Публичной библіотекѣ); 2) «Начертаніе правилъ валахо-молдавской грамматики». С.-Пб., 1840; 3)«Собраніе сочиненій и переводовъ, въ прозѣ и стихахъ, для упражненія въ валахо-молдавскомъ языкѣ, съ присовокупленіемъ словаря и собранія славянскихъ первообразныхъ словъ, употребляемыхъ въ языкѣ валахо-молдавскомъ». С.-Пб., 1840; 4)«Выводы изъ валахо-молдавской грамматики». С.-Пб., 1847 (подписано иниціалами Я. Г.); 5) «Карманная книжка для русскихъ воиновъ въ походахъ по княжествамъ Валахіи и Молдавіи». 2 ч. С.-Пб., 1854. Составленная Г. грамматика, по мнѣнію А. И. Яцимирскаго, до сихъ поръ не потеряла своего значенія. Она была представлена авторомъ на соисканіе Демидовской преміи; разборъ ея былъ сдѣланъ архіепископомъ Кишиневскимъ Дмитріемъ Сулимой (Отчетъ о 10-мъ присужденіи Демидовской преміи С.-Пб., 1841).

Григорьевъ, «Пятидесятилѣтіе С.-Пб. университета»; Брокгаузъ-Ефронъ, «Энциклопед Словарь», XVI, «Новый Энциклопед. Словарь», XIII; Толль, «Дополненія къ настольному словарю»; Березинъ, «Энциклопед. Словарь»; Вороновъ, «Историко-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній С.-Пб. округа»; «Журналъ Минист. Народн. Просвѣщенія» 1908 г., № 9, стран. 139 (А. И. Яцимирскій, «Значеніе румынской филологіи для славистики и романскихъ изученій»); «Историч. Вѣстникъ» 1899 г.,

т. 76, стран. 654 (П. Д. Драгановъ, «Пушкинъ въ переводахъ»); «Отчетъ Имп. Публ. Библіотеки за 1884 годъ», стран. 92; Адресъ-Календари; «Списки чинамъ первыхъ четырехъ классовъ»; «Annuaire diplomatique» 1864 и 1865 гг.

М. Ціонъ.

Гиновскій, *Яковъ Михайловичъ*, составитель «Оглавленія законамъ грекороссійскія церкви», происходилъ изъ духовнаго званія, родился въ 1766 г. (1768 г.), окончилъ курсъ Кіевской духовной академіи и въ 1789 г. поступилъ въ туже академію учителемъ еврейскаго и французскаго языковъ, въ 1794 г. перешелъ на службу въ канцелярію Синода, гдѣ занималъ различныя должности. Послѣдніе годы своей службы былъ секретаремъ этой канцеляріи, дослужился до чина коллежскаго асессора и награжденъ орденами св. Владиміра 4 ст. и св. Анны 3 ст. 3 декабря 1833 г. онъ былъ уволенъ по прошенію за преклонностью лѣтъ съ чиномъ надворнаго совѣтника. Умеръ 3 апрѣля 1841 г. на 76 году и погребенъ въ Петербургѣ на Митрофановскомъ кладбищѣ. Составилъ «Оглавленіе законамъ греко-россійскія церкви», плодъ его свыше 30-лѣтнихъ единоличныхъ усилій по отысканію и приведенію въ систему многоразличныхъ постановленій по духовному вѣдомству, остающихся въ силѣ. Г. въ октябрѣ 1826 г. ходатайствовалъ о разрѣшеніи ему на его собственный счетъ напечатать въ синодальной типографіи первыя три части (изъ шести) систематическаго оглавленія собраннымъ имъ узаконеніямъ, подъ заглавіемъ: «Оглавленіе законамъ грекороссійскія церкви». Синодъ 29 ноября (10 декабря) поручилъ синодальной канцеляріи разсмотрѣть и повѣрить содержащіяся въ трудѣ Г. узаконенія съ подлинными правилами и постановленіями. По просмотрѣ первой части синодальными секретарями ее разрѣшено было напечатать 22—24 марта 1827 г. Книга вышла въ октябрѣ 1827 г. и вызвала жестокую критику митрополита Филарета (предложеніе Св. Синоду отъ 2 ноября 1827 г), указавшаго между прочимъ на неправильность заглавія, на недостатки въ соблюденіи надлежащаго расположенія матеріаловъ и на сбивчивость понятій. Несмотря на это, Синодъ въ 1828 г. дозволилъ напечатать 2-ю часть «Оглавленія». Появленіе этой книги побудило митр. Филарета вновь представить Синоду (предложеніе отъ 2 декабря 1828 г.) свои возраженія противъ труда Г. На этотъ разъ они имѣли успѣхъ. Синодъ пріостановилъ продажу напечатанныхъ книгъ и поручилъ 5—17 декабря 1828 г. пересмотрѣть трудъ Г. Григорію, архіепископу Рязанскому, и Владиміру, епископу Курскому, и на основаніи ихъ отзыва остальныя три части не были разрѣшены къ печати. Несмотря на отсутствіе правильно выработанной системы, сбивчивость опредѣленій и неточность терминологіи, трудъ Г. по громадному собранному матеріалу имѣетъ значеніе даже въ настоящее время для всякаго, кто пожелалъ бы ознакомиться съ ходомъ развитія русскаго законодательства по вопросамъ церковнымъ.

«Богословская Энциклопедія», IV, 383—390; «Петербургскій Некрополь», т. I; Адресъ-Календарь 1830 г.; «Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета, митрополита Московскаго», т. II, 195—202, 250—252.

Н. Чулковъ.

Гинрихсъ (Hinrichs), *Іоганнъ Христіанъ*, авторъ трактата о роговой музыкѣ, род. 8 августа 1759 г., ум. 19 мая 1823 г., погребенъ на Волковомъ лютеранскомъ кладбищѣ въ Петроградѣ. Учился въ Любекѣ и Ригѣ, затѣмъ поселился въ Петербургѣ, гдѣ поступилъ на службу и былъ преподавателемъ Статистической школы. Пятилѣтняя дружба съ извѣстнымъ изобрѣтателемъ роговой музыки Іог. Марешемъ (1719—1789) и полученное Гинрихсомъ отъ наслѣдниковъ послѣдняго собственноручное описаніе устройства Марешемъ роговой музыки дало поводъ къ изданію его трактата: «Entstehung, Fortgang und jetzige Beschaffenheit der Russischen Jagdmusik. St.-Petersburg. Gedruckt bei I. B. Schnoor.» 1796. (8° XIV+25 стран.+прил.), одновременно изданнаго въ переводахъ на русскій («Начало, успѣхи и нынѣшнее состояніе роговой музыки». Съ нѣм. С.-Пб. 1796, 4°) и французскій языки и посвященнаго императору Павлу I. Послѣднее заставляетъ думать, что онъ былъ лично извѣстенъ государю. Книга Г. единственная, дающая обстоятельныя свѣдѣнія о русской

роговой музыкѣ и объ изобрѣтателѣ послѣдней — Марешѣ, портретъ котораго Г. также издалъ, независимо отъ книги, на свой счетъ. Въ 1815 г., уже въ чинѣ статскаго совѣтника, Г. былъ избранъ въ почетные члены С.-Петербургскаго Филармоническаго общества.

Eitner, «Quellen Lexicon.», V, 158.—Альбрехтъ, «Филармоническое Общество»,54.—«Музыкальная Старина», II вып.—«Петербургскій Некрополь», т. I.—Геннади, «Справочный словарь о русскихъ писателяхъ».

Н. Финдейзенъ.

Гинтеръ, *Иванъ Яковлевичъ* (Iohann Günther), генералъ-фельдцейхмейстеръ, родился въ 1670 г. въ Данцигѣ, гдѣ жилъ его отецъ, отставной поручикъ шведской службы, ветеранъ 30-лѣтней войны. Г. началъ службу въ данцигскихъ «гранодирахъ», а потомъ продолжалъ ее въ голландскихъ «пушкаряхъ» и «бомбардирахъ», какъ на сухомъ пути, такъ и во флотѣ; принималъ участье во второй нидерландской войнѣ (1689—1697 гг.) и былъ въ сраженіяхъ у Штейнкирхена во Фландріи 22 іюля (1 августа) 1692 г. и при Нервинденѣ 19 (29) іюля 1693 г., при осадѣ г. Гуй (на Маасѣ), взятаго 17 (27) сентября 1694 г., и при взятіи г. Намюра 22 августа (1 сентября) 1695 г. Въ 1696—97 гг., Г. «бомбардирствовалъ» на флотѣ; по заключеніи Рисвикскаго мира 30 октября (9 ноября) 1698 г., Г. отправился въ Амстердамъ. Здѣсь находилось въ это время русское Великое Посольство. Г. понравился царю и вмѣстѣ съ братомъ Іаковомъ былъ приглашенъ на русскую службу «первымъ бомбардиромъ и огнестрѣльнымъ мастеромъ» съ жалованьемъ по 24 рубля въ мѣсяцъ. Въ апрѣлѣ 1698 г. Г. прибылъ въ Москву и здѣсь помогалъ, если не дѣломъ, то совѣтомъ заготовленію разнообразныхъ орудій для «кумпанствъ» 1699 г. Въ 1700 г. произведенъ въ капитаны артиллеріи и участвовалъ въ Нарвскомъ сраженіи; за «Нарвскій походъ» пожалованъ артиллеріи маіоромъ, за взятіе Шлиссельбурга въ 1702 г. — артиллеріи подполковникомъ. Въ 1703 г. помогалъ Брюсу въ командованіи осадною артиллеріей подъ Ніеншанцемъ, а по сдачѣ послѣдняго 1 мая присутствовалъ при закладкѣ Петербурга. Въ 1704 г. участвовалъ въ осадѣ Нарвы (съ 30 іюля по 9 августа) и дѣйствовалъ «яко инжинеръ» и «батарейной мастеръ», закладывая и строя опрочни и батареи. Въ 1705 г. съ артиллерійскимъ транспортомъ принималъ участье 2 сентября въ штурмѣ Митавскаго замка и 14 сентября во взятіи Бауска. Выдержавъ затѣмъ двухмѣсячную блокаду въ Гроднѣ, къ маю 1706 г. перешелъ въ Кіевъ. Около того же времени онъ былъ произведенъ въ полковники полевой артиллеріи и получилъ въ командованіе артиллерію, бывшую при войскахъ Б. П. Шереметева въ Острогѣ. Въ 1707 г. сформировалъ полевую артиллерію въ артиллерійскій полкъ; чтобы уничтожить обычное зло того времени — бѣгство рекрутовъ — «орлилъ бѣглецамъ лбы прижиганіемъ», чѣмъ вызвалъ непріязнь къ себѣ своихъ подчиненныхъ. Въ 1708 г. прикрывалъ отступленіе русскихъ войскъ, послѣ Головчинской неудачи 3 іюля, къ Горкамъ, 28 сентября былъ въ бою у д. Лѣсной и получилъ, какъ и всѣ участники боя, знакъ отличія съ надписью «достойному — достойное», 28 ноября 1708 г. произведенъ въ генералъ-маіоры отъ инфантеріи съ оставленіемъ при прежней должности въ артиллеріи Въ 1709 г. передъ Полтавскимъ боемъ Г. принималъ участье въ развѣдкахъ расположенія непріятеля; въ самый же день боя 27 іюня съ 6 пѣхотными полками оставался при защитѣ ретраншемента, почему и не удалось ему быть въ огнѣ, но все же 6 іюля онъ «на ряду съ другими и по достоинству своего чина» получилъ золотой царскій портретъ для ношенія на груди. Въ 1710 г. участвовалъ въ осадѣ Риги, командуя артиллеріей до прибытія Брюса, и въ завоеваніи другихъ городовъ Прибалтійскаго края, а въ 1711 г. принималъ участье въ Прутскомъ походѣ, командуя полками прикрытія артиллеріи, а затѣмъ формировалъ артиллерійскій полкъ въ Кіевѣ и Москвѣ. Въ 1712 г. (6 марта) по ходатайству Г. былъ изданъ указъ Петра I, по которому въ Россіи впервые появились спеціалисты артиллерійской практики, не иноземцы, а русскіе «изъ дворянъ». Во время московскаго пожара 9 мая 1712 г. большая часть артиллерійскихъ запасовъ на Гра-

натномъ и Дѣловомъ дворахъ была спасена, благодаря распоряженіямъ Г. Въ этомъ же году Г. чуть было не оставилъ русской службы. Обидѣвшись на отказъ въ чинѣ генералъ-лейтенанта, онъ подалъ царю челобитную, въ которой угрожалъ «отъѣздомъ въ свою землю». Петръ, разсердившись, приказалъ дать ему «абшидъ», но Шереметевъ задержалъ отставку Г. и умилостивилъ царя. Въ концѣ 1715 г. Г. съ частью артиллерійскаго полка выступилъ въ Ревель, прибылъ туда 5 марта 1716 г. и, нагрузивъ артиллерію на корабли, отплылъ 1 іюля съ эскадрою къ г. Копенгагену, откуда въ составѣ флота подъ предводительствомъ Петра I направился къ острову Борнгольму, а въ декабрѣ вернулся въ Ревель. За участье въ Борнгольмской экспедиціи награжденъ золотой медалью. Въ теченіе 1717—18 гг. завѣдывалъ артиллерійской частью въ Ревелѣ. Въ октябрѣ 1719 г. Брюсъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы отнынѣ бомбы, приготовленныя на заводахъ Демидова и Меллера, отливались только по чертежамъ Г. Въ этомъ же году онъ получилъ назначеніе присутствовать въ Военной коллегіи. Кромѣ того, въ 1719 г. Г. было поручено защищать Ревельскіе берега отъ англичанъ, съ которыми Россія въ данное время была въ непріязненныхъ отношеніяхъ. Въ 1721 г. Г. назначенъ членомъ Главной Артиллеріи; въ отсутствіе Брюса онъ неоднократно былъ его замѣстителемъ. Весь 1722 г. Г. засѣдалъ въ Военной коллегіи, гдѣ по временамъ исправлялъ должность вице-президента. 23 мая 1723 г. онъ отправился въ Москву «для исправленія артиллеріи», гдѣ пробылъ до конца лѣта, а 25 сентября того же года — по Высочайшему порученію въ Астрахань для осмотра мѣстныхъ укрѣпленій, къ веснѣ 1724 г. вернулся въ Москву и присутствовалъ при коронованіи Екатерины I. 21 мая 1725 г. Г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты; 6 іюня того же года былъ уволенъ генералъ - фельдцейхмейстеръ графъ Брюсъ, и Г., какъ старшій послѣ него, сталъ предсѣдательствовать въ присутствіи Главной Артиллеріи. 1 января 1727 г. онъ произведенъ въ генералы отъ артиллеріи и вскорѣ получилъ званіе шефа или генералъ-шефа артиллеріи. Въ сентябрѣ 1728 г. получилъ званіе генералъ-фельдцейхмейстера съ сохраненіемъ содержанія по чину полнаго генерала, т.-е. 3800 руб. въ годъ. Г. далеко не пользовался значеніемъ своего знаменитаго предмѣстника, но русская артиллерія ему обязана сформированіемъ артиллерійскаго полка, европейски организованнаго, и заведеніемъ артиллерійскаго дѣла въ Брянскѣ. Онъ былъ занятъ главнымъ образомъ нововведеніями по строевой части артиллеріи. Указомъ 7 мая 1727 г. инженерная часть, съ 1706 г. составлявшая съ артиллерійскою одно цѣлое, была выдѣлена и поручена Миниху, что вызвало неудовольствіе Г. Между нимъ и Минихомъ завязалась борьба, и Главная Артиллерія всячески старалась противодѣйствовать вновь учреждаемому инженерному управленію. Въ январѣ 1728 г. Главная Артиллерія переѣхала вслѣдъ за Императоромъ въ Москву. Въ январѣ слѣдующаго года Г. опасно заболѣлъ и 8 февраля скончался. Главными чертами характера Г. были корыстолюбіе и честолюбіе, соединенныя съ самохвальствомъ.

«Артиллерійскій Журналъ» 1866 г., № 9, стран. 499—528, и 1867 г., № 2, стран. 274—330 (М. Хмыровъ, «Главные начальники русской артиллеріи»); «Столѣтіе Военнаго Министерства», т. VI (Д. П. Струковъ, «Главное Артиллерійское Управленіе», ч. I, кн. I).

Е. К. Александровичъ.

Гинтовтъ, *Александръ Людвиговичъ*, генералъ-маіоръ, начальникъ штаба отдѣльнаго Сибирскаго корпуса, потомокъ древняго литовскаго рода Гинтовтовъ-Дзѣвалтовскихъ, сынъ генералъ-маіора Людвига Ивановича, принимавшаго участіе въ походѣ Суворова въ Италію и отличившагося въ Отечественной войнѣ, родился въ 1811 г., получилъ образованіе въ лицеѣ князя Безбородко, который и окончилъ въ 1830 г. дѣйствительнымъ студентомъ. Отецъ его, бывшій тогда временнымъ комендантомъ въ Севастополѣ, желалъ, чтобы сынъ поступилъ на гражданскую службу — въ канцелярію Новороссійскаго генералъ-губернатора графа М. С. Воронцова. Г. не смѣлъ противорѣчить, хотя не имѣлъ ни малѣйшаго расположенія къ подобной службѣ; поэтому онъ подъ разными

предлогами старался отсрочить свою поѣздку въ Одессу, такъ что явился туда на третій день послѣ отъѣзда графа Воронцова за границу. По предложенію командира 3-го пѣхотнаго корпуса ген.-лейт. Красовскаго, Г. поступилъ на военную службу и 17 ноября 1830 г. былъ зачисленъ унтеръ-офицеромъ (съ 31 декабря юнкеромъ) въ 17-й егерскій полкъ, съ которымъ принялъ участіе въ усмиреніи польскаго возстанія. За отличіе при блокадѣ крѣпости Замосць произведенъ въ прапорщики (1 сентября 1831 г.) и вскорѣ въ чинѣ подпоручика (съ 20 марта 1833 г). переведенъ въ Брянскій егерскій полкъ (16 апр. 1833 г.), въ составъ котораго вступилъ 17-й полкъ. Здѣсь онъ исправлялъ должность полкового адъютанта и казначея. 8 іюля 1835 г. назначенъ и. д. дивизіоннаго гевальдигера, а 25 января 1836 г. адъютантомъ къ начальнику 9-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенанту Тимоѳееву. Съ тѣхъ поръ до 1850 г. Г. безотлучно находился при генералѣ Тимоѳеевѣ, бывшемъ затѣмъ съ 1839 г. командиромъ 1-го пѣхотнаго корпуса, а съ 1843 г. — 6-го корпуса, въ качествѣ сначала его адъютанта, а потомъ съ 7 марта 1848 г. дежурнаго штабъ-офицера. За это время онъ получилъ чины поручика (6 сент. 1836 г.), штабсъ-капитана (15 марта 1840 г.), капитана (11 авг. 1842 г.), маіора (9 дек. 1843 г.), подполковника (28 окт. 1847 г.) и полковника (10 апр. 1849 г.), числясь съ 8 ноября 1839 г. въ Софійскомъ морскомъ (потомъ пѣхотномъ) полку, а съ 9 декабря 1849 г. по арміи. Въ 1850 г. на мѣсто умершаго ген. Тимоѳеева командиромъ 6-го корпуса назначенъ генералъ отъ инфантеріи Чеодаевъ, и Г. оставался и при немъ въ прежней должности. Въ 1854 г. ген. Чеодаевъ назначенъ начальникомъ всѣхъ пѣхотныхъ резервныхъ и запасныхъ войскъ арміи. Онъ оставилъ Г. при себѣ по особымъ порученіямъ (12 окт. 1854 г.), возложивъ на него письменную часть своего штаба, такъ что въ отсутствіе начальника штаба Г. исправлялъ его должность. Въ сентябрѣ 1856 г. ген. Чеодаевъ по разстроенному здоровью уволенъ отъ должности, а Г. 25 декабря того же года произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ начальникомъ штаба отдѣльнаго Сибирскаго корпуса. Черезъ три года по прибытіи въ Тобольскъ Г. послѣ тяжкой болѣзни (тифозная горячка) скончался 24 ноября 1860 г. Г. былъ кавалеромъ орденовъ св. Анны 2 ст. (1848, Импер. кор. 1851), Владиміра 4 ст. (1853) и 3 ст. (1855) и Станислава 1 ст. (1859). Напечаталъ статьи: «Юбилей 50-лѣтней службы генерала-отъ-инфантеріи Чеодаева» («Вѣдомости Московской Городской Полиціи» 1850 г., № 273) и «Некрологъ В. И. Тимоѳеева 1-го» («Москвитянинъ» 1850 г., ч. II, № 8).

«Лицей кн. Безбородко», изд. 1881 г., стр. 356 (статья Н. В. Кукольника).—Формулярный списокъ (Моск. Отдѣл. Общ. Арх. Гл. Штаба, дѣло 3 ст. 3 отд. Инспект. Деп. Воен. Мин. 1860 г., св. 1474, № 742).

Е. Александровичъ.

Гинтовтъ - Дзѣвалтовскій, *Александръ - Казимиръ*, митрополитъ всѣхъ римско-католическихъ церквей въ Россіи, архіепископъ Могилевскій, происходилъ изъ древняго дворянскаго рода Ковенской губ., родился въ 1821 г. въ дер. Войшканахъ Ковенской губ., воспитывался сначала въ Кейданской гимназіи, а потомъ въ Виленской семинаріи (1839—1845). Въ 1845 году рукоположенъ во священники и назначенъ викаріемъ въ Вилькомиръ; здѣсь же онъ исполнялъ обязанности префекта уѣзднаго училища. Въ 1849 г. назначенъ настоятелемъ въ Янишки, а въ 1855 г. переведенъ деканомъ въ Гродну, съ саномъ архидіакона Бѣлостокскаго. 11 февраля 1872 г. посвященъ въ епископы Еленопольскіе въ Петербургѣ въ церкви св. Екатерины и вскорѣ назначенъ суффраганомъ Плоцкой епархіи. Въ этомъ санѣ ему пришлось управлять Варшавской епархіей. Въ 1883 г. назначенъ архіепископомъ Могилевскимъ, 15 марта принялъ отъ Варшавскаго архіепископа Попеля паллій, присланный папой, и 1 мая назначенъ митрополитомъ всѣхъ римско-католическихъ церквей въ Россіи. Былъ кавалеромъ орденовъ св. Владиміра 3-й ст., св. Анны 1-й ст. и св. Станислава 1-й ст. Скончался послѣ непродолжительной тяжкой болѣзни на дачѣ въ Дудергофѣ въ ночь на 14 августа 1889 г. Погребенъ въ Петербургѣ на Выборгскомъ католическомъ кладбищѣ подъ церковью. Архіе-

пископъ Г. считался выдающимся проповѣдникомъ, и проповѣди его въ церкви св. Екатерины и въ церкви при консисторіи привлекали немало слушателей. Онъ занимался много дѣлами благотворительности. Будучи любителемъ живописи, онъ составилъ большую картинную галлерею, а также обширную библіотеку. Г. занимался и поэзіей. Въ своихъ произведеніяхъ онъ боролся съ современнымъ невѣріемъ. Печаталъ ихъ въ «Kronika rodzinna». Отдѣльно изданы въ 1882 г. два его стихотворенія въ пользу учениковъ Плоцкой гимназіи: «Na czasie, dwie pogadanki druha prawdy».

«Новости» 15 авг. 1889 г.; «Новое Время» 1889 г., № 4836; «Петербургскій Некрополь», т. I; «Orgelbbranda Encyklopedja powszechna», т. VI; «Всемірная Иллюстрація» 1889 г., № 107 (некрологъ съ портретомъ).

Н. Чулковъ.

Гинтылло (Gintyllo), *Іоаннъ (Янъ) Хризостомъ*, епископъ, родился въ 1787 г., умеръ въ 1857 г. въ Ольсядахъ, получилъ образованіе въ Креславской духовной семинаріи и въ 1813 году посвященъ въ капелланы. Получилъ степени магистра и доктора богословія. Въ 20-хъ годахъ былъ префектомъ Виленской духовной семинаріи и одновременно, въ 1820—1821 гг., читалъ въ качествѣ адъюнктъ-профессора Св. Писаніе въ Виленскомъ университетѣ. Получивъ званіе каноника Самогитской епархіи, въ 1824 году назначенъ засѣдателемъ Римско-католической духовной коллегіи отъ этой епархіи, капелланомъ Мальтійской церкви въ Пажескомъ корпусѣ, визитаторомъ Виленской главной семинаріи и инфулатомъ Шидловскимъ. Въ 1838 году назначенъ суффраганомъ Тельшевской (Самогитской) епархіи и въ 1844 г. — администраторомъ этой же епархіи, вслѣдствіе чего переселился изъ Петербурга въ Ольсяды. Много заботился о просвѣщеніи своей паствы, для чего и самъ издавалъ книги на литовскомъ языкѣ и поощрялъ другихъ къ изданію. Въ 1850 г. отказался отъ управленія епархіей, сохранивъ санъ епископа-суффрагана, и послѣдніе годы своей жизни жилъ на покоѣ въ Ольсядахъ. Поклонникъ классической литературы и любитель научныхъ занятій, Г. почти всѣ свои средства тратилъ на пріобрѣтеніе книгъ. Его библіотека, заключавшая до 30000 томовъ, занимала 3 залы въ епископскомъ домѣ въ Ольсядахъ. За нѣсколько лѣтъ до смерти большую часть своихъ книгъ онъ пожертвовалъ епархіальной семинаріи. Больше всего Г. изучалъ еврейскую литературу и былъ знатокомъ Талмуда и твореній раввиновъ. При своихъ научныхъ занятіяхъ онъ имѣлъ въ виду практическія цѣли: обращеніе въ католичество иновѣрцевъ, главнымъ образомъ евреевъ. Изъ своихъ трудовъ онъ напечаталъ только «Nauka czytania po polsku dla młodzieży wysnania starozakonnego» (Wilno 1817); въ рукописи остались: 1) «Wypisy wszystkich miejsc z Talmudu i dzieł rabinicznych o Messyaszu i religii chrześciańskiej», 2 тома, 2) «Разсужденіе объ истинности пришествія Мессіи» (на еврейскомъ языкѣ), 3) «Католическій катехизисъ для евреевъ» (на жаргонѣ), 4) «Słownik hebrajsko-polski». Г. погребенъ въ Ольсядахъ въ приходскомъ костелѣ, въ заранѣе приготовленномъ имъ мѣстѣ.

«Wielka encyklopedya powszechna illustrowana», т. XXV—XXVI, 42; «Pamiętnik relig.-moralny» 1858 г., I, 30 (статья Ант. Мухлинскаго); «Przegląd poznański» 1868 г., I, 379; Адресъ-Календари.

Н. Чулковъ.

Гинцель *(фонъ-)*, *Карлъ Крестьяновичъ (Христіановичъ)*, генералъ-поручикъ, правитель Выборгскаго намѣстничества, происходилъ изъ лифляндскихъ дворянъ, родился въ 1741 г. (по формуляру въ 1777 году ему было 36 лѣтъ). 20 сентября 1756 г. поступилъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ въ бомбардирскую роту кадетомъ. Во время Семилѣтней войны, въ 1759 г., будучи въ чинѣ каптенармуса, находился въ командѣ капитана Преображенскаго полка Озерова за границей для сбора денежной контрибуціи въ непріятельскихъ городахъ и тамъ принялъ участіе въ сраженіяхъ при Пальцигѣ и Франкфуртѣ. 28 сентября 1760 г. произведенъ въ сержанты и 1 апрѣля 1762 г. — въ подпоручики. 7 августа 1762 г. переименованъ въ полковые квартирмейстеры. 11 мая 1763 г. выпущенъ изъ гвардіи въ полевые полки съ чиномъ премьеръ-маіора и опредѣленъ въ Нижегородскій пѣхотный полкъ.

Въ 1765 году по изустному повелѣнію императрицы былъ посланъ въ Ингерманландію сыщикомъ. Съ 1770 г. по 1772 г. принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Польшѣ. 5 декабря 1771 г. произведенъ въ полковники. Съ 19 октября 1772 г. по 3 января 1773 г. былъ комендантомъ Бендерской крѣпости. Во время 1-й Турецкой войны 10 мая 1773 г. съ 300 человѣкъ пѣхоты и запорожцами атаковалъ турецкій лагерь противъ Силистріи и обратилъ непріятеля въ бѣгство, а затѣмъ участвовалъ въ дѣлахъ при Туртукаѣ, въ 1774 г. — снова при Туртукаѣ (6 и 9 іюня) и при Рущукѣ (29 іюня), гдѣ онъ въ продолженіе 6 часовъ отражалъ атаки 8000 турокъ, послѣ чего принудилъ ихъ отступить; при этомъ онъ былъ тяжело раненъ пулей въ голову. Въ 1775 г. совершилъ походъ съ театра военныхъ дѣйствій въ Нижній-Новгородъ. 28 іюня 1778 г. произведенъ въ бригадиры, 5 мая 1779 г. — въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ состоять при Эстляндской дивизіи. Въ 1780 г. состоялъ при Воронежской дивизіи, въ 1782—1783 гг. снова при Эстляндской и въ 1784—1787 гг. при 1-й дивизіи. 21 апрѣля 1787 г. произведенъ въ генералъ-поручики съ назначеніемъ правителемъ Выборгскаго намѣстничества. Занималъ эту должность до 1793 г. Въ спискахъ генералитета за 1794 г. онъ больше не значится. Имѣлъ орденъ св. Владиміра 2-й ст.

Формулярный списокъ (Моск. отдѣл. Архива Главн. Штаба, опись 24, связка 170); списки Военнаго Департамента; «Хронологическій указатель военныхъ дѣйствій русской арміи и флота», т. I; «Записки Храповицкаго».

Е. Александровичъ.

Гиппингъ, *Андрей-Іоганнъ*, финляндскій пробстъ, историкъ Ингерманландіи, родился 18 декабря 1788 г. въ приходѣ Перно, гдѣ его дѣдъ Генрихъ и отецъ Давидъ послѣдовательно были пасторами. Двѣнадцати лѣтъ онъ поступилъ въ гимназію въ Борго, а черезъ 4 года по выдержаніи экзамена былъ зачисленъ въ студенты Абоскаго университета и слушалъ лекціи профессоровъ по различнымъ отраслямъ знаній. Чувствуя склонность къ искусствамъ и желая усовершенствоваться въ музыкѣ и живописи, Г. въ концѣ 1807 г. отправился въ Петербургъ и 1 декабря 1808 г. зачисленъ на службу музыкантомъ Императорскихъ театровъ. Здѣсь онъ прослужилъ до 1811 г. Въ это время въ приходѣ Перно освободилось мѣсто адъюнкта, и Г. по предложенію отца занялъ его. 18 апрѣля 1812 г. онъ былъ рукоположенъ въ священники. Въ своемъ родномъ приходѣ Г. однако оставался недолго и въ томъ же году назначенъ законоучителемъ въ Петербургскую гимназію для преподаванія Закона Божія молодымъ людямъ финскаго происхожденія. Еще до отъѣзда изъ Петербурга Г. напечаталъ «Опытъ шведско-русскихъ разговоровъ» («Försök till Svenska och Ryska Samtal», St.-Pbg. 1810), за составленіе котораго пожалованъ былъ золотой табакеркой; изданіе было распродано въ теченіе двухъ лѣтъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ выступилъ со своимъ первымъ историческимъ трудомъ, касавшимся мѣстной исторіи, именно его родного прихода Перно: «Beskrifning öfver Perno Socken i Finnland» (St.-Pbg. 1817). Въ 1820 г., получивъ, по рекомендаціи академика Круга, мѣсто библіотекаря у канцлера графа Н. П. Румянцова, Г. привелъ въ порядокъ его библіотеку и составилъ новый каталогъ ея. Къ этому времени относятся его работы по исторіи Финляндіи: «Pontus de la Gardie oder Nachforschungen über eine in der Gegend um St.-Petersburg bekannte Volkssage», St.-Pbg. 1819 (по-русски: «Понтусъ де ля Гарди, изслѣдованіе народнаго преданія, относящагося до завоеванія Ингерманландіи россіянами» въ «Соревнователѣ просвѣщенія и благотворенія» 1818 г., т. IV, журналѣ, издаваемомъ Вольнымъ обществомъ любителей россійской словесности, членомъ котораго состоялъ Г.) и «Bemerkungen über einen in den Russischen Chroniken erwähnten Kriegszug der Russen nach Finnland», St.-Pbg. 1820 (русскій переводъ К. Гаке: «О походѣ новгородцевъ въ Финляндію, упоминаемомъ въ русскихъ лѣтописяхъ» въ томъ же журналѣ за 1820 г., №№ 4 и 5). Кромѣ этихъ двухъ трудовъ Г. напечаталъ въ «Соревнователѣ» (1820 г., № 11) статью въ переводѣ В. Брайкевича: «О финской литературѣ». Въ 1821 г. онъ былъ выбранъ въ члены Скандинавскаго литературнаго общества въ Копенгагенѣ. Въ

1823 г. Г. покинулъ Петербургъ, будучи 27 февраля назначенъ пасторомъ въ приходъ Вихтисъ. Переселившись въ Финляндію, онъ занялся исторіей Ингерманландіи и въ особенности шведскаго города Ніена съ его крѣпостью. Свой обзоръ ижорской исторіи, основанный на изученіи разнообразныхъ источниковъ, Г. напечаталъ въ Гельсингфорсѣ въ 1836 г. на шведскомъ языкѣ (Neva och Nyenskans intill St. Petersburgs Anläggning. Förstа Delen. Helsingfors, 1836). Книга эта, по словамъ Шегрена («Записка о научныхъ заслугахъ А. Гиппинга» 1842 г.), является очень цѣнной монографіей. Во второй части этого труда Г. предполагалъ дать собственно исторію Ніена съ приложеніемъ нѣкоторыхъ неизвѣстныхъ раньше документовъ, касающихся этого города. Въ 1840 г., по поводу приведенія имъ въ порядокъ древностей въ академическомъ музеѣ («руническихъ жезловъ и календарей»), онъ былъ предложенъ въ члены-корреспонденты Академіи Наукъ, но избранъ только 29 декабря 1844 г. (по разряду историческихъ и политическихъ наукъ). Въ 1845 году Г. выпустилъ описаніе своего прихода Вихтисъ («Beskrifning öfver Wichtis Socken». Helsingfors). Изъ Вихтиса онъ былъ переведенъ въ другой приходъ, а въ 1847 г. получилъ мѣсто пастора въ Новой Киркѣ, гдѣ продолжалъ заниматься научными изслѣдованіями. За свои труды Г. былъ выбранъ въ члены Сѣвернаго общества древней письменности въ Копенгагенѣ (30 января 1834 г.), Финскаго литературнаго общества въ Гельсингфорсѣ (11 апрѣля 1835 г.) и Общества наукъ въ Гельсингфорсѣ (5 апрѣля 1841 г.). Въ 1851 г. академикъ А. А. Куникъ убѣдилъ его издать свое сочиненіе о Ніенѣ на русскомъ языкѣ. Вскорѣ затѣмъ Г. перевелъ первую часть своего труда, нѣсколько дополнивъ ее, а вторую часть представилъ въ рукописи на русскомъ языкѣ на соисканіе Демидовской преміи. Куникъ, которому было порученъ разборъ сочиненія Г., нашелъ, что хотя трудъ его далеко не удовлетворяетъ настоятельной потребности въ подробной критической исторіи древней Ингріи, тѣмъ не менѣе онъ первый обнялъ всю исторію Ингерманландіи («22-е присужденіе учрежденныхъ Н. Демидовымъ наградъ» С.-Пб., 1853). Въ виду достоинствъ сочиненія Г. Академія Наукъ, согласно предложенію А. А. Куника, присудила автору «половинную премію Демидова съ прибавочною суммою для изданія полнаго сочиненія и принадлежащихъ къ нему плановъ». Сочиненіе Г. печаталось подъ наблюденіемъ Куника по исправленному рукописному переводу; довольно значительной переработкѣ подверглась только первая часть. Хотя почти весь текстъ и значительная часть приложеній были уже отпечатаны въ теченіе ближайшихъ лѣтъ, но Куникъ, отвлеченный другими дѣлами, не кончилъ начатаго имъ дѣла. Г. такъ и не дождался выхода въ свѣтъ своего труда: пожалованный въ 1859 г. званіемъ доктора теологіи и назначенный контрактъ-пробстомъ Выборгской епархіи и инспекторомъ школъ въ Выборгѣ, онъ умеръ 8 ноября 1862 г.

Кромѣ историческихъ трудовъ, Г. печаталъ мелкія статьи и замѣтки въ мѣстныхъ журналахъ и газетахъ.

Послѣ изданнаго въ 1891 г. изслѣдованія проф. К. фонъ-Бонсдорфа «Nyen och Nyenskans», трудъ Г. является уже устарѣвшимъ; но въ виду того, что онъ все же представляетъ нѣкоторый интересъ для исторіи науки и содержитъ нѣсколько полезныхъ указаній относительно предмета, еще очень мало разработаннаго въ русской исторической литературѣ, историко-филологическое отдѣленіе Академіи Наукъ постановило выпустить его въ свѣтъ вмѣстѣ съ приложенными къ нему картами и планами, но не для продажи, а для разсылки въ библіотеки и другія учрежденія и для раздачи нѣкоторымъ ученымъ. Трудъ Г. выпущенъ былъ въ 1909 г., подъ заглавіемъ: «Нева и Ніеншанцъ», въ 2 частяхъ, со вступительной статьей академика А. С. Лаппо-Данилевскаго («Андрей Іоганнъ Гиппингъ и судьба его историческаго труда о Невѣ и Ніеншанцѣ»).

«Нева и Ніеншанцъ, составилъ А. І. Гиппингъ», ч. 1. С.-Пб. 1909 г. (вступительная статья); Брокгаузъ-Ефронъ, «Энциклопед. Словарь», XVI, «Новый Энциклопед. Словарь», XIII; «Tableau général des matières contenues dans les publications de l'Académie Imp. des sciences».

Н. Чулковъ.

Гиппіусъ, *Густавъ (-Адольфъ) Ѳомичъ*, художникъ-портретистъ, литографъ и педагогъ, сынъ бѣднаго деревенскаго пастора, родился 1 марта 1792 г. въ пасторатѣ Нисси въ Эстляндіи, умеръ 24 сентября 1856 г. въ Ревелѣ, погребенъ въ пасторатѣ Гаггерсъ. Потерявъ очень рано мать, онъ былъ отданъ въ пансіонъ въ Ревелѣ и съ 14-лѣтняго возраста началъ зарабатывать себѣ средства для ученія уроками музыки и рисованія, къ которому чувствовалъ особенную склонность. Г. желалъ посвятить себя вообще педагогической дѣятельности, но бѣдность не позволяла ему поступить въ университетъ. По совѣту одного изъ своихъ друзей, Отто Игнаціуса, ставшаго потомъ живописцемъ, онъ поселился у его отца въ пасторатѣ Гаггерсъ и вмѣстѣ съ Отто сталъ брать уроки рисованія у Вальтера, гувернера дѣтей писателя Коцебу, имѣніе котораго находилось по сосѣдству съ Гаггерсомъ. Ученіе продолжалось около 2 лѣтъ. Быстрые успѣхи Г. обратили на него вниманіе окружающихъ и возбудили въ немъ желаніе ѣхать совершенствоваться за границу. Друзья устроили въ его пользу концертъ, давшій 2000 рублей, и на эти деньги онъ отправился зимою 1812 г. сначала въ Прагу, гдѣ онъ пробылъ полгода и въ это время нарисовалъ генерала Моро на смертномъ одрѣ, а затѣмъ въ Вѣну; здѣсь онъ прожилъ два съ половиной года. 16 сентября 1816 г. Г. съ художникомъ Эггинкомъ отправился изъ Вѣны путешествовать пѣшкомъ, побывалъ въ Зальцбургѣ, Мюнхенѣ, Венеціи и Флоренціи и въ апрѣлѣ 1817 года пришелъ въ Римъ. Здѣсь онъ прожилъ 2 года, вращаясь въ кругу нѣмецкихъ назарейцевъ, и особенно сблизился съ Овербекомъ. Занятія Г. состояли въ изученіи старыхъ мастеровъ, копированіи ихъ картинъ и писаніи съ натуры; жилъ онъ почти исключительно продажей рисуемыхъ имъ портретовъ. Къ этому времени принадлежатъ исполненные имъ портреты Овербека, Бетховена и Торвальдсена; Овербекъ въ свою очередь написалъ его портретъ. Въ іюнѣ 1818 г. Г. уѣхалъ изъ Рима на родину. По пути онъ заѣхалъ въ Иверденъ къ Песталоцци и написалъ его портретъ. Вмѣстѣ съ портретами Бетховена и Торвальдсена онъ цѣнилъ этотъ портретъ больше всѣхъ своихъ произведеній и въ 1846 г. издалъ его въ видѣ литографіи по случаю столѣтія великаго педагога. 9 ноября 1819 г. Г. вернулся въ Эстляндію. Пробывъ полгода въ Ревелѣ и женившись въ іюнѣ 1820 г. на сестрѣ своего друга, Фридерикѣ Игнаціусъ, онъ переѣхалъ въ Петербургъ. Въ 1824 г. Отто Игнаціусъ умеръ, и на долю Г. выпало закончить его послѣднюю работу — картину, заказанную для царскосельской придворной церкви. Еще раньше работы Г. стали случайно извѣстны графу Каподистріа и директору Царскосельскаго лицея Энгельгардту; они поддержали его матеріально и дали возможность предпринять изданіе «Современники. Собраніе литографированныхъ портретовъ государственныхъ чиновниковъ, писателей и художниковъ. Посвящено Е. И. В. Императору Александру I. Les Contemporains, par G. Hippius. St.-Pbg. Litographie de l'auteur» (1822 г., въ большой листъ), въ 9 тетрадяхъ по 5 портретовъ въ каждой (воспроизведеніе въ увеличенномъ видѣ портретовъ работы самого Г.). Описанія этого изданія, сдѣланныя Ровинскимъ и Верещагинымъ, не сходятся между собой; поэтому авторъ замѣтки объ изданіяхъ Г., напечатанной въ журналѣ «Старые Годы» за 1907 г., высказываетъ предположеніе, что «Современники» выдержали нѣсколько изданій. Къ этому предположенію присоединяется и В. Я. Адарюковъ, указывающій на попадающіеся у антикваровъ два различныхъ портрета И. А. Крылова изъ этого изданія. Въ коллекціи С. П. Виноградова имѣются 2 портрета Мартоса. Существуютъ и два различныхъ портрета Карамзина (указаніе С. П. Виноградова). Выпустивъ въ свѣтъ свое изданіе, Г. обратился въ Общество поощренія художествъ, прося о содѣйствіи въ его продажѣ. Комитетъ Общества выразилъ готовность содѣйствовать распространенію изданія Г. Повидимому изданіе не было докончено, и нѣкоторые портреты, приготовленные Г., не вошли въ него. Кромѣ портретовъ въ изданіи «Современники», В. Я. Адарюковъ указываетъ еще портреты А. И. Альбрехта, Р. Майделя, митро-

полита Михаила (меньшихъ размѣровъ, чѣмъ въ «Современникахъ»), неизвѣстнаго (въ Эрмитажѣ); въ біографическомъ очеркѣ Г. въ «Baltische Maler» Неймана воспроизведены портреты пробста І. Ф. Игнаціуса и бригадира Ф. фонъ-Крузенштерна и автопортретъ Г. (всѣ три собственность г-жи Дессіенъ въ Ригѣ). Въ коллекціи С. П. Виноградова имѣется портретъ графа П. П. Коновницына, рисованный повидимому не Гиппіусомъ, но имъ литографированный. Г. занимался также преподаваніемъ (между прочимъ въ Воспитательномъ домѣ и Елизаветинскомъ институтѣ) и издалъ слѣдующія пособія для учителей и учениковъ: 1) «Le jeune dessinateur, cours d'études progressives à l'usage des écoles», въ 4 тетрадяхъ, съ 32 листами рисунковъ; 2) Альбомъ изъ 66 листовъ головокъ съ картинъ итальянскихъ мастеровъ XV и XVI вѣковъ и 24 листа съ изображеніями разныхъ цвѣтовъ; 3) «Grundlagen einer Theorie der Zeichenkunst». St.-Pbg. u. Leipzig. 1842, по-русски: «Очерки теоріи рисованія» (этотъ трудъ очень долго употреблялся въ Германіи въ качествѣ руководства). Послѣдняя работа Г.: «Kunstschulen. Zusammengetragen für das Bedürfniss der Schule» (Leipzig, 1850) была посвящена популярному изложенію исторіи искусства. Въ началѣ 50-хъ годовъ Г. вернулся въ Ревель и продолжалъ заниматься писаніемъ портретовъ. Въ Дрезденскомъ королевскомъ кабинетѣ гравюръ (Kupferstich-Kabinett) хранится портретъ Г., рисованный съ него въ Римѣ Фогелемъ, а въ Рижскомъ Домскомъ музеѣ (Dommuseum) — его портретъ работы Пецольда. Сыновья Г. — Отто, профессоръ архитектуры, и Карлъ, архитекторъ (см. ниже).

Neumann, «Baltische Maler», 21—23; «Старые Годы» 1907 г., № 6, стр. 239—240 (Z., «Д. А. Гиппіусъ и его изданія»); В. Я. Адарюковъ, «Очеркъ по исторіи литографіи въ Россіи», 25, 26; «Русскій Библіофилъ», 1912 г., № 3, стр. 8—9 (П. Эттингеръ, «Неизданные матеріалы для русской иконографіи въ королевскомъ кабинетѣ гравюръ въ Дрезденѣ»); Адресъ-Календари. *Н. Чулковъ.*

Гиппіусъ, *Дмитрій Ивановичъ*, статскій совѣтникъ, переводчикъ, сынъ московскаго (первоначально нарвскаго) купца Ивана Богдановича Г., лютеранинъ, родился въ Москвѣ 2 марта 1812 г. (по надгробной надписи, а по его собственному показанію 1813 г.); получивъ прекрасное домашнее образованіе, онъ въ 1829 г. поступилъ въ Московскій университетъ на отдѣленіе нравственно-политическихъ наукъ и 13 декабря 1833 г. окончилъ его со степенью кандидата. 11 ноября 1835 г. опредѣленъ на службу въ Московскій Главный Архивъ иностранныхъ дѣлъ на должность второго переводчика для европейскихъ языковъ. Назначенъ первымъ переводчикомъ 10 ноября 1843 г. и награжденъ 14 апр. 1845 г. чиномъ коллежскаго асессора. 30 апр. 1846 г. уволенъ согласно прошенію отъ службы (но по автобіографическому его показанію въ «Альбомѣ» М. И. Семевскаго служилъ въ архивѣ до 1856 г.). Г. зналъ языки латинскій, французскій, нѣмецкій и англійскій и былъ хорошо знакомъ съ техническими терминами русскаго, англійскаго и французскаго судопроизводствъ, поэтому онъ въ теченіе своей службы въ архивѣ неоднократно былъ командированъ по требованію различныхъ присутственныхъ мѣстъ для допроса иностранцевъ по слѣдственнымъ дѣламъ. По порученію директора архива князя М. А. Оболенскаго Г. написалъ для предполагавшагося къ изданію сборника «Архивъ историческихъ свѣдѣній» нѣсколько оригинальныхъ статей и поправлялъ переводы, изготовленные другими, менѣе опытными въ языкахъ, чиновниками, а также перевелъ съ англійскаго языка «Записки кн. Дашковой» и сочиненіе Флетчера «О государствѣ Русскомъ». Переводъ сочиненія Флетчера, причинившій потомъ много непріятностей напечатавшему его Московскому Обществу исторіи и древностей россійскихъ, оконченъ былъ имъ въ февралѣ 1845 г. Кромѣ этого, Г. перевелъ съ нѣмецкаго языка сочиненіе профессора Дерптскаго университета Эверса «Древнѣйшее право руссовъ» (для М. П. Погодина) и съ англійскаго, въ 1833 г., сочиненіе Макъ-Кюлоха «О началахъ, успѣхахъ, особенныхъ предметахъ и важности политической экономіи» (переводъ этотъ изданъ (и его же курсъ политической экономіи (остался въ рукописи). Съ 1850 г. по 1866 г. Г. былъ почет-

нымъ членомъ Московскаго совѣта дѣтскихъ пріютовъ и дослужился до чина статскаго совѣтника. Издатель «Русской Старины» М. И. Семевскій, посѣтившій Г. въ Москвѣ въ 1888 г., называетъ его «однимъ изъ искуснѣйшихъ юристовъ старой дореформенной Москвы». Г. умеръ 14 іюня 1893 г. и погребенъ въ Москвѣ на Пятницкомъ кладбищѣ противъ могилы Грановскаго. Онъ былъ женатъ на дочери московскаго купца Маріи Васильевнѣ Поповой (род. 22 ноября 1818 † 20 авг. 1895) и имѣлъ 2 дѣтей, умершихъ раньше его: Александра (1839—1862) и Екатерину (1843—1868), въ замужествѣ графиню Рошфоръ.

С. А. Бѣлокуровъ, «Дѣло Флетчера», 8—11 («Чтенія Общ. Истор. и Древн. Россійскихъ» 1910 г.); «Знакомые. Альбомъ М. И. Семевскаго», 188; «Русская Старина» 1859 г., т. II, 239, 240; Надгробныя надписи, сообщенныя С. А. Бѣлокуровымъ; Адресъ-Календари; «Родословная книга дворянства Моск. губ.», I, 352.

Н. Чулковъ.

Гиппіусъ, *Карлъ Густавовичъ*, архитекторъ, младшій сынъ портретиста и учителя рисованія Густава Г. (см. выше), родился въ 1832 или 1833 году, получилъ образованіе въ Академіи Художествъ, которую окончилъ въ 1855 г. со званіемъ свободнаго художника, послѣ чего предпринялъ на свой счетъ поѣздку за границу. По возвращеніи въ Россію получилъ въ 1857 г. мѣсто архитектора и художника при Закаспійскомъ торговомъ обществѣ и построилъ торговые амбары въ Астрабадѣ и Баку. Въ 1859 г. перешелъ на службу въ Главное управленіе намѣстника Кавказскаго. Изслѣдованія, произведенныя имъ въ томъ же году въ Шемахѣ послѣ землетрясенія, послужили основаніемъ для перенесенія губернскаго центра изъ Шемахи въ Баку, Г. же былъ назначенъ на должность бакинскаго губернскаго и городового архитектора. Баку обязано ему своимъ внѣшнимъ благоустройствомъ: онъ урегулировалъ улицы и площади, построилъ каменную набережную и расположенные на ней дома губернаторскій, дворянскаго собранія и многіе частные, устроилъ три городскихъ фонтана. Онъ же отстоялъ неприкосновенность ханскаго дворца, когда явилось предположеніе приспособить его подъ тюрьму. Въ 1867 г. Г. назначенъ эриванскимъ губернскимъ архитекторомъ. Въ Эривани имъ были построены тюрьма и мостъ на р. Араксѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ Г. потерялъ ясность зрѣнія одного глаза, а мѣстный климатъ вредно отразился на его здоровьи (у него сдѣлалась сухотка спинного мозга), поэтому въ 1871 г. онъ вышелъ въ отставку и поѣхалъ лѣчиться въ Петербургъ. Здѣсь Г. занимался частными постройками и состоялъ архитекторомъ Московскаго страхового общества и Дворянскаго собранія. Скончался онъ отъ разрыва сердца 22 августа 1880 г. на 48 году. Погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

Гиппіусъ былъ также отличный акварелистъ и писалъ постоянно виды и памятники зодчества, но своимъ произведеніямъ не придавалъ значенія и охотно раздавалъ своимъ знакомымъ. У вдовы его сохранился альбомъ видовъ Эчміадзинскаго монастыря, составленный имъ во время службы въ Эривани.

«Зодчій» 1880 г., стр. 75 (некрологъ); «Имп. С.-Пб. Академія художествъ», II, 315.

Гиппіусъ, *Отто Густавовичъ (Евстафіевичъ)*, профессоръ архитектуры, сынъ портретиста и учителя рисованія Густава Г. (см. выше), родился 5 мая 1826 г. въ Петербургѣ, образованіе получилъ въ Петербургской Ларинской гимназіи и Политехникумѣ въ Карлсруэ (Баденъ), гдѣ окончилъ курсъ въ 1849 г. съ золотой медалью. По возвращеніи въ Россію записался въ число учениковъ Академіи Художествъ и занимался подъ руководствомъ профессора Желязевича. Въ 1853 г. удостоился за проекты архитектурныхъ чертежей похвалы отъ Совѣта Академіи и званія свободнаго художника. Въ 1864 г. получилъ званіе академика за проектъ думы для столичнаго города. Съ 1860 г. Г. поставилъ главной задачей своей архитектурной дѣятельности созданіе стиля для протестантскихъ храмовъ. Находя, что типъ католическихъ церквей, по образцу которыхъ строятся обыкновенно протестантскія церкви, не соотвѣтствуетъ духу протестантизма и особенностямъ протестантскаго богослуженія, въ которомъ первенствующее значеніе имѣетъ проповѣдь, онъ всѣ усилія направилъ

къ созданію такого храма, въ которомъ при массѣ простора и свѣта и при наружной монументальности достигались бы двѣ главныя цѣли: проповѣдникъ былъ бы виденъ отовсюду и звукъ не пропадалъ бы. Свои идеи Г. изложилъ въ рядѣ брошюръ. Первымъ практическимъ осуществленіемъ его мысли была лютеранская церковь св. Карла въ Ревелѣ, въ которой онъ примѣнилъ къ потребностямъ протестантскаго храма начала готики; проектъ ея былъ выставленъ на академической выставкѣ 1863 г. Вслѣдъ затѣмъ Г. принялъ участіе въ конкурсѣ на сооруженіе собора въ Берлинѣ. Онъ составилъ два проекта лютеранскихъ соборовъ, за которые получилъ медаль на Филадельфійской выставкѣ въ 1875 г. и званіе профессора въ 1879 году. По поводу Берлинскаго конкурса имъ была написана брошюра: «Der Dom von Berlin», въ которой онъ развивалъ тѣ же идеи, что и въ предыдущихъ своихъ статьяхъ. По проектамъ Г. построены были еще лютеранскія церкви въ Шемахѣ (1868—1869) и св. Михаила въ Нарвѣ (1881). За проекты церкви св. Карла въ Ревелѣ и св. Михаила въ Нарвѣ онъ получилъ медаль на Рижской выставкѣ 1883 г. Имъ составлены были также проекты нѣсколькихъ часовенъ (между прочимъ въ имѣніи Неффа въ 1876—1877 г.) и памятниковъ частнымъ лицамъ и проектъ православной кладбищенской церкви въ Баку (1871—1872). Изъ другихъ трудовъ Г. можно отмѣтить слѣдующіе: онъ помогалъ проф. Бернгарду въ сочиненіи проекта и въ постройкѣ Евангелической больницы въ Петербургѣ по системѣ парижской Maison de santé (1869—1871), составилъ проекты земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ (1870—1871), лѣтняго барака по системѣ доктора И. А. Эрихсена (получилъ за этотъ проектъ медаль на Брюссельской выставкѣ 1875 г.), загородныхъ домовъ въ губерніяхъ Саратовской (1864—1865), Гродненской (1868—1869, для сенатора Крузенштерна), Петербургской (1876—1877 г., для Е. К. Фоса) и Эстляндской (1876—1881, замокъ Загницъ графа Берга), участвовалъ въ постройкѣ газоваго завода и перестройкѣ зданія окружнаго суда (1865—1866) въ Петербургѣ, отдѣлывалъ парадныя комнаты въ домахъ: военнаго министра (1872—1874), принца Ольденбургскаго (1873—1874) и германскаго посольства (1873—1874). Г. состоялъ также архитекторомъ Государственнаго Контроля, почетнымъ членомъ Московскаго совѣта дѣтскихъ пріютовъ (1874—1875) и преподавателемъ въ Елизаветинскомъ институтѣ, гдѣ онъ замѣстилъ своего отца, Литейной женской гимназіи, Центральномъ училищѣ техническаго рисованія барона Штиглица (1880—1881) и Строительномъ училищѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, гдѣ читалъ объ архитектурныхъ формахъ, стилѣ и библіотечномъ дѣлѣ, преподавалъ черченіе и былъ библіотекаремъ. Онъ былъ дѣятельнымъ членомъ общества архитекторовъ и сотрудникомъ журнала «Зодчій»; въ послѣднемъ напечатаны его статьи: «Евангелическая больница» (1871 г., № 11), «Серкисъ-бей Балліанъ, біографическій очеркъ» (1876 г., № 12; 1877 г., № 1) и «Проектъ армяно-лютеранской церкви въ Шемахѣ, на Кавказѣ» (1877 г., № 4). Въ 1875 г. Г. путешествовалъ по Турціи, Греціи и Италіи и привезъ оттуда много любопытныхъ этюдовъ и чертежей. Въ январѣ 1881 г. онъ заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ, имѣвшимъ роковыя послѣдствія: у него сдѣлалась скоротечная легочная чахотка. Весной 1882 г. Г. былъ посланъ врачами на югъ Европы, но, желая умереть на родинѣ, онъ вернулся въ Петербургъ и поселился на дачѣ въ деревнѣ Каболовкѣ близъ Парголова, гдѣ и умеръ 29 августа 1883 г. Погребенъ на Смоленскомъ евангелическомъ кладбищѣ. Съ 1870 г. Г. былъ женатъ на дочери лейбъ-акушера Эммѣ Яковлевнѣ Шмидтъ.

«Художественныя Новости» 1883 г., стр. 566 (некрологъ); «Новое Время» 1883 г., №№ 2695, 2701 (некрологъ); «Петербургскій Некрополь», т. I; Отчеты Академіи Художествъ; «Имп. С.-Пб. Академія художествъ», II, 315.

Н. Чулковъ.

Гиргасъ, *Владиміръ Ѳедоровичъ*, ординарный профессоръ С.-Петербургскаго университета, родился 1 декабря 1835 г. въ Гроднѣ, скончался 18 марта 1887 г. въ Кіевѣ. Среднее образованіе получилъ въ 4-й С.-Петербургской гимназіи, а высшее на восточномъ фа-

культетѣ С.-Петербургскаго университета (съ 1854 г.), который окончилъ въ 1858 г. первымъ кандидатомъ. Въ 1859 г. отправился на два года въ Парижъ для занятій арабскимъ и турецкимъ языками. Въ 1861 г. былъ командированъ университетомъ на Востокъ для усовершенствованія въ арабскомъ языкѣ и изученія мусульманскаго законовѣдѣнія и прожилъ почти три года въ Сиріи и Египтѣ. Вернувшись въ Петербургъ, Г. въ 1865 г. получилъ степень магистра арабской литературы по защитѣ диссертаціи: «Права христіанъ на Востокѣ по мусульманскимъ законамъ» (С.-Пб. 1865 г.) и въ томъ же году избранъ штатнымъ доцентомъ по каѳедрѣ арабской словесности. Въ 1873 г. по защитѣ диссертаціи: «Очеркъ грамматической системы арабовъ» (С.-Пб. 1873 г.), получилъ степень доктора арабской словесности. Въ 1874 г. утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ, а въ 1878 году — ординарнымъ. Г. издалъ рядъ научныхъ пособій по преподаваемому имъ предмету. Въ 1874 г. вышелъ въ свѣтъ его «Краткій обзоръ исторіи арабской литературы» (С.-Пб.), первый трудъ на русскомъ языкѣ по этому предмету. Затѣмъ совмѣстно съ барономъ В. Р. Розеномъ онъ составилъ «Арабскую христоматію» (С.-Пб. 1875—76). Въ 1881 г. вышелъ капитальный трудъ Гиргаса: «Словарь къ арабской христоматіи и Корану» (Казань). Онъ перевелъ на русскій языкъ сочиненіе голландскаго оріенталиста фанъденъ-Берга: «Основныя начала мусульманскаго права согласно ученію имамовъ Абу-Ханифы и Шафіи» (С.-Пб. 1882). Кромѣ того, Г. принималъ дѣятельное участіе въ составленіи указателя къ большой арабской антологіи «Kâb-al Agâni». Тяжелая болѣзнь заставила его выйти въ отставку въ 1886 г., и прожилъ онъ послѣ этого недолго. Уже послѣ его смерти вышелъ его трудъ; «Abû-Hanîfa ad Dinoweri. Kitâb-al-Akbâr at Tiwâl». Publié par Wladimir Girgass. Leidе. 1888.

«Біограф. Словарь профессоровъ и преподавателей С.-Пб. Университета 1869—94 гг.»; В. В. Григорьевъ, «Импер. С.-Пб. Университетъ въ теченіе первыхъ 50 лѣтъ его существованія»; «Годичный актъ С.-Пб. Импер. Университета за 1886 г.». С.-Пб. 1887 г.; Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. 7; Некрологи въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1887 г., № 76 (перепечатка изъ «Новостей»), и въ «Всемірной Иллюстраціи» 1887 г., № 950.

М. Ціонъ.

Гиренко, *Семенъ Васильевичъ*, гофъ-медикъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, получилъ образованіе въ Московской Медико-Хирургической академіи (съ 1831 г. былъ казеннымъ воспитанникомъ и съ 1834 г. студентомъ), которую окончилъ въ 1836 г. лѣкаремъ 1-го отдѣленія, послѣ чего 4 августа поступилъ на службу въ морское вѣдомство и состоялъ врачомъ въ 27-мъ флотскомъ экипажѣ (1836), гвардейскомъ экипажѣ (1837) и Калинкинскомъ морскомъ госпиталѣ. Получивъ въ 1840 г. званіе штабъ-лѣкаря, служилъ въ учебномъ морскомъ экипажѣ (1842) и снова въ Калинкинскомъ госпиталѣ (1842); 3 декабря 1846 г. вышелъ въ отставку. Поступивъ 25 февраля 1848 г. на службу въ придворное вѣдомство, назначенъ былъ дежурнымъ гофъ-медикомъ и дослужился до чина дѣйств. статск. совѣтника (27 марта 1866 г.). Состоялъ также врачомъ при частной школѣ Патріотическаго общества. Въ 1870 г. получилъ орденъ св. Владиміра 3-й ст., а въ 1873 г. — св. Станислава 1-й ст. Въ 1861 г. учредилъ въ Петербургѣ заведеніе для пользованія животными ваннами (уставъ утвержденъ 29 ноября). Умеръ 3 марта 1890 г. въ Петербургѣ и погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

Напечаталъ въ «Другѣ здравія» статьи: 1) Излѣченіе падучей болѣзни, произшедшей отъ глистъ (1842 г., № 39); 2) О подагрѣ, наблюденіе (№ 49); 3) О перепончатой жабѣ съ желчной лихорадкой (№ 50); 4) Глухота отъ неправильнаго лѣченія гонореи (1843 г., № 12); 5) При злокачественной гонорећ спрынцованіе вредно (№ 25); 6) Наблюденія дѣйствія іода въ сифилисѣ (1845 г., №№ 5 и 7).

Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», I, 65 и доп.; Адресъ-Календари; «Петербургскій Некрополь», т. I; «Списки гражданскимъ чинамъ первыхъ четырехъ классовъ». *М. Ціонъ.*

Гирсъ, *Александръ Карловичъ*, сенаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, родился 29 мая 1815 г. въ Радзивиловѣ, гдѣ его отецъ, Карлъ Карловичъ (1777—1835), былъ почт-

мейстеромъ. По матери своей Аннѣ Петровнѣ, рожденной Литке, онъ приходился роднымъ племянникомъ графу Ѳ. П. Литке. Младшій его братъ Николай Карловичъ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. А. К. получилъ образованіе въ Царскосельскомъ лицеѣ, который окончилъ 31 октября 1835 г. съ серебряной медалью и чиномъ титулярнаго совѣтника. 11 декабря того же года онъ поступилъ на службу въ Государственную канцелярію, а въ январѣ 1838 г. перемѣщенъ въ только что образованное Министерство Государственныхъ Имуществъ. Здѣсь ему было поручено въ мартѣ 1838 г. производство дѣлъ спеціальной комиссіи кадастра. Этими занятіями опредѣлилась его дальнѣйшая дѣятельность: онъ всю свою жизнь посвятилъ изученію и разработкѣ экономическихъ и хозяйственныхъ вопросовъ. Въ маѣ 1842 г. Г. перемѣщенъ въ хозяйственный департаментъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ чиновникомъ особыхъ порученій VI класса; здѣсь на него стали возлагаться разныя порученія, преимущественно по городскому хозяйству и благоустройству. Такъ онъ былъ командированъ въ іюнѣ 1842 г. для обревизованія городовъ Ярославской губерніи и изысканія источниковъ увеличенія городскихъ доходовъ; въ октябрѣ 1843 г. ему поручено было составленіе инвентарныхъ описаній Ярославля, Ростова, Рыбинска и Углича, но въ январѣ 1844 г. онъ былъ вызванъ въ Петербургъ, успѣвъ окончить только описаніе Ярославля; въ апрѣлѣ того же года принималъ участіе вмѣстѣ съ Н. А. Милютинымъ въ составленіи проекта общественнаго устройства С.-Петербурга, въ іюлѣ собиралъ свѣдѣнія въ Рыбинскѣ о хлѣбной торговлѣ, въ августѣ былъ командированъ по бѣлорусскому тракту въ Могилевъ для принятія мѣръ по пресѣченію появившейся между скотомъ, слѣдующимъ въ столицы, чумной заразы; въ 1845 г. въ февралѣ собиралъ свѣдѣнія въ Новгородѣ для обезпеченія продовольствіемъ пострадавшей отъ неурожая Псковской губерніи и изучалъ ярмарочную торговлю въ Ростовѣ Великомъ, въ маѣ принималъ участіе въ составленіи проекта о правахъ состоянія и повинностяхъ городского сословія, наемныхъ слугъ и рабочихъ, и былъ членомъ комиссіи для начертанія проектовъ о присоединеніи магистратовъ и ратушъ къ уѣзднымъ судамъ; въ февралѣ 1846 г. засѣдалъ въ комиссіи экспертовъ для изысканія способа сдѣлать спиртовыя освѣтительныя смѣси негодными къ употребленію, а въ мартѣ въ комиссіи по введенію въ Петербургѣ общественнаго управленія по новому Положенію. 15 марта 1846 г. Г. назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій V класса при Министерствѣ, съ откомандированіемъ въ хозяйственный департаментъ. Въ маѣ 1846 г. онъ участвовалъ въ составленіи проекта Полицейскаго Судебнаго Устава для рабочихъ и наемныхъ слугъ, а съ сентября по ноябрь 1847 г. во временной комиссіи по осмотру помѣщеній чернорабочихъ и изслѣдованію отношеній рабочихъ къ ихъ хозяевамъ и нанимателямъ. Въ послѣдующіе годы онъ ѣздилъ въ гг. Херсонъ (апрѣль 1847 г.), Одессу (апрѣль 1847 г.), Воронежъ (январь 1848 г.), Пензенскую губ. (май 1851 г.) — для обозрѣнія дѣйствій комиссіи по размежеванію и хозяйственному распредѣленію городскихъ земель, и для собиранія свѣдѣній о городскихъ недвижимыхъ имуществахъ, принималъ участіе въ различныхъ комиссіяхъ по благоустройству С.-Петербурга, и въ комиссіяхъ: о пересмотрѣ правилъ о свѣчномъ сборѣ съ евреевъ (сентябрь 1848 г. — ноябрь 1849 г.), для начертанія закона о проводѣ воды (февраль 1854 г.), для начертанія проектовъ преобразованій губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій (октябрь 1859 г.), для разрѣшенія вопросовъ по дѣлу о караимахъ (февраль 1860 г.), о пересмотрѣ гильдейскаго положенія (май 1853 г.). Съ 26 іюля 1854 г. по 15 іюня 1856 г. онъ находился въ Саратовѣ, куда былъ назначенъ предсѣдателемъ судебной комиссіи по дѣлу объ убіеніи тамъ христіанскихъ мальчиковъ, въ чемъ были заподозрѣны нѣкоторые евреи; сверхъ того ему поручено произвести изслѣдованіе о всѣхъ допущенныхъ по этому дѣлу Саратовской городской полиціей упущеніяхъ и противозаконныхъ дѣйствіяхъ. 7 сентября 1854 г. Г. произведенъ въ дѣйствительные статскіе со-

вѣтники; 22 марта 1857 г. назначенъ членомъ Совѣта Министра Внутреннихъ Дѣлъ. По случаю совершеннаго разстройства денежныхъ оборотовъ города Одессы, въ январѣ 1858 г. поручено Г. принять въ свое завѣдываніе всѣ производящіяся въ хозяйственномъ департаментѣ дѣла объ устройствѣ Одесскаго городского хозяйства и приведенія въ порядокъ его бюджета; результатомъ его работы было внесеніе въ декабрѣ 1858 г. въ Государственный Совѣтъ предположеній Министра Внутреннихъ Дѣлъ объ устройствѣ бюджета гор. Одессы. 1 мая 1858 г. Г. назначенъ членомъ, учрежденной при хозяйственномъ департаментѣ особаго комитета для разсмотрѣнія проектовъ уставовъ акціонерныхъ компаній и товариществъ. Съ 20 ноября 1858 г. по 28 января 1859 г. былъ въ командировкѣ въ Эстляндскую губернію, для собранія подробныхъ свѣдѣній о положеніи Кренгольмской мануфактуры и состоящаго при ней поселенія, а также для составленія соглашеній съ Правленіемъ Общества этой мануфактуры о правильномъ устройствѣ новаго поселенія въ полицейскомъ, общественномъ и судебномъ отношеніяхъ. Въ царствованіе Александра II (1859 г.) Г. участвовалъ въ Редакціонныхъ комиссіяхъ при Главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу въ качествѣ члена отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и былъ однимъ изъ видныхъ дѣятелей крестьянской реформы. Онъ былъ членомъ административнаго отдѣленія комиссій и принялъ на себя вмѣстѣ съ двумя другими членами редакторскія обязанности. Его участіе въ реформѣ не ограничилось работой въ Редакціонныхъ комиссіяхъ: 1 мая 1859 г. онъ былъ командированъ за границу для изученія въ Германіи устройства сельскихъ общинъ и составилъ затѣмъ записку «Объ управленіи сельскихъ обществъ въ полицейскомъ отношеніи по новѣйшимъ законодательствамъ Германскаго государства» (С.-Пб. 1860; II т. Приложеній къ трудамъ Комиссіи); произвелъ также повѣрочныя работы по опредѣленію высшихъ и низшихъ размѣровъ надѣловъ для Астраханской губерніи (т. XII Прил. труд. Ком.). Ему пришлось много поработать и надъ финансовыми реформами Александра II, въ особенности надъ отмѣной питейныхъ откуповъ и введеніемъ акцизной системы: съ декабря 1860 г. онъ состоялъ членомъ комиссіи по составленію проекта законоположенія о преобразованіи существующей откупной системы взиманія питейнаго налога и объ установленіи съ 1863 г. новой акцизной системы и за труды въ ней произведенъ 1 января 1862 г. въ тайные совѣтники. 26 января 1862 г. Г. назначенъ членомъ Совѣта Министра Финансовъ (министромъ былъ его товарищъ по лицею М. Х. Рейтернъ), 26 февраля — помощникомъ предсѣдателя комиссіи, Высочайше учрежденной для улучшенія податей и пошлинъ (онъ состоялъ ея членомъ съ октября 1859 г.), въ которой при его непосредственномъ участіи разработаны положенія о налогѣ съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ и о свекло-сахарномъ акцизѣ, уставы о золотопромышленности, гербовомъ сборѣ, преобразованіе постойной повинности и др.; нѣкоторые изъ нихъ приведены были въ исполненіе только частью, иные же вовсе не получили утвержденія, но и они принесли пользу благодаря массѣ собраннаго и разработаннаго матеріала. Сюда относятся его записка: «О соляной регаліи и акцизѣ съ соли въ важнѣйшихъ государствахъ Европы» (С.-Пб. 1860) и составленный имъ «Докладъ отдѣла косвенныхъ сборовъ. № 5. О государственномъ соляномъ доходѣ» (С.-Пб. 1861). Будучи членомъ Совѣта Министра Финансовъ, Г. состоялъ членомъ цѣлаго ряда комитетовъ и комиссій: по пересмотру рекрутскаго устава (февраль 1862 г.), для обсужденія правилъ пріема иностранцевъ въ русское подданство (окт. 1862 г.), для пересмотра таможеннаго тарифа (окт. 1867 г.), для разработки положеній о личной воинской повинности (ноябрь 1870 г.), особаго совѣщанія подъ предсѣдательствомъ Военнаго Министра для обсужденія того же вопроса (апр. 1875 г.), комитета по обсужденію вопросовъ о примѣненіи къ городамъ прибалтійскихъ губерній общаго городового положенія 1870 г., и былъ предсѣдателемъ комиссій: для пересмотра правилъ о служебныхъ пре-

имуществахъ и пенсіоннаго Устава (дек. 1866 г.), для составленія предположеній объ учетѣ лицъ, подлежащихъ воинской повинности (февр. 1874 г.), по составленію проекта положеній объ управленіи Туркестанскимъ краемъ (апр. 1874 г.); по вопросу объ обложеніи земскимъ сборомъ каменноугольныхъ шахтъ (окт. 1875 г.). Въ 1864 г. Г. былъ въ командировкѣ для обозрѣнія казеннаго Илецкаго и частныхъ Пермскихъ соляныхъ промысловъ, съ цѣлью выясненія удобства и возможности примѣненія къ даннымъ промысламъ проекта положенія о государственномъ доходѣ съ соли, составленнаго податной комиссіей, а въ 1874 г. ѣздилъ за границу для изученія вопросовъ о порядкѣ веденія народныхъ переписей въ важнѣйшихъ государствахъ Европы. 1 янв. 1874 г. Г. повелѣно присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ, съ оставленіемъ въ должности помощника предсѣдателя комиссіи для пересмотра системы податей и сборовъ. 1 января 1879 г. Г. назначенъ товарищемъ министра финансовъ (эту должность онъ исправлялъ неоднократно и раньше съ 1865 г.), съ производствомъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и съ оставленіемъ въ званіи сенатора. Послѣ окончанія русско-турецкой войны министру финансовъ представилась забота привести въ порядокъ наши финансы. Для возстановленія равновѣсія въ бюджетѣ необходимо было ввести новые налоги. Дѣло это, требовавшее зрѣлаго обсужденія и въ то же время особенной спѣшности, возложено было С. А. Грейгомъ на Гирса. Уже при обсужденіи въ Государственномъ Совѣтѣ росписи на 1879 г. министръ объявилъ, что сведеніемъ ея безъ дефицита онъ обязанъ во многомъ трудамъ и энергіи своего товарища. Служба Г. была награждена слѣдующими высшими орденами: св. Станислава 1 ст. (іюнь 1858 г.), св. Анны 1 ст. (апрѣль 1864 г.), св. Владиміра 2 ст. (мартъ 1866 г.), Бѣлаго Орла (апр. 1870 г.), св. Александра Невскаго (май 1873 г., за труды по комиссіи о личной воинской повинности), св. Александра Невскаго съ алмазами (декабрь 1876 г.). Усиленные труды подорвали здоровье Г. Весной 1880 г. онъ заболѣлъ; ѣздилъ лѣчиться въ Висбаденъ, но безуспѣшно. По возвращеніи въ Россію, онъ скончался 24 іюля 1880 г. въ имѣніи Михайловскомъ, близъ г. Луги. Похороненъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ въ Петербургѣ.

А. К. Гирсъ свои немногія свободныя отъ службы минуты посвящалъ изученію науки государственнаго хозяйства и примѣненія ея началъ къ Россіи. Многіе изъ его оффиціальныхъ трудовъ носятъ характеръ научныхъ изслѣдованій по экономическимъ вопросамъ. 18 янв. 1849 г. Г. былъ избранъ секретаремъ Импер. Географическаго общества и принесъ обществу большую пользу своими трудами; 27 марта 1851 г. онъ отказался отъ этой должности, по словамъ историка общества, «утомленный не знавшею покоя и отдыха дѣятельностью вице-предсѣдателя» М. Н. Муравьева. Но дѣятельность его въ обществѣ не прекратилась: онъ былъ членомъ комиссіи по изданію перевода «Азіи» Риттера (1852 г.), совѣта общества (1859—1864), ревизіонной комиссіи; кромѣ того онъ принималъ участіе въ комиссіи Общества по собиранію статистическихъ данныхъ въ архивахъ (въ концѣ 40-хъ гг.) и въ составленіи Обществомъ инструкціи для собиранія хозяйственно-статистическихъ свѣдѣній. Изъ его трудовъ напечатаны, кромѣ вышеупомянутыхъ: статья «О поземельной собственности и о постепенномъ ея измѣненіи» («Библіотека для чтенія» 1835 г., т. 12), «Новѣйшія школы и споры въ политической экономіи» (ib., 1838 г., т. 31, за подписью А. Г-съ). Г. сотрудничалъ также въ «Журналѣ Минист. Внутр. Дѣлъ». Какъ человѣкъ, Г. своимъ добрымъ сердцемъ, своимъ кроткимъ, но въ то же время честнымъ и трезвымъ взглядомъ на жизнь, примирительно дѣйствовалъ на всѣхъ знавшихъ его и оставилъ по себѣ добрую память.

Формулярный списокъ; «Голосъ» 1880 г., № 178; «Берегъ» 1880 г., № 94; Брокгаузъ-Ефронъ, «Энциклопед. словарь», XVI; Румель, «Родословный сборникъ», т. I; Я. А. Соловьевъ, «Крестьянское дѣло въ 1856—1859 гг.» («Русская Старина», 1880 г., I, 343—350); Ламбинъ, «Русская Историческая Библіографія» (1860 и 1861 гг.); Семеновъ, «Исторія 50-ти лѣтней дѣятельности Императ. Географическаго Общества»; «Указатель къ статьямъ серьезнаго содержанія въ русскихъ журналахъ», вып. 2. «Библіотека для чтенія», С.-Пб. 1858 г.; «Петербургскій Некрополь», т. I; Отчетъ Географ. Общества за 1880 г. *Н. Александровичъ.*

Гирсъ, *Дмитрій Константиновичъ*, писатель, родился въ 1836 г. въ Таганрогѣ, гдѣ отецъ его, Константинъ Карловичъ, занималъ мѣсто начальника карантина. Родоначальникъ Г., дѣдъ Д. К., по происхожденію былъ шведъ. Д. К. Г. приходился двоюроднымъ братомъ Г., Александру Карловичу (см. выше) и Николаю Карловичу, министру иностранныхъ дѣлъ. Семи лѣтъ его отвезли въ С.-Петербургъ и помѣстили въ 1-й кадетскій корпусъ. Изъ корпуса онъ перешелъ въ Инженерное училище, откуда вышелъ въ саперы. Одно время онъ слушалъ лекціи въ Академіи генеральнаго штаба, но курса не кончилъ, вышелъ въ отставку и посвятилъ себя исключительно литературной дѣятельности, къ которой всегда имѣлъ склонность. Находясь еще на военной службѣ, Г. написалъ нѣсколько разсказовъ изъ военнаго быта и помѣстилъ ихъ въ журналѣ «Русскій Вѣстникъ» 1862 г., прикрывшись псевдонимомъ «Константиновичъ». Послѣ выхода въ отставку Г. около года работалъ въ журналѣ «Недѣля», гдѣ, между прочимъ, былъ помѣщенъ его разсказъ «Зеленая улица». Но громкую литературную извѣстность пріобрѣло его имя, когда въ 1868 г., въ «Отечественныхъ Запискахъ», онъ напечаталъ первую часть своего романа: «Старая и Юная Россія»; этотъ романъ произвелъ огромное впечатлѣніе на читающую публику и возбудилъ въ ней большія надежды, которымъ однако не суждено было оправдаться, и романъ даже не былъ доведенъ авторомъ до конца. Во время сербской войны Г. былъ отправленъ въ Сербію корреспондентомъ отъ «Петербургскихъ Вѣдомостей» и до паденія Дьюниша находился при арміи генерала Черняева. Корреспонденціи Г. считались въ то время однѣми изъ лучшихъ. Во время русско-турецкой войны Г. тоже былъ спеціальнымъ корреспондентомъ «Сѣвернаго Вѣстника», издателемъ котораго былъ тогда Е. Ѳ. Коршъ, а фактическимъ редакторомъ В. Ѳ. Коршъ. По мнѣнію В. П. Буренина, «какъ корреспонденту и журналисту, при многихъ прекрасныхъ качествахъ, Г. не доставало главнаго: живости и подвижности ума, нервности темперамента. Его корреспонденціи были очень интересны, отличались правдивостью, обстоятельностью свѣдѣній и основательнымъ знакомствомъ съ военнымъ дѣломъ, отчего онѣ, выигрывая въ солидности, проигрывали въ своевременности, легкости и живости», качествахъ для корреспонденціи весьма важныхъ и даже первостепенныхъ. Въ 1878—1880 гг. Г. издавалъ большую литературно-политическую ежедневную газету прогрессивнаго направленія «Русская Правда», которая большого успѣха не имѣла. Свои фельетоны здѣсь онъ подписывалъ псевдонимомъ Добро-Глаголь. Газета Г. подвергалась многократнымъ административнымъ взысканіямъ и пріостановкамъ. «Его «Русская Правда», говоритъ В. П. Буренинъ, «отличалась многими достоинствами: хорошимъ и строго выдержаннымъ направленіемъ, литературностью, серьезностью въ обсужденіи текущихъ событій и вопросовъ, солиднымъ матеріаломъ. Но редакторъ, по нѣкоторой медлительности своего темперамента, почти постоянно обнаруживалъ неумѣнье подать хорошій матеріалъ во-время и горячо. Къ тому же онъ былъ слишкомъ прямолинеенъ и неустойчивъ, а при условіяхъ, въ которыхъ находилась тогда наша политическая печать, съ подобными качествами не особенно далеко можно было уйти». Вслѣдствіе всего этого «Русская Правда» не могла долго просуществовать; она многократно подвергалась административнымъ взысканіямъ и наконецъ прекратила свое существованіе «по причинамъ, отъ редакціи не зависѣвшимъ».

Не красно вообще сложилась вся жизнь Г., много тяжелыхъ переживаній, включительно до высылки его изъ Петербурга въ 1868 г. за рѣчь, сказанную на похоронахъ Писарева, много неудачъ и даже лишеній выпало ему на долю. Грустенъ и сумраченъ бывалъ его разсказъ о пережитомъ въ рѣдкія минуты откровенности, несмотря на то, что Д. К., по излюбленной привычкѣ, скрашивалъ свое повѣствованіе добродушнымъ юморомъ. И нужно отдать справедливость этому человѣку: онъ всегда твердо и стойко переносилъ удары судьбы, съ достоинствомъ и безъ жалобы несъ свое горе и шелъ всегда

прямымъ путемъ къ намѣченной цѣли. По словамъ хорошо его знавшаго В. П. Буренина, Г. отличался упрямымъ характеромъ, иногда вредившимъ ему въ практической жизни, и наружной холодностью. Такъ какъ въ своихъ привычкахъ онъ былъ крайне невзыскателенъ и обнаруживалъ ту характерную приспособляемость къ данному положенію, которая такъ поражаетъ въ русскомъ солдатѣ, матеріальныя блага жизни его прельщали очень мало и онъ никогда не поступался своими убѣжденіями и принципами для пріобрѣтенія этихъ благъ и никогда не хлопоталъ о нихъ, хотя по своимъ родственнымъ связямъ, по своему образованію и способностямъ легко могъ бы занять видное и выгодное общественное положеніе. Среди литераторовъ 60-хъ годовъ Г. выдѣлялся своимъ блестящимъ, по тогдашнему времени, образованіемъ; онъ еще серьезно изучалъ политическую экономію и естественныя науки. Его свѣдѣнія по литературѣ тоже были основательны и довольно систематичны, а начитанность его въ той области была огромная. Онъ любилъ литературу, стремился къ литературному труду и относился къ послѣднему, особенно въ художественной области, чрезвычайно строго и добросовѣстно. Онъ работалъ надъ своими беллетристическими вещами чрезвычайно старательно и не спѣшилъ отдавать ихъ въ печать. Литературное творчество ему давалось нелегко: онъ писалъ вообще медленно и туго, обдумывалъ долго. Естественно, что, при медленности работы и при строгой взыскательности къ своему труду, Г. литературой зарабатывалъ немного. Не желая работать на срокъ, по заказу, онъ принужденъ былъ для матеріальной поддержки отвлекаться отъ литературы и брать скучныя работы, къ которымъ не имѣлъ ни малѣйшей склонности: одно время, напримѣръ, онъ служилъ въ нотаріальной конторѣ. Результатомъ службы Г. въ нотаріальной конторѣ явился его очеркъ «Дневникъ нотаріальнаго писца», помѣщенный въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1883 г. Въ то живое, кипучее время, когда Г. выступилъ на литературное поприще, ни одно, даже просто беллетристическое, произведеніе не могло разсчитывать на серьезный успѣхъ, если въ немъ не проводилась какая-либо либеральная идея, и большинство писателей той эпохи, считаясь съ требованіемъ времени, такъ или иначе, вплетали либеральныя идеи въ свои произведенія, но дѣлалось это иногда такъ грубо и неискусно, что идея не сливалась съ произведеніемъ въ одно цѣлое, а являлась какой-то совершенно ненужной и лишней надстройкой на немъ. Въ произведеніяхъ Д. К. Г. чувствуется, что всѣ эти передовыя идеи, все его свободомыслiе внесено сюда не ради моды, не изъ желанія успѣха, а есть нѣчто живое, глубоко продуманное, пережитое и перечувствованное. Искренней, горячей нотой прорывается, напр., чувство автора въ заключеніи разсказа: «Зеленая улица», когда онъ послѣ описанія, какъ прогоняютъ солдатъ сквозь строй, восклицаетъ «отъ себя»: «И все это прошло теперь, минуло навсегда, какъ сонъ!.. Честь и слава тѣмъ, кто ратовалъ у насъ противъ этого, кто помогалъ уничтожить эти послѣдніе слѣды азіатчины. Вѣримъ, что это безобразіе не возвратится уже никогда на русскую землю!.. И всѣ — и солдатъ, и начальникъ — могутъ теперь свободнѣе вздохнуть»... Нужно вообще сказать, что военные разсказы Г. написаны съ глубокимъ знаніемъ изображаемаго быта, что само по себѣ еще не удивительно, такъ какъ авторъ самъ много лѣтъ принадлежалъ къ военному сословію, но кромѣ того въ этихъ разсказахъ проявилась замѣчательно тонкая наблюдательность, умѣніе схватить главныя, типичныя черты героевъ и обрисовать язвы военнаго общества; и все это Г. передаетъ съ удивительной простотой.

Какъ уже было упомянуто, Г. кромѣ мелкихъ разсказовъ, написалъ (или вѣрнѣе началъ писать) большой романъ: «Старая и Юная Россія», въ основу котораго былъ положенъ широкій, даже можно сказать, грандіозный замыселъ: *изобразить эпоху начала* 60-хъ годовъ, когда новыя вѣянія стали проникать въ среду дворянства и новые либеральные взгляды заражали молодежь даже въ самыхъ консервативныхъ дворянскихъ семьяхъ, что вызывало печальный разладъ между «отца-

ми» и «дѣтьми»; авторъ рисуетъ и этихъ «дѣтей», это молодое поколѣніе, съ его новыми политическими и соціальными идеалами, съ его отношеніемъ къ «старому строю жизни», и пытается «намѣтить основные моральные и общественные мотивы *антагонизма, который послѣдовалъ* въ тотъ періодъ между упомянутымъ строемъ и новыми стремленіями. «Знаменательное это было время, замѣчательныя *сердца и удивительные люди!*», восклицаетъ авторъ. Г. въ началѣ своего романа сумѣлъ показать читателю живыхъ и жизненно дѣйствующихъ людей стараго и новаго закала. Вотъ передъ читателемъ проходитъ Варвара Михайловна, считавшаяся въ свое время женщиной довольно вольнодумной, сходившая съ ума по «бывшемъ въ модѣ» Грановскомъ и слѣдившая даже за литературой, «т.-е. читавшая не одни только французскіе романы, но и русскіе»; а теперь она только помѣщица стараго закала. Вотъ великолѣпная фигура старика Таврова, «демократствующаго аристократа», «воображеніе котораго послѣ 19 февраля всюду видитъ коммунистовъ, разграбителей и нарушителей всякой законности: «*une vraie désorganisation sociale*». Самъ онъ себя, впрочемъ, мнитъ истиннымъ либераломъ, ссылается на Токвиля, Карлейля и Гизо, что не мѣшаетъ ему однако таскать за бороду своего бурмистра. Молодой Оглобинъ является представителемъ крайнихъ взглядовъ, которые онъ не столько проповѣдуетъ на словахъ, сколько прямо проводитъ въ своей жизни. Не будучи въ силахъ стать чиновникомъ, «какимъ бы слѣдовало быть» (т.-е. брать взятки и гнуть спину передъ начальствомъ), и, кромѣ того, не считая вообще «умственную дѣятельность производительною въ тогдашнемъ обществѣ», онъ бросилъ службу и работалъ въ имѣніи наравнѣ съ простыми работниками.

Не могъ, разумѣется, Г. не затронуть въ своемъ романѣ и военнаго сословія, столь тѣсно спаяннаго съ дворянствомъ. Въ лицѣ молодого Таврова Г. вывелъ типъ новаго гвардейскаго офицера, не сторонника «затхлаго милитаризма», не веселаго кутилу и прожигателя жизни, а человѣка дѣйствительно увлеченнаго военнымъ дѣломъ, серьезнаго знатока военной исторіи; онъ еще не можетъ отрѣшиться отъ презрительнаго отношенія къ «армейскимъ», а между тѣмъ и въ рядахъ арміи появились уже дѣльные, передовые офицеры, представителемъ которыхъ въ романѣ является молодой Телешевъ, сынъ управляющаго имѣніемъ, но его личность уже менѣе ярко нарисована авторомъ, да и вообще по мѣрѣ развитія романъ становится все слабѣе; «молодой авторъ», какъ говоритъ Буренинъ, «очевидно, не разсчиталъ своихъ силъ и запутался въ той широкой и сложной задачѣ, которую хотѣлъ разрѣшить своимъ произведеніемъ. Съ дальнѣйшимъ теченіемъ повѣствованія о старой и молодой Россіи лица романа стали принимать характеръ идейныхъ манекеновъ, живыя сцены обратились въ діалоги, наполненные теоретическими разсужденіями о разныхъ вопросахъ моральныхъ и соціальныхъ. Авторъ, конечно, сознавалъ это, и его художественный талантъ прежде критики и читателей подсказывалъ ему, что дѣло у него идетъ не ладно, что онъ забрелъ на кривую дорогу и притомъ такъ далеко забрелъ, что на настоящій путь выбраться уже невозможно. Сознавши и сообразивши все это, Г. не захотѣлъ обманывать далѣе себя самого и читателей фальшивыми «теоретическими» героями и сценами: онъ прекратилъ произведеніе, на компановку первыхъ частей котораго и на общій замыслъ положилъ много писательскихъ силъ и жизненныхъ наблюденій».

Публицистическія статьи Д. К. Гирса имѣютъ тоже большія достоинства; онѣ всегда свидѣтельствуютъ объ основательномъ знакомствѣ автора съ трактуемымъ вопросомъ, снабжаются, гдѣ это нужно, многими статистическими данными и всѣ проникнуты не впадающимъ въ крайность либерализмомъ. Въ этомъ отношеніи интересно отмѣтить его статью въ газетѣ «Новое Время» 1872 г., № 104, «Поворотъ въ русско-еврейской публицистикѣ», написанную по поводу выхода въ свѣтъ I и II томовъ «Еврейской Библіотеки», изд. Ландау. Г. говоритъ о желательности участія русскихъ сотруд-

никовъ въ еврейскихъ изданіяхъ; это, по его мнѣнію, съ одной стороны, доказало бы, что наши литераторы либеральничаютъ не на словахъ только, и не похожи на тѣхъ, которые, проповѣдуя всеобщее равенство, опасаются въ общественномъ мѣстѣ сидѣть рядомъ съ евреемъ, а съ другой стороны, способствовало бы тому, что въ средѣ ихъ меньше было бы дилетантовъ по этой части, пускающихся при всякомъ удобномъ случаѣ судить и рядить этотъ несчастный еврейскій вопросъ, съ полнымъ — нужно правду сказать — незнаніемъ. Авторъ признаетъ важность разработки и выясненія еврейскаго вопроса и въ концѣ прибавляетъ: «мы не панегиристы евреевъ и только со стороны предоставленія имъ гражданской равноправности безусловно стоимъ за нихъ; съ другихъ же сторонъ, мы готовы признать нѣкоторые упреки, дѣлаемые этому народу, и справедливыми». Произведенія Г. читаются легко, слогъ ихъ носитъ отпечатокъ тщательной отдѣлки, хотя изрѣдка и попадаются выраженія въ родѣ: «азнобистый морозъ», «это была одна изъ оконечностей города» и т. п. Умеръ Д. К. Гирсъ въ С.-Петербургѣ 2-го декабря 1886 г., 50-ти лѣтъ отъ роду, скоропостижно, по опредѣленію одного врача, отъ разрыва сердца, по опредѣленію другого, отъ тромба, образовавшагося вслѣдствіе болѣзни сердца. Похороненъ на Волковомъ кладбищѣ.

Гирсъ напечаталъ слѣдующія беллетристическія произведенія: 1) «Записки военнаго» («Русскій Вѣстникъ» 1862 г., № 4; 1864 г., №№ 9, 10, 12, 1865 г., №№ 5, 8, подъ псевдонимомъ «Д. Константиновичъ»); отдѣльное изданіе: «Записки военнаго. Беллетристическіе очерки. Разсказы и картины военнаго быта». С.-Пб. 1872 г.; 2) «Юнкеръ Бычаевъ», очеркъ («Литературная Библіотека» 1867 г., № 17, подписано: «Д. К.»); 3) «Рыбакъ и рыбка», повѣсть (тамъ же, №№ 20 и 21, подъ тѣмъ же псевдонимомъ); 4) «Старая и Юная Россія» («Отечеств. Зап.» 1868 г., кн. 3 и 4); 5) «Зеленая улица» («Недѣля» 1868 г., № 15—17); 6) «Филемонъ и Бавкида», историческій очеркъ (тамъ же); 7) «На краю пропасти», отрывокъ изъ романа: «Старая и юная Россія» («Дѣло» 1870 г., кн. 1); 8) «Калифорнійскій рудникъ», сцены прошлаго («Отечеств. Зап.» 1872 г., кн. 2 и 3), отдѣльное изданіе. С.-Пб. 1872 г.; 9) «Въ финансовомъ агентствѣ», разсказъ петербургскаго пролетарія (тамъ же, 1882 г., кн. 2); 10) «Дневникъ нотаріальнаго писца», очерки, замѣтки, воспоминанія (тамъ же, кн. 3 и 5); 11) «Подъ дамокловымъ мечомъ. Разсказъ русскаго непосѣда» (тамъ же, кн. 7); 12) «Авдотья-двумужница», разсказъ изъ народнаго быта («Русская Мысль» 1884 г., № 2). Кромѣ того имъ издана: «Полная карта русскихъ желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ, открытыхъ, строящихся и проектированныхъ». С.-Пб. 1866 г.

Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей», вып. VI, 47; Венгеровъ, «Источники словаря русскихъ писателей», I; Скабичевскій, «Исторія нов. русск. литературы»; «Новое Время» 1886 г., №№ 3867, 3869 (статья В. Буренина), 3870; «Историч. Вѣстникъ» 1887 г., № 1, стр. 237; А. В. Мезьеръ, «Русская Словесность»; «Военная Энциклопедія», изд. Сытина, VIII; Брокгаузъ-Ефронъ, «Энциклопедическій Словарь», XVI.

О. Давыдова.

Гирсъ, *Константинъ Александровичъ*, контръ-адмиралъ, сынъ инспектора пограничной стражи, генералъ-маіора Александра Карловича (1785—1859) отъ брака съ Елизаветой фонъ-Тифенбахъ (1802—1861), двоюродный братъ сенатора Александра Карловича и писателя Дмитрія Константиновича (см. выше). Получивъ образованіе въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, 5 августа 1845 г. произведенъ въ мичманы. Въ 1849—1850 гг. плавалъ по Балтійскому морю на кораблѣ «Ингерманландія», а затѣмъ былъ переведенъ въ Черноморскій флотъ. Въ 1853—1854 гг. находился на фрегатѣ «Коварна». Во время Крымской кампаніи принималъ участіе въ оборонѣ Севастополя: съ 13 сентября 1854 г. до 23 апрѣля 1855 г. былъ на батареѣ на Малаховомъ курганѣ, а затѣмъ состоялъ флагъ-офицеромъ при начальникѣ винтовой флотиліи контръ-адмиралѣ Мофетѣ и на винтовой лодкѣ «Бурунъ» участвовалъ въ перестрѣлкѣ съ англичанами у Толбухина маяка. За Севастопольскую кампанію награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. съ мечами

и бантомъ. 2 іюля 1855 г. прикомандированъ къ гвардейскому экипажу, а 20 февраля 1856 г. переведенъ туда. Въ 1856 г. командовалъ винтовой лодкой «Прибой», въ 1856—1857 гг. на фрегатѣ «Касторъ» совершилъ плаваніе въ Средиземное море, въ 1858 г. состоялъ на паровой яхтѣ «Александрія», а затѣмъ командовалъ: яхтой «Королева Викторія» (1858), яхтой-люгеромъ «Нева» (1859), винтовой лодкой «Зыбь» (1859), яхтами «Никса» и «Забава» (1860—1866) и яхтой «Забава» (1867—1868). 1 января 1862 г. произведенъ въ капитанъ-лейтенанты. 21 января 1869 г. назначенъ начальникомъ Петергофскаго порта (состоялъ имъ до 1874 г.) и завѣдующимъ загородными Императорскими судами. 1 января 1870 г. произведенъ въ капитаны 2-го ранга и 8 февраля 1873 г. — въ капитаны 1-го ранга; въ 1878 г. награжденъ орденомъ св. Владиміра 3 ст. 1 января 1885 г. произведенъ въ контръ-адмиралы и назначенъ командиромъ Свеаборгскаго порта. 1 января 1888 г. получилъ орденъ св. Станислава 1 ст. Умеръ 21 февраля 1888 г. въ Гельсингфорсѣ, погребенъ въ Петербургѣ на Митрофановскомъ кладбищѣ.

«Новое Время» 1888 г., № 4310; «Петербургскій Некрополь», т. I; «Общій морской списокъ», т. IX; Руммель и Голубцовъ, «Русскій Родословный Сборникъ», т. I, 190.

Гирсъ, *Ѳедоръ Карловичъ*, дѣйств. тайный совѣтникъ, братъ Александра Карловича (см. выше), родился 4 января 1824 г., получилъ образованіе въ Училищѣ правовѣдѣнія и 13 іюня 1844 г. поступилъ на службу въ 5-й департаментъ Сената, откуда черезъ 3 года перешелъ въ Министерство Юстиціи и занималъ мѣста предсѣдателя Симбирской палаты гражданскаго суда, Псковскаго губернскаго прокурора, и. д. юрисконсульта министерства (1857) и предсѣдателя Минской уголовной палаты. Съ 1857 г. былъ правителемъ канцеляріи Новороссійскаго генералъ-губернатора; 29 сентября 1859 г. произведенъ въ дѣйств. стат. совѣтники; въ 1860 г. ему пожалованы 2000 десятинъ въ Самарской губерніи, а въ 1863 г. онъ назначенъ членомъ Совѣта министра внутреннихъ дѣлъ. Былъ командированъ въ Тульскую и Калужскую губерніи для собиранія свѣдѣній по дѣламъ городского хозяйства и о вліяніи крестьянской реформы на сельское хозяйство, а затѣмъ наблюдалъ въ Нижегородской, Казанской, Симбирской, Самарской и Саратовской губерніяхъ за передачею запасныхъ магазиновъ, находящихся въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, въ распоряженіе крестьянскаго общества. Въ 1865 г. назначенъ предсѣдателемъ комиссіи для изученія быта киргизовъ и началъ, на которыхъ должно быть устроено управленіе степями; выработанныя комиссіей начала послужили основаніемъ для Положенія объ управленіи Туркестанскаго края и степныхъ областей. 15 іюля 1867 г. произведенъ въ тайные совѣтники, а 30 августа 1880 г. въ дѣйств. тайные совѣтники. Въ 1882 г. ревизовалъ Туркестанъ; результатомъ ревизіи было преобразованіе управленія Туркестанскимъ краемъ. Въ 1888 г. былъ командированъ на Кавказъ для урегулированія отношеній между свѣтскими властями и армянскимъ духовенствомъ по надзору за народнымъ образованіемъ. На Кавказѣ Г. заболѣлъ болотной лихорадкой, и съ тѣхъ поръ здоровье его пошатнулось. По возвращеніи въ Петербургъ онъ былъ назначенъ президентомъ Евангелическо-лютеранской консисторіи. 15 января 1891 г. Г., будучи совершенно больнымъ, открылъ собраніе генеральной консисторіи, а 23 января скончался. Погребенъ въ Петербургѣ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Г. имѣлъ высшіе ордена св. Станислава 1-й ст. (1866), св. Анны 1-й ст. (1868), св. Владиміра 2-й ст. (1871), Бѣлаго Орла (1875) и св. Александра Невскаго (1882, алмазные знаки 1884).

«Новое Время» 1891 г., № 5335 (некрологъ); Руммель и Голубцовъ, «Родословн. Сборникъ», I, 189; «Списки гражданскимъ чинамъ первыхъ четырехъ классовъ»; «Петербургскій Некрополь», т. I.

Н. Чулковъ.

Гиршговтъ, *Поликарпъ Андреевичъ*, докторъ медицины, ординарный профессоръ Варшавскаго университета, хирургъ, родился 15 февраля 1827 г. въ Гринкишкахъ Россіенскаго уѣзда Ковенской губ., среднее образованіе получилъ въ Кейданахъ и Вильнѣ,

а высшее въ Петербургской Медико-Хирургической академіи, которую окончилъ въ 1852 г. Въ мартѣ 1853 г. получилъ степень доктора медицины за диссертацію: «De cognoscendis centrorum nervosorum morbis» (Спб. 1853) и поступилъ врачомъ на военную службу. Принималъ участіе въ Крымской кампаніи, сначала въ Придунайскихъ княжествахъ, а потомъ въ Севастополѣ. Въ 1856 г. вышелъ въ отставку и сдѣлался ассистентомъ проф. Неммерта при хирургической клиникѣ въ Петербургѣ. Въ 1857 г., отказавшись отъ предложенной ему каѳедры въ Харьковскомъ университетѣ и совершивъ съ научной цѣлью поѣздку за границу, Г. пріѣхалъ въ Варшаву и по конкурсу получилъ мѣсто экстраординарнаго профессора теоретической хирургіи въ Варшавской Медико-Хирургической академіи. Въ 1860 г. назначенъ ординарнымъ профессоромъ по той же каѳедрѣ. Въ 1862 г. по открытіи Варшавской Главной школы перемѣщенъ туда на ту же должность и сохранилъ ее по преобразованіи школы въ университетъ. Въ 1871 г. получилъ въ управленіе хирургическую клинику. 5 ноября 1877 г. на него произведено было разбойное нападеніе сумасшедшимъ, мстившимъ за мнимое личное оскорбленіе, онъ былъ тяжело раненъ ножомъ и 12-го умеръ отъ зараженія крови. Товарищи и ученики воздвигли въ память его въ костелѣ св. Креста каменный памятникъ, когда же послѣдній былъ испорченъ, то Медицинское общество въ 1899 г. устроило на стѣнѣ костела памятную доску изъ чернаго мрамора.

Какъ профессоръ, Г. обладалъ большимъ даромъ слова. Среди студентовъ онъ пользовался большой популярностью за доброе отношеніе къ нимъ. Для польской медицинской науки Г. сдѣлалъ очень много. Онъ издавалъ и редактировалъ «Gazeta lekarska», основанную имъ въ 1866 г., выпустилъ 20 томовъ изданія «Biblioteka umiejętnosci lekarskich» (съ 1867 г.), заключающаго много выдающихся медицинскихъ статей и оставшагося незаконченнымъ вслѣдствіе его смерти (на это изданіе имъ было истрачено болѣе 50000 руб.). Имъ составленъ капитальный трудъ по исторіи медицины: «Przegląd postępu nauk lekarskich» (Warszawa 1872—1877), въ 6 томахъ. По своей спеціальности Г. составилъ: «Chirurgia ogólna i szczegółowa» (Warszawa 1869, неконченный трудъ), «Odczyty i postrzeżenia chirurgiczne», тетр. 1 (Warszawa 1869) и кромѣ того написалъ очень много статей; списокъ его трудовъ напечатанъ въ «Словарѣ польскихъ врачей» Косминскаго (Kośminski, «Slownik lekarzów polskich», стран. 141, 142, 599). Кромѣ того ему принадлежатъ слѣдующіе труды: 1) Mapa dyecezyj rzymsko-katolickich w cesarstwie Rossyjskiem» (С.-Пб. 1857, in-f.); 2) O życiu i pismach Andrzeja Janikowskiego (Warszawa, 1867); 3) Rys historycznostatystyczny ces.-król. warsz. medyko-chirurg. akademii od jej zawiorku w d. 4 czerwca 1857 aż do wcielenia do szkoły Głównej d. 1 paźdz. 1862 (Warszawa, 1865); 4) рядъ біографій извѣстныхъ врачей въ журналѣ «Tygodnik illustrowany» 1863—1868 гг. Г. былъ дѣятельнымъ членомъ Варшавскаго Медицинскаго общества.

«Wielka encyklopedya powszechna illustrowana», XXV—XXVI, 74—75; «Orgebbranda encyklopedja powszechna», VI; Брокгаузъ-Ефронъ, «Энциклопедич. Словарь», XVI; «Gazeta lekarska» 1877 г., т. XXIII, 313, 329, 375, 380 (описаніе нападенія на Г. и суда надъ преступникомъ); Адресъ-Календари; «Голосъ», 1877 г. № 267 (некрологъ); K. Estreicher, «Bibliografia polska XIX stólecia», t. II; «Варшавскія Университскія Извѣстія», 1871 г. № 3.

Н. Чулковъ.

Гиршфельдъ, *Людвигъ-Маврикій*, профессоръ Варшавскаго университета по каѳедрѣ анатоміи, родился 3 апрѣля 1816 (1814) г. въ Надаржинѣ близъ Равы, умеръ 10 мая 1876 г. въ Варшавѣ. Происходилъ изъ бѣдной и необразованной еврейской семьи. Въ 1824 г. отецъ его переѣхалъ въ Варшаву, гдѣ получилъ мѣсто рѣзника, и сталъ посылать сына въ хедеръ, желая сдѣлать изъ него ученаго талмудиста. Познакомившись съ семействомъ образованныхъ евреевъ Гросхейтовъ, маленькій Г. подружился съ ихъ сыномъ и у нихъ въ домѣ пріобрѣлъ желаніе познакомиться съ свѣтской наукой. Желаніе это встрѣтило противодѣйствіе со стороны родныхъ. Въ 1833 г. Г., едва умѣя читать и писать, явился въ Бреславль съ намѣреніемъ изучать

медицину. Потерпѣвъ неудачу, онъ вернулся въ Варшаву, но вскорѣ вторично покинулъ родительскій домъ и ушелъ за границу безъ денегъ, но со скрипкой, на которой умѣлъ немного играть. Въ Бреславлѣ Г. получилъ отъ знакомыхъ деньги и отправился дальше. Добывая себѣ пропитаніе игрой на скрипкѣ, онъ прошелъ всю Германію и Францію и въ 1834 г. явился въ Парижъ. Благодаря счастливой случайности анатомъ Буржери принялъ его къ себѣ на службу. Сначала Г. исполнялъ обязанности слуги, а потомъ сталъ получать порученія, касавшіяся спеціальности Буржери — анатоміи, къ которой онъ сталъ обнаруживать большую склонность, и сдѣлался его прозекторомъ. Съ 1838 по 1856 г. онъ былъ сотрудникомъ Буржери въ его 8-томномъ трудѣ «Anatomie du corps de l'homme». Одновременно онъ занялся и самообразованіемъ. Покровителямъ Г. удалось добиться того, что министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ принять его въ Медицинскую школу, несмотря на полное отсутствіе научной подготовки. Г. съ жаромъ принялся за ученіе. 31 августа 1848 г. онъ получилъ степень доктора медицины по защитѣ диссертаціи: «Des injections capillaires» (Paris, 1848). Въ слѣдующемъ году онъ сталъ частнымъ образомъ преподавать описательную анатомію (въ качествѣ professeur particulier d'anatomie et de médecine opératoire) и изучать анатомію нервовъ. Въ 1853 г. Г. издалъ свой трудъ, являющійся результатомъ этого изученія: «Névrologie ou description et iconographie du système nerveux et des organes des sens de l'homme, avec leur mode de préparation» (Paris, 1853, 4°), съ атласомъ. Трудъ этотъ, установившій за нимъ славу анатома, увѣнчанъ былъ Французскимъ Институтомъ премiей въ 1500 франковъ, не возмѣстившей его расходовъ, такъ какъ изданіе одного только атласа стоило около 20000 франковъ. Рисунки въ атласѣ сдѣланы художникомъ Leveillé и часто воспроизводились въ трудахъ по анатоміи. Трудъ Г. былъ переизданъ въ Парижѣ въ 60-хъ годахъ и переведенъ на англійскій и испанскій языки. Не имѣя надежды занять когда-либо каѳедру, Г. занялся практикой и въ 1857 г. сдѣлался ассистентомъ проф. Ростана. Въ 1859 г. онъ получилъ приглашеніе въ Варшавскую медико-хирургическую академію, принялъ его и 15 сентября прочелъ первую лекцію (она напечатана въ «Tygodnik lekarski», № 40, и отдѣльно: «Wstęp do wykładu anatomii opisującej». Warszawa, 1859). Когда медико-хирургическая академія вошла въ составъ Главной школы (1862), Г. продолжалъ чтеніе лекцій и тамъ, а затѣмъ и въ университетъ, въ который была преобразована Главная школа въ 1869 г. Въ 1875 году онъ вышелъ въ отставку по разстроенному здоровью.

Недостатокъ общаго и спеціально-медицинскаго образованія не позволялъ Гиршфельду приносить пользу, соотвѣтствующую его способностямъ. Онъ былъ скорѣе прекрасный прозекторъ, чѣмъ ученый. Хорошій преподаватель, Г. былъ любимъ своими учениками, хотя чтеніе имъ лекцій часто вызывало ихъ смѣхъ неправильностями языка: онъ говорилъ на нѣсколькихъ языкахъ, но на всѣхъ плохо; лучше всего говорилъ по-французски, хотя и съ акцентомъ. Писалъ Г. обыкновенно по-французски; то, что было имъ написано по-польски, приходилось поправлять. Главный трудъ его: «Anatomia opisowa ciała ludzkiego», t. I (Osteologia, Arthrologia), Warszawa, 1867, t. II, ч. 1 (Myologia, Aponeurologia). W., 1869, ч. 2 (Splanchnologia) W., 1870, t. III (Angiologia) W., 1863, t. IV (Neurologia, Aestesiologia) W., 1861 (первая тетрадь 4-го тома написана имъ въ сотрудничествѣ съ проф. Ипполитомъ Корженёвскимъ); онъ переведенъ и на русскій языкъ. Г. напечаталъ также нѣсколько брошюръ и статей во французскихъ и польскихъ періодическихъ изданіяхъ: 1) Sur les conditions anatomiques et physiologiques des courbures de la colonne vertébrale; 2) Sur les capsules survénales; 3) Sur le diagnostique difficile de certaines tumeurs cérébrales; 4) Брошюра о зубахъ; 5) О паховомъ и бедренномъ каналахъ; 6) О промежности (perineum); 7) О маточныхъ нервахъ. Списокъ его трудовъ въ «Słownik lek. polsk.» Косьминскаго и въ «Materiały i opracowania dotyczące hist. wyższych zakł. nauki w Polsce» Бортковича, т. 8 (Kraków 1901, «Szkoła

Gl. Warszawska», str. 188, 378). На русскомъ языкѣ имъ напечатаны слѣдующіе труды: «Историческій очеркъ анатоміи и взглядъ на ея отношеніе къ нѣкоторымъ другимъ наукамъ» (Варшав. Унив. Извѣстія 1870 г., отдѣльно, 2 изд., исправленное и значительно умноженное, 1872 г.), «Краткое обозрѣніе описательной анатоміи человѣческаго тѣла. (Введеніе въ курсъ)» (тамъ же, 1871 г., № 6), «О паховомъ и бедренномъ каналахъ и о пупочномъ кольцѣ въ анатомическомъ и хирургическомъ отношеніи» (тамъ же, 1872 г.).

«Wielka Encyklopedya powszechna illustrowana», т. XXIX—XXX; K. Esterreicher, «Bibliografia polska XIX stólecia», t. II, Kraków 1874; «Варшавскія Университетскія Извѣстія» 1871 г. № 3 (списокъ трудовъ Г. съ 1838 до 1870 г.), 1875 г. № 2, стр. 19 (списокъ трудовъ Г. съ 1870 по 1873 г.). *Н. Чулковъ.*

Гитнеръ *(Витнеръ)*, *Яковъ*, переводчикъ Посольскаго приказа. Состоялъ капитаномъ въ полку генерала Ник. Бовмана и 2 іюля 1665 г. назначенъ переводчикомъ шведскаго и нѣмецкаго яз. съ жалованьемъ по 163 руб. 75 коп. въ годъ, считая съ поденными деньгами. Окладъ постепенно увеличивался до 202 руб. 75 коп. вслѣдствіе особыхъ заслугъ и за знаніе датскаго языка. Съ 1668 г. дѣятельность Г. протекаетъ въ Новгородѣ, гдѣ онъ переводитъ шведскія грамоты, а потомъ завѣдуетъ почтовыми сношеніями съ Швеціей. Изъ Новгорода Г. неоднократно выѣзжаетъ по спеціальнымъ порученіямъ: въ 1674 г. сопровождаетъ въ Москву шведскаго посланника Густава Оксенширна; въ 1676 г. участвуетъ вмѣстѣ съ И. В. Бутурлинымъ на пограничномъ съѣздѣ съ шведскими уполномоченными; въ 1684 г. состоитъ при шведскомъ послѣ К. Гильденштернѣ. Скончался въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ XVII вѣка и замѣненъ въ Новгородѣ переводчикомъ Ильею Гитнеромъ.

Дѣла Посольскаго приказа въ Московскомъ Главн. Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. *С. Богоявленскій.*

Глаголевскій, *Александръ Николаевичъ*, священникъ, законоучитель, получилъ образованіе въ Виѳанской семинаріи и Московской духовной семинаріи (1866). Посвященный въ священники, былъ законоучителемъ Маріинскаго училища въ Москвѣ. Издалъ книгу: «Законъ Божій, ученіе вѣры, изложенное въ связи съ нравственными уроками, библейскою исторіею и богослуженіемъ» (Москва, 1876 г.). Умеръ въ Москвѣ 15 марта 1882 г. и погребенъ въ Донскомъ монастырѣ.

Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. II; «Современныя Извѣстія» 1882 г., № 75; Венгеровъ, «Источники словаря русск. писателей», т. I.

Глаголевъ, *Андрей Гавриловичъ*, писатель, докторъ словесности. Годъ рожденія неизвѣстенъ; родомъ онъ былъ изъ Ефремовскаго уѣзда Тульской губ. Въ 1814 г. поступилъ на словесное отдѣленіе Московскаго университета, который окончилъ въ 1816 г. со степенью кандидата. Затѣмъ Г. послѣдовательно пріобрѣлъ ученыя степени: магистра въ 1821 г. (за «Разсужденіе о греческой трагедіи». М. 1820) и доктора словесности въ 1823 г. (за «De methodo inveniendi, disponendi et enuntiandi». М. 1822) и отправился за границу; по возвращеніи оттуда въ Россію поступилъ чиновникомъ въ департаментъ иностранныхъ исповѣданій. По собственному его признанію, сдѣланному Погодину, ему пришлось пройти «черезъ мытарства», прежде чѣмъ получить это мѣсто, а потомъ перенести много униженій отъ директоровъ департамента Карташевскаго и Вигеля. Въ 1830—1833 гг. Г. въ чинѣ надворнаго совѣтника занималъ должность начальника отдѣленія по дѣламъ римско-католическаго и армянскаго исповѣданій. Онъ умеръ въ 1844 г.

26 февраля 1818 г. Г. избранъ былъ въ члены-сотрудники Общества Любителей Россійской Словесности при Московскомъ университетѣ, а 8 марта 1821 г. въ дѣйствительные члены того же общества. Въ началѣ 1831 г. Московскій университетъ обнародовалъ программу конкурса для занятія каѳедры краснорѣчія, стихотворства и языка русскаго, освободившейся за смертью Мерзлякова. Г. выступилъ въ числѣ соискателей этой каѳедры, но безуспѣшно, потому что былъ назначенъ С. П. Шевыревъ. Результатомъ этого выступленія Г. явился его трудъ «Умозрительныя и опытныя основанія словесности» (С.-Пб. 1834 г.), въ 4 ча-

стяхъ, первый въ Россіи опытъ систематическаго учебника по словесности. Г. представилъ свой трудъ на соисканіе Демидовской преміи и былъ удостоенъ половинной преміи. Другой большой трудъ Г., озаглавленный: «Записки Русскаго Путешественника съ 1823 по 1827 г.», (С.-Пб., 1837 и 1845 гг.), въ 4 частяхъ, признанъ былъ Россійской Академіей столь важнымъ, что она также взяла на себя его изданіе. Авторъ начинаетъ свои записки съ самой Москвы и, проѣзжая черезъ Броды къ австрійской границѣ, описываетъ каждую мѣстность въ историческомъ и бытовомъ значеніи. Въ его книгѣ можно встрѣтить подробное описаніе всѣхъ пунктовъ Германіи, Швейцаріи, Италіи, Франціи и Англіи, черезъ которые ему приходилось проѣзжать. Онъ часто обращаетъ вниманіе читателя на нравы и обычаи жителей и на достопамятныя событія, случившіяся въ этихъ мѣстностяхъ. Горячій приверженецъ всего русскаго, онъ, гдѣ только можно, сопоставляетъ Европу съ Россіей, находитъ первую гнилой и одряхлѣвшей по сравненію съ юной и могучей Россіей. Такъ, проѣзжая черезъ Швейцарію, онъ изображаетъ несчастное положеніе жителей этой страны и свободу ихъ называетъ мнимой. Говоря о Германіи, онъ указываетъ на множество неудобствъ и недостатковъ ихъ общественной жизни, по сравненію съ жизнью въ Россіи. Но всего болѣе онъ останавливается на Франціи, порицая французовъ за ихъ «безбожіе и развратъ». Несмотря однако на общіе недостатки содержанія «Записокъ», происходящіе отъ воззрѣній автора, за ними слѣдуетъ признать большую образность изложенія, а мѣстами даже художественность; можно считать, что по изложенію для своего времени эти «Записки» занимаютъ у насъ второе мѣсто послѣ «Писемъ русскаго путешественника» Карамзина; они снабжены четырьмя гравюрами, которыя изображаютъ Кіево-Печерскую Лавру, Женевское озеро, Monte-Sacro близъ Вареза и видъ Лондона. Въ свое время, однако, «Записки» плохо читались; это объясняется тѣмъ, что онѣ были изданы спустя десять лѣтъ послѣ путешествія Г. и представляли для читателей мало интереса. Имъ составлено еще «Краткое обозрѣніе древнихъ русскихъ зданій и другихъ отечественныхъ памятниковъ», ч. I, «Памятники собственно русскіе. А) Крѣпости» (Спб. 1839 г. 4°), съ чертежами (извлеченіе въ «Журн. Мин. Вн. Дѣлъ» 1838 г. №№ 10, 12, 1839 г., №№ 5, 8); Б) Церкви и монастыри (Спб. 1841 г. 4°). Трудъ этотъ вышелъ въ составѣ «Матеріаловъ для статистики Россійской Имперіи, издаваемыхъ при статистическомъ отдѣленіи Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ». Кромѣ перечисленныхъ, Г. принадлежатъ еще слѣдующіе труды, напечатанные въ періодическихъ изданіяхъ: въ «Трудахъ Об-ва Любителей Россійской Словесности»: «Отвѣтъ на задачу, писать ли трагедіи прозой или стихами» (ч. VI, кн. 9), «О характерахъ русскихъ народныхъ пѣсенъ», разсужденіе (ч. XI, кн. 17), «Гимнъ Богу», стихотвореніе (ч. XIV, кн. 22), «Сновидѣніе, или Судъ на Геликонѣ», разсказъ (ч. XVI), «Изъ Аристотелевой піитики о критикѣ и о способѣ отвѣчать на нее», пер. съ греческаго съ примѣчаніями (ч. XVI), «О характерѣ русскихъ застольныхъ и хороводныхъ пѣсенъ», разсужденіе (ч. XIX, кн. 29), «Благодарственная рѣчь на избраніе въ Дѣйств. Члены Об-ва» (ч. XX); въ другомъ изданіи Общества Любителей Россійской Словесности «Сочиненія въ прозѣ и стихахъ»: «Разсужденіе о постепенномъ развитіи первообразныхъ языковъ» (1823 г., ч. III, кн. 7), «Разсужденіе о русскихъ привѣтствіяхъ» (1824 г., ч. V, кн. 13), «Письмо» на имя А. А. Антонскаго-Прокоповича изъ Женевы о путевыхъ впечатлѣніяхъ» (кн. 15); въ «Вѣстникѣ Европы»: «Миѳологія» (1815 г., №№ 5 и 6), «Записка о городищахъ, курганахъ и другихъ старинныхъ насыпяхъ въ Тульской губерніи» (1820 г., № 23) и «Старинные хороводные праздники» (1821 г., № 3); въ «Журналѣ Мин. Внутр. Дѣлъ»: 1835 г. — «Изъ памятныхъ записокъ. Тула. Красивая Мечь» (№№ 1 и 2), «Керченскія древности» (№ 8); 1836 г. — «Тульскія древности» (№ 4), 1840 г. — «Обозрѣніе древнихъ русскихъ зданій и другихъ отечественныхъ памятниковъ» (№№ 1—3), 1841 г. — «О древнихъ зданіяхъ и святыняхъ Крестнаго монастыря на о. Кіи» (№ 7), «О древнихъ велико-

княжескихъ и царскихъ дворцахъ» (№ 9), «О дворцахъ, современныхъ Петру В.» (№ 10), 1842 г. — «О литовцахъ» (№ 1), «Сравнительная таблица прежнихъ и нынѣшнихъ доходовъ С.-Пб-га, его населенности и движенія народонаселенія» (№№ 4—12). Г. состоялъ членомъ-учредителемъ Московскаго общества сельскихъ хозяевъ.

Отчетъ Московскаго Университета за 1821 г., стр. 8; «Москвитянинъ» 1843 г., кн. 2, стр. 602, 603; Барсуковъ, «Жизнь и труды Погодина», кн. III, стр. 353—355; Ефремовъ, «Матеріалы», стр. 216; Венгеровъ, «Источн. словаря русскихъ писателей», т. I; «Словарь Членовъ Общества Люб. Россійской Словесности при Моск. Университетѣ», стр. 79—80; Геннади, «Справочный Словарь о русскихъ писателяхъ», т. I; М. Полуденскій, «Указатель къ Вѣстнику Европы» 1802—1830 гг.; Межовъ, «Историческая Библіографія за 1800—1854 гг.»; Масловъ, «Историческій Обзоръ Общ. Сельск. Хоз.», стр. 260.

А. Ельницкій.

Глаголевъ, *Матѳей Ѳедоровичъ*, докторъ медицины, дѣйств. статскій совѣтникъ; сынъ священника, онъ родился въ 1828 г., получилъ образованіе въ Тульской духовной семинаріи и на медицинскомъ факультетѣ Московскаго университета (казеннымъ воспитанникомъ), который окончилъ 11 марта 1853 г. лѣкаремъ съ отличіемъ, а затѣмъ получилъ по экзамену званіе уѣзднаго врача (14 іюля); 24 апрѣля того же года назначенъ баталіоннымъ лѣкаремъ въ Рязанскій пѣхотный полкъ, но вскорѣ (въ августѣ) по случаю войны командированъ сначала въ Кіевскій военный госпиталь, а затѣмъ въ сентябрѣ въ Румынію во временный военный госпиталь № 12. Въ ноябрѣ Г. былъ переведенъ баталіоннымъ лѣкаремъ въ Охотскій егерскій полкъ, но не отправился къ мѣсту своего назначенія. Въ ноябрѣ 1854 г. командированъ въ Симферопольскій военный госпиталь. Въ 1855 г. сначала лѣчилъ раненыхъ, находившихся въ нѣмецкихъ колоніяхъ на сѣверѣ Таврической губ., а потомъ былъ въ Симферополѣ и Севастополѣ; за отлично-усердное исполненіе своихъ обязанностей въ дѣлѣ при Черной рѣчкѣ награжденъ орденомъ св. Станислава 3 ст. (17 декабря 1855 г.), а вообще за дѣятельность во время войны — св. Анны 3 ст. (30 іюня 1858 г.). 18 апрѣля 1856 г. прикомандированъ къ управленію генералъ-штабъ-доктора войскъ, находившихся въ Крыму, а по упраздненіи этого управленія въ мартѣ 1857 г. отправился къ мѣсту своего служенія въ Охотскій пѣхотный полкъ. 2 марта 1857 г. по защитѣ въ Харьковскомъ университетѣ диссертаціи: «De gangrena nosocomiali» (Charcoviae 1857) получилъ степень доктора медицины. 18 апрѣля 1861 г. назначенъ старшимъ лѣкаремъ того же полка, 3 декабря 1864 г. — дивизіоннымъ докторомъ 11-й пѣхотной дивизіи, стоявшей въ Житомирѣ. Съ 31 октября 1866 г. по 3 мая 1875 г. состоялъ кромѣ того врачомъ Волынской духовной семинаріи. 3 августа 1869 г. произведенъ въ статскіе совѣтники. При мобилизаціи войскъ Кіевскаго военнаго округа вступилъ 2 ноября 1876 г. въ исправленіе должности главнаго врача подвижного дивизіоннаго лазарета, 20 марта 1877 г. назначенъ докторомъ 6-го армейскаго корпуса и 30 августа 1879 г. произведенъ въ дѣйств. стат. совѣтники. Кромѣ указанныхъ выше, имѣлъ ордена св. Анны 2 ст. (1868 г., съ Импер. корон. 1872) и св. Станислава 2 ст. (1861, съ Импер. корон. 1865, съ мечами 1866). Съ 8 ноября 1872 г. былъ женатъ на дочери генералъ-лейтенанта Ольгѣ Ивановнѣ Нелидовой. Умеръ 30 августа 1887 г. Кромѣ диссертаціи, написалъ «Отчетъ о санитарномъ состояніи г. Симферополя» (Симф. 1885) и статью: «Лѣченіе сифилитиковъ на Сакскихъ минеральныхъ грязяхъ» (1887).

Формулярный списокъ (Архивъ Московскаго Дворян. Депутат. Собранія); «Родословная книга дворянства Московской губ»., т. I; Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», вып. 1, стр. 65, вып. 2, стр. 75 и дополненіе; «Волынскія Епархіальныя Вѣдомости» 1887 г., № 26.

О. Жукова.

Гладинъ, *Григорій Васильевичъ*, вытегорскій 1-й гильдіи купецъ, подрядчикъ, строитель Ново-Ладожскаго канала, родился 24 сентября 1799 г. близъ г. Вологды въ селѣ Новленскомъ крѣпостнымъ помѣщика Горяинова. Еще въ молодыхъ лѣтахъ, онъ началъ мелочную торговлю пряниками и калачами, имѣя только 5 руб. асс., но эта торговля ему скоро наскучила и онъ поступилъ десятникомъ при производившихся тогда работахъ на каналѣ герцога Виртембергскаго. Затѣмъ Г. принялъ участіе въ осушкѣ земель нѣмецкихъ колонистовъ въ С.-Петербургѣ за Московской

заставой и въ разведеніи парка въ Царскомъ Селѣ. Англичане, завѣдывавшіе этой работой, замѣтили способности и честность Г. и посовѣтовали ему сдѣлаться самому подрядчикомъ, но у него не было достаточно средствъ, чтобы принять на себя какой-нибудь подрядъ. Наконецъ, съ большимъ трудомъ ему удалось выхлопотать подрядъ на устройство дока въ военной Кронштадтской гавани, который былъ начатъ въ 1836 г. и съ успѣхомъ оконченъ въ 1840 г. Въ томъ же году онъ взялъ новый подрядъ — расширеніе и очистку Тверского (Вышерскаго) канала между рѣками Цной и Тверцой и окончилъ его въ 1842 г. Въ 1843 г. Г. взялся прорыть Бѣлозерскій каналъ на протяженіи 43 вер. и въ сентябрѣ этого же года — прорыть продолженіе Онежскаго канала на протяженіи 43 верстъ. Первый изъ нихъ открытъ 6 августа 1846 г. (за эту работу Г. награжденъ золотой медалью на анненской лентѣ), а второй — въ 1851 г. Прорытіемъ этихъ каналовъ Г. сталъ извѣстенъ, какъ опытный и честный подрядчикъ, и поэтому, когда въ 1852 г. была предпринята постройка С.-Петербургско-Варшавской дороги, то главноуправляющій путями сообщенія гр. Клейнмихель предложилъ Г. взять этотъ подрядъ, но онъ принужденъ былъ отказаться, такъ какъ не могъ обезпечить залогомъ подрядъ, оцѣненный въ 20 милл. р. Тогда гр. Клейнмихель исходатайствовалъ Высочайшее соизволеніе на отдачу ему работъ по устройству Варшавской жел. дор. отъ С.-Петербурга до Динабурга на протяженіи 500 верстъ съ субсидіей на предварительный наемъ рабочихъ. Почти въ то же время (въ апрѣлѣ 1851 г.) Г. взялся за постройку шоссе отъ Кіева до Брестъ-Литовска на протяженіи 560 верстъ, притомъ въ мѣстности во многихъ мѣстахъ болотистой, по контракту за 5399480 руб. Смѣта была составлена неправильно, подвозка камня была расчитана на $21^1/_2$ версты, а на дѣлѣ пришлось добывать его за 300 верстъ, и мѣстное начальство израсходовало за счетъ Г. дополнительную сумму. Совѣтъ главнаго управленія путей сообщенія призналъ права подрядчика, главноуправляющій же (К. В. Чевкинъ) отвергъ ихъ, но, принимая во вниманіе трудность подряда, невозможность выполненія безъ убытковъ и примѣрныя усердіе и добросовѣстность Г., испросилъ ему въ видѣ милости вознагражденіе въ 846000 руб. Въ 1861 г. Гладинымъ построена Волго-Донская жел. дорога отъ г. Царицына на Волгѣ до Калача на Дону на протяженіи 74 верстъ. Кромѣ того, Г. углубилъ каналы Сясскій и Свирскій на протяженіи 13 верстъ, для чего нужно было подводную часть выемки производить весной съ 1-го марта по 15-е мая, чтобы не останавливать судоходства; устроилъ шоссе изъ Краснаго Села въ Гатчину, Ропшу и Кипень на протяженіи 60 верстъ; построилъ въ С.-Петербургѣ Литейный и Сампсоніевскій мосты на Невѣ; устроилъ бассейнъ близъ Обводнаго канала при Николаевской жел. дорогѣ и на той же дорогѣ проложилъ подземныя телеграфныя проволоки до гор. Москвы; построилъ укрѣпленія при Кронштадскомъ портѣ, а также участвовалъ въ постройкѣ южныхъ жел. дор. Наконецъ, 28 мая 1861 г. Г. принялъ на себя сооруженіе въ 5 лѣтъ за 4600000 руб. Ладожскаго канала отъ г. Шлиссельбурга до Новой Ладоги, самый трудный подрядъ вслѣдствіе твердости каменисто-глинистой почвы; подрядъ этотъ былъ оконченъ уже послѣ смерти Г. его сыновьями. Открытіе канала состоялось 1 сентября 1866 г.; онъ былъ названъ Александровскимъ въ отличіе отъ стараго Ладожскаго, названнаго Петровскимъ. Въ 1862 г. Г. окончилъ въ нѣсколько мѣсяцевъ Нижегородскую жел. дорогу отъ Владиміра до Нижняго-Новгорода. Онъ умеръ въ С.-Петербургѣ 22 августа 1865 г. и похороненъ на Волковомъ старообрядческомъ кладбищѣ. Г. славился своимъ честнымъ, гуманнымъ отношеніемъ къ рабочимъ, число которыхъ доходило у него иногда до 30 тысячъ; заботиться о нихъ, удовлетворять ихъ нужды, онъ считалъ своей обязанностью, ни одинъ не уходилъ отъ него обиженнымъ или неудовлетвореннымъ, и за это Г. былъ прозванъ «добрымъ дѣдушкой». Еще въ 1837 г. онъ выкупилъ на волю свое семейство, а потомъ все родное село въ 150 душъ.

«Мірской Вѣстникъ» 1867 г., № 1, стр. 40—50 (А. Полонскій, «Г. В. Гладинъ, строитель

Ново-Ладожскаго канала»); «Биржевыя Вѣдомости» 1865, № 246; «Петербургскій Некрополь», т. I; «Русская Старина» 1878 г., II, стр. 17, 18. *Е. Александровичъ.*

Гладкій, *Антонъ*, докторъ медицины, получилъ спеціальное образованіе въ С.-Петербургской медико-хирургической академіи казеннымъ воспитанникомъ; окончивъ курсъ лѣкаремъ I отдѣленія въ 1813 г., онъ тогда же опредѣленъ врачомъ въ Херсонскую контрольную экспедицію. Въ 1818 г. получилъ въ С.-Пб. медико-хирургической академіи степень доктора медицины (имѣлъ также званіе медико-хирурга) и назначенъ въ Морское вѣдомство. Въ 1828 г. опредѣленъ въ Дубосарскій карантинъ, въ 1829 г. назначенъ въ чинѣ коллежскаго ассесора исполняющимъ должность инспектора Херсонской врачебной управы. Удаленъ со службы за невыдержаніемъ экзамена. Умеръ 8 марта 1846 г. Напечаталъ слѣдующіе труды: 1) «Лѣченіе перемежающихся лихорадокъ южнаго края, испытанное 12 лѣтъ». С.-Пб., 1829, 8°; 2) «Galium verum отъ дизентеріи» («Другъ Здравія» 1837 г., № 21).

Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели»; «Адресъ-Календарь» 1830 г. *М. Ціонъ.*

Гладкій *(Гладкой)*, *Данила Стефановъ*, запорожскій кошевой атаманъ (1755—1757 гг.). Годы его рожденія и смерти неизвѣстны. Гладкій впервые былъ избранъ кошевымъ атаманомъ въ 1755 г., послѣ того, какъ его предшественникъ, кошевой атаманъ Григорій Ѳедоровъ былъ преданъ суду за покровительство гайдамакамъ. Г. въ 1756 г. принялъ участіе въ депутаціи отъ запорожцевъ къ Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ; вмѣстѣ съ нимъ были отправлены въ Петербургъ войсковой старшина Петръ Калнишевскій и войсковой писарь Иванъ Чугуевецъ. Депутація эта, во главѣ которой стоялъ Г., была уполномочена ходатайствовать объ удовлетвореніи цѣлаго ряда нуждъ Запорожскаго войска. Они должны были испросить у Государыни: во-первыхъ, безпошлинный пропускъ изъ Малороссіи въ Запорожье разныхъ съѣстныхъ припасовъ и другихъ предметовъ, въ томъ числѣ ржаной и пшеничной муки, свиного сала, нитокъ на рыболовныя сѣти, полотна, китайки, шерсти овечьей, посуды, пороху, свинцу и ружей, во-вторыхъ, дозволеніе вывозить изъ Запорожья въ Малороссію: рыбу, соль, шкуры лисьи и волчьи, лошадей и рогатый скотъ, въ-третьихъ, прибавку на войско Запорожское хлѣбнаго и денежнаго жалованья и, въ-четвертыхъ, подтвержденія, по представленнымъ отъ войска грамотамъ, правъ владѣнія на земли, часть которыхъ уже отошла въ разное время къ Донскому войску и подъ Сербскія и Ново-Слободскія поселенія; депутація добивалась также дарованія Всемилостивѣйшей грамоты на тѣ земли, которыя окончательно будутъ признаны за Запорожскимъ войскомъ. Выѣхавъ изъ Сѣчи Запорожской въ маѣ 1755 г., Г. пробылъ въ Петербургѣ болѣе года. Успѣхъ его дѣйствій не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ, но зато выяснилось положеніе запорожцевъ. Ему дано было ясно понять, что рѣшено окончательно считать запорожцевъ русскими подданными наравнѣ съ прочими. Въ отношеніи же улучшенія экономическаго благосостоянія края Г—му вмѣстѣ съ товарищами удалось добиться нѣкотораго облегченія, а именно: было дозволено привозить въ Сѣчь всѣ нужные имъ предметы для продовольствія и одежды, и отпускать въ Малороссію и Польшу скотъ и шкуры. На счетъ же соли, какъ товара заграничнаго, добываемаго въ Крыму, сдѣлано слѣдующее заключеніе: «привозу въ Малороссію соли и другихъ заграничныхъ товаровъ безпошлинно дозволить не слѣдуетъ, ибо то будетъ интересамъ Ея Императорскаго Величества противно». Что же касается послѣдней просьбы депутаціи о дарованіи грамоты на владѣніе землями, Г—му было объявлено, что никакими землями, помимо тѣхъ, кои заняты ими, они не владѣютъ. На этомъ основаніи было повелѣно: «Всѣмъ землямъ и угодьямъ запорожскимъ учинить описаніе и, положа на карту, представить въ Правительствующій Сенатъ, а на принадлежащія ихъ безспорному владѣнію земли и угодья съ обстоятельнымъ описаніемъ къ дачѣ имъ грамоты, учинить формуляръ». Въ половинѣ іюля 1756 г. депутація была отпущена въ Запорожье и прибыла туда осенью того же года. Желая вознаградить главу депутаціи, Гладкаго, за понесенные имъ труды и

потери, на общей войсковой радѣ, бывшей 1 января 1757 г., избрали его вторично атаманомъ.

Скальковскій, «Исторія Сѣчи, или послѣдній кошъ Запорожскій», ч. I, стр. 138, ч. II, стр. 154, 156, 169; А. Андреевскій, «Матеріалы для исторіи Южно-русскаго края въ XVIII столѣтіи (1715—1774 гг.)», стр. 285 и 337.

А. Ельницкій.

Гладкій, *Кириллъ Семеновичъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Херсонскій и Екатеринославскій губернаторъ, родился въ 1756 или 1759 году (по формулярному списку въ 1791 г. ему было 32 года), происходилъ изъ бѣдной дворянской семьи (по словамъ же А. М. Фадѣева былъ сынъ простого малороссійскаго крестьянина). Не получивъ должнаго образованія, онъ обязанъ быстрымъ движеніемъ по службѣ лишь своему природному уму и отличнымъ дарованіямъ (А. М. Фадѣевъ даетъ иное объясненіе причинамъ служебныхъ успѣховъ Г.). Начавъ службу 10 мая 1771 г. въ Днѣпровскомъ пикинерномъ полку капраломъ и будучи произведенъ 27 сентября 1782 г. въ прапорщики, онъ затѣмъ перешелъ на гражданскую службу на должность секретаря 1-го департамента Екатеринославскаго губернскаго магистрата съ чиномъ провинціальнаго секретаря (15 марта 1784 г.). Произведенный 12 сентября 1785 г. въ коллежскіе секретари, Г. 28 августа 1790 г. переведенъ ассесоромъ въ Екатеринославскую уголовную палату, и въ 1791 г. произведенъ въ коллежскіе ассесоры. Въ 1795 г. онъ назначенъ совѣтникомъ Новороссійскаго губернскаго правленія; въ 1796 г. произведенъ въ надворные совѣтники, въ 1799 г. — въ коллежскіе совѣтники, въ 1800 г. — въ статскіе совѣтники. Въ 1802 г. Г. назначенъ предсѣдателемъ Слободско-Украинской уголовной палаты; въ 1803 г. переведенъ предсѣдателемъ Херсонской уголовной палаты, и въ 1804 г. произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Въ 1805 г. онъ назначенъ Херсонскимъ гражданскимъ губернаторомъ, а въ 1808 г. — Екатеринославскимъ. 22 января 1816 г. Г. уволенъ отъ должности, съ причисленіемъ къ Герольдіи, въ 1819 г. вслѣдствіе разстроеннаго здоровья вышелъ въ полную отставку. Въ послѣдніе годы жизни Г. страдалъ неизлѣчимою болѣзнью. Скончался онъ 27 декабря 1831 г. въ г. Екатеринославѣ. Былъ кавалеромъ орденовъ: св. Анны 1-й ст. (1807 г., съ алмазами 1811 г.) и 2-й ст. (1805 г.) и св. Владиміра 2-й ст. (1812 г.) и 4-й ст. (1794 г.). Въ 1791 г. внесенъ въ 1-ю часть родословной книги Екатеринославскаго намѣстничества.

«Московскія Вѣдомости» 1832 г., № 12; «Записки А. М. Фадѣева» (Русскій Архивъ, 1890 г., т. I, 320); «Сборникъ Архива Собств. Е. И. В. Канцеляріи», т. V; Моск. Арх. Минист. Юст., Герольдмейст. Контора, кн. 732, л. 463.

Н. Александровичъ.

Гладкій, *Осипъ Михайловичъ*, кошевой атаманъ Запорожской Сѣчи въ Добруджѣ, наказной атаманъ Азовскаго казачьяго войска, генералъ-маіоръ, по происхожденію казакъ селенія Мельниковъ Золотоношскаго уѣзда Полтавской губ. О времени рожденія его свѣдѣнія противорѣчивы: по надгробной надписи, списанной Д. И. Эварницкимъ, Г. умеръ 5 іюля 1866 г. $79^1/_2$ лѣтъ отъ рожденія, слѣдовательно онъ родился въ концѣ 1786 г. или началѣ 1787 г., по словамъ сына, Г. женился въ 1813 г. 18 лѣтъ, значитъ, родился около 1795 г., а по формуляру въ 1828 г. ему шелъ 39-й годъ, т.-е. онъ родился въ 1789 или 1790 году. Отецъ Гладкаго, Михаилъ Григорьевичъ, человѣкъ довольно состоятельный, былъ сельскимъ головой въ продолженіе 30 лѣтъ и, когда пришло время отдавать сына въ солдаты, поставилъ на его мѣсто наемщика. Въ 1813 г. Г. женился на казачкѣ деревни Краснохижины Золотоношскаго уѣзда Ѳеодосіи Андреевнѣ Мазуровой. Проживъ почти все состояніе, оставшееся послѣ отца и имѣя уже четверо дѣтей, онъ въ 1820 г. оставилъ семью и ушелъ на заработки; черезъ полгода Г. прислалъ женѣ изъ Одессы 40 руб. сер. и затѣмъ исчезъ безслѣдно, такъ что родные стали считать его погибшимъ. Разсказываютъ, что сначала онъ былъ чумакомъ, потомъ плотникомъ, бондаремъ (за нимъ такъ и сохранилось прозвище Бондаря). Въ концѣ концовъ, Г. пробрался въ Турцію и явился въ Запорожскую Сѣчь за Дунаемъ. Онъ назвался холостымъ и былъ приписанъ въ Платниривскій курень. Черезъ годъ

послѣ поселенія въ Сѣчи, Г. попалъ въ отрядъ, отправленный подъ начальствомъ походнаго кошевого Мороза въ Морею по случаю возстанія грековъ и участвовалъ въ осадѣ Миссолунги. По возвращеніи въ Сѣчь онъ былъ выбранъ атаманомъ своего куреня, а въ 1827 г. кошевымъ атаманомъ. Когда Турція стала готовиться къ войнѣ съ Россіей, новый кошевой атаманъ сталъ склонять Сѣчь къ побѣгу на родину, распустивъ предварительно вымышленные слухи о томъ, что по случаю предстоящей войны султанъ намѣренъ переселить запорожцевъ въ Египетъ. Г. находился въ тайныхъ сношеніяхъ съ измаильскимъ градоначальникомъ С. А. Тучковымъ, обѣщавшимъ всѣмъ запорожцамъ такую же свободу и самостоятельность въ Россіи, какою они пользовались въ Турціи, а бѣглецамъ, совершившимъ проступки на родинѣ,— прощеніе. На сходкахъ мнѣнія запорожцевъ раздѣлились. Между тѣмъ великій визирь требовалъ, чтобы казаки шли подъ Силистрію. Послѣ полученія приказанія уже въ третій разъ Г. собралъ двухтысячный отрядъ и привелъ его подъ Силистрію, а оттуда вернулся въ Сѣчь, выставивъ предлогомъ необходимость собрать остальныхъ казаковъ. По возвращеніи атамана въ Сѣчь дѣло о переселеніи въ Россію рѣшилось въ благопріятномъ для него смыслѣ (вѣроятно, большинство его противниковъ находилось подъ Силистріей). Взявъ свою церковь, запорожцы (повидимому, около 500 человѣкъ) на своей рыболовной флотиліи приплыли 18 мая 1828 г. въ Измаилъ. Послѣ выдержанія кратковременнаго карантина, Г. съ куренными атаманами представились императору Николаю I и просили прощенія и помилованія. Государь, принявъ отъ кошевого грамоты и регаліи, жалованныя Сѣчи султанами, произнесъ: «Богъ васъ проститъ, отчизна прощаетъ, и я прощаю». Г. пришлось немедленно же оказать услугу русской арміи: когда сталъ обсуждаться вопросъ о переправѣ войска черезъ Дунай, онъ указалъ мѣсто, гдѣ можно переправиться, такъ какъ оно оставлено турками безъ укрѣпленія. Государь послалъ одного изъ флигель-адъютантовъ провѣрить это указаніе, и запорожцы перевезли посланнаго на турецкій берегъ Дуная въ тылъ крѣпости Исакчи. 27 мая въ указанномъ Г. мѣстѣ началась переправа, а 30 мая Исакча взята была безъ боя. Послѣ взятія ея Г. съ 12 куренными атаманами перевезъ Государя на своей лодкѣ къ Исакчѣ, при чемъ самъ управлялъ рулемъ. Тутъ же на лодкѣ Императоръ собственноручно навѣсилъ Г. полковничьи эполеты и георгіевскій крестъ (оффиціально орденъ св. Георгія 4-й ст. пожалованъ былъ ему только 1 января 1830 г.). Г. былъ назначенъ начальникомъ отдѣльнаго Запорожскаго войска; въ маѣ же ему была пожалована золотая медаль на Андреевской лентѣ съ надписью «за усердную службу». По переправѣ войскъ у Исакчи Г. находился при главной квартирѣ. 4 іюня онъ былъ отправленъ къ Браилову, а 26 іюня къ Гирсову также для переправы войскъ черезъ Дунай. 28 іюля по Высочайшему повелѣнію Г. былъ командированъ на Кубань для осмотра земель, удобныхъ для поселенія запорожцевъ, оттуда поѣхалъ для всеподданнѣйшаго доклада въ Петербургъ, послѣ чего возвратился за Дунай. Изъ запорожцевъ сформированъ былъ въ началѣ 1829 г. пятисотенный полкъ, названный пѣшимъ Дунайскимъ казачьимъ полкомъ; по сформированіи полка Г., назначенный его командиромъ, принималъ участіе въ осадѣ и взятіи Силистріи, затѣмъ былъ командированъ корпуснымъ командиромъ Красовскимъ въ Задунайскую Сѣчь для борьбы съ чумой, а по прекращеніи ея въ 1830 г. вступилъ съ запорожцами черезъ Сатуновскій карантинъ въ предѣлы Россіи. По окончаніи войны, Г. возведенъ былъ въ дворянское достоинство и получилъ гербъ, въ верхней половинѣ щита котораго были изображены въ голубомъ полѣ георгіевскій крестъ и лодка съ поднятымъ флагомъ и россійскимъ гербомъ, а въ нижней — въ красномъ полѣ луна съ крестомъ на ней и двумя бунчуками по бокамъ креста (гербъ этотъ не внесенъ въ Гербовникъ). Когда обнаружилось, что Г. имѣетъ семью въ Россіи, то младшій сынъ его былъ опредѣленъ на казенный счетъ въ Александровскій Царскосель-

скій корпусъ для малолѣтнихъ, а младшая дочь — въ Полтавскій институтъ. Съ семействомъ своимъ Г. увидѣлся первый разъ послѣ разлуки 3 января 1829 г.

Запорожцевъ, вернувшихся въ Россію, рѣшено было поселить согласно ихъ желанію на Кубани, гдѣ уже жили ихъ родичи — черноморскіе казаки, переселенные изъ Днѣпровской Сѣчи. Г., какъ сказано уже выше, посланъ былъ осмотрѣть земли, предложенныя имъ близъ Анапы, но онъ почему-то призналъ ихъ неудобными и взамѣнъ ихъ выбралъ казенные участки на берегу Азовскаго моря между Маріуполемъ и Бердянскомъ. Поселенные здѣсь бывшіе задунайскіе запорожцы образовали Азовское казачье войско, а Г. назначенъ 6 мая 1832 г. наказнымъ атаманомъ этого войска. Еще раньше онъ былъ награжденъ брилліантовымъ перстнемъ (1830) и орденомъ св. Анны 2 ст. (19 февраля 1831 г.), а по назначеніи атаманомъ, 20 іюля 1840 г., получилъ орденъ св. Владиміра 3 ст. и 11 апрѣля 1843 г. произведенъ въ генералъ-маіоры. Запорожцы были недовольны мѣстомъ, выбраннымъ ихъ атаманомъ, и самые своевольные изъ нихъ бѣжали обратно въ Турцію; оставшіеся образовали двѣ станицы: Никольскую и Покровскую, и къ нимъ присоединили еще Петровскій мѣщанскій посадъ, сдѣлавшійся мѣстопребываніемъ атамана, Новоспасовское селеніе государственныхъ крестьянъ, переименованное въ станицу, и Стародубовскую станицу изъ черниговскихъ переселенцевъ. Выйдя въ отставку 13 октября 1851 г. съ мундиромъ и полнымъ пенсіономъ, Г. поселился сначала въ станицѣ Новоспасовской, а потомъ на купленномъ имъ хуторѣ Новопетропавловкѣ Александровскаго уѣзда Екатеринославской губ., гдѣ прожилъ 14 лѣтъ. Онъ умеръ отъ холеры въ Александровскѣ 5 іюля 1866 г. и погребенъ на городскомъ кладбищѣ. Жена его скончалась на слѣдующій день отъ той же болѣзни. Г., какъ видно изъ его формуляра, былъ неграмотенъ, но умѣлъ подписать свою фамилію. Какъ сказано выше, Г. имѣлъ 4 дѣтей: Василія, Демьяна, Елену (за Писаренкомъ) и Наталью; по возвращеніи въ Россію у него родилась дочь Марія (за Слоновскимъ). Старшій сынъ, Василій, дослужившійся до чина подполковника, написалъ біографическій очеркъ отца, а младшій, Демьянъ, артиллеріи подполковникъ и батарейный командиръ, умеръ еще при жизни отца въ 1862 г.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ Г—му въ теченіе своей жизни приходилось, такъ или иначе, дѣйствовать, память о немъ черезъ много лѣтъ послѣ его смерти была еще жива и имя его окружено легендами; въ Добруджѣ въ воспоминаніяхъ о послѣднемъ кошевомъ атаманѣ Запорожской Сѣчи замѣтна вражда къ нему, которая объясняется тѣмъ, что его уходъ въ Россію имѣлъ печальныя послѣдствія для оставшихся на мѣстахъ запорожцевъ: турки уничтожили Запорожское войско, разрушили Сѣчь и разогнали ея жителей.

В. Гладкій, «О. М. Гладкій, кошевой атаманъ Запорожской Сѣчи» («Русская Старина» 1881 г., XXX, 381—392); «Военная Энциклопедія», изд. Сытина, VIII; Брокгаузъ-Ефронъ, «Новый Энциклопед. Словарь», XIII; «Большая Энциклопедія», VI; Ѳ. Кондратовичъ, «Задунайская Сѣчь» («Кіев. Старина» 1883 г., № 1, 28—39, № 2, 274—290); Лопулеску, «Русскія колоніи въ Добруджѣ» («Кіев. Старина» 1889 г., № 2, 125—127); П. П. Короленко, «Азовцы» («Кіев. Стар.» 1891 г., № 7, 60—74, № 8, 171—173); Д. Эварницкій, «Островъ Хортица на р. Днѣпрѣ» («Кіев. Стар.» 1886 г., № 1, 85—88); В. Василенко, «Изъ народныхъ воспоминаній объ О. М. Г.» («Кіев. Старина» 1885 г., № 6, 344—350); А. Савичъ, «Народные разсказы объ О. М. Г.» («Кіев. Старина» 1889 г., № 2, 485—487); В. С. Степановъ и Н. И. Григоровичъ, «Въ память столѣтняго юбилея ордена св. Георгія», С.-Пб., 1869 г. (Г. названъ здѣсь Гладковымъ); Письмо О. М. Г. къ А. А. Скальковскому («Кіев. Старина» 1883 г., № 4, 902—903); Москов. отдѣл. Архива Главнаго Штаба, формулярные списки иррегулярныхъ войскъ, св. 253, д. № 21. *Н. Чулковъ.*

Гладковскій, *Хрисанѳъ Васильевичъ*, докторъ медицины, родился въ 1835 г., происходилъ изъ духовнаго званія, образованіе получилъ въ Подольской духовной семинаріи и Петербургской Медико-Хирургической академіи, которую окончилъ въ 1860 г. съ золотой медалью, послѣ чего былъ прикомандированъ ко 2-му военно-сухопутному госпиталю. Въ 1863 г. получилъ званіе акушера и степень доктора медицины за диссертацію: «Матеріалы

для гистологіи 1) нервныхъ элементовъ и 2) поперечноисчерченныхъ мышечныхъ волоконъ матки» (С.-Пб. 1863). Затѣмъ служилъ старшимъ ординаторомъ Динабургскаго военнаго госпиталя (1864—1869 гг.), 1-го пѣхотнаго резервнаго баталіона (1869 г.) и л.-гв. Донской конно-артиллерійской батареи (1869 г.). Умеръ отъ чахотки 2 октября 1869 г. 34 лѣтъ, погребенъ въ Петербургѣ на Смоленскомъ кладбищѣ. Кромѣ диссертаціи, напечаталъ статью: «Нервные элементы матки» («Медиц. Вѣстникъ» 1862 г., № 42).

Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», I, 65; «Петербургскій Некрополь», т. I.

Гладковъ, *Иванъ Васильевичъ*, сенаторъ, генералъ-лейтенантъ, происходилъ изъ дворянъ Саратовской губ. и родился 27 января 1766 г., умеръ 7 августа 1832 г., погребенъ на Тихвинскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. Записанъ на службу сначала въ артиллерію фурьеромъ въ 1774 г., а черезъ годъ въ л.-гв. Измайловскій полкъ. Въ 1788 г. изъ сержантовъ гвардіи произведенъ въ капитаны и назначенъ въ С.-Петербургскую межевую экспедицію землемѣромъ 1-го класса. 1-го сентября того же года переведенъ въ Бѣлозерскій пѣхотный полкъ и принялъ участіе въ шведской войнѣ 1788—89 гг., въ 1790 г. произведенъ въ секундъ-маіоры. Въ 1791 г. переведенъ въ Украинскій легкоконный полкъ и въ 1792 г. во время польской кампаніи, находясь въ корпусѣ генерала Ферзена, былъ во всѣхъ сраженіяхъ, въ которыхъ участвовалъ этотъ корпусъ. Послѣ взятія Брестъ-Литовска, Г. съ эскадрономъ Украинскаго полка и 30 казаками былъ посланъ для доставленія Высочайшаго рескрипта бывшему канцлеру королевства Польскаго графу Сапѣгѣ. Прорвавшись сквозь непріятельскую цѣпь, онъ исполнилъ возложенное на него порученіе и черезъ нѣсколько дней возвратился съ отвѣтомъ. Во время кампаніи 1792 г. Г. получилъ сильную контузію въ правое плечо, послѣ чего сталъ плохо владѣть рукой. Въ 1793 г. онъ былъ командированъ генералъ-аншефомъ Кречетниковымъ съ 3 сотнями казаковъ и эскадрономъ Украинскаго полка въ Бобруйскъ для объявленія Высочайшаго манифеста о присоединеніи Литвы къ Россіи, для приведенія къ присягѣ дворянства и духовенства Бобруйскаго и Мозырскаго повѣтовъ и открытія сеймовъ, что и исполнилъ съ успѣхомъ. 2 іюня 1795 г. Г. произведенъ въ премьеръ-маіоры. Съ 1795 г. по февраль 1796 г. онъ состоялъ при генералъ-губернаторѣ Бѣлоруссіи Тутолминѣ. Въ 1796 г. награжденъ золотой табакеркой и орденомъ св. Владиміра 4-й ст. (28 іюня) и 1 декабря того же года назначенъ въ гусарскій Линденера полкъ. 20 августа 1798 г. произведенъ въ подполковники и 14 сентября того же года — въ полковники, при чемъ былъ переведенъ въ л.-гв. Гусарскій полкъ. Въ 1799 и 1800 гг. во время войны съ французами Г. находился съ десантомъ въ Голландіи и въ сраженіи 21 сентября 1799 г. командовалъ особой колонной, при чемъ Таврическій гренадерскій полкъ, состоявшій въ его командѣ, за взятье на Алькмарскомъ каналѣ французскихъ батарей получилъ знамена за храбрость; 25-го сентября онъ командовалъ авангардомъ при мѣстечкѣ Бунцлау, гдѣ былъ раненъ въ лѣвую ногу; за храбрость награжденъ орденомъ св. Анны 2-й ст. (23 октября 1799 г.). 27 сентября 1800 г. назначенъ шефомъ Чугуевскаго регулярнаго казачьяго полка, а 6-го октября того же года — инспекторомъ по кавалеріи харьковской инспекціи; 5 ноября 1800 г. произведенъ въ генералъ-маіоры. Назначенный 19 сентября 1805 г. командиромъ кавалерійской бригады, Г. принялъ участіе въ войнѣ съ Наполеономъ, въ сраженіи при Аустерлицѣ прикрывалъ во время отступленія правый флангъ арміи и получилъ контузію въ правую руку; за храбрость награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й ст. (24 февраля 1806 г.). Съ декабря 1806 г. онъ состоялъ по арміи, а 8 декабря 1807 г. назначенъ оберъ-полиціймейстеромъ въ Москву. Въ апрѣлѣ 1809 г., состоя по арміи, былъ презусомъ по разнымъ военно-суднымъ дѣламъ. Въ 1811 г. назначенъ окружнымъ генераломъ 2-го округа внутренней стражи. Въ 1812 г. Г., назначенный въ резервную армію бригаднымъ начальникомъ, сформировалъ въ Твери 9-й, 10-й и 11-й пѣхот-

ные полки, поступившіе затѣмъ въ дѣйствующую армію, и въ Ростовѣ — 4 гренадерскихъ и 4 пѣхотныхъ баталіона, съ которыми и выступилъ въ походъ. Въ 1813 г. назначенъ командиромъ 2-го резервнаго корпуса, который привелъ заграницу, затѣмъ командовалъ отдѣльными отрядами и находился при осадѣ крѣпости Модлина, отражалъ непріятельскія вылазки, а въ октябрѣ изъ-подъ Модлина привелъ сводные баталіоны 7-й, 8-й и 27-й пѣхотныхъ дивизій къ Рейну. Въ 1814 г. Г. сформировалъ въ 6 недѣль 20 гвардейскихъ ротъ, которыя затѣмъ изъ герцогства Варшавскаго привелъ въ Петербургъ. Въ 1815 г. вновь назначенъ окружнымъ генераломъ 2-го округа внутренней стражи и въ томъ же году былъ командированъ съ баталіонами внутренней стражи и жандармами въ Костромскую губ. для усмиренія крестьянъ. Въ 1821 г. онъ усмирялъ крестьянъ графа Разумовскаго въ селѣ Гостилицахъ. За время своей службы въ должности окружного генерала, Г. былъ награжденъ орденами св. Анны 1-й ст. (1817 г.) и Владиміра 2-й ст. (1820 г. за труды по Тверскому военно-сиротскому отдѣленію). 22 августа 1821 г. онъ назначенъ С.-Петербургскимъ оберъ-полиціймейстеромъ и 20-го сентября того же года произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Съ 1822 г. по 1826 г. состоялъ предсѣдателемъ Попечительнаго комитета о тюрьмахъ. 22 іюля 1825 г. назначенъ сенаторомъ и членомъ комиссіи по построенію Исакіевскаго собора. Послѣдними наградами, полученными Г., были алмазныя украшенія къ ордену св. Анны 1-й ст. и орденъ св. Георгія 4-й ст. за 25 лѣтъ службы въ офицерскихъ чинахъ (1827 г.). Г. былъ женатъ на Маріи Сергѣевнѣ Мартыновой (род. 1773 г., †1846 г.) и имѣлъ трехъ дочерей: Наталью, Екатерину (фрейлина Высочайшаго Двора) и Варвару.

Формулярный списокъ; «Исторія Сената», т. V; «Петербургскій Некрополь», т. I.

Е. Александровичъ.

Гладковъ, *Николай Александровичъ*, дѣйств. статскій совѣтникъ, магистръ гражданскаго права, членъ Московской судебной палаты, по происхожденію дворянинъ, родился въ 1826 г., послѣ домашняго воспитанія поступилъ въ 1845 г. на юридическій факультетъ Московскаго университета. Въ 1848 г. во время посѣщенія университета министромъ графомъ Уваровымъ Г. выразилъ желаніе прочесть передъ нимъ свое разсужденіе: «О призрѣніи въ Россіи». Окончилъ университетъ въ 1849 г. первымъ кандидатомъ, получивъ серебряную медаль за сочиненіе: «Объ эмфитевтическомъ правѣ» (1849 г.), 29 сентября того же года (по другому извѣстію въ февралѣ 1850 г.) назначенъ и. д. профессора энциклопедіи законовѣдѣнія въ Демидовскомъ лицеѣ. Въ 1855 г. былъ утвержденъ директоромъ Ярославскаго Тюремнаго Комитета, а въ слѣдующемъ году — секретаремъ Ярославскаго Общества Сельскаго Хозяйства. Кромѣ того, онъ несъ обязанности дѣлопроизводителя Ярославскаго Комитета по усовершенствованію и развитію льняной промышленности и завѣдующаго дѣлами Комитета для содѣйствія сельско-хозяйственной выставкѣ, устроенной Вольно-экономическимъ Обществомъ, и Комитета по устройству 4-й очередной сельско-хозяйственной выставки (1860 г.) губерній Костромской, Владимірской, Тверской, Вологодской и Ярославской. Въ декабрѣ 1855 г. защитилъ въ Москвѣ на степень магистра гражданскаго права диссертацію: «О вліяніи общественнаго состоянія частныхъ лицъ на право поземельной ихъ собственности по началамъ древняго Россійскаго законодательства» (Москва, 1855 г.), послѣ чего въ 1857 г. получилъ въ лицеѣ каѳедру, которую занималъ до 1861 г. Оставивъ лицей, служилъ по Министерству Государственныхъ Имуществъ и въ Ярославской временной комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ. Въ качествѣ секретаря этой комиссіи, преобразованной затѣмъ въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, онъ принималъ участіе въ введеніи въ 1864 г. земскихъ учрежденій въ губерніи. Въ 1865 г. былъ назначенъ членомъ отъ правительства на мировыхъ съѣздахъ Ярославской губ. Перейдя затѣмъ на службу въ Министерство Юстиціи, Г. былъ членомъ Ярославскаго окружнаго суда (1866—1872) и четыре раза былъ избираемъ почетнымъ мировымъ судьей Данилов-

скаго судебнаго округа и три раза — Ярославскаго судебнаго округа. Въ 1871 г. былъ произведенъ въ дѣйств. статскіе совѣтники, а въ 1872 г. назначенъ членомъ Московской судебной палаты и занималъ эту должность до самой смерти. Имѣлъ ордена св. Владиміра 3-й ст., св. Станислава 1-й ст. и св. Анны 2-й ст. и серебряную медаль за труды по освобожденію крестьянъ. Умеръ 3 сентября 1892 г. въ Москвѣ и погребенъ въ Даниловомъ монастырѣ. Женатъ былъ на вдовѣ генерала Елизаветѣ Дмитріевнѣ Коровкиной, урожденной Шубиной.

Кромѣ вышеупомянутой диссертаціи имъ напечатаны слѣдующіе труды: 1) «О государственномъ лѣсномъ хозяйствѣ», актовая рѣчь (Ярославль, 1850 г.); 2) «Обозрѣніе 50-лѣтняго существованія Демидовскаго лицея» (Ярославль, 1853 г.); 3) «Описаніе 4-й очередной выставки сельскихъ произведеній для губерній Костромской, Владимірской, Тверской, Вологодской и Ярославской» («Ярослав. Губ. Вѣд.», 1860 г., №№ 48—51); 4) «О лѣсахъ въ климатическомъ отношеніи» («Труды Вольно-экономич. Общества», 1860 г.); 5) «О вольнонаемномъ трудѣ вообще и въ сѣверныхъ губерніяхъ въ особенности» («Записки Ярославскаго Общества сельскаго хозяйства», 1860 г); 6) «Замѣчанія объ охотѣ въ Ярославской губерніи» («Труды Ярослав. Статистич. Комитета», 1868 г., вып. IV).

Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ», вып. XII, С.-Пб. 1912 г.; «Московскія Вѣдомости» 1892 г., №№ 247—248; «Новое Время» 1892 г., № 5937; «Русскія Вѣдомости» 1892 г., № 246; «Московскій Некрополь», т. I; Барсуковъ, «Жизнь и труды М. П. Погодина», X, 139—143, XV, 426 (о защитѣ диссертаціи); Венгеровъ, «Источники словаря русскихъ писателей», I, 767 (перечень рецензій на магистерскую диссертацію Г.); Н. Н. Кашкинъ, «Родословныя развѣдки», т. II, стр. 529.

Е. Александровичъ.

Гладкой, *Алексѣй Филипповичъ*, механикъ, жившій въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтій. Воспитанный Императорскою С.-Петербургскою Академіею Художествъ, онъ сдѣлался выдающимся художникомъ-практикомъ въ области практической механики. Слѣдующія проявленія его дарованія обратили на него общее вниманіе. Въ началѣ самостоятельной дѣятельности Г. большой интересъ въ Западной Европѣ вызвало изобрѣтеніе Цолль и Коппе прибора, производящаго непрерывное или вѣчное движеніе (perpetuum mobile). Объѣздивъ съ полнымъ успѣхомъ Западную Европу, изобрѣтатели пріѣхали со своимъ приборомъ и въ С.-Петербургъ. Здѣсь они показывали его всѣмъ желающимъ за плату въ два рубля съ каждаго посѣтителя. Для Г. было достаточно внимательнаго разсмотрѣнія прибора, чтобы не только раскрыть заключающійся въ немъ обманъ, но и воспроизвесть его самого. Кажущееся непрерывное движеніе производилось въ этомъ приборѣ, какъ обнаружилъ Г., пружиною, скрытою въ колесѣ и заводимою разъ въ сутки. Воспроизведя этотъ приборъ, Г. черезъ напечатанныя имъ въ газетахъ объявленія пригласилъ всѣхъ желающихъ разсмотрѣть безплатно въ его мастерской машину Цолль и Коппе и вмѣстѣ съ тѣмъ выслушать даваемое имъ объясненіе ея дѣйствія. Обманщикамъ изобрѣтателямъ не оставалось послѣ этого ничего другого, какъ немедленно покинуть Петербургъ и Россію. Въ награду какъ за обнаруженіе обмана, такъ и за проявленное при этомъ искусство, Императоръ Александръ I пожаловалъ Г. 500 руб. Въ другой разъ однимъ русскимъ купцомъ была пріобрѣтена на аукціонѣ механическая кукла, оказавшаяся испорченною: въ ея головѣ недоставало пружины, приводившей въ движеніе глаза, ротъ и серьги въ ушахъ. Жившій въ Петербургѣ англійскій механикъ предлагалъ исправить эту куклу за плату въ 2000 руб. слишкомъ. Г., напротивъ, сдѣлалъ ту же работу за 300 руб.

Вниманіе, обращенное, благодаря этимъ случаямъ, на Г. при дворѣ, раздѣлила вмѣстѣ съ другими и Императрица Марія Ѳедоровна. Онъ получилъ, по ея приказанію, мѣсто на Александровской мануфактурѣ, чѣмъ и былъ привлеченъ къ главному предмету своей послѣдующей дѣятельности, именно *къ усовершенствованію прядильныхъ машинъ*. Въ занятіяхъ этимъ предметомъ Г. стоялъ на уровнѣ современныхъ ему требованій науки

и практики, какъ это можно заключить изъ того, что въ это же время французскимъ правительствомъ была назначена большая награда за изобрѣтеніе хорошей прядильной машины. Первымъ достигнутымъ имъ въ этомъ направленіи результатомъ была произведенная имъ на Александровской мануфактурѣ замѣна прежней прядильной машины, вырабатывавшей въ часъ $^1/_4$ фунта пряжи отъ 17-го до 24-го нумера, сдѣланною имъ новою, вырабатывавшею въ часъ при томъ же качествѣ пряжи вчетверо болѣе.

На службѣ въ Александровской мануфактурѣ Г. оставался недолго. Оставивъ ее, онъ переселился въ Москву, чтобы здѣсь продолжать далѣе свои занятія усовершенствованіемъ прядильныхъ машинъ. Новымъ результатомъ этихъ занятій, достигнутымъ здѣсь, было изобрѣтеніе Г. такой замѣчательной по простотѣ своего устройства прядильной машины, которая въ равной мѣрѣ могла быть употребляема какъ на фабрикѣ, такъ и въ крестьянской избѣ. Другимъ важнымъ ея качествомъ было доставляемое ею значительное облегченіе труда работающихъ на ней. Она, въ самомъ дѣлѣ, вполнѣ освобождала ихъ отъ «утомительнаго и безпокойнаго тѣлеснаго движенія», требуемаго прежними формами прядильныхъ машинъ. Сдѣланная для приведенія ея въ дѣйствіе водою или силою лошадей въ большихъ размѣрахъ, она могла продолжать работу пряденія множества нитокъ даже при разрывѣ одной или нѣсколькихъ изъ нихъ, что достигалось отведеніемъ для наматыванія каждой выпрядываемой нити отдѣльнаго веретена, которое могло быть останавливаемо при разрывѣ нити давленіемъ ноги безъ прекращенія дѣйствія другихъ веретенъ. О скорости работы этой машины можно судить по тому, что на ея модели простая деревенская пряха свободно вырабатывала въ день полторы тальки.

Несмотря на свое искусство, Г. какъ человѣкъ бѣдный, живущій только на средства, доставляемыя его личнымъ трудомъ, не могъ въ построеніи своихъ многочисленныхъ изобрѣтеній итти далѣе устройства небольшихъ моделей, украшавшихъ его мастерскую и привлекавшихъ къ себѣ вниманіе любопытныхъ. Ввиду невозможности вслѣдствіе этого строить экземпляры своей прядильной машины на собственныя средства Г. вынужденъ былъ обратиться по совѣту многихъ сочувствующихъ ему лицъ къ помощи подписки на пріобрѣтеніе его прядильной машины въ четыре веретена со всѣми принадлежащими къ ней частями при размѣрахъ, требующихъ для ея помѣщенія мѣста въ два квадратныхъ фута, и по цѣнѣ въ 250 руб. за экземпляръ! По разсчету Г. 50 подписавшихся на этихъ условіяхъ лицъ было достаточно для того, чтобы сообщить его мастерской такіе размѣры и организацію, при которыхъ она могла бы свободно заниматься построеніемъ какъ прядильныхъ машинъ, такъ и другихъ изобрѣтеній Г., относящихся къ домоводству и фабрикамъ. Благодаря извѣстности, уже пріобрѣтенной Г., и ея распространенію при содѣйствіи періодическихъ изданій и въ особенности «Русскаго Вѣстника» Сергѣя Глинки и «Вѣстника Европы» М. Каченовскаго и В. Жуковскаго, открытая черезъ посредство объявленій, напечатанныхъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», подписка пошла на столько успѣшно, что половина требуемаго числа подписчиковъ была доставлена ею довольно скоро. Явились и просвѣщенные жертвователи, которые, отказываясь отъ прядильныхъ машинъ, какъ имъ ненужныхъ, заставляли Г. принимать отъ нихъ въ даръ для поощренія его полезной дѣятельности болѣе или менѣе значительныя суммы. Такъ подполковникъ Ярославовъ подарилъ Г. 100, а П. И. Бибиковъ даже 1000 руб. Успѣхъ подписки позволилъ Г. и самому сдѣлаться жертвователемъ, какъ это показываютъ слѣдующія слова автора замѣтокъ о немъ въ № 9 «Русскаго Вѣстника» за 1810 г. (стран. 120—121): «заѣхавъ ко мнѣ на сихъ дняхъ, онъ сказалъ: «труды мои часъ отъ часу болѣе вознаграждаются: надобно и мнѣ быть благодарнымъ». Тутъ съ обыкновенною своею робостію, вынувъ сто рублей, онъ продолжалъ: «Я долго испытывалъ, каково терпѣть бѣдность; прошу Васъ употребить сіи деньги для вспомоществованія бѣднымъ. Сію жертву при-

ношу въ изъявленіе благодарности за то участіе, которое принимали во мнѣ наши соотечественники. Дай Богъ, чтобы и другіе мои земляки такъ же были щастливы, какъ я».

Въ связи съ упомянутою подпискою находилась, по всей вѣроятности, и произведенная Г. на фабрикѣ Грачева въ Москвѣ по заказу ея владѣльца замѣна имѣвшейся тамъ ранѣе прядильни на 96 веретенахъ, вырабатывавшей въ день 3 фунта пряжи, устроенною имъ, которая при меньшемъ вдвое числѣ веретенъ вырабатывала въ день 5 фунтовъ пряжи лучшаго качества.

Изъ относящихся къ другимъ частямъ практической механики произведеній Г. во время его пребыванія въ Москвѣ въ настоящее время извѣстно пока только одно слѣдующее. По чертежу Эдуарда Троутона онъ сдѣлалъ часы, на маятникъ которыхъ не могли дѣйствовать никакія перемѣны въ окружающемъ воздухѣ и которые по истеченіи года оказывались невѣрными менѣе чѣмъ на 2 секунды.

Искусство и труды Г. получили должныя признаніе и оцѣнку также и со стороны извѣстнаго механика-самоучки И. В. Кулибина. Въ напечатанномъ въ январской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за 1810 годъ «Отрывкѣ изъ письма къ Русскому Художнику Гладкову (Изъ Нижняго)» (стр. 133—135) находится слѣдующее мѣсто: «почтенный нашъ старый механикъ Кулибинъ, живущій въ Нижнемъ и родившійся въ семъ городѣ, прочитавъ объ васъ увѣдомленіе въ «Рускомъ Вѣстникѣ», сказалъ, съ восхищеніемъ: «жаль, что я такъ старъ! а то поѣхалъ бы въ Москву обнять моего собрата».

Г. не былъ механикомъ-самоучкою, какъ его «собратъ» Кулибинъ. Онъ широко пользовался для развитія своего искусства и знаній по предметамъ той или другой изъ избираемыхъ имъ частей практической механики помощью спеціальной иностранной литературы. Онъ былъ хорошо знакомъ съ сочиненіями Румфорда, Шапталя и другихъ и не жалѣлъ часто послѣднихъ денегъ для пріобрѣтенія полезной иностранной книги.

Знавшіе Г. современники представляютъ его нравственную личность въ очень свѣтломъ видѣ. По ихъ словамъ, съ застѣнчивостью и скромностью онъ соединялъ добродушіе, честность и рѣдкое безкорыстіе. Послѣднее качество нерѣдко заставляло его терпѣть нужду.

«Русскій художникъ Алексѣй Филипповичъ Гладкой». Письмо къ издателю («Русскій Вѣстникъ», 1809 г., № 1, стр. 104—134); «Увѣдомленіе о новой прядильной машинѣ русскаго художника Алексѣя Филипповича Гладкова». Письмо къ издателю (Тамъ же, № 11, стр. 253—265); «Различныя извѣстія» (Тамъ же, 1810 г. № 9, стр. 114—121); «Московскія записки» («Вѣстникъ Европы», 1810 г., ч. LII, № 13, стр. 73—76); «Энциклопедическій Лексиконъ», т. XIV, стр. 260 (статья Языкова); Брокгаузъ Ефронъ, «Энциклопедическій Словарь», т. VIII, стр. 793.

В. В. Бобынинъ.

Глазатый, *Іоаннъ*, священникъ. Ему приписывается «Сказаніе» или «Исторія о Казанскомъ царствѣ», обнимающая событія отъ основанія Казани до покоренія ея царемъ Іоанномъ IV въ 1552 году, при чемъ о покореніи Казани авторъ говоритъ какъ очевидецъ. Этой «Исторіей», которая дошла до насъ въ очень большомъ количествѣ списковъ (до 200), находящихся какъ въ русскихъ, такъ и въ западно-европейскихъ библіотекахъ (Берлинъ, Дрезденъ, Оксфордъ), пользовались всѣ писавшіе о Казанскомъ царствѣ и о покореніи его Іоанномъ Грознымъ, начиная съ дьяка Андрея Лызлова, составившаго въ 1692 г. «Скиѳскую исторію» (издана Новиковымъ два раза, въ 1776 г. и 1787 г., въ 3 частяхъ); 3-я книга 1-й части «Скиѳской исторіи» состоитъ изъ сокращенія «Исторіи о Казанскомъ царствѣ», приписываемой Г. Впервые сказаніе Г. было издано въ Петербургѣ Академіей Наукъ въ 1791 г. подъ заглавіемъ «Исторія о Казанскомъ царствѣ неизвѣстнаго сочинителя XVI столѣтія» съ «предувѣдомленіемъ» Э. С. (предполагаютъ, что это Іоаннъ-Готлибъ Стриттеръ), по двумъ стариннымъ спискамъ, хранящимся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностр. Дѣлъ. Слѣдующія изданія, по другимъ спискамъ, вышли въ 1798 г. въ Петербургѣ въ «Подробной лѣтописи отъ начала Россіи до Полтавской баталіи» и въ 1810 г. въ Казани въ «Казанскомъ Вѣстникѣ» (не окончено). Въ 1853 г. въ приложеніи ко 2-й Со-

фійской лѣтописи («Полн. собр. русск. лѣт.», VI) напечатанъ отрывокъ, соотвѣтствующій части «Исторіи о Казанскомъ царствѣ». Въ 1902 г. въ Казани издано Ѳ. Т. Васильевымъ «Сказаніе о зачатіи Царства Казанскаго и о побѣдахъ Великихъ Князей Московскихъ со Царьми Казанскими, преславно содѣянныхъ, и о взятіи того Царства Казанскаго отъ Благочестиваго Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича, вся Россіи Самодержца. — Славянскій текстъ, изданный по рукописи, принадлежащей Ѳ. Т. Васильеву, съ предисловіемъ, указателемъ и краткимъ родословіемъ монгольскихъ и татарскихъ хановъ, Н. Ѳ. Катановымъ». Въ 1903 г. «Исторія о Казанскомъ царствѣ» («Казанскій Лѣтописецъ») издана Импер. Археографической Комиссіей въ томѣ XIX «Полнаго собранія русскихъ лѣтописей», подъ наблюденіемъ Г. З. Кунцевича. Томъ состоитъ изъ 2 частей. Въ первой части напечатанъ текстъ болѣе древней, по составу, редакціи, а во второй части — текстъ древнѣйшаго списка, но болѣе поздней редакціи, съ дополненіями изъ рукописей позднѣйшихъ редакцій. Текстъ первой части изданъ по 3 спискамъ: Казанской Духовной Академіи изъ Соловецкой Библіотеки (эта рукопись положена въ основаніе), В. И. Срезневскаго и Импер. Публ. Библіотеки, а текстъ второй части — по рукописямъ Румянцовскаго Музея, Московской Духовной Академіи, Академіи Наукъ, Московскаго Архива Иностр. Дѣлъ и Публичной Библіотеки (всего 8 рукописей, при чемъ въ основаніе положена рукопись Румянцовскаго Музея В. М. Ундольскаго, древнѣйшій по времени списокъ).

Татищевъ первый упоминаетъ о священникѣ Іоаннѣ Глазатомъ какъ объ авторѣ сочиненія «О доставаніи и взятіи града Казани», болѣе подробномъ, чѣмъ сказаніе Курбскаго. Рычковъ разсказываетъ объ авторѣ «Исторіи о Казанскомъ царствѣ» то, что можно извлечь изъ самой «Исторіи»: онъ былъ взятъ въ плѣнъ татарами, отведенъ въ Казань, тамъ подаренъ царю Сафа-Гирею и былъ 20 лѣтъ при дворѣ въ почтеніи и близости, имѣя возможность о всемъ освѣдомляться, по взятіи же Казани въ 1552 г. обращенъ былъ снова въ христіанство и получилъ отъ Іоанна IV землю; имя автора «Исторіи» Рычкову неизвѣстно. Н. И. Новиковъ въ своемъ «Опытѣ словаря писателей» въ статьѣ о Глазатомъ привелъ показанія Татищева и Рычкова, не высказавъ однако опредѣленно своего мнѣнія о тождествѣ Глазатаго и автора «Исторіи». Митрополитъ Евгеній въ своемъ «Словарѣ» первый отождествляетъ обоихъ казанскихъ лѣтописцевъ, что повторяли за нимъ и послѣдующіе историки. В. В. Вельяминовъ-Зерновъ въ 1863 г. замѣтилъ, что указаніе Татищева объ авторствѣ Глазатаго весьма слабое. С. М. Шпилевскій въ своемъ изслѣдованіи о древнемъ Булгарѣ высказалъ мнѣніе, что Глазатому принадлежитъ только вышеупомянутый лѣтописный отрывокъ, напечатанный въ приложеніи ко 2-й Софійской лѣтописи (онъ вошелъ въ «Исторію о Казанскомъ царствѣ» позднѣйшей редакціи), а не самая «Исторія», написанная другимъ лицомъ. Послѣдній изслѣдователь Казанскаго лѣтописца, Г. З. Кунцевичъ, говоритъ объ авторствѣ Г.: «кажется, предположеніе о принадлежности отрывка священнику Іоанну Глазатому имѣетъ нѣкоторое основаніе».

Иконниковъ, «Опытъ русской исторіографіи», т. II, ч. 2, стр. 1275—1289; «Полн. Собр. Русск. Лѣтописей», т. XIX (предисловіе); Г. З. Кунцевичъ, «Исторія о Казанскомъ царствѣ или Казанскій лѣтописецъ. Опытъ историческаго изслѣдованія», С.-Пб. 1905.

В. Корсакова.

Глазенапъ, *Богданъ (Готлибъ) Александровичъ*, генералъ-адъютантъ, адмиралъ, родился въ 1811 г. въ Лифляндіи, получилъ образованіе въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, 1 мая 1824 г. произведенъ въ гардемарины, послѣ чего плавалъ на кораблѣ «Св. Андрей» до о. Исландіи и обратно, а въ 1825 г. крейсеровалъ въ Балтійскомъ морѣ на кораблѣ «Сисой Великій»; въ 1826 г., 27 февраля, окончилъ корпусъ съ чиномъ мичмана; онъ вскорѣ отправился на шлюпѣ «Сенявинъ» въ кругосвѣтное плаванье въ Камчатку, за которое награжденъ орденомъ св. Анны 3 ст., и, по возвращеніи, состоялъ съ 30 сентября 1829 г. въ должности адъютанта сначала при дежурномъ генералѣ, а потомъ при начальникѣ главнаго мор-

ского штаба (съ 16 мая 1834 г. до 1838 г.). Г. въ 1830 г. крейсеровалъ въ Финскомъ заливѣ на кораблѣ «Кронштадтъ», 25 іюля 1831 г. произведенъ въ лейтенанты и въ томъ же году участвовалъ въ польской кампаніи, былъ при взятіи Варшавы и награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст. съ мечами и бантомъ, золотой саблей съ надписью: «за храбрость» (за Варшаву) и польскимъ знакомъ отличія 4-й ст. Затѣмъ находился въ плаваніи по Балтійскому морю на кораблѣ «Березина» и бригѣ «Усердіе» (1832) и награжденъ за 18 морскихъ кампаній орденомъ св. Георгія 4 ст. (1833). Въ 1834—1837 гг. плавалъ по Балтійскому морю на пароходахъ «Ижора», «Геркулесъ» и фрегатѣ «Касторъ» и сопровождалъ членовъ Императорской фамиліи въ германскіе порты. 6 декабря 1834 г. переведенъ въ гвардейскій экипажъ. 22 сентября 1837 г. произведенъ въ капитанъ-лейтенанты и въ томъ же году сопровождалъ Императора Николая I и Императрицу Александру Ѳеодоровну на пароходѣ «Сѣверная Звѣзда» изъ Одессы въ Крымъ и къ берегамъ Абхазіи; въ 1837-мъ же году по Высочайшему повелѣнію сдѣлалъ переводъ извѣстнаго французскаго сочиненія «Руководство къ управленію пароходами», за который получилъ брилліантовые перстни отъ Государя и отъ Вел. Кн. Михаила Павловича. Въ 1838 г. ходилъ на пароходѣ «Геркулесъ» съ Государемъ и Наслѣдникомъ изъ Кронштадта въ Штетинъ и Стокгольмъ и съ Государемъ и Государыней изъ Штетина въ Ревель, а также на пароходѣ «Александръ» по особому порученію изъ Штетина въ Стокгольмъ. 3 октября 1838 г. назначенъ флигель-адъютантомъ. Въ началѣ 1839 г. командовалъ своднымъ морскимъ батальономъ въ экспедиціи противъ горцевъ, подъ начальствомъ М. П. Лазарева, и за участіе въ десантѣ при Субаши (съ реляціей о взятіи Субаши былъ посланъ въ Петербургъ Г.) и Шахе получилъ орденъ св. Анны 2-й ст. Въ 1840 г. участвовалъ въ десантѣ у форта Вельяминовскаго (Туапсе), а съ 1841 г. по 1846 г. командовалъ послѣдовательно бригомъ «Козарскій» (1841), корветомъ «Львица» (1842), фрегатомъ «Екатерина» (1843) и корветомъ «Князь Варшавскій» (1845—1846), на которомъ совершилъ плаваніе въ Средиземное море. 1 января 1844 г. произведенъ въ капитаны 2-го ранга, а 1 іюля 1846 г. — въ капитаны 1-го ранга. Въ 1847—1848 гг. ходилъ на пароходо-фрегатахъ «Грозящій» и «Камчатка» съ членами Императорской фамиліи и иностранными принцами въ Киль и Свинемюнде, въ 1849 г. плавалъ по Балтійскому морю на корабляхъ «Ферштампенуазъ» и «Императоръ Александръ I» и пароходо-фрегатахъ «Смѣлый» и «Грозящій», а въ 1850 г. плавалъ у береговъ Даніи и по Балтійскому и Нѣмецкому морямъ на пароходо-фрегатахъ «Грозящій» и «Отважный» и въ должности начальника штаба 3-й флотской дивизіи на кораблѣ «Россія», фрегатѣ «Архимедъ» и пароходо-фрегатахъ «Отважный» и «Камчатка» въ эскадрѣ вице-адмирала Епанчина. Въ 1844 г. командированъ въ Лондонъ для постройки канонерскихъ іолъ и десантной лодки. Затѣмъ занималъ должности сначала дѣлопроизводителя (1846), а потомъ непремѣннаго члена морского ученаго комитета (1847). Въ 1848 г., кромѣ того, онъ редактировалъ «Морской Сборникъ» и съ 1850 г. состоялъ членомъ Комитета по пересмотру морскихъ узаконеній. Назначенный 8 апрѣля 1851 г. исправлять должность директора морского корпуса, Г. былъ 15 декабря 1852 г. произведенъ въ контръ-адмиралы съ назначеніемъ въ свиту Его Величества и съ утвержденіемъ въ должности, 12 марта 1855 г. назначенъ временно-управляющимъ гидрографическимъ департаментомъ, а въ октябрѣ того же года командированъ агентомъ отъ Морского министерства въ Швецію, Норвегію и Данію; въ 1857 г. сопровождалъ Вел. Кн. Константина Николаевича во Францію и 21 октября назначенъ главнымъ командиромъ Архангельскаго порта и Архангельскимъ военнымъ губернаторомъ. Во время посѣщенія порта Императоромъ Александромъ II 21 іюня 1858 г., при закладкѣ винтового фрегата, Г. удостоился званія генералъ-адъютанта. 1 февраля 1860 г. назначенъ главнымъ командиромъ Николаевскаго порта и Николаевскимъ военнымъ губернаторомъ, 23 апрѣля 1861 г. произведенъ въ вице-адмиралы и 30 ав-

густа 1869 г. — въ адмиралы. 26 апрѣля 1871 г. назначенъ членомъ Адмиралтействъ-совѣта и Александровскаго комитета о раненыхъ, а 28 января 1877 г. — почетнымъ членомъ Николаевской морской академіи. Онъ имѣлъ ордена св. Станислава 1-й ст. (1855), св. Анны 1-й ст. (1856), Бѣлаго Орла (1866), св. Александра Невскаго (1 января 1877 г., алмазные знаки 1 апр. 1879 г.), св. Владиміра 1-й ст. (15 мая 1883 г.), 3-й ст. (1849) и 4-й ст. съ мечами (1864) и крестъ за службу на Кавказѣ (1864). 1 января 1863 г. ему были пожалованы 4000 десятинъ земли. Б. А. Г. скончался 23 ноября 1892 г. въ Висбаденѣ. Г. помѣстилъ въ «Морскомъ Сборникѣ» слѣдующія статьи: 1) рецензія на сочиненіе К. Н. Посьета «Вооруженіе военныхъ судовъ» (1858 г., № 12); 2) «О денежномъ счетоводствѣ и отчетности морского вѣдомства въ Голландіи» (1859 г., №№ 7 и 8); 3) «О преобразованіи рабочихъ силъ Архангельскаго порта. Проектъ Б. Глазенапа» (1860 г. № 2); 4) «Краткій очеркъ Архангельскаго порта и его дѣятельности» (1860 г. № 9); здѣсь же было напечатано нѣсколько оффиціальныхъ его донесеній и отчетовъ. Имъ былъ сдѣланъ разборъ слѣдующихъ сочиненій, представленныхъ на соисканіе Демидовской преміи: «Руководство для служащихъ на военныхъ морскихъ пароходахъ» кап.-лейтенанта Скаловскаго (XVI прис. Дем. нагр. 1847 г.), «Теорія паровыхъ машинъ» Божерянова (разборъ на нѣмецкомъ языкѣ, совмѣстно съ академиками Ленцомъ и Якоби, XIX прис. Дем. нагр. 1850 г.) и «Вооруженіе военныхъ судовъ» кап.-лейтенанта К. Посьета (XX прис. Дем. нагр. 1851 г.). Г. былъ дѣйств. членомъ Географическаго общества.

«Правительственный Вѣстникъ» 1892 г., № 257; «С.-Петербургскія Вѣдомости», 28 февраля 1876 г.; «Новое Время» 1892 г., № 6061; «Архивъ Раевскихъ», т. III, стр. 21, 129; Ламбины, «Русская Историческая библіографія» (1860 г.); Указатель къ «Морскому Сборнику»; «Систематич. и алфавитн. указатель статей, помѣщенныхъ въ періодич. изданіяхъ и сборникахъ Имп. Академіи Наукъ», ч. II; «Общій морской списокъ», ч. IX.

Е. Александровичъ.

Глазенапъ *(фонъ-), Владиміръ (Вольдемаръ) Александровичъ*, контръ-адмиралъ, потомъ тайный совѣтникъ, морской писатель; произведенный 10 мая 1824 г. въ гардемарины, плавалъ на кораблѣ «Св. Андрей» до о. Исландіи. Въ мичманы произведенъ 27 февр. 1826 г. и въ 1826—1829 гг. совершилъ на шлюпѣ «Моллеръ» подъ командой капитана 2-го ранга Станюковича кругосвѣтное плаваніе въ Камчатку. Въ 1830—1832 гг. плавалъ по Финскому заливу и Балтійскому морю на корабляхъ „Императоръ Александръ I» и «Бріеннъ» и въ это время произведенъ въ лейтенанты (25 іюля 1831 г.). Въ 1834—1836 гг. командовалъ люгерами «Петергофъ» и «Ораніенбаумъ» и плавалъ на нихъ по Финскому и Балтійскому заливамъ. 5 апрѣля 1838 г. произведенъ въ капитанъ-лейтенанты и въ томъ же году, командуя люгеромъ «Ораніенбаумъ», плавалъ до Свинемюнде, откуда на буксирѣ парохода «Геркулесъ» сопровождалъ Императора Николая I въ Стокгольмъ. Въ 1839—1849 гг. онъ командовалъ пароходомъ (потомъ пароходо-фрегатъ) «Богатырь» и ходилъ съ членами Императорской фамиліи и иностранными принцами въ Пруссію, Данію и Швецію и съ Государемъ въ Копенгагенъ (1844). Въ 1841 г. награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст., 6 декабря 1846 г. получилъ чинъ капитана 2 ранга и 6 декабря 1849 г.— капитана 1 ранга. Въ 1850—1851 гг. командовалъ винтовымъ фрегатомъ «Архимедъ», на которомъ плавалъ до береговъ Даніи и Швеціи. Потерпѣвъ крушеніе у острова Борнгольма, Г. возвратился съ командой на пароходо-фрегатѣ „Камчатка» въ Кронштадтъ и 22 ноября 1851 г. былъ уволенъ отъ службы. 30 августа 1860 г. велѣно считать его уволеннымъ отъ службы съ чиномъ контръ-адмирала. 27 апрѣля 1866 г. Г. вновь поступилъ на службу и былъ причисленъ къ Министерству государственныхъ имуществъ; переименованный 15 февраля 1871 г. въ дѣйств. статскіе совѣтники, онъ въ 1872 г. перешелъ на службу въ Министерство финансовъ и занималъ должности сначала младшаго члена С.-Петербургской сухопутной таможни, а съ середины 70-хъ годовъ — управляющаго Архангельскимъ таможеннымъ округомъ. Въ 1882 г. уволенъ отъ службы съ чиномъ тайнаго совѣтника.

Г. напечаталъ въ «Морскомъ Сборникѣ» статьи: 1) «Способъ поднятія гребного винта на палубу и укрѣпленіе на ней винта запаснаго» (1852 г., № 1); 2) «Замѣчанія объ управленіи судами, снабженными вспомогательными винтовыми двигателями» (1852 г., № 4); 3) «Разныя замѣчанія о винтовыхъ судахъ» (1852 г., № 5); 4) «О машинахъ, дѣйствующихъ нагрѣтымъ воздухомъ» (1852, № 11); 5) «Отвѣтъ на статью «О собраніи моряковъ въ столицѣ» (1857 г., № 4, за подписью: Отставной морякъ); 6) «Нѣсколько практическихъ способовъ для опредѣленія нарицательной и дѣйствительной силъ паровыхъ машинъ низкаго и высокаго давленія» (1857 г., № 6).

«Общій морской списокъ», IX, 588—590; Указатель къ «Морскому Сборнику»; Списки гражданскимъ чинамъ первыхъ четырехъ классовъ.

Глазенапъ, *Владиміръ (Отто-Вольдемаръ) Григорьевичъ*, генералъ-лейтенантъ, изъ дворянъ Лифляндской губ., родился 2 февраля 1784 г., получилъ образованіе въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, изъ котораго выпущенъ 25 ноября 1804 г. корнетомъ въ Павлоградскій гусарскій полкъ. Въ 1805 г. во время первой войны съ Наполеономъ участвовалъ въ сраженіяхъ при Амштетенѣ, Шенграбенѣ, Вишау и Аустерлицѣ и за отличіе въ послѣднемъ получилъ орденъ св. Анны 3-й ст. Переведенный 17 августа 1806 г. въ Уланскій Цесаревича Константина Павловича (впослѣдствіи л.-гв. Уланскій) полкъ, Г. принялъ участіе и во второй войнѣ съ французами, былъ въ сраженіяхъ при Гутштадтѣ, Гейльсбергѣ и Фридландѣ и за послѣднее награжденъ золотой саблей съ надписью «за храбрость». 7 декабря 1807 г. произведенъ въ поручики и 12 декабря 1810 г. — въ штабсъ-ротмистры. Во время Отечественной войны онъ участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Полоцкомъ (въ августѣ и въ октябрѣ), подъ Бѣлымъ, при Дриссѣ, Чашникахъ и Борисовѣ, въ 1813 г.— при Бауценѣ, Люценѣ, Дрезденѣ, Кульмѣ, Лейпцигѣ и Буттельштедтѣ и въ 1814 г. — при Бріеннѣ, Монмиралѣ, Сезаннѣ, Сомпюи, Фершампенуазѣ (былъ здѣсь раненъ въ лѣвый бокъ пулей) и Парижѣ; за отличіе въ этихъ бояхъ награжденъ чиномъ ротмистра (31 октября 1812 г.) и орденами: русскими — св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ за Полоцкъ (въ октябрѣ), св. Анны 2-й ст. за Кульмъ, св. Георгія 4-й ст. за Сомпюи и алмазными знаками св. Анны 2-й ст. за Парижъ, прусскими — Желѣзнымъ крестомъ (за Кульмъ) и pour le mérite и баварскимъ — Максимиліана (за Сомпюи). Въ чинѣ полковника (съ 22 октября 1816 г.) переведенъ 7 декабря 1817 г. во вновь сформированный л.-гв. Уланскій Цесаревича Константина Павловича полкъ, а 23 ноября 1819 г. назначенъ командиромъ Польскаго уланскаго полка. По производствѣ въ генералъ-маіоры (18 апрѣля 1826 г.) получилъ въ командованіе л.-гв. Драгунскій полкъ (6 декабря 1826 г.). Съ этимъ полкомъ Г. участвовалъ въ турецкой войнѣ 1828—1829 гг. въ сраженіяхъ при Хаджи-Гассанѣ, подъ Варной (здѣсь 18 сентября контуженъ въ лѣвый бокъ) и при р. Камчикѣ и въ осадѣ Силистріи и награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й ст. (за Хаджи-Гассанъ) и золотой саблей, украшенной алмазами, съ надписью «за храбрость». 14 марта 1829 г. онъ, оставаясь полковымъ командиромъ, получилъ командованіе 2-й бригадой 1-й легкой гвард. кавалерійской дивизіи. Во время подавленія польскаго мятежа Г. со своей бригадой принималъ участіе въ различныхъ рекогносцировкахъ и авангардныхъ дѣлахъ, а затѣмъ и въ генеральныхъ сраженіяхъ при Остроленкѣ и Варшавѣ и получилъ ордена св. Анны 1-й ст. (за авангардныя дѣла), св. Владиміра 2-й ст. (за Остроленку) св. Георгія 3-й ст. (18 окт. 1831 г.) въ воздаяніе отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ 25 и 26 августа 1831 г. при штурмѣ Варшавскихъ укрѣпленій. Послѣ войны онъ командовалъ короткое время 1-й бригадой той же дивизіи (съ 20 января 1832 г.), а затѣмъ дивизіями: 2-й уланской (командующій 10 февраля 1832 г., начальникъ 13 сентября того же года), 5-й легкой кавалерійской (съ 4 февраля 1836 г.) и снова 2-й уланской (съ 22 іюля 1842 г.). 6 декабря 1833 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Кромѣ боевыхъ отличій, былъ награжденъ орденами св. Станислава 1-й ст. (1829 г.) и Бѣлаго Орла (1837 г.) и

2 табакерками (въ 1836 и 1842 гг.). Г. умеръ, будучи уже въ отставкѣ, 16 декабря 1862 г. и погребенъ на Волковомъ лютеранскомъ кладбищѣ въ Петроградѣ.

Формулярный списокъ (Архивъ Моск. Двор. Депут. Собранія, д. № 481); «Военный Сборникъ» 1909 г., № 12, стр. 270 (Судравскій, «Георгіевскіе кавалеры за 140 лѣтъ»); «Петербургскій Некрополь», т. I. *О. Жукова.*

Глазенапъ, *Григорій Ивановичъ*, генералъ-лейтенантъ, одинъ изъ главныхъ дѣятелей покоренія Кавказа, командиръ отдѣльнаго Сибирскаго корпуса, происходилъ изъ лифляндскаго дворянства, родился въ 1751 (1750) году и получилъ хорошее для того времени образованіе; кромѣ основныхъ наукъ онъ зналъ хорошо иностранные языки. На 14-мъ году, 14 іюля 1764 г., онъ началъ службу въ 3-мъ гренадерскомъ полку и черезъ 3 мѣсяца, 18 сентября, былъ произведенъ въ подпрапорщики. Спустя годъ (18 сентября 1765 г.) Г. былъ сержантомъ. Служебную карьеру онъ сдѣлалъ чрезвычайно медленно. Пробывъ около 6 лѣтъ въ нижнихъ чинахъ, произведенъ 1 января 1770 г. въ прапорщики въ Симбирскій мушкетерскій полкъ. Это совпало съ войной съ турками, а Симбирскій полкъ входилъ въ составъ арміи гр. Румянцева. Г. пришлось участвовать въ сраженіяхъ — близъ Рябой Могилы (17 іюня), при Ларгѣ (7 іюля) и подъ Кагуломъ (21 іюля). 1 января 1771 г. онъ былъ произведенъ въ подпоручики и 24 числа того же мѣсяца — въ поручики Старооскольскаго мушкетерскаго полка. Въ этомъ же году Г. пришлось участвовать въ неудачномъ приступѣ къ Журжѣ (7 августа), въ сраженіи подъ Бухарестомъ (22 сентября) и въ занятіи Журжи (24 сентября). Въ 1773 г. Г., переведенный въ лейбъ-Кирасирскій полкъ, принималъ участіе въ сраженіяхъ при Силистріи и Карасу. 24 сентября 1776 г. Г. былъ произведенъ въ ротмистры, а 29 августа 1784 г. — въ секундъ-маіоры. Съ началомъ второй турецкой войны, Г. сдѣлалъ кампанію 1789 г., въ которой часто командовалъ отрядомъ легкихъ войскъ. Неся аванпостную службу по р. Пруту, онъ, между прочимъ, отбилъ у турокъ 1127 семействъ крестьянъ и поселилъ ихъ на р. Гланѣ. Въ сентябрѣ Г. участвовалъ въ сраженіяхъ при Цыганкѣ (3-го числа), при Сангѣ и Салкуцѣ и подъ Измаиломъ. 14 сентября, будучи откомандированъ съ тремя сотнями арнаутъ въ мѣстечко Карнатохе-Красне, заставилъ засѣвшихъ тамъ турокъ (500 ч.) отступить къ судамъ и несмотря на подкрѣпленіе, въ количествѣ 5 кораблей и 12 судовъ, не допустилъ ихъ къ высадкѣ. Отъ 16 по 25 ноября, находясь въ корпусѣ генералъ-поручика Михельсона, часто тревожилъ непріятеля небольшими стычками. За отличіе въ этихъ дѣлахъ онъ былъ произведенъ въ премьеръ-маіоры, а 9 октября 1792 г. въ подполковники, съ переводомъ въ Орденскій кирасирскій полкъ, изъ котораго 15 марта 1795 г. былъ переведенъ въ Нѣжинскій карабинерный полкъ. 26 ноября 1795 г. Г. получилъ орденъ св. Георгія 4-го класса за выслугу 25 лѣтъ. 21 марта 1797 г. онъ по собственному желанію переведенъ въ Ямбургскій кирасирскій полкъ. Возвышеніе Г. началось въ царствованіе Павла послѣ почти 30-лѣтней службы въ офицерскихъ чинахъ. 15 іюля 1798 г. онъ произведенъ въ полковники, 18-го октября того же года въ генералъ-маіоры. 9 января 1799 г. назначенъ шефомъ Драгунскаго, своего имени, полка, который ему поручено было сформировать въ Харьковѣ. Однако Г. не успѣлъ еще докончить его формированіе, какъ получено было Высочайшее повелѣніе объ упраздненіи полка, а самъ онъ остался за штатомъ и 4 марта 1800 г. уволенъ отъ службы генералъ-лейтенантомъ. 17 марта 1801 г. Г. былъ вновь принятъ на службу и 30 марта назначенъ шефомъ вновь сформированнаго Нижегородскаго драгунскаго полка. 14 октября 1803 г. Г. былъ пожалованъ алмазный перстень съ вензелемъ Его Величества, а 13 ноября того же года онъ назначенъ инспекторомъ кавалеріи Кавказской инспекціи и командующимъ войсками на линіи съ оставленіемъ шефомъ Нижегородскихъ драгунъ. 29 марта 1804 г. онъ вступилъ въ командованіе войсками Кавказской линіи. Дальнѣйшая служба Г. на Кавказѣ была полна тревогъ и боевыхъ опасностей. Въ своихъ письмахъ Г. очень ярко характеризуетъ какъ положеніе

дѣлъ на Кавказѣ, такъ и духъ самихъ горцевъ, у которыхъ «*миръ* — означаетъ робость и слабосиліе», которые «не вѣдаютъ ни чести, ни совѣсти, ни жалости». «Война, по свидѣтельству Г., была не опасна для полковъ и отрядовъ, но гибельна для солдатъ и казаковъ, которые отваживались отдѣлиться поодиночкѣ за какою-нибудь надобностью». Вотъ почему, тогдашняя служба на линіи, по его словамъ, требовала «недреманности, искусныхъ стрѣлковъ, наѣздниковъ и самую легкую артиллерію, по узкимъ горнымъ тропинкамъ удобно провозимую».

Первымъ важнымъ дѣломъ, порученнымъ Г. главноначальствующимъ княземъ Цицiановымъ, было наказаніе кабардинцевъ за то, что они на Бѣломечетскомъ посту вырѣзали казаковъ и безпрестанно тревожили сторожевые посты. Г. и самъ считалъ необходимою эту экспедицію, ибо «на азіатцевъ человѣколюбіе и амнистія не производятъ ничего добраго: они принимаютъ это за знакъ слабости и трусость». 3 мая 1804 г. отрядъ Г. изъ 1750 человѣкъ пѣхоты, драгунъ и казаковъ выступилъ изъ станицы Прохладной. 9 мая онъ, перейдя р. Баксанъ, сталъ лагеремъ на равнинѣ. Полторы тысячи кабардинцевъ вскорѣ подошли къ лагерю. Высланные противъ нихъ казаки завязали съ ними перестрѣлку, но они, узнавъ о приближеніи отряда генералъ-маіора Леццано, отступили. Г. перешелъ къ р. Чегему, и 14 мая, пройдя 6 верстъ отъ переправы черезъ Чегемъ, встрѣтилъ до 11000 кабардинцевъ, чеченцевъ и другихъ горцевъ. Они укрылись въ укрѣпленныхъ аулахъ. Послѣ семичасового боя непріятель бѣжалъ въ горы, а аулы были сожжены. 19 мая къ Г. явились владѣльцы, уздени и эфендіи Большой Кабарды съ покорностью и просьбою о пощадѣ. 22 мая онъ вернулся въ Прохладную. Въ іюнѣ Г. снова пришлось итти въ Кабарду. 20-го, наскоро собравъ отрядъ, онъ выступилъ за р. Малку, въ помощь отряду ген.-маіора Дехтерева, который былъ окруженъ кабардинцами и отступилъ за Малку. Кабардинцы вступили въ переговоры. Между тѣмъ одинъ изъ кабардинскихъ князей бѣжалъ за Кубань и поднялъ тамъ мелкія горскія племена, которыя и напали на посты линіи. Поэтому 27 іюня Г. поспѣшилъ изъ Кабарды для ихъ усмиренія. Кабардинцы снова заволновались, но 30-го Г. внезапно возвратился и принудилъ ихъ смириться. Въ награду за благоразумныя и дѣятельныя распоряженія Глазенапа рескриптомъ отъ 21 іюля 1804 г. Государь изъявилъ ему «совершенное свое удовольствіе», а 23 августа пожаловалъ ему орденъ св. Владиміра 2-й ст. Осенью того же года Г. получилъ приказаніе во чтобы то ни стало открыть сообщеніе съ Грузіею и съ этою цѣлью отправить черезъ Дарьяльское ущелье отрядъ; 17 сентября выступилъ отрядъ ген.-маіора Несвѣтаева изъ Владикавказа и, встрѣчая на каждомъ шагу препятствія, прошелъ по нынѣшней военно-грузинской дорогѣ. Получивъ въ концѣ ноября подкрѣпленіе, Г. составилъ два отряда для наказанія закубанскихъ горцевъ; во главѣ одного отряда сталъ онъ самъ, а другой поручилъ ген.-маіору Лихачеву. Въ ночь на 3 декабря отрядъ Г. выступилъ въ походъ, къ рѣкамъ Большому и Малому Зеленчукамъ, 5-го Г. соединился съ отрядомъ Лихачева и двинулся къ р. Большой Лабѣ, гоня непріятеля и уничтожая аулы. 12-го декабря бесленейцы явились къ Г. съ повинной и 14-го присягнули на вѣрность Россіи. Послѣ этого онъ пошелъ обратно и, прибывъ 8 января 1805 г. на Баталпашинскую переправу, распустилъ отрядъ. Въ всеподданнѣйшемъ своемъ докладѣ отъ 22 января Г. выражалъ надежду, что теперь Кавказская линія будетъ покойна «на многіе годы». За «отличную дѣятельность, усердіе и благоразумныя распоряженія» онъ былъ награжденъ 1 марта 1805 г. орденомъ св. Анны 1-й ст. съ алмазами. Послѣ усмиренія горцевъ Г. пришлось воевать съ другимъ врагомъ — чумой, губившей наши войска. Рядомъ энергичныхъ мѣръ онъ остановилъ развитіе эпидеміи.

8 февраля 1806 г. былъ измѣнически убитъ главнокомандующій края кн. Цицiановъ, и Г—у Высочайше повелѣно было вступить въ управленіе всѣмъ краемъ. Со смертью кн. Цицiанова покоренные имъ народы заволновались: персіяне, собравъ значительное войско, готовились вытѣснить русскихъ изъ Закавказья; началось движеніе въ

областяхъ, населенныхъ мусульманами, горцы участили свои набѣги. Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда Г. принялъ начальствованіе надъ краемъ, но, несмотря на эти затрудненія, онъ успѣшно управлялъ краемъ до прибытія новаго главноуправляющаго, гр. Гудовича.

Не теряя времени, Г. предписалъ четыремъ генераламъ составить отряды для отраженія нашествія персіянъ, а самъ рѣшилъ итти на Дербентъ и Баку. Цѣль похода хранилась въ глубокой тайнѣ и сообщена была Г. только 2—3 лицамъ. Сдѣлано было имъ распоряженіе, чтобы Каспійскій флотъ съ провіантомъ и осадною артиллеріей былъ въ извѣстный срокъ на Дербентскомъ рейдѣ. Въ концѣ апрѣля 1806 г. отрядъ перешелъ границу и, простоявъ здѣсь около мѣсяца, въ исходѣ мая двинулся далѣе. 2 мая Г. сталъ лагеремъ у Додручкова поста, чтобы воспрепятствовать вторженію въ Грузію казыкумухскаго хана и обезпечить лѣвый флангъ Кавказской линіи, 3 іюня онъ выступилъ въ Дагестанъ. По мѣрѣ приближенія Г. къ Дербенту, граждане этого города заволновались, и вскорѣ вспыхнулъ бунтъ: нелюбимый ханъ поспѣшилъ оставить городъ. 21 іюня къ Г. въ лагерь при Куцу прибыли депутаты Дербента съ заявленіемъ покорности, 22-го Лихачевъ занялъ ханскій Нарынъ-Калэ, а 23-го Г. прибылъ къ Дербенту и принялъ ключи крѣпости; жители приведены были къ присягѣ Александру I. За занятіе Дербента Г. получилъ брилліантовую табакерку и пенсію въ 3000 руб. Между тѣмъ, отправленные Г. отряды для вытѣсненія персіянъ удачно исполнили возложенное на нихъ дѣло и оттѣснили непріятеля въ Персію. Въ это же время жители городовъ Кубы и Баку принесли повинную. Между тѣмъ назначенъ былъ новый главнокомандующій гр. Гудовичъ, не любившій Г. съ давнихъ поръ. Онъ приказалъ Г. сдать отрядъ ген. Булгакову. Исполнивъ приказаніе 26 августа, Г. уѣхалъ въ отпускъ, а затѣмъ вернулся къ мѣсту своей службы. Зима 1806 г. прошла спокойно, если не считать мелкихъ черкесскихъ разбоевъ. 27 января 1807 г. ему повелѣно было состоять по арміи, а 4 февраля онъ назначенъ инспекторомъ Сибирской инспекціи и начальникомъ Сибирской линіи. Въ Сибири дѣятельность Г. была направлена на мирное развитіе края и благоустройство сибирскаго войска.

Тяжелое чувство испыталъ Г. по прибытіи на мѣсто назначенія, въ Омскъ. Вмѣсто привычнаго порядка въ войскахъ, здѣсь онъ увидѣлъ полную распущенность; многіе офицеры ходили по лагерю въ халатахъ. Пришлось немедленно начать подтягивать войска. Г., какъ инспектору Сибирской инспекціи, были подчинены войска, растянутыя отъ Тобольска до Камчатки. Такимъ образомъ открывалось для него широкое поле дѣятельности.

За выводомъ въ Россію армейскихъ полковъ, онъ принялся за переформировку и усовершенствованіе оставшихся гарнизонныхъ войскъ и добился того, что сибирскіе полки неоднократно успѣшно выдерживали натискъ французской кавалеріи въ 1812 г. Большое вниманіе Г. обратилъ и на школы кантонистовъ. Въ своей Омской школѣ Г. бывалъ ежедневно и старался возможно лучше упорядочить преподаваніе и, между прочимъ, примѣнилъ методъ взаимнаго обученія Беля и Ланкастера еще въ 1810 г., когда въ остальной Россіи объ этомъ и понятія не имѣли. Въ то же время Г. не переставалъ содѣйствовать оживленію азіатской торговли; начались сношенія съ китайскими пограничными городами Чугучакомъ и Кульджей. Въ 1819 г. въ Петербургъ прибыло посольство отъ Большой киргизской орды съ просьбой принять ее въ подданство Россіи. Г. представилъ выгоды, какія могутъ отъ этого произойти: граница подвинется на 500 в. въ степь, караваны будутъ въ безопасности, можно будетъ воспользоваться ископаемыми богатствами края. Не малую роль, для успѣха торговли въ краѣ, оказало устройство Г. образцовыхъ казачьихъ войскъ, благодаря чему совершенно прекратились набѣги киргизовъ, дороги очистились и стали совершенно безопасны. 30 апрѣля 1811 г. «за дѣятельность и усердіе въ открытіи новыми путями съ Азіею торговли» Александръ I пожаловалъ Г. табакерку съ Высочайшимъ вензелемъ; въ слѣдующемъ го-

у, 26 марта, за «долговременную и отличную службу и за успѣшное образованіе Сибирскаго казачьяго войска» Г. былъ пожалованъ орденомъ св. Александра Невскаго. 25 декабря 1815 г. вслѣдствіе уничтоженія инспекцій Г. былъ назначенъ командиромъ отдѣльнаго Сибирскаго корпуса. Скончался Г. въ Омскѣ 10 марта 1819 г.

Г. былъ представителемъ типа стараго служаки и строгаго начальника. Не допуская никакой фамильярности съ подчиненными, онъ въ то же время былъ человѣкъ гуманный, не заносчивый, безукоризненно честный и безкорыстный. Чрезвычайно педантичный, онъ, несмотря на свои болѣзни и годы, никогда не позволялъ себѣ показываться предъ подчиненнымъ безъ мундира, шляпы и шпаги. На Кавказѣ весь штабъ его, несмотря на многосложность занятій, состоялъ изъ 2 адъютантовъ и 2—3 писарей, не выходившихъ изъ его квартиры съ утра до ночи.

Подчиненные увѣковѣчили память покойнаго, поставивъ въ 1826 г. на его могилѣ памятникъ-пирамиду съ бронзовыми украшеніями и фамильнымъ гербомъ. На одной изъ четырехъ сторонъ пирамиды помѣщена слѣдующая эпитафія:

Онъ дѣйствовалъ какъ мужъ, жилъ какъ дитя счастливый;
Неправду онъ всегда неправдою считалъ,
Но сердце доброе, разсудокъ справедливый
На пользу родинѣ счастливо сочеталъ.
Не славы громкихъ дѣлъ искалъ въ полезной жизни,
Старался кротостью привлечь къ себѣ сердца,
И имя чистое взялъ въ гробъ безъ укоризны!
Здѣсь дѣти погребли прахъ добраго отца.

«Рус. Ст.» 1896 г., т. II, 157, 1899 г. т. IV, 558, 1907 г., т. III, 122—125, 284, 549—554; «Рус. Архивъ» 1892 г., т. I, 267, 1897 г., I, 477, 481, II, 224, 307; «Истор. Вѣстникъ» 1889 г., т. 38, стр. 506, 508, 1899 г., т. 78, стр. 827; «Военный Сборникъ» 1875 г., № 9, стр. 1—56, № 10, стр. 189—218, № 11, стр. 1—48, № 12, стр. 263—292; С. Новоселовъ, «Г. И. Глазенапъ», изд. 1858 г., стр. 1—35 «(Подвиги и жизнь замѣчат. лицъ, дѣйствовавшихъ на Кавказѣ», изд. подъ ред. С. Новоселова); «Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ» 1889 г., т. IV, стр. 10; «Военная Энциклопедія», изд. Сытина, т. VIII; «Хронологическій указатель военныхъ дѣйствій русской арміи и флота», т. I и II; Н. Ѳ. Дубровинъ, «Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ», т. IV.

А. Ельницкій.

Глазенапъ, *Павелъ Александровичъ*, инженеръ путей сообщенія, род. въ 1818 г., получилъ образованіе въ институтѣ путей сообщенія, куда поступилъ кадетомъ въ 1832 г. и гдѣ 17 лѣтъ отъ рожденія въ 1835 г. произведенъ въ прапорщики. Выпущенный въ 1838 г. поручикомъ на дѣйствительную службу, онъ послѣдовательно служилъ по постройкѣ Рижскаго шоссе, въ искусственномъ отдѣленіи I округа путей сообщенія, съ мая 1840 г. на работахъ по соединенію рѣкъ Волги и Москвы, въ южной дирекціи по изысканіямъ Николаевской дороги и съ 1842 г. по постройкѣ этой дороги (подъ его наблюденіемъ построенъ мостъ черезъ р. Цну). Послѣ открытія Николаевской дороги служилъ на ней же помощникомъ начальника 3-го отдѣленія (1851) и 7-го (съ марта по іюль 1857 г.). Въ 1852 г. работалъ по постройкѣ С.-Петербурго-Варшавской ж. д., и въ 1857 г. былъ причисленъ къ главному управленію путей сообщенія. Въ 1861 г., оставивъ службу, былъ выбранъ мировымъ посредникомъ по Вышневолоцкому уѣзду Тверской губ. Здѣсь Г. примкнулъ къ кружку дворянъ, добивавшемуся завершенія реформъ созывомъ народныхъ представителей. Въ 1862 г. въ числѣ другихъ 13 лицъ, принадлежавшихъ къ составу мировыхъ учрежденій Тверской губерніи, онъ былъ преданъ по Высочайшему повелѣнію суду за письменное заявленіе мѣстному губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію, что они намѣрены впредь руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ воззрѣніями и убѣжденіями, несогласными съ положеніемъ 19 февраля 1861 г., и что всякій другой образъ дѣйствій они признаютъ враждебнымъ обществу. Обвиненные были арестованы и отвезены въ Петербургъ, гдѣ посажены въ Петропавловскую крѣпость и преданы суду Сената. За составленіе и распространеніе заявленія, заключающаго въ себѣ недозволенныя сужденія о постановленіяхъ и дѣйствіяхъ правительства, съ нарушеніемъ служебнаго порядка, рѣшеніемъ Сената (по 1-му отдѣленію 5-го департамента) Г. былъ приговоренъ къ лишенію нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и заключенію въ смирительномъ домѣ на 2 года 2 мѣсяца; 18 іюля осужденные были подвергнуты заключенію, но

22 іюля отъ отбыванія этого наказанія освобожденъ по Высочайшему повелѣнію (благодаря заступничеству генералъ-губернатора кн. Суворова), по случаю дня тезоименитства Императрицы Маріи Александровны. Въ 1868 г. Г. были возвращены всѣ права и преимущества. Въ 1870 г. въ чинѣ надворнаго совѣтника онъ вновь поступилъ на службу по Министерству путей сообщенія и назначенъ инспекторомъ Царскосельской и Петергофской ж. д. Въ 1876 г. перемѣщенъ на должность инспектора Балтійской ж. д. Скончался скоропостижно отъ разрыва сердца 10 декабря 1882 г. Напечаталъ въ «Журналѣ Путей Сообщенія» 1859 г. статью «Способъ экономическаго распредѣленія матеріаловъ при устройствѣ высокихъ каменныхъ опоръ».

Житковъ, «Біографіи инженеровъ путей сообщенія», I, 16—18; Б. Базилевскій, «Государств. преступленія въ Россіи въ XIX в.», т. I, 115—116; Корниловъ, «Обществ. движеніе при Александрѣ II», 117, 118; «Новое Время» 1882 г., № 2439. *О. Жукова.*

Глазовъ, *Михаилъ Ѳаддеевичъ*, депутатъ отъ Обоянскаго дворянства въ Комиссіи для составленія новаго уложенія, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ ея членовъ. Въ 1733 г. поступилъ солдатомъ въ Преображенскій полкъ и въ 1752 г. отставленъ съ чиномъ гвардіи прапорщика. Сдѣлавшись членомъ Комисіи Уложенія, онъ 9 августа 1767 г. избранъ былъ въ число кандидатовъ въ члены Дирекціонной комиссіи, но не былъ утвержденъ Государыней. Первое выступленіе Г. въ Комиссіи ознаменовалось скандаломъ, едва не повлекшимъ за собой исключеніе его изъ собранія. 31 августа читалось его возраженіе на нѣкоторые пункты депутатскаго наказа и на рѣчь елецкаго депутата отъ однодворцевъ Давыдова по вопросу объ однодворческой землѣ. Дневная записка такъ характеризуетъ это возраженіе: «хотя сіе возраженіе состоитъ изъ 23 большихъ страницъ, однако трудно найти въ немъ единый порядочный періодъ; вездѣ мысли спутаны и темны, каждое почти выраженіе неприлично; но сіи недостатки кажутся нечувствительны предъ прочими непристойностями, которыми избыточествуетъ оное сочиненіе». Возраженіе Г. вызвало «смѣхъ, соблазнъ и негодованіе»; поэтому маршалъ прекратилъ чтеніе возраженія на девятой страницѣ, чтобы не было нарушено надлежащее благочиніе, и спросилъ мнѣніе депутатовъ, что съ депутатомъ Обоянскаго дворянства «учинить слѣдуетъ». Въ отвѣтъ на это было сдѣлано предложеніе исключить Г. изъ собранія. Однако нѣкоторые депутаты изъ дворянъ, въ томъ числѣ графъ Я. А. Брюсъ и князь М. М. Щербатовъ, стали говорить, что Г. погрѣшилъ еще въ первый разъ и поэтому можно ограничиться менѣе строгимъ наказаніемъ, а именно, заставить его просить прощеніе у обиженныхъ, взыскать съ него пеню въ 5 рублей и возвратить ему его возраженіе. По произведенной затѣмъ баллотировкѣ за исключеніе высказалось 105 голосовъ, противъ — 323. 6 сентября прочитано было Г. опредѣленіе Комиссіи, послѣ чего ему было возвращено съ выговоромъ его возраженіе, а онъ просилъ у обиженныхъ прощенія и положилъ 5 рублей пени; слова его были громко повторены маршаломъ. Г. выказалъ себя горячимъ ревнителемъ дворянскихъ привилегій. 21 сентября онъ присоединился къ мнѣнію князя М. М. Щербатова, который былъ возмущенъ мыслью, высказанною депутатомъ Днѣпровскаго пикинернаго полка Козельскимъ, что будто бы древніе дворянскіе роды произошли отъ низкихъ родовъ и по надменности своей не желаютъ допустить въ свое сословіе людей достойныхъ. 28 сентября читалось мнѣніе Г. на законы о дворянствѣ, въ которомъ онъ, между прочимъ, предлагалъ производить въ сержанты и вахмистры только дворянъ, закрывая такимъ образомъ доступъ въ офицеры не-дворянамъ. По поводу предложенія депутата Орлова учредить школы для дѣтей хлѣбопашцевъ или крестьянъ Г. говорилъ (2 іюня 1768 г.), что «сего учинить за немалымъ отягощеніемъ для народа невозможно», такъ какъ у крестьянъ часто мальчики 12—15 лѣтъ уже занимаются хлѣбопашествомъ и за смертью отцовъ являются кормильцами семьи: «взять оныхъ всѣхъ въ училище, — должно сложить съ нихъ государственные поборы, убытку воспослѣдовать можетъ милліонъ или болѣе; земля та, которую онъ работалъ, будетъ пуста, домъ того крестьянина совсѣмъ долженъ разо-

риться, женскій полъ того дому кто кормить и питать станетъ?» Такія печальныя послѣдствія для всего государства и отдѣльныхъ крестьянскихъ семействъ должно было, по мнѣнію Г., имѣть обученіе крестьянскихъ дѣтей грамотѣ. Однако онъ не отрицалъ совершенно необходимости образованія и предлагалъ учредить при всякой церкви училище, гдѣ бы обучались люди церковнаго чина и дѣти купецкія, унтеръ-офицерскія и солдатскія, помѣщики же могутъ отдавать туда учиться праздношатающихся, но безъ принужденія, при чемъ должны содержать ихъ на свой счетъ. Въ этомъ же своемъ мнѣніи Г. перечисляетъ обязанности помѣщиковъ по отношенію къ крѣпостнымъ: они должны «смотрѣть, чтобъ въ воскресные и праздничные дни люди ихъ и крестьяне не работали, ходили бы къ церкви Божіей, не дѣлали привычки изъ малолѣтства къ расколамъ, тако же не были поползновенны къ воровству и разбоямъ, исповѣдывались бы и св. Тайнъ причащались, и прочія тому нужныя правила, кои разоренія и убытка государству нанести не могутъ». 31 іюля Г. предложилъ прибавить въ 4-й статьѣ II главы проекта о правахъ благородныхъ послѣ словъ: «благородные не подвержены тѣлесному наказанію» — «и народному поруганію», которое можетъ быть «паче тѣлеснаго наказанія». Въ мнѣніяхъ своихъ по поводу предложеній нѣкоторыхъ депутатовъ о мѣрахъ къ уменьшенію бѣглыхъ крестьянъ и объ упорядоченіи отношеній помѣщиковъ и крестьянъ онъ всегда высказывался противъ ограниченія помѣщичьей власти (14 апрѣля, 1, 5 и 12 мая); впрочемъ, онъ находилъ необходимымъ жестокихъ помѣщиковъ отдавать въ опеку. Кромѣ того, Г. подалъ мнѣнія: объ отмѣнѣ постановленія о формѣ суда (27 февраля 1768 г.), противъ предложенія депутата Натальина о недозволеніи писать духовныя завѣщанія на дому (12 марта), о мѣрахъ къ избѣжанію проволочки въ тяжебныхъ дѣлахъ (17 марта), о должности генералъ-рекетмейстера (19 марта), о пошлинахъ съ апелляціонныхъ дѣлъ (20 марта), о мѣрахъ къ ограниченію выхода крестьянъ въ купечество (16 мая), объ измѣненіи дѣйствующаго закона о наказуемости неподанія помощи людямъ, на которыхъ произведено нападеніе (18 іюня), о сохраненіи прежняго порядка полученія чина (31 іюля), противъ 17-й статьи II главы проекта правамъ благородныхъ, по которой отпущенные на волю люди должны въ теченіе 6 мѣсяцевъ пріискать себѣ помѣщиковъ, для бездоимочной уплаты за нихъ податей (4 августа), о дозволеніи благороднымъ, чтобы не дѣлать конкурренціи купечеству, имѣть фабрики только «изъ произрастанія земляного» (т.-е. льну, пеньки, шерсти), а заводы только рудокопные (7 августа), о необходимости отмѣнить указъ 1765 г., ограничивающій частное винокуреніе, и ограничить время звѣриной, но не птичьей охоты (11 августа). 20 мая 1768 г. Г. баллотировался въ духовно-гражданскую комиссію и получилъ 140 избирательныхъ голосовъ и 136 неизбирательныхъ. 16 сентября 1768 г. онъ сдалъ свое званіе на время своему сыну Павлу (см. ниже), но вскорѣ Комиссія прекратила свою дѣятельность. Съ 1779 г. Г. былъ Обоянскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и 23 февр. 1784 г. награжденъ чиномъ коллежскаго асессора.

«Сборникъ Имп. Рус. Истор. Общества», т. 4, 14, 32, 36; Моск. Арх. Минист. Юст., Сенатъ, кн. 6351, л. 668, дѣла по справкамъ, кн. 123, д. 11. *Н. Чулковъ.*

Глазовъ, *Павелъ Михайловичъ*, генералъ-маіоръ, родился около 1747 г., поступилъ на службу въ л.-гв. Конный полкъ рейтаромъ 27 апрѣля 1763 г. Въ 1768 г. былъ въ чинѣ каптенармуса; 16 сентября этого года отецъ его, членъ Комиссіи уложенія, сдалъ ему на время свою должность. 1 января 1769 г. онъ произведенъ изъ вахмистровъ въ поручики. Участвовалъ въ 1769—1773 г. въ турецкой войнѣ, былъ въ сраженіяхъ подъ Бухарестомъ (20 октября 1770 г.) и Силистріей (18 іюня 1773 г.) и 24 ноября 1771 г. награжденъ чиномъ капитана. 8 мая 1777 г. произведенъ въ секундъ-маіоры, 30 января 1780 г. назначенъ командиромъ лейбъ-гусарскаго эскадрона. 8 іюня 1781 г. произведенъ въ премьеръ-маіоры. Лѣтомъ 1783 г. присланъ былъ покровительствовавшимъ ему Потемкинымъ къ Государынѣ и въ іюлѣ отпущенъ обратно съ письмомъ Императрицы къ Потемкину. 16 мая

1784 г. произведенъ въ подполковники. 12 іюля 1788 г. Г. вторично присланъ былъ Потемкинымъ въ Петербургъ и по просьбѣ князя произведенъ 14 іюля въ полковники. 11 августа 1788 г. переведенъ въ Екатеринославскій кирасирскій полкъ. Принявъ участіе во второй турецкой войнѣ, онъ отличился при штурмѣ Очакова, за что награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й ст. (14 апрѣля 1789 г.). 19 мая 1790 г. назначенъ и. д. Московскаго оберъ-полицеймейстера. 16 мая 1793 г. произведенъ въ бригадиры съ назначеніемъ оберъ-полицеймейстеромъ и 2 сентября того же года перемѣщенъ на такую же должность въ Петербургѣ. По свидѣтельству А. М. Грибовскаго Г. ежедневно являлся къ Государынѣ съ донесеніемъ о благосостояніи столицы и о пріѣхавшихъ въ нее. 28 іюня 1796 г. онъ произведенъ въ генералъ-маіоры. Высочайшимъ приказомъ Павла I отъ 19 іюля 1797 г. онъ былъ «по неспособности къ службѣ отъ оной» отставленъ. Умеръ 16 мая 1814 г. По отзыву пастора Виганда Г. былъ человѣкъ не особенно образованный, но за то въ высшей степени честный и чрезвычайно набожный. Онъ былъ съ 1791 г. женатъ на Агр. Петр. Савеловой (р. 1770 г. † 1836 г.).

Дѣла Московскаго отдѣленія Архива Главнаго Штаба; «Военный Сборникъ» 1910 г., № 4, стр. 284 (Судравскій, «Георгіевскіе кавалеры за 140 лѣтъ»); «Русскій Архивъ» 1899 г., I, 17 (Дневникъ А. М. Грибовскаго); «Русская Старина» 1876 г., II, 27—31 (Записки Гарновскаго), 45 (письмо Екатерины II къ Потемкину 1783 г.), 574 (письмо ея же къ нему же 1788 г.), 1892 г., II, 567 (отзывъ Виганда); «Сборникъ Имп. Русск. Историч. Общества», т. XXXVI.; Л. М. Савеловъ, «Савелковы и Савеловы», 27. *Н. Чулковъ.*

Глазуновъ, *Иванъ Ильичъ*, тайный совѣтникъ, книгопродавецъ-издатель, С.-Петербургскій городской голова, старшій сынъ Ильи Ивановича, род. 7 января 1826 г., ум. 19 декабря 1889 г., погребенъ въ Троицкой Сергіевой пустыни. Получилъ образованіе въ частномъ пансіонѣ и во 2-й Спб. гимназіи (до шестого класса). Уже съ 1841 г. занимался въ книжномъ дѣлѣ отца, послѣ же его смерти въ 1849 г. продолжалъ дѣло подъ фирмой отца сначала съ двумя младшими братьями, а съ 1854 г. съ однимъ среднимъ. Первые годы до 1856 г. были очень неблагопріятны для книжной торговли и книгопечатанія, но по окончаніи Крымской кампаніи и въ особенности въ 60-хъ годахъ наступило оживленіе. Съ 1849 по 1882 г. фирма Г. подъ управленіемъ Ивана Ильича выпустила 205 изданій, изъ которыхъ болѣе половины приходится на долю учебниковъ; въ это время, между прочимъ, изданы: «Исторія русской словесности» Галахова, 6-й, 7-й, 10-й и 11-й томы «Исторіи Россіи» Соловьева, труды такихъ ученыхъ и педагоговъ, какъ Востоковъ, Бычковъ, Водовозовъ, Кайдановъ, Кюнеръ, Симашко, Ушинскій, Филоновъ. Въ 60-хъ годахъ предпринято было изданіе сочиненій русскихъ писателей XVIII и начала XIX вѣка подъ редакціей П. А. Ефремова и вышли въ свѣтъ сочиненія Кантемира, Фонвизина, В. И. Майкова, Лукина и Ельчанинова. Фирма пріобрѣла также право изданія сочиненій Лермонтова, Жуковскаго, Тургенева, Гончарова и Островскаго и издала ихъ. Съ 1865 г. она выпустила въ свѣтъ нѣсколько обстоятельныхъ каталоговъ своей книжной торговли, составленныхъ П. А. Ефремовымъ и В. И. Межовымъ. Въ 1882 г. исполнилось столѣтіе существованія фирмы, и по этому случаю былъ изданъ «Краткій обзоръ книжкой торговли и издательской дѣятельности Глазуновыхъ за сто лѣтъ 1782—1882. С.-Пб. 1883» (переиздано въ 1903 г.), не поступившій въ продажу. Фирма состояла комиссіонеромъ Академіи Наукъ, Св. Синода, Департамента министерства народнаго просвѣщенія и Министерства государств. имуществъ.

Кромѣ торговаго дѣла И. И. Г. занимался и общественной дѣятельностью. Въ 1853—1854 гг. онъ состоялъ членомъ С.-Пб. городского депутатскаго собранія, въ 1857—1861 гг. — членомъ С.-Пб. городской распорядительной думы; послѣ преобразованія городского самоуправленія былъ избранъ въ гласные, состоялъ членомъ городскихъ комиссій: училищной, санитарной, по постройкѣ моста Александра II и больничныхъ бараковъ, по воинской повинности, былъ представителемъ думы при передачѣ больницъ и богадѣленъ въ вѣдѣніе городского самоуправленія и гласнымъ отъ городской думы въ земскомъ собраніи (1875 г.), во время холерной эпидеміи завѣдывалъ холерной

больницей. Въ то же время онъ былъ депутатомъ отъ купечества въ Государственномъ банкѣ, членомъ совѣта торговли и мануфактуръ (съ 1872 г.), директоромъ городского кредитнаго общества (съ 1861 г.), почетнымъ членомъ совѣта коммерческаго училища (съ 1861 г.), директоромъ дома милосердія (съ 1866 г.). За свою дѣятельность онъ былъ награжденъ орденами св. Станислава 3-й (1863 г.) и 2-й (1875 г.) ст. и Владиміра 4-й ст. (1866 г.). 30 августа 1870 г. Г. во вниманіе къ его разносторонней общественной дѣятельности пожалованъ орденомъ св. Владиміра 3-й ст. съ присвоеніемъ правъ потомственнаго дворянства, а указомъ 4 марта 1876 г. Высочайше утвержденъ избранный имъ гербъ (въ золотомъ полѣ червленый грифъ съ серебряными глазами и языкомъ, трущій 2 черными мацами, т.-е. подушками для растиранія типографскихъ красокъ). Съ 1881 по 1885 г. Г. былъ Петербургскимъ городскимъ головой. 25 декабря 1881 г. онъ былъ произведенъ въ дѣйств. стат. совѣтники, въ 1882 г. награжденъ орденомъ св. Станислава 1 ст., а въ 1883 г. — Анны 1 ст. Службу оставилъ въ чинѣ тайнаго совѣтника. Въ 1885 г. онъ былъ вновь избранъ въ гласные, но въ головы не баллотировался. Вскорѣ онъ былъ привлеченъ къ суду по дѣлу о безпорядкахъ въ кредитномъ обществѣ и принужденъ былъ прекратить свою общественную дѣятельность. Въ концѣ 1888 г. судебная палата сняла съ него и его товарищей по управленію дѣлами кредитнаго общества подозрѣніе въ какихъ-либо недобросовѣстныхъ и противузаконныхъ дѣйствіяхъ, но въ составъ гласныхъ городской думы на новое 4-лѣтіе (1889—1893 г.) Г. уже не попалъ.

«Краткій обзоръ книжной торговли и издательской дѣятельности Глазуновыхъ за сто лѣтъ, 1782—1882 г.», С.-Пб., 1883 (переиздано 1903 г.); Н. М. Лисовскій, «Краткій очеркъ столѣтней дѣятельности типографіи Глазуновыхъ въ связи съ развитіемъ ихъ книгоиздательства, 1803—1903»; «Книжная торговля Глазуновыхъ» («Библіографъ» 1892 г., №№ 8—9); некрологи въ «Новостяхъ» и «Новомъ Времени» отъ 21 декабря 1889 г. и въ «Всемірной Иллюстраціи» 1890 г., т. I, стр. 34; «Петербургскій Некрополь», т. I; «Списки чинамъ первыхъ 4 классовъ»; Семевскій, «Знакомые. Альбомъ».

Н. Чулковъ.

Глазуновъ, *Иванъ Петровичъ*, книгопродавецъ-издатель, братъ основателя старѣйшей въ Россіи книжной фирмы, Матвѣя Петровича, и продолжатель его дѣла, родился въ Серпуховѣ 20 іюня 1762 г., ум. 4 іюля 1831 г. въ Петербургѣ отъ холеры на 70 году жизни, погребенъ на Волковомъ кладбищѣ. Первоначально помогалъ брату въ его московской лавкѣ на Спасскомъ мосту, основанной около 1782 г., а въ 1783 или 1784 г. сталъ завѣдывать его петербургской лавкой. Въ 1785 г. записался въ петербургскіе купцы и началъ самостоятельно торговать въ той же лавкѣ, а съ 1788 г. въ открытой имъ самимъ лавкѣ въ Аничковомъ домѣ кн. Потемкина, гдѣ теперь Публичная Библіотека, не порывая однако связей съ Москвой. Первое время торговля у него была мелочного характера и состояла въ покупкѣ частныхъ библіотекъ и распродажѣ ихъ въ розницу. Съ 1790 г. Г. началъ заниматься издательствомъ (одними изъ первыхъ его изданій были «Ѳеатръ чрезвычайныхъ происшествій», «Путь ко спасенію» Эмина и «Письмовникъ» Курганова) и въ скоромъ времени открылъ еще 2 лавки, а въ 1803 г. и свою типографію, которая сразу была хорошо оборудована и съ первыхъ своихъ работъ стала наравнѣ съ типографіями иностранцевъ, существовавшими уже много лѣтъ. Г. былъ любимымъ комиссіонеромъ княгини Дашковой и по ея порученію занялся печатаніемъ послѣдней трагедіи Княжнина «Вадимъ», что доставило ему много непріятностей, такъ какъ книга по выходѣ въ свѣтъ была по приказанію Екатерины II конфискована. Обороты книжной торговли Г. постепенно увеличивались и въ 1804 г. въ одной только лавкѣ въ домѣ Публичной Библіотеки годовой оборотъ доходилъ до 70000 руб. асс. Въ 1808 г. онъ открылъ въ купленномъ имъ у графа Шереметева домѣ на Никольской въ Москвѣ книжную лавку, которою потомъ сталъ завѣдывать старшій сынъ его Петръ Ивановичъ. 1812 г. нанесъ уронъ торговлѣ Г., но съ 1815 г. она снова оживилась. Въ 1806 г. Г. сталъ комиссіонеромъ Московскаго университета, а въ 1827 г. — Академіи Наукъ. За 40 лѣтъ своей издательской дѣятельности онъ выпустилъ въ свѣтъ

178 изданій, въ томъ числѣ 41 по изящной словесности (между прочимъ, въ 1816—1819 гг. роскошное изданіе сочиненій Озерова), 37 по исторіи, 17 по богословію, 16 по педагогикѣ, 15 по географіи, 8 по правовѣдѣнію, среди послѣднихъ — монументальное многотомное изданіе «Памятника законовъ», печатавшееся подъ наблюденіемъ Г. въ сенатской типографіи; 31 августа 1825 г., послѣ поднесенія Государю одного изъ томовъ «Памятника», Г-у была Высочайше пожалована «для поощренія къ продолженію сего изданія» золотая медаль на Владимірской лентѣ съ надписью «за полезное».

«Краткій обзоръ книжной торговли и издательской дѣятельности Глазуновыхъ за сто лѣтъ. 1782—1882». С.-Пб. 1883 г. (2 изд. 1903); Н. М. Лисовскій, «Краткій очеркъ столѣтней дѣятельности типографіи Глазуновыхъ въ связи съ развитіемъ ихъ книгоиздательства, 1803—1903»; «Книжная торговля Глазуновыхъ» («Библіографъ» 1892 г., № 2); «Большая Энциклопедія», т. VI; «Петербургскій Некрополь», т. I. *Н. Чулковъ.*

Глазуновъ, *Илья Ивановичъ*, книгопродавецъ-издатель, сынъ Ивана Петровича, род. въ 1786 г., ум. 20 февраля 1849 г. на 63 году послѣ неудачной операціи, погребенъ на Волковомъ кладбищѣ въ Петербургѣ. Получилъ образованіе въ академическомъ учебномъ заведеніи. Съ молодыхъ лѣтъ дѣятельно помогалъ отцу, завѣдывая изданіями и правя корректуры. По смерти отца въ 1831 г. велъ торговлю вмѣстѣ съ 3 братьями, подъ фирмой «братья Глазуновы», но уже въ 1832 г. братья раздѣлились. Илья Ивановичъ имѣлъ лавки въ домѣ Публичной Библіотеки и въ Гостиномъ дворѣ въ Суконной линіи. Въ 1837—1839 гг. онъ издавалъ «Военную Библіотеку» (описаніе войнъ, происходившихъ въ древности) и потерялъ на этомъ изданіи до 20000 руб. асс. Въ 1836 г. взялъ въ аренду печатаніе театральныхъ афишъ и печаталъ ихъ до 1856 г., первоначально въ компаніи со Смирдинымъ. Г. издавалъ главнымъ образомъ сочиненія выдающихся русскихъ авторовъ и учебныя книги. Изъ русскихъ писателей онъ издалъ сочиненія Батюшкова, Державина, Лермонтова, Марлинскаго, Пушкина, Хемницера. Въ 1836 г. Г. выпустилъ миніатюрное изданіе «Евгенія Онѣгина» (5000 экземпляровъ), за которое заплатилъ Пушкину 3000 руб. Послѣ смерти поэта оно разошлось въ недѣлю. Въ 1841 г. Г. издалъ посмертныя произведенія Пушкина (9-й, 10-й и 11-й томы полнаго собранія его сочиненій), которыя купилъ за 37500 руб. асс., но это изданіе (тоже въ 5000 экземплярахъ) разошлось только въ 10 лѣтъ. Въ 40-хъ годахъ онъ занимался изданіемъ преимущественно учебныхъ книгъ и пособій и доставлялъ ихъ въ учебныя заведенія Св. Синода и Министерствъ народнаго просвѣщенія и государственныхъ имуществъ. Съ 1831 по 1849 г. Г-мъ выпущено 96 изданій, въ томъ числѣ 38 по педагогикѣ, 16 по изящной словесности, 6 по богословію. Въ 1832 г. Г. получилъ званіе потомственнаго почетнаго гражданина. Онъ состоялъ старшиной третьяго отдѣленія Петербургской общей думы и предсѣдателемъ купеческой управы.

«Краткій обзоръ книжной торговли и издательской дѣятельности Глазуновыхъ за сто лѣтъ 1782—1882», С. Пб., 1883 (2 изд. 1903); Н. М. Лисовскій, «Краткій очеркъ столѣтней дѣятельности типографіи Глазуновыхъ въ связи съ развитіемъ ихъ книгоиздательства, 1803—1903»; «Книжная торговля Глазуновыхъ» («Библіографъ», 1892 г., № 6—7); «Петербургскій Некрополь», т. I. *Н. Чулковъ.*

Глазуновъ, *Матвѣй Петровичъ*, Московскій 2-й гильдіи купецъ, основатель старѣйшей въ Россіи книжной фирмы, существующей уже болѣе 100 лѣтъ сынъ серпуховского купца Петра Ѳедоровича († 1768 г.), предки котораго числились серпуховскими посадскими людьми еще въ 1678 г., род. въ августѣ 1757 г., ум. 4 января 1830 г., погребенъ въ Симоновомъ монастырѣ въ Москвѣ. Открылъ книжную торговлю въ Москвѣ на Спасскомъ мосту между 1780 и 1782 годами; первое его объявленіе (отъ имени купца Матвѣя Петрова) напечатано въ № 75 «Московскихъ Вѣдомостей» 1782 г. Первоначально торговалъ одинъ, а потомъ съ братьями Иваномъ и Васильемъ. Онъ былъ женатъ на дочери Полежаева, московскаго книгопродавца, комиссіонера Н. И. Новикова. Для распространенія русской книжной торговли въ Петербургѣ, гдѣ она въ то время, кромѣ академической лавки, сосредоточивалась у переплетчиковъ и у немногихъ торговцевъ иностранными книгами, Полежаевъ и Г. открыли въ

1783 или 1784 г. книжную лавку и въ Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостинаго двора. Арестъ Новикова въ 1793 г. имѣлъ непріятныя послѣдствія и для Г. Съ книгопродавцевъ взята была подписка не продавать запрещенныхъ Новиковскихъ книгъ; несмотря на это, у многихъ книгопродавцевъ, въ томъ числѣ и у Г., были при обыскѣ въ лавкахъ найдены эти книги. Виновные были отданы подъ судъ, но въ 1796 г., благодаря хлопотамъ Ивана Петровича Глазунова, получили прощеніе по случаю рожденія внука Государыни, Великаго Князя Николая Павловича.

Н. М. Лисовскій, «Краткій очеркъ столѣтней дѣятельности типографіи Глазуновыхъ въ связи съ развитіемъ ихъ книгоиздательства 1803—1903 гг.»; «Краткій обзоръ книжной торговли и издательской дѣятельности Глазуновыхъ за сто лѣтъ, 1782—1882». С.-Пб., 1 изд. 1883, 2 изд. 1903; «Книжная торговля Глазуновыхъ» («Библіографъ», 1892 г. № 2); «Московскій Некрополь», т. I. *Н. Чулковъ.*

Гликерія, праведная дѣва Новгородская, по преданію, дочь старосты Легощей улицы Пантелѣя, жила въ первой четверти XVI вѣка. 14 іюля 1572 г. на Легощей улицѣ за церковью Флора и Лавра нашли гробъ «верхъ земли» и въ гробу тѣло неизвѣстной женщины, «цило (цѣло), а не все, а руцы на крестъ согбены». Одна «жена старая» заявила архіепископу Леониду, что въ этомъ гробѣ положена «дѣвица, именемъ Гликерія, староство Пантелія тоя жъ улици Легощи», и что на ея памяти эту дѣвицу «тутъ провожали лѣтъ съ пятьдесятъ». Архіепископъ торжественно, «со кресты», перенесъ гробъ въ церковь Флора и Лавра и «молебнъ пѣлъ» самой Гликеріи, какъ принимаетъ «за вѣроятнѣйшее» проф. Голубинскій. Перенесеніе мощей, по свидѣтельству лѣтописи, сопровождалось исцѣленіемъ сына подьячаго Сувора Богдана; въ ознаменованіе этого радостнаго событія «звонили у владыкы того дни въ колоколы весь день». Подъ 11 августа того же года въ лѣтопись занесено новое «прощеніе», т.-е. исцѣленіе, «отъ дѣвицы на Легощи улицы», «простила человѣка очима», т.-е. больного глазами или слѣпого. Тѣло Гликеріи покоится подъ спудомъ въ вышеупомянутой церкви Флора и Лавра на Софійской сторонѣ. Память ея совершается мѣстно 13 мая, въ день ея именинъ (на память мученицы Гликеріи), а не 23-го, какъ принято нѣкоторыми.

«Полн. Собр. Рус. Лѣтоп.», III, 172, 173; Голубинскій, «Исторія Канонизаціи», 114—115; Толстой, «Книга, глаголемая Описаніе о Россійскихъ Святыхъ», № 467; Его же, «Святыни и Древности Великаго Новгорода», 96; Прот. Павелъ Тихомировъ, «Сказаніе о Новгор. Чуд. Св. Иконѣ Знаменія Божіей Матери съ приложеніемъ истор. свѣдѣній о св. угодникахъ Новгородскихъ», 96; Сергій, «Мѣсяцесловъ Востока» (1-е изд.), II, 125.

В. Шереметевскій.

Глики, *Владиміръ Георгіевичъ*, докторъ медицины, приватъ-доцентъ Московскаго университета, родился 10 іюля 1847 г.; получилъ образованіе въ 3-й Московской гимназіи, которую окончилъ съ золотой медалью въ 1864 г., и на медицинскомъ факультетѣ Московскаго университета. По окончаніи курса съ отличіемъ и съ золотой медалью за сочиненіе: «О тождественности сѣтчатыхъ оболочекъ» (1869 г.), состоялъ въ томъ же университетѣ сверхштатнымъ ассистентомъ при каѳедрѣ физіологіи и приватъ-доцентомъ (1875—1887 гг.). Въ 1876 г. получилъ степень доктора медицины по защитѣ диссертаціи: «Къ вопросу объ электрической возбудимости большого мозга» (М., 1876). Скончался 17 февраля 1887 г. въ Москвѣ и похороненъ на Ваганьковскомъ кладбищѣ. Напечаталъ въ «Eckard's Beiträge» 1876 г. (B. VII, H. 3) статью: «О путяхъ, по которымъ распространяется возбужденіе такъ называемыхъ психомоторныхъ центровъ въ головномъ мозгу».

Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей», вып. VII, стр. 22; Виноградовъ, «Краткій историческій очеркъ 50-лѣтія Московской 3-й гимназіи» М., 1889, стр. 227; «Московскій Листокъ» 1887 г., № 53; «Московскій Некрополь», т. I.

Е. Александровичъ.

Глинка, *Авдотья Павловна*, урожденная Голенищева-Кутузова, поэтесса, жена писателя Ѳ. Н. Глинки (см. ниже), родилась 19 іюля 1795 г. Отецъ ея, Павелъ Ивановичъ (1767—1829), отличался, для того времени, большими познаніями; зная пять языковъ, онъ переводилъ греческихъ и римскихъ классиковъ и состоялъ куратором Московскаго университета. Мать ея Елена Ивановна была рожденная княжна Дол-

горукова. Дѣтство А. П. провела въ семьѣ своего дѣда Ивана Логиновича Голенищева-Кутузова (1729—1802), президента Адмиралтействъ-Коллегіи, двери дома котораго были открыты для ученыхъ, литераторовъ, художниковъ. Не по лѣтамъ серьезная и наблюдательная, дѣвочка присматривалась и прислушивалась ко всему окружающему, что, естественно, не могло не оставить опредѣленнаго слѣда въ молодой душѣ ребенка. Поселившись послѣ смерти дѣда съ родителями, она, подъ руководствомъ отца и профессоровъ Московскаго университета, занялась изученіемъ нѣмецкаго, французскаго и итальянскаго языковъ. Въ это время любимымъ занятіемъ молодой Г. была игра на фортепіано и арфѣ. Съ юныхъ же лѣтъ любила она поэзію: то писала собственныя стихотворенія, то переводила съ нѣмецкаго языка, который знала превосходно. Со смертью Павла Ивановича, жившаго очень широко, денежныя дѣла семьи до того запутались, что принудили ее оставить Москву и переселиться въ имѣніе. Изъ этого «сельскаго уединенія» А. П. вела довольно оживленную переписку со своими московскими друзьями, и уже тогда ея письма, скорѣе напоминавшія трактаты и разсужденія, обращали на себя вниманіе какъ своимъ оригинальнымъ слогомъ, такъ и чувствомъ. Въ 30-хъ годахъ А. П. вышла замужъ и вскорѣ переѣхала въ Орелъ, куда былъ переведенъ на службу ея мужъ. По выходѣ же Ѳ. Н. въ отставку, въ 1835 г. Г. переѣхали въ Москву. Здѣсь по понедѣльникамъ ихъ домъ посѣщали многіе писатели и артисты того времени. Въ 1853 году они переѣхали въ Петербургъ, гдѣ продолжали свои пріемы. Въ 1856 г. супруги переселились въ Тверь. Передъ своимъ отъѣздомъ изъ Петербурга А. П. получила драгоцѣнный альбомъ со стихами и рисунками современныхъ ей поэтовъ и художниковъ.

Только по выходѣ замужъ Авдотья Павловна рѣшилась выступить въ печати со своими произведеніями. Первый ея печатный трудъ — переводъ «Пѣсни о колоколѣ» Шиллера (Москва, 1832 г. 12⁰, 2 изд. 1862). Лучшей критикой этого перевода могутъ служить слова Жуковскаго, сказанныя А. П.: «Я нѣсколько разъ принимался за колоколъ, но никогда не былъ доволенъ собою, и оставлялъ; вашъ же переводъ такъ отчетистъ и красивъ, что самъ Шиллеръ полюбовался бы имъ». И критика встрѣтила переводъ сочувственно: «Превосходство дарованія и пламенная сила поэзіи, которую умѣла Г. понять и заимствовать у Шиллера, сверкаетъ почти безпрерывно во всемъ переводѣ», говоритъ одинъ изъ критиковъ, и съ нимъ въ общемъ согласны были и остальные. Вслѣдъ за первымъ переводомъ изъ Шиллера появились и другіе: «Военная пѣснь въ Валленштейновомъ лагерѣ» («Библ. для чтенія» 1835 г., т. II), «Идеалы» («Одесскій Альманахъ» 1839 г.), «Рыцари св. Іоанна» («Кіевлянинъ» 1840 г.), «Пѣвцы прежняго времени» («Одесскій Альманахъ» 1840 г.), «Сраженіе съ дракономъ» («Москвитянинъ» 1852 г., т. III). Переводы А. П. отличаются хорошей передачей подлинника. Впослѣдствіи А. П. собрала всѣ свои переводы, разсѣянные по журналамъ, въ одинъ сборникъ: «Стихотворенія Шиллера. Zum Dichters 100 Jährigem Geburtsfeste» (С.-Пб. 1859), за который 6 мая 1859 г. по предложенію Н. В. Сушкова избрана въ почетные члены Общества любителей россійской словесности при Московскомъ университетѣ. Нѣкоторые изъ ея переводовъ перепечатаны были въ изданіи Н. В. Гербеля: «Шиллеръ, въ переводѣ русскихъ писателей». А. П. Г. напечатала слѣдующія свои оригинальныя произведенія: «Органъ», стих. («Современникъ» 1837 г., т. 7); «Антики въ Парижѣ», стих. («Сборникъ въ память открытія типографіи Воейкова» 1838 г., С.-Пб.); «Жизнь Пресвятыя Дѣвы Богородицы, изъ книги Чети-Миней» (Москва, 1840 г., 8°), выдержала при жизни автора 6 изданій (6-е изд. Тверь, 1861 г.), 14-е изданіе вышло въ 1904 г., перепечатана въ «Русскомъ Паломникѣ» 1888 г. кн. 5; «Къ вылетѣвшей птичкѣ», стих. («Маякъ» 1840 г., ч. 14); «Моя тоска» (тамъ же, 1842 г., т. 2); «Совѣтъ» (тамъ же, 1843 г., т. 9); «Предчувствіе», стих. («Современникъ» 1843 г., ч. 31); «Колыбель и могила», стих. («Москвитянинъ» 1849 г., № 19); «Домашняя знакомая», разсказъ («Москвитянинъ» 1850 г., т. I); «Мои воспоминанія о

незабвенной Ек. Влад. Новосильцевой, урожд. гр. Орловой» (М. 1850 г., изъ «Москвитянина» 1850 г., № 2); «Только три недѣли», повѣсть («Раутъ» Сушкова 1851 г.); «Къ ***, стих. (тамъ же); «Какія могутъ быть намъ чудеса» (тамъ же); «Благодарность», стих. (тамъ же); «Пиры и трапезы», стих. (тамъ же, 1852); «Осеннее чувство», стих. (тамъ же); «Гибель отъ пустого чванства», повѣсть (М. 1852, 8°, 2-е изд. 1879, 12°); «Голосъ души», стих. («Сѣв. Пчела» 1854, № 81); «Касатка», стих. («Раутъ» 1854 г.); «Размышленія и чувства герцогини де-Дюра», пер. съ фр. (С.-Пб., 1856, 16°); «Леонидъ Степановичъ и Людмила Сергѣевна», повѣсть (С.-Пб., 1856 г., 12°); «Графиня Полина», повѣсть (С.-Пб., 1856 г. 12°); «Катя», повѣсть (С.-Пб., 1858, 24°); «Наташѣ», стих. («Сборникъ статей въ память А. Ѳ. Смирдина», т. I, С.-Пб., 1858); «Житіе великомученицы Анастасіи, проименованной узорѣшительницею» (М., 1863 г., 12°, 2 изд. М., 1887); «Отголосокъ души», стих. («Странникъ». 1864 г., февр.); «Борьба души съ собою», стих. (тамъ же, 1864 г., мартъ); «Задушевныя думы», недля продажи (М., 1869), посмертное изданіе оригинальныхъ стихотвореній А. П. Есть указаніе еще, что ею написано «Посланіе Я. И. Ростовцеву», въ стихахъ (въ 50-хъ годахъ), а также повѣсть и большой романъ, оставшіеся въ рукописи. Она также помѣщала прозу и стихи въ «Звѣздочкѣ» Ишимовой. Въ Имп. Публичной Библіотекѣ хранятся 6 писемъ ея къ Н. М. Коншину и автобіографическая записка. Изъ произведеній А. П. Г. довольно сочувственно была встрѣчена «Жизнь Пресвятыя Дѣвы Богородицы». Этотъ трудъ представляетъ изъ себя житіе Богородицы, составленное на основаніи «Четьи-Миней» и написанное впервые на простомъ русскомъ языкѣ, что сдѣлало его доступнымъ и простому народу. Книга выдержала до нашихъ дней болѣе 10 изданій. Также для простого народа предназначена и повѣсть «Гибель отъ пустого чванства». Это произведеніе Г. обратило на себя вниманіе, какъ довольно удачный опытъ простонародной литературы, хотя, по духу времени, на первый планъ выдвинута была моральная сторона повѣсти. Характеры обрисованы Г. довольно удачно, какъ равно и по языку эта повѣсть можетъ удовлетворить не вполнѣ взыскательный вкусъ. Повѣсть «Графиня Полина», предназначенная уже не для народа, мало представляетъ интереса по сюжету. Ничего въ немъ новаго, ничего оригинальнаго. Обыкновенная въ духѣ времени повѣсть изъ жизни «высшаго свѣта». Но красивый слогъ, довольно правильное изображеніе жизни извѣстнаго круга людей, — все это сдѣлало то, что повѣсть читалась и была отмѣчена критикой какъ желательное произведеніе. Въ общемъ оригинальныя произведенія Г., отличающіяся піэтизмомъ и узкимъ моралізмомъ, слабѣе ея переводовъ.

А. П. много занималась и благотворительностью. Она состояла, по выбору Московскаго Благотворительнаго Общества, завѣдующей Яузской частью. Здѣсь ей впервые пришлось столкнуться съ непроглядной нуждой, чердаками и подвалами бѣдныхъ, обращавшихся за помощью въ общество. Нѣтъ основанія предполагать, что А. П. относилась къ дѣлу благотворительности лишь исходя изъ желанія побороть скуку и невозможности заполнить чѣмъ-либо свободное время, какъ это бываетъ у большинства дамъ-благотворительницъ, ею напротивъ скорѣе всего руководило желаніе создать что-либо новое, могущее дѣйствительно помочь бѣдной части населенія, привлечь къ этому дѣлу широкіе слои русскаго общества или правительственныя организаціи, но добиться того или другого ей не удалось. Все же, живо относясь къ нуждѣ бѣдняковъ и не будучи въ состояніи удовлетворить всѣмъ, даже существеннымъ, потребностямъ нуждающихся своего раіона, Г. задумала учредить «Товарищество доброхотной копейки». Такимъ образомъ въ 1845 г. А. П. составила проектъ «Товарищества», въ которомъ, указывая на большія затраты суммъ на наряды и другіе второстепенные и даже лишніе предметы, предлагала тратящимъ дамамъ вспомнить о бѣдныхъ людяхъ, отказывающихъ себѣ даже въ самомъ необходимомъ, и жертвовать въ ихъ пользу одинъ процентъ съ этихъ затратъ на предметы роскоши и туалета. Этотъ проектъ появился въ печати послѣ

ея смерти (въ книгѣ: «О жизни и кончинѣ А. П. Г.» С.-Пб., 1863 г.), но еще раньше онъ былъ переведенъ П. Я. Чаадаевымъ на французскій языкъ для напечатанія въ заграничныхъ газетахъ. Къ сожалѣнію, Севастопольская война остановила дѣятельность этого «Товарищества», но оно все-таки начало функціонировать, по окончаніи военныхъ дѣйствій, въ Твери, куда переѣхала иниціаторша А. П. Въ это же время Г. была избрана въ попечительницы Кашинскаго женскаго училища, куда пожертвовала свою библіотеку и небольшой капиталъ. Поэтъ Н. Ѳ. Щербина изобразилъ въ шуточной формѣ дѣятельность А. П. въ «Хвалебной пѣсни блаженной и нищелюбивой Авдотьѣ, литературы и благотворительности ради юродивой, иже съ нею седмидесяти старицамъ, въ благотворительномъ ея пріютѣ голодавшимъ и отъ глада и хлада въ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ околѣвшимъ» («Сочиненія Щербины» 1873 г., стран. 294, перепечатано въ «Русской Старинѣ» 1891 г.). Умерла Г. 26 іюля 1863 г. и погребена вмѣстѣ съ мужемъ въ Желтиковомъ монастырѣ Тверского уѣзда.

Геннади, «Справочный словарь о русскихъ писателяхъ»; «Словарь членовъ Общества любителей Россійской словесности»; Брокгаузъ-Ефронъ, «Энциклопед. Словарь»; «О жизни и кончинѣ А. П. Глинки», С.-Пб. 1863; «Книжн. Вѣстн.» 1863 г., № 18, стр. 316—317; «Иллюстр. Газета» 1863 г., № 12, стр. 192; «Москвитянинъ» 1851 г., № 11; «Вѣстн. Евр.» 1898 г., № 4 (Е. Бакунина, «Воспоминанія сестры милосердія»); «Нов. Вр.» 1895 г., № 6955; «Тверск. Губ. Вѣд.» 1863, № 35; «Соврем.» 1853, т. 39, № 6, стр. 52, 1856, т. 56, стр. 62—67; «Рус. Инвал.» 1856 г., № 91; «Сѣв. Пчела» 1832 г., № 278, 1853 г., № 106; «Отеч. Зап.» 1841 г., т. XIV, стр. 55, 1852 г., т. 81, отд. 6, стр. 108; т. 83, отд. 6, стр. 33; «Историч. Вѣстн.» 1880 г., т. II, стр. 476, 1893 г., т. LI, стр. 704, 1895 г., т. LXI, стр. 806, 807, 1903 г., т. XCIV, стр. 994; «Русск. Стар.» 1888 г., т. 59, стр. 437, 1896 г., т. 69, стр. 247—249, 259, 675, 1893 г., т. 78, стр. 558; «Моск. Вѣд.» 1841 г., № 13; «Новь» 1886 г., т. 9, № 12, стр. 641; «Библ. для Чт.» 1846 г., т. 69; «Лит. приб. къ Русс. Инв.» 1832 г., № 76 (ст. ф.-д.-Бока); «Молва» 1832 г., № 56; «Провинціальный Некрополь», т. I; кн. Н. Н. Голицынъ, «Библіограф. Словарь русскихъ писательницъ»; С. И. Пономаревъ, «Наши писательницы» («Сборникъ отдѣл. русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ», т. LII); Венгеровъ, «Источники словаря русскихъ писателей», т. I; Е. Ѳ. Юнге, «Воспоминанія», 52, 53.

А. Ельницкій.

Глинка, *Василій Алексѣевичъ*, академикъ, архитекторъ, сынъ маіора, родился 3 августа 1790 г., умеръ 4 іюля 1831 г. въ Петербургѣ отъ холеры; погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ. Образованіе получилъ въ Академіи Художествъ, куда поступилъ въ 1798 г.; получилъ здѣсь въ 1807, 1808 и 1810 гг. три вторыя серебряныя медали, въ 1810 г. первую серебряную медаль и въ 1812 г.— первую золотую медаль за работу на заданную программу («планъ для общественнаго увеселенія жителей столичнаго города»). Въ томъ же году выпущенъ съ аттестатомъ 1-й ст. и шпагой и оставленъ при Академіи пенсіонеромъ. Въ 1817 г. признанъ достойнѣйшимъ для командировки за границу и отправленъ въ Италію. По отзыву президента Академіи (1819 г.), донесенія его оттуда «осторожны, заключенія его основательны, не рѣзкія» и показываютъ въ немъ человѣка, «судящаго по нѣкоторому уже опыту». Въ 1821 г. Римская академія художествъ за представленные имъ рисунки мавзолеевъ Августа и Адріана избрала его своимъ членомъ. Въ этомъ году, какъ видно изъ его донесеній, онъ путешествовалъ по Италіи и собирался изъ Рима ѣхать въ Сѣверную Италію и Южную Францію, а затѣмъ въ Парижъ для изученія архитектуры. По возвращеніи изъ-за границы Г. получилъ въ 1824 г. мѣсто архитектора при Кабинетѣ Его Величества. Въ этомъ году имъ построено зданіе Румянцевскаго музея на Англійской набережной. Въ 1829 г. Академія откомандировывала къ нему учениковъ для практическихъ занятій. Въ 1830 г. Г. получилъ званіе академика (за вышеупомянутые мавзолеи, Румянцевскій музей, проекты лютеранской церкви св. Петра, Сената и др. работы), а 10 января 1831 г. должность профессора 2-й ст. Академіи по классу архитектуры «по уваженію познаній въ архитектурѣ и произведеннымъ имъ здѣсь важнымъ работамъ». Г. незадолго до смерти женился на дочери ректора Академіи Художествъ, извѣстнаго скульптора И. П. Мартоса, Екатеринѣ Ивановнѣ.

«Матеріалы для исторіи Академіи Художествъ», т. II; «Петербургскій Некрополь», т. I; Рукописные матеріалы для словаря художниковъ Н. П. Собко въ Имп. Публ. Библіотекѣ; «Имп. Спб. Академія Художествъ», II, 31.

Н. Чулковъ.

Глинка, *Владиміръ Андреевичъ*, сенаторъ, генералъ-отъ-артиллеріи, сынъ отставного подпоручика Преображенскаго полка Андрея Ильича и братъ наставника великихъ князей Николая и Михаила Павловичей, Григорія Андреевича (см. ниже), происходилъ изъ дворянъ Смоленской губ. и родился 4 декабря 1790 г., умеръ 19 января 1862 г. въ Петербургѣ; погребенъ въ Черменецкомъ монастырѣ Лужскаго у., Петербургской губ. По окончаніи образованія въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, началъ службу подпоручикомъ въ л.-гв. артиллерійскомъ баталіонѣ 27 октября 1806 г. и вскорѣ принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ французовъ, — былъ въ сраженіяхъ подъ Гутштадтомъ, Гейльсбергомъ и Фридландомъ; за послѣднее сраженіе награжденъ орденомъ св. Анны 3-й ст. (12 апрѣля 1808 г.). Въ 1808—1809 гг. участвовалъ въ Шведской войнѣ, находясь въ составѣ войскъ, защищавшихъ берега Финскаго залива. Произведенный въ 1810 г. въ штабсъ-капитаны съ назначеніемъ въ конную роту 10-й артиллерійской бригады, Г. отправился на театръ военныхъ дѣйствій въ Турцію и былъ при взятіи Никополя. Въ 1811 г. произведенъ въ капитаны и вскорѣ переведенъ въ запасную артиллерійскую бригаду; въ 1812 г. назначенъ командиромъ конно-артиллерійской роты въ той же бригадѣ и принялъ участіе въ войнахъ — Отечественной и за освобожденіе Европы 1813—1815 гг. Въ 1813 г. произведенъ въ подполковники, а въ 1818 г. назначенъ командиромъ конно-артиллерійской бригады при 4-й драгунской дивизіи. Около этого времени Г. вступилъ въ число членовъ тайнаго общества — Союзъ Благоденствія, а также былъ членомъ масонской ложи Любви къ Истинѣ въ Полтавѣ (существовала съ 30 апрѣля 1818 г. по 12 марта 1819 г.); пребываніе въ Союзѣ Благоденствія не имѣло для него дурныхъ результатовъ, и къ слѣдствію по дѣлу о декабристахъ онъ не былъ привлеченъ. Въ 1820 г. Г. произведенъ въ полковники; въ 1824 г. назначенъ начальникомъ артиллеріи 4-го резервнаго кавалерійскаго корпуса и командиромъ конно-артиллерійской бригады при 1-й драгунской дивизіи. Въ 1828 г., во время Турецкой кампаніи, Г. командовалъ резервной артиллеріей 2-й арміи и участвовалъ въ дѣлахъ при Шумлѣ, за что награжденъ золотой шпагой съ надписью «за храбрость» и орденомъ св. Владиміра 3-й ст.; 6-го декабря того же года произведенъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ въ свиту Его Императорскаго Величества и командующимъ артиллеріей 4-й резервнаго кавалерійскаго корпуса. Въ 1829 г. Г. былъ командированъ для осмотра резервовъ артиллеріи на рѣкахъ Днѣстрѣ, Прутѣ и Дунаѣ, затѣмъ участвовалъ во взятіи Адріанополя и командовалъ особымъ отрядомъ для наблюденія за движеніемъ арміи великаго визиря. По заключеніи мира Г. командовалъ сначала конной артиллеріей въ отрядѣ генералъ-адъютанта Киселева, а въ 1830 г., съ января по апрѣль, артиллеріей войскъ, расположенныхъ въ Молдавіи подъ начальствомъ генерала Ридигера; 26-го декабря назначенъ состоять при Особѣ Его Величества, а 28 января 1831 г. — при главнокомандующемъ дѣйствующей арміи графѣ Дибичѣ, послѣ чего принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ поляковъ. Назначенный исправляющимъ должность начальника штаба по артиллеріи дѣйствующей арміи и начальникомъ резервной артиллеріи, Г. участвовалъ 13-го февраля въ сраженіи подъ Гроховымъ, гдѣ раненъ отъ разрыва гранаты въ кисть лѣвой руки и получилъ контузію въ животъ, за что награжденъ орденомъ св. Анны 1-й ст., и въ штурмѣ г. Варшавы. Въ 1832 г. онъ назначенъ членомъ комитетовъ — по артиллерійской части и для составленія устава пѣшей и конной артиллерійской строевой службы, въ 1833 г. — начальникомъ штаба артиллеріи 1-й арміи (занималъ эту должность до упраздненія ея 1 ноября 1835 г.), въ 1836 г. — членомъ Общаго присутствія артиллерійскаго департамента, а 27 марта 1837 г. — главнымъ начальникомъ горныхъ заводовъ Уральскаго хребта; 18 апрѣля того же года произведенъ въ генералъ-лейтенанты и 26 ноября 1852 г. — въ генералы-отъ-артиллеріи. Во время службы на Уралѣ, Г. состоялъ (съ 1852 г.) вице-президен-

томъ Екатеринбургскаго попечительнаго о тюрьмахъ комитета. На Уралѣ онъ оставилъ по себѣ печальную память. Несмотря на это, уральскіе горные заводы пожертвовали въ 1851 г. 4058 р. на содержаніе въ Демидовскомъ лицеѣ стипендіата имени Г.; по Высочайшему повелѣнію 29 октября 1859 г. право назначать стипендіата предоставлено самому Г. и его потомкамъ. 27 октября 1856 г. Г. назначенъ сенаторомъ и 31 января 1857 г. — членомъ Военнаго Совѣта; 1 февраля 1860 г. онъ уволенъ, согласно прошенію, отъ званія члена Военнаго Совѣта и въ тотъ же день уволенъ въ безсрочный отпускъ, съ зачисленіемъ въ присутствующіе сенаторы. В. А. Г. былъ кавалеромъ орденовъ: св. Владиміра 1-й ст. съ мечами (1856 г. за 50-лѣтнюю службу), Александра Невскаго (1851 г.) съ алмазами (1854 г.), Бѣлаго Орла (1841 г.), св. Анны 1-й ст. съ Императорской короной (1834 г.), Георгія 4-й кл. за 25 лѣтъ службы (18 декабря 1830 г.). Онъ былъ женатъ на Ульянѣ Гавриловнѣ Вишневской (родилась въ 1802 г., † 1884 г.), но дѣтей не имѣлъ.

Формулярный списокъ; Кн. Лобановъ-Ростовскій, «Русская родословная книга», т. I; «Московскій Некрополь», т. I; «Исторія Сената», т. V (списокъ сенаторовъ); «Горнозаводская служба и общественная жизнь на Уралѣ» («Русск. Стар.», 1905 г., т. IV, стр. 147—157, здѣсь дается характеристика Глинки какъ администратора и человѣка); «Историч. Вѣстникъ» 1892 г., т. L, стр. 466—468 (П. П. Падучевъ, «Русская Швейцарія» — характеристика Г.); В. И. Семевскій, «Политическія и общественныя идеи декабристовъ»; К. Головщиковъ, «Павелъ Григорьевичъ Демидовъ и исторія основаннаго имъ въ Ярославлѣ училища».

Е. Александровичъ.

Глинка, *Григорій Андреевичъ*, статскій совѣтникъ, профессоръ Дерптскаго университета, писатель, родился 22 февраля 1776 г. въ сельцѣ Закупѣ Духовщинскаго уѣзда Смоленской губ., въ имѣніи своего отца отставного подпоручика Преображенскаго полка Андрея Ильича, отъ второго брака его съ баронессой Шарлоттой Антоновной Платенъ. 6 лѣтъ отъ роду, 3 апрѣля 1782 г., онъ былъ зачисленъ въ пажи и 24 февраля 1796 г. пожалованъ въ камеръ-пажи. 25 декабря того же года выпущенъ изъ камеръ-пажей въ Семеновскій полкъ и 22 апрѣля 1797 г. произведенъ въ капитанъ-поручики. Чувствуя влеченіе къ наукамъ, онъ и по производствѣ въ офицеры продолжалъ заниматься ими. Въ 1799 г. Г. перешелъ на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, но вскорѣ занялъ должность цензора сначала въ Кронштадтѣ, потомъ въ Петербургѣ. 20 марта 1803 г. онъ былъ назначенъ профессоромъ русскаго языка и русской словесности въ Дерптскій университетъ. Это былъ первый случай занятія профессорской каѳедры русскимъ дворяниномъ, на что указалъ Карамзинъ въ статьѣ въ «Вѣстникѣ Европы». Натянутыя, а потомъ и непріязненныя отношенія къ нему остальныхъ профессоровъ-нѣмцевъ побудили его оставить черезъ 7 лѣтъ службу въ университетѣ. 30 іюня 1810 г. онъ былъ уволенъ отъ должности и удалился въ свое смоленское имѣніе, гдѣ занялся сельскимъ хозяйствомъ. Въ 1811 г. по указанію товарища Г. по Пажескому корпусу Саврасова, служившаго кавалеромъ при Великихъ Князьяхъ Николаѣ и Михаилѣ Павловичахъ, ему было предложено занять также мѣсто кавалера (помощника воспитателя) при нихъ. Въ маѣ Г. прибылъ въ Петербургъ и вступилъ въ исполненіе своихъ новыхъ обязанностей при великихъ князьяхъ; въ то же время ему было поручено читать русскую словесность Императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ (съ 25 октября 1813 г.), Великой Княжнѣ Аннѣ Павловнѣ (съ 8 декабря 1813 г.) и невѣстѣ Великаго Князя Николая Павловича, принцессѣ прусской Шарлоттѣ. Благодаря Г. приблизились ко двору его товарищъ-пажъ И. Ѳ. Паскевичъ, впослѣдствіи фельдмаршалъ, и его пріятель В. А. Жуковскій, по его рекомендаціи приглашенный давать уроки русскаго языка невѣстѣ Вел. Кн. Николая Павловича. Съ мая по сентябрь 1816 г. Г. сопровождалъ Великаго Князя Николая Павловича въ его путешествіи по Россіи, а затѣмъ по апрѣль 1817 г. за границей; съ августа 1817 г. по февраль 1818 г. онъ былъ однимъ изъ спутниковъ Великаго Князя Михаила Павловича въ путешествіи по Россіи, во время котораго онъ 9-го февраля скоропостижно скончался отъ аневризма сердца. По словамъ

кн. И. Ѳ. Паскевича, Г. былъ достойный уваженія человѣкъ, но безхарактерный, и поэтому не пользовался должнымъ авторитетомъ у Великаго Князя Михаила Павловича. Г., прекрасно владѣвшій французскимъ и нѣмецкимъ языками, издалъ слѣдующіе свои переводы: 1) «Риторика въ пользу молодыхъ дѣвицъ, которая равнымъ образомъ можетъ служить и для мужчинъ, любящихъ словесныя науки». Соч. Гальяра, пер. съ франц. С.-Пб., 1797; 2) «Лѣтописи царствованія Екатерины II». Соч. Шторха, ч. 1, С.-Пб., 1801; 3) «Императоръ Александръ въ Ригѣ 24, 25 и 26 мая 1802 г.». Соч. Г. Эккардта, пер. съ нѣм. С.-Пб., 1802 г.; 4) Камиль, «Эрмитажная галлерея» (Galerie de l'Hermitage), изд. Ф. Лабенскимъ. С.-Пб., 1805 г., 4° (по Геннади русскій текстъ Г. Г., а по Сопикову Сергѣя Глинки и Павла Титова); 5) «Манштейновы современныя записки о Россіи въ историческомъ политическомъ и военнодѣйственномъ отношеніяхъ». Съ франц. подлиника. 2 ч. Дерптъ, 1810 г. Кромѣ того, онъ перевелъ съ нѣмецкаго на русскій языкъ «Убогой Яковъ, у котораго всего довольно, изъ свѣтскаго философа, Энгеля» («Пріятное и полезное препровожденіе времени» 1798 г., ч. 19), статью о латышской литературѣ (напечатана въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ»), и рѣчь Рамбаха о праздноваціи побѣды при Прейсишъ-Эйлау (въ брошюрѣ «17 февраля 1807 г. въ Дерптѣ»). Въ «Ипокренѣ» 1801 г. напечатаны произведенія Г. «Стихи на случай грому» (ч. 10), «Сонъ и смерть» (ч. 10) и «Время», стих. (ч. 11), а въ «Вѣстникѣ Европы» — «Храмъ Свѣтовида» (1803 г. № 15) и «Разсужденіе о Россійскомъ языкѣ», заимствованное изъ его сокращеннаго курса россійской словесности (1813 г., №№ 15 и 16). Отдѣльно выпущены слѣдующія его сочиненія: 1) «Дочь любви», семейственная картина въ 4 дѣйствіяхъ, С.-Пб., 1801; 2) «Собраніе сочиненій въ стихахъ и прозѣ». 2 ч. С.-Пб., 1802 г.; 3) «Древняя религія Славянъ». Митава, 1804 г.; 4) «Elementarbuch der russischen Sprache zum Gebrauch der Kreisschulen in Lief-Ehst-Kur- u. Finnland». Mitau, 1806. «Учебная книга Россійскаго языка для употребленія въ лифляндскихъ, эстляндскихъ и курляндскихъ школахъ». Митава, 1805 г. Выдержки изъ писемъ Г. къ женѣ за 1811—1818 гг. напечатаны въ «Русской Старинѣ» 1876 г. (т. I, стр. 80—101), а въ «Русскомъ Архивѣ» 1877 г. (т. II, 172—204, 241—250) его докладъ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ съ планомъ заграничнаго путешествія великихъ князей, донесенія ей же и письма къ Великимъ Княгинямъ Маріи Павловнѣ и Аннѣ Павловнѣ во время путешествія великихъ князей по Россіи и за границей, а также отрывки его памятныхъ записокъ за это время.

Г. былъ женатъ на Юстинѣ Карловнѣ Кюхельбекеръ (1784—1871), сестрѣ декабриста, и имѣлъ 3 сыновей: Дмитрія (см. ниже), Бориса (Глинка-Мавринъ, генералъ-отъ-инфантеріи, генералъ-адъютантъ) и Николая (капитанъ генеральнаго штаба, 1811—1839) и 3 дочерей: Наталью †1864 г., за ген.-отъ-артил. Одынцемъ, Александру и Юстину.

Лобановъ-Ростовскій, «Русская родословная книга», т. I, 131—135; Геннади, «Справочный словарь русскихъ писателей»; митр. Евгеній, Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей»; Б. Г. Глинка-Мавринъ, «Григорій Андреевичъ Глинка», «Русская Старина», 1876 г., т. IV стр. 75—108 (на стр. 102—103, 106 письмо Императрицы Маріи Ѳеодоровны къ г-жѣ Брейткопфъ о послѣднихъ минутахъ жизни Глинки), 217—224 (письма къ Г. Императрицы Маріи Ѳеодоровны и Великой Княгини Маріи Павловны); «Русская Старина», 1901 г., № 4, стр. 137; Recke und Napierski, «Schriftsteller und Gelehrten-Lexikon», II, 67; «Кіевск. Старина», 1889 г., I, 419; Сопиковъ, «Опытъ россійской библіографіи», подъ ред. Рогожина; М. Полуденскій, «Указатель къ «Вѣстнику Европы» 1802—1830»; Неустроевъ, «Историч. розысканіе о русскихъ повремен. изданіяхъ».

О. Жукова.

Глинка, *Дмитрій Григорьевичъ*, дѣйств. тайный совѣтникъ, дипломатъ и соціологъ, сынъ Григорія Андреевича (см. выше) отъ брака съ Юстиной Карловной Кюхельбекеръ, родился 29 іюля 1808 г., умеръ 14 мая 1883 г. въ Лиссабонѣ. Образованіе получилъ въ благородномъ пансіонѣ при Петербургскомъ университетѣ, гдѣ былъ ученикомъ своего дяди по матери, декабриста В. К. Кюхельбекера (написанное послѣднимъ стихотворное посланіе къ племяннику «При пересылкѣ притчи св. Дмитрія» напечатано въ «Русской Старинѣ» 1875 г., т. III, 86—87). Окончивъ пансіонъ въ 1824 г. съ правомъ

на чинъ X класса, Г. 17 января 1825 г. поступилъ на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ и занималъ въ нашихъ миссіяхъ должности второго секретаря въ Копенгагенѣ (съ 15 мая 1831 г., переименованъ въ младшіе секретари 31 декабря 1835 г.), старшаго секретаря въ Стокгольмѣ (съ 20 марта 1837 г.), совѣтника въ Берлинѣ (съ 9 іюля 1846 г.). Во время службы въ Стокгольмѣ съ 22 мая 1841 г. по 14 марта 1844 г. исправлялъ должность повѣреннаго въ дѣлахъ. 25 марта 1844 г. произведенъ въ статскіе совѣтники. 29 января 1850 г. назначенъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при дворахъ Гессенъ-Дармштадтскомъ, Гессенъ-Кассельскомъ и Нассаускомъ. 8 апрѣля 1851 г. произведенъ въ дѣйств. статскіе совѣтники. Въ 1853 г. былъ отправленъ курьеромъ во Франкфуртъ-на-Майнѣ, гдѣ сблизился съ Бисмаркомъ. Будучи сторонникомъ союза Россіи, Франціи и Пруссіи, Г. старался препятствовать антирусской политикѣ прусскаго министра иностранныхъ дѣлъ барона Мантейфеля. 8 іюня 1853 г., Г. былъ уволенъ отъ должности повѣреннаго въ дѣлахъ при Гессенскомъ дворѣ, а 7 іюля 1856 г. назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ въ Ріо-Жанейро и произведенъ на этомъ посту въ тайные совѣтники (17 апрѣля 1863 г.). 3 апрѣля 1871 г. перемѣщенъ на такую же должность въ Лиссабонъ, гдѣ и оставался до своей смерти. 12 апрѣля 1881 г. произведенъ въ дѣйств. тайные совѣтники. Онъ имѣлъ высшіе ордена св. Станислава 1-й ст. (1855 г.), св. Анны 1-й ст. (1860), Владиміра 2-й ст. (1866) и Бѣлаго Орла (1875).

Глинка написалъ по-французски и издалъ за границей двѣ книги: «Esquisse d'une théorie du droit naturel» (Berlin, 1835) и «Philosophie du droit, ou l'explication des rapports sociaux» (Paris, 1842, 2 изд. Bruxelles и Leipzig, 1862). Въ 4-мъ изданіи вторая книга совершено передѣлана и озаглавлена: «La science de la societé humaine» (Paris, 1867 г.). Съ этого изданія она была переведена на русскій языкъ П. А. Бибиковымъ и издана подъ заглавіемъ: «Наука о человѣческомъ обществѣ» (С.-Пб., 1870 г.). По теоріи Г. всѣми общественными отношеніями управляютъ идея права и идея свободы, которыя находятся въ постоянной борьбѣ другъ съ другомъ и вступаютъ въ различныя комбинаціи. Право создается разумной волей, которая направляется на вещественный предметъ и оставляетъ на немъ слѣды труда. Право становится тогда правомъ, когда оно проникнуто идеей. Оно развивается по законамъ логики, и въ результатѣ логическаго процесса является отпаденіе трудового элемента и воплощеніе въ общественныхъ учрежденіяхъ воззрѣнія, что человѣкъ на вѣчныя времена сохраняетъ право на вещи, составлявшія когда-либо его собственность. Идея свободы вытекаетъ изъ принципа одинаковаго духовнаго достоинства людей и логически приводитъ къ отрицанію личнаго права, къ поглощенію собственности въ пользу общества, т.-е. къ рабству личности. Ни одна изъ этихъ идей не можетъ совершенно поглотить другую, но преобладаніе первой ведетъ къ деспотизму, а второй къ террору. Построеніе теоріи чисто метафизическое, хотя авторъ и возстаетъ противъ нѣмецкихъ метафизиковъ. Рецензіи на трудъ Г. послѣ выхода въ свѣтъ русскаго перевода появились въ «Дѣлѣ» 1870 г., № 7 (Шелгунова), «Отечественныхъ Запискахъ» 1871 г., № 2 и «Знаніи» 1871 г., № 1. Г. былъ также большой любитель живописи и составилъ картинную галлерею. Женатъ онъ былъ на Юстинѣ-Христинѣ Бангеманъ-Гейгенсъ и имѣлъ сына Николая (консулъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, 1838—1884) и дочь Юстину (фрейлина, р. 1836 г.).

Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей», вып. III, 28; Брокгаузъ-Ефронъ, «Энциклопед. Словарь», т. XVI, (ст. А. Я., излагающая соціальную теорію Г.); Лобановъ-Ростовскій, «Русская родословная книга», I, 133—135; «Историческій Вѣстникъ», 1883 г., № 7, стр. 235—236; «Русская Старина», 1874 г., I, 723, 1893 г., IV, 423, 1898 г., III, 266, 267; «Адресъ-Календари»; «Списки гражданскихъ чиновъ первыхъ четырехъ классовъ»; «Очеркъ исторіи Министер. Иностр. Дѣлъ»; Формулярный списокъ (Государств. и Петроград. Главн. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ).

Н. Чулковъ.

Глинка, *Дмитрій Ѳедоровичъ*, сенаторъ, тайный совѣтникъ, происходилъ изъ дворянъ Смоленской губ., родился въ 1749 г., умеръ 20 января 1808 г.

Поступивъ въ сухопутный шляхетный кадетскій корпусъ 26 апрѣля 1762 г., въ октябрѣ 1765 г. выпущенъ въ Воронежскій мушкатерскій полкъ поручикомъ, въ 1767—1769 гг. принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Польшѣ, 8 сентября 1769 г. произведенъ въ капитаны. Въ 1770 г. во время первой Турецкой войны участвовалъ въ сраженіяхъ при Кагулѣ и Исакчи; 24 ноября того же года произведенъ въ секундъ-маіоры. Въ 1773 г. участвовалъ во 2-й турецкой войнѣ и совершилъ походъ за Дунай. 28 іюня 1777 г. произведенъ въ премьеръ-маіоры. 18 сентября 1778 г. Г. уволенъ по болѣзни, согласно прошенію, съ военной службы, съ производствомъ въ подполковники. 27 марта 1780 г. назначенъ помощникомъ директора С.-Петербургской экономіи, 24 ноября 1783 г. произведенъ въ коллежскіе совѣтники. Въ 1788 г. назначенъ въ С.-Петербургскую казенную палату совѣтникомъ счетной экспедиціи. 2 сентября 1793 г. произведенъ въ статскіе совѣтники, но 27 сентября того же года за неявку во время изъ отпуска исключенъ со службы. 3 сент. 1795 г. вновь принятъ на службу и назначенъ поручикомъ правителя (вице-губернаторомъ) Вознесенскаго намѣстничества. Въ царствованіе Павла I судьба Г. является типичной для того времени: 5 апрѣля 1797 г. онъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, 30 мая того же года перемѣщенъ вице-губернаторомъ въ Эстляндскую губ., 31 августа назначенъ Архангельскимъ гражданскимъ губернаторомъ, но уже 31 декабря того же года отставленъ отъ службы вслѣдствіе жалобы г-жи Шпренгъ, взыскивавшей съ него по векселю 300 руб., 5 апрѣля 1798 г. назначенъ Новгородскимъ гражданскимъ губернаторомъ, а 22 декабря того же года перемѣщенъ на ту же должность въ Петербургскую губ.; состоя въ этой должности, награжденъ орденомъ св. Анны 1-й ст. За найденныя сенаторами Тарбѣевымъ и Камынинымъ при ревизіи С.-Петербургскихъ присутственныхъ мѣстъ «разныя упущенія въ дѣлахъ, медленность въ рѣшеніи оныхъ и собственную его непопечительность и нерадѣніе къ должности» Г. исключенъ Высочайшимъ указомъ 2 марта 1800 г. со службы и лишенъ ордена св. Анны; но по разсмотрѣніи дѣла въ общемъ собраніи Сената, онъ признанъ невиновнымъ, а ревизовавшій сенаторъ Тарбѣевъ получилъ Высочайшій выговоръ; 17 марта 1800 г. Глинка произведенъ въ тайные совѣтники и назначенъ сенаторомъ; 19-го марта ему былъ возвращенъ отобранный у него орденъ св. Анны, а 14 іюля пожалованы 5000 десятинъ въ Саратовской губ. Г. присутствовалъ въ Межевомъ департаментѣ Сената, а съ 1805 г. въ 4-мъ апелляціонномъ департаментѣ. Г. былъ женатъ, но потомства не оставилъ.

Формулярный списокъ; «Исторія Сената», т. V (списки сенаторовъ); «Историч. Вѣстникъ», 1888 г., т. XXXII, 653, 654.

Е. Александровичъ.

Глинка, *Михаилъ Ивановичъ*, создатель русской національной оперы и родоначальникъ русской художественной музыкальной школы. Г. принадлежалъ къ дворянскому роду Глинокъ, Смоленской губ., ведущему свое начало изъ Польши (мѣстечко Глинки, Ломжинской губ., Маковскаго уѣзда) и получившему въ началѣ XI вѣка гербъ Тржаска (обломокъ меча), перешедшій и къ русской вѣтви этого рода. Родоначальникъ послѣдней (Викторинъ Владиславъ, перешедшій въ православіе и русское подданство около 1654 г.), «выѣзжій изъ Короны Польской», владѣлъ помѣстьями въ Смоленской губ., служилъ въ рядахъ Смоленской шляхты и былъ прапрадѣдомъ отца композитора, отставного капитана Ивана Николаевича Г. (1780—1833). Послѣдній былъ женатъ на дальней родственницѣ Екатеринѣ Андреевнѣ Глинкѣ и жилъ помѣщикомъ въ селѣ Новоспасскомъ, Ельнинскаго уѣзда, Смоленской губ. Здѣсь и родился Г. 20 мая 1804 г. Раннее дѣтство Г. протекло подъ надзоромъ его бабки со стороны отца, Ѳеклы Андреевны, взявшей къ себѣ внука и воспитывавшей его съ вполнѣ старческимъ неумѣніемъ. Жизнь въ душныхъ, жарко натопленныхъ комнатахъ, гдѣ его кутали, рѣдко выпуская на воздухъ, наложила отпечатокъ на ребенка, сдѣлавшагося нервнымъ, слабымъ и золотушнымъ. Въ раннемъ дѣтствѣ Г. коренится его склонность къ болѣзненности — отчасти дѣйствительной, но

еще болѣе вызываемой мнительностью. Г. сознавалъ это и нерѣдко, впослѣдствіи, называлъ себя и подписывался даже въ письмахъ *мимозою*. Первыми впечатлѣніями дѣтства, сохранившимися на всю жизнь композитора и оказавшими вліяніе на его творчество, были пѣсни и сказки его подняни Авдотьи Ивановны, а также колокольный звонъ, которымъ онъ заслушивался и которому вскорѣ выучился подражать на мѣдныхъ тазахъ. Четырехлѣтнему Г. показалъ новоспасскій священникъ о. Ставровскій «титлы», и въ короткое время онъ научился разбирать по складамъ и читать. Только 6 лѣтъ, послѣ смерти бабушки, Г. былъ возвращенъ родителямъ и болѣе раціональному воспитанію. Любознательный и способный отъ природы, Г. пристрастился къ чтенію (въ особенности къ разсказамъ о путешествіяхъ; старинное изданіе «О странствіяхъ вообще» сдѣлалось любимой книгой и, по признанію самого Г., «послужило основаніемъ его страсти къ географіи и путешествіямъ»), рисованію и, въ особенности, къ музыкѣ. Онъ заслушивался исполненію крѣпостного оркестра, нерѣдко самъ подлаживался къ нему и въ дѣтствѣ уже настолько познакомился и сроднился съ серьезной музыкой и небольшими, модными въ то время, арранжировками народныхъ пѣсенъ, что нерѣдко мечтательно настраивался подъ впечатлѣніемъ слышаннаго, а однажды, 10—11 лѣтъ, признался своему учителю рисованія — *музыка душа моя*. Съ тѣхъ поръ Г. страстно полюбилъ музыку. Общее образованіе шло въ духѣ того времени. Чтобы подготовить Г. для поступленія въ Благородный пансіонъ, въ 1815 г. была выписана гувернантка г-жа Кламмеръ, дававшая ему также уроки игры на фортепіано; здѣсь Г. также настолько преуспѣлъ, что въ полтора года научился «опрятно» исполнять сольныя пьесы модныхъ композиторовъ (Гировеца, Штейбельта и др.) и разныя увертюры въ 4 руки. Въ то же время онъ принялся играть на скрипкѣ подъ руководствомъ одного изъ дворовыхъ музыкантовъ. Такимъ образомъ, дѣтство будущаго композитора протекло въ деревнѣ, за исключеніемъ приблизительно годового перерыва (1812—13), когда семья отца Г., въ виду наступленія арміи Наполеона въ Смоленскую губ., бѣжала въ Орелъ.

Зимой 1817 г. М. И., въ сопровожденіи матери и одной изъ сестеръ былъ отправленъ въ Петербургъ и поступилъ здѣсь въ незадолго передъ тѣмъ открытый при университетѣ — Благородный пансіонъ. Четыре года (1818—22), проведенные Г. въ послѣднемъ, наложили замѣтный отпечатокъ на его характеръ, склонность и извѣстныя стремленія въ жизни, но въ образовательномъ отношеніи дали не много. Хорошо подготовленный дома, способный и съ рвеніемъ принявшійся было за ученіе (любимыми предметами его были языки, естествовѣдѣніе, географія, исторія и даже, вначалѣ, математика, такъ что нѣкоторое время Г. состоялъ «репетиторомъ» по алгебрѣ въ пансіонѣ), Г. въ концѣ курса значительно охладѣлъ къ ученію, сознавъ, что въ пансіонѣ «ученье въ совершенномъ упадкѣ» (письмо къ родителямъ 1822 г.). Все-таки Г. окончилъ курсъ *вторымъ* по выпуску. Вліяніе пансіонскаго періода болѣе сказалось въ другомъ отношеніи. Въ пансіонѣ Г. завязалъ пріятельскія сношенія съ своими однокашниками князьями Гр. и Ал. Голицыными, С. Соболевскимъ, Н. Мельгуновымъ, А. Римскимъ-Корсаковымъ (Корсакъ) и др., а также познакомился съ Пушкинымъ, навѣщавшимъ воспитывавшагося въ пансіонѣ младшаго брата Льва Сергѣевича, и такимъ образомъ вошелъ въ кругъ наиболѣе интеллигентной тогдашней столичной молодежи, въ которомъ и музыка культивировалась какъ благородное развлеченіе. Изъ педагогическаго персонала пансіона, кромѣ инспектора Линдквиста и одного изъ гувернеровъ В. К. Кюхельбекера (декабриста), у которыхъ Г. жилъ пансіонеромъ, онъ близко сошелся съ умнымъ, добродушнымъ и правдолюбивымъ подъинспекторомъ И. Я. Колмаковымъ; благодаря послѣднему онъ полюбилъ латинскій языкъ и нерѣдко читалъ съ Колмаковымъ Овидія. Но если науки для Колмакова были истинной страстью, которой онъ ободрялъ способныхъ учениковъ, то, съ другой стороны, пристрастіе къ вину и веселой компаніи еще болѣе сближали его съ молодежью. И въ этомъ отноше-

ніи Г. очень скоро и рано подпалъ подъ вліяніе Колмакова и въ періодъ окончанія пансіона впервые обнаружилъ склонность къ вину, къ которому впослѣдствіи часто любилъ прибѣгать, чтобы разогнать хандру или настроить творческую фантазію. Г. въ «Запискахъ» своихъ сохранилъ шуточныя бесѣды съ Колмаковымъ подъ веселую руку; попойки эти разслабляли хрупкую и нервную натуру композитора. Жизнь въ пансіонѣ не мѣшала и музыкальнымъ занятіямъ Г. Художественный кругозоръ его расширился, благодаря новымъ впечатлѣніямъ (въ оперѣ, драматическомъ театрѣ и въ концертахъ). Въ Петербургѣ онъ могъ получить и болѣе основательную техническую подготовку, хотя о *систематическомъ* музыкальномъ образованіи, несмотря на явно-обнаружившуюся склонность Г. къ музыкѣ, рѣчи быть не могло — чисто музыкальная профессія лежала внѣ круга дѣятельности тогдашняго дворянскаго сословія. Тѣмъ не менѣе, Г. имѣлъ рядъ учителей, начиная со скрипача-концертмейстера Бёма (Г. скоро бросилъ съ нимъ заниматься) и кончая знаменитымъ Фильдомъ, у котораго онъ взялъ (1820) 3 урока, разучивъ его E-dur'ный дивертиссементъ. Наиболѣе обнаружились и развивались піанистическія способности Г. Послѣ двухъ неудачныхъ учителей, Омона (ученикъ Фильда) и Цейнера (теоретикъ, съ нимъ Г. проходилъ и элементарную теорію музыки), былъ приглашенъ талантливый піанистъ и композиторъ Ш. Майеръ (Mayer), также ученикъ Фильда. Майеръ далъ Г. исключительно фортепіанное образованіе и вполнѣ въ духѣ школы Фильда, поклонникомъ которой Г. и остался на всю жизнь, предпочитая, даже въ зрѣломъ возрастѣ, ровную, виртуозную и элегантную стильность исполненія новой, болѣе драматической и одухотворенной передачѣ Фр. Листа. Майеръ угадалъ серьезное дарованіе своего ученика и вскорѣ отказался отъ преподаванія, замѣнивъ его совмѣстнымъ музицированіемъ, дружескими бесѣдами и совѣтами; нерѣдко онъ исправлялъ также первые композиторскіе опыты Г. Впослѣдствіи, во второй половинѣ 1820-хъ гг., Г. еще занялся спеціально теоріей композиціи подъ руководствомъ теоретиковъ Фукса и Замбони. Параллельно съ этими учебными работами шли и практическія занятія Г. въ области композиціи и ознакомленія съ оркестровой техникой. Сыгравъ на выпускномъ актѣ Благороднаго пансіона, вмѣстѣ съ Майеромъ, a-moll'ный концертъ Гуммеля, Г. какъ бы публично заявилъ о своемъ музыкальномъ дарованіи.

Матеріальная обезпеченность родителей позволяла Г. не заботиться о пріисканіи мѣста. Напротивъ, отецъ Г., не предполагая, конечно, что сынъ его посвятитъ себя исключительно музыкальной дѣятельности, не торопилъ его поступленіемъ на службу и въ то же время не препятствовалъ его «любительскимъ» музыкальнымъ занятіямъ, а, главнымъ образомъ, внимательно отнесся къ слабому состоянію его здоровья и далъ ему возможность съѣздить на Кавказъ и за границу. Г. поступилъ въ маѣ 1824 г. помощникомъ секретаря въ Канцелярію путей сообщенія и прослужилъ всего до 1828 г., когда подалъ въ отставку, убѣдившись въ недоброжелательномъ къ нему отношеніи его начальника, генерала Горголи, обманувшагося въ матримоніальныхъ разсчетахъ — женить Г. на одной изъ своихъ дочерей. Недолгая служба также оставляла Г. достаточно свободнаго времени для музыкальныхъ занятій. Послѣднимъ способствовалъ новый кругъ знакомства Г. въ Петербургѣ (у П. П. Юшкова былъ собственный оркестръ; въ домѣ Д. П. Демидова устраивались «музыкальныя упражненія», для которыхъ Г. началъ свою сонату для альта; обширный кругъ знакомыхъ составилъ кн. С. Г. Голицынъ, возбуждавшій Г. къ сочиненію и самъ исполнявшій его романсы), но еще больше поѣздки и пребываніе Г. въ Новоспасскомъ. Здѣсь и въ сосѣднемъ селѣ Шмаковѣ, у дяди Г., были оркестры крѣпостныхъ музыкантовъ, съ которыми Г. проходилъ партіи и такимъ образомъ «подмѣтилъ способъ инструментовки большей части лучшихъ композиторовъ для оркестра» («Зап.», стр. 25). Въ Новоспасскомъ Г., кромѣ лѣтнихъ вакацій 1819—21 гг., провелъ осень и зиму 1823 г. и двѣ весны 1826 и 1828 гг. Къ этому періоду и относятся первыя попытки его въ области композиціи,

при чемъ если болѣе легкія и скороспѣлыя (романсы и фортепіанныя пьесы) возникали подъ вліяніемъ дилетантствовавшихъ пріятелей или знакомыхъ барышенъ, которыми Г. постоянно увлекался, то болѣе серьезныя, хотя технически и менѣе удачныя, создавались именно подъ впечатлѣніемъ изученія классическихъ мастеровъ и работъ съ крѣпостнымъ оркестромъ. До сихъ поръ не установленъ полный списокъ юношескихъ произведеній Г. въ хронологическомъ порядкѣ ихъ сочиненія, такъ какъ многія изъ нихъ еще не изданы (автографныя рукописи хранятся въ Рукоп. отд. Имп. Публ. Библіотеки въ С.-Пб.), а нѣкоторыя несомнѣнно раннія композиціи, изданныя въ послѣдніе годы жизни или послѣ смерти Г. (большинство рукописей не сохранилось) не обозначены датой сочиненія. Во всякомъ случаѣ цѣлый рядъ произведеній, болѣе крупныхъ по формѣ, предшествуетъ первымъ романсамъ Г.

Въ хронологическомъ порядкѣ были сочинены слѣдующія произведенія (изданныя или оставшіяся въ рукописи) за время 1822—26 гг.: 1) Варіаціи на тему изъ оп. «Швейцарское семейство»; 2) Варіаціи на собственную тему (1822, сохранилась подлинная рукопись съ исправленіями Майера); 3) Варіаціи на тему Моцарта, для фортеп. или арфы (1822), впослѣдствіи изданныя по позднѣйшей редакціи композитора (1854—56 гг.); 4) Вальсъ F-dur (1822 г., неизд. и несохр.); 5) Септетъ для струн. и дух. инстр. (1824, неизд.); 6) Adagio и Rondo для оркестра (1824, неизд.); 7) Квартетъ C-dur для стр. инстр. (1825, не изданъ; сохранился въ двухъ редакціяхъ); 8) Соната для альта съ фортеп. (сохранилась альтовая партія 1825 г., и отрывки въ ансамблѣ, по которымъ въ 1850-хъ гг. Г. закончилъ всю пьесу; не изд.); 9) Фортеп. варіаціи на Benedetta sia la madre, E-dur (1826), впослѣдствіи (около 1828 г.?) изданныя (повидимому, *первая пьеса Г. появившая въ печати*); 10) Кантата (соч. и исполнена при участіи автора 1826 г., въ Смоленскѣ) «Прологъ на кончину Имп. Александра I и восшествіе на престолъ Государя Николая Павловича» (сохранилась въ рук.; издана только въ 1894 г.); 11) Trio Pathétique, для фортеп., кларн. и фагота (1826—27; изд.). Въ тотъ же періодъ были сочинены болѣе крупныя произведенія, дошедшія до насъ въ рукописяхъ, но неизданныя: 12—13) Увертюры для оркестра G-moll и D-dur; 14) Симфонія для орк. B-dur (во 2-й части разработана тема «Во лузяхъ»). Г. не придавалъ значенія всѣмъ этимъ юношескимъ произведеніямъ, оставшимся при жизни его неизданными, и только въ послѣдніе годы привелъ нѣкоторыя изъ нихъ въ порядокъ; въ своихъ «Запискахъ» онъ даетъ имъ приговоръ: они «могутъ послужить только доказательствомъ моего тогдашняго невѣжества въ музыкѣ». Тѣмъ не менѣе, технически вполнѣ несовершенныя, эти попытки не только показываютъ серьезность художественныхъ стремленій Г., вполнѣ отличную отъ дилетантскаго воззрѣнія на музыку его пріятелей и тогдашняго русскаго общества, но убѣждаютъ въ постоянной работѣ молодого композитора, не удовлетворявшагося первыми легкими лаврами своихъ не притязательныхъ романсовъ. Въ этихъ же юношескихъ пьесахъ замѣтенъ несомнѣнный прогрессъ въ смыслѣ чистоты стиля и грамматической правильности. Позже Г. принялся за романсы и пошелъ въ нихъ по стопамъ современныхъ ему романсистовъ (Алябьева, Титова, Вьельгорскаго и др.), отличаясь только большей легкостью и изяществомъ стиля. Постепенно Г. освобождался, конечно, и здѣсь отъ наростовъ дилетантскихъ традицій. Но даже первые романсы его (не считая признававшагося имъ «неудачной попыткой въ сочиненіи съ текстомъ» — ром. «Забавы юношескихъ лѣтъ», на сл. К. Бахтурина) не только пользовались несомнѣннымъ успѣхомъ въ знакомыхъ кружкахъ композитора, но, повидимому, удовлетворяли самого автора, болѣе щепетильно и строго относившагося къ своимъ чисто инструментальнымъ опытамъ. Первыми романсами Г. за тотъ же періодъ 1825—28 гг. являются: Элегія «Не искушай меня безъ нужды» (сл. Баратынскаго, 1825), «Бѣдный пѣвецъ» и «Свѣтитъ мѣсяцъ на кладбищѣ» (сл. Жуковскаго, 1826) — оба «тоскливыхъ» романса, обозначавшіе, вмѣстѣ съ другими, дань увлеченія Г. сентиментальнымъ романтизмомъ, отъ котораго онъ

освободился только въ эпоху созданія «Жизни за Царя»; въ 1827 г. слѣдовали романсы — «Я люблю , ты мнѣ твердила» на сл. Корсака (въ печатномъ изданіи ром. появился съ французскимъ текстомъ — Le Baiser, подведеннымъ кн. С. Голицынымъ), «Горько, горько мнѣ» (сл. А. Корсака), а также рядъ опытовъ въ вокальныхъ формахъ, болѣе крупнаго стиля (дуэтъ, арія для баритона, хоръ на смерть героя, — эти произведенія остались неизданными). Успѣхъ этихъ попытокъ вызвалъ и спросъ на нихъ. Не считая фортеп. варіацій «Benedetta» (признаваемыхъ Г. за его первое печатное произведеніе), прошедшихъ малозамѣченными, первыми появились въ печати романсы Г. Пріятельскія отношенія съ Пушкинымъ, Грибоѣдовымъ, кн. Одоевскимъ и др., доставили знакомства въ литературныхъ кругахъ. Издатели модныхъ въ то время «альманаховъ» стали включать въ свои литературные ежегодники и произведенія Г., въ видѣ музыкальныхъ приложеній. Такимъ именно образомъ Г. дебютировалъ и въ болѣе широкой публикѣ. Первые романсы Г. напечатаны въ альманахахъ «Подснѣжникъ» 1829 г. (русская пѣсня «Дѣдушка, дѣвицы разъ мнѣ говорили»), «Невскомъ Альманахѣ» Аладьина 1830 г. (ром. «Свѣтитъ мѣсяцъ на кладбищѣ») и др. Въ 1829 г. самъ Г., вмѣстѣ съ своимъ пріятелемъ Н. Павлищевымъ, издалъ музыкальный альманахъ (Лирич. альбомъ), въ которомъ, кромѣ пьесъ разныхъ другихъ авторовъ, преимущественно также дилетантовъ, напечаталъ своихъ 3 романса («Память сердца», «Скажи зачѣмъ», дуэтъ Mio ben ricordati) и нѣсколько танцевъ. Въ эту эпоху Г. еще не имѣлъ настоящихъ издателей; едва ли не первымъ явился Снегиревъ съ оперой «Жизнь за Царя». Наконецъ, къ тому же періоду относится и первая попытка Г. написать оперу (1826) — на сюжетъ поэмы «Рокеби» В. Скотта, изъ которой до насъ дошли лишь нѣсколько черновыхъ набросковъ.

Юношескій періодъ Г. закончился поѣздкой въ Италію — первымъ путешествіемъ его за границу. Такъ же какъ и поѣздка 1823 г. на Кавказъ (здѣсь, въ Пятигорскѣ и Желѣзноводскѣ, Г. лѣчился, но малоудачно, отъ своего золотушнаго расположенія; гораздо важнѣе для него были впечатлѣнія природы и этнографическаго характера, давшія ему впослѣдствіи матеріалъ для восточныхъ сценъ «Руслана и Людмилы»), путешествіе въ Италію было вызвано разстроеннымъ здоровьемъ Г., постоянно лѣчившагося у разныхъ докторовъ, которые продѣлывали надъ нимъ всевозможные эксперименты, покуда отецъ Г. не внялъ совѣту дѣльнаго врача Шпиндлера, объявившаго, что у сына его цѣлая «кадриль болѣзней», для поправленія которой необходимо не менѣе 3 лѣтъ прожить въ тепломъ климатѣ. Г. уѣхалъ за границу весной 1830 г., вмѣстѣ съ извѣстнымъ теноромъ Ивановымъ, впослѣдствіи эмигрировавшимъ. По пути въ Германію, а затѣмъ въ Италіи Г. не переставалъ лѣчиться, но также безрезультатно; уже на обратномъ пути, черезъ 3 года, ему помогла въ Вѣнѣ гомеопатія. Г. прожилъ въ Италіи до весны 1833 г., главнымъ образомъ въ Миланѣ, посѣщая иногда и окрестные города. Здѣсь онъ познакомился съ живописцемъ К. Брюлловымъ (впослѣдствіи — одинъ изъ главныхъ членовъ кукольниковской «братіи»), московскимъ профессоромъ С. П. Шевыревымъ, съ которымъ затѣмъ состоялъ въ перепискѣ; изъ иностранныхъ художниковъ — съ Берліозомъ, Беллини, О. Верне, Доницетти, Мендельсономъ и др., а также многими представителями мѣстной и пріѣзжей аристократіи. Г. и здѣсь настолько зарекомендовалъ себя даровитымъ дилетантомъ, что нашелъ издателя для написанныхъ имъ въ то время произведеній. У Риккорди въ Миланѣ были изданы: «Рондо» на мотивъ изъ «Ромео и Джульетты» Беллини (1831), Impromptu en galopre на мот. баркароллы изъ «Любовнаго напитка» Доницетти (1832) и др. Кромѣ того, тогда же были сочинены: 2 серенады (на мот. изъ «Сонамбулы» и «Анны Болейнъ») для фортеп. и струннаго ансамбля, нѣсколько итальянскихъ каватинъ, Es-dur'ный секстетъ (1832) и рядъ романсовъ (въ томъ числѣ одинъ изъ лучшихъ — «Венеціанская ночь», 1832). Эти произведенія, въ особенности крупный по размѣрамъ секстетъ, свидѣтельствуютъ о болѣе раз-

витой и свободной техникѣ Г. Послѣдняя явилась результатомъ дальнѣйшихъ теоретическихъ занятій Г. (самостоятельно и съ проф. Базили), еще болѣе съ выдающимися вокальными педагогами (Ноццари и Фодоръ-Менвьель), а также знакомства съ лучшими итальянскими артистами. Съ тѣхъ поръ Г. и самъ сталъ выдающимся (не по голосу, а по художественной передачѣ) пѣвцомъ, и вокальный стиль его пріобрѣтаетъ законченность, чистоту и изящество. Извѣстность въ качествѣ «maestro russo» въ аристократическихъ кругахъ, заставляла Г. выступать исполнителемъ и писать, главнымъ образомъ, для разныхъ посвященій. Въ Италіи Г. пережилъ и свой дилетантскій періодъ неглубокаго, поверхностнаго музицированія ради легкаго успѣха и пріятности посвященія дамамъ и пріятелямъ. Что-либо болѣе глубокое должно было увлечь его, чтобы стряхнуть съ него наросшій дилетантизмъ, и чтобы таившіяся въ немъ истинныя чувство и дарованіе могли обнаружиться въ новомъ видѣ и полной силѣ. Этимъ импульсомъ явилась глубокая тоска по родинѣ (ностальгія), весной 1833 г., когда страданія не допускали Г. даже работать. Въ іюлѣ онъ отправился въ сопровожденіи доктора въ обратный путь, часть осени провелъ въ Вѣнѣ, а затѣмъ около полугода въ Берлинѣ. Здѣсь Г. занялся съ извѣстнымъ контрапунктистомъ З. Деномъ, который привелъ въ порядокъ его техническія знанія, и послѣ пятинедѣльнаго курса котораго Г. считалъ свое теоретическое образованіе законченнымъ. Подъ его руководствомъ Г. написалъ свою «Русску симфонію» (1834); среди рукописей Г. въ Имп. Публ. Библіотекѣ сохранились тетради техническихъ упражненій Г. и отчасти (не полный) самый курсъ Дена, высоко цѣнившійся Г. Къ этому же времени — между Италіей и Россіей — относится рядъ новыхъ композицій (ром. «Дубрава шумитъ», этюды для пѣнія — одинъ изъ нихъ послужилъ впослѣдствіи для геніальной «Еврейской пѣсни» въ «Князѣ Холмскомъ», варіаціи и попурри на русскія пѣсни, — повидимому то самое, которое въ 1904 г. было издано Балакиревымъ подъ назв. «Каприччіо») и набросковъ (начала бодраго и красочнаго allegro, неосуществившейся «Итальянской симфоніи»; нѣсколько темъ, вошедшихъ впослѣдствіи въ оперы — «Пѣсни сироты», «Краковяка» изъ «Жизни за Царя», мотивъ вальса аріи Ратмира изъ «Руслана»), свидѣтельствующихъ насколько развился талантъ Г. и насколько болѣе сознательно и свободно онъ сталъ относиться къ своему творчеству. Г. признается въ своихъ «Запискахъ», что до сихъ поръ онъ шелъ не своимъ путемъ. «Тоска по отчизнѣ навела меня постепенно на мысль писать по-русски» — «мысль объ національной музыкѣ болѣе и болѣе прояснялась». Возвращаясь на родину, Г. могъ уже не хлопотать объ устройствѣ личной судьбы — по дорогѣ изъ Италіи онъ узналъ о смерти отца.

Пріѣхавъ, весной 1834 г., изъ-за границы прямо въ Новоспасское, Г. получилъ матеріальную самостоятельность и задумалъ было снова отправиться за границу; въ этомъ сказывается нерѣшительность его натуры, а также отсутствіе въ то время серьезной художественной задачи. Вскорѣ, однако, обстоятельства сложились такъ, что Г. предпочелъ остаться на родинѣ. Лѣтомъ 1834 г. Г. отправился въ Москву повидаться съ Мельгуновымъ и здѣсь возобновилъ знакомство съ мѣстными литературными и музыкальными кругами. Во главѣ первыхъ стояли Аксаковъ, Погодинъ, Шевыревъ; въ музыкальномъ мірѣ пользовался большой популярностью общій пріятель ихъ — Верстовскій. Въ драмѣ и оперѣ расцвѣталъ романтизмъ славянской, народной окраски; многимъ казалось, что Верстовскій въ «Панѣ Твардовскомъ» и «Вадимѣ» (на сюжетъ Жуковскаго) создалъ русскую національную оперу. Г. также поддался этому увлеченію и принялся за романтическую оперу на сюжетъ разсказа Жуковскаго «Марьина роща». Планъ оперы и начатые наброски до насъ не дошли; врядъ ли они были написаны, хотя отрывки оперы наигрывались пріятелямъ композитора и, по признанію его, вошли въ начатую вскорѣ затѣмъ оперу «Жизнь за Царя». Осенью 1834 г. Г. пріѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь также близко сошелся съ литературными и дилетантскими кружками. Въ домахъ Жуковскаго, князя Одоевскаго

и графа М. Вьельгорскаго Г. сходился съ кн. Вяземскимъ, Гоголемъ, Пушкинымъ и др. Жуковскій вскорѣ предложилъ Г. для оперы сюжетъ Ивана Сусанина и даже вызвался написать либретто, но ограничился стихами для эпилога «Ахъ, не мнѣ, вѣтру буйному» и, за недосугомъ, рекомендовалъ композитору молодого литератора бар. Розена. Къ тому же времени относятся наброски, оставшагося незаконченнымъ, *Русскаго народна гимна* (возможно, что этотъ гимнъ предназначался одной изъ деталей будущей оперы), итальянской аріи и др.; сочинены романсы: «Не говори, любовь пройдетъ», «Не называй ее небесной», «Я здѣсь, Инезилья» и «Только узналъ я тебя». Послѣдній былъ посвященъ Маріи Петровнѣ Ивановой, будущей невѣстѣ Г., съ которой онъ познакомился въ домѣ своего родственника А. С. Стунѣева. Вскорѣ романсы и начатые другіе планы были оставлены, такъ какъ Г. вполнѣ захватила мысль создать русскую оперу. Въ тѣсной связи съ ней находилась и предстоявшая, затѣмъ осуществившаяся, женитьба. Личныя переживанія, по признанію Г., отразились на музыкѣ его оперы, въ драматическомъ сюжетѣ которой картины семейнаго горя и радостей предсвадебной поры имѣютъ крупное и жизненное значеніе. Тріо «Не томи, родимый» вылилось въ минуту тоски — «слѣдствіе безумной любви» («Записки» Г.); искренній, задушевный хоръ «Разгулялася, разливалася» — сочиненъ во время свадебной поѣздки въ деревню (въ апрѣлѣ 1835 г.), гдѣ Г. работалъ надъ оперой методически и нерѣдко прямо писалъ музыку въ оркестровой партитурѣ. Опера была закончена весной 1836 г. въ Петербургѣ, куда Г. возвратился еще осенью. Первоначально опера называлась «Иванъ Сусанинъ», подобно оперѣ Кавоса (1815 г.), но послѣ посвященія ея императору Николаю получила свое настоящее названіе. Процессъ творчества Глинки такъ же, какъ и механизмъ записи создавшагося для оперы матеріала былъ совершенно иной, чѣмъ у всѣхъ современныхъ ему русскихъ композиторовъ. Первоначально Г. былъ задуманъ родъ сценической кантаты въ трехъ картинахъ: 1) сельская сцена, 2) польская сцена, 3) торжественный финалъ, затѣмъ, подъ вліяніемъ совѣтовъ Жуковскаго, развился планъ пяти-актной драматической оперы. Музыка почти всегда опережала текстъ (написанный почти цѣликомъ бар. Розеномъ) и самый способъ нотированія показываетъ уже полную техническую свободу композитора, не инструментовавшаго фортепіанные наброски музыки, а нерѣдко излагавшаго ее въ окончательномъ видѣ оркестровой партитуры. Подобнаго техническаго мастерства не обнаруживалъ ни одинъ изъ русскихъ композиторовъ предшествовавшей или современной Г. эпохи, кромѣ Бортнянскаго. Представленная 8 апрѣля 1836 г. директору А. М. Гедеонову опера, несмотря на нежеланіе послѣдняго, была принята къ постановкѣ, благодаря благопріятному отзыву капельмейстера Кавоса. 1-е представленіе «Жизни за Царя» состоялось 27 ноября 1836 г. въ Большомъ театрѣ, вновь открытомъ въ этотъ день. Успѣхъ оперы былъ исключительный, но музыка ея была оцѣнена лишь немногими, въ томъ числѣ, однимъ изъ первыхъ, кн. В. Ѳ. Одоевскимъ, сдѣлавшимъ въ «Сѣв. Пчелѣ» (1836 г. №№ 280, 287, 288) серьезную художественную оцѣнку «Жизни за Царя». Одоевскій прозорливо возвѣстилъ, что опера Г. открываетъ въ исторіи искусства новый періодъ — русской музыки. Императоръ Николай I лично благодарилъ Г., пожаловалъ ему перстень въ 4000 руб., а вслѣдъ затѣмъ (1 января 1837 г.) назначилъ его капельмейстеромъ придворной пѣвческой капеллы; директоромъ ея, одновременно, былъ назначенъ А. Ѳ. Львовъ. Служба въ Капеллѣ продолжалась до декабря 1839 г., когда семейныя неурядицы, вызванныя ими сплетни въ обществѣ, а также нелады съ Львовымъ, заставили Г. подать въ отставку. Въ этотъ періодъ, кромѣ чисто служебныхъ обязанностей, къ которымъ Г. постепенно сталъ все болѣе и болѣе относиться небрежно, состоялась командировка его (лѣтомъ 1838 г.) въ Малороссію для набора новыхъ пѣвчихъ. Изъ композицій появились (1837 г.) *Херувимская* для Капеллы и *Польскій* для хора и оркестра «Великъ нашъ Богъ», по заказу Смоленскаго дворянства, а также около 13 художественныхъ

пѣсенъ (1837—39), въ томъ числѣ наиболѣе крупныя и замѣчательныя: *Ночной смотръ* (1837) и *Съверная звъзда* (1839). Кромѣ того, лѣтомъ 1837 г. была сочинена, на текстъ Н. Кукольника, дополнительная сцена въ «Жизни за Царя» — Вани передъ монастыремъ, для бенефиса Воробьевой, съ тѣхъ поръ постоянно исполняющаяся въ оперѣ. Вслѣдъ за окончаніемъ этой оперы, Г., по совѣту кн. Шаховского, рѣшилъ приняться за новую — на сюжетъ «Руслана и Людмилы». Неожиданная кончина Пушкина помѣшала поэту принять предложенное имъ участіе въ передѣлкѣ его поэмы. Но и Г., горячо было принявшійся за первоначальные наброски оперы (въ 1838 г. былъ разработанъ имъ подробный первоначальный планъ; тогда же, въ Малороссіи, была сочинена баллада Финна и исполнялись нѣкоторые готовые отрывки), не могъ такъ же спокойно и методически работать надъ нею, какъ надъ первой своей оперой. Только со второй половины 1840 г. онъ принялся за «Руслана» съ большей энергіей. Въ это время опредѣлилось его новое семейное и общественное положеніе. Вскорѣ послѣ свадьбы у Г. уже начались нелады съ женой, виною которыхъ явились полнѣйшее несоотвѣтствіе ихъ характеровъ и привычекъ, излишняя, прирожденная мнительность композитора, легкомысленность его жены и постоянныя вмѣшательства тещи. Въ ноябрѣ 1839 г. Г. оставилъ жену, предоставивъ ей всю обстановку и половину своихъ доходовъ, а затѣмъ вскорѣ, узнавъ, что жена его незаконно вышла замужъ за Н. Н. Васильчикова, началъ хлопотать о разводѣ. Дѣло закончилось, въ благопріятномъ для Г. смыслѣ, только осенью 1845 г., когда онъ путешествовалъ по Испаніи.

2—3 года, предшествовавшіе окончанію и постановкѣ «Руслана и Людмилы», имѣли рѣшающее значеніе для Г., какъ человѣка и какъ художника. Наиболѣе значительное и крупное въ творчествѣ было имъ высказано въ двухъ операхъ; при совершенной художественной зрѣлости и техническомъ мастерствѣ, онъ сталъ проявлять почти полную апатію къ дальнѣйшей творческой дѣятельности. Разрывъ съ женой вызвалъ сближеніе Г. съ кукольниковской «братіей» и участіе въ пріятельскихъ попойкахъ, нерѣдко принимавшихъ, по свидѣтельству современниковъ, гомерическіе размѣры. Эти кутежи, вредно отзываясь на здоровьи композитора, надолго сдѣлали обычной у него потребность къ вину и естественно заглушали въ немъ способность спокойной и сосредоточенной творческой работы, хотя Г. и былъ убѣжденъ, что подъ вліяніемъ вина его вдохновеніе разгоралось. Это болѣе наблюдалось въ отношеніи застольныхъ рѣчей, каламбуровъ и пѣнія, приводившаго въ восторгъ пріятелей. Въ этотъ періодъ (1839—41 гг.) Г. велъ безпокойную жизнь, отказавшись отъ свѣта и прежнихъ знакомствъ. Онъ жилъ то у Н. Кукольника, то въ общей квартирѣ «братіи» (Брюлловъ, Глинка, братья Несторъ и Платонъ Кукольники, церемоніймейстеръ попоекъ — художникъ Яненко, вылѣпившій въ 1841 г. бюстъ Глинки), съ которой онъ окончательно разошелся въ апрѣлѣ 1841 г. Иногда Г. устраивался самостоятельно, жилъ у Степанова и собирался даже за границу. Дважды (лѣтомъ 1840 и весной 1841 гг.) онъ бывалъ въ Новоспасскомъ и, мало-по-малу успокоившись, снова принялся за «Руслана». Къ 1839 г. относится предпринятое Г., ради заработка средствъ — получаемое имъ жалованье и доходъ съ имѣнія для удовлетворенія прихотливой жизни жены оказались недостаточными — изданіе «*Музыкальнаго альбома*», заключавшаго, кромѣ его собственныхъ произведеній, пьесы его пріятелей-дилетантовъ. Затѣмъ, въ періодъ жизни съ «братіей» были сочинены рядъ романсовъ на тексты Н. Кукольника, изданныхъ подъ общимъ заглавіемъ «*Прощаніе съ Петербургомъ*» (въ виду предполагавшагося, но несостоявшагося отъѣзда Г.; сочиненіе и изданіе ихъ обязано, главнымъ образомъ, иниціативѣ П. Кукольника, какъ средство пополненія изсякшей кассы «братіи»), и музыка къ трагедіи Н. Кукольника «*Князь Холмскій*» (увертюра, 4 антракта и 3 вокальныхъ №№), впервые поставленной 30 сентября 1841 г. въ Александринскомъ театрѣ. Нѣкоторые антракты, Еврейская пѣсня, а также

большинство №№ серіи «Прощаніе», выдержавшей рядъ изданій, принадлежатъ къ лучшимъ и наиболѣе своеобразнымъ произведеніямъ Г. — Кукольниковской «братіи» Г. обязанъ также поспѣшнымъ и мало разработаннымъ въ сценическомъ отношеніи окончательнымъ *планомъ* своей второй оперы. Неизвѣстно почему Г. не сохранилъ свой первоначальный планъ (1838) и почему устранился отъ ближайшаго участія въ разработкѣ либретто В. Ѳ. Ширковъ (переписка съ послѣднимъ даетъ наиболѣе цѣнный матеріалъ для исторіи созданія «Руслана»). Окончательный планъ оперы былъ составленъ по признанію Г. «подъ пьяную руку» малодаровитымъ драматургомъ К. Бахтуринымъ, однимъ изъ членовъ «братіи», а въ окончательной обработкѣ либретто «Руслана», кромѣ самого Г. и Ширкова, приняли участіе его пріятели Марковичъ, М. Гедеоновъ (ему была фактически посвящена партитура оперы, хотя въ печатномъ изданіи это посвященіе и было выпущено), Н. Кукольникъ и Бахтуринъ. Съ сочиненными разновременно и безъ всякаго порядка отдѣльными №№ и отрывками изъ «Руслана и Людмилы», Г. въ 1841 г. принялся за болѣе систематическую обработку оперы и черезъ годъ, весной 1842 г., представилъ партитуру ея въ дирекцію Императорскихъ театровъ. На этотъ разъ опера была принята Гедеоновымъ безпрепятственно; рѣшено было, не откладывая, приступить къ ея постановкѣ. Композитору было назначено вознагражденіе въ 10% съ двухъ третей сбора каждаго представленія, тогда какъ при постановкѣ «Жизни за Царя» Г. обязался подпиской не требовать гонорара. Послѣдняя работа надъ партитурой «Руслана» требовала уже сценическихъ соображеній режиссера и балетмейстера; это было сдѣлано, лѣтомъ 1842 г., а увертюру Г. писалъ осенью прямо на оркестръ, во время разучиванія оперы, нерѣдко въ комнатѣ режиссера. Въ періодъ окончанія и постановки «Руслана» Г. снова возвратился въ кругъ прежнихъ музыкальныхъ знакомствъ. Гр. Мих. Вьельгорскому онъ предоставилъ дѣлать купюры; баронъ Раль оркестровалъ военную музыку на сценѣ. Въ началѣ 1842 года въ Петербургъ пріѣхалъ концертировать Листъ и также извлекъ Г. изъ его уединенія. Сыгранные имъ съ листа (по черновой партитурѣ) отрывки «Руслана» и большія похвалы, при этомъ случаѣ, высказанныя знаменитымъ артистомъ красотамъ и оригинальности музыки, еще болѣе возбудили интересъ къ новой оперѣ. Декораторъ Роллеръ получилъ за свои эскизы званіе академика. Нѣкоторые костюмы были сдѣланы по рисункамъ К. Брюллова. Постановка «Руслана» ожидалась съ нетерпѣніемъ; билеты раскупались на нѣсколько спектаклей впередъ. 1-е представленіе состоялось 27 ноября 1842 г.; успѣхъ былъ шумный, въ особенности на слѣдующихъ спектакляхъ, и въ первый сезонъ опера выдержала 32 представленія, но затѣмъ, до 1845 г., была дана еще только 21 разъ и до 1858 г. на сценѣ не появлялась. Отдѣльные №№ «Руслана» имѣли несомнѣнный успѣхъ, но болѣе всего привлекали публику волшебный спектакль и постановка. Даже въ музыкальныхъ кругахъ партитура этой оперы считалась «ученой музыкой», а по приговору гр. Вьельгорскаго «Русланъ» былъ — оперой «неудачной» (manqué). Самолюбіе композитора было уязвлено, тѣмъ болѣе, что на этотъ разъ успѣхъ и признаніе достоинства не были поддержаны свыше. У Г. навсегда сохранилось убѣжденіе, что «Русланъ» его не оцѣненъ; вернулась прежняя апатія къ творчеству и общественнымъ связямъ. Послѣ года бездѣйствія, проведеннаго въ Петербургѣ послѣ постановки «Руслана», Г. добился разрѣшенія матери на путешествіе за границу, съ цѣлью побывать въ Испаніи. Въ немъ проснулась воспринятая съ дѣтства страсть къ путешествіямъ и далекимъ странамъ; послѣдніе годы жизни Г., за рѣдкимъ исключеніемъ, прожилъ внѣ Петербурга и подолгу любилъ заживаться въ чужихъ краяхъ и мѣстахъ. Къ немногимъ произведеніямъ, написаннымъ въ это время, до отъѣзда за границу, относятся: *Тарантелла* на слова Мятлева и *Прощальная пѣсня* воспитанницъ Екатерининскаго института — для хора и оркестра (1841 г.) и два романса «Къ ней»

и «Люблю тебя, милая роза» (1843). Лѣтомъ 1843 г., черезъ Германію, Г. отправился въ Парижъ, гдѣ прожилъ до весны слѣдующаго года. Здѣсь онъ возобновилъ знакомство и сошелся съ Берліозомъ, который включилъ Лезгинку изъ «Руслана» и арію Антониды въ программу своего концерта и помогъ Г. въ устройствѣ его собственнаго концерта (10 апрѣля н. ст. 1845 г. въ залѣ Герца). Въ концертѣ были исполнены отрывки изъ обѣихъ оперъ, Вальсъ-фантазія и романсъ Il desiderio; хотя парижскіе критики, въ особенности Берліозъ, отнеслись къ Г. вполнѣ сочувственно, но успѣхъ концерта былъ чисто внѣшній и значенія для дальнѣйшей популяризаціи здѣсь произведеній Г. не имѣлъ. Гораздо значительнѣе оказалось впечатлѣніе, произведенное на самого Г. произведеніями Берліоза. Онъ увлекся программными произведеніями послѣдняго и рѣшилъ предпринять рядъ оркестровыхъ пьесъ, Fantaisies pittoresques, тематическій матеріалъ которыхъ надѣялся собрать въ Испаніи. Кромѣ того, въ Парижѣ онъ завелъ пріятельскія сношенія со многими музыкантами и литераторами (Мериме, Герцъ, Шатонёфъ и др.), о чемъ свидѣтельствуетъ альбомъ Г., сопровождавшій его въ Парижъ и Испанію, полный многочисленныхъ замѣтокъ французскихъ и испанскихъ знакомыхъ. Г. прожилъ въ Испаніи 2 года, побывавъ въ Памплонѣ, Вальядолидѣ, Сеговіи, Мадридѣ (здѣсь, въ сентябрѣ 1845 г. была сочинена «Аррагонская хота», первая изъ намѣченныхъ имъ «Fantaisies pittoresques»), Гранадѣ, Андалузіи и др. мѣстахъ. Здѣсь онъ отдыхалъ отъ петербургскихъ сплетенъ, бракоразводнаго дѣла и забывалъ полувраждебное отношеніе къ его творчеству петербургскихъ дилетантовъ. Бродя по Испаніи, Г. изучалъ народныя пѣсни и пляски, собирая ихъ въ своей записной книжкѣ (сохранилась книжка съ 17 напѣвами, часть которыхъ послужила матеріаломъ для его второй испанской увертюры «Ночь въ Мадридѣ»); тогда же имъ была арранжирована для фортепіано андалузская пляска «Las Mollares». Въ ноябрѣ 1846 г., при посредничествѣ придворнаго піаниста Гельбенца, въ одномъ изъ придворныхъ концертовъ въ Мадридѣ было исполнено тріо изъ «Жизни за Царя»; собственнаго концерта Г. не удалось тамъ устроить. Во всѣхъ своихъ письмахъ изъ Испаніи Г. свидѣтельствуетъ о несравненномъ удовольствіи, доставленномъ ему этимъ путешествіемъ: «мнѣ въ Испаніи такъ хорошо, что мнѣ кажется, будто я здѣсь родился», признается онъ въ одномъ изъ писемъ. Въ Мадридѣ, наконецъ, Г. сошелся съ однимъ любителемъ, донъ-Педро Фернандецъ, котораго вывезъ въ качествѣ пріятеля и пѣстуна въ Россію и не разставался съ нимъ до 1855 г. Въ іюлѣ 1847 г. Г. выѣхалъ изъ Испаніи и черезъ Австрію, Германію и Варшаву вернулся въ Россію, въ Новоспасское. Собравшись осенью въ Петербургъ, онъ захворалъ и остался въ Смоленскѣ, проживъ здѣсь зиму вмѣстѣ съ сестрой Л. И. Шестаковой. Въ этотъ періодъ были сочинены: романсъ «Ты скоро меня позабудешь» и нѣсколько незначительныхъ фортепіанныхъ пьесъ; къ одной изъ нихъ, «Молитвѣ», впослѣдствіи (1855 г.) были подведены стихи Лермонтова «Въ минуту жизни трудную». 28 января 1848 г. смоленское дворянство чествовало роднаго композитора торжественнымъ обѣдомъ. Весной Г. снова отправился за границу черезъ Варшаву, но остановился здѣсь и прожилъ до осени. Кромѣ устраивавшихся имъ музыкальныхъ вечеровъ съ оркестромъ намѣстника, князя Паскевича, Г. написалъ здѣсь *Ночь въ Мадридѣ* и *Камаринскую* — для оркестра, и романсы «Слышу ли голосъ твой», «Заздравный кубокъ» и «Пѣснь Маргариты». Въ ноябрѣ 1848 г. Г. вернулся въ Петербургъ, но, прохворавъ зиму и не добившись предположенной Фреццолини въ ея бенефисъ постановки «Жизни за Царя» въ Итальянской оперѣ, весной 1849 г. снова отправился въ Варшаву и прожилъ здѣсь до осени 1851 г. Въ Варшавѣ на этотъ разъ Г. сошелся съ мѣстными музыкантами (композиторомъ Курпинскимъ, органистомъ Фрейеромъ и др.), изрѣдка принимался за композиторство, жилъ по своему обыкновенію на холостую ногу и ухаживалъ на этотъ разъ за Эмиліей Омъ, дочерью мѣстнаго трактирщика. «Поэтическое чувство» къ ней

возбудило и творческую дѣятельность Г.: кромѣ романса на текстъ Мицкевича «Rozmowa», тогда же изданнаго и посвященнаго Э. Омъ (впослѣдствіи этотъ романсъ вышелъ въ русскомъ переводѣ «О милая дѣва»), въ это время были сочинены романсы *Адель*, *Пѣснь Мери* и одна изъ лучшихъ глинкинскихъ пѣсенъ — *Финскій заливъ*, посвященная императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, въ то время пребывавшей въ Варшавѣ и пригласившей къ себѣ Г. Кромѣ того, въ Варшавѣ была сочинена *Прощальная пѣсня* для воспитанницъ Смольнаго монастыря, а осенью 1851 г., передъ отъѣздомъ въ Петербургъ, было переработано, по совѣту кн. Одоевскаго, попурри изъ испанскихъ мелодій, теперь получившее свое окончательное названіе — «Испанская увертюра» № 2 («Ночь въ Мадридѣ»).

Въ іюлѣ 1851 г. Г. заболѣлъ, получивъ извѣстіе о кончинѣ матери. Поручивъ веденіе всѣхъ своихъ денежныхъ дѣлъ сестрѣ Л. Шестаковой, онъ снова собрался уѣхать за границу, но долженъ былъ отложить свое намѣреніе и въ сентябрѣ вернулся въ Петербургъ. Большую часть сезона Г. прожилъ вмѣстѣ съ той же сестрой и на этотъ разъ сблизился съ кружкомъ молодежи, часто у него музицировавшимъ (братья Стасовы, Сѣровъ, Энгельгардтъ, Вильбоа и Сантисъ). За композиторство Г. не принимался, если не считать «Первоначальной польки» для фортепіано, и только въ концертѣ Филармоническаго общества, благодаря посредничеству его сестры, впервые были исполнены 2-я испанская увертюра и Камаринская. Въ маѣ 1852 г. Г. въ третій разъ отправился за границу, въ Парижъ, надѣясь оттуда снова поѣхать въ Испанію. Путешествіе оказалось неудачнымъ; Г. Испаніи не достигъ и поселился въ Парижѣ до марта 1854 г. Здѣсь онъ возобновилъ нѣкоторыя прежнія знакомства (въ томъ числѣ съ Мейерберомъ), но преимущественно держался круга своихъ соотечественниковъ. Задуманная имъ програмная *украинская симфонія* (на сюжетъ Тараса Бульбы — отголосокъ увлеченія берліозовской програмной симфоніей) остановилась на началѣ 2-й части (партитура 1-й была закончена), такъ какъ Г. нашелъ симфонію написанной на «нѣмецкій ладъ», а сожитель его испанецъ донъ-Педро будто бы уничтожилъ рукопись. Въ Парижѣ Г. также инструментовалъ извѣстный вальсъ «Приглашеніе къ танцу» Вебера, но партитура его до сихъ поръ не найдена. Слѣдующіе два года, 1854—56 гг., Г. прожилъ въ Петербургѣ (лѣто 1854 г. въ Царскомъ Селѣ) вмѣстѣ съ сестрой Л. И. Шестаковой. Здѣсь онъ почти исключительно принималъ, рѣдко выѣзжая изъ дому, своихъ молодыхъ друзей-почитателей, приводилъ въ порядокъ или передѣлывалъ свои прежнія произведенія и оркестровалъ нѣкоторые романсы. Вновь сочинены *Польскій* для оркестра (1855), «Ектенія» для обѣдни и молитва *Да исправится*. Новое увлеченіе — пѣвицей русской оперы Д. М. Леоновой (для концертовъ которой Г. были сдѣланы нѣкоторыя арранжировки и которой посвящена вокальная редакція «Молитвы» на слова Лермонтова), а также усиленные совѣты друзей заставили Г. приняться за новую оперу на сюжетъ драмы «Двумужницы». Были сочинены, но, повидимому, не нотированы, первоначальные наброски, краткій планъ оперы Г. сообщилъ въ письмѣ къ Кукольнику, пригласилъ либреттиста — Василько-Петрова и даже началъ переговоры съ дирекціей театровъ относительно постановки. Но Г. внезапно охладѣлъ къ этому плану. Увлеченный мыслью заняться обработкой православныхъ церковныхъ напѣвовъ, попытки которой были имъ уже сдѣланы, онъ рѣшилъ еще разъ поѣхать за границу — къ своему любимому профессору З. Дену, въ Берлинѣ. Въ теченіе этого послѣдняго петербургскаго періода Г. написалъ, по просьбѣ сестры Л. И. Шестаковой, свои автобіографическія записки, доведенныя имъ до 1854 г.

27 апрѣля 1856 г. Глинка въ послѣдній разъ уѣхалъ изъ Петербурга и устроился въ Берлинѣ, по сосѣдству съ Деномъ, который ежедневно навѣщалъ его и руководилъ его занятіями надъ строгимъ стилемъ. Г. былъ убѣжденъ, что ему удастся «связать фугу западную съ условіями нашей музыки узами законнаго брака». Сохранилось 30 листовъ этихъ контрапунктическихъ уп-

ражненій къ предположенной имъ обѣднѣ Іоанна Златоуста — «для причета». Но и эту задачу — реформировать русское церковное пѣснопѣніе, — Г. не удалось осуществить, какъ, раньше, — написать третью оперу и создать русскую симфонію (отъ юношескихъ опытовъ въ этомъ стилѣ онъ вполнѣ отрекся, считая ихъ слишкомъ незрѣлыми; ни одинъ изъ нихъ не былъ изданъ и послѣ смерти Г.). Мотивы исканій Г. въ новой для него области церковнаго пѣнія объясняются не только наступившей человѣческой зрѣлостью или разочарованіемъ въ жизни («теперь, писалъ онъ въ 1856 г., для меня pittoresque въ сторонѣ, а главное comfort и покой»), но также измѣненіемъ или углубленіемъ его художественнаго вкуса — онъ, начиная съ 1850 г., искренно сталъ увлекаться мастерами старой школы — Бахомъ, Генделемъ, Глукомъ и др. 9 января 1857 г., по иниціативѣ Мейербера, встрѣтившаго Г. въ Берлинѣ, въ ежегодномъ придворномъ концертѣ было исполнено тріо изъ эпилога «Жизни за Царя». Г. простудился въ этотъ вечеръ, слегъ и 3 февраля скончался. Черезъ 3 дня состоялось погребеніе его на старомъ (нынѣ упраздненномъ) лютеранскомъ кладбищѣ св. Троицы; провожали его 7—8 человѣкъ, въ томъ числѣ Денъ и Мейерберъ. По ходатайству Шестаковой, послѣдовало Высочайшее соизволеніе перевести тѣло Г. въ Петербургъ, и 24 мая 1857 г. оно было погребено въ Александро-Невской Лаврѣ.

Партитуры обѣихъ оперъ Г. были изданы уже послѣ его смерти Шестаковой. Собранія сочиненій Г. изданы М. Бѣляевымъ (подъ ред. Н. Римскаго-Корсакова и А. Глазунова) и П. Юргенсономъ (подъ ред. М. Балакирева и С. Ляпунова).

Въ 1886 г. въ Смоленскѣ былъ воздвигнутъ первый памятникъ Г., по всероссійской подпискѣ. Въ 1906 г. такой же памятникъ воздвигнутъ Г. на Театральной площади въ Петербургѣ.

Г. создалъ русскій стиль въ музыкѣ и тѣмъ подготовилъ появленіе самостоятельной русской музыкальной школы, предопредѣливъ пути развитія ея творчества. Первый изъ русскихъ музыкантовъ (кромѣ Бортнянскаго въ области церковной музыки), овладѣвшій технически совершеннымъ мастерствомъ, Г. сроднилъ музыкальную технику съ русскимъ народнымъ пѣсеннымъ складомъ, въ отношеніи мелодики, ритмики, гармоніи и контрапункта. И если въ своей техникѣ онъ не вполнѣ освободился отъ западнаго вліянія, такъ какъ не имѣлъ предшественниковъ и въ своемъ творчествѣ былъ одинокъ въ Россіи, то все же вывелъ русскую музыку изъ узкой колеи дилетантизма и пріобщилъ ее къ семьѣ европейскихъ музыкальныхъ культуръ. Въ «Жизни за Царя» онъ далъ — въ примитивѣ, но въ высоко художественныхъ формахъ — народную музыкальную драму. Въ «Русланѣ и Людмилѣ» далъ образецъ эпической оперы и разработки элементовъ музыки культурныхъ народностей, входящихъ въ составъ разноплеменной Россіи. Въ Камаринской, увертюрахъ и антрактахъ къ двумъ операмъ и «Князю Холмскому» и Испанскихъ увертюрахъ онъ положилъ основу русскаго симфоническаго стиля. Въ своихъ романсахъ онъ покончилъ съ современнымъ ему дилетантизмомъ и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ далъ образцы художественной пѣсни, лирически и драматически правдиво выраженной. Творчеству Г. по праву присвоены черты стиля классической музыки.

І. Ѳ. Б., «Петербургскія Записки». «Объ увеселеніяхъ столицы», «Сѣверная Пчела», 1827, № 103. — Рецензія о «Лирическомъ альбомѣ», изданномъ Г., «Сѣв. Пчела», 1829, № 19. — Ѳ. Булгаринъ о «Жизни за Царя», «Сѣв. Пчела», 1836, №№ 291, 292. — К. В. О(доевскій), «Письма къ любителю музыки объ оперѣ Глинки «Жизнь за Царя», «Сѣв. Пчела», 1836, №№ 280, 287, 288. — Pamiętn. nauk, 1837, Краковъ, т. II («О первой русской оперѣ»). — Н. В. Гоголь, «Опера «Жизнь за Царя» (статья 1836), Собр. сочиненій, т. IV. — Н. Кукольникъ, Письмо къ М. И. Гл., «Сѣв. Пчела» 1838, № 116, — Извѣстіе о сочиненіи «Руслана и Людмилы», «Сѣв. Пчела» 1838, № 221, Смѣсь. — Извѣстіе объ изд. Гл. «Музык. альбома» «Сѣв. Пчела» 1838, № 282, 1839, № 239. — Объ исполненіи Польскаго и Вальса Гл., «Сѣв. Пчела» 1839, № 165. — Извѣстіе о произведеніяхъ Гл. и исполненіи ихъ, «Сѣв. Пчела» 1840, № 294, Смѣсь, 1840, №№ 4, 75, 212, 237. — «Журнальная всякая всячина (о «Русланѣ и Людмилѣ») «Сѣв. Пчела», 1842 №№ 250 и 261. — Р. З. (отовъ), «Русланъ и Людмила», «Сѣв. Пчела», 1842, №№ 275 и 277. — Кн. Одоевскій, статья о «Русланѣ», «Отеч. Записки», 1842, декабрь. — Сенковскій, статья о «Русланѣ и Людмилѣ», «Библіотека для чтенія», 1842, декабрь. —

«О постановкѣ «Руслана и Людмилы», «С.Пб. Вѣдом.», 1842, № 268, «Литер. Газета», 1842, № 42.—Н. Кашевскій, «Жизнь за Царя въ Москвѣ», «Москвитянинъ», 1842, № 9.—Ѳ. Кони, «Критика «Русланъ и Людмила». Журн. «Пантеонъ», 1843, № 1.—Хомяковъ, опера «Жизнь за Царя», «Москвитянинъ», 1884, ч. III, № 5, (критика).—P. Mérimée, «Lettres écrites de Moscou en 1840». Revue de Paris, 1844, mars.—Н. Гр(ечъ), Парижскія письма (Гл. въ Парижѣ) «Сѣв. Пчела» 1845, №№ 69 и 90.—Извѣстія о Гл. въ «Иллюстраціи» 1846, № 9 (письмо Г. изъ Испаніи), 1847, №№ 8, 38 (Г. въ Испаніи, возвращеніе въ Смоленскъ). — Литературное прибавленіе къ «Нувеллисту», 1847, февраль. «Что у насъ новаго».— Тамъ же 1848, декабрь 1) «Гл. въ Испаніи»; 2) «Гл. и его романсы».—Извѣстія о Гл. и его произведеніяхъ: «С.-Пб. Вѣд.» 1850, №№ 60, 65, 80 и 82; 1856, №№ 117 и 210.—«Москвитянинъ», 1852, № 2. Смѣсь, «Нѣсколько словъ о музыкѣ и о методѣ музык. ученья въ Россіи».—Ростиславъ (Ѳ. Толстой), «Подробный разборъ «Жизни за Царя». «Сѣв. Пчела», 1854, №№ 180, 185, 190, 199, 204, 211 и 216, (также отд. оттискъ).—М. Глинка, «Необходимое объясненіе». «Письмо въ редакцію. «С.-Пб. Вѣдом.», 1855, № 59.—Модестъ З—нъ. 1) Оп. «Русланъ и Людмила» въ полной фортоп. партитурѣ съ пѣніемъ». «Музык. и Театр. Вѣстникъ», 1856, № 16; 2) Недавно изданныя произведенія, тамъ же, №№ 3, 5, 32, 35, 39, 41, 45.—«Камаринская» Глинки. «Сынъ Отеч.», 1856, № 13.

II. Извѣстіе о кончинѣ Гл. «Русск. Вѣстн. 1857, т. VIII, стр. 230—231.—А. Майковъ, «На смерть Гл.». «Русс. Вѣстн.», 1857, т. VIII, стр. 283.—А. Сѣровъ. «Гл. Некрол. очеркъ». «Сынъ Отеч.», 1857, № 12. — «Дневникъ знакомаго человѣка, (о погребеніи Гл.)»; «Сынъ Отеч.», 1857, № 22.—«Петербургская лѣтопись» (Воспоминаніе о Гл. и его погребеніе). «С.-Пб. Вѣдом», 1857, №№ 49, 52, 110.

III. «Замѣтки объ инструментовкѣ Гл.», С.-Пб., 1862. «Письма Гл. къ К. А. Булгакову». «Русскій Архивъ», 1869, № 2; «—къ А. А. Гейденрейху». «Русск. Стар.», 1874, апрѣль; «—къ П. П. Дубровскому», «Русск. Архивъ», 1890, № 7; «—къ В. Біанки и В. Энгельгардту». «Русск. Муз. Газ.», 1894, стр. 20 и 46; «—къ В. Н. Кашперову». «Русск. Архивъ», 1869, № 7; «—къ А. Я. Билибиной». «Русск. Муз. Газ.», 1897, стр. 359; «—къ А. Сѣрову, М. Кржисевичъ и І. Гунке». «Русск. Муз. Газ.», 1897, стр. 1671, «—къ З. Дену». «Русск. Муз. Газ.», 1901, стр. 614; «—къ В. Ѳ. Ширкову». «Русск. Стар.», 1872, февраль.—«Изъ послѣднихъ писемъ Гл.». «Русск. Муз. Газ.», 1907, стр. 160. — «Записки Гл. (1804—1854)». С.-Пб., 1871, изд. «Русск. Стар.». — «Первоначальный планъ оп. «Русланъ и Людмила». «Русск. Стар.», 1871, мартъ.—«Первоначальный планъ «Жизнь за Царя». «Русск. Стар.», 1881, январь. — «Записки М. И. Глинки и переписка его съ родными и друзьями». С.-Пб., 1887, изд. Суворина. — «Полное собраніе писемъ Глинки». Собралъ и издалъ Ник. Финдейзенъ. С.-Пб., 1907.

IV (Воспоминанія о Глинкѣ). Ю. Арнольдъ, «Воспоминанія». «Нувеллистъ», 1892, №№ 6 и 7.—«Воспоминанія Юрія Арнольда». Москва, 1892, вып. II, стр. 224—253.—И. Арсеньевъ, «Слово живое о неживыхъ». (Глава VI—Глинка). «Истор. Вѣстн.», 1887, февраль.—К. А. Булгаковъ, «Воспоминанія о Гл.». «Русск. Муз. Газ.», 1899, стр. 1223.—А. А. Гейденрейхъ, «Гл. (воспоминанія)». «Русск. Стар.», 1876, ноябрь.—А. Я. Головачева, «Воспоминанія». «Истор. Вѣстн.», 1889, февраль.—П. Дубровскій, «Воспоминанія о Гл.». «Русск. Вѣстн.». 1857, т. III.—Вл. Зотовъ, «Первыя представленія «Руслана и Людмилы». Изъ моихъ воспоминаній». «Всем. Иллюстрація», 1892, №1245.—Л. Кармалина, «Гл. и Даргомыжскій». «Русск Стар.», 1875, іюнь.—В. Кашперовъ, «Воспоминанія о Гл.». «Русск. Архивъ», 1869, VII.—П. Ковалевскій, «Встрѣчи на жизненномъ пути (II. Глинка)». «Истор. Вѣстн.», 1888, мартъ.—Н. Кукольникъ, «Изъ памятной книжки». «Сынъ Отеч.», 1858, № 49.—Н. Кукольникъ, «Изъ дневника». Журн. «Баянъ», 1888, №№ 9—16.—Д. Леонова, «Воспоминанія». «Истор. Вѣстн.», 1891, январь—февраль.—Т. Ломакинъ, «Автобіограф. записки». «Русск. Стар.», 1886, мартъ — апрѣль.—Н. Мельгуновъ, «Гл. и его музык. сочиненія». «Русск. Стар.», 1874, апрѣль. — Алексѣй Нетоевъ, «Воспоминанія дворового человѣка Гл.». «Баянъ», 1888, № 28.—П. Николаевъ, «Разсказы изъ прошлаго (знакомство съ Гл.)». «Истор. Вѣстн.», 1885, апрѣль.—Кн. В. Одоевскій, «Два письма» (новые матеріалы для біографіи Гл., сообщ. В. Стасовъ). «Ежегодникъ Импер. театровъ», 1892—93 г., стр. 472—484.—Л. Н. Павлищевъ, «Изъ семейной хроники». «Истор. Вѣстн.», 1888, февраль, стр. 303—304.—И. Панаевъ, «Литерат. воспоминанія». Ч. I (главы I и III). С.-Пб., 1876.—А. К. Паприцъ (Вогакъ), «Воспоминанія о Гл.». «Русск. Муз. Газ.», 1898, стр. 437.—А. Я. Петрова-Воробьева, «Воспоминанія о Гл.». «Русск. Стар.», 1880, мартъ.—«Дневникъ» Н. А. Полевого. «Истор. Вѣстн.», 1888 г., мартъ.—М. С. Сабинина. «Листъ—Гл. Воспоминанія». «Русск. Муз. Газ.», 1901, стр. 832.—В. А. Соллогубъ, «Воспоминанія». «Истор. Вѣстн.», 1886, февраль, стр. 329—331.—П. Степановъ, 1) «Воспоминанія о Гл.». «Русск. Стар.», 1871, т. IV, стр. 39—58; 2) «Гл. и Даргомыжскій (по поводу отзывовъ Даргом.)». Русск. Стар.», 1875, ноябрь. — 3) «Воспоминанія о Гл.». Муз. журналъ «Баянъ», 1889, №10. 4) «Письмо въ редакцію (по поводу воспоминаній Головачевой-Панаевой)». Тамъ же, 1889, № 14.—А. Н. Струговщиковъ, «Гл. (воспоминанія 1839—41 г.)». «Русск. Стар.», 1874, апрѣль.—В. И. Стунѣевъ, «Воспоминанія о незабвенномъ дядюшкѣ М. И. Глинкѣ». «Русск. Муз. Газ.» 1894, стр. 263.—А. Н. Сѣровъ: а) «Воспоминанія о Гл.». Журн. «Искусства», 1860, №№ 1—5; б) «Письма Сѣрова», сообщ. В. Стасовымъ. «Русск. Стар.», 1875—77 гг., т. XIII—XXI.—Ѳ. М. Толстой, «По поводу записокъ Гл. Воспоминанія». «Русск. Стар.», т. III, стр. 421—456.—Л. Шестакова: 1) «Гл. въ воспоминаніяхъ его сестры». «Русск. Стар.», 1884, декабрь; 2) «Былое Гл. и его родителей». «Ежегодникъ Имп. театровъ» за 1892—93 г., стр. 427—457 (также отд. оттискъ).—В. П. Энгельгардтъ, «Изъ воспоминаній о Гл.». «Русск. Муз. Газ.», 1907, № 5—6.

V. В. П. Авенаріусъ, «М. И. Глинка», біогр. повѣсть. С.-Пб. 1903. — К. Альбрехтъ, «Темат. перечень романсовъ etc. Гл. въ хронологическомъ порядкѣ». Москва, 1891. — С. Базуновъ, «Гл., его жизнь и муз. дѣятельность». С.-Пб., 1891. — И. П. Бочаровъ, «Дѣло Ѳ. Стелловскаго съ Шестаковою о музык. сочиненіяхъ Гл.». С.-Пб., 1867. — «Біографія Гл. по случаю открытія памятника въ Смоленскѣ». Смоленскъ, 1885. — «Біографія Гл.». Москва, 1882. — П. Веймарнъ: 1) «Очеркъ исторіи оперы «Жизнь за Царя». С.-Пб., 1886. — 2) «Гл. Біографич. очеркъ». Москва, 1892. — «Некрологъ К. П. Вильбоа» (отношеніе его къ Гл.). «Голосъ», 1882, № 319. — А. И. Вольфъ, «Хроника С.-Пб. театровъ». С.-Пб., 1877. — «Гл. въ придворной капеллѣ». С.-Пб., 1892. — «Церемоніалъ проводовъ Гл. (1840)». «Русск. Муз. Газета», 1894, стр. 112. — «Письма кн. В. Одоевскаго и Н. Кукольника по поводу двухъ романсовъ Гл.». «Русск. Муз. Газ», 1895, стр. 33. — «Письма къ Глинкѣ К. Булгакова, А. Гедеонова, Н. Кукольника и Я. Ѳ. Яненки». «Русск. Муз. Газ.», 1896, стр. 1503. — Глинкіана (замѣтки и биограф. матеріалы въ «Русск. Муз. Газ.» за 1894—1914 гг.) — «Списокъ статей и книгъ о Гл.» (1894 г. стр. 21, 48, 114). — «300-е представленіе «Руслана» (1894, стр. 48). — «Юбилей русской оперы (1896, стр. 1499). — «Сорокалѣтіе великой утраты» (1897, стр. 353). — «Музей Глинки. Домъ въ Берлинѣ, въ которомъ скончался Гл.» (1899, стр. 1237). — «Русланъ» въ Мюнхенѣ» (1899, стр. 273 и 370). — «Праздникъ русской музыки въ Берлинѣ» (1899, стр. 701). — «Памятникъ Гл. въ Смоленскѣ. Домъ Гл. въ Берлинѣ. Изъ архива Брюлловыхъ. Письмо сестры Гл.» (1900, стр. 1162). — «Копія метрич. свидѣтельства Гл. Письмо Вигеля къ кн. Одоевскому». «Дѣло», № 257, 1842 г. (1901, стр. 1175). — «Англійская лекція о русской музыкѣ. — Письмо Гл.» 1854. — «О постановкѣ «Руслана»; отъ комиссіи по сооруж. памятника Гл.» (1902, стр. 492, 1197). — «Гимнъ хозяину» Гл. — «Новая постановка «Руслана». — «Воспоминанія И. Айвазовскаго». «Музей Гл.». — Статья М. Урсиса (1903, стр. 259, 341, 864), — «Нѣмецкая критика о Гл.» (1903, стр. 785). — «Закладка памятника Гл.» (1903, стр. 543 и 575). — «Печальная Глинкіана, 2 каррикатуры на Гл., Неизд. письмо Гл. къ А. В. Стасову» (1908 г., стр. 1073—1076) — «Новые матеріалы для біографіи Гл. (Неизд. письма Гл. — Автогр. снимки съ контрапунктическихъ задачъ Гл.). «Русск. Муз. Газ.» 1897, стр. 1671. — «Новые матер. для біографіи Гл.». («Выпись» 1857 г., письма В. Стасова и В. Энгельгардта къ Л. Шестаковой, 1857—82 г.). «Русск. Муз. Газ.» 1898 г., стр. 1021. — «Одинъ изъ учителей Гл. (З. Денъ)». «Русск. Муз. Газ.», 1899, стр. 279. — «Методъ Гл. Упражненія, напис. для О. А. Петрова». «Русск. Муз. Газ.», 1903, №47. — «Духовное завѣщаніе Гл.». «Русск. Муз. Газ.», 1907, стр. 165. — «I часть симфоніи Гл.» (1834). Прил. къ № 6 «Русск. Муз. Газ.», 1906 г. — «Каталогъ музея Глинки въ С.-Пб. Консерваторіи». С.-Пб., 1896. — А. Жиркевичъ, «Крупицы къ біографіи Гл.». «Русск. Муз. Газ.», 1907, стр. 581. — А. Даргомыжскій, «Матеріалы для его біографіи». «Русск. Стар.», 1875, февраль — іюль. — А. Измайловъ, «Музыка — душа моя (біографія Гл.)». «Москва, 1906. — Н. Кашкинъ: 1) «Гл.». С.-Пб., 1906. 2) «Очеркъ исторіи русской музыки». Москва, 1908. — А. Колмовскій, «Біографія Гл.». Смоленскъ, 1885. — Н. Компанейскій, «Методъ Гл. (упражненія для уравненія и усовершенствованія гибкости голоса)», «Русск. Муз. Газ.», 1903, стр. 1145. — Ц. Кюи: 1) «La musique en Russie», Paris, 1880; 2) «Русскій романсъ». С.-Пб., 1896. — В. Михневичъ, «Очеркъ исторіи музыки въ Россіи». С.-Пб., 1879. — В. Марковъ, «Истор. очеркъ русской оперы». С.-Пб., 1862. — А. Новиковъ, «Гл.». С.-Пб., 1904. — Кн. В. Оболенскій и П. Веймарнъ, «Гл.». С.-Пб., 1885. — П. Перепелицынъ, «Исторія музыки въ Россіи». С.-Пб., 1889. — А. Преображенскій, «Неизданное письмо Кукольника (1857)». «Русск. Муз. Газ.», 1907, стр. 169. — А. Пузыревскій, «Какъ была встрѣчена «Жизнь за Царя» современниками». «Дѣло», 1886. — М. Пѣтуховъ: 1) «Г. Берліозъ въ Россіи». С.-Пб., 1881 (стр. 2—9, 52); 2) «Новые матер. для біографіи Гл., Даргомыжскаго и Сѣрова». «Трудъ», 1889, № 24. — Д. Разумовскій, «Церковное пѣніе въ Россіи», М., 1869, вып. III. — А. Рубинштейнъ: 1) «Автобіогр. воспоминанія», С.-Пб., 1889; 2) «Музыка и ея представители». М., 1891. — С. Р. «Жизнь за Царя» Гл. въ драматической цензурѣ. «Ежегодникъ Имп. театр.» 1911, вып. VII. — С. Смоленскій, «О тенорѣ Ивановѣ, сопутствовавшемъ Гл. въ Италію». «Русск. Муз. Газ.», 1903, № 47 (также отд. оттискъ). — Д. П. Соловьевъ, «50-лѣтіе С.-Пб. I-й гимназіи». С.-Пб., 1880. — В. Стасовъ: 1) «Гл. (біографія)». «Русск. Вѣстн.», 1857, октябрь-декабрь. 2) «Живописецъ Штернбергъ». «Вѣстн. Изящн. Искусствъ», изд. Имп. Акад. Худ. 1887, вып. V; 3) «Памяти М. И. Глинки по случаю 50-тилѣтняго юбилея «Жизнь за Царя» 1836—1886, 27-го ноября. С.-Пб. 1887; 4) «Новые матеріалы для біографіи Гл. (1. Симфонія «Тарасъ Бульба. 2. Погребеніе въ Берлинѣ)». «Русск. Стар.», 1889 г., февраль; 5) «Памяти Гл.». С.-Пб., 1892; 6) «Портретъ Гл., дѣланный въ Парижѣ». «Истор. Вѣстн.», 1892, мартъ; 7) «Помощникъ Гл.». «Русск. Стар.», 1893, ноябрь; 8) «Біографич. замѣтки о Л. И. Шестаковой». «Ежегодникъ Имп. театровъ» за 1892—1893 г., стр. 458; 9) «Новые матеріалы для біографіи Гл.». Тамъ же, стр. 472; 10) «Капельмейстеръ баронъ Ѳ. А. Раль». Тамъ же, стр. 485; 11) «Новая партитура Гл. въ Имп. Публичной Библіотекѣ. (Секстетъ)». «Новости», 1896, № 166. — С. Трубачевъ, «Каррикатуристъ Н. А. Степановъ». «Истор. Вѣстн.», 1892, январь — февраль. — Н. Финдейзенъ: 1) «Полувѣковой юбилей «Руслана и Людмилы». «Русск. Стар.», 1892, декабрь; 2) «Автографы Гл. въ Имп. Публ. Библіотекѣ». «Русск. Муз. Газ.», 1895, стр. 327 и 409; 3) «Гл. въ Испаніи и записанные имъ народные испанскіе напѣвы». Тамъ же, 1895, стр. 755 (также отд. изд.); 4) «Гл., его жизнь и творч. дѣятельность», ч. I. С.-Пб., 1896; 5) «Біографія Гл.», ч. II. «Ежегодникъ Имп. театровъ» за 1894—95 г. (также отд. оттискъ, С.-Пб., 1898); 6) «Каталогъ нотныхъ рукописей, писемъ и портретовъ Гл., хранящихся въ Рук. отд. Имп. Публ. Библ. въ С.-Пб.», 1898;

7) «Гл., очеркъ его жизни и музык. дѣятельности». М., 1903; 8) «Къ біографіи Гл». «Русск. Муз. Газ.». 1906, № 6; 9) «Юбилей русской національ. оперы», лит. приб. «Нивы» 1911, № 11; 10) Къ исторіи «Жизни за Царя». «Ежегодникъ Имп. театровъ», 1911, вып. VII; 11) «Изъ писемъ современника Глинки». «Русск. Муз. Газ.», 1911, № 48; 12) «Замѣтка о раціональной постановкѣ оп. «Жизнь за Царя». «Ежегодн. Имп. театр.» 1912, вып. V.—N. Findeisen, «M. Glinka u. seine Oper «Russlan und Ludmila», München, 1899. — Octave Fouqué, «M. Glinka» Paris, 1880.—«Новое Время», 1879, №№ 1350 и 1351 (500-е представленіе оперы «Жизнь за Царя» и письмо Л. Шестаковой). — «Ежегодникъ Имп. театровъ», сезонъ 1892—1893, «50-лѣтіе «Руслана и Людмилы» въ С.-Пб.» (стр. 193—199); «50-лѣтіе «Жизни за Царя» въ Москвѣ» (стр. 310—317); «Музей Глинки въ фойэ Маріинскаго театра» (стр. 551—555). «Каталогъ Музея Глинки въ день празднованія 50-лѣтія оп. «Русланъ и Людмила». С.-Пб., 1892. — Отчетъ Имп. Публ. Библіотеки за 1867 г. (описаніе рукописей Гл.).—«Гл. въ Придворной капеллѣ». С.-Пб., 1892.

VI. Ю. Арнольдъ, «Возможно ли установленіе русской національ. школы?». «Баянъ», 1888, №№ 22—23.—Муз. журн. «Баянъ», 1888 г., №№ 16, 17, 22, 24, 27, 28, 30 (Оперы Гл. заграницей).—«Berliner Börsen. Courier», 1878, № 610 (Glinka's «Das Leben für den Czar»; также отд. оттискъ).—М. Балакиревъ: 1) «Въ защиту памяти сестры Глинки». «Русск. Муз. Газ.», 1907, № 13; 2) «Письма Б—ва».—«Муз. Стар.», вып. VI, С.-Пб., 1911.—В. Вальтеръ: 1) «Оп. «Русланъ и Людмила». С.-Пб., 1903; 2) «Русскіе композиторы въ біографич. очеркахъ». Вып. I, М., 1907.—Б. Дамке, «Музык. обозрѣніе». «С.-Пб. Вѣдом.», 1857, № 139; 1858, №№ 22, 31, 161, 216.—Н. Загоскинъ, «50-лѣтіе оп. «Жизнь за Царя». Рѣчь, произнесенная 27 ноября 1886 г. въ Казанскомъ театрѣ, передъ юбилейнымъ представленіемъ оперы «Жизнь за Царя». Казань, 1887.—Н. Кашкинъ: 1) статьи о Гл. «Артистъ», 1892, октябрь; 2) «50-лѣтіе «Руслана и Людмилы». «Артистъ», 1892, декабрь; 3) «Очеркъ исторіи русской музыки». М., 1908.—Н. Компанейскій: 1) «Великій русскій пѣвецъ Петровъ. Сусанинъ». «Русск. Муз. Газ., 1903, стр. 226; 2) «Вліяніе сочиненій Глинки на церк. музыку». Тамъ же, 1904, стр. 494.—С. Кругликовъ: 1) «Два русскихъ концерта на Парижской выставкѣ». «Артистъ», 1889, сентябрь; 2) «Русскіе симфонисты». Тамъ же, 1890, №№ 8 и 10.—Ю. Курдюмовъ: 1) «Баллада Финна». «Русск. Муз. Газ.», 1904, стр. 485; 2) «Увертюра къ оперѣ «Жизнь за Царя». «Русск. Муз. Газ.» 1911, № 48.—Ц. Кюи: 1) Статьи о Гл. въ «С.-Пб. Вѣдом.». 1868, №№ 43, 120; 1873, № 92; журн. «Недѣля», 1885, №№ 20—21; «Музык. Обозрѣніе», 1886, №№ 3, 10, 11, 20; 2) «Русскій романсъ», С.-Пб., 1896.—Г. Ларошъ: 1) «Гл. и его двѣ оперы». «Голосъ», 1872, № 32; 2) «Глинка и его значеніе въ исторіи музыки». «Русск. Вѣстн.», 1867, № 10, 1868, №№ 1, 9 и 10.—«Біографіи композиторовъ», изд. Дурново, М., 1904.—А. Е. М(олчановъ): 1) «Исполнители оперы «Русланъ и Людмила» на С.-Пб. сценѣ»; 2) «Перечень представленій оп. «Русланъ и Людмила» по 27 ноября 1892 г.». «Ежегодникъ Импер. театровъ», сезонъ 1891—1892 гг.—Г. Риманъ, «Музык. Словарь», М., 1904.—М. Р., «Театральная и музык. хроника». «Сынъ Отеч.», 1860, №№ 27 и 41.—Rostislaw, Статьи о Гл. въ «Journ. de St. Pétersbourg», 1872, №№ 31 и 40.—Ростиславъ, «Нѣсколько словъ о русской оперной труппѣ». «Голосъ», 1865, № 19.—А. Рубецъ, «Біогр. лексиконъ русскихъ композиторовъ».—Л. Саккетти, «Очеркъ всеобщей исторіи музыки». С.-Пб., 1903.—Н. Соловьевъ, «Гл.». «Народные образ.», 1904, май.—В. Стасовъ, Статьи о Гл. въ IV т. «Собр. статей С—ва»: 1) «Извѣстіе о кончинѣ Гл.»; 2) «Гл. (біографія)»; 3) «Письмецо Ростиславу про Гл.» (1857); 4) «Мученица нашего времени» (1859); 5) «Музыкальный отвѣтъ г. Кукольнику»; 6) «И мое послѣднее слово гг. Кукольнику и Сѣрову» (1862); 7) «Жизнь за Царя» въ Прагѣ» (1866); 8) «Опера Глинки въ Прагѣ»; 9) «Чехи и русская опера» (1867); 10) «Еще по поводу постановки «Жизнь за Царя» (1868); 11) «По поводу новой постановки «Руслана и Людмилы»; 12) «О постановкѣ «Руслана»; 13) «Письмо въ ред. «С.-Пб. Вѣдом.»; 14) «Первоначальный планъ оп. «Руслань и Людмила» (1871); 15) «Письма Гл. къ Ширкову» (1873); 16) «Миланскіе критики о «Жизни за Царя» (1874); 17) «Бюстъ Гл. въ Маріинскомъ театрѣ» (1876); 18) «О. А. Петровъ» (1877); 19) «Печатная партитура «Руслана и Людмилы» (1878); 20) «Памяти Гл.»; 21) «О рѣшоткѣ къ памятнику Гл.» (1886). Статьи въ газетахъ и журналахъ: 22) «Русланъ и Людмила» Гл. «Ежегодникъ Имп. театровъ», 1891-92; 23) «Музей Гл. въ фойэ Маріинскаго театра». «Русск. Муз. Газ.», 1896, стр. 1519; 24) «По поводу нѣсколькихъ невѣрныхъ извѣстій о Гл.». «Новости», 1899, № 149; 25) «Гл. въ гостяхъ у Европы». Тамъ же, 1900, №№ 165, 166.—26) «Несостоявшаяся опера Гл.». Тамъ же, 1903, № 296 (полемика по поводу этой статьи «Новости» № 323 и «Русск. Муз. Газ.», 1903, №№ 44 и 48).—Незнакомецъ (А. Суворинъ), «Возобновленіе «Жизни за Царя». «С.-Пб. Вѣдом.», 1867, № 360.—А. Н. Сѣровъ, главнѣйшія статьи о Гл. въ «Собраніи критическихъ статей С—ва», С.-Пб., 1892—95, т. I: 1) «О брошюрѣ Ростислава». «Подр. разборъ оп. Гл. «Жизнь за Царя» (1854); 2) «Опера «Русланъ и Людмила» (1856), т. II: 3) «Гл., Некролог. очеркъ»; 4) «Малоизвѣстное произведеніе Гл.» (1857); 5) «Русскій художникъ и французская критика»; 6) «M. Fétis et M. Glinka»; 7) «Нашъ Гл. передъ судомъ нѣмецкихъ фельетонистовъ»; 8) «Русланъ и Людмила» Гл.» (1858); 9) «Роль одного мотива въ цѣлой оперѣ «Жизнь за Царя» (1859), т. III: 10) «Жизнь за Царя» и «Русланъ и Людмила»; 11) «Воспоминанія о Гл.» (1860); 12) «Добросовѣстность г. Стелловскаго въ изданіи произведеній Гл.» (1862); 13) «Дебюты въ оп. «Жизнь за Царя» (1863); т. IV: 14) «Русланъ» и русланисты» (1867); 15) «Опера въ Россіи и русская опера» (1870).—Н. Финдейзенъ: 1) «Гл. и его оп. «Русланъ и Людмила». «Живоп. Обозр.», 1892, № 48; 2) «Музей Гл.». «Русск. Муз. Газ.», 1896, стр. 1525, 1897, стр. 119; 3) «О постановкѣ «всероссійскаго» памятника Гл.». «Русск. Муз.

Газ.», 1903, стр. 543 и 575; 4) «Постановка «Руслана» въ Прагѣ въ 1867 г.». Тамъ же, 1904. стр. 504; 5) «Русская художественная пѣсня (романсъ)». М., 1905; 6) «Памяти Л. И. Шестаковой». «Русск. Муз. Газ.», 1906, № 6; 7) «Возстановленный бюстъ Гл.». Тамъ же, 1908 г., стр. 434; 8) «Славный глинкіанецъ (В. П. Энгельгардтъ)». Тамъ же, 1908, стр. 469; 9) «Три современника Гл. (Кукольникъ, Булгаринъ, Н. Степановъ)». Тамъ же, 1909, стр. 1123; 10) «Очеркъ развитія свѣтской музыки въ Россіи». С.-Пб., 1909.—П. Чайковскій: 1) «Возобновленіе «Руслана и Людмилы». «Русскія Вѣдомости», 1872, № 201; 2) «Жизнь за Царя» на Миланской сценѣ». Тамъ же, 1874, № 110; 3) «Русланъ и Людмила». Тамъ же 1870, № 29.—К. Черновъ, «Опера «Русланъ и Людмила». М., 1908.—Всев. Чешихинъ: 1) «Исторія русской оперы». «Русск. Муз. Газ.», 1901 г.,—также отд. изд. М. 1906, стр. 126—153; 2) «Русланъ» Гл.». «Рижскій Вѣстн.», 1892 №№ 287, 288, 289; 3) Рѣчь, читанная на «Глинкинскомъ» вечерѣ муз. общ. «Ладо» въ Ригѣ. Рига, 1892.—Ю. Энгель: 1) «Великій баянъ земли русской». М., 1904; 2) «Очерки по исторіи музыки», М., 1911. *Ник. Финдейзенъ.*

Глинка, *Сергѣй Николаевичъ*, майоръ въ отставкѣ, литераторъ, родился въ патріархальной помѣщичьей семьѣ 5 іюля 1775 г. (по надгробной надписи) или 1776 г. (по его «Запискамъ») въ с. Сутокахъ Духовщинскаго уѣзда, Смоленской губ. Отецъ его, Николай Ильичъ, въ молодости служилъ въ гвардіи и по выходѣ въ отставку поселился въ деревнѣ и сталъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ. Предки Г. еще въ XVI вѣкѣ служили въ Рѣчи Посполитой. На 5-мъ году Г. стали учить. Первымъ его учителемъ былъ его дядя-масонъ, майоръ Лебедевъ. Потомъ онъ перешелъ подъ надзоръ дядьки, Іоганна, полу-нѣмца полу-русскаго, который, по словамъ Г., «только присматривалъ за нимъ». Мальчикъ былъ способный, отличался хорошей памятью (Г. и потомъ всегда много помнилъ изъ выученнаго и прочитаннаго и легко цитировалъ многочисленныхъ авторовъ), и ученіе шло легко. Въ 1781 г. Екатерина II во время поѣздки въ Бѣлоруссію проѣзжала черезъ деревню Глинокъ Холмъ и приняла угощеніе отъ родителей С. Н.—отецъ его въ это время былъ капитанъ-исправникомъ въ Духовщинскомъ уѣздѣ. Въ знакъ благоволенія къ нему Екатерина записала двухъ его сыновей, и въ томъ числѣ Сергѣя, въ Сухопутный Шляхетскій Корпусъ въ Петербургѣ. И вотъ черезъ годъ, 5 іюля 1782 г., 6-лѣтняго Г. отправили въ корпусъ. Учился онъ тамъ недурно и рано началъ, по его собственному признанію, «пописывать» и «кропать стихи». Большое вліяніе на него оказывалъ писатель Яковъ Борисовичъ Княжнинъ, служившій въ корпусѣ учителемъ словесности. Г. всегда потомъ отзывался о немъ съ восторгомъ. Не менѣе важное и благотворное вліяніе на Г. оказывалъ директоръ корпуса гр. Ангальтъ, гуманный и просвѣщенный человѣкъ. Ему въ своихъ «Запискахъ»—воспоминаніяхъ Г. посвящаетъ много теплыхъ, восторженныхъ страницъ.

Уже въ это время въ Г. обнаружились тѣ черты характера, которыя сохранились въ немъ на всю жизнь: мечтательность и восторженность. Послѣдняя обнаруживалась въ его ученическихъ сочиненіяхъ и обратила на него вниманіе начальства корпуса. Когда послѣ смерти гр. Ангальта директоромъ корпуса былъ назначенъ М. И. Кутузовъ, то Г. привѣтствовалъ его торжественной рѣчью. Выслушавъ ее, Кутузовъ сказалъ: «не долго послужитъ солдатомъ; онъ будетъ писателемъ». Восторженностью проникнуто и первое печатное произведеніе Г.: «Пѣснь Великой Екатеринѣ», написанное еще въ корпусѣ, но напечатанное уже по выходѣ изъ него (напечатано въ корпусной типографіи). Появленію этой «Пѣсни» въ печати содѣйствовалъ покровитель всей семьи Г. — Л. А. Нарышкинъ. Корпусъ не далъ Г. особенно серьезныхъ и глубокихъ знаній, но развилъ въ немъ вкусъ къ литературѣ и сообщилъ знаніе новыхъ языковъ, которыми — особенно французскимъ, Г. потомъ прекрасно владѣлъ. Изъ корпуса Г. вышелъ поручикомъ въ январѣ 1795 года., пробывъ въ немъ такимъ образомъ 13 лѣтъ. Сейчасъ же вмѣстѣ съ братомъ Николаемъ онъ поѣхалъ на короткое время въ родную деревню, а оттуда (въ мартѣ) въ Москву, такъ какъ получилъ назначеніе въ одинъ изъ московскихъ баталіоновъ. Выпросивъ здѣсь отпускъ, онъ снова уѣхалъ въ деревню, и служба его началась лишь лѣтомъ 1795 г. въ должности адъютанта при кн. Ю. Вл. Долгоруковѣ, главномъ начальникѣ москов-

скихъ войскъ. Тутъ онъ свелъ знакомство съ артистами (между прочимъ, съ извѣстнымъ тогда Сандуновымъ) и писателями — Шатровымъ, Николевымъ и др. Но въ концѣ 1795 г. кн. Долгоруковъ вышелъ въ отставку, и Г. опять уѣхалъ въ отпускъ. Въ 1796 г. онъ вернулся въ свой баталіонъ, который теперь былъ расположенъ уже въ Тверской губ., а потомъ переведенъ въ Литву. Послѣ вступленія на престолъ Павла Г. вернулся въ Москву и сталъ много заниматься литературой. Въ это время въ Москвѣ было 2 театра: одинъ, лѣтній, находился въ московскомъ Вокзалѣ, подъ управленіемъ Медокса, а другой былъ домашній, кн. Волконскаго. И вотъ первый изъ нихъ Г. начинаетъ «снабжать операми» — переводами и передѣлками съ французскаго.

Въ 1799 г. Г. вызвался итти въ походъ въ Италію со вспомогательнымъ для Суворова войскомъ, но походъ не состоялся, и Г., дойдя до Брестъ-Литовска, вернулся въ чинѣ капитана въ Москву. Въ концѣ слѣдующаго, 1800 г., послѣ смерти отца, онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ маіора, не чувствуя призванія къ военной службѣ, и уѣхалъ въ деревню. Вскорѣ умерла его мать, и Г., отказавшись отъ своей доли наслѣдства (30 душъ крестьянъ, движимое и недвижимое имущество) въ пользу сестры, въ 1802 г. уѣхалъ въ Москву, откуда вскорѣ же уѣхалъ учителемъ къ одному помѣщику въ Украйну. Пробывъ тамъ 3 года, Г. возвращается въ Москву и опять начинаетъ усиленно работать для театра, при которомъ онъ состоялъ теперь въ званіи «переводчика и сочинителя». Изъ переведенныхъ имъ до этого оперъ были напечатаны: «Тайна» (М., 1800. 8⁰), «Маленькій матросъ», «Шведскіе рыбаки» и «Странная предпріимчивость» (М., 1800. 8⁰). Вскорѣ, однако, военныя событія вновь нѣсколько отвлекли Г. отъ литературныхъ занятій: въ 1806 г. онъ вступилъ въ милицію и былъ бригадъ-маіоромъ сычевской дружины. Черезъ нѣкоторое время онъ подалъ Н. Н. Новосильцову записку о тѣхъ неустройствахъ, которыя были созданы внезапнымъ оповѣщеніемъ о составленіи милиціи. Въ то же время, однако, онъ занимался сочиненіемъ героической драмы съ хорами «Наталья боярская дочь», въ 4 д. (С.-Пб., 1806 и 1807 г. 8⁰), которая шла съ успѣхомъ въ театрѣ (ею, между прочимъ, закрылся московскій Новый Императорскій театръ — Арбатскій, въ пятницу, 30 авг. 1812 г.). Вообще эти годы, 1807—1810, а потомъ 1817 г., были временемъ драматическаго творчества Г. Такъ, тогда были написаны и напечатаны слѣдующія пьесы: «Ольга Прекрасная», героическая опера въ 2 д. (М., 1808 и 1817 г. 8⁰), «Баянъ, древній пѣснопѣвецъ славянъ», прологъ съ хорами, муз. Кашина,—имъ открылся Новый Императорскій (Арбатскій) театръ въ Москвѣ, въ понедѣльникъ, 13 апр. 1808 г., «Осада Полтавы», драма (М., 1810), «Антоніо Гамба, сопутникъ Суворова въ горахъ альпійскихъ», драма въ 1 д., съ хорами и балетами (М., 1817), «Однѣ сутки царствованія Нурмаголы, или торжество любви и добродѣтели», опера въ 2 д. (М., 1817 г.), «Сумбека, или паденіе Казанскаго царства», трагедія въ 5 д. въ стихахъ (М., 1817 г. 8⁰), «Михаилъ, князь Черниговскій», трагедія въ 5 дѣйствіяхъ въ стихахъ (М., 1808. 8⁰) — ее онъ читалъ съ большимъ успѣхомъ у Державина въ большомъ обществѣ (обѣ эти трагедіи шли въ Москвѣ и въ Петербургѣ), «Мининъ», отечественная драма въ стихахъ, въ 3 д. (М., 1809 и 1817. 8⁰).

Послѣ заключенія Тильзитскаго мира Г. снова поселился въ Москвѣ и сталъ издавать «Русскій Вѣстникъ» для «возбужденія духа народнаго и вызова къ новой и неизбѣжной борьбѣ» (съ Наполеономъ) — этимъ началась публицистическая дѣятельность Г. Примкнувъ къ такъ называемому «патріотическому» направленію, Г. сталъ яростно нападать на Наполеона, Францію и все французское. Однимъ изъ первыхъ и немногихъ его сотрудниковъ сталъ гр. Ростопчинъ, незадолго передъ тѣмъ выпустившій свои «Мысли вслухъ на Красномъ Крыльцѣ»; для перваго № «Русскаго Вѣстника» онъ далъ «Устина Вѣникова». Но сотрудничество Ростопчина продолжалось недолго, точно такъ же, какъ и сотрудничество кн. Дашковой, и въ дальнѣйшемъ «Р. В.» наполнялся почти исключительно писаніями самого Г. Направленіе журнала отвѣчало настроенію нѣкоторыхъ дво-

рянскихъ и бюрократическихъ круговъ, и онъ имѣлъ успѣхъ, однако, по словамъ самого Г., «даже въ грозный 1812 г. разошлось не свыше 100 экземпляровъ» («Записки», стр. 227). Рѣзкія нападки на Наполеона вызвали протестъ французскаго посла Коленкура. Тогда цензоръ журнала А. Ѳ. Мерзлякова получилъ выговоръ, а Г. «по политическимъ обстоятельствамъ былъ уволенъ отъ московскаго театра». Однако «Р. В.» не былъ запрещенъ, и Г. продолжалъ издавать его въ прежнемъ шовинистическомъ духѣ.

24 апрѣля 1808 г. Г. женился и имѣлъ потомъ отъ этого брака довольно многочисленное потомство. Въ 1811 г. онъ опять ѣздилъ въ Украину, но зачѣмъ, неизвѣстно («Записки», стр. 253). 28 октября 1811 г. Г. по предложенію А. Ѳ. Мерзлякова былъ избранъ въ дѣйствительные члены Общества любителей россійской словесности, но 24 февраля 1812 г. прислалъ на имя предсѣдателя Общества слѣдующее письмо: «Ни время, ни обстоятельства, ни здоровье мое не дозволяютъ мнѣ пользоваться честью и преимуществами дѣйствительнаго члена. Посему покорно прошу увольненія изъ числа дѣйствительныхъ членовъ». На этомъ основаніи въ засѣданіи 7 іюня опредѣлено болѣе не числить Г. въ числѣ членовъ. Однако въ 1829 г. онъ изъявилъ желаніе участвовать въ трудахъ Общества. Въ ч. IV «Трудовъ» этого Общества напечатана его рѣчь: «О пользѣ обществъ, учреждаемыхъ къ распространенію отечественной словесности».

Отечественная война была временемъ наибольшей извѣстности Г. Узнавъ о вступленіи Наполеона въ Россію, онъ написалъ стихи, взявъ для нихъ эпиграфомъ слова: «Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его». 11 іюля 1812 г. въ 5 ч. утра, прочитавъ воззваніе Александра I къ Москвѣ, онъ бросился къ московскому главнокомандующему гр. Ростопчину, чтобы первому записаться въ ратники московскаго ополченія. Такъ какъ Ростопчинъ, разговаривавшій въ это время съ архіепископомъ Августиномъ, не принялъ его, то Г. оставилъ ему такую записку: «у меня нигдѣ нѣтъ помѣстья, у меня нѣтъ въ Москвѣ никакой недвижимой собственности, и хотя я не уроженецъ Московскій, но гдѣ кого застала опасность Отечества, тотъ тамъ и долженъ стать подъ хоругви отечественныя. — Обрекаю себя въ ратники Московскаго ополченія, и на алтарь Отечества возлагаю на триста рублей серебра». Въ тотъ же день Г. во главѣ большой толпы народа двинулся на Поклонную гору навстрѣчу Александру I. Все его поведеніе при этомъ и его рѣчи къ народу показались подозрительными московской администраціи, и за нимъ велѣно было слѣдить. Во время пріема дворянства и купечества въ Слободскомъ дворцѣ 15-го іюля Г. много и горячо ораторствовалъ, предсказывая, между прочимъ, паденіе Москвы. Черезъ 4 дня его неожиданно потребовали къ Ростопчину. Извѣстіе объ этомъ произвело сильную тревогу въ семьѣ Г., и онъ въ смущеніи отправился къ Ростопчину. Но всѣ опасенія оказались напрасны: Ростопчинъ встрѣтилъ Г. съ распростертыми объятіями и сказалъ: «Государь жалуетъ васъ кавалеромъ 4-й степени Владиміра за любовь вашу къ отечеству, доказанную сочиненіями и дѣяніями вашими. Это слова рескрипта за собственноручною подписью Государя Императора. Вотъ рескриптъ и орденъ. Поздравляю васъ». Затѣмъ Ростопчинъ продолжалъ: «Священнымъ именемъ Государя Императора развязываю вамъ языкъ на все полезное для Отечества, а руки на триста тысячъ рублей экстраординарной суммы. Государь возлагаетъ на васъ особенныя порученія, по которымъ будете совѣщаться со мною». Такимъ образомъ, Г. становился агентомъ правительства, которое, очевидно, убѣдилось, что Г. не можетъ быть для него опасенъ. Какъ говоритъ кн. П. А. Вяземскій, «Глинка былъ рожденъ народнымъ трибуномъ, но трибуномъ законнымъ, трибуномъ правительства». «Съ сего времени, говоритъ одинъ изъ его біографовъ, Б. Ѳедоровъ, С. Н. Глинка сдѣлался собесѣдникомъ народа, на площадяхъ, на рынкахъ, на улицахъ, говоря вездѣ свободно — все, что могло служить къ пользѣ Отечества». Но, очевидно, никакихъ денежныхъ затратъ «для возбужденія духа народнаго» не потребовалось; самъ Г. былъ безусловно

честный и безкорыстный человѣкъ (это признаютъ всѣ, знавшіе его), и потому 300 тыс. рублей остались нетронутыми. Изданіе «Русскаго Вѣстника» Г. продолжалъ и въ это время, и лишь занятіе Москвы французами прервало на нѣкоторое время его издательскую дѣятельность (книжки журнала за сентябрь и октябрь вышли вмѣстѣ съ августовской въ августѣ), такъ какъ Г. въ числѣ другихъ долженъ былъ покинуть Москву, сжегши передъ этимъ свою французскую библіотеку.

Когда кончилась Отечественная война и схлынуло націоналистическое настроеніе, охватившее нѣкоторые круги русскаго общества, популярность и вліяніе Г. упали, а его «Р. Вѣстникъ» сталъ прямо ненужнымъ, и онъ постепенно хирѣетъ. Кое-какъ Г. дотянулъ его до 1825 г., выпуская все болѣе и болѣе тощія тетрадки. Г. пробовалъ прибавить къ нему «Дѣтское Чтеніе» (6 частей, 1822—23 гг.), «Плутархъ въ пользу воспитанія» (6 частей, 1822—23 гг.), но это не помогло дѣлу. Съ другой стороны, когда «Р. Вѣстникъ» сталъ терять значеніе, какъ политическій журналъ, Г. отъ публицистики обращается къ русской исторіи. При содѣйствіи атамана Платова (2 тыс. рублей) онъ издалъ все то, что писалъ въ своемъ журналѣ о Донѣ и донцахъ (вообще въ «Р. Вѣстникѣ» было много историческихъ статей и очерковъ), а въ 1816 г. онъ приступилъ въ своемъ журналѣ къ печатанію «Русской исторіи» (первыя I—VI части). Это сочиненіе представляло собой довольно легковѣсную компиляцію, лишенную всякаго научнаго аппарата. Въ немъ много вообще свойственной сочиненіямъ Г. реторики, много паѳоса, но совсѣмъ нѣтъ изслѣдованія. Не привлекши новыхъ документовъ, не анализируя старыхъ, Г. не могъ, конечно, написать научной исторіи Россіи; къ тому же къ этому онъ совершенно не былъ подготовленъ своими прежними занятіями, да и натура Г. — экспансивная, неуравновѣшенная, увлекающаяся, не располагала къ научной работѣ. Несмотря, однако, на всѣ свои недостатки и высокую цѣну — послѣднее ея изданіе стоило, напримѣръ, 40 рублей, — «Исторія» Г. имѣла извѣстный успѣхъ и выдержала 3 изданія: М., 1817—18 гг., 10 ч., М., 1818—19 гг., 10 ч. и М., 1823—25 г., 14 ч. Для уплаты въ университетскую типографію за напечатаніе 3-го изд. Г. было выдано изъ казны 6 тыс. руб.; одновременно съ этимъ онъ былъ награжденъ перстнемъ въ 3 тыс. рублей.

Съ 1817 г. Г. попробовалъ еще разъ посвятить себя педагогической дѣятельности и устроилъ у себя въ Москвѣ пансіонъ для донцовъ. Въ концѣ этого года пріѣхалъ въ Москву А. В. Иловайскій съ однимъ изъ своихъ сыновей и сыномъ другого донца и просилъ Г. взять ихъ на воспитаніе. Г., по его словамъ, долго отказывался, но, говоритъ онъ въ своихъ «Запискахъ» (стр. 311), «гордая мысль, что положу начало воспитанію донского юношества, и страсть къ воспитанію побѣдили», и онъ открылъ пансіонъ для донцовъ. Его жена тогда же ему говорила: «Мы опять разоримся, будетъ хуже двѣнадцатаго года: ты все мечтаешь!» И ея опасенія оправдались. Неумѣлое веденіе пансіоннаго хозяйства, неблагопріятные для Г. слухи о системѣ его воспитанія и обученія, вслѣдствіе чего родители стали брать своихъ дѣтей изъ пансіона — все это заставило Г. закрыть свое заведеніе въ концѣ 1819 г. съ дефицитомъ въ 10 тыс. рублей. Платить долговъ было нечѣмъ, литературной работы было мало, и Г. сильно бѣдствовалъ. Онъ вообще всю свою жизнь бѣдствовалъ, но время съ конца 1819 г. до сентября 1823 г. было особенно для него тяжелымъ; всѣ домашнія вещи были уже въ закладѣ. Въ сентябрѣ 1823 г. Глинка неожиданно получилъ 6 тыс. руб. по завѣщанію знакомаго музыканта Альберта Фишера, но почти вся эта сумма ушла на уплату долговъ, и онъ попрежнему могъ расчитывать только на случайный литературный заработокъ; полученіе наслѣдства дало только возможность выкупить зимнюю одежду. Такъ, говоритъ Г. («Записки», стр. 327), «мы тянулись раковымъ ходомъ до исхода 1824 г.» Сочиненія Г. почти совсѣмъ не шли, особенно его «Русская Исторія» (въ 1823—25 г., какъ указано выше, вышло ея 3-е изд.) послѣ отрицательнаго отзыва о ней въ «Телеграфѣ». Въ Г. принялъ участіе тогдашній министръ народнаго просвѣщенія

А. С. Шишковъ. Въ концѣ 1824 г. онъ писалъ Г., что «Россійская академія не преминетъ обратить вниманіе»на 3-е изд. его «Исторіи», а затѣмъ предложилъ ему написать записку о своей службѣ и своихъ сочиненіяхъ. Въ виду этого, Г. рѣшилъ ѣхать въ Петербургъ. Въ то время какъ онъ раздумывалъ, въ чемъ и на какія средства ѣхать, къ нему неожиданно явился одинъ московскій портной и сказалъ, что съ него «приказано снять мѣрку и на ваточный капотъ, и на ваточный сюртукъ, и на всю пару». Какъ выяснилось потомъ, портного послалъ къ Г. одинъ московскій купецъ, В. В. Варгинъ.

Въ февралѣ 1825 г. Г. пріѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ встрѣтилъ поддержку въ консервативныхъ литературныхъ кругахъ. Между прочимъ, въ немъ принялъ участіе исторіографъ Н. М. Карамзинъ. По докладу Шишкова Г. была выдана вышеуказанная награда — 6 тыс. руб. и перстень въ 3 тыс. руб. Затѣмъ по представленію Карамзина, находившаго, что «Русская Исторія» Г. «по изложенію происшествій и по нравственной цѣли заслуживаетъ быть классической книгой», о Г. былъ составленъ второй докладъ. Не дожидаясь его результатовъ, Г. уѣхалъ въ Москву. Въ маѣ этого года Г. получилъ увѣдомленіе отъ кн. П. А. Ширинскаго-Шихматова (директоръ канцеляріи министерства народнаго просвѣщенія съ 1824 г., писатель лагеря Шишкова), «что Его Величество не соблаговолилъ на пенсію», такъ какъ Г. не служитъ, но обѣщалъ еще «временное вспомоществованіе». Въ іюлѣ Г. опять поѣхалъ въ Петербургъ проситься на службу. Онъ добивался у Шишкова мѣста директора гимназіи въ какомъ-либо городѣ, но тотъ отказалъ ему въ этомъ и обѣщалъ за то назначить цензоромъ въ Москву, когда пройдетъ новый цензурный уставъ; пока же онъ обѣщалъ дать ему какое-нибудь мѣсто при Московскомъ университетѣ. По возвращеніи въ Москву, Г. получилъ (съ 19 ноября) мѣсто «оберъ-корректора университетской типографіи», что не мало его обидѣло, какъ литератора. Поэтому онъ отправилъ попечителю Московскаго университета, А. А. Писареву, такое письмо: «поелику я никуда никогда не подавалъ никакого прошенія о занятіи мѣста оберъ-корректора, то на основаніи всѣхъ законовъ отказываюсь не только отъ онаго, но и отъ всякаго сношенія съ Московскимъ университетомъ».

Годы 1819—26 были малопроизводительными въ литературномъ творчествѣ Г.: онъ постепенно сводилъ на нѣтъ изданіе «Р. Вѣстника», который прекратился въ 1825 г., издавалъ въ подкрѣпленіе его «Дѣтское Чтеніе» и «Плутарха въ пользу воспитанія», а, кромѣ того, отдѣльно имъ былъ выпущенъ «Московскій Альманахъ для прекраснаго пола» на 1826 г. (по представленію Жуковскаго императрица Александра Ѳедоровна пожаловала Г. за эту книгу драгоцѣнный перстень). Поиски заработка заставили его, между прочимъ, взяться за переводъ басенъ Лафонтена, по 5 рубл. асс. за каждую; всего имъ было переведено 100 басенъ. Кромѣ того, онъ занимался въ 1826 г. сочиненіемъ надгробныхъ надписей. Наконецъ, нѣсколько сотъ рублей дали ему стихи, сочиненныя по случаю пожалованія Николаемъ I войску Донскому сабли Александра I («Посланіе къ воинамъ тихаго Дона, по случаю пожалованной имъ нынѣ Царствующимъ Государемъ Императоромъ сабли покойнаго Государя Имп. Александра I. М., 1826 г. 8°). Имъ изданы были затѣмъ альманахи: «Незабудочка, московскій альманахъ на 1827 г.» (М., 1826 г. 12°) и «Московскій альманахъ на 1828 г.» (М., 1828. 16°). Когда былъ изданъ цензурный уставъ 1826 г., Г. было предложено мѣсто цензора въ Москвѣ. Ознакомившись съ уставомъ, Г. заявилъ, что «въ силу такого чугуннаго устава» онъ не можетъ быть цензоромъ, потому что на основаніи его и «Отче нашъ» можно запретить. Г. просилъ теперь мѣста объѣзднаго инспектора надъ частными пансіонами, но получилъ отказъ съ указаніемъ, что если не приметъ должности цензора, то не получитъ никакого мѣста. Г. уступилъ, и 1 октября 1827 г. былъ назначенъ цензоромъ въ Московскій цензурный комитетъ, что все-таки обезпечивало его существованіе. Въ то же время ему удалось пристроить своихъ дѣтей. Въ 1826 г. онъ подалъ просьбу въ Комиссію прошеній, бывшую подъ

предсѣдательствомъ кн. А. Н. Голицына, указывая на свое тяжелое семейное положеніе. Вскорѣ онъ получилъ запросъ, куда желаетъ онъ помѣстить своихъ дѣтей? Г. отвѣтилъ, что, «однажды поручивъ дѣтей своихъ Богу и Государю, онъ отрекается отъ всякаго собственнаго распоряженія». Тогда 8 человѣкъ его дѣтей были приняты подъ Высочайшее покровительство въ разныя учебныя заведенія. Такъ какъ одинъ изъ его сыновей поступилъ въ Московскій кадетскій корпусъ, то Г. въ продолженіе 1828—30 гг. сочинялъ патріотическія пьесы для кадетскихъ спектаклей (насколько извѣстно, напечатаны онѣ не были).

Служба Г. въ цензурномъ комитетѣ продолжалась до 1830 г. и доставила ему много непріятностей. Къ своимъ обязанностямъ Г. относился довольно небрежно. Съ одной стороны, по своей натурѣ онъ совершенно не подходилъ къ типу цензора по уставу 1826 г. и былъ неспособенъ кропотливо корпѣть надъ чужими писаніями; онъ не былъ чиновникомъ-карьеристомъ, умѣющимъ читать между строкъ. Съ другой стороны, и по убѣжденіямъ своимъ онъ не считалъ нужнымъ это дѣлать, считая, что «тюрьмы, цѣпи и сѣкиры» не могутъ поддержать самодержавнаго правленія («Записки», стр. 350). Не желая стѣснять свободы слова авторовъ представляемыхъ рукописей, онъ часто подписывалъ ихъ къ печатанію, не читая. Столкновеніе съ издателемъ «Вѣстника Европы» Каченовскимъ изъ-за того, что Г. пропустилъ въ «Телеграфѣ» фразу о томъ, что «В. Евр.» выходитъ изъ стѣнъ университета на скудельныхъ ногахъ; исторія съ напечатаніемъ стиховъ Н. А. Кашинцова на пріѣздъ въ Москву Николая I въ 1830 г. (Г. пропустилъ ихъ помимо цензурнаго комитета); арестъ Г. изъ-за стиховъ дѣвицы Тепловой на смерть утонувшаго юноши со словами «волны бьютъ въ его гробницу» — въ этомъ увидѣли намекъ на 14 декабря и узниковъ Петропавловской крѣпости, — все это быстро вело къ отставкѣ. Когда Г. былъ арестованъ и сидѣлъ на гауптвахтѣ у Ивана Великаго, то къ нему было настоящее паломничество — за 3—4 дня у него перебывало человѣкъ 300; этимъ московское общество заявляло протестъ противъ тогдашнихъ цензурныхъ строгостей. Но въ то же время многіе стали сторониться Г., такъ какъ по Москвѣ стали ходить слухи, что онъ агентъ тайной полиціи. Повидимому, поводъ къ этимъ слухамъ онъ подалъ самъ одной неосторожной фразой. Цензоръ Двигубскій долго задерживалъ рукопись «Городской и сельской управитель», не смотря на просьбы ея владѣльца ускорить ея разсмотрѣніе. Не разъ о томъ же просилъ Двигубскаго и Г., но все было напрасно. Тогда Г., желая оказать услугу владѣльцу рукописи, какъ-то шепнулъ секретарю цензурнаго комитета, что, если рукопись тотчасъ же не будетъ скрѣплена рукой цензора, то онъ отправится въ тайную полицію и заявитъ о притѣсненіяхъ, дѣлаемыхъ комитетомъ. Рукопись была сейчасъ же пропущена, а за Г. утвердилось прозвище агента тайной полиціи, что поссорило его съ большей частью московскаго общества. Кромѣ того, его стали считать агентомъ какихъ-то тайныхъ обществъ, обвиняли въ масонствѣ и иллюминатствѣ. Основаніемъ для послѣдняго послужила изданная Г. книжка подъ заглавіемъ: «Considérations morales sur la presse périodique en France», въ которой онъ отстаивалъ свободу слова. Объ этой книжкѣ было напечатано въ № 12 «La Revue Encyclopédique», а этотъ № былъ доставленъ предсѣдателю цензурнаго комитета кн. С. М. Голицыну, смѣнившему Писарева, расположеннаго къ Г. Наконецъ, разыгралась исторія съ пропускомъ въ «Московскомъ Телеграфѣ» (приложеніе къ «Телеграфу» «Новый Живописецъ обществъ и литературы» 1830 г., № 10, май) пасквиля на князя Юсупова («Утро въ кабинетѣ знатнаго барина») по поводу пушкинскаго «Посланія къ кн. Ю*», и Г. былъ уволенъ отъ должности цензора въ 1830 г. съ назначеніемъ, однако, пенсіи.

Вскорѣ Г. уѣхалъ изъ Москвы сначала въ Смоленскъ, а потомъ въ Петербургъ, считая невозможнымъ оставаться долѣе въ Москвѣ вслѣдствіе ходившихъ тамъ о немъ слуховъ (см. объ этомъ его письмо къ Кс. А. Полевому изъ Смоленска отъ 19 января 1835 г. — «Записки К. Полевого»). Въ Петербургѣ онъ продолжалъ пользоваться поддерж-

кой Шишкова и Жуковскаго. При содѣйствіи перваго онъ получилъ отъ Академіи Наукъ пособіе на изданіе «Записокъ о Москвѣ и о заграничныхъ происшествіяхъ отъ исхода 1812 года до половины 1815 г.» (С.-Пб. 1837 г.). Жуковскій же содѣйствовалъ проникновенію этой книги ко Двору. При его же посредствѣ Г. получилъ въ январѣ 1841 г. подписку отъ Наслѣдника на книгу «Очерки жизни и сочиненій Сумарокова», въ 3 частяхъ (С.-Пб., 1841 г.), и 400 рублей. Черезъ годъ Г. выпустилъ книгу «Русскіе въ доблестяхъ своихъ» (С.-Пб., 1842 г.), а въ «Журналѣ М. Нар. Просв.» за 1843 г. напечаталъ «Очеркъ характера Суворова».

Въ послѣдніе годы жизни Г. ослѣпъ, и потому уже не могъ писать; тогда дочь стала писать подъ его диктовку. Умеръ онъ 5 апрѣля 1847 г. и былъ похороненъ на Волковомъ кладбищѣ въ Петербургѣ.

Г. состоялъ почетнымъ членомъ Императорскаго Московскаго Общества Естествоиспытателей и Общества любителей коммерческихъ знаній. По словамъ всѣхъ знавшихъ Г., это былъ человѣкъ оригинальный и эксцентричный. С. Т. Аксаковъ, служившій съ нимъ въ Цензурномъ комитетѣ, изображаетъ его какъ человѣка, «одѣтаго крайне небрежно, всегда съ полувыбритой бородой и странными движеніями, не подчиняющагося никакимъ формамъ общественнаго и служебнаго приличія». По словамъ Полевого, онъ вѣчно спѣшилъ, но ѣздилъ на самыхъ скверныхъ извозчикахъ, всегда мечтая и декламируя; весной онъ ѣздилъ одновременно на двухъ извозчикахъ: гдѣ можно, на саняхъ, а гдѣ нельзя — на колесахъ. За обѣдомъ онъ разбрызгивалъ и разбрасывалъ кушанье, попадалъ рукавами въ супъ и безъ умолку говорилъ. «Онъ постоянно носилъ одинъ костюмъ, говоритъ А. А. Кононовъ, не измѣняя ни цвѣта, ни покроя: синій или сѣрый фракъ и мягкую круглую шляпу». Прямой, открытый, правдивый и добрый по характеру, Г. въ то же время бывалъ неуживчивъ и непослѣдователенъ. Хорошо изучивъ съ дѣтства французскій и нѣмецкій языки, онъ предавалъ проклятію французскій языкъ, какъ и все французское, въ эпоху борьбы съ Наполеономъ, а потомъ закаивался писать по-русски и хотѣлъ писать только на языкѣ *всемірномъ*, т.-е. французскомъ.

Писалъ Г. очень много, — драмы, повѣсти, стихотворенія, разсужденія, но почти все имъ написанное теперь забыто, и такимъ образомъ оправдались слова А. Ѳ. Воейкова, что изъ всѣхъ его «многоплодныхъ сочиненій выкроится маленькая книжечка». Онъ былъ торопливаго нрава, говоритъ Аксаковъ, весь состоялъ изъ порывовъ, поэтому все, имъ написанное, быстро теряло цѣну. Въ настоящее время представляютъ интересъ его записки о 1812 г. и его автобіографическія записки, хотя онѣ написаны очень субъективно, съ большимъ паѳосомъ, постоянными отступленіями и большой долей реторики. Часть его воспоминаній появилась еще при жизни автора въ разныхъ журналахъ, часть — послѣ его смерти; въ полномъ видѣ онѣ изданы «Русской Стариной» (С.-Пб., 1895 г.) и въ предисловіи къ нимъ указано, гдѣ и когда онѣ были напечатаны въ отрывкахъ раньше. Указанія на труды Г. можно найти въ слѣдующихъ книгахъ: 1) Справочный словарь Г. Н. Геннади, 2) Словарь митр. Евгенія, 3) Б. Ѳедоровъ, «Пятидесятилѣтіе литературной жизни С. Н. Глинки». С.-Пб., 1844 г.

Изъ 5 сыновей С. Н. Г. двое прикосновенны къ литературѣ: старшій сынъ *Владиміръ Сергѣевичъ* (род. 18 февраля 1813 г.) напечаталъ драму «Отрочь монастырь, быль XIII столѣтія» (С.-Пб. 1837) и «Малоярославецъ въ 1812 году, гдѣ рѣшилась судьба большой арміи Наполеона» (С.-Пб. 1842), съ предисловіемъ и эпилогомъ отца автора, а третій сынъ *Василій Сергѣевичъ* (род. въ іюлѣ 1821 г. или 1825 г.), учившійся въ Петербургскомъ университетѣ и служившій въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, сотрудничалъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1854 г., «Искрѣ» 1859 г. и «Русскомъ Вѣстникѣ». Одна изъ дочерей С. Н., Анна, будучи 11 лѣтъ, написала стихотвореніе «На кончину благотворительной Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны» (напечатано въ «Дамскомъ Журналѣ» 1828 г., № 24).

Митрополитъ Евгеній, «Словарь свѣтскихъ писателей», т. I; Геннади, Г. Н., «Справочный словарь о русскихъ писателяхъ», т. I; Березинъ,

«Русскій энциклопедическій словарь», т. V; Старчевскій, «Энциклопедическій словарь»; Брокгаузъ-Ефронъ, «Энциклопедическій словарь», т. VII; Гранатъ, «Энциклопедическій словарь», (нов. изд.), т. 15; Лобановъ-Ростовскій, «Русская родословная книга», т. I (въ родословной Глинокъ годъ рожденія С. Н.—1776); «Петербургскій Некрополь», т. I; «Словарь членовъ Общества любителей россійской словесности»; Вольфъ, «Хроника петербургскихъ театровъ», ч. I; «Московскія Вѣдомости» отъ 10 апр. 1808 г. (по поводу постановки «Баяна»); Н. И. Гречъ, «Записки о моей жизни», изданіе Суворина, 1886 г.; И. И. Дмитріевъ, «Мелочи изъ запаса моей памяти», стр. 102—113, 241; К. А. Полевой, «Записки», стр. 233—55, (тутъ помѣщено письмо Г. къ Полевому отъ 19 янв. 1835 г., изъ Смоленска, съ объясненіемъ причинъ отъѣзда Г. изъ Москвы); А. Мерзляковъ, въ «Трудахъ Общ. любит. россійской словесн.», 1812 г., ч. 4, стр. 68—69; «Духъ журналовъ», 1816 г., № 13, стр. 112—120; «Сынъ Отечества», 1822 г. № 17, стр. 137; «Московскій Телеграфъ», 1830 г., №1, стр. 86; «Галатея», 1830 г., № 1; «Дамскій Журналъ», 1833 г., ч. 42, № 19, стр. 90; «Сынъ Отечества», 1839 г., № 9, отд. VI, стр. 87; «Журналъ для чтенія воспитан. военно-учебн. завед.», 1844 г.; т. 51, № 203; Б. Ѳедоровъ, «Пятидесятилѣтіе литератур. жизни С. Н. Глинки», СПб., 1844 г.; «Маякъ», 1844 г., т. 16, № 7, стр. 1—37; «Отечественныя Записки», 1844 г., т. 36, стр. 75—76, 226—27; «Журналъ Мин. Нар. Просв.», 1844 г., ч. 44, т. V, стр. 205, 1847 г., ч. 54, стр. 13—14 (некрологи); кн. П. А. Вяземскій, «СПб. Вѣд.», 1847 г., №№ 277—78, и въ «Сочиненіяхъ», т. II, стр. 335—47, и т. VIII, стр. 365, 383 и 483; «Вѣд. Петербургской гор. полиціи», 1847 г., № 76; «Отечеств. Записки», 1847 г., т. 52, отд. VIII, стр. 59; кн. П. А. Вяземскій, въ «Москов. Вѣдом.», 1848 г., №№ 3 и 8; С. Т. Аксаковъ, въ «Русск. Бесѣдѣ», 1856 г., IV, и 1858 г., III, кн. 2; А. А. Кононовъ, «Записки» въ «Библіогр. Зап.», 1859 г., т. II, № 10, стр. 510—513; А. Галаховъ, «Историч. хрестоматія», ч. II, стр. 224 и слѣд.; Ф. Ф. Вигель, «Записки»; Ив. Панаевъ, «Записки», стр. 113; Сочиненія Державина, 2-е акад. изд., т. VI, стр. 20, 223—224, тутъ же 3 письма Г. къ Державину, стр. 199—204; «Русская Старина», 1874 г., т. IX, 590, Воейковъ, «Домъ сумасшедшихъ», здѣсь извѣстное четверостишіе:

Нумеръ третій: на лежанкѣ,
Истый Глинка возсѣдитъ;
Передъ нимъ «духъ русскій» въ склянкѣ
Не закупоренъ стоитъ.

(въ изд. «Дома сумасшедшихъ» подъ редакц. И. Розанова и Н. Сидорова, — «Универсальная Библ.» № 537, М. 1911 г., см. примѣч. на стр. 36—37); Ѳ. Глинка, «Письма русскаго офицера»; Воейковъ, «Русск. Арх.», 1866 г., № 5, стр. 763; К. С. Сербиновичъ, «Русск. Стар.», 1874 г., т. XI, стр. 237; кн. В. Баюшевъ, «Русск. Арх.», 1875 г., т. 3, «Русск. Арх.», 1875 г., № 7, стр. 274, 298, 299—301, 305—6, № 8, стр. 373—75, 391, № 9—12 (ст. Попова), 1899 т. II, стр. 83—91 (С. Глинка, «Два письма немъ кн. П. А. Вяземскаго», Письмо С. Н. Глинки къ В. А. Жуковскому); «Русская Стар.», 1877 г., т. XX, стр. 573, 1898 г., № 2, стр. 246, М. И. П., въ «Нов. Вр.», 1897 г., № 7579; «Русск. Стар.», 1898 г., № 2, стр. 246; Батюшковъ, соч. подъ редакц. Майкова и Саитова, въ 3 т.т. (см. Указатель); А. Н. Пыпинъ, «Исторія русск. литер.», т. III, стр. 488, т. IV, стр. 295, 302, 308, 325; его же «Общественное движеніе при Александрѣ I»; Барсуковъ, «Жизнь и Труды Погодина», т. I, II, III, IV, VI, VII, VIII, XI, XVI и XVIII (см. Указатель въ XXII т.); «Остафьевскій Архивъ», т. I; «Голосъ Минувшаго», 1913 г., № 2, стр. 272, № 6, стр. 25; «Архивъ братьевъ Тургеневыхъ», вып. II, стр. XLI и 345; Богдановичъ, «Исторія царств. Александра I»; «Исторія русской литерат. XIX в.» подъ ред. проф. Овсяника-Куликовскаго, т. I, т. II (ст. проф. Замотина, о русскихъ журналахъ начала XIX в.), т. V; «Отечественная война и русское общество», сборникъ статей подъ ред. Дживелегова, Мельгунова и Пичета, т. V, ст. К. В. Сивкова, «Война и цензура», ст. проф. И. И. Замотина, «Русск. Вѣстн. С. Н. Глинки»; В. И. Семевскій, «Политическія и общественныя идеи декабристовъ», стр. 21 и 28; «Книга для чтенія по исторіи нов. времени» подъ ред. Истор. Комиссіи. Уч. Отд. О. Р. Т. Зн., т. IV, ч. 2, ст. Катаева. Перечень отзывовъ и рецензій на отдѣльныя произведенія см. въ «Источникахъ словаря русскихъ писателей» проф. С. А. Венгерова, т. I. О Вас. Серг. Глинкѣ см. М. И. Семевскій, «Альбомъ. Знакомые», стр. 32; о сочиненіи Влад. Серг. Г. «Малоярославецъ» см. «Отеч. Записки», т. 23, отд. VI, стр. 45.

К. Сивковъ.

Глинка, *Ѳедоръ Николаевичъ*, стихотворецъ и публицистъ, братъ Сергѣя Николаевича Г., родился въ селѣ Сутокахъ Духовщинскаго уѣзда Смоленской губ. 8 іюня 1786 г., какъ значится въ метрическихъ книгахъ духовной консисторіи, въ большинствѣ же его біографій и формулярахъ время рожденія показано неточно, отъ 1784 до 1790 г. Отецъ Ѳедора Николаевича, Николай Ильичъ Г. (1744—1796) былъ отставнымъ капитаномъ и у себя въ провинціи снискалъ широкое уваженіе разныхъ слоевъ населенія; онъ былъ женатъ на Аннѣ Яковлевнѣ Каховской (1757—1802). Ѳ. Н. съ самаго своего рожденія былъ довольно слабымъ и болѣзненнымъ ребенкомъ и еще въ раннемъ дѣтствѣ успѣлъ переболѣть всѣми дѣтскими недугами. Особенно много мученій пришлось перенести ребенку изъ-за разнообразныхъ сыпей, покрывавшихъ порой его дѣтское тѣло сплошною корою. Желудочныя болѣзни и постоянныя кровотеченія еще болѣе ослабляли организмъ Ѳ. Н.; въ семьѣ

его считали поэтому обреченнымъ на смерть, и никто не ожидалъ, что этому чахлому и хрупкому ребенку суждено прожить почти цѣлое столѣтіе. Получивъ начальное домашнее воспитаніе, Ѳ. Н. поступилъ въ 1796 г. въ 1-й кадетскій корпусъ. И здѣсь онъ продолжалъ страдать накожными болѣзнями, а отъ усиленныхъ занятій неоднократно болѣлъ глазами. Выручалъ его лишь одинъ сонъ, доходившій у болѣзненнаго юноши до постоянной сонливости, но за то чудесно возстановлявшій его силы. Эта сонливость не мѣшала его учебнымъ занятіямъ: онъ прекрасно успѣвалъ по всѣмъ предметамъ, такъ какъ обладалъ рѣдкой памятью и сообразительностью, развитою не по лѣтамъ. Въ корпусѣ же развилось у него пламенное воображеніе. Хотя въ своихъ воспоминаніяхъ Ѳ. Н. и говоритъ, что его воображеніе было «усмирено изученіемъ математики и перешло въ разсужденіе», но въ дѣйствительности точныя науки кадетскаго курса не привлекали къ себѣ симпатій молодого Г.; вмѣсто нихъ онъ отдавалъ предпочтеніе литературнымъ занятіямъ и въ особенности поэзіи. Въ то время 1-й кадетскій корпусъ благодаря попеченіямъ гр. Ангальта считался однимъ изъ лучшихъ учебныхъ заведеній, откуда дѣйствительно вышли многіе изъ замѣчательныхъ дѣятелей. Въ немъ было свѣжо преданіе блестящаго вѣка Екатерины II, и поэтому юному Г. было не трудно проникнуться горячей любовью къ родному слову и литературѣ. Наконецъ, пребываніе въ кадетскомъ корпусѣ отразилось и еще на одной сторонѣ душевной дѣятельности Ѳ. Н., а именно на развитіи и укрѣпленіи въ немъ религіозности, которая впослѣдствіи, на склонѣ лѣтъ его жизни, перешла даже въ мистицизмъ. Особенно сильно было вліяніе на Ѳ. Н. его законоучителя, впослѣдствіи С.-Петербургскаго митрополита Михаила, который между прочимъ такъ сильно дѣйствовалъ на душу своихъ слушателей, что кадеты того выпуска, къ которому принадлежалъ и Г., по окончаніи корпуса дали другъ другу клятву оставаться всегда людьми честными. Окончивъ кадетскій корпусъ въ 1802 г., Ѳ. Н. былъ выпущенъ изъ него прапорщикомъ въ Апшеронскій пѣхотный полкъ. Въ 1805 г., будучи назначенъ адъютантомъ къ ген. Милорадовичу, командовавшему отдѣльной бригадой, Г. принялъ участіе въ кампаніи противъ французовъ и сражался подъ Аустерлицомъ. По окончаніи войны, онъ вышелъ 11 сентября 1806 г. въ отставку по болѣзни и удалился въ свою родовую деревню въ Смоленской губ. Походная обстановка дѣйствительно мало соотвѣтствовала его слабому здоровью, хотя онъ довольно мужественно и даже сравнительно легко переносилъ безсонныя ночи, усталость, голодъ и холодъ, неизбѣжные во время походовъ. На родинѣ мѣстное дворянство въ слѣдующемъ же году, когда Россія снова стала готовиться къ борьбѣ съ Франціей, избрало его сотеннымъ начальникомъ народнаго ополченія (30 января 1807 г.). Это назначеніе, однако, не отвлекло Ѳ. Н. отъ его завѣтной мечты посвятить свои силы служенію родной литературѣ, и онъ въ слѣдующемъ же году дебютировалъ какъ отдѣльными изданіями, такъ и на страницахъ «Русскаго Вѣстника», который какъ разъ въ это время началъ издавать его братъ Сергѣй Николаевичъ; первымъ произведеніемъ Ѳ. Н. Глинки были «Письма русскаго офицера о Польшѣ, Австрійскихъ владѣніяхъ и Венгріи съ подробнымъ описаніемъ похода Россіянъ противъ французовъ въ 1805 и 1806 годахъ», вышедшія въ 1808 г. «Письма» сразу же обратили на себя вниманіе русской читающей публики, такъ какъ авторъ обнаружилъ недюжинную наблюдательность и умѣніе живо и картинно передавать разнообразные эпизоды походной жизни и боевыхъ дѣлъ. Къ этому же времени относится и начало поэтическаго творчества Г. Нѣкоторыя изъ его стихотвореній встрѣчаются уже на страницахъ «Писемъ», другія же помѣщались поэтомъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и др. изданіяхъ, а позднѣе вошли въ составъ изданныхъ имъ стихотворныхъ сборниковъ: «Опыты священной поэзіи» и «Духовныя стихотворенія». Уже въ этихъ первыхъ пробахъ пера можно ясно усмотрѣть, что религіозныя настроенія и мысли господствовали въ творчествѣ Глинки, позднѣе же они достигли еще большаго развитія. Въ

1810—1811 гг. Ѳ. Н. предпринималъ довольно продолжительныя путешествія по Смоленской и Тверской губерніямъ, побывалъ также въ Кіевѣ и совершилъ плаваніе по Волгѣ. Путешествія эти познакомили его съ природой и народнымъ бытомъ различныхъ мѣстностей Россіи. Результатомъ этихъ поѣздокъ явились его «Письма къ другу», содержащія въ себѣ замѣчанія, мысли и разсужденія о разныхъ предметахъ, историческая повѣсть «Зиновій Богданъ Хмельницкій или освобожденная Малороссія» и стихотвореніе «Мечтанія на берегахъ Волги». Война 1812 года на время прервала литературную дѣятельность Ѳ. Н. и заставила его снова промѣнять перо писателя на военную шпагу. Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда армія Наполеона стала приближаться къ Смоленской губ., Г. получилъ письмо отъ графа Милорадовича изъ Калуги, гдѣ этотъ генералъ въ то время собиралъ войска, съ вызовомъ на службу. Сохранившіяся у Ѳ. Н. еще отъ прежней кампаніи прекрасныя отношенія къ Милорадовичу, который искренно полюбилъ молодого офицера и сохранилъ эту привязанность къ нему до самаго конца своей жизни, позволили Г. и по возвращеніи на военную службу снова занять прежнюю должность адъютанта при графѣ. Оставивъ свое имѣніе Сутоки на произволъ судьбы, Ѳ. Н. присоединился къ отступавшей русской арміи сперва въ качествѣ волонтера и дошелъ вмѣстѣ съ ней до Тарутина; вскорѣ онъ былъ зачисленъ офицеромъ въ свой прежній пѣхотный Апшеронскій полкъ и, будучи назначенъ адъютантомъ къ Милорадовичу, совершилъ вмѣстѣ съ нимъ, уже въ чинѣ поручика, заграничный походъ, участвуя во всѣхъ главныхъ сраженіяхъ съ непріятелемъ. За военныя заслуги Ѳ. Н. былъ награжденъ въ 1812 г. орденомъ св. Владиміра 4 ст. и золотою шпагой за храбрость и въ 1813 г. орденомъ св. Анны 2 ст. и прусскимъ «за заслуги». Кромѣ того, онъ получилъ баденскій орденъ, а отъ прусскаго короля—драгоцѣнный перстень. Въ 1816 г. Г. былъ переведенъ въ Измайловскій полкъ и назначенъ состоять при гвардейскомъ штабѣ. Въ 1819 г. онъ, уже въ чинѣ полковника, былъ прикомандированъ для особыхъ порученій къ Петербургскому военному генералъ-губернатору графу Милорадовичу, временно завѣдывалъ его канцеляріей и, по словамъ послужного списка, «съ вѣдѣнія и по повелѣнію Государя Императора употребляемъ былъ для производства изслѣдованій по предметамъ, заключающимъ въ себѣ важность и тайну». Кромѣ того, также по Высочайшему повелѣнію, Г. былъ одно время старшимъ членомъ въ особой слѣдственной комиссіи. Ему же было поручено составленіе свода нѣкоторыхъ узаконеній по уголовной части. Наконецъ, на него возложено было наблюденіе за столичными богоугодными заведеніями и тюрьмами. Эта послѣдняя дѣятельность была для Г. особенно тягостна, благодаря свойствамъ его характера. «Я такъ впечатлителенъ, говоритъ онъ самъ про себя, что не могъ сносить ничьего страданія и страдалъ не менѣе самого страждущаго». Между прочимъ, М. М. Сперанскій, съ которымъ Г. былъ достаточно близокъ въ то время, пытался было доказать ему неумѣстность подобной впечатлительности, говоря, что «на погостѣ всѣхъ не оплачешь!» Но Г. никакъ не могъ помириться съ этой суровой пословицей.

Въ 1822 г. Ѳ. Н. подалъ прошеніе о перечисленіи его изъ гвардіи въ армію, и это перечисленіе тогда же состоялось съ сохраненіемъ жалованья и прочаго содержанія по чину полковника. Его служебная карьера продолжала итти довольно гладко до самой кончины Александра I, который, видимо, благоволилъ къ поэту, не оставлялъ безъ вниманія его дарованій и трудовъ и неоднократно поощрялъ его значительными денежными наградами. Обстоятельства измѣнились лишь со вступленіемъ на престолъ Николая I.

Одновременно со служебной дѣятельностью шли и литературныя занятія Г. Война Отечественная и за освобожденіе Европы дали матеріалъ для новыхъ выпусковъ «Писемъ русскаго офицера», которыя пользовались еще бо̀льшимъ успѣхомъ, чѣмъ первыя. Простота изложенія вмѣстѣ съ величіемъ событій, имъ описываемыхъ, сдѣлали Г. очень популярнымъ писателемъ.

«Письма эти, говоритъ Н. В. Путята, по появленіи своемъ имѣли блистательный успѣхъ; они съ жадностью читались во всѣхъ слояхъ общества, во всѣхъ концахъ Россіи. Краснорѣчивое повѣствованіе о свѣжихъ еще, столь сильно волновавшихъ событіяхъ, живыя яркія картины, смѣло набросанныя въ минуту впечатлѣній, восторженная любовь ко всему родному, отечественному и къ военной славѣ, все въ нихъ плѣняло современниковъ. Я помню съ какимъ восторгомъ наше, тогда молодое, поколѣніе повторяло начальныя строки письма отъ 29 августа 1812 г.: «Застонала земля и пробудила спавшихъ на ней воиновъ. Дрогнули поля, но сердца покойны были. Такъ началось безпримѣрное сраженіе Бородинское»... Эта дѣятельность быстро выдвинула Ѳ. Н. какъ въ кругу военной интеллигенціи, такъ и въ средѣ тогдашнихъ литераторовъ. Среди молодыхъ офицеровъ въ то время сильно проявлялась жажда къ просвѣщенію и умственнымъ занятіямъ; при гвардейскомъ штабѣ была основана ими библіотека и собиравшіеся въ ней офицеры составили «Общество военныхъ людей при гвардейскомъ штабѣ подъ руководствомъ начальника онаго». На торжественномъ собраніи этого общества Ѳ. Н. произнесъ рѣчь (позднѣе напечатанную имъ) «О необходимости дѣятельной жизни, ученыхъ упражненій и чтенія книгъ». Онъ же редактировалъ издававшійся этимъ Обществомъ въ 1817—1819 гг. «Военный Журналъ» (вышло всего 28 №№); имъ же составлена и самая программа журнала: «Краткое начертаніе Военнаго Журнала». Въ 1816 г. Г. вмѣстѣ съ будущими декабристами Пестелемъ, Муравьевыми-Апостолами, Трубецкимъ, Н. Муравьевымъ и др. слушалъ курсъ политической экономіи на квартирѣ у проф. Германа, для чего была сдѣлана складчина. Приблизительно въ это же время (1816 г.) Ѳ. Н. вступилъ въ члены Общества соревнователей просвѣщенія и благотворенія, переименованнаго потомъ въ «Вольное общество любителей россійской словесности», которое избрало его вскорѣ своимъ вице-предсѣдателемъ, а затѣмъ и предсѣдателемъ. Членами этого Общества были Жуковскій, Батюшковъ, Крыловъ, Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Дельвигъ, Бестужевъ, Рылѣевъ. Одновременно съ этимъ Г. принималъ также дѣятельное участіе и въ журналѣ этого Общества «Соревнователь просвѣщенія и благотворенія» (1817—1825), доходы съ котораго предназначались на выдачу пособій нуждающимся писателямъ и художникамъ. 26 февраля 1816 г. Г. былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ Общества любителей россійской словесности при Московскомъ университетѣ.

Къ этому же періоду жизни Г. относится большинство его продуманныхъ и лучшихъ произведеній. Въ это именно время написаны были его «Опыты аллегорій, или иносказательныхъ описаній, въ стихахъ и прозѣ» (вышли въ свѣтъ въ 1826 г.), въ которыхъ поэтъ вывелъ въ иносказательной формѣ рядъ высокихъ истинъ, стараясь достигнуть того, чтобы «заманчивость загадки соединена была съ пользою поучительности». На ряду съ «Опытами аллегорій» необходимо поставить и его «Опыты священной поэзіи» (1826), первоначально появлявшіеся частями въ разныхъ изданіяхъ. Они обнаруживаютъ въ авторѣ своеобразный поэтическій талантъ возсозданія въ стихотворной формѣ библейскихъ мотивовъ и образовъ. Его подражанія псалмамъ, переложеніе въ стихотворной формѣ отдѣльныхъ отрывковъ изъ ветхозавѣтныхъ пророковъ, молитвы и пѣснопѣнія отличаются часто глубокимъ чувствомъ и величіемъ образовъ. Отдѣльныя стихотворенія изъ этого цикла священной поэзіи сохранили свою живость и свѣжесть еще и теперь. Къ числу такихъ слѣдуетъ, напримѣръ, отнести «Плачъ плѣнныхъ іудеевъ», съ вошедшими въ поговорку стихами: «рабы, влачащіе оковы, высокихъ пѣсней не поютъ»; въ этомъ произведеніи простота и выразительность языка поэта мѣстами не уступаетъ величію библейской рѣчи. Но наибольшую популярность изъ поэтическихъ твореній пріобрѣли не его аллегоріи и не его опыты священной поэзіи, а болѣе скромное по содержанію его стихотвореніе «Тройка», написанное имъ въ 1824 году. Переложенное на музыку, оно и до сихъ поръ не позволяетъ забыть даровитаго поэта благодаря

своимъ звучнымъ, извѣстнымъ всей грамотной и даже безграмотной Россіи строфамъ:

«Вотъ мчится тройка удалая
Вдоль по дорогѣ столбовой,
И колокольчикъ, даръ Валдая,
Гудитъ уныло подъ дугой...»

Поэтическая дѣятельность уже почти съ первыхъ же шаговъ поставила Г. въ центрѣ тогдашней общественной жизни; она сблизила его съ кругомъ тогдашнихъ литераторовъ, большинство изъ которыхъ цѣнило въ молодомъ поэтѣ его искренность, отзывчивость къ чужому горю и преданность интересамъ литературы. Было немало случаевъ за долгую жизнь Ѳ. Н., когда онъ благодаря своему вліянію и связямъ оказывалъ своимъ собратьямъ весьма цѣнныя услуги. Такъ, напр., по свидѣтельству Я. Толстого, который называетъ Глинку въ одномъ ихъ своихъ посланій «защитникомъ страждущихъ, ревнителемъ правды чистой», Ѳ. Н. много посодѣйствовалъ освобожденію И. Сибирякова; по этому поводу упомянутый авторъ обратился къ Г. со слѣдующими словами благодарности:

«Ходатайствомъ своимъ съ несчастнаго поэта
Сложилась тяжка цѣпь, свободу онъ позналъ,—
Ты съ равной ревностью темницы посѣщалъ;
Подобно Говарду, тамъ поглощалъ оковы...»

Другою, гораздо болѣе цѣнною услугой, оказанной Ѳ. Н. русской литературѣ, было его заступничество за А. С. Пушкина, съ которымъ онъ сошелся вскорѣ послѣ выхода послѣдняго изъ лицея. Когда въ 1820 г. молодой Пушкинъ навлекъ на себя гнѣвъ Александра I не только за нѣкоторые собственные неосторожные стихи, но и за рядъ другихъ, приписываемыхъ ему стоустою молвой, Ѳ. Н., состоявшій при Милорадовичѣ, бывшемъ тогда Петербургскимъ генералъ-губернаторомъ, посовѣтовалъ поэту откровенно объясниться съ гр. Милорадовичемъ, и самъ замолвилъ за него слово своему начальнику. Пушкинъ послѣдовалъ этому совѣту, и дѣйствительно показанія Милорадовича въ связи съ заступничествомъ другихъ лицъ утишили грозу, и дѣло ограничилось для поэта лишь ссылкой на службу въ южную Россію. Тогда, почти вслѣдъ за его отъѣздомъ изъ С.-Петербурга Ѳ. Н. помѣстилъ въ 38-й кн. «Сына Отечества» за 1820 г. свое посланіе къ опальному поэту, кончавшееся слѣдующимъ бодрымъ четверостишіемъ:

«Судьбы и времени сѣдого
Не бойся, молодой пѣвецъ!
Слѣды исчезнуть поколѣній,
Но живъ талантъ, безсмертенъ геній».

Этотъ теплый привѣтъ Г., дошедшій къ Пушкину на берега Чернаго моря, глубоко тронулъ его впечатлительную и признательную душу, и онъ откликнулся извѣстнымъ стихотвореніемъ «Ѳ. Н. Глинкѣ» («Когда средь оргій жизни шумной меня постигнулъ остракизмъ»), въ которомъ называлъ Ѳ. Н. «великодушнымъ гражданиномъ» и писалъ ему:

Пускай мнѣ дружба измѣнила,
Какъ измѣнила мнѣ любовь,
Въ моемъ изгнаньи позабуду
Несправедливость ихъ обидъ;
Онѣ ничтожны, — если буду
Тобой оправданъ, Аристидъ!..

Относясь съ уваженіемъ и любовью къ Г. какъ къ человѣку, Пушкинъ впрочемъ не высоко цѣнилъ его литературное дарованіе, называлъ (въ1817г.) «довольно плоскимъ пѣвцомъ», и посвятилъ ему не только вышеуказанное «посланіе», но написалъ на него эпиграмму: «Нашъ другъ Ѳита (Глаголь)», въ которой называетъ его «кутейникомъ въ эполетахъ», «дьячкомъ», «ижицей въ поэтахъ», и помѣстилъ его въ свое «Собраніе насѣкомыхъ»: «Вотъ Глинка Божія коровка» (1828 г.). Однако, посылая эпиграмму кн. Вяземскому, Пушкинъ писалъ ему: «не выдавай меня, милый, не показывай этого никому: Ѳита бо другъ сердца моего, мужъ благъ, незлобивъ, удаляйся отъ всякія скверны». Впослѣдствіи, когда самъ Г. очутился въ ссылкѣ, Пушкинъ въ свою очередь хлопоталъ объ улучшеніи его участи.

Къ этому времени относится также масонская дѣятельность Г. 18 сентября 1815 г. основана была въ Петербургѣ подъ главенствомъ верховной ложи «Астреи» масонская ложа« Избраннаго Михаила». Это была ложа по преимуществу интеллигенціи; въ ней сбирались люди науки и искусствъ, рѣчи

шли о философіи, объ оккультныхъ наукахъ, о поднятіи любви къ русской словесности, русскому языку, о воздѣйствіи на подрастающее поколѣніе и на темныя массы путемъ насажденія школъ, о необходимости широкаго благотворенія. Великимъ мастеромъ этой ложи былъ гр. Ѳ. П. Толстой, въ числѣ членовъ ея насчитывались многіе изъ соратниковъ Ѳ. Н. Глинки по перу, какъ, напр.: Н. И. Гречъ, К. И. Арсеньевъ, В. К. Кюхельбекеръ и др.; самъ Г., поступившій въ эту ложу почти тотчасъ же послѣ ея основанія, въ 1815 г. избранъ былъ ораторомъ, въ 1817—1818 гг. состоялъ первымъ надзирателемъ ложи, а 24 іюня 1818 г. былъ утвержденъ и введенъ въ отвѣтственную должность намѣстнаго мастера (т.-е. помощника управляющаго ложей и замѣстителя его). 10 іюня 1821 г. онъ былъ переизбранъ на эту же должность. Ѳ. Н. состоялъ также членомъ Великой ложи Астреи и былъ въ ней представителемъ отъ ложи Избраннаго Михаила. Такое довѣріе, оказанное молодому масону его сотоварищами по ложѣ, можетъ быть объяснено исключительно энергіей, съ какою Г. взялся за работу на новомъ поприщѣ. Дѣйствительно, почти съ момента зачисленія въ адепты масонства онъ цѣликомъ отдался пропагандѣ взглядовъ и идей этого движенія въ литературѣ, какъ въ области ему наиболѣе доступной. Онъ принималъ участіе и дѣятельно сотрудничалъ въ большинствѣ сборниковъ и другихъ изданій, предпринимавшихся въ то время обществами «вольныхъ русскихъ каменьщиковъ». Свои мистически-гуманныя масонскія идеи Г. пропагандировалъ въ своихъ «Пѣсняхъ». Между прочимъ, по нѣкоторымъ догадкамъ именно ему приписывается составленіе извѣстнаго масонскаго «Гимна Торжествующихъ». Значительная часть стихотвореній, посвященныхъ масонству, была издана имъ отдѣльной книжкой подъ общимъ заглавіемъ «Единому отъ всѣхъ».

Въ сотрудничествѣ съ гр. Ѳ. П. Толстымъ Г. горячо принялся за устройство въ Россіи школъ по методу взаимнаго обученія; результатомъ ихъ работъ было появленіе въ 1819 г. Петербургскаго общества учрежденія училищъ по методу взаимнаго обученія Бэля и Ланкастра; лица, входившія въ составъ этого общества, были масоны и занимали въ немъ должности соотвѣтственно съ положеніемъ ихъ въ ложѣ Избраннаго Михаила; Г. былъ товарищемъ предсѣдателя.

Если участіе Глинки въ масонскомъ орденѣ, не преслѣдовавшемъ въ то время никакихъ политическихъ цѣлей, а ограничивавшемся почти исключительно дѣлами благотворенія, можно объяснить заложенными въ поэтѣ еще на ученической скамьѣ стремленіями къ добру и врожденной жаждой истины, то прикосновенность его къ первымъ тайнымъ организаціямъ, основаннымъ будущими декабристами, слѣдуетъ считать доказательствомъ того, что Глинкѣ не были чужды опредѣленные политическіе и общественные идеалы и стремленія.

Когда въ концѣ 1816 г. основанъ былъ «Союзъ спасенія или истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества», Г. одинъ изъ первыхъ примкнулъ къ нему, будучи введенъ въ него Н. М. Новиковымъ, съ которымъ онъ познакомился въ 1816 г. въ ложѣ Избраннаго Михаила. Новиковъ указалъ Г. на то, что «въ масонствѣ только теорія, а что есть другое общество избранныхъ молодыхъ людей, которые положили, образуя себя, дѣйствовать въ своихъ кругахъ по своимъ силамъ и возможностямъ». Въ 1818 г. первое тайное общество распалось, но вмѣсто него возникъ «Союзъ благоденствія», въ которомъ видную роль сталъ играть Г. По словамъ «Записки о тайныхъ обществахъ въ Россіи», составленной въ 1821 г., онъ вмѣстѣ съ Н. И. Тургеневымъ и фонъ-деръ-Бригеномъ стоялъ во главѣ Петербургскаго отдѣла Союза. На его квартирѣ бывали собранія членовъ, и между прочимъ происходило то засѣданіе Коренной Думы Союза, на которомъ въ январѣ 1820 г. обсуждался вопросъ объ образѣ правленія въ Россіи. Авторъ вышеупомянутой «Записки» называетъ Глинку въ числѣ 7 лицъ, на которыхъ должно быть обращено вниманіе правительства; «слабый человѣкъ сей, говоритъ онъ, которому нѣкоторые успѣхи въ словесности и еще болѣе лесть совершенно

вскружили голову, который помѣшался на томъ, чтобъ быть членомъ всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ обществъ, втирается во всѣ знатные дома, рыскаетъ по всѣмъ виднымъ людямъ, заводитъ связи, гдѣ только можно; для придания себѣ важности, разсказываетъ каждому за тайну, что̀ узналъ по должности или по слабости начальника; посѣщаетъ всѣ открываемые курсы; посылаетъ во всѣ журналы статьи, изъ коихъ многія не весьма внимательно разсмотрѣны цензурой; и какъ въ разговорахъ, такъ и на письмѣ, кстати и не кстати, прилѣпляетъ политику, которой вовсе не постигаетъ, но блескомъ выраженій и заимствованными мыслями слѣпитъ неопытныхъ». Въ той же «Запискѣ» находимъ указаніе, что Г. былъ основателемъ одного изъ трехъ «вольныхъ» обществъ, которыя «своею дѣятельностью по литературѣ, художествамъ и т. д. могли бы способствовать достиженію цѣли «Коренной Управы» Союза Благоденствія; они существовали недолго и разрушились съ уничтоженіемъ Союза. Самъ Г. однако отрицалъ существованіе такого общества. Недавно, однако, открыто существованіе Общества 19-го года XIX вѣка, ставившаго своей задачей распространеніе политическихъ идей и знаній; главнымъ иниціаторомъ его былъ Н. И. Тургеневъ, а въ числѣ членовъ находимъ Ѳ. Н. Глинку. Есть извѣстія о томъ, что Г. принималъ участіе и въ обществѣ «Зеленой лампы», членомъ котораго былъ и Пушкинъ, но дѣятельность этого общества еще мало выяснена. По показанію С. М. Семенова чиновникъ канцеляріи Петербургскаго генералъ-губернатора Перетцъ, принятый Г. въ 1819 или 1820 г. въ тайное общество (самъ Г. это отрицалъ), предполагалъ при участіи Г., Семенова и Кутузова основать независимое отъ Союза Благоденствія общество, цѣль котораго, по словамъ Перетца, было введеніе конституціи, а средствомъ — распространеніе всеобщаго неудовольствія путемъ оглашенія несправедливости и ошибокъ правительства.

Въ январѣ 1821 г. Г. ѣздилъ въ Москву на извѣстный съѣздъ членовъ Союза Благоденствія; на немъ рѣшено было закрыть Союзъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ правительству, о чемъ имѣлъ свѣдѣнія самъ Г. по своей службѣ при Милорадовичѣ. Послѣ формальнаго закрытія Союза двѣ его главныя вѣтви продолжали существовать самостоятельно въ видѣ Сѣвернаго и Южнаго тайныхъ обществъ. Объ отношеніи къ нимъ Г. не сохранилось опредѣленныхъ свѣдѣній: въ то время какъ И. И. Пущинъ въ своихъ запискахъ указываетъ Г. въ числѣ лицъ, ежедневно собиравшихся въ началѣ декабря 1825 г. въ квартирѣ Рылѣева, другіе заявляютъ, что онъ, послѣ того какъ тайное общество стало явно склоняться къ осуществленію заговора, оставилъ своихъ товарищей, не раздѣляя ихъ взглядовъ.

Черезъ двѣ недѣли послѣ декабрьскаго бунта Г. былъ арестованъ и 30 декабря допрошенъ генераломъ Левашовымъ, а затѣмъ и самимъ Государемъ. Ему удалось оправдаться, и по Высочайшему повелѣнію онъ былъ освобожденъ отъ всякой отвѣтственности. Вскорѣ, однако, показанія другихъ декабристовъ привели къ тому, что 15 февраля 1826 г. Г. былъ вытребованъ въ слѣдственную комиссію о декабристахъ и 11 марта заключенъ въ крѣпость (въ Петровскую куртину), гдѣ и просидѣлъ 13 недѣль. Второе показаніе сдѣлано было имъ 7 апрѣля. Выдержки изъ показаній Г. отъ 15 февраля и 7 апрѣля приведены въ статьѣ Н. Ѳ. Дубровина «Послѣ Отечественной войны» («Русская Старина» 1904 г. мартъ, 488—515).

Въ своихъ показаніяхъ Г. такъ излагалъ свою политическую вѣру: «Я представляю себѣ Россію, какъ нѣкую могучую жену, спокойно, вопреки всего почіющую. Въ головахъ у ней, вмѣсто подушки, — Кавказъ, ногами плещетъ въ Балтійское море, правая рука закинута на хребетъ Урала, а лѣвая, простертая за Вислу, грозитъ перстомъ Европѣ. Я знаю, я увѣренъ, что превращать древнее теченіе вещей есть то же, что совать персты въ мельничное колесо: персты отлетятъ, а колесо все идетъ своимъ ходомъ. Вотъ моя политическая вѣра!» Противникъ насилія, онъ только желалъ блага Россіи и цвѣтущаго ея положенія и

находилъ, «что благополучна та страна, гдѣ тюрьмы пусты, житницы полны, доктора ходятъ пѣшкомъ, а хлѣбники верхами; гдѣ на ступеняхъ храмовъ Божіихъ толпится народъ, а крыльца судилищъ заросли травою». Г. собиралъ свѣдѣнія о жертвахъ тогдашнихъ нашихъ русскихъ порядковъ, какъ это видно изъ оставшихся послѣ него бумагъ. Въ нихъ сохранилась также, написанная имъ для себя, программа обязанностей его, какъ члена тайнаго общества: «*Порицать:* 1) А-ва (т.-е. Аракчеева) и Долгорукова; 2) военныя поселенія; 3) рабство и палки; 4) лѣность вельможъ; 5) слѣпую довѣренность къ правителямъ канцелярій...; 6) жестокость и неосмотрительность уголовной палаты; 7) крайнюю небрежность полиціи при первоначальныхъ слѣдствіяхъ. *Желать:* открытыхъ судовъ и вольной цензуры. *Хвалить:* Ланкастерскую школу и заведеніе для бѣдныхъ у Плавил. (Плавильщикова)». Придерживаясь такой программы въ образѣ своихъ дѣйствій, члены тайнаго общества, по мнѣнію Г., достигли для пользы общей и правительства того, что «многіе взяточники обличены, люди безкорыстные восхвалены, многіе невинно утѣсненные получили защиту, многіе выпущены изъ тюремъ». Г., по его словамъ, былъ убѣжденъ, что истинная цѣль тайнаго общества заключается въ благотвореніи, улучшеніи нравственности, обнаруженіи злоупотребленій, и старался всѣми силами содѣйствовать обществу въ этомъ отношеніи. Конечно, при оцѣнкѣ показаній Г. необходимо принять во вниманіе, что онъ долженъ былъ защитить себя отъ обвиненія въ сочувствіи къ преступнымъ замысламъ декабристовъ, но, съ другой стороны, вся его литературная дѣятельность показываетъ, что онъ и не могъ сочувствовать ихъ конечнымъ цѣлямъ. «Алфавитъ членамъ бывшихъ злоумышленныхъ тайныхъ обществъ и лицамъ, прикосновеннымъ къ дѣлу, произведенному Высочайше учрежденною 17 декабря 1825 г. слѣдственною комиссіею» сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о показаніяхъ противъ Г. его товарищей по обществу и о его возраженіяхъ: «Съ 1821 г. отсталъ и не принадлежалъ къ возникшимъ потомъ тайнымъ обществамъ. По словамъ Пестеля, въ квартирѣ Г. въ 1820 г. было совѣщаніе коренныхъ членовъ Союза Благоденствія, гдѣ послѣ разсужденія о формахъ правленій всѣ приняли республиканское; одинъ Г. сначала говорилъ въ пользу монархическаго правленія и предлагалъ Елизавету Алексѣевну. Г., отрицая сіе показаніе и на очныхъ ставкахъ съ Пестелемъ, утвердилъ то, что многіе изъ членовъ, такъ называемаго, политическаго отдѣленія, слушая курсы наукъ, по удобности квартиры его, съѣжались къ нему когда трое, когда четверо, заводили разговоры и даже споры о различныхъ системахъ, иногда и о формахъ правленія, но все въ ученомъ смыслѣ и съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы лучше вразумиться въ сихъ наукахъ. Государыню Императрицу, въ такомъ смыслѣ, какъ показалъ Пестель, не предлагалъ, но говорилъ и печаталъ о добродѣтельныхъ дѣяніяхъ особъ Императорскаго дома. Показанія другихъ, бывшихъ въ семъ собраніи, также не согласны между собою. Сверхъ того Перетцъ показалъ, что Г. принялъ его въ члены тайнаго общества въ 1819 или 1820 г. Г. отвѣчалъ при допросахъ и на очныхъ ставкахъ, что онъ принялъ Перетца въ члены ланкастерской школы. Семеновъ подкрѣпилъ слова Перетца, а Кутузовъ утвердилъ то же самое, что и Г. На вопросы, многимъ сдѣланные, о томъ,—былъ ли Г. извѣщенъ о намѣреніяхъ 14 декабря, Александръ Бестужевъ отвѣчалъ отрицательно, прибавивъ: но что готовилось что-то, зналъ, ибо при свиданіи съ нимъ за 3 дня до 14 числа, говорилъ ему: «ну вотъ и приспѣваетъ время». Г. отвѣчалъ ему на это: «смотрите вы, не дѣлайте никакихъ насилій». На очныхъ ставкахъ Александръ Бестужевъ, подтверждая свое показаніе, пояснилъ, что не помнитъ, было ли въ отвѣтѣ Г. слово «насиліе», но смыслъ отвѣта былъ точно такой. Рылѣевъ показалъ, что при свиданіи съ Г. сказалъ ему, что общество положило воспользоваться переприсягою и что оно взяло уже свои мѣры. На сіе онъ отвѣчалъ: «смотрите, господа». На очныхъ ставкахъ Рылѣевъ объяснилъ, что, можетъ быть, вмѣсто слова обще-

ство, сказалъ: «мы полагали, что Г. долженъ былъ принадлежать къ обществу», но Г., отрицая показанія обоихъ, остался при томъ, что онъ не имѣлъ съ ними означеннаго разговора и не слыхалъ показанныхъ ими словъ». Объясненія Г. найдены были удовлетворительными, и верховному уголовному суду Г. не былъ преданъ, но былъ отнесенъ къ числу тѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, которые принадлежали къ тайнымъ обществамъ или знали о нихъ, но вовсе не участвовали въ «неистовыхъ намѣреніяхъ», многіе скоро оставили общество и «всѣ вообще въ поступкахъ своихъ показываютъ истинное раскаяніе»; по докладу слѣдственной комиссіи 15 іюня 1826 г. Высочайше повелѣно было Г. освободить изъ заключенія и перевести въ гражданскую службу въ Петрозаводскъ, а 7 іюля послѣдовалъ относительно той категоріи членовъ тайныхъ обществъ, къ которой былъ причисленъ Г., Высочайшій приказъ, которымъ повелѣно, «не предавая ихъ строжайшему наказанію, по суду, опредѣлить имъ исправительныя мѣры наказанія»; согласно этому приказу состоящій по арміи полковникъ Глинка 1-й былъ отставленъ отъ службы и сосланъ на жительство въ г. Петрозаводскъ, «во уваженіе же прежней его службы и недостаточнаго состоянія» дозволено употребить его тамъ по гражданской части съ чиномъ коллежскаго совѣтника». 17 іюня Г. на основаніи Высочайшаго повелѣнія былъ освобожденъ изъ крѣпости, а на слѣдующій день подалъ Всеподданнѣйшее прошеніе объ отсрочкѣ отъѣзда въ мѣсто ссылки для устройства дѣлъ (между прочимъ, по печатанію его сочиненій). 30 іюля онъ былъ отправленъ съ фельдъегеремъ въ Петрозаводскъ.

Современники старались найти причину такого сравнительно мягкаго наказанія, какое было назначено Г., игравшему довольно видную роль въ тайныхъ обществахъ въ первой періодъ ихъ существованія. Нѣкоторые приводятъ слѣдующее объясненіе, основанное на близости поэта къ гр. Милорадовичу, великодушію котораго будто бы Г. и обязанъ своимъ спасеніемъ. Передаютъ, что графъ, умирая отъ пули, поразившей его на Сенатской площади, обратился въ послѣднія минуты своей жизни къ Императору Николаю Павловичу съ просьбой пощадить Г., какъ человѣка увлеченнаго, но не преступнаго по натурѣ и преданнаго въ душѣ монарху. Н. В. Бергъ въ своихъ запискахъ передаетъ неправдоподобный разсказъ, будто, Г. на допросѣ объявилъ, что посѣщалъ собранія революціонеровъ по приказанію Милорадовича, чтобы слѣдить за ихъ дѣйствіями, но сообщенія Берга о Г. за время, предшествующее ихъ знакомству, вообще не соотвѣтствуютъ дѣйствительности.

27 октября 1826 г. Г. опредѣленъ совѣтникомъ Олонецкаго губернскаго правленія, сверхъ штата. Положеніе Г. тамъ было очень тяжелое; онъ его описалъ въ письмѣ къ Н. И. Гнѣдичу отъ 24 марта 1829 г. Гнѣдичъ просилъ В. А. Жуковскаго вывести Г. изъ такого положенія, и по ходатайству поэта Г. былъ переведенъ въ Тверь, все-таки подъ надзоръ полиціи. 4 марта 1830 г. онъ былъ переведенъ на такую же должность совѣтника губернскаго правленія сверхъ штата въ Тверь, а 5 декабря 1832 г. въ Орелъ. Въ 1835 г. Г. былъ уволенъ отъ службы съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. По выходѣ въ отставку онъ переѣхалъ въ Москву и поселился тамъ съ женою на Садовой ул. близъ Сухаревой башни, посвящая свои досуги литературѣ и принимая у себя по понедѣльникамъ литераторовъ, художниковъ и близкихъ по духу людей. Здѣсь у него бывали М. А. Дмитріевъ, С. Е. Раичъ, А. Ѳ. Вельтманъ, Н. В. Бергъ, Ѳ. Б. Миллеръ; Бергъ въ своихъ «Запискахъ» описываетъ понедѣльники супруговъ Глинокъ. Женитьба Ѳ. Н. въ 1831 г. на Авдотьѣ Павловнѣ Голенищевой-Кутузовой относится еще ко времени его службы въ г. Твери. Супруга Глинки также не была чужда литературныхъ талантовъ, и эта общность художественныхъ и духовныхъ интересовъ быстро сблизила обоихъ супруговъ и упрочила ихъ союзъ. Лѣто Ѳ. Н. проводилъ обыкновенно у родныхъ жены, а именно въ тверскомъ имѣніи ея престарѣлой матери.

Со времени ссылки Г. въ Олонецкую губернію начинается второй періодъ

его литературной дѣятельности, съ замѣтнымъ постепеннымъ уклономъ въ сторону мистицизма. Пребываніе въ Петрозаводскѣ дало ему возможность ознакомиться съ мѣстными народными преданіями, и въ результатѣ этого знакомства появилась въ свѣтъ его стихотворная повѣсть «Карелія, или заточеніе Маѳы Ивановны Романовой». Повѣсть эта основана на историческомъ событіи, засвидѣтельствованномъ грамотами царя Михаила Ѳедоровича, и содержитъ описаніе жизни въ Выгозерскомъ станѣ Обонежской пятины знаменитой затворницы, великой иноки Маѳы Романовой, заточенной туда по волѣ Бориса Годунова; какъ и большинство стихотворныхъ опытовъ Г., эта повѣсть написана довольно бѣглымъ стихомъ и содержитъ немало прекрасныхъ описаній дикой и суровой, но своеобразной и величественной сѣверно-русской природы. Она была снабжена примѣчаніями, поясняющими отдѣльныя слова и картины повѣсти, а въ концѣ Г. приложилъ списки тѣхъ грамотъ, которыя онъ отыскалъ въ Олонецкой Карелiи и которыми онъ руководствовался при созданіи своей поэтической повѣсти. Къ этому же времени относятся его «Очерки Бородинскаго сраженія», изданные авторомъ въ 1839 г. ко дню открытія памятника на Бородинскомъ полѣ. Возникшія при изданіи этого произведенія цензурныя затрудненія были устранены благодаря хлопотамъ В. А. Жуковскаго. «Очерки Бородинскаго сраженія» носятъ на себѣ слѣды довольно явнаго уклона поэта въ сторону мистицизма. Рисуя въ качествѣ очевидца и участника Отечественной войны всѣ перипетіи и кровавые эпизоды Бородинскаго сраженія, Ѳ. Н. возсоздаетъ довольно величественную картину; даваемыя имъ попутно характеристики и мастерскіе портреты главныхъ дѣйствующихъ лицъ порою безупречны, а обликъ «престарѣлаго вождя русскихъ силъ» въ особенности художественно ярокъ; но на ряду съ этими чертами, свидѣтельствующими о дальнѣйшемъ развитіи таланта автора, какъ-то особенно поражаетъ его тенденція даже въ самыхъ естественныхъ историческихъ событіяхъ усмотрѣть нѣчто чудесное. Вслѣдствіе этого онъ часто обращаетъ вниманіе на мелкія случайности, придавая имъ какой-то таинственный смыслъ, и дѣлаетъ самые неожиданные выводы тамъ, гдѣ, казалось бы, для этого нѣтъ никакого повода. Его, напр., поражаетъ совпаденіе чиселъ Бородинской битвы и сраженія при Креси, многозначительно подчеркиваетъ онъ то обстоятельство, что подъ Бородинымъ было шесть Михаиловъ среди вождей русской арміи и т. п. «Очерки» были встрѣчены очень сочувственно въ свое время критикой, и даже такой строгій судья, какъ В. Бѣлинскій замѣтилъ, что эта книга «вполнѣ достойна названія народной». Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что Бѣлинскій, посвятившій сочиненію Глинки цѣлую статью, самъ въ это время переживалъ настроенія «внутренняго мистицизма»; позднѣе же, отрѣшившись отъ этихъ вліяній, онъ измѣнилъ свое отношеніе и къ «Очеркамъ». Дальнѣйшее развитіе мистическихъ настроеній Ѳ. Н. Глинки побудило его написать въ сотрудничествѣ съ женой обширную двухтомную поэму въ стихахъ подъ заглавіемъ «Таинственная капля». Поэма эта, написанная на духовно-легендарную библейскую тему, до 1861 года оставалась въ рукописи (Г. читалъ ее у себя на вечерѣ еще 12 мая 1851 г.) и была извѣстна только близкимъ знакомымъ поэта; впервые она была напечатана въ 1861 г. за границей, въ Берлинѣ, а въ 1871 г. переиздана Погодинымъ въ Москвѣ. Содержаніе ея было заимствовано Г. изъ древнехристіанской легенды, сохраненной намъ народнымъ преданіемъ и средневѣковыми хрониками, въ томъ числѣ и древне-русскими «Цвѣтниками», и состоитъ въ томъ, что раскаявшійся на крестѣ разбойникъ въ младенчествѣ прикоснулся къ груди Богоматери и получилъ отъ нея каплю исцѣляющаго молока. Эта-то капля, хранимая его организмомъ, и заставила его на крестѣ вспомнить о далекомъ дѣтствѣ и обратиться къ распятому Спасителю съ мольбой о прощеніи. Взявъ эту легенду сюжетомъ своей поэмы, Г. дополнилъ ее цѣлымъ рядомъ разнообразныхъ эпизодовъ, заимствованныхъ имъ изъ апокрифическихъ сказаній, преданій и пѣснопѣній церкви, почерпнутыхъ изъ

Евангелія, твореній св. отцевъ, житій святыхъ и т. п. Порою эти подробности и длинноты дѣлаютъ поэму тяжеловѣсной и не вполнѣ выдержанной, что и составляетъ одинъ изъ ея главныхъ недостатковъ. Ко второму періоду литературной дѣятельности Г. относится и его знаменитое стихотвореніе «Москва», начинающееся словами: «Городъ чудный, городъ древній». Оно было напечатано въ первой книжкѣ «Москвитянина» за 1841 годъ. Въ 1847 г. по случаю 700-лѣтія Москвы Г. написалъ драматическую пьесу и поставилъ ее на сценѣ.

Въ 1853 г. состоялось переселеніе Г. изъ Москвы въ С.-Петербургъ. Жизнь его, впрочемъ, этимъ переѣздомъ почти не была нарушена, такъ какъ и въ Петербургѣ въ его квартирѣ продолжались тѣ же литературные понедѣльники, что и въ Москвѣ, собиравшіе вокругъ успѣвшихъ уже постарѣть супруговъ многихъ писателей и ученыхъ. Измѣнилась только обстановка этихъ вечеровъ, такъ какъ, благодаря полученію женой Г. большого наслѣдства, матеріальныя средства поэта къ этому времени значительно возрасли. Ѳ. Н. Глинка проводилъ въ Москвѣ и въ С-Петербургѣ обыкновенно только зиму, на лѣтніе же мѣсяцы уѣзжалъ въ какое-либо изъ имѣній жены, то въ Орловскую, то въ Тамбовскую губ., то, наконецъ, съ конца 40-хъ годовъ въ село Кузнецово, въ 50 верстахъ отъ г. Твери, въ имѣніе матери жены, перешедшее потомъ къ Авдотьѣ Павловнѣ и ею по купчей крѣпости переданное мужу. Въ январѣ 1854 г. было напечатано патріотическое сочиненіе Г. «Ура! на трехъ ударимъ разомъ», написанное имъ еще въ половинѣ 1853 г. при появленіи первыхъ слуховъ о войнѣ, но ходившее сперва въ многочисленныхъ спискахъ, такъ какъ цензура не пропускала его до окончательнаго разрыва съ союзными державами. Платя дань мистическому настроенію своей лиры, Г. въ это же время переложилъ стихами книгу Іова и выпустилъ въ свѣтъ въ 1859 г. въ Петербургѣ это переложеніе подъ заглавіемъ «Іовъ, свободное подражаніе священной книгѣ Іова»; оно, повидимому, было осуществлено поэтомъ также при близкомъ сотрудничествѣ Авдотьи Павловны, которая и вообще довольно дѣятельно помогала мужу въ его литературныхъ работахъ, въ особенности же на духовныя темы. Ко времени петербургской жизни Г. относится и его увлеченіе спиритизмомъ, увлеченіе, явившееся лишь результатомъ дальнѣйшаго развитія мистическихъ настроеній поэта. При помощи одной изъ своихъ знакомыхъ, игравшей роль медіума, Ѳ. Н. вступалъ въ переписку съ духами, вызывая то патріарха Никона, то пророка Іоиля, то Михаила Архангела, Наполеона и др. Духи отвѣчали ему какъ по-русски, такъ и по-французски. Г. вообще не мало времени удѣлялъ такъ называемымъ тайнымъ наукамъ, стараясь постичь тайну бытія, законы природы, жизни и смерти. Еще въ 1824—1825 гг. онъ занимался изученіемъ магнетизма, и до конца жизни интересовался имъ и многихъ магнетизировалъ.

Петербургскій періодъ жизни Ѳ. Н. Глинки продолжался до 1862 г., когда, покинувъ столицу, онъ переселился снова въ Тверь, гдѣ былъ избранъ дворянствомъ почетнымъ попечителемъ Тверской губернской гимназіи. Въ слѣдующемъ году онъ лишился своей жены, кончина которой сильно опечалила и поразила 74-лѣтняго старца; для близкихъ Г. лицъ казалось, что онъ врядъ ли переживетъ свою супругу, умѣвшую окружить жизнь поэта нѣжными заботами. Но послѣ первыхъ мѣсяцевъ горя, Ѳ. Н. скоро оправился духомъ, даже какъ-то обновился, почувствовавъ свою свободу, и въ немъ съ новой силой воскресла энергія и подвижность. Не переставая слѣдить за литературой и событіями общественной жизни, Г. удѣлялъ время и силы разнымъ общественнымъ обязанностямъ. Будучи избранъ почетнымъ членомъ Тверского губернскаго статистическаго комитета, Ѳ. Н. довольно аккуратно посѣщалъ его собранія и нерѣдко помогалъ комитету своими собственными средствами въ осуществленіи его предпріятій, жертвуя деньги на производство научныхъ работъ и изслѣдованій (на изслѣдованіе К. В. Пупаревымъ верхне-волжской флоры, на командировку секретаря комитета на статистическій съѣздъ въ Петербургѣ). 18 февраля 1866 г. Г. былъ избранъ почетнымъ

членомъ Общества любителей россійской словесности, и 27 февраля того же года это общество устроило, по случаю исполнившагося наканунѣ 50-лѣтія со дня избранія Г. въ члены Общества, публичное засѣданіе, на которомъ Н. В. Путята и А. А. Котляревскій прочли рѣчи о литературной дѣятельности юбиляра; самъ Г. не присутствовалъ на засѣданіи по нездоровью. Въ 1875 г. Ѳ. Н. былъ избранъ гласнымъ Тверской городской думы и членомъ комиссіи для изслѣдованія воды въ рѣкахъ Волгѣ и Тьмакѣ. Кромѣ того, онъ оказывалъ дѣятельное содѣйствіе основанному еще его женой благотворительному обществу «Доброхотной копѣйки» и съ 1863 г. до кончины состоялъ предсѣдателемъ этого общества. Надвинувшаяся старость отразилась, конечно, на литературной дѣятельности поэта, но поэтическій пылъ не покидалъ его и онъ продолжалъ отзываться стихами почти на всякое общественное или лично его касавшееся событіе. Стихами онъ проводилъ въ могилу свою жену, стихами «Уже прошло четыре вѣка» отозвался на объявленіе новой войны съ Турціей, со стихотворными же спичами выступалъ онъ на различныхъ вечерахъ, въ собраніяхъ, на званыхъ обѣдахъ, пикникахъ, при проѣздахъ Высочайшихъ особъ и въ другихъ торжественныхъ случаяхъ. И въ Твери Ѳ. Н. продолжали навѣщать старые друзья-пріятели литераторы и ученые. Въ 1872 г. его посѣтилъ М. П. Погодинъ, относившійся съ особымъ уваженіемъ къ его литературнымъ заслугамъ и предпринявшій даже въ 1869 г. изданіе полнаго собранія его сочиненій.

Литературная патріотическая дѣятельность Г., характеризующая въ особенности вторую половину его жизни, снискала ему расположеніе Императора Александра II, который въ ознаменованіе своего особаго благоволенія къ Ѳ. Н., пожаловалъ ему 19 марта 1864 г., въ день исполнившагося пятидесятилѣтія со взятія Парижа, орденъ св. Станислава 1 ст., а въ 1872 г., когда Г. поднесъ ему свои вновь изданныя сочиненія, отблагодарилъ его орденомъ св. Анны 1 ст.

Помимо чисто литературной дѣятельности за Ѳ. Н. слѣдуетъ признать также и научныя заслуги. Изъ наукъ его наиболѣе интересовала исторія, по преимуществу археологія. Еще въ 1811 г. ему было поручено смоленскимъ губернскимъ начальствомъ содѣйствовать Высочайше утвержденному тогда «Обществу исторіи и древностей Россійскихъ». Вѣроятнѣе всего эти занятія и послужили тѣмъ первоначальнымъ толчкомъ, который побудилъ Г. позднѣе серьезно заинтересоваться археологіей. Произошло это еще въ 1836 г., когда послѣ непрерывныхъ восьмилѣтнихъ занятій въ губернскихъ правленіяхъ Ѳ. Н. получилъ нервное разстройство и по совѣту врачей отправился въ бѣжецкое имѣніе своей тещи, село Кузнецово. Здѣсь, прежде всего, онъ обратилъ свое вниманіе на остатки моря, нѣкогда покрывавшаго эту часть Тверской губ., и на уцѣлѣвшіе курганы и могильные камни. Ѳ. Н., заинтересованный въ особенности послѣдними памятниками сѣдой старины, предпринялъ тогда же рядъ раскопокъ кургановъ, но въ нихъ не нашлось ничего, кромѣ пепла и углей. Гораздо удачнѣе оказались предпринятые имъ поиски надгробныхъ камней. Въ своемъ имѣніи онъ собралъ цѣлую коллекцію такихъ камней, изъ коихъ одни поразили его своеобразіемъ формы, а другіе сохранившимися надписями. Два изъ этихъ надгробій впослѣдствіи были признаны несомнѣнными памятниками доисторической Руси. На одномъ изъ нихъ сообщалось о погребеніи нѣкоего «Степана», имя котораго было высѣчено дважды, по-гречески и по-славянски; на другомъ же памятникѣ иностранный ученый проф. Финнъ-Магнусенъ усмотрѣлъ сложныя руны и призналъ его за памятникъ, воздвигнутый Ингваромъ, шведскимъ полководцемъ, о которомъ повѣствуетъ одна изъ Исландскихъ сагъ. Самъ Ѳ. Н. такъ разсказываетъ о своихъ первыхъ шагахъ въ области археологическихъ изысканій: «Когда осень стала сближаться, и лѣса и поля, по снятіи жатвъ, обнажились, я сталъ замѣчать какія-то *пятна*, индѣ задвинутыя камнями. Онѣ разсѣяны по полямъ и нивамъ на великое пространство. На вопросы: «что это такое *эти лоскутья невспаханные*», крестьяне отвѣчали: «это, батюшка, *старинныя могилки*, ихъ соха не беретъ!».

Но впослѣдствіи всмотрѣвшись и развѣдавъ объ этомъ дѣлѣ, узналъ я, что эти мнимыя могилки суть поддонья бывшихъ кургановъ, которыхъ потомъ нашелъ я цѣлыя *круговины*, восторжествовавшія надъ временемъ и множествомъ разрушительныхъ случаевъ. Слѣдя за курганами, я нашелъ также многіе камни — особенно любопытные — рѣзного искусства въ Россіи». Эти-то слѣды жизни доисторическаго человѣка, полуразрушенные отъ времени, заброшенные среди болотъ и лѣсовъ Тверской губ., и дали возможность Ѳ. Н. заключить о существованіи въ этихъ краяхъ какого-то древняго племени. Свѣдѣніями о своихъ находкахъ Г. поспѣшилъ подѣлиться съ Погодинымъ и П. И. Кеппеномъ. Послѣдній напечаталъ извлеченія изъ писемъ Ѳ. Н. о древностяхъ въ Тверской Карелiи въ «Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ» 1836 г. № 3, дополнивъ это извлеченіе своими примѣчаніями. Статья эта была встрѣчена съ живымъ интересомъ тогдашнимъ ученымъ міромъ и перепечатана въ рядѣ изданій. Вскорѣ и самъ Ѳ. Н. помѣстилъ въ «Журн. Мин. Народн. Просв.» новую статью подъ заглавіемъ: «Мои замѣтки о признакахъ древняго быта и камняхъ, найденныхъ въ Тверской Карелiи» (она же, значительно дополненная, перепечатана въ «Сборникѣ Об-ва Ист. и Древн. Россійскихъ», т. I, 1837 г., а также въ «Русскомъ энциклопедическомъ лексиконѣ»). Большинство научныхъ догадокъ, высказанныхъ тогда Ѳ. Н. относительно происхожденія и значенія этихъ памятниковъ старины, впослѣдствіи нашли подтвержденіе въ дальнѣйшихъ открытіяхъ археологіи. Но разумѣется, на ряду съ правдивыми догадками въ его статьяхъ встрѣчались и гипотезы, отвергнутыя наукой въ болѣе позднее время. Такъ, напр., ряды камней, разбросанныхъ по равнинѣ Тверской губерніи въ одномъ и томъ же наклонномъ положеніи, Ѳ. Н. считалъ памятниками, тогда какъ въ настоящее время они признаны эрратическими валунами. Въ одной изъ своихъ статей по поводу археологическихъ находокъ Ѳ. Н., не ограничиваясь достигнутыми въ то время результатами по части обслѣдованія древняго быта Россіи, выступилъ съ предложеніемъ, адресованнымъ къ Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ, вступить въ переговоры съ губернаторами, губернскими статистическими комитетами и частными лицами объ организаціи всесторонняго изслѣдованія сохранившихся памятниковъ и народныхъ преданій. Намѣчая планъ подобнаго изслѣдованія, Ѳ. Н. предлагалъ обратить преимущественное вниманіе на запись преданій и составленіе описаній, снимковъ, рисунковъ и чертежей старинныхъ насыпей, кургановъ, завѣтныхъ деревьевъ, камней, имѣющихъ въ народѣ особенное прозвище, городищъ, ямъ, колодцевъ и т. п. Между прочимъ, Ѳ. Н. обратилъ вниманіе на важность для цѣлей археологіи старинныхъ названій пустошей, урочищъ, овраговъ и ручьевъ, въ большинствѣ никому неизвѣстныхъ, кромѣ мѣстныхъ жителей, но хранящихъ въ себѣ воспоминанія о прошлыхъ судьбахъ данной мѣстности. Въ виду этого Ѳ. Н. рекомендовалъ собирать и записывать названія этихъ мѣстъ при содѣйствіи землемѣровъ и корреспондентовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предлагалъ Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ выступить съ пропагандой идеи устройства «мѣстныхъ музеевъ или хранилищъ древностей», куда бы могли доставляться всѣ находки, обнаруживаемыя въ предѣлахъ губерніи. Все это даетъ возможность признать за Ѳ. Н. Глинкой починъ въ серьезной постановкѣ дальнѣйшихъ археологическихъ изысканій. И дѣйствительно большинство его указаній и вопросовъ позднѣе были включены въ инструкціи для раскопки кургановъ. Заслугой Г. передъ русской наукой остается и его собственный починъ въ дѣлѣ описанія найденныхъ имъ памятниковъ и указаній на важные слѣды древняго исчезнувшаго быта. Пылкая фантазія поэта подсказывала ему, что «можетъ быть, когда-нибудь исторія или догадливость ученыхъ опрыснетъ живою водою эти признаки и знаки древности», и самъ своими хлопотливыми изысканіями и описаніями открытыхъ имъ памятниковъ позаботился о томъ, чтобы приблизить это время торжества науки. Въ уваженіе поднятыхъ Ѳ. Н. Глинкой археологическихъ вопросовъ Московское археологическое общество избрало его 28 апрѣля 1869 г.

своимъ дѣйствительнымъ членомъ. Г. принималъ также близкое участіе въ устройствѣ въ 1872 г. археологическаго отдѣленія при Тверскомъ музеѣ, содѣйствуя этому предпріятію своими трудами и пожертвованіями, а также въ раскопкахъ, производившихся въ самой Твери (на мѣстѣ бывшаго древняго монастыря Ѳедора Стратилата и близъ Троицкой церкви). Въ 1872 г. въ музеѣ помѣщенъ по ходатайству Губернскаго статистическаго комитета портретъ Г., чтобы сохранить о немъ свѣтлую память.

Научная и литературная дѣятельность Ѳ. Н. почти совершенно закончилась къ концу 60-хъ годовъ, хотя онъ и продолжалъ время отъ времени выступать и въ печати съ патріотическими стихотвореніями и являлся довольно усерднымъ вкладчикомъ «Денницы» и «Кіевлянина», но даже самое крупное изъ его стихотворныхъ произведеній, появившихся послѣ переселенія въ г. Тверь — «Мальчикъ въ лаптяхъ и нагольномъ тулупѣ»... ни по содержанію, ни по формѣ не напоминаютъ уже о его прежнемъ талантѣ. Въ 1877 г. Г. напечаталъ по случаю объявленія войны Турціи патріотическое стихотвореніе: «Уже прошло четыре вѣка», гдѣ онъ вспоминаетъ предсказаніе объ освобожденіи Константинополя Бѣлымъ Царемъ. Но оставаясь подвижнымъ и полнымъ энергіи, Г., несмотря на свой преклонный возрастъ, продолжалъ до самой смерти принимать участіе въ общественныхъ и благотворительныхъ дѣлахъ; онъ продолжалъ также весьма живо интересоваться общественными и научными вопросами, постоянно слѣдилъ за новостями и открытіями въ области историческихъ наукъ, а также и за политической жизнью, испещряя перомъ получаемыя номера газетъ. Храня въ своей памяти лѣтопись почти цѣлаго столѣтія, Ѳ. Н. былъ всегда интереснымъ собесѣдникомъ и знакомилъ другихъ съ разными эпизодами своей богатой событіями жизни. Живя въ провинціи, Г. продолжалъ и тамъ вести образъ жизни петербуржца, поздно начиналъ свой трудовой день и заканчивалъ его въ 5—6 часовъ утра. Владѣя довольно значительнымъ состояніемъ, Ѳ. Н., если и не велъ роскошнаго образа жизни, то во всякомъ случаѣ ни въ чемъ себѣ не отказывалъ. Еще при жизни онъ укрѣпилъ за своими наслѣдниками болѣе 4.000 десятинъ земли и столько же оставилъ имъ послѣ смерти, не считая домовъ и капитала. Глинка рѣдко отказывалъ въ помощи нуждающимся, хотя быть-можетъ и не былъ особенно щедръ въ этомъ отношеніи. Интересно, между прочимъ, его отношеніе къ своимъ крестьянамъ. Случайно получивъ большое имѣніе, перешедшее къ нему отъ родственниковъ жены, онъ сталъ вдругъ крупнымъ помѣщикомъ, располагая почти тысячью душъ крестьянъ и 12000 десятинъ земли, населенной по преимуществу карелами. Имѣніе это находилось прежде въ дворцовомъ вѣдомствѣ, а въ 1797 г. было пожаловано адмиралу И. Л. Голенищеву-Кутузову. Первоначально Г. предполагалъ послѣ смерти предоставить своимъ крѣпостнымъ свободу, но осуществить этого ему не пришлось, такъ какъ свободу крестьяне получили еще задолго до его смерти. За то отношенія самого Г. къ крестьянамъ съ годами сильно измѣнились. Тревоги и опасенія, возникшія въ помѣщичьей средѣ вслѣдъ за появленіемъ манифеста 1861 г., подчинили себѣ и Ѳ. Н., который въ одномъ изъ своихъ стихотворныхъ посланій къ ген. А. Э. Циммерману писалъ въ маѣ 1861 г. по этому поводу:

Богъ знаетъ, изъ нависшей тучи
Какая вылетитъ бѣда,
Когда пойдутъ на споръ кипучій
Кулакъ, топоръ и борода.

Г. въ такой мѣрѣ раздѣлялъ эти опасенія, что готовъ былъ вѣрить, будто «цѣлый домъ поднять на вилы готовъ разнузданный мужикъ».

При составленіи уставныхъ грамотъ Г. предложилъ своимъ бывшимъ крѣпостнымъ купить у него все имѣніе на весьма льготныхъ условіяхъ, а именно выплачивая ему въ теченіе 30 лѣтъ по 1 рублю годичнаго оброка съ десятины, но сдѣлка эта не состоялась, такъ какъ крестьяне предпочли ограничиться полученіемъ узаконенныхъ надѣловъ. Впослѣдствіи, впрочемъ, у Ѳ. Н. отношенія съ крестьянами снова стали довольно миролюбивыми. Часто случа-

лось крестьянамъ обращаться къ Г. съ просьбой о прощеніи оброчной недоимки, и Ѳ. Н., послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго увѣщеванія, прощалъ недоимку, поступая слѣдующимъ образомъ: сначала онъ заставлялъ крестьянъ молиться у себя въ моленной, и затѣмъ приказывалъ вынуть икону изъ кіота и посмотрѣть, «не послалъ ли имъ Богъ чего за усердную молитву», въ иконѣ крестьяне всегда находили требуемую сумму, которую и вносили старостѣ для уплаты оброка.

По общимъ отзывамъ Ѳ. Н. сохранилъ до самой смерти здравый умъ, общительность и вообще всѣ черты характера, которыя позволяли ему сохранить связи и добрыя отношенія съ современниками. Только за два года до кончины онъ сталъ видимо дряхлѣть; зрѣніе его, между прочимъ, къ этому времени настолько ослабло, что самъ читать онъ уже не могъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо отмѣтить, что, являясь однимъ изъ ветерановъ русской литературы 20—30-хъ годовъ прошлаго столѣтія и будучи заброшенъ долгой жизнью въ 60—70-е годы, Ѳ. Н. не могъ не чувствовать въ это время своего одиночества и отчужденности отъ новыхъ общественныхъ настроеній. Когда въ 1866 г. Общество любителей россійской словесности устроило публичное засѣданіе по поводу пятидесятилѣтія со дня избранія кн. П. А. Вяземскаго и Ѳ. Н. Глинки въ члены Общества, Ѳ. Н., не принявъ лично участія въ этомъ торжествѣ, въ письмѣ на имя предсѣдателя Об-ва, между прочимъ, самъ подчеркивалъ, что онъ «какъ то нечаянно... поставленъ былъ отъ круга литераторовъ и въ отношенія, недружившія литературѣ». Далѣе, поэтъ говорилъ, что «бури жизни не сломили бы и позднѣе упорныя стремленія къ прекрасному, но оно ослабѣвало и улеглось глубоко на дно души, когда едва ли не развѣнчанная поэзія уступила мѣсто, конечно, почтенной, но вмѣстѣ и угрюмой прозѣ»; «теперь причисленный къ заштатнымъ городамъ литературы, — писалъ онъ, — я въ тиши и уединеніи гляжу издали на развитіе кипучей жизни и радуюсь за новыхъ дѣятелей въ литературѣ и обществѣ». Есть указанія, что даже и въ болѣе раннюю эпоху, а именно почти съ 40-хъ годовъ Г. былъ довольно непріязненно настроенъ противъ теченій своего времени. По этому поводу кѣмъ-то были даже сочинены стихи, носившіе характеръ эпиграммы, въ которыхъ супругамъ Г. вмѣнялась ненависть къ западу и проклятіе Гегеля. Въ частности, что касается отрицательнаго отношенія Ѳ. Н. къ нашему западничеству, то оно несомнѣнно проскальзывало у него и въ литературныхъ его произведеніяхъ. Многіе взгляды Г. на русскую жизнь, въ особенности то уваженіе, съ какимъ онъ относился къ старому русскому быту, находя въ немъ много свѣтлыхъ сторонъ, скрытыхъ подъ наплывомъ чуждыхъ намъ понятій и обычаевъ, — очень приближаютъ его къ направленію старыхъ славянофиловъ. Во всякомъ случаѣ онъ безусловно отрицательно относился къ подражанію Западной Европѣ, видя въ немъ пустое и вредное обезьянство, лишь мѣшающее естественному развитію нашей народной жизни. Такъ, въ одномъ изъ неизданныхъ стихотвореній Г., говоря о присущей русской интеллигенціи подражательности, саркастически замѣчаетъ, что мы, напрягая усилія «стать съ Европой наравнѣ», не разъ уже обожгли крылья и «жаръ чужой гребемъ руками, а каштаны отдаемъ».

Умеръ Г. на 94 году жизни 11-го февраля 1880 г. и былъ погребенъ въ Желтиковомъ монастырѣ, близъ Твери. При погребеніи ему, какъ имѣвшему золотое оружіе, отданы были воинскія почести.

Изъ произведеній Г. изданы отдѣльно: 1) «Письма русскаго офицера о Польшѣ, Австрійскихъ владѣніяхъ и Венгріи съ подробнымъ описаніемъ похода россіянъ противу французовъ въ 1805 и 1806 годахъ», 2 ч., М., 1808 г. 12°; 2) «Вельзенъ, или освобожденная Голландія», трагедія въ 5 д. въ стихахъ. Смоленскъ. 1810 г. 12°; 3) «Подвиги графа Михаила Андреевича Милорадовича въ Отечественную войну 1812 года, съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ писемъ отъ разныхъ особъ», М., 1814 г. 12°; 4) «Черты изъ жизни Тадеуша Костюшки, плѣненнаго россійскимъ генераломъ Ферзеномъ»,

С.-Пб. 1815 г., напечатано также въ «Письмахъ русскаго офицера», переведено на польскій языкъ (Вильно, 1821 г.); 5) «Письма русскаго офицера о Польшѣ, Австрійскихъ владѣніяхъ, Пруссіи и Франціи, съ подробнымъ описаніемъ похода россіянъ противу французовъ въ 1805 и 1806 гг., также Отечественной и заграничной войны съ 1812 по 1815 годъ, съ присовокупленіемъ замѣчаній, мыслей и разсужденій во время поѣздки въ нѣкоторыя отечественныя губерніи». 8 ч. М., 1815—1816 г. 12°, первоначально печатались въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1814 г., «Сынѣ Отечества» 1815—1816 г. и «Вѣстникѣ Европы» 1815 г.; 5 частей, касающіяся войнъ 1812—1815 гг., впослѣдствіи вышли 2-мъ изданіемъ подъ заглавіемъ «Письма русскаго офицера о Польшѣ, Австрійскихъ владѣніяхъ, Пруссіи и Франціи, съ подробнымъ описаніемъ Отечественной и Заграничной войны съ 1812—1815 г.», 5 ч. М., 1870 г.; 6) «Письма къ другу, содержащія въ себѣ замѣчанія, мысли и разсужденія о разныхъ предметахъ, съ присовокупленіемъ историческаго повѣствованія: Зиновій Богданъ Хмельницкій, или освобожденная Россія». 3 ч. С.-Пб., 1816—1817 г. (историческая повѣсть была напечатана также въ «Соревнователѣ просвѣщенія» 1819 г., томы V и VI, и отдѣльно, въ 2 ч. С.-Пб., 1819 г.); 7) «Краткое начертаніе Военнаго Журнала». С.-Пб., 1817 г. 4°; 8) «Гимнъ величію и всемогуществу Божію». С.-Пб., 1818 г. (первоначально въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1818 г. № 5, а потомъ вошло въ «Опыты священной поэзіи»); 9) «Лука да Марья», народная повѣсть. С.-Пб., 1818 г., 2 изд. М., 1845 г. 12°; 10) «Подарокъ русскому солдату». С.-Пб., 1818 г. 18°; 11) «Разсужденіе о необходимости дѣятельной жизни, ученыхъ упражненій и чтенія книгъ, также о пользѣ и настоящемъ положеніи учрежденнаго при Гвардейскомъ Штабѣ для военныхъ читателей книгохранилища». С.-Пб., 1818 г. (отрывокъ изъ него «Сила ученія и вѣры» напечатанъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1818 г. № 4); 12) «Краткое обозрѣніе военной жизни и подвиговъ графа Милорадовича». С.-Пб., 1818 г.; 13) «Нѣсколько мыслей о пользѣ политическихъ наукъ, по случаю новаго изданія книги: Опытъ теоріи налоговъ». С.-Пб., 1819 г. 12°; 14) «Добродѣтель и порокъ, нравоучительная аллегорія, подражаніе восточнымъ апологамъ». С.-Пб., 1819 г. (вошло въ «Опыты аллегорій»); 15) «Мечтанія на берегахъ Волги». С.-Пб., 1821 г. (первоначально въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1812 г. № 12); 16) «Письма русскаго офицера о военныхъ произшествіяхъ 1812 г.». «Lettres d'un officier russe sur quelques évenements militaires de l'année 1812, traduites en français par Serge Glinka». М., 1821 г. 12°; 17) «Опыты священной поэзіи». С.-Пб., 1826 г.; 18) «Опыты аллегорій, или иносказательныхъ описаній, въ стихахъ и прозѣ». С.-Пб., 1826 г.; 19) «Карелія, или заточеніе Маріы Іоанновны Романовой, описат. стихотвореніе», 4 ч. С.-Пб., 1830 г.; 20) «О пребываніи Государя Императора въ Орлѣ». С.-Пб., 1834 г. (изъ «Русскаго Инвалида» 1834 г., №№ 284, 285, 287—289); 21) «О древностяхъ въ Тверской Кареліи». С.-Пб., 1836 г. 12° (оттискъ изъ «Журнала Минист. Внутр. Дѣлъ» 1836 г. № 3); 22) «Воспоминаніе о піитической жизни Пушкина» (стихи). М., 1837 г. (оттискъ изъ «Библіотеки для чтенія» 1837 г., ч. XXI); 23) «Очерки Бородинскаго сраженія», стих., 2 ч. М. 1839 г.; 24) «Духовныя стихотворенія». М., 1839 г.; 25) «Москвѣ благотворительной». М. 1841 г.; 26) «Исторія серебрянаго рубля». Тверь, 1853 г. 18°; 27) «Ура! на трехъ ударимъ сразу», стих. С.-Пб., 1854 г. (нѣмецкій переводъ, Рига, 1854 г.); 28) «Première impression à la nouvelle inattendue de la mort de S. M. l'Empereur Nicolas I», стих., S.-Pbg., 1855, 4°; 29) «Russisches Soldatenlied» (на рус. и нѣм. яз.); 30) «Іовъ, свободное подражаніе книгѣ Іова». С.-Пб., 1859 г.; 31) «Таинственная капля. Народное преданіе», 2 ч. Берлинъ, 1861 г. Собраніе сочиненій Г. было издано М. П. Погодинымъ въ Москвѣ въ 3 томахъ въ 1869—1872 гг.; въ первый томъ (1869 г.) вошли духовныя стихотворенія, во второй (1871 г.) — «Таинственная капля» и въ третій (1872 г.) — «Іовъ» и «Карелія».

Какъ видно изъ этого списка, Г. напечаталъ двѣ книги о своемъ бывшемъ начальникѣ графѣ Милорадовичѣ;

но, кромѣ того, онъ посвятилъ ему рядъ своихъ произведеній: «Къ мечу, присланному графинею Анною Алексѣевною Орловою гр. М. А. М.» («Труды» Общества любителей россійской словесности», № 16), «Краткое обозрѣніе жизни и дѣятельности гр. М.» («Пантеонъ славн. россійск. мужей» 1818 г. № 8), «Гр. М. А. М. въ день имянинъ его, 8 ноября 1818 г., при подаркѣ чашки» («Славянинъ» 1829 г. № 24—25), «Мои воспоминанія о гр. М. А. М.» («Москвитянинъ» 1844 г. № 1, 1851 г. № 4), «Обѣдъ у Милорадовича» («Москов. Городской Листокъ» 1847 г. № 9). Г. описалъ въ «Пантеонѣ славн. россійск. мужей» (1818 г. № 9) еще «Подвиги ген.-лейт. Котляревскаго въ походѣ 1812 г.»

Кромѣ вышеуказанныхъ произведеній Г. напечаталъ статьи: въ «Русскомъ Вѣстникѣ»: въ 1810 г.— «О состояніи бѣдныхъ и способахъ благотворить» (№ 3), «О природной способности русскихъ къ изящнымъ искусствамъ (№ 3), «Терентій Ивановичъ Волосковъ, ржевскій механикъ, богословъ и химикъ» (№ 4); въ 1815 г.— «О необходимости имѣть исторію Отечественной войны» (№ 4, перепечатано въ «Сынѣ Отечества» 1816 г., ч. 27), «О смерти Н. М. Сороженко» (№ 6), «Письмо къ другу изъ г. Павловска» (№ 13); въ «Сынѣ Отечества»: «Письмо къ ген. NN о переводѣ воинскихъ выраженій на русскій языкъ» (1816 г., ч. 28), «Мысли» (1817 г., ч. 38 и 39); въ «Отечественныхъ Запискахъ» ред. Свиньина: «Подвиги русскихъ за Кубанью въ 1789 г.» (ч. 5) и «Нѣсколько словъ объ однодворцѣ, писателѣ Петрѣ Михайловичѣ Захарьинѣ» (ч. 13). Остальныя свои произведенія, въ стихахъ и прозѣ, Г. печаталъ въ «Трудахъ» Общества любителей россійской словесности при Московскомъ университетѣ (9 стихотвореній и басенъ), въ альманахахъ: «Полярная Звѣзда» Рылѣева, «Сѣверные Цвѣты» Дельвига, «Новыя Аониды» 1823 г., «Литературный музей на 1827 г.», «Альбомъ сѣверныхъ музъ» на 1828 г. А. А. Ивановскаго (7 стихотвореній), «Денница» Максимовича, «Комета Біелы» 1833 г. В. Н. Семенова, въ журналахъ: «Аглая», «Сѣверный Архивъ», «Дамскій Журналъ», «Соревнователь просвѣщенія и благотворенія», «Благонамѣренный», «Славянинъ», «Новости литературы», «Московскій Вѣстникъ», «Маякъ», «Библіотека для чтенія», «Москвитянинъ», «Современникъ», «Литературныя прибавленія» къ «Рус. Инвалиду», «Литературныя приложенія» къ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1849 и 1850 г., «Русскій Архивъ» (1866 г.— «Удаленіе Пушкина изъ Петербурга», отрывокъ изъ письма Г. къ издателю; 1875 г., III, 422—423 — стих. «О бывшемъ Семеновскомъ полку»), «Русская Старина» (1871 г., т. III, замѣтки о К. Ѳ. Рылѣевѣ), въ газетахъ «Московскія Вѣдомости», «Московскій Городской Листокъ», «Московскія Губернскія Вѣдомости», «Сѣверная Пчела», «Одесскій Вѣстникъ». Списокъ стихотвореній Г., напечатанныхъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и «Сынѣ Отечества», находится въ 3-мъ и 4-мъ прибавленіяхъ къ т. I «Біографіи А. Й. Кошелева» Н. Колюпанова, а напечатанныхъ въ «Трудахъ» Общества любителей россійской словесности — въ «Словарѣ» членовъ этого общества. Послѣ смерти Г. напечатаны стихотворенія: посланіе къ генералу А. Э. Циммерману «Ожидаемый вечеръ» («Истор. Вѣстн.» 1880 г. № 7, 481), переложеніе (сдѣлано 16 ноября 1859 г.) элегіи И. М. Муравьева-Апостола, сочиненной имъ на греческомъ языкѣ по случаю событія 14 декабря 1825 г. («Рус. Арх.» 1886 г., I, 228), стихотвореніе по поводу посѣщенія Тверского музея 1877 г. (А. К. Жизневскій, «Ѳ. Н. Глинка», 28), «Наканунѣ св. Причастія» («Рус. Арх». 1892 г., I, 539—540), «Стихи шестилѣтней дѣвочкѣ Валентинѣ Жизневской при посылкѣ ей кабинетнаго портрета 23 августа 1877 г.» («Рус. Стар. 1900 г., мартъ, 688) и «Заздравный кубокъ А. П. Ермолову 23 января 1847 г.» («Рус. Арх.» 1906 г., II, 620—621), воспоминанія его о Н. М. Карамзинѣ (К. Я. Гротъ, «Н. М. Карамзинъ и Ѳ. Н. Глинка. Матеріалы къ біографіямъ русскихъ писателей». С.-Пб., 1903 г.) и отрывки изъ записной книги («Рус. Арх». 1907 г., III, 137—138, Т. О. Соколовская, «Изъ записныхъ книжекъ масоновъ гр. М. Ю. Віельгорскаго и Ѳ. Н. Глинки). Кромѣ упомянутаго выше письма Г. къ Н. И. Гнѣдичу, опубликованы нѣкоторыя его письма къ Пушкину («Бумаги

А. С. Пушкина», т. I. М., 1881 г., «Сочиненія А. С. Пушкина, переписка», т. II, изд. Акад. Наукъ), А А. Ивановскому («Рус. Стар.» 1889 г., т. 63), К. И. Рабусу (ib. 1897 г., т. 92), А. В. Никитенку (ib. 1898 г. т. 94), К. С. Сербиновичу (ib. 1900 г., т. 110). Въ изданіи «Пушкинъ и его современники» (вып. XI, стр. 92 — «Альбомъ А. Е. Шиповой») есть указаніе на неизданное стихотвореніе Г. «Милостивой Государынѣ А. Е. Шиповой на желаніе ея имѣть мой отографъ».

Г. перевелъ съ французскаго: «Бытіе Бога и безсмертіе души изъ Руссова Эмиля» (С.-Пб., 1801 г. 12°) и «Плутархъ для молодыхъ дѣвицъ, или краткія жизнеописанія славныхъ женъ, съ пояснительными уроками о ихъ дѣяніяхъ и твореніяхъ» (М., 1816 г. 12°).

Г. унаслѣдовалъ богатый и чрезвычайно разнообразный масонскій архивъ своего тестя П. И. Голенищева-Кутузова, охватывающій безъ малаго полвѣка русскаго масонства и заключающій любопытный подборъ масонской печатной литературы XVIII и первой четверти XIX вѣковъ, рукописи и патенты. Послѣ смерти Г. этотъ архивъ перешелъ во владѣніе Тверской ученой архивной комиссіи и разработанъ Т. О. Соколовской для печати.

А. К. Жизневскій, «Ѳ. Н. Глинка» (читано въ засѣданіи Тверской ученой архивной коммиссіи 8 ноября 1889 г.), Тверь, 1890 г., съ портретомъ Г.; «Истор. Вѣстникъ» 1880 г. № 7 (ст. А. П. Милюкова); «Бесѣды Общества любителей россійской словесности», 1867 г., выпускъ I (Н. В. Путята, «Нѣсколько словъ о литературной дѣятельности Ѳ. Н. Г.» и А. А. Котляревскій, «Замѣтка о трудахъ Ѳ. Н. Г. по наукѣ русской древности»); «Родные поэты. Глинка Ѳед. Ник. и Клюшниковъ Ив. Петр.», М., 1901 г., (Изд. Общ. распр. полезн. книгъ); «Новости», 1880 г., № 42; «Росс. Библіографія», 1880 г., № 60 (8), стр. 236; Я. Н. Толстой, «Мое праздное время», СПб., 1821, стр. 39—42; «Исторія Москов. практич. акад. ком. наукъ», М. 1860, стр. 138, 142, 152, 203, 217, 218; «Московскія Вѣдомости», 1830 г., № 33, стр. 1517; «С.-Петербург. Вѣдомости», 1831 г., № 28, стр. 117, № 216, стр. 906—907, № 218, стр. 913—914, № 226, стр. 948; «Русскій Филологич. Вѣстн.», 1908 г., № 3, стр. 178—179; «Новости Литературы», 1892 г., іюль, кн. XIII, стр. 55; «Сочиненія» Греча, т. V, Спб., 1838 г., стр. 182—183; «Русская Старина», 1902 г., № 4; «Московскій Телеграфъ», 1825 г., ч. VIII, № 6, отд. 2, стр. 41; «Московскія Вѣдомости», 1866 г., № 45 (ст. П. Щ. «Публичное засѣданіе Общ. любит. слов.), № 181, стр. 3; «Московскій Телегр.», 1826, ч. VII, № 1, стр. 4—5, 8, № 2, стр. 55—56, 157, 161, ч. VIII, отд. 2, № 7, стр. 41, 129—130, ч. IX, № 10, отд. 2, стр. 69—70, ч. X, отд. 2, стр. 3, ч. XII; 1827 г., ч. XIII, ч. XIV; «Моск. Вѣстникъ», 1830 г., № 14—16, стр. 92—93; «Сборн. старин. бумагъ» Щукина, ч. VIII, М., 1901 г., стр. 247—248; «Историческій Вѣстникъ», 1896 г., № 3, стр. 916; «Благонамѣренный», 1821 г.. № 17—18; «Москвитянинъ» 1849 г., № 13, отд. VI, стр. 14; «Записки Смирновой», т. I, стр. 211, 212; «Русскій Инвалидъ», 1825 г., № 162; «Русск. Арх.», 1869 г., 054, 055, 1875 г., III, 427—429 («Записка о тайныхъ обществахъ»), 1876 г., II, 280—290 (Донесеніе слѣдственной комиссіи), 1882 г., № 3, стр. 76—126, 127—202, 1904 г., кн. X, стр. 11, 387; 1908 г., № 5, стр. 112; Бѣлинскій, «Сочиненія», 1902 г., т. I, стр. 230—262; «Библ. для чтенія», 1836 г., т. XVII, отд. VI; «Отеч. Записки», 1839 г., т. II, отд. VII, стр. 44, 1841 г., т. XVII, отд. VI, стр. 3; «Русск. Стар.», 1873 г., т. VII, стр. 22, 786, 1878 г., т. XXI, 211—234, 1880 г., т. XXVIII, стр. 538, 591, 1881 г., т. XXX, стр. 183, 1887 г., т. LV, стр. 604, 605, 612—615, т. LVI, стр. 87, 1888 г., т. LVII, стр. 715, т. LVIII, стр. 36, 142, 360, 361, т. LIX, стр. 225, 421, 423, 428, 437, т. LX, стр. 150, 152, 155, 320, 419, 557, 1889 г., т. LXI, стр. 295, 296, 302, 509, т. LXII, стр. 239, т. LXIII, стр. 28, 118—126, т. LXIV, стр. 823, 1890 г., т. LXV, стр. 855, т. LXVI, стр. 770, т. LXVII, стр. 285, 652, т. LXVIII, стр. 569, 1891 г., т. LXIX, стр. 247—249 (Записки Н. В. Берга), т. LXX, стр. 218 (Замѣтка Е. Бакуниной о Ѳ. Н. и А. П. Г.), т. LXXI, стр. 294, 543, 1893 г., т. LXXVIII, стр. 395, 557 558, т. LXXX, стр. 644, 1894 г., т. LXXXI стр. 218—220, 1897 г., т. XC, стр. 458—460 т. XCI, стр. 106, т. XCII, стр. 309, 310, 315, 1898 г., т. XCIV, май, стр. 336—338, т. XCVI, стр. 54, 344, 1899 г., т. XCIX, стр. 601, 602, т. C., стр. 203—210, 1900 г., т. CI, стр. 688, т. CII, стр. 169—173, 1902 г., т. CX, стр. 111—114, (В. А. Жуковскій и Ѳ. Н. Г.), т. CXI, стр. 105, 106, 348, 1903 г., т. CXIII, стр. 325, 1904 г., т. CXVII, стр. 490, 494, 508, 512—514, т. CXVIII, стр. 21, 511, т. CXIX, стр. 620, 1905 г., т. CXXIII, стр. 319, 1907 г., т. CXXX, стр. 304, т. CXXXII, стр. 620; 1908 г., т. CXXXIII, стр. 232—236, 452—457, 688, 689, т. CXXXIV, стр. 657, т. CXXXVI, стр. 445, 1910 г., т. CXLI, стр. 524; «Историческій Вѣстникъ» 1888 г., т. XXXI, стр. 108, 109, 1893 г., т. LI, стр. 704, 1894 г., т. LVII, стр. 407, 1899 г., т. LXXVII, стр. 311, 1901 г., т. LXXXVI, стр. 982, 1903 г., т. XCIV, стр. 994, 1904 г., т. XCV, стр. 871; «Словарь членовъ Общества любителей россійской словесности при Моск. университетѣ»; А. В. Мезьеръ, «Русская словесность»; Брокгаузъ-Ефронъ, «Новый Энциклопедическій Словарь», XIII (ст. Н. Л.); «Минувшіе годы», 1908 г., № 10, стр. 93—95; «Пушкинъ», изд. Брокгаузъ-Ефронъ, т. II, 149, 281, 499, 606—608, т. III, 557; «Пушкинъ и его современники», вып. VII, 19—50 (П. Е. Щеголевъ, «Зеленая лампа»), 73—76 (Н. Лернеръ, «Изъ отношеній Пушкина и Ѳ. Н. Глинки»), вып. XVII—XVIII, 265—266 («Изъ письма И. М. де-Роберти къ Ѳ. Н. Г.»; Записки бар. Розена, кн. С. П. Трубецкого,

И. Д. Якушкина; Б. Базилевскій, «Государственныя преступленія въ Россіи», т. I, 68; М. В. Довнаръ-Запольскій, «Тайное общество декабристовъ», 11, 12, 15, 58, 67—69; Брокгаузъ-Ефронъ, «Энциклопед. Словарь», XII («Военный Журналъ»); Н. Колюпановъ, «Біографія А. И. Кошелева», т. I, кн. II, 373—410 (содержаніе «Русскаго Вѣстника»), 411—433 (перечень статей, помѣщенныхъ въ «Сынѣ Отечества»); свѣдѣнія, сообщенныя Т. О. Соколовской, о масонской дѣятельности Г. и объ его архивѣ; Н. Гастфрейндъ, «Товарищи Пушкина», т. III, 109, 110 (показанія въ комитетѣ о декабристахъ Пущина о Глинкѣ и Глинки о поступленіи въ Союзъ благоденствія); «Указатель къ повременнымъ изданіямъ Мин. Нар. Просв.», ч. II, С.-Пб., 1865 г.; М. Полуденскій, «Указатель къ «Вѣстнику Европы» 1802—1830»; «Минувшіе годы» 1898 г., № 3, стр. 138—148 (В. И. Семевскій, «Декабристы-масоны»), № 10, стр. 93—95 (Всеподданнѣйшее прошеніе Г.); В. И. Семевскій, «Политическія и общественныя идеи декабристовъ»; «Воспоминанія Е. Ѳ. Юнге, урожд. граф. Толстой», 50—55 (характеристика Ѳ. Н. и А. П. Г.); «Русскій Библіофилъ», 1914 г., № 56, стр. 7—53 (А. Фоминъ, «Къ исторіи вопроса о развитіи въ Россіи общественныхъ идей въ началѣ XIX вѣка»); «Импер. Московское Археологическое Общество въ первое 50-лѣтіе его существованія», т. II, Біографическій Словарь членовъ Общества. М. 1915 г.; А. И. Шубертъ, «Моя Жизнь», стр. CIII, CLI. Остальную литературу см. Венгеровъ, «Источники словаря русскихъ писателей», т. I.

А. Ельницкій.

Глиноецкій, *Николай Павловичъ*, генералъ-лейтенантъ, военный писатель, историкъ, родился 25 мая 1830 г. Окончивъ курсъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, 13 іюня 1848 г. произведенъ изъ фельдфебелей въ прапорщики въ л.-гв. Волынскій полкъ. Въ 1850 г. Г. поступилъ въ Императорскую Военную академію и въ декабрѣ того же года произведенъ въ подпоручики. Въ 1852 г., по окончаніи курса академіи съ малой серебряной медалью (имя его записано на мраморную доску), произведенъ въ поручики. Послѣ года, проведеннаго въ прикомандированіи къ образцовымъ войскамъ, Г. во время Крымской войны въ ноябрѣ 1853 г. переведенъ штабсъ-капитаномъ въ генеральный штабъ и командированъ въ штабъ командовавшаго войсками 4-го и 5-го пѣхотныхъ корпусовъ, дѣйствовавшихъ на Дунаѣ. За боевое отличіе подъ Силистріей 22 мая 1854 г. Г. получилъ орденъ св. Анны 3-й ст. съ мечами. Въ февралѣ 1855 г. онъ былъ назначенъ помощникомъ старшаго адъютанта штаба южной арміи и въ апрѣлѣ 1856 г. произведенъ въ капитаны. Исполнялъ затѣмъ должность старшаго адъютанта того же штаба, и въ іюлѣ 1856 г. назначенъ дивизіоннымъ квартирмейстеромъ 15-й пѣхотной дивизіи, а въ октябрѣ того же года — адъюнктъ-профессоромъ тактики въ Николаевской академіи генеральнаго штаба, но уже въ ноябрѣ былъ перемѣщенъ на должность адъюнктъ-профессора военной исторіи; 28 ноября 1857 г. назначенъ и. д. адъюнктъ-профессора военной статистики (утвержденъ 8 мая 1859 г.) и состоялъ въ этой должности до 30 декабря 1864 г. Въ августѣ 1859 г. Г. былъ произведенъ въ подполковники, а въ маѣ 1860 г. командированъ академіей для собранія военно-статистическихъ свѣдѣній. Во время пребыванія съ этою цѣлью на Кубани, онъ принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ Средне-Шапсугскаго отряда противъ горцевъ и за отличіе награжденъ орденомъ св. Станислава 2-й ст. съ короной и мечами. Въ ноябрѣ 1863 г. Г. былъ назначенъ правителемъ дѣлъ Николаевской академіи генеральнаго штаба, въ августѣ 1864 г. произведенъ въ полковники, а въ апрѣлѣ 1872 г. въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ членомъ Военно-учебнаго комитета Главнаго Штаба. Въ 1873 г. онъ былъ назначенъ командиромъ 2-й бригады 29-й пѣхотной дивизіи, а потомъ 2-й бригады 37-й пѣхотной дивизіи. Въ февралѣ 1877 г. Г. назначенъ начальникомъ штаба 1-го армейскаго корпуса и, состоя въ этой должности, былъ въ то же время членомъ главнаго комитета по устройству и образованію войскъ, а въ маѣ 1883 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты и назначенъ командующимъ 23-й пѣхотной дивизіей съ оставленіемъ въ генеральномъ штабѣ. Съ первой половины 1886 г. былъ временнымъ членомъ главнаго военнаго суда. Въ 1888 г. Г. назначенъ начальникомъ 13-й пѣхотной дивизіи. 19 августа 1892 г. онъ внезапно скончался на маневрахъ близъ Бахчисарая отъ солнечнаго удара. Погребенъ въ Бахчисарайскомъ Успенскомъ монастырѣ на военномъ кладбищѣ.

Глиноецкій пріобрѣлъ извѣстность своими военно-литературными трудами. Главный трудъ его — «Исторія русскаго генеральнаго штаба», т. I (1698—1825 гг.),

С.-Пб., 1883 г., т. II (1825—1855 гг.), С.-Пб., 1894 г. По случаю 50-лѣтія Академіи генеральнаго штаба имъ составленъ «Историческій очеркъ Николаевской академіи генеральнаго штаба» (С.-Пб., 1882 г.) и «Списокъ служившихъ въ Академіи генеральнаго штаба и выпущенныхъ изъ нея офицеровъ въ теченіе 50 лѣтъ» (С.-Пб., 1882 г.). Онъ былъ постояннымъ сотрудникомъ «Военнаго Сборника» и «Русскаго Инвалида» (въ 1862 г. былъ его редакторомъ), принимая участіе въ составленіи иностраннаго военнаго обозрѣнія (въ «Военномъ Сборникѣ» 1859 и 1868—1873 гг.), и кромѣ того, написалъ рядъ статей по различнымъ вопросамъ военнаго дѣла: 1) «Письмо изъ Очакова», о нападеніи непріятеля на Кинбурнъ («Русскій Инвалидъ», 1855 г., № 261); 2) «Военная статистика и солдатскій бытъ» («Воен. Сборникъ», 1858 г., № 2); 3) «Очеркъ военныхъ дѣйствій на берегахъ Днѣпровско-Бугскаго лимана осенью и зимою 1855 г.» (тамъ же, № 7); 4) «Обзоръ Сѣверной Италіи въ военно-топографическомъ отношеніи» (тамъ же, 1859 г., № 5, и отдѣльный оттискъ); 5) «Некрологъ И. О. Сухозанета («Русскій Инвалидъ», 1861 г., № 40 и «Воен. Сборникъ», 1861 г., № 3); 6) «Военное обозрѣніе границъ Россіи» («Воен. Сборникъ», 1861 г., №№ 4 и 5); 7) «Краткая біографія генерала-отъ-артиллеріи А. П. Ермолова» (тамъ же, № 5); 8) Некрологъ маршала Боске—Историческая замѣтка о французскихъ маршалахъ (тамъ же, т. XVIII); 9) «Поѣздка въ Дагестанъ», изъ путевыхъ записокъ, веденныхъ на Кавказѣ въ 1860 г. (тамъ же, 1862 г., №№ 1—3); 10) «Краткое военное обозрѣніе сѣверо-западныхъ областей Турціи» (тамъ же, 1862 г., № 10); 11) «Обзоръ современной военной литературы» («Русскій Инвалидъ», 1863 г., №№ 3, 4, 17, 19, 20, 67, 69, 129, 151, 285); 12) «Маршалъ Пелисье», некрологъ («Воен. Сборникъ», 1864 г., т. XXXVII); 13) «Обзоръ новѣйшихъ топографическихъ картъ и картографическихъ работъ въ Западной Европѣ» (тамъ же, 1865 г., № 5); 14) «Австрія, ея силы и враги» (тамъ же, 1866 г., № 6); 15) «Попеченіе о раненыхъ и больныхъ воинахъ» («Русскій Инвалидъ», 1868 г., №№ 17—51); 16) «Военно-ученыя общества и ихъ значеніе» (тамъ же, 1869 г., № 3); 17) «Нѣкоторыя свѣдѣнія объ обученіи русскихъ войскъ во второй половинѣ прошлаго вѣка» (тамъ же, 1871 г., № 11); 18) «Русскій генеральный штабъ» (тамъ же, 1872 г., №№ 1 и 2, 1874 г., №№ 10—12, 1877 г., №№ 5 и 6); 19) «Замѣтки о полевыхъ поѣздкахъ офицеровъ генеральнаго штаба» (тамъ же, 1872 г., № 10); 20) «Историческій очеркъ развитія офицерскихъ чиновъ и системы чинопроизводства въ русской арміи» (тамъ же, 1887 г., № 4); 21) «Служба генеральнаго штаба въ кавказскихъ войскахъ съ 1832 г. по 1853 г.» (тамъ же, 1888 г., №№ 7—9).

«Русскій Инвалидъ» 1892 г., № 186; «Новое Время» 1892 г., № 5920; «Новости» отъ 22 авг. 1892 г.; «Некрополь Крымскаго полуострова», М. 1910; Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ», вып. XII; Н. П. Глиноецкій, «Историческій очеркъ Николаевской академіи генеральнаго штаба».

Е. К. Александровичъ.

Глинская, княгиня *Анна*, жена князя Василія Львовича Глинскаго, прозваннаго Темнымъ или Слѣпымъ, бабка царя Іоанна Грознаго. Неизвѣстны ни ея жизнь до замужества, ни дѣвичья фамилія, ни годъ рожденія. Мужъ ея князь Василій Львовичъ былъ подстоліемъ Литовскимъ, старостой и ключникомъ Брестскимъ и владѣлъ большими помѣстьями, которыя были у него отняты, послѣ того какъ онъ соединился съ братомъ своимъ Михаиломъ, враждовавшимъ съ королемъ Сигизмундомъ, и бѣжалъ въ Москву на службу къ великому князю въ 1508 г. вмѣстѣ со своими братьями Иваномъ и Михаиломъ. У нея были 3 дочери: Елена Васильевна, жена великаго князя Василія III и мать Іоанна Грознаго, выданная вдовствовавшей уже въ то время матерью замужъ 28 января 1526 г., Анастасія и Марія, жена князя Ивана Даниловича Хомяка Пѣнкова; сыновья — Михаилъ, Юрій и Иванъ Васильевичи пользовались большимъ вліяніемъ въ качествѣ родственниковъ царя. Объ Аннѣ Глинской упоминается лишь въ связи съ знаменитымъ Московскимъ пожаромъ 1547 г. Первый пожаръ Москвы вспыхнулъ 12 апрѣля, за нимъ слѣдующій

20-го, третій вспыхнулъ вслѣдъ за вторымъ 21-го числа того же мѣсяца. То былъ страшный пожаръ, какого не бывало дотолѣ въ Москвѣ. Половина Москвы выгорѣла совершенно; народъ очень волновался, подозрѣвая поджогъ. Этимъ воспользовались бояре, противники Глинскихъ: они подстрекали народъ, указывая на Глинскихъ, какъ на виновниковъ пожара. Главными подстрекателями черни противъ Глинскихъ, въ томъ числѣ и противъ Анны, лѣтописецъ называетъ Благовѣщенскаго протопопа Ѳедора Бармина, князя Ѳедора Скопина-Шуйскаго, князя Юрія Темкина, Ивана Петровича Челяднина, Григорія Юрьевича Захарьина и Ѳедора Нагого. На другой день послѣ пожара Іоаннъ Грозный поѣхалъ съ боярами въ Новоспасскій монастырь навѣстить митрополита. Здѣсь царскій духовникъ Благовѣщенскій протопопъ Ѳедоръ Барминъ, князь Ѳедоръ Скопинъ-Шуйскій, Иванъ Челяднинъ начали говорить, что Москва сгорѣла волшебствомъ: чародѣи вынимали сердца человѣческія, мочили ихъ въ водѣ, водою этою кропили по улицамъ — оттого де Москва и выгорѣла. Тогда царь велѣлъ начать розыски. Они были произведены слѣдующимъ образомъ: 26-го числа, въ воскресенье, бояре пріѣхали въ Кремль, собрали чернь и стали спрашивать: «кто зажигалъ Москву?» Подученная толпа закричала: «княгиня Анна съ дѣтьми волхвовала, вынимала сердца человѣческія, да клала ихъ въ воду, да тою водою, ѣздя по городу, кропила — оттого Москва и выгорѣла». Черные люди говорили это потому, что Глинскіе, какъ близкіе государю люди, безнаказанно позволяли какъ самимъ себѣ, такъ и своей челяди производить насилія и грабежъ и покрывали виновныхъ. Во время возмущенія былъ убитъ сынъ Анны, Юрій Васильевичъ, родной дядя царя, пытавшійся укрыться въ Успенскомъ соборѣ. Сама же Анна Глинская съ другимъ сыномъ, Михаиломъ Васильевичемъ, была въ то время во Ржевѣ, полученномъ ея сыномъ отъ царя въ кормленіе. Возставшая чернь не удовлетворилась убійствомъ Юрія: на третій день послѣ его смерти, т.-е. 29 апрѣля народъ явился въ село Воробьево, къ царскому дворцу, требуя выдачи Анны, бабки царя, и ея сына Михаила, которые въ то время, какъ думалъ народъ, были спрятаны въ покояхъ царя. Іоаннъ въ отвѣтъ велѣлъ схватить зачинщиковъ и казнить, тогда на остальныхъ напалъ страхъ, и они разбѣжались по домамъ. Дальнѣйшая судьба Анны Глинской неизвѣстна. Иные предполагаютъ, что она была убита въ Москвѣ во время пожара; зная, однако, что она въ то время проживала въ Ржевѣ, а также и то, что вслѣдъ за требованіемъ черни выдать ее, царь казнилъ бунтовщиковъ и усмирилъ мятежъ, можно предположить, что она избѣгла ужасной участи, угрожавшей ей, тѣмъ болѣе, что этой участи избѣгъ и второй ея сынъ кн. Михайло Васильевичъ.

«Полное собраніе русскихъ лѣтописей», т. IV, стр. 296, т. VI, стр. 30; Соловьевъ, «Исторія Россіи» (изд. «Обществ. Пользы»), т. II, стр. 41, 42; Карамзинъ, «Исторія государства Россійскаго», т. VII, пр. 27, 40, т. VIII, пр. 12; Мордовцевъ Д., «Русскія историческія женщины до-Петровской эпохи»; «Русскій Архивъ» 1902 г., т. 2, стр. 503—504; Boniecki, «Poczet rodów», 1887 г., стр. 64; Лобановъ-Ростовскій, «Русская родословная книга», I, 137, 139.

А. Ельницкій.

Глинскіе, князья, назывались такъ отъ города Глинска, лежавшаго въ Сѣверскомъ княжествѣ (въ нынѣшней Полтавской губерніи). Родъ князей Глинскихъ производятъ отъ Мамая. По одной родословной сынъ послѣдняго Мансуръ-Кіятъ послѣ Куликовской битвы поселился въ Приднѣпровьѣ и основалъ тамъ Глинскъ, Полтаву и Глинницу, по другой же Мамаевъ сынъ Мансурксанъ кочевалъ между устьями Дона и Днѣпра, а его сынъ Лехсада (Лекса, Алекса) присягнулъ великому князю Литовскому Витовту. Кіевскій митрополитъ крестилъ его въ греческую вѣру съ именемъ Александра; Витовтъ далъ ему въ удѣлъ Глинскъ и Полтаву. Существованіе этого князя не доказано достовѣрными данными; первыми же историческими князьями были Иванъ и Борисъ, упоминаемые въ актахъ подъ 1437 г. Въ Москву переселился въ 1508 г. бѣжавшій изъ Литвы князь Михаилъ Львовичъ со своими братьями. На дочери одного изъ нихъ, Еленѣ Васильевнѣ, женился вторымъ бракомъ великій князь Василій Ивановичъ. Родъ ихъ угасъ въ началѣ XVII вѣка. Другая

вѣтвь князей Глинскихъ продолжала существовать въ Польшѣ, и отъ нея производитъ себя дворянскій родъ Глинскихъ, утратившихъ княжескій титулъ.

«Акты Западной Россіи», т. I; Лобановъ-Ростовскій, «Русская родословная книга», т. I; «Энциклопед. лексиконъ», изд. Плюшара, т. XIV; I. Wolff, «Kniaziowie litewsko-ruscy», 77; A. Boniecki, «Herbarz polski», t. VI, 82.

В. Корсакова.

Глинскій, *Григорій Николаевичъ*, профессоръ Казанскаго университета по каѳедрѣ химіи, происходилъ изъ духовнаго званія и родился 20 января 1842 г. Окончивъ Казанскій университетъ по естественному разряду съ правомъ на степень кандидата (утвержденъ 26 мая 1867 г.), назначенъ 3 февраля 1867 г. хранителемъ музея химической лабораторіи, а 10 ноября 1869 г.— лаборантомъ фармацевтической лабораторіи. 25 ноября 1872 г. получилъ степень магистра и 9 декабря того же года избранъ доцентомъ химіи съ порученіемъ преподавать общую и аналитическую химію студентамъ медицинскаго факультета. По выслугѣ трехлѣтія онъ былъ уволенъ 14 іюня 1876 г. отъ должности доцента, но въ 1876—1877-мъ учебномъ году поручено ему было читать лекціи по вакантной каѳедрѣ неорганической химіи. 7 апрѣля 1877 г. получилъ степень доктора и 29 апрѣля избранъ экстраординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ органической химіи (его конкуррентомъ при соисканіи каѳедры выступилъ Любавинъ). Умеръ 24 апрѣля 1884 г. Погребенъ въ Казанскомъ Зилантовѣ монастырѣ.

Глинскому принадлежатъ слѣдующіе труды: 1) «О нѣкоторыхъ превращеніяхъ винильныхъ соединеній и объ однохлоренномъ уксусномъ альдегидѣ» («Ученыя Записки Казанскаго университета» 1868 г., IV, и отдѣльно); 2)«О моно-хлоро-молочной кислотѣ, дихлоргидринѣ и ціан-хлор-гидринѣ эфилъглицерина» (Собщеніе на II съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей, 1869 г.); 3)«О ціан-хлор-гидринѣ эфил-глицерина и монохлоромолочной кислотѣ» («Русскій Химическій Журналъ», 1870 г.; 4)«О радикалахъ въ органической химіи» (тамъ же, 1872 г., II, и отдѣльно); 5) «О распаденіи ціанпродукта, получаемаго дѣйствіемъ ціанистаго калія на гидратъ и пр.», 6) «О содо-молочной кислотѣ» и 7) «О продуктахъ измѣренія хлористаго этила» («Труды IV съѣзда русскихъ естествоиспытателей», 1873 г.); 8)«О гидринѣ хлороуксуснаго альдегида» (1873 г.); 9) «Наблюденія надъ количественнымъ содержаніемъ органическихъ нелетучихъ веществъ, растворенныхъ въ водѣ озера Кабана» (Протоколы Казанскаго Общества Естествоиспытателей, 1874 г.); 10)«Новыя изслѣдованія о продуктахъ охлоренія хлористаго этила и хлористаго этилена и новыя доказательства существованія органическихъ радикаловъ, у которыхъ парное свободное сродство принадлежитъ одному изъ углеродныхъ атомовъ». Докторская диссертація («Ученыя Записки Казанскаго университета» 1876 г. и отдѣльно); 11) «Чертежи новыхъ снарядовъ для фракціонированныхъ перегонокъ» (тамъ же, 1876 г.); 12) «По поводу критики проф. Зайцева на сочиненіе: «Новыя изслѣдованія о продуктахъ охлоренія и т. д.». Казань, 1877 г.

«Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Импер. Казанскаго университета», ч. I, Казань 1904 г., стр. 299—301; Н. Агафоновъ, «Казань и казанцы», вып. 1, стр. 66.

Глинскій, князь *Василій Львовичъ Темный* или *Слѣпой*, дѣдъ Іоанна Грознаго по матери, упоминается въ актахъ Литовской метрики съ 1482 г. по поводу полученія имъ и братьями его данинъ съ корчемъ и мытовъ. Въ 1488 г. получилъ 7 локтей сукна съ луцкаго мыта. Около этого же времени ѣздилъ въ Орду посломъ отъ великаго князя Александра. Въ 1499 г., будучи господарскимъ дворяниномъ, получилъ привилей на людей клевицкихъ. Въ маѣ 1501 г. былъ намѣстникомъ Василишскимъ, а въ сентябрѣ 1502 г. упоминается въ званіи подстолія Литовскаго. Въ 1503 г. получилъ подтвержденіе на Заболотье въ Василишскомъ повѣтѣ, доставшееся ему отъ василишскаго боярина Романа Путятича, а въ 1504 г. пожаловано ему Лососино въ Слонимскомъ повѣтѣ послѣ кн. Михаила Тверского. Въ началѣ 1505 г. назначенъ намѣстникомъ Слонимскимъ, въ апрѣлѣ 1506 г. — старостой Брестскимъ; въ январѣ 1507 г. король Сигизмундъ под-

твердилъ за нимъ уряды старосты Брестскаго и ключника Брестскаго. Занимая эти уряды продолжалъ носить званіе подстолія. Въ 1507—1508 гг. участвовалъ въ возстаніи своего брата Михаила и былъ посланъ послѣднимъ добывать Овручъ и Житомиръ, что однако ему не удалось (1508 г.). Осенью 1508 г. вмѣстѣ съ братьями перешелъ на службу къ великому князю Московскому и получилъ съ братомъ Иваномъ отъ него Медынь. Литовскія его имѣнія были конфискованы и въ 1508 г. отданы Нарбутовичу (Заболотье) и князю Чарторыйскому (Лососино). Въ 1509 г. Менгли-Гирей, ханъ Крымскій, по его просьбѣ послалъ къ нему врача для лѣченія «очной» болѣзни. Годъ смерти Г. неизвѣстенъ, но въ 1522 г. жена его была уже вдовой. У него были 3 сына: Юрій, Иванъ и Михаилъ и 3 дочери: Елена, жена великаго князя Василія Іоанновича, мать Іоанна Грознаго, Анастасія и Марія, бывшая замужемъ за княземъ Иваномъ Даниловичемъ Хомякомъ Пѣнковымъ.

Wolff, «Kniaziowie litewsko-ruscy», 80, 83, 85, 86; Boniecki, «Herbarz polski», VI, 84; Лобановъ-Ростовскій, «Русская родословная книга», I; «Сборникъ Имп. Рус. Истор. Общ.», т. 95.

Н. Чулковъ.

Глинскій, князь *Василій-Прокопій Михайловичъ*, сынъ князя Михаила Львовича (см. ниже), двоюродный дядя Іоанна Грознаго. Впервые упоминается въ 1542 г.: онъ присутствовалъ 6 марта при пріемѣ царемъ Іоанномъ посольства короля польскаго Сигизмунда, но помѣщенъ въ числѣ лицъ, которыя «въ думѣ не живутъ». Въ 1560 г. вмѣстѣ съ княземъ Петр. Сем. Серебрянымъ ходилъ вслѣдъ за литовскимъ гетманомъ Радзивиломъ и побилъ его отрядъ близъ Пернова; кн. Г. былъ въ этомъ походѣ воеводой передового полка. Въ 1561 г. съ него была взята запись, за поручительствомъ московскаго митрополита Макарія и прочихъ духовныхъ особъ, что онъ будетъ вѣрно служить государю и его супругѣ Маріи (Черкасской), царевичамъ Іоанну и Ѳеодору и не будетъ сноситься съ Польшей, Литвой и другими государствами. Въ 1562 г. ему сказано боярство и данъ титулъ намѣстника Казанскаго. Онъ участвовалъ въ этомъ году въ переговорахъ съ литовскимъ гонцомъ, паномъ Алексѣевымъ, присланнымъ отъ литовскихъ пановъ рады къ московскому митрополиту и боярамъ. Цѣлью посольства было продолженіе перемирія, чтобы затѣмъ начать переговоры о мирѣ. Въ отвѣтной грамотѣ, данной Алексѣеву, бояре посылали поклоны литовскимъ и польскимъ вельможамъ, каждый на особицу; кн. Г. послалъ поклонъ воеводѣ виленскому пану Николаю Радзивилу. Въ 1562 г. и 1563 г. Г. участвовалъ въ Литовскомъ походѣ; по взятіи Полоцка, при возвращеніи въ Москву, онъ былъ первымъ воеводой въ передовомъ полку. Въ 1564 г. воевода большого полка. Умеръ въ концѣ іюля или въ началѣ августа 1564 (1565) г. и погребенъ въ Троицкой Сергіевой лаврѣ, въ кормовой же (вкладной) книгѣ Псково-Печерскаго монастыря записано его преставленіе подъ 12 апрѣля.

«Акты историч.», I. — «Акты Археограф. Эксп.», I.—«Собр. Госуд. Грам. и Догов.», I.—«Древн. Росс. Вивл.», XX, стр. 45, 47 (годъ смерти—7073). — Карамзинъ, «Исторія государства Россійскаго», IX.—Соловьевъ, «Исторія Россіи», VI и VII. — «Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ.», т. т. 59 и 71.—Лобановъ-Ростовскій, «Русск. Родосл. Кн.», I.—«Московскій Некрополь», т. I (годъ смерти 1564); «Лѣтопись Ист.-Родосл. Общества въ Москвѣ» 1914 г., вып. 1—2, стр. 36 (вкладн. книги Псково-Печерскаго монастыря). — «Извѣстія Русск. Генеалогич. Общества», т. I, отд. I, 127.

В. Корсакова.

Глинскій, князь *Иванъ Львовичъ*, прозваніемъ *Мамай*. Въ 1482 и 1488 гг. получилъ съ братьями Васильемъ и Ѳедоромъ данины съ корчемъ и мытъ. Въ 1492 г. ѣздилъ съ посольствомъ отъ великаго князя литовскаго Александра къ крымскому хану Менгли-Гирею; по настоянію московскаго посла Заболоцкаго былъ задержанъ въ Крыму. Въ 1493 г. посланъ былъ Александромъ къ намѣстнику Смоленскому Глѣбовичу. Въ 1495 г. находился въ числѣ лицъ, встрѣчавшихъ въ Марковѣ великую княжну Елену Іоанновну, невѣсту вел. кн. Литовскаго Александра. Вскорѣ послѣ этого въ томъ же году былъ назначенъ намѣстникомъ Переломскимъ и Ожскимъ, а затѣмъ маршалкомъ господарскимъ и хорунжимъ земскимъ. Въ 1502—3 гг. онъ уже не былъ хорунжимъ, но сохранилъ всѣ остальныя званія. Въ 1505 г. назначенъ воеводой Кіевскимъ. Великій князь Литовскій

Казиміръ пожаловалъ ему въ Стародубскомъ повѣтѣ четырехъ крестьянъ съ ихъ землями пашенными и бортными, сѣнокосами, рѣками и бобровыми гонами; воленъ князь Иванъ этихъ людей съ ихъ землями продать, подарить, промѣнять и вообще распорядиться, какъ почтетъ для себя полезнѣе. Въ грамотѣ вел. кн. Александра кн. Г-му на владѣніе сельцомъ Смолинымъ сказано, что такъ какъ вел. князь посадилъ въ этомъ сельцѣ вольныхъ прихожихъ людей, то кн. Иванъ обязанъ добровольно отпустить ихъ со всѣмъ ихъ имуществомъ, если они не захотятъ ему служить. Въ 1501 г. онъ получилъ подтвержденіе на Вейсейе въ Перевальскомъ повѣтѣ въ вѣчное владѣніе. Въ началѣ 1507 г. великій князь Сигизмундъ отнялъ у кн. Г. воеводство Кіевское и далъ вмѣсто него Новогрудское. Въ грамотѣ, выданной по этому случаю, Сигизмундъ старается доказать, что такою перемѣною не уменьшается честь кн. Ивана, который сохраняетъ титулъ маршалка и получаетъ мѣсто въ Радѣ подлѣ старосты Жмудскаго. Въ дѣйствительности же ясно, что Сигизмундъ не хотѣлъ оставить Кіевъ въ рукахъ кн. Ивана, родного брата кн. Михаила Глинскаго, котораго подозрѣвали въ намѣреніи возстановить великое княжество Русское. О дѣятельномъ его участіи въ бунтѣ брата нѣтъ свѣдѣній, тѣмъ не менѣе и ему пришлось бѣжать въ Москву. Лѣтомъ 1508 г. имѣнія его въ Кіевскомъ повѣтѣ были отданы: Каменовская и Боровская волости—кн. Дубровицкому, Сущаны—кн. Корецкому, Новый и Старый Руитъ, Токановъ, Очковъ и др., полученныя имъ отъ первой жены, — Ивашенцовичамъ. Въ 1508 г. кн. Иванъ перешелъ на службу московскаго великаго князя Василія Ивановича одновременно съ братьями своими, князьями Василіемъ и Михаиломъ. Въ Московскомъ государствѣ кн. Иванъ Львовичъ получилъ въ вотчину Медынь. Умеръ онъ до 1522 г., когда вторая жена его называется вдовой. Имѣлъ нѣсколько человѣкъ дѣтей, умершихъ въ молодыхъ годахъ.

«Др. Росс. Вивл.», XIV. — «Акты Зап. Россіи», II. — Карамзинъ, «Исторія государства Россійскаго», VII. — Соловьевъ, «Исторія Россіи», V. — Лобановъ-Ростовскій, «Русская родословная книга», т. I. — Wolff, «Knaziowie litewsko-ruscy», 80, — Boniecki, «Herbarz polski», VI, 83. *В. Корсакова.*

Глинскій, князь *Иванъ Михайловичъ*, сынъ князя Михаила Васильевича, двоюродный братъ царя Іоанна Грознаго. Женатъ онъ былъ на Скуратовой-Бѣльской; одна сестра его жены была замужемъ за Борисомъ Годуновымъ, другая за кн. Дм. Ив. Шуйскимъ, братомъ царя Вас. Ив. Шуйскаго. Въ 1572 г., въ походѣ къ Новгороду и противъ шведовъ, онъ состоялъ при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ рындой съ большимъ саадакомъ. Въ 1573 г. на свадьбѣ Арцымагнуса и въ 1575 г. на свадьбѣ царя Іоанна Васильевича съ Анной Васильчиковой былъ однимъ изъ поѣзжанъ. Въ 1580 г. конюшій на свадьбѣ царя Іоанна съ Марьей Ѳеодоровной Нагой. Въ 1586 г. пожаловано ему боярство. Въ 1587 г., на случай прихода крымскаго царя, стоялъ съ большимъ полкомъ на берегу рѣки Оки. Въ 1588 г. 28 января, на другой день поставленія въ патріархи Іова, пришелъ къ нему за благословеніемъ и принесъ дары. Въ 1591 г., во время прихода крымскаго царя подъ Москву, кн. Г. былъ воеводой у царя Ѳеодора Іоанновича во дворѣ. Въ 1592 г. съ нимъ вздумалъ мѣстничаться кн. Андрей Ив. Голицынъ, назначенный быть воеводой передового полка «для приходу крымскаго царя», тогда какъ кн. Г. былъ воеводой большого полка. Царь велѣлъ объявить кн. Голицыну: «что дуруешь, бьешь челомъ не подѣльно, и велю на отца дать правую грамоту». Въ 1598 г. подписался подъ Соборнымъ опредѣленіемъ объ избраніи царемъ Бориса Годунова и затѣмъ оставленъ на Москвѣ, когда царь пошелъ въ Серпуховъ противъ крымскаго царя Казыгирея. По словамъ Флетчера, кн. Г. занималъ второе мѣсто въ Боярской Думѣ, слѣдуя непосредственно за княземъ Ѳеод. Ив. Мстиславскимъ. Кромѣ того, онъ былъ однимъ изъ четырехъ знатнѣйшихъ бояръ, которые, въ бытность Флетчера въ Московскомъ государствѣ, чередовались въ качествѣ воеводъ большого полка. — Вотъ тѣ немногія извѣстія, какія имѣются о службѣ кн. Г. Несравненно интереснѣе и

подробнѣе свѣдѣнія о его богатствѣ, почерпнутыя нами у Горсея и изъ духовнаго завѣщанія самого князя Ив. Мих. Глинскаго. 31 мая 1584 г. было торжественное вѣнчаніе на царство Ѳеодора Іоанновича. Обстановка отличалась великолѣпіемъ. Амвонъ, на которомъ сидѣли государь съ митрополитомъ, аналой, гдѣ лежали царскія «регаліи», и мѣста для духовенства были устланы бархатомъ, а церковный помостъ — персидскими коврами и красными англійскими сукнами. Одежды придворныхъ, въ особенности Годунова и кн. Г-го, сіяли алмазами, яхонтами, жемчугомъ удивительной величины. Горсей пишетъ, что одежда и древняя конская сбруя кн. Г. стоили 100000 фунтовъ стерлинговъ. Ежегодный доходъ его, по словамъ Флетчера, простирался до 40.000 рублей.

Въ духовной, написанной въ 1586 г., кн. Г. душеприказчикомъ назначилъ Бориса Ѳеодоровича Годунова и такъ распредѣлилъ свои вотчины, деньги и вещи: 1) единственной дочери Аннѣ завѣщалъ: вотчину въ Суздальскомъ уѣздѣ, которую пожаловалъ ему царь взамѣнъ отцовской вотчины въ Юрьево-Польскомъ уѣздѣ; всѣ иконы, ожерелья своихъ родителей, платья и драгоцѣнности своей матери и своей жены; 1000 руб. въ приданое и лошадей, сколько потребуется для ея обихода; 2) свое платье, «саженье», конскій нарядъ, серебряные кубки, братины, ковши и чарки предоставилъ въ распоряженіе царя, употребивъ такое выраженіе: «Вѣдаетъ Богъ да государь»; 3) лично царю Ѳеодору Іоанновичу завѣщалъ бураго аргамака во всемъ большомъ нарядѣ; 4) Борису Ѳеодоровичу Годунову: аргамака во всемъ нарядѣ, булатный юмшанъ, наведенный золотомъ, шлемъ съ золотыми украшеніями, жемчужное ожерелье своего отца съ золотомъ, булатную саблю, саадакъ, шитый золотомъ и серебромъ, и всѣ «раковинные суды»; женѣ Бориса Ѳеодоровича — Марьѣ Григорьевнѣ, серебряный вызолоченный кубокъ; 5) дядѣ своему кн. Вас. Ѳеод. Скопину-Шуйскому — бураго коня во всемъ нарядѣ, саадакъ и булатную саблю (долгъ не велѣлъ съ него брать); 6) въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь 50 руб., Рязанскому архіерею Ѳеодосію, келарю и старцу Троице-Сергіева монастыря, всѣмъ вмѣстѣ 100 рублей; своему духовному отцу, священнику Введенской церкви Ивану Еремѣеву 15 руб. да «платно» изъ своего платья; вдовамъ кн. Юр. Вас. Глинскаго и кн. Ѳеод. Вас. Сисѣева по 20 руб.; 7) похоронить себя онъ завѣщалъ въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ, а потому отдалъ туда на поминъ своей души: нѣсколько иконъ и вотчины въ Московскомъ, Ростовскомъ и Переяславскомъ уѣздахъ. Одна изъ вотчинъ упомянута въ завѣщаніи царя Іоанна Грознаго: «А что есьми пожаловалъ кн. Михаила княжъ Васильева сына Львовича Глинскаго вотчиною, и сынъ мой Иванъ у княжъ Михайлова сына у князя Ивана и у его дѣтей не вступается у него ничѣмъ, а буде куды нибудь отъѣдетъ, и та вотчина сыну моему Ивану». Въ Троице-Сергіевъ монастырь онъ завѣщалъ, кромѣ того, 200 руб., чтобы имя его было вписано въ вѣчный синодикъ и чтобы дважды въ годъ кормить братію: въ день его рожденія и въ день кончины.

Особенно интересно его распоряженіе, касающееся служившихъ у него людей: «А што люди мои служили у меня *полные* и *докладные* и *кабалные*, и Борису Ѳеодоровичу пожаловати душею моею не вредит тѣх моих людей отпустит на слободу со всѣм съ тѣмъ, хто на чомъ мнѣ служил и хто в чомъ ходил, то все им отдати, а дочери моей до моихъ людей дѣла нѣтъ, и роду моему и племени до моихъ людей дѣла нѣтъ же; а захочет доч мая звати тѣх людей къ собѣ, и дочери моей звати их к собѣ из воли, хто захочет к ней, тот идет; да пожаловати Борису Ѳедоровичю *дати надѣлка людемъ моимъ по книгамъ, што имъ жалован(ъ)я моево шло*». Это извѣстіе очень интересно, такъ какъ указываетъ, что въ XVI столѣтіи письмоводство было уже сильно развито въ большихъ боярскихъ хозяйствахъ. Кромѣ того, нѣкоторымъ изъ своихъ людей, особенно близко стоявшихъ къ нему по своему служебному положенію, онъ оставилъ денегъ и изъ одежды. Берсегану Акчюрину, можетъ быть управлявшему его имѣніями или завѣдывавшему домашнимъ

хозяйствомъ, онъ оставилъ не только денегъ, коня во всемъ нарядѣ и хорошую одежду, но въ Переяславскомъ уѣздѣ «деревнишко вотчинное Исаково». Не забыты были и нищіе; имъ велѣно раздать деньги въ третій, девятый, двадцатый и сороковой дни по его кончинѣ. Сорокоусты заказать въ сорока храмахъ и дать въ каждый изъ нихъ по двадцать алтынъ. Духовная заканчивается такъ: «А во всемъ въ томъ воленъ Богъ да государь во всѣхъ моихъ животишкахъ, как ему, государю, Богъ извѣстит». — Неизвѣстно, когда именно онъ принялъ иночество съ именемъ *Іоны*. Умеръ онъ въ январѣ 1602 г. и погребенъ 27 января въ Троицкой лаврѣ (по вкладной книгѣ Псково-Печерскаго монастыря онъ умеръ 12 апрѣля).

«Акты Арх. Экс.», II.—«Акты Зап. Россіи», IV.—«Доп. къ акт. ист.», т. I.—«Др. Росс. Вивл.», XIII, XX.—«Симб. Сборн.».—Лобановъ-Ростовскій, «Русск. Родосл. кн.», 2-е изд.—«Писц. кн.», I.—Карамзинъ, IX, XXI.—Соловьевъ, VII.—Середонинъ, «Соч. Джильса Флетчера «Of the russe common wealth», какъ историческій источникъ». С.-Пб. 1891 г.—Лихачевъ, «Сборникъ актовъ, собр. въ архивахъ и библіотекахъ», С.-Пб. 1895 г., № XIX (Духовная кн. Ив. Мих. Глинскаго).—Рождественскій, «Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ XVI в.». С.-Пб. 1897 г.—«Путешествія въ Московію Еремея Горсея». Перев. съ англ. Юрія Толстого. М. 1907 г.—«Московскій Некрополь», I.—«Лѣтопись Ист. Родословн. Общ.», 1914 г., вып. 1—2, стр. 36 (вкладн. кн. Псково-Печерск. мон.).—«Извѣстія Русск. Генеалог. Общества», т. I, отд. III, стр. 12.

В. Корсакова.

Глинскій, князь *Михаилъ Васильевичъ*, † 1559 г., сынъ кн. Василія Львовича, родной дядя Іоанна Грознаго. Въ 1533 г. на свадьбѣ князя Андрея Ивановича (брата вел. кн. Василія Ивановича) сидѣлъ въ кривомъ столѣ. Въ 1541 г., будучи уже бояриномъ, пожалованъ въ конюшіе. Послѣ удаленія въ 1543 г. кн. Шуйскихъ, управлявшихъ государствомъ въ малолѣтство Іоанна, (при чемъ кн. Андрей Шуйскій былъ отданъ на растерзаніе псарямъ), стали управлять, именемъ своего племянника, князья Михаилъ и Юрій Глинскіе. Кн. Курбскій называетъ кн. Михаила «всему злому начальникомъ». Въ Царственной Книгѣ сказано: «Въ тѣ поры Глинскіе у Государя въ приближеніи и въ жалованіи (были), а отъ людей ихъ чернымъ людямъ насильство и грабежъ; они же ихъ отъ того не унимаху». Въ 1546 г., при вѣнчаніи на царство Іоанна Васильевича, кн. Г. носилъ за нимъ золотую мису съ золотыми деньгами; осыпалъ царя золотыми кн. Юрій Вас. Глинскій. Въ 1547 г. на свадьбѣ царя Іоанна съ Анастасіей Романовной Захарьиной, по должности конюшаго, былъ у царскаго коня, а затѣмъ ѣздилъ около подклѣта. Въ томъ же году сильный пожаръ истребилъ большую часть Москвы (см. ниже, *кн. Юрій Вас. Глинскій)*. На третій день по убіеніи кн. Юрія, толпа черни явилась въ с. Воробьево, куда переѣхалъ Іоаннъ, и шумно требовала выдачи государевой бабки, кн. Анны Глинской, и сына ея кн. Михаила, которые будто бы спрятаны у него въ покояхъ. Въ дѣйствительности же они находились во Ржевѣ, полученномъ отъ царя въ кормленіе. Іоаннъ велѣлъ стрѣлять въ мятежниковъ: нѣкоторыхъ схватили и казнили, и порядокъ былъ возстановленъ.

Оставивъ кн. Г-му боярство и свободу жить, гдѣ хочетъ, Іоаннъ лишилъ его сана конюшаго. Опасеніе, что вслѣдствіе царской немилости, его можетъ постигнуть судьба брата Юрія, побудило кн. Михаила бѣжать въ Литву. Затѣялъ онъ бѣгство не одинъ, а сговорился съ княземъ Ив. Ив. Турунтаемъ-Пронскимъ, уже испытавшимъ на себѣ однажды гнѣвъ Іоанна. 3-го ноября 1547 г. была отпразднована свадьба младшаго царскаго брата кн. Юрія Васильевича съ княжной Ульяной Дм. Палецкой, а на третій день пришло извѣстіе о побѣгѣ въ Литву князей Г-го и Пронскаго. Они выбрали, повидимому, это время, какъ наиболѣе удобное и безопасное, разсчитывая, что царь и его приближенные будутъ заняты свадебными торжествами, и они успѣютъ переѣхать границу. Разсчетъ ихъ не оправдался: царь отправилъ въ погоню за ними дворянъ, подъ начальствомъ кн. Петра Ив. Шуйскаго, который и настигъ ихъ въ Ржевскихъ мѣстахъ «въ великихъ и непроходимыхъ тѣснотахъ». Увидавъ, что имъ невозможно скрыться, они отправились въ Москву и хотѣли тайно въѣхать туда: кн. Г. былъ найденъ на посадѣ, на дворѣ

у Вознесенія, за р. Неглимною, на Никитской улицѣ; кн. Пронскій остановленъ во время заутрени у Новаго города въ Неглименскихъ воротахъ, когда онъ хотѣлъ «войти въ городъ съ попы», и оба они были приведены въ городъ 11-го ноября. Царь велѣлъ посадить ихъ подъ стражу и разспросить о побѣгѣ: они не сознались въ намѣреніи бѣжать, а заявили, что отправились на богомолье въ Оковецъ, будучи напуганы расправой черни съ кн. Юріемъ Глинскимъ, при чемъ, не зная твердо дороги, заѣхали въ сторону. Царь простилъ бѣглецовъ, по просьбѣ духовенства и бояръ, «занеже отъ неразумія тотъ бѣгъ учинили были, обложася страхомъ княжь Юрьева убійства великаго». Въ 1552г. Іоаннъ предпринялъ походъ подъ Казань. Чтобы лишить казанцевъ возможности сообщаться съ Крымомъ и Ногайской ордой и не пропустить оттуда подкрѣпленій въ Казань, царь послалъ кн. Г-го съ дѣтьми боярскими, стрѣльцами и казаками на р. Каму, повелѣвъ ему присоединить къ себѣ устюжанъ и вятчанъ и занять всѣ перевозы какъ по р. Камѣ, такъ и по Вяткѣ. — Во время осады Казани имя кн. Г. встрѣчается только однажды: передъ взятіемъ города русскими войсками, когда татары торопились укрыться въ лѣсъ, царь выслалъ для преслѣдованія ихъ отряды подъ предводительствомъ Микулинскаго, Шереметева и кн. Г-го. Они успѣшно выполнили возложенное на нихъ порученіе.

Въ 1554 г. кн. Г. присутствовалъ на свадьбѣ Казанскаго царя Семіона; ему велѣно было быть «у царя на царевѣ дворѣ». Въ 1554—1555 г. первый воевода въ Казани «на вылазку». Ему вмѣстѣ съ кн. Ив. Ѳеод. Мстиславскимъ пришлось усмирять возстаніе луговыхъ черемисъ, а затѣмъ учинить расправу надъ тѣми казанскими татарами и мурзами, которые «солгали, не пошли, и сложася съ измѣнники, да тѣхъ Арскихъ людей черныхъ, которые Государю прямы были, побили». Въ 1556 г. ходилъ съ царемъ съ Москвы на Коломну «по вѣстямъ» о приходѣ крымскихъ татаръ. Въ томъ же году участвовалъ въ Ливонскомъ походѣ въ качествѣ воеводы большого полка. По дорогѣ онъ и его люди сильно грабили своихъ, а на рубежѣ люди его грабили и жгли псковскія деревни и убивали жителей. «И царь и великій князь про то на него опалился, и велѣлъ обыскати, кого грабили дорогою, и на немъ доправити». Въ томъ же 1556 г. и въ 1557 г. кн. Г. былъ намѣстникомъ въ Новгородѣ, Какъ разъ въ это время между Московскимъ государствомъ и Швеціей происходили враждебныя столкновенія, начавшіяся, главнымъ образомъ, изъ-за неясности границъ. Шведскій король Густавъ видѣлъ невозможность борьбы съ Іоанномъ, не имѣя союзниковъ, и послалъ къ нему съ грамотой и подарками. Такъ какъ царь согласился на переговоры о мирѣ, то весной 1557 г. въ Москву прибыло шведское посольство съ вѣрющей королевской грамотой, чтобы заключить перемиріе непосредственно съ царемъ, минуя новгородскаго намѣстника. Іоаннъ не пожелалъ нарушить издавняго обычая и велѣлъ боярамъ выяснить посольству, что для короля не безчестье, а честь имѣть дѣло съ новгородскими намѣстниками. «Знаете-ли, кто они, — говорили бояре, дѣти или внучата государей Литовскихъ, Казанскихъ или Россійскихъ. Нынѣшній намѣстникъ, кн. Глинскій, есть племянникъ Михаила Львовича Глинскаго, еще недавно столь знаменитаго и славнаго въ земляхъ Нѣмецкихъ».

Шведскіе послы уѣхали въ Новгородъ, гдѣ намѣстникъ новгородскій кн. Глинскій и дворецкій Алексѣй Даниловичъ Плещеевъ заключили съ ними такое перемиріе на 40 лѣтъ, считая съ 25 марта 1557 г.: 20 іюля 1559 г. устроить на р. Оксѣ съѣздъ изъ четырехъ судей для размежеванія земель и для разбора «обидныхъ дѣлъ» послѣ бывшей войны; шведскій король долженъ по прежнему сноситься, черезъ пословъ, по всѣмъ важнымъ дѣламъ съ новгородскими намѣстниками; въ незначительныхъ случаяхъ выборгскій губернаторъ долженъ ссылаться съ корельскими и орѣховскими намѣстниками и «управу между себя дѣлать по старымъ грамотамъ вправду»; Московскія войска должны возвратиться изъ Швеціи; въ свою очередь Шведское правительство обязывается отпустить съ честью посланника Кузьмина и задержанныхъ въ Швеціи русскихъ лю-

дей и дѣтей боярскихъ съ ихъ имуществомъ. — Въ бытность свою намѣстникомъ въ Новгородѣ кн. Г. былъ пожалованъ судною пошлиною съ половины Новгорода.

За кн. Г-мъ былъ городъ Юрьевецъ Повольскій. Вотчины его находились въ Ярославскомъ, Боровскомъ и Переяславльскомъ уѣздахъ. Сохранились извѣстія о покупкѣ имъ земель въ промежутокъ времени между 1533—1554 гг. Такъ, напр., въ 1536—37 гг. онъ купилъ у братьевъ Головиныхъ въ Ростовскомъ уѣздѣ с. Оленино съ деревнями за 460 р., въ 1545—46 гг. — у нихъ же села Нажирово и Рамень съ деревнями за «полтретьяста» рублей, въ 1536—37 гг. у Марьи Головиной—с. Ильинское съ деревнями, починками и пустошами за 600 р. С. В. Рождественскій, подробно изучившій вопросъ о служиломъ землевладѣніи въ Московскомъ государствѣ XVI вѣка, говоритъ: «Столь живая покупательная способность очень рѣдко встрѣчается у другихъ князей — землевладѣльцевъ того времени».

«Царственная книга». — «Акты Археогр. Экспед.», I. — «Доп. къ акт. ист.», I.—«Сборн. Гос. Гр. и Дог.», II.—«Др. Росс. Вивл.», XIII, XX. — «Симб. Сборн.». — «Сказанія кн. Курбскаго». Изд. Устрялова. — Карамзинъ, VIII и IX. — Соловьевъ, VI и VII. — «Памятники дипломат. сношеній», I.— «Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ.», т. 59. — Рождественскій, «Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ XVI в.».—Бантышъ-Каменскій, «Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи». М. 1902 г., IV. — Плюшаръ, «Энциклопед. Лексиконъ», т. 14.

В. Корсакова.

Глинскій, князь *Михаилъ Львовичъ Дородный*, получилъ воспитаніе въ Германіи при дворѣ императора Максимиліана. Затѣмъ долго служилъ Альбрехту Саксонскому и, пройдя всѣ степени военной службы, снискалъ себѣ большую извѣстность во время войны Альбрехта съ Фрисландіей. Родители кн. Г. и самъ онъ принадлежали къ греческой церкви, но, во время пребыванія въ Италіи, кн. Г. перешелъ въ католичество. По возвращеніи въ Литву, кн. Г. вскорѣ заслужилъ расположеніе польско-литовскаго короля Александра и сталъ пользоваться его неограниченнымъ довѣріемъ. Въ 1493 г. онъ ѣздилъ съ посольствомъ въ Крымъ къ хану Менгли-Гирею съ требованіемъ, чтобы былъ снесенъ Очаковъ, построенный на Литовской землѣ. Менгли-Гирей, изъ угожденія великому князю Московскому Іоанну III, не только не выполнилъ этого требованія, но продолжалъ нападенія на пограничныя Литовскія области и долгое время не отпускалъ кн. Г-го изъ Крыма. Въ 1498 г. Г. назначенъ намѣстникомъ Утенскимъ. Въ 1500 г. получилъ привилей на дворъ Ошейковскій и мѣсто въ Трокахъ. Въ концѣ 1500 г. (въ началѣ зимы) назначенъ маршалкомъ дворнымъ литовскимъ, а въ концѣ 1501 г. получилъ, кромѣ того, урядъ намѣстника Мерецкаго. Какимъ значеніемъ Г. и его братья пользовались при Александрѣ, видно изъ того, что въ 1501 г. ханъ заволжскій Шихъ-Ахматъ прислалъ посольство и подарки къ князьямъ Ивану, Михаилу и Василью Глинскимъ, а въ 1505 г. ханъ перекопскій Менгли-Гирей писалъ къ «брату своему князю Михаилу Глинскому», обращаясь черезъ него съ просьбой къ королю. Его богатство и вліяніе при дворѣ, съ одной стороны, и множество приверженцевъ въ Литовской Руси, съ другой стороны, были причиной враждебнаго отношенія къ нему литовскихъ вельможъ, въ особенности воеводы Трокскаго Юрія Юрьевича Заберезинскаго. Въ маѣ 1503 г. Г. обвинялъ Заберезинскаго въ намѣреніи его убить черезъ подкупленныхъ убійцъ, что, однако, Заберезинскій отрицалъ. Король наложилъ на нихъ заруку въ 10000 злотыхъ и велѣлъ жить въ мирѣ. Вражда усилилась еще больше послѣ того, какъ по просьбѣ кн. Г-го, Александръ отнялъ у пана Ильинича, зятя Заберезинскаго, городъ Лиду, чтобы дать этотъ городъ родственнику кн. Г-го, Андрею Дроздѣ. Ильиничъ обратился съ жалобой къ литовскимъ вельможамъ, которые при возведеніи Александра на престолъ, взяли съ него обязательство не отнимать волостей ни у кого ни въ какомъ случаѣ, кромѣ преступленія, заслуживающаго лишенія чести и жизни. На этомъ основаніи, паны возвратили Ильиничу староство Лидское. Король сильно разсердился и, подстрекаемый кн. Г., который будто бы говорилъ: «пока эти паны въ Литвѣ, до тѣхъ поръ не будетъ покою въ великомъ княжествѣ» — рѣ-

шилъ вызвать пановъ на сеймъ въ Брестъ, схватить ихъ въ замкѣ и предать смерти. Польскій канцлеръ Ласкій предупредилъ пановъ о намѣреніи короля, они не пошли въ замокъ и остались живы. Но главные враги кн. Г-го все-таки пострадали: у Яна Заберезинскаго король отнялъ воеводство Трокское, а Ильинича засадилъ въ тюрьму; остальнымъ панамъ онъ запретилъ являться къ себѣ и простилъ ихъ только нѣсколько времени спустя по просьбѣ польскихъ пановъ. При этомъ Г. получилъ званіе старосты Бѣльскаго (вмѣсто намѣстничества Мерецкаго). Александръ пожаловалъ ему тоже Туровъ и Гоніондзъ (Гонязь).

Въ 1506 г. Александръ тяжело заболѣлъ. Г., какъ свидѣтель, подписалъ его завѣщаніе 24 іюля. Съ болѣзнью короля совпало нападеніе на великое княжество Литовское крымскихъ татаръ, сильно его опустошавшихъ. Александръ послалъ противъ крымцевъ войско подъ начальствомъ кн. Г., и онъ одержалъ надъ ними блестящую побѣду при Клецкѣ, чѣмъ доставилъ утѣшеніе умирающему королю. По смерти Александра начались споры о мѣстѣ его погребенія: согласно волѣ покойнаго польскій канцлеръ Ласкій хотѣлъ везти тѣло въ Краковъ; литовскіе вельможи требовали погребенія въ Вильнѣ, опасаясь, что кн. Г. воспользуется ихъ отсутствіемъ изъ Вильны и захватитъ этотъ городъ съ помощью своихъ русскихъ приверженцевъ. Въ это время прибылъ въ Вильну братъ Александра Сигизмундъ, и кн. Г., выѣхавъ къ нему на встрѣчу, произнесъ прекрасную рѣчь, въ которой оправдывался отъ взводимыхъ на него подозрѣній и обѣщалъ вѣрно служить новому королю. Сигизмундъ ласково отвѣтилъ кн. Г-му и благодарилъ его за выраженіе преданности. Во время вступленія Сигизмунда на великокняжескій престолъ Г., въ качествѣ маршалка, подалъ ему мечъ.

Послѣ такого начала можно было ожидать, что кн. Г. и при Сигизмундѣ будетъ занимать прежнее выдающееся положеніе; однако, на дѣлѣ вышло иначе. Новый король отнялъ у Г. званія маршалка дворнаго и намѣстника Бѣльскаго, а также имѣніе Гоніондзъ, Г. сохранилъ за собой только урядъ намѣстника Утенскаго. Чтобы получить обратно санъ маршалка, Г. обращался къ посредничеству Менгли-Гирея, который по этому поводу писалъ въ 1507 г. къ Сигизмунду. Видя, что Сигизмундъ не оказываетъ кн. Г-му такого довѣрія, какимъ онъ пользовался при Александрѣ, враги его почувствовали перевѣсъ на своей сторонѣ, а кн. Г-ій считалъ себя какъ бы въ опалѣ. Злѣйшій врагъ кн. Г-го Янъ Заберезинскій не стѣснялся во всеуслышаніе называть его измѣнникомъ, за что кн. Г. требовалъ у короля суда, но не могъ такового добиться. Достаточныхъ уликъ противъ него не было, и Сигизмундъ, не желая жертвовать Заберезинскимъ, откладывалъ судъ, подъ предлогомъ обилія важныхъ дѣлъ. Кн. Г. отправился въ Венгрію къ брату Сигизмунда, королю венгерскому Владиславу, съ просьбой вступиться за него. Ходатайство Владислава не помогло, и кн. Г. пригрозилъ тогда Сигизмунду: «ты вынуждаешь меня рѣшиться на такой поступокъ, который заставитъ когда-нибудь насъ обоихъ раскаяться». Вслѣдъ затѣмъ онъ уѣхалъ въ свое имѣніе Туровъ и сталъ ссылаться съ великимъ княземъ Московскимъ Василіемъ Ивановичемъ. Если вѣрить Стрыйковскому и Герберштейну, то начало сношеній съ Москвою положено кн. Михаиломъ Глинскимъ и его братьями, пославшими челобитье великому князю. Но въ такъ наз. «Русскомъ Временникѣ» сказано, что великій князь Василій Ивановичъ, услыхавъ, что кн. Глинскіе отступили отъ польско-литовскаго короля и живутъ въ своей вотчинѣ, послалъ къ нимъ своего сына боярскаго Митю Иванова Губу съ грамотой, въ которой призывалъ ихъ къ себѣ на службу и обѣщалъ принять подъ свое покровительство ихъ вотчины. Очевидно, что кн. Михаилу Глинскому и его братьямъ было чрезвычайно тяжело слѣлать рѣшительный шагъ. Они ждали, — какъ сказано во «Временникѣ», — примирительной присылки отъ короля «до сроку до сборнаго воскресенья». Лишь по прошествіи этого срока, увѣрившись, что отношенія съ королемъ не могутъ быть возстановлены, они отпустили къ великому князю сына боярскаго Митю Губу, а съ нимъ послали своего сына боярскаго Ивана

Пріѣзжаго съ грамотами, чтобы великій князь пожаловалъ, взялъ ихъ къ себѣ на службу, а за «отчины ихъ стоялъ». По мнѣнію Соловьева «можно съ достовѣрностью принять только одно, что сношенія Г. съ великимъ княземъ были продолжительны, и, какъ видно изъ посольскихъ рѣчей Г., сначала дѣло шло только о помощи, которую великій князь обѣщалъ Глинскимъ».

Когда кн. Г. безповоротно рѣшилъ перейти на сторону московскаго великаго князя (весной 1507 г.), онъ увѣдомилъ его, что настало самое благопріятное время итти войною противъ Литвы, такъ какъ войска не въ сборѣ и ни отъ кого нельзя ожидать помощи. Въ ноябрѣ 1507 г. московскія войска осадили Мстиславль и Кричевъ, но вслѣдствіе сильныхъ морозовъ вскорѣ удалились. Начиная бунтъ, кн. Г. далъ народу слѣдующее объясненіе: нѣкій Ѳедоръ Колонтай донесъ ему, что на сеймѣ будетъ постановлено принуждать православныхъ къ переходу въ латинскую вѣру, а непокорныхъ карать смертью, и молилъ о спасеніи родного края; Колонтай, однако, на судѣ отрицалъ приписываемыя ему слова. Получивъ отъ великаго князя отвѣтъ, что къ нему на подмогу придутъ московскіе воеводы, Г. переправился съ 700 конными воинами черезъ Нѣманъ и подступилъ къ Гродно, вблизи котораго жилъ тогда Заберезинскій. Домъ и дворъ Заберезинскаго окружила конница, и два иностранца, находившіеся на службѣ кн. Г-го, взялись выполнить предпринятую имъ месть; то были: нѣмецъ Шлейницъ, ворвавшійся въ спальную Заберезинскаго, и турокъ, отрубившій ему голову саблей (2 февраля 1508 г.). Послѣ этой кровавой расправы кн. Г. разослалъ свою конницу искать и бить другихъ враждебныхъ ему литовскихъ пановъ, а самъ пошелъ по направленію къ Ковну, чтобы освободить находившагося тамъ подъ стражей Шихъ-Ахмата, но не достигъ желаемаго; умертвивъ еще нѣкоторыхъ своихъ враговъ, онъ отправился въ Бѣлую Русь, гдѣ овладѣлъ Бобруйскомъ, Мозыремъ, ставшимъ его мѣстопребываніемъ (здѣсь онъ присягнулъ на вѣрность Московскому великому князю), Кричевымъ, Гомелемъ, Мстиславлемъ и намѣревался, при помощи присланнаго великимъ княземъ Московскимъ князя Вас. Ив. Шемячича, захватить Слуцкъ. По свидѣтельству Стрыйковскаго, кн. Г. желалъ взять Слуцкъ для того, чтобы жениться на вдовѣ Симеона Олельковича и тѣмъ получить право на Кіевъ, которымъ прежде владѣли предки кн. Слуцкихъ. Кн. Шемячичъ предпочелъ, однако, держаться ближе къ сѣверу, откуда должны были подойти московскіе полки. Двѣ недѣли тщетно простояли князья Г. и Шемячичъ подъ стѣнами Минска, поджидая московскихъ воеводъ, и двинулись къ Борисову. Оттуда кн. Г. написалъ московскому великому князю, умоляя его не медлить съ присылкой воеводъ, такъ какъ иначе великія бѣдствія постигнутъ города и волости, уже захваченные у Литвы, и будетъ упущено благопріятное для войны время. Извѣщая о движеніи своихъ воеводъ изъ Новгорода, Москвы и Великихъ Лукъ, великій князь Василій Ивановичъ приказывалъ князьямъ Г. и Шемячичу итти къ Оршѣ, чтобы соединиться тамъ съ московскими воеводами. По пути къ Оршѣ князья Г-ій и Шемячичъ овладѣли Друцкомъ. Осада Орши соединенными войсками была неудачна, а когда получилось извѣстіе, что король Сигизмундъ идетъ къ Оршѣ, воеводы отступили отъ этого города и стали на другомъ берегу. Несмотря на настойчивыя просьбы кн. Г-го дать сраженіе Сигизмунду, московскіе воеводы рѣшили уйти къ юго-востоку.

Не оставляя мысли о завоеваніи Кіева, кн. Г. вошелъ въ это время въ сношенія съ крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ, который поступилъ съ нимъ вѣроломно, обѣщавъ свою помощь и ему и королю Сигизмунду, при чемъ сообщилъ послѣднему о намѣреніи кн. Г. завладѣть Кіевомъ. Обстоятельства складывались неблагопріятно для осуществленія плана кн. Г., а потому по выходѣ московскихъ воеводъ изъ предѣловъ Польско-литовскаго государства, онъ отправился въ Москву и вступилъ на службу къ великому кн. Василію Ивановичу. Великій князь щедро одарилъ его платьемъ, конями, доспѣхами, далъ ему два города *на пріѣздъ* — Малый Ярославецъ и Боровскъ, да села подъ Москвою, и отпу-

стилъ съ нимъ ратныхъ людей для обереганія его вотчинныхъ городовъ въ Литвѣ. Сигизмундъ не могъ простить кн. Г-у его измѣну и бѣгство къ Московскому великому князю и считалъ недопустимымъ, чтобы его обширныя земельныя владѣнія отошли къ Московскому государству, продолжая оставаться его личной собственностью. Во избѣжаніе войны съ Москвой Сигизмундъ поторопился заключить съ Московскимъ великимъ княземъ вѣчный миръ и рѣшился на важное пожертвованіе: уступилъ Москвѣ въ вѣчное владѣніе всѣ завоеванные Іоанномъ III области и города. Вотчины кн. Г-го Сигизмундъ сохранилъ за Литвой; онѣ были конфискованы частью весной, частью осенью 1508 г. и отданы: Ивану Сапѣгѣ (Лисово Бѣльскаго повѣта), Богушу Боговитиновичу (дворы въ Трокахъ и Пуняхъ), Константину Острожскому (каменный домъ въ Вильнѣ и Туровъ), Льву Тышкевичу (Можейково и Бикушки въ Желудскомъ повѣтѣ) и Николаю Радзивилу (Гонязь и Рай-городъ); и тѣмъ самымъ онъ создалъ себѣ непримиримаго и сильнаго врага. Вотъ что говоритъ по этому поводу С. М. Соловьевъ: «Понятно, что этотъ даровитый, энергическій, знающій, бывалый человѣкъ долженъ былъ употреблять всѣ усилія къ возвращенію себѣ прежняго положенія, прежнихъ владѣній; понятно, что человѣку, привыкшему къ велико-княжескому положенію въ Литвѣ, привыкшему управлять государствомъ при Александрѣ, нельзя было привыкнуть къ положенію дѣлъ въ Москвѣ, гдѣ великій князь, касательно ограниченія власти боярской, приводилъ къ концу мѣры отцовскія». Еще до заключенія мира съ Литвой кн. Г. убѣдилъ Василія Ивановича войти въ союзъ съ императоромъ Максиміліаномъ, чтобы общими силами сломить Литву: въ случаѣ удачи Максиміліанъ захватилъ бы у брата Сигизмундова Владислава Венгерское королевство, а Василій взялъ бы королевство Русское (т.-е. бывшія земли Малорусскаго королевства, извѣстнаго у поляковъ подъ именемъ *Червонной Руси*). Грамоту великаго князя къ Максиміліану отвезъ въ 1508 г. кн. Г., который долженъ былъ также поздравить императора съ восшествіемъ на престолъ.

Сознавая, что кн. Г. приложитъ всѣ усилія, чтобы склонить великаго кн. Василія Ивановича къ войнѣ съ Литвой, Сигизмундъ обратился къ великому князю съ посланіемъ, въ которомъ доказывалъ необходимость выдачи кн. Г-го. Сигизмундъ не поскупился на краски и изобразилъ кн. Г. не только измѣнникомъ, но убійцей великаго кн. Литовскаго Александра, котораго онъ будто бы свелъ въ могилу своими чарами. Василій Ивановичъ, какъ и слѣдовало ожидать, отказался отъ выдачи.

Дѣло о союзѣ съ императоромъ Максиміліаномъ затянулось, и Василій Ивановичъ началъ военныя дѣйствія противъ Литвы, не дождавшись заключенія союзнаго договора. Весной 1511 г. кн. Г. отправилъ уже упомянутаго нами однажды нѣмца Шлейница въ Силезію, Богемію и Германію для найма ратныхъ людей. Шлейницу удалось выполнить это порученіе, и онъ отослалъ нанятыхъ иноземцевъ въ Москву черезъ Ливонію. 19 декабря 1512 г. московскія войска выступили въ походъ къ Смоленску; самъ великій князь и его братья участвовали въ походѣ. Во главѣ войска находились московскіе воеводы: кн. Даніилъ Щеня и кн. Репнинъ-Оболенскій, зять великаго князя крещеный татарскій царевичъ Петръ и кн. Г. — Шесть недѣль простояли они подъ Смоленскомъ и возвратились въ Москву въ мартѣ 1513 г. послѣ неудачной осады города. Вторичная неудачная осада, послѣдовавшая лѣтомъ того же года, раздосадовала великаго князя, и черезъ годъ онъ снова предпринялъ осаду Смоленска, котораго настойчиво домогался, совершенно правильно считая его ключомъ къ Днѣпровской области. На этотъ разъ побѣда оказалась на сторонѣ Василія Ивановича: 29 іюля 1514 г. Смоленскъ сдался, судя по иностраннымъ извѣстіямъ, главнымъ образомъ благодаря содѣйствію кн. Г. Онъ вступилъ въ сношенія съ нѣкоторыми смольянами и вѣроятно сумѣлъ доказать имъ выгоду перехода подъ покровительство Москвы, такъ какъ жители рѣшили не дожидаться обѣщаннаго смоленскимъ воеводой Соллогубомъ прихода короля и добровольно сдались. При осадѣ Смоленска особенно отличился пушкарь Стефанъ, искусно

направлявшій снаряды въ крѣпостную стѣну и побившій много людей. По всему вѣроятію этотъ Стефанъ былъ изъ числа иноземцевъ, призванныхъ на московскую службу по совѣту кн. Г. По свидѣтельству Герберштейна, кн. Г. приложилъ всѣ старанія къ взятію Смоленска, потому что великій князь будто бы заранѣе обѣщалъ отдать ему во владѣніе не только самый городъ, но и всю Смоленскую область, если онъ сможетъ овладѣть крѣпостью какимъ бы то ни было способомъ. Въ Ливоніи ходили нѣсколько иные слухи. Кн. Г. будто бы сказалъ великому князю: «Нынче я дарю тебѣ Смоленскъ, котораго ты такъ долго желалъ: чѣмъ ты меня отдаришь?» Великій князь отвѣчалъ: «Я дарю тебѣ княжество въ Литвѣ». Во всякомъ случаѣ вѣрно одно: кн. Г. считалъ, что заслужилъ получить Смоленское княжество и былъ крайне возмущенъ необходимостью сдѣлать новыя завоеванія въ Литвѣ для обезпеченія себѣ независимаго и почетнаго положенія.

Когда Василій Ивановичъ выступилъ въ походъ для возвращенія въ Москву, онъ оставилъ ратныхъ людей съ воеводами для обереганія взятыхъ у Литвы городовъ, на случай прихода Сигизмунда. Князю Г. велѣно было отправиться къ Оршѣ; кн. Булгаковы-Патрикѣевы (кн. Мих. Ив., по прозванію Голица, и братъ его кн. Дм. Ив.) и конюшій Ив. Андр. Челяднинъ двинулись къ Борисову, Минску и Друцку. Обманутый въ своихъ надеждахъ и ожиданіяхъ относительно Смоленска, кн. Г. сталъ размышлять, что̀ выгоднѣе: остаться при Московскомъ дворѣ, гдѣ ему не удалось создать себѣ такого положенія, какимъ онъ пользовался въ Литвѣ, или вернуться къ Сигизмунду и снова сдѣлаться могущественнымъ вельможей и владѣтелемъ своихъ прежнихъ обширныхъ земель. Соблазнъ оказался великъ, и кн. Г. вступилъ въ сношенія съ Сигизмундомъ, который приближался уже съ войскомъ къ завоеванной московскимъ великимъ княземъ мѣстности. Придавая большое значеніе совѣтамъ и опытности кн. Г. въ военномъ дѣлѣ, Сигизмундъ съ радостью принялъ его предложеніе возвратиться въ Литву. Отвѣтная королевская грамота, обѣщавшая ему прощеніе и многія милости, ободрила кн. Г., и онъ задумалъ бѣгство въ Оршу, гдѣ, по его предположенію, долженъ былъ уже находиться король. Намѣренію его не суждено было, однако, осуществиться, потому что одинъ изъ его ближнихъ слугъ оказался предателемъ: отправился къ кн. Мих. Ив. Голицѣ и сообщилъ, по какой дорогѣ поѣдетъ кн. Г. Ночью кн. Голица со своимъ отрядомъ подстерегъ кн. Г. и схватилъ его въ то время, когда онъ ѣхалъ на цѣлую версту впереди находившихся подъ его начальствомъ московскихъ ратныхъ людей. На разсвѣтѣ подоспѣлъ и воевода Челяднинъ, увѣдомленный кн. Голицей о поимкѣ кн. Г. Они повезли бѣглеца въ Дорогобужъ къ великому князю. Королевская грамота, найденная у кн. Г., послужила противъ него явною уликою, и великій князь, какъ сказано у Герберштейна, началъ укорять его за вѣроломство. «Я не признаю за собой вѣроломства», — отвѣтилъ кн. Г., — «ибо если бы ты былъ вѣренъ своимъ обѣщаніямъ относительно меня, то имѣлъ бы во мнѣ самаго вѣрнаго слугу во всемъ. Но когда я увидѣлъ, что ты ни во что ставишь свои слова и сверхъ того играешь мною, то мнѣ стало очень тяжело не получить того, въ чемъ полагался на тебя. Смерть я всегда презиралъ, и охотно подвергнусь ей хоть бы для того только, чтобы не видѣть болѣе твоего лица, тиранъ!» По пути изъ Дорогобужа въ Москву, кн. Г. былъ выведенъ въ Вязьмѣ, если вѣрить показанію Герберштейна, передъ многочисленной толпой, въ присутствіи которой воевода обратился къ нему съ упреками. Въ то время, какъ его заковывали въ цѣпи, кн. Г. во всеуслышаніе, подробно разсказалъ, въ видѣ самооправданія, о причинѣ своего пріѣзда въ Московское государство и о томъ, что великій князь клятвенно обѣщалъ ему грамотою, и какъ онъ ничего изъ этихъ обѣщаній не исполнилъ. Въ Москвѣ кн. Г. былъ заключенъ въ тюрьму.

Весной 1517 г. пріѣхалъ къ Московскому великому князю баронъ Сигизмундъ Герберштейнъ, посолъ нѣмецкаго императора Максимиліана,

предлагавшаго свое посредничество для заключенія мира между Москвой и Литвой. Осенью того же года, на отпускѣ, Герберштейнъ ходатайствовалъ отъ имени Максимиліана объ освобожденіи кн. Г. и просилъ дозволить кн. Г-му отправиться на службу въ Германію; въ такомъ случаѣ Максимиліанъ взялъ бы съ него клятвенное обѣщаніе не замышлять ничего противъ Московскаго государства. Великій князь велѣлъ отвѣчать: «Глинскій по своимъ дѣламъ заслуживалъ великаго наказанія, и мы велѣли уже его казнить; но онъ, вспомнивши, что отецъ и мать его были греческаго закона, а онъ, учась въ Италіи, по молодости отсталъ отъ греческаго закона и присталъ къ римскому, билъ челомъ митрополиту, чтобъ ему опять быть въ греческомъ законѣ. Митрополитъ взялъ его у насъ отъ казни и допытывается, не поневолѣ ли онъ поступаетъ къ нашей вѣрѣ, уговариваетъ его, чтобъ подумалъ хорошенько. Ни въ чемъ другомъ мы брату нашему не отказали бы, но Глинскаго намъ къ нему отпустить нельзя». Герберштейнъ сказалъ на это: «Государь мой потому приказывалъ о Глинскомъ, что ему у великаго князя служить нельзя и у короля нельзя же: такъ государь мой просилъ его за тѣмъ, чтобъ отослать ко внуку своему Карлу (королю испанскому). Но если государской воли на то нѣтъ, то государь освободилъ бы его теперь, чтобъ я видѣлъ его свободнымъ». Просьба Герберштейна осталась неисполненной.

Въ 1526 г. великій князь Василій Ивановичъ женился на племянницѣ М. Л. Глинскаго, княжнѣ Еленѣ Васильевнѣ Глинской. Около этого времени (въ 1524 г.) онъ получилъ боярство, а послѣ женитьбы Василія Ивановича и свободу. За него поручились бояре: кн. Дм. Ѳеод. Бѣльскій, кн. Вас. Вас. Шуйскій и кн. Бор. Ив. Горбатовъ, обязуясь, въ случаѣ его бѣгства, заплатить въ казну пять тысячъ рублей. За поручителей, въ свою очередь, ручались многіе бояре и дворяне, распредѣляя, сколько они должны уплатить, если поручители окажутся несостоятельными. Въ 1530 г. кн. Г. былъ однимъ изъ главныхъ воеводъ во время похода подъ Казань. Въ 1533 г. на свадьбѣ кн. Андрея Ивановича (брата вел. кн. Василія Ивановича) сидѣлъ за окольничьимъ столомъ. Осенью того же 1533 г. кн. Г. находился при великомъ князѣ Василіи Ивановичѣ, когда тотъ занемогъ во время охоты въ с. Колпи; затѣмъ, въ числѣ другихъ бояръ, сопровождалъ его въ Волоколамскъ, въ Іосифовъ монастырь и, наконецъ, въ Москву. Какимъ довѣріемъ кн. Г-ій пользовался у великаго князя, видно изъ того, что и въ Колпи и въ Москвѣ великій князь совѣтовался о мѣрахъ для облегченія своей болѣзни не только съ двумя иноземными врачами, но и съ кн. Г. Участвовалъ онъ, по возвращеніи великаго князя въ Москву, и въ «думѣ» относительно написанія духовной грамоты. Это назначеніе было сдѣлано великимъ княземъ, потому что кн. Г. былъ роднымъ дядей великой княгини Елены. За три дня до кончины пріобщившись Св. Таинъ, Василій Ивановичъ обратился къ боярамъ съ такими словами: «Постойте, братья, крѣпко, чтобъ мой сынъ учинился на государствѣ государемъ, чтобъ была въ землѣ правда, и въ васъ розни никакой бы не было; приказываю вамъ Михайлу Львовича Глинскаго, человѣкъ онъ къ намъ пріѣзжій; но вы не говорите, что онъ пріѣзжій, держите его за здѣшняго уроженца, потому что онъ мнѣ прямой слуга; будьте всѣ сообща, дѣло земское и сына моего дѣло берегите и дѣлайте заодно; а ты бы, князь Михайло Глинскій, за сына моего Ивана, и за жену мою, и за сына моего князя Юрья кровь свою пролилъ и тѣло свое на раздробленіе далъ». 3-го декабря почти весь день кн. Г. пробылъ у постели умирающаго; ему, боярину Мих. Юрьев. Захарьину и любимцу своему Ив. Юрьев. Шигонѣ-Поджогину великій князь дѣлалъ послѣднія распоряженія, касавшіяся какъ его семьи, такъ и государства.

Первое время послѣ смерти Василія Ивановича самыми вліятельными лицами были кн. Г. и Шигона Поджогинъ. Вскорѣ, однако, первенствующее значеніе получилъ любимецъ великой княгини Елены, кн. Ив. Ѳеод. Телепневъ-Оболенскій. Что именно руководило кн. Г-мъ: только часто-

любивыя стремленія, или также и нравственныя побужденія — мы не беремся рѣшить, но кн. Г. доказывалъ вел. кн. Еленѣ нежелательность близости ко двору и вліянія на нее кн. Телепнева-Оболенскаго. Такого рода вмѣшательство дорого обошлось кн. Г—му. Онъ былъ обвиненъ въ томъ, что захотѣлъ стать во главѣ государства со своимъ единомышленникомъ, Мих. Семенов. Воронцовымъ. Народная молва пошла дальше и обвинила кн. Г. въ отравленіи вел. кн. Василія Ивановича. Въ августѣ 1534 г. кн. Г. былъ схваченъ и помѣщенъ въ ту самую палату, въ которой сидѣлъ при Василіи Ивановичѣ. Недолго на этотъ разъ пришлось ему томиться въ заключеніи: онъ умеръ 15-го сентября того же года. Похоронили его въ церкви Св. Никиты за Неглинной; потомъ вынули изъ земли и отвезли въ Троицкій монастырь, гдѣ совершили болѣе торжественное погребеніе.

Одна изъ «думъ» Рылѣева посвящена вторичному пребыванію кн. Г—го въ темницѣ и кончинѣ его тамъ.

Кн. Михаилъ Львовичъ былъ женатъ на княжнѣ Еленѣ Ивановнѣ Телепневой-Оболенской, дочери кн. Ивана Васильевича Нѣмого и двоюродной племянницѣ кн. Ив. Ѳеод. Телепнева (любимца вел. княгини Елены Васильевны). У него были: сынъ кн. Василій Михайловичъ († 1565 г.) и дочь, неизвѣстная по имени, за кн. Ѳеод. Ив. Троекуровымъ.

«Акты Зап. Россіи», I, II.—«Акты ист.», I. — «Сборн. Госуд. Гр. и Дог.», I. — «Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ.», т. 95. — «Др. Росс. Вивл.», XIII и XX. — «Памятники дипломатическихъ сношеній», I. — Лобановъ-Ростовскій, «Русск. род. книга», I, 2-е изд. — «Записки о Московіи барона Герберштейна». Перев. Анонимова. — М. Корниловичъ, «Кн. Михаилъ Глинскій» (Взято изъ польскихъ и русскихъ лѣтописцевъ и изъ Герберштейна). «Сынъ Отечества» 1834 г., № 45. — Карамзинъ, «Исторія госуд. Росс.», VII—IX. — Соловьевъ, «Исторія Россіи», V. — Бантышъ-Каменскій, «Словарь достоп. людей русской земли», 1836 г., II. — Плюшаръ, «Энциклопедическій лексиконъ», т. 14. — Сочиненія Рылѣева изд. Ефремова. — Wolff, «Kniaziowie litewsko-ruscy», 80 — 85. — Boniecki, «Herbarz polski», VI, 83 — 84. — «Московскій Некрополь», т. I. *В. Корсакова.*

Глинскій, князь *Юрій Васильевичъ*, сынъ князя Василія Львовича, родной дядя Іоанна Грознаго, по словамъ Карамзина былъ не только честолюбивъ, но и мстителенъ, вслѣдствіе чего заслужилъ ненависть бояръ. Въ 1536 г. онъ состоялъ въ должности кравчаго, а въ 1540 г. пожалованъ въ бояре. Въ 1543 г., когда царю Іоанну было тринадцать лѣтъ, кн. Юрій Глинскій и братъ его кн. Михаилъ стали внушать племяннику, что онъ достаточно возмужалъ, чтобы взять въ свои руки бразды правленія государствомъ, что пора положить конецъ боярскому самовластію. Внушенія подѣйствовали, и первой жертвой палъ кн. Андрей Мих. Шуйскій, доставившій Іоанну въ дѣтствѣ и отрочествѣ много тяжелыхъ минутъ. 16 января 1547 г., въ день вѣнчанія на царство Іоанна, кн. Юрій осыпалъ его въ церковныхъ дверяхъ и на лѣстницѣ золотыми деньгами. Въ 1547 г. февр. 3-го на свадьбѣ царя съ Анастасіей Романовной Захарьиной кн. Юрій и жена его княгиня Ксенія Васильевна, рожденная кн. Бычкова-Ростовская, были у постели и стлали постелю. Въ томъ же году въ Москвѣ произошелъ ужасный пожаръ. На другой день Іоаннъ поѣхалъ въ Новоспасскій монастырь навѣстить Московскаго митрополита, едва уцѣлѣвшаго во время пожара. Когда стали обсуждать причину этого бѣдствія, постигшаго Москву, — духовникъ царя, кн. Скопинъ-Шуйскій и другіе бояре, враждебно относившіеся къ кн. Глинскимъ, внушили царю, что Москва сгорѣла «отъ волшебства нѣкоторыхъ злодѣевъ». Царь удивился и велѣлъ боярамъ произвести разслѣдованіе. Черезъ два дня, когда молва о «волшебствѣ» и «злодѣяхъ» успѣла разнестись по Москвѣ и чернь была достаточно подготовлена, — бояре пріѣхали въ Кремль, собрали жителей на площади и стали спрашивать, кто жегъ Москву? Раздались крики: «Глинскіе! Глинскіе! Мать ихъ княгиня Анна вынимала сердца изъ мертвыхъ, клала въ воду и кропила ею всѣ улицы, ѣздя по Москвѣ. Вотъ отчего мы сгорѣли!» Изъ Глинскихъ присутствовалъ при этомъ только кн. Юрій, находившійся въ Кремлѣ въ кругу бояръ. Видя ярость толпы, онъ надѣялся найти спасеніе въ храмѣ и спрятался въ соборной

церкви Успенія. Это не помогло: народъ вломился вслѣдъ за нимъ. Князь Юрій былъ убитъ въ церкви. Тѣло его выбросили на Лобное мѣсто, множество слугъ кн. Глинскихъ умертвили, имущество разграбили. Произошло это 26 іюня 1547 г. Вдова кн. Юрія постриглась въ монашество съ именемъ Евфросиніи.

Лобановъ-Ростовскій, «Русск. родосл. кн», т. I. — «Др. Рос. Вивл.», VIII, XX. — Карамзинъ, «Исторія государства Росс.», XIII. — Соловьевъ, «Исторія Россіи», VI. — Плюшаръ, «Энциклопед. лексиконъ», т. 14.

В. Корсакова.

Глоба, *Иванъ Яковлевичъ*, послѣдній писарь войска Запорожскаго, первоначально служилъ писаремъ на запорожскихъ перевозахъ и въ паланкахъ; въ 1762 г. выбранъ войсковымъ писаремъ и въ томъ же году ѣздилъ съ кошевымъ атаманомъ Григорьемъ Ѳедоровымъ въ Петербургъ по дѣламъ войска. Въ 1765 г. снова ѣздилъ въ Петербургъ съ депутаціей отъ запорожцевъ. Въ 1770 г. принималъ участіе въ турецкой войнѣ и получилъ въ 1771г. золотую медаль на Андреевской лентѣ. Онъ оставался въ должности до самаго уничтоженія Сѣчи, въ теченіе 10 лѣтъ, чего до того времени «изъ вѣку вѣковъ не бывало». Г. отличался выдающимся умомъ, познаніями и смѣтливостью, такъ что прослылъ самымъ умнымъ казакомъ въ Сѣчи. Онъ сочинилъ рѣчь, которая сказана была запорожской депутаціей Екатеринѣ II въ Москвѣ 9 сентября 1762 г. во время принесенія ей поздравленій съ восшествіемъ на престолъ и произвела благопріятное впечатлѣніе на Государыню (напечатана въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1840 г., II, 163). 4 іюня 1775 г. произошло паденіе Сѣчи: генералъ-поручикъ Текеллій окружилъ ее и потребовалъ къ себѣ кошевого атамана Калнишевскаго, Глобу и войскового судью Головатаго. По явкѣ къ нему, они были взяты подъ караулъ, а затѣмъ за «дерзновенные поступки» и «вѣроломное буйство» по Высочайше конфирмованному 14 мая 1776 г. докладу князя Потемкина заключены въ монастыри; имущество ихъ было описано на удовлетвореніе вѣрноподданныхъ, сносившихъ буйство запорожцевъ безъ сопротивленія. Глобѣ назначено было содержаніе по полуполтинѣ въ день изъ секвестрованнаго запорожскаго имѣнія. Заточеніе было строгое. Синодъ по требованію Потемкина указалъ, «чтобы узники сіи содержаны были безвыпускно изъ монастырей и удалены бы были не только отъ переписокъ, но и отъ всякаго съ посторонними людьми обращенія». Г. сосланъ былъ въ Туруханскій монастырь, гдѣ и умеръ въ 1791 г., до 7 сентября; послѣ его смерти остались деньги и нѣкоторое имущество, реестръ котораго составленъ былъ 7 сентября 1791 г.; имущество досталось его племянницѣ, деньги же она оставила на монастырь.

А. Скальковскій, «Исторія Новой Сѣчи», II, 290, 303, III, 83; П. Ефименко, «Послѣдній писарь войска Запорожскаго Глоба» («Кіевск. Старина», 1883 г., № 8, стр. 368—371); «Русская Старина» 1875 г., т. XIV (П. С. Ефименко, «Калнишевскій, послѣдній кошевой Запорожской Сѣчи»), 1876 г., т. XV, 218; Иверсенъ, «Медали въ честь рус. дѣятелей».

О. Жукова.

Головачевскій, *Кириллъ Ивановичъ*, см. **Головачевскій.**

Глотовъ, *Александръ Яковлевичъ*, писатель, родился 2 мая 1779 г. въ Воронежской губ. На двѣнадцатомъ году (12 іюня 1790 г.) его опредѣлили въ Морской кадетскій корпусъ, гдѣ онъ былъ произведенъ въ гардемарины (1мая 1794 г.). Особенное усердіе и прилежаніе его обратили вскорѣ на себя вниманіе начальства, и Г. въ началѣ 1795 г. получилъ чинъ капрала и затѣмъ сержанта. Съ моремъ впервые Г. познакомился въ 1794 г., когда поступилъ на корабль «Побѣдоносецъ» подъ флагомъ адмирала Чичагова. Въ 1794—1797 гг. былъ ежегодно въ плаваніи на Балтійскомъ морѣ. 1 мая 1797 г. онъ былъ произведенъ въ мичманы. Въ 1797 г. былъ въ кампаніи у Красной Горки. Съ 1789 по 1800 г. Г. находился при Кронштадтскомъ портѣ, въ 1800—1803 гг. ежегодно плавалъ по Финскому заливу, а въ 1803 г. состоялъ при Петербургскомъ портѣ. Съ производствомъ въ лейтенанты (10 марта 1804 г.) Г. вновь былъ причисленъ къ Кронштадтскому порту, гдѣ и оставался до 1805 г., когда

морская служба его кончилась: 16 октября онъ былъ причисленъ къ Государственному Адмиралтейскому департаменту и назначенъ смотрителемъ модель-камеры и музея и былъ переименованъ въ классный чинъ. Въ 1806 г. былъ назначенъ комиссіонеромъ экспедиціи исправленія Ревельскаго порта, сохраняя и преждевозложенныя на него должности. Еще съ малолѣтства наблюдалась въ немъ большая склонность къ механикѣ, и теперь, въ совершенствѣ ознакомившись съ морскимъ дѣломъ, Г. приложилъ свои способности къ этой спеціальности. Такъ, въ 1807 г. онъ окончилъ модель 44-пушечнаго фрегата въ полномъ вооруженіи и представилъ ее въ общее собраніе департамента, которое нашло необходимымъ препроводить эту модель къ министру морскихъ силъ, при особой рекомендаціи, находя ее достойной для поднесенія государю. Въ этомъ же году 31 декабря Г. получилъ чинъ 8-го класса. Въ слѣдующемъ году ему предписано было явиться въ экспедицію исправленія Кронштадтскаго порта, для постройки телеграфа по южному берегу Кронштадтской губы. Составленный для этого планъ былъ одобренъ, и Г. приступилъ къ постройкѣ его и дома на Красной Горкѣ, въ 30 верстахъ отъ Кронштадта. Въ 1809 г. Г. былъ назначенъ комиссіонеромъ экспедиціи исправленія Кронштадтскаго порта, отъ которой неоднократно получалъ различныя порученія и благодарность за успѣшное исполненіе ихъ. Отъ должности комиссіонера экспедиціи Ревельскаго порта Г. былъ уволенъ въ 1810 г., а осенью слѣдующаго года ему была поручена доставка 11000 бревенъ и др. матеріаловъ, для постройки батарей въ Кронштадтѣ. Въ 1816 г. онъ былъ произведенъ въ чинъ 7-го класса. Въ 1818 г. Г. былъ назначенъ завѣдующимъ модельной мастерской, и, кромѣ того, ему было поручено привести въ порядокъ всѣ вещи, принадлежащія музею Адмиралтейскаго департамента. За весьма успѣшное выполненіе этой работы Г. въ слѣдующемъ году былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-й ст. Въ 1820 г. по представленію министра морскихъ силъ удвоено содержаніе, получаемое имъ при Адмиралтейскомъ департаментѣ, а въ 1821 г. онъ былъ назначенъ почетнымъ членомъ Адмиралтейскаго департамента и произведенъ въ чинъ 6-го класса. Умеръ Г. въ 1825 г., состоя въ чинѣ 5-го класса. Ещевъ 1809 г. Г. представилъ въ Адмиралтейскій департаментъ составленную имъ рукопись «Обозрѣніе принадлежностей корабля», которая не была напечатана, хотя департаментъ и нашелъ ее полезною. Вторично эта рукопись была представлена, вѣроятно съ измѣненіями и дополненіями, подъ заглавіемъ «Изъясненіе принадлежностей къ вооруженію корабля» въ 1816 г. и была напечатана (Спб. 1816 г. 4⁰) по Высочайшему повелѣнію въ количествѣ 1200 экземпляровъ съ обращеніемъ ихъ въ пользу автора. По напечатаніи книги, за оказанные труды и усердіе къ службѣ, Г. былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст., а за поднесеніе экземпляровъ этого сочиненія Императорской фамиліи онъ получилъ подарки. Кромѣ того, изданы были слѣдующіе труды Г.: «Способъ спасать экипажъ при крушеніи корабля или судна» (Спб. 1820 г.); «Способъ поднимать утонувшіе грузы» (Спб. 1820 г.); «Способъ спасать экипажъ при крушеніи» (Спб. 1820 г.); «Способъ замѣнять потерянный кораблемъ руль и новый способъ устроенія рулей» (Спб. 1822 г.); «Способъ устроенія нахтоуза съ рефлекторами, служащими къ отраженію свѣта при управленіи кораблемъ по компасу ночью» (Спб. 1822 г.) и «О компасахъ XIX столѣтія». Указанные Г. способы спасать экипажъ при кораблекрушеніи и поднимать утонувшіе грузы Адмиралтейская коллегія положила ввести въ употребленіе, и для поднятія утонувшихъ грузовъ былъ устроенъ плашкоутъ съ поворотнымъ краномъ. Способъ устроенія нахтоуза съ рефлекторами былъ также одобренъ Адмиралтейскимъ департаментомъ. Кромѣ всѣхъ этихъ трудовъ Г. напечаталъ въ «Сынѣ Отечества» 1816 г. (№№ 44, 47 и 49) «Письмо къ издателю» (по поводу статьи Свиньина «Воспоминаніе о плаваніи россійскаго флота подъ командою вице-адмирала Сенявина») и въ «Отечественныхъ Запискахъ» Свиньина двѣ статьи «Чесменскій бой» (ч. 3) и «Гангоутское сраженіе, увѣнчавшее

Россійскій флотъ первою побѣдою на морѣ» (ч. 6 и 7). Въ нихъ Г. первый далъ подробное описаніе этихъ сраженій. Первая статья («Чесменскій бой») есть отрывокъ изъ сочиненія «Описаніе Архипелагскихъ кампаній 1769-1774 гг.». Въ рукописи послѣ смерти Г. осталось много трудовъ, въ томъ числѣ матеріалы для исторіи русскаго флота и «Морской словотолкователь», надъ которымъ А. Я. трудился болѣе 15 лѣтъ. Этотъ трудъ — полная морская энциклопедія; въ немъ помѣщены всѣ слова, относящіяся къ мореплаванію, кораблестроенію, математикѣ, артиллеріи и др. наукамъ, имѣющимъ отношеніе къ морскому дѣлу. Первая буква А уже была переведена Г. на 10 языковъ. Въ своемъ предисловіи авторъ выражаетъ сожалѣніе о томъ, что моряки различно пишутъ морскія техническія слова, для отвращенія чего онъ объясняетъ происхожденіе русскаго морского языка и подводитъ его подъ нѣкоторыя общія правила, дабы ввести однообразіе въ письмѣ и выговорѣ словъ. Г. былъ членомъ С.-Петербургскаго общества любителей наукъ, словесности и художествъ и Вольно-экономическаго общества.

Брокгаузъ и Ефронъ, «Энциклопед. словарь»; Геннади, «Справочный словарь русскихъ ученыхъ и писателей»; «Морской сборникъ» 1857 г., т. 28, № 3; «Записки гидрографическаго департ.», 1856 г., ч. III, стр. 452; «Сынъ Отечества» 1817 г., № 24; Венгеровъ, «Источники словаря русск. пис. и ученыхъ»; «Общій морской списокъ», ч. III, 380—381; «Описаніе дѣлъ Архива Морск. мин-ва», т. VIII, стр. 158, 175, 177—186, т. IX, стр. 140, 360, 499, 536, 783, 784.

А. Ельницкій.

Глотовъ, *Петръ Петровичъ*, генералъ-лейтенантъ, директоръ Михайловскаго Воронежскаго кадетскаго корпуса, изъ дворянъ Воронежской губ., родился 15 апрѣля 1827 г., умеръ 19 ноября 1888 г. въ Воронежѣ. Получивъ воспитаніе въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ, въ службу вступилъ прапорщикомъ въ л.-гв. Гренадерскій полкъ въ 1845 г. Въ 1852 г. былъ прикомандированъ къ Михайловскому Воронежскому кадетскому корпусу въ должность репетитора математики. Съ 1 января 1855 г. по 1 августа 1857 г. преподавалъ физику, а съ 1 августа 1857 г. по августъ 1861 г. — тактику и военную исторію. Въ 1859 г. назначенъ помощникомъ инспектора классовъ, 13 мая 1863 г. — инспекторомъ. Это его назначеніе совпало съ начинавшимся тогда преобразованіемъ кадетскихъ корпусовъ въ военныя гимназіи, и Г. принялся за изученіе реформы, такъ что въ 1865 г., когда былъ преобразованъ Михайловскій Воронежскій кадетскій корпусъ въ военную гимназію, назначенный туда директоромъ П. П. Винклеръ нашелъ въ Г. энергичнаго помощника для осуществленія реформы. Кромѣ того, Г. былъ съ 1 января 1865 г. избранъ гласнымъ воронежскихъ губернскаго и уѣзднаго земскихъ собраній и въ то же время состоялъ членомъ въ губернскомъ (5 декабря 1865 г. — 16 мая 1867 г.) и уѣздномъ училищныхъ совѣтахъ. Въ 1867 г. Г. въ чинѣ полковника былъ назначенъ директоромъ Полоцкой военной гимназіи; вскорѣ сталъ во главѣ школы бывшаго Православнаго Братства для приготовленія народныхъ учителей, за труды по управленію этой школой награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й ст. 5 августа 1878 г., въ чинѣ генералъ-маіора, перемѣщенъ директоромъ же въ Михайловскую Воронежскую военную гимназію и вскорѣ вновь избранъ губернскимъ земскимъ гласнымъ. Въ 1885 г. вышелъ въ отставку. Въ 1861 г. Г. совмѣстно съ М. Ѳ. Де-Пуле издалъ литературно-научный сборникъ «Воронежская Бесѣда».

«Педагогическій Сборникъ» 1889 г., т. 3, стр. 276—279 (некрологъ); «Воронежскія Губернскія Вѣдомости» 1888 г., № 89; «Воронежскій Телеграфъ» 1888 г., № 134; Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей», вып. X, стр. 89; Брокгаузъ-Ефронъ, «Энциклопедическій словарь», XIII (Воронежская бесѣда).

Е. Александровичъ.

Глотовъ, *Степанъ*, Яренскій мѣщанинъ, мореходъ, водившій суда въ первыя путешествія русскихъ къ Алеутскимъ островамъ, искусствомъ и предпріимчивостію своею пріобрѣлъ отъ сибиряковъ довѣренность и уваженіе. Въ 1758 (1757) г. вышелъ онъ въ море на ботѣ, принадлежавшемъ московскому купцу Ивану Никифорову, имѣя повелѣніе не приставать къ извѣстнымъ островамъ, но стараться отыскивать новые. Проведя зиму на Беринговомъ островѣ, отправился онъ на во-

стокъ и присталъ къ неизвѣстному еще тогда острову Умнаку, гдѣ и провелъ три зимы. Богатый грузъ чернобурыхъ и другихъ лисицъ, имъ доставленный, оцѣненъ въ 130.450 рублей. Г. первый доставилъ извѣстіе объ островѣ Умнакѣ и первый привезъ въ Россію мѣха черныхъ лисицъ. По его порученію, бывшій съ нимъ для сбора ясака, казакъ Пономаревъ вмѣстѣ съ купцомъ Петромъ Шишкинымъ составили довольно обстоятельную карту Алеутскихъ острововъ. 1 октября 1762 г. Г. на суднѣ купца Лапина «Адріанъ и Наталія» съ товарищами (38 русскихъ и 8 камчадаловъ) выступилъ въ путь; проведя зиму на островѣ Мѣдномъ, 26 іюля слѣдующаго года онъ возобновилъ плаваніе, пошелъ на востокъ и, миновавъ 24 августа Умнакъ, а затѣмъ 8 маленькихъ острововъ, увидѣлъ большой гористый островъ, до котораго не доходилъ ни одинъ изъ прежнихъ плавателей. Островъ этотъ названъ Кадьякомъ. Здѣсь Г. расположился зимовать. Не замѣтя добраго расположенія въ жителяхъ, онъ рѣшился провести зиму на кораблѣ, содержа безсмѣнный караулъ. Чрезъ нѣсколько дней островитяне на зарѣ подкрались къ судну и стали пускать въ него стрѣлы. Караулъ отвѣчалъ ружейными выстрѣлами; дикари, испуганные незнакомымъ имъ огнемъ, тотчасъ убѣжали. По уходѣ ихъ нашли лѣстницы, сѣру и бересту; Г. послѣ этого усилилъ караулъ. 4 октября дикари, въ числѣ 200 человѣкъ, сдѣлали вторичное нападеніе, но, предохраняя себя отъ пуль, несли передъ собою деревянные щиты и изъ-за нихъ метали стрѣлы. Сильная пальба скоро обратила ихъ въ бѣгство. 26 октября островитяне, около 300 человѣкъ, укрываясь за семью щитами, вновь подступили къ судну; Г. склонялъ ихъ чрезъ толмача къ миролюбію, но, когда дикіе пустили въ него стрѣлы, приказалъ открыть пальбу. Дикіе подъ охраной щитовъ продолжали наступать; тогда Г. ссадилъ людей на берегъ, стремительно бросился на толпу и скоро прогналъ ее. Послѣ этого Г. построилъ зимній шалашъ. Хотя дикари больше не безпокоили русскихъ, но они не отходили далеко и только ловили въ близъ лежащемъ озерѣ рыбу. Въ теченіе зимы 9 человѣкъ умерли отъ цынги. Съ 4 апрѣля островитяне сдѣлались смирнѣе и начали промѣнивать мѣха на пряности и бисеръ. 24 мая Г. снялся съ якоря, поплылъ къ острову Умнаку и здѣсь сталъ на якорь 3 іюля. Десять человѣкъ, отправленные на берегъ, пошли къ прежнему своему жилищу и съ ужасомъ увидѣли за печкою заколотаго русскаго. Испугавшись, бросились они къ байдарѣ, преслѣдуемые множествомъ стрѣлъ, пущенныхъ изъ-за камня, но благополучно достигли до судна. Несмотря на это, Г. рѣшился остаться здѣсь на зиму для промысла, сошелъ на берегъ, отразилъ дикарей, противившихся высадкѣ, и принудилъ ихъ удалиться съ острова. На этомъ же островѣ Г. встрѣтился съ другимъ мореходцемъ — Коровинымъ. Въ теченіе зимы туземцы не были на островѣ, лѣтомъ же они стали появляться и обмѣнивать мѣха лисицъ и бобровъ на пронизки. Въ іюлѣ 1766 г. Г. предпринялъ обратное путешествіе и въ августѣ возвратился съ большимъ грузомъ.

«Біографическій Словарь» Казадаева (рукопись); П. Палласъ, «О Россійскихъ открытіяхъ на моряхъ между Азіею и Америкою» («Собраніе сочиненій, выбранныхъ изъ мѣсяцеслововъ на разные годы», ч. IV, стр. 333—362).

О. Жукова.

Глуховъ, *Владиміръ Семеновичъ*, тайный совѣтникъ, профессоръ Института Путей Сообщенія, членъ совѣта торговли и мануфактуръ Министерства Финансовъ, происходилъ изъ дворянъ Нижегородской губ. и родился 16 февраля 1813 г. Образованіе онъ получилъ въ институтѣ корпуса инженеровъ путей сообщенія, который окончилъ 9 іюня 1830 г. съ производствомъ въ офицеры этого корпуса и съ оставленіемъ при институтѣ. Г. служилъ тамъ болѣе 30 лѣтъ, сначала въ качествѣ репетитора математики, а затѣмъ помощникомъ профессора и профессоромъ физики, физической географіи и высшей геодезіи, а наконецъ наставникомъ-наблюдателемъ по естественнымъ наукамъ, руководя практическими занятіями учениковъ; онъ преподавалъ также въ Горномъ институтѣ и во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ. Кромѣ того, Г. состоялъ помощникомъ редактора «Журнала Путей Сообщенія» въ про-

долженіе нѣсколькихъ лѣтъ (въ 40-хъ годахъ) и былъ членомъ учебнаго комитета Главнаго управленія путей сообщенія и правителемъ дѣлъ въ комиссіи по устройству въ Россіи электромагнитнаго телеграфа. Онъ первый подалъ мысль объ устройствѣ проводниковъ изъ повѣшенной на столбахъ проволоки. По его настоянію принята въ Россіи система Морза. Кромѣ того, имъ составлена карта тарифныхъ телеграфныхъ поясовъ для Россіи и таблицы провѣсовъ телеграфной проволоки при разныхъ температурахъ. 19 апрѣля 1864 г. Г. произведенъ въ генералъ-маіоры. При введеніи питейно-акцизной системы въ 60-хъ годахъ директоръ департамента неокладныхъ сборовъ К. К. Гротъ пригласилъ Г. въ комиссію по испытанію контрольныхъ виноизмѣряющихъ снарядовъ, а вскорѣ онъ перешелъ на службу въ Министерство Финансовъ управляющимъ экспедиціей для провѣрки вновь вводимыхъ въ Россію спиртомѣровъ Траллеса. Имъ устроены и провѣрены для акцизныхъ управленій образцовыя питейныя мѣры. Вскорѣ Г. былъ назначенъ ученымъ хранителемъ депо мѣръ и вѣсовъ и въ этой должности состоялъ до упраздненія этого учрежденія въ 1893 г. По его предложенію депо мѣръ и вѣсовъ перешло изъ вѣдѣнія горнаго департамента въ департаментъ торговли и мануфактуръ и была образована комиссія для его преобразованія. Въ 1861 г. Г. былъ экспертомъ мануфактурной выставки въ Петербургѣ, затѣмъ онъ былъ посланъ депутатомъ отъ русскаго правительства въ международную конференцію въ Парижѣ по введенію общей метрической системы. Во вниманіе къ долголѣтней полезной дѣятельности, Г. назначенъ почетнымъ членомъ совѣта торговли и мануфактуръ. 9 іюня 1880 г. Г. произведенъ въ тайные совѣтники. Онъ имѣлъ высшіе ордена св. Станислава 1-й ст. (1870), св. Анны 1-й ст. (1889) и св. Владиміра 3-й ст. (1867). Умеръ 12 февраля 1894 г. и похороненъ на Митрофановскомъ кладбищѣ. Научные труды Г.: 1) «Докладъ комиссіи о способахъ возстановленія русской единицы вѣса», 2) «Описаніе способовъ повѣрки вѣсовыхъ гирь и ведерныхъ мѣръ въ депо образцовыхъ мѣръ и вѣсовъ», 3) «Памятная книжка для инженеровъ и архитекторовъ», ч. I. Спб. 1864 г. 16°, въ сотрудничествѣ съ г. Собко, напечатана на казенный счетъ. Кромѣ того, онъ напечаталъ въ «Журналѣ Путей Сообщенія» нѣсколько рецензій (въ 1853—1857 гг.) и статьи: 1) Приложеніе гальванизма къ воспламененію зарядовъ при взрывѣ скалъ (1845 г., т. I); 2) О нивеллирахъ и практическихъ пріемахъ при ихъ употребленіи (1847 г., т. 5); 3) О причинахъ схода вагоновъ съ рельсовъ (1848 г., т. 8); 4) Объ англійскихъ нивеллирахъ Троутона и Гравота (1852 г., т. 15); 5) Объ ударѣ водяной струи въ движущіяся и неподвижныя поверхности (1854 г., т. 20).

«Новое Время» 1894 г., № 6452; «Новости» 16-го февраля 1894 г.; «Списки чинамъ первыхъ четырехъ классовъ»; Адресъ-Календари; «Петербургскій Некрополь», т. I; «Систематическій указатель къ Журналу Путей Сообщенія», Спб. 1866 г. *Е. Александровичъ.*

Глуховъ, *Николай Гавриловичъ*, электротехникъ-изобрѣтатель, родился въ 1831 г., умеръ 2 апрѣля 1893 г. въ Москвѣ, погребенъ въ Алексѣевскомъ монастырѣ. Получивъ образованіе въ Дворянскомъ полку, служилъ въ артиллеріи и въ 1858 г. вышелъ въ отставку въ чинѣ штабсъ-капитана, послѣ чего посвятилъ себя электротехникѣ. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ русскихъ электриковъ, содѣйствовавшихъ наукѣ объ электричествѣ и достигъ большого совершенства въ гальванопластикѣ. Обладая хорошими знаніями въ химіи, Г. много работалъ надъ разложеніемъ съ помощью электрическаго тока сложныхъ химическихъ соединеній, и однимъ изъ крупныхъ шаговъ въ развитіи этого дѣла былъ изобрѣтенный имъ способъ электрическаго разложенія соли и добыванія изъ нея каустической соды. Онъ выставилъ на III электрической выставкѣ нѣкоторые приборы, двигатели и динамо-машины своего изобрѣтенія, удостоенные Импер. Русскимъ Техническимъ обществомъ медали за оригинальные принципы, положенные въ основаніе ихъ конструкціи, и за удачное осуществленіе принципа самовозбужденія въ динамо-машинѣ перемѣннаго тока. Г. былъ членомъ нѣсколькихъ спеціальныхъ ученыхъ кружковъ и обществъ и дѣятельнымъ сот-

рудникомъ электро-техническихъ изданій. Ему рано измѣнило здоровье, и послѣдніе годы онъ работалъ только дома въ своей лабораторіи. Послѣднія работы его, почти законченныя, не могли быть приведены въ исполненіе.

«Русскія Вѣдомости» 1893 г., №№ 90, 91 (некрологъ, въ извлеченіи перепечатанный въ «Всемірной Иллюстраціи» 1893 г., т. 49, стр. 286); «Новое Время» 1893 г., № 6149 (некрологъ). *О. Жукова.*

Глушковскій, *Адамъ Павловичъ*, балетмейстеръ Императорскихъ Московскихъ театровъ, получилъ воспитаніе въ Петербургскомъ театральномъ училищѣ, гдѣ былъ однимъ изъ любимыхъ учениковъ знаменитаго Дидло. Въ его хореографическомъ образованіи большую роль сыгралъ Дюпоръ, которому онъ вначалѣ подражалъ. Одинъ современникъ такъ говоритъ (въ статьѣ, напечатанной въ «Вѣстникѣ Европы» за 1812 г.) о вліяніи Дюпора на Г. и о преимуществахъ послѣдняго передъ первымъ: «Г., который летаетъ теперь зефиромъ, конечно много обязанъ французскому танцовщику: не можно дать себѣ легкости, но можно перенять нѣкоторые пріемы, шаги, выступку, положеніе тѣла — и въ этомъ надо отдать справедливость переимчивости г-на Глушковскаго. А въ разсужденіи игры пантомимической онъ уже и теперь имѣетъ большое преимущество передъ Дюпоромъ, которой по лѣтамъ своимъ неспособенъ къ усовершенію, между тѣмъ какъ нашъ юный ученикъ театральной школы даетъ о себѣ весьма пріятную надежду». Въ 1811 г. Г. посланъ былъ въ Москву. Въ февралѣ 1812 г. онъ танцовалъ въ Арбатскомъ театрѣ въ балетѣ «Алжирцы, или побѣжденные морскіе разбойники», а 7 мая въ пантомимномъ балетѣ «Деревенская героиня», поставленномъ для бенефиса Махаевой и его самого. 1 сентября Г. выѣхалъ изъ Москвы въ Кострому, назначенную мѣстопребываніемъ для московскихъ театральныхъ учрежденій, но костромской губернаторъ помѣстилъ театральное училище въ Плесѣ, гдѣ Г. возобновилъ занятія съ учениками и ученицами. Въ февралѣ 1813 г. Г. переѣхалъ съ училищемъ изъ Плеса въ Кострому, а затѣмъ въ Москву; спектакли по возвращеніи туда возобновились только 30 авг. 1814 г. Весь балетъ того времени держался на одномъ Г., совмѣщавшемъ должности «дансёра», балетмейстера и учителя театральной школы. Его ученицами были лучшія балерины 10-хъ и 20-хъ годовъ XIX ст.: Глушковская (1812), Новицкая (1813), Кроткова 3 (1817), Лобанова (1820), Лопухина (1822). Въ 1817 г. Г. повредилъ себѣ спину, а въ 1818 г. вывихнулъ ногу, что однако не помѣшало его дальнѣйшей балетмейстерской дѣятельности. 14 октября 1824 г., въ день открытія Малаго театра, данъ былъ поставленный Г. анакреонтическій балетъ Дюпора въ 1 д. «Зефиръ, или вѣтренникъ, сдѣлавшійся постояннымъ», но для постановки новыхъ балетовъ въ день открытія Большого театра завѣдывавшій Московскими театрами генералъ губернаторъ кн. Д. В. Голицынъ ходатайствовалъ о командировкѣ въ Москву Дидло, а за отказомъ въ этой командировкѣ рѣшилъ послать въ Петербургъ Г. и 30 мая 1824 г. просилъ о предоставленіи послѣднему возможности заимствовать у Дидло одинъ или два большихъ балета. Однако для перваго спектакля въ новомъ Большомъ театрѣ танцы въ прологѣ и балетъ («Сандрильона» Альберта) поставлены были не Г., а балериной Гюлень-Сорь. По штатамъ 1825 г. Г. положено было жалованье въ 4000 рублей. Какъ артистъ и балетмейстеръ Г. пользовался большимъ успѣхомъ у публики, въ особенности въ балетахъ «Островъ любви», «Русланъ и Людмила», «Черная шаль», «Александръ Македонскій», «Очарованный замокъ». Въ теченіе своей 30-лѣтней службы онъ поставилъ въ театрахъ Арбатскомъ (1812), Апраксина на Знаменкѣ (1814—1818), Пашкова на Моховой (1818—1824), Маломъ (съ 1824 г.) и Большомъ (съ 1825 г.) множество балетовъ какъ своихъ, такъ и чужихъ. Имъ были поставлены слѣдующіе собственные балеты и бывшіе тогда въ большой модѣ дивертисменты: въ 1812 г. — «Дафнисъ и Хлоя», анакреонт. бал. (24 мая), въ 1814 г. — «Островъ любви, или забавы сельскихъ пастуховъ», бал. (9 сент.), «Деревенскія забавы», диверт. (9 окт.), «Развратный, или вертепъ разбойниковъ», героич. бал. въ 3 д.

(29 окт.) и новый турецкій дивертисментъ (27 ноября), въ 1815 г. — «Венеціанскій карнавалъ», диверт. (7 янв.), «Великодушіе турецкаго паши», бал. (18 янв.), «Праздникъ на морской пристани, или супружеское примиреніе», бал. въ 1 д. (5 мая), «Роза и Колинъ», бал. (26 іюдя), «Гулянье на Воробьевыхъ горахъ», дивертисментъ (25 ноября), и «Филатка съ Федорою у качелей подъ Новинскимъ», диверт., муз. Давыдова (22 дек.), въ 1816 г. — «Смерть Рожера, ужаснѣйшаго атамана разбойниковъ Богемскихъ лѣсовъ, или оправданная невинность несчастнаго сына его Виктора», траги-пантомим. бал. въ 4 д., взятый изъ романа Дюкре-Дюмениля «Викторъ, или дитя въ лѣсу» (14 янв.), «Торжество россіянъ, или бивакъ подъ Краснымъ», диверт. (4 февр.), «Торжество побѣды», диверт. (7 февр.), «Сельскій праздникъ», диверт. (1 іюня), «Гулянье 1 мая въ Сокольникахъ», диверт., муз. Давыдова (1 сент.), «Примѣръ добродѣтели молодыхъ господъ», диверт. (3 окт.), «Счастливая пристань, или четыре части свѣта», диверт. (9 ноября), «Торжество Александра Македонскаго, или побѣжденіе Дарія», большой траги-пантомим. бал. въ 4 д. (28 дек.), и «Игрища на святкахъ», диверт. (28 дек.), въ 1817 г. — пейзанскій диверт. (15 апр.), русскій диверт. (13 іюня), «Казаки на Рейнѣ», диверт. (5 окт.), «Сильвій и Аминта, или побѣжденный Циклопъ», анакреонт. бал. въ 3 д. (3 дек.), и «Ярмарка на Урюпинской станицѣ», диверт. (26 дек.), въ 1818 г. — «Преступникъ отъ любви», пантомим. бал. (17 іюня), «Маскарадъ, или осмѣянный старый волокита», диверт. (17 іюня), «Персей, освобождающій Андромеду отъ морского чудовища», героич. бал., муз. Ленгарда (22 ноября), и «Невское гулянье», диверт. (13 дек.), въ 1820 г. — «Казаки въ походѣ, или Филатка и Федора съ дѣтьми», диверт. (22 янв.), и «Маскарадъ, или вечеръ въ саду», диверт. (2 дек.), въ 1821 г. — «Разбойники Средиземнаго моря, или благодѣтельный алжирецъ», бал. въ 3 д., муз. Шольца (11 янв.), «Пагубныя слѣдствія пылкихъ страстей Донъ-Жуана, или привидѣніе убитаго имъ командора», пантомим. бал, въ 4 д., муз. Шольца (2 сент.), и «Русланъ и Людмила, или низверженіе Черномора, злого волшебника», героич.-пантомим. бал. въ 5 д., муз. Шольца (16 дек.), въ 1822 г. — «Хитрость любви, или завербованный простакъ», бал. въ 2 д., муз. Шольца (3 февр.), въ 1823 г. — «Старинныя игрища, или святочный вечеръ», диверт., муз. Шольца (25 янв.), «Три талисмана, кошелекъ, рожокъ и поясъ, или восточный чародѣй», бал. въ 3 д., муз. Шольца (12 сент.), въ 1825 г. — «Вечеръ артистовъ, или кто во что горазъ», диверт. (23 янв.), въ 1826 г. — «Три пояса, или русская Сандриліона», національн. бал. въ 3 д., муз. Шольца, сюжетъ взятъ изъ сказки Жуковскаго (20 окт.), въ 1827 г. — «Праздникъ гарема», диверт. въ 3-й части трилогіи «Керимъ-Гирей, крымскій ханъ» (18 янв.), въ 1831 г. — героико-трагическая пантомима, въ 1 актѣ, извлеченная изъ балета «Русланъ и Людмила» (15 мая), и «Черная шаль, или наказанная невѣрность», пантомимный бал. въ 1 д., взятый изъ молдавской пѣсни Пушкина (11 дек.), въ 1833 г. — «Разрушеніе очарованнаго замка, или побѣжденный волшебникъ», волшебно-героич. бал. въ 2 д., сюжетъ взятъ изъ старинной нѣмецкой баллады, муз. Н. П. Де-Витте (20 окт.), «Татьяна Прекрасная на Воробьевыхъ горахъ» (8 дек.). Изъ чужихъ балетовъ поставлены Г.: «Севильскій цирюльникъ» Дюпора (20 ноября 1814 г.), «Медея и Язонъ» Пика (28 ноября 1819 г.), гдѣ онъ исполнялъ роль Язона, «Рауль синяя борода» Вальберха (29 апр. 1820 г.), «Азима и Зюльма» Бодри (11 сент. 1822 г.), «Урокъ Чародѣя» Огюста и Дидло (27 янв. 1827 г.), дивертисментъ «Возвращеніе кн. Пожарскаго въ свое помѣстье» и рядъ балетовъ Дидло: «Зефиръ и Флора» (9 окт. 1817 г.), «Венгерская хижина» (3 ноября 1819 г.), «Молодая молочница» (21 сент. 1821 г.), «Приключеніе Генриха IV на охотѣ» (7 окт. 1821 г.), «Калифъ Багдадскій» (21 сент. 1822 г.), «Леонъ и Тамаида» (22 февр. 1823 г.), «Евфимій и Евхариса» (15 дек. 1824 г.), «Рауль де Креки» (23 окт. 1825 г.), «Кавказскій плѣнникъ» (4 окт. 1827 г.), «Альцеста» (4 окт. 1828 г.), «Роландъ и Моргана» (17 окт. 1829 г.), «Карлъ и Лизбета» (4 окт. 1835 г.). Постановки Г. носили отпечатокъ вкуса и характера его учителя

Дидло. Анонимный авторъ статьи о московскихъ балеринахъ М. Н. Муравьевой и Л. А. Рославлевой въ «Ежегодникѣ Импер. Театровъ» 1904—1905 гг. (Приложеніе) называетъ Г. «копіистъ-мейстеромъ», потому что, когда московская дирекція посылала его въ Петербургъ изучать постановку новыхъ балетовъ, онъ съ буквальной точностью воспроизводилъ ихъ на московской сценѣ; всѣ балеты Дидло поставлены были, по выраженію того же автора, «какъ удачныя копіи съ картинъ знаменитыхъ художниковъ». Г. ставилъ также танцы въ операхъ и другихъ пьесахъ.

Изъ балетовъ Г. изданы отдѣльно: «Разбойники Средиземнаго моря» (М. 1821 г.), «Русланъ и Людмила» (М. 1821 г.) и извлеченная изъ него «Героико-трагическая пантомима» (М. 1831 г.), «Пагубныя слѣдствія пылкихъ страстей Донъ-Жуана» (М. 1821 г.), «Три пояса» (М. 1826 г.) и «Черная шаль» (М. 1831 г.). Имъ напечатаны нѣсколько статей, посвященныхъ его воспоминаніямъ о выдающихся балетныхъ артистахъ и балету вообще: «Воспоминаніе о великомъ хореографѣ Дидло и нѣкоторыя разсужденія о танцовальномъ искусствѣ» («Пантеонъ и Репертуаръ» 1851 г., № 4), «О балетномъ искусствѣ въ Россіи» (ib., № 8), «Балетъ въ Россіи» (ib., № 12), «Воспоминаніе о пребываніи въ Москвѣ въ 1812 г. М-lle Жоржъ» («Литературная Библіотека» 1867 г., № 3). По своей литературной дѣятельности Г. былъ исключительнымъ явленіемъ среди балетныхъ дѣятелей того времени; произведенія его, интересныя по содержанію, обличаютъ въ немъ человѣка образованнаго. Кромѣ того, послѣ Г. остались рукописныя «Мои воспоминанія», сохранившіяся въ бумагахъ князя П. А. Вяземскаго (теперь находятся въ имѣніи гр. С. Д. Шереметева Михайловскомъ среди бумагъ Остафьевскаго архива); жена Вяземскаго, княгиня Вѣра Ѳедоровна, была воспріемницей Г. при переходѣ его въ 1816 г. изъ католичества въ православіе. Описаніе странствованій Московскаго театральнаго училища въ 1812 г., заимствованное изъ этихъ воспоминаній, воспроизведено Опочининымъ въ его статьѣ «Русскій театръ, его начало и развитіе». Г. дожилъ до преклоннаго возраста.

Глушковскій былъ женатъ на московской танцовщицѣ Александрѣ Ивановнѣ *Ивановой*, воспитывавшейся въ Московскомъ театральномъ училищѣ. По словамъ М. А. Дмитріева она была «прекрасна собой, величественна и роскошна въ своихъ позахъ, особенно въ русской пляскѣ, требующей отъ женщины скромной и величественной пантомимы», а по отзыву князя П. А. Вяземскаго, «подлинно, была она красавица и необыкновенно стыдливо-граціозна». Поэтъ-партизанъ Денисъ Давыдовъ, по выраженію того же Вяземскаго, «воспламенился ею съ чистою страстью цѣломудреннаго и пламеннаго Петрарки» и воспѣлъ ее въ 1815 г. въ двухъ стихотвореніяхъ: «О милый другъ, оставь угадывать другихъ» и «Элегія, подражаніе Тибуллу». Въ письмѣ къ Вяземскому изъ Варшавы отъ 2 сентября того же года Давыдовъ вспоминаетъ Иванову: «Что дѣлаетъ божество мое? Все ли она такъ хороша? Богомъ тебѣ клянусь, что по сію пору влюбленъ въ нее какъ дуракъ. Сколько здѣсь прекрасныхъ женщинъ; ей, ей, ни одна сравниться не можетъ». Когда до него дошелъ слухъ о сватовствѣ Г., то 16 октября 1815 г. онъ написалъ Вяземскому: «Авось ли судьба будетъ мнѣ благосклонна и зимою опять забросить меня въ матушку Москву. Тогда надѣюсь, что усы мои опутаютъ ноги Глушковскаго и уничтожатъ всѣ его покушенія, но этой вѣсти между тѣмъ я не вѣрю и не хочу вѣрить!... я по сію пору влюбленъ какъ дуракъ». Въ 1816 г. передъ свадьбой Иванову хотѣли перевести на петербургскую сцену, но благодаря хлопотамъ С. С. Апраксина и Вяземскаго она осталась въ Москвѣ. А. И. умерла въ молодыхъ лѣтахъ 30 декабря 1830 г. (по словамъ А. О. Круглаго).

Погожевъ, «Столѣтіе Импер. Моск. Театровъ», т. I, 238, 244, 284, 292, 303, 306, 307, т. II, 62—64, 70—128, 167, 176, 183, 197, 198; Всеволодскій, «Театръ въ Россіи въ эпоху Отечественной войны», 133, 134; Скальковскій, «Балетъ, его исторія и мѣсто въ ряду изящныхъ искусствъ», 195; Брокгаузъ-Ефронъ, «Энцикл. словарь», XVI; Геннади, «Справочн. словарь»; «Остафьевскій Архивъ», т. I; «Истор. Вѣстникъ» 1901 г., т. 57, стр. 253; «Ежегодникъ Импер. Театровъ» 1900—1901 гг., прилож. 2

(Списокъ балетовъ, данныхъ на Московскихъ театрахъ), 1904—1905 гг., Прилож., стр. 294 («М. Н. Муравьева и Л. А. Рославлева. Страничка изъ исторіи Московскаго балета»); «Московскія Вѣдомости» за 1826—1834 гг.; Опочининъ, «Русскій театръ, его начало и развитіе», вып. 4, стр. 11—18; «Сочиненія Д. В. Давыдова», съ примѣч. А. О. Круглаго, С.-Пб. 1893 г. (прилож. къ «Сѣверу»), т. I, 33—35, 75, т. II, 150, 152, 153; «Русскій Архивъ» 1866 г., стр. 895—897, 900—901; М. А. Дмитріевъ, «Мелочи изъ запаса моей памяти».

Н. Чулковъ.

Глушневичъ, *Михаилъ Осиповичъ*, астрономъ, родился въ 1797 г. въ Минскѣ, умеръ 9 іюля 1862 г. въ Вильнѣ. Получилъ образованіе въ Минской гимназіи и въ Виленскомъ университетѣ. Въ 1819 г. получилъ степень магистра философіи и поступилъ въ Виленскую астрономическую обсерваторію на должность помощника ея директора, которымъ былъ тогда *Снядецкій*. По своей должности Г. участвовалъ во всѣхъ работахъ и наблюденіяхъ обсерваторіи, какъ астрономическихъ, такъ и метеорологическихъ, но во вторыхъ болѣе, чѣмъ въ первыхъ, какъ это обыкновенно практиковалось въ отношеніи помощниковъ директора въ обсерваторіяхъ, подобныхъ Виленской. Въ 1826 г. онъ вмѣстѣ съ своимъ директоромъ *Славинскимъ* помогалъ генералу *Теннеру* въ производствѣ имъ астрономическихъ наблюденій для Литовскаго градуснаго измѣренія, вошедшаго позднѣе въ составъ измѣренія 25-градусной дуги меридіана отъ Ледовитаго океана до Дуная. Главными точками въ Литовскомъ измѣреніи были: сѣверною Бристенъ въ 28 верстахъ къ сѣверо-западу отъ города Якобштадта, среднею Немѣжъ и южною Бѣлинъ близъ границъ Минской и Волынской губерній. *Славинскій* и Г. опредѣлили для *Теннера* широту Бристена, при чемъ второй установилъ вмѣстѣ съ другимъ помощникомъ директора Виленской обсерваторіи *Жилинскимъ* пассажныя трубы на каменныхъ фундаментахъ, произвелъ часть требуемыхъ наблюденій и въ заключеніе вычислилъ и самую широту изъ девяти звѣздъ Бесселя съ вѣроятною ошибкою 0″,125. Въ 1827 г. для того же градуснаго измѣренія онъ наблюдалъ въ Немѣжѣ съ 21 іюля по 1 октября въ теченіе 42 ночей прохожденіе звѣздъ черезъ первый вертикалъ. Въ 1832 г. вслѣдствіе обнаруженія разности въ 26″,01 между азимутами бока Крейцбургъ-Даборскальнъ, вычисленными по наблюденіямъ *В. Я. Струве* въ г. Якобштадтѣ и *Теннера* въ Немѣжѣ, пришлось снова произвесть астрономическія наблюденія въ Немѣжѣ для опредѣленія азимута бока Немѣжъ-Мѣшканцы. Порученныя Г., эти наблюденія производились имъ съ 1 іюля по 6 октября. При ихъ вычисленіи, сдѣланномъ *В. Я. Струве*, они были найдены имъ очень хорошими. Послѣ выхода *Славинскаго* 21 іюня 1843 г. въ отставку Г. былъ назначенъ исправляющимъ временно должность директора Виленской обсерваторіи. Въ этомъ званіи, кромѣ веденія текущихъ работъ обсерваторіи въ прежнемъ объемѣ, онъ продолжалъ также и обработку наблюденій предыдущихъ лѣтъ, печатая ихъ въ предпринятомъ для этого обсерваторіею въ 1838 г. на собственныя средства изданіи подъ заглавіемъ «Extrait des observations météorologiques 1834—35 par Slavinsky et Hlouchnewitch» (Vilna, 1838). Послѣднимъ изъ выходившихъ ежегодно выпусковъ этого изданія былъ «Extrait des observations faites, à l'observatoire de l'Académie Impériale des sciences à Vilna, pendant l'année 1843 par M. Hłuszniewicz» (Vilna, 1846, 8°, 34 p.). Исправляющимъ должность директора Г. оставался до назначенія въ началѣ 1848 г. на эту должность помощника директора Пулковской обсерваторіи *Е. Н. Фуса*, вступившаго въ отправленіе своихъ новыхъ обязанностей съ апрѣля того же года. Послѣ этого Г. оставался въ Виленской обсерваторіи недолго. 18 іюля 1848 г. онъ былъ уже по поданному имъ прошенію уволенъ въ отставку въ чинѣ титулярнаго совѣтника.

М. Гусевъ, «Столѣтнее существованіе Виленской Астрономической Обсерваторіи» (Памятная книжка Виленской губ. на 1853 годъ. Вильна, 1853); его же, «Некрологъ Глушневича» («Виленскій Вѣстникъ», 1862 г., № 57).

В. В. Бобынинъ.

Глѣбова-Стрѣшнева, *Елизавета Петровна*, статсъ-дама, дочь Кіевскаго генералъ-губернатора, генералъ-аншефа Петра Ивановича Стрѣшнева († 1771 г.) отъ брака съ Натальей Петровной Яковлевой, родилась 21 фев-

раля 1751 г. Отецъ, изъ 9 дѣтей сохранившій только одну младшую дочь, перенесъ на нее всю отцовскую любовь и очень баловалъ ее, но когда она рѣшила выйти по собственному выбору за генералъ-маіора (впослѣдствіи генералъ-аншефа) Ѳедора Ивановича Глѣбова (р. 1734 г.), бывшаго на 17 лѣтъ старше ея, онъ воспротивился. Бракъ ихъ состоялся черезъ годъ послѣ смерти отца, въ 1772 году. 29 ноября 1799 г. Е. П. овдовѣла, а затѣмъ въ теченіе 17 лѣтъ потеряла двухъ взрослыхъ сыновей. 12 декабря 1817 г. она была пожалована въ кавалерственныя дамы ордена св. Екатерины меньшого креста, а въ день коронаціи Императора Николая I (22 августа 1826 г.) — въ статсъ-дамы. Е. П. жила то въ Москвѣ въ своемъ домѣ на Большой Никитской, то въ своей подмосковной Покровскомъ-Глѣбовѣ, гдѣ мужъ построилъ для нея въ концѣ парка домъ, названный Елизаветинымъ. Состояніе ея было очень значительно. Она умерла 4 декабря 1837 г. и погребена съ мужемъ въ Донскомъ монастырѣ. Изъ нѣсколькихъ дѣтей, которыхъ она имѣла, зрѣлаго возраста достигли 2 сына: Петръ (1773—1804, генералъ-маіоръ, шефъ Ольвіопольскаго гусарскаго полка) и Дмитрій (1782—1816, камеръ-юнкеръ), получившіе 19 апрѣля 1803 г. разрѣшеніе присоединить къ родовому имени фамилію матери и именоваться Глѣбовыми-Стрѣшневыми. Е. П. Глѣбова-Стрѣшнева принадлежитъ къ числу интереснѣйшихъ личностей своего времени, являясь пережиткомъ старины и убѣжденной носительницей преданій русскаго барства. Она отличалась непреклонной волей и деспотизмомъ, соединенными съ гордостью и высокомѣріемъ и въ то же время чувствительностью. Окружающіе трепетали передъ ней. По ея собственнымъ словамъ замужъ за своего мужа она вышла потому, что могла властвовать надъ нимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ уважая его. Внучекъ своихъ, дочерей старшаго сына, Е. П. воспитывала по-спартански, несмотря на свое богатство, сознавая, на сколько ей въ свое время повредило баловство отца.

«Русская Старина» 1871 г., т. I, 278 (Карабановъ, «Статсъ-дамы русскаго двора»); «Русскій Архивъ» 1895 г., т. I, 91—104 (воспоминанія объ Е. П. Г.-С. ея внучки); «Историч. Вѣстникъ» 1903 г., т. III, 678—680 (рецензія на біографію Г.-С., составленную ея правнучкой), 1909 г., т. IV, 421—447 (разсказъ В. Г. Авсѣенко «Генеральша», въ которомъ изображена Е. П. Глѣбова - Стрѣшнева). — Правнучка Е. П. Г., княгиня Е. Ѳ. Шаховская-Глѣбова-Стрѣшнева, составила ея біографію на французскомъ языкѣ: «Mon aïeule» (Paris, 1898) и на нѣмецкомъ языкѣ, изданную совмѣстно съ 2 другими біографіями, «Drei russische Frauengestalten» (Heidelberg, 1903), съ предисловіемъ проф. Куно Фишера. *О. Жукова.*

Глѣбовичъ (Hlebowicz), *Антоній Болеславъ*, переводчикъ, родился въ 1801 г. въ Гроднѣ, получилъ образованіе (одновременно съ Мицкевичемъ) въ Виленскомъ университетѣ на отдѣленіи словесныхъ наукъ и изящныхъ художествъ, которое окончилъ со степенью кандидата философіи. Служилъ первоначально въ Петербургѣ по Министерству Народнаго Просвѣщенія. Въ 1830 г. прибылъ въ Варшаву и въ 1833 г. получилъ мѣсто секретаря Совѣта народнаго просвѣщенія. Въ 1834 г. назначенъ генеральнымъ визитаторомъ школъ Царства Польскаго, а въ 1837 г.— свѣтскимъ членомъ правленія Варшавской римско-католической духовной академіи. Съ 1841 г. до кончины своей издавалъ ежемѣсячный духовный журналъ «Pamiętnik religijno-moralny». Умеръ 29 мая 1847 г.

Глѣбовичу принадлежатъ слѣдующіе труды, оригинальные и переводные, на русскомъ и польскомъ языкахъ: 1) «Krótki rys życia Witolda, wielkiego Księcia Litewskiego» (Wilno, 1821), трудъ, написанный подъ руководствомъ Онацевича; 2) «Rzut oka na starożytną literaturę skandynawską» (Wilno, 1822), пер. съ рус. труда И. Лобойки; 3) «Krótkie opisanie starożytności rossyjskich, czyli obraz życia, zwyczajów, rządu, edukacyi, praw, religii i stanu wojennego dawnych Rossyjan», 2 тома (Wilno, 1822), сокращенное переложеніе труда Гавр. Успенскаго «Опытъ повѣствованія о россійскихъ древностяхъ»; 4) «Эѳологія, или наука о нравахъ и обыкновеніяхъ», соч. дѣвицы Черноцкой, пер. съ польскаго («Сѣверный Архивъ» 1822 г., ч. 4); 5) «Gramatyka rossyjska dla użytku cudzoziemców Ch. Ph. Reiffa» (Wilno, 1823), пер. съ французскаго съ дополненіями; 6) «Литовская миѳоло-

тія» («Сѣверный Архивъ» 1824 г., ч. 9), статья написана по Стрыйковскому и посвящена М. П. Погодину; 7) «Rys statystyki państwa rossyjskiego» (Warszawa, 1826), сокращеніе «Опыта начертанія статистики главнѣйшихъ государствъ» (М., 1824 г.); 8) «Początkowe prawidła rossyiskiéj gramatyki M. Grecza» (Warsz., 1834), переводъ русской грамматики Греча, принятый въ училищахъ и выдержавшій нѣсколько изданій; 9) «Rozmowy polsko-rossyjskie» (Warsz., 1836), составлено по порученію Совѣта народнаго просвѣщенія. Кромѣ того, многія его статьи помѣщены въ журналахъ «Dziennik Warszawski» и «Dzieje dobroczynnosci» (1820—1822).

S. Orgelbrand, «Encyklopedyja powszechna», t. V; «Wielka Encyklopedya powszechna illustrowana», t. XXIX—XXX; Старчевскій, «Справочный Энциклопедическій Словарь», т. III; Esterreicher, «Bibliografia polska XIX stólecia», t. II.

Глѣбовскій, *Иванъ Елизарьевичъ*, дѣйств. статскій совѣтникъ, поручикъ правителя С.-Петербургской губерніи, происходилъ изъ дворянскаго рода, служившаго по Рязани. Отецъ его Елизарій Софоновичъ былъ дворцовымъ стряпчимъ, а дядя, *Панкратій Софоновичъ*, служилъ въ Преображенскомъ полку, 23 апрѣля 1703 г. отличился при Ніеншанцѣ, въ 1722 г. назначенъ оберъ-вальдмейстеромъ, а въ 1723 г. произведенъ изъ маіоровъ гвардіи въ бригадиры. И. Е. Г. родился около 1733 г. и въ 1744 г., 11 лѣтъ, поступилъ въ кадетскій корпусъ. Въ 1754 г. былъ сержантомъ въ томъ же корпусѣ, а въ 1765 г., въ чинѣ маіора,— директоромъ ученія. Перейдя въ статскую службу, въ 1775 г. служилъ, въ чинѣ статскаго совѣтника, въ Бергъ-конторѣ, а затѣмъ занималъ должности предсѣдателя Смоленской уголовной палаты (съ конца ноября 1775 г.), вице-президента канцеляріи опекунства иностранныхъ, предсѣдателя Петербургской уголовной палаты (съ октября 1779 г., уже въ чинѣ дѣйств. статскаго совѣтника) и поручика правителя (т.-е. вице-губернатора) Петербургской губерніи (съ 28 іюля 1781 г.). Уволенъ отъ службы 24 мая 1782 г. по болѣзни съ пенсіей полнаго оклада. Въ 1785 г. числился по спискамъ на службѣ. Умеръ, повидимому, въ концѣ 1796 г. или началѣ 1797 г.; указомъ Сенату отъ 4 февр. 1797 г. Павелъ I утвердилъ духовную дѣйств. статскаго совѣтника Глѣбовскаго.

По свидѣтельству Новикова Г. напечаталъ по порученію Екатерины II въ 1774 г. 1-ю часть «Древняго Лѣтописца» (С.-Пб., при Имп. Академіи Наукъ), рукопись котораго находилась въ комнатной библіотекѣ Государыни (2-я часть напечатана въ 1775 г. Козицкимъ). «Лѣтописецъ» напечатанъ на счетъ кабинета, съ предоставленіемъ всѣхъ печатныхъ экземпляровъ въ пользу трудившихся надъ его изданіемъ. Часть, напечатанная Г., страдаетъ дефектами вслѣдствіе частыхъ пропусковъ (Иконниковъ, «Опытъ русской исторіографіи», II, 1270). Вѣроятно, онъ же принималъ участіе въ переводѣ съ французскаго (переводчиками обозначены Ив. Глебовской и Алексѣй Голостеновъ) «Новаго курса Математическаго для артиллеристовъ и инженеровъ» Белидора (2 ч., С.-Пб., 1766—1769 гг., 4°, съ чертежами).

Глѣбовскій былъ друженъ съ воспитателемъ Павла I Порошинымъ, который давалъ ему, въ числѣ немногихъ, читать свои записки. Въ нихъ приводится отзывъ о Глѣбовскомъ А. П. Сумарокова, говорившаго, «что такихъ людей у насъ на Руси не много, что это человѣкъ прямо дѣльной; что хотя не имѣетъ въ себѣ много блистательнаго, однако, когда его хорошенько разсмотришь и узнаешь, то окажется, что онъ истинно человѣкъ почтенной».

Моск. Архивъ Минист. Юстиціи, дѣла Герольдмейст. конт., кн. 207, л. 225; дѣла по справкамъ, кн. 94, д. 94; дѣла по Герольдіи о недорослях, кн. 49, д. 74; дѣла по Герольдіи, кн. 38, д. 30; дѣла Сената, кн. 6308, л. 257, кн. 6326, л. 216. — Пѣсняковъ, «Царственная книга», 21, 23; Иконниковъ, «Исторіографія», II, 1214, 1270; «Сборникъ Имп. Рус. Истор. Общества», LXII, 627; Туркестановъ, «Губернскій служебникъ»; «Старина и новизна», III, 240, 303; «Записки Порошина», С.-Пб. 1881 г.; «Архивъ Пр. Сената», т. I, II; «Сенат. Архивъ», т. I, «Русская Старина» г. 1878 г., II, 58. 61.

Н. Чулковъ.

Глѣбовъ, *Александръ Ивановичъ*, генералъ-аншефъ, генералъ-прокуроръ при Петрѣ III и Екатеринѣ II. Происхожденіе его мало выяснено. Бантышъ-

Каменскій считалъ Александра Ивановича сыномъ генералъ-аншефа Ивана Ѳедоровича (см. ниже его біографію), а по Долгорукову и Карабанову онъ происходилъ изъ духовнаго званія, но и то и другое мнѣнія ошибочны: въ дѣйствительности А. И. Г. былъ изъ дворянъ, но не изъ того рода, къ которому принадлежалъ Иванъ Ѳедоровичъ. Самъ Г. утверждалъ, что онъ происходитъ изъ древняго дворянскаго рода, считающаго своимъ родоначальникомъ касожскаго князя Редегу. Его предки служили по Новгороду. Отца Г. звали Иваномъ Петровичемъ. Г. родился 26 августа 1722 г. и на 15-мъ году поступилъ на службу сержантомъ въ Бутырскій пѣхотный полкъ (3 февраля 1737 г.). Въ 1737—1739 гг. онъ сражался подъ начальствомъ Миниха противъ турокъ, участвовалъ въ штурмѣ Очакова (2 іюля 1737 г.) и сраженіи при Ставучанахъ (17 авг. 1739 г.), гдѣ былъ контуженъ, и самостоятельно производилъ поискъ надъ непріятелемъ на р. Прутѣ, командуя легкой партіей. Турецкая война дала ему чины прапорщика (8 іюня 1737 г.), подпоручика (16 ноября 1737 г.) и поручика (28 апр. 1739 г.). 25 марта 1741 г. онъ былъ произведенъ въ капитаны и 3 мая 1749 г. отставленъ отъ военной службы съ переименованіемъ въ коллежскіе ассесоры. Неизвѣстно, занималъ ли Г. какую-нибудь должность до 6 марта 1754 г., когда онъ былъ назначенъ оберъ-секретаремъ Сената въ экспедицію по генеральному межеванію; 13 мая того же года Г. былъ назначенъ къ присутствованію въ Главной межевой канцеляріи при Сенатѣ въ должности совѣтника. Онъ былъ также членомъ уложенной комиссіи. 10 декабря 1755 г. Г. назначенъ оберъ-прокуроромъ Сената. Такимъ движеніемъ по службѣ и дальнѣйшимъ своимъ возвышеніемъ онъ обязанъ главнымъ образомъ покровительству могущественнаго вельможи, графа П. И. Шувалова, съ которымъ ему удалось сблизиться, а затѣмъ женитьбѣ своей (7 февраля 1756 г.) на оберъ-гофмейстеринѣ Маріи Симоновнѣ Чоглоковой, урожденной графинѣ Гендриковой, родной племянницѣ императрицы Екатерины I, что дало ему возможность стать близко ко Двору. Вѣнчаніе совершено, по словамъ Карабанова, въ Зимнемъ Дворцѣ, въ присутствіи самой императрицы. По свидѣтельству самого Г. (въ письмѣ его къ Екатеринѣ II отъ 20 февр. 1764 г.), онъ былъ опредѣленъ въ Сенатъ оберъ-секретаремъ по желанію Шувалова, который потомъ, усматривая въ немъ «въ дѣлахъ способность», поручалъ ему «дѣлать по своимъ мыслямъ разныя сочиненія», заботился о его движеніи по службѣ и, наконецъ, убѣдившись въ его «совершенной преданности и повиновеніи», дѣлалъ ему «многія повѣренности». Самый бракъ Г. съ Чоглоковой былъ дѣломъ рукъ Шувалова. Замѣтивъ охлажденіе къ себѣ императрицы Елизаветы Петровны, Шуваловъ, по словамъ Г., «принялъ намѣреніе свѣдать всѣ намѣренія и дѣйствія меньшаго двора, а особливо поелику они касались до брата его Ивана Ивановича», черезъ лицо близкое къ великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ; наиболѣе удобной для такой роли онъ призналъ ея оберъ-гофмейстерину, но такъ какъ былъ съ ней въ дурныхъ отношеніяхъ, то орудіемъ для сближенія съ нею выбралъ Г., котораго сталъ убѣждать попытать счастія съ «изрядной вдовушкой». При посредствѣ И. И. Юшкова Г. познакомился съ Чоглоковой 25 апр. 1755 г. и вскорѣ добился ея любви, побѣдивъ соперника въ лицѣ барона Серг. Гр. Строганова. Карабановъ разсказываетъ, что императрица, узнавъ о любви своей двоюродной сестры къ Г., сказала: «сестра моя сошла съ ума, влюбилась въ Г., какъ отдать ее за подьячаго?» и пожаловала его въ оберъ-прокуроры, т.-е. сдѣлала ближайшимъ помощникомъ генералъ-прокурора. Расчетъ Шувалова оказался ошибочнымъ: вслѣдствіе разныхъ недоразумѣній Марія Симоновна была удалена отъ молодого двора и, слѣдовательно, не могла играть той роли, для которой онъ предназначалъ ее. Самое супружество Глѣбовыхъ было очень недолговременно: молодая была въ послѣднемъ градусѣ чахотки и скончалась черезъ полтора мѣсяца послѣ свадьбы, 19 марта 1756 г., оставивъ мужу нѣсколько человѣкъ пасынковъ и падчерицъ, доставившихъ потомъ отчиму много хлопотъ. Глѣбову все-таки удалось проникнуть въ об-

щество великаго князя Петра Ѳедоровича и великой княгини Екатерины Алексѣевны; неоднократно ссужалъ онъ великаго князя деньгами, своими собственными или Шуваловскими, чѣмъ снискалъ себѣ благоволеніе наслѣдника престола. 25 ноября 1758 г. Г. получилъ Аннинскую звѣзду; 16 августа 1760 г. онъ былъ опредѣленъ правящимъ должность генералъ-кригсъ-комиссара и 24 августа того же года переименованъ въ генералъ-маіоры. Новый генералъ-кригсъ-комиссаръ при снабженіи деньгами нашей заграничной арміи, дѣйствовавшей противъ Пруссіи, предложилъ произвести переводъ этихъ денегъ черезъ торговавшихъ въ Петербургѣ англійскихъ купцовъ. Это предложеніе, встрѣтившее при обсужденіи въ Сенатѣ сильное противодѣйствіе со стороны генералъ-прокурора кн. Шаховского, было отклонено какъ вредное для казны дѣло. 19 ноября 1761 г., за болѣзнью генералъ-фельдцейхмейстера графа П. И. Шувалова, Глѣбову было Высочайше поручено управленіе военно-походной генералъ-фельдцейхмейстера канцеляріей по артиллеріи и фортификаціи и Оружейной экспедиціей. Это назначеніе состоялось вопреки смѣлымъ выступленіямъ генералъ-прокура кн. Шаховского, указывавшаго, что состоящіе при этихъ учрежденіяхъ два заслуженныхъ, боевыхъ генералъ-поручика будутъ несправедливо унижены подчиненіемъ Глѣбову, младшему предъ ними чиномъ и никогда не бывшему артиллеристомъ. Г. отдавалъ распоряженія по артиллерійскому вѣдомству отъ имени Шувалова, но за своею подписью. Ему указано было оставаться замѣстителемъ Шувалова до его выздоровленія или до прибытія въ Петербургъ изъ арміи артиллеріи генералъ-поручика И. Ѳ. Глѣбова. Въ самомъ началѣ царствованія Петра III, не задолго до кончины Шувалова, И. Ѳ. Глѣбовъ возвратился въ Петербургъ, и А. И. сдалъ ему должность.

Еще болѣе возвысился Г. при Петрѣ III. Покровительствуемый Шуваловымъ, лично извѣстный новому императору, человѣкъ очень способный, Г. быстро сумѣлъ пріобрѣсти довѣріе государя. Кн. Шаховской разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что уже за нѣсколько часовъ до смерти императрицы Елизаветы, Г. и кн. Н. Ю. Трубецкой обращались къ великому князю «на подобіе какъ съ докладами или для наставленія». Въ самый день кончины Елизаветы Петровны, 25 декабря 1761 г., Шаховской просилъ объ увольненіи отъ должности, и Г. назначенъ былъ на его мѣсто генералъ-прокуроромъ и одновременно утвержденъ въ должности генералъ-кригсъ-комиссара. По свидѣтельству Д. В. Волкова, Г. заранѣе уже составилъ Манифестъ о кончинѣ Елизаветы и вступленіи на престолъ Петра III. 17 января 1762 г. Петръ III объявилъ въ Сенатѣ свое рѣшеніе о томъ, чтобы «дворянамъ службу продолжать по своей волѣ, сколько и гдѣ пожелаютъ». На другой день Г. словесно предложилъ Сенату воздвигнуть золотую статую императора въ знакъ благодарности дворянства за оказанную ему милость. Докладъ объ этомъ предложеніи Г. не удостоился утвержденія. 9 февраля 1762 г. Г. былъ пожалованъ орденомъ св. Александра Невскаго, а 6 марта назначенъ членомъ военной комиссіи, учрежденной для приведенія войскъ въ лучшее состояніе. По свидѣтельству Штелина, Г. являлся къ государю съ докладомъ ежедневно въ 8 часовъ утра. Занимая столь важную должность, онъ былъ главнымъ лицомъ въ дѣлахъ внутренняго управленія и безъ сомнѣнія при его ближайшемъ участіи изданы манифесты объ уничтоженіи Тайной канцеляріи, о вольности дворянства и объ отобраніи крестьянъ отъ духовенства (есть указанія на то, что эти три манифеста были написаны Глѣбовымъ), указы о прекращеніи гоненій и притѣсненій раскольниковъ и о введеніи въ Россіи бумажныхъ денегъ. Г. занялъ особое положеніе между государемъ и Сенатомъ. Почти всѣ резолюціи на докладахъ Сената, если только онѣ не ограничивались однимъ утвержденіемъ представленнаго доклада, а содержали и какія-либо указанія, написаны рукою Г. и только подписаны Петромъ III. Впрочемъ, роль Г. въ реформахъ этого государя еще не выяснена историками. Саксонскій посланникъ графъ Брюль такъ характеризуетъ дѣятельность Г. въ царствованіе Петра III: «Генералъ-прокуроръ Г.,

человѣкъ съ головою, слѣдуя общему стремленію, умѣетъ нравиться, пользуется общимъ значеніемъ вслѣдствіе должности, занимаемой имъ при Сенатѣ и дающей ему почти всемогущество въ дѣлахъ внутренняго управленія. Онъ больше держитъ сторону Нарышкиныхъ, чѣмъ Мельгунова и Волкова. Недавно государь потребовалъ 4 милліона рублей отъ Сената, который при теперешнемъ истощеніи силъ государственныхъ, не нашелъ средствъ собрать столь значительныя деньги, но Г. взялся достать эту сумму черезъ откупщиковъ таможенъ и черезъ посредство нѣсколькихъ англійскихъ купцовъ. Онъ сочинитель вновь изданныхъ законовъ, служащихъ доказательствомъ его блестящихъ способностей». Важную роль въ реформахъ Петра III игралъ также Д. В. Волковъ, которому приписывается и составленіе манифеста о вольности дворянства. О томъ, какія отношенія были между двумя виднѣйшими сподвижниками Петра III, разсказываетъ самъ Волковъ: «Глѣбовъ неоднократно ко мнѣ присылывалъ искать моей дружбы, но я всегда отвѣтствовалъ, что дружба возстановляется временемъ. А когда доходило до войны съ Даніею, то я искренно ему разсказывалъ всѣ ея неудобства и для государства тягости, для того, дабы онъ, по Сенату и комиссаріату, дѣлалъ въ томъ затрудненіе. Но онъ, будучи жаденъ на выслугу и крайне влюбленъ въ проектъ гр. Петра Ивановича (Шувалова) о мѣдныхъ деньгахъ, увѣдомилъ сперва бывшаго императора, а потомъ и весь Сенатъ, что у него на войну 4 милл. чрезвычайныхъ денегъ готово будетъ, въ чемъ, однакожъ, ясно доказалъ я противное. А обиду сдѣлалъ я ему только ту, что жаловался на него бывшему императору въ томъ, что онъ, завистуя указу о коммерціи (трудъ Волкова), сдѣлалъ плутовскую передачу за подряженный холстъ на армію, и тѣхъ подрядчиковъ умышленно утаилъ, кои дешевле брали». То, что разсказываетъ Волковъ, вполнѣ возможно, принимая во вниманіе, что до насъ дошло много показаній о нечестныхъ и корыстолюбивыхъ поступкахъ Глѣбова. Но слѣдующій разсказъ кн. Дашковой, если только онъ вѣренъ, показываетъ, что генералъ-прокуроръ Петра III былъ вполнѣ достоинъ своего государя и по своимъ нравственнымъ качествамъ не отличался отъ многихъ другихъ государственныхъ дѣятелей того времени: Хорватъ, обвиненный сербами, выходцами изъ Австріи, въ разныхъ злоупотребленіяхъ, пріѣхалъ въ Петербургъ и подарилъ по 2000 дукатовъ каждому изъ трехъ вельможъ, которые казались ему самыми вліятельными—Л. А. Нарышкину, А. П. Мельгунову и Глѣбову. Послѣдніе двое сообщили объ этомъ Петру III. Онъ похвалилъ ихъ за то, что они не скрыли отъ него полученнаго ими подарка, потребовалъ себѣ половину и на слѣдующій день самъ отправился въ Сенатъ и разрѣшилъ дѣло въ пользу Хорвата. Несмотря на положеніе, занятое Г. при Петрѣ III, онъ не поколебался стать на сторону Екатерины II во время іюньскаго государственнаго переворота, такъ какъ понималъ, конечно, что сила на ея сторонѣ. По восшествіи на престолъ Екатерины II, Г. полтора года оставался въ должности генералъ-прокурора. Императрица очевидно цѣнила его способности. 10 декабря 1763 г. ему вмѣстѣ съ Н. И. Панинымъ поручены были тайныя дѣла, т.-е. тѣ дѣла, которыя раньше были въ вѣдѣніи Тайной канцеляріи. Вскорѣ, однако, обстоятельства заставили Екатерину II смѣнить генералъ-прокурора. Безпорядки по судебной части, лихоимство чиновниковъ, партійность и медленность дѣлопроизводства въ Сенатѣ были причиной ея неудовольствія противъ Г. Она требовала, чтобы онъ дѣятельно занялся искорененіемъ этихъ безпорядковъ, вызвавшихъ Высочайшіе указы объ удержаніи судей и чиновниковъ отъ лихоимства, о подачѣ ежедневныхъ меморій отъ Сената о рѣшенныхъ дѣлахъ и о прекращеніи въ Сенатѣ междоусобнаго несогласія, вражды и раздѣла на партіи. Наконецъ, дѣло иркутскаго слѣдователя Крылова обнаружило злоупотребленія самого генералъ-прокурора, совершенныя имъ главнымъ образомъ еще въ предыдущія царствованія. При Елизаветѣ Петровнѣ Г., по примѣру своего патрона Шувалова и другихъ вельможъ, принялъ участіе въ торгово-промышленной дѣятельности. Такъ,

вмѣстѣ съ канцлеромъ гр. М. И. Воронцовымъ, ему было дозволено (30 іюня 1757 г.) вывезти изъ Эстляндіи и Лифляндіи въ Швецію 4000 ластовъ хлѣба; затѣмъ, вмѣстѣ съ Воронцовымъ и сенаторомъ П. С. Сумароковымъ, онъ получилъ привилегію на отпускъ за границу льняного сѣмени; въ 1759 г. эти лица заключили съ московскимъ купцомъ Мих. Абр. Евреиновымъ контрактъ, по которому предоставили ему право на 6 лѣтъ отпускать за границу льняное сѣмя изъ Архангельска и Онеги за 60615 руб., при чемъ половина этихъ денегъ пришлась на долю Воронцова, а другая половина — на долю Сумарокова и Г. Кромѣ того, Г. устроилъ въ Финляндіи свинцовые заводы и взялъ на откупъ кабацкіе и конскіе сборы въ Архангельскѣ за 25607 руб. и совмѣстно съ купцами Роговиковымъ, Щукинымъ и Мурзинымъ кабацкіе и канцелярскіе сборы въ Иркутской провинціи за 58000 руб. въ годъ съ обязательствомъ ставить на кружечные дворы по 213796 ведеръ вина. Иркутскій откупъ имѣлъ для Г. роковыя послѣдствія. Контрактъ съ Сибирскимъ приказомъ на поставку вина въ кабаки по городамъ Иркутской провинціи (по цѣнѣ, значительно превышавшей ту, которую платили въ прежніе годы) Г. заключилъ въ 1756 г. (впослѣдствіи онъ переуступилъ часть откупа съ барышемъ для себя своимъ же конкуррентамъ, которыхъ раньше отстранилъ благодаря своему вліянію). Встрѣтивъ по этому дѣлу нѣкоторыя препятствія со стороны иркутскаго купечества, онъ подалъ 21 августа 1757 г. въ Сенатъ жалобу на разныя злоупотребленія по винной части Иркутскаго магистрата и купечества (неотдача его повѣреннымъ казенныхъ заводовъ, тайныя куреніе и продажа вина и т. п.), которыя наносили убытокъ какъ ему, такъ и «казенному интересу», и просилъ для разслѣдованія этого дѣла послать въ Иркутскъ «надежную персону». 30 января 1758 г. Сенатомъ отправленъ былъ въ Иркутскъ слѣдователемъ ассесоръ Крыловъ; увѣренный въ поддержкѣ Г., онъ производилъ въ Иркутскѣ разныя неистовства: бралъ взятки, пыталъ купцовъ, наказывалъ тѣлесно всѣхъ, кто не угождалъ ему, принуждалъ давать деньги и подарки самому Г. и т. п. Наконецъ, по жалобѣ вице-губернатора генерала Вульфа, арестованнаго слѣдователемъ, Крыловъ самъ былъ арестованъ, а слѣдствіе прекращено (указомъ 29 мая 1761 г.); при Сенатѣ была учреждена особая комиссія для суда надъ Крыловымъ. По вступленіи на престолъ Екатерины II Г. поспѣшилъ возвратить довѣреннымъ иркутскихъ купцовъ часть полученныхъ имъ денегъ и склонилъ ихъ подать въ Сенатъ мировую челобитную. Но Екатерина II указомъ 4 декабря 1762 г. подтвердила Сенату о необходимости окончить дѣло Крылова, которое она близко приняла къ сердцу. Оно закончено было только въ февралѣ 1764 г. Государыня нашла, что Г. «въ семъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ, оказался подозрительнымъ и тѣмъ самымъ уже лишилъ себя довѣренности, соединенной съ его должностью; но какъ генералъ-прокуроръ никѣмъ кромѣ насъ не судимъ, — говорила она сенаторамъ, — то предоставляемъ себѣ должностію его впредь диспонировать, а ему отнынѣ симъ чиномъ не писаться».

Усмотрѣвъ, какъ мало имѣлъ Г. старанія о правильномъ производствѣ дѣлъ и о казенномъ интересѣ, и что онъ «ко всему беззаконному производству этого дѣла единственно подалъ поводъ своимъ неправильнымъ доношеніемъ и принадлежавшее казнѣ при откупѣ приращеніе обратилъ на собственный прибытокъ», государыня находила, что онъ за это подлежитъ не только лишенію чиновъ, но и большему наказанію, однако, вслѣдствіе милостиваго манифеста, положила его «отъ всѣхъ дѣлъ и должностей отставить вѣчно съ переименованіемъ изъ генералъ-прокуроровъ и генералъ-кригсъ-комиссаровъ генералъ-поручикомъ и впредь ни къ какимъ дѣламъ не опредѣлять». Послѣдняя помѣта Г. на бумагахъ, сдѣланная имъ въ качествѣ генералъ-прокурора, относится къ 30 января 1764 г.; черезъ нѣсколько дней, 3 февраля, послѣдовалъ Высочайшій указъ Сенату о повелѣніи генералъ-квартирмейстеру князю А. Вяземскому отправлять генералъ-прокурорскую должность «въ разсужденіи нѣкоторыхъ обстоятельствъ, касающихся до генералъ-прокурора Г.» Въ наставленіи, данномъ Вяземскому,

императрица такъ выразилась о Г.: «Прежнее худое поведеніе, корыстолюбіе, лихоимство и худая вслѣдствіе сихъ свойствъ репутація, недовольно чистосердечія и искренности противъ меня нынѣшняго генералъ-прокурора — все сіе вынуждаетъ меня его смѣнить и совершенно помрачаетъ и уничтожаетъ его способность и прилежаніе къ дѣламъ; но и то прибавить должно, что не мало къ тому его несчастію послужила знаемость и короткое обхожденіе въ его еще молодости съ покойнымъ графомъ Петромъ Шуваловымъ, въ котораго онъ рукахъ совершенно находился и напоился принципіями, хотя и не весьма для общества полезными, но достаточно прибыльными для самихъ ихъ. Все сіе производитъ, что онъ болѣе къ темнымъ, нежели къ яснымъ дѣламъ имѣетъ склонность, и часто отъ меня въ его поведеніяхъ много было сокровеннаго, чрезъ что по мѣрѣ и моя довѣренность къ нему умалялась». 20 февраля Г. написалъ Екатеринѣ II по ея повелѣнію письмо, въ которомъ разсказываетъ о своихъ отношеніяхъ къ Шувалову и М. С. Чоглоковой и объясняетъ, какія обстоятельства заставили его принять на себя винную поставку въ Иркутскъ; здѣсь онъ повторяетъ обвиненія противъ иркутскаго купечества и жалуется на свое плохое матеріальное положеніе (письмо это напечатано въ «Сборникѣ Имп. Рус. Истор. Общ.», т. VII, стр. 340—345).

Казалось бы, что послѣ такой Высочайшей резолюціи, какая послѣдовала въ февралѣ 1764 г., служебная карьера Г. должна была кончиться. Однако, потерявъ званіе генералъ-прокурора, онъ сохранилъ за собой должность генералъ-кригсъ-комиссара. Очевидно, способности его были таковы, что, несмотря на всѣ недостатки, Екатерина II считала его полезнымъ для государства. «У Глѣбова, говоритъ она въ своихъ запискахъ, очень большія способности, соединенныя съ равнымъ прилежаніемъ; это олицетворенная находчивость, но онъ плутъ и мошенникъ, способный, однако, на большую привязанность. Жаль, что онъ молодымъ попалъ въ руки Петра Шувалова, по образцу котораго онъ и сформировался...» Французскій дипломатъ Сабатье де Кабръ, составившій въ 1772 г. характеристику Россіи и ея государственныхъ людей, считалъ Г. вмѣстѣ съ А. В. Олсуфьевымъ единственными талантливыми людьми въ Россіи; по его словамъ Г. лучше всѣхъ былъ знакомъ съ управленіемъ и внутреннимъ положеніемъ государства, привыкъ къ дѣламъ и труду и работаетъ увѣренно и легко; онъ сторонникъ развитія торговыхъ сношеній съ Франціей и противникъ торговаго господства Англіи, которое считаетъ препятствіемъ для прогресса Россіи.—Въ 1767 г. дворяне Лихвинскаго уѣзда Московской (нынѣ Калужской) губ. избрали Г. своимъ депутатомъ въ Комиссію для составленія новаго уложенія вмѣсто отказавшагося отъ этого званія тайн. сов. Я. А. Хитрово; 16 іюня дворяне вручили ему депутатскій наказъ. Принявъ участіе въ работахъ Комиссіи со дня открытія ея, Г. на 5-мъ засѣданіи (9 августа) при обсужденіи того, какой титулъ поднести императрицѣ за ея заботы объ имперіи и подданныхъ, предложилъ собранію поднести ей титулъ «возстановительницы блаженства Россійскаго народа», но общее собраніе отвергло это предложеніе. На 11-мъ засѣданіи (23 августа) Г. представилъ свое мнѣніе на наказъ Каргопольскихъ черносошныхъ крестьянъ, въ которомъ, между прочимъ, высказался за необходимость введенія словеснаго суда у черносошныхъ крестьянъ вслѣдствіе большого числа малограмотныхъ среди нихъ. 10 апрѣля 1768 г., на 106-мъ засѣданіи Комиссіи, происходившемъ уже въ Петербургѣ, Г. большинствомъ голосовъ былъ выбранъ въ комиссію о городахъ. Въ концѣ 1768 г. французскій дипломатъ Россиньоль сообщилъ герцогу Шуазелю, что Екатерина II, недовольная результатами внѣшней политики Н. И. Панина, хотѣла поручить иностранныя дѣла кому-либо другому, и ей предложили замѣнить Панина Глѣбовымъ, но государыня отвергла его кандидатуру. 21 апр. 1773 г. Г. былъ произведенъ по старшинству въ генералъ-аншефы. Въ 1775 г. онъ былъ членомъ комиссіи, судившей Пугачева и его сообщниковъ, и 2 апрѣля того же года назначенъ генералъ-губернаторомъ Бѣлгородской и Смоленской губерній съ

оставленіемъ въ должности генералъ-кригсъ-комиссара, отъ которой былъ освобожденъ только черезъ полгода (3 октября). Открывъ 25 декабря 1775 г. намѣстническое правленіе, Г. заботился затѣмъ объ учрежденіи уѣздныхъ судовъ, нижнихъ расправъ и пр., и, по словамъ Бантыша-Каменскаго, «благосклоннымъ обхожденіемъ своимъ, чуждымъ гордости, пріобрѣлъ любовь жителей», но оставался въ Смоленскѣ не долго: въ главномъ комиссаріатѣ обнаружены были хищенія, произведенныя во время его управленія этимъ учрежденіемъ, и въ концѣ іюля 1776 г. онъ былъ отстраненъ отъ должности, «доколѣ по дѣламъ до него касающимся рѣшеніе послѣдуетъ». Храповицкій со словъ Безбородка сообщаетъ, что Екатерина собственноручно написала тогда Глѣбову: «Совѣтую остаться въ Москвѣ и отдалиться отъ губерніи». Слѣдствіе о похищенныхъ въ главномъ комиссаріатѣ казенныхъ деньгахъ производила сначала существовавшая уже раньше комиссія о разслѣдованіи комиссаріатскихъ злоупотребленій, а затѣмъ дѣло было передано на разсмотрѣніе особаго вновь учрежденнаго 21 января 1777 г. при Сенатѣ въ Москвѣ комитета, откуда оно перешло въ Общее Собраніе Сената въ Петербургѣ. 19 сентября 1784 г. послѣдовалъ именной указъ Екатерины II Сенату съ рѣшеніемъ по комиссаріатскому дѣлу. Государыня нашла Глѣбова виновнымъ «въ небреженіи должности, по коей онъ, какъ главный, обязанъ былъ прилежнымъ наблюденіемъ за подчиненными и за цѣлостью всего, что къ департаменту его вѣдомства принадлежитъ, но вмѣсто того онъ даже въ 1774 г., когда казна уже была расхищена, подписывалъ репорты несправедливыя о цѣлости ея, и слабостію своего начальства не только далъ поводъ подчиненнымъ его къ таковымъ хищеніямъ и непорядкамъ, но еще и самъ себя подвергнулъ подозрѣнію въ знаніи о таковомъ казны расхищеніи», и, принимая во вниманіе милостивый манифестъ отъ 7 августа 1782 г., опредѣлила: «генерала Глѣбова исключить изъ службы и впредь ни къ какимъ дѣламъ и должностямъ не опредѣлять; дѣло о сборѣ для него денегъ по недовольнымъ съ обѣихъ сторонъ доводамъ оставить суду Божію, покуда времянемъ и обстоятельствами откроться можетъ; запретить ему въѣзжать въ обѣ столицы и во всѣ мѣста, гдѣ присутствіе Наше случится». Комитетъ постановилъ взыскать съ Г. похищенныя деньги, почему на его имѣніе наложенъ былъ секвестръ. Въ декабрѣ 1787 г. Г. черезъ графа А. Г. Орлова-Чесменскаго прислалъ Екатеринѣ II прошеніе объ освобожденіи его деревень отъ секвестра, и 24-го оно было подано Государынѣ Храповицкимъ. Государыня не удовлетворила просьбы Г. и приказала исполнить по данному указу. Храповицкій записалъ въ своемъ дневникѣ слова Екатерины II, сказанныя о Глѣбовѣ по этому поводу: «Онъ плутъ и заслуживалъ казнь; многое знаетъ, что публикѣ не открыто. Самъ кн. Н. В. Рѣпнинъ, бывъ его защитникомъ, признался, что должно было его отдать генеральному суду». Однако, деньги (157,365 руб. 3 к.) были внесены только послѣ смерти Г. опекунами надъ его имуществомъ, но по указу Павла I отъ 29 ноября 1796 г. возвращены его наслѣдницѣ, по ея прошенію, а съ имѣнія снятъ секвестръ.

Удаленный окончательно отъ государственной дѣятельности, Г. жилъ то въ своей подмосковной Виноградовѣ (сюда послѣдовалъ за нимъ его домашній врачъ Мих. Леонт. Гамалѣя), то въ выстроенномъ имъ на Ходынкѣ близъ Москвы домѣ, гдѣ и умеръ 2 іюня 1790 г. Онъ погребенъ въ Виноградовѣ; на его могилѣ начертана такая эпитафія: «Въ память великому мужу... благоразуміемъ, мудростію, знаніями и безсмертной славой отличившемуся, преждевременною смертію у отечества... похищенному». Г. былъ женатъ трижды, но ни отъ одного брака не имѣлъ дѣтей. Первой женой его была Евдокія Алексѣевна Зыбина (род. 1709 г., † 1746 г.), а третьей—его экономка, жена маіора Дарья (Анна Доротея) Николаевна Францъ, урожденная Никласъ или Николаи (род. 5 февр. 1731 г., † 28 мая 1790 г.), на которой онъ женился въ 1773 г. Карабановъ говоритъ, что она находилась еще въ услуженіи у Маріи Симоновны и что Г. вывелъ ея перваго мужа въ офицеры; по его же словамъ Екатерина II, узнавъ о бракѣ

Г., воспретила его новой женѣ пріѣздъ ко двору. Г. назначилъ ее своей наслѣдницей, но она умерла за нѣсколько дней до его смерти, и по завѣщанію все состояніе Г., будучи благопріобрѣтеннымъ (родовое имѣніе онъ еще раньше уступилъ племяннику), перешло къ его падчерицѣ, дочери Дарьи Николаевны отъ перваго брака, Елизаветѣ Ивановнѣ Бенкендорфъ, рожд. Францъ. О состояніи Г. мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія: изъ всеподданнѣйшаго доклада комиссіи о мѣдныхъ деньгахъ 1763 г. видно, что онъ былъ долженъ Мѣдному банку 200000 руб. и въ эту сумму принято отъ него подъ закладъ 1695 душъ крестьянъ, 5 домовъ въ Петербургѣ (городской и приморскій домъ) и въ Москвѣ, мѣдный заводъ — въ Уфимской провинціи и 7 винокуренныхъ заводовъ, съ которыхъ онъ получалъ за поставляемое въ казну вино по 150,000 руб. ежегодно. Имѣнія Г. находились въ Московскомъ и Клинскомъ уѣздахъ Московской губ., Новосильскомъ и Чернскомъ—Тульской губ., Лихвинскомъ — Калужской губ., Унженскомъ—Костромской губ., Бахмутской провинціи. Въ своей подмосковной Виноградовѣ, купленной имъ въ 1758 г., онъ построилъ церковь (освящена въ 1777 г.) и учредилъ богадѣльню для престарѣлыхъ. Домъ Г. въ Петербургѣ находился на Фонтанкѣ, у Семеновскаго моста (теперь казармы); еще при жизни своей онъ продалъ этотъ домъ своему однофамильцу, ярославскому купцу Въ Москвѣ, кромѣ Ходынскаго дома, у него были еще дома въ Кудринѣ (теперь Вдовій домъ) и загородный близъ Данилова монастыря, пожалованный ему императрицей Елизаветой Петровной и въ 1763 г. купленный за 15,000 руб. Екатериной II для устройства Павловской больницы. Свое состояніе Г. оцѣнилъ въ своемъ завѣщаніи только въ 400000 руб. Участіе Г. въ разныхъ прибыльныхъ дѣлахъ имѣло для него послѣдствіемъ множество казенныхъ начетовъ и взысканій (по Мѣдному банку, виннымъ откупамъ, финляндскимъ казеннымъ свинцовымъ заводамъ). Вслѣдствіе запутанности дѣлъ Г. надъ оставшимся послѣ него имуществомъ была учреждена опека, которой пришлось выплатить разныхъ долговъ и начетовъ на сумму, чуть не превышавшую оцѣнку, которую сдѣлалъ Г. своему состоянію.

По словамъ Бантыша-Каменскаго Г. славился своимъ столомъ, такъ что Екатерина II говорила о немъ, «что она никогда не могла его насытить».

Бантышъ-Каменскій, «Словарь достопамятныхъ людей», изд. 2, 1847 г., т. I; Ивановъ, «Опытъ біографій генералъ-прокуроровъ и министровъ юстиціи»; Барановъ, «Опись Высочайшимъ указамъ, хранящимся въ С.-Пб. Сенат. Архивѣ», т. III; «Сенат. Архивъ», т. I, XII, XV; «Сборникъ Имп. Рус. Истор. Общества», т. 1, 4, 7, 8, 14, 32, 109, 125, 141, 143; «Чтенія Общ. Ист. и Др. Росс.» 1858 г., кн. 2; «Полн. Собр. Законовъ», т. XV; Кн. Щербатовъ, «О повреждении нравовъ въ Россіи»; Записки Екатерины II, кн. Я. П. Шаховского, кн. Дашковой, Порошина и Храповицкаго; «Село Виноградово Московскаго уѣзда во владѣніи Пушкиныхъ, кн. В. В. Долгорукова, кн. Вяземскихъ, А. И. Глѣбова и Бенкендорфъ», М., 1912 г.; «Лучъ» 1866 г. (Щукинъ, «Крыловъ—слѣдователь въ Сибири»); «Рус. Архивъ» 1863 г., 1871 г., 1877 г., т. III, 1894 г.; «Рус. Старина» 1870, 1871, 1872, 1874 гг.; «Истор. Вѣстникъ» 1885 г., т. II, 661; «Архивъ кн. Воронцова», т. 31; «Столѣтіе Военнаго Министерства», т. VI (Струковъ, «Главное артиллерійское управленіе»); «Исторія Правит. Сената», т. II; Долгоруковъ, «Росс. родословная книга», IV, 91; «Памятн. книжка Моск. Архива Министерства Юстиціи», 36—38 (свѣдѣнія о комиссіи объ иркутскомъ слѣдователѣ Крыловѣ). — Моск. Архивъ Министерства Юстиціи, дѣла Сената, кн. 3572, д. 12, кн. 4083 (2 апр. 1775 г.), кн. 4085 (4 авг. 1775 г.), кн. 4086 (6 окт. 1775 г.), кн. 6313, лл. 357, 393—396, кн. 6314 (протоколы 2 и 9 сент., 11 и 18 ноября 1776 г.); дѣла по справкамъ, кн. 101, д. 9. — Моск. отдѣл. Общаго Архива Гл. Штаба, опись 62, связки 217 и 220; опись 10, св. 566, д. 86.

Н. Чулковъ.

Глѣбовъ, *Андрей Саввичъ*, генералъ-маіоръ, родился около 1770 г. (по формуляру въ 1816 г. ему было 46 лѣтъ) и происходилъ изъ дворянъ Черниговской губ. Началъ службу 1 янв. 1791 г. рядовымъ въ 3-мъ баталіонѣ Лифляндскаго Егерскаго корпуса. Въ 1792, 1793 и 1794 гг. участвовалъ въ походахъ въ Польшу. 19 іюля 1797 г. переведенъ въ 6-й егерскій полкъ, а въ 1798—1799 гг. участвовалъ въ Итальянскомъ походѣ Суворова и былъ въ сраженіяхъ при г. Бресчіи, Леко, гдѣ былъ раненъ картечью въ лѣвую ногу (награжденъ орд. св. Анны 4-й ст.), Маренго, при рр. Нурѣ, Треббіи и Тидонѣ (здѣсь былъ раненъ въ правую ногу выше колѣна пулею, которая осталась въ ногѣ,

и произведенъ за отличіе въ портупей-юнкеры) и при Нови (раненъ саблею въ правую бровь). 14 авг. 1799 г. онъ произведенъ въ подпоручики. Во время перехода черезъ Сенъ-Готардъ былъ раненъ пулей въ лѣвую руку, а при Шванденѣ пулею въ лѣвую часть головы, выше уха; вслѣдствіе этой раны онъ остался на полѣ сраженія и былъ взятъ въ плѣнъ, въ которомъ находился до 10 мая 1801 г. Въ 1802 г. (27 іюля) Г. произведенъ въ поручики, 17 октября 1804 г.—въ штабсъ-капитаны и 19 января 1805 г.—въ капитаны. Въ 1805 г. онъ участвовалъ въ войнѣ съ Наполеономъ, былъ въ сраженіяхъ: при Лембахѣ, Энсѣ, Амштетенѣ, Дирингштейнѣ, Кремсѣ, Шенграбенѣ, гдѣ командовалъ баталіономъ, Вишау и Аустерлицѣ, гдѣ былъ раненъ картечью въ правый бокъ, и 12 апрѣля 1806 г. награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й ст. «въ воздаяніе отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ во время сраженій противъ французскихъ войскъ, гдѣ 24 октября съ одною ротою отъ Шренберга до мѣста сраженія въ дефилеяхъ прикрывалъ кавалерію и во время дѣла поражалъ непріятеля штыками, 30 числа при Кремсѣ онъ во время отраженія непріятельской кавалеріи, съ великимъ стремленіемъ скакавшей въ атаку, бросясь въ штыки, отбилъ непріятельскую пушку и 4 ноября при Шенграбенѣ неустрашимостью своею поощрялъ подчиненныхъ къ сильному пораженію непріятеля». Принявъ участіе въ Турецкой войнѣ, Г. въ 1806 г. былъ въ сраженіяхъ при Глодянахъ и при Бухарестѣ, кончившемся взятіемъ этого города, а въ 1807 г. при Чедыржоглу, гдѣ былъ раненъ пулею въ лѣвую руку, Журжѣ (награжденъ шпагою съ надписью за храбрость) и Обилештахъ. 11 февраля 1808 г. Г. произведенъ въ маіоры и 10 мая того же года назначенъ баталіоннымъ командиромъ своего же полка. Въ 1809 г. при блокадѣ крѣпости Кладова былъ раненъ картечью въ правую ногу и пулею въ лѣвую руку, когда, переправившись съ 5-й колонной черезъ Дунай, штурмовалъ эту крѣпость; за отличіе при с. Бартовертъ (24 августа) произведенъ 29 сентября 1809 г. въ подполковники. Въ 1810 г. Г. въ сраженіи при урочищѣ Дуду былъ контуженъ ядромъ въ лѣвую ногу; за сраженіе 11 іюня при с. Видровицъ на р. Топошнѣ (въ Сербіи) произведенъ (12 іюля 1810 г.) въ полковники; при разбитіи непріятеля на р. Дунаѣ по Праовской дорогѣ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ, а за отличіе при атакѣ укрѣпленнаго Праовскаго лагеря—орденомъ св. Анны 2-й ст.; въ сентябрѣ участвовалъ въ блокадѣ и взятіи крѣпости Броговой. 1 августа 1810 г. назначенъ командиромъ 6-го егерскаго полка. Въ Отечественную войну Г. участвовалъ въ сраженіяхъ при Дашковкѣ и Салтановѣ и въ обоихъ этихъ сраженіяхъ командовалъ авангардомъ 7-го пѣхотнаго корпуса Раевскаго; при Смоленскѣ (5 августа) онъ командовалъ отдѣльнымъ отрядомъ изъ своего полка и артиллеріи, при чемъ опрокидывалъ неоднократно сильныя непріятельскія колонны; здѣсь онъ былъ контуженъ. 24 августа при Шевардинѣ подъ командой Г. были 6-й, 41-й и 49-й егерскіе полки, занимавшіе лежавшіе впереди Шевардинскаго редута деревню Доронино и ближайшіе къ ней скаты оврага и лѣсъ; они были атакованы дивизіей ген. Кампана, поддерживаемой кавалеріей Мюрата, и, несмотря на всю свою храбрость и отчаянныя усилія удержать за собой Доронинскую позицію, принуждены были отступить къ главнымъ силамъ Шевардинскаго отряда, гдѣ и продолжали бой съ Кампаномъ съ перемѣннымъ счастьемъ. За Шевардинскій бой Г. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры. По отступленіи въ ночь на 25-е отъ Шевардинскаго редута, отрядъ Г. занялъ сѣверо-западную опушку Утицкаго лѣса. Бригада его (6-й и 41-й полки) продолжала сражаться и 25-го, будучи только на короткое время смѣнена въ ночь на 26-е. Въ самый день Бородина Г. со своимъ 6-мъ егерскимъ полкомъ находился въ центрѣ подъ начальствомъ Дохтурова, гдѣ и былъ раненъ пулею въ лѣвый високъ. Затѣмъ Г. участвовалъ въ сраженіяхъ при Малоярославцѣ и Красномъ (за послѣднія два сраженія награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й ст.). Въ 1813 г. Г. участвовалъ съ 18 января по 23 іюля въ блокадѣ крѣпости Модлина, а затѣмъ въ сраженіяхъ при гг. Дрезденѣ, Лейп-

цигѣ (за 6 октября награжденъ 7 октября орденомъ св. Георгія 3-й ст.), въ занятіи г. Штада и блокадѣ г. Гарбурга. 12 января 1814 г., при занятіи острова Оксенверда, ядромъ былъ сильно контуженъ въ лѣвую ногу; 26 января переправился во Францію и участвовалъ въ сраженіяхъ при Суассонѣ, Краонѣ и Лаонѣ (въ послѣднемъ командовалъ отрядомъ); 30 апрѣля 1814 г. Г. назначенъ шефомъ 6 егерскаго полка, 1 октября того же года — командиромъ 3-й бригады 12-й пѣхотной дивизіи, 8 марта 1816 г.—командиромъ 1-й бригады 4-й пѣхотной дивизіи, а 9 октября того же года уволенъ отъ службы съ мундиромъ, по болѣзни. Г. умеръ 12 сентября 1854 г. (по надгробной надписи на 78 году отъ рожденія) и погребенъ на кладбищѣ заштатнаго города Березны Черниговской губ.

Формулярный списокъ за 1816 г. (Москов. отдѣл. Архива Главнаго Штаба, св. 29/30, часть 2, лл. 329—332, дѣло № 400); «Военная Галлерея 1812 года», С.-Пб. 1912 г.; «Труды Моск. Отдѣла Импер. Русск. Истор. Общества», т. IV, ч. I. Боевой календарь — ежедневникъ 1812 г., ч. I; «Военный Сборникъ» 1909 г. № 10, стр. 251, 1910 г., № 7, стр. 260.

Н. К. Александровичъ.

Глѣбовъ, *Богданъ (Иванъ) Даниловичъ*, стольникъ и воевода, сынъ дворянина московскаго Данила Моисеевича († 1648 г.), службу началъ въ чинѣ жильца въ 1664—5 (7173) году. Въ 1668 г. участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ крымцевъ, находясь въ полкахъ кн. П. А. Долгорукова и кн. Г. С. Куракина подъ Глуховомъ, а въ 1671 г.—въ полку И. В. Бутурлина въ Шацкѣ и Тамбовѣ. Въ апрѣлѣ 1673 г. билъ челомъ, чтобы государь за смерть брата его Ивана, убитаго на войнѣ, и за собственныя его службы пожаловалъ его «быть при своей царской свѣтлости въ передней», и 13 апрѣля по этому челобитью былъ пожалованъ въ стряпчіе. 8 іюня 1676 г. получилъ званіе стольника. Въ 1677 г. участвовалъ въ составѣ полка кн. В. В. Голицына въ Чигиринскомъ походѣ, а въ 1679 г. былъ на Кіевской службѣ въ полку князя М. А. Черкасскаго. За Чигиринскую службу пожаловано ему изъ помѣстья въ вотчину 65 четей въ Шацкомъ уѣздѣ. Въ началѣ 1680 г. разбиралъ дворянъ и дѣтей боярскихъ мецнянъ, новосильцевъ и чернянъ, но въ февралѣ ему было предписано, «оставя разборъ на время и собрався съ ратными людьми..., итить на великаго государя службу по вѣстямъ (крымскимъ)... въ сходъ къ боярину и воеводѣ ко кн. Петру Ив. Хованскому въ Курескъ и въ иныя мѣста»; въ началѣ октября того же года онъ описывалъ и межевалъ Молоцкій станъ Московскаго уѣзда, прилегавшій къ Ростовской волости, а 18 октября назначенъ въ Судный приказъ товарищемъ къ судьѣ кн. И. И. Дашкову, вмѣстѣ со своимъ родственникомъ Мих. Ив. Глѣбовымъ и братомъ Никитой, при чемъ велѣно было «Глѣбовымъ быть межъ себя безъ мѣстъ». Съ 24 марта 1686 г. до осени 1688 г. Г. занималъ мѣсто товарища воеводы въ Тобольскѣ боярина Алексѣя Петровича Головина. По указанію родословной Глѣбовыхъ онъ былъ воеводой въ Астрахани (по «Тульскому родословцу» В. И. Чернопятова въ 1681 г.). Въ 1696—1706 гг. Г. былъ воеводой въ Енисейскѣ. Отправляясь туда, онъ просилъ, чтобы «для его старости и болѣзни» съ нимъ были отпущены его сыновья, назначенные на службу въ Азовъ. Просьба его была удовлетворена. За время воеводства Г. въ Енисейскѣ сохранилось больше 20 царскихъ грамотъ, присланныхъ на его имя, что свидѣтельствуетъ о порядкѣ въ его воеводской канцеляріи и бережномъ отношеніи къ грамотамъ. Далеко не всѣ воеводы заботились о сохраненіи грамотъ и дѣлъ, какъ видно изъ царской грамоты на имя Г. отъ 31 августа 1700 г.: «Вѣдомо намъ, великому государю, учинилось, что во многихъ сибирскихъ городѣхъ наши, великаго государя, грамоты, и дѣла, и столпы, и книги прошлыхъ лѣтъ валяются подъ приказными избами и въ анбарахъ и небреженіемъ отъ многихъ лѣтъ лежа погнили, и мыши переѣли, и подраны, а на Красномъ Яру хитростію и воровствомъ бывшихъ воеводъ изъ Красноярска везены». Въ 1698—9 (207) году съ Г. была взыскана присланнымъ въ Сибирь для сыска о воеводскихъ злоупотребленіяхъ думнымъ дьякомъ Дан. Леонт. Полянскимъ пеня въ 500 рублей за то, что онъ ослушался государева

указа: не далъ во-время судовъ проѣзжавшему черезъ Енисейскъ Якутскому воеводѣ Траурнихту, и пеня въ 200 рублей за разныя неисправности въ отпискахъ: онъ не датировалъ ихъ, не указывалъ учрежденія, куда онѣ посылаются (21 іюня 1701 г. по именному указу царя взысканныя съ Г. 200 рублей велѣно ему возвратить). Вскорѣ послѣ этого самому Г. велѣно было произвести сыскъ о злоупотребленіяхъ Полянскаго. Въ общемъ же воеводство Г. было удачно: государевой казнѣ учинена была прибыль. Въ ноябрѣ 1701 г. Г. билъ челомъ о смѣнѣ его съ воеводства за старостью, и 23 декабря царь указалъ Г. по его челобитью изъ Енисейска перемѣнить и уѣхать ему оттуда по сдачѣ города назначенному на его мѣсто бывшему Якутскому воеводѣ Траурнихту. Но еще много времени прошло, пока Г. удалось сдать городъ и уѣхать въ Москву; въ 1706 г. онъ былъ еще въ Енисейскѣ. Въ 1708 г. онъ былъ воеводой въ Верхотурьѣ. Въ 1712 г. Г. написанъ въ числѣ лицъ, которымъ предложено жить на о. Котлинѣ и строиться въ Петербургѣ. Въ 1728 г. онъ былъ боленъ «очной болѣзнью»: при продажѣ своего коломенскаго имѣнія не могъ приложить руки. 10 іюля 1731 г. Г. по обѣщанію постригся въ Московскомъ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ. Неизвѣстно, какое имя было ему дано при постриженіи, потому что дѣло о немъ, хранящееся въ Архивѣ Св. Синода, истлѣло.

Новичный помѣстный и денежный окладъ Г. былъ въ 600 четей и 30 рублей; затѣмъ Г. постепенно получалъ придачи за службы и по случаю разныхъ торжествъ въ царской семьѣ и въ 1676 г. его окладъ возросъ до 1000 четей и 86 рублей съ полтиной. Въ 1673 г. за нимъ было въ помѣстьяхъ и вотчинахъ 65 крестьянскихъ дворовъ въ Мценскомъ, Коломенскомъ, Касимовскомъ и Галицкомъ уѣздахъ и подъ Москвой, а въ 1697 г.—82 двора въ уѣздахъ Коломенскомъ (села Микульское и Бакунино), Галицкомъ, Дмитровскомъ (с. Гулнево), Мценскомъ, Орловскомъ, Ряжскомъ (отдано за дочерью въ приданое) и Рязанскомъ. На службу въ началѣ 80-хъ годовъ Г. являлся на конѣ съ парой пистолей, съ нимъ 2 лошади простыя, людей 4 человѣка съ боемъ, 2 человѣка съ простыми лошадьми и 4 человѣка въ телѣгахъ съ пищалями и бердышами.

Г. былъ женатъ съ 1671 г. на дочери подьячаго Помѣстнаго приказа Петра Васильева, падчерицѣ патріаршаго дьяка Парѳенія Иванова, и имѣлъ 2 сыновей: Степана (см. ниже) и Ѳедора (генералъ-аудиторъ, † 1731 г.) и дочь Марію, за адмираломъ Ив. Мих. Головинымъ.

«Акты истор.», т. V. — «Рус. Истор. Библ.», т. VIII. — «Др. Росс. Вивл.», т. III. — «Описаніе докум. и бумагъ Моск. Арх. Минист. Юстиціи», т. I. — Туманскій, «Собраніе разныхъ записокъ и сочиненій... о жизни и дѣяніяхъ... Петра Великаго», С.-Пб. 1787 г. ч. II. — Барсуковъ, «Списки городовыхъ воеводъ Моск. государства». — Власьевъ, «Родъ дворянъ Глѣбовыхъ» («Лѣтопись Истор.-Родосл. Общества въ Москвѣ» 1911 г., в. 1—2). — Моск. Архивъ Минист. Юстиціи: дѣла Вотчинной коллегіи по Суздалю стар. лѣтъ, кн. 33, лл. 427—440, и по Коломнѣ, кн. 33, л. 4; дѣла Разряда: книги Московскаго стола, кн. 123, л. 85, кн. 154, л. 33, кн. 164, л. 663; столбцы того же стола (по рукописному указателю къ нимъ); дѣла разныхъ городовъ, кн. 47, лл. 711—718; боярскія книги (по «Указателю» къ нимъ П. И. Иванова); дѣла Сибирскаго приказа, кн. 1328, столбецъ 1374.—«Описаніе документовъ Св. Синода», т. XI, № 234.

В. Корсакова.

Глѣбовъ, *Богданъ (Поликарпъ) Матвѣевичъ*, ясельничій, внукъ Глѣба Ивановича (Семеновича) Яковлева, родоначальника Глѣбовыхъ, потомковъ Облагини. Въ 1606 г. былъ въ Курскѣ головой въ полку у кн. Гр. Петр. Шаховского; осенью того же года въ Москвѣ однимъ изъ головъ у кн. Мих. Вас. Скопина-Шуйскаго въ сраженіяхъ противъ «воровъ». Въ 1607 г. былъ головой у воеводы кн. Андр. Вас. Хилкова, когда онъ стоялъ подъ Серебряными прудами; на помощь къ нимъ присланы изъ Алатыря воеводы Гр. Гр. Пушкинъ и Ададуровъ. Общими силами они приступали къ Серебрянымъ прудамъ и къ острогу; воровскіе люди, тамъ сидѣвшіе, многихъ ратныхъ людей царскаго войска переранили и перебили, но затѣмъ, увидавъ, что имъ не «отсидѣться», сдались. Кн. Хилковъ и Г-въ прислали къ царю Вас. Ив. Шуйскому съ сеунчемъ объ этой побѣдѣ Колтовскаго. Отъ этого года сохранилась Нижегородская десятня денежной дачи

боярина и воеводы кн. Андр. Вас. Голицына, кн. Андр. Вас. Хилкова, Гр. Гр. Пушкина, головы Богд. Глѣбова и дьяка Сыдавнаго Васильева. Въ 1608 г. Г. посланъ подъ Брянскъ полковымъ воеводой. 12 марта 1610 г. пріѣхалъ въ Москву шведскій полководецъ Делагарди; приставами къ нему назначены кн. Мих. Петр. Борятинскій и Г-въ. Въ томъ же году кн. Мстиславскій послалъ Г. къ Жолкевскому съ извѣстіемъ о готовности бояръ вести переговоры объ избраніи королевича Владислава, а осенью онъ участвовалъ въ московскомъ посольствѣ къ польскому королю Сигизмунду, когда хлопотали о приглашеніи королевича Владислава въ цари московскіе. 25 марта 1611 г. Г. вмѣстѣ съ послами былъ арестованъ и отосланъ въ Польшу. 1 іюня 1619 г. освобожденъ и по возвращеніи въ Москву получилъ шубу и кубокъ съ кровлей. Повидимому онъ сумѣлъ заслужить расположеніе и довѣріе патріарха Филарета Никитича, томившагося въ польскомъ плѣну до 1619 г. Мы заключаемъ это изъ назначенія Г-ва въ 1621 г. *ясельничимъ*, т.-е. начальникомъ Конюшеннаго приказа; въ этой должности онъ оставался до самой своей кончины. — Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ полагался на его преданность и добросовѣстность, такъ какъ 21 сентября 1623 г. послалъ его вмѣстѣ съ бояриномъ Ѳед. Ив. Шереметевымъ въ Нижній-Новгородъ для разслѣдованія вновь давнишняго дѣла о здоровьѣ бывшей своей невѣсты Марьи Ивановны Хлоповой. Разспросы и развѣдки доказали ложность доносовъ на Хлопову двухъ братьевъ Салтыковыхъ; указомъ отъ 24 октября 1623 г. царь велѣлъ отобрать ихъ помѣстья въ казну, а самихъ ихъ, вмѣстѣ съ женами, сослать въ Галичъ Костромской и въ Вологду. Шереметевъ и Г-въ должны были испытывать большое нравственное удовлетвореніе, сознавая, что способствовали выясненію клеветы, взведенной на нареченную царскую невѣсту, но радость ихъ была непродолжительна: 1-го ноября они получили повелѣніе сообщить Хлопову, что государь «не желаетъ взять за себя его дочь», а затѣмъ должны были немедленно вернуться въ Москву. Денежный окладъ, который Г. получалъ изъ Костромской чети, былъ 100 рублей. Въ промежутокъ времени между 1621—1631 годами Г-въ неоднократно обѣдалъ въ торжественныхъ случаяхъ у царя и у патріарха и присутствовалъ при пріемѣ и отпускѣ царемъ кизильбашскихъ, голштинскихъ и шведскихъ пословъ. 19 сентября 1624 г. на первой свадьбѣ царя Михаила Ѳеодоровича съ княжной Марьей Владиміровной Долгорукой Г-въ ѣздилъ около сѣнника съ кн. Б. М. Лыковымъ, а 22 сентября обѣдалъ у государя; 5 февраля 1626 г. на второй свадьбѣ съ Евдокіей Лукьяновной Стрѣшневой, подвелъ государю аргамака и шелъ возлѣ него, когда онъ ѣхалъ верхомъ, а во время бракосочетанія сидѣлъ въ саняхъ царицы.

Въ 1627—8 гг. взято было его мѣсто на Васильевскомъ лужкѣ подъ государевъ садъ, а взамѣнъ дано дворовое мѣсто опальнаго кн. Петра Урусова. Г. умеръ въ 1632—33 (7141) году. Онъ имѣлъ 3 сыновей: Матвѣя (см. ниже), Никиту (стольникъ) и Ѳедора (стольникъ, потомъ дворянинъ московскій).

«Др. Рос. Вивл.», XIII и XX. — «Собр. Госуд. Гр. и Договор.», III. — «Разр. книги», I и II. — «Дворц. Разряды», I и II. — «Акты Моск. госуд.», I. — «Памятники диплом. сношеній», III. — Карамзинъ, «Ист. госуд. Росс.», XII. — Бѣлокуровъ, «Разр. записи Смут. врем.», М., 1907 г. — Власьевъ, «Родъ дворянъ Глѣбовыхъ» («Лѣтопись Ист.-Родосл. Общества въ Москвѣ», 1911 г., вып. 1—2, стр. 35, 36, 38—40, 66). — «Рус. Историч. Библіотека», т. I и IX. — Моск. Арх. Минист. Юст., боярскія книги №№ 1 и 2; столб. Приказн. стола Разряда № 81, лл. 122—124.

В. Корсакова.

Глѣбовъ, *Дмитрій Петровичъ*, поэтъ, потомокъ древняго дворянскаго рода, сынъ оберъ-провіантмейстера Петра Александровича отъ брака съ Дарьей Александровной Кошелевой, родился 13 декабря 1789 г., 10 лѣтъ отъ роду пожалованъ кавалеромъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго (19 октября 1800 г.). Воспитывался въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ. 24 сентября 1803 г. опредѣленъ на службу въ Московскій архивъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ актуаріусомъ и 1 января 1807 г. произведенъ въ переводчики. Въ томъ же году 9 февраля поступилъ въ милицію, откуда возвра-

тился въ архивъ съ похвальнымъ аттестатомъ, а затѣмъ былъ награжденъ золотой медалью на Владимірской лентѣ въ петлицу и чиномъ коллежскаго ассесора (3 іюля 1808 г.). Въ теченіе дальнѣйшей своей службы въ архивѣ получилъ чины надворнаго совѣтника (31 декабря 1813 г.) и коллежскаго совѣтника (31 декабря 1819 г.) и награжденъ орденами св. Владиміра 4-й ст. (2 апрѣля 1822 г.) и св. Анны 2-го кл. (6 декабря 1826 г.). 23 февраля 1829 г. уволенъ отъ службы по домашнимъ обстоятельствамъ съ чиномъ статскаго совѣтника. Умеръ въ Москвѣ 7 мая 1843 г. (по надгробной надписи на 53 году) и погребенъ въ Покровскомъ монастырѣ.

Поэтическая дѣятельность Г. была патріотическаго направленія; его вдохновляли главнымъ образомъ военныя событія того времени — войны съ турками и французами. Свои патріотическія стихотворенія онъ печаталъ въ журналахъ «Русскій Вѣстникъ» и «Сынъ Отечества» и издавалъ отдѣльно; сюда относятся: 1) «Стихи на побѣды, одержанныя русскими войсками за Дунаемъ» («Русскій Вѣстникъ» 1810 г., № 9); 2) «Любовь къ отечеству» (тамъ же, №10); 3) «Сраженіе при Бородинѣ». М., 1813 г.; 4) «Пѣвецъ въ кругу Россіянъ». М., 1813 г.; 5) «Гласъ Московскаго жителя на освобожденіе Россіи отъ враговъ». М., 1813 г.; 6) «Чувствованіе Русскаго въ Кремлѣ» («Русскій Вѣстникъ» 1814 г., № 2); 7) «На незабвенные подвиги Россіянъ для освобожденія народовъ» («Сынъ Отечества», 1814 г., № 11, за подписью Дм. Г. л. бвъ); 8) «Собраніе стихотвореній, относящихся къ 1812 году». М., 1814 г., сюда вошли его стихотворенія, упомянутыя выше подъ №№ 3, 5, 6 и 7; 9) «Стихи на вторичное возвращеніе Государя въ Россію» («Русскій Вѣстникъ», 1816 г., № 3); 10) «Стихи на заложеніе храма во имя Спасителя собственною рукою Его Императорскаго Величества на Воробьевыхъ горахъ» (М. 1817 г.). Кромѣ того Г. печаталъ свои произведенія въ журналахъ: «Аглая», «Московскій Вѣстникъ» 1809 г., «Цвѣтникъ» 1810 г., «Русскій Вѣстникъ» 1816 г., «Благонамѣренный» 1820 г., «Сынъ Отечества» 1820, 1822, 1825 и 1827 гг., «Вѣстникъ Европы» 1821, 1822 и 1825 гг., «Новости Литературы» 1822 и 1826 гг. и «Дамскій Журналъ» 1827 и 1829 гг. и въ альманахахъ: «Уранія» 1826 г., «Сѣверные Цвѣты» 1827 г., «Литературный Музеумъ» 1827 г., «Подснѣжникъ» 1830 г., «Сиротка» 1831 г. и «Венера» 1831 г. (во всѣхъ 4 частяхъ). Отдѣльно изданы слѣдующіе стихотворные переводы Г.: 1) Мильвуа, «Материнская любовь» (М., 1819 г.); 2) Легуве, «Воспоминаніе», поэма (М., 1823 г.); 3) Мильвуа «Эгина и Эгинаръ, или мщеніе Карла Великаго», повѣсть (М., 1825 г.). Съ 7 сентября 1827 г. Г. состоялъ дѣйствительнымъ членомъ Общества любителей россійской словесности; въ засѣданіи этого общества 28 ноября того же года прочитано было его стихотвореніе «Часъ вдохновенія» (напечатано въ изданіи общества «Сочиненія въ прозѣ и стихахъ», ч. VII, кн. 21). Свои произведенія Г. выпустилъ и отдѣльной книжкой, подъ заглавіемъ «Элегіи и другія произведенія» (М., 1827 г.); въ концѣ ея авторъ помѣстилъ примѣчанія, въ которыхъ указываетъ, что вдохновило его написать то или другое стихотвореніе, откуда онъ заимствовалъ сюжетъ, а если рѣчь идетъ о переводномъ стихотвореніи, то какого оно автора.

«Словарь членовъ Общества любит. росс. словесности»; «Московскій Некрополь», т. I; Аттестатъ о службѣ (Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, вход. и исход. дѣла 1829 г., 1-я половина, л. 587); Г. А. Власьевъ, «Родъ дворянъ Глѣбовыхъ» («Лѣтопись Истор.-Родосл. Общества въ Москвѣ» 1911 г., № 1—2, стр. 55, 59); Н. Колюпановъ, «Біографія А. И. Кошелева», т. I, ч. 2, стр. 373—413 (роспись содержанія «Русскаго Вѣстника» и «Сына Отечества»); Межовъ, «Русская Историческая Библіографія», т. II, №№ 12715, 15393, 16012, 16728; Геннади, «Справочный Словарь»; Брокгаузъ-Ефронъ, «Энциклопед. Словарь», XVI; Венгеровъ, «Источники словаря русскихъ писателей», т. I (у Геннади, Брокгауза и Венгерова ошибка въ отчествѣ Г.).

Н. Чулковъ.

Глѣбовъ, *Иванъ Васильевичъ Ощера*, окольничій Василія Темнаго и Іоанна III, внукъ родоначальника Глѣбовыхъ Глѣба Михайловича Сорокоумова, въ лѣтописяхъ является подъ именемъ *Ощеры*. Послѣ ослѣпленія великаго князя Василія Васильевича Дмитріемъ Шемякой и ссылки его въ Угличъ, Ощера и братъ его Бобръ примкнули къ князьямъ Ряполовскимъ и князю Стригѣ Оболенскому, рѣшив-

шимъ освободить великаго князя изъ Углича. Разбивъ посланную въ догонку за ними дружину Шемяки у устья Мологи, главари заговора бѣжали въ Мстиславль къ князю Василію Ярославичу Боровскому, куда сошлись и остальные ихъ единомышленники. Собравъ войско, князь Боровскій двинулся на выручку Василія Темнаго, дружина котораго между тѣмъ уже взяла Москву (1446 г.). Въ 1454 г. или 1455 г. во время нашествія татарскаго царевича за Оку Г. стоялъ съ коломенскою силою и упустилъ татаръ, не рѣшившись дать имъ сраженіе. Шереметевскій боярскій списокъ («Др. Росс. Вивл.», ч. XX) отмѣчаетъ Ощеру при вокняженіи Іоанна III (1462 г.) какъ единственнаго окольничаго Василія Темнаго. Въ началѣ княженія Іоанна III онъ служилъ брату его князю Юрію Васильевичу и «сидѣлъ» у его духовной грамоты въ 1472 г. Въ актахъ этого времени Ощера нигдѣ не называется бояриномъ, а въ рукописныхъ разрядныхъ подъ 22 октября 1475 г. обозначенъ окольничимъ; лѣтопись даетъ ему званіе боярина, обозначая повидимому классъ, а не чинъ. При Іоаннѣ III онъ пользовался большою довѣренностью великаго князя. Лѣтописецъ съ негодованіемъ разсказываетъ о плохомъ вліяніи Ощеры на Іоанна III во время нашествія Ахмата въ 1480 году. Когда татары подошли къ Угрѣ Ощера и Гр. Андр. Мамонъ, бояре тучные, любившіе свое имѣніе, женъ и дѣтей болѣе отечества, не переставали шептать Іоанну, что лучше искать мира, напоминали ему о бѣгствѣ Дмитрія Донского въ Кострому во время нашествія Тохтамыша и о плѣненіи Василія Темнаго послѣ Суздальскаго боя. Іоаннъ уѣхалъ въ Москву, чтобы посовѣтоваться съ матерью, митрополитомъ и боярами; сторонники борьбы съ татарами склонили его вернуться къ войску. Іоаннъ пріѣхалъ въ Кременецъ, въ 30 вер. отъ Медыни. Здѣсь опять возобладало вліяніе Ощеры и Мамона. Къ Ахмату посланъ былъ Товарковъ съ мирными предложеніями, не имѣвшими однако успѣха. Между тѣмъ духовенство напомнило Іоанну III его обѣтъ стоять крѣпко за вѣру и отечество. Великій князь, склонный и самъ по себѣ къ осторожности, но не рѣшавшійся явно итти противъ сторонниковъ борьбы, старался отсрочить время рѣшительнаго столкновенія и велѣлъ своей рати отступить отъ Угры къ Кременцу, а затѣмъ къ Боровску, обѣщая дать бой въ окрестностяхъ этого города; исполнить обѣщаніе не пришлось, потому что татары сами удалились отъ границъ Московскаго государства. 27 февраля 1486 г. Ощера получилъ въ пожизненное владѣніе подмосковное село Кудрино, принадлежавшее Новинскому монастырю. Въ томъ же году онъ умеръ. По словамъ родословной изъ собранія И. Д. Бѣляева (Московскій Румянцевскій музей), онъ получилъ кормленія въ Коломнѣ, Русѣ и Новгородѣ (т.-е. какую нибудь пошлину въ этихъ городахъ). У него было 2 сына Иванъ и Михаилъ, не оставившіе потомства.

Карамзинъ, «Исторія госуд. Россійскаго» (изд. 4), т. V, стр. 314, т. VI, стр. 148; Соловьевъ, «Исторія Россіи», кн. 1 (изд. «Обществ. Пользы»); «Полн. Собр. Русскихъ Лѣтописей», т. IV, V, VI, VIII (по указателю); «Акты, относящіеся до юридическаго быта», т. I, 493—494; Н. П. Лихачевъ, «Государевъ родословецъ» и родъ Адашевыхъ», 14, 16, 28—30.

Н. Чулковъ.

Глѣбовъ, *Иванъ Ивановичъ Ощеринъ*, посолъ въ Валахію и Крымъ, сынъ окольничаго Ивана Васильевича Ощеры (см. выше). Въ 1493 г., съ 30 іюня по 7 іюля, и 17 августа 1494 г. «поилъ» литовскихъ пословъ. Въ январѣ 1495 г., въ числѣ стольниковъ, поѣхалъ провожать въ Литву великую княжну Елену Ивановну и вернулся 25 мая того же года. 20 октября 1495 г. выѣхалъ въ свитѣ великаго князя въ Новгородъ, вернулся въ Москву 24 марта 1496 г. Въ маѣ того же года отправленъ посломъ къ Стефану, воеводѣ Волошскому, и вернулся въ 1497 г., по дорогѣ ограбленный крымцами. 7 марта 1503 г. посланъ потчивать литовскихъ пословъ, а 22 сентября того же года выѣхалъ изъ Москвы въ качествѣ посла къ Крымскому хану; въ документахъ, относящихся къ этому посольству, титулованъ бояриномъ, хотя не имѣлъ такого званія. Ощеринъ долженъ былъ главнымъ образомъ объяснить хану значеніе перемирія, заключеннаго Іоанномъ III съ Литвой. Въ Путивлѣ онъ цѣлый годъ поджидалъ людей, высланныхъ

Менгли-Гиреемъ, такъ что пришлось дать ему новый наказъ (отъ 20 августа 1504 г.). Только осенью 1504 г. онъ попалъ въ Крымъ. Пробылъ здѣсь около года. Въ декабрѣ 1514 г. участвовалъ во встрѣчѣ турецкаго посла Камала. Послѣднее упоминаніе о немъ относится къ 14 января 1518 г., когда онъ далъ позволеніе Кириллову Бѣлозерскому монастырю устроить мельницу на своемъ берегу по р. Яхромѣ и далъ монастырю своей земли внизъ и вверхъ отъ плотины и въ ширину по 10 саженъ. По показанію частной родословной изъ собранія И. Д. Бѣляева (въ Румянцевскомъ музеѣ) Ощеринъ былъ не только стольникомъ, но и чашникомъ, а по возвращеніи изъ Волохъ былъ назначенъ дворецкимъ Калужскимъ и Старицкимъ и засѣдалъ въ Думѣ. По возвращеніи изъ Крыма великій князь «ему далъ на любви Тверь, Коломну, Кострому, и Иванъ билъ челомъ тѣми жалованьи — не откупитца», т.-е., по объясненію Н. П. Лихачева, Іоаннъ III предложилъ своему посланнику на выборъ тѣ или другія пошлины, а Ощеринъ заявилъ, что этого ему мало, такъ какъ не покрыло бы сдѣланныхъ въ Крыму долговъ: онъ долженъ былъ, по словамъ родословной, утолить хана и мурзъ дарами и тѣмъ заставить хана «по государевѣ волѣ учинити». Іоаннъ далъ Ощерину послѣ этого Корелу, обѣ половины, и въ прибавку «1500 переваръ да 1500 луковъ (лукъ соотвѣтствуетъ обжѣ) своихъ оброчныхъ пошлинъ, а съ лука и съ перевары оброку по полтинѣ». Н. П. Лихачевъ считаетъ это мѣсто въ рукописи испорченнымъ, именно слишкомъ преувеличено число переваръ (часть погоста). Ощеринъ сидѣлъ на Корелѣ 5 лѣтъ.

Н. П. Лихачевъ, «Государевъ родословецъ» и родъ Адашевыхъ», 17—24, 34—35; «Сборникъ Импер. Русскаго Истор. Общества», т. 35, 41 и 95. *Н. Чулковъ.*

Глѣбовъ, *Иванъ Тимоѳеевичъ*, докторъ медицины, тайный совѣтникъ, родился 24 іюня 1806 г. въ с. Глѣбовѣ-Городищѣ Зарайскаго уѣзда Рязанской губ.; происходилъ изъ духовной семьи. Получивъ первоначальное образованіе въ Зарайскомъ духовномъ училищѣ и Рязанской семинаріи, 1 сентября 1826 г. онъ поступилъ въ Московскую медицинскую академію; за время пребыванія тамъ онъ «за особенную любовь къ практическимъ анатомическимъ занятіямъ былъ назначенъ на 2-мъ курсѣ хранителемъ анатомическаго кабинета; за дѣланные имъ анатомическіе препараты для кабинета неоднократно получалъ денежныя награжденія; за особенное искусство приготовлять анатомическіе препараты былъ сдѣланъ помощникомъ прозектора, будучи еще студентомъ; на 3-мъ курсѣ, какъ болѣе всѣхъ другихъ товарищей занимавшійся анатоміей практически, былъ опредѣленъ ординаторомъ хирургической клиники при проф. Ѳ. А. Гильтебрандтѣ и дѣлалъ при немъ многія хирургическія операціи на больныхъ; за переводъ съ французскаго на русскій языкъ физіологіи Мажанди былъ удостоенъ денежной награды; въ теченіе одного года исправлялъ должность библіотекарскаго помощника при библіотекѣ Академіи и участвовалъ въ изданіи каталога книгъ ея, за что Высочайше награжденъ 200 руб.» Окончилъ курсъ 18 августа 1830 г. лѣкаремъ 1-го отдѣленія съ золотою медалью и предназначался къ оставленію при академіи для приготовленія къ должности преподавателя. Но въ виду появленія холеры въ приволжскихъ городахъ и Москвѣ 14-го сентября назначенъ уѣзднымъ врачомъ въ Симбирскъ, при чемъ однако оставленъ въ Москвѣ при временной холерной больницѣ до послѣднихъ чиселъ февраля 1831 г., когда, получивъ по экзамену званіе акушера (23 февраля), поѣхалъ въ Симбирскъ, а потомъ и въ другіе города Поволжья, гдѣ успѣшно боролся съ эпидеміей. 4 іюня 1831 г. получилъ отъ Совѣта Министра Внутреннихъ Дѣлъ признательность «за отличную способность и искусство въ производствѣ хирургическихъ операцій». По прекращеніи эпидеміи Глѣбовъ, уволенный 22 декабря 1831 г. отъ должности уѣзднаго врача, вернулся въ академію и 25 февраля 1832 г. утвержденъ адъюнктомъ при каѳедрѣ анатоміи и физіологіи и помощникомъ библіотекаря; 27 мая 1833 г перемѣщенъ по собственному желанію и. д. адъюнкта при каѳедрѣ общей и частной терапіи и клиники, которыя преподавалъ проф. І. Е. Дядьковскій.

Выдержавъ экзаменъ и защитивъ 10 декабря 1834 г. диссертацію на степень доктора медицины «Dissertatio de pathematibus sensu physiologico, pathologico, therapeutico et pharmacologico», Глѣбовъ утвержденъ адъюнктомъ при той же каѳедрѣ 23 марта 1835 г. Въ это время въ Московской академіи не было свободной медицинской каѳедры; поэтому при распредѣленіи профессорскихъ каѳедръ, по новому уставу академіи, Г. 27 августа 1836 г. перемѣщенъ на одну изъ ветеринарныхъ каѳедръ (зоотоміи, зоофизіологіи, зоопатологіи, скотоводства и зоохирургіи), такъ какъ это было единственнымъ способомъ отправить его заграницу для ознакомленія съ тамошней постановкой медицины; конференція академіи командировала его лѣтомъ 1837 г. заграницу на 2 года для усовершенствованія въ ветеринарныхъ наукахъ, а министръ внутреннихъ дѣлъ уже отъ себя добавилъ, что адъюнктъ Глѣбовъ долженъ, кромѣ того, изучить теорію и клинику внутреннихъ болѣзней человѣка (10 іюля 1837 г.). Г. пробылъ за границею 3 года; онъ рѣшилъ пройти всѣ медицинскія науки и съ этою цѣлью слушалъ лучшихъ профессоровъ въ Галле, Берлинѣ, Вѣнѣ, Цюрихѣ и Парижѣ. Со многими предметами ему пришлось тутъ впервые познакомиться, такъ какъ они не входили въ курсъ академическаго преподаванія въ Москвѣ; такъ, онъ едва ли не первый русскій медикъ, ознакомившійся съ основаніями гистологіи, притомъ непосредственно отъ самого Швана; тутъ онъ впервые узналъ объ аускультаціи и перкуссіи, какъ способахъ распознаванія болѣзней; тутъ же познакомился и съ употребленіемъ микроскопа. Кромѣ чисто медицинскихъ наукъ Глѣбовъ посвятилъ свое вниманіе и естественнымъ, въ чемъ ему содѣйствовалъ другъ его Н. Н. Зининъ, впослѣдствіи академикъ С.-Пб. Академіи Наукъ и заслуженный профессоръ С.-Пб. Медико-хирургической академіи, бывшій заграницей одновременно съ нимъ; вмѣстѣ они отправились въ началѣ сентября 1838 г. къ Средиземному морю для ознакомленія съ анатоміею морскихъ животныхъ; коллекціей, собранной Г. во время вторичнаго путешествія къ морю и бережно доставленной на его же счетъ въ Москву, было положено основаніе кабинету сравнительной анатоміи при Московскомъ университетѣ; впослѣдствіи университетъ оцѣнилъ эту коллекцію въ 1428 руб., которые и уплатилъ Г., съ оговоркою, впрочемъ, что эта сумма значительно ниже дѣйствительной стоимости коллекціи. Во время своего пребыванія за границей онъ посѣтилъ Германію, Австрію, Италію, Швейцарію, Францію и Англію. Вернувшись въ Москву лѣтомъ 1840 г., Г. былъ назначенъ адъюнктъ-профессоромъ академіи по каѳедрѣ физіологіи и патологіи; черезъ годъ, послѣ чтенія имъ двухъ пробныхъ лекцій, одной по-русски (о желудкѣ въ физіологическомъ отношеніи), другой по-латыни (о желудкѣ въ патологическомъ отношеніи), конференція академіи избрала его ординарнымъ профессоромъ (утв. 9 октября 1841 г.). Черезъ годъ послѣ этого (19 октября 1842 г.) Г. переведенъ профессоромъ по каѳедрѣ сравнительной анатоміи и физіологіи на физико-математическій факультетъ Московскаго университета, съ обязательствомъ преподавать зоологію студентамъ-медикамъ. Г. первый ввелъ преподаваніе сравнительной анатоміи и физіологіи въ Московскомъ университетѣ и основалъ, устроилъ и расширилъ кабинетъ сравнительной анатоміи. 21 іюня 1845 г. Г. опредѣленъ ординаторомъ въ Московскій военный госпиталь. 3 мая 1849 г. онъ перешелъ на каѳедру физіологіи на медицинскомъ факультетѣ, но продолжалъ нѣкоторое время читать и на физико-математическомъ факультетѣ. Въ 1856 г. исполнилось 25-лѣтіе его преподавательской дѣятельности, въ продолженіе котораго онъ преподавалъ 10 предметовъ, всѣ по собственнымъ запискамъ; Г. долженъ былъ получить увольненіе, но совѣтомъ университета избранъ еще на 5 лѣтъ. Г. однако не остался въ Москвѣ, а, принявъ 1 мая 1857 г. должность вице-президента въ С.-Пб. Медико-хирургической академіи, сдѣлался ревностнымъ помощникомъ извѣстнаго президента ея, П. А. Дубовицкаго, въ трудахъ по преобразованію и обновленію академіи. Во время его пребыванія на этомъ посту, въ академіи было введено составленіе диссертацій на русскомъ или

одномъ изъ новыхъ языковъ вмѣсто прежде обязательнаго латинскаго. Самымъ же важнымъ было учрежденіе врачебнаго института для врачей, оставляемыхъ при академіи и отправляемыхъ за границу для научнаго усовершенствованія и приготовленія къ профессорской дѣятельности (учрежденъ по докладу конференціи академіи, Высочайше утвержденному 21 мая 1858 г.); институтъ этотъ далъ профессоровъ во всѣ русскіе университеты. Глѣбовъ былъ назначенъ руководить воспитанниками института въ ученыхъ занятіяхъ и посредникомъ между ними, конференціей академіи и управленіемъ госпиталя (7 октября 1858 г.). Въ должности вице-президента Г. оставался 9 лѣтъ, а по упраздненіи ея назначенъ непремѣннымъ членомъ военно-медицинскаго ученаго комитета (30 марта 1867 г.). Въ день празднованія его 50-лѣтняго юбилея (17 ноября 1880 г.), врачи института Медико-хирургической академіи поднесли ему сборникъ своихъ трудовъ, названный въ честь его «Глѣбовскимъ». Умеръ Глѣбовъ 8 ноября 1884 г. и погребенъ въ Москвѣ въ Алексѣевскомъ монастырѣ. Онъ былъ членомъ обществъ: Московскаго испытателей природы (16 марта 1844 г.), Физико-Медицинскаго, Русскихъ врачей въ Петербургѣ и сѣверныхъ антикваріевъ въ Даніи (27 августа 1845 г.). Глѣбову принадлежатъ, кромѣ диссертаціи, еще слѣдующіе труды: 1) Recherches microscopiques sur les parties molles de Mammouth (Elephas primogenitus Blumenbachii, Mammonteus Fischeri), avec 3 planches.—«Bulletin de la Société Imp. des Naturalistes de Moscou» 1846, t. XIX, № 3, и отдѣльный оттискъ. Moscou, 1846 г. 8°.—2) Біографія проф. І. Е. Дядьковскаго въ «Словарѣ профессоровъ Москов. университета». М., 1855 г.—3) De ratione, quam physiologia cum aliis scientiis medicis habet, актовая рѣчь («Рѣчи и отчетъ Моск. унив.» 1856 г.), то же на русскомъ яз., дополненное въ «Моск. Врачебн. Журн.» 1856 г., кн. 1; отдѣльн. оттискъ: Объ отношеніи физіологіи къ прочимъ врачебнымъ наукамъ. (Рѣчь, произн. 12 января 1856 г. въ Моск. ун.). М., 1856. 8°.—4) Физіологія аппетита или голода («Въ воспомин. 12 января 1855 г.», сборн., изд. Моск. унив. 1856 г.) Отд. отт. М., 1856.—5) Некрологъ А. Н. Орловскаго. «Моск. Врачебн. Журн.» 1857 г., кн. 5—6. Отд. отт. М. 1858 г.—6) Опытъ лѣченія перемежающейся лихорадки сѣменами китайскаго огуречника. «Протоколы засѣд. Общ. русскихъ врачей 1857—58 гг.»—7) Разборъ соч. Заблоцкаго «Руководство къ изученію и лѣченію сифилитическихъ болѣзней» («27-е присужденіе Демидовскихъ наградъ». С.-Пб., 1859 г.) Отд. отт. С.-Пб., 1859 г. За этотъ разборъ И. Т. Глѣбову присуждена большая золотая медаль.—8) Краткій обзоръ дѣйствій Имп. С.-Пб. Медико-хирургической академіи за 1857—59 гг. въ видахъ улучшенія этого заведенія. С.-Пб., 1860 г.—9) Въ защиту преподаванія физіологіи въ Россіи. «С.-Пб. Вѣд.» 1859 г. № 264, 1860 г. № 5.—10) О публичномъ курсѣ опытной физіологіи въ пассажѣ. Е. Пеликана, Глѣбова и Католинскаго. «Сѣв. Пчела» 1860 г.—11) Народные стихи: объ Адамѣ, о преданіи Христа Іудою и о пятницѣ, записанные въ с. Крутицкомъ Спасскаго у. Рязанской губ. «Лѣтописи русск. лит. и древн.» М., 1860 г., т. III.—12) О занятіяхъ медиковъ врачебнаго института при Медико-хирургической академіи. С.-Пб., 1863 г.—13) Рѣчь на юбилеѣ Е. И. Богдановскаго. «Труды С. Рус. Врачей» 1882—1883 гг., II, 109.—14) Рѣчь на юбилеѣ Общества Русскихъ Врачей. Тамъ же, II, 144. Имъ переведены съ французскаго «Краткія основанія физіологіи» Мажанди, 2 части (М. 1830 г.), и съ нѣмецкаго «Карманная спеціальная физіологія человѣка» Будге (М. 1846 г.).

«Біограф. Словарь профессор. и преподав. Моск. универ.»; Языковъ, Д., «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. 4; «Медицинскій Вѣстникъ» 1880 г., №№ 41 и 42; «Новое Время» 1880 г., № 1605; «Медицинскія Новости» 1884 г., № 18; «Московскія Вѣдомости» 1884 г., №№ 316 и 355; Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», выпуски I и III; «Русская Медицина» 1884 г., № 42; «Описаніе празднованія юбилея пятидесятилѣтней службы профессора Ивана Тимоѳеевича Глѣбова 17 ноября 1880 г.». С.-Пб., 1881 г.; «Матеріалы для исторіи научн. и прикладн. дѣятельности въ Россіи по зоологіи и соприкасающимся съ нею отраслямъ знанія, собр. Анатоліемъ Богдановымъ». М. 1891 г., т. III, № 27; І. В. Добролюбовъ и С. Д. Яхонтовъ, «Библіограф. Словарь писателей, ученыхъ и художниковъ, уроженцевъ (преимущественно

Рязанской губерніи». Рязань 1910 г.; «Московскій Некрополь», т. I; Дневникъ А. В. Никитенко. *М. Ціонъ.*

Глѣбовъ, *Иванъ Ѳедоровичъ*, генералъ-аншефъ, сенаторъ, потомокъ древняго дворянскаго рода, сынъ генералъ-маіора, маіора л.-гв. Преображенскаго полка, оберъ-штеръ-кригсъ-комиссара Ѳедора Никитича († 1716 г.), вѣроятно, отъ перваго брака его съ княжной Маріей Яковлевной Козловской (вторично отецъ его былъ женатъ на Аннѣ-Евфросиніи Петровнѣ Дубровской), родился 20 февраля 1707 г. (по другимъ источникамъ въ 1703 г.). 21 марта 1721 г. по приказу генералъ-фельдцейхмейстера графа Я. В. Брюса зачисленъ изъ недорослей въ артиллерію сержантомъ. Распоряженіями Главной Артиллеріи произведенъ: 11 апрѣля 1723 г. въ штыкъ-юнкера, 5 апрѣля 1727 г. въ подпоручики, 25 апрѣля 1728 г. въ поручики, 15 февраля 1731 г. въ капитаны, 25 марта 1738 г. назначенъ ассесоромъ Канцеляріи главной артиллеріи и 22 ноября 1740 г. пожалованъ въ совѣтники той же Канцеляріи; при распредѣленіи дѣлъ Канцеляріи на экспедиціи ему поручены были «гарнизоны и всякое въ нихъ заготовленіе артиллеріи и аммуниціи и что къ тому принадлежитъ, фейерверочныя и иллюминаціонныя дѣла и школы съ мастерствами». 27 января 1741 г. генералъ-фельдцейхмейстеръ принцъ Гессенъ-Гомбургскій привлекъ Г. къ участію въ комиссіи для упорядоченія артиллерійскаго дѣла, въ которой онъ оказался однимъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей. 24 апрѣля 1743 г. Г. произведенъ въ бригадиры, а 20 ноября 1745 г. назначенъ членомъ вновь учрежденной комиссіи для изслѣдованія безпорядковъ и злоупотребленій по управленію бывшихъ башкирскихъ командировъ; 11 апрѣля 1749 г. назначенъ былъ въ другую слѣдственную комиссію, учрежденную въ Москвѣ по дѣлу о найденныхъ въ московскихъ сурожскихъ рядахъ и въ другихъ городахъ неявленныхъ товарахъ. 22 апрѣля 1749 г. произведенъ въ генералъ-маіоры. 4 января 1751 г. Г. былъ командированъ въ Новую Сербію главнымъ командиромъ для разселенія сербскихъ выходцевъ и для возведенія въ тѣхъ мѣстахъ земляного укрѣпленія, названнаго крѣпостью св. Елизаветы. 25 декабря 1755 г. онъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Вслѣдствіе пріостановки работъ по постройкѣ крѣпости св. Елизаветы Г., по распоряженію конференціи отъ 4 апрѣля 1756 г., былъ переведенъ изъ Новой Сербіи въ Петербургъ съ прикомандированіемъ къ артиллерійской командѣ. Послѣ этого онъ состоялъ при инженерномъ корпусѣ, въ званіи генералъ-инженера, а 4 іюля 1756 г. переименованъ въ генералъ-поручики съ зачисленіемъ въ артиллерійскій корпусъ. Его вѣдѣнію поручены были команды полевой и осадной артиллеріи въ Петербургѣ, Ригѣ и Выборгѣ, гарнизонныя артиллерійскія команды въ Остзейскомъ департаментѣ, Новгородѣ, Псковѣ, Великихъ Лукахъ и Смоленскѣ и артиллерійскій полевой фурштатъ. Во время Семилѣтней войны Г. находился при дѣйствующей заграницей арміи, въ сраженіи при Цорндорфѣ содѣйствовалъ генералу Фермору въ удержаніи поля битвы и нанесеніи полнаго пораженія прусскимъ войскамъ, за что 25 ноября 1758 г. былъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго. 24 февраля 1760 г. онъ опредѣленъ къ присутствованію въ канцеляріи Главной Артиллеріи и Фортификаціи. 16 августа 1760 г. Г. назначенъ Кіевскимъ губернаторомъ, но 12 сентября этого года Конференціей повелѣно было къ исправленію этой должности не вызывать его изъ дѣйствующей арміи до окончанія кампаніи. Возвратившись изъ арміи въ концѣ 1761 г. или началѣ 1762 г., Г. по смерти П. И. Шувалова († 4 января 1762 г.) принялъ должность замѣстителя генералъ-фельдцейхмейстера, а Высочайшимъ указомъ отъ 17 января ему поручены въ команду артиллерійскій и инженерный корпусы и оружейная канцелярія, но уже 9 февраля онъ произведенъ былъ въ генералъ-аншефы и назначенъ Кіевскимъ генералъ-губернаторомъ. 23 марта 1766 г. Г. назначенъ въ Правительствующій Сенатъ къ присутствованію въ 5-мъ департаментѣ, который съ 19 января 1767 г. былъ временно переведенъ изъ Москвы въ Петербургъ. 1 января 1767 г. онъ пожалованъ орденомъ Св. Андрея Пер-

возваннаго. Во время путешествія Екатерины II въ Москву и по Волгѣ Г. съ 7 февраля 1767 г. по январь 1768 г., какъ старшему сенатору, было поручено главное попеченіе и сохраненіе добраго порядка въ Петербургѣ. Въ это время Г. жилъ во дворцѣ, получая изъ статсъ-конторы по 500 руб. въ мѣсяцъ для того, чтобы онъ «не имѣлъ недостатка въ содержаніи по характеру своему благопристойнаго стола, а наипаче для празднованія торжественныхъ дней и для какихъ-либо знатныхъ проѣзжающихъ чужестранныхъ, которые у него нерѣдко случиться могутъ». Въ этомъ же году, какъ дворянинъ Алексинскаго уѣзда Московской губ. (нынѣ Тульской), онъ былъ избранъ дворянами этого уѣзда депутатомъ въ Комиссію для сочиненія проекта Новаго Уложенія и получилъ отъ нихъ депутатскій наказъ. Однако вслѣдствіе возложенныхъ на него въ этомъ же году Императрицей отвѣтственныхъ обязанностей по г. С.-Петербургу не могъ быть въ Москвѣ при открытіи Комиссіи 31 іюля; не присутствуя лично на засѣданіяхъ Комиссіи, пока они происходили въ Москвѣ, Г. тѣмъ не менѣе 30 октября прислалъ въ Комиссію свое мнѣніе о способахъ для предупрежденія того, чтобы помѣщики не продавали и не закладывали имѣній своихъ въ разныя руки. По перенесеніи засѣданій Комиссіи въ Петербургъ Г. числился депутатомъ до 4 сентября 1768 г., когда съ согласія общаго собранія передалъ свое депутатское званіе сыну своему артиллеріи подполковнику Сергѣю Глѣбову. 31 января 1767 г. повелѣно ему присутствовать въ Совѣтѣ по Шляхетскому кадетскому корпусу. 24 марта 1770 г. Г. согласно прошенію уволенъ отъ службы съ сохраненіемъ получаемаго жалованья и единовременной выдачей изъ Кабинета Ея Величества 10 тысячъ рублей. Скончался онъ 13 іюня 1774 г. и погребенъ въ Старицкомъ Успенскомъ монастырѣ. Имѣлъ сыновей: Николая (р. 1731 г.), Ѳедора (см. ниже), Ивана (р. 1743 г.), Сергѣя (см. ниже), Павла (1744—1826) и дочерей Екатерину (р. 1740 г.), Варвару (1741—1760) и Елизавету (р. 1749 г.).

П. Барановъ, «Опись Высочайш. указ. и повелѣн., хранящ. въ Сенатскомъ архивѣ за XVIII вѣкъ», т. III; «Столѣтіе Военнаго Министерства», т. VI, ч. 1, кн. 1. Главное Артиллерійское Управленіе; «Сборникъ Имп. Рус. Ист. общества», т. 4, 8, 10, 14 и 32; біографія Г., составленная П. Барановымъ (рукопись); «Справочный Энциклопед. Словарь» Старчевскаго, т. III; «Рус. Архивъ» 1866 г., № 1 (письма Екатерины II къ И. Ѳ. Глѣбову); «Лѣтопись Историко-Родословнаго Общества въ Москвѣ», 1911 г., вып. 1—2, стр. 44, 48, 50—53 (Г. А. Власьевъ, «Родъ дворянъ Глѣбовыхъ»).

М. Н. Марковъ.

Глѣбовъ, *Иванъ Ѳедоровичъ*, педагогъ, сынъ причетника Рязанской губерніи, получилъ высшее образованіе на историко-филологическомъ факультетѣ Московскаго университета, который окончилъ въ 1851 г. со степенью кандидата. Преподавалъ русскій языкъ въ Московскихъ гимназіяхъ: второй (1851—1858), первой (1859—1860) и въ реальномъ отдѣленіи третьей (1860—1864). Въ 1864 г. назначенъ инспекторомъ Костромской гимназіи, но вскорѣ по разстроенному здоровью вышелъ въ отставку и, психически больной, скончался въ Москвѣ въ 70-хъ годахъ (въ «Московскомъ Некрополѣ» указанъ только погребенный въ Донскомъ монастырѣ надворный совѣтникъ Іоаннъ Ѳедоровичъ Глѣбовъ, †14 іюля 1867 г.). Какъ преподаватель, отличался современнымъ взглядомъ на свой предметъ и умѣніемъ оцѣнивать писателей кратко, наглядно и понятно для учащихся. Принималъ живое участіе въ составленіи программы преподаванія въ 1863 г. Написалъ въ сотрудничествѣ съ Д. Ивановымъ «Исторію Практической Коммерческой Академіи» (Москва, 1860). Кромѣ того, имъ написанъ рядъ педагогическихъ и критическихъ статей: въ журналѣ «Воспитаніе»: 1) Критическая статья о составленномъ графомъ Путятинымъ проектѣ преобразованія морскихъ учебныхъ заведеній (1861 г., № 5); 2) отзывъ объ «Учебной теоріи словесности» И. Минина (№ 8); 3) отзывъ объ «Исторіи русской литературы» П. Петраченка (№ 12); 4) «Новый взглядъ на народное образованіе». «Ясная Поляна». Изд. гр. Л. Н. Толстого. 1862 г. январь (1862 г. № 4); 5) «Третья реальная Московская гимназія съ 1839 по 1862 г. Матеріалы для исторіи гимназическаго образованія въ Россіи съ 1839 по 1862 г.» (№№ 10 и 11, также отдѣльно); 6) «О програм-

махъ по русскому языку и словесности для желающихъ поступить въ студенты Московскаго университета» (1863 г., № 4); 7) «Новая программа русскаго языка и словесности для желающихъ поступить въ студенты Московскаго университета» (№ 7); въ газетѣ «Московскія Вѣдомости»: 1) «Общество любителей коммерческихъ знаній» (1862 г., №№ 29, 36, 39); 2) «Новый проектъ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній Министерства народнаго просвѣщенія» (№№ 60, 61); 3) «Михаилъ Александровичъ Носковъ». Біографическій очеркъ (№№ 141, 142 и 144 и отдѣльно); 4) «О пріемныхъ экзаменахъ въ университетъ». Въ отвѣтъ на нѣкоторыя изъ «Замѣчаній» Совѣта Московскаго университета на новый «проектъ» устава (№ 203); въ «Современной Лѣтописи» «Русскаго Вѣстника»: «О несостоятельности прогимназій и гимназій, по проекту устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній Министерства народнаго просвѣщенія» (1862 г. № 29).

П. А. Виноградовъ, «Краткій историческій очеркъ 50-лѣтія 3-й Московской гимназіи», М., 1889 г. стр. 136; І. В. Добролюбовъ и С. Д. Яхонтовъ, «Библіографическій словарь уроженцевъ Рязанской губерніи», Рязань, 1910 г., стр. 50; «Историческая Библіографія» 1861—1863 гг. *О. Жукова.*

Глѣбовъ, *Леонидъ Ивановичъ*, пользующійся въ современной малорусской литературѣ крупной извѣстностью, какъ талантливый баснописецъ, лирическій поэтъ и писатель для дѣтей, родился 19 февраля 1827 г. въ селѣ Веселый Подолъ, Хорольскаго уѣзда, Полтавской губерніи и по происхожденію принадлежалъ къ купеческому сословію; отецъ его былъ управляющимъ имѣніемъ. Еще до поступленія въ гимназію онъ сталъ увлекаться поэзіей и началъ писать русскія стихотворенія. Это увлеченіе еще болѣе укрѣпилось, когда Глѣбовъ поступилъ въ Полтавскую гимназію, гдѣ его поэтическое дарованіе встрѣтило сочувственную поддержку въ лицѣ учителя словесности Имшенецкаго. Глѣбовъ былъ лишь въ пятомъ классѣ гимназіи, когда появилась въ печати первая книжка его стихотвореній на русскомъ языкѣ («Стихотворенія Леонида Глѣбова». 1845—1846. Полтава, 1847), которая впрочемъ была совершенно незамѣчена критикой и не возвышалась надъ уровнемъ посредственности. Болѣзнь помѣшала молодому поэту окончить гимназію и ему пришлось уѣхать на родину въ село, гдѣ жили его родные. Онъ сталъ готовиться къ поступленію въ Нѣжинскій лицей, игравшій въ то время крупную роль на югѣ, какъ одинъ изъ доступнѣйшихъ разсадниковъ образованія для юношества, не обладавшаго крупными денежными средствами. Во время пребыванія въ селѣ Глѣбову пришлось близко наблюдать народную жизнь, и одновременно съ этимъ непосредственнымъ знакомствомъ съ украинскимъ народомъ произошло его ознакомленіе съ поэтическими произведеніями двухъ малорусскихъ писателей, оказавшихъ рѣшающее вліяніе на его дальнѣйшую литературную дѣятельность. Этими писателями были: геніальный малорусскій поэтъ Т. Г. Шевченко и извѣстный въ русской литературѣ 40-хъ годовъ бел-летристъ Е. П. Гребенка, басни котораго на малорусскомъ языкѣ произвели особенное впечатлѣніе на Глѣбова.

Результатомъ этого новаго увлеченія были малорусскія передѣлки басенъ Крылова: «Волкъ и Котъ» и «Волкъ и Пастухи». Въ 1849 г. Глѣбову удалось, наконецъ, выдержать вступительный экзаменъ въ Нѣжинскій лицей, гдѣ онъ и пробылъ въ качествѣ студента 6 лѣтъ (до 1855 г.). Ему часто приходилось на время оставлять лицей, то по болѣзни, то вслѣдствіе смерти отца, то наконецъ потому, что въ 1852 г. Глѣбовъ женился и ему одновременно приходилось справляться и съ лекціями и съ тяжелыми семейными заботами. Несмотря на это Глѣбовъ не прекращалъ занятій литературой и еще во время его пребыванія въ лицеѣ, начиная съ 1853 г., въ неоффиціальной части «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» появляется рядъ его талантливыхъ басенъ на малорусскомъ языкѣ. Въ 1861 г. въ Петербургѣ началъ выходить малорусскій журналъ «Основа», гдѣ также печатались малорусскія басни и лирическія стихотворенія Глѣбова.

По окончаніи лицея Глѣбовъ поступилъ на службу въ Черниговѣ, потомъ на короткое время отправился въ По-

дольскую губернію, гдѣ былъ учителемъ въ Дворянскомъ училищѣ, но въ началѣ 60-хъ годовъ мы его видимъ снова въ Черниговѣ учителемъ мѣстной гимназіи. Начало 60-хъ годовъ было отмѣчено довольно сильнымъ литературно-общественнымъ движеніемъ въ Малороссіи, получившимъ впослѣдствіи наименованіе украинофильскаго; но въ указываемый періодъ движеніе это не имѣло ярко выраженнаго политическаго характера и главнѣйшіе его интересы были направлены на развитіе малорусской литературы, изученіе прошлаго Малороссіи и собираніе мѣстнаго этнографическаго матеріала. Глѣбовъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ участниковъ небольшого кружка Черниговскихъ дѣятелей съ украинскими симпатіями. Въ 1861 году имъ была основана въ Черниговѣ газета «Черниговскій Листокъ», въ которой были помѣщены многія стихотворенія Глѣбова на русскомъ языкѣ и отрывокъ изъ его комедіи «Хуторянка». Но въ скоромъ времени газета была закрыта, а въ 1863 году Глѣбову пришлось распрощаться и съ учительской дѣятельностью, такъ какъ онъ попалъ въ разрядъ неблагонадежныхъ за свои украинскія симпатіи. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Глѣбову пришлось пережить тяжелую нужду, болѣзнь и смерть горячо любимой жены. На помощь Глѣбову пришли друзья, имѣвшіе вліяніе въ Черниговскомъ земствѣ и послѣ долгихъ хлопотъ больному поэту удалось получить мѣсто завѣдующаго земской типографіей, которое онъ и занималъ до своей смерти, послѣдовавшей 29 октября 1893 г.

Удивительно скромный, добродушный человѣкъ и талантливый писатель, Глѣбовъ пользовался большой любовью и популярностью не только въ Черниговѣ, но и за предѣлами его. Въ 1891 году въ Черниговѣ былъ отпразднованъ пятидесятилѣтній юбилей литературной дѣятельности Глѣбова и торжество это носило очень сердечный характеръ. Во время юбилея была получена масса телеграммъ изъ различныхъ городовъ Украины и Галиціи, свидѣтельствовавшихъ о томъ, что малороссы достойнымъ образомъ цѣнили литературную дѣятельность талантливаго малорусскаго баснописца. Первое собраніе басенъ Леонида Ивановича появилось въ 1863 г., второе въ 1872 г., а полное собраніе его сочиненій вышло уже послѣ его смерти въ 1904 г. Лирическія произведенія Глѣбова отличаются большой теплотой и искренностью настроенія. Нѣкоторыя изъ нихъ стали излюбленными народными пѣснями. Создавшія Глѣбову его славу украинскія басни отличаются задумчивымъ украинскимъ юморомъ и яркой національной окраской. И люди, и звѣри басенъ Глѣбова — украинцы съ головы до ногъ, и вѣроятно въ значительной степени это качество создало баснямъ Глѣбова ихъ широкую популярность. Мораль этихъ басенъ не сложна и всегда непосредственно вытекаетъ изъ сюжета басни и не является лишь внѣшней приставкой. Въ художественномъ отношеніи басни Глѣбова стоятъ чрезвычайно высоко и могутъ быть поставлены на ряду съ лучшими произведеніями этого рода въ европейской литературѣ. Уже на склонѣ лѣтъ, ослѣпшій Глѣбовъ началъ писать для дѣтей, и его малорусскія стихотворенія для дѣтскаго возраста, риѳмованныя загадки, маленькія сказочки, шутки въ стихахъ и пр. выдержали въ Галиціи, гдѣ онѣ впервые появились вслѣдствіе условій русской цензуры, нѣсколько изданій и отличаются присущими Глѣбову качествами: простотой, изяществомъ формы и высоко-гуманнымъ настроеніемъ.

Подробныя библіографическія указанія см. у Конарова «Библіограф. Покажчикъ» 1798—1883 г. (въ «Радѣ», Кіевъ, 1883 г. и отдѣльнымъ оттискомъ); нѣкоторыя указанія библіографическаго характера въ сборникѣ «Гимназія высшихъ наукъ и Лицей князя Безбородки», С.-Пб., 1881 г.; біографическіе очерки въ работахъ: проф. Петрова «Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія», Огоновскаго «Исторія литературы русской», Львовъ, 1887—1894; Сергій Ефремовъ, «Історія українського письменства», Кіевъ, 1913 г.; Зачірня и Грінченко, «Л. І. Глібовъ», Черниговъ, 1900; некрологъ въ «Кіевской Старинѣ» 1893 г.; посмертное изданіе сочиненій: «Твори» Л. Глібова, Кіевъ, 1904 г., издательство «Викъ». Сюда вошло все написанное Г. по-украински, за исключеніемъ самаго ранняго его стихотворенія «Остапова правда», оракула «Ворожка» и двухъ написанныхъ смѣшаннымъ языкомъ комедій: «Типическія сцены съ живыми картинами» и «Веселые люди или кровь не вода» («Хуторяночка»); значительная часть произведеній

Г. появилась здѣсь впервые, будучи извлечена изъ его рукописей. «Творы» раздѣлены на 4 отдѣла: въ 1-й отдѣлъ вошли байки (107 №№); во 2-й — загадки (27 №№), жарты, акростихи (12 №№) и 2 стихотворныхъ сказки, изъ которыхъ одна неокончена; въ 3-й — стихотворенія (36 №№), отрывки изъ неоконченной поэмы «Перекотыполе»; въ 4-й отдѣлъ — комедія въ 1 д. «До мырового». Въ началѣ книги помѣщена біографія Г., написанная его другомъ Ол. Тыщиньскимъ, и приложены 2 портрета Г. и видъ его могилы. Объ этомъ изданіи см. рецензію М. П—скаго въ «Кіевской Старинѣ» 1905 г., т. 89, отд. II, стр. 118—121.

В. П. Масловъ (Батуринскій).

Глѣбовъ, *Матвѣй Богдановичъ*, сынъ ясельничаго Богдана Матвѣевича, началъ службу въ царствованіе Василія Шуйскаго и прослужилъ въ чинѣ жильца 12 лѣтъ. Въ 1611 г., во время междуцарствія, онъ находился на земской службѣ подъ начальствомъ кн. Дм. Тим. Трубецкого; помѣстный окладъ ему былъ 400 четей, денегъ изъ чети 15 рублей; въ 1614 г. помѣстья за нимъ было 307 четей въ Мценскомъ и Вологодскомъ уѣздахъ и вотчина въ 90 четей въ Коломенскомъ уѣздѣ, данная изъ отцовскаго помѣстья за Московское осадное сидѣнье. Въ 1613—1614 г. Г. былъ на службѣ подъ Смоленскомъ. Въ 1622 г. онъ уже числится въ стольникахъ. Окладъ его былъ сначала въ 650 четей, 28 рублей, а 11 августа 1623 г. данъ ему окладъ въ 750 четей, 40 рублей. Въ 1633 г. онъ и его братья Никита и Ѳедоръ отвезли подъ Смоленскъ 20 чет. сухарей на своихъ подводахъ. 21 марта 1635 г. вмѣстѣ съ Петр. Данил. Протасовымъ онъ распоряжался въ Панафидной Палатѣ кормомъ пахолковъ и гайдуковъ, пріѣхавшихъ въ Москву съ литовскими послами; 19 мая Г. и вышеупомянутые два брата его ставили ѣсть передъ кизильбашскими послами. Въ 1636 г. онъ дневалъ и ночевалъ на государевѣ дворѣ во время похода государя въ с. Покровское, 25 мая 1637 г. при поѣздкѣ царя въ Покровское оставался въ Москвѣ въ охранѣ. Въ 1638 г. послѣдовалъ царскій указъ объ отправленіи на р. Лену воеводы Петра Петр. Головина, товарища воеводы Матв. Богд. Глѣбова и дьяка Ефима Филатова. Имъ вмѣнялось въ обязанность присматривать пашенныя и сѣнокосныя мѣста по рѣкѣ Ленѣ, распоряжаться относительно сбора ясака, постройки острожковъ и открытія новыхъ земель. Поѣздка ихъ была весьма продолжительна: они лишь 21 іюня 1639 г. проѣхали мимо Тобольска, чтобы ставить на рѣкѣ Ленѣ острогъ Якутскъ. Между воеводой Головинымъ и его товарищами Глѣбовымъ и Филатовымъ возникли потомъ нелады, и Головинъ самовольно посадилъ въ тюрьму, какъ ихъ съ семьями, такъ и еще многихъ служилыхъ людей и даже священниковъ. Г. просидѣлъ за приставомъ 23 недѣли и въ тюрьмѣ 2 года 6 недѣль. Головинъ обвинялъ своихъ товарищей въ измѣнѣ, будто бы они подучили якутовъ напасть на Якутскій острогъ и побить боярскихъ дѣтей и служилыхъ людей, а также въ подговорѣ къ убійству самого Головина. Судя по мірской челобитной, поданной жителями Якутска Енисейскому воеводѣ Пушкину, которому велѣно было произвести разслѣдованіе дѣла, Глѣбовъ и Филатовъ пострадали невинно, такъ какъ Головинъ разными пытками и мученіями добивался, чтобы ихъ люди и нѣкоторые якуты взводили на нихъ обвиненія, придуманныя Головинымъ. 11 сент. 1644 г. велѣно было ѣхать въ Якутскъ новымъ воеводамъ Вас. Никит. Пушкину и Кир. Осип. Супоневу и произвести сыскъ о дѣйствіяхъ Головина. Всѣ лица, замѣшанныя въ этомъ сыскномъ дѣлѣ, были отправлены въ 1645 г., согласно царскому указу, въ Москву, въ сопровожденіи Ленскихъ служилыхъ людей. Въ дѣлахъ Сибирскаго приказа сохранилось громадное сыскное дѣло о Головинѣ и его товарищахъ (5 столбцовъ), производившееся въ 1645—1650 гг. въ Якутскѣ преемниками Головина по воеводству. Повидимому Г. былъ совершенно оправданъ, потому что въ 1650 г. онъ неоднократно упоминается въ числѣ дворянъ, сопровождавшихъ царицу Марью Ильинишну въ загородныхъ и богомольныхъ походахъ. Проживъ безвыѣздно въ Москвѣ 2 года, Г. 7 сентября 1651 г. по своему челобитью отпущенъ былъ въ деревню, гдѣ онъ не былъ 13 лѣтъ. Въ 1652—3 (7161) г. Г. въ сказкѣ своей показалъ, что на службѣ быть ему нельзя: старъ, боленъ отъ тюремнаго сидѣнія и отъ нужи всякой тюремной. За нимъ было въ это

время 209 крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ.

«Доп. къ акт. ист.», II и III. — «Др. Росс. Вивл.», III. — «Разр. кн.», II. — «Дв. разр.», II и III. — «Акты Моск. госуд.», I. — «Рус. Истор. Библ.», II и X. — Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. IX. — Барсуковъ, «Списки городовыхъ воеводъ Моск. госуд. XVII столѣтія». — Власьевъ, «Родъ дворянъ Глѣбовыхъ» («Лѣтопись Истор.-Родосл. Общ. въ Москвѣ» 1911 г., вып. 1—2). — Оглоблинъ, «Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа», ч. 1. — Моск. Арх. Минист. Юстиціи, столбцы Москов. стола Разряда (по рукописн. указателю и «Описанію документовъ и бумагъ Моск. Арх. Мин. Юст.»), боярскія книги. *В. Корсакова.*

Глѣбовъ, *Михаилъ Ивановичъ*, окольничій, сынъ стряпчаго Ивана (Порфирія) Моисеевича. Въ 1653—4 (7162) г. началъ службу жильцомъ и въ 1653—55 (7162—164) гг., находясь въ государевѣ полку, участвовалъ въ нѣмецкомъ и литовскомъ походахъ и изъ Вильны и Риги до Москвы слѣдовалъ въ сотнѣ за царемъ. 9 мая 1655 г. ему назначенъ помѣстный и денежный окладъ въ 400 четей и 10 рублей изъ чети. Въ 1658 г. пожалованъ въ стряпчіе. Въ 1660 г. было учреждено въ Москвѣ посольство «для мирнаго постановленія» съ Польшею, во главѣ съ тремя боярами; при каждомъ изъ великихъ и полномочныхъ пословъ состояло нѣсколько человѣкъ; Г. находился въ числѣ стряпчихъ при Петрѣ Вас. Шереметевѣ. Посольство это съѣхалось съ польскими комиссарами въ Борисовѣ. Въ 1658—59 (7167) и 1660—1 (7169) г. Г. находился въ полку кн. Ю. А. Долгорукова и участвовалъ въ бояхъ съ поляками. 22 янв. 1662 г. онъ пожалованъ въ стольники; 19 августа того же года посланъ въ Сѣвскъ къ боярину П. В. Шереметеву съ наказомъ и со списками дворянъ и дѣтей боярскихъ. Въ 1667—8 (7176) г. находился въ полку кн. П. А. Долгорукова подъ Глуховомъ, въ 1668—9 (7176—7) гг. въ полку кн. Г. С. Куракина, дѣйствовавшемъ противъ крымцевъ, а въ 1669—71 (7178—9) гг. участвовалъ въ царскихъ осеннихъ и зимнихъ походахъ. Въ 1669 г. онъ нѣсколько разъ дневалъ и ночевалъ при гробѣ царевича Симеона Алексѣевича. Въ 1671 г. Г. назначенъ воеводой въ Царицынъ, а 12 марта 1674 г. переведенъ въ Саратовъ, гдѣ оставался до 1676 года. Онъ перенесъ Саратовъ съ луговой стороны на горную и построилъ городскія стѣны и башни. Въ 1677 г. Г. разбиралъ курмышскихъ, цывильскихъ и ядринскихъ ратныхъ людей. Съ 2 мая 1678 г. по 6 апр. 1680 г. былъ товарищемъ воеводы въ Тобольскѣ при воеводѣ бояринѣ Петрѣ Вас. Шереметевѣ. 18 октября 1680 г. Г. былъ назначенъ въ Судный приказъ товарищемъ судьи кн. И. И. Дашкова вмѣстѣ со своими родственниками Богд. и Никит. Данил. Глѣбовыми, причемъ велѣно было «Глѣбовымъ быть межъ себя безъ мѣстъ». Въ 1682 г. былъ полковымъ воеводой въ Царицынѣ, для военныхъ дѣйствій противъ воровскихъ казаковъ, и смѣненъ былъ въ сентябрѣ по болѣзни-2 сентября 1684 г. Г. былъ пожалованъ въ думные дворяне, а 1 марта 1685 г. ему данъ вновь денежный окладъ въ 250 рублей. Въ томъ же 1685 г. Г. былъ и патріаршимъ бояриномъ; онъ сопровождалъ въ этомъ году царя Іоанна Алексѣевича въ Спасскій монастырь къ обѣднѣ и панихидѣ по теткѣ царя Иринѣ Михайловнѣ, а въ вербное воскресенье какъ въ этомъ году, такъ и въ 1693 г., участвовалъ въ церемоніи «шествія патріарха на осляти». 20 ноября 1689 г. Г-у за саратовскую и царицынскую службу, за то, что онъ учинилъ прибыль государевой казнѣ, и за городовое строеніе дана придача къ денежному окладу въ 100 руб., а 21 декабря того же года онъ пожалованъ въ окольничіе. Въ 1694 г. управлялъ Патріаршимъ приказомъ. Г. неоднократно принималъ участіе въ крестныхъ ходахъ московскихъ соборовъ и монастырей. Въ 1696 г. дневалъ и ночевалъ при гробѣ царя Іоанна Алексѣевича. Въ 1699 г. былъ подъ Азовомъ, куда «для его старости» присланъ былъ къ нему сынъ его Леонтій. Въ 1712 г. онъ упоминается въ числѣ лицъ, которымъ предложено жить на о. Котлинѣ и строиться въ Петербургѣ. Послѣднее извѣстіе о Г. относится къ 1714 году. На свадьбѣ Никиты Моисеевича Зотова, когда всѣ придворные должны были «костюмироваться» и держать въ рукахъ музыкальные инструменты по составленному Петромъ В. росписанію, въ *терликахъ* были: Глѣбовъ, Ал. Тим. Лихачевъ, кн. Петръ Лукичъ Львовъ,

Петръ да Никита Хитровы, Бор. Ив. Лихаревъ, Андрей Крефтъ. У ихъ именъ замѣтка: «Сіи безъ игръ для того, что отъ старости своей не могутъ ничего въ рукахъ держать». 18 декабря 1659 г. Г. данъ окладъ 450 четей, 18 рублей; путемъ придачъ онъ достигъ къ 1675 г. 1000 четей, 82 рублей. Его денежный окладъ въ 1689 г. былъ въ 655 руб., послѣ того какъ за Троицкій походъ онъ получилъ придачу въ 250 рублей. Въ 1668 г. за нимъ было 63 крестьянскихъ двора въ помѣстьяхъ и вотчинахъ Пошехонскаго, Коломенскаго, Веневскаго и Рязанскаго уѣздовъ, а въ 1680 г. 241 дворъ въ уѣздахъ Костромскомъ (101 дворъ), Пошехонскомъ, Коломенскомъ, Веневскомъ, Епифанскомъ, Мценскомъ и Орловскомъ, да его собственный дворъ въ Московскомъ уѣздѣ. За нимъ числились еще 31 дворъ въ Дмитровскомъ и Мещовскомъ уѣздахъ, уступленные имъ тестю и мачихѣ. Въ 1683 г. онъ владѣлъ въ Московскомъ уѣздѣ пустошью Юшковой, Слѣпушкиной тожъ (послѣ село Никольское-Юшково), гдѣ построилъ церковь во имя Николая Чудотворца. На службу Г. долженъ былъ по сказкѣ 1680 года являться на конѣ, съ парой пистолей и саблей, въ панцырѣ, наручахъ и шапкѣ ерихонкѣ, съ 3 лошадьми простыми, за нимъ 8 человѣкъ съ боемъ, съ саадаками и копьями, въ панцыряхъ, наручахъ и шапкахъ мисюркахъ и въ кошу 8 человѣкъ съ длинными пищалями и бердышами.

Г. былъ женатъ на дочери Сидора Ладыженскаго (по другимъ источникамъ на Прасковьѣ Юрьевнѣ Чернопятовой) и имѣлъ 3 сыновей: Василія, Леонтія и Ѳедора (всѣ трое были стольниками) и дочь, за кн. Петр. Тимоѳ. Козловскимъ.

«Др. Рос. Вивл.», III. — «Собр. Госуд. Гр. и Договор.», IV. — «Акты ист.», V. — «Доп. къ акт. ист.», VII и IX. — «Дв. разр.», III и IV. — «Описаніе докум. и бумагъ Моск. Арх. Юст.», I. — Голиковъ, «Дѣянія Петра Великаго», XIII. — Барсуковъ, «Списки городовыхъ воеводъ Московскаго государства XVII столѣтія». — Власьевъ, «Родъ дворянъ Глѣбовыхъ» («Лѣтопись Истор.-Родосл. Общ. въ Москвѣ» 1911 г., вып. 1—2). — Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Москов. ст. Разряда (по рукописному указателю), боярскія книги.

В. Корсакова.

Глѣбовъ, *Михаилъ Николаевичъ*, декабристъ, родился въ состоятельной дворянской семьѣ Путивльскаго уѣзда Курской губерніи въ 1801 г. (однако Кюхельбекеръ говоритъ въ своемъ дневникѣ 1832 г., что Г. не болѣе 25 лѣтъ, а Бѣляевъ называетъ его въ разсказѣ о 14 декабря 1825 г. юношей). Получилъ образованіе въ Петербургскомъ университетскомъ пансіонѣ. Служилъ по Министерству финансовъ и дослужился до чина коллежскаго секретаря. Изъ декабристовъ Г. былъ близокъ къ Каховскому и къ Кюхельбекеру, бывшему его учителемъ, но повидимому къ Сѣверному обществу не принадлежалъ, хотя и былъ посвященъ Каховскимъ въ его дѣла. Жилъ онъ на одной квартирѣ съ декабристомъ Палицынымъ. 14 декабря Г. былъ на Дворцовой площади, гдѣ по свидѣтельству Бестужева-Марлинскаго «очень суетился». Черезъ три дня, 17 декабря, въ половинѣ третьяго пополуночи комендантъ Петропавловской крѣпости А. Я. Сукинъ получилъ слѣдующее Высочайшее повелѣніе: «Чиновника Глѣбова посадить подъ арестъ, гдѣ удобно, онъ случайно присталъ, но содержать строго». Каховскій сначала показалъ, что Г. былъ принятъ имъ въ тайное общество, но затѣмъ, 23 февраля 1826 г., заявилъ: «Отъ Г. я никогда и ничего не скрывалъ: отъ меня узналъ о тайномъ обществѣ, о возстаніи 14 декабря, но членомъ онъ не былъ. И вотъ всегдашнія слова его ко мнѣ: я люблю отечество, счастіемъ почту умереть для блага его; но игрушкой таинственной быть не могу; не могу войти въ общество, хорошо не зная ни намѣреній, ни силъ его». 14 марта Каховскій повторилъ, что «коллежскій секретарь Г. зналъ о существованіи общества, но не принадлежалъ къ оному». Г. при допросѣ сначала отъ всего отпирался, но потомъ сознался, что Каховскій открылъ ему объ обществѣ, цѣль котораго конституція, а за недѣлю до 14 декабря слышалъ отъ него, что войска не будутъ присягать и нужно итти на площадь. Причисленный къ V разряду, Г. былъ приговоренъ къ 10 годамъ каторги, а потомъ ссылкѣ на поселеніе. При утвержденіи приговора Императоромъ Николаемъ I (11 іюля 1826 г.), когда было уменьшено наказаніе для всѣхъ осужденныхъ въ каторгу, Г., вмѣстѣ съ

барономъ Розеномъ и М. А. и Н. А. Бестужевыми, не былъ признанъ достойнымъ такой милости (впослѣдствіи, срокъ былъ уменьшенъ по манифестамъ). Онъ продолжалъ оставаться въ крѣпости до 5 февраля 1827 г., когда былъ отправленъ въ Сибирь. 29 марта Г. съ Розеномъ былъ привезенъ въ Читинскій острогъ. Осенью 1830 г. читинскіе декабристы были переведены въ Петровскій заводъ близъ Верхнеудинска. 11 іюля 1832 г. кончился срокъ пребыванія Г. на каторгѣ, и онъ былъ переведенъ на поселеніе въ с. Кабанское Иркутской губ., за Байкаломъ, недалеко отъ Верхнеудинска. 20 іюля Г. выѣхалъ изъ Петровскаго завода на мѣсто поселенія. Въ Кабанскомъ и прожилъ онъ 19 лѣтъ до самой смерти. Сначала Г. завелъ здѣсь мелочную лавочку, потомъ бросилъ ее, скучалъ и жаждалъ освобожденія, котораго такъ и не дождался. Въ 1851 г., какъ видно изъ письма декабриста фонъ-деръ-Бриггена къ декабристу же Оболенскому отъ 12 іюля, Г. получилъ право повсемѣстнаго передвиженія по Сибири, но въ томъ же году онъ умеръ. Впечатлительный и нѣжный по натурѣ, Г. имѣлъ очень мягкій, кроткій, но слабый характеръ и пользовался за свои душевныя качества симпатіей всѣхъ знавшихъ его.

П. М. Головачевъ, «Декабристы», М., 1906; «Декабристы», изд. В. М. Саблина, 66, 90, 113; Н. А. Котляревскій, «Декабристы кн. А. Одоевскій и А. Бестужевъ», 412; «Декабристы. Матеріалы для характеристики», изд. Зензинова, подъ ред. П. М. Головачева, 174; бар. А. Е. Розенъ, «Записки декабриста»; «Былое» 1906 г., № 1, стр. 165, № 2, стр. 184, 197, 198, 206, № 5, стр. 200; «XIX вѣкъ», кн. I, 168, 182 («Записки Басаргина»); «Русская Старина» 1870 г., II, 184 («Записки М. А. Бестужева»), 1875 г., XIII, 340, 510, 523 (В. К. Кюхельбекеръ); 1881 г., XXX, 499 («Воспоминанія А. П. Бѣляева»), 1886 г., LII, 235, 1901 г., № 2, стр. 439 (письмо ф.-д. Бриггена). *Н. Чулковъ.*

Глѣбовъ, *Моисей Ѳедоровичъ*, дворянинъ московскій, воевода, внукъ родоначальника Глѣбовыхъ, потомковъ Облагини, сынъ Почепскаго и Новгородъ-сѣверскаго воеводы Ѳедора Глѣбовича. Въ 1608 г. онъ былъ присланъ изъ Новгорода кн. Мих. Вас. Скопинымъ-Шуйскимъ къ царю Василію Ивановичу Шуйскому съ извѣстіемъ, что въ скоромъ времени будетъ получена помощь отъ Швеціи. Въ 1613—1616 гг.— товарищъ воеводы при кн. Петрѣ Ив. Пронскомъ на Двинѣ и на Холмогорахъ. Въ 1614 г. былъ посланъ Пронскимъ къ Архангельску на случай осады польскими и литовскими людьми и русскими измѣнниками и ворами. Въ 1618 г. Г. встрѣчалъ шведскихъ пословъ въ Москвѣ въ переднихъ сѣняхъ дворца, а затѣмъ былъ у нихъ приставомъ. Въ томъ же году во время прихода польскаго королевича Владислава къ Москвѣ Г. былъ на стражѣ въ Калужскихъ воротахъ съ княземъ Дан. Ив. Долгорукимъ. Въ 1619 г. находился воеводой въ Орловѣ (теперь село Воронежской губ.). Въ 1621 г. для обереганья отъ крымскихъ и ногайскихъ людей стоялъ на Крапивнѣ въ сторожевомъ полку кн. Гр. Вас. Тюфякина. По «вѣстямъ» должны они были быть въ сходѣ въ большой полкъ къ стольнику и воеводѣ Ив. Вас. Морозову. Съ 3 октября Г. остался на Крапивнѣ самостоятельнымъ полковымъ воеводой. Съ 27 февр. 1624 г. до 1625 г. товарищъ воеводы въ Псковѣ при кн. Вас. Петр. Ахамашуковѣ-Черкасскомъ; долженъ былъ заботиться объ устройствѣ «ямовъ», т.-е. ямской гоньбы въ Псковѣ и между Новгородомъ и Псковомъ, въ Загорьѣ. 16 ноября 1626 г. былъ приставленъ къ переписи дѣлъ въ Московскомъ Судномъ приказѣ, дьякомъ при немъ былъ Иванъ Лговскій. Въ 1626—27 гг. неоднократно обѣдалъ у царя и у патріарха. Въ это время онъ былъ дворяниномъ московскимъ. Съ 6 апрѣля 1627 г. управлялъ Каменнымъ приказомъ; во время похода царя въ Симоновъ монастырь «оставался на Москвѣ». Въ 1628—30 гг. товарищъ воеводы въ Новгородѣ при боярине кн. Дм. Мих. Пожарскомъ. Въ 1632 г. состоялось соборное опредѣленіе для сбора денегъ на войну съ Польшей; торговые люди должны были давать «пятую» деньгу (по теперешнему счету 20%), а остальные кто сколько хочетъ и можетъ. Сборъ денегъ былъ возложенъ 18 ноября на кн. Дм. Мих. Пожарскаго, Симоновскаго архимандрита Левкія, Глѣбова и двухъ дьяковъ. Надо полагать, что Г. получилъ это назначеніе вслѣдствіе желанія кн. Пожарскаго имѣть надежнаго

помощника, какимъ и явился хорошо извѣстный ему бывшій товарищъ его по воеводству въ Новгородѣ. Бояре и всѣ служилые люди обязаны были доставлять на своихъ подводахъ хлѣбные запасы въ Смоленскъ. Г. доставилъ 15 чет. въ 1633 г. Три года подъ рядъ, въ 1632—34 гг., Г. находился въ числѣ лицъ, видѣвшихъ въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія государевы очи. Въ 1634 г. онъ былъ посланъ (наказъ данъ 4 марта) навстрѣчу къ боярину Мих. Бор. Шеину съ товарищами, вслѣдствіе извѣстія, что они заключили миръ съ польскимъ королемъ. Шеинъ могъ догадаться, что въ Москвѣ ожидаетъ его пріемъ неласковый: Г. не привезъ ему никакого привѣта отъ царя, а всѣмъ ратнымъ людямъ сказалъ, что государю и всему Московскому государству вѣдомы служба ихъ, радѣнье, нужда и крѣпкостоятельство противъ польскихъ и литовскихъ людей, какъ они бились, не щадя головъ своихъ. Согласно царскому повелѣнію, Шеинъ вручилъ Г. статьи мирнаго договора и списокъ ратныхъ людей, потерянныхъ и оставшихся у польскаго короля. Впослѣдствіи Г. постригся. За Г. въ 1632 г. были помѣстья и вотчины въ Мещовскомъ, Касимовскомъ, Коломенскомъ и Пошехонскомъ уѣздахъ (1147 четей). Онъ имѣлъ 3 сыновей: Даніила (дворянинъ московскій), Степана (дворянинъ московскій) и Ивана-Порфирія (стряпчій, отецъ окольничаго Михаила Ивановича).

«Собр. Госуд. Гр. и Договор.», III. — «Акты Археогр. Эксп.», III. — «Акты ист.», II. — «Разр. кн.», I и II. — «Дв. разр.», I и II. — «Рус. Истор. Вивл.», II, VIII, IX. — «Акты Моск. госуд.», I. — Бѣлокуровъ, «Разр. записи смутнаго времени». — Барсуковъ, «Списки городовыхъ воеводъ Моск. госуд. XVII столѣтія». — Соловьевъ, «Исторія Россіи», IX. — Власьевъ, «Родъ дворянъ Глѣбовыхъ» («Лѣтопись Ист.-Родосл. Общ. въ Москвѣ» 1911 г., вып. 1—2). — Моск. Арх. Мин. Юст., столбецъ Моск. стола Разряда № 81, л. 427.

В. Корсакова.

Глѣбовъ, *Назаръ Семеновичъ*, сынъ боярскій, рязанецъ, по «Бархатной книгѣ» сынъ Семена Даниловича, изъ рода Глѣбовыхъ, ведущихъ свое начало отъ Мих. Юрьев. Сорокоума, потомка кн. Редеги, что при сопоставленіи времени его жизни съ хронологическими датами, относящимися къ предполагаемымъ его предкамъ, является очень сомнительнымъ: Г. въ 1521 г. былъ уже взрослый человѣкъ, а братъ его предполагаемаго прадѣда Денисія Дмитріевича Боброва, Иванъ Дмитріевичъ, былъ еще живъ въ 1545—1546 гг. Свѣдѣнія о Н. С. Г. кратки, но даютъ намъ возможность сдѣлать два вывода: о близости и преданности его къ послѣднему рязанскому вел. князю Ивану Ивановичу и о мужествѣ и храбрости его. Въ 1517 г. вел. князь Рязанскій Иванъ Ивановичъ, желавшій сохранить независимость Рязанскаго княжества по отношенію къ Москвѣ, сталъ пересылаться съ крымскимъ ханомъ Магметъ-Гиреемъ и намѣревался даже жениться на его дочери. Вѣсть объ этомъ дошла до великаго князя Московскаго Василія Ивановича, и онъ послалъ звать рязанскаго князя въ Москву. Не сразу рѣшился Иванъ Ивановичъ на эту поѣздку: сдался лишь на уговоры своего приближеннаго боярина. Пріѣхавъ въ Москву, онъ былъ схваченъ и посаженъ подъ стражу за измѣну и за дружбу съ крымскимъ ханомъ, а мать его кн. Агриппина была сослана въ монастырь. Въ 1521 г., во время нашествія Магметъ-Гирея, рязанскій князь бѣжалъ въ Литву. Одинъ изъ находившихся при немъ въ Москвѣ рязанцевъ, Митька Сунбуловъ, сказалъ съ пытки, что по приказанію Ивана Ивановича онъ долженъ былъ на другой день послѣ его бѣгства ѣхать «на Рязань къ Мишурину и къ Клементію Кобяковымъ, да къ Федору Сунбулову, да къ *Назарію Семенову сыну Глѣбова съ братьею*, да къ Одувану; а велѣлъ мнѣ имъ говорить, чтобы у него они были въ Пустынѣ, или въ Шумашѣ, или въ Дубровицахъ». Кромѣ того, князь рязанскій велѣлъ выслать за собой коней съ людьми. Какъ поступилъ Г. съ братьею — неизвѣстно. По рукописнымъ разряднымъ книгамъ въ 1530 г. онъ былъ «на Рязани за городомъ», въ 1531 г. служилъ въ сторожевомъ полку, 25 авг. 1538 г. былъ головой, въ 1540 г. — въ передовомъ полку. Въ 1541 г. нападеніе крымскаго хана Саипъ-Гирея на Зарайскъ не увѣнчалось успѣхомъ, благодаря мужественной и умѣлой оборонѣ со стороны зарайскаго воеводы Г. Лѣтопис-

ное повѣствованіе объ этомъ подвигѣ заканчивается такъ: «А 9 татариновъ Назаръ Глѣбовъ живыхъ къ великому князю прислалъ». Въ 1543—44 (7051—52) гг. Г. былъ въ головахъ; въ 1552 г. участвовалъ въ походѣ на Казань и взятіи ея. По словамъ Казанскаго лѣтописца, по окончаніи битвъ царь велѣлъ «мудрецамъ гораздымъ» объѣхать и сосчитать число убитыхъ казанцевъ и русскихъ. Порученіе это быстро исполнилъ воевода Рязанской земли Назарій Глѣбовъ, «мудръ бѣ и хитръ къ счетному числу»: сосчиталъ «единемъ часомъ», «въ мгновени ока», болѣе 190,000 убитыхъ казанцевъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ и 15355 русскихъ. Весной 1553(1554) г. Г. пріѣхалъ въ Москву съ извѣстіями о военныхъ дѣйствіяхъ царскихъ воеводъ, посланныхъ Іоанномъ Грознымъ для усмиренія мятежныхъ инородцевъ въ Казанской землѣ. Въ 1556—7 (7065) г. Г. былъ воеводой на Дѣдиловѣ вмѣстѣ съ Ив. Петр. Яковлевымъ. Въ родословной Глѣбовыхъ, потомковъ Облагини, упоминается Назарій Семеновичъ Глѣбовъ, намѣстникъ тотемскій въ 1548 г., братъ родоначальника Глѣба Семеновича Яковлева, слѣдовательно, долженствовавшій называться Яковлевымъ, а не Глѣбовымъ.

«Др. Рос. Вивл.», XIII.—Карамзинъ, «Исторія госуд. Росс.», VII и VIII.—Долгоруковъ, кн. П. В., «Росс. род. кн.», IV. — Н. П. Лихачевъ, «Государевъ родословецъ» и родъ Адашевыхъ», 48—50. — «Полн. Собр. Рус. Лѣтопис.», XIX, 166, 167. *В. Корсакова.*

Глѣбовъ, *Николай Ѳедоровичъ*, протоіерей, редакторъ «Рязанскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей», сынъ причетника Рязанской губ., родился въ 1837 г., получилъ образованіе среднее въ Рязанской семинаріи и высшее въ Московской и Казанской духовныхъ академіяхъ. Въ 1858 г. окончилъ Казанскую академію со степенью кандидата богословія и 19 августа того же года назначенъ преподавателемъ математики и древнихъ языковъ въ Пензенскую духовную семинарію. 28 іюня 1860 г., по прошенію, перемѣщенъ въ Рязанскую семинарію на каѳедру логики, психологіи и латинскаго языка, на которой состоялъ до 1867 г., когда былъ назначенъ учителемъ гомилетики и литургики и практическаго руководства для пастырей. Кромѣ того, съ 3 сентября 1860 г. по 3 августа 1862 г. и съ 1 мая 1864 г. по 1 марта 1865 г. занималъ должность помощника инспектора Рязанской семинаріи. 21 марта 1861 г. назначенъ былъ членомъ Рязанскаго епархіальнаго статистическаго комитета. Съ 3 августа 1862 г. исполнялъ должность секретаря семинарскаго правленія, а 1 января 1863 г. утвержденъ въ этой должности, которую и занималъ до 1 ноября 1867 г. Съ 10 января 1864 г. по 15 августа 1867 г. состоялъ преподавателемъ словесности славянскаго и русскаго языковъ въ Рязанской женской гимназіи. 30 августа 1864 г. рукоположенъ во священника семинарской церкви, а 15 іюня 1865 г. перемѣщенъ къ больничной Александро-Невской церкви. Съ 17 апрѣля 1865 г. по 26 іюня 1866 г. состоялъ членомъ и секретаремъ комитета по улучшенію быта духовно-учебныхъ заведеній Рязанской епархіи; 17 февраля 1866 г. назначенъ членомъ Рязанскаго цензурнаго комитета, съ 19 августа 1866 г. до 1867 г. былъ членомъ комитета объ улучшеніи быта чиновниковъ Рязанской духовной консисторіи. Съ 22 іюня 1866 г. по 1 сентября 1867 г. состоялъ редакторомъ «Рязанскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей». Съ 19 августа 1871 г. по 15 іюня 1875 г. состоялъ законоучителемъ въ домѣ трудолюбія; кромѣ того, былъ дѣлопроизводителемъ Рязанскаго комитета православнаго Миссіонерскаго Общества. 15 іюня 1875 г. назначенъ смотрителемъ Касимовскаго духовнаго училища, а 23 іюня того же года возведенъ въ санъ протоіерея Касимовскаго Вознесенскаго собора. Онъ состоялъ также предсѣдателемъ Касимовскаго отдѣленія епархіальнаго Училищнаго Совѣта (до 1891 г.). 7 мая 1890 г. уволенъ по прошенію отъ должности смотрителя. 11 мая 1892 г. назначенъ Рязанскимъ каѳедральнымъ протоіереемъ, членомъ Рязанской духовной консисторіи и редакторомъ «Рязанскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей». За свою службу былъ награжденъ орденами: св. Анны 2-й ст. (13 апрѣля 1886 г.) и 3-й ст. и св. Владиміра 4-й ст. (15 мая 1891 г.), а также набедренникомъ (въ іюнѣ 1865 г.) и скуфьей (въ маѣ 1867 г.). Умеръ 23 сен-

тября 1893 г. на 59 году жизни; погребенъ въ Спасскомъ монастырѣ въ Рязани. Г. былъ извѣстенъ, какъ проповѣдникъ-импровизаторъ. Въ «Рязанскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» напечатаны его слова: 1) при погребеніи каѳедральнаго протоіерея и инспектора семинаріи Н. А. Ильдомскаго (1865 г. № 1); 2) передъ благодарственнымъ молебствіемъ за спасеніе жизни Императора Александра Николаевича (№ 16); 3) въ день св. Василія, еп. Рязанскаго (№ 18); 4) въ день св. Маріи Магдалины (№ 23); 5) въ недѣлю сыропустную и въ день рожденія Наслѣдника Цесаревича (1866—7 г., № 14); 6) въ день Благовѣщенія (№ 16); 7) въ недѣлю всѣхъ святыхъ (№ 21). Составилъ учебникъ: «Психологія» (Рязань, 1863 г.) и напечаталъ статьи: «Объ общемъ церковномъ пѣніи учениковъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ» («Православное Обозрѣніе» 1864 г.) и «Изъ Касимова. Оправданіе отъ нареканій въ печати» («Церковно-Общественный Вѣстникъ» 1880 г., № 107).

I. В. Добролюбовъ и С. Д. Яхонтовъ, «Библіографическій Словарь уроженцевъ Рязанской губ.», Рязань, 1910 г., стр. 51; «Рязанскія Епархіальныя Вѣдомости» 1893 г., № 20 (некрологъ, сост. А. Лавровымъ); «Рязанскій Листокъ» 1893 г., № 4; «Церковн. Вѣстникъ» 1893 г., № 52; «Рязанскія Епархіальныя Вѣдомости» 1894 г., № 5; К. Любарскій, «Рязанскій Некрополь», I, 11.

Е. Александровичъ.

Глѣбовъ, *Павелъ Николаевичъ*, тайный совѣтникъ, дѣятель военно-судебной реформы. Окончивъ въ 1845 г. Училище правовѣдѣнія съ чиномъ титулярнаго совѣтника, поступилъ въ канцелярію 8-го департамента Правит. Сената; въ 1848 г. былъ назначенъ предсѣдателемъ Рязанской палаты гражданскаго суда, въ 1849 г. — кіевскимъ губернскимъ прокуроромъ, въ 1852 г. — правителемъ канцеляріи Оренбургскаго генералъ-губернатора графа Перовскаго. Въ 1855 г., во время крымской кампаніи, будучи уже въ чинѣ статскаго совѣтника, по личному желанію, былъ зачисленъ капитаномъ въ 102-ю дружину рязанскаго ополченія. По окончаніи войны былъ назначенъ членомъ общаго присутствія комиссаріатскаго департамента Морского министерства. Поступленіе его на службу въ Морское м-во совпало съ усиленной работой морского вѣдомства, во главѣ котораго стоялъ Вел. Кн. Константинъ Николаевичъ, надъ пересозданіемъ на новыхъ началахъ почти всѣхъ отраслей своего управленія и съ участіемъ его въ подготовкѣ обширныхъ общегосударственныхъ реформъ. Глѣбову, обратившему на себя вниманіе великаго князя, пришлось сыграть видную роль въ реформѣ морского военнаго суда и въ учрежденіи морской эмеритальной кассы. Въ 1857 г. онъ былъ командированъ въ Астрахань членомъ учрежденной тамъ по Высочайшему повелѣнію комиссіи для разслѣдованія разныхъ злоупотребленій, затѣмъ былъ членомъ учрежденнаго въ іюлѣ этого года комитета по пересмотру свода морскихъ уголовныхъ законовъ и составленія морского уголовнаго устава на новыхъ началахъ и членомъ и производителемъ дѣлъ комитета для составленія положенія объ эмеритальной кассѣ морского вѣдомства. Произведенный 17 апрѣля 1858 г. въ дѣйств. статскіе совѣтники, Г. съ 20 января 1859 г. до мая 1860 г. былъ въ командировкѣ за границей для изученія иностранныхъ законодательствъ о военно-морскомъ судѣ. Въ рядѣ писемъ на имя генералъ-адмирала, напечатанныхъ въ «Морскомъ Сборникѣ» (1859 г. №№ 11 и 12 и 1860 г. №№ 1 и 4) подъ заглавіемъ «Морское судопроизводство во Франціи» (извлеченіе изъ письма д. с. с. Глѣбова къ Е. И. В. генералъ-адмиралу), Глѣбовъ представилъ полную картину морского судопроизводства во Франціи, указывая попутно на соотвѣтствующіе недостатки у насъ. Здѣсь впервые въ Россіи обсуждались главнѣйшія начала современнаго судопроизводства. Статьи Г. произвели большое впечатлѣніе. Ему же было поручено составить проектъ устава о морскомъ судоустройствѣ и судопроизводствѣ. Къ проекту Г. приложено «Введеніе, или объяснительная записка къ проекту устава морскаго судоустройства и судопроизводства», замѣчательная тѣмъ, что въ ней впервые съ такой полнотой и ясностью проведены были начала самостоятельности судей, устности и гласности уголовнаго процесса и права защиты обвиняемаго, какъ необходимыя

условія всякаго праваго суда, и опровергнуты съ большой убѣдительностью опасенія преждевременности введенія этихъ началъ въ Россіи (напечатана также въ «Морскомъ Сборникѣ» 1860 г. № 5). Проектъ Глѣбова былъ разосланъ въ высшія правительственныя учрежденія, судебнымъ чинамъ, юристамъ и профессорамъ университетовъ, вообще всѣмъ тѣмъ лицамъ, отъ которыхъ можно было ожидать теоретическихъ или практическихъ замѣчаній по возбужденнымъ Г. вопросамъ. Глѣбовъ получилъ болѣе 200 отвѣтовъ отъ представителей высшей и мѣстной администраціи, судебныхъ мѣстъ, университетовъ и отъ ученыхъ юристовъ, и всѣ они сходятся въ признаніи замѣчательной талантливости, съ какой исполнена порученная Г. законодательная работа, и въ желаніи примѣнить проводимыя имъ начала къ общему суду. Сводъ этихъ отзывовъ («Отзывы и замѣчанія разныхъ лицъ на проектъ устава о военно-морскомъ судѣ», 2 тома), оффиціально изданный въ 1861 г., былъ одной изъ причинъ рѣшенія приступить къ работамъ по коренному преобразованію суда, а не ограничиваться только частичными передѣлками. Занимая въ 60-хъ годахъ должности сначала генералъ-аудитора флота (отчеты его по военно-судной части за 1862 и 1863 гг. были напечатаны въ «Морскомъ Сборникѣ 1863 г. № 4 и 1864 г. № 8), а затѣмъ члена морского генералъ-ауди-торіата, Г. много трудился надъ разработкой новыхъ военно-морскихъ уставовъ и новаго воинскаго устава о наказаніяхъ. Проектъ Глѣбова, переработанный въ рядѣ комиссій, былъ утвержденъ 5 мая 1867 г. Глѣбовъ сыгралъ видную роль и въ дѣлѣ отмѣны во флотѣ и арміи тѣлесныхъ наказаній: его совѣтами пользовался князь Н. А. Орловъ при составленіи своей извѣстной записки, представленной въ мартѣ 1861 г. Императору Александру II. Въ 1861 г. Г. былъ членомъ комитета, учрежденнаго при II отдѣленіи собственной Его Величества канцеляріи, для разсмотрѣнія проекта воинскаго устава о наказаніяхъ, въ 1862 г. — членомъ комиссіи, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Крыжановскаго, для начертанія общихъ основаній новаго военнаго и морского судопроизводства и судоустройства. Въ 1863 г. онъ назначенъ былъ предсѣдателемъ двухъ комиссій для разсмотрѣнія проекта устава о военно-морскомъ судѣ и для статистическаго обозрѣнія и изслѣдованія операціонныхъ дѣйствій эмеритальной кассы. Въ 1864 г. на него были возложены занятія въ законодательныхъ работахъ морского вѣдомства по военно-судной части, а въ 1865 г. вмѣстѣ съ тайн. сов. Философовымъ онъ былъ занятъ составленіемъ проекта военно-судебнаго устава. Помимо прямыхъ обязанностей, онъ исполнялъ еще и особыя порученія: въ 1861 г. былъ представителемъ Морского министерства въ особомъ комитетѣ, учрежденномъ при Министерствѣ финансовъ для разсмотрѣнія отчета дѣлъ Россійско-Американской компаніи и измѣненія ея устава, а въ 1862 г. участвовалъ въ комиссіи, подъ предсѣдательствомъ графа Гейдена, для составленія правилъ относительно порядка производства дѣлъ о раскольникахъ, отступившихъ отъ православія. 4 апрѣля 1865 г. Г. былъ произведенъ въ тайные совѣтники. Послѣ реформы военно-морского суда онъ былъ назначенъ членомъ главнаго военно-морского суда, но въ 1867 г. по болѣзни былъ освобожденъ отъ служебныхъ обязанностей на 3 года съ сохраненіемъ содержанія (отпускъ потомъ былъ продолженъ еще на 3 года). Г. былъ награжденъ орденами св. Станислава 1-й ст. (1864), св. Анны 1-й ст. (1867), св. Владиміра 3-й ст. (1862) и 3000 десятинами (1861). Онъ состоялъ также членомъ Медико-филантропическаго комитета. Въ 1872 г. Г. былъ снова призванъ къ дѣятельности и назначенъ предсѣдателемъ комиссіи по пересмотру законовъ о морскихъ аваріяхъ; но едва онъ приступилъ къ занятіямъ, какъ обнаружилось гибельное вліяніе петербургскаго климата на его здоровье, и онъ просилъ объ увольненіи его отъ этой обязанности. Послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ въ своемъ имѣніи Пассатъ Балтскаго уѣзда Подольской губ., занимаясь хозяйствомъ и въ качествѣ почетнаго мирового судьи Балтскаго уѣзда принимая дѣятельное участіе въ съѣздахъ мировыхъ судей. Постепенно усилившаяся болѣзнь дала ему возможность

прожить на отдыхѣ менѣе 4 лѣтъ. Онъ умеръ 2 января 1876 г. въ Одессѣ. Г. оставилъ по себѣ память умнаго, даровитаго и глубоко преданнаго общественному благу государственнаго дѣятеля.

«С.-Петербург. Вѣд.» 1876 г., № 29 (некрологъ); «Одесскій Вѣстникъ» 1876 г., № 16 (некрологъ); «Военная Энциклопедія», изд. Сытина, VIII, 343, 344 (съ портретомъ); «Русская Историческая Библіографія» (1859 и 1860 гг.); «Списки гражданскимъ чинамъ первыхъ четырехъ классовъ».

Е. Александровичъ.

Глѣбовъ, *Порфирій Николаевичъ*, генералъ-лейтенантъ, военный историкъ, изъ дворянъ С.-Петербургской губ., родился около 1810 г. (по формуляру въ 1828 г. ему было 18 лѣтъ), воспитывался въ частномъ учебномъ заведеніи, на военную службу поступилъ 29 января 1827 г. въ л.-гв. 2-ю артиллерійскую бригаду фейерверкеромъ (черезъ мѣсяцъ переименованъ въ юнкеры); 3 іюня 1828 г. произведенъ въ прапорщики въ 7-ю артиллерійскую бригаду и принялъ затѣмъ участіе въ турецкой войнѣ. Въ 1828 г. участвовалъ въ осадѣ Варны (за отличіе въ сраженіи 3 сентября награжденъ орденомъ св. Анны 3-й ст. съ бантомъ), а въ 1829 г. — съ 5 мая по 12 іюня въ осадѣ Силистріи (за отличіе произведенъ 14 іюня въ подпоручики), переходѣ черезъ Балканы, взятіи турецкаго укрѣпленнаго лагеря при Довиргинзѣ (за отличіе въ этихъ дѣлахъ пожалованъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ) и походѣ въ Адріанополь. Въ 1831 г. во время усмиренія польскаго возстанія былъ въ дѣлахъ у Сѣдлеца, въ генеральномъ сраженіи при Варшавѣ (награжденъ золотою саблею съ надписью «за храбрость» и польскимъ знакомъ отличія за военныя достоинства 4-й ст.) и при обложеніи крѣпости Модлинъ; 24 октября того же года переведенъ въ конно-артиллерійскую роту № 4 (съ 25 дек. 1833 г. батарея); за отличіе въ сраженіи произведенъ 30 октября въ поручики; 11 апрѣля 1834 г. вышелъ въ отставку по домашнимъ обстоятельствамъ штабсъ-капитаномъ; 19 января 1836 г. вновь поступилъ на службу съ прежнимъ чиномъ поручика въ ту же 4-ю батарею и назначенъ старшимъ адъютантомъ въ штабъ главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній; 28 іюня того же года произведенъ въ штабсъ-капитаны; 6 декабря 1838 г. награжденъ орденомъ св. Станислава 2-й ст.; 6 декабря 1841 г. переведенъ за отличіе въ гвардейскую конную артиллерію; произведенный 11 апрѣля 1843 г. въ капитаны, въ іюнѣ того же года назначенъ начальникомъ 3-го воспитательнаго отдѣленія того же штаба; 30 августа 1844 г. произведенъ въ полковники полевой конной артиллеріи. Состоя на службѣ въ штабѣ главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, Г. редактировалъ, подъ надзоромъ Я. И. Ростовцева, «Журналъ для чтенія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній». 26 января 1845 г. онъ отчисленъ отъ должности и 16 февраля причисленъ къ образцовой конной батареѣ для ознакомленія съ фронтовой службой; 23 марта 1846 г. назначенъ командиромъ конно-легкой батареи № 24 (съ 31 дек. 1851 г. — № 22), входившей въ составъ 3-й конной артиллерійской дивизіи. Отношенія Г. съ начальникомъ дивизіи ген. Купріяновымъ, сначала хорошія, испортились, когда обнаружилось, что Г. не раздѣляетъ нѣкоторыхъ взглядовъ своего начальника на казенное имущество. Купріяновъ сталъ преслѣдовать батарею Г. Между ними началась переписка, дошедшая до рѣзкихъ выраженій и закончившаяся тѣмъ, что приказомъ главнокомандующаго дѣйствующей арміи отъ 22 февраля 1849 г. Г. за дерзость на письмѣ противъ начальника дивизіи былъ отрѣшенъ отъ командованія батареею, а 25 марта преданъ военному суду (при Кіевскомъ ордонанс-гаузѣ) «за неумѣстныя и насмѣшливыя въ письмахъ выраженія» противъ ген.-лейт. Купріянова 2. Дѣло тянулось долго. Благодаря Я. И. Ростовцеву оно дошло до Государя и кончилось тѣмъ, что Высочайше утвержденною 24 февраля 1855 г. конфирмаціею было опредѣлено: за тяжкую обиду ген.-лейт. Купріянову вмѣнить Глѣбову въ наказаніе бытность подъ военнымъ судомъ и содержаніе подъ арестомъ около 6 лѣтъ, выдержать его еще въ крѣпости въ казематѣ 2 мѣсяца и опредѣлить на службу, не ввѣряя ему отдѣльной части, пока заслугами своими не обратитъ на себя вниманія начальства, и

взыскать съ него судебныхъ издержекъ 621 р. $5^3/_4$ коп. сер. На основаніи манифеста Александра II по случаю вступленія на престолъ срокъ ареста уменьшенъ на половину. Состоя подъ судомъ, Г. былъ перечисленъ 6 марта 1854 г. въ резервную № 10 батарею 2-й конно-артиллерійской дивизіи, а по окончаніи суда и выдержаніи въ крѣпости ареста отправленъ 8 мая 1855 г. на службу въ штабъ начальника артиллеріи по части инспектора резервной кавалеріи; оттуда онъ былъ переведенъ 11 іюня въ конно-батарейную № 21 батарею съ прикомандированіемъ къ начальнику артиллеріи войскъ, бывшихъ въ Крыму, и принялъ участіе въ оборонѣ Севастополя, находясь то на сѣверной сторонѣ, то на Инкерманскихъ высотахъ; 4 августа Г. былъ въ дѣлѣ при Черной рѣчкѣ; за отличное мужество и храбрость, оказанныя имъ въ этомъ дѣлѣ, Высочайше повелѣно не считать наказанія, которому онъ подвергся, препятствіемъ къ преимуществамъ по службѣ, кромѣ знака отличія безпорочной службы и орденовъ за выслугу лѣтъ; 11 октября онъ былъ командированъ въ Николаевъ для вооруженія этого города и состоялъ сначала при Великомъ Князѣ Михаилѣ Николаевичѣ, а потомъ при генералѣ Кнорringѣ; 18 декабря онъ былъ назначенъ на мѣсто послѣдняго начальникомъ артиллеріи Бугскихъ, Ингульскихъ и Днѣпровскихъ укрѣпленій г. Николаева. Въ августѣ 1856 г. главнокомандующій 2-й арміей ген.-адъютантъ Лидерсъ командировалъ его въ Симферополь для производства слѣдствія о разныхъ злоупотребленіяхъ въ подвижномъ провіантскомъ магазинѣ. Въ томъ же году 26 августа Г. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ зачисленіемъ по полевой конной артиллеріи, 17 сентября прикомандированъ къ штабу начальника артиллеріи по части инспектора резервной кавалеріи, а 21 декабря переведенъ въ 4-ю конную артиллерійскую бригаду. Въ декабрѣ того же года по Высочайшему повелѣнію ему было передано для дальнѣйшаго производства и окончанія слѣдственное дѣло о безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ въ Симферопольскомъ военномъ госпиталѣ, а въ слѣдующемъ году военный министръ поручилъ ему дальнѣйшее производство и окончаніе такого же дѣла по временному военному госпиталю № 4; 3 января 1857 г. онъ былъ прикомандированъ къ штабу конно-артиллерійской дивизіи, а 4 сентября 1858 г. назначенъ командиромъ Кронштадтскаго артиллерійскаго гарнизона, 23 іюня 1859 г. преобразованнаго въ Кронштадтскую крѣпостную артиллерію; 14 февраля 1860 г. Г. назначенъ членомъ Военно-кодификаціонной комиссіи и 30 августа 1863 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Онъ умеръ 16 іюня 1866 г.

Глѣбовъ напечаталъ статьи: 1) «Воспоминанія 1828 г. въ Турціи» («Сынъ Отечества» 1834 г., ч. 168, № 10); 2) «Воспоминанія армейскаго офицера» («Отечественныя Записки» 1839 г., т. 4); 3) «Осада Силистріи въ 1829 г.» (тамъ же, 1842 г., т. 23); 4) «Дунайская экспедиція 1829 г.» (тамъ же, 1842 г., т. 25); 5) «Осада Варны въ 1828 г.» (тамъ же, 1843 г., т. 29); 6) «Военно-учебныя заведенія, подвѣдомственныя Е. И. В. Главному Начальнику, въ царствованіе императрицы Екатерины II» (тамъ же, 1845 г., т. 42, тоже «Журн. для чтенія воспит. военно-учебн. заведеній» 1846 г., т. 59); 7) «Извѣстія о первыхъ военныхъ школахъ, учрежденныхъ въ царствованіе Петра Великаго» («Отеч. Зап.» 1846 г., т. 44, тоже «Журналъ для чтенія воспит. военно-учебн. завед.» 1846 г., т. 59); 8) «Битва подъ Варною 12 ноября 1444 г.» («Военный Журналъ» 1854 г., № 6, и 1855 г., № 1); 9) «Слово о Барклаѣ-де-Толли» («Современникъ» 1858 г., т. 67); 10) «Слово объ Аракчеевѣ» («Военный Сборникъ» 1861 г. № 2); 11) «Карлъ Андреевичъ Шильдеръ въ турецкую войну 1828 и 1829 гг.» (тамъ же, 1861 г., № 10); 12) «Нѣсколько словъ въ защиту памяти Гавріила Александровича Игнатьева, участника войны 1812 г.» («Артиллерійскій Журналъ» 1861 г., № 6), критическія замѣчанія на «Исторію Отечественной войны» Богдановича; 13) «Кое что о крѣпостной артиллеріи» («Военный Сборникъ» 1861 г., № 8), по поводу статьи Пестича въ «Морскомъ Сборникѣ» 1860 г. № 8; 14) «Кое что о тульскихъ оружейникахъ» («Артиллер. Журналъ» 1862 г., № 2); 15 «О зависимости крѣпостной артиллеріи отъ коменданта и объ отношеніяхъ артиллеристовъ къ

инженерамъ въ крѣпостяхъ» (тамъ же, № 4); 16) «Слово объ осадной артиллеріи. О дѣйствіи осадной артиллеріи въ 1829 г. при осадѣ и взятіи Силистріи генераломъ Красовскимъ» (тамъ же, № 7); 17) «Егоръ Семеновичъ Савочкинъ» (тамъ же, №10); 18) «Артиллерійская школа въ царствованіе императрицъ Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны 1730—1761» (тамъ же, №№ 11 и 12); 19) «Артиллерійскій и инженерный корпусъ въ царствованіе императрицы Екатерины II» (тамъ же, 1863 г., № 2). Записки Глѣбова о его службѣ въ Севастополѣ и Николаевѣ напечатаны послѣ его смерти въ «Русской Старинѣ» 1905 г., т. I. Въ «Библіотекѣ для чтенія» 1838 г. (т. 31) напечатана его быль «Послѣдніе дни ветерана».

Глѣбовъ женился уже въ зрѣломъ возрастѣ на Александрѣ Антоновнѣ Волконской и имѣлъ 2 сыновей: Николая (р. 1854 г.) и Виктора (р. 1858 г.).

Формулярный списокъ 1859 г. (Моск. отд. Архива Гл. Штаба, книга форм. списковъ № 2953); «Указатель статей серьезн. содержанія въ русскихъ журналахъ», изд. Н. Бенардаки и Ю. Богушевича, вып. 1. «Сынъ Отечества» 1812—1852. С.-Пб., 1858; Указатель къ «Отечеств. Запискамъ»; Ламбины, «Русская Историч. Библіографія» 1855—1863 гг.; Венгеровъ, «Источники словаря русскихъ писателей», т. I (здѣсь Порфирій Н. Глѣбовъ смѣшанъ съ Павломъ Н. Глѣбовымъ); «Сборникъ Импер. Русск. Историч. Общества», т. 62, стр. 627; «Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ», I, 139. *Н. Чулковъ.*

Глѣбовъ, *Семенъ Матвѣевичъ*, внукъ родоначальника Глѣбовыхъ, потомковъ Облагини, братъ Богдана Матвѣевича. Свѣдѣнія, сохранившіяся о немъ, относятся къ царствованію Вас. Ив. Шуйскаго, ко времени междуцарствія и къ самымъ первымъ годамъ царствованія Михаила Ѳедоровича. Въ 1608—1610 гг. Г-въ былъ воеводой въ Коломнѣ сначала съ кн. Вас. Ѳеод. Мосальскимъ, затѣмъ послѣдовательно съ Ив. Матв. Бутурлинымъ, съ Ив. Мих. Пушкинымъ и, наконецъ, съ кн. Мих. Самсон. Туренинымъ. Коломна, какъ и другіе города, то подвергалась нападенію Лисовскаго (ему посчастливилось взять городъ и забрать въ плѣнъ епископа и воеводу кн. Влад. Тим. Долгорукаго), то ее отбивали царскіе воеводы опять на имя царя Вас. Ив. Шуйскаго, то къ ней шелъ панъ Хмѣльницкій. Г-въ былъ посланъ вмѣстѣ съ Бутурлинымъ укрѣплять Коломну и дѣлать въ ней запасы послѣ того, какъ князьямъ Куракину и Лыкову-Оболенскому удалось разбить отрядъ Лисовскаго и, освободивъ захваченныхъ имъ плѣнниковъ, овладѣть затѣмъ Коломной. Г-въ былъ преданъ царю Василію Ивановичу и добросовѣстно относился къ своимъ обязанностямъ. Во время почти всеобщаго «шатанія» умовъ, онъ принадлежалъ къ тѣмъ немногимъ людямъ, которые твердо стояли за правду и за Василія Ивановича, какъ законнаго царя. Въ 1610 г. неожиданная кончина кн. М. В. Скопина-Шуйскаго породила толки, что онъ былъ отравленъ на крестинномъ пиру женой царскаго брата, кн. Дм. Ив. Шуйскаго. Пылкій и недостаточно осторожный Прокопій Петр. Ляпуновъ сталъ сноситься съ Тушинскимъ воромъ и посылать въ разные города своего племянника Ѳеодора Ляпунова, чтобы подбить народъ къ мести царю Василію Ивановичу за смерть Скопина. Отправилъ Прокопій Петровичъ своего племянника, между прочимъ, и въ Зарайскъ къ тамошнему воеводѣ кн. Дм. Мих. Пожарскому. Рѣчи Ляпуновыхъ не только не пришлись по мысли кн. Пожарскому, но онъ просилъ царя прислать ему кого-нибудь въ помощь: былъ посланъ Г-въ, какъ человѣкъ, на котораго царь могъ положиться. За Сем. Матв. Г., за братомъ его Богданомъ и за Самуиломъ Кохановскимъ было въ Смоленскомъ у. село Колоколово и отхожая деревня Мещерки; 24 февр. 1610 г. польскій король Сигизмундъ далъ на эти угодья жалованную грамоту боярскому сыну Степану Соловецкому, который выхлопоталъ себѣ много земель въ Московскомъ, Старицкомъ и Воротынскомъ уѣздахъ. Такая немилость Сигизмунда тоже служитъ доказательствомъ стойкости и порядочности Г-ва. Въ 1613 г. Г. былъ воеводой въ Мценскѣ, а затѣмъ товарищемъ воеводы въ Нижнемъ-Новгородѣ при кн. Бахтеяровѣ-Ростовскомъ. Въ 1614 г. ранней весной оба они распоряжались относительно отправки въ Казань арзамасскихъ стрѣльцовъ съ сотникомъ и нижегородскихъ иноземцевъ, т.-е. жившихъ въ Нижнемъ литовцевъ и нѣмцевъ. По родословной, поданной Глѣ-

бовыми въ Разрядъ въ концѣ XVII вѣка, Г. былъ въ 1614 (7123) г. полковымъ воеводой въ Мценскѣ, но изъ челобитной его племянника Матвѣя Богдановича Г. видно, что онъ умеръ въ 1614 г. (до 10 сентября) въ Нижнемъ-Новгородѣ.

«Собр. Госуд. Гр. и Договор.», I, III. — «Акты ист.», II, III. — «Новый лѣтописецъ». — Карамзинъ, «Исторія госуд. Росс.», XII. — «Рус. Истор. Библ.», II. — Долгоруковъ, кн. П. В., «Росс. род. кн.», IV. — Барсуковъ, «Списки городовыхъ воеводъ Моск. госуд. XVII столѣтія». — Бѣлокуровъ, «Разр. зап. См. времени». — Власьевъ, «Родъ дворянъ Глѣбовыхъ». — Сухотинъ, «Первые мѣсяцы царствованія Михаила Ѳеодоровича». — Моск. Арх. Мин. Юст., родословный столбецъ № 11, столб. Москов. ст. Разряда № 890, л. 20. *В. Корсакова.*

Глѣбовъ, *Семенъ Ѳедоровичъ*, воевода, братъ Моисея Ѳедоровича (см. выше). Въ Смутное время сражался подъ Москвой, гдѣ былъ раненъ. Въ 1613 г. участвовалъ, въ качествѣ выборнаго отъ мещовскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, въ избраніи на царство М. Ѳ. Романова и подписался на утвержденной грамотѣ. Въ началѣ царствованія Михаила Ѳедоровича былъ подъ Смоленскомъ. Въ іюнѣ 1615 г. назначенъ воеводой въ Перемышль. Осенью въ окрестностяхъ его появился Лисовскій, и Г. покинулъ городъ, какъ и воеводы нѣкоторыхъ сосѣднихъ городовъ. За это они были обвинены въ измѣнѣ и судимы. Г. оправдывался тѣмъ, что служилые люди при вѣсти о приближеніи Лисовскаго разбѣжались, а самого его больнымъ повезли въ Калугу; артиллерію онъ, по его словамъ, велѣлъ бросить въ р. Угру, но по показаніямъ другихъ свидѣтелей она частью была спрятана въ лѣсу, частью отбита литовцами; 5 октября 1615 г. бояре приговорили воеводъ, которые города покинули, за воровство и за измѣну бить кнутомъ по торгамъ и казнить смертью. Осужденные были биты кнутомъ и приведены къ плахѣ, у которой велѣно было попамъ ихъ «поновить», послѣ чего имъ было объявлено, что царь по ходатайству своей матери пожаловалъ измѣнниковъ: казнить ихъ не велѣлъ. Въ 1619 г. Г., въ чинѣ дворянина Московскаго, былъ назначенъ вторымъ уполномоченнымъ при размежеваніи польско-московской границы въ Торопцѣ и Велижѣ; при этомъ возникло у него мѣстническое дѣло съ первымъ уполномоченнымъ Ю. И. Татищевымъ. Въ 1623—1625 гг. онъ былъ воеводой на Вагѣ; 21 сентября 1625 г. во время Троицкаго похода царя былъ въ числѣ посланныхъ по станамъ; впослѣдствіи онъ во время такихъ походовъ оставался въ Москвѣ въ охранѣ. Съ апрѣля 1626 г. по 1628 г. былъ воеводой въ Царицынѣ. Въ іюнѣ 1633 г. былъ полковымъ воеводой у Новодѣвичьяго монастыря для оберегания отъ крымцевъ. Съ 1636 г. до 11 августа 1639 г. былъ начальникомъ Каменнаго приказа. Въ 1642 г. былъ полковымъ воеводой въ Мценскѣ. Въ 1645—1649 гг. описывалъ и межевалъ помѣстныя и вотчинныя земли въ Подлѣсскомъ, Борисоглѣбскомъ и Замокошскомъ станахъ Шацкаго уѣзда. Въ 1608 г. помѣстный окладъ Г. былъ въ 600 четей, а затѣмъ путемъ придачъ увеличился къ 1616 г. до 800 четей, а къ 1624 г. до 950 четей, при денежномъ окладѣ въ 60 рублей. Въ 1632 г. за нимъ были помѣстья и вотчины въ Мещовскомъ, Козельскомъ, Калужскомъ и Рязанскомъ уѣздахъ (900 четей). У него былъ единственный сынъ Григорій, бывшій сначала патріаршимъ стольникомъ, а потомъ стряпчимъ.

Власьевъ, «Родъ дворянъ Глѣбовыхъ»; Бѣлокуровъ, «Утвержд. грамота объ избраніи М. Ѳ. Романова»; «Акты Моск. государства», т. I; «Описаніе докум. и бумагъ Архива Мин. Юст.», т. I и II. — Архивъ Мин. Юст., столбецъ Приказн. стола Разряда № 2, лл. 1—32, столбцы Моск. стола № 13, лл. 483 и 484, № 81, л. 395, № 1167, столпикъ 3, л. 3; боярскія книги. *Н. Чулковъ.*

Глѣбовъ, *Сергѣй Ивановичъ*, поэтъ и переводчикъ, сынъ генералъ-аншефа Ивана Ѳедоровича (см. выше), родился 13 марта 1736 г., умеръ 24 мая 1786 г. (по родословной Глѣбовыхъ, въ Тульскомъ Родословцѣ и у Власьева, онъ род. 1738 г., † 1794 г.). Въ службу записанъ готлангеромъ 6 октября 1742 г. По Снегиреву онъ воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ, но аттестатный списокъ о его службѣ не подтверждаетъ этого сообщенія. Въ 1748 г. Г. былъ произведенъ изъ каптенармусовъ въ сержанты, въ 1751 г. — въ штыкъ-юнкеры и въ 1754 г. — въ подпоручики. Въ 1754—1756 гг. онъ состоялъ инженернымъ офицеромъ при постройкѣ крѣпости св. Елисаветы. Въ 1755 г. получилъ чинъ поручика, а 1 января

1758 г. — капитана. Въ 1760—1761 гг. участвовалъ въ прусскомъ походѣ. 3 марта 1763 г. произведенъ въ маіоры и 22 сентября 1767 г. — въ подполковники артиллеріи. 4 сентября 1768 г. его отецъ, бывшій депутатомъ отъ Алексинскаго дворянства въ Комиссіи уложенія, передалъ ему свое депутатское званіе; 23 октября Г. баллотировался въ члены комиссіи о размноженіи народа, земледѣлія, домостроительства, о поселеніи, рукодѣліи, искусствахъ и ремеслахъ (получилъ 147 избирательныхъ и 127 неизбирательныхъ голосовъ), а 30-го — въ комиссію духовно-гражданскую (153 избирательныхъ и 80 неизбирательныхъ голосовъ); 3 ноября объявлено было маршаломъ объ избраніи его въ духовно-гражданскую комиссію; 8 января 1769 г. онъ избранъ кандидатомъ въ члены экспедиціонной комиссіи, и 12 января объявлено было, что онъ утвержденъ Государыней членомъ этой комиссіи. Во время первой турецкой войны Г. въ 1770 г. въ качествѣ волонтера находился подъ Бендерами. 1 января 1772 г. онъ былъ произведенъ въ полковники. Въ послѣдніе годы своей службы онъ числился въ 1-мъ артиллерійскомъ канонирскомъ полку. Въ мартѣ 1774 г. Г. былъ уволенъ отъ службы, согласно прошенію, по слабости здоровья, съ награжденіемъ чиномъ генералъ-маіора. По словамъ составителей словарей русскихъ писателей Г. писалъ стихи, напечатанные имъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ; между прочимъ, въ «Новыхъ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» 1788 г. (ч. 21) напечатано его письмо къ издателямъ съ приложеніемъ стихотворенія; болѣе извѣстенъ онъ какъ переводчикъ. Имъ переведены: 1) «О лести», («Трудолюбивая Пчела» 1759 г., сентябрь); 2) «Военныя правила Вегеціевы». С.-Пб., 1764 г.; 3) «Житія славныхъ въ древности мужей, писанныя Плутархомъ», 2 части. С.-Пб., 1765 г.; 4) Дидро, «Чадолюбивый отецъ», комедія въ 5 дѣйств., 1-е изд. С.-Пб., 1765 г., 2-е изд. М., 1788 г. (комедія эта съ успѣхомъ поставлена была на придворной сценѣ, какъ писала Екатерина II Вольтеру); 5) Дидро, «Побочный сынъ, или искушеніе добродѣтели», въ 5 дѣйств. С.-Пб., 1765 (1766) г.; 6) «Рѣчь о неравенствѣ состояній» («Новыя ежемѣсячныя сочиненія» 1788 г., ч. 21); 7) «Епистола кардинала де Бернисъ», перев. съ франц. (тамъ же, 1788 г., ч. 22). По словамъ Дмитревскаго, сообщаемымъ Снегиревымъ, Г. заслужилъ похвалу мелкими стихотвореніями и переводомъ Плутарха. Онъ былъ женатъ на Александрѣ Ивановнѣ Салтыковой (по «Тульскому Родословцу» на Ладыженской); 15 сентября 1770 г. Лафермьеръ писалъ Воронцову о бракѣ «горбатаго» Г. съ Салтыковой.

Неустроевъ, «Розысканіе о повременныхъ изданіяхъ»; «Систем. и алфавит. указатель статей, помѣщенныхъ въ періодическихъ изданіяхъ и сборникахъ Имп. Академіи Наукъ»; Венгеровъ, «Критико-біограф. словарь русскихъ писателей», т. V, и «Русская поэзія», вып. 3; «Сборникъ Импер. Русскаго Историч. Общества», т. 32 и 36; «Русская Старина» 1884 г., т. 42, стр. 276; Власьевъ, «Родъ Глѣбовыхъ» («Лѣтопись Истор.-Родосл. Общ. въ Москвѣ» 1911 г., вып. 1—2); «Дворянское сословіе Тульской губ. Родословецъ, ч. VI. Глѣбовы»; Моск. отдѣл. Архива Гл. Штаба, опись 75, св. 78, дѣло объ отставкѣ Г.; «Архивъ кн. Воронцова», т. 29, стр. 181; Словари рус. писателей Новикова, Снегирева и Геннади; Сопиковъ, «Опытъ росс. библіографіи»,; А. Палицынъ, «Посланіе къ Привѣтѣ или Воспоминаніе о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ моего времени», Харьковъ, 1807 г., стр. 13, 2 изд. Спб., 1903 г., стр. 9 (Г-у посвящены здѣсь двѣ строки:

«Представилъ Глѣбовъ намъ въ чертахъ Плутарха Русскихъ;
Жаль только, что онъ ихъ со списковъ снялъ Французскихъ»).

О. Жукова.

Глѣбовъ, *Степанъ Богдановичъ*, наперсникъ первой жены Петра Великаго Евдокіи Ѳедоровны Лопухиной, родился около 1672 г. Въ 1681 г. Богданъ Даниловичъ Г. далъ своему старшему сыну Степану, имѣвшему всего 9 лѣтъ отъ роду, «поступное помѣстье» въ Орловской губерніи въ Тайчуковскомъ стану въ дикомъ полѣ 400 чети на рѣчкѣ Лисицѣ (Кн. Московскаго стола № 162, лл. 603—605). Въ 1686—1692 гг. Г. состоитъ стольникомъ царицы Прасковьи Ѳедоровны Салтыковой, жены царя Іоанна Алексѣевича; въ 1693 г. онъ подпоручикъ л.-гв. Преображенскаго полка.

Въ февралѣ 1696 г. Г., въ чинѣ стольника «царицъ», назначается на службу подъ Азовъ, но по челобитью отца, для болѣзни и старости послѣдняго, отъѣзжавшаго воеводою въ Енисейскъ, отпускается вмѣстѣ съ братомъ Ѳедоромъ

къ отцу въ Сибирь. Въ 1714 г. С. Б. значится уже подполковникомъ въ отставкѣ.

Въ апрѣлѣ 1694 г. Глѣбовъ, имѣя 22 года отъ роду, женится на дѣвицѣ Татьянѣ Васильевнѣ Строевой и беретъ за нею приданаго — помѣстье въ Костромскомъ уѣздѣ, деревни Семенцово и Большое и Меньшое Окунево, 120 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ (Кн. стар. лѣтъ по Суздалю № 29, лл. 275—8). За нимъ, какъ видно изъ его сказокъ, поданныхъ въ 1695 и 1697 г.г. (Столбцы Моск. ст.: № 775, л. 147, и № 987, л. 96, на послѣдней сказкѣ собственноручная подпись Г.), были въ Костромскомъ уѣздѣ въ Нерехоцкой волости сельцо Савинково съ деревнями, въ Корзлинскомъ стану дер. Окунева съ деревнями, въ Суздальскомъ уѣздѣ село Новоселки съ деревнямии, въ Новосильскомъ уѣздѣ въ Никольскомъ стану пустая земля; кромѣ того, у него былъ домъ въ Москвѣ въ приходѣ церкви Пятницы Божедомскія. Изъ дошедшей до насъ росписи его имущества и приходо-расходной книги видно, что онъ былъ человѣкъ богатый: въ московскомъ его домѣ былъ очень большой штатъ дворовыхъ; «мѣсячина» полагалась его людямъ: ключнику, подьячему, поварихѣ, дѣвкѣ; въ одной только Костромской его деревнѣ Савинковѣ указывается (около 1713 г.) болѣе 40 принадлежавшихъ ему лошадей. Родной дѣдъ Степана Богдановича, дворянинъ московскій, Данила Моисеевичъ, и его братъ Иванъ Моисеевичъ имѣли свои дворы въ 1638 г. въ Москвѣ въ мѣстности близъ теперешняго Ивановскаго монастыря, у Солянки, а невдалекѣ отъ нихъ «отъ церкви Трехъ Святителей изъ подгорья» стоялъ дворъ одного изъ родственниковъ первой жены Петра, головы стрѣлецкаго Ларіона Лопухина («Труды Моск. Отд. Императорскаго Рус. Военно-Истор. общества», т. I. Росписной списокъ Москвы 1638 г., стр. 135, 136 и 143). Такимъ образомъ, задолго до романа царицы Евдокіи Ѳедоровны съ Г., ихъ предки жили въ Москвѣ въ ближайшемъ сосѣдствѣ, что, конечно, давало полную возможность знакомству между собою и даже сближенію слѣдующихъ поколѣній. Въ то же время придворная служба самого Г. ввела его въ кругъ, гдѣ онъ, его родной братъ Ѳедоръ и двоюродные, Михаилъ и Ѳедоръ Никитичи, съ одной стороны, а съ другой — родной братъ царицы Аврамъ Ѳедоровичъ и двоюродный Ѳедоръ Кузьмичъ Лопухины были въ 1686 г. одновременно стольниками царицы Прасковьи Ѳедоровны, отъ которой послѣ смерти царя Іоанна большинство стольниковъ было распредѣлено въ штаты всѣхъ трехъ царицъ, въ томъ числѣ и Евдокіи Ѳедоровны (Боярская книга № 10, стр. 415, 444, 579, 584, 589, 591 и 594). Несомнѣнно, въ этой средѣ, а не при случайной встрѣчѣ Степана Богдановича съ заключенной въ Суздальскомъ Покровскомъ монастырѣ царицей, какъ можно было думать на основаніи печатныхъ источниковъ, началось ихъ знакомство, восходившее къ болѣе раннимъ годамъ, можетъ быть даже основанное на взаимномъ дѣтскомъ сочувствіи другъ къ другу. Въ одномъ изъ писемъ къ брату бывшая царица пишетъ ему, что «поѣхала въ Москву Татьяна Васильевна», не объясняя, кто она, а говоря о ней, какъ о лицѣ, имъ обоимъ хорошо извѣстномъ. Сближеніе бывшей царицы Евдокіи Лопухиной, въ монашествѣ Елены, съ Ст. Богд. Глѣбовымъ относится, по показаніямъ ихъ обоихъ, къ 1709—1710 гг.; повидимому, какъ мы уже сказали, оно не было случайнымъ, болѣе того, самое сближеніе могло быть и до этихъ годовъ, и, можетъ быть, признанія этого факта такъ тщетно добивались на пыткахъ отъ Г., а продолжительный гнѣвъ Петра, не остывшій даже послѣ казни Г., могъ покоиться на его личныхъ соображеніяхъ и прежнихъ подозрѣніяхъ, хотя и не открытыхъ слѣдствіемъ, но казавшихся царю правдоподобными. Лопухины, повидимому, не теряли надежды, что Евдокія Ѳедоровна можетъ опять сойтись съ царемъ, какъ видно изъ допросовъ ея родного брата Авраама Ѳедоровича и разстриженнаго архіерея Досиѳея. Но въ 1709—1710 гг. Екатерина Скавронская была уже присоединена къ православію, ея крестнымъ отцомъ былъ сынъ Евдокіи Ѳедоровны Лопухиной царевичъ Алексѣй Петровичъ, отъ имени котораго и получила отчество будущая вторая супруга императора. Отъ него, царевича, конечно, и его мать

могла уже узнать о тщетности ея надеждъ. Только тогда С. Б. Глѣбовъ и дѣлаетъ попытку (можетъ быть и и не новую) сблизиться съ бывшею царицею, несмотря на пропасть ихъ отдѣлявшую: бывшая царица была монахиней, а Г. женатъ. Но семейная жизнь сложилась не совсѣмъ счастливо для Глѣбова. Симоновскій архимандритъ Петръ выговаривалъ Глѣбову, что онъ живетъ съ своею женою не такъ, какъ слѣдуетъ, по словамъ послѣдней. Г. же возражалъ, что «жена его больна, болитъ у нея пупъ и весь прогнилъ, все изъ него течетъ: жить-де нельзя». — «Вы уже дѣтей имѣете, какъ тебѣ съ нею не жить», увѣщевалъ его архимандритъ.

Какъ самъ С. Б. и его родной братъ Ѳедоръ Богдановичъ, такъ и троюродные его братья Ѳедоръ Никитичъ и Ѳедоръ Михайловичъ были стольниками царицы Прасковьи Ѳедоровны, жены царя Іоанна Алексѣевича, слѣдовательно, всѣ они были скорѣе ближе къ партіи Милославскихъ, чѣмъ Нарышкиныхъ. Самъ С. Б. и его сынъ Андрей Степановичъ, повидимому, не сочувствовали реформамъ Петра. Сынъ въ письмѣ къ отцу говоритъ, что онъ «учится солдатскому артикулу, изволь, какъ ни есть отбиваться, чтобъ тебѣ не ѣхать въ Петербурхъ: полно, что я здѣсь труждаюся». Такимъ образомъ, и съ партійной стороны имѣлись данныя, могущія способствовать сближенію Евдокіи Ѳедоровны Лопухиной съ Степ. Глѣбовымъ. Со стороны Глѣбовыхъ не одинъ только С. Б. не сочувствовалъ Петру: къ розыскамъ по дѣлу царевича Алексѣя, еще до ареста С. Б., слѣдовательно до раскрытія его романа съ бывшей царицей, были привлечены троюродный его братъ Вас. Мих. Глѣбовъ и шуринъ послѣдняго Ив. Ив. Нарышкинъ, примыкавшіе къ Лопухинской партіи.

Царица Евдокія Ѳедоровна была пострижена насильно въ Покровскомъ монастырѣ въ Суздалѣ, и, какъ она сама говоритъ, «ходила въ иноческомъ платьѣ только съ полгода и, оставя монашество, скинувъ платье, жила все время подъ видомъ иночества скрытно мірянкою». Случайно или намѣренно, для сбора солдатъ въ 1709—1710 гг. явился въ Суздаль С. Б. Глѣбовъ. Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что Г. повелъ свои сношенія съ царицей черезъ ея духовника, ключаря Ѳедора Пустыннаго, знавшаго, можетъ быть, по исповѣди тайну ея молодости. Онъ былъ «введенъ» въ келью бывшей царицы ея духовникомъ, чрезъ котораго послѣ перваго же свиданія послалъ невольной затворницѣ въ подарокъ два мѣха песцовыхъ, пару соболей, косякъ байберека нѣмецкаго. Изъ соболей бывшая царица сдѣлала себѣ шапку. Кромѣ того, Г. сталъ присылать ей съѣстные припасы. «И сшелся я съ нею въ любовь черезъ старицу Каптелину, — говорилъ въ допросѣ Г., — и жилъ съ нею блудно». Глѣбова, какъ показывали старицы Маремьяна и Каптелина, «инока Елена пускала къ себѣ днемъ и ночью, и Степанъ Глѣбовъ съ нею обнимался и цѣловался, а насъ или отсылали тѣлогрѣи кроить къ себѣ въ келью, или выхаживали вонъ». При началѣ связи, бывшей царицѣ было около 38 лѣтъ, и Глѣбову — почти столько же и, несмотря на «вторую молодость» или, можетъ быть, потому, привязанность была крѣпкой съ обѣихъ сторонъ, судя по письмамъ Лопухиной и по поведенію Г. при пыткахъ. Евдокіи Ѳедоровнѣ очень хотѣлось, чтобы Г. къ ней былъ поближе и освободился отъ набора солдатъ, который его очевидно тяготилъ: «Добивайся только, писала она ему, чтобы быть въ губерніи Московской, добивайся ты, мой батюшка, чтобы тебѣ сюды (т.-е. въ Суздаль) на воеводство... Добивайся себѣ благова, а я къ тебѣ пришлю деньги твои дваста и своихъ пришлю 300 рублевъ. Откупайся, сули, не жалѣй денегъ. Ей-ей, и своихъ пришлю 300, опричь твоихъ, — 500 пришлю. Что ты опредѣленъ въ Кіевъ, ѣдешь на службу или ради дѣла ѣдешь, пожалуй отпиши, не круши меня». Почти въ каждомъ изъ 9 сохранившихся писемъ суздальской невольницы слышатся отъ сердца идущія жалобы на разлуку съ Г. «Кабы я была въ радости, такъ бы меня и далѣ сыскали, а то нынѣ, горесть моя, забылъ скоро меня. Не умилостивили тебя здѣсь мы ничѣмъ. Мало, знать, лицо твое, и руки твои, и всѣ члены твои, и составы рукъ и

ногъ твоихъ, мало слезами моими мы не умѣли угодное сотворить. Али ты того боишься, что ко мнѣ ходилъ: ей, мой свѣтъ, не бойся нимало, — сама я больше всѣхъ знаю — не бойся!»...

«Свѣтъ мой, батюшка мой, душа моя, радость моя, какъ мнѣ на свѣтѣ быть безъ тебя! Охъ, любезный другъ мой, за что ты мнѣ таковъ милъ! Уже мнѣ нѣтъ тебя миляе, ей Богу! А я же тебя до смерти не покину, никогда ты изъ разума не выдешь. Охъ, лапушка моя (такимъ ласкательнымъ именемъ царица нѣкогда называла и своего державнаго супруга), отпиши ко мнѣ, порадуй хоть мало. Не покинь ты меня, ради Христа, ради Бога. Прости, прости, душа моя, другъ мой! Цѣлую я тебя во всѣ члены твои! Добейся ты, сердце мое, опять сюды, не дай мнѣ умереть. Ей, сокрушуся!»...

«Кто свѣтъ отъ очію моею отъимѣ? Кому ты меня покидаешь? Кто меня бѣдную съ тобою разлучилъ? Что я твоей женѣ сдѣлала, какое ей зло учинила? Чѣмъ я васъ прогнѣвала? Что ты, душа моя, не скажешь, чѣмъ я женѣ твоей досадила, а ты жены своея слушалъ. Для чего меня оставилъ, вѣдь я бы тебя у жены твоея не отняла, а ты ея слушаешь. Какъ мнѣ быть безъ тебя? Что ты мою виность не сказалъ, хоть бы ты меня за вину прибилъ. Ради Господа-Бога, не покинь ты меня, — сюды добивайся!»...

Евдокія Ѳедоровна подарила Г. перстень золотой съ печатью, на которомъ вырѣзанъ цвѣтокъ подъ короною и о которомъ затворница писала своему возлюбленному: «Носи, сердце мое, мой перстень, меня любя, а я такой же себѣ сдѣлала: то-то у тебя я его брала». Другой перстень съ лазоревымъ яхонтомъ, по показанію Г., бывшая царица велѣла отдать дочери его, а по словамъ старицы Каптелины — его женѣ. За страсть царицы къ Г. ее журили даже близкія старицы, напримѣръ Маремьяна, бранившая разъ С. Б. за то, что онъ пришелъ въ Благовѣщенскую церковь къ заутренѣ. — «Чертъ тебя спрашиваетъ, — возражала опальная царица, — ужъ ты и за мной примѣчать стала. Я знаю Стефана: человѣкъ честный и *богатый*; будетъ ли тебя съ его безчестья?» Послѣ того какъ Петръ повѣнчался съ Екатериной въ февралѣ 1712 г., Г., какъ показывалъ разстриженный Ростовскій епископъ Досиѳей, говорилъ ему у него на подворьѣ: «Для чего вы, архіереи, за то не стоите, что государь отъ живой жены на другой женится».

Въ маѣ 1712 г. сгорѣлъ Московскій дворъ Глѣбовыхъ (мѣра его была «ширины 29 саж., а длиннику съ огородомъ — въ верхнемъ концѣ отъ овинаго двора 10 саж., а въ исподнемъ — отъ Воронина двора 4 саж. безъ получетверти»), и Г. съ семьею принужденъ былъ перебраться въ село Козино, гдѣ незадолго до того имъ былъ разбитъ фруктовый садъ (въ немъ, какъ записано въ хозяйственной книгѣ Г., «56 яблонь принялось, а 15 засохло»).

Изъ дошедшихъ до насъ писемъ видно, что въ концѣ 1716 г. Г. пришлось хлопотать о сынѣ, чтобы его не посылали въ дальнее плаваніе. 29 ноября сынъ Г. Андрей обращается изъ Пѣтербурга къ отцу съ просьбою о присылкѣ ему теплаго платья и повара и о ходатайствѣ передъ дядюшкой Иваномъ Михайловичемъ (адмираломъ Головинымъ) и тетушкой Марьей Богдановной за него, Андрея, передъ Николаемъ Ѳедоровичемъ Головинымъ, командиромъ корабля, на которомъ долженъ Андрей Степановичъ итти въ плаваніе въ Ревель и въ Италію, чтобы ему этого плаванія не дѣлать, а остаться въ Россіи и «сохраниться отъ кораблей». 22 декабря того же года Степанъ Богдановичъ собственноручно пишетъ письмо «батькѣ Ивану Михайловичу и сестрицѣ Марьѣ Богдановнѣ» и проситъ ихъ заступиться за ихъ племянника Андрея передъ ихъ родственникомъ Н. Ѳ. Головинымъ и похлопотать о переводѣ и отпускѣ его къ Москвѣ. Чѣмъ окончилось это дѣло, дальнѣйшихъ свѣдѣній не имѣется.

Бывшей царицѣ Ростовскій архіерей Досиѳей нѣкогда сказалъ про видѣніе отъ иконы Св. Царевича Димитрія, что царь въ теченіе года умретъ, царевичъ вступитъ на престолъ, она, какъ мать государя, будетъ вызвана изъ монастыря. Царица ждала совершенія пророчества, надѣясь тогда выйти замужъ за Глѣбова и жить съ нимъ въ частномъ быту въ чести и удовольствіи. Но въ то время, когда суздальская за-

ключенная надѣялась на будущее своего сына, говаривая старицамъ: «Государь-де, знаете, что за свою мать сдѣлалъ стрѣльцамъ, а сынъ-де мой изъ пеленства вывалялся», — надъ нею самою, царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ и ея близкими уже нависала гроза. Еще лѣто 1717 г. С. Б. провелъ въ своей деревнѣ, изъ которой вернулся въ Москву 28 октября съ возами съѣстныхъ припасовъ и между ними съ значительнымъ количествомъ «полтей ветчины», еще 10 января 1718 г. онъ сдѣлалъ собственноручно послѣднюю запись въ своей хозяйственной книгѣ, а спустя какой-нибудь мѣсяцъ, 20 февраля 1718 г. въ Москвѣ въ Преображенскомъ на Генеральномъ дворѣ въ застѣнкѣ ему съ возлюбленной его, бывшей царицей Евдокіей Ѳедоровной, дѣлается «очная ставка». Случилось такъ, что при сыскѣ о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ открылись его связи съ теткой, царевной Марьей Алексѣевной а послѣдней — со старицей Еленой Лопухиной. Розыскъ спеціально командированнаго въ Суздаль капитана Скорнякова-Писарева открылъ романъ бывшей царицы съ Глѣбовымъ. Оба они при первомъ же допросѣ сознались въ своей связи, при чемъ царица своею рукою написала: «и въ томъ я виновата». Глѣбову, кромѣ того, ставились въ вину письма цыфирью, гдѣ онъ якобы изливалъ «безчестныя укоризны, касающіяся знамой высокой персоны Его царскаго величества, и къ возмущенію противъ Его величества народа». Самъ Г. въ застѣнкѣ въ отношеніи бывшей царицы въ допросахъ велъ себя рыцаремъ безъ страха и упрека. На рядѣ вопросовъ, въ родѣ, напримѣръ такихъ: «спрашивалъ ли ты старицу Елену, съ какой причины она платье чернеческое скинула, для какого намѣренія, кто ей въ томъ совѣтовалъ и обнадеживалъ, чѣмъ обнадеживалъ», сдѣлана отмѣтка: «Запирается». Жена Г. показала довольно кратко и характерно, что «она къ царицѣ ѣзжала и съ мужемъ и одна, перстня никому не отдавала. Мужъ ея ни съ кѣмъ не заживался, вообще ничего не знаетъ». Сильный и цѣльный характеръ Г., вѣроятно, такъ привлекавшій къ нему и царицу Евдокію Ѳедоровну и его жену Татьяну Васильевну, остался въ немъ до послѣдняго издыханія. Цесарскій посланникъ Плейеръ доносилъ своему государю, что «маіоръ Степанъ Глѣбовъ, пытанный въ Москвѣ страшно кнутомъ, раскаленнымъ желѣзомъ, горящими угольями, трое сутокъ привязанный къ столбу на доскѣ съ деревянными гвоздями, ни въ чемъ не сознался».

14 марта 1718 г., министры, будучи на Генеральномъ дворѣ, приговорили Степану Глѣбову «за сочиненіе писемъ къ возмущенію народа и къ поношенію Его царскаго величества имени и Государыни Екатерины Алексѣевны, что онъ съ розыску не винился, учинить жестокую смертную казнь, да и потому еще, что съ бывшею царицею старицею Еленою жилъ блудно, въ чемъ они сами винились именно. А движимое и недвижимое имѣніе все взять на государя». Приговоръ подписали: кн. И. Ромодановскій, «генералъ-фельтъ-маршалокъ» Шереметевъ, ген.-адм. гр. Апраксинъ, гр. Ив. Мусинъ-Пушкинъ, Тихонъ Стрѣшневъ, гр. Гаврило Головкинъ, баронъ Петръ Шафировъ, кн. Прозоровской, Алексѣй Салтыковъ, Василій Салтыковъ. 15 того же марта, около 3 часовъ дня, на Красной площади, «гдѣ происходила экзекуція» виновныхъ по дѣлу царевича Алексѣя, Г. былъ посаженъ на колъ, но, несмотря на страшныя мученія, ни въ чемъ не сознался. «Для исповѣди при немъ находились» — Спасскаго монастыря: архимандритъ Лопатинскій, священникъ Анофрій и учитель іеромонахъ Маркелъ. «И съ того времени, какъ онъ посаженъ на колъ, — письменно донесъ, за своею подписью, Маркелъ, — Г. никакого покаянія имъ не принесъ». Только въ ночь на 16 число, чувствуя, повидимому, приближеніе смерти, Степанъ Богдановичъ просилъ Маркела, чтобы онъ принесъ къ нему тайно Св. Причастіе и сподобилъ его Святыхъ таинъ. И послѣ этой его просьбы, исполнить которую, повидимому, уже не успѣли, Г. «душу свою испровергъ» 16 марта пополуночи въ 6 часу во второй четверти (у Устрялова ошибочно указано — въ 8 часу). Слѣдовательно, на колу Г. мучился болѣе 14 часовъ. «На большой площади, — говоритъ посланникъ цесаря Плейеръ, — былъ поставленъ четыре-

угольный столпъ изъ бѣлаго камня, вышиною около 6 локтей съ желѣзными шписами по сторонамъ, на которыхъ были воткнуты головы казненныхъ. На вершинѣ столба находился четыреугольный же камень въ локоть вышиною: на немъ были положены трупы казненныхъ, между ними виднѣлся трупъ Глѣбова, какъ бы сидящій въ кругу другихъ».

Глѣбовъ былъ казненъ, но и его жестокая смерть не удовлетворила Великаго императора, гнѣвъ его продолжалъ кипѣть, и долго не могъ онъ его забыть. По именному указу государя, отъ 15 августа 1721 г., Святѣйшій Правительствующій Синодъ 21 ноября того же года къ ряду прежнихъ анаѳематствованій прибавилъ новое, съ возглашеніемъ «сице»: «По сихъ, тому жъ подпадаетъ злолютый закона Божія преступникъ и царскаго величества противникъ Степанъ Глѣбовъ, который въ безприкладномъ преступленіи и въ письменномъ противъ его царскаго величества народномъ возмущеніи повиненъ; по жестокосердію своему ни передъ смертію, во время достойныя по дѣламъ его казни, свойственнаго христіанамъ покаянія не принесъ и Причастія святыхъ таинъ отвергся и симъ клятвѣ церковной, яко лютѣйшій благочестія преступникъ и презиратель, самъ себя подвергъ. И за сія церкви и отечеству богоненавистныя противности во вѣки да будетъ анаѳема».

Бывшая царица Е. Ѳ. Лопухина на много пережила своего избранника сердца. Она скончалась 27 августа 1731 г. и погребена въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ. На бывшей въ Чудовомъ монастырѣ въ 1913 г. Романовской выставкѣ имѣлись 2 сохранившихся въ Новодѣвичьемъ и Воскресенскомъ монастыряхъ портрета ея въ монашескомъ одѣяніи: верхняя половина лица закрыта кисеей, изъ подъ которой круглые, обрамленные густыми бровями, глаза устремлены внизъ на книгу, поддерживаемую одною рукою, тогда какъ другая рука покоится въ цѣнной мѣховой муфтѣ. Въ немолодомъ уже лицѣ царицы видны остатки былой красоты и пережитыхъ душевныхъ волненій и невзгодъ.

У Степана Богдановича Глѣбова мужского потомства не осталось. Одинъ изъ его сыновей — Михаилъ умеръ въ отрочествѣ, а другой Андрей Степановичъ, не будучи женатымъ, показывается умершимъ послѣ 23 мая 1719 г. «его ближайшею наслѣдницею, сестрою дѣвицею Анною Степановною» (Кн. ст. лѣтъ по Суздалю № 31, лл. 467—475), вышедшей потомъ за мужъ за кн. Я. В. Сибирскаго. Жена Г. Татьяна Васильевна была жива въ 1722 г. (Кн. ст. лѣтъ по Москвѣ № 55, л. 1).

Документы Моск. Архива Мин. Юст.: книги и столбцы Московскаго стола Разряднаго приказа, боярскія книги, книги помѣстно-вотчинныя старыхъ лѣтъ по Суздалю, Москвѣ и Коломнѣ (ссылки въ текстѣ). — «Труды Моск. отд. Имп. Русск. Военно-Ист. общ.», т. I. — «Исторія царствованія Петра Великаго», Устрялова, т. VI. — «Русская Старина» 1876 г., февраль, стр. 442—3. — «Лѣтопись Историко-Родословнаго Общества въ Москвѣ» 1911 г., вып. 1—2, стр. 42, 45. — Государственный и Главный Петроградскій Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ, разрядъ VI, № 11, дѣло «о Степанѣ Глѣбовѣ, любимцѣ царицы Евдокіи Ѳедоровны, замѣшанномъ въ розыскахъ о ней, также *расныя* бумаги его»; дѣло почти исчерпано Устряловымъ, но онъ пропустилъ очень цѣнный документъ для Глѣбовскаго дѣла, находящійся въ разныхъ бумагахъ: книгу въ листъ, имѣющую до 300 страницъ и содержащую роспись всякаго имущества и вотчинныхъ прихода и расходовъ Г. съ 1700 г. по 10 янв. 1718 г., т.-е. почти до его ареста; она написана сначала рукой другого лица, а ближе къ 1718 г. цѣликомъ самимъ Г.; за переплетомъ книги лежали три сильно смятыя письма, также не использованныя Устряловымъ: одно — собственноручное Г. къ зятю его И. М. Головину, а два другихъ — сына Г. Андрея къ отцу и матери.

И. С. Бѣляевъ.

Глѣбовъ, *Ѳедоръ Богдановичъ*, дворянинъ московскій, сынъ ясельничаго Богдана Матвѣевича (см. выше), началъ службу патріаршимъ стольникомъ, а 15 августа 1626 г. пожалованъ въ царскіе стольники. Въ декабрѣ 1630 г. былъ рындой при пріемѣ голландскихъ пословъ, а въ январѣ 1631 г. — при пріемѣ англійскаго посла. При этомъ бывшій также рындой родственникъ его Данило Семеновичъ Яковлевъ билъ на него челомъ въ отечествѣ, потому что онъ, Яковлевъ, по родству своему больше Г. Въ отвѣтъ на это челобитье Г. билъ на Яковлева челомъ о безчестьѣ, а отецъ его Богданъ Матвѣевичъ билъ челомъ, чтобы государь велѣлъ Яковлева «въ мѣстѣхъ мѣшать» съ его сыномъ, потому что они по родству

ровны. Государь по челобитью Г. велѣлъ племянника его Данила съ сыномъ его Ѳедоромъ мѣшать и учинить ихъ мѣстниками. Въ качествѣ стольника Ѳ. Б. Г. исполнялъ и разныя другія придворныя службы. Въ 1642 г. онъ былъ полковымъ воеводой на Крапивнѣ съ кн. П. Г. Ромодановскимъ по случаю прихода крымскихъ людей. 30 ноября 1645 г., въ званіи дворянина московскаго, назначенъ быть при посольствѣ Вас. Ив. Стрѣшнева, посланнаго къ польскому королю для подкрѣпленія вѣчнаго мира. Въ 1652 г. Г. былъ посланъ для разысканія серебряной руды и для иныхъ сыскныхъ дѣлъ въ 5 городовъ, а въ 1654 г. отправленъ съ боярином Вас. Вас. Бутурлинымъ въ Черкасы (Малороссію); Бутурлинъ посылалъ его въ разные города приводить черкасъ къ присягѣ. За эту службу ему 20 апрѣля 1654 г. пожалована была придача въ 150 четей, 25 рублей. Въ 1654—1655 гг. онъ находился въ походахъ подъ Смоленскъ и подъ Вильну въ государевѣ полку, а въ октябрѣ 1655 г. назначенъ вторымъ воеводой въ Могилевъ (наказъ данъ 1 ноября), при чемъ ему были даны во владѣніе 50 крестьянскихъ дѣтей въ Могилевскомъ уѣздѣ на все время, пока будетъ находиться на службѣ въ Могилевѣ. Въ 1660—1662 (169—170) гг. онъ находился въ свитѣ царицы Маріи Ильиничны.

Въ 1629 г. окладъ Г. былъ 600 четей, 30 рублей. Въ 1653 г. за нимъ было 180 крестьянскихъ дворовъ въ разныхъ уѣздахъ и 3 двора въ его подмосковной; на службу онъ являлся на меринѣ, «въ бохтерцѣ зъ зарукавьи», въ шапкѣ ерихонкѣ, съ карабиномъ оправнымъ, за нимъ 3 коня простыхъ, съ парой пистолей оправныхъ на каждомъ, и 9 человѣкъ съ карабинами и саадаками, на коняхъ.

Власьевъ, «Родъ дворянъ Глѣбовыхъ» («Лѣтопись Ист.-Родосл. Общ. въ Москвѣ» 1911 г., вып. 1—2, стр. 39, 40, 66, 67).—«Акты Московскаго государства», т. II.—Моск. Арх. Мин. Юст., родословн. столбецъ Глѣбовыхъ-Яковлевыхъ, столбцы Московскаго стола Разряда (по рукописному указателю и «Описанію документовъ и бумагъ М. А. М. Ю.»); боярскія книги.

Н. Чулковъ.

Глѣбовъ, *Ѳедоръ Ивановичъ*, генералъ-аншефъ, сынъ генералъ-аншефа Ивана Ѳедоровича Г. (см. выше), родился 31 декабря 1734 г. Записанный на службу въ артиллерію готландеромъ 1 января 1742 г., онъ былъ произведенъ: изъ каптенармусовъ въ сержанты 20 іюня 1747 г. и въ штыкъ-юнкера — 21 апрѣля 1750 г. Въ 1751 г. Г. былъ командированъ въ качествѣ инженернаго офицера въ Новую Сербію, гдѣ, состоя подъ начальствомъ своего отца, главнаго командира надъ переселявшимися тогда въ Россію сербами, принималъ участіе въ постройкѣ крѣпости св. Елисаветы. 25 апрѣля 1753 г. былъ произведенъ въ подпоручики. 25 декабря 1755 г. назначенъ флигель-адъютантомъ къ генералъ-фельдцейхмейстеру графу П. И. Шувалову. 1 января 1757 г. онъ произведенъ въ капитаны. Во время Семилѣтней войны въ іюлѣ 1757 г. былъ командированъ за границу къ французской арміи, находившейся въ Вестфаліи подъ командою маршала д'Эстре. Произведенный въ маіоры 1 января 1758 г., Г. по распоряженію Конференціи отъ 4 февраля этого же года долженъ былъ возвратиться въ Россію. Назначенный затѣмъ въ Пруссію въ дѣйствующую армію, 14 августа 1758 г. участвовалъ въ сраженіи при Цорндорфѣ, за что 1 января 1759 г. произведенъ былъ въ подполковники артиллеріи. Въ 1760 г., состоя въ корпусѣ графа Тотлебена, былъ при взятіи Берлина. Въ 1761 г., находясь въ корпусѣ графа З. Г. Чернышева подъ командою австрійскаго генералъ-фельдцейхмейстера барона Лаудона, участвовалъ въ дѣлѣ при взятіи Швейдница; 15 февраля 1762 г. произведенъ въ полковники артиллеріи, а 14 ноября 1763 г. переименованъ въ бригадиры арміи съ назначеніемъ командиромъ Нижегородскаго карабинернаго полка. 24 ноября 1764 г. произведенъ въ генералъ-маіоры. Съ 1765 г. по 1767 г. состоялъ при Московской дивизіи. Открывшаяся въ 1769 г. война съ турками призвала Г. снова въ ряды дѣйствующей арміи. Находясь подъ командою князя Голицына, онъ 19 апрѣля 1769 г. участвовалъ въ пораженіи Карамана-паши и взятіи непріятельскаго ретраншамента подъ стѣнами Хотина; оставался тамъ съ Вятскимъ и Московскимъ карабинерными полками все время до самаго отступленія, послѣ чего былъ посланъ

съ бригадою для отраженія напавшаго на нашъ обозъ Абазы-паши, разбилъ его и преслѣдовалъ до Прута. 2 іюля 1769 г. Г. вторично стоялъ подъ Хотиномъ съ войсками, а 29 августа этого же года, командуя 5 кавалерійскими полками, участвовалъ въ пораженіи верховнаго визиря Молдованджи, за что былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени. 8 сентября 1769 г. онъ былъ при взятіи Хотина. Въ 1770 г., находясь подъ начальствомъ графа Румянцева-Задунайскаго, съ 4 пѣхотными полками поддерживалъ сообщенія арміи съ Подоліей; 21 іюля того же года во время Кагульскаго сраженія онъ съ успѣхомъ отразилъ нападенія крымскихъ татаръ на шедшій къ нашей арміи транспортъ съ провіантомъ. 10 августа 1770 г. Г. былъ опредѣленъ подъ начальство генералъ-поручика графа Брюса, а въ сентябрѣ этого же года фельдмаршалъ Румянцевъ ввѣрилъ ему корпусъ, состоявшій изъ 8 пѣхотныхъ полковъ, 3 гусарскихъ и 1 карабинернаго, приказавъ взять г. Браиловъ. Открывъ осаду Браилова съ 26-го числа и отражая частыя вылазки турокъ съ большимъ урономъ для нихъ, Г. въ ночь на 24 октября пошелъ на приступъ, но успѣха не имѣлъ, потерявъ около 500 человѣкъ убитыми и болѣе 1300 ранеными. Приближавшійся въ это время непріятельскій корпусъ, шедшій на помощь осажденнымъ, заставилъ Глѣбова снять осаду и удалиться къ Максимени, на Серетъ. Послѣ полученія отъ фельдмаршала подкрѣпленій и подтвержденія даннаго прежде приказанія Г. вновь приступилъ къ осадѣ; турки, боясь вторичной осады, оставили крѣпость и переправились за Дунай. 10 ноября 1770 г. русскіе вошли въ Браиловъ. 1 мая 1772 г. Г., проведшій болѣе 3 лѣтъ въ походахъ, былъ уволенъ въ годовой отпускъ, по возвращеніи изъ котораго въ дѣйствующую армію былъ отправленъ съ 3 полками подъ Силистрію, какъ для усиленія войскъ, атакующихъ этотъ городъ съ лѣваго берега Дуная, такъ и для задержки непріятеля, дѣйствовавшаго противъ корпусовъ барона Унгерна и кн. Долгорукаго. 21 апрѣля 1773 г. Глѣбовъ былъ произведенъ въ генералъ-поручики. 10 іюня 1774 г. онъ, командуя 1-й дивизіей, при которой находился самъ фельдмаршалъ, участвовалъ въ сраженіи съ турками подъ Силистріей, въ которомъ русскіе овладѣли многими турецкими орудіями и всѣмъ непріятельскимъ обозомъ. Въ 1775 г. Г. командовалъ войсками, расположенными въ Польшѣ, и получилъ отъ польскаго короля ордена Бѣлаго Орла и св. Станислава. Послѣ этого Г. состоялъ при Финляндской дивизіи, а въ 1777 г. командовалъ дивизіей въ Ревелѣ. 28 іюля 1781 г. Г. назначенъ сенаторомъ (съ 4 августа этого же года присутствовалъ въ 3-мъ департаментѣ Сената, а съ 4 декабря 1782 г. во 2-мъ). 28 іюля 1782 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-аншефы, а 24 ноября этого же года награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго. 18 марта 1791 г. Г. уволенъ по случаю болѣзни отъ присутствія въ Сенатѣ на 2 года съ сохраненіемъ жалованья, а 2 мая 1793 г. повелѣно продолжить ему отпускъ до 1 января 1794 г.; 7 августа 1794 г. онъ былъ уволенъ согласно прошенію отъ службы съ сохраненіемъ получаемаго жалованья. Скончался 29 ноября 1799 г. Погребенъ въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ. Поэтъ князь И. М. Долгорукій посвятилъ его памяти два стихотворенія: «На кончину Ѳ. И. Глѣбова» и «Надгробная» ему же. (Сочиненія, С.-Пб. 1849 г., т. I, 44, 54) и вспоминаетъ его въ своемъ «Капищѣ». Надгробные стихи, написанные Долгорукимъ по просьбѣ вдовы Г., высѣчены на памятникѣ Ѳ. И. Глѣбова.

Густавъ Штрандманъ, служившій подъ начальствомъ Г. въ Ревелѣ, въ своихъ «Запискахъ» даетъ такую его характеристику: «Онъ одинъ изъ добродушнѣйшихъ людей, которыхъ я когда-либо видѣлъ. Съ подчиненными онъ и жена его были очень учтивы, и оба пользовались въ Ревелѣ большимъ уваженіемъ, какъ за свою привѣтливость и вѣжливость, такъ особенно за то, что жили богато и каждый день принимали гостей. Онъ ужасно любилъ играть въ карты».

Глѣбовъ женатъ былъ 2 раза; дочь его отъ перваго брака Александра была замужемъ за генералъ-маіоромъ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Щербатовымъ. Во 2-й разъ Глѣбовъ женился на дочери генералъ-аншефа П. И. Стрѣш-

нева, Елизаветѣ Петровнѣ, отъ которой имѣлъ двухъ сыновей: Петра и Дмитрія, которымъ по Высочайшему указу 19 апрѣля 1803 г. дозволено было по случаю пресѣченія рода Стрѣшневыхъ принять фамилію Глѣбовыхъ-Стрѣшневыхъ.

П. Барановъ, «Опись Высочайш. указ. и повелѣн., хранящ. въ Сенатскомъ архивѣ за XVIII в.»; Формулярный списокъ; «Словарь достопамятныхъ людей» Бантышъ-Каменскаго, изд. 1847 г., т. I; Старчевскій, «Словарь», т. III; «Русская Старина» 1884 г., т. XLIII, 81 (Записки Г. ф. Штрандмана); кн. И. М. Долгорукій, «Капище моего сердца».

М. Н. Марковъ.

Глѣбовы, два дворянскихъ рода древняго происхожденія. Первый происходитъ отъ *Глѣба Михайловича*, сына *Михаила Сорокоума*, жившаго въ XIV вѣкѣ и по показанію родословцевъ будто бы происходившаго отъ касожскаго князя Редеги, который былъ убитъ въ 1022 г. княземъ Мстиславомъ Владиміровичемъ Тмутараканскимъ. Отъ Глѣбовыхъ происходятъ Кокошкины, Теряевы, Лупандины, Обѣдовы, Колтовскіе, Лаптевы, Лопухины, Астафьевы. Внуки родоначальника *Иванъ Васильевичъ Ощера* (см. выше) и *Дмитрій Васильевичъ Бобръ* были окольничими Василія Темнаго, братъ ихъ Григорій Васильевичъ Криворотъ — его же дворецкимъ, а *Яковъ Ивановичъ Курица* — дворецкимъ великой княгини. Сынъ перваго изъ нихъ, *Иванъ Ивановичъ Ощеринъ*, ѣздилъ посломъ къ волошскому воеводѣ Стефану въ 1496—1497 гг. и къ крымскому хану въ 1503—1505 гг. (см. выше), а сынъ второго, *Иванъ Дмитріевичъ*, былъ постельничимъ Іоанна III. Ихъ двоюродный братъ *Казаринъ Алексѣевичъ Бурунов*ъ былъ постельничимъ великаго князя Василія Ивановича. Въ документахъ XV—XVI вѣковъ члены этого рода упоминаются часто, но въ XVII столѣтіи Глѣбовы снизошли на степень городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ (между прочимъ, они служили по Новгороду) и только въ концѣ столѣтія двое изъ нихъ достигли московскихъ чиновъ: *Павелъ Аристіоновичъ* былъ стольникомъ, а *Семенъ Аввакумовичъ* — дворяниномъ московскимъ. Отъ новгородской вѣтви производилъ себя генералъ-прокуроръ (въ 1761—1764 гг.) *Александръ Ивановичъ*. — Второй родъ Глѣбовыхъ происходитъ отъ *Глѣба Ивановича (Семеновича) Яковлева*, потомка выходца изъ Швеціи (Фряжской земли) Облагини, по преданію пріѣхавшаго къ Дмитрію Донскому въ 1375 г. Вслѣдствіе своего происхожденія отъ Яковлевыхъ Глѣбовы въ XVII вѣкѣ назывались также Глѣбовыми-Яковлевыми. Въ противоположность первому роду члены второго рода служили въ XVII вѣкѣ въ московскихъ чинахъ и были полковыми и городовыми воеводами, а одинъ изъ нихъ достигъ и окольничества *(Михаилъ Ивановичъ)*. Къ этому роду принадлежали *Богданъ и Семенъ Матвѣевичи* и *Моисей и Семенъ Ѳедоровичи* (внуки родоначальника), любимецъ царицы Евдокіи Ѳедоровны *Степанъ Богдановичъ*, сенаторъ, генералъ-аншефъ *Иванъ Ѳедоровичъ*, стихотворецъ *Дмитрій Петровичъ*. Потомство старшаго сына Ивана Ѳедоровича, *Ѳедора Ивановича*, женатаго на послѣдней представительницѣ рода Стрѣшневыхъ, въ 1803 г. получило разрѣшеніе именоваться *Глѣбовыми-Стрѣшневыми*.

«Родословн. книга князей и дворянъ россійскихъ и выѣзжихъ», М., 1787 г., ч. II, 180—206; Долгоруковъ, «Росс. родословн. книга», IV, 84—92; Власьевъ, «Родъ дворянъ Глѣбовыхъ» («Лѣтопись Истор.-Родословн. Общества въ Москвѣ» 1911 г., вып. 1—2, стр. 31—76); «Родословная книга», 121 («Временникъ Имп. Общества Ист. и Др. Росс.», X); Савеловъ, «Родослов. записи», в. I, 92, в. II, 186; его же, «Лекціи по русской генеалогіи», 2-е полугодіе, стр. 15—18; Н. П. Лихачевъ, «Государевъ родословецъ и родъ Адашевыхъ», 11—62 (сводка всѣхъ исторически-достовѣрныхъ данныхъ о первыхъ поколѣніяхъ рода Глѣбовыхъ-Сорокоумовыхъ и сопоставленіе ихъ съ показаніями родословныхъ).

Н. Чулковъ.

Глѣбъ Андреевичъ, князь, святой, сынъ великаго князя Андрея Боголюбскаго, неизвѣстенъ по лѣтописямъ, знающимъ только трехъ сыновей Боголюбскаго — Изяслава, Мстислава и Юрія. По позднѣйшимъ источникамъ, Глѣбъ съ двѣнадцатилѣтняго возраста сталъ усердно читать Св. Писаніе и другія душеспасительныя книги, любилъ бесѣдовать съ монахами, отличался кротостью, смиреніемъ, нищелюбіемъ и строгимъ воздержаніемъ. 20 лѣтъ отъ роду онъ скончался 20 іюня 1175 г. за нѣсколько дней до убійства Андрея Боголюбскаго и былъ торжественно погребенъ въ Богородицкой со-

борной церкви во Владимірѣ на Клязьмѣ, при чемъ отъ вопля народнаго не было слышно церковнаго пѣнія. Владимірцы издавна прославляли Глѣба, какъ «взбраннаго и крѣпкаго въ праведницѣхъ, православною мудростію сіяющаго великаго чудотворца», и его заступленію приписывали избавленіе ихъ города отъ литвы въ 1608 г. 30 ноября 1702 г. мощи были открыты и оказались нетлѣнными. Въ 1774 г. во имя благовѣрнаго князя Глѣба былъ освященъ одинъ изъ придѣловъ Владимірскаго Успенскаго каѳедральнаго собора. Память св. Глѣба совершается въ день его кончины 20 іюня. Мощи его своею гибкостью, мягкостью и бѣлизною производятъ впечатлѣніе тѣла живого человѣка. Императоръ Павелъ I, приложившись къ мощамъ св. Глѣба, сказалъ великимъ князьямъ Александру и Константину: «дѣти, молитесь угоднику Божію Глѣбу; впервые въ Россіи вижу нетлѣнно сохранившіяся мощи». Е. Е. Голубинскій отождествляетъ Глѣба съ извѣстнымъ по лѣтописямъ сыномъ Боголюбскаго Юріемъ и, сопоставляя свидѣтельства источниковъ, приходитъ къ заключенію, что Глѣбъ-Юрій «скончался спустя нѣсколько лѣтъ послѣ 1175 г.». Е. Е. Голубинскій предполагаетъ также, что вслѣдствіе вражды дядей, великихъ князей Михаила и Всеволода Юрьевичей, Глѣбъ «окончилъ недолгій свой вѣкъ не во Владимірѣ и не на княженіи гдѣ-нибудь, а безмѣстнымъ скитальцемъ въ какой-нибудь чужой княжеской семьѣ и только для погребенія привезенъ былъ во Владиміръ».

Порфирій, архимандритъ, «Житія Владимірскихъ Чудотворцевъ», 39—44 (здѣсь помѣщены тропарь и кондакъ св. Глѣбу); Толстой, «Книга, глаголемая Описаніе о Россійскихъ Святыхъ», № 398; Голубинскій, «Исторія Канонизаціи», 134—138.

В. Шереметевскій.

Глѣбъ Васильковичъ, князь Бѣлозерскій, см. *Бѣлозерскіе* князья.

Глѣбъ Владиміровичъ, святой, во св. крещеніи Давидъ, князь Муромскій, сынъ св. Владиміра, великаго князя Кіевскаго. Въ начальной кіевской лѣтописи его мать называется «болгарыней» (по Якимовской же лѣтописи — царевна Анна). Годъ рожденія Г. точно неизвѣстенъ (около 984 г.). Передъ своей смертью Владиміръ раздѣлилъ русскую землю между сыновьями, и Глѣбу достался Муромъ. Лѣтопись отмѣтила Г. какъ добраго и смирнаго князя. Читая преимущественно творенія св. отцовъ, Г. былъ истиннымъ христіаниномъ. Изъ дѣятельности Глѣба въ Муромѣ извѣстны его заботы по распространенію христіанства. Въ особенности же онъ, по примѣру отца, заботился объ убогихъ: лѣчилъ ихъ, раздавалъ щедро милостыню. Послѣ смерти Владиміра одинъ изъ сыновей его, Святополкъ, прозванный впослѣдствіи «окаяннымъ», задумалъ погубить всѣхъ братьевъ своихъ. Преслѣдуя эту цѣль, онъ прежде всего рѣшилъ покончить съ братьями отъ другой матери, Борисомъ и Глѣбомъ, пользовавшимися большой любовью въ народѣ. Покончивъ съ Борисомъ, Святополкъ послалъ къ Глѣбу въ Муромъ сказать: «Отецъ твой очень боленъ и зоветъ тебя къ себѣ, желая видѣть — поспѣши къ нему и не бери съ собою много слугъ». Тотчасъ же съ небольшой дружиной Г. отправился въ путь, торопясь застать отца въ живыхъ. Когда онъ пришелъ на Волгу къ устью Тмы, то конь его споткнулся на полѣ во рвѣ и намялъ ему немного ногу. Затѣмъ Г. пришелъ къ Смоленску, оттуда поплылъ на лодкѣ и остановился въ виду города на Смядынѣ. Въ это время сестра его Предислава, жившая въ Кіевѣ, увѣдомила Ярослава Новгородскаго о смерти Владиміра, убійствѣ Бориса и о дальнѣйшихъ злыхъ намѣреніяхъ Святополка. Получивъ эти извѣстія, Ярославъ немедленно отправилъ гонца къ Глѣбу и велѣлъ передать ему: «Не ходи въ Кіевъ къ Святополку, потому что нашъ отецъ уже умеръ, а Святополкъ уже убилъ Бориса и тебя хочетъ убить». Посланный нагналъ Г. въ Смядынѣ. Пораженный злодѣяніемъ Святополка и смертью отца, Г. горько заплакалъ и въ нерѣшительности оставался на мѣстѣ. Въ это время подоспѣли и посланные Святополкомъ убійцы во главѣ съ Горясѣромъ. Обнаживъ оружіе, убійцы вошли въ ладью Глѣба, не давъ слугамъ его притти въ себя; Горясѣръ приказалъ убить Глѣба (по житіямъ святого дружинѣ Глѣба было запрещено употреблять оружіе для за-

щиты, по лѣтописямъ же, дружина «пріуныла»). Поваръ — торчинъ, злобствовавшій на своего господина, предупредилъ намѣреніе убійцы, схватилъ сзади за голову Г. и вонзилъ ему ножъ въ гортань. Это произошло въ понедѣльникъ 5 сент. 1015 г. Такъ изображается мученическая кончина Глѣба въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1015 г. Что же касается другихъ лѣтописей (Воскресенская и Софійская 1-я), то тамъ объ этомъ событіи разсказывается нѣсколько иначе. Увидя приближающихся враговъ, Глѣбъ «возрадовался душою», Горясѣръ же омрачился и приказалъ грести къ ладьѣ Г., который, когда лодки сошлись и убійцы вскочили въ его ладью, встрѣтилъ ихъ лобызаніемъ. Убійцами овладѣло смущеніе. Сообразивши цѣль посланныхъ, Г. началъ умолять пощадить его жизнь и отвезти его прямо къ брату — Святополку, если онъ въ чемъ провинился предъ нимъ. Но тщетны были его мольбы: «яко свирѣпые звѣри» напали убійцы на князя и зарѣзали его. Тѣло Г. было брошено недалеко отъ берега, въ пустомъ мѣстѣ, между двухъ колодъ, и прикрыто нѣсколькими вѣтвями деревъ. Долго пролежало здѣсь оно, пока рыбаки, а по другой версіи охотники, не наткнулись на него и не сказали объ этомъ жителямъ Смоленска, которые перенесли его въ церковь. По толкованіямъ нѣкоторыхъ историковъ (между прочимъ, Голубинскаго въ «Исторіи канонизаціи святыхъ»), тѣло князя было не брошено въ буквальномъ смыслѣ, а похоронено безъ подобающихъ князю и христіанину обрядовъ. Ярославъ Новгородскій позаботился о разысканіи останковъ Бориса и Глѣба. Тѣло перваго было найдено въ Вышгородѣ, а о Глѣбѣ извѣстно было, что онъ находится надалеко отъ Смоленска, гдѣ же именно — этого не знали приближенные Ярослава. Немного спустя сами жители Смоленска извѣстили Ярослава, гдѣ находилось тѣло Г., и разсказали о чудесахъ отъ его мощей. Посланные священники и дьяконы торжественно перевезли тѣло Глѣба по Днѣпру въ Кіевъ, гдѣ и были встрѣчены Ярославомъ, митрополитомъ Георгіемъ, духовенствомъ и народомъ. Затѣмъ гробъ Г. былъ перенесенъ въ Вышгородъ, въ церковь св. Василія, и положенъ въ каменную раку, рядомъ съ Борисомъ (1019 г.). Черезъ нѣкоторое время церковь эта сгорѣла, и Ярославъ надъ гробами своихъ братьевъ построилъ новую. При его сынѣ Изяславѣ эта церковь пришла въ ветхость, и великій князь построилъ новую во имя св. Бориса и Глѣба и торжественно перенесъ туда мощи ихъ. Это произошло 2 мая 1072 г., и съ тѣхъ поръ установленъ праздникъ перенесенія мощей св. Бориса и Глѣба. Вторичное или, вѣрнѣе говоря, третье перенесеніе мощей св. князей было при Владимірѣ Мономахѣ, который положилъ ихъ въ серебряную раку и 2 мая 1115 г. перенесъ въ новый храмъ. Наконецъ, въ 1191 г. ветхія раки ихъ были перенесены въ г. Смоленскъ въ монастырь на Смядынѣ. До сихъ поръ, не подалеку отъ Смядынскаго колодца, возлѣ котораго, какъ предполагаютъ, произошло убійство, находятся развалины существовавшаго монастыря, основаннаго, очевидно, въ память этого событія. Мощи св. Глѣба были утрачены во время нашествія Батыя, когда Вышгородъ былъ разоренъ, но по предположенію С. П. Писарева онѣ почиваютъ подъ спудомъ въ Смоленскѣ. Память Бориса и Глѣба празднуется православной Церковью, 24 іюля и 10 декабря и отдѣльно Глѣба 5 сентября, а, кромѣ того, 20 мая празднуется первое перенесеніе мощей, 2 мая — перенесеніе мощей въ 1072 г. и 11 августа перенесеніе ракъ изъ Вышгорода въ Смоленскъ въ 1191 г. Святость Глѣба долго не хотѣли признавать въ Константинополѣ, даже митрополитъ кіевскій Георгій (родомъ грекъ) убѣдился въ святости Глѣба только тогда, когда новая церковь, куда перенесли мощи, при Изяславѣ, по открытіи раки, по словамъ лѣтописца, наполнилась благоуханіемъ. Вопросъ о святости Глѣба въ Константинополѣ былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ въ концѣ XII столѣтія, такъ какъ въ 1200 г. встрѣчаются упоминанія объ образѣ св. Бориса и Глѣба въ Константинопольскомъ Софійскомъ соборѣ. Въ древней Руси св. Борисъ и Глѣбъ были очень популярными святыми. Всѣ лѣтописи полны разсказовъ о разныхъ чудесахъ, отъ мощей св. князей. На это

указываетъ и масса церквей, разбросанныхъ по всей Руси, имени Бориса и Глѣба. Къ древнѣйшимъ изъ нихъ относится вышгородская церковь на Альтѣ и туровская. По «Иконописному подлиннику» Глѣбъ изображается «подобіемъ младъ, лицемъ бѣлъ, власы съ ушей кратки малы, очень кудреваты».

Житія Бориса и Глѣба быстро распространялись по всему славянскому міру и, судя по множеству списковъ, дошедшихъ до нашего времени, были любимымъ чтеніемъ нашихъ предковъ. Сказаніе объ убіеніи Бориса и Глѣба помѣщено въ лѣтописи въ повѣсти временныхъ лѣтъ подъ 6523 г.; оно извѣстно въ 2 редакціяхъ: краткой (Лаврентьевскій и Радзивилловскій списки) и пространной (Ипатскій и Хлѣбниковскій списки). Кромѣ того дошли до насъ два подробныхъ житія св. Бориса и Глѣба: «Чтеніе о житіи, и о погубленіи, и о чюдесѣхъ святую и блаженную страстотерпцю Бориса и Глѣба» лѣтописца Нестора и «Сказаніе, и страсть, и похвала святую мученику Бориса и Глѣба», приписываемое мниху Іакову. Сочиненіе Нестора почти не имѣетъ сходства съ лѣтописной редакціей сказанія о св. Борисѣ и Глѣбѣ въ извѣстныхъ теперь сводахъ. Оно написано въ условно-риторическомъ стилѣ византійскихъ агіографическихъ памятниковъ, но тѣмъ не менѣе является важнѣйшимъ источникомъ для біографіи св. князей, будучи написано, по опредѣленію академика А. А. Шахматова, въ 80-хъ годахъ XI в., черезъ 60—70 лѣтъ послѣ кончины братьевъ, когда еще сохранялись въ памяти разсказы современниковъ событія. Это житіе сохранилось въ сравнительно небольшомъ количествѣ списковъ (по подсчету Н. К. Никольскаго—25). Въ особой редакціи, съ дополненіями изъ «Сказанія», и съ измѣненнымъ заголовкомъ оно попало въ Великія Четіи Минеи. Въ гораздо большемъ числѣ списковъ (ихъ насчитываютъ до 150) дошло до насъ второе житіе, или такъ называемое житійное сказаніе, являющееся однимъ изъ самыхъ распространенныхъ памятниковъ древней русской агіографіи. Большинство прежнихъ изслѣдователей считало житійное сказаніе оригинальнымъ памятникомъ, написаннымъ монахомъ Іаковомъ и болѣе древнимъ, чѣмъ Несторово житіе; оно послужило, по ихъ мнѣнію, источникомъ для лѣтописнаго разсказа о Борисѣ и Глѣбѣ. Нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи пришли къ совершенно противоположнымъ выводамъ. А. И. Соболевскій и Н. К. Никольскій пошатнули гипотезу объ авторствѣ Іакова, а А. А. Шахматовъ высказалъ мнѣніе, что сказаніе имѣетъ своими источниками лѣтопись (начальный сводъ) и Несторово житіе и написано только въ началѣ XII в. Житійное сказаніе дошло до насъ въ нѣсколькихъ редакціяхъ (до 9). Какъ «Чтеніе», такъ и «Сказаніе» были нѣсколько разъ изданы по разнымъ спискамъ (преосв. Макаріемъ, Бодянскимъ, Срезневскимъ, Серебрянскимъ и др.). Существуютъ еще проложныя житія св. Бориса и Глѣба въ двухъ редакціяхъ: древнѣйшей (до 1115 г.), южнорусской, и болѣе поздней (не старше второй половины XV в.), сѣверно-русской. Житіе Бориса и Глѣба не только было распространено среди южныхъ славянъ, но даже попало очень рано въ армянскія Четіи-Минеи. Новѣйшее изданіе житій св. князей: «Житія св. мучениковъ Бориса и Глѣба и службы имъ. Приготовилъ къ печати Д. И. Абрамовичъ. Изд. отдѣл. рус. яз. и слов. Имп. Академіи Наукъ. П. 1916 г.» (Памятники др.-рус. литературы, вып. 2).

«Полн. собраніе рус. лѣтописей», т. I, II, III, V, VII.—Карамзинъ, «Исторія государства Россійскаго», т. I—V.—Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. I.—Преосв. Макарій, «Исторія русской церкви», т. III.—Голубинскій, «Исторія русской церкви», I, 429—434, и «Исторія канонизаціи святыхъ», 44, 225.—Эристовъ, «Словарь историч. о святыхъ». С.-Пб. 1862 г., стр. 67-68.—«Православная Богословская Энциклопедія», т. II, ч. 1, стр. 954-968 («Борисъ и Глѣбъ», ст. А. Пономарева),—Брокгаузъ-Ефронъ, «Энциклопед. Словарь», XVI (ст. А. Э.),—«Большая Энциклопедія», VII.—Филимоновъ, «Иконописный подлинникъ», 334, 397, 398.—П. А. Гусевъ, «Новгородская икона св. Б. и Г. въ дѣяніяхъ» («Вѣстникъ Археолог. инст.», т. X).—Д. И. Иловайскій, «О церкви Б. и Г. въ Царьградѣ» («Труды Моск. Археолог. Общ., т. VI, в. 2, «Собр. сочиненій», т. II).—С. П. Писаревъ, «Было ли перенесеніе мощей св. муч. Б. и Г. изъ Вышгорода въ Смоленскъ на Смядынь». Смоленскъ, 1897 г.—«Описаніе рукописей Румянц. музея», № 319.—«Рукописи Св.-Тр. Серг. Лавры», II, 133, 193, 211, 326.—Горскій и Новоструевъ, «Описаніе слав. рукопис. Моск. синод. библіотеки», № 380.—Горскій, Казанскій и Сахаровъ, «О рукописяхъ, содержащихъ въ себѣ житія св. Бо-

риса и Глѣба» («Записки отдѣл. рус. и слав. археологіи Рус. Археолог. общ.», 1851 г., т. I).— «Чтеніе о житіи и о погубленіи и о чюдесѣхъ святую и блаженную страстотерпцю Б. и Г., твореніе преп. Нестора, по харатейному списку Моск. синод. библ., съ разнословіями по нѣкоторымъ другимъ и съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго» («Чтенія Общ. Ист. и Древн. Росс.» 1859 г., кн. I). — Срезневскій, «Сказанія о св. Б. и Г., по 1-му (Сильвестровскому) списку, изданныя по порученію и на иждивеніе Имп. Археолог. Общества». С.-Пб., 1860 г. — Билярскій, «Замѣчанія о языкѣ сказанія о Б. и Г., приписываемаго Нестору, сравнительно съ языкомъ лѣтописи» («Записки Акад. Наукъ», т. II, кн. 2).—«Житіе св. мучениковъ Б. и Г.» съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго, I. «Сказаніе, и страсть, и похвала святую мученику Б. и Г., такожде же сказаніе чюдесъ святую страстотерпцю Христову по харатейному списку Московскаго Большого Успенскаго Собора XII вѣка. II. Сказаніе страсти и похвала святую мученику Б. и Г., по харатейному списку Московскаго Чудова монастыря XIV в.» («Чтенія Общ. Ист. и Древн. Росс.» 1870 г., кн. I). — «Сказаніе о Давидѣ и Романѣ. Армянскія Четіи-Минеи 8 іюля» («Рус. Архивъ» 1877 г., кн. I, 273—286).—П. В. Голубовскій, «Служба св. мученикамъ Б. и Г. въ Иваничской Минеѣ 1547—79 г.» («Чтенія въ Историч. Обществѣ Нестора Лѣтописца» 1900 г., кн. XIV, вып. III, стр. 125—164). — Н. К. Никольскій, «Матеріалы для исторіи древне-русской письменности. Проложное сказаніе объ освященіи церкви св. Б. и Г. и перенесеніи ихъ гробовъ изъ Вышгорода на Смедыну» («Извѣстія отд. рус. яз. и слов. Акад. Наукъ», т. VIII, кн. 1, 1903 г.). — Н. П. Лихачевъ, «Лицевое житіе св. благовѣрн. кн. рус. Б. и Г. по рукописи XV ст.». С.-Пб., 1907 г. — Барсуковъ, «Источники русской агіографіи». С.-Пб. 1882 г., стр. 70—77.—Строевъ, «Библіолог. словарь». С.-Пб., 1882 г., приложеніе къ т. 41 «Записокъ Академіи Наукъ», (см. по указателю). — Н. К. Никольскій, «Матеріалы для повременнаго списка рус. писателей X—XI вв.». С.-Пб., 1906 г., стр. 253—289, 398—402 (здѣсь помѣщенъ обширный указатель рукописнаго матеріала). — Иконниковъ, «Опытъ русск. исторіографіи», т. II (см. по указателю). — Шахматовъ, «Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ». С.-Пб., 1908 г., стр. 29—97 (Сказанія о Б. и Г.). — В. Н. Перетцъ, «Отчетъ объ экскурсіи семинарія рус. филологіи въ С.-Пб.» Кіевъ, 1912 г. («Университ. извѣстія» № 8), стр. 9—11, 75—77 (трудъ С. А. Бугославскаго по опредѣленію редакцій «Сказанія»).—Н. Серебрянскій, «Древне-русскія княжескія житія (Обзоръ редакцій и тексты)», стр. 17—23 81—107; Тексты, стр. 27—47 («Чтенія Общ. Ист. и Древн. Росс.» 1915 г., кн. 3).

А. Ельницкій.

Глѣбъ Владиміровичъ, князь Рязанскій, см. *Рязанскіе* князья.

Глѣбъ Всеволодовичъ, князь Городенскій (Городенъ нынѣ, по мнѣнію однихъ, въ томъ числѣ Соловьева, — м. Городная Пинскаго у. Минской губ., а по мнѣнію другихъ—губернскій городъ Гродна), сынъ Всеволода Давидовича Городенскаго († 1141 г.) отъ брака съ Агаѳіей Владиміровной, дочерью Мономаха, внукъ Давида Игоревича. Въ 1144 г. участвовалъ въ походѣ великаго князя Всеволода Ольговича на Галичъ противъ Владиміра Володаревича. Въ 1166 г. или 1167 г. (по Воскресенской въ 6675 г., а по Ипатской лѣтописи въ 6676 г.) ходилъ по призыву великаго князя Ростислава Мстиславича къ Каневу для защиты греческихъ купцовъ отъ половцевъ. По смерти Ростислава Изяславича (въ мартѣ 6675 или 6676 г.) былъ сторонникомъ Мстислава Изяславича Волынскаго, призваннаго на кіевскій столъ, который у него оспаривалъ Андрей Боголюбскій. Въ 1170 г. принималъ участіе въ походѣ Мстислава на Кіевъ съ цѣлью отнять его у ставленника Андрея, брата его Глѣба Юрьевича. Послѣ этого Г. не упоминается больше въ лѣтописяхъ, если не считать упоминанія про князей Городенскихъ (1174 г.), которые должны были присоединиться къ рати Андрея, шедшей на Ростиславичей.

«Полн. Собр. Рус. Лѣт.», т. II, VII; Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. I; Карамзинъ, «Исторія государства Россійскаго», 4 изд. Смирдина, II, 198, прим., III, 4; Брокгаузъ-Ефронъ, «Энциклопед. словарь», XVI.

А. Ельницкій.

Глѣбъ Всеславичъ, князь Минскій, см. *Полоцкіе* князья, № 22.

Глѣбъ Зеремѣевичъ, галицкій бояринъ. Упоминается впервые въ Ипатской лѣтописи подъ 1211 годомъ какъ воевода Мстислава Ярославича Нѣмого, князя Пересопницкаго, во время борьбы съ бояриномъ Володиславомъ изъ-за Галича. Позднѣе онъ является приверженцемъ венгерской партіи. Когда въ 1226 г. князь Мстиславъ Мстиславичъ Удалой разбилъ подъ Звенигородомъ венгровъ, галицкіе бояре съ Глѣбомъ Зеремѣевичемъ и Судиславомъ во главѣ не только удержали Мстислава отъ преслѣдованія, но и уговорили его выдать дочь за ея обрученнаго жениха, венгерскаго королевича Андрея, и отдать послѣднему не только обѣщанный

до войны Перемышль, но и все Галицкое княжество, приведя такіе доводы: «Князь! самъ ты не можешь держать Галичъ, бояре не хотятъ тебя; если отдашь его королевичу, то можешь взять его подъ нимъ назадъ, когда захочешь; если же отдашь Даніилу, то уже никогда не будетъ больше твой Галичъ, потому что народъ крѣпко любитъ Даніила». Мстиславъ исполнилъ совѣтъ бояръ, отдалъ Андрею Галичъ, а себѣ взялъ Понизье, но затѣмъ одумался и хотѣлъ призвать Даніила Романовича, однако Глѣбъ Зеремѣевичъ, изъ-подъ вліянія котораго Мстиславъ не могъ освободиться до самой смерти, не допустилъ свиданія его съ Даніиломъ. Въ 1229 г., послѣ кончины Мстислава, Даніилу удалось отнять у Андрея Галичъ, но черезъ нѣкоторое время венгерскій король возстановилъ сына на галицкомъ столѣ. Въ послѣдовавшей затѣмъ въ 1231 г. войнѣ между Андреемъ и Даніиломъ участвовалъ Г. какъ сторонникъ перваго. Черезъ 2 года. Г. перешелъ на сторону Даніила Романовича. Бояре, приверженцы Даніила, встрѣтили его у Галича; «ясно, замѣчаетъ по этому поводу Соловьевъ, что переходъ Г. произошелъ съ согласія цѣлой стороны боярской». Началась осада Галича, во время которой Андрей умеръ, и Даніилъ былъ призванъ галичанами на княженіе. Что касается Глѣба Зеремѣевича, то онъ больше въ лѣтописи не упоминается.

«Ипатская Лѣтопись». С.-Пб. 1871 г.; Соловьевъ, «Исторія Россіи», кн. 1 (изд. Обществ. Пользы); Грушевьский, «Історія Украіни—Руси», т. III. *О. Жукова.*

Глѣбъ Ольговичъ, князь Курскій, см. *Черниговскіе* князья, № 16.

Глѣбъ Рогволодовичъ, князь Друцкій, см. *Полоцкіе* князья, № 23.

Глѣбъ Ростиславичъ, князь Друцкій, см. *Полоцкіе* князья, № 24.

Глѣбъ Ростиславичъ, князь Рязанскій, см. *Рязанскіе* князья.

Глѣбъ Ростиславичъ, князь Смоленскій, см. *Смоленскіе* удѣльные князья.

Глѣбъ Святославичъ, князь Смоленскій, старшій сынъ Святослава Ивановича Смоленскаго. Впервые въ русской лѣтописи упоминается въ 1386 г., когда Скиргайло Ольгердовичъ, отнявъ г. Полоцкъ у брата своего Андрея, разбилъ вступившагося за него и желавшаго вернуть взятый литовцами Мстиславль Святослава Смоленскаго. Въ этой битвѣ подъ Мстиславлемъ при р. Вехрѣ войско Святослава было разбито, самъ онъ убитъ, а сынъ его Глѣбъ взятъ въ плѣнъ и отвезенъ въ Литву (29 апрѣля 1386 г.). Со Смоленска былъ взятъ откупъ, и литовцы посадили на княженіе «изъ своея руки» Георгія, брата Глѣба. До 1391 г. Глѣбъ находился въ Литвѣ. Въ это время Витовтъ послѣ неудачной попытки овладѣть Вильной, вынужденъ былъ оставить Литву и искать убѣжища у нѣмецкаго ордена, Глѣбъ же былъ отданъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми членами Витовтовой семьи, магистру ордена въ качествѣ литовскаго заложника. Въ 1395 г., судя по лѣтописямъ, Г. находился уже въ Смоленскѣ. Тѣмъ временемъ Витовтъ рѣшилъ совершенно подчинить Смоленскъ Литвѣ. Обстоятельства этому благопріятствовали. Лѣтопись передаетъ, что братья Глѣбъ и Георгій постоянно ссорились, «враждоваху и не хотяху братъ брата слушати». Распустивъ слухъ, что онъ собирается итти на Тамерлана, Витовтъ вдругъ появился съ большимъ войскомъ подъ стѣнами Смоленска, гдѣ ссоры князей объ удѣлахъ еще болѣе усилились. Узнавъ о прибытіи Витовта, Глѣбъ первый, съ боярами и небольшой дружиной, пріѣхалъ въ литовскій станъ и былъ встрѣченъ съ честью и подарками. Задобривъ такимъ образомъ Глѣба, Витовтъ предложилъ себя въ посредники между враждующими сторонами, на что послѣднія съ радостью согласились. Со всѣми знатнѣйшими боярами довѣрчивые князья явились въ лагерь Витовта, который не замедлилъ овладѣть городомъ, объявивъ князей и бояръ своими плѣнниками. На княжескій столъ былъ посаженъ Юрій Святославичъ, а остальные князья отправлены въ Литву, гдѣ Глѣбъ получилъ въ удѣлъ мѣстечко Полонное. Приблизительно въ 1399 г. у рѣки Ворсклы произошла битва литовцевъ съ татарами, въ которой и погибъ Глѣбъ, сражаясь вмѣстѣ съ Витовтомъ.

«Полное Собр. Рус. Лѣтописей», т. IV, V, VI, VIII; Соловьевъ, «Исторія Россіи»; Карам-

зинъ, «Исторія гос. Росс.», т. V, стр. 57, 90, 99, пр. 112, 141; П. Никитинъ, «Исторія гор. Смоленска», М. 1848, стр. 84; Брокгаузъ и Ефронъ, «Энциклопед. словарь», XVI.

А. Ельницкій.

Глѣбъ Святославичъ, князь Тмутараканскій, см. *Черниговскіе* князья, № 17.

Глѣбъ Святославичъ, князь Черниговскій, см. *Черниговскіе* князья, № 18.

Глѣбъ Семеновичъ, боярин Юрія Дмитріевича, князя Галицкаго, сына Дмитрія Донского. По словамъ Архангелогородскаго лѣтописца великій князь Василій Дмитріевичъ велѣлъ брату своему Юрію Дмитріевичу воевать Двинскую землю, владѣніе новгородцевъ, но Юрій послалъ вмѣсто себя боярина своего Глѣба Семеновича; другія лѣтописи ничего не говорятъ о томъ, что походъ предпринятъ былъ по приказанію великаго князя. Въ 1417 г. Глѣбъ Семеновичъ, выѣхавъ изъ Вятки съ новгородскими бѣглецами Жадовскимъ и Разсохинымъ, устюжанами и вятчанами, неожиданно напалъ на Заволоцкую землю, повоевалъ волости Борокъ, Емцу и Холмогоры и захватилъ двоихъ бояръ новгородскихъ. Но четверо другихъ новгородскихъ бояръ нагнали Глѣба Семеновича подъ Моржемъ на островѣ, отбили свою братью съ другими плѣнниками и добычею, а Глѣба Семеновича съ его сподвижниками милостиво отпустили. Несмотря на это, послѣдніе продолжали воевать новгородскія волости. Тогда новгородцы и заволочане погнались за ними и разбили ихъ.

«Полн. Собр. Рус. Лѣтописей», т. VIII, стр. 89, т. XI, стр. 232, т. XVIII, стр. 163; Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. I; Карамзинъ, «Исторія госуд. Россійскаго», 4 изд., т. V, 206.

Глѣбъ Юрьевичъ, князь, сынъ великаго князя Юрія Владиміровича Долгорукаго. Впервые онъ упоминается въ лѣтописи въ 1146 г. Въ этомъ году въ Колтескѣ умеръ его братъ Іоаннъ Юрьевичъ. Горько оплакавъ почившаго, Глѣбъ вмѣстѣ съ братомъ Борисомъ отвезли тѣло Іоанна въ Суздаль къ отцу «съ жалостію». Въ 1147 г. вмѣстѣ со своимъ отцомъ, — будучи въ союзѣ съ Святославомъ Ольговичемъ, княземъ Сѣверскимъ, — Глѣбъ выступилъ противъ Изяслава Мстиславича, великаго князя Кіевскаго, приходившагося Юрію Долгорукому племянникомъ, а Глѣбу двоюроднымъ братомъ. Въ Курскѣ княжилъ въ это время сынъ Изяслава Мстиславъ. При приближеніи Глѣба Юрьевича и Святослава Ольговича жители Курска заявили своему князю, что рады стоять за него противъ Ольговичей, но не станутъ сражаться съ Глѣбомъ — потомкомъ Владиміра Мономаха. Мстиславу ничего не оставалось дѣлать, какъ уѣхать къ отцу, а жители Курска послали къ Глѣбу и взяли у него посадника. Прежде Курскъ и вся мѣстность по рѣкѣ Сейму была отдана Святославомъ брату Глѣба Іоанну; вслѣдъ за смертью Іоанна Святославъ уступилъ, повидимому, всю эту волость Глѣбу, который и назначилъ своихъ посадниковъ по рѣкамъ Сейму и Вырю, гдѣ заключилъ союзъ со многими половецкими ордами. Лишь нѣсколько городовъ остались вѣрны Изяславу. По наступленіи зимы, дружины черниговскихъ князей, съ помощью половцевъ, захватили мѣстности на правомъ берегу Днѣпра, а союзникъ ихъ Глѣбъ занялъ Городецъ Остерскій, принадлежавшій прежде его отцу. Вмѣсто того, чтобы поѣхать въ Кіевъ по зову Изяслава, Глѣбъ направился къ Переяславлю, часть жителей котораго, недовольная Изяславомъ или его сыномъ Мстиславомъ, княжившимъ у нихъ, приглашала къ себѣ Глѣба, обѣщая передать ему городъ. Увѣдомленный о приближеніи Глѣба, Мстиславъ вышелъ противъ него съ своей дружиной, но ни тотъ, ни другой не рѣшились вступить въ сраженіе, и на другой день Глѣбъ ушелъ. Мстиславъ бросился за нимъ въ погоню и захватилъ часть войска, а Глѣбъ успѣлъ добраться до Городца. Нападеніе Игоря на Переяславль побудило Изяслава съ дружиной и берендѣями итти къ Городцу. Черниговскіе князья не явились на помощь къ Глѣбу, несмотря на то, что онъ послалъ сказать имъ: «Идетъ на меня Изяславъ, помогите мнѣ!» Выдержавъ трехдневную осаду, Глѣбъ обратился къ Изяславу съ просьбой о мирѣ. Изяславъ согласился на эту просьбу, оставилъ Игорю Городецъ и

возвратился въ Кіевъ. Игорь однако не прекратилъ сношеній съ черниговскими князьями; онъ послалъ сказать имъ: «Я поневолѣ цѣловалъ крестъ Изяславу: онъ обступилъ меня въ городѣ, а отъ васъ не было помощи; но теперь опять хочу быть вмѣстѣ съ вами». За такую дружбу съ Ольговичами Изяславъ отобралъ у Глѣба Городецъ Остерскій и отдалъ его старшему брату Глѣба — Ростиславу, пріѣхавшему къ нему изъ Новгорода съ жалобой на отца за то, что онъ не надѣлилъ его волостью. Кромѣ Городца Изяславъ далъ Ростиславу пять городовъ, которые прежде держалъ Святославъ Всеволодовичъ.

Въ 1150 г., завладѣвъ Кіевомъ, Юрій Долгорукій распредѣлилъ волости между своими сыновьями: Глѣбъ получилъ Каневу. Изяславъ не хотѣлъ примириться съ потерей Кіева и послалъ просить помощи у своихъ родственниковъ: венгерскаго короля и польскаго и чешскаго князей. Глѣбъ находился въ это время выше Пересопницы, на рѣкѣ Стублѣ, въ шатрахъ. Изяславъ такъ неожиданно напалъ на него и захватилъ станъ, дружину и лошадей, что Глѣбъ едва успѣлъ убѣжать въ городъ. Онъ послалъ къ Изяславу съ поклономъ. «Какъ мнѣ Юрій отецъ, такъ мнѣ и ты отецъ, и я тебѣ кланяюсь: ты съ моимъ отцемъ самъ вѣдаешься, а меня пусти къ отцу и клянись Богородицей, что не схватишь меня, а отпустишь къ отцу, такъ я къ тебѣ самъ пріѣду и поклонюсь». Изяславъ поклялся и велѣлъ передать такой отвѣтъ: «Вы мнѣ свои братья, объ васъ и рѣчи нѣтъ; обижаетъ меня отецъ твой и съ нами не умѣетъ жить». Изяславъ радушно принялъ Глѣба, угостилъ его обѣдомъ, а затѣмъ отправилъ съ своимъ сыномъ Мстиславомъ, который, проводивъ его за Корческъ, сказалъ ему: «Ступай, братъ, къ отцу; а эта волость отца моего и моя, по Горынь». Глѣбъ поѣхалъ къ отцу, а Изяславъ отправился къ чернымъ клобукамъ.

Черезъ нѣсколько времени, когда Кіевъ перешелъ къ Изяславу, а тотъ «поклонился» Кіевомъ своему дядѣ Вячеславу, оба они послали сказать Юрію Долгорукому: «Кланяемся тебѣ; иди въ Суздаль, а сына посади здѣсь въ Переяславлѣ: съ тобою не можемъ быть здѣсь, приведешь на насъ опять половцевъ». Юрій просилъ дозволенія пробыть нѣсколько времени въ Городкѣ; Изяславъ и Вячеславъ согласились, чтобы онъ прожилъ тамъ мѣсяцъ, если же послѣ этого срока онъ не пойдетъ въ Суздаль, то они осадятъ его въ Городкѣ точно такъ же, какъ теперь въ Переяславлѣ. Оставивъ въ Переяславлѣ Глѣба, Юрій пошелъ въ Городокъ, но не сдержалъ клятвы и пробылъ тамъ дольше мѣсяца. Изяславъ съ союзными князьями и берендѣями явился осаждать Юрія въ Городкѣ; онъ долго отбивался и, наконецъ, не получая ни откуда помощи, долженъ былъ цѣловать крестъ, что пойдетъ въ Суздаль. Передъ уходомъ онъ оставилъ въ Городкѣ сына Глѣба; Переяславля Юрій, повидимому, лишился за нарушеніе клятвы. Въ 1154 г. Юрій предпринялъ походъ на югъ, но два обстоятельства заставили его, не доходя Козельска, вернуться въ Суздаль: открылся конскій падежъ въ его войскѣ, а подмога отъ половцевъ пришла къ нему въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ онъ ожидалъ. Вслѣдствіе этого онъ послалъ Глѣба въ степь для добавочнаго найма половцевъ. Собравъ войско, Глѣбъ приступилъ къ Переяславлю; взять этотъ городъ ему не удалось, но онъ взялъ Пирятинъ на рѣкѣ Удаѣ. Вскорѣ Глѣбъ получилъ Переяславль отъ своего союзника, черниговскаго князя Изяслава Давидовича, занявшаго кіевскій великокняжескій столъ послѣ кончины Вячеслава.

Въ 1156 г. Изяславъ Давидовичъ оказался вынужденнымъ уступить Кіевъ Юрію Долгорукому, и Переяславль продолжалъ оставаться за Глѣбомъ, который вскорѣ, согласно желанію своего отца, женился на дочери Изяслава Давидовича. Въ 1157 г. умеръ Юрій, и кіевскій столъ переходилъ отъ одного князя къ другому. Въ 1168 г. нерасположеніемъ южныхъ князей къ кіевскому великому князю Мстиславу Изяславичу воспользовался старшій сынъ Юрія Долгорукаго, Андрей Боголюбскій, и предъявилъ свои права на старшинство и на Кіевъ. Въ походѣ участвовало много князей, въ томъ числѣ и Глѣбъ Юрьевичъ. Кіевъ былъ осажденъ и впервые подвергся участи города, взятаго *на щитъ*; по словамъ лѣтописца, въ Кіевѣ

были тогда «на всѣхъ людяхъ стонъ и тоска, печаль неутѣшная и слезы непрестанныя». Власть Андрея Боголюбскаго на сѣверѣ была настолько велика и прочна, что онъ не пожелалъ промѣнять Суздаль на Кіевъ и велѣлъ своему сыну Мстиславу посадить въ Кіевѣ слѣдовавшаго за нимъ (т.-е. за Андреемъ) по старшинству Глѣба. Сдѣлавшись кіевскимъ княземъ, Глѣбъ передалъ Переяславль своему малолѣтнему сыну Владиміру. Вскорѣ по вокняженіи Глѣба множество половцевъ вступило въ Русскую землю: одна часть стала у Песочна, другая переправилась на кіевскую сторону Днѣпра и расположилась при Корсунѣ. Всѣ они послали сказать Глѣбу: «Богъ и князь Андрей посадили тебя на дѣдовскій и отцовскій престолъ въ Кіевѣ. Мы хотимъ утвердить съ тобою договоръ и присягнемъ тебѣ, а ты намъ, чтобы намъ другъ друга не страшиться». Глѣбъ обѣщался прибыть на съѣздъ и, посовѣтовавшись съ дружиною, отправился сначала къ Переяславлю, для охраны своего 12-лѣтняго сына Владиміра. Половцамъ, которые стояли у Корсуна, онъ послалъ предупрежденіе, что заключитъ миръ прежде съ половцами, находящимися у Переяславля, а затѣмъ уже съ ними. Дѣйствительно, договорившись съ переяславскими половцами и одаривъ ихъ, Глѣбъ двинулся вмѣстѣ съ братомъ Михалкомъ и съ дружиною къ Корсуню. Между тѣмъ корсунскіе половцы, полагая, что Глѣбъ замѣшкается подъ Переяславлемъ, отправились за добычей къ волынскому городу Полонному, принадлежавшему кіевской Десятинной церкви; они захватили тамъ много плѣнныхъ, лошадей, рогатаго скота и овецъ и повели къ себѣ въ Половецкую землю. Глѣбъ узналъ объ этомъ, будучи на Перепѣтовскомъ полѣ, и намѣревался ударить на половцевъ, но берендѣи не допустили его, говоря: «не ѣзди, князь; тебѣ прилично ѣздить только съ большимъ войскомъ и вмѣстѣ съ другими князьями; отряди лучше котораго-нибудь изъ братьевъ и часть берендѣевъ!» Глѣбъ послушался ихъ совѣта и послалъ, подъ начальствомъ своего брата Михалка, сто переяславльцевъ и полторы тысячи берендѣевъ. Походъ Михалка увѣнчался успѣхомъ; онъ возвратился въ Кіевъ, побѣдивъ половцевъ и отнявъ у нихъ плѣнныхъ.

Въ то время, какъ Глѣбъ находился еще въ Переяславлѣ, Мстиславъ Изяславичъ, не оставлявшій надежды вернуть себѣ Кіевъ, подошелъ къ нему съ большимъ войскомъ и безпрепятственно занялъ его. Затѣмъ Мстиславъ направился противъ Давида Ростиславича къ Вышгороду, но осада не удалась, потому что у самого Давида было много дружины, да братья его и Глѣбъ Юрьевичъ прислали ему помощь. Пока Мстиславъ стоялъ подъ Вышгородомъ, Глѣбъ съ половцами поспѣшилъ къ Кіеву, въ который и вошелъ; Мстиславъ, видя измѣну своихъ союзниковъ, бѣжалъ на Волынь, гдѣ умеръ въ августѣ 1170 г. Глѣбъ не на много пережилъ его: онъ скончался 20 января 1171 г. и погребенъ въ Кіевѣ въ Спасскомъ монастырѣ (у Спаса въ Берестовѣ); тамъ же положенъ былъ и отецъ его. По свидѣтельству лѣтописца, Глѣбъ былъ «братолюбецъ, свято соблюдалъ крестное цѣлованіе, отличался кротостью и благонравіемъ, любилъ монастыри, почиталъ иноческій чинъ, щедро подавалъ милостыню нищимъ».

«Полн. Собр. Рус. Лѣтоп.», тт. I, II, IV V и VII; «Лѣтопись по Ипатскому списку», изд. Археогр. Комиссіи, С.-Пб., 1871 г.; Карамзинъ, «Ист. Госуд. Росс.», т. II и III; Плюшаръ, «Энциклопедическій лексиконъ», т. 14; Соловьевъ, «Исторія Россіи», II; Экземплярскій, «Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси», С.-Пб.., 1889 г., I.

В. Корсакова.

Глѣбъ Юрьевичъ, князь Туровскій, сынъ князя Юрія Ярославича, женатаго съ 1144 г. на дочери князя Всеволодка Давидовича Городенскаго. Былъ очень друженъ съ великимъ княземъ Рюрикомъ Ростиславичемъ, женатымъ на его сестрѣ. Въ 1183 г. участвовалъ въ походѣ противъ половцевъ, предпринятомъ великимъ княземъ Кіевскимъ Святославомъ Всеволодовичемъ и Рюрикомъ Ростиславичемъ и окончившемся побѣдой русскихъ князей 30 іюля. Ипатская лѣтопись называетъ его въ разсказѣ объ этомъ событіи княземъ Дубровицкимъ. Въ 1187 г. Г. ѣздилъ по порученію Рюрика Ростиславича въ Суздаль за невѣстой сына послѣдняго, Ростислава, — Верхуславой, дочерью

Всеволода III Юрьевича. По смерти старшаго своего брата Святополка († 1190 г.) вокняжился въ Туровѣ, гдѣ и сидѣлъ до своей смерти. Онъ умеръ въ мартѣ 1195 г. (6703 г. по Ипатской лѣтописи). Тѣло его привезли въ Кіевъ, гдѣ оно было встрѣчено митрополитомъ со всѣми игуменами и великимъ княземъ Рюрикомъ Ростиславичемъ, «бѣ бо любимъ ему», по словамъ лѣтописца, и похоронили въ Михайловскомъ Златоверхомъ монастырѣ, основанномъ его прадѣдомъ, великимъ княземъ Святополкомъ Изяславичемъ.

«Лѣтопись по Ипатскому списку», С.-Пб. 1871 г.; А. С. Грушевскій, «Пинское Полѣсье», ч. I; М. С. Грушевський, «Історія України-Руси», т. II.

Глюкъ *(Гликъ)*, *Іоганнъ-Эрнстъ*, пасторъ, родился 10 ноября 1652 г. въ Веттинѣ, близъ Магдебурга (Саксонія), учился въ гимназіи въ Альтенбургѣ и изучалъ богословіе въ Виттенбергскомъ и Лейпцигскомъ университетахъ. Вѣроятно, въ 1673 г. онъ прибылъ въ Лифляндію въ качествѣ проповѣдника съ генералъ-суперъ-интендентомъ Фишеромъ. Обративъ вниманіе на печальное положеніе, въ какомъ находились латыши, Г. задумалъ его улучшить и дать имъ возможность читать Библію на родномъ языкѣ. Не чувствуя себя сильнымъ въ еврейскомъ и греческомъ языкахъ, онъ, прежде чѣмъ начать переводъ Библіи, рѣшилъ усовершенствоваться въ этихъ языкахъ и отправился въ Гамбургъ, гдѣ и изучилъ ихъ подъ руководствомъ знаменитаго оріенталиста Себастіана Езарда (Ezardus). Въ 1680 г. изданъ былъ сборникъ его статей на славянскомъ, еврейскомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ, подъ заглавіемъ: «Ara et honoris et amoris — Domino Gottfr. Mathesio, in die cum ipsi magisterialis dignitas in alma Phylippea concederetur, erecta» (Hall. Saxon. 1680, fol.). Въ томъ же году Г. возвратился въ Лифляндію и назначенъ былъ сначала гарнизоннымъ проповѣдникомъ въ Дюнамюнде, затѣмъ, въ 1683 г., пасторомъ въ Маріенбургѣ и Зельтингофѣ и, наконецъ, въ 1687 г. пробстомъ (препозитомъ) Кокенгузенскаго округа. По возвращеніи въ Лифляндію началась и просвѣтительная дѣятельность Глюка. Прежде всего онъ принялъ участіе въ переводѣ Библіи на латышскій языкъ. Въ 1685 г. вышелъ въ Ригѣ изданный Фишеромъ Новый Завѣтъ, а въ 1689 г. тамъ же — Ветхій Завѣтъ. Кромѣ того Г. издалъ латышскій молитвенникъ (1686 г.), перевелъ на латышскій языкъ объясненія Фишера малаго катихизиса Лютера (1699 г.) и самый катихизисъ, составлялъ на латышскомъ языкѣ духовныя пѣснопѣнія. Въ 1683 г. онъ учредилъ народную школу въ Маріенбургѣ, а потомъ началъ хлопотать объ учрежденіи при пробстскихъ приходахъ школъ для подготовки учителей. Предметомъ его заботъ были и русскіе раскольники, жившіе въ восточной Лифляндіи; онъ хотѣлъ устроить и для нихъ школы и перевести на русскій языкъ Библію и учебники. Въ 1684 г. Г. ѣздилъ съ Фишеромъ въ Швецію, чтобы представить королю Карлу XI свои соображенія о народномъ образованіи въ Лифляндіи; предложеніе его объ учрежденіи русскихъ школъ и переводѣ на русскій языкъ учебниковъ было одобрено Карломъ XI, но смерть короля помѣшала осуществленію всѣхъ его плановъ. Тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ свои труды по просвѣщенію латышей и лифляндскихъ русскихъ. Русскій языкъ Г. изучилъ благодаря знакомству съ монахами Псково-Печерскаго монастыря. 15 мая 1699 г. онъ написалъ Лифляндскому генералъ-губернатору Дальбергу объясненіе о своихъ просвѣтительныхъ трудахъ и заботахъ: къ этому времени онъ «изготовилъ уже на русскомъ языкѣ школьныя книги» и содержалъ у себя въ домѣ, «хотя съ не малымъ иждивеніемъ», русскаго пожилого священника (монаха Пичуговскаго монастыря), который служилъ ему помощникомъ при переводѣ славянской Библіи на простой русскій языкъ; къ этому труду его поощряли «письмами и изъ Германіи и изъ Москвы, особливо Головинъ, царскій посланникъ». Объясненіе это впослѣдствіи было напечатано Г. Эверсомъ и М. Энгельгардтомъ въ «Beiträge zur Kenntniss Russlands und seiner Geschichte» подъ заглавіемъ: «Bruchstück einer Vertheidigungsschrift wegen seiner Bemühungen für die lettische und russische Litteratur».

25 августа 1702 г. Г. былъ плѣненъ при взятіи Маріенбурга Шереметевымъ; при этомъ погибъ его русскій переводъ Библіи. Вмѣстѣ съ нимъ была взята въ плѣнъ и жившая въ его семьѣ служанкой Марта Скавронская, будущая императрица Екатерина I. Можетъ быть, близость къ семьѣ Г. Екатерины, а также его труды по просвѣщенію ливонскихъ русскихъ обратили на него вниманіе Петра I, рѣшившаго использовать его опытность при насажденіи просвѣщенія въ Москвѣ. 6 января 1703 г. Г. съ семействомъ, учителемъ дѣтей и челядниками присланъ былъ Шереметевымъ изъ Пскова въ Москву. Здѣсь онъ первоначально находился въ вѣдѣніи Разряднаго приказа, но уже 19 января велѣно было «свеянина Апта» (такое званіе даютъ Глюку документы того времени), который умѣетъ «многимъ школьнымъ и математическимъ и философскимъ наукамъ на разныхъ языкахъ», взять «для государева дѣла» въ Посольскій приказъ. Помѣщенъ онъ былъ сначала на подворьѣ Ипатьевскаго монастыря (въ Китай-городѣ, въ Ипатьевскомъ переулкѣ) за карауломъ, а въ концѣ января, вслѣдствіе тѣсноты помѣщенія, переведенъ въ Нѣмецкую слободу на дворъ пастора Фагеція, подъ расписку послѣдняго, но безъ караульныхъ солдатъ. Въ февралѣ началась педагогическая дѣятельность Г. въ Москвѣ. Ему отданы были въ наученіе нѣмецкаго, латинскаго и другихъ языковъ 6 бывшихъ учениковъ переводчика Посольскаго приказа Швиммера, преподававшаго въ «нѣмецкой» школѣ при этомъ приказѣ, три брата Веселовскихъ (съ 9 марта) и въ 1704 г. еще два новыхъ ученика. 4 марта 1703 г. Глюку назначенъ былъ поденный кормъ по 5 алтынъ на день съ 20 января. Преподаваніе Г. и его двухъ помощниковъ шло настолько успѣшно, что онъ 15 декабря 1703 г. просилъ Ѳ. А. Головина произвести экзаменъ его ученикамъ и писалъ, что у него уже готовы 5 учителей; тогда же онъ, указывая, что можетъ «его царскому вѣличеству служить въ наукѣ различнымъ хитростямъ, а имянно: латинского, нѣмецкого, еврейскаго и иныхъ восточныхъ языковъ; такожъ на славенскомъ языкѣ риторикѣ, философіи, геометріи, географіи и инымъ математическимъ частямъ и политикѣ, гисторіи и прочему, къ гражданскимъ наукамъ принадлежащему», и даже врачеванію, въ которомъ онъ также искусенъ, и просилъ дать ему какой-либо домъ въ Нѣмецкой слободѣ, въ которомъ онъ учредилъ бы классы или опредѣленія противъ школъ иностранныхъ и сталъ бы учить русскихъ; въ надеждѣ на милость великаго государя онъ уже принялъ учителя французскаго языка и началъ переводить французскую грамматику на славянскій языкъ. Въ мартѣ 1704 г. «нѣмецкой аптъ» съ учениками и учителями былъ переведенъ изъ Нѣмецкой слободы на Покровку (теперь Маросейка) въ домъ умершаго боярина В. Ѳ. Нарышкина (теперь домъ Человѣколюбиваго общества). Въ 1705 г. школа Глюка превратилась въ гимназію: 25 февраля объявленъ былъ именной указъ: «для общія всенародныя пользы учинить на Москвѣ школу на дворѣ В. Ѳ. Нарышкина, на Покровкѣ, а въ той школѣ бояръ, и окольничихъ, и думныхъ, и ближнихъ, и всякаго служилаго и купецкаго чина дѣтей ихъ, которые своею охотою приходить и въ тое школу записываться станутъ, учить греческаго, латинскаго, итальянскаго, французскаго, нѣмецкаго и иныхъ розныхъ языковъ и философской мудрости». Обученіе въ школѣ было безплатное, а на содержаніе школы, состоявшей въ вѣдѣніи Ижорской канцеляріи, предписывалось выдавать ежегодно 3000 рублей. Въ это же, вѣроятно, время написано было Г. «приглашеніе къ россійскимъ юношамъ, аки мягкой и къ всяческому изображенію угодной глинѣ», съ приложеніемъ «катологa учителей и наукъ», которыя можно изучить въ новой школѣ; такъ, сынъ директора Христіанъ Бернардъ Глюкъ преподавалъ желающимъ картезіанскую философію и «охотникамъ ѳеологскихъ сладостей» языки греческій, еврейскій, сирійскій и халдейскій; другой учитель («танцевательный мастеръ») научалъ тѣлесному благолѣпію и комплементамъ чиномъ нѣмецкимъ и французскимъ; третій («конскій учитель») — верховой ѣздѣ и дрессировкѣ лошадей. Глюкъ трудился также надъ переводомъ книгъ для употребленія въ классахъ. Имъ переведены были катехизисъ Лю-

тера, сборникъ лютеранскихъ пѣснопѣній, молитвенникъ, нѣмецкая грамматика, «Вестибулъ», т.-е. предверіе, или Словарь русскаго, латинскаго, нѣмецкаго и французскаго языковъ, Orbis pictus (Свѣтъ, зримый въ лицахъ) и «Введеніе въ языки» (Ianua reserata linguarum) Аммоса Коменскаго. Всѣ эти книги онъ представилъ 15 декабря 1703 г. царю и просилъ напечатать Вестибулъ. Имъ составлены были учебники географіи на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ (посвященъ царевичу Алексѣю Петровичу) и русской грамматики. Въ 1703 г. ему приходилось, по его словамъ, безпрестанно переводить книги для обученія царевича Алексѣя Петровича. Среди рукописей Пауса, преемника Г. по управленію школой, находились слѣдующіе переводы Г.: русская и нѣмецкая географія, сборникъ евангелическихъ пѣснопѣній (Praxis pietatis melica), сборникъ разныхъ пѣсенъ, катехизисъ Лютера, русскія проповѣди, свадебныя стихотворенія и др. По словамъ Фокерода, Г. перевелъ лютеранскія пѣсни русскими грубыми виршами, и дѣти должны были пѣть ихъ до и послѣ уроковъ. Онъ приступилъ также къ новому русскому переводу Библіи, но смерть помѣшала ему докончить это дѣло. По словамъ Вебера, подъ надзоромъ Г. сдѣланъ былъ переводъ «Исторіи Александра Македонскаго» Кв. Курція, вышедшій въ свѣтъ въ 1709 г., но подтвержденія этого извѣстія нѣтъ. Глюкъ принималъ участіе и въ дѣлахъ московской евангелической общины: въ 1704 г. онъ былъ избранъ третейскимъ судьей для разбора споровъ, возникшихъ среди членовъ общины. Г. умеръ 5 мая 1705 г. и погребенъ на старомъ нѣмецкомъ кладбищѣ у Марьиной рощи (въ изданныхъ спискахъ съ надгробія днемъ смерти ошибочно указывается 5 марта).

Глюкъ былъ женатъ на Христинѣ Рейтернъ († 29 сентября 1740 г.) и имѣлъ 2 сыновей и 4 дочерей: 1) Агнету, за майоромъ Гран(к)омъ, 2) Христину, за полковникомъ фонъ-Кошкуль, 3) Елизавету, статсъ-даму, † 1757 г., за адмираломъ Никит. Петр. Вильбоа, и 4) Маргариту (фрейлина цесаревны Елисаветы Петровны), за поручикомъ Преображенскаго полка Фитингофомъ. Старшій сынъ *Христіанъ-Бернардъ* († 1735 г.) былъ сначала учителемъ въ московской школѣ отца, а потомъ камеръ-юнкеромъ царевича Алексѣя Петровича и ассесоромъ и совѣтникомъ Камеръ-коллегіи; онъ имѣлъ нѣсколько человѣкъ дѣтей. Младшій сынъ, *Эрнестъ-Готлибъ*, родился около 1698—1700 гг. въ Маріенбургѣ, учился въ «чужестранныхъ академіяхъ наукъ» и по возвращеніи въ Россію служилъ въ Юстицъ-коллегіи лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ ассесоромъ съ 7 октября 1725 г., первымъ совѣтникомъ съ 3 декабря 1740 г. (состоя въ этой должности, произведенъ 13 мая 1754 г. въ статскіе совѣтники) и, наконецъ, вице-президентомъ, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Онъ былъ женатъ на Шарлоттѣ-Юліи Таубе и имѣлъ сына Карла-Фридриха (р. 16 февраля 1754 г.) и дочь Элеонору-Елизавету (1764—1816), за Христофоромъ-Леопольдомъ фонъ-Вильдеманомъ, внучатнымъ племянникомъ Миниха.

«О нѣмецкихъ школахъ въ Москвѣ въ первой четверти XVIII в. (1701-1715 гг.). Документы Московскихъ архивовъ, собранные А. Н. Зерцаловымъ и С. А. Бѣлокуровымъ. Съ предисловіемъ С. А. Бѣлокурова, I—XLI +1—244 «(Чтенія въ Импер. Общ. Истор. и Древн. Росс.» 1907 г., кн. I); Пекарскій, «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ», т. I, стр. 126-131, т. II, стр. 217; Пекарскій, «Исторія Импер. Академіи Наукъ», т. I; Fechner, «Chronik der Evangelischen Gemeinden in Moskau», t. II; Лобановъ-Ростовскій, «Рус. родословн. книга», т. I, стр. 142, 432; Брокгаузъ-Ефронъ, «Энциклопед. словарь», XVI (ст. Е. Шмурло); Словари писателей митр. Евгенія, Снегирева и Геннади; Бантышъ-Каменскій, «Словарь достопамятн. людей»; Recke und Napierski, «Allgemeines Lexicon»; «Гербовѣдъ» 1913 г., ноябрь («Дворяне фонъ-Гликъ»); «Русскій Архивъ» 1873 г., стр. 1408-1409 (Записки Фокерода); «Москва въ ея прошломъ и настоящемъ», т. VII, 35-38 (М. А. Голубцова, «Московская школа Петровской эпохи»). *О. Жукова.*

Гмелинъ, *Іоганнъ-Георгъ*, натуралистъ, отчасти также физикъ и химикъ. Второй сынъ тюбингенскаго аптекаря, одного съ нимъ имени, бывшаго отличнымъ знатокомъ не только своей спеціальности, но и химіи, металлургіи и пробирнаго искусства, Г. родился 12 августа (по Meusel'ю 12 іюня) 1709 г. въ Тюбингенѣ. Въ университетѣ того же города на медицинскомъ факультетѣ

было получено имъ и высшее образованіе. Тамъ же пріобрѣлъ онъ и ученыя степени, для полученія которыхъ имъ защищались диссертаціи въ 1725 г. «De glandularum mesenterii actione in chylum retardativa» и въ 1727 г. «Examen acidularum deinacensium atque spiritus vitrioli volatilis ejusdemque phlegmatis per reagentia». Сдѣлавшись такимъ образомъ докторомъ медицины, онъ въ томъ же 1727 г. отправился по совѣту Бюльфингера на свой счетъ въ Петербургъ для того, чтобы по собственному желанію работать при Академіи Наукъ. Здѣсь первымъ его дѣломъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ 19/30 августа, было дѣятельное участіе въ приведеніи въ порядокъ Императорской кунсткамеры и натуральнаго кабинета. Такъ, имъ былъ тогда составленъ уцѣлѣвшій до настоящаго времени каталогъ минералогическаго музея Академіи, которымъ позднѣе пользовался Ломоносовъ при составленіи своего труда, изданнаго Академіею Наукъ подъ заглавіемъ «Musaei Imperialis Petropolitani vol. I. Pars tertia qua continentur res naturales ex regno minerali». Въ то же время академикъ Буксбаумъ избралъ его своимъ помощникомъ въ дѣлѣ изданія «Centuriae plantarum» и при составленіи ботаническихъ статей для издаваемыхъ Академіею Commentariorum. Кромѣ этихъ занятій, онъ работалъ еще и надъ изученіемъ произведеній и явленій окружающей природы, совершая для этого экскурсіи въ окрестностяхъ Петербурга и поѣздки въ другія мѣста Ингерманландіи. Трудъ Г., предлагаемый имъ Академіи безъ всякихъ требованій вознагражденія, не остался, однако, неоплаченнымъ, хотя и въ очень скромныхъ размѣрахъ. Ему было постановлено выдавать по 10 рублей въ мѣсяцъ, при безплатныхъ помѣщеніи и отопленіи. Членомъ Академіи въ званіи профессора химіи и натуральной исторіи онъ сдѣлался по предписанію президента Академіи Блюментроста только съ 22 января 1731 г. Первое его ученое сообщеніе «De historia lapidum figuratorum circa Duderhofium» было сдѣлано однако же ранѣе, именно въ засѣданіяхъ Академіи 8, 11 и 15 декабря 1730 г. Въ то же время, именно въ засѣданіи 22 декабря, состоялось также и постановленіе о помѣщеніи въ первый разъ въ Комментаріяхъ Академіи мемуара Гмелина «De radiis articulatis lapideis» («Commentarii Academiae Imperialis Scientiarum Petropolitanae». Tomus III. Petropoli, 1732. P. 246—264). Въ слѣдующемъ 1732 г. ему уже было поручено произнесеніе рѣчи въ торжественномъ публичномъ засѣданіи Академіи Наукъ 2 февраля. Установленный академическими обычаями эпохи отвѣтъ отъ имени Академіи на эту рѣчь, озаглавленную «De ortu et progressu Chymiae et quantum in examinandis metallis ea profecerit, et quid ex indagatione corporum chymica concludi queat, ad eorum delegenda principia», былъ возложенъ на сдѣлавшагося впослѣдствіи знаменитымъ математика Эйлера. Къ сожалѣнію, какъ эта рѣчь, такъ и отвѣтъ на нее Эйлера, въ печати не появились. Затѣмъ до второй половины 1733 г. Гмелинымъ были прочтены въ засѣданіяхъ Академіи слѣдующіе четыре мемуара, изъ которыхъ удостоились появленія въ печати только первый и третій: «De augmento ponderis, quod capiunt quaedam corpora, dum igne calcinantur» (Comment. T. V. 1738. P. 263—273. Читано 9 апрѣля 1731 г.); «Historia morbi et sectionis anatomicae feminae alicujus paulo ante mortuae» (чит. 24 августа 1731 г.); «De salibus alkalibus fixis plantarum» (Comment. T. V. P. 277—294. Чит. 17 декабря 1731 г.); «Observatio de vermibus cum pluvia in terram lapsis Revaliae» (чит. 6 марта 1733 г.). Къ начальному періоду учено-литературной дѣятельности Г. относится также и его участіе въ популярно-научной литературѣ. Имъ были помѣщены въ издаваемыхъ Петербургскою Академіею Наукъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ «Примѣчаніяхъ на Вѣдомости» слѣдующія статьи: въ 1731 г. «О Алхиміи» (стр. 85—111, 127—145 и 149—167) и «О дѣланіи фарфора» (стр. 309—317 и 321—328) и въ 1733 г. «О мѣстахъ, огнь изъ себя выбрасывающихъ» (стр. 41—65).

Какъ натуралистъ, Г. былъ избранъ Академіею Наукъ въ число членовъ организуемой правительствомъ въ 1732 г. экспедиціи въ Камчатку. Передъ отъѣздомъ экспедиціи изъ Петербурга Гмелинъ въ засѣданіи 3 іюля 1733 г.,

прощаясь съ Конференціей, передалъ ей на храненіе первый и третій изъ названныхъ сейчасъ четырехъ мемуаровъ и, кромѣ нихъ, еще слѣдующіе свои труды: 1) «Theses de historia naturali studiosis Kamtschatkam proficiscentibus dictatae»; 2) «Praelectiones chymicae»; 3) «Von denen Vampyren»; 4) «Oratio publice recitata»; 5) «Figurae 5 pictae»; 6) «Catalogi mineralium in Museo Imperatorio a Gmelino elaborati». Выѣхавъ изъ Петербурга 19 августа 1733 г. и слѣдуя по Волгѣ отъ Твери до Казани и черезъ Тобольскъ, Иртышъ, Обь, Томь, Енисейскъ, Красноярскъ, Иркутскъ, Селенгинскъ, Ангару, Байкалъ, Китайскую границу, Нерчинскъ, Аргунь, опять Иркутскъ, путешественники достигли 11 сентября 1736 г. Якутска. Здѣсь 8 ноября въ домѣ, занимаемомъ Гмелинымъ, произошелъ пожаръ, при которомъ погибли всѣ находившіяся у Гмелина вещи и въ числѣ ихъ оригиналы рисунковъ, уже посланныхъ въ Петербургъ, и, кромѣ нихъ, около 100 новыхъ, чучела звѣрей и птицъ, образцы грибовъ, книги по естественнымъ наукамъ, инструменты и рукописи. Послѣднія содержали въ себѣ: «Исторію странъ забайкальскихъ», «обсерваціи», которыя Г. «чрезъ три года и больше о птицахъ, рыбахъ, четвероногихъ, зміяхъ и мухахъ съ прилежнымъ стараніемъ сочинилъ», описанія грибовъ и, наконецъ, «Протоколъ или записная книга наша дорожная». По полученіи отъ Гмелина донесенія о происшедшемъ съ нимъ несчастіи Сенатъ и Академія немедленно выслали ему всѣ нужные инструменты и книги. Въ Якутскѣ Г. оставался до осени 1737 г. и затѣмъ провелъ зиму въ Киренскѣ. Весною 1738 г. онъ пріѣхалъ въ Иркутскъ, изъ котораго въ августѣ отправился въ Енисейскъ, гдѣ пробылъ въ теченіе года, воспользовавшись этимъ временемъ также для поѣздки въ Мангазею или Туруханскъ. Далѣе, проведя зиму 1739—40 гг. въ Красноярскѣ, онъ былъ въ 1741 г. въ Томскѣ и Тарѣ. 24 іюля 1742 г. Г. получилъ, наконецъ, послѣдовавшій вслѣдствіе его усиленныхъ ходатайствъ указъ объ освобожденіи его отъ поѣздки въ Камчатку и о разрѣшеніи ему возвратиться въ Петербургъ. Посѣтивъ послѣ этого Тюмень, мѣстности пограничныя съ Башкиріей, Течинскую слободу, Краснослободскъ, Далматовъ монастырь, Верхнеяицкую крѣпость, Екатеринбургъ и Верхотурье, Г. 16 февраля 1743 г. возвратился въ Петербургъ. Итакъ, въ Камчаткѣ, составлявшей главную цѣль экспедиціи, онъ не былъ. Причинами его уклоненія отъ этой цѣли были затрудненія, создаваемыя злоупотребленіями сибирскихъ воеводъ и канцелярій, и ясно выраженное стремленіе начальника экспедиціи Беринга обращаться съ входящими въ составъ экспедиціи академиками, какъ съ подчиненными.

Въ составъ переписки Гмелина съ Академіею во время его путешествія входили иногда и присылаемыя имъ въ болѣе или менѣе обработанномъ видѣ статьи. Изъ нихъ болѣе значительными были: 1) «Метеорологическія наблюденія во время переѣзда отъ Твери до Казани съ 27 сентября по 20 октября 1733 г. и затѣмъ въ началѣ 1734 г. въ Екатеринбургѣ и Тобольскѣ»; 2) «Observationes in historiam naturalem»; 3) «Beschreibung derer Gruben, Schürfe, Erze und des Schmelz-Wesens bey den Argunischen Silber-Werken»; 4) «Index seminum aestate anni 1737 collectorum»; 5) «De frigore et calore glaciei, nivis et aquae» (Comment. T. X. 1747. P. 303—325. Получено въ засѣданіи 26 января 1739 г.); 6) «Index seminum ad Jeniseam fluvium et quidem in superiore ejus regione a. 1739 collectorum».

Самыми крупными изъ результатовъ сибирскаго путешествія Гмелина были два его сочиненія: считавшаяся въ свое время классическою въ литературѣ ботаники «Flora Sibirica sive historia plantarum Sibiriae» (1747—1769; 4 тома in 4°) и «Reisen durch Sibirien von 1733—1743» (4 Bde. 8°. Göttingen. 1751—52). Первый томъ (CXVI+221 стр. и 50 таблицъ чертежей) перваго изъ этихъ сочиненій былъ представленъ авторомъ въ Академію 17 февр. 1746 г. Второй (XXXIII+240 стр. и 98 таблицъ чертежей), высланный авторомъ уже изъза границы, былъ напечатанъ въ 1749 г., а два послѣдніе: третій (XI+276 стр.) и четвертый (214 стр.), какъ доставленные уже послѣ смерти автора, вышли въ свѣтъ соотвѣтственно въ 1768 и

1769 гг. безъ чертежей и при участіи въ ихъ изданіи и редактированіи племянника автора, Самуила Готлиба Гмелина. Второе сочиненіе, изданное также въ 1767 г. въ Парижѣ въ переводѣ на французскій языкъ (въ двухъ томахъ in 8°), вызвало въ Россіи большое неудовольствіе, какъ заключающее въ себѣ насмѣшливые отзывы о русскомъ народѣ и его вѣрѣ, а также и сужденія о предметахъ, къ сочиненію совсѣмъ не относящихся. Въ Россіи того времени это сочиненіе, дѣйствительно, не могло бы появиться безъ значительныхъ сокращеній.

Послѣ возвращенія изъ Сибири главнымъ предметомъ работъ Г. должны были сдѣлаться, понятнымъ образомъ, разработка привезенныхъ изъ путешествія матеріаловъ и, какъ ея слѣдствіе, составленіе сочиненій, изъ которыхъ на первомъ мѣстѣ стояла «Flora Sibirica». Другими его произведеніями того же рода, относящимися къ этому времени, были слѣдующія: 1) «Mus aquaticus exoticus Clus. Auctar». (Raii Syn. Quadrup., p. 217. Russ. Выхухоль) (Novi Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. Tom. IV. Petropoli, 1758. 4°. P. 383—388); 2) «Rupicapra cornubus arietinis. Russ. Степной баранъ. Chalmucc. Argali» (ibidem, p. 388—392); 3) «Descriptio animalis moschiferi, Kabarga dicti» (ibidem, p. 393—410; предложена вмѣстѣ съ предыдущими къ напечатанію проф. Мюллеромъ въ засѣданіи 11 мая 1758 г.); 4) «Animalium quorundam quadrupedum descriptio» (Nov. Comment. T. V. 1760. P. 338—372). Первыя три изъ этихъ статей появились въ видѣ извлеченій также и на русскомъ языкѣ подъ заглавіями: 1) «Выхухоль, по-лат. Mus aquaticus exoticus, Клюзія прибавленіе и Раія синопсисъ четвероногихъ» (Содержаніе ученыхъ разсужденій Императорской Академіи Наукъ, изданныхъ въ четвертомъ томѣ Новыхъ Комментаріевъ». 4°. С.-Пб., 1754. Стр. 53—58); 2) «Степной баранъ, по-лат. Rupicapra cornibus arietinis, по калмыцки аргали» (тамъ же, стр. 58—67); 3) «Описаніе мскусоваго звѣря, по-русски кабарга называемаго» (тамъ же, стр. 68—76). Въ засѣданіяхъ Академіи въ разсматриваемое время Г. ограничился только однимъ сообщеніемъ, избравъ для него въ засѣданіи 9 апрѣля 1744 г. разсужденіе подъ заглавіемъ «Plantarum quarundam rariorum aut adhuc incognitarum descriptiones absque figuris».

Рѣшивъ скоро послѣ своего возвращенія въ Петербургъ оставить Россію, Г. 7 декабря 1744 г. подалъ прошеніе объ увольненіи изъ Академіи. Отпустить его однако же не хотѣли, и дѣло вслѣдствіе этого затягивалось. Потерявъ, наконецъ, надежду когда-нибудь добиться исполненія своего требованія, основаннаго на заключенномъ съ нимъ условіи, Г. рѣшилъ подписать предложенный ему 1 іюля 1747 г. новый контрактъ, обязывающій его оставаться на дѣйствительной службѣ Академіи еще 4 года, но разрѣшающій ему годовой отпускъ. Этимъ послѣднимъ условіемъ Гмелинъ и воспользовался для того, чтобы отказаться отъ исполненія навязаннаго ему контракта. Отправившись въ томъ же 1747 г. въ разрѣшенный ему отпускъ, онъ назадъ не вернулся.

На родинѣ Г. былъ назначенъ въ 1749 г. ординарнымъ профессоромъ ботаники и химіи въ Тюбингенскомъ университетѣ. Онъ умеръ 20 мая 1755 г. въ Тюбингенѣ. Болѣе, чѣмъ черезъ сто лѣтъ послѣ его смерти Петербургская Академія Наукъ издала часть его обширной переписки, собранную въ книгѣ подъ заглавіемъ «Ioannis Georgii Gmelini, M.—Dr., Academici et Professoris quondam Petropolitani, deinde Chemiae et Historiae naturalis Professoris ord. Tubingensis, Reliquias quae supersunt commercii epistolici cum Carolo Linnaeo, Alberto Hallero, Guilielmo Stellero et al., Floram Gmelini sibiricam ejusque Iter sibiricum potissimum concernentis ex mandato et sumtibus Academiae scientiarum Caesareae Petropolitanae publicandas curavit Dr. Guil. Henr. Theodor Plieninger, Professor scient. nat. Stuttgartiensis etc. Addita Autographa lapide impressa». Stuttgartae, 1861. VIII et 196 p. 8°.

Іоганнъ-Георгъ Гмелинъ въ русской литературѣ иногда называется Гмелинымъ *старшимъ* въ отличіе отъ упомянутаго уже выше его племянника Самуила-Готлиба.

Митр. Евгеній, «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей», т. I, стр. 129-140; Геннади, «Спра-

вочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ», т. I, стр. 225-226; Пекарскій, «Исторія Импер. Академіи Наукъ въ Петербургѣ», т. I, стр. 431-457; «Матеріалы для исторіи Импер. Академіи Наукъ», т. I—X; «Протоколы засѣданій конференціи Импер. Академіи Наукъ», т. I-III; Брокгаузъ-Ефронъ, «Энцикл. словарь», т. VIII, стр. 931.

В. В. Бобынинъ.

Гмелинъ, *Самуилъ Готлибъ Георгъ*, дѣйствительный членъ Академіи Наукъ, профессоръ ботаники, докторъ медицины, сынъ медика и племянникъ Іоанна Георга Гмелина, извѣстнаго химика и естествоиспытателя, родился въ Тюбингенѣ по однимъ свѣденіямъ 23 іюня/4 іюля 1744 г. («Allgem. Deutsche Biogr».), а по другимъ въ 1745 г. 23 мая (по Снегиреву) или 23 іюля (по митрополиту Евгенію) и тамъ же получилъ образованіе въ университетѣ. Въ 1763 г. онъ получилъ степень доктора медицины, послѣ чего совершилъ путешествіе по Франціи и Голландіи. Въ 1767 г. С.-Петербургская Академія Наукъ вызвала его въ Россію, намѣреваясь послать въ азіатскія владѣнія для изслѣдованія тамошнихъ флоры и фауны, и 4 апрѣля избрала своимъ дѣйствительнымъ членомъ. Вѣроятно Академія желала возложить на него дальнѣйшее изслѣдованіе Сибири, предпринятое въ 1733—1743 гг. вышеупомянутымъ дядей его, совмѣстно съ профессорами Миллеромъ, Фишеромъ и Делиль-де-ла-Кройеръ. Въ 1768 г. герцогъ Карлъ Виртембергскій назначилъ Г., на случай его возвращенія на родину, профессоромъ ботаники въ Тюбингенскомъ университетѣ, а въ 1772 г. профессоромъ химіи. Въ кратковременное пребываніе свое въ Петербургѣ Г. выхлопоталъ расширеніе Ботаническаго сада путемъ покупки прилегающей мѣстности. Въ 1768 г. Г. издалъ въ Петербургѣ «Historia fucorum» и 23-го іюня того же года отправился не въ сибирскую, какъ раньше предполагалось, а въ прикаспійскую экспедицію, въ сопутствіи четырехъ помощниковъ: Якова Ключарева, Степана Крашенинникова, Ивана Михайлова и Сергѣя Маслова. Кромѣ того онъ взялъ съ собой рисовальщика Ив. Борисова, аптекаря І. Д. Луте и охотника Мих. Котова для набивки чучелъ. Академія Наукъ вручила Г. и его помощникамъ инструкцію, которою предписывалось: составить географическое и физическое описаніе тѣхъ мѣстностей, въ какихъ они будутъ, руководствуясь при этомъ астрономическими и метеорологическими наблюденіями; описать: рыбные и звѣриные промыслы, состояніе земледѣлія, нравы и обычаи жителей, ремесла, издѣлія и древности; найти способы для разведенія скота (особенно овецъ), пчелъ и шелковичныхъ червей и средства къ предупрежденію болѣзней, наиболѣе распространенныхъ въ той мѣстности у людей и у скота.

Экспедицію сопровождали солдаты. Въ Воронежѣ, гдѣ пришлось перезимовать, присоединился къ экспедиціи Габлицъ. Черезъ Острогожскъ, Павловскъ, Цымлянскъ и Черкасскъ доѣхала она до Азова, откуда въ половинѣ августа 1769 г. отправилась въ Царицынъ, а затѣмъ въ Астрахань. Лишь 5 іюня 1770 г. двинулась она Волгой и моремъ дальше въ сѣверную часть Персіи; изъ Дербента проѣхала она въ Баку, Шемаху и Сальяны, затѣмъ моремъ въ Энзели. Въ 1771 г. Г. былъ въ Рештѣ и Балфрушѣ. Въ началѣ 1772 г. онъ вернулся въ Астрахань, оттуда черезъ Сарепту направился въ Куманскую степь и Моздокъ; затѣмъ Терекомъ и степью возвратился въ Астрахань. Путешествіе это было весьма тягостно для Г., потому что онъ плохо переносилъ жаркій климатъ. Въ іюнѣ 1772 г. Г. вторично отправился въ Персію, объѣхалъ восточный, или такъ называемый Трухменскій берегъ, прибылъ въ Астрабадскій заливъ, а изъ Энзели поѣхалъ въ Астрахань сухимъ путемъ, вслѣдствіе невозможности совершить этотъ переѣздъ зимой по морю. Въ девяноста верстахъ отъ Дербента онъ былъ взятъ въ плѣнъ 5 февраля 1774 г. по приказанію хана Усмея, сердитаго на русское правительство за то, что 30 лѣтъ передъ тѣмъ оно приняло подъ свое покровительство нѣсколько ушедшихъ отъ него семей. Ханъ соглашался отдать Г. за выкупъ, но постоянно мѣнялъ условія (одно время онъ хотѣлъ получить 30000 р.). Екатерина II хотѣла освободить Г. вооруженной силой, но Пугачевскій бунтъ помѣшалъ осуществиться этому плану. Г. не вынесъ

тяжелыхъ условій пребыванія въ плѣну и черезъ 6 мѣсяцевъ скончался въ Ахметкентѣ отъ изнуренія 16/27 іюля 1774 г. Императрица Екатерина II приняла мѣры для полученія отъ хана вещей Г. и остальныхъ его записокъ; часть рукописей еще раньше спасли его спутники. Академія Наукъ издала въ 1770—1784 гг. записки путешествія Гмелина въ 4 частяхъ, подъ заглавіемъ: «Reise durch Russland zur Untersuchung der drey Naturreiche», съ чертежами, и рисунками животныхъ и растеній. Первая часть содержитъ описаніе путешествія до Черкасска въ 1768 и 1769 гг., 2-я часть — отъ Черкасска до Астрахани, и самой Астрахани, Волги, рыболовства и пр., 3-я—описаніе, путешествія отъ Астрахани и по Сѣверной Персіи съ 5 іюня 1770 г. до апрѣля 1772 г. Четвертая часть вышла послѣ смерти автора въ 1784 г. подъ надзоромъ Палласа, съ предисловіемъ послѣдняго и біографіей автора; въ ней находится описаніе путешествія изъ Астрахани въ Царицынъ и обратно черезъ Куманскую степь и второго путешествія въ Персію въ 1772—1774 гг. Русскій переводъ напечатанъ въ 1771—1785 гг., in- 4, съ рисунками и картами («Путешествіе по Россіи, для изслѣдованія трехъ царствъ естества», ч. I, 1771 г., 2 изд. 1806 г. ч.; II, 1777 г.; ч. III, 1-я и 2-я половины, 1785 г.).

Въ изданіи Академіи «Novi Commentarii» Г. напечаталъ труды: 1) Observationes et descriptiones botanicae (t. XII); 2) De proprietatibus plantarum ex charactere botanico cognoscendis (ib.); 3) De glacie Mariae Ruthenica, disserente (ib); 4) Lychnanthos volubilis et Limnanthemum peltatum nova plantarum genera. Exhibit. die 28 mart. 1770 (t. XIV); 5) De Capra Saiga et Erinaceo aurito. Dissertatio trad. die 28 mart. 1770 (ib); 6) Rariorum Avium expositio (t. XV). Г. былъ членомъ Вольнаго экономическаго, королевскаго Лондонскаго и Голландскаго Гаарлемскаго обществъ. Въ 1861 г. академикъ Дорнъ посѣтилъ мѣсто кончины Г. и на предполагаемомъ мѣстѣ его погребенія (у дер. Каякентъ, Дагестанской области, въ 50 верстахъ отъ Дербента) воздвигъ надгробный памятникъ, который затѣмъ былъ реставрированъ въ 1903 году.

Плюшаръ, «Энциклопед. Лексиконъ», т. 14.— Геннади, «Справочный словарь рус. писателей», т. I.—Евгеній, митрополитъ, «Словарь свѣт. скихъ писателей». — Снегиревъ, «Словарь рус. свѣт. писателей». — Березинъ, «Энциклопед. Словарь».—Брокгаузъ—Ефронъ, «Энциклопед. Словарь».—Гмелинъ, «Путешествіе по Россіи. для изслѣд. трехъ царствъ естества». С.-Пб. 1784 г., ч. IV.—Пыпинъ, «Исторія рус. этнографіи».—«Чт. М. О. И. Д. Р». 1867 г., кн. 3.—«С.-Пб. Вѣд» 1861 г., № 179.—«Моск. Вѣд.» 1861 г., № 179.—«Кавказъ», 1861 г., № 68: 1898 г., № 132.—«Encyclopedie von Ersch und Gruber», LXX. — «Adelungs Fortsetzung zu Jöcher», II. — Tableau général méthodique et alphabétique des matièers contenues dans les publications de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg».—Б. Л. Модзалевскій, «Списокъ членовъ Имп. Академіи Наукъ». — «Allgemeine Deutsche Biographie», IX.—«Рус. Архивъ» 1912 г., III, 68—82.—«Новое Время» 1903 г., № 9796.—Венгеровъ, «Источники слов. рус. писат.», т. I.

В. Корсакова.

Гнусинъ, одинъ изъ виднѣйшихъ представителей ѳедосѣевщины, по преимуществу московской, истекшаго столѣтія, здѣшняго Преображенскаго Кладбища «знаменитыя обители единый отъ премудрѣйшихъ духовный правитель» (Литогр. ѳедос. уставъ). Впрочемъ, значенію Г. обратно пропорціональна сумма свѣдѣній о немъ. Послѣднее находитъ свое объясненіе въ обстоятельствахъ жизни Г. и его доктринѣ въ связи съ тогдашнимъ отношеніемъ правительства къ расколу. Въ результатѣ, нельзя быть совершенно увѣреннымъ въ подлинности самой фамиліи «Гнусинъ». Съ таковой онъ значится «по мещанству». Къ этому же сословію Г. *приписался*, да и то лишь въ 1813 г., хотя, будто бы, подъ своимъ настоящимъ именемъ. Если такъ обстоитъ дѣло съ фамиліей, то еще болѣе справедливо выраженіе Любопытнаго (см. его «Историческій словарь и Каталогъ или Библіотека старовѣрческой церкви» по изд.:—въ «Библ. Зап», 1861, и оттискѣ изъ нихъ, М. 1861.;—«Чт. въ Общ. Ист. и Древн. Росс.», 1863, кн. I, Мат. отеч., по изд. О. Бодянскаго; — Прилож. ко 2-му тому «Сборн. для ист. старообр.», изд. Н. Попова, М. 1866; — у Ѳ. В. Ливанова, Раскольн. и Острожн., т. IV, С.-Пб., 1873), что Г. «семиименная особа». Онъ — «по цѣху, Петръ Никифоровъ, — по мещанству, Сергей Семеновъ, — по письмамъ его, Михайло Васильевъ, — въ Пандектѣ, по вѣрѣ,

Іоаннъ» (Ркп. Хл. Библ., по Оп. Поп., М. 1872, № 346, л. 118 об.). Въ соотвѣтствіи съ даннымъ именемъ, между прочимъ, «писанныя имъ книги и тетради... онъ... подписывалъ *ру: непоч: Іоан:*» (Дневн. доз. зап. о моск. раск., сообщ. А. А. Титовымъ, стр. 11 — Чт. въ О. И. и Др. Рос., 1885, кн. 2). Въ Дѣлахъ Моск. Секр. Сов. Ком. о раск. (1844 г.) встрѣчается, кромѣ только что приведенной и полныхъ, и подпись литерами: «М. В.». Любопытный называетъ Г. «Михаилъ *Ивановъ*», съ каковымъ именемъ сохранилось (въ ркп. Влад. Дух. Сем. № 75) посланіе «правовѣрующимъ христіяномъ села Некуза, испрочими деревенскими обыватели» (*Нач.:* Въ бытность мою у васъ...) «жившаго у Луки Терентьича» (наставника Преображенскаго Кладбища) «лѣта 7311 (1803), въ февралѣ мѣсяцѣ», и каковымъ именемъ (ibid.) Лука Терентьевъ «подписалъ» посланіе «петербургскимъ отцемъ: лѣта, 7312 (1804). въ генварѣ мѣсяцѣ» (*Нач.:* Ничтоже, братіе, спасеннѣйше..). Г.—Іоаннъ «по вѣрѣ своей», по происхожденію же принадлежалъ къ православному вѣроисповѣданію. Время рожденія Г. падаетъ, если не на послѣднюю четверть, то во всякомъ случаѣ на вторую половину XVIII столѣтія. — По поводу, послѣдовавшей 27 іюня 1839 г., смерти Г. на мѣстѣ его ссылки, будто бы, говорили ѳедосѣевцамъ: «не осталось у васъ де болѣе таковыхъ *стариковъ*» (Доз. зап., стр. 16 — Ч. О. И. и Др. Р., кн. 160). «Сей Г... разныхъ званій, онъ значится отпущеннымъ на волю отъ разныхъ помѣщиковъ, разныхъ городовъ» (цит. ркп. Хл. Б., л. 122 об.). Онъ — «гражданинъ всей Россіи» (Любопытный). Однако, справедливѣе думать, что Г. «по роду и племени съ Троицкаго Уфимскаго Феокина (sic!) завода» и его первымъ мѣстожительствомъ былъ Нйжне-Троицкій, Оренбургской губ., желѣзоплавильный заводъ И. П. Осокина, къ числу крѣпостныхъ коего Г. и принадлежалъ. «По жительству его» здѣсь, Г. — «писарь» (цит. Хл. ркп. л. 123).

Съ завода Г. бѣжалъ «и укрывался въ лѣсу у отшельника» (ibid., л. 124) на правахъ странника и пустыннаго жителя (ibid., л. 123). Здѣсь, повидимому, находитъ свое объясненіе и самый побѣгъ, ибо Г. «въ лесу» вступилъ «въ вѣру федосѣевскую» (ibid., л. 124 и об.), скоро, однако, сдѣлавшись изъ простого адепта ярымъ пропагандистомъ ея. Побѣгъ съ завода и перемѣна вѣры, естественно, открытое существованіе Г. дѣлали возможнымъ, по крайней мѣрѣ временно, лишь «съ похищеннымъ солдатскимъ паспортомъ (Ист. Преобр. Кладб., издан. В. Кельсіевымъ въ 1 вып. Сборн. прав. свѣд. о раск., Лондонъ, 1860 и, въ обработкѣ, S-Н. И. Субботинымъ подъ загл.: «Изъ ист. Преобр. Кладб.» —Рус. Вѣстн., 1862, кн. 2 и отд., а также встрѣчающаяся въ рукописяхъ, напр., Мак. собр. К. Д. А. № 57 — Аа, 189, по Опис. Петр., отд. VIII, стр. 100—1)». Съ такимъ видомъ на жительство и въ новой роли историкъ застаетъ Г. въ Саратовѣ, гдѣ онъ «распространялъ расколъ безпоповщинскій» (ibid.), нѣтъ особыхъ основаній сомнѣваться, между прочимъ, въ это время и лично, также «по всѣмъ приволжскимъ населеніямъ утверждая бракоборство». Наконецъ, Г. появляется въ Москвѣ на Преображенскомъ Кладбищѣ «еще при Ковылинѣ († 1809 г.) изъ Казани» (цит. Ист. Пр. Кл.), когда-то до 1803 и на правахъ проживающаго у Луки Терентьева, если Г. писалъ вышеупомянутое посланіе «христіяномъ села Некуза», или 1805 и ужъ никакъ не позднѣе 1808 года.

Есть основаніе предполагать, что именно Г—у («нѣкоему казанскому стрѣльцу Михаилу» —И. П. Б. Q. I. № 473) Ковылинъ поручилъ въ 1807 г., во время мирныхъ переговоровъ съ московскими безпоповцами брачнаго согласія, сдѣлавъ изъ сочиненій этихъ послѣднихъ, въ пользу брака и моленія за царя, «экстрактъ» главныхъ положеній, написать на нихъ опроверженіе. Хотя, по словамъ брачниковъ, «выписки изъ сочиненій, объясняющихъ необходимость и принадлежность брака», были «взяты въ экстрактѣ невѣрною копіею и превратностію словъ и смысла содержанія подлинныхъ книгъ», онъ заслужилъ одобреніе всѣхъ московскихъ «книжныхъ» ѳедосѣевцевъ. Мало того, экстрактъ дважды читался, при чемъ, впервые, несомнѣнно самимъ авторомъ, брачникамъ на соборахъ и, наконецъ,

въ качествѣ, своего рода, profession de foi, былъ имъ переданъ. Впрочемъ, вновь не обсуждался, несмотря на соотвѣтствующую готовность и составленное брачниками «объясненіе» на экстрактъ, который, вмѣсто обсужденія, ѳедосѣевцы нѣсколько позднѣе, пытались даже, грозя силою, вернуть обратно, разославъ, однако, списки «въ различныя и многія страны» съ прибавленіемъ, будто брачники остались «безгласными о всемъ, что кладбищемъ требовалось». Для брачниковъ, въ свою очередь, это послужило поводомъ разослать, такъ называемыя, «Дружескія извѣстія» (напечатаны А. В—скимъ-Вишняковымъ, въ «Ист. Покр. стар. мол. въ Москвѣ»—«Прав. Обозр.», 1863, т. XI и отд., подъ заглавіемъ: «Старообрядческая Покровская молельня и Филиповская часовня въ Москвѣ», С.-Пб. 1865; — част. Ѳ. В. Ливановымъ, op. cit., т. III, стр. 89 — 94, С.-Пб. 1872).

Пропущенный въ *6* ревизію, Г. тѣмъ не менѣе, въ первое время, значился на Кладбищѣ «по московскому иконному цѣху *1796* года съ женою Марьею Ивановою, до записки въ цѣхъ умершею (цит. Хл. ркп., л. 122 об.)». Запись въ цехъ произошла при содѣйствіи одного изъ попечителей Кладбища А. Никифорова и это проливаетъ свѣтъ на обладаніе паспортомъ отъ *1796 г.* человѣка, пропущеннаго въ *6* ревизію. — Еще и въ 40-хъ гг. прошлаго вѣка Преображенское Кладбище скупало въ соотвѣтствующихъ учрежденіяхъ виды на жительства послѣ умершихъ лицъ податныхъ сословій, Г. же, дѣйствительно, былъ художникомъ и каллиграфомъ: «писанныя имъ книги и тетради отличаются искуснѣйшимъ подражаніемъ древнему печатному шрифту» (Доз. зап., стр. 11—Чт. въ О. И. и Д. Р., 1885, кн. 2). Скоро Г. сдѣлался на Кладбищѣ наставникомъ «при женскомъ пріютѣ» (цит. Ист. Пр. Кл.) и, что вполнѣ вѣроятно, выхлопотавши черезъ своихъ клевретовъ отпускную у помѣщика, началъ числиться «по мѣщанству 1813 года» (цит. Хл. ркп., л. 122 об.), «въ мѣщанствѣ по смерти жены своей Марьи холостой» (ib., л. 118 об.). Значеніе Г. не ограничилось предѣлами пріюта. Всѣмъ кладбищенскимъ «духовнымъ учрежденіямъ того времени былъ главный дѣятель между прочими отцы Сергій Симеоновичъ» (цит. Уст.). Такимъ образомъ, оно простиралось на все Кладбище и его прихожанъ и даже гораздо дальше, ибо тогда «обитель» Преображенскаго Кладбища «якоже вторый Сіонъ во всѣ страны святоотеческій законъ разсылала, какъ о духовныхъ дѣйствіяхъ, дабы оныя исправлялись во единообразіяхъ съ первобытными отцы, такожде и на созданіе богослужительныхъ храмовъ, во всѣ страны посылалось отъ московскихъ отецъ благословеніе, и о служебныхъ уставѣхъ повелѣніе, дабы отправлять службу Божію по уставу древле-церковному елико слѣдуетъ простымъ людемъ; безъ благословенія же отеческаго по уставу службы отправлять запрещали; такожде и прочія чиноположенія общежительствамъ опредѣляли, какъ о благотворительныхъ подаяніяхъ такожде и о раздѣлахъ дохода служителямъ» (цит. Уставъ). Вполнѣ справедливо, слѣдовательно, что свое ученіе Г. «вперялъ... пріѣзжавшимъ за сборомъ подаяній, съ пожертвованіями изъ иногородныхъ общинъ; данная ими клятва Ковылину обязывала ихъ слѣпо повиноваться и мыслить за одно съ кладбищемъ» (цит. Ист. Пр. Кл.).

«Ученіе» Г., о которомъ нѣкоторыя подробности ниже, а точнѣе послѣдовательность и прямолинейность, съ какою онъ излагалъ въ теоріи и проводилъ на практикѣ начала ѳедосѣевщины, — безспорная причина и авторитета Г. въ своей средѣ, и его быстраго возвышенія на Кладбищѣ. Здѣсь дѣятельность Г. была главнымъ образомъ литературной, обусловливаясь частью личной иниціативой, частью запросами и вопросами къ нему или Кладбищу, со стороны, частью потребностями этого послѣдняго. Извѣстно лишь одно выступленіе Г., правда литературное же, но общественнаго характера. Онъ опротестовалъ намѣреніе Ковылина «о просьбѣ слѣдующей самому монарху, въ ней же истребуя милосердія, желаютъ дабы укрѣплено было здѣшнее кладбище прочностію, притомъ вручаютъ его величеству, все оное обзаведеніе въ хозяйство, и именуютъ первымъ основателемъ, такъ храмъ успенія божія матере и всѣ больнич-

ные домы божественныя, и святыхъ его титлы на себѣ носящія, общественно просятъ нарещи больницами Александровскими, для чего о всемъ производствѣ, какъ есть хозяину одолжаются каждомѣсячно рапортовать и отчеты чинить, дабы чрезъ то отвести себя отъ опасности различной власти и спокойность радостную предпріять, и тѣмъ же мѣста укрѣпленіемъ, могли бъ желающіе и имѣющіе избытокъ по гражданскимъ законамъ отличную казну собирать, и изъ нея въ процѣнты отдавать, и тѣми содержащихъ при больницахъ сиротъ спокоить» (Хл. № 167, по ркп. пр.). И дѣйствительно, въ соотвѣтствующемъ прошеніи и планѣ, отъ 23 или 28 декабря 1808 г., нѣтъ, по крайней мѣрѣ, ни слова о названіи Богадѣленнаго Дома Александровскимъ (напечат.: И. Ѳ. Никольскимъ въ ст. «О Преображенскомъ Московскомъ Кладбищѣ», Хр. Чт., 1863 г., ч. 2; — Н. Поповымъ, Матер. для ист. безпоповщ. согл., Чт. въ О. И. и Д. Р. 1869, кн. 2—3 и отд., М. 1870; см. также въ ркп. собр. кн. Вяз. Q. № 18). Впрочемъ, изъ, сохраненнаго Любопытнымъ заглавія «окружного воззванія» Озерскаго «ко всѣмъ старовѣрческимъ церквамъ въ Петрополѣ», узнаемъ также «о хитромъ и хищномъ отъѣздѣ изъ Москвы въ упомянутый градъ московскихъ возмутителей и развратниковъ благочестія, Ваньки Ѳедотова (Тароватаго) съ его лукавымъ и непотребнымъ товарищемъ (Г.) для той же пагубы и зла, какія и Москва отъ нихъ претерпѣла».

Эта, небезрезультатная, при наличности литературныхъ протестовъ (Озерскаго), поѣздка являлась дѣломъ, своего рода, внѣшней и внутренней миссіи, такъ какъ у прежнихъ единомышленниковъ преображенцевъ въ Петроградѣ обнаружился сдвигъ въ сторону поморцевъ. Исповѣдуемую Г. и проповѣдуемую лично имъ доктрину онъ иллюстрировалъ. На одной изъ подобныхъ картинъ, повѣшенной въ молельнѣ на Преображенскомъ Кладбищѣ, былъ изображенъ Императоръ Александръ I въ видѣ змія, возсѣдавшаго на престолѣ. Картина имѣла подпись, на тайномъ языкѣ: «семо пріиди, Христе, аще въ вышнихъ живеши: себо на Тя брань готовлю», означавшую: «Александръ — антихристъ, вооружившійся противъ Исуса Христа», и не прошла безслѣдно какъ для самого Г., такъ и для Преображенскаго Кладбища, а, пожалуй, и для всего старообрядчества. Ближайшимъ поводомъ къ этому послужило слѣдующее обстоятельство. — Въ 1816 г., на Кладбищѣ, въ связи съ выборомъ новыхъ попечителей, произошло, достигшее крайней степени напряженія (отказъ отъ совмѣстной молитвы), раздѣленіе. Одну изъ двухъ, образовавшихся тогда, партій возглавлялъ попечитель Грачевъ, имѣя на своей сторонѣ, между прочимъ, Г. Во главѣ другой сталъ купецъ Осиповъ. По почину грачевской партіи и чуть ли не съ подписью Г., на самой первой бумагѣ (прошеніе, во 2 департаментъ Московскаго магистрата, объ утвержденіи выборовъ), вынесенное на судъ Правительства, дѣло это, переходя изъ инстанціи въ инстанцію, при всѣхъ попыткахъ кончить его миромъ, достигло Сената. Сюда оно поступило вмѣстѣ съ, разоблачавшимъ прошлое и освѣщавшимъ настоящую дѣятельность Г., доносомъ Осипова, «какъ въ пріютахъ кладбища скрываются бѣглые и злонамѣренные люди, каковы: Тароватый и Г.». Согласно заключенію, данному по дѣлу управлявшимъ тогда министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, графомъ Вязмитиновымъ, между прочимъ, считалось нужнымъ: «обстоятельство о Г. изслѣдовать и предать сужденію по законамъ» (Арх. Дѣл. М. Вн. Д. 19 февр. 1819 г., № 3). Хотя съ этимъ мнѣніемъ, въ его цѣломъ, и согласился Сенатъ, однако его отказался скрѣпить вступившій въ управленіе тѣмъ же министерствомъ графъ В. Кочубей. По представленіи имъ соотвѣтствующаго доклада на Высочайшее воззрѣніе послѣдовала первая, за все царствованіе, карательная мѣра противъ раскольниковъ въ видѣ рескрипта отъ 3 іюля 1820 г., на имя Московскаго генералъ-губернатора, князя Голицына. Аналогичный указъ Министру Юстиціи и рескриптъ удѣляли Г. такія строки: «...къ немалому удивленію Моему дошло до свѣдѣнія Моего..., что люди Преображенскому богадѣльному дому принадлежащіе явно уже обнаруживали въ жалобахъ предъ правительствомъ,

что въ оном держатся люди подозрительные, какъ, напр., изъ главныхъ, настоятелей сего дома нѣкто Сергѣй Г., который при разныхъ случаяхъ принималъ разныя имена и прозванія; что сей Г. не былъ вписанъ въ 6-ю ревизію и показывалъ себя отпущенникомъ отъ разныхъ помѣщиковъ; что кромѣ сего въ богадѣльномъ домѣ разсѣваются вредныя правила, какъ-то: неповиновеніе къ властямъ и закону, развращеніе браковъ и тому подобное... По всѣмъ симъ уваженіямъ Я призналъ нужнымъ предписать... 2) Чтобъ по случаю доносовъ, сдѣланныхъ на Г., скрывавшагося въ богадѣльнѣ и разглашавшаго нелѣпые толки ученія, употреблено было всевозможное стараніе къ отысканію его и чтобы дѣло сіе было самымъ строгимъ образомъ изслѣдовано, и виновные какъ въ изобрѣтенномъ вредномъ ученіи, такъ и распространявшіе оное преданы были суду и преслѣдованы съ соотвѣтственною преступленіямъ ихъ строгостію». Но Г., почуявъ или прознавъ недоброе, должно быть, еще по передачѣ дѣла о выборахъ въ Сенатъ и ужъ никакъ не позднѣе 1818 г. бѣжалъ изъ Москвы въ Судиславль, Костромской губ., и до 1822 г. скрывался тамъ въ ѳедосѣевской богадѣльнѣ купца Папулина. Не смотря на вынужденное строжайшее инкогнито (Папулинъ скрывалъ Г. въ мезонинѣ, запирая на время богослуженій), связи Г. съ Кладбищемъ, безусловно, не порывались, особенно принявъ въ разсчетъ, исторически засвидѣтельствованное, тѣсное взаимоотношеніе между богадѣльнями Папулинской и Преображенской за все время существованія первой. Очень возможно, слѣдовательно, что внесенные въ упоминавшійся нами выше, Ѳедосѣевскій, литографированный, Уставъ (кн. I, л.л. 236 об.—240 об.), «Отвѣты изъ обители Судиславскія на нѣкоторыя вопросы» принадлежатъ Гнусину, а, по времени происхожденія, падаютъ на періодъ его вынужденнаго бѣгства въ Судиславль и укрывательства въ мѣстной Папулинской богадѣльнѣ. Что же касается сообщенія, не разъ цитованной, «Исторіи Преображенскаго кладбища», будто въ 1817 году совѣщаніе въ конторѣ Кладбища постановило отправить къ Г. на разрѣшеніе волновавшій саратовскихъ ѳедосѣевцевъ вопросъ, дѣйствительно ли нельзя, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, полагать, при произношеніи, въ молитвѣ Іисусовой, словъ: «Сыне Божій», руку на лѣвое плечо, на которомъ у человѣка сидитъ діаволъ, чѣмъ имя Спасителя отдается ему на поруганіе, то данное показаніе имѣетъ лишь тѣнь исторической правды, да и то не въ примѣненіи къ Гнусину (сн. Хл, № 167, л.л. 32 об. слл.). И на оборотъ, эта Исторія Преображенскаго Кладбища заслуживаетъ полнаго довѣрія въ той ея части, гдѣ ставится въ связь порученіе княземъ Голицынымъ особаго надзора за Кладбищемъ одному изъ своихъ чиновниковъ и послѣдовавшая потомъ отправка сыщика въ Судиславль. Здѣсь Г. былъ захваченъ, повидимому, врасплохъ, а затѣмъ послѣ суда сосланъ въ Соловецкій монастырь. — Экономическую и, во всякомъ случаѣ, нравственно невысокую почву, на которой разыгралось, приведшее къ ссылкѣ Г., его дѣло, ѳедосѣевскіе писатели пытаются замѣнить вѣроисповѣдной, представляя происшедшее актомъ внутренней религіозной розни. «Исконный врагъ, пишетъ одинъ изъ нихъ, наводяй великія бѣды угодникомъ Божіимъ, тако и на сего доблестнаго учителя и всякаго беззаконія обличителя наусти своихъ послушниковъ, самочинныхъ браколюбниковъ обадити его предъ царемъ, коего именнымъ повелѣніемъ и заточенъ былъ въ Соловецкую обитель (цит. Уставъ)». Впрочемъ, несостоятельность подобнаго освѣщенія открывается уже самымъ указаніемъ доносчиковъ на Г. въ лицѣ «браколюбниковъ», коимъ сочувствовалъ Осиповъ и его преображенскіе сопартійники,—Осиповъ, потерпѣвшій неудачу на выборахъ попечителей Преображенскаго Кладбища. Въ отмѣченномъ сочувствіи, къ слову сказать, и опора для соотвѣтствующаго объясненія ѳедосѣевцами причины ссылки Г.—Мѣсто заключенія, съ 15 мая 1824 г., Гнусина, благодаря случайной встрѣчѣ съ нимъ, при переправѣ черезъ Волгу подъ Ярославлемъ, кладбищенскаго наставника, Зиновія Осипова, сдѣлалось скоро извѣстнымъ въ Москвѣ. Торговыя связи тамошнихъ

ѳедосѣевцевъ съ монастыремъ облегчили и участь Г., и его сношенія съ Москвой, откуда присылались деньги, а также пріѣзжали къ нему, и куда писалъ онъ. Послѣ весьма непродолжительной болѣзни «въ Соловецкомъ» же «монастырѣ Г. умеръ и погребенъ былъ Кемскимъ купцомъ Терлинымъ, начальникомъ Топь-Озерской ѳедосѣевской общины въ Архангельской губерніи» (Доз. зап., стр. 144—5—Чт. въ О. И. и Д. Р., 1886 г., кн. 1).

Г.—«учительный настоятель» (цит. Уставъ), онъ—«знаменитый учитель и наставникъ *ѳеодосіанской церкви* въ Москвѣ» (Любопытный, op. cit). Неудивительно, что и наслѣдіе, оставленное имъ, было литературнымъ. Кромѣ, упоминаемыхъ ниже, Пандектъ «симъ премудростнымъ и учительнымъ отцемъ и иныя книги составлены быша, какъ противу новолюбцевъ, такожде и во отраженіе самобрачниковъ и прочія» (цит. Уставъ). Сюда, во-первыхъ, должны быть отнесены посланія Г. «Почеркъ его довольно одинаковъ, почему скоро можно узнать, хотя онъ подписывалъ свои сочиненія, перемѣняя имена Михаилъ Васильевъ, Петръ Никифоровъ, Сергѣй Семеновъ» (Доз. зап., стр. 11, ibid., 1885 г., кн. 2). Такъ, однако, дѣло обстояло въ 1845 г., для насъ же пока автографъ Г. неизвѣстенъ. Но, судя по подписямъ и нѣкоторымъ другимъ даннымъ, изъ посланій, кромѣ одного, условно приписаннаго нами ранѣе Г., единолично ему принадлежатъ: 1), (отъ 9 января 1806 г.) Боголюбезному соньму православно-кафолическаго исповѣданія, и Московскаго Преображенскаго Кладбища благословенія держащемуся, и покаряющемуся, яже во Юхотскихъ предѣлѣхъ (*Нач.*: Не изнемогайте возлюбленное малое избранное стадо Христово...); 2), (отъ 5 марта 1807 г.) Города Кинешмы, деревни Поспѣлихи, возлюбленному нашему благопріятелю, Филиппу Сидоровичу съ родительницею... братцемъ же и сыномъ, и со всѣмъ семействомъ и сродниками (*Нач.*: Пріятнѣйшее ваше писаніе, пущенное іюля отъ 22-го имѣлъ честь получить...); 3), (отъ того же числа) Пречестнѣйшему и благоразумнѣйшему благодѣтелю, Андрею Лазаревичу... (*Нач.*: Честное ваше письмо имѣлъ получить...); 4), (отъ 25 іюня того же года) «Въ Судиславъ». Очевидно, Папулину. (*Нач.*: Милостивый Государь нашъ и благопріятель, Николай Андреевичъ. При благополучномъ проживаніи...); 5), (отъ 22 октября того же года). Несомнѣнно, на Преображенское Кладбище къ тамошнему наставнику, впослѣдствіи настоятелю († 1822 г.), начинающееся словами: Боголюбезный и благоговѣйный ми по Христѣ и высокомилостивый отецъ, Сергѣй Яковлевичъ...; 6), (безъ даты) Судя по слѣдующему посланію, въ Чухлому, начинающееся такъ: Милостивый государь, Филиппъ Сидоровичъ, здравствуй...; 7), (безъ даты,—всего вѣроятнѣе, май—5 іюля 1808 г.). Въ Чухлому. (*Нач.* Возлюбленный брате о Христе, Филиппъ Сидоровичъ, радуйся всегда о Господѣ...); 8), (отъ 23 января 1809 г.) Въ Ярославской области обрѣтающимся всякаго возраста званія же и чина православно мудрствующимъ христіяномъ (*Нач.*: Дошло въ слухи наши...); 9), (отъ 25, видимо, того же августа) Любезному другу, Андрею Ивановичу... (*Нач.*: Письмо ваше получили исправно...); 10), (отъ 21 марта 1810 г.) Въ Питеръ. Купцу Бумажникову (*Нач.*: Милостивый государь мой и доброжелатель, Алексѣй Осиповичъ, умудритися о Господѣ желаю...); 11), (отъ 23 августа 1811 г.) Люботщательному вопросителю, знаемому нами и бывшему въ единомудріи, чаду церковному, Василію Ѳедоровичу Фряновскому (*Нач.*: Письмо твое, пущенное іюня 9 дня...). Извлеченія отсюда напечатаны въ статьѣ Ѳ. Д. Круглова, Ѳедосѣевщина (Другъ Истины, 1889, № 12, стр. 250—1); 12), (когда-то до 1805 г.) — Православному и боголюбивому соньму, жительствующему въ Нижно-Троицкомъ Ивана Петровича Осокина заводѣ, старѣйшинѣ Егору Андреевичу и командующему заводами Степану Михайловичу со всѣмъ братьствомъ (*Нач.*: По благодати и ревности вашея совѣсти...). Всѣ перечисленныя посланія и извлеченіе изъ одного еще находятся въ цит. Сборникѣ Хлудовской Библіотеки, № 167 (по ркп. приб. къ Опис.), написанномъ, повидимому, рукой ѳедосѣевскаго [illegible]отца, Г. В. Сенатова († 1896 г.).

Въ дальнѣйшемъ списокъ сочиненій собственно Гнусина можно составлять лишь по литературнымъ указаніямъ, и только временами подтверждая его фактической наличностью рукописныхъ собраній. Сочиненіями данной категоріи, являются: 1), Пандекты (новые) или Новая Пандекта (*Нач.*: Сія святая и богодухновенная книга, нарицаемая Новыя Пандекты...), собранная «на нынѣшняя послѣдняя самовластная лѣта, отъ 256—ти священныхъ книгъ и отъ внѣшнихъ; отъ которыхъ оная книга Пандекта, яко прекрасными и различными цвѣты лѣпотнѣ уряженная, святѣй соборнѣй и апостольстѣй церкви, яко вѣнецъ всеговѣйно поднесенная; она имѣется въ 4-хъ книгахъ и раздѣляется на 9-ть частей; во всѣхъ же 4 книгахъ главъ 655, листовъ 1579; чтущіи сію душеполезную книгу Пандекту именуютъ составившаго оную вторымъ Златоустомъ: яко же той изъясни сыновомъ господствующія тогда святыя церкви священная словеса, тако и сей чадомъ гонимыя на послѣднее время, путь спасенія показа». Время написанія Пандектъ опредѣляется стихотворнымъ къ нимъ предисловіемъ: «Лѣто (а) міробытныя (міробытія) 70 и 3 протекли сторицы... Еще на тѣмъ 3 третицы въ десятицѣ... Отъ Христова же воплощенія осьмнадесять трегубицы 3 въ десятицѣ числяя протекло лѣтъ». Полная рукопись имѣется, конечно, въ недоступной, для изслѣдователей, библіотекѣ Московскаго Преображенскаго Кладбища. Впрочемъ, это не единственный, хотя бы и чрезвычайно рѣдко встрѣчающійся, списокъ, среди которыхъ, несомнѣнно, найдутся даже автографы Гнусина. Подробное описаніе Пандектъ имѣется въ цит. ст. Круглова (Другъ Истины, 1888 г., № 36, стр. 606—7), сокращенное — въ цит. литогр. Ѳедос. Уставѣ. Въ неполномъ видѣ онѣ находятся въ спискѣ И. П. Б. Q. I. № 474. Самая обширная (96 главъ), изъ 9 частей Пандектъ, 4-я ч. II кн. находится опять-таки въ закрытой, для широкой публики, Библіотекѣ Московскаго Рогожскаго Кладбища, по ркп. оп. Власова, за № 342 (О седьми тайнахъцерковныхъ и о пріятіи еретикъ...). Есть основаніе относить къ извлеченію изъ Пандектъ и находящееся въ ркп. той же Библіотеки за № 345 подъ заглавіемъ: О шестой тайнѣ, законномъ брацѣ (Огл. и 67 гл.) съ такимъ началомъ I главы: И по устроеніи всему дому. Выдержки изъ Пандектъ имѣются въ ркп. Хл. Библ. № № 343 и 346 (по Оп. Поп. М. 1872), л. 125 и об., — на л.л. 166 и 186 об. (вт. сч.) ркп. той же Библ. № 168 (по ркп. приб. къ Оп.) и въ цит. ст. Круглова (ib. и стр. 711—714; — 1889 г., №№ 22—3, 32, стр. 478—9, 632—3); 2), Толкованіе на 105 слово Ефрема Сирина объ антихристѣ (*Нач.*: Како, азъ грѣшный Ефремъ...). Имѣется въ спискѣ Хл. Библ. № 146 (по цит. приб. къ Оп.), провѣренномъ «съ провереннаго съ самой рукописи сочинителя». Извлеченія отсюда въ ркп. той же Библіотеки № 168 (лл. 153—154, 176 об.), а выдержка въ Дѣян. моск. ѳедос. собора, бывш. въ Авг. 1883 г. — Бр. Сл., 1884, т. II, стр. 97; можно думать, что это толкованіе и есть, упоминаемый у Александра Б. (ровковича=архіеп. Херс. Никанора) въ Опис. нѣк. сочин., напис. русск. раск. въ польз. раск., ч. II, стр. 328, С.-Пб. 1861, а также въ Исторіи Преобр. Кладбища, Семитолковый Апокалипсисъ или Евангеліе; 3), Вѣроисповѣданіе, поданное, едва ли не въ 1838 г., Соловецкому архимандриту Иларію (цит. Дѣл. М. С. С. К. о р.); 4), Цит. Хл. ркп. № 167, л. 164 об., считая адресатомъ Казанскаго ѳедосѣевскаго отца, Якова Петровича, приписываетъ Г., перепечатанное изъ газеты «Зритель» (за 1862—3 гг.) Н. И. Поповымъ въ Сборникѣ изъ исторіи старообрядчества (М. 1864, стр. 157—162) и Ѳ. В. Ливановымъ (op. cit., т. III, стр. 108—110, прим., С.-Пб. 1872), «Луки Терентьева посланіе, къ Василію Иванову Верейскому, извѣстительное о смерти и погребеніи И. А. Ковылина». «Только въ началѣ (потеряннаго въ подлинникѣ) письма, говоритъ ркп., замѣчаются, вѣроятно, отъ переписчика вошедшія въ словахъ ошибки»; 5), Та же ркп. (loc. cit.) въ Гнусинѣ видитъ автора стихиры на погребеніе Ковылина (*Нач.*: Егда убо всечестный конецъ успенія твоего), помѣщенной Поповымъ въ I т. Сборника для исторіи старообрядчества, стр. 152—168, М., 1864, И. Ѳ. Нильскимъ (Сем. жизнь въ русск. раскол., в. 1, С.-Пб., 1869, стр. 346,

прим. 2), въ Дневн. зап. Прав. доз. о Моск. раск. (Чт. въ О. И. и Д. Р., 1886, кн. I), стр. 162 и Ѳ. В. Ливановымъ (op. cit., ibid., стр. 113—4, прим.); 6), Тотъ же Поповъ (op. cit., т. II, в. 5, прил., стр. 166, прим., М., 1866) считаетъ Гнусинскимъ «Объясненіе» (op. cit., т. I, стр. 32—73) на 17 статей Петербургскаго ѳедосѣевскаго собора 1809 г. (въ неполн. вид. ibid., стр. 22—32, цѣликомъ, и част. въ ркп.: И. П. Б. Q. I, № 474 и №№ 1081, 1089=Богд. № 49, 63,—О. I. № 370=Богд. № 73; Хл. №№ 61, по 1 приб. къ Опис., М. 1875, и 168 по ркп. пр.; Влад. Дух. Сем. № 75; Черн. Дух. Сем. № 152; Друж. № 847), но вышеупомянутый Сенатовъ, въ Хл. № 168, отрицаетъ принадлежность его Г.; впрочемъ, отрицаніе это позволительно распространять лишь на, *помѣщенный въ Сборникѣ Попова* (loc. cit.), текстъ «Объясненій», ибо, въ Друж. № 847 (сн. И. П. Б. О. I. № 370=Богд. № 73; Хл. №№ 61 и 168) имѣется, въ копіи, скрѣпа Г. подъ «питерскими статьями» съ московскимъ ихъ утвержденіемъ и объясненіями, хотя текстъ послѣднихъ расходится съ вышеупомянутымъ печатнымъ, отличаясь, вмѣстѣ, бо́льшею краткостью, главнымъ образомъ, и отъ Хл. 168, копированнаго съ книги «Отеческихъ завѣщаній»; 7), Статьи, почти согласныя съ питерскими и посланныя около 1814 или 1815 года въ Кимру къ Филиповцамъ съ цѣлью примирить ихъ съ московскими ѳедосѣевцами (Показ. С. Кузьмина въ 1853 г. у Ѳ. В. Ливанова, op. cit., ibid., стр. 118); 8), «Письмо къ присному своему благодѣтелю», писанное Г. незадолго до смерти (Доз. зап., стр. 102—Чт. въ О. И. и Д. Р., кн. 161); 9), Посланіе къ Кладбищу, полученное С. Кузьминымъ при свиданіи съ Г. на Соловкахъ (Ист. Пр. Кл.); 10), Соборныя статіи 7318 (1810) года (Хл. № 168, лл. 117—125 вт. сч.; цит. Уставъ и, почти полностью, у Круглова, который и приписываетъ статьи Г., op. cit., ib., 1889 г., № 18, стр. 392—395, а также въ цит. Дѣян. ѳедос. соб. 1883 г.—ib., стр. 49—51, 92—104, 144—154).

Одновременно съ указаніемъ на это произведеніе Г. мы вступаемъ въ циклъ памятниковъ, подписанныхъ не единолично Г. Тѣмъ не менѣе право на включеніе ихъ въ соотвѣтствующій списокъ даетъ, помимо, свидѣтельствуемой подписью Г., идейной его солидарности съ данными произведеніями, литературная и учительная роль, какую, за свое время, игралъ на Кладбищѣ Г., не говоря о тожествѣ въ слогѣ между памятниками обѣихъ категорій.

Таковы суть, кромѣ предположительно относимаго, изъ ркп. Влад. Дух. Сем. № 75, находящіяся въ Хл. № 167, посланія: 11), (отъ 7 марта, не позднѣе, 1809 г.) Въ предѣлѣхъ Вязниковскихъ находящимся всѣмъ православновѣрующимъ... (*Нач.*: Мы царствующаго града Москвы...); 12), (отъ 17 августа 1807 г.) Благочестивѣйшимъ великоревностнѣйшимъ правовѣрнымъ христіяномъ, въ Кинешемскихъ и Судиславскихъ предѣлѣхъ пребывающимъ о Христѣ братіямъ Петру Ѳедорычу, Филиппу Сидоровичу, Николаю Андреевичу и прочимъ всѣмъ... (*Нач.*: Письмо ваше, писанное отъ 11-го прошедшаго іюля...); 13), (отъ того же числа) Въ Вязниковскихъ странахъ обрѣтающемуся, отцу Тарасію... (*Нач.*: Дошло до насъ свѣдѣніе...); 14), (отъ 5 февраля 1808 г.) Въ Нижнѣмъ. (*Нач.*: Честный господинъ Афанасій Петровичь...); 15), (отъ 6 того же февраля) Въ Рыбковско: Брату нашему о Христѣ Степану Ѳедоровичу (*Нач.*: Письмо ваше и пріобщенное при немъ другое получили...); 16), (отъ того же числа) Боголюбезнымъ и о благочестіи ревнующимъ царствующаго града Петербурга отцамъ и старѣйшинамъ Аѳанасію Іакинфіевичу и прочимъ... (*Нач.*: Трудолюбное ваше писаніе, пущенное декабря 20, здѣсь имѣли честь получить...). Ср. И. П. Б. Q. I, №1081, л. 131 = Богд. №49. 17), (отъ 13 того же февраля) Въ Тулѣ и въ предѣлѣхъ его обрѣтающимся православнымъ всѣмъ христіяномъ... (*Нач.*: Понеже долгъ христіянскаго состоянія лежитъ...); 18), (отъ 17 того же апрѣля) Нижегородскихъ и прочихъ странъ православно мудрствующимъ... (*Нач.*: Обрѣтающіися въ Нижегородскихъ странахъ...); 19), (отъ 19 того же августа) Вятскихъ странъ настоятелю, брату нашему Іосифу Артамонычу... (*Нач.*: Письмо ваше, посланное прошедшаго іюня отъ 4-го, здѣсь получено..);

20), (отъ того же числа) Нижегородскихъ странъ жителямъ, сыномъ соборныя апостольскія церкве, Якову Иванычу, Гавриле Васильичу и Андрею Иванычу... (*Нач.*: Письма ваши одно общественное...); 21), (отъ того же 22 августа) Кинешемскихъ странъ настоятелю, брату нашему Петру Ѳедорычу... (*Нач.*: Увѣдомляете вы чрезъ Филиппа Сидоровича...); 22), (отъ того же числа) Чухломскихъ странъ доброжелательному христолюбцу Василію Тимофѣевичу со всею о Христѣ братіею... (*Нач.*: Письмо ваше имѣли получить августа 10-го...); 23), (отъ 25 января 1809 г.) Села Ижески старѣйшинствующимъ въ христіянѣхъ Григорію Васильичу и Елисею Ефимычу со всею братіею... (*Нач.*: Чрезъ поданные отъ посланнаго отъ васъ человѣка, разныя письма, уразумѣли мы...); 24), (отъ 9 того же марта) Града Тулы православнымъ христіяномъ Филиппу Федосѣичу съ братіею... (*Нач.*: Письмо ваше, пущенное февраля отъ 22, здѣсь сего марта мѣсяцовъ 8 числъ получено...); 25), (отъ 14 того же апрѣля) Нижегородскихъ предѣловъ въ селѣ Подновье обрѣтающимся христіяномъ, Якову Иванычу со всею о Христѣ братіею... (*Нач.*: Письмо ваше, пущенное марта отъ 3-го числа здѣсь во свое время получено исправно...); 26), (отъ 3 того же іюля) Старѣйшинствующему въ Новѣ-градѣ Кондратію Васильевичу... (*Нач.*: Дошло въ слухи наша...); 27), (отъ 5 того же августа) Въ царствующемъ градѣ Петербургѣ при Печневской часовнѣ обрѣтающемуся настоятелю Ефиму Артемычу со единомысленники... (*Нач.*: Не довольно-ль стало христолюбивой душѣ съ печалію смотрѣть...); сн. И. П. Б. Q. I. № 1081, = Богд. № 49, л. 150 об.; 28), (отъ 25, видимо, того же августа) Честнымъ дѣвицамъ, обрѣтающимся въ Лысковѣ при содержаніи молитвеннаго дома... (*Нач.*: Доходятъ къ намъ слухи...); 29), (отъ того же 25 числа). Старѣйшинствующему братіею въ городѣ Сольцѣ, Козмѣ Ѳедотовичу... (*Нач.*: Предложилъ намъ на разсмоерѣніе...); 30), (отъ 16 того же сентября) Вятской губерніи, Колпинской округи, деревни Мокруши, старѣйшинствующему въ христіянѣхъ Гаврилу Петровичу... (*Нач.*: Письмо ваше посланное августа отъ 20-го...); 31), (отъ 3 февраля 1810 г.) Старѣйшинствующему въ христоименитыхъ людехъ города Старой Русы, Тимофѣю Петровичу... (*Нач.*: Пишите вы...); 32), (отъ 4 того же мая) Православномудрствующимъ и во благочестіи христіянскомъ сіяющимъ Воронежской области, Даніилу Григорьевичу, Демиду и Марку Ивановичу, Антону Петровичу со всею о Христѣ братіею и сестрами... (*Нач.*: Желаетъ наше московское христіянское общество...); 33), (отъ 11 того же іюня) Православномудрствующимъ Кинешемскихъ странъ христіяномъ Петру Федорычу и Филипу Сидорычу со всею о Христѣ братіею... (*Нач.*: Письмо ваше, пущенное 18-го, здѣсь получено...); 34), (отъ того же 11 числа) Града Галича правовѣрующимъ христіяномъ Ивану Петровичу и Сергѣю Ермолаичу со всѣми о Христѣ живущими... (*Нач.*: Любезное ваше письмо сего іюня мѣсяца въ 7 день получили...); 35), (отъ 26 декабря 1810 г.) Православномудрствующимъ города Сызрана и въ предѣлѣхъ его повсюду въ разсѣяніи живущимъ христіяномъ, братіямъ нашимъ возлюбленнымъ Ивану Андреевичу и Потапу Потапьичу со всею о Христѣ братіею... (Дошло намъ въ свѣдѣніе...). Наконецъ, имѣется скрѣпа Г. на мнѣніи «города Сызрана жителя Василія Макарова» и упоминается о наставленіяхъ, данныхъ въ Соловецкомъ монастырѣ, Семену Кузьмину насчетъ моленія за царя и по вопросу объ отношеніяхъ духовниковъ къ нарушенію ѳедосѣевцами безбрачія.

Литературная дѣятельность Гнусина, порой, принимала стихотворный оттѣнокъ (сн. его Предисловіе къ Пандектамъ). Иногда же, Г. садился за работу редакціонную. Онъ, напр., исправилъ и дополнилъ Поморскій (церковный) Уставъ, составленный Петромъ Прокопьевымъ (Хл. ркп. № 271, по Оп. Поп., 1872 г.).

Что же касается картинъ Г., то, кромѣ воспроизведенной нами выше, надлежитъ отмѣтить существованіе нѣкогда еще четырехъ. Одна изъ нихъ изображала добродѣтели, посредствомъ коихъ человѣкъ долженъ достигать вѣчнаго спасенія, другая, на тему о вѣн-

чаніи на царство по новому обряду, — царя, окруженнаго нечистыми духами, а третья, приложенная и къ Пандектамъ, — замужнихъ женщинъ собаками-самками, а новорожденныхъ ими дѣтей щенятами, въ которыхъ души вкладывалъ, посредствомъ длиннаго жезла, діаволъ. Эта послѣдняя картина, по описанію Любопытнаго (Истор. или Хронол. Ядр. всѣхъ старов. церкв. — И. П. Б. F. I. № 485), «представляла мужа и жену съ надписаніями на нихъ скверныхъ словъ: и рече діаволъ — раститеся и множитеся и наполните землю! Оной четѣ сатана вкладываетъ жезломъ душу дѣтей. Внизу сей картины слова: дѣти сатанины». Была и еще какая-то «картина Г., на отверженіе браковъ, въ лицѣ (видѣ?) совы» (Хл. № 346).

Голый перечень сочиненій Г. и тотъ не можетъ не обнаружить въ немъ плодовитѣйшаго писателя. И, дѣйствительно, на протяженіи XIX в., если не за всю исторію Преображенскаго Кладбища, трудно указать фигуру, равную въ этомъ отношеніи Г., а тѣмъ болѣе превосходящую его. «Подобнаго снискателя и изъяснителя священнаго писанія наше (т. е. ѳедосѣевское) московское христіянское общество не имѣло». Безпокоившій своими произведеніями иномыслящихъ и даже вызвавшій, въ старообрядческой средѣ, спеціальную, полемическую противъ себя, литературу (см.: Каталогъ Любопытнаго,—у проф. И. Ѳ. Нильскаго, op. cit., ibid. и в. 2,— цит. Хл. ркп. № 346) Г. живъ здѣсь и доселѣ. По сознанію ѳедосѣевцевъ, Г., хотя «плотскими усты, благовѣствующими путь правды, на вѣчно умолчалъ, но своими святолѣпными собраніи душеполезныхъ книгъ присно вѣщаетъ, и благопокорнымъ сыновомъ гонимыя церкве, путь спасенія являетъ». Интересъ къ его сочиненіямъ не умираетъ въ ѳедосѣевской массѣ, церковнымъ уставомъ, заимствованнымъ, между прочимъ, «отъ списанія ...Сергія Симеоновича», и доселѣ пользуется Преображенское Кладбище, а, недоступныя для взора непосвященныхъ, книги — непререкаемый, естественно, подтвержденный и самымъ послѣднимъ, по времени (1883 г.), соборомъ московскихъ ѳедосѣевцевъ, авторитетъ, главнымъ образомъ, канонический, для соотвѣтствующихъ руководителей. Послѣднее, несомнѣнно, обусловлено количествомъ и разнообразіемъ предметовъ, затронутыхъ Г. и вызванныхъ временемъ, которое, въ отношеніи идейномъ, совершенно не измѣнилось для послѣдовательнаго Ѳедосѣевца изъ Преображенцевъ. Отсюда, разумѣется, уже раннія попытки самихъ старообрядцевъ резюмировать данныя сочиненія (Преданіе отца Сергія Семеновича). Главную причину подобной устойчивости позволительно, однако, искать въ послѣдовательномъ и не знающемъ, de jure, компромиссовъ проведеніи Г. началъ *московской* ѳедосѣевщины, въ адэкватности его сочиненій духу этой послѣдней. Г. — «рѣдкій буквалистъ, ужасный изувѣръ и злохульникъ святости законовъ,... лютый бракоборецъ и наглый чтитель галилейства» (Любопытный, op. cit.). «Писанныя имъ книги и тетради отличаются... самыми злѣйшими и ругательными положеніями противу церкви» (Доз. зап., стр. 11—Чт. въ О. И. и Д. Р., 1885 г., кн. 2). «Никто изъ учителей ѳедосѣевской секты не отличался столь дерзкимъ и порицательнымъ, противъ церкви и Государя, проповѣданіемъ ученія своего согласія» (Op. cit., стр. 144,—ib., 1886 г., кн. 1). Недаромъ вышеупомянутое «вѣроисповѣданіе» Г., подъ именемъ «Исповѣданія вѣры старообрядцевъ, принадлежащихъ къ Преображенскому Кладбищу», въ ноябрѣ 1844-го года, подано было казначеемъ Кладбища Андреемъ Ларіоновымъ (Шутовымъ) Генералу Липранди (цит. Д. С. С. К.). Если же поднимать вопросъ о степени оригинальности идей Г., то ва ли мы уйдемъ особенно далеко отъ зарегистрованія связи, въ какую поставилъ Г. обязательное, у московскихъ ѳедосѣевцевъ, безбрачіе и прекращеніе истиннаго священства на землѣ. Онъ допустилъ въ данномъ случаѣ перестановку и, вопреки своимъ литературнымъ предшественникамъ, утверждалъ, что не уничтоженіе истиннаго священства дѣлаетъ невозможнымъ теперь бракъ, а невозможность, въ настоящее (послѣднее) время, брака было причиной попущенія Провидѣніемъ уничтожиться истинному священству. Отсюда, теперешній бракъ и стремленіе къ нему

одно изъ проявленій духа антихристова и умноженіе рода человѣческаго стало дѣломъ діавольскимъ. Отсюда же, въ свою очередь, «каноническій» ригоризмъ Г., естественно, приводившій къ самымъ грубымъ массовымъ компромиссамъ на практикѣ, и, пожалуй, даже допускавшій ихъ лишь бы сохранить теорію. Ѳедосѣевцы, однако, протестуютъ по адресу утрированнаго пониманія ученія Г. объ умноженіи рода человѣческаго, а именно: будто «въ новоженническихъ дѣтей вкладываетъ душу діаволъ», утверждая вдобавокъ, что «таковаго содержанія картина составлена не Сергіемъ Семеновичемъ, а его соперниками брачниками, и по злобѣ приписали таковое сочиненіе Сергію Семеновичу» (цит. Дѣян. моск. ѳедос. собор., ibid., стр. 96—7). Само собою разумѣется, при всемъ томъ за произведеніями Г. нельзя отрицать значеніе матеріала для исторіи не только соотвѣтствующихъ идей, но и внѣшней по отношенію къ старообрядческому расколу. Внѣшность же самого Г. была такая: «голова лысая, борода посредственная въ кошчахъ раздвоившаяся, волосы головы и бороды съ просѣдью» (Хл. ркп. № 346, л. 116). Со стороны характера, онъ, по словамъ Любопытнаго (op. cit.), «человѣкъ зломудренный, врагъ евангельскаго мира и священныхъ музъ, исполненный пустосвятства и обмана,...самонравный, непокорнаго духа и мстительный, осыпанный съ головы до ногъ злохитростью, нечестіемъ».

Кромѣ рукописей, изданій и архивныхъ дѣлъ, на которыя имѣются ссылки въ текстѣ, тѣ или иныя свѣдѣнія о Г. можно найти: у В. В. Андреева, «Расколъ и его значеніе въ народной русской исторіи», Петербургъ, 1870; — В. Ф. Барбарина, «Бесѣда въ день Рождества св. Іоанна Предтечи и Крестителя Господня» («Другъ Истины», 1888 г., №№ 24—5); — В. Васильева, «Организація и самоуправленіе Ѳеодосіевской общины на Преображенскомъ кладбищѣ въ Москвѣ» («Христ. Чт.», 1887 г., ч. II); — М. Н. Васильевскаго, «Государственная система отношеній къ старообрядческому расколу въ царствованіе Императора Николая I», Кз., 1914; — В. Г. Дружинина, «О пребываніи французовъ въ Московскомъ Преображенскомъ Богадѣльномъ Домѣ въ 1812 году» («Записк. разр. военн. Археол. и Археогр. Импер. Рус. Воен. — Истор. Общ.», т. II и отд., С.-Пб. 1912) и «Писанія русскихъ старообрядцевъ» (Лѣтоп. зан. Арх. Ком. за 1912 г., вып. 25, С.-Пб., 1913, и отд., С.-Пб., 1912); — Н. И. Ивановскаго, «Критическ. разборъ ученія безпоповцевъ о церкви и таинствахъ», Кз., 1892 (1-е изд. той же книги, предварительно печатавшейся въ «Правосл. Собес.» за 1882—3 гг., Кз., 1883); — Н. Костомарова, «Исторія раскола у раскольниковъ» («Вѣстн. Европы», 1871, т. II — Апрѣль и Истор. моногр., XII, С.-Пб. 1872); — Ѳ. Д. Круглова, «Первые дѣятели Преображенскаго Кладбища и ихъ лжеученіе», М., 1887, и «Внутреннее состояніе Ѳедосѣевскаго общества съ 1879—1886 годъ.» («Чт. въ Общ. Люб. Дух. Просв., 1886, ч. II); — С. М. Маркова, «Значеніе вопроса об іерархіи въ судьбахъ старообрядчества» («Другъ Истины», гг. 1888—9 и отд.); — К. Н(адежди)на, «Споры безпоповцевъ Преображенскаго Кладбища и Покровской Часовни о бракѣ» («Пр. Обозр., 1864 т. XV и отд. С.-Пб. 1865, Владиміръ, 1877); — въ ст. «Наполеонъ и старообрядцы» («Церковь», 1912, № 34); у Архим. Павла (Прусскаго) «Замѣчанія на книгу и листки, изданные въ Яссахъ инокомъ Іоасафомъ противу меня и противъ инока Прокопія» (Полн. собр. соч., т. II), «Описаніе вторичнаго моего путешествія къ литовскимъ старообрядцамъ и за границу въ 1871 г.» (ib. и отд.) и «Воспоминанія объ Антоніи Шутовѣ» (ib., ч. III, М. 1888 и «Бр. Сл.,» 1883); — В. Сенатова, «Преображенское кладбище въ 1812 г.» («Церковь», 1912, №№ 34, 35); — П. В. Синицына, «Преображенское и окружающія его мѣста, ихъ прошлое и настоящее», М., 1895; — въ Собран. постан. по ч. раскола, изд. 1858 и 1875 гг.; — у А. С(ороки)на, «Прогулка на Преображенскомъ безпоповщинскомъ Ѳедосѣевскомъ кладбищѣ въ Москвѣ» («Душеп. Чт.», 1879, ч. 2); — Н. И. Субботина, «Исторія такъ называемаго австрійскаго, или бѣлокриницкаго священства», вып. 2., М. 1899; — Митроп. Моск. Филарета (Дроздова), «Собраніе мнѣній и отзывовъ», т. III (С.-Пб., 1885) и дополнительный (С.-Пб., 1887); — въ ст. «Филипповское бракоборство» («Церковь», 1912, № 39); — у Н. Яхонтова, «Бесѣда Православныхъ со старообрядцами, бывшая 2-го Февраля сего года въ селѣ Борисовскомъ» («Владим. Епарх. Вѣдом.», 1889 г., № 10., часть неоф.).

Архимандритъ Никаноръ.

Гнѣдинъ, *Дмитрій Титовичъ*, земскій дѣятель, родился въ 1818 г. въ Екатеринославской губерніи, умеръ въ 1885 г. Предки его были запорожскіе казаки (дѣдъ — Антонъ Гнида — былъ есауломъ въ Сѣчи). Окончивъ курсъ гимназіи, Г. поступилъ на военную службу, но пробылъ на ней не долго и въ 1843 г. вышелъ въ отставку, послѣ чего поселился въ своемъ имѣніи — с. Александровкѣ, Александровскаго уѣзда, Екатеринославской губ. Будучи еще совсѣмъ молодымъ, Г. отличался трезвымъ взглядомъ на жизнь, твердостью характера и неподкупностью

убѣжденій. Поселившись навсегда въ своемъ имѣніи, онъ несмотря на крѣпостное право и окружающія условія, не дававшія простора его дѣятельности, все-таки открылъ у себя въ домѣ народную школу, въ которой преподавалъ вмѣстѣ со своей женой. Это была, кажется, первая школа для дѣтей крѣпостныхъ, основанная въ 40-хъ годахъ. Послѣ освобожденія крестьянъ Г. былъ выбранъ мировымъ посредникомъ перваго призыва. Его нелицепріятный и энергичный образъ дѣйствій вооружилъ противъ него многихъ помѣщиковъ. Ему даже была дана кличка «Гарибальди Александровскаго уѣзда» и на губернскомъ дворянскомъ собраніи былъ поднятъ вопросъ объ исключеніи его изъ дворянскаго сословія за анти-дворянскія тенденціи. Но это предложеніе было отвергнуто благодаря талантливой рѣчи другого земскаго дѣятеля и извѣстнаго педагога барона Н. А. Корфа. На второе трехлѣтіе Г. даже не баллотировался, такъ какъ въ постановкѣ института посредниковъ произошли перемѣны, подчиняться которымъ онъ не хотѣлъ. Съ открытіемъ въ уѣздѣ земскихъ учрежденій Г. былъ избираемъ гласнымъ въ теченіе пяти трехлѣтій. Дѣйствуя здѣсь вмѣстѣ съ Н. А. Корфомъ, Д. Т. былъ однимъ изъ главнѣйшихъ двигателей народнаго образованія въ своемъ уѣздѣ. Школы этого уѣзда пріобрѣли тогда всеобщую извѣстность. Немало молодежи собиралось тогда туда, чтобы работать подъ руководствомъ Гнѣдина и Корфа. Вначалѣ Г. былъ членомъ училищнаго совѣта, затѣмъ, когда Н. А. Корфъ былъ забаллотированъ въ гласные (1872 г.) и уѣхалъ за-границу, его выбрали въ предсѣдатели училищнаго совѣта. Въ 1874 г., когда предсѣдательство въ училищныхъ совѣтахъ перешло къ предводителямъ дворянства, Гнѣдину предложили баллотироваться въ предводители, но онъ отклонилъ это предложеніе, такъ какъ былъ принципіальнымъ противникомъ сословной службы, и остался попечителемъ школы въ своемъ селѣ. Далѣе, съ введеніемъ въ уѣздѣ судебной реформы, Г. въ теченіе одиннадцати лѣтъ былъ избираемъ въ участковые мировые судьи. Въ судейской его дѣятельности обращала на себя вниманіе та характерная черта, что онъ болѣе любилъ «мирить, чѣмъ судить», и всегда гордился изобиліемъ мировыхъ сдѣлокъ, которыми отличалась его камера.

Въ 70-хъ годахъ Г. открылъ у себя книжный складъ для снабженія школъ книгами и пособіями, благодаря чему въ глухія деревни проникало немало народныхъ изданій. Въ 1874 г. Г. основалъ ссудо-сберегательное общество, въ составѣ котораго онъ работалъ до кончины. Наконецъ, общественная дѣятельность Гнѣдина завершилась созданіемъ Гнѣдинскаго ремесленнаго училища. Это училище было разсчитано на 90 человѣкъ учащихся всѣхъ сословій. Оно выпускало кустарей-производителей сельскохозяйственныхъ орудій, употребляемыхъ въ среднемъ и мелкомъ хозяйствѣ. Мысль о такомъ училищѣ зародилась у Г. еще въ 1869 г. Денегъ у него не было, и пришлось заложить имѣніе и истратить около 35000 руб. на постройку зданія для этой школы. Однако потребовался 14-лѣтній періодъ времени для осуществленія этого предпріятія. Много неудачъ испыталъ за это время Д. Т. До 1875 г. происходили выработка и утвержденіе устава училища и въ этомъ же году земство постановило принять зданія, которыя будутъ выстроены Г., на свой счетъ съ тѣмъ, чтобы открыть въ нихъ училище. Въ 1878 г. зданія были готовы, но уѣздное земство, уже въ другомъ составѣ, уклонилось отъ своего постановленія и ходатайствовало о принятіи училища на счетъ губернскаго земства. Послѣднее своимъ постановленіемъ, а затѣмъ отмѣною его, вызвало горькій упрекъ со стороны Корфа, написавшаго въ «Голосѣ» статью: «Какъ иногда земства сами подрываютъ свое значеніе». Только послѣ долгихъ переговоровъ съ земствами, Министерствомъ финансовъ и Духовнымъ вѣдомствомъ, 8 сентября 1883 г. училище, наконецъ, было открыто частнымъ Обществомъ улучшенія народнаго труда. Только два года могъ Д. Т. наблюдать первые шаги школы, потребовавшей столькихъ усилій и заботъ. Въ 1879 г. Гнѣдинъ написалъ «Мои воспоминанія», которыя въ 1893 г. были помѣщены Н. Карышевымъ въ «Русскомъ Богатствѣ» (кн. 5—7). Въ этихъ

«Воспоминаніяхъ» авторъ даетъ картину жизни современнаго ему уѣзднаго и губернскаго общества. Среди крестьянъ своего уѣзда Г. пользовался большимъ уваженіемъ; на его похороны собрались не только жители Александровскаго уѣзда, но даже и сосѣднихъ, а «Гнѣдинское Ремесленное Училище» и понынѣ служитъ лучшимъ памятникомъ Г. какъ неутомимому борцу за народное просвѣщеніе.

Дѣятельной помощницей Гнѣдина была его жена *Ольга Ивановна*. Она завѣдывала складомъ книгъ и учебныхъ пособій для народныхъ школъ и дѣятельно распространяла народныя изданія въ глухихъ деревняхъ. О. И. работала и въ составѣ правленія основаннаго мужемъ ссудо-сберегательнаго товарищества. Послѣ смерти мужа она до своей кончины въ 1891 г. была почетной попечительницей Гнѣдинскаго ремесленнаго училища и завѣщала ему капиталъ въ 2000 руб. для выдачи безпроцентныхъ ссудъ на 3 года окончившимъ курсъ питомцамъ училища съ цѣлью основанія ими собственныхъ кустарныхъ мастерскихъ.

«Книжки Недѣли» 1893 г., № 7, стр. 259; «Народная Школа» 1877 г., № 10, стр. 70; Венгеровъ, «Источники словаря рус. писателей»; Брокгаузъ и Ефронъ, «Энциклопед. Словарь», XVI, 954—955 (ст. Н. Карышева о Г. и основанномъ имъ училищѣ).

А. Ельницкій.

Гнѣдичъ, *Николай Ивановичъ*, родился 2 февраля 1784 г. Сынъ небогатыхъ полтавскихъ помѣщиковъ, рано лишившійся родителей, онъ тѣмъ не менѣе получилъ по своему времени достаточное образованіе. Первоначально онъ учился въ Полтавской семинаріи, но здѣсь оставался недолго и перешелъ въ Харьковскій коллегіумъ. Здѣсь Гнѣдичъ пробылъ около семи лѣтъ и въ 1800 г. перешелъ въ Московскій университетъ, предварительно пробывъ нѣкоторое время въ Благородномъ Университетскомъ пансіонѣ. Уволившись по прошенію изъ университета 30 декабря 1802 г., съ аттестатомъ, Гнѣдичъ въ началѣ 1803 г. пріѣхалъ въ Петербургъ и съ 1-го марта опредѣлился на службу въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія, на должность писца. Въ Петербургѣ, среди очень тяжелой иногда матеріальной обстановки, развернулась литературная дѣятельность Гнѣдича, привлекшая къ нему вниманіе вліятельныхъ лицъ и снискавшая къ нему покровительство и уваженіе Алексѣя Николаевича Оленина. Благодаря Оленину, онъ въ 1811 г. былъ избранъ въ члены Россійской Академіи и назначенъ въ Императорскую Публичную Библіотеку сначала помощникомъ библіотекаря, а 26 апрѣля 1826 г. — библіотекаремъ. Одновременно и конечно для пополненія своихъ матеріальныхъ недостатковъ, Гнѣдичъ продолжалъ службу въ Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія до 24 мая 1817 г., когда онъ уволенъ былъ изъ Департамента по прошенію, и даже съ 10 августа 1814 г. опредѣлился письмоводителемъ въ Государственную Канцелярію, подъ начальство своего покровителя А. Н. Оленина, который управлялъ и Императорской Публичной Библіотекой, въ должности Директора, и Государственной Канцеляріей, въ должности Государственнаго Секретаря. 26 декабря 1826 г. Гнѣдичъ былъ избранъ въ члены-корреспонденты Императорской Академіи Наукъ по разряду литературы и исторіи славянскихъ народовъ. Но къ этому времени состояніе здоровья Гнѣдича уже не позволяло ему осложнять лежащія на немъ обязанности, и онъ съ 17 іюня 1827 г. по болѣзни уволился изъ вѣдомства Государственной Канцеляріи, а съ 31 января 1831 г., по той же причинѣ и по прошенію, онъ совсѣмъ оставилъ государственную службу и вышелъ въ отставку съ чиномъ статскаго совѣтника и съ пенсіей.

Надобно замѣтить, что хворать Гнѣдичъ началъ еще съ 1809 г. и потомъ постоянно лѣчился. Перенеся въ дѣтствѣ оспу, совершенно обезобразившую его лицо и даже лишившую его праваго глаза, Гнѣдичъ никогда не отличался крѣпкимъ здоровьемъ. Но до 1825 г. онъ не принималъ особыхъ мѣръ и лишь въ этомъ году, по совѣту врачей, ѣздилъ на Кавказскія минеральныя воды. Къ сожалѣнію, съ Кавказа Гнѣдичъ привезъ новую болѣзнь—катарръ въ груди. Черезъ два года, въ августѣ 1827 г., онъ снова поѣхалъ на югъ Россіи и пробылъ тамъ цѣлый годъ.

Здоровье его на этотъ разъ возстановилось, но въ 1830 г., къ возобновившимся старымъ болѣзнямъ, прибавилась новая — боль въ горлѣ. Мало помогло ему отъ этой болѣзни лѣченіе искусственными минеральными водами въ Москвѣ. Это было расширеніе одной артеріи въ груди, и эту болѣзнь самъ Гнѣдичъ приписывалъ чрезмѣрно напряженной работѣ голоса при разучиваніи трагическихъ ролей съ актрисой Семеновой. Въ началѣ 1833 г. Гнѣдичъ заболѣлъ гриппомъ, и эта болѣзнь оказалась для него роковой: ослабленный разными болѣзнями организмъ не выдержалъ, и Гнѣдичъ 3 февраля 1833 г. скончался, 49 лѣтъ отъ роду.

Посвятивъ всѣ свои способности литературѣ, Гнѣдичъ не принадлежалъ ни ни къ какимъ литературнымъ партіямъ и литературнымъ теченіямъ. Въ молодости онъ былъ близокъ къ «Вольному Обществу», участвовалъ въ либеральныхъ журналахъ, но въ тоже время поддерживалъ хорошія отношенія съ писателями и другого лагеря. Онъ не примкнулъ ни къ Вольному Обществу, ни къ Бесѣдѣ любителей русскаго слова. При возникновеніи Бесѣды Гнѣдичъ усиленно приглашался къ участію въ этомъ литературномъ кружкѣ. Кромѣ нежеланія самого Гнѣдича стать въ ряды Бесѣды, произошло еще одно обстоятельство, ставшее между ними надолго непреодолимой преградой.

Въ декабрѣ 1810 г. Державинъ, думая, что Гнѣдичъ уже приглашенъ Шишковымъ къ участію въ Бесѣдѣ, просилъ его къ себѣ. Гнѣдичъ отговорился нездоровьемъ; Державинъ повторилъ свою просьбу, приглашалъ его въ свой разрядъ [1]) и совѣтовалъ не отказываться. Гнѣдичъ отвѣчалъ, что «нездоровье лишаетъ его удовольствія пріѣхать для переговоровъ по словесности, ему неизвѣстныхъ, которые, производясь такимъ количествомъ приглашаемыхъ особъ, ни его отсутствіемъ не разстроятся, ни его присутствіемъ не получатъ лучшаго успѣха». Державинъ продолжалъ уговаривать его, представлялъ, что участвовать въ бесѣдѣ ему будетъ не трудно: «Черезъ три мѣсяца разъ прочесть что-либо, не токмо свое сочиненіе, но и чужое, кажется не трудно. Вы спознакомитесь съ первыми людьми въ Имперіи и нигдѣ лучше талантовъ своихъ открыть не можете какъ тутъ. Когда повыздоровѣете, пожалуете ко мнѣ; то объяснится вамъ весь порядокъ, какъ *Атеней* нашъ будетъ дѣйствовать. Если вы согласны, то подпишите на приложенной бумагѣ при 9-мъ № свое имя[2]), и возвратите мнѣ оную съ симъ же посланнымъ».

Любопытенъ колкій отвѣтъ оскорбленнаго въ своемъ самолюбіи молодого литератора, 12 декабря 1810 г.: «Я имѣлъ честь получить записку о занятіяхъ гг. членовъ втораго разряда Атенея, писалъ Гнѣдичъ, но прежде нежели прійму ихъ себѣ въ обязанность, долгомъ почитаю изъясниться предъ вашимъ высокопревосходительствомъ о нѣкоторыхъ моихъ недоразумѣніяхъ и о томъ, на что я не могу согласиться. Изъ Записки вижу, что всѣ гг. составляющіе отдѣленіе именуются Членами; на пакетной надписи наименованъ я просто: Сотрудникомъ? Всякій Членъ Общества есть сотрудникъ онаго; но не всякой сотрудникъ можетъ почесться Членомъ.

«Когда Общество составляется не по жребію, не по чинамъ, но по избранію; то и натурально, что всякой избранный смотритъ на достоинство мѣста, какое дается ему. Изъ порядка, какимъ написаны имена гг. Членовъ 2-го разряда, я заключаю, что они разставляются по чинамъ. Отдавая всю справедливость и уваженіе заслугамъ по службѣ, я тогда только позволю себѣ видѣть имя свое ниже нѣкоторыхъ гг., послѣ какихъ внесенъ я въ списокъ, когда дѣло будетъ идти о чинахъ.

«Такъ какъ ваше высокопревосходительство позволили мнѣ имѣть честь именоваться вашимъ Сотрудникомъ, то я, умѣя цѣнить честь сію, и прошу позволенія видѣть себя какъ въ спискѣ

---

[1]) Бесѣда дѣлилась на четыре разряда; во второмъ предсѣдателемъ былъ Державинъ.

[2]) Въ спискѣ членовъ II разряда Бесѣды выше стояли: дѣйствительные члены: 1) И. М. Муравьевъ-Апостолъ, 2) графъ Д. И. Хвостовъ, 3) А. Ѳ. Лабзинъ, 4) Ѳ. П. Львовъ, 5) Д. О. Барановъ и члены сотрудники: 6) Я. А. Галинковскій, 7) Е. И. Станевичъ и 8) Н. И. Язвицкій. Ниже Гнѣдича былъ только одинъ членъ.

гг. Членовъ, такъ и въ другихъ случаяхъ по бумагамъ Атенея, подъ именемъ: *Членъ-Сотрудникъ его высокопревосходительства Державина.* Когда же сіе покажется непристойною отличительностію, то я приму на себя обязанности Атенея просто подъ именемъ Члена, но не Сотрудника.

«Если же на это или не дадутъ согласія гг. Члены, или не буду я въ правѣ по моему чину; то въ обоихъ случаяхъ мнѣ ничего не остается кромѣ заслуживать еще и лучшее о себѣ мнѣніе и большій чинъ».

Черезъ нѣсколько дней Гнѣдичъ, издѣваясь надъ возникавшимъ литературнымъ обществомъ, писалъ 2 января 1811 г. В. В. Капнисту:

«У насъ заводится названное съ начала Линей, потомъ Аѳиней, и наконецъ Бесѣда — или общество любителей Россійской словесности. Это старая Россійская Академія, переходящая въ новое строеніе; оно есть истинно прекрасная зала, выстроенная Гавриломъ Романовичемъ при домѣ. Уже купленъ имъ и органъ и поставленъ на хорахъ, уже и стулья разставлены гдѣ кому сидѣть, и для васъ есть стулъ; только вы не будете сначала понимать языка гг. Членовъ. Чтобы въ случаѣ пріѣзда вашего и посѣщенія Бесѣды не прійти вамъ въ конфузію, предувѣдомляю васъ, что слово проза называется у нихъ: *говоръ*, билетъ — *значокъ*, номеръ — *число*, швейцаръ — *вѣстникъ*; другихъ словъ еще не вытвердилъ, ибо и самъ новичокъ. Въ залѣ Бесѣды будутъ публичныя чтенія, гдѣ будутъ *совокупляться знатныя особы обоего пола* — подлинное выраженіе одной статьи устава Бесѣды».

Однако смѣлость Гнѣдича, обнаруженная въ письмѣ къ Державину, не позволила ему идти дальше новичка и оставила его внѣ Бесѣды. Она раздражила запальчиваго Державина, и 25 августа 1811 г. Гнѣдичъ писалъ Капнисту:

«Здѣшняя Бесѣда доблестно подвизается; о нѣкоторыхъ ея подвигахъ можете читать въ «Вѣстникѣ Европы», а о прочихъ перомъ не написать. Гаврила Романовичъ, съѣхавшись одинъ разъ со мною у князя Бориса Голицына, выгналъ меня изъ дому за то, что я изъявилъ нежеланіе быть сотрудникомъ Общества. Не подумайте, что сказка, — существенное приключеніе, заставившее въ ту минуту думать, что я зашелъ въ кибитку Скифовъ».

Исторія эта имѣла и другія послѣдствія. Державинъ 18 марта 1811 года написалъ очень грубое письмо А. И. Тургеневу по поводу выхода въ свѣтъ первыхъ двухъ частей «Собранія русскихъ стихотвореній» В. А. Жуковскаго. Происхожденіе этого письма Жуковскій такъ объяснилъ въ своемъ письмѣ къ А. И. Тургеневу: «Онъ (Державинъ) выгналъ Гнѣдича изъ дому к. Б. Г., а въ первомъ томѣ моего собранія его «Вельможа» стоитъ подлѣ піесы Гнѣдича «Скоротечность юности». Какъ же быть одѣ Державина въ одномъ томѣ съ одою Гнѣдича, когда самъ Державинъ не хотѣлъ быть въ одномъ домѣ съ Гнѣдичемъ: томъ и домъ почти одно и тоже».

Но Гнѣдичъ не обособился и въ рядахъ противниковъ Бесѣды.

Въ этомъ несомнѣнно сказалась необыкновенная осмотрительность Гнѣдича въ житейскихъ отношеніяхъ, къ которой онъ пришелъ горькимъ опытомъ жизни. Въ ранней молодости онъ увлекался всѣмъ и всякому незначительному случаю придавалъ какую-то важность. Въ Суворовѣ онъ видѣлъ идеалъ героя и вѣрилъ, что самъ «рожденъ для подъятія оружія». Въ то время и литературные труды его отличались стремленіемъ уклониться не только отъ господствующаго псевдоклассическаго направленія, но и отъ сентиментализма. Скоро однако эти пылкія увлеченія миновали, и въ Петербургѣ онъ сталъ поклонникомъ туманной чувствительности Оссіана и переводчикомъ Дюсисовыхъ передѣлокъ Шекспира. Отъ прежнихъ увлеченій осталась только выспренность въ литературной рѣчи и декламаціи, до которой Гнѣдичъ былъ большой охотникъ.

Житейская школа и обстоятельства, среди которыхъ онъ росъ, имѣли огромное вліяніе на выработку его характера и личныхъ привязанностей. Сынъ небогатаго малороссійскаго помѣщика, Гнѣдичъ выросъ въ бѣдности и привыкъ твердо переносить ее, любилъ замыкаться въ себя, съ наслажденіемъ предавался труду, былъ въ

немъ упоренъ и вообще отличался стойкостью въ характерѣ, убѣжденіяхъ и привязанностяхъ. Жизненный опытъ рано наложилъ на него свою тяжелую руку.

При всемъ томъ Гнѣдичъ сохранилъ въ себѣ привязанность къ изяществу и умѣлъ во всемъ найти прекрасное. По свидѣтельству Батюшкова, «у Гнѣдича есть прекрасное и самое рѣдкое качество: онъ съ ребяческимъ простодушіемъ любитъ искать красоты въ томъ, что читаетъ; это самый лучшій способъ съ пользой читать, обогащать себя, наслаждаться. Онъ мало читаетъ, но хорошо». Другой современникъ и пріятель Гнѣдича, С. П. Жихаревъ, рисуетъ его человѣкомъ «очень добрымъ, миролюбивымъ и умнымъ». По словамъ Жихарева, Гнѣдичъ «замѣчателенъ былъ неутомимымъ своимъ прилежаніемъ и терпѣніемъ, любовью къ древнимъ языкамъ и страстью къ нѣкоторымъ трагедіямъ Шекспира и Шиллера... Гнѣдичъ, который увлекался всѣмъ, что выходило изъ обыкновеннаго порядка вещей, прочиталъ три раза Телемахиду отъ доски до доски, и даже находилъ въ ней безподобные стихи, предпринялъ было сочиненіе какой-то драмы въ 15 дѣйствіяхъ, но не успѣлъ по случаю отъѣзда своего въ Петербургъ».

Умѣнье держать себя доступно и съ достоинствомъ, привлекательная особенность въ характерѣ — искать и находить прежде всего добрыя качества въ другихъ людяхъ и въ ихъ дѣйствіяхъ и произведеніяхъ, повидимому создали для Гнѣдича возможность дружить съ писателями самыхъ различныхъ положеній и направленій. Всѣ современники единодушно отмѣчаютъ въ воспоминаніяхъ эти добрыя черты въ Гнѣдичѣ и находятъ что-то привлекательное въ самой внѣшности Гнѣдича.

«Гнѣдичъ, вспоминаетъ Гречъ черезъ двадцать лѣтъ послѣ его кончины, былъ росту выше средняго, статенъ, благороденъ осанкою, но ужасно обезображенъ оспою. Лицо его было покрыто не только рябинами, но и швами; правый глазъ вытекъ, но лѣвый блисталъ чувствомъ и умомъ; улыбка его была привѣтливая, и выраженіе лица, изуродованнаго оспою, привлекательное. Я увѣренъ, что безъ этой губительной болѣзни, онъ былъ бы красавцемъ. Голосъ у него былъ громкій, выразительный и вкрадчивый. Онъ держалъ себя и одѣвался опрятно, щеголевато, со вкусомъ, вообще имѣлъ всѣ пріемы и обычаи свѣтскаго человѣка, и оттого слылъ гордымъ и спѣсивымъ. Любилъ свѣтъ и большое общество, охотно говорилъ о знакомствѣ и сношеніяхъ съ знатными, любилъ называть барынь и барышень французскими полуименами: princesse Catiche, comtesse Bibi (разумѣется не въ глаза), и чванился свойствомъ своимъ съ однимъ генераломъ, болѣе нежели переводомъ Гомера. Большою помѣхою въ этихъ сношеніяхъ была для него непривычка говорить по-французски. Онъ зналъ этотъ языкъ основательно, понималъ его красоты, передавалъ ихъ удачно, но только на письмѣ. Онъ былъ очень воспріимчивъ и пылокъ, сердился за бездѣлицу, но вскорѣ утихалъ. Имѣлъ недрузей и завистниковъ, побранивалъ ихъ, но не мстилъ имъ, не дѣлалъ никому зла. Разумѣется, авторское самолюбіе было въ немъ развито въ высокой степени, и критики огорчали его, но не надолго. Милоновъ написалъ на него колкую эпиграмму: Гнѣдичъ заплатилъ за нее добромъ несчастному поэту. Многіе молодые писатели совѣтовались съ Гнѣдичемъ и пользовались уроками, которые онъ давалъ имъ охотно и откровенно. Лобановъ обязанъ лучшими стихами своихъ переводовъ поправкамъ Гнѣдича. Бѣда, бывало, друзьямъ его не прочитать ему своихъ статей или стиховъ предварительно: напечатанные бранилъ онъ тогда безпощадно и въ глаза автору, а за одобренные или по крайней мѣрѣ выслушанные имъ, вступался съ усердіемъ и жаромъ. При этихъ не важныхъ и иногда очень забавныхъ и милыхъ слабостяхъ, онъ имѣлъ большой умъ, пламенную душу и добрѣйшее сердце; былъ ласковъ и дружелюбенъ въ обращеніи; жилъ тихо, бережливо, въ домѣ своемъ наблюдалъ опрятность и изящную простоту... Гнѣдичъ не былъ женатъ. Нѣсколько разъ порывался онъ вкусить счастіе домашней жизни, но удерживался мыслью о безобразіи своемъ. Онъ умѣлъ любить страстно, пламенно: въ противномъ случаѣ не былъ бы поэтомъ, но любовь его улетала изъ сердца съ

мечтами воображенія... Семейство ему замѣнили друзья. Извѣстна тѣсная, прерванная только смертью дружба его съ Крыловымъ. Не менѣе любилъ онъ Батюшкова, напечаталъ первое изданіе его стихотвореній (1817 г.) и глубоко скорбѣлъ о бѣдственной его болѣзни. Когда разстроились душевныя силы Батюшкова, онъ слушалъ и слушался одного Гнѣдича. Жуковскій былъ равномѣрно изъ близкихъ его сердцу. Пушкина любилъ онъ съ какимъ-то родительскимъ изступленіемъ, и искренно радовался его успѣхамъ и славѣ. Кончину Дельвига оплакалъ, какъ потерю родного сына. Но съ такою же пылкостью ненавидѣлъ и преслѣдовалъ онъ коварство, ложь, двоедушіе, тѣмъ болѣе, что иногда, по воспріимчивости своей и пропсходившему оттого поэтическому легкомыслію и довѣрчивости, бывалъ ихъ жертвою».

Съ особенной теплотой вспоминаетъ о Гнѣдичѣ Н. В. Сушковъ черезъ 35 лѣтъ послѣ его кончины. «Никто, говоритъ Сушковъ, не былъ доступнѣе и внимательнѣе Гнѣдича къ молодымъ писателямъ. Онъ съ полнымъ участіемъ просматривалъ ихъ опыты, ободрялъ ихъ, давалъ имъ совѣты, слѣдилъ за ихъ успѣхами, и когда признавалъ какое-либо сочиненіе, или переводъ, достойнымъ вниманія, то возилъ свое открытіе повсюду, хвалилъ и читалъ не только въ свѣтскихъ и литературныхъ кружкахъ, но и въ ученыхъ, какъ, напримѣръ, у А. Н. Оленина, у графа С. С. Уварова и т. д. Такъ онъ особенно покровительствовалъ Лобанова, переводчика трагедіи: «Ифигенія въ Авлидѣ», и Никольскаго, издателя «Пантеона Русской Поэзіи». И свѣтскія и литературныя связи его были обширны и большею частью дружественны. Онъ вездѣ былъ принимаемъ радушно, какъ добрый и простосердечный гость-пріятель. Изъ пишущей братіи онъ никого не чуждался, и какого бы кто ни былъ стяга и направленія, ни съ кѣмъ не ссорясь за мнѣнія и оставаясь при своихъ убѣжденіяхъ, онъ все-таки, при сужденіяхъ о трудахъ чьихъ бы то ни было, всегда обнаруживалъ благородное безпристрастіе».

И Сушковъ находилъ въ поведеніи и внѣшности Гнѣдича нѣчто примиряющее съ его безобразіемъ и даже привлекательное. «Наружности, говоритъ Сушковъ, онъ былъ некрасивой: слѣды жестокой оспы оставили глубокія рябины и рубцы на темно-блѣдноватомъ лицѣ, которое было, впрочемъ, оклада правильнаго и даже пріятнаго, если бы болѣзнь въ дѣтствѣ не лишила его одного глаза... Росту виднаго, сухощавый, стройный, онъ держался очень прямо, нѣсколько величаво и во всѣхъ движеніяхъ былъ соразмѣренъ и плавенъ, какъ въ своихъ гекзаметрахъ. Чтеніе вслухъ стиховъ было ему наслажденіемъ. Но онъ былъ очень смѣшонъ и напыщенностію протяжнаго чтенія съ завываніями, и вытянутой шеей, которая съ каждымъ стихомъ какъ будто бы все болѣе и болѣе выходила изъ толсто-широкаго жабо, и высоко-поднятой головой, и къ небу возносящимся глазомъ. Пѣніе à la Рашель гекзаметровъ еще было сносно, иногда даже и музыкально, а ужъ завываніе при вычурномъ произношеніи Александрійскихъ стиховъ было часто невыносимо. Гнѣдичъ былъ щеголь: платье на немъ всегда было послѣдняго покроя. Съ утра до ночи во фракѣ и съ бѣлымъ жабо, онъ приноровлялъ цвѣтъ своего фрака и всего наряда къ той порѣ дня, въ которую тамъ и сямъ появлялся: коричневый или зеленый фракъ утромъ, синій къ обѣду, черный вечеромъ. Бѣлье какъ снѣгъ; складки или брыжи художественны. Обувь, шляпа, тросточка, все безукоризненно. Цвѣтныя перчатки въ обтяжку... Любя большой свѣтъ и свѣтскіе разговоры, Николай Ивановичъ любилъ примѣшивать къ русской болтовнѣ кстати и некстати иностранныя слова, даромъ что не терпѣлъ ихъ въ печати; онъ думалъ, вѣроятно, этимъ показать себя вполнѣ свѣтскимъ человѣкомъ. Чуть ли не онъ первый ввелъ слова: наивность, граціозность, интимность и т. п.»

О первомъ своемъ знакомствѣ съ Гнѣдичемъ у Хвостова, 10 марта 1807 г., Жихаревъ говоритъ: «Гнѣдичъ, кажется, человѣкъ очень добрый, но ужъ вовсе невзраченъ собою: кривъ и такъ изуродованъ оспою, что грустно смотрѣть... Гнѣдичъ читалъ свой переводъ седьмой пѣсни Иліады... Слушатели были въ восхищеніи. Гнѣдичъ читаетъ

хорошо и внятно, только чуть ли не слишкомъ театрально и громогласно; на такое чтеніе у меня не достало бы груди». Въ другой разъ Жихаревъ, навѣстивъ Гнѣдича, прослушалъ его декламацію сочиненій Шекспира и, повидимому, не былъ въ такомъ же восхищеніи. «Выхвативъ изъ шкапа Шекспировы сочиненія во французскомъ прозаическомъ переводѣ, — разсказываетъ Жихаревъ, — онъ началъ декламировать сцену Гамлета съ привидѣніемъ, представляя поперемѣнно то одного, то другого, съ такими странными тѣлодвиженіями и такимъ дикимъ напряженіемъ голоса, что ласкавшаяся ко мнѣ собака его, Мальвина, бросилась подъ диванъ и начала прежалобно выть. Гнѣдичъ хорошо разумѣетъ французскій языкъ, но говоритъ на немъ изъ рукъ вонъ плохо и въ чтеніи коверкаетъ его безъ милосердія: такого уморительнаго произношенія никогда не случалось мнѣ слышать. Кажется, сцена появленія привидѣнія — одна изъ фаворитныхъ сценъ Гнѣдича. По всему замѣтно, что переводчикъ Иліады изучаетъ и Шекспира: онъ говоритъ о немъ дѣльно и убѣдительно, и, несмотря на свои странности, внушаетъ довѣріе къ своимъ сужденіямъ». Но, надо думать, что это впечатлѣніе было исключительнымъ. Вообще же Гнѣдичъ своею декламаціей Иліады оставлялъ совсѣмъ другое впечатлѣніе. «Вчера — разсказываетъ Жихаревъ, — слушали мы 8-ю пѣснь Иліады, которую Гнѣдичъ читалъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ и напряженіемъ голоса. Я, право, боюсь за него: еще нѣсколько такихъ вечеровъ, и онъ того и гляди начитаетъ себѣ чахотку. Въ переводѣ его есть прекрасные стихи... Вообще Гнѣдичъ владѣетъ языкомъ отлично, и хотя въ стихахъ его есть нѣкоторая напыщенность, но за то они гладки, ударенія въ нихъ вѣрны, выраженія точны, риѳмы созвучны, словомъ, переводъ хоть куда.» Возвращаясь къ общей характеристикѣ Гнѣдича, Жихаревъ говоритъ: «Гнѣдича въ университетѣ прозвали ходульникомъ, l'homme aux échasses, потому что онъ всегда говорилъ свысока и всякому незначительному обстоятельству придавалъ какую-то особенную важность. Я думаю, что въ этомъ отношеніи онъ мало перемѣнился, но со всѣмъ тѣмъ нельзя не признать его человѣкомъ умнымъ, и что еще лучше, добрымъ и благонамѣреннымъ: à tout prendre, c'est une bonne connaissance à cultiver. Съ нимъ не скучно, и если онъ любитъ проповѣдывать самъ, то слушаетъ охотно и другихъ съ живымъ, неподдѣльнымъ участіемъ, и возражаетъ безъ обиды чужому самолюбію. Я замѣтилъ, что у него есть страстишка говорить афоризмами, какъ почти у всѣхъ грекофиловъ, и другая — прихвастнуть своими bonnes fortunes».

Любезно принятый въ Петербургскомъ обществѣ и самъ поддерживая добрыя отношенія съ образованными людьми всѣхъ сословій и направленій, Гнѣдичъ все-таки какъ родной былъ принятъ въ единственномъ кружкѣ, собиравшемся въ гостепріимномъ домѣ археолога и любителя художествъ Алексѣя Николаевича Оленина.

Кружокъ Оленина совсѣмъ не былъ партійнымъ. Дѣйствительный литературный или художественный талантъ былъ единственнымъ цензомъ, открывавшимъ входъ въ домъ Оленина и дававшимъ право разсчитывать на его покровительство. По свидѣтельству графа С. С. Уварова, «пламенная любовь Оленина ко всему, что клонилось къ развитію отечественныхъ талантовъ, много содѣйствовала успѣхамъ русскихъ художниковъ». Тоже должно сказать и относительно словесности. По вѣрному замѣчанію С. Т. Аксакова, имя Оленина не должно быть забыто въ исторіи русской литературы: «всѣ безъ исключенія русскіе таланты того времени собирались около него, какъ около старшаго друга». Въ домѣ Оленина, по словамъ Уварова, «почти ежедневно встрѣчалось нѣсколько литераторовъ и художниковъ русскихъ. Предметы литературы и искусствъ занимали и оживляли разговоръ. Сюда обыкновенно привозились всѣ литературныя новости: вновь появившіяся стихотворенія, извѣстія о театрахъ, о книгахъ, о картинахъ, словомъ — все, что могло питать любопытство людей, болѣе или менѣе движимыхъ любовію къ просвѣщенію. Не взирая на грозныя событія, совер-

шавшіяся тогда въ Европѣ, политика не составляла главнаго предмета разговора, она всегда уступала мѣсто литературѣ».

Въ Оленинскомъ кружкѣ появилось нѣкоторое движеніе впередъ въ пониманіи вопросовъ искусства и литературы. Тамъ не было упрямыхъ поклонниковъ нашей искусственной литературы XVIII вѣка: очевидно, содержаніе ея находили тамъ слишкомъ фальшивымъ и напыщеннымъ, а формы — слишкомъ грубыми. За то въ кружкѣ этомъ съ сочувствіемъ встрѣчались новыя произведенія, хотя и написанныя по старымъ литературнымъ правиламъ, но представлявшія большее разнообразіе и большую естественность въ изображеніи чувства и отличавшіяся большею стройностію, большимъ изяществомъ стихотворной формы. Въ этомъ видѣли столь желанное приближеніе нашей поэзіи къ классическимъ образцамъ древности. Но кромѣ того, въ кружкѣ Оленина замѣтно было стремленіе сдѣлать самую русскую жизнь, новую и особенно древнюю, предметомъ поэтическаго творчества: героическое, возвышающее душу, присуще не одному классическому — греческому и римскому — міру; оно должно быть извлечено и изъ преданій русской древности и возведено искусствомъ въ классическій идеалъ. Присутствіе такихъ требованій ясно чувствуется въ литературныхъ симпатіяхъ Оленина и его друзей. Въ этомъ сказалась и его любовь къ археологіи, и его горячее патріотическое чувство.

Гнѣдича очень полюбили въ домѣ Оленина. Гнѣдичъ и Крыловъ были сослуживцами Алексѣя Николаевича въ Публичной Библіотекѣ, поэтому стояли къ нему ближе другихъ его знакомыхъ и были постоянными собесѣдниками и гостями въ его домѣ. Надобно замѣтить, что Оленина и Гнѣдича сближало, кромѣ служебныхъ интересовъ, общее имъ обоимъ увлеченіе классическими древностями и особенно литературой и искусствомъ древней Греціи. Между ними былъ постоянный обмѣнъ, и письменный и устный, по поводу личныхъ занятій каждаго — одного Иліадой, а другого памятниками искусства Греціи. Въ біографіяхъ Оленина и Гнѣдича извѣстенъ рядъ писемъ ихъ по филологіи и археологіи Греціи. Переводъ Иліады былъ дѣломъ цѣлой жизни Гнѣдича. И для Оленина занятія классическими древностями были его излюбленнымъ предметомъ, которому онъ съ увлеченіемъ отдавался на всѣхъ ступеняхъ своей государственной службы и во всѣ періоды своей жизни. Кромѣ того, Олениъ обладалъ прекрасными знаніями греческаго языка, и эти его филологическія свѣдѣнія были такъ драгоцѣнны, что имъ старался пользоваться даже такой знатокъ греческаго языка, какимъ былъ самъ Н. И. Гнѣдичъ. Въ этой области и Олениъ и Гнѣдичъ были взаимно полезны другъ другу и чрезвычайно цѣнили другъ друга, постоянно нуждаясь въ дружеской помощи другъ друга въ кругу родственныхъ, а иногда и тожественныхъ ученыхъ, художественныхъ и литературныхъ интересовъ. Большая и главнѣйшая часть ихъ переписки и была вызвана именно этими интересами ихъ постоянныхъ занятій.

Естественно, что Оленинскій кружокъ оказалъ замѣтное вліяніе на выработку литературныхъ вкусовъ и пріемовъ Гнѣдича. Если въ лирическихъ произведеніяхъ Гнѣдича уже чувствуется наступленіе новаго періода въ исторіи русской словесности, если въ его творчество въ значительной степени уже ворвалось свѣжее вліяніе дѣйствительной жизни, а въ переводныхъ его трудахъ сказалось въ сильнѣйшей степени увлеченіе классическимъ міромъ, то во всемъ этомъ нельзя не видѣть отраженія тѣхъ вѣяній и вкусовъ, какими жили Олениъ и его друзья. Разумѣется, и по образованію, и по природнымъ дарованіямъ Гнѣдичъ и самъ былъ весьма замѣтною величиной въ Оленинскомъ кружкѣ, но при нѣкоторомъ сродствѣ литературныхъ и художественныхъ интересовъ, конечно, онъ не могъ избѣжать и благотворнаго вліянія среды, въ которой онъ всегда чувствовалъ себя своимъ человѣкомъ. А какъ высоко цѣнили Гнѣдича въ Оленинскомъ кружкѣ, лучшимъ показателемъ этого служитъ тотъ фактъ, что Оленинъ провелъ его въ постоянные посѣтители и участники литературныхъ вечеровъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, на которыхъ собиралось всегда

самое избранное и весьма ограниченное общество.

Влеченіе къ литературной дѣятельности сказалось въ Гнѣдичѣ очень рано. Почти ребенкомъ Гнѣдичъ высказывалъ уже нѣкоторые проблески дарованія и на заданныя темы писалъ сочиненія въ стихахъ и прозѣ, недурныя для его возраста. Первыя его сочиненія относятся къ 1795 г., къ тому времени, когда ему было всего 11 лѣтъ. Въ этомъ году онъ написалъ Рѣчь поздравительную и стихи на праздникъ Рождества Христова. Слѣдующая по времени рѣчь сохранилась отъ 1798 года, содержаніе ея также религіознаго характера и, по всей вѣроятности, она сказана была Гнѣдичемъ своимъ товарищамъ по окончаніи говѣнія. Къ тому же раннему періоду относятся еще нѣсколько юношескихъ произведеній: Рѣчь на Воскресеніе Христово и двѣ рѣчи на Рождество. Изъ этихъ послѣднихъ одна написана стихами и украшена въ подлинникѣ рисункомъ, сдѣланнымъ и раскрашеннымъ рукою самого автора. Отъ того времени, которое Гнѣдичъ провелъ въ Благородномъ Университетскомъ пансіонѣ, сохранилось еще школьное произведеніе его, озаглавленное: «Взрослому воспитаннику Благороднаго при Университетѣ пансіона, для всегдашняго памятованія». Сочиненіе это распадается на нѣсколько главъ. На первомъ планѣ поставлена «Цѣль воспитанія»: «Главная цѣль истиннаго воспитанія есть та, чтобъ младыя отрасли человѣчества, возрастая въ цвѣтущемъ здравіи и силахъ тѣлесныхъ, получали необходимое просвѣщеніе и пріобрѣтали навыки добродѣтели, дабы достигши совершенно мужеской зрѣлости, принесть Отечеству, родителямъ, себѣ драгоцѣнные плоды правды, честности, благотвореній и неотъемлемаго счастія». Въ послѣдующихъ главахъ подробнѣе развивается основная мысль и разсматривается «Должность къ Богу, къ Государю и Отечеству, къ родителямъ и къ наставникамъ». Изъ другихъ ученическихъ произведеній Гнѣдича сохранились его переводы съ французскаго языка. Впослѣдствіи Гнѣдичу неоднократно приходилось упражняться въ составленіи литературныхъ произведеній — рѣчей для произнесенія въ торжественныхъ собраніяхъ по порученію начальства. При открытіи Императорской Публичной Библіотеки 2 января 1814 г. Гнѣдичъ произнесъ рѣчь «О причинахъ замедляющихъ успѣхи отечественной словесности» и написалъ стихи на открытіе Библіотеки. Въ разсужденіи Гнѣдича «О причинахъ замедляющихъ успѣхи отечественной словесности» выражены мысли его о значеніи изученія классическихъ языковъ для успѣховъ родной словесности и родного языка. Подробно развивъ ихъ, онъ самъ сдѣлалъ къ нимъ общее заключеніе и выводъ: «однимъ словомъ, отъ временъ Рима и до нашихъ, во всѣхъ странахъ Европы и у насъ, образованіе языка тогда только начиналось, когда писатели знакомились съ языками древнихъ, а успѣхи тамъ только быстрѣе возрастали и словесность народную возвысили до совершенства, гдѣ писатели основательно изучали творенія древнихъ, признанныя образцами превосходнаго вкуса». Въ торжественныхъ собраніяхъ въ 1816 и 1817 г. Гнѣдичъ читалъ разсужденіе «О вкусѣ, его свойствахъ и вліяніи на языкъ и нравы народовъ» и поэму «Рожденіе Омера».

Очень рано у Гнѣдича обнаружилось пристрастіе къ драматическимъ произведеніямъ. Онъ любилъ читать ихъ вслухъ и, повидимому, не только самъ цѣнилъ свои декламаціонныя дарованія. Впослѣдствіи онъ руководилъ даже извѣстной актрисой Семеновой при разучиваніи ею своихъ ролей. Эта любовь къ драматическимъ произведеніямъ была господствующею страстью и услаждала его въ теченіе всей жизни. Первыми опытами Гнѣдича въ прозѣ и стихахъ были переводы нѣкоторыхъ трагедій. Имъ переведены четыре трагедіи: 1. Абюфаръ или Арабская семья, Дюси, М., 1802, шестистопнымъ ямбомъ съ риѳмами; 2. Заговоръ Фіески, Шиллера, прозой, М., 1803; этотъ переводъ, судя по заглавному листу, сдѣланъ Гнѣдичемъ въ товариществѣ какого-то А. 3. Король Лиръ, прозаическая передѣлка передѣлки Дюси одного изъ лучшихъ твореній Шекспира, С.-Пб., 1808; въ первый разъ она представлена на Петербургскомъ придворномъ театрѣ 28 ноября 1807 г.; 4. Танкредъ, Воль-

тера, стихами, С.-Пб., 1816; эта трагедія представлена была въ 1810 г. Кромѣ этихъ четырехъ трагедій, Гнѣдичъ перевелъ и нѣсколько отрывковъ драматическихъ: 1. Два дѣйствія изъ Вольтеровой Заиры, въ 1809 г.; 2. Три дѣйствія изъ Медеи Лонженьерра, въ 1819 г.; 3. Изъ Андромахи Расина 5-е явленіе 4-го дѣйствія и 3-е явленіе 5-го дѣйствія, въ Сынѣ Отечества, 1820, ч. 66, № 41, стр. 31—38.

Литературныя достоинства драматическихъ опытовъ Гнѣдича не вызывали особенныхъ восторговъ и у современниковъ. «Надобно сказать правду, говоритъ Сушковъ: языкъ во всѣхъ этихъ переводахъ устарѣлъ; проза ихъ, даже и въ свое время напыщенная, не разговорная, не нравилась чуткому уху знатоковъ чистаго русскаго языка; а стихи, особенно въ первой трагедіи, несравненно ниже стиховъ Озерова, который часто достигалъ простоты и естественности въ своей звучной и текучей почти всегда рѣчи. Впрочемъ, въ Танкредѣ встрѣчаются прекраснѣйшія строки».

Громадной заслугой Гнѣдича въ драматическомъ творчествѣ было стремленіе къ реализму и первый опытъ реальной комедіи. Еще въ молодые годы Гнѣдичъ предъявлялъ къ драмамъ требованіе отвѣчать современности и быть отраженіемъ быта и нравовъ. До нашего времени сохранилась комедія Гнѣдича, являющаяся единственнымъ образцомъ его драматическаго творчества, оригинальной пьесой, самостоятельно задуманной и написанной Гнѣдичемъ. Сюжетъ ея взятъ изъ современной Гнѣдичу жизни, и она такимъ образомъ является до извѣстной степени комедіей нравовъ. Сюжетъ для комедіи Гнѣдича дала среда современныхъ ему поэтовъ. За таковыхъ сходили иногда совершенно бездарные, невѣжественные и пьяные чиновники, занимающіеся на досугѣ риѳмоплетствомъ, да и то при помощи письмовниковъ, а иногда и просто торговавшіе чужими стихами среди такихъ же литературныхъ невѣждъ, какъ и они сами. Дѣйствіе комедіи развертывается около одного случая изъ жизни такого «риѳмача», котораго Гнѣдичъ удачно назвалъ Стихоплеткинымъ. Богатый провинціальный откупщикъ заказываетъ ему стихи на именины своей супруги. Стихоплеткинъ беретъ заказъ, обязавшись еще ранѣе двумя задатками — отъ купца за стихи къ свадьбѣ и отъ другого, такого же, какъ онъ самъ, поэта, Хлыстова, или графа Свистова, какъ назвалъ Оленинъ то же самое лицо. Разумѣется, ни одинъ изъ трехъ заказовъ не поспѣваетъ въ срокъ, тѣмъ болѣе что откупщикъ слишкомъ рано прислалъ двѣ бутылки вина. Въ концѣ-концовъ Стихоплеткинъ сбываетъ откупщику какіе-то не конченные стихи, повидимому, изъ старыхъ, предназначавшихся племянницѣ. Около этого незамысловатаго сюжета нарисована довольно яркая картина убожества домашней жизни и обстановки мелкаго канцелярскаго чиновника, прослывшаго среди купцовъ и приказчиковъ и Щукиномъ дворѣ за стихотворца. Бѣдность, граничащая съ нищетой, невѣжество и пьянство, — вотъ отличительныя черты Стихоплеткина, возмнившаго о себѣ слишкомъ много, какъ о поэтѣ дѣйствительномъ, прославившемъ свое имя и достойно снискавшемъ себѣ извѣстность. Это самомнѣніе Стихоплеткина весьма забавно и очень внушительно для откупщика Дубинина. Среда, гдѣ онъ живетъ, даже его домашніе, повидимому всѣ даже ниже его во всѣхъ отношеніяхъ, особенно по грубости, необразованности и невоспитанности во взаимныхъ отношеніяхъ и обращеніяхъ другъ съ другомъ. Довольно ярко очерчены на этомъ фонѣ нищеты и невѣжества откупщикъ и его двѣ дочери, получившія образованіе, которое одной изъ нихъ лишь прибавило романтизма и наивности. Общую картину некультурности дополняетъ и довольно рельефно очерченная фигура откупщика Дубинина.

Картиной этихъ отрицательныхъ сторонъ жизни мелкаго чиновника, придумавшаго для пополненія своего скуднаго заработка оригинальный кустарный промыселъ и специализовавшагося на стихоплетствѣ, и исчерпываются положительныя качества драматическаго творчества Гнѣдича. Но и съ этой стороны его комедія не чужда искуственности и шаржа. И въ этомъ отношеніи она еще очень далека отъ того, что бы ее можно было признать бытовой ко-

медіей. Узко задуманная, она не широко и исполнена. Мелкіе интересы приниженныхъ людей не поставлены въ ней въ перспективу общественной жизни или хотя бы жизни одного опредѣленнаго круга или класса современниковъ, не разработаны въ широкую картину быта одного изъ классовъ столичнаго населенія, не продуманы художественнымъ сознаніемъ и не возведены въ типичное явленіе современности. Впрочемъ, случайность сюжета должна была исключить возможность такого обобщенія. Въ литературномъ отношеніи комедія не лишена нѣкоторыхъ достоинствъ, какъ и языкъ ея. Она не растянута, въ ней есть движеніе, написана она хорошимъ языкомъ. Однако искусственность ея окончанія ничѣмъ не искупается и отодвигаетъ комедію далеко назадъ отъ новой эпохи въ драматическомъ творчествѣ, которая почувствовалась въ нѣкоторой долѣ реализма ея содержанія, въ обработанности ея литературной формы и языка. Впрочемъ, Гнѣдичъ не назначалъ своей комедіи для театра и широкой публики. Происхожденіе и задача комедіи весьма скромны: она назначалась для развлеченія ограниченнаго круга друзей Гнѣдича на домашнемъ спектаклѣ у Олениныхъ, въ подгородной ихъ дачѣ Пріютинѣ, въ день именинъ Елизаветы Марковны, супруги А. Н. Оленина, 5 сентября 1815 г. Случайность и спѣшность составленія комедіи лишили ее названія.

Гораздо шире и разнообразнѣе проявилось поэтическое творчество Гнѣдича. Онъ писалъ и самостоятельныя стихотворенія, и переводныя, и заимствованныя изъ Ѳеокрита, Байрона, Мильтона, Шенье, Анакреона, Оссіана. Его поэтическое дарованіе и изящный вкусъ, развитой солиднымъ образованіемъ, вылились въ искреннихъ, иногда стройныхъ и трогательныхъ стихотвореніяхъ. Формы ихъ были такъ же разнообразны, какъ разнообразны были мотивы, вызывавшіе Гнѣдича на поэтическое творчество. Онъ упражнялся во всѣхъ родахъ и видахъ поэзіи, отъ лирики до сатиры. Но почти во всѣхъ произведеніяхъ Гнѣдича замѣтны отзвуки его личности. Грустный, больной и одинокій, онъ избралъ для своей музы такіе сюжеты, которые отвѣчали бы его внутреннему настроенію, гдѣ онъ могъ бы выразить то «тайное сѣтованіе», которое до конца жизни не оставляло его вмѣстѣ съ физическимъ недугомъ. И эти произведенія Гнѣдича дышатъ чрезвычайною теплотой. Всегда, почти всю свою жизнь одинокій, онъ превосходно выразилъ это состояніе въ одномъ изъ своихъ стихотвореній:

Печаленъ мой жребій, удѣлъ мой жестокъ!
Ни чьей не ласкаемъ рукою,
Отъ дѣтства я росъ одинокъ сиротою,
Въ путь жизни пошелъ одинокъ,
Прошелъ одинокъ его тощее поле,
На коемъ, какъ въ знойной Ливійской юдоли,
Не встрѣтились взору ни тѣнь, ни цвѣтокъ;
Мой путь одинокъ я кончаю,
И хилую старость встрѣчаю
Въ домашнемъ быту одинокъ;
Печаленъ мой жребій, удѣлъ мой жестокъ!

Подъ вліяніемъ глубокихъ личныхъ переживаній Гнѣдичъ написалъ трогательное и сильное стихотвореніе «Къ Провидѣнію». Непритворной грустью дышатъ въ немъ слѣдующіе стихи:

Я сердце чистое, какъ жертву для небесъ,
Хранилъ любви въ груди суровой;
И за годы тоски, страданія и слезъ
Я ждалъ любви, какъ жизни новой;
И чтожъ? Произнося обѣтъ ея святой,
Коварно въ грудь мнѣ ножъ вонзили;
И оттолкнувъ меня, убитаго тоской,
На гробъ съ улыбкой указали.

Личныя переживанія дали Гнѣдичу поводъ посвятить нѣкоторые свои стихи мотивамъ общественнаго значенія. Въ этомъ случаѣ Гнѣдичъ лишь расширялъ значеніе опытовъ собственной жизни и, выходя за рамки индивидуальныхъ горизонтовъ, становился лирикомъ «гражданскихъ мотивовъ». И въ этихъ стихотвореніяхъ Гнѣдичъ обнаружилъ много наблюдательности, искренности и одушевленія. Въ одномъ изъ нихъ читаются такія страстныя строки:

Погибни же сей міръ, въ которомъ безпрестанно
Невинность попрана, злодѣйство увѣнчанно;
Гдѣ слабость есть порокъ, а сила — всѣ права!
Гдѣ посѣдѣвшая въ злодѣйствахъ голова
Безсильнаго гнететъ, невинность поражаетъ
И кровь ихъ на себѣ порфирой прикрываетъ!

Въ числѣ такихъ произведеній особенно можно назвать Общежитіе, Перуанецъ къ Испанцу, Военный гимнъ Грековъ.

Поэтическія произведенія свои Гнѣдичъ печаталъ во всѣхъ современныхъ ему журналахъ и альманахахъ. Его съ удовольствіемъ вездѣ принимали, а многое изъ его произведеній съ удовольствіемъ и читали. «И свѣтскія и литературныя связи его, говоритъ Сушковъ, были обширны и большею частью дружественны. Онъ вездѣ былъ принимаемъ радушно, какъ добрый и простосердечный гость-пріятель. Изъ пишущей братіи онъ никого не чуждался, и какого бы кто ни былъ стяга и направленія, ни съ кѣмъ не ссорясь за мнѣнія и оставаясь при своихъ убѣжденіяхъ, онъ все-таки, при сужденіяхъ о трудахъ чьихъ бы то ни было, всегда обнаруживалъ благородное безпристрастіе. Теперь рѣдко кто заглядываетъ въ произведенія Гнѣдича, хотя и встрѣчаются въ его стихотвореніяхъ мѣста замѣчательныя по мысли, чувству или отдѣлкѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ очень нравились въ свое время. Такъ, напримѣръ, «Посланіе Перуанца къ Испанцу» надѣлало много шума. Замѣчены были и его «Простонародныя пѣсни Грековъ». Теперь онъ извѣстенъ только какъ переводчикъ Гомеровой Иліады, которую также очень не многіе читаютъ и которая остается какъ бы учебной книгой».

Самъ Гнѣдичъ намѣчалъ широкія задачи своей музѣ и не ставилъ ей никакихъ ограниченій какими-либо предвзятыми взглядами, которыхъ не имѣлъ. Въ обращеніи «Къ моимъ стихамъ», касаясь ихъ темъ и посвящая ихъ Дружбѣ, онъ говоритъ:

И если она не найдетъ въ васъ ни прелестей слова,
Какими насъ Музы изъ устъ ихъ любимцевъ плѣняютъ,
Ни пламенныхъ чувствій, ни думъ тѣхъ могучихъ, какія
Кипятъ на устахъ вдохновенныхъ и души народовъ волнуютъ:
То — нѣжная въчувствахъ, найдетъ хоть меня въ моихъ пѣсняхъ,
Души моей слабость, быть можетъ, ея добродѣтель;
Узнаетъ изъ нихъ, что въ груди моей бьется, быть можетъ,
Не общее сердце; что съ юности нѣжной оно трепетало
При чувствѣ прекрасномъ, при помыслѣ важномъ иль смѣломъ,
Дрожало при имени славы и гордой свободы;
Что, съ юности нѣжной любовію къ музамъ пылая,
Оно сохраняло, во всѣхъ коловратностяхъ жизни,
Сей жаръ, хоть не пламенный, но постоянный и частый;
Что не было видовъ, что не было мзды, для которыхъ
Душой торговалъ я; что, бывши не разъ искушаемъ
Могуществомъ гордымъ, изъ опытовъ вышелъ я чистымъ;
Что жертвъ не куривъ, возжигаемыхъ идоламъ міра,
Ни словомъ однимъ я безсмертной души не унизилъ;
Но ежели Дружба найдетъ въ моихъ пѣсняхъ нестройныхъ
Хоть слово для сердца, хоть стихъ, согрѣваемый чувствомъ;
Но ежели въ сихъ безыскусственныхъ звукахъ досуга
Услышитъ тотъ голосъ, сердечный языкъ тотъ всемірный,
Какимъ говоритъ къ намъ безсмертная матерь-Природа,
Быть можетъ, стихи мои, васъ я сберегъ не къ забвенью.

Эту исповѣдь Гнѣдичъ признавалъ для себя обязательной и еще разъ повторилъ ее въ рѣчи, произнесенной въ собраніи Вольнаго общества любителей россійской словесности. Онъ говорилъ: «Сердцемъ добрый, духомъ возвышенный и свободный, да не измѣняетъ себѣ служитель музъ ни въ какихъ случаяхъ жизни; да не рабствуетъ передъ фортуною и не страшится бѣдности! Бѣдность — превосходнѣйшее училище людей. Если она усѣваетъ путь жизни терніями жестокими, то на каждомъ шагу открываетъ такіе опыты, такія истины, какія невидимы съ высоты чертоговъ. На семъ пути человѣкъ узнаетъ человѣка и научается любить его: ибо видитъ, что большая часть людей — несчастны; на семъ пути, привыкая ожидать всего единственно отъ себя, убогій пріобрѣтаетъ мужество и силу души, первыя свойства геніевъ благородныхъ, свойства, чуждыя сыновъ счастія, которые возрастаютъ, какъ вѣтви на опорахъ, слабые чтобы выносить удары бури. Я не говорю, что богатство безполезно для ума, но что умъ не долженъ раболѣпствовать фортунѣ. Если же писателю такое отреченіе тягостно, да оставитъ онъ поприще

письменъ, да ищетъ другаго пути: ихъ много, чтобы приносить пользу отечеству и заслуживать доброе имя. Фортуна же и меценаты, которыхъ онъ будетъ искать, продаютъ благосклонности свои за такія жертвы, которыхъ почти нельзя принесть не на счетъ своей чести». Подлость для Гнѣдича была презрѣннѣйшимъ порокомъ. Хотя онъ глубоко уважалъ Ломоносова, но стихъ: «Насъ рабство подъ твоей державой возвышаетъ», заставилъ его еще болѣе цѣнить личную свободу. Гнѣдичъ любилъ и цѣнилъ свободу, но свободолюбіе его чуждо было крайностей свободомыслія и не касалось предметовъ священныхъ для человѣка. Гнѣдичъ былъ глубоко религіозенъ. Внутреннее чувство онъ ставилъ выше всякихъ умствованій. «Такъ какъ мы чувствуемъ Бога и совѣсть, — разсуждаетъ онъ,— то и должны имъ вѣрить: всѣ доводы будутъ всегда ниже убѣжденій сего ощущенія... Въ бурѣ бѣдствій свѣтильникъ философіи гораздо менѣе успокаиваетъ, чѣмъ маленькая лампада передъ образомъ Святой Дѣвы... Строгіе, чистые нравы и благочестивая мысль еще болѣе нужны въ союзѣ съ музами, чѣмъ геній». Гнѣдичъ сочинилъ даже особую для себя молитву, такъ какъ чувствовалъ нужду въ такой, «въ которой бы душа его находилась въ собственныхъ отношеніяхъ къ Богу». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ любилъ свое отечество — Россію и такъ характеризовалъ себя въ посланіи «Иностранцамъ — гостямъ моимъ»:

...Къ поэзіи любовью онъ дышалъ,
Ей лучшіе дни жизни посвящалъ;
Бесѣдовалъ съ Гомеромъ и природой,
Любилъ отечество, но жилъ въ немъ не рабомъ,
И у себя подъ тѣснымъ шалашомъ
Дышалъ святой свободой.

Всѣ эти особенности личнаго характера Гнѣдича служили благопріятными обстоятельствами, благодаря которымъ явились на свѣтъ наилучшія произведенія его Музы — элегическія. Ихъ въ особенности привѣтствовали современные ему писатели и среди нихъ Пушкинъ. Поэты посвящали Гнѣдичу свои стихотворенія. Посылая ему «Кавказскаго плѣнника», Пушкинъ писалъ: «Поэту возвышенному, просвѣщенному цѣнителю поэтовъ, вамъ предаю моего Кавказскаго плѣнника». Въ другомъ письмѣ Пушкинъ спрашивалъ Гнѣдича: «Вы, коего Геній и труды слишкомъ высоки для этой дѣтской публики, что вы дѣлаете, что дѣлаетъ Гомеръ?» Ему же Пушкинъ посвятилъ посланіе, въ которомъ читаемъ о Гнѣдичѣ:

Ты, коему судьба дала
И смѣлый духъ и умъ высокій,
И важнымъ пѣснямъ обрекла —
Отрадѣ жизни одинокой;
О ты, который воскресилъ
Ахилла призракъ величавый,
Гомера музу намъ явилъ
И смѣлую пѣвицу славы
Отъ звонкихъ узъ освободилъ —
Твой гласъ достигъ уединенья,
Гдѣ я сокрылся отъ гоненья
Ханжи и гордаго глупца,
И вновь онъ оживилъ пѣвца,
Какъ сладкій голосъ вдохновенья.
Избранникъ Феба! Твой привѣтъ,
Твои хвалы мнѣ драгоцѣнны...

Въ суровой и горестной судьбѣ Гнѣдича отрадой и утѣшеніемъ ему служила любовь къ поэзіи и наукамъ. Онъ самъ признавался въ отвѣтѣ на посланіе графа Хвостова:

Мой духъ лишь воспаленъ любовію къ наукамъ,
Къ священной истинѣ, златыя лиры къ звукамъ,
И счастливъ, чувствуя волшебну сладость ихъ.
Они отрада мнѣ въ прискорбныхъ дняхъ моихъ:
Восторженной душой при гласѣ лиръ священныхъ,
Живой я восхожу на пиръ боговъ блаженныхъ.

Въ совокупности всѣхъ условій образованія, дарованій, дружбы и жизненной обстановки Гнѣдичъ выработалъ высокое пониманіе призванія писателя и требованій и ожиданій отъ его произведеній. «Если бъ я искалъ славы, говоритъ онъ, я бы угождалъ такъ называемымъ требованіямъ времени и новымъ идеямъ; но я жилъ въ мірѣ своихъ идей, хотя не совсѣмъ классическихъ, но совершенно противоположныхъ новымъ, относительно словесности». Подробнѣе свой взглядъ Гнѣдичъ высказалъ въ рѣчи, произнесенной въ собраніи Вольнаго общества любителей россійской словесности: «Какъ въ древности пламенникъ игръ священныхъ быстро переходилъ изъ рукъ въ руки, переходитъ теперь отъ народа къ народу пламенникъ искусствъ и познаній. Въ такое время перо писателя можетъ быть въ рукахъ его орудіемъ болѣе могуще-

ственнымъ, болѣе дѣйствительнымъ, нежели мечъ въ рукѣ воина... Писатель своими мнѣніями дѣйствуетъ на мнѣніе общества, и чѣмъ онъ богаче дарованіемъ, тѣмъ послѣдствія неизбѣжнѣе. Мнѣніе есть властитель міра. Да будетъ же перо въ рукахъ писателя то, что скипетръ въ рукахъ царя: твердъ, благороденъ, величественъ. Перо пишетъ, что начертывается на сердцахъ современниковъ и потомства. Имъ писатель сражается съ невѣжествомъ наглымъ, съ порокомъ могучимъ, и сильныхъ земли призываетъ изъ безмолвныхъ гробовъ на судъ потомства. Чтобы владѣть съ честію перомъ, должно имѣть болѣе мужества, нежели владѣть мечемъ. Но если писатель благородное оружіе свое преклоняетъ предъ врагами своими; если онъ унижаетъ его, чтобы льстить могуществу, или если прелестію цвѣтовъ покрываетъ развратъ и пороки; если, вмѣсто огня благотворнаго, онъ возжигаетъ въ душахъ разрушительный пожаръ, и пищу сердецъ чувствительныхъ превращаетъ въ ядъ: перо его — скипетръ, упавшій въ прахъ, или оружіе убійства!.. Писатель, говорятъ, есть выраженіе времени, печать духа и нравовъ вѣка своего. Какъ? Пѣвецъ, сынъ вдохновенія небеснаго, долженъ быть только эхомъ людей? Онъ, свободный, долженъ рабски слѣдовать за вѣкомъ и, самъ увлекаясь пороками его, долженъ питать ихъ, осыпать цвѣтами и музъ превращать въ сиренъ, соблазнительницъ человѣка? Удались, мысль, недостойная разума! Въ царство ужаса, когда законы запретили исповѣданіе Создателя, въ дни безвѣрія и безбожія народнаго, Делиль на развалинахъ алтарей пѣлъ бытіе Бога и безсмертіе души. Вотъ подвиги писателя! Пробудить, вдохнуть, воспламенить страсти благородныя, чувства высокія, любовь къ вѣрѣ и отечеству, къ истинѣ и добродѣтели, — вотъ что нужно въ такое время, когда благороднѣйшими свойствами души жертвуютъ эгоизму, или такъ называемому свѣту ума, когда холодный умъ сей опустошаетъ сердце, а низость духа подавляетъ въ немъ все, что возвышаетъ бытіе человѣка. Въ такое время нужнѣе чрезмѣрить величіе человѣка, нежели унижать его; лучше подражать тѣмъ ваятелямъ древности, которые произведеніямъ своимъ дали образцы благороднѣйшіе и величество, превосходящее природу земную, чѣмъ поэзію уподоблять Цирцеѣ, превратившей спутниковъ Одиссея въ животныхъ».

Этотъ страстный тонъ выдаетъ въ Гнѣдичѣ живой интересъ и горячее участіе въ направленіи родной литературы. Гнѣдичъ находилъ, очевидно, что современное ему направленіе ложно и вредно, что оно угождаетъ требованіямъ времени и новымъ идеямъ, нисколько не похожимъ на его собственныя понятія о литературѣ, призванной благотворно дѣйствовать на просвѣщеніе и нравы народа. Гнѣдичъ и въ дѣйствительности неодобрительно смотрѣлъ на современную ему отечественную литературу. Онъ отрицательно относился къ сентиментализму, отъ котораго можно было ожидать не подъема и укрѣпленія духа, а его пониженія и ослабленія. Гнѣдичъ не одобрялъ и романтизма и былъ противникомъ балладъ, хотя и признавалъ прекрасное дарованіе Жуковскаго, «человѣка истинно добраго и благороднаго». Это строгое отношеніе Гнѣдича къ родной словесности и къ отечественнымъ писателямъ не мѣшало общему уваженію Гнѣдича и вѣрѣ въ искренность и правоту его стремленій. Прекрасно выразилъ эту мысль князь Вяземскій въ своей «Записной книжкѣ»: «Гнѣдичъ въ общежитіи былъ честный человѣкъ; въ литературѣ былъ онъ честный литераторъ. Да, и въ литературѣ есть своя честность, свое праводушіе. Гнѣдичъ въ ней держался всегда безъ страха и безъ укоризны. Онъ высоко дорожилъ своимъ званіемъ литератора и носилъ его съ благородною независимостью. Онъ былъ чуждъ всѣхъ продѣлокъ, всѣхъ мелкихъ страстей и промышленностей, которыя иногда понижаютъ уровень, съ котораго писатель никогда не долженъ бы сходить».

Литературное творчество Гнѣдича какъ въ поэзіи, такъ и въ прозѣ не имѣло такого значенія въ исторіи русской литературы, какое получилъ его переводческій трудъ. Переводъ Иліады Гомера обезсмертилъ его имя и принесъ ему заслуженную славу. Это былъ не только трудъ, но и подвигъ всей жизни

Гнѣдича, которому онъ посвятилъ всѣ свои силы и всего себя цѣликомъ.

Къ Иліадѣ Гнѣдичъ питалъ любовь еще въ университетѣ. Гомеръ былъ его любимымъ поэтомъ, котораго онъ тщательно изучалъ еще на школьной скамьѣ, и послѣ того онъ никогда не прерывалъ своихъ занятій греческимъ языкомъ и греческими писателями, особенно Гомеромъ, «глубоко вникая въ каждый стихъ, въ каждый звукъ Иліады». «Она была собесѣдницею, услажденіемъ всей его жизни,—говоритъ Лобановъ, другъ Гнѣдича. Ни болѣзни, ни страданія не охладили въ немъ этой любви: Гомеръ былъ постояннымъ предметомъ пламенныхъ бесѣдъ его». Къ переводу Иліады Гнѣдичъ приступилъ, однако, не вдругъ, и самый переводъ ея гекзаметромъ появился значительно позднѣе первыхъ его опытовъ въ этомъ родѣ. Съ 1807 г. Гнѣдичъ принялся за переводъ Иліады, и, будучи двадцати-трехъ-лѣтнимъ молодымъ человѣкомъ, обрекъ себя на серьезный, долгій и тяжкій подвигъ. Сначала онъ переводилъ Иліаду александрійскими стихами и въ 1809 г. издалъ въ свѣтъ 7-ую пѣснь, давая право думать, что его трудъ служитъ продолженіемъ перевода Кострова, обнимавшаго первыя шесть пѣсней Иліады и исполненнаго тоже александрійскими стихами. Поощряемый къ труду дальнѣйшему Гнѣдичъ былъ неутомимъ въ работѣ. Но умѣя чувствовать во всей силѣ красоты подлинника и желая передать его на отечественный языкъ съ строжайшею точностью, онъ сѣтовалъ, что александрійскій стихъ не представляетъ къ тому возможности. Не были довольны такимъ переводомъ и нѣкоторые просвѣщенные современники Гнѣдича и среди нихъ Пушкинъ. Извѣстенъ случай чтенія Гнѣдичемъ отрывковъ изъ своего перевода Иліады александрійскимъ стихомъ въ обществѣ Зеленой Лампы, когда Пушкинъ морщился и зѣвалъ. Гнѣдичъ настойчиво просилъ его указать стихи, которые ему не нравились. Пушкинъ отвѣтилъ четверостишіемъ:

Съ тобою въ споръ я не вступаю,
Что жесткое въ стихахъ твоихъ встрѣчаю;
Я руку наложилъ,
Погладилъ — занозилъ.

Быть можетъ именно этимъ первымъ переводомъ Гнѣдича вызвана была и та эпиграмма Пушкина, которую онъ такъ тщательно зачеркнулъ въ своей тетради и которую такъ старательно возстановили редакторы Академическаго изданія стихотвореній Пушкина. Пушкинъ уничтожилъ ее очевидно потому, что она совсѣмъ не удалась ему въ метрическомъ отношеніи и стихъ ея вышелъ очень тяжелъ. (См. Сочиненія Пушкина, изданіе И. А. Наукъ, томъ второй С.-Пб., 1905, примѣч. стр. 174—175, и «Пушкинъ и его современники», выпускъ XIII, С.-Пб., 1910, 13—17 стр.)

Въ 1813 г., когда Гнѣдичъ дописывалъ уже 11-ую пѣснь, С. С. Уваровъ обратился къ нему съ письмомъ, имѣвшимъ рѣшающее вліяніе на дальнѣйшій трудъ Гнѣдича и убѣдившимъ его перевести Иліаду гекзаметромъ. «Одна изъ величайшихъ красотъ греческой поэзіи,—писалъ Уваровъ, — есть богатое и систематическое ея стопосложеніе. Тутъ каждый родъ поэзіи имѣетъ свой размѣръ, и каждый размѣръ не только свои законы и правила, но, такъ сказать, свой геній и свой языкъ. Гекзаметръ (шестистопный героическій стихъ) предоставленъ эпопеѣ. Этотъ размѣръ весьма способенъ къ такому роду поэзіи. При величайшей ясности, онъ имѣетъ удивительное изобиліе въ оборотахъ, важную и плѣнительную гармонію». Указавъ на недостаточность александрійскаго стиха, который мы заимствовали у французовъ, Уваровъ продолжалъ: «Прилично ли намъ, Русскимъ, имѣющимъ, къ счастію, изобильный, метрическій, просодіею наполненный языкъ, слѣдовать столь слѣпому предразсудку? Прилично ли намъ, имѣющимъ въ языкѣ эти превосходныя качества, заимствовать у иноземцевъ бѣднѣйшую часть языка ихъ, просодію, совершенно намъ не свойственную?.. Возможно ли узнать гекзаметръ Гомера, когда, сжавши его въ александрійскій стихъ и оставляя одну мысль, вы отбрасываете размѣръ, оборотъ, расположеніе словъ, эпитеты, однимъ словомъ, все, что составляетъ красоту подлинника? Когда вмѣсто плавнаго, величественнаго гекзаметра, я слышу скудный и сухой александрійскій стихъ, риѳмою прикрашенный, то мнѣ кажется, что я вижу божественнаго Ахиллеса во французскомъ платьѣ». Гнѣдичъ вполнѣ согласился съ Уваро-

вымъ и, при письмѣ къ нему, представилъ въ Бесѣду любителей русскаго слова почти всю 6-ую пѣснь Иліады, переведенную гекзаметрами. Новый трудъ Гнѣдича получилъ одобреніе, но не общее. Капнистъ и Воейковъ представили возраженія, блестяще опровергнутыя Уваровымъ. Этотъ споръ привелъ Гнѣдича къ непоколебимой рѣшимости перевести Иліаду размѣромъ подлинника. Гнѣдичъ, съ громадною силою воли и беззавѣтною любовью къ труду, всецѣло отдался подвигу. Онъ изучалъ до мельчайшихъ подробностей каждый стихъ Иліады, каждое слово, и терпѣливо и настойчиво переводилъ слово за словомъ, постепенно усовершая и стихъ и языкъ. Плодомъ упорнаго, кропотливаго труда, черезъ двадцать лѣтъ послѣ напечатанія перваго опыта перевода, въ 1829 г. явилось полное изданіе Иліады, переведенной размѣромъ подлинника. Въ предисловіи къ изданію Гнѣдичъ такъ объяснилъ причины, заставившія его избрать гекзаметръ для перевода Иліады и то чувство удовлетворенія, которое онъ пережилъ: «Для трудящихся въ какомъ бы то ни было родѣ искусства ничего нѣтъ печальнѣе, какъ видѣть, что трудъ свой можно сдѣлать лучше, и не имѣть къ тому способа. Таковы были мои чувствованія при переводѣ Иліады риѳмованномъ. Кончивъ шесть пѣсенъ, я убѣдился опытомъ, что переводъ Гомера, какъ я его разумѣю, въ стихахъ александрійскихъ невозможенъ, по крайней мѣрѣ для меня; что остается для этого одинъ способъ, лучшій и вѣрнѣйшій — гекзаметръ. Плѣненный образомъ повѣствованія Гомерова, котораго прелесть нераздѣльна съ формою стиха, я началъ испытывать, нѣтъ ли возможности произвесть русскимъ гекзаметромъ впечатлѣнія, какое получалъ я, читая греческій. Люди образованные одобрили мой опытъ; и вотъ что дало мнѣ смѣлость отвязать отъ позорнаго столба стихъ Гомера и Виргилія, прикованный къ нему Тредьяковскимъ... Вѣрный своему убѣжденію, что гекзаметръ и безъ спондеевъ имѣетъ въ языкѣ русскомъ обильныя стихіи для своего состава, я не смущался ни толками, ни пересудами. Но трудъ, въ которомъ все было для меня ново: стихъ, не имѣвшій образцовъ и который, каково бы ни было его достоинство, съ переводомъ поэмы чужеродной не могъ вдругъ сдѣлаться роднымъ, живымъ для слуха народа, и самая поэма, которой предметъ такъ отдаленъ отъ насъ, которой красоты такъ чужды, такъ незнакомы нашему вкусу, но въ которой между тѣмъ 17 тысячъ стиховъ... Вотъ что должно было устрашать меня. Часто думалъ я: стихъ, которымъ я внутренно горжусь, можетъ быть исчезнетъ въ огромной поэмѣ; можетъ быть, никто не обратитъ на него новаго вниманія послѣ того, какъ я прочелъ его съ чувствомъ удовольствія... Но не хочу быть неблагодарнымъ: чистѣйшими удовольствіями въ жизни обязанъ я Гомеру; забывалъ труды, которые налагала на меня любовь къ нему, и почту себя счастливѣйшимъ, если хотя искра огня небеснаго, въ его вѣчныхъ твореніяхъ горящаго, и мои труды одушевила». Лишь нѣкоторую тѣнь недовольства Гнѣдичъ высказываетъ въ слѣдующихъ строкахъ предисловія: «Позже, нежели бы могъ, и не въ томъ видѣ, какъ бы желалъ, издаю переводъ Иліады. Долговременная болѣзнь воспрепятствовала мнѣ ранѣе напечатать его и присовокупить Введеніе и Примѣчаніе». Какъ много работалъ Гнѣдичъ надъ изученіемъ греческаго текста Иліады и надъ подборомъ соотвѣтственныхъ русскихъ словъ и выраженій — доказываетъ переписка его съ Олениннымъ и Лобановымъ. Извѣстны письма Оленина и Гнѣдича по филологіи и археологіи Греціи. И Лобанова Гнѣдичъ нерѣдко просилъ помочь въ нелегкомъ дѣлѣ перевода. Видимо, именно въ этомъ трудѣ лежалъ для Гнѣдича большой камень преткновенія, увеличивавшій трудности вслѣдствіе крайнихъ несовершенствъ современнаго Гнѣдичу литературнаго языка. Гнѣдичу приходилось не только съ трудомъ изыскивать подходящія слова и выраженія въ русскомъ языкѣ, но даже и изобрѣтать новыя. Естественно, что трудъ цѣлой жизни, трудъ совершенно новый, не облегченный предшественниками, долженъ былъ имѣть нѣ которыя несовершенства, и они очень скоро были замѣчены современниками Гнѣдича и имъ самимъ, конечно, прежде всего. Критика отмѣтила, что «Гнѣдичъ

сообщилъ гомеровскимъ пѣснямъ какую-то торжественность, настроилъ ихъ на риторическій тонъ, чему особенно способствовало излишнее и не всегда разборчивое употребленіе славянскихъ словъ и оборотовъ». Первымъ на это указалъ, повидимому, Погодинскій «Московскій Вѣстникъ» (1830, ч. 1, стр. 372—408). Здѣсь, кажется, впервые отмѣчена «неудача въ составленіи новообразованныхъ словъ». И надобно замѣтить, что критика труда Гнѣдича отъ перваго дня появленія его въ свѣтѣ и до нашихъ дней не пошла далѣе замѣчаній о языкѣ перевода, которыя справедливѣе было бы отнести не къ самому Гнѣдичу, а къ современному ему литературному языку и построенію русской литературной рѣчи. И не взирая на это, появленіе перевода Гнѣдича было единодушно привѣтствовано всѣми литературными современниками Гнѣдича и во всѣхъ повременныхъ изданіяхъ. Тотъ же «Московскій Вѣстникъ» писалъ: «Слава Богу! Наконецъ мы дождались Иліады Гомера! Привѣтствуемъ, отъ всего сердца привѣтствуемъ новую, давно жданную гостью!» Этотъ же журналъ признавалъ и заслугу переводчика: «нашъ переводчикъ имѣлъ также о своемъ дѣлѣ здоровое понятіе, приносящее истинную честь его эстетическому разумѣнію». Самый трудъ Гнѣдича Погодинскій журналъ назвалъ «благороднымъ мужествомъ» и «за избраніе для перевода Иліалы гекзаметра» воздалъ «полную честь почтенному прелагателю». «Сѣверная Пчела» въ первомъ номерѣ 1830 г. также привѣтствовала изданіе Иліады: «И русская словесность украсилась симъ вѣковымъ достояніемъ поэзіи всего человѣчества. Николай Ивановичъ Гнѣдичъ обогатилъ нашу литературу, нашъ языкъ безсмертнымъ пѣснопѣніемъ, прешедшимъ тысячелѣтія. Мы получаемъ въ семъ переводѣ не блѣдную копію, не робкое подраженіе прозою или стихами александрійскими, но вѣрный, живой, пламенный списокъ, въ которомъ сохранены всѣ черты, всѣ краски подлинника; намъ переданъ стихъ Гомеровъ съ тѣмъ же размѣромъ, съ тою же гармоніею, которые плѣняли Солона и Александра: мы видимъ древній міръ въ младенческой его простотѣ; видимъ ветхій Олимпъ, видимъ станъ греческій и твердыни Троянскія въ точномъ ихъ видѣ; слышимъ и гласъ боговъ и бесѣды героевъ древности, въ вѣрныхъ отголоскахъ». Свою статью газета патетически заканчиваетъ: «Пусть выставляетъ ядовитое жало свое пожелтѣвшая съ зависти ехидна! Истинные любители словесности отечественной и чтители дарованій и заслугъ оградятъ пѣснопѣвца, передавшаго намъ сладостные стихи отца поэзіи!» И такія привѣтствія были общими со стороны писателей и поклонниковъ изящнаго при выходѣ Иліады. Впереди другихъ восторженныхъ голосовъ былъ голосъ Пушкина. Въ «Литературной Газетѣ (1830, № 2) Пушкинъ писалъ: «Наконецъ вышелъ въ свѣтъ такъ давно и такъ нетерпѣливо ожиданный переводъ Иліады! Когда писатели, избалованные минутными успѣхами, большею частію устремились на блестящія бездѣлки, когда талантъ чуждается труда, а мода пренебрегаетъ образцами древности, когда поэзія не есть благоговѣйное служеніе, но токмо легкомысленное занятіе: съ чувствомъ глубокимъ уваженія и благодарности взираемъ на поэта, посвятившаго гордо лучшіе годы жизни исключительному труду, безкорыстнымъ вдохновеніямъ и совершенію единаго, высокаго подвига. Русская Иліада передъ нами. Приступаемъ къ ея изученію, дабы современемъ отдать отчетъ нашимъ читателямъ о книгѣ, долженствующей имѣть столь важное вліяніе на отечественную словесность». Высокое достоинство перевода Гнѣдича Пушкинъ превосходно охарактеризовалъ въ своемъ прекрасномъ двустишіи, посвященномъ труду Гнѣдича и выражающемъ тѣ впечатлѣнія, которыя возбуждаетъ въ читателѣ переводъ Гнѣдича:

Слышу умолкнувшій звукъ божественной,
Эллинской рѣчи;
Старца великаго тѣнь чую смущенной
душой.

Высоко цѣнилъ трудъ Гнѣдича и Бѣлинскій. Онъ ставилъ гекзаметры Гнѣдича выше гекзаметровъ Жуковскаго и признавалъ, что «постигнуть духъ, божественную простоту и пластическую красоту древнихъ Грековъ было суждено на Руси пока только одному Гнѣдичу».

И до нашего времени переводъ Иліады, совершенный Гнѣдичемъ, сохраняетъ все свое значеніе, и высокія достоинства его нисколько не умаляются нѣсколькими словами и выраженіями, въ которыхъ критики видятъ славянизмы и неологизмы, отъ которыхъ, однако, и особенно отъ славянизмовъ не свободны и самыя критическія статьи, по крайней мѣрѣ, современниковъ Гнѣдича.

Завершивъ свой великій и замѣчательный трудъ по переводу Иліады, Гнѣдичъ вскорѣ и совсѣмъ почилъ ото всѣхъ трудовъ земныхъ. На могилѣ его въ Александро-Невской Лаврѣ, общими усиліями признательныхъ друзей, воздвигнутъ памятникъ, на которомъ сдѣланы надписи: «Гнѣдичу, обогатившему Русскую Словесность переводомъ Омира», и стихъ 249 изъ I пѣсни Иліады:

«Рѣчи изъ устъ его вѣщихъ сладчайшія меда лилися».

Кромѣ указанныхъ выше сочиненій Гнѣдича, его перу принадлежатъ:

1. Романъ «Донъ-Коррадо де-Геррера или Духъ мщенія и варварства Гишпанцевъ», — романъ чудовищныхъ злодѣйствъ и приключеній, — «россійское сочиненіе», въ двухъ частяхъ, М., 1803; сочиненіе это написано Гнѣдичемъ, несомнѣнно, подъ вліяніемъ романовъ французскихъ и нѣмецкихъ и не имѣетъ художественныхъ достоинствъ.

2. «Письмо къ Б. о статуѣ Мира, изваянной для графа Николая Петровича Румянцова скульпторомъ Кановою въ Римѣ»; послѣ подробнаго описанія статуи, Гнѣдичъ высказываетъ свои мысли о достоинствахъ и недостаткахъ ея и заключаетъ свое письмо: «можетъ быть, онѣ (мысли) не справедливы; можетъ быть въ ней есть и красоты болѣе тонкія и пороки болѣе ощутительные, но первыя не для моего взора, а послѣдніе не для моихъ чувствъ: я видѣлъ статую нѣсколько разъ, но все еще мало, чтобы смотрѣть на нее съ хладнокровіемъ».

3. «Замѣчанія на опытъ о русскомъ стихосложеніи Востокова и о просодіи древнихъ».

4. «Рѣчь, произнесенная въ собраніи вольнаго общества любителей россійской словесности».

5. Идиллія въ стихахъ «Рыбаки», въ которой находится классическое описаніе петербургскихъ бѣлыхъ ночей, отмѣченное Пушкинымъ въ примѣчаніяхъ къ «Евгенію Онѣгину».

6. «Простонародныя пѣсни нынѣшнихъ Грековъ» съ подлинникомъ изданныя и переведенныя въ стихахъ, съ прибавленіемъ введенія, сравненія ихъ съ простонародными пѣснями русскими и примѣчаній Н. Гнѣдичемъ», С.-Пб., 1825.

Много стихотвореній и статей написалъ Гнѣдичъ и кромѣ упомянутыхъ, и сочиненія свои онъ печаталъ въ журналахъ: «Сѣверный Вѣстникъ», «Цвѣтникъ», «Драматическій Вѣстникъ», «Вѣстникъ Европы», «Сынъ Отечества», «Украинскій Вѣстникъ», «Сѣверный Наблюдатель», «Журналъ изящныхъ искусствъ», «Московскій Телеграфъ», «Сѣверная Пчела», и въ альманахахъ: «Сѣверные Цвѣты», «Литературный Музеумъ», «Новыя Аониды», «Альціона», «Талія», «Полярная Звѣзда», «Листокъ граціи», «Новоселье», «Раутъ». При жизни своей Гнѣдичъ успѣлъ напечатать въ отдѣльномъ изданіи свои стихотворенія въ книгѣ: «Стихотворенія Н. Гнѣдича, С.-Пб., 1832». Кромѣ стихотвореній здѣсь же напечатаны «Пѣсни нынѣшнихъ Грековъ» и «Трагедія Танкредъ». Съ нѣкоторыми пропусками это изданіе повторено было въ серіи «Полное собраніе сочиненій русскихъ авторовъ» подъ заглавіемъ: «Сочиненія Гнѣдича. Изданіе Александра Смирдина. С.-Пб. 1854». Впослѣдствіи было еще три изданія сочиненій Гнѣдича:

1. «Сочиненія Н. И. Гнѣдича. Томы 1 и 2. Первое полное изданіе. Изданіе Товарищества М. О. Вольфъ. 1884».

2. «Собраніе сочиненій Н. И. Гнѣдича въ шести томахъ. Второе изданіе, съ портретомъ автора и критико-біографическимъ очеркомъ, составленнымъ Н. Минскимъ (Н. М. Виленкинымъ). Изданіе Товарищества М. О. Вольфъ. 1903. Безплатное приложеніе къ журналу Новый Міръ».

3. «Н. И. Гнѣдичъ. Полное собраніе сочиненій. Библіотека «Сѣвера». Безплатное приложеніе. Изд. Н. Ѳ. Мертца. С.-Пб. 1905». Въ этомъ изданіи, кромѣ этого общаго заглавія, на каждомъ томѣ напечатано еще: «Полное собраніе

поэтическихъ сочиненій и переводовъ Н. И. Гнѣдича».

Обо всѣхъ этихъ изданіяхъ надобно сказать, что они только называютъ себя «полными», а на самомъ дѣлѣ они далеки отъ полноты: въ нихъ нѣтъ прозаическихъ сочиненій Гнѣдича, да и въ поэзіи его есть пробѣлы. Не самостоятельна и біографія Гнѣдича, написанная Минскимъ: онъ пользовался только печатными матеріалами, да и то не всѣми.

Наиболѣе полный библіографическій указатель печатныхъ матеріаловъ о Гнѣдичѣ напечатанъ въ книгѣ: «Источники Словаря Русскихъ Писателей. Собралъ С. А. Венгеровъ. Т. I. С.-Пб. 1900»... Но и этотъ указатель слѣдуетъ пополнить одною брошюрою: «Рѣчь преподавателя русской словесности Н. П. Изволенскаго: Гнѣдичъ, какъ ораторъ, филологъ и патріотъ». Полтава. 1883. Кромѣ того указатель страдаетъ весьма большими пробѣлами въ той части, которая должна была бы сообщить о Гнѣдичѣ: «Что онъ напечаталъ въ періодическихъ изданіяхъ».

Послѣднимъ изданіемъ, по времени, матеріаловъ о Гнѣдичѣ является статья Г. П. Георгіевскаго: «А. Н. Оленинъ и Н. И. Гнѣдичъ. Новые матеріалы изъ Олонинскаго Архива», — напечатанная въ «Сборникѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ» томъ XCI, № 1, С.-Пб., 1914. Въ ней напечатаны неизданныя сочиненія и переписка Гнѣдича.

Подлинныя рукописи Гнѣдича хранятся въ Императорской Публичной Библіотекѣ (Отчеты за 1865, 1874, 1875, 1882, 1893, 1895 гг.) и въ Императорскомъ Московскомъ и Румянцовскомъ Музеѣ (Отчетъ за 1911 г.).

Г. Георгіевскій.

Гнѣдичъ, *Петръ Петровичъ*, докторъ медицины, дядя переводчика «Иліады» Николая Ивановича Г., сынъ сотника Котелевскаго Петра Осиповича, происходилъ изъ рода, издавна жившаго въ Котельвѣ (нынѣ слобода Ахтырскаго уѣзда Харьковской губ., на границѣ съ Полтавской губ.), гдѣ и дѣдъ его, и прадѣдъ, и прапрадѣдъ, были сотниками, и родился около 1750 г. Служилъ до 1773 г. въ Сенатѣ въ званіи канцелярскаго служителя, а черезъ 2 года (по Модзалевскому въ 1779 г.) отправился за границу изучать медицину въ Лейпцигскомъ университетѣ. Въ 1778 г. онъ напечаталъ въ Лейпцигѣ свой трудъ «Von einigen Arzneymitteln und Krankheiten der russischen Völkerschaften» (8°). Въ Лейпцигѣ же получилъ степень доктора медицины (по Модзалевскому въ 1783 г.) по защитѣ диссертаціи: «De morbis membranae tympani». (Lipsiae, 1780, 4°). Въ дипломѣ на эту степень названъ Гнѣдичемъ-Паскевичемъ. Въ 1782 г. служилъ врачомъ въ Кіевскомъ округѣ, гдѣ проявилъ усиленную дѣятельность въ борьбѣ съ эпидеміями. Умеръ въ чинѣ надворнаго совѣтника въ 1817 г. Отъ брака съ Екатериной Ивановной Пономаревой имѣлъ 3 сыновей (одинъ изъ нихъ отецъ извѣстнаго современнаго писателя Петра Петровича) и дочь.

Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели»; В. Л. Модзалевскій, «Малороссійскій родословникъ», I, 275—285; «Историч. Вѣстникъ» 1905 г., № 1, стр. 45 (П. П. Гнѣдичъ, «Изъ прошлаго» — свѣдѣнія о Г. на основаніи документовъ семейнаго архива).

Говардъ, *Джонъ* (Howard), великій филантропъ и тюрьмовѣдъ, родился (согласно надписи на статуѣ его въ соборѣ св. Павла въ Лондонѣ) въ Гакнеѣ, въ графствѣ Миддльсексъ, 2 сентября, 1726 г. въ семьѣ лондонскаго купца, первоначальное образованіе получилъ въ школѣ пастора Джона Ворслея, гдѣ пробылъ 7 лѣтъ, а затѣмъ недолго учился въ высшей школѣ мистера Джона Имза, послѣ чего поступилъ 15 лѣтъ на службу въ мануфактурную торговлю въ Лондонѣ. Но онъ недолго тамъ оставался: 9 сентября 1742 г. умеръ его отецъ, и Г., наслѣдовавъ послѣ отца значительное состояніе, отказался отъ противной его натурѣ коммерческой дѣятельности, года два путешествовалъ по Франціи и Италіи, а затѣмъ, вернувшись въ Англію, поселился по совѣту врачей въ Стокъ-Ньюингтонѣ, гдѣ, заботясь только объ укрѣпленіи своего здоровья, невольно заинтересовался медициной и метеорологіей. Живя въ домѣ вдовы Сары Лойдоръ, Г. однажды занемогъ и выздоровѣлъ только благодаря ея нѣжному уходу. Изъ чувства признательности онъ женился на ней (въ 1752 г.), но бракъ Г. съ женщиной, бывшей вдвое старше его, продолжался только три года. Послѣ смерти жены Г. отправился въ Португалію, пораженную въ 1755 г. страшнымъ землетрясеніемъ, руководимый повидимому чувствомъ человѣколюбія, но судно, на которомъ онъ ѣхалъ, было захва-

чено французскимъ каперомъ, и Г. въ качествѣ военноплѣннаго былъ заключенъ въ Брестъ въ тюрьму. Здѣсь онъ испыталъ всѣ муки тюремной жизни того времени. Вернувшись въ Англію, онъ просилъ содѣйствія общества для освобожденія всѣхъ остальныхъ плѣнныхъ. Впослѣдствіи, въ своей книгѣ, посвященной состоянію тюремъ, Г., разсказывая о томъ, что приходится терпѣть военноплѣннымъ, заключеннымъ въ тюрьму, говоритъ: «Быть можетъ, что испытанныя мной при этомъ невзгоды, возбудили во мнѣ сочувствіе къ тѣмъ несчастнымъ, которымъ посвящена эта книга». Г. поселился въ наслѣдственномъ имѣніи Кардингтонѣ, близъ Бедфорда, и по прежнему занимался метеорологіей; въ 1756 г. онъ былъ выбранъ въ члены Королевскаго Общества. 25-го апрѣля 1758 г. Г. вторично женился на дочери адвоката Генріеттѣ Лидсъ. Продолжая жить въ Кардигтонѣ, онъ отдался заботамъ о крестьянахъ,— построилъ для нихъ гигіеническіе коттеджи, открылъ школу, для которой выработалъ планъ преподаванія исключительно строго-религіознаго характера. 31-го марта 1765 г. умерла жена Г., родивши сына. Смерть любимой жены глубоко поразила Г. и надорвала его физическія силы. Весной 1769 г. Г. отправился въ продолжительное путешествіе по Франціи и Италіи. Находясь въ Неаполѣ, онъ далъ обѣтъ вѣчнаго служенія Богу и облекъ его въ формальное письменное обязательство передъ Богомъ (27 мая 1770 г.) Это обязательство было возобновлено имъ въ Москвѣ 27 сентября 1789 г. Въ іюнѣ 1770 г. Г. оставилъ Неаполь, черезъ Германію возвратился на родину и здѣсь продолжалъ заботиться о поселянахъ уже всего Бедфордскаго округа. Въ 1773 г. онъ назначенъ шерифомъ въ Бедфордѣ. Одна изъ многочисленныхъ обязанностей шерифа заключалась въ завѣдываніи тюрьмами, положеніе которыхъ тогда было ужасно. Г. рѣшилъ обратить вниманіе общества и правительства на необходимость улучшенія тюремнаго быта. Уже съ 1773 г. Г. началъ объѣздъ Англіи съ цѣлью осмотра тюремъ, а въ апрѣлѣ 1775 г. отправился съ той же цѣлью на континентъ и прежде всего въ Парижъ съ его знаменитой Бастиліей. Но несмотря на настойчивыя попытки и даже хитрость, Г. не удалось проникнуть въ Бастилію; онъ осмотрѣлъ только Пти-Шателэ, Консьержери, и нѣкоторыя другія тюрьмы. Осмотрѣвъ затѣмъ тюрьмы во Фландріи, Голландіи и Германіи, Г. въ ноябрѣ 1775 г. вернулся въ Англію и сейчасъ же отправился во вторую ревизію отечественныхъ тюремъ; окончилъ онъ ее къ маю 1776 г. Пополнивъ свои свѣдѣнія о тюрьмахъ вторичной поѣздкой на континентъ (въ Швейцарію и Италію), Г. только тогда рѣшился познакомить публику съ собраннымъ матеріаломъ. Въ 1777 г. онъ издалъ свое знаменитое сочиненіе «The state of the prisons in England and Wales, with preliminary observations and an account of some foreign prisons» (первое дополненіе къ нему вышло въ 1780 г.). Въ этой книгѣ онъ излагаетъ свои наблюденія и предлагаетъ рядъ мѣръ къ улучшенію содержанія арестантовъ: осуществленіе девиза голландскихъ тюремъ — «сдѣлайте людей прилежными и они станутъ честными» — тюремный трудъ, а также строгую, но разумную дисциплину, обученіе нравственное и религіозное, гигіеническое устройство помѣщеній, систему одиночнаго заключенія, сокращеніе сроковъ судебнаго приговора. Успѣхъ его книги былъ необычайный. Примѣненіе идей Г. было сдѣлано въ глостерскомъ пенитенціаріи, устроенномъ по одиночной системѣ, а также въ Сѣв. Америкѣ (Филадельфія); затѣмъ, согласно съ заключеніемъ Г., былъ изданъ временный законъ объ устройствѣ и содержаніи англійскихъ понтонныхъ тюремъ (плавучихъ тюремъ на корабляхъ). 19-го апрѣля 1778 г. Г. снова отправился въ Голландію, Пруссію, Австрію, Италію, Швейцарію, Германію и Фландрію и къ концу 1778 г. вернулся въ Лондонъ. Съ января по ноябрь 1779 г. онъ ѣздилъ по Англіи для ознакомленія съ положеніемъ плѣнныхъ. Во время этой поѣздки Г. убѣдился, что его труды не остались безплодными: въ состояніи тюремъ было замѣтно значительное улучшеніе. Въ 1780 г. парламентъ рѣшилъ приступить къ постройкѣ новыхъ большихъ тюремъ. Г. былъ выбранъ въ члены комитета по постройкѣ ихъ, но вскорѣ отка-

зался отъ участія и рѣшилъ совершить новую поѣздку на континентъ. Въ маѣ 1781 г. онъ направился въ Бременъ, затѣмъ Копенгагенъ, Швецію и, наконецъ, впервые въ Россію; здѣсь посѣтилъ С.-Петербургъ, Кронштадтъ, гдѣ его поразилъ своимъ благоустройствомъ военный госпиталь, Москву, Вышній-Волочокъ, Тверь. Въ С.-Петербургѣ Г—а встрѣтилъ посланный отъ Императрицы Екатерины II съ приглашеніемъ во дворецъ, но Г. отклонилъ приглашеніе, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что цѣль его прибытія — посѣщеніе тюремъ, а не дворцовъ. Въ то время Россія была единственной страной, не примѣнявшей смертной казни. Г. подозрѣвалъ, что наказаніе кнутомъ вполнѣ можетъ замѣнить смертную казнь; дѣйствительность подтвердила его предположеніе. Въ Петербургѣ Г. обратилъ особенное вниманіе на недавно учрежденный Смольный институтъ. Пріятныя воспоминанія оставило въ немъ также знакомство съ Бецкимъ. Изъ Москвы Г. черезъ Польшу, Пруссію и Голландію вернулся въ концѣ 1781 г. въ Англію. Въ началѣ слѣдующаго года онъ опять объѣзжаетъ англійскія тюрьмы. Въ 1783 г. Г. посѣтилъ Испанію и Португалію. Ему удалось отчасти познакомиться съ инквизиціей въ Вальядолидѣ, но проникнуть въ мѣста заключенія инквизиціи ему не удалось. Черезъ Фландрію и Голландію Г. прибылъ въ іюнѣ 1783 г. въ Англію и приступилъ къ печатанію второго дополненія къ своей книгѣ. Въ 1785 г. Г. отправился на югъ Европы, гдѣ въ то время свирѣпствовала чума. Прежде всего, онъ направился въ Марсель, хотя ему былъ запрещенъ въѣздъ во Францію за обнародованіе памфлета о Бастиліи, который онъ перевелъ на англійскій языкъ («Translation from a French account of the Bastille» 1780). Въ Парижѣ его собирались арестовать, но онъ успѣлъ бѣжать въ Италію, а оттуда поѣхалъ въ Константинополь, гдѣ ознакомился съ мѣстами заключенія и госпиталями и гдѣ въ продолженіе мѣсяца дѣйствовалъ какъ врачъ Изъ Константинополя Г. направился въ Венецію черезъ Смирну, чтобы испытать карантинъ въ Венеціи. Здѣсь онъ получилъ извѣстіе о помѣшательствѣ своего сына. Г. рѣшилъ вернуться домой; заѣхавъ только въ Вѣну, гдѣ имѣлъ аудіенцію у Іосифа II, желавшаго знать мнѣніе Г. о вновь выстроенномъ въ Вѣнѣ военномъ госпиталѣ, онъ въ февралѣ 1787 г. прибылъ въ Кардингтонъ и въ ближайшіе два года, живя то въ Лондонѣ, то въ Кардингтонѣ, закончилъ печатаніе своего сочиненія объ англійскихъ и континентальныхъ больницахъ и карантинахъ («An account of the principal lazarettos in Europe, with various papers relative to the plague together with further observations in some foreign prisons and hospitals, and additional remarks on the present state of those in Great Britain and Ireland». 5 іюля 1789 г. Г. предпринялъ новую поѣздку въ Россію; быстро осмотрѣвъ госпитали въ С.-Петербургѣ, онъ направился на югъ Россіи для изученія способа содержанія солдатъ и вліянія его на смертность и болѣзненность въ войскѣ, такъ какъ въ Европѣ много говорили о жестокомъ обращеніи съ солдатами въ Россіи, о тѣснотѣ казармъ, недостаточности пищи и т. п. Г. остановился въ Кременчугѣ, гдѣ была большая военная больница, а оттуда поѣхалъ въ Херсонъ; вскорѣ здѣсь началась страшная тифозная эпидемія. Г. неутомимо работалъ, занимаясь безплатнымъ лѣченіемъ бѣдныхъ, заразился и умеръ 20 (31) января 1790 г. Онъ похороненъ, согласно его желанію, близъ г. Херсона, на хуторѣ француза Дофине (Дофиньи), «вдали отъ жилищъ человѣческихъ»; на его могилѣ поставленъ памятникъ съ надписью: «Ad sepulchrum stas, quisquis es, amici» (кто бы ты ни былъ — ты у могилы твоего друга); на памятникѣ, по волѣ умершаго, поставлены солнечные часы. Другой памятникъ Г. находится въ г. Херсонѣ на площади противъ тюрьмы и имѣетъ видъ обелиска съ бронзовымъ медальономъ Г. Въ Англіи въ честь его воздвигнуты статуи въ Лондонѣ въ соборѣ св. Павла и въ Бедфордѣ, а Парижское Société de la morale chrétienne выбило въ честь его медаль. Есть извѣстіе, будто прахъ Г. былъ впослѣдствіи перевезенъ графомъ Викентіемъ Потоцкимъ въ имѣніе послѣдняго Ковалевку, близъ Немирова (Подольской губ.). Тамъ дѣйстви-

тельно въ саду, на островѣ среди озера, поставленъ былъ памятникъ съ бюстомъ Г. и съ надписью: «Cy git John Howard», но еще въ 1852 г. ни сынъ гр. Викентія Потоцкаго, ни тогдашній владѣлецъ Ковалевки гр. Б. С. Потоцкій не могли подтвердить достовѣрность преданія о погребеніи Г. въ Ковалевкѣ. Въ 1890 г., по поводу международнаго тюремнаго конгресса, состоявшагося въ С.-Петербургѣ въ столѣтнюю годовщину смерти Г., русское правительство объявило конкурсъ на тему: «О значеніи Джона Говарда». Жюри, подъ предсѣдательствомъ Н. С. Таганцева, нашло, что ни одно изъ 15 представленныхъ сочиненій не заслуживаетъ высшей награды (большая золотая медаль и премія въ 2000 фр.), и она была раздѣлена между англичаниномъ А. Гриффисомъ и французомъ А. Ривьеромъ, серебряная медаль присуждена англичанину Казалету. Всѣ эти работы напечатаны въ 5-мъ томѣ «Actes du Congrès Pénitentiaire International de St. Pétersbourg 1890». (С.-Пб., 1892 г.); въ 1-мъ томѣ этого изданія напечатана рѣчь о Г., произнесенная на конгрессѣ В. Д. Спасовичемъ.

«Говардъ, его жизнь и общественно-филантропическая дѣятельность». Біографическій очеркъ Г. Б. Сліозберга, Біографическая библіотека Ф. Павленкова.—Брокгаузъ-Ефронъ, «Энциклопедическій словарь», XVII. — Галкинъ-Врасскій, «Памяти Джона Говарда», («Русск. Стар.» 1880 г., окт.).—«Actes du Congrès Pénitentiaire International de St. Pétersbourg 1890», томы I и V.—«The Encyclopaedia britannica», 11 изд., т. XIII.—«Москвитянинъ» 1852 г., №№ 5 и 15 (о могилѣ Г. въ Ковалевкѣ).—«Истор. Вѣстникъ» 1893 г., т. 52, стр. 874 — 875 (могила Г. въ Ковалевкѣ).—Ю. Б. Иверсенъ «Медали въ честь рус. государств. дѣятелей и частныхъ лицъ», т. I.

Е. Александровичъ.

Гове (Говій), *Мартынъ Янсенъ*, картографъ, принятъ въ русскую службу унтеръ-лейтенантомъ 7 марта 1715 г., произведенъ въ поручики 1 мая 1716 г. и въ капитанъ-лейтенанты — 2 марта 1721 г.; 8 декабря 1724 г. назначенъ капитаномъ надъ штурманами. Въ 1725 г. въ званіи лоцъ-капитана командовалъ шмакомъ «Дегопъ» и наблюдалъ за постановкой бакеновъ и вѣхъ отъ Кронштадта до Дагерорда. Въ 1726 г. 7 января произведенъ въ капитаны 3-го ранга и 17 мая назначенъ наблюдать за маяками Финскаго залива. Въ этомъ же году производилъ описаніе берега отъ С.-Петербурга до Ревеля, и предложилъ новое устройство фейеръ-бакеновъ на о. Гохландѣ и Ескари. Съ 1728 г. до конца своей службы командовалъ лоцъ-гальотами, будучи 23 декабря 1728 г. произведенъ въ капитаны 2-го ранга и 18 января 1733 г. переименованъ въ капитаны полковничья ранга. 4 февраля 1734 г. назначенъ, кромѣ того, начальникомъ вновь сформированной Кронштадтской штурманской роты. Въ іюлѣ этого же года во время плаванія съ гальотами по Балтійскому морю взятъ былъ въ плѣнъ близъ Пиллау французами; по возвращеніи изъ плѣна въ сентябрѣ былъ подъ слѣдствіемъ, но взысканію за потерю гальотовъ не подвергся. Произвелъ промѣръ отъ Кронштадта до Толбухина маяка на сѣверъ отъ Котлина (1731 г.) и составилъ морскія карты Финскаго залива отъ С.-Петербурга до Ревеля, кромѣ Выборгскаго фарватера (1732 г.), и отдѣльно Выборгскаго фарватера (1733 г.) и лоцію отъ Кронштадта до Ревеля, на нѣмецкомъ языкѣ (1740 г.), переведенную на русскій языкъ Зотовымъ и Бергомъ. 23 октября 1742 г. донесено было въ Кабинетъ Ея Величества, что Г. за старостью къ повышенію рангомъ не способенъ. Умеръ въ 1747 г.

«Морской списокъ», т. I, 99; «Матеріалы для исторіи русскаго флота», ч. 5.

Гови, *Янъ (Иванъ)*, лейбъ-хирургъ Петра I, голландецъ, изъ числа 50 лѣкарей, выписанныхъ въ 1697 г. на русскую службу адмираломъ Корнеліемъ Крюйзомъ по приказанію Петра I. Онъ скоро выдѣлился по своимъ познаніямъ и дарованіямъ между своими товарищами; сначала служилъ первымъ хирургомъ во флотѣ при адмиралѣ Крюйзѣ, а по смерти Термонта сдѣлался лейбъ-хирургомъ Петра I. Г. всегда находился при немъ и даже сопровождалъ его въ Персидскомъ походѣ. По окончаніи Шведской войны и заключеніи Ништадскаго мира, Г., въ знакъ особеннаго расположенія къ нему Петра, былъ посланъ имъ въ Архангельскъ для извѣщенія жителей объ этихъ событіяхъ. Ему была оказана торжественная встрѣча съ громомъ пушекъ, и онъ былъ столь

богато одаренъ, что даже благодарилъ Императора. Послѣ смерти Петра I Г. занималъ мѣсто главнаго хирурга въ Адмиралтействѣ (флота штабъ-лѣкарь). 14 августа 1730 г. Императрица Анна Іоанновна пожаловала ему, по его прошенію, въ пожизненное владѣніе 30 крестьянскихъ дворовъ въ Копорскомъ уѣздѣ, а 20 августа еще 5 дворовъ. Въ царствованіе Анны Іоанновны Г. вышелъ въ отставку по прошенію «съ обращеніемъ въ пансіонъ по смерть годового жалованія». До самой смерти сохранилъ необыкновенную веселость духа. Умеръ въ 1743 г. почти 80 лѣтъ отъ роду.

Рихтеръ, «Исторія медицины въ Россіи»; «Архивъ Прав. Сената», т. II.; «Энциклопед. Лексиконъ», изд. Плюшара, т. XIV.

В. Ціонъ.

Говорливый, *Зиновій Степановичъ*, врачъ, писатель. Получилъ званіе лѣкаря въ 1850 г., въ теченіе 10 лѣтъ служилъ въ званіи штабъ-лѣкаря врачомъ Сѣверо-Американской компаніи, будучи причисленъ къ Министерству финансовъ, а въ 1862 г. состоялъ сверхштатнымъ врачомъ С.-Петербургской полиціи при кварталѣ. Напечаталъ статьи: 1) Краткій очеркъ физіологіи человѣческаго тѣла по Валентину и споръ его съ Дерптскими профессорами о симпатическомъ нервѣ («Финскій Вѣстникъ» 1849 г., № 1); 2) Письма о физіологіи Фохта (тамъ же, 1850 г., № 3); 3) О тифозной горячкѣ въ Новоархангельскомъ портѣ (Сѣв.-Америк. влад.) въ 1857—58 гг. (Отчетъ о состояніи общественнаго здравія въ имперіи за 1857 г.); 4) Краткій обзоръ болѣзней во владѣніяхъ Сѣверо-Американской компаніи съ 1851 по 1859 г. («Журн. Минист. Внутр. Дѣлъ» 1861 г., ч. 48, и отдѣльн. оттискъ); 5) О возвращающейся горячкѣ во владѣніяхъ Сѣв.-Амер. компаніи 1857—58 гг. («Библіотека медицинскихъ наукъ» 1861 г., № 10); 6) Колоши (индійцы) и господствующія у нихъ болѣзни («Медиц. Вѣстн.» 1861 г., №№ 28—32); 7) Нѣкоторыя свѣдѣнія о житьѣ въ русскихъ американскихъ владѣніяхъ съ 1851 по 1859 г. Извлеченіе изъ записки д-ра З. Г. («Русская Рѣчь» 1861 г., № 58); 8) Краткій отчетъ объ эпидеміи гриппа въ Ново-Архангельскомъ портѣ 1855 г. («Библіотека медиц. наукъ» 1861 г., № 10); 9) Эпидемическая накожная болѣзнь въ американскихъ владѣніяхъ («Морской Сборникъ» 1862 г., № 8); 10) Алеуты и Креолы Сѣверной Америки (тамъ же, № 9); 11) Медико-этнографическія замѣтки объ алеутахъ и креолахъ («Медиц. Вѣстн.» 1862 г. № 9); 12) Обломки иголъ и булавокъ въ тѣлѣ (тамъ же 1863 г., № 41); 13) Краткій Медицинскій отчетъ по госпиталямъ Хр. Ак. Лазарева за 1863 г. (Протоколы засѣданій Общества русскихъ врачей 1863—64 гг., 249); 14) Медико-топографическое описаніе Чертоскаго завода (Медико-топографическій сборникъ, I, 1869 г.). Кромѣ того, помѣщалъ рецензіи въ «Морскомъ Сборникѣ» 1861—1862 гг. и «Вѣкѣ» 1861 г.

Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», I и дополн.; Адресъ-Календари 1851—1862 гг.

Говоровъ, *Козьма Гавриловичъ*, авторъ перваго практическаго руководства русской грамматики, былъ сынъ сельскаго священника и родился 22 октября 1820 г. въ с. Понзаряхъ Тамбовскаго уѣзда. Образованіе получилъ въ Тамбовской духовной семинаріи и Московской духовной академіи. По окончаніи академіи въ 1844 г., со степенью кандидата, служилъ до октября 1845 г. въ Рязанской духовной семинаріи преподавателемъ Св. Писанія, герменевтики, патрологіи и языковъ латинскаго и греческаго, а затѣмъ въ Тамбовской духовной семинаріи преподавателемъ Св. Писанія, церковной исторіи и латинскаго языка. По свидѣтельству одного изъ его учениковъ, Г. умѣлъ излагать свой предметъ доступнымъ для учениковъ языкомъ и былъ чуждъ педантства. Въ 1855 г. онъ перешелъ на должность преподавателя русскаго языка и словесности въ Тамбовскій кадетскій корпусъ; одно время преподавалъ русскій языкъ и въ Тамбовской гимназіи. По упраздненіи Тамбовскаго корпуса въ 1866 г. Г. былъ переведенъ въ Орловскую военную гимназію, гдѣ и служилъ съ 1867 по 1870 г. По выслугѣ лѣтъ онъ оставилъ службу въ чинѣ статскаго совѣтника и поселился въ Москвѣ, гдѣ занимался въ 1870—1872 гг. преподаваніемъ въ частныхъ средне-

учебныхъ заведеніяхъ. Г. умеръ 9 мая 1874 г. въ своемъ имѣніи въ Московскомъ уѣздѣ и погребенъ въ Троице-Сергіевой лаврѣ.

Главный трудъ Г., которымъ онъ себѣ создалъ имя, — «Опытъ элементарнаго руководства при изученіи русскаго языка практическимъ способомъ. Составленъ примѣнительно къ программѣ военно-учебныхъ заведеній», курсы I и II, Элементарная грамматика, 1 изд. Воронежъ, 1862 г., 11 изд. М., 1873 г. (30000 экземпляровъ), 25 изд. М., 1913 г., курсъ III, Синтаксисъ, 1 изд. Воронежъ, 1862 г., 10 изд. М., 1873 г., 25 изд. М., 1912 г., первоначально печатался въ издававшихся въ Воронежѣ «Филологическихъ Запискахъ» (1862—3 г., № 6 и 1864 г., № 1—2). Руководство это пользовалось въ свое время широкой извѣстностью по всей Россіи и продолжаетъ употребляться до настоящаго времени. Г. составилъ еще «Сокращенную практическую русскую грамматику» (С.-Пб., 1871 г.). Кромѣ того, онъ напечаталъ слѣдующія статьи въ «Филологическихъ Запискахъ»: 1) Логическія отношенія мыслей, какъ основа сочетанія предложеній. Пробная лекція (1862—3 г., № 1—2), также отд. отт. Вор., 1862 г.; 2) Нѣсколько словъ о періодѣ, составляющемъ одинъ изъ отдѣловъ грамматики (1862—3 г., № 4—5); 3) Нѣсколько вопросовъ, касающихся учебной грамматической практики (1867 г., № 2); 4) Мнѣніе о распредѣленіи занятій между преподавателями русскаго языка и словесности (1867 г., № 3—4), также отд. отт. Вор., 1867 г.; 5) Разборы литературныхъ образцовъ. Двѣ пробныя лекціи по Русской словесности. I. «Куликовская битва» Карамзина, въ сравненіи съ лѣтописнымъ разсказомъ о томъ же предметѣ по Никоновской лѣтописи (1867 г., № 6); 6) Разборы литературныхъ образцовъ. II. Ода Ломоносова, выбранная изъ Іова. III. Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ — Пушкина. IV. Свинья — басня Крылова. (1868 г., №№ 1 и 2), III и IV — отд. отт.; 7) Разборы образцовъ литературныхъ произведеній. I Птичка. II. Вторая пѣсня Лихача Кудрявича. III. Сатира Дмитріева «Чужой толкъ» (1870 г., № 1), отд. отт.; 8) Разборъ нѣкоторыхъ сочиненій Жуковскаго, для элементарнаго понятія о романтической поэзіи (1871 г., № 5—6), отд. отт. Вор., 1872 г.

Смирновъ, «Исторія Московской Духовной Академіи», 514. — «Указатель къ Филологическимъ Запискамъ». Вор., 1888 г. — «Древняя и Новая Россія» 1879 г., III, 597—599 (воспоминанія о Г.). — Брокгаузъ-Ефронъ, «Энцикл. Словарь», II/д. — «Московскій Некрополь», т. I. — «Дѣтскій Садъ» 1871 г., № 12, стр. 645—648. — «Педагогическая Хроника» 1885 г., № 20, стр. 314. — Свѣдѣнія, сообщенныя сыномъ К. Г. Г., присяжнымъ повѣреннымъ С. К. Говоровымъ.

Н. Чулковъ.

Говоровъ, *Яковъ Ивановичъ*, докторъ медицины, статскій совѣтникъ, родился 21 марта 1779 г., умеръ 5 февраля 1828 г. Духовнаго происхожденія, онъ изъ студентовъ Орловской семинаріи въ 1804 г. перешелъ въ С.-Петербургскую Медико-Хирургическую Академію. Въ 1807 г. окончилъ ее лѣкаремъ и опредѣленъ въ стрѣлковый батальонъ Тверской милиціи; въ 1808 г. получилъ золотую медаль и переведенъ въ С.-Пб. военно-сухопутный госпиталь. Въ 1809 г. по защитѣ диссертаціи: «Febrem nervosam epidemicam seu typhum acutum ejusque methodum medendi tum ratione, tum experientia fundatum, exhibens (Petrop., 1809, 8°) удостоенъ степени доктора медицины и назначенъ въ Кексгольмскій пѣхотный полкъ. Въ 1810 г. назначенъ корреспондентомъ медицинскаго совѣта съ порученіемъ приготовлять къ печати одобренныя совѣтомъ сочиненія и лѣчить чиновниковъ. Въ 1811 г. назначенъ старшимъ врачомъ въ л.-гв. Литовскій полкъ; въ 1815 г. переведенъ исполняющимъ должность доктора 2-й гвардейской дивизіи; въ 1817 г. назначенъ въ л.-гв. Московскій полкъ. Въ 1820 г. назначенъ членомъ медицинскаго совѣта Министерства Народнаго Просвѣщенія, но оставленъ въ полку, изъ котораго уволенъ по болѣзни въ 1824 г. Погребенъ въ Петербургѣ на кладбищѣ Фарфороваго завода. Ему принадлежатъ слѣдующіе труды: 1) Теорія и способъ лѣченія нервной повальной горячки, съ прибавленіемъ мнѣнія о заразительныхъ болѣзняхъ. С.-Пб., 1812, 8°, изд. Медиц. департамента; 2) Опыты лѣченія легочной чахотки смоленными парами; 3) Послѣдніе дни жизни

кн. Петра Ивановича Багратіона. С.-Пб., 1815 г. 8⁰; 4) Предметы для военно-врачебной исторіи кампаніи 1812—1815 гг. («Всеобщ. Журн. Врач. Науки» 1816, I, 97., Тоже, «Мед.-ист. опыты». «Русск. Инвал.» 1818 г., № 86, «Сынъ Отеч.» 1818 г., № 16, и «Благонамѣренный» 1818 г., V, и въ началѣ перевода книги Ренольда; 5) Галле и Шпурцгеймъ, «Изслѣдованіе о нервной системѣ вообще и мозговой въ особенности». Перев. (съ нѣмец.) Пузино, поправилъ и издалъ Говоровъ. С.-Пб., 1816, 8⁰; 6) Краткое начертаніе Галловой системы или науки о мозговыхъ отправленіяхъ. С.-Пб., 1817 г., 8⁰; 7) Ренольдъ, «Всеобщая исторія врачебнаго искусства и опытъ краткаго врачебнаго обозрѣнія кампаній 1812—15 годовъ». С.-Пб., 1818 г., 8⁰, пер. съ франц.; 8) Врачебныя наставленія для немощныхъ, или руководство къ благоразумному поведенію себя въ болѣзняхъ и выбору для пользованія оныхъ врача. С.-Пб., 1821 г., 8⁰; 9) Описаніе Гиперборея, или письмо сѣвернаго путешественника къ издателю «Благонамѣреннаго». С.-Пб., 1825 г., 8⁰.

Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели» (по Змѣеву Г. умеръ 26 февраля 1831 г.); «Петербургскій Некрополь», I, 617.

М. Ціонъ.

Говорскій, *Ксенофонтъ Антоновичъ*, историкъ и журналистъ, уніатъ по вѣроисповѣданію, родился около 1811 г.; онъ получилъ духовное образованіе и имѣлъ ученую степень кандидата. Г. служилъ первоначально преподавателемъ всеобщей исторіи и еврейскаго языка въ Бѣлорусской уніатской духовной семинаріи. Перейдя одновременно со всѣми уніатами въ православіе, онъ занималъ въ Полоцкой духовной семинаріи мѣсто библіотекаря и преподавателя всеобщей исторіи (1840—1842), еврейскаго языка (1840—1849), церковной исторіи (1843—1848), церковныхъ древностей (1844—1848), каноническаго права (1848 и слѣд.), всеобщей и библейской исторіи и археологіи (въ 50-хъ годахъ). Въ началѣ 50-хъ годовъ Г. занимался археологическими разысканіями въ Полоцкѣ и его окрестностяхъ, результаты которыхъ изложилъ въ статьѣ: «Письмо въ Импер. Археологич. Общество отъ 18 іюня 1852 г. («Витеб. Губ. Вѣдомости» 1852 г., № 32) и «Поѣздка (14 сент. 1852 г.) изъ г. Полотска по направленію такъ называемой Ольгердовой дороги и археологическія розысканія въ окрестностяхъ г. Полотска» («Записки Импер. Русскаго Археологич. Общества» 1853 г., т. 5, перепечатано въ «Витеб. Губ. Вѣдомостяхъ» 1860 г., №№ 5—7 и 9). 20 марта 1852 г. былъ избранъ въ члены-корреспонденты Импер. Русскаго Археологическаго Общества, которому, кромѣ вышеупомянутыхъ письма и статьи, сообщилъ рядъ документовъ для исторіи Сѣверо-Западнаго края. Въ 1857–1858 гг. Г. редактировалъ неоффиціальную часть «Витебскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» и напечаталъ здѣсь рядъ актовъ и документовъ XVI и XVII вѣковъ изъ правительственныхъ и частныхъ архивовъ, относящихся до Западнаго края, со своими примѣчаніями и объясненіями (1858 г., №№ 3—8, 12—14, 19, 20, 22—28, 35, 38), и нѣсколько статей, которыя впослѣдствіи большею частью перепечаталъ въ своихъ журналахъ «Вѣстникъ Юго-Западной и Западной Россіи» и «Вѣстникъ Западной Россіи»: «О введеніи, распространеніи и судьбѣ кальвинизма въ Бѣлоруссіи» (1858 г., №№ 12 и 3; В. Ю.-З. и З. Р. 1863—4 г., № 10), «Алфавитный списокъ нѣкоторыхъ дворянскихъ фамилій, нынѣ существующихъ въ Западныхъ губерніяхъ Россіи, въ особенности же въ Бѣлоруссіи, предки коихъ были православными митрополитами, архіепископами, епископами, архимандритами, игуменами, настоятелями и настоятельницами православныхъ монастырей и протоіереями соборовъ, въ разныхъ мѣстахъ Литвы, Бѣлоруссіи и Россіи, съ присовокупленіемъ краткаго біографическаго очерка большей части сихъ лицъ» (1858 г., №№ 15—18; В. З. Р. 1864—5 г., №№ 3 и 4), «Объ измѣненіи бывшими уніатами церковныхъ греческихъ обрядовъ на латинскіе. Примѣчанія къ декрету и указу Сигизмунда III, напечатанному въ № 25 (1858 г., №№ 26—28, 33 и 36), «Опроверженіе такъ называемой Апологіи евреевъ-витеблянъ» (1858 г., № 37), «Историческія свѣдѣнія о Полотскомъ Софій-

скомъ соборѣ. Съ двумя отрывками изъ неизданной Исторіи Полотской епархіи. I. Взглядъ на состояніе унитской церкви со времени возвращенія къ Россіи Бѣлоруссіи. II. Іоасафатъ Кунцевичъ, Полотскій уніятскій архіепископъ. Съ приложеніями» (1858 г., №№ 39—52; 2-й отрывокъ перепечатанъ въ В. Ю.-З. и З. Р. 1862—3 г., №№ 1—2, остальное въ 1863—4 г., № 8), «О началѣ христіанства въ бывшемъ Полотскомъ княжествѣ и началѣ учрежденія Полотской епархіи, отрывокъ изъ неизданной исторіи Полотской епархіи» (1859 г., № 2), «О Полотскихъ православныхъ епископахъ, отъ начала Полотской епархіи до времени уніи» (1859 г. №№ 4—7, 10—13), «Виленская Остробрамская чудотворная икона Божіей Матери» (1859 г., № 20), «Историческое описаніе Полотскаго Борисоглѣбскаго монастыря» (1859 г., №№ 42—51; В. З. Р. 1864—5 г., № 5), «Археологическія розысканія въ окрестностяхъ г. Полоцка» (1860 г., №№ 11 и 12; В. Ю.-З. и З. Р., 1863—4 г., № 2). Въ концѣ 50-хъ годовъ Г. безуспѣшно хлопоталъ о полученіи мѣста архиваріуса Витебскаго архива. Переселившись въ Кіевъ, Г. сталъ издавать подъ своей редакціей съ іюля 1862 г. ежемѣсячный журналъ «Вѣстникъ ЮгоЗападной и Западной Россіи». Годъ считался отъ іюля до іюля. Въ августѣ 1864 г. изданіе журнала, переименованнаго въ «Вѣстникъ Западной Россіи», было перенесено въ Вильну. Съ 1867 г. годъ сталъ считаться съ января. Съ 1870 г. журналъ вслѣдствіе тяжелой душевной болѣзни Г. велся Ив. Эремичемъ, который въ предыдущемъ году подписывалъ книжки журнала въ качествѣ «редактора-сотрудника», и прекратился въ 1871 г. на 4-й книжкѣ. Журналъ Г. былъ посвященъ исключительно борьбѣ съ полонизмомъ и католичествомъ и защитѣ западно-русской народности и православія; онъ отличался крайней нетерпимостью ко всему польскому и крайнимъ же консерватизмомъ. Вся исторія Западнаго края, по словамъ А. Н. Пыпина, разсматривалась Г. только съ точки зрѣнія польской интриги и католическаго засилія. Журналъ боролся и съ украинофильствомъ, которое считалъ вѣтвью польской интриги (въ особенности нападалъ на Шевченка и Костомарова), и съ просвѣщеніемъ, которое велъ отъ дьявола. Г. считалъ себя выразителемъ русской мысли по отношенію къ польскому вопросу и даже иниціаторомъ этого вопроса въ Россіи, и былъ сторонникомъ системы управленія, проводимой М. Н. Муравьевымъ. Въ журналѣ печатались документы и статьи по исторіи Западнаго края, повѣсти, стихотворенія и публицистическія статьи; сотрудниками были Кулишъ, Сементовскій и др. Изъ статей самого редактора-издателя, кромѣ выше упомянутыхъ, напечатаны здѣсь: «Жизнь преподобной княжны полоцкой Евфросиніи съ историческимъ описаніемъ основаннаго ею Полоцкаго дѣвичьяго Спасо-Преображенскаго монастыря» (1862—3 г., №№ 11 и 12), «Уніятскій митрополитъ Іосифъ Вельяминъ Рутскій» (1863—4 г., № 9), библіографическія замѣтки о книгѣ «Церковно-историческое и статистическое описаніе Варшавской епархіи (1865 г. № 2). Статья «Іосафатъ Кунцевичъ, полоцкій уніятскій архіепископъ» издана была также отдѣльно въ Вильнѣ въ 1865 г. и, по словамъ автора, во французскомъ переводѣ въ Берлинѣ въ 1866 г. Въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» 1867 г., № 65, напечатано объясненіе Г. по обвиненію въ полученіи субсидіи на изданіе «Вѣстника Западной Россіи». Г. умеръ 17 іюня 1871 г. 60 лѣтъ и погребенъ въ Вильнѣ на Евфросиніевскомъ кладбищѣ.

А. Н. Пыпинъ, «Исторія русской этнографіи», IV, 90—100; Брокгаузъ-Ефронъ, «Энциклопед. Словарь», XIV, 651; Геннади, «Справочн. словарь о рус. писателяхъ»; «Календарь» Гатцука на 1872 г., стр. 245; Епископъ Іосифъ, «Виленскій православный некрополь», 128; «Кіев. Старина» 1882 г., т. II, 235—238 (письмо Г. къ архіепископу Могилевскому Анатолію Мартиновскому), 1884 г., № 6, стр. 213, 219, 220 («Изъ посмертныхъ бумагъ Могилев. архіепископа Анатолія Мартиновскаго»); «Труды Кіев. Дух. Академіи» 1887 г., стр. 395; «Извѣстія Импер. Рус. Археологич. Общества», т. IV (списки членовъ общества).

Н. Чулковъ.

Гогель, *Григорій Григорьевичъ (Георгъ-Генрихъ)*, дѣйствительный статскій совѣтникъ, оберъ-директоръ Московскаго Воспитательнаго Дома, уроженецъ Монбельяра, французскаго города

(Франшъ-Контэ), принадлежавшаго въ XVIII вѣкѣ Вюртембергскому дому, родился 22 октября 1741 г., на русскую службу поступилъ въ 1775 г., въ чинѣ подполковника польскихъ войскъ, и занялъ должность окружного комиссара въ колоніяхъ иностранныхъ поселенцевъ около Саратова. Въ 1777 г. принялъ русское подданство съ переименованіемъ въ коллежскіе ассесоры, и опредѣленъ членомъ въ контору опекунства иностранныхъ въ Саратовѣ. Въ 1779 г. 14 іюня переведенъ главнымъ надзирателемъ въ Московскій Воспитательный Домъ, а съ небольшимъ черезъ годъ назначенъ оберъ-директоромъ. Въ обѣихъ этихъ должностяхъ заявилъ себя расторопнымъ, умнымъ и аккуратнымъ дѣльцомъ, и въ 1781 г. Московскій Опекунскій Совѣтъ свидѣтельствовалъ о немъ, что онъ «своимъ превосходно-ревностнымъ стараніемъ, не имѣвшимъ еще до того примѣра, принесъ Воспитательному Дому точной прибыли въ два года 165574 р.» и «благоразумными устройствами воспитаніе юношества исправилъ и разныя заведенія при домѣ фабрикъ и рукодѣлій привелъ въ несравненно-лучшее и выгоднѣйшее состояніе», за что получилъ взаймы изъ Сохранной Казны 7000 р. безъ залога и безъ %, въ награжденіе за его «необыкновенныя Дому услуги», а впослѣдствіи вся эта сумма была ему подарена. Вступивъ въ должность, Г. завелъ сейчасъ же «фабрикантскую контору» для завѣдыванія состоявшими при Московскомъ Воспитательномъ Домѣ фабриками и мануфактурами и, усиливъ надзоръ какъ за производствомъ товаровъ, такъ и расходованіемъ суммъ, могъ уже въ скоромъ времени представлять болѣе удовлетворительные, чѣмъ раньше, отчеты. Благодаря ему карточная фабрика въ теченіе 14 лѣтъ (1780—1794) дала приращенія дохода 105535 р., тогда какъ до Г. отъ нея совсѣмъ не было дохода. Такія же улучшенія произвелъ Г. и по другимъ частямъ своего вѣдомства и, возвысивъ кредитъ и доходы Дома, сократилъ значительно его издержки благоразумною экономіей. Содержаніе каждаго питомца онъ понизилъ съ 33 р. асс. до 27 р. 8 октября 1780 г. ему поручено было завѣдываніе учебной частью Коммерческаго училища, за что дано особое жалованье — сначала по 400, а потомъ по 900 р. въ годъ. Съ конца февраля до апрѣля 1785 г. Г. временно завѣдывалъ Петербургскимъ Воспитательнымъ Домомъ «для скорѣйшаго завершенія дѣлъ и для окончанія немедленно всего по Дому, какъ то по указаніямъ предписано и порядокъ того требуетъ». Въ 1786 г. онъ, въ чинѣ коллежскаго совѣтника, былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. 2 сент. 1793 г. произведенъ въ статскіе совѣтники и 26 апр. 1796 г. пожалованъ дипломомъ на дворянское достоинство. Но уже съ 1784 г. до главнаго попечителя Воспитательныхъ Домовъ Бецкаго стали доходить слухи о злоупотребленіяхъ Г., и послѣднему приходилось объясняться и жаловаться на клеветниковъ, ищущихъ «помрачить» его въ глазахъ Бецкаго. Въ концѣ 80-хъ гг. Бецкій учредилъ строгій надзоръ за дѣятельностью Г. и назначилъ ему помощника, а преемникъ Бецкаго графъ Х. С. Минихъ уволилъ Г. 11 апрѣля 1795 г. отъ главнаго надзирательства. Затѣмъ, найдя «равномѣрныя неустройства и упущенія» по управленію казнами, отдалъ и ихъ 30 апрѣля въ завѣдываніе другому опекуну. Г. называлъ распоряженіе Миниха «незаконнымъ поступкомъ», не сдавалъ своихъ должностей и принесъ жалобу Государынѣ. Екатерина II велѣла разслѣдовать дѣло Московскому главнокомандующему Измайлову и почетнымъ благотворителямъ Воспитательнаго Дома кн. А. М. Голицыну и гр. Мусину-Пушкину. 12 іюля 1795 г. ихъ докладъ разсматривался въ Совѣтѣ Императрицы. Учреждена была комиссія для изслѣдованія о злоупотребленіяхъ и неустройствахъ по Московскому Воспитательному Дому, Гогель же, уволенный отъ занимаемыхъ должностей, съ оставленіемъ въ званіи опекуна до окончательнаго разслѣдованія дѣла, приглашенъ былъ оставить казенную квартиру, что онъ исполнилъ послѣ настоятельныхъ требованій главнокомандующаго только 27 марта 1797 г., переѣхавъ въ свой собственный домъ на Новой Басманной, противъ церкви Петра и Павла. 2 января 1797 г. новый главный попечитель Я. Е. Сиверсъ отрѣшилъ Г. и отъ опекунскаго званія. Черезъ нѣкоторое время онъ былъ

прощенъ Императрицей Маріей Ѳеодоровной. Злоупотребленія, въ которыхъ обвинялся Г. и другіе опекуны, заключались въ допущеніи увеличенія суммъ просроченныхъ долговъ и процентовъ, неправильной выдачѣ ссудъ, чрезмѣрномъ выпускѣ билетовъ Сохранной Казны, тратѣ основныхъ капиталовъ на безполезныя и дорогія постройки, сооруженіи для Г. новаго обширнаго дома и пользованіи имъ для себя казеннымъ имуществомъ (напр. Г. въ теченіе 10 лѣтъ выпилъ на 800 р. одной только сельтерской воды). Г. умеръ 20 декабря 1799 г. и погребенъ на Смоленскомъ евангелическомъ кладбищѣ въ Петербургѣ. Онъ оставилъ 5 сыновей: Андрея (ген.-маіоръ, директоръ Пажескаго корпуса, род. 1771 г. въ Саратовѣ, † 6 ноября 1805 г.), Ивана (см. ниже), Ѳедора (см. ниже) Александра (полковникъ л.-гв. конной артелеріи, † 1812), и 2 дочерей: Катарину (1785—1838), за генер. отъ инфант. К. Ѳ. Клингенбергомъ, и Амалію, за Андр. Мих. Ассіеромъ.

«Русская Старина» 1875 г., т. XII и XIII. (А. П. Пятковскій, «С.-Петербургскій Воспитательный домъ подъ управленіемъ И. И. Бецкаго»); «Петербургскій Некрополь», т. I и т. II, стр. 392; Лобановъ-Ростовскій, «Русск. родословн. книга», т. I, 143; Бобринскій, «Дворянскіе роды, внесенные въ Общій Гербовникъ», II, 563. *О. Жукова.*

Гогель, *Григорій Ѳедоровичъ*, генералъ-адъютантъ, генералъ отъ инфантеріи, сынъ генералъ-лейтенанта Ѳедора Григорьевича (см. ниже) отъ брака съ Маріей Александровной Юній, родился 22 іюля 1808 г., образованіе получилъ въ Пажескомъ корпусѣ и 25 іюня 1827 г. выпущенъ изъ камеръ-пажей прапорщикомъ въ л.-гв. Волынскій полкъ. Въ 1831 г. во время подавленія польскаго мятежа участвовалъ въ сраженіяхъ при Гроховѣ и Остроленкѣ, въ экспедиціи графа Куруты въ Литву, закончившейся пораженіемъ корпуса Гельгуда на Понарскихъ высотахъ подъ Вильной (за отличіе въ этомъ сраженіи награжденъ орденомъ св. Анны 3 ст. съ бантомъ) и во взятіи Варшавы (награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ). Въ чинѣ подпоручика (съ 28 янв. 1832 г.) назначенъ адъютантомъ къ начальнику 3-й гвард. пѣхот. дивизіи генералъ-адъютанту Рихтеру, послѣ смерти котораго вернулся въ полкъ (12 іюня 1833 г.) въ чинѣ поручика (съ 25 іюня 1832 г); 28 сент. 1834 г. назначенъ адъютантомъ къ командующему пѣхотой гвардейскаго корпуса генералъ-адъютанту Бистрому. 28 янв. 1835 г. произведенъ въ штабсъ-капитаны. За дуэль съ полевымъ инженеръ-подполковникомъ Шарономъ былъ подъ арестомъ и состоялъ подъ судомъ; по Высочайшей конфирмаціи 9 апр. 1836 г. повелѣно было выдержать его на гауптвахтѣ 3 мѣсяца и перевести въ армію тѣмъ же чиномъ, на основаніи чего 19 апрѣля Г. былъ переведенъ въ Низовскій егерскій полкъ. Черезъ годъ съ небольшимъ возвращенъ въ прежній полкъ (4 сент. 1837 г.). Произведенный 30 марта 1841 г. въ капитаны, 30 ноября 1843 г. назначенъ помощникомъ директора института корпуса путей сообщенія съ переименованіемъ въ подполковники. Въ слѣдующемъ году (24 августа) произведенъ въ полковники. 26 ноября 1848 г. пожалованъ орденомъ св. Георгія 4 ст. за 25 лѣтъ службы. 6 дек. 1849 г. назначенъ состоять при сыновьяхъ Наслѣдника Цесаревича, Великихъ Князьяхъ Николаѣ, Александрѣ и Владимірѣ Александровичахъ, съ переводомъ въ Волынскій полкъ. Въ 1852 г. 30 августа назначенъ флигель-адъютантомъ и 26 ноября произведенъ въ генералъ-маіоры съ зачисленіемъ по арміи. 6 дек. 1854 г. назначенъ въ Свиту Его Величества, а 26 авг. 1856 г. — генералъ-адъютантомъ. 8 сент. 1859 г. по случаю совершеннолѣтія Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича получилъ на 12 лѣтъ аренду по 3000 р. въ годъ (потомъ продолжена на 6 лѣтъ). 6 дек. 1860 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты и назначенъ помощникомъ главноуправляющаго Царскимъ Селомъ. Съ 1865 г. до 1877 г. занималъ должность управляющаго Царскосельскимъ дворцовымъ правленіемъ и г. Царскимъ Селомъ. 30 августа 1869 г. произведенъ въ генералы отъ инфантеріи. Былъ награжденъ высшими орденами св. Станислава 1 ст. (1855 г.), св. Анны 1 ст. съ мечами (1858 г., Импер. кор. 1864 г.), св. Владиміра 2 с. съ мечами (1866 г.) и 3 ст. (1851 г.), Бѣлаго Орла (1868 г.) и св. Александра Невскаго (1872 г., алмазные знаки 1877 г.). Умеръ 17 ноября 1881 г. и погребенъ на кладбищѣ

с. Большого Кузьмина близъ Царскаго Села. Отъ брака съ дочерью генералъ-лейтенанта Софіей Михайловной Степовой (1819—1888) имѣлъ сына Григорія (р. 24 февр. 1847 г.) и дочерей: Софію (р. 21 февр. 1839 г. † 1869 г.), Евгенію (р. 22 янв. 1849 г.) и Ольгу (р. 25 сент. 1851 г., за Вл. Мих. Неклюдовымъ).

Формулярный списокъ 1859 г. (Моск. отд. Общ. Арх. Гл. Штаба, кн. форм. сп. № 2844/а); Лобановъ-Ростовскій, «Рус. родосл. книга», I, 143—144; «Петербургскій Некрополь», т. I; Списки генераламъ. *О. Жукова.*

Гогель, *Иванъ Григорьевичъ*, генералъ отъ артиллеріи, директоръ Военно-ученаго комитета, сынъ Монбельярскаго выходца Генриха (Григорья Григорьевича) Гогеля (см. выше), родился 11 ноября 1773 г. (по надгробію, а по другимъ извѣстіямъ въ 1770 г.), скончался 22 ноября 1834 г., погребенъ на Смоленскомъ евангелическомъ кладбищѣ въ Петроградѣ. Получилъ образованіе въ Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ и въ 1793 г. выпущенъ капитаномъ въ армію, 1-го сентября того же года переведенъ въ понтонную роту артиллерійскаго корпуса квартирмейстеромъ, а 27 іюля 1794 г. назначенъ капитаномъ артиллеріи въ 1-й фузелерный полкъ. Въ 1796 г. Г. былъ переведенъ въ бомбардирскій баталіонъ Черноморскаго гребного флота и въ 1797 г. переименованъ въ маіоры. По расформированіи этого баталіона, въ 1798 г. онъ назначенъ въ Ахтіарскія артиллерійскія роты, и въ томъ же году произведенъ въ подполковники и въ полковники (въ апрѣлѣ). Въ февралѣ 1801 г. Г. назначенъ въ 6-ой артиллер. полкъ, въ августѣ того же года переведенъ въ 12-й артиллер. баталіонъ, въ іюлѣ 1803 г.—въ 8-й артиллер. полкъ, а въ маѣ 1805 г. — въ 1-й артиллер. полкъ. Въ 1805—1806 гг. Г. былъ въ походѣ въ десантномъ корпусѣ подъ начальствомъ графа Толстого въ Германію (Ганноверъ) противъ французовъ. 20 октября 1806 г. онъ назначенъ директоромъ Пажескаго корпуса, въ ноябрѣ того же года главноприсутствующимъ во временномъ артиллерійскомъ комитетѣ для разсмотрѣнія гарнизонной артиллеріи, 17 марта 1808 г. произведенъ въ генералъ-маіоры, а 14 декабря назначенъ главноприсутствующимъ въ Ученый комитетъ по артиллерійской части. Въ 1809 г. Г. состоялъ при королѣ прусскомъ во время пребыванія его въ Петербургѣ и получилъ орденъ Краснаго Орла 1 ст. Въ ноябрѣ 1810 г. Г. назначенъ инспекторомъ Сестрорѣцкаго оружейнаго завода (состоялъ въ этой должности до апрѣля 1824 г.), въ іюнѣ 1811 г. — членомъ артиллерійской экспедиціи, въ февралѣ 1812 г. — вице-директоромъ Артиллерійскаго департамента и предсѣдателемъ Военно-ученаго комитета. Въ этомъ же году онъ сформировалъ россійско-германскій легіонъ, за что награжденъ 31 іюня 1813 г. орденомъ св. Владиміра 2 ст. Въ 1813 г. былъ членомъ комитета объ управленіи германскими дѣлами. Въ 1815 г. Г. назначенъ управляющимъ Инспекторскимъ департаментомъ, 12 марта 1819 г. — директоромъ Военно-ученаго комитета, а 12 декабря 1824 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты. 26 марта 1826 г. Г. уволенъ отъ должности вице-директора Артиллерійскаго департамента, а 20 марта 1830 г. отъ должности директора Пажескаго корпуса. 22 апрѣля 1834 г. онъ произведенъ въ генералы отъ артиллеріи. За свою службу Г. былъ награжденъ, кромѣ выше упомянутыхъ, орденами — св. Владиміра 3 ст. (30 авг. 1808 г.), св. Анны 1 ст. (30 авг. 1811 г., алмазныя украшенія 30 авг. 1816 г.) св. Георгія 4 ст. за 25 лѣтъ службы (13 февр. 1823 г.) и Бѣлаго Орла (6 апр. 1832 г.). Г. перевелъ на русскій языкъ и самостоятельно написалъ слѣдующія сочиненія: 1) Тильке, «Нужнѣйшія познанія инженеру и артиллеристу въ полѣ, обработанныя для понятія и пользы другихъ офицеровъ, дальнихъ свѣдѣній въ математикѣ не имѣющихъ», въ 3 ч., пер. съ нѣмецкаго (1803 г.); 2) Капитанъ Шель, «Артиллерійскія записки касательно новой артиллеріи или перемѣнъ во французской артиллеріи, съ 1765 г. послѣдовавшихъ», въ 2 ч., переводъ съ французскаго перевода нѣмецкаго оригинала (С.-Пб., 1807 г., 4°); 3) «Краткое наставленіе о солдатскомъ ружьѣ». С.-Пб., 1809 г., 2 изд. 1823 г., 12°, совмѣстно съ другими членами ученаго комитета по артиллерійской части;

4) «Правила малой войны и употребленія легкихъ войскъ, объясненныя примѣрами изъ французской войны маіоромъ Валентини», пер. съ нѣмецкаго (С.-Пб., 1811 г.); 5) «Употребленіе артиллеріи при оборонѣ крѣпостей»,—выбрано изъ сочиненій Бусмора (С.-Пб., 1812 г.); 6) «Основанія артиллеріи и понтонной науки», 2 части (С.-Пб., 1816 г., 4⁰), составлено совмѣстно съ членами военно-ученаго комитета полковникомъ Фицтумомъ и подполковникомъ Гебгардомъ; 7) Ботте и Рифо, «Искусство дѣлать порохъ», 3 части, пер. съ франц. совмѣстно съ членами военно-ученаго комитета (С.-Пб., 1819 г., 4⁰); 8) «Краткое описаніе Конгревова способа дешевѣйшаго устроенія паровыхъ машинъ» (С.-Пб., 1820 г.); 9) «Подробное наставленіе о изготовленіи, употребленіи и сбереженіи огнестрѣльнаго и бѣлаго солдатскаго оружія» (С.-Пб., 1825 г.), съ 6 чертежами; 10) Uebersicht des Arsenals von St. Petersburg (безъ года). За свои переводы Г. получалъ неоднократно Высочайшія награды. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ «Артиллерійскомъ Журналѣ», издававшемся съ 1808 г. по 1812 г.; большая часть статей, помѣщенныхъ здѣсь, принадлежитъ ему. Въ званіи директора военно-ученаго комитета онъ издавалъ по Высочайшему повелѣнію при содѣйствіи членовъ комитета «Военный Журналъ» съ 1827 г. по 1834 г.; въ немъ тоже, въ особенности въ первые годы, значительная часть статей, самостоятельныхъ и переводныхъ, принадлежитъ его перу, наиболѣе выдающаяся изъ нихъ: «Послѣднее преобразованіе французской артиллеріи по постановленію 18 октября 1833 г.», напечатана уже послѣ его смерти въ 1835 г. Г. занимался также и практической научной дѣятельностью въ области артиллеріи: ему принадлежитъ изобрѣтеніе новаго артиллерійскаго металла, состоящаго изъ мѣди, олова и чугуна, для литья артиллерійскихъ орудій, и усовершенствованіе ядро-калильныхъ печей. По словамъ автора статьи о Г. въ «Военно-Энциклопедическомъ Лексиконѣ», Г. отличался благороднымъ характеромъ и хорошимъ отношеніемъ къ подчиненнымъ. Бывшій пажъ, декабристъ А. С. Гангебловъ, изображаетъ Г. въ своихъ воспоминаніяхъ человѣкомъ безпристрастнымъ и строго правдивымъ, но придававшимъ желанію начальства силу закона и поэтому иногда погрѣшавшимъ противъ требованій справедливости. Наоборотъ, отрицательную характеристику Г. даетъ въ своихъ запискахъ его сослуживецъ по Артиллерійскому департаменту И. С. Жиркевичъ. Отъ брака съ дочерью полковника Татьяной Александровной Татариновой Г. имѣлъ 2 сыновей: Ивана (Свиты Его Величества ген.-маіоръ, о немъ см. ниже) и Александра (капитанъ л.-гв. Волынскаго полка, р. 1809 г.) и 5 дочерей: Александру (р. 1804 г.), Евгенію (р. 1813 г.), Алевтину (р. 1814 г.), Капитолину (р. 1816 г.) и Зинаиду (р. 1818 г.).

Формулярный списокъ.—«Военно-Энциклопедическій Лексиконъ», т. IV.—Князь Лобановъ-Ростовскій, «Рус. родослови. книга», I. — Брокгаузъ-Ефронъ, «Энциклопед. Словарь», XVII.—Геннади, «Справочный словарь рус. писателей». — Венгеровъ, «Источники словаря рус. писателей. — «Русскій Архивъ» 1886 г., т. III (Еще изъ воспоминаній А. С. Гангеблова).—«Русская Старина» 1876 г., т. XVI и XVII (Записки И. С. Жиркевича).—«Воённая Энциклопедія», изд. Сытина.

Н. Александровичъ.

Гогель, *Иванъ Ивановичъ*, Свиты Его Величества генералъ-маіоръ, сынъ генерала отъ артиллеріи Ивана Григорьевича (см. выше), родился въ 1806 г., образованіе получилъ въ Пажескомъ корпусѣ, откуда выпущенъ 20 апрѣля 1823 г. изъ камеръ-пажей прапорщикомъ въ л.-гв. Волынскій полкъ, къ которому еще 23 марта былъ прикомандированъ по волѣ Цесаревича Константина Павловича для ознакомленія съ порядкомъ военной службы. Въ чинѣ подпоручика (съ 1 августа 1827 г.) назначенъ 11 янв. 1829 г. въ должность адъютанта къ Цесаревичу Константину Павловичу. 17 ноября 1830 г. во время возмущенія въ Варшавѣ передавалъ въ полки приказанія Цесаревича и былъ въ это время раненъ пулею въ лѣвую руку выше локтя съ поврежденіемъ кости. Въ 1831 г. былъ командированъ къ главнокомандующему дѣйствующей арміей графу Дибичу и находился при немъ во время сраженій подъ Калушиномъ (за отличіе въ этомъ сраженіи

награжденъ 22 марта орденомъ св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ) и на Грохов-скихъ поляхъ, а затѣмъ — при начальникѣ штаба арміи графѣ Толѣ и генералъ-квартирмейстерѣ Нейдгардтѣ (во время сраженія при Остроленкѣ); съ 19 мая состоялъ въ отрядѣ графа Куруты, посланномъ въ Литву, командированъ въ Августовъ для собранія свѣдѣній объ отрядѣ генерала Сакена и открытія съ нимъ сообщенія и 7 іюня участвовалъ въ сраженіи на Понарскихъ высотахъ подъ Вильной, за которое 28 октября награжденъ орденомъ св. Станислава 3 ст. Получивъ 18 іюня извѣстіе о смерти Цесаревича, отправился въ Витебскъ. За отличіе по службѣ въ томъ же году назначенъ флигель-адъютантомъ (25 іюня) и произведенъ въ поручики (6 октября). Въ ноябрѣ 1831 г. былъ командированъ въ Иркутскъ по дѣлу о неповиновеніи архіепископа Иринея указу Св. Синода. По возвращеніи изъ Сибири представилъ въ 1832 г. записку по разнымъ предметамъ относительно этого края. Записка по Высочайшему повелѣнію внесена была на заключеніе Сибирскаго комитета. Между прочимъ Г. предлагалъ «ссыльно-каторжныхъ, неоднократно уже наказанныхъ тѣлесно,... наказывать по уставу дѣйствующей арміи», но Сибирскій комитетъ не нашелъ «основательныхъ причинъ къ отмѣнѣ закона, нынѣ существующаго, и ко введенію смертной казни въ Сибири». Продолжая состоять въ Волынскомъ полку, Г. получилъ чины штабсъ-капитана (10 апр. 1832 г.), капитана (1 декабря 1833 г.) и полковника (25 іюля 1837 г.) и имѣніе Стенжицы (Радомской губ.) съ годовымъ доходомъ въ 5000 злотыхъ. Въ 1836 г. производилъ слѣдствіе о злоупотребленіяхъ помѣщичьей властью дмитровскаго помѣщика П. В. Милорадовича. Въ сентябрѣ 1837 г. во время смотра подъ Вознесенскомъ исполнялъ обязанности коменданта и награжденъ орденомъ св. Анны 2 ст. съ Имп. кор. 19 сентября 1837 г. назначенъ и. д. начальника штаба 2-го пѣхотнаго корпуса. 10 октября 1843 г. произведенъ въ генералъ-маіоры съ утвержденіемъ въ должности и съ назначеніемъ въ Свиту Его Величества. Состоялъ въ этой должности до 25 апрѣля 1846 г. и въ это время былъ награжденъ орденами св. Владиміра 3 ст. (1839 г.) и св. Станислава 1 ст. (1845 г.). 26 іюня 1846 г. назначенъ помощникомъ начальника главнаго штаба войскъ, находящихся на Кавказѣ. Въ этой должности награжденъ орденами св. Георгія 4 ст. за 25 лѣтъ службы (1 января 1847 г.) и св. Анны 1 ст. (1847, Имп. кор. 1848 г.). Умеръ 12 октября 1850 г. Былъ женатъ на дочери генералъ-лейтенанта Маріи Дмитріевнѣ Есаковой (1809—1878) и имѣлъ 3 сыновей и 3 дочерей.

Формулярный списокъ 1850 г. (Моск. отд. Общ. Арх. Гл. Штаба, дѣла 3 ст. 3 отд. Инспект. д-та Воен. мин-ства 1850 г., св. 346, д. 1094, лл. 11 — 25); Лобановъ-Ростовскій, «Рус. родослови. книга», т. I, 143—144; «Истор. Вѣстникъ» 1886 г., т. XIII, 503, 1893 г., т. LI, 384 (отзывъ В. А. Полторацкаго о Г.); «Рус. Старина» 1879 г., т. XXIV, 366 (Архіепископъ Иринеи), 1894 г., апр., 141, (Изъ воспоминаній А. А. Харитонова); «Др. и Нов. Россія» 1877 г., II, 318 (Вопросъ о смертной казни въ Сибири).

О. Жукова.

Гогель *Николай Валеріановичъ*, подполковникъ, авторъ труда по исторіи польскаго мятежа 1860-хъ гг., сынъ Могилевскаго губернскаго почтмейстера Валеріана Ѳедоровича, внукъ ген.-лейт. Ѳедора Григорьевича (см. ниже), родился 17 мая 1836 г. Образованіе получилъ въ 1-мъ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ. Выпущенный оттуда въ 1855 г. съ чиномъ прапорщика, отправился тотчасъ же на театръ военныхъ дѣйствій въ Крымъ и участвовалъ въ авангардномъ дѣлѣ Евпаторійскаго отряда съ турками при Сакахъ, въ сраженіи при Черной рѣчкѣ, въ дѣлѣ лѣваго авангарда Евпаторійскаго отряда у села Чеботарей и дважды въ схваткахъ при томъ же селѣ. Въ Севастопольскомъ гарнизонѣ ему пришлось пробыть только 3 дня. Съ начала 60-хъ годовъ Г. былъ на службѣ въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Въ 1865 г. онъ участвовалъ, въ составѣ войскъ Виленскаго военнаго округа, въ пяти боевыхъ схваткахъ съ польскими мятежниками въ Гродненской губерніи, а въ ноябрѣ того же года назначенъ членомъ Виленской слѣдственной комиссіи по политическимъ дѣламъ. Въ половинѣ 1864 г. былъ временно командированъ въ Новогрудскій уѣздъ. Членомъ слѣдственной комиссіи состоялъ до упраздненія ея въ

началѣ 1867 г. Плодомъ его занятій въ ней была изданная имъ книга: «Іосафатъ Огрызко и Петербургскій революціонный ржондъ въ дѣлѣ послѣдняго мятежа» (Вильно, 1866 г., 12°). Второе, умноженное вдвое изданіе (Вильно, 1867 г.) было задержано по распоряженію Виленскаго генералъ-губернатора графа Баранова и уничтожено; немногіе, случайно уцѣлѣвшіе экземпляры этой книги составляютъ библіографическую рѣдкость. Въ началѣ 1869 г. Г. вышелъ въ отставку по домашнимъ обстоятельствамъ. В. Ѳ. Ратчъ, издатель «Свѣдѣній о польскомъ мятежѣ 1863 г.», хотѣлъ чтобы Г. продолжалъ это изданіе; Г. пріѣхалъ къ нему въ концѣ 1869 г. въ деревню (въ Тамбовской губ.), но засталъ его при смерти; послѣ этого и самого Г. сразилъ апоплексическій ударъ, повлекшій его смерть 14 ноября 1870 г. въ Вильнѣ. Погребенъ на Виленскомъ Евфросиньевскомъ кладбищѣ.

Кн. А. Б. Лобановъ Ростовскій, «Рус. родословн. книга», т. I, стр. 143.—«Виленскій православный некрополь», 129.—Геннади, «Словарь».—«Рус. Архивъ» 1914 г., т. I, 424.—«Иллюстр. Газета» 1870 г. № 47.—«Виленскій Вѣстникъ» 1870 г., № 129.

О. Жукова.

Гогель, *Ѳедоръ Григорьевичъ*, генералъ-лейтенантъ, младшій братъ Ивана Григорьевича (см. выше), родился 1 марта 1775 г. въ Саратовѣ. На 10-мъ г. (1 января 1785 г.) онъ былъ записанъ вахмистромъ въ Конный полкъ и отправленъ для полученія образованія въ Кольмаръ, въ Эльзасѣ, откуда возвратился въ Россію въ 1791 г.—1 января 1792 г. Г. былъ произведенъ въ капитаны С.-Петербургскаго драгунскаго полка, черезъ годъ получилъ чинъ секундъ-маіора и въ 1794 г. переведенъ въ Московскіе полевые баталіоны, изъ которыхъ при Павлѣ I составился Московскій гарнизонный Архарова полкъ. Находясь въ этомъ полку, Г. получилъ въ 1799 г. чинъ подполковника, а въ 1800 г. полковника. Въ 1803 г. онъ былъ переведенъ въ 20-й егерскій полкъ и 1 февраля 1804 г. назначенъ командиромъ его. 24 апрѣля этого же года Г. былъ переведенъ командиромъ 5-го егерскаго полка и 6 декабря назначенъ шефомъ этого полка. Въ 1805 г. онъ со своимъ полкомъ участвовалъ въ походѣ въ Австрію противъ Наполеона и при Аустерлицѣ, находясь подъ начальствомъ Дохтурова, выказалъ распорядительность и мужество. Во время отступленія 5-й егерскій полкъ Гогеля ночью находился въ арріергардѣ и до утра удерживалъ непріятеля, давъ Дохтурову возможность соединиться съ Кутузовымъ. Г. принималъ дѣятельное участіе и во второй войнѣ съ Наполеономъ. 12 января 1807 г. онъ вмѣстѣ съ Лошкаревымъ произвелъ удачное нападеніе на Либштатъ, который былъ занятъ французами, и взялъ въ плѣнъ около 300 человѣкъ, а 13 января храбро отражалъ непріятеля въ сраженіи подъ Морунгеномъ. За оба эти дѣла онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2 ст. 24 января Г. отличился въ авангардномъ дѣлѣ подъ Вольфсдорфомъ, а затѣмъ въ кровавомъ арріергардномъ дѣлѣ, происходившемъ наканунѣ Прейсишъ-Эйлауской битвы и въ самой этой битвѣ, во время которой не разъ водилъ въ штыки свой полкъ и врѣзывался во французовъ. Въ маѣ Г. участвовалъ во всѣхъ авангардныхъ дѣлахъ отъ Гутштадта до Гейльсберга. Особенно отличился онъ 25 мая при Гутштадтѣ, гдѣ «атаковалъ съ полкомъ штыками въ лѣсу непріятельскую пѣхоту (корпусъ Нея), которую, хотя и была въ несоразмѣрномъ количествѣ, выбилъ изъ лѣсу и противъ новыхъ силъ удерживался», за что былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4 кл. (27 декабря 1807 г.), а за Гейльсбергское сраженіе получилъ орденъ св. Владиміра 3 ст. Въ Фридландской битвѣ Г. защищалъ селеніе на лѣвомъ крылѣ и былъ въ числѣ послѣднихъ, оставившихъ поле сраженія. За войну 1807 г. Г. получилъ отъ Прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III — Прусскій орденъ «За заслуги» (pour le mérite), а отъ Александра I аренду въ 1200 руб. сер. на 12 лѣтъ, полкъ же получилъ серебряныя трубы. Въ 1812 г. Г. командовалъ бригадой, состоявшей изъ 5-го и 42-го егерскихъ полковъ и входившей въ составъ 26-й дивизіи, начальникомъ которой былъ Паскевичъ. Первыя встрѣчи его съ непріятелемъ произошли 27 и 28 іюня при Мирѣ, затѣмъ 2 іюля при Романовѣ и 11 іюля при Солта-

новкѣ близъ Могилева. 3 августа подъ Смоленскомъ бригада Г. имѣла перестрѣлку съ непріятелемъ, а 4-го, вступивъ съ войсками корпуса Раевскаго въ Смоленскъ, участвовала въ сраженіи до полуночи, когда получила приказаніе отступать. 24 августа бригада Г., усиленная 50-мъ егерскимъ полкомъ, входила въ составъ войскъ, занимавшихъ Шевардинскій редутъ и, атакованная дивизіей Кампана, держалась болѣе часа подъ убійственнымъ огнемъ, отступивъ лишь послѣ того, какъ корпусъ Понятовскаго обошелъ ея лѣвый флангъ. 26 августа полки Г. занимали мѣсто въ 26-й дивизіи, назначенной оборонять большой центральный люнетъ (батарея Раевскаго); когда непріятельскія дивизіи Жерара и Брусье начали переходить рѣчку Колочу съ цѣлью прорвать центръ русской арміи, егерскія бригады Г. и генералъ-маіора Палицына долго задерживали наступательное движеніе непріятеля, но принуждены были уступить его многочисленности и отступить на позицію. Поступивъ въ арріергардъ Милорадовича, Г. участвовалъ во всѣхъ дѣлахъ его отъ Бородина до Тарутина и 5 октября въ Тарутинскомъ сраженіи, послѣ котораго состоялъ въ летучемъ корпусѣ Платова и принималъ участіе во всѣхъ дѣйствіяхъ атамана Платова противъ отступавшихъ французовъ, при чемъ былъ контуженъ; по присоединеніи къ арміи Кутузова, Г. сражался при Красномъ, гдѣ съ успѣхомъ отражалъ атаки Нея на батареи Милорадовича. За подвиги во время преслѣдованія французовъ отъ Малоярославца до Краснаго Г. былъ награжденъ чиномъ генералъ-маіора (21 ноября 1812 г.) и орденомъ св. Анны 1 ст. (21 августа 1813 г.). Въ концѣ декабря, продолжая командовать бригадой въ дивизіи Паскевича, Г. участвовалъ въ блокадѣ Модлина, а затѣмъ уѣхалъ лѣчиться отъ контузіи и только въ концѣ 1813 г. вернулся къ своей бригадѣ, принимавшей участіе въ осадѣ Гамбурга. 13 (14) января 1814 г. онъ взялъ укрѣпленныя предмѣстья Гамбурга, Горнъ и Гаммъ, а 5 февраля отличился при ночномъ нападеніи на островъ Вильгельмсбургъ. «Въ воздаяніе отличныхъ подвиговъ мужества, храбрости и распорядительности», оказанныхъ при атакѣ Гамбурга 13 января, награжденъ орденомъ св. Георгія 3 кл. (28 января 1814 г.). По сдачѣ французами Гамбурга Г. вступилъ въ него. Вслѣдствіе уничтоженія званія шефовъ въ армейскихъ полкахъ, Г. 14 сентября сдалъ начальство надъ 5-мъ егерскимъ полкомъ его полковому командиру. Въ 1815 г. онъ совершилъ со своей бригадой походъ во Францію. 9 апрѣля 1816 г. Г. былъ назначенъ начальникомъ 27-й пѣхотной дивизіи, а 22 іюля 1817 г. — 28-й дивизіи (переименована въ 1820 г. въ 25-ю). 12 декабря 1824 г. онъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Г. пользовался особымъ довѣріемъ цесаревича Константина Павловича, который велъ съ нимъ дѣятельную секретную переписку по поводу печальныхъ событій, происшедшихъ въ арміи въ концѣ 1825 г. и началѣ 1826 г.; относящіеся къ этой перепискѣ документы опубликованы въ «Русскомъ Архивѣ» 1871 и 1902 гг. 28 января 1826 г. Г. удостоился Высочайшаго рескрипта съ изъявленіемъ признательности Императора Николая Павловича за рѣшительныя мѣры, принятыя имъ при извѣстіи о безпокойствахъ, произведенныхъ въ декабрѣ 1825 г. подъ Бѣлой Церковью. 17 апрѣля 1827 г. онъ внезапно скончался отъ паралича сердца. Надъ его могилой въ полуверстѣ отъ Дубна, близъ Брестъ-Литовской дороги, офицерами 25-й дивизіи сооруженъ памятникъ.

Гогель былъ женатъ два раза: на Маріи Александровнѣ Юній и на графинѣ Каролинѣ Антоновнѣ Молліо, по первому браку Олизаръ, и имѣлъ отъ 1-го брака сыновей Григорія (генералъ-адъютантъ, генералъ отъ инфантеріи) и Валеріана, отъ 2-го — Александра и Константина.

«Военная Галлерея Зимняго Дворца», т. I; Формул. списокъ; Лобановъ-Ростовскій, «Рус. родосл. книги», т. I. — «Военная Галлерея 1812 года». С.-Пб., 1912 г.—«Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтія», изд. Вел. Кн. Николая Михаиловича, т. III, № 59.—«Рус. Архивъ» 1871 г., стр. 257—288 («Бунтъ Черниговскаго полка»), 1902 г., т. II, 270—302 (М. Ѳ. Шугуровъ, «О бунтѣ Черниговскаго полка»).—«Военный Сборникъ» 1909 г., № 10, стр. 254, 1910 г., № 8, стр. 246.—«Военная Энциклопедія», изд. Сытина.

Н. Александровичъ.

Гогенлоэ - Вальденбургъ-Шиллингсфюрстъ (Hohenlohe-Waldenburg-Schillingsfürst), князь *Фридрихъ - Карлъ - Іосифъ*, генералъ - адъютантъ, генералъ-лейтенантъ, сынъ князя Карла (1776—1843) отъ брака съ княжной Леопольдиной Фюрстенбергъ (1791—1844), потомокъ германскаго владѣтельнаго дома, католическаго вѣроисповѣданія, родился въ Штутгартѣ 5 мая н. с. 1814 г., былъ сначала на австрійской службѣ въ 9-мъ гусарскомъ имени Императора Николая I полку и 28 августа 1837 г. опредѣленъ на русскую службу поручикомъ въ л.-гв. Гусарскій полкъ, съ назначеніемъ флигель-адъютантомъ. Въ 1838 г. принцъ Фридрихъ отправился на Кавказъ и принималъ участіе въ экспедиціяхъ противъ горцевъ, за отличіе въ которыхъ награжденъ 30 августа 1838 г. золотой саблей и орденомъ св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ. Кромѣ того, получилъ единовременно 500 червонцевъ. 14/26 декабря 1839 г. онъ сталъ главой княжескаго дома Гогенлоэ-Вальденбургъ вслѣдствіе отреченія его отца. 1 іюля 1840 г. Г. произведенъ въ штабсъ-ротмистры, съ назначеніемъ состоять по кавалеріи маіоромъ, 1 іюля 1846 г. — изъ подполковниковъ въ полковники и 1 іюля 1850 г. — въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ въ Свиту Его Величества, 26 августа 1856 г. назначенъ генералъ - адъютантомъ и 8 іюня 1864 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Въ 1866 г. получилъ орденъ св. Анны 1 ст. и въ 1874 г. — Бѣлаго Орла. Послѣдніе годы жилъ за границей, числясь по кавалеріи и получая ежегодно 7614 руб.; умеръ 14/26 декабря 1884 г. Съ 14/26 ноября 1840 г. онъ былъ женатъ на княжнѣ Терезѣ Гогенлоэ - Вальденбургъ - Шиллингсфюрстъ (1816—1891), сестрѣ канцлера, и оставилъ потомство. Князь Г. написалъ нѣсколько трудовъ по геральдикѣ: «Das Hohenlohische Wappen» (1859), «Mittelalterliche Frauensiegel», «Der sachsische Rautenkranz» (2 изд. 1863), «Zur Geschichte des heraldischen Doppeladlers» (1871), «Dreihundert mittelaterliche Siegel» (1882) и др.

Высочайшіе приказы. — Списокъ генераламъ 1882 г.—«Almanach de Gotha».—«Архивъ Раевскихъ», т. II.—Брокгаузъ-Ефронъ, «Энциклопед. Словарь», XVII. *О. Жукова.*